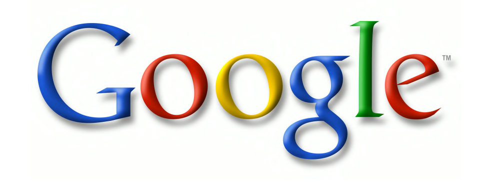
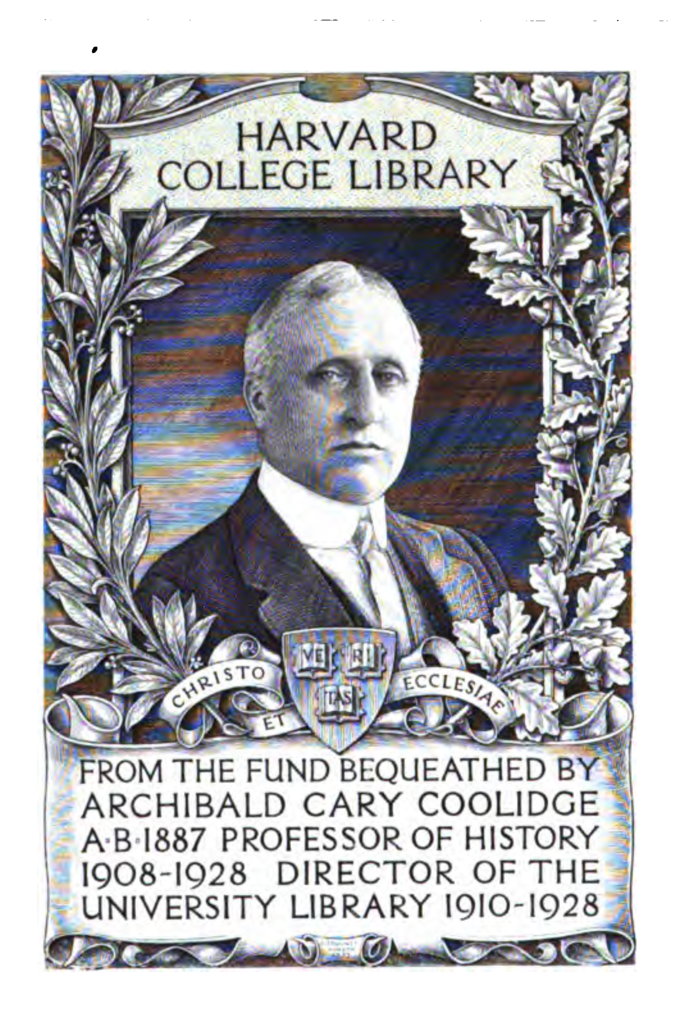

HARVARD
COLLEGE LIBRARY
VE RI TAS
CHRISTO ET ECCLESIAE
FROM THE FUND BEQUEATHED BY
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
A·B·1887 PROFESSOR OF HISTORY
1908-1928 DIRECTOR OF THE
UNIVERSITY LIBRARY 1910-1928

РУССКАЯ
МЫСЛЬ.

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

ФЕВРАЛЬ.

МОСКВА.

Типо-лит. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,

Пименовская ул., собств. домъ.

1896.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. ПИКНИКЪ. (Folle-journée). *Окончаніе.*—Д. В. Григоровича . 1

II. ИЗЪ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПЕРЕПИСКИ К. Д. КАВЕЛИНА . . . 30

III. ПЕНСІОНЕРЫ. (Разсказъ).—И. А. Салова 37

IV. КАМО ГРЯДЕШИ? (QUO VADIS). Романъ изъ временъ Нерона. Генрика Сенкевича. Переводъ съ польскаго В. М. Л. *Продолженіе* 65

V. СТИХОТВОРЕНІЕ.—П. Я. 107

VI. ТРАГИЧЕСКАЯ ИДИЛЛІЯ. (Космополитическіе нравы). Романъ Поля Бурже. Переводъ съ французскаго М. Н. Р. *Продолженіе.* 109

VII. КОРОВА. Разсказъ.—Е. П. Гославскаго 179

VIII. НЕОБХОДИМОСТЬ ОТМѢНЫ ТѢЛЕСНЫХЪ НАКАЗАНІЙ.—В. И. Семевскаго 1

IX. КАКЪ И ЧТО ЧИТАЕТЪ НАРОДЪ ВЪ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ. *Окончаніе.*—Л. С. Личкова 28

X. ПО ПОВОДУ ПРЕДСТОЯЩЕЙ РЕФОРМЫ НАШЕГО СУДОУСТРОЙСТВА. *Продолженіе.*—В. П. Даневскаго 43

XI. БЕЛЛЕТРИСТЪ-НАРОДНИКЪ. (Собраніе сочиненій П. Засодимскаго).—М. К. Цебриковой 59

XII. ІУДЕЯ И РИМЪ. (Картины античнаго міра, по Э. Ренану). *Продолженіе.*—М. Н. Ремезова 83

XIII. НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ПО ПОВОДУ СТАТЬИ Г. ОБОЛЕНСКАГО: «НОВЫЙ РАСКОЛЪ ВЪ НАШЕЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦІИ». (Письмо въ редакцію).—П. Э. Струве 100

XIV. ДВѢ ВЫСТАВКИ ВЪ МОСКВѢ ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.—В. И. А—ва 115

XV. ОЧЕРКИ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.—И. И. Иванюкова . . 128

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

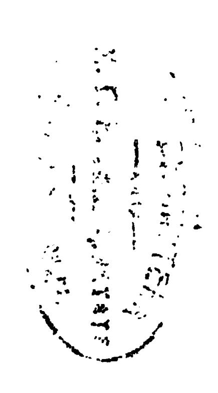
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

КНИГА II.

МОСКВА

1896.

Москва, типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. ПИКНИКЪ. (Folle-journée). *Окончаніе.*—Д. В. Григоровича . 1

II. ИЗЪ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПЕРЕПИСКИ К. Д. КАВЕЛИНА . . . 30

III. ПЕНСІОНЕРЫ. Разсказъ.—И. А. Салова 37

IV. КАМО ГРЯДЕШИ? (QUO VADIS). Романъ изъ временъ Нерона. Генрика Сенкевича. Переводъ съ польскаго В. М. Л. *Продолженіе* 65

V. СТИХОТВОРЕНІЕ.—П. Я. 107

VI. ТРАГИЧЕСКАЯ ИДИЛЛІЯ. (Космополитическіе нравы). Романъ Поля Бурже. Переводъ съ французскаго М. Н. Р. *Продолженіе.* 109

VII. КОРОВА. Разсказъ.—Е. П. Гославскаго. 179

VIII. НЕОБХОДИМОСТЬ ОТМѢНЫ ТѢЛЕСНЫХЪ НАКАЗАНІЙ. — В. И. Семевскаго 1

IX. КАКЪ И ЧТО ЧИТАЕТЪ НАРОДЪ ВЪ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ. *Окончаніе.*—Л. С. Личкова. 28

X. ПО ПОВОДУ ПРЕДСТОЯЩЕЙ РЕФОРМЫ НАШЕГО СУДОУСТРОЙСТВА. *Продолженіе.*—В. П. Даневскаго 43

XI. БЕЛЛЕТРИСТЪ-НАРОДНИКЪ. (Собраніе сочиненій П. Засодимскаго).—М. К. Цебриковой 59

XII. ІУДЕЯ И РИМЪ. (Картины античнаго міра, по Э. Ренану). *Продолженіе.*—М. Н. Ремезова 83

XIII. НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ПО ПОВОДУ СТАТЬИ Г. ОБОЛЕНСКАГО: «НОВЫЙ РАСКОЛЪ ВЪ НАШЕЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦІИ». (Письмо въ редакцію).—П. Э. Струве. 100

XIV. ДВѢ ВЫСТАВКИ ВЪ МОСКВѢ ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.— В. И. А—ва 115

XV. ОЧЕРКИ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.—И. И. Иванюкова . . 128

Стр.

XVI. НЕ ВЪ ОЧЕРЕДЬ.—В. А. Гольцева 147

XVII. КЛУБЫ ДЛЯ РАБОЧИХЪ ДѢВУШЕКЪ ВЪ ЛОНДОНѢ.—А. В. Погожевой 155

XVIII. КАРТИНКИ СОВРЕМЕННЫХЪ НРАВОВЪ.—К. М. Станюковича. 174

XIX. СПЕКТАКЛИ ЭРНЕСТО РОССИ.—И. И. Иванова 197

XX. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Русская государственная роспись на 1896 годъ. — Благопріятное состояніе финансовъ не опирается на успѣхи русскаго народнаго хозяйства.—Временныя правила относительно административной ссылки. — Второй съѣздъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію. — По поводу доклада В. А. Гольцева о положеніи учителей. — Потребительныя общества въ Россіи. — † М. О. Микѣшинъ.—† И. Н. Кушнеревъ 214

XXI. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Г. 234

XXII. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО: Бенефисъ г-жи Ермоловой въ Большомъ театрѣ: *Маріана*, драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ Хосе Эчегарайя, переводъ съ испанскаго С. А. Степановой-Марковой. Ан.—Музыкальная хроника. А. Барсова 240

XXIII. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика.—Критика и публицистика.—Философія и психологія.—Исторія, мемуары.—Географія, этнографія.—Статистика.—Юридическія книги.—Техническія книги.— Сельское хозяйство.— Народныя изданія. II. Періодическія изданія: «Русское Богатство», *декабрь*.—«Вѣстникъ Европы», *январь*.—«Сѣверный Вѣстникъ», *январь*. — «Русское Обозрѣніе», *январь*.—«Народное Образованіе», *кн. I*.—«Дѣтское Чтеніе», *январь*.—«Дѣтскій Отдыхъ», *январь*. — «Всходы», *№ 1*. — «Родникъ», *№ 1*. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 января по 1 февраля 1896 г. 49

XXIV. ОБЪЯВЛЕНІЯ 51

ПИКНИКЪ *).

(Folle-journée).

XVII.

На дворѣ было непроглядно-темно. Подъѣзжавшія тройки освѣщались только боковымъ свѣтомъ изъ сада. Лязгъ копытъ по талому снѣгу, тренканье бубенчиковъ, говоръ и восклицанія, крикливая команда Донцова, взявшаго на себя управленіе поѣздомъ, должны были сильно тревожить сонъ мирныхъ окрестныхъ жителей; но это продолжалось не долго; благодаря распорядительности Муратова и Донцова, общество усаживалось въ томъ порядкѣ, какъ желала княгиня; какъ только комплектъ былъ на-лицо, тройка отъѣзжала, давая мѣсто другой. Муратовъ, поспѣшившій занять мѣсто подлѣ Китти Елецкой, предоставилъ съ этой минуты распоряжаться одному Донцову.

— Пошелъ! Пошелъ! Держи ухо востро! Не зѣвать! — покрикивалъ Донцовъ, пропуская мимо себя одну тройку за другою.

Дождавшись послѣднихъ саней, онъ однимъ махомъ приловчился на облучкѣ и, взявъ возжи отъ ямщика, сказалъ, обратясь къ сидѣвшимъ въ саняхъ:

— Не безпокойтесь, это дѣло меня знаетъ, довезу—не услышите! Эхъ, вы голубчики!—гикнулъ онъ по-ямщицки на лошадей.

— Баринъ, вы этакъ въ канаву свернете!

— Чего?

— Въ канаву свернете.

— Ай, ай!—закричали дамы, сидѣвшія въ саняхъ,—пускай лучше ямщикъ... дайте ямщику.

— Извольте, когда такъ, извольте!—обиженно сказалъ Донцовъ, передалъ возжи ямщику, поднялъ воротникъ шубы и замолкъ.

*) *Русская Мысль*, кн. I.

Вдали слышны еще были крики: *Adieu! Adieu!*— обращавшіеся къ тѣмъ, которые отказались отъ ужина.

— *Adieu! Amusez vous bien!*—отзывались другіе голоса, удалявшіеся по дорогѣ къ городу.

— Кого мнѣ жаль,—это маленькую *Nini* Липецкую; она въ такомъ положеніи, что слѣдовало бы лучше оставаться дома,—проговорила баронесса, сидѣвшая между сановникомъ и графиней Пинской.

— Конечно, жаль,—возразилъ сановникъ,—но она попала въ заколдованный кружокъ княгини и завертѣлась.

— Мой другъ, вы съ лѣтами впадете въ сантиментальность,—глухо отозвалась графиня изъ-подъ муфты.

Шумъ удалявшихся веселыхъ троекъ постепенно ослабѣвалъ и, наконецъ, совсѣмъ умолкъ, уходя все дальше и дальше въ глубину темной, туманной ночи.

Туманъ былъ настолько густъ, что сидѣвшіе въ саняхъ увидѣли огни въ ресторанѣ Фелисьена почти въ то время, какъ стали подъѣзжать къ зданію.

Фелисьенъ распорядился отлично; онъ, можно сказать, сотворилъ чудо, если взять во вниманіе, что достаточно было ему шести часовъ времени, чтобы приготовить на двадцать персонъ ужинъ изъ экстренныхъ припасовъ, потребовавшихъ поѣздку въ городъ. Онъ зналъ, впрочемъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Князь никогда прежде къ нему не заглядывалъ, но земля слухомъ полнится. Фелисьену хорошо была знакома разница между нимъ и тѣми лицами его круга, которыя являются въ ресторанъ, смущаютъ всѣхъ своими требованіями, а когда приходитъ дѣло къ расплатѣ, велятъ записывать на счетъ—и безъ того уже весьма длинный. Счеты князя уплачивались на-чистоту, безъ затрудненій, для этого стоило только *повести политику* съ Ильей, которому всегда было извѣстно, когда князь при деньгахъ, и умѣвшему пользоваться такими случаями.

Фелисьенъ, выбѣжавшій встрѣчать гостей, не успѣлъ помочь высаживать пріѣхавшихъ съ послѣдней тройкой, какъ уже лица, пріѣхавшія первыми, шумно размѣщались вокругъ ярко освѣщеннаго стола, украшеннаго посерединѣ корзинкой съ цвѣтами, а покраю маленькими букетами, обозначавшими мѣста для дамъ.

Генералъ, замѣтно начинавшій припадать на ноги, усѣлся подлѣ княгини; другимъ сосѣдомъ пригласила она длиннаго секретаря посольства, графа Гукъ, недавно пріѣхавшаго и завербованнаго въ ея кружокъ вмѣстѣ съ другимъ иностранцемъ, виконтомъ де-Бри. Лина Гдовская, перемѣнившая нѣсколько сигаретокъ во время пути и те-

перь продолжавшая мѣнять одну папиросу за другою, пригласила сѣсть подлѣ себя виконта, болтавшаго съ ней безъ умолку. Противъ нихъ, по ту сторону стола можно было любоваться миловиднымъ дѣтскимъ лицомъ *Nini* Липецкой; забывая, повидимому, свое интересное положеніе, она никому не уступала въ веселости; смѣшливая по характеру и поминутно возбуждаемая фарсами Донцова, она смѣялась безъ умолку, отмахиваясь отъ него вѣеромъ. Барышня *fin de siècle* Лу-лу, не имѣвшая возможности отдѣлаться отъ услужливости барона Зауера и опасаясь скуки такого сосѣдства, готовилась подозвать Муратова, но тотъ подставлялъ стулъ Китти Елецкой и въ то же время посылалъ руками и глазами сочувственные знаки другимъ парамъ съ сидѣвшимъ между ними княземъ Можайскимъ. Онъ одинъ казался непрошеннымъ гостемъ посреди оживленнаго общества. Его молчаливость, болѣзненно-тощее лицо, опущенное надъ тарелкой, внушило Донцову сравнить его на ухо сосѣдкѣ съ тоскливымъ больнымъ чижикомъ.

Какъ всегда бываетъ въ сборищахъ такого рода во время ужина, говоръ и хохотъ усиливались по мѣрѣ того, какъ вино убавлялось въ бутылкахъ. Неожиданно, на минуту, все смолкло.

Причиной этого былъ лакей, вошедшій съ телеграмой на имя князя.

Всѣмъ присутствующимъ было извѣстно, что дядя князя при смерти, и всѣхъ въ эту секунду соединила одна общая мысль: «Не пришло ли извѣстіе о его кончинѣ? Вотъ было бы кстати!» Больше другихъ встревожилась княгиня.

— Что дядя?— спросила она, нетерпѣливо глядя на мужа.

— Очень плохъ... ему хуже...

— Ну, слава Богу!—вырвалось нечаянно у княгини.

— Какъ?—раздалось нѣсколько удивленныхъ голосовъ.

— Нѣтъ, не то... *Je voulais dire*: Слава Богу, что онъ живъ!— спѣшила она поправиться.

Обрадованная извѣстіемъ, она снова такъ же неожиданно возвратилась къ веселости и на радостяхъ попросила генерала положить ей вторично на тарелку салата изъ омаровъ.

— Ни за что! Ни за что! — съ преувеличенной заботливостью заговорилъ генералъ, отодвигая салатникъ,—вы уже разъ кушали,—довольно! Не хочу быть причиной вашего нездоровья! Скорѣй отрѣжу себѣ мизинецъ.

— Пустяки... Пустяки... Я хочу... Если вы отказываетесь, попрошу сосѣда.

— *Pardon*... присоединяюсь къ генералу,—произнесъ съ нѣж-

ностью въ голосѣ и по-французски графъ Гукъ, вытягивая длинную свою шею и улыбаясь.

— Позвольте, позвольте!—неожиданно воскликнулъ Донцовъ, вскакивая съ мѣста. Онъ мигомъ обѣжалъ вокругъ стола и остановился за спиною княгини.

— Въ экстренныхъ случаяхъ, когда надо спасать, прибѣгаютъ обыкновенно къ энергическимъ мѣрамъ,—провозгласилъ онъ торжественно,—и вотъ! Вотъ, вотъ, что надо дѣлать!—добавилъ онъ, опуская два пальца въ салатникъ.

— *Cochon!*—крикнула княгиня, подымая вѣеръ, причемъ Донцовъ, съ комической покорностью, наклонилъ свою курчавую голову.

— Жестъ энергическій, но полезный,—смѣясь замѣтилъ Муратовъ,—вы спасены княгиня! Омары свѣжи безъ сомнѣнія; ихъ даже живыми положили въ кострюлю. Но это все равно: съ омарами бываетъ то же, что съ людьми: живой, да не свѣжій.

Онъ украдкой прищурилъ глаза по направленію къ крашеному генералу, продолжавшему нашептывать что-то своей сосѣдкѣ.

— *Qu'est ce qu'il dit?*—спрашивалъ поминутно маркизъ де-Бри, наклоняясь къ Линѣ Гдовской, спѣшившей удовлетворять любознательности иностранца.

— Ты, Мими, своимъ салатомъ помѣшала только Донцову. Онъ собирался что-то разсказать,—проговорила хорошенькая *Nini* Липецкая.

— Правда? Ну, гадкій, разсказывайте!

— Повинуюсь, — произнесъ «гадкій», скрещивая на груди руки, какъ дѣлаютъ, когда просятъ благословенья.—Итакъ, не называя лицъ по имени, господинъ N,—скажемъ,—питалъ въ душѣ нѣкоторое подозрѣніе насчетъ своей благовѣрной. Желая провѣрить, на сколько они были основательны, онъ прибѣгнулъ къ старинному методу: сказалъ, что уѣзжаетъ въ Царское Село по важному дѣлу,—а часъ спустя, тихонько, пробрался въ свою квартиру помощью ключа, который постоянно носилъ въ жилетномъ карманѣ. Прислуги не оказалось,—это усилило его подозрѣнія. Едва переводя духъ, подходитъ онъ на цыпочкахъ къ двери будуара, гдѣ протекло у него столько счастливыхъ минутъ. Гм! гм... Осторожно прикладываетъ ухо... за дверью слышится знакомый мужской голосъ. Неожиданно раздается поцѣлуй. Онъ врывается въ будуаръ и прямо наталкивается на одного изъ своихъ пріятелей. Жена, между тѣмъ, бросается на шею мужа и, заливаясь слезами, вскрикиваетъ:—Мой другъ! клянусь тебѣ, это клевета!...

— Старый анекдотъ! — воскликнула княгиня, — его разсказывалъ мой дѣдушка, которому, въ свою очередь, разсказывала его бабушка.

— Можетъ быть, только онъ на-дняхъ повторился! — съ увѣренностью заступился Донцовъ.

— Пустяки, пустяки! все это вы выдумали, — заговорила Лина Гдовская съ такой горячностью, какъ будто себя защищала, — такихъ глупыхъ женщинъ и такихъ дураковъ мужей никогда не было...

— Объ этомъ можно еще поспорить, — замѣтилъ Муратовъ.

— Какъ? Вы, — вы, Муратовъ, этому вѣрите?

— Не утверждаю, что вѣрно безусловно. Но... могло случиться.

— Подите! Подите!... Извѣстно впрочемъ: вы ни во что не вѣрите!...

— Смотря потому... — проговорилъ смѣясь Муратовъ, — вѣра исчезаетъ съ опытностью жизни. Можно дойти до того, говорятъ, что перестаешь вѣрить въ искренность улыбки новорожденнаго младенца, сосущаго грудь кормилицы.

— О!... О!... *C'est trop fort!* — послышалось вокругъ.

— Но позвольте! Позвольте, — подхватилъ Муратовъ, видя, что глаза присутствующихъ обратились въ его сторону, — вы не дали договорить до конца: мое недовѣріе простирается въ особенности къ мужчинамъ, справедливо названнымъ скверной половиной рода человѣческаго. Женщины — совсѣмъ другое дѣло: я всегда готовъ имъ больше вѣрить! Самая плохонькая изъ нихъ лучше хваленаго мужчины, — лучше уже потому, что способна сильнѣй любить. Женщина, вообще, честнѣй, благороднѣе, искреннѣе.

— Браво! Браво... — раздалось вокругъ съ присовокупленіемъ постукиванья въ стаканы и тарелки.

Крашеный генералъ бросилъ завистливый взглядъ на Муратова.

— Все, что вы говорите, справедливо, — сказалъ онъ, — но, сколько помнится, въ то время, какъ у княгини зимою давали балетъ, — и наши милыя дамы въ немъ участвовали, — вы были къ нимъ строже.

— Совершенно вѣрно, — бойко возразилъ Муратовъ, — но тутъ маленькое недоразумѣнье: я дѣйствительно нападалъ на нашихъ милыхъ дамъ. Но только за ихъ длинныя юпки, мѣшавшія любоваться ихъ ножками.

— *Toujours galant... toujours!* — кисло-сладкимъ голосомъ отозвался генералъ.

— Кстати, княгиня, о балетѣ,—подхватилъ Муратовъ,—я на дняхъ заѣзжалъ къ Петипа поговорить на счетъ балета для будущей зимы.

— Совершенно напрасно,—перебила съ живостью княгиня,—я перемѣнила мысль. Съ балетомъ всегда столько споровъ и непріятностей. Я придумала устроить циркъ вродѣ того, какъ устроилъ въ Парижѣ графъ Морьеръ. Мысль эта пришла мнѣ на прошлой недѣли въ *Concours Epique; Concours Epique*...—какъ это по-русски?

Вопросъ этотъ былъ точно сигналомъ; въ разныхъ концахъ стола раздались голоса:

— Лошадиный конкурсъ.

— Гиппическія скачки.

— Лошадиныя скачки.

— Конкурсъ кавалеристовъ.

— Коннозаводство, — брякнулъ Донцовъ, разражаясь хохотомъ.

— Конское состязаніе,—подсказалъ Муратовъ.

— Какъ бы тамъ ни было, *cela m'est égal*,—заключила княгиня,—я увѣрена, циркъ будетъ веселѣе балета.

— Завтра же начну учиться ходить по канату, — крикнулъ Донцовъ.

— Я заказываю себѣ амозонку и явлюсь дѣлать *la haute école*,—провозгласила Лина Гдовская.

— Роль жонглера я возьму на себя,—сказалъ Муратовъ, схватывая два апельсина и показывая видъ, что жонглируетъ.

— Клоуномъ будетъ Кокò. Но что съ нимъ сегодня?—сказала княгиня,—онъ на себя не похожъ. *Nini*,—онъ твой сосѣдъ, ущипни его хорошенько. *Voyons Coco*,—всѣ ждутъ; *un bon mouvement! Le lever du soleil*!...

— Да, да, восходъ солнца,—заговорили вокругъ.

Угодливый Фификовъ замѣтно былъ не въ духѣ,—слишкомъ много было у него сегодня соперниковъ,—но онъ не заставилъ долго просить себя.

Онъ поставилъ передъ собой два канделябра, оставивъ между ними промежутокъ, послѣ чего, быстро юркнулъ подъ столъ; минуту спустя, надъ краемъ стола медленно стала показываться рыжеватая маковка его головы, лобъ, выпученные глаза, неподвижно обращенные къ потолку, приплюснутый носъ и, наконецъ, открылась остальная часть глупо улыбающагося лица.

Въ то время, какъ Фификовъ выдѣлывалъ свою штуку, сопро-

вождаемую хохотомъ, генералъ, давно бодрившійся противъ овладѣвавшаго имъ изнеможенія, украдкой вынулъ изъ бокового кармана часы и шепнулъ, наклоняясь къ сосѣдкѣ:

— Княгиня... второй часъ.

— Такъ что-жъ? Поздно? *Quelle folie*... Смотрите какой дурной примѣръ вы всѣмъ подаете.

Дѣйствительно, стулья задвигались, и многія лица начали покидать свои мѣста. Княгиня также встала.

— *Lachez le*... отпустите его грѣшнаго,—шепнулъ ей проходя мимо Муратовъ.

— Вы, я вижу, хотите мнѣ измѣнить,—сказала она съ притворнымъ участіемъ.

— Я... Никогда!... *jusqu'à la mort!*... едва слышно проговорилъ генералъ, наклоняясь къ ея уху.

— Мы сейчасъ ѣдемъ къ цыганямъ; — это въ нашей программѣ.

При этомъ извѣстіи у генерала зарябило въ глазахъ и подкосились ноги. Желая скрыть внезапно овладѣвшее имъ состояніе духа и тѣла, онъ съ видомъ покорности поспѣшилъ припасть губами къ рукѣ княгини. Воспользовавшись удобной минутой,—онъ, однакожъ, отступилъ къ двери и незамѣтно скрылся.

XVIII.

Почти въ ту же минуту, на противоположномъ концѣ залы, распахнулась дверь, и въ ней показалась рослая фигура Байдарова. Онъ грузно переваливался съ ноги на ногу; красивое лицо его отливало багровымъ глянцемъ; глаза мутно, сонливо старались разглядѣть присутствующихъ. Двое изъ безсмѣнныхъ его прихлебателей,толкавшіеся въ дверяхъ за его спиной, были, повидимому въ такомъ же почти невмѣняемомъ состояніи.

— Ба?... Какъ?... Откуда?... посыпались вопросы.

Байдаровъ ограничился тѣмъ, что поднялъ къ потолку указательный палецъ, давая знать, что находился на верху въ отдѣльной комнатѣ.

— *Joli coco!*—нечего сказать, полусердито, полусмѣясь, заговорила княгиня,—что ты сдѣлалъ съ Пузыревымъ?... Испортилъ нашъ котильонъ! я тебѣ никогда этого не прощу.

Вмѣсто отвѣта, Байдаровъ колыхнулся въ сторону, забросилъ обѣ руки за шею и протяжно зѣвнулъ.

— *Oh que je m'embête, que je m'embête*,— проговорилъ онъ, потягиваясь.

— Очень любезно.

— *Je m'en fiche bien!*—перебилъ Байдаровъ, умышленно усиливая зѣвоту.

— Ѣхалъ бы лучше домой,—сказала княгиня.

Она хотѣла прибавить: «чѣмъ быть грубымъ и пьянымъ», но остановилась, опасаясь какой-нибудь эксцентрической выходки со стороны зятя своего мужа.

— Ѣхалъ бы домой и по дорогѣ завернулъ бы къ дядѣ Аѳанасію. Онъ очень плохъ.

— *L'oncle Athanase*, — воскликнулъ Байдаровъ, — *crac, crac... ramoli le cher oncle...* размягчился. Окончательно размягчился. *Il va claquer!... A! Cocó,* и ты здѣсь. *Viens avec nous, Cocó...*

Фификовъ, которому Байдаровъ особенно почему-то покровительствовалъ,—два раза даже бралъ съ собою въ Парижъ и тамъ содержалъ на свой счетъ,—слишкомъ цѣнилъ такое покровительство, чтобы не угождать богачу-самодуру. Фификовъ сдѣлалъ выразительный жестъ по направленію удалявшейся княгини и, выждавъ минуту, когда она скрылась изъ залы,—побѣжалъ къ Байдарову, выказывая радостные знаки.

Общество княгини было уже въ прихожей и одѣвалось.

За дверью подъѣзда слышались голоса кучеровъ, топотъ лошадей и тренканье бубенчиковъ.

— Славный былъ ужинъ!—сказалъ Муратовъ, заботливо укутывая Китти Елецкую, но обращаясь къ подходившему князю Можайскому,—порядочно чай содралъ съ тебя Фелисьенъ. Во что обошлось?

— Право не знаю,—неохотно, какъ бы черезъ силу, отвѣчалъ князь,—я велѣлъ подать счетъ Ильѣ.

Князь кряхтѣлъ и ежился; онъ едва держался на ногахъ отъ утомленья. Послѣдній этотъ мѣсяцъ съ его непрерываемыми танцовальными утрами, введенными въ моду его женою, завтраками и домашними спектаклями, живыми картинами, зваными обѣдами и балами до разсвѣта,—уходилъ его окончательно. А тутъ, Господи!—выдумали еще ѣхать къ цыганамъ! Онъ напрягалъ остатокъ силъ, чтобы отдѣлаться, придумалъ даже причину: необходимость навѣстить умирающаго дядю, — но въ послѣднюю, рѣшительную минуту, у него не хватило рѣшимости. Онъ сѣлъ въ сани, зажмурилъ глаза и ушелъ съ носомъ въ воротникъ шубы. Онъ высунулся на воздухъ, когда тройка, внезапно остановившись на всемъ ходу, чуть не выбросила его изъ саней вмѣстѣ съ другими спутниками.

— Стой!—Стой!...—слышались голоса въ передовой части поѣзда.

Неожиданность остановки и послѣдовавшіе затѣмъ крики привели большую часть ѣхавшихъ въ недоумѣнье; мысль, не случилось ли чего-нибудь неблагопріятнаго, мелькнула даже въ головѣ тѣхъ, кто чувствовалъ себя послѣ ужина въ особо игривомъ настроеніи, болталъ зря, на-обумъ и хохоталъ безъ всякой причины. Кромѣшная тьма съ надбавкой тумана, не позволявшія различать лица сидѣвшихъ рядомъ, начинали вселять нѣкоторый страхъ въ сердца дамъ. Къ счастью, все скоро разъяснилъ Донцовъ, перебѣгавшій отъ однѣхъ саней къ другимъ.

Княгинѣ, сидѣвшей въ первыхъ саняхъ съ *Nini* Липецкой, Китти Елецкой и Муратовымъ, случайно бросился въ глаза рядъ огней, тускло мелькавшихъ въ отдаленьи; узнавъ, что огни обозначаютъ катальныя горы на Крестовскомъ островѣ, ей сейчасъ же пришла фантазія туда заѣхать, и она приказала ямщику остановить лошадей.

Новая затѣя неугомонной княгини, передаваясь, такимъ образомъ, остальнымъ лицамъ,—возвратила всѣмъ прежнюю веселость.

Во всемъ поѣздѣ одинъ князь не отозвался сочувственно на призывъ жены. Онъ не промолвилъ однакожъ ни слова, только крякнулъ, тоскливо прошепталъ:—«О, Господи! Господи!...» и спряталъ лицо въ воротникъ шубы, какъ только снова поскакали тройки и зазвенѣли бубенчики.

XIX.

Съ приближеніемъ веселаго общества къ цѣли новой забавы, катанье съ горъ, продолжавшееся далеко за полночь по случаю масляницы, подходило къ концу; плошки вдоль горъ начинали гаснуть; другія только дымились, распространяя вокругъ вонь и чадъ, хватавшіе за горло. Тѣни отъ катальщиковъ, съ санками на плечахъ, причудливо колыхались, вытягиваясь по вытоптанному снѣгу. Послѣдніе посѣтители горъ, состоявшіе изъ компаніи подгулявшихъ нѣмцевъ, грузно усаживались въ сани; лицъ не видно было; слышались лишь хриплые голоса, призывавшіе какого-то швагера Карла, танту Каролину и фрейлейнъ Лотхенъ. На нихъ не обратили почти вниманья. Всѣхъ занимала хлопотливая распорядительность Донцова, которому Муратовъ, не отходившій отъ своей дамы, охотно уступилъ роль распорядителя. Никто, кромѣ Донцова, не могъ

бы такъ успѣшно ею воспользоваться. Онъ метался изъ конца въ конецъ, тормошилъ служителей горъ,—посылалъ, кого расчищать наскоро ледъ, кого съ санками на верхнія площадки павильоновъ, кого въ сосѣдній трактиръ за керосиномъ для подновленія угасавшей иллюминаціи.

Не прошло десяти минутъ, все вокругъ приняло оживленный видъ. Огни снова ярко вспыхнули, распуская въ туманѣ колеблющіяся красноватыя пятна; тѣни, отбрасываемыя лошадьми, снующими катальщиками и пріѣхавшими гостями, сдѣлались еще длиннѣе и причудливѣе; въ туманѣ, низко лежавшемъ надъ освѣщеннымъ пространствомъ горъ, дрогнуло красноватое трепещущее зарево. Ночь какъ будто нѣсколько отдѣлилась; но въ двадцати шагахъ сильнѣй сгущался мракъ; ему, казалось, конца уже не было до самаго края свѣта.

По крутой деревянной лѣстницѣ подымавшейся къ верхней платформѣ павильоновъ, раздавались торопливое, учащенное постукиванье каблуковъ, говоръ, пугливыя женскія восклицанія, хохотъ.

— Тише, *mesdames*. Не такъ скоро. На ступенькахъ ледъ. Насъ никто не подгоняетъ. Успѣемъ,—заботливо говорили мужчины, поддерживая дамъ и, въ тоже время, пользуясь темнотою ночи, чтобы нѣжно пожимать ввѣренные имъ руки и локти.

— *Nini*, куда ты торопишься?... Осторожнѣй. Ты знаешь, въ твоемъ положеніи это очень вредно... нашептывала княгиня Можайская, наклоняясь къ хорошенькой Липецкой, которая, въ дѣтскомъ нетерпѣніи попасть скорѣй на платформу, подымалась дѣйствительно слишкомъ скоро.

Давая благоразумный совѣтъ, княгиня, между тѣмъ, сама захватывала по двѣ ступеньки разомъ; ей во что бы ни стало хотѣлось поспѣть первой.

— *Eh bien lambins!* Неповоротливые и сонные! А я и *Nini* уже здѣсь!—крикнула она съ верхней ступеньки.

— А меня не считаете?—проговорилъ, подскакивая, Донцовъ.—Нѣтъ, нѣтъ, княгиня, позвольте. Это не порядокъ!... Я не допущу... подхватилъ онъ, отстраняя катальщика,—я первымъ сюда вбѣжалъ, и первый долженъ прокатить васъ. Извольте-ка садиться.

Живо подобравъ полы шубы и юпки, княгиня сѣла въ санки, поддерживаемая Донцовымъ; онъ уладился за ея спиною, надѣлъ рукавицы, и они покатились.

За ними покатилась *Nini* Липецкая съ катальщикомъ; за ними Муратовъ съ Китти Елецкой; Лина Гдовская съ длиннымъ секрета-

ремъ посольства и, наконецъ, всѣ остальные кромѣ князя и барона Зауера. Первый присѣлъ на лавочку, закутавшись въ шубу; второй думалъ было пригласить барышню Лу-Лу, но въ послѣднюю минуту имъ овладѣла неувѣренность въ умѣньи управлять санями, и онъ предпочелъ смотрѣть, какъ будутъ скатываться другіе.

Санки съ сидѣвшими на нихъ возвращались однѣ за другими, и лѣстницы не переставали гремѣть подъ торопливыми шагами. Такъ продолжалось минутъ двадцать. Донцовъ всякій разъ выкидывалъ какую-нибудь новую штуку. Такъ разъ, поднявшись въ павильонъ, онъ бросилъ на полъ коврикъ отъ саней, легъ на него животомъ, поднялъ руки, подогнулъ ноги и въ такомъ видѣ скатился внизъ; въ другой разъ, онъ сѣлъ въ плетушку, скрестивъ ноги по-турецки и вертясь, волчкомъ, слетѣлъ по ледяному скату. Онъ потребовалъ, наконецъ, большія сани, въ которыя могли бы усѣсться шесть-восемь человѣкъ, увѣряя, что скатываться цѣлыми партіями въ тысячу разъ забавнѣе, чѣмъ катиться парами. Мысль эта всѣмъ очень понравилась. Появленіе саней на верхней площадкѣ встрѣчено было радостными восклицаніями.

Княгиня усѣлась въ нихъ первая, за ней поспѣшила *Nini* Липецкая, Лина Гдовская, барышня Лу-лу, два секретаря посольства и баронъ Зауеръ, рѣшившійся, наконецъ, послѣ колебанья послѣдовать общему примѣру. Санями взялся управлять Донцовъ.

— Меня это дѣло хорошо знаетъ!—похвалялся онъ, плюя въ рукавицы,—держитесь только... прокачу на славу!!..

— *Allons!*—скомандовала княгиня.

Сани покатились, но нѣсколько секундъ спустя, у подошвы ската внезапно раздался трескъ, послышались крики и визгъ женскихъ голосовъ. Муратовъ, приготовившійся посадить въ маленькія сани даму своего сердца, князь и остальныя лица, находившіяся наверху, поспѣшили сойти внизъ и тамъ бѣгомъ пустились къ мѣсту суматохи. При свѣтѣ плошекъ и фонаря въ рукахъ прибѣжавшаго сторожа, они увидѣли прежде всего опрокинутыя на-бокъ сани, княгиню отряхающуюся отъ снѣга, длинныя ноги одного изъ иностранныхъ секретарей, придавленнаго барономъ; подлѣ выглядывала голова Донцова, выбивавшагося изъ силъ, чтобы высвободить руки изъ юбокъ и шубъ Лулу и г-жи Гдовской; третьей дамой была хорошенькая *Nini* Липецкая; она лежала въ двухъ шагахъ дальше на льду, держалась рукою за бокъ и тяжело стонала.

Княгиня бросилась къ ней, призывая на помощь; но Муратовъ и двое другихъ мужчинъ опередили ее; почти въ то же время под-

бѣжали остальные. Между ними не видно было только Донцова; едва очутился онъ на ногахъ, какъ уже пропалъ куда-то и больше не показывался. Всѣ внутренно радовались, что отдѣлались однимъ испугомъ, если не считать барона, усиленно прижимавшаго платокъ къ щекѣ, и длиннаго секретаря, который бодрился, но замѣтно припадалъ на одну ногу. Высказывая громкія сожалѣнія несчастному случаю, охая и вздыхая, присутствующіе давали дорогу четыремъ мужчинамъ, выносившимъ на рукахъ Липецкую, продолжавшую тяжело стонать.

Подлѣ нея, также вздыхая и охая, шла княгиня Можайская.

Минуту спустя, *Nini*, съ которой сдѣлался обморокъ, уложили въ сани между княгиней и княземъ, имѣвшимъ совершенно растерянный видъ; къ нимъ собиралась сѣсть Китти Елецкая, но Муратовъ тронулъ ее украдкой за локоть, и она отошла въ сторону; ее замѣнили другія двѣ дамы. Сани тронулись и тотчасъ же почти пропали въ туманѣ.

Между оставшимися лицами предстояло теперь рѣшить вопросъ: что дѣлать? Разъѣзжаться ли по домамъ, или продолжать програму, предложенную отсутствующею княгиней,—и ѣхать къ цыганамъ?

Но такъ какъ общество, кромѣ двухъ иностранцевъ, состояло изъ русскихъ,—оно весьма натурально, не могло придти къ единодушному соглашенію; тотчасъ же образовались двѣ партіи: одна, руководимая г-жей Гдовской и Муратовымъ, рѣшила ѣхать къ цыганамъ; другая, ссылаясь на поздній часъ и усталость, рѣшила ѣхать домой. Къ послѣдней принадлежали барышня Лу-лу и баронъ, жаловавшійся на ушибъ, но, въ сущности, желавшій избѣжать расхода въ цыганскомъ таборѣ.

Всѣ разошлись однако-жъ очень дружелюбно. Нѣсколько минутъ спустя, плошки были погашены, катальщики и служители разбрелись по домамъ, и горы исчезли въ ночной темнотѣ.

Былъ уже пятый часъ ночи, когда тройка князя Можайскаго остановилась у подъѣзда его дома. Княгиня осталась ночевать у Липецкой, опасаясь оставить ее одну; мужъ *Nini* уѣхалъ три дня назадъ въ Лугу на медвѣжью охоту и съ тѣхъ поръ еще не возвратился.

Шумъ подъѣхавшихъ саней разбудилъ трехъ спавшихъ лакеевъ; они выбѣжали на улицу и, высаживая князя, скороговоркой доложили:

— Ваше сіят-ство!,—дяденька Аѳанасій Ѳедоровичъ изволили скончаться.

У князя едва достало силы поднять голову и спросить:—Когда?

— Въ самую полночь, ваше сіят-ство!...

Кончина дяди ожидалась съ часу на часъ; извѣстіе о ней слабо отозвалось на племянникѣ потому также, что въ настоящую минуту все его существо поглощалось одною мыслью: добраться скорѣй до спальной и лечь въ постель.

Желаніе это было настолько настойчиво, что придало ему силы подняться съ неожиданною бодростью до второго этажа.

Илья, со свѣчкой въ рукѣ, встрѣтилъ его въ дверяхъ кабинета. Соколиныя глаза камердинера слипались отъ сна, хотя ему было весьма спокойно дожидаться возвращенія барина, сидя въ вольтеровскихъ креслахъ передъ каминомъ; онъ находилъ, что лѣтà берутъ своё и чувствовалъ утомленье.

— Ваше сіят-ство, Аѳанасій Ѳедоровичъ изволили скончаться.

— Знаю... знаю... Раздѣваться... скорѣй...—возразилъ князь, опускаясь въ изнеможеніи въ ближайшее кресло.

Уложивъ князя, Илья взялъ свѣчку, но прежде, чѣмъ выйти, остановился въ дверяхъ и внушительно проговорилъ:

— Ваше сіят-тство, завтра въ часъ панихида.

— Хорошо, ступай... Господи,—простоналъ князь,—ни минуты покоя!... Завтра опять... Ни минуты... Это чортъ знаетъ что такое!!..

Онъ закрылъ глаза, старался заснуть и не могъ. Вмѣсто сна, имъ овладѣло томительное полузабвенье, въ которомъ повторялись, безпрестанно путаясь, самыя разнообразныя впечатлѣнія: то представлялась ему ярко-освѣщенная, душная до изнеможенія зала и въ серединѣ ея г-жа Гдовская съ закуренною папироской во рту, пляшущая съ Донцовымъ какую-то бѣшеную сарабанду... Музыку замѣняли сотни бубенчиковъ, и звукъ ихъ болѣзненно отзывался во всѣхъ его суставахъ... То мерещился рядъ огней, колеблющихся въ туманѣ, катальныя горы, опрокинутыя сани и подлѣ—лежавшій на льду, только что скончавшійся дядя...«*L'oncle Athanase! L'oncle Athanase!!*... пронзительно кричала подъ ухомъ княгиня... И онъ вскидывался отъ сна, торопливо ощупывая постель и проводя ладонью по мокрому лбу. Наконецъ все вокругъ успокоилось, и онъ заснулъ крѣпкимъ сномъ праведника.

XX.

Прошло три дня. Въ десятомъ часу утра, вдоль платформы на станціи петергофской желѣзной дороги, вытягивался длинный экстренный поѣздъ. Со стороны города, къ подъѣзду станціи, то и

дѣло подкатывали кареты съ сидѣвшими на козлахъ, рядомъ съ кучеромъ, выѣздными ливрейными лакеями. Дамы, выходившія изъ экипажей, были въ глубокомъ трауръ; мужчины тоже: статскіе въ бѣлыхъ галстукахъ и треугольныхъ шляпахъ съ плюмажемъ и цилиндрахъ, обвязанныхъ крепомъ; военные въ парадной формѣ, лентахъ, звѣздахъ, орденахъ всѣхъ возможныхъ величинъ и происхожденій. Первые имѣли большею частью раскислый, ворчливый видъ; вторые казались добрѣе—по привычкѣ вѣроятно вставать раньше первыхъ. Даже старые между ними съ особенною ловкостью высаживали дамъ, подставляли руку, помогая имъ подыматься по ступенькамъ подъѣзда.

Тутъ можно было встрѣтить всѣхъ почти лицъ, участвовавшихъ въ пикникѣ три дня тому назадъ. Недоставало только хорошенькой *Nini* Липецкой, такъ неблагополучно выброшенной изъ саней; недоставало Донцова и Байдарова. Послѣдній, какъ вскорѣ объяснилось, ни въ какомъ случаѣ не могъ присутствовать; на другой день послѣ пикника, разсердившись на своего куафера, онъ далъ ему съ горяча пощечину, подарилъ тысячу рублей,—и, вчера утромъ, съ курьерскимъ поѣздомъ уѣхалъ въ Парижъ, захвативъ съ собой одного изъ ближайшихъ своихъ прихлебателей и также Фификова.

Но участники пикника составляли меньшую часть собравшейся публики.

Ровно въ десять часовъ прозвучали три сигнальные звонка, раздался свистъ, поѣздъ дрогнулъ и покатился.

Въ отдѣленіи одного изъ вагоновъ помѣстились княгиня Можайская, ея мужъ, Ольга Минская и еще нѣсколько другихъ родственниковъ. Между ними особенно выдѣлялся бѣлокурый мужчина лѣтъ тридцати пяти, плотный, свѣжій, румяный, съ мягкими чертами на кругломъ лицѣ, оживленномъ голубоватыми свѣтлыми глазами. Онъ былъ сынъ родной сестры покойнаго, доводился ему ближайшимъ родственникомъ и былъ его наслѣдникомъ. Принадлежалъ онъ старинному дворянскому роду Саблуковыхъ и независимо отъ наслѣдства послѣ дяди, самъ по себѣ имѣлъ отличное состояніе. То и другое не помѣшало ему блистательнымъ образомъ пройти университетскій курсъ и получить званіе кандидата. Благодаря связямъ и состоянію, ему представлялась видная служебная карьера; онъ и началъ было ее, поступивъ въ одинъ полкъ съ двоюроднымъ братомъ княземъ Можайскимъ, но вскорѣ почему-то оставилъ службу, уѣхалъ въ одно изъ своихъ помѣстій и съ увлеченіемъ занялся хозяйствомъ. Зимой проживалъ онъ въ Москвѣ, изрѣдка

наѣзжалъ въ Петербургъ, чтобы повидаться съ родственниками. Саблуковъ особенно часто видѣлся съ княземъ. Онъ зналъ его съ дѣтства, жилъ съ нимъ вмѣстѣ, когда князь, до женитьбы, служилъ въ полку; несмотря на крайнее несходство умственнаго развитія и характера, Саблуковъ сохранилъ къ двоюродному брату теплое товарищеское чувство; оно усилилось послѣ женитьбы князя,— усилилось жалостью къ этому безсильному, разслабленному, лишенному воли человѣку, которымъ всѣ пользовались, котораго кругомъ обкрадывали, объѣдали и вели къ прямому разоренью.

Саблуковъ пріѣхалъ въ Петербургъ двѣ недѣли тому назадъ, вызванный по телеграфу. Онъ неотлучно находился при больномъ дядѣ, руководясь въ этомъ случаѣ скорѣе чувствомъ долга приличія, чѣмъ любовью къ родственнику, котораго хотя и зналъ близко, но не цѣнилъ особенно. Онъ отходилъ отъ постели больного на короткіе сроки и для того только, чтобы дѣлать самые необходимыя визиты.

— Вотъ вы всѣ хвалите вашъ Петербургъ... Хорошъ, нечего сказать!!.. Хороша также ваша Масляница!—проговорилъ онъ, добродушно улыбаясь:—когда я покидалъ Москву, солнце свѣтило великолѣпно, на голубомъ небѣ ни облачка.

— Подумаешь, право, разсказываетъ про Палермо или Ниццу,—замѣтилъ одинъ изъ сидѣвшихъ.

— Палермо не Палермо,—а все же лучше вашего Петрограда! Посмотрите!—добавилъ Саблуковъ, указывая глазами на окна вагоновъ, мимо которыхъ летѣли, волнуясь, хлопьи тумана, разсѣкаемаго стремленіемъ поѣзда,—вотъ воздухъ, которымъ вы дышите на вашей тундрѣ! Я здѣсь всего двѣ недѣли и достаточно-таки насмотрѣлся: въ первые дни морозъ въ двадцать градусовъ съ вѣтромъ, потомъ метель,—да еще какая! ни дать ни взять сибирская пургà,— а теперь вдругъ все размокло, да въ придачу еще сѣрый, липкій туманъ!... Нѣтъ, воля ваша, у васъ чувствуешь себя какимъ-то придавленнымъ... душно, непривѣтливо, уныло.

— Правда твоя,—уныло, неожиданно отозвался князь съ тоскливымъ выраженіемъ на блѣдномъ лицѣ. Ему, повидимому, было холодно; онъ сидѣлъ, сгорбившись, жался подъ своею собольею шубой, имѣлъ видъ совершеннаго старичка.

Княгиня бросила на него прищуренный взглядъ, перевела его на Саблукова, украдкой взглянула на Ольгу и снова стала смотрѣть въ окно. Она была не въ духѣ. Благодаря необходимости подняться съ постели не въ обычное время, она въ суетѣ не успѣла даже выпить чаю и чуть-чуть не опоздала къ поѣзду. Она неохотно вдѣ-

шивалась въ разговоръ, прерываемый часто разными лицами, приходившими изъ другихъ вагоновъ подъ предлогомъ справиться о здоровьѣ Nini Липецкой.

— Ей лучше! — сухо отвѣчала она.

Лица эти, въ числѣ которыхъ находился дипломатъ Спекуровъ,—*l'homme bienveillant*,—и Лина Гдовская, аккуратно заѣзжали къ больной и отлично знали ея положеніе, но приходили освѣдомляться единственно съ тѣмъ, чтобы выказать свое участіе въ глазахъ другихъ.

Поѣздъ сталъ замедлять ходъ и, наконецъ, остановился.

— Станція Сергія! — раздался голосъ кондукторовъ, суетливо отворявшихъ дверцы вагоновъ.

Пользуясь временемъ, когда изъ вагона выносили гробъ и устанавливали его подъ наметомъ траурной колесницы, многіе изъ штатскихъ и военныхъ, повинуясь сигналу г-жи Гдовской, вынули папиросочницы, чиркнули спичками и съ видимымъ наслажденіемъ принялись затягиваться.

XXI.

Вся низменная мѣстность отъ платформы станціи до монастыря была точно задернута сплошнымъ покрываломъ сѣро-молочнаго оттѣнка. Сквозь туманъ, какъ сквозь кисею, смутно обрисовывались въ двадцати шагахъ золоченыя колонны траурной колесницы съ пучками страусовыхъ перьевъ и золоченою княжеской короной на крышкѣ балдахина; гербы, вѣнки, пальмы покрывали откосы колесницы до подножія гроба, украшеннаго на крышкѣ трехугольной шляпой съ плюмажемъ. Первую пару лошадей, покрытыхъ черными попонами съ пестрыми, круглыми гербами, можно было еще видѣть; слѣдующія пары и впереди ихъ духовенство и хоры пѣвчихъ исчезали совершенно.

— Трогай! — долетѣлъ чей-то голосъ.

Колесница дрогнула, точно внезапно испугалась чего-то, колонны закачались, страусовыя перья и пальмы пришли въ судорожное движеніе, сбрасывая съ себя капли накопившейся сырости. Одновременно съ этимъ разнеслось въ воздухѣ пѣніе хора и, въ то же время, издали началъ доноситься медленный колокольный перезвонъ, заставившій перекреститься даже тѣхъ, у кого не была еще погашена папироска. Они поспѣшили присоединиться къ остальнымъ лицамъ процессіи, настолько многочисленной, что, въ то время, какъ передовая ея часть, шедшая за гробомъ, совсѣмъ

пропадала изъ виду, другая часть долго еще выдѣлялась длиннымъ темнымъ пятномъ на снѣжной дорогѣ.

Траурная колесница, какъ бы согласуясь съ протяжнымъ пѣніемъ хора и перерывчатыми звуками перезвона, подвигалась очень медленно. Время отъ времени она должна была останавливаться, чтобы дать лошадямъ собраться съ силами и вытаскивать колеса, уходившія по ступицу въ рыхлый снѣгъ, подточенный снизу водой, а сверху изъѣденный туманомъ. Торжество шествія часто также нарушалось пугливыми возгласами дамъ, неожиданно попадавшими среди разговора въ ямы, наполненныя водою; мужчины спѣшили къ нимъ на выручку; въ суетливой угодливости, они часто роняли шляпу или теряли калошу и также выражали свое неудовольствіе громкими восклицаніями. О покойникѣ говорили немного; между затяжкой дымомъ сигаретки и промежуткомъ, когда дымъ выпускался на воздухъ, слышались то тутъ, то тамъ отрывчатыя фразы: «Бѣдный князь Аѳанасій Ѳедоровичъ! Пуфъ! пуфъ!...» — «Такъ скоро, это ужасно! Пуфъ, пуфъ!...» — «Жаль, очень жаль! Пуфъ, пуфъ!...»—«Кто могъ ожидать! Пуфъ, пуфъ!...» — и тому подобныя. На всѣхъ лицахъ, вообще говоря, отпечатывалось меньше скорби, чѣмъ хмураго, ворчливаго выраженія, вызваннаго раннимъ вставаньемъ, сыростью, отвратительною дорогой, по которой надо было пройти болѣе версты.

— Скоро ли конецъ? Не видно еще Троицы-Сергія? Уфъ! Ахъ! Это ужасно! *C'est une vraie corvée!*... Я какъ бы предчувствовала, велѣла къ двѣнадцати часамъ пріѣхать каретѣ къ монастырю...

Такія восклицанія вырывались особенно часто у княгини Можайской, что не мѣшало ей украдкой слѣдить глазами за Саблуковымъ, когда онъ, отставая отъ однихъ, опережая другихъ, подходилъ къ кузинѣ Ольгѣ и съ нею разговаривалъ. Что-то насмѣшливое приподымало всякій разъ тонкія брови княгини; но трудность пути и угодливость ея кавалеровъ поминутно мѣшали ей продолжать свои наблюденія. Ее вели подъ руку,—съ одного бока крашеный генералъ, съ другого—дипломатъ Синекуровъ; оба старались ее утѣшать и ободрять, особенно послѣдній, хотя самъ, внутренно, болѣе другихъ проклиналъ свѣтскія условія, заставляющія его присутствовать въ процессіи и рисковать промочить,—слава Богу, если только ноги, а то, пожалуй, схватить еще гриппъ или флюсъ.

Между погребальною колесницей и публикой, подвигавшейся съ такимъ трудомъ и постепенно отстававшей, образовалось вскорѣ пустое пространство; въ немъ, непосредственно за гробомъ, шли

теперь только два человѣка: ближайшій племянникъ покойнаго, Саблуковъ, и другой, болѣе дальній племянникъ, князь Можайскій. Кротость и смиреніе послѣдняго никогда не высказывались такъ явственно. Онъ былъ утомленъ, вѣроятно, не меньше другихъ, вѣроятно, даже больше, и, несмотря на то, на всемъ протяженіи пути не проронилъ слова неудовольствія. Правда, всю вторую половину дороги онъ шелъ почти подъ руку съ здоровымъ, крѣпкимъ Саблуковымъ, который то и дѣло, въ трудныхъ переходахъ, энергически его поддерживалъ.

— Въ суетѣ этихъ дней не было возможности разспросить подробно, отчего собственно такъ скоро скончался дядя,— проговорилъ князь,— я заѣзжалъ къ нему въ тотъ день, когда онъ занемогъ; онъ жаловался только на разстройство желудка... и вдругъ... вдругъ, все кончено!

— Да, скоро...— возразилъ Саблуковъ.— Дядя, можетъ быть, долго бы еще прожилъ, если бы не случай съ этимъ безшабашнымъ Байдаровымъ...

— Байдаровымъ? — изумился князь.

— Тебя это удивляетъ?

— Конечно, я не ожидалъ...

— Впрочемъ, если сказать по правдѣ, главный виновникъ въ смерти, все-таки, самъ дядя! Ему было за шестьдесятъ,—могъ бы, кажется, отвѣчать за свои поступки! — продолжалъ Саблуковъ.— Ты знаешь, дядя былъ добрякъ... Но... Но передъ тобой скрывать нечего; ты ему также сродни, какъ я; притомъ, ты—добрая душа, не захочешь разглашать то, что остается сказать... При всей своей добротѣ дядя представлялъ изъ себя типъ крайней распущенности... прибавлю: и пустоты... Главною его слабостью всегда была,— ты знаешь,—гастрономія; въ послѣднія десять лѣтъ онъ ни о чемъ больше не думалъ; она, можно сказать, сдѣлалась единственною цѣлью его жизни... Вставая, онъ думалъ только о завтракѣ; завтракая,—думалъ объ обѣдѣ; обѣдая,— сочинялъ какое-нибудь необыкновенное блюдо къ ужину... Узнавъ, въ прошломъ году, что для Англійскаго клуба въ Москвѣ, спеціально отпаивается молокомъ теленокъ, онъ немедленно отправился въ Москву, между тѣмъ какъ въ другое время наѣзжалъ туда обыкновенно только по субботамъ къ стерляжьей ухѣ... Когда выбрали его старшиной-распорядителемъ, я никогда не забуду его восторга: точно получилъ высшую почесть! Счастью его не было мѣры, когда въ клубѣ восхищались обѣдомъ и пили за здоровье распорядителя. Желая, вѣроятно, чтобы такія минуты повторялись чаще, онъ къ день-

гамъ, назначеннымъ клубомъ, тайкомъ подбавлялъ своихъ, и съ такою щедростью, что въ пять лѣтъ чуть ли не прожилъ половину своего состоянія... Жалко не денегъ, а дядю! Мнѣ, понимаешь, все равно,—слава Богу, безъ дядюшкина наслѣдства есть чѣмъ жить! Упоминаю только фактъ, чтобы засвидѣтельствовать степень его легкомыслія.

— Да, я слышалъ объ этомъ... Но, все-таки, не понимаю причину скорой его кончины... При чемъ же тутъ Байдаровъ?

— А вотъ постой. Передамъ тебѣ во всѣхъ подробностяхъ, какъ было дѣло, передамъ со словъ самого дяди. На радостяхъ, что я пріѣхалъ, онъ, лежа въ постели, самъ разсказалъ мнѣ свое похожденіе, разсказывалъ съ тѣмъ простодушіемъ, съ той дѣтской наивностью, которыя его отличали. Это—цѣлая эпопея,—печальная эпопея, надо сказать... Вотъ что произошло. Въ воскресенье утромъ, часу въ одиннадцатомъ, принесли ему записку отъ Байдарова: «Бояринъ Алексисъ, пріѣзжай (дядя, несмотря на свои лѣта, былъ съ нимъ на ты)... пріѣзжай завтракать; заказаны твои любимыя блюда; вдова Клико уже поставлена на ледъ. Жду!» «Хотя, — говорилъ мнѣ дядя,— я въ это утро чувствовалъ себя не совсѣмъ какъ-то ладно послѣ ужина у Пронскихъ, но, признаюсь, соблазнилъ меня этотъ безпутный; сѣлъ и поѣхалъ. Вхожу, встрѣчаетъ меня Байдаровъ словами: «Ѣдемъ, дружище!» — «Какъ? Куда?—спрашиваю,—развѣ не у тебя?...» — «Нѣтъ,—говоритъ,— я вчера прогналъ своего француза; притомъ, дома скучно какъ-то; завтракъ заказанъ у Эрбера, въ Большой Конюшенной...» — «Дѣлать нечего, — сѣли, поѣхали. Дѣйствительно, все оказалось отлично, начиная съ закуски: печенки налимовъ, поджаренныя съ лукомъ, фаршированные раки, свѣжая осетровая икра, болонская ветчина, нарѣзанная тонко, какъ почтовая бумага, и другіе деликатесы... Закусили отлично, выпили по доброй рюмкѣ столѣтнѣй «вудки» (повторяю тебѣ слова дяди) и сѣли. Подали, братецъ ты мой, обложенный устрицами тюрбо,—по величинѣ—подушка, по вкусу—сливки! Засимъ послѣдовалъ жирный, выписанный изъ Парижа, каплунъ, начиненный фисташками; засимъ — ананасный пуншъ-гласè; засимъ — спаржа, таявшая во рту; засимъ... тутъ ужъ не помню, что еще подавали...» — говорилъ дядя и увѣрялъ, что хотя они пили одно шампанское, онъ почувствовалъ, что голова его кружится, и началъ было домой собираться, какъ вдругъ Байдаровъ крикнулъ: «Куда ты? Какъ же, а обѣдать?»—«Какъ обѣдать?»—удивленно спросилъ дядя, едва имѣя силы подняться со стула...

На этомъ мѣстѣ разсказа Саблуковъ долженъ былъ остановиться. Изъ-за тумана начинали выясняться монастырскія ворота, и толпа любопытныхъ тѣснившаяся по обѣимъ сторонамъ.

— Доскажу остальное послѣ, когда пойдемъ обратно,—скороговоркой промолвилъ Саблуковъ, оставляя товарища.

XXII.

Траурная колесница отъѣзжала отъ паперти, и гробъ вносили въ церковь, когда стали подоспѣвать одна за другою группы лицъ, остававшіяся въ концѣ процессіи.

Между ними находилась княгиня Можайская, которую продолжалъ вести подъ руку присяжный ея поклонникъ генералъ, едва волочившій ноги. Онъ не показывалъ, однако-жъ, виду, бодрился, заботливо наклонялся, и только тоскливое пожиманье морщинъ на лбу и унылые взгляды, бросаемые въ бокъ время отъ времени, показывали внутреннее состояніе его духа. Вторымъ ея кавалеромъ былъ сначала дипломатъ Синекуровъ, но онъ поступилъ гораздо благоразумнѣе. Попавъ два раза ногою въ колею съ водой и убѣдившись изъ опыта, что съ дамой подъ руку такой случай можетъ еще повториться, онъ, послѣ первыхъ ста шаговъ отъ станціи желѣзной дороги, неожиданно остановился и ахнулъ.

— Что съ вами? — спросила княгиня.

— Простите великодушно, долженъ отказаться отъ счастья вамъ сопутствовать,—возразилъ Синекуровъ скороговоркой, но съ озабоченнымъ видомъ.—Я совершенно забылъ... подлѣ васъ все забудешь... забылъ о необходимости переговорить съ графомъ Гукъ, который за нами слѣдуетъ,— переговорить насчетъ важной новости, сообщенной сегодня утромъ по телеграфу... *Il s'agit à ce qu'il parait d'une grave question*...

— Потомъ разскажете?

— Все, все... *Mais après*... *Après*...— заключилъ Синекуровъ, бережно вынимая свою руку изъ-подъ руки княгини и спѣшно исчезая въ самой густой группѣ шествія.

Участь генерала отчасти облегчалась болтовней г-жи Гдовской, занявшей вскорѣ мѣсто дипломата.

Благодаря ея мужскому складу, она одна, оказалось, изъ всего женскаго персонала, выдержала путь безъ особеннаго утомленія.

Какъ только они подошли къ церкви, княгиня опустилась на скамью подлѣ паперти.

— Уфъ! Не могу дальше! Не могу... *Je suis brisée*... Тамъ еще надо будетъ долго стоять... Нѣтъ, *je n'en puis plus!*...

Окружающіе старались ее утѣшить, но она высказывала явные знаки раздраженія.

— Тебѣ хорошо такъ говорить,—сказала она, глядя на смѣющуюся Лину Гдовскую,—ты говорила: скушала передъ отъѣздомъ три яйца *à la coque* и выпила двѣ чашки чаю, — тебѣ хорошо! Я едва успѣла одѣться, какъ надо было ѣхать... Господи! Хоть бы стаканъ молока или даже воды... Муратовъ! — крикнула она, нетерпѣливо обратясь къ извѣстному руководителю котильоновъ, болтавшему съ какимъ-то старикомъ подлѣ паперти. — Муратовъ, достаньте мнѣ стаканъ воды.

— Воды, княгиня! — воскликнулъ тотъ, подбѣгая.— Зачѣмъ воды? *Pourquoi?*... На дворѣ сыро... Не угодно ли чаю?

— Какъ чаю?

— Желаете, можетъ быть, кофе? Шоколаду? Какао?...

— Не смѣйте смѣяться!

— Клянусь, говорю серьезно!

— Что за вздоръ!

— Клянусь вамъ, не шучу.

— Откуда вы все это взяли?

— Это мой секретъ... Не угодно ли?

Не дожидаясь, когда генералъ, озадаченный наравнѣ съ остальными близко стоящими, предложитъ княгинѣ свои услуги, Муратовъ ловко подставилъ ей локоть.

— *Messieurs*... *Mesdames*... Не угодно ли?—заключилъ онъ, приглашая слѣдовать за ними.

Приглашеніе было, впрочемъ, лишнее; довольно было привлекательнаго сообщенія. Присутствующія дамы и кавалеры спѣшили присоединиться къ передовой парѣ, стуча каблуками по деревяннымъ мосткамъ, насланнымъ отъ паперти къ длинному двухъэтажному каменному зданію. Поднявшись по небольшой лѣстницѣ, всѣ съ восхищеннымъ изумленіемъ очутились въ огромной залѣ, служившей монастырскою трапезой. Ея середину и во всю длину занималъ столъ, сплошь почти покрытый кулебяками, блюдами съ заливною рыбой, судками съ свѣжею икрой, ростбифами, корзинами съ фруктами и цѣлою флотиліей графиновъ и бутылокъ. Въ сторонѣ кипѣло нѣсколько самоваровъ; подъ спиртовыми лампочками блистали кофейники, пускавшіе изъ носиковъ шипящія струйки пара. Секретъ Муратова оказался уже прежде него открытымъ. Нѣсколько лицъ, участвовавшихъ въ процессіи, и въ томъ числѣ дипломатъ Синекуровъ, сидѣли за столомъ, торопливо ѣли, пили и казались весьма довольными своею судьбой. Подлѣ стола

суетились официанты, которыми, сохраняя обычную декоративную важность, и здѣсь также распоряжался извѣстный всѣмъ Илья.

Увидавъ *свою* княгиню, онъ мгновенно придалъ лицу озабоченно-почтительный видъ и направлялся къ ней ускореннымъ шагомъ.

— Чаю, Илья, чаю! — скомандовала княгиня, опускаясь на поданный ей стулъ, нервно снимая перчатки и, въ то же время, кивая головой разнымъ лицамъ, которыя ей кланялись. Синекуровъ, сидѣвшій наискось отъ княгини по ту сторону стола, не удовольствовался простымъ поклономъ. Поглощенный весь, за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, оцѣнкой мадеры, которую, съ видомъ знатока и сладко прищуриваясь, прихлебывалъ маленькими глоточками, онъ остался, повидимому, не совсѣмъ доволенъ неожиданнымъ появленіемъ княгини, но по этому самому счелъ долгомъ удвоить свою любезность; онъ быстро привсталъ, приподнялъ рюмку съ остаткомъ вина въ уровень своей свѣтящейся лысой головы и началъ посылать свободною рукой привѣтственные жесты, причемъ въ каждой чертѣ его лица засіяло выраженіе милаго благодушія, какимъ онъ всегда отличался, и губы не переставали улыбаться, расширяя его сытыя щеки и выказывая рядъ блестящихъ, превосходно вставленныхъ зубовъ.

— *Eh bien, homme bienveillant,* новая депеша, — узнали?— спросила княгиня.

Синекуровъ приложилъ указательный палецъ къ губамъ и выразительно приподнялъ брови.

— Послѣ, послѣ!... *Au reste* ничего особеннаго... *Rien de grave*...

Онъ хотѣлъ еще что-то прибавить, но остановился, разсудивъ весьма основательно, что чай, поданный въ эту минуту Ильей, и ломтики бріошки, подносимые генераломъ, интересовали княгиню больше, чѣмъ политическая новость.

Муратовъ, между тѣмъ, уладился между Линой Гдовской и Китти Елецкой и усердно накладывалъ имъ икры на блюдечко.

— Саблукову *mon compliment!* Молодецъ! Отлично распорядился!—сказала г-жа Гдовская, обводя столъ глазами.

— Можетъ ли быть иначе! Москвичъ!... Москвичи на этотъ счетъ великіе мастера! — отвѣчалъ Муратовъ, отрѣзывая себѣ кусокъ кулебяки.

Слухи о трапезной замѣтно, однако-жъ, начинали распространяться, потому что то и дѣло появлялись новыя лица. Стукъ ножей, перемѣняемой посуды, шумъ придвигаемыхъ и отодвигаемыхъ

стульевъ, смѣшиваясь съ говоромъ, наполнилъ вскорѣ всю трапезную. Появленіе каждаго новаго лица встрѣчалось вопросами: «Какъ тамъ?... Что теперь происходитъ?...—«Пока еще идетъ обѣдня!»—былъ общій отвѣтъ, возвращавшій всегда присутствующимъ прежнее беззаботное выраженіе.

Но вотъ за стѣной прозвучалъ въ воздухѣ колокольный звонъ. Кто-то вошелъ и объявилъ о началѣ отпѣванья. Волей-неволей пришлось разстаться съ трапезной.

XXIII.

Несмотря на то, что день, самъ по себѣ пасмурный, затемнялся еще густымъ туманомъ, приготовляя зрѣніе къ темнотѣ, лица, входившія съ воздуха въ церковь, едва могли въ первую минуту различать предметы. Свѣтъ зажженныхъ люстръ и паникадилъ уходилъ, казалось, вмѣстѣ съ дымомъ ладана вверхъ къ высокимъ сводамъ, оставляя въ полумракѣ стѣны, сплошь забранныя чернымъ сукномъ, ряды монаховъ по обѣимъ сторонамъ катафалка, группу духовенства въ черномъ бархатномъ облаченіи и публику, одѣтую въ глубокій трауръ. Катафалкъ съ поставленнымъ на немъ открытымъ гробомъ занималъ середину церкви; здѣсь было нѣсколько свѣтлѣе, благодаря желтоватому пламени свѣчей въ высокихъ подсвѣчникахъ, поставленныхъ по бокамъ катафалка; здѣсь можно было довольно ясно различать форму вѣнковъ и листьевъ пальмъ, живописно расположенныхъ вокругъ гроба; по мѣрѣ приближенія къ верхней части гроба, къ неподвижному почти пламени свѣчей, совсѣмъ уже ясно выдѣлялись покрывавшіе его цвѣты и между ними обрисовывались на черномъ фонѣ стѣнъ, сложенныя на груди, руки, точно отлитыя изъ воску, и такая же профиль лица съ сухимъ выдающимся заостреннымъ носомъ.

Дальше, надъ темною массой лицъ, кое-гдѣ виднѣлись побѣлѣвшія старческія головы, кое-гдѣ лоснились широкія лысины; мѣстами, на черныхъ ризахъ кадившихъ дьяконовъ, сверкалъ серебряный позументъ; ближе къ катафалку свѣтъ падалъ на бѣлыя митры трехъ архіереевъ, стоявшихъ рядомъ.

Посреди торжественной тишины, нарушаемой равномѣрнымъ бряцаньемъ кадилъ, раздавался по временамъ, потрясая воздухъ и колебля пламя свѣчей, густой басъ дьякона: «Еще молимся объ упокоеніи души усопшаго раба Божія, болярина князя Аѳанасія, и да простится ему всякому прегрѣшенію вольному и невольному»...

Немного погодя, одинъ изъ архіереевъ, стоявшій во главѣ за

гробомъ, произнесъ слабымъ голосомъ, но съ умиленнымъ чувствомъ:

— Святыхъ ликъ обрете источникъ жизни и дверь райскую, да обрящу и азъ путь покаяніемъ погибше овча азъ есмь»...

— *Qu'est-ce qu'il dit?... Qu'est-ce qu'il dit?*—шепнулъ было, наклонясь къ сосѣду, длинный дипломатъ, приглашенный г-жей Гдовской, обѣщавшей ему дать случай присутствовать при торжественномъ православномъ богослуженіи; онъ долженъ былъ, однако-жъ, умолкнуть, увидавъ направленныя на него глаза близко стоявшихъ незнакомыхъ лицъ.

Обрядъ отпѣванія шелъ своимъ чередомъ. Пѣлъ хоръ пѣвчихъ, ему вторилъ хоръ монаховъ, время отъ времени пѣніе прерывалось громкими возгласами дьякона.

Послышался снова тихій умиленный голосъ:

— Воистинну суета всяческая... ибо всуе мятется всякъ земнородный...

Голосъ на секунду смолкъ. Металлическое звяканье кадилъ стало снова слышнѣе, и дымъ отъ нихъ гуще поднялся по обѣимъ сторонамъ гроба, но прошла минута, тихій внушительный голосъ продолжалъ:

— Гдѣ есть мірское пристрастіе, гдѣ есть привременныхъ мечтаніе, гдѣ есть злато и серебро, гдѣ есть рабовъ множество и молва; вся персть, вся пепелъ, вся сѣнь»...

Многія изъ дамъ не понимали ни слова изъ того, что говорилъ старецъ-архіерей, но торжественность службы и мрачная декоративная обстановка храма производили свое дѣйствіе. Подъ ихъ вліяніемъ дамы усердно крестились, забывая на минуту усталость ногъ. Княгиня Можайская наклонялась иногда къ сосѣду, желая добиться смысла такого-то слова или выраженія, произнесенныхъ духовнымъ лицомъ. Сосѣдъ суетливо наклонялся къ рядомъ стоящему, тотъ къ третьему, третій къ четвертому.

Не добившись толку, княгиня дѣлала нетерпѣливый жестъ. Время отъ времени она развлекала себя наблюденіями надъ провинціальною кузиной, стоявшей не далеко отъ катафалка между ея мужемъ и Саблуковымъ. Но и это наблюденіе не имѣло, повидимому, силы развлечь ее, если считать, что она съ усмѣшкой отворачивалась всякій разъ, когда Саблуковъ, наклоняясь къ Ольгѣ, начиналъ съ ней тихо разговаривать.

Отвернувшись, княгиня продолжала креститься, разсѣянно прислушиваясь къ голосу архіерея:

— Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть и вижу въ гробѣхъ

лежащаго, по образу Божію созданную нашу красоту, безобразну безславну, не имѣющую вида...

Къ тишинѣ, царствовавшей вокругъ, стали мало-по-малу примѣшиваться шорохъ женскихъ платьевъ и шарканье подошвъ по церковнымъ плитамъ, возвѣщавшіе о приближеніи церемоніи къ концу. Шумъ былъ настолько еще сдержанъ, что позволялъ слышать слова преклоннаго архіерея:

— «Пріидите, послѣднее цѣлованіе дадимъ, братіе, умершему, благодаряща Бога... Нынѣ житейское лукавое разрушается торжество суеты...»

Голосъ замолкъ. Секунду спустя два хора пѣвчихъ и одновременно съ ними хоръ монаховъ запѣли: «Со святыми упокой...» Напѣвъ, сначала тихій подъ сурдинку, постепенно усиливался, разростался и, наконецъ, подхваченный басами трехъ хоровъ, наполнилъ собою всю церковь отъ дальнихъ угловъ до сводовъ.

Начался обрядъ прощанія съ покойникомъ.

Публика всею своею массой задвигалась теперь къ катафалку. Лица обоего пола, одно за другимъ, подымались по ступенькамъ, наклонялись къ гробу, дѣлали видъ, что цѣлуютъ, чмокали воздухъ, пропитанный ладаномъ, и спѣшно спускались, давая мѣсто другимъ, повторявшимъ то же движеніе.

Только четыре человѣка простились настоящимъ образомъ: Саблуковъ, князь, провинціальная кузина его жены, Ольга, и еще старый, обрюзглый, толстый старикъ въ сильно потертомъ камергерскомъ мундирѣ, лицо совершенно постороннее, не видавшее въ глаза князя Аѳанасія Ѳедоровича, но извѣстное своею безкорыстною любовью къ похороннымъ процессіямъ, панннхидамъ, службѣ при отпѣваніи и погребеніи. Въ его цѣлованіи замѣтно было даже какое-то странное увлеченіе: онъ цѣловалъ въ нѣсколько пріемовъ, въ самыя губы, цѣловалъ въ засосъ, нисколько не смущаясь тѣмъ, что холодный заостренный носъ покойника врѣзывался ему въ щеку.

На него, впрочемъ, не обратили почти никакого вниманія; всѣ спѣшили къ выходу, нетерпѣливо ожидая выноса.

Общество группировалось по обѣимъ сторонамъ мостковъ, настланныхъ отъ церкви къ кладбищу. Многіе умышленно пробирались въ задніе ряды съ тѣмъ, чтобы не такъ замѣтно было ихъ исчезновеніе послѣ того, какъ мимо пронесутъ покойника. Присутствіе ихъ на похоронной процессіи и во время отпѣванія было всѣми замѣчено; по ихъ мнѣнію, этого совершенно было достаточно для поддержки общественныхъ отношеній и условій.

Пѣніе «Со святыми упокой» все громче и громче разносилось по воздуху по мѣрѣ того, какъ пѣвчіе выходили изъ церкви на паперть; за ними показалось духовенство, дальше несли гробъ. Покойникъ, должно быть, былъ очень грузенъ: гробъ несли шестеро здоровыхъ прислужниковъ погребальныхъ процессій, но, повидимому, и имъ было не легко. Одинъ Саблуковъ подсоблялъ быть-можетъ существенно, остальные родственники прикасались больше пальцами къ краямъ гроба, что не мѣшало имъ держать себя нѣсколько сгорбленно, двигать бровями и вообще показывать видъ людей, помогающихъ нести тяжесть; иные даже покрякивали.

Замѣтивъ между ними мужа, княгиня Можайская попросила случившагося подлѣ нея камеръ-юнкера подойти къ князю и сказать ему, но такъ, чтобы никто не слыхалъ, что она уѣзжаетъ.

— Вы не пойдете на могилу?—спросила кузина Ольга.

— Нѣтъ, я едва держусь на ногахъ... *J'en ai assez*... Тамъ опять будетъ снѣгъ и мокро... Будутъ, вѣроятно, также говорить *des discours*... Нѣтъ, нѣтъ, *je n'en puis plus*,—возразила княгиня, направляясь къ группѣ лакеевъ, пріѣхавшихъ съ экипажами и стоявшихъ въ почтительномъ отдаленіи. Она привѣтливо кивнула крашеному генералу, который поспѣшилъ подать ей руку.

Услужливый камеръ-юнкеръ, догнавъ ее, сообщилъ, что князь проситъ княгиню не безпокоиться и ѣхать, если ей такъ угодно, что его обѣщалъ довезти домой кузенъ Саблуковъ.

— Ну, и прекрасно! Генералъ, проведите меня до кареты... *Allons, Olga, partons!*

Волей-неволей надо было побиноваться. Слѣдуя за княгиней, она утѣшала себя тѣмъ, что еще недѣля-другая, и она освободится, наконецъ, отъ тяжелой зависимости столичной родственницы, которая, мало того, что къ ней охладѣла, но явно уже тяготилась ея присутствіемъ.

XXIV.

Погребеніе князя Аѳанасія Ѳедоровича не ознаменовалось ничѣмъ особенно выдающимся; все совершилось согласно установленному порядку. Княгиня напрасно пугалась рѣчей надъ могилой, напрасно также ожидалъ ихъ репортеръ, прибывшій съ цѣлью воспользоваться ими для печати; онъ, впрочемъ, вознаградилъ себя потомъ въ трапезной. Рѣчей никакихъ не было. Правда, одинъ изъ бывшихъ сослуживцевъ покойнаго князя намѣревался произнести «нѣсколько короткихъ, но прочувствованныхъ словъ». Онъ при-

держивалъ въ ладони для памяти бумажку съ изложенными на ней государственными и общественными заслугами покойнаго князя; намѣревался даже, послѣ церемоніи, предложить учредить стипендію въ память покойнаго, но увидавъ, что пришлось бы говорить почти для одного духовенства и пѣвчихъ, съ видимою грустью отказался отъ своего намѣренія.

Какъ только могила была засыпана, и надъ нею поднялся небольшой холмъ изъ комковъ мерзлой земли со снѣгомъ, общество стало расходиться. Одни отправились обратно домой въ экипажахъ, другіе сочли не лишнимъ заглянуть въ трапезную, третьи направились опять старымъ путемъ черезъ туманъ по дорогѣ къ станціи.

Тутъ находились Саблуковъ и князь Можайскій. Оба шли рядомъ, подъ руку, какъ прежде, когда слѣдовали за гробомъ. Оба умышленно замедляли шагъ и отставали отъ остальныхъ спутниковъ.

— Грустно, братъ, все это!—меланхолически замѣтилъ князь.

— Да, братъ, не весело,—подхватилъ Саблуковъ,—но не весело также и то, что остается тебѣ досказать о покойникѣ... Слѣдуетъ ли даже досказывать?... Не то уже какъ-то на душѣ. Впрочемъ, дядѣ теперь совершенно все равно, что бы о немъ ни говорили. Къ тому же это останется между нами... На чемъ, бишь, я остановился?... Да, на томъ мѣстѣ, когда послѣ завтрака у Эрбера Байдаровъ звалъ дядю обѣдать. Предложеніе изумило дядю; онъ началъ отказываться, Байдаровъ началъ, не шутя, сердиться. «Обѣдъ,—горячился онъ, — нарочно для тебя заказанъ; зная, что ты любишь русскія кушанья, я нарочно велѣлъ ихъ приготовить; твой отказъ я сочту за обиду» и т. д., разсказывалъ дядя. «Я, все-таки, устоялъ бы—(повторяю тебѣ его слова), — еслибъ безпутный этотъ не соблазнилъ меня пирогомъ съ грибами... Что дѣлать, признаться откровенно, я слабъ характеромъ и притомъ человѣкъ русскій: не устоялъ передъ соблазномъ!... Пошли. Я насилу дотащился. Въ особой комнатѣ, какъ водится, и опять страсть закусокъ. Опять выпили по рюмкѣ водкѣ. Сѣли. Подали щи съ головизной,—я люблю ихъ, но только попробовалъ,—а онъ сердится. Потомъ пошло и пошло... Разварная осетрина съ лучкомъ и пиколями, пирогъ съ грибами, поросенокъ подъ хрѣномъ, нарочно выписанный изъ Москвы, бараній бокъ съ кашей... Ѣли-ѣли, пили пили,—правда, одно только кахетинское... Но тутъ я уже не помню, что было... Помню только, онъ меня куда-то повезъ... Было нестерпимо жарко, и музыка громко играла... Должно быть, былъ циркъ... Смутно слышались какіе-то крики; говорили, какой-то

японецъ сорвался съ шеста и разбился... Я чувствовалъ, что мнѣ не совсѣмъ хорошо, голову ломило, точно въ тискахъ; я началъ его уговаривать ѣхать домой. Куда тебѣ! Заоралъ, какъ бѣлуга! Велѣлъ подать холоднаго шампанскаго. Дѣйствительно какъ будто на минуту освѣжило... Тутъ уже я ему возмолился: домой вези! Домой хочу!—говорю я ему.—«Какъ! говоритъ,—и опять началъ изъ себя выходить: я, говоритъ, послалъ за тройкой, она у подъѣзда, а ты—домой! Нѣтъ, кричитъ, этому не бывать! Мы сейчасъ, сію минуту ѣдемъ на Петровскій островъ въ Баварію. Тамъ отыскался нѣмецъ Фокъ, который приготовляетъ такой глинтвейнъ, что только отвѣдаешь,—вѣкъ не забудешь! Я обѣщалъ привезти тебя сегодня; насъ ждутъ!»—«Я сталъ было возражать, онъ силой потащилъ меня и усадилъ въ сани. Ѣхали, помню, долго... Звенѣли бубенчики. Справа и слѣва бѣлѣлъ снѣгъ и шумѣли деревья. Пріѣхали, наконецъ. Дѣйствительно нашли какого-то рыжаго бородастаго нѣмца; подали глинтвейнъ... Но я только попробовалъ и снова ему взмолился: домой вези! кричу ему. Что-жъ бы ты думалъ?... «Домой, говоритъ, я тебя отвезу, но прежде заѣдемъ къ князю Шахову; у него сегодня пробуютъ только что привезенное старое венгерское»... Я уже, братецъ, до того былъ ошеломленъ, что не имѣлъ силы возражать. Опять сѣли, опять поѣхали... Входимъ или, лучше сказать, втащилъ онъ меня... Столъ во всю столовую; человѣкъ двадцать народу; шумъ, гамъ, голова идетъ кругомъ, а тутъ еще проклятое это венгерское... Дальше уже ничего не помню. Не помню, онъ ли привезъ меня домой, другой ли... И вотъ, братецъ, какъ видишь, лежу въ постели и отплачиваюсь... Расплачусь ли еще,—Богъ вѣдаетъ!...»

— И расплатился!—заключилъ Саблуковъ, прислушиваясь къ свистку паровоза, который, вмѣстѣ съ вагонами, начиналъ обозначаться въ туманѣ.

Слушая разсказъ двоюроднаго брата, князь въ то же время какъ бы прислушивался къ другому голосу внутри себя. То, что говорилъ этотъ второй голосъ, не заключало въ себѣ, казалось, ничего утѣшительнаго; меланхолическое выраженіе еще замѣтнѣе проглядывало на исхудаломъ, преждевременно истомленномъ его лицѣ.

— Да, да... Это чортъ знаетъ что такое!—произнесъ онъ, наконецъ, какъ бы отрываясь отъ задумчивости.

— Именно: чортъ знаетъ что такое! — воскликнулъ Саблуковъ,—и хотѣлось бы сказать доброе слово въ память дяди, хотѣлось бы упомянуть какое-нибудь полезное доброе дѣло, да совѣсть

не велитъ, языкъ не поворачивается... Остается развѣ одно утѣшеніе: хорошенько выбранить живого Байдарова, но и это не совсѣмъ удобно... Неудобно потому, что каждый изъ насъ болѣе или менѣе имѣетъ съ нимъ сходство, если не въ одну сторону, то въ другую... Всѣ мы, братецъ, съ дѣтства испорчены доставшимся даромъ богатствомъ... Прибавь къ этому: даровыя преимущества, протекціи, угодливость окружающихъ, получится неизбѣжно отчаянный эгоистъ; прибавь еще непривычку къ труду, праздность и лѣнь,—въ общемъ результатѣ получится тунеядецъ ни на что не годный, кромѣ того развѣ, чтобы жить для себя и въ свое удовольствіе... Сладко ѣли, пили, били баклуши, весело жили!—вотъ эпитафія, которую всѣ мы болѣе или менѣе заслуживаемъ.

Они поднялись на платформу и остановились передъ вагонами.

— Сядемъ, однакожъ,—сказалъ Саблуковъ.

— Сядемъ,—удрученнымъ голосомъ отозвался князь, тоскливо подымая то одну бровь, то другую.

Раздался свистъ паровоза, и поѣздъ тропулся.

Минуту спустя и люди, и вагоны—все заслонилось туманомъ, который къ сумеркамъ замѣтно началъ опять сгущаться.

Д. Григоровичъ.

Изъ литературной переписки К. Д. Кавелина.

А. И. Кошелевъ.

(Род. 9 мая 1806 г., † 12 ноября 1883 г.).

Извѣстный писатель по вопросамъ экономическимъ и финансовымъ, много поработавшій въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, а затѣмъ выдающійся земскій дѣятель въ Рязанской губерніи и стойкій проводникъ русскаго элемента въ Царствѣ Польскомъ послѣ 1863 г., въ качествѣ предсѣдателя правительственной финансовой коммиссіи,—А. И. Кошелевъ съ юныхъ лѣтъ близко стоялъ къ кружку славянофиловъ, будучи особенно друженъ съ И. В. Кирѣевскимъ. Въ 1856 г. онъ былъ редакторомъ славянофильскаго журнала *Русская Бесѣда*, а въ 1858 г. началъ издавать въ видѣ особаго ежемѣсячнаго приложенія къ этому журналу *Сельское Благоустройство*, спеціально посвященное крестьянскому вопросу. Въ объявленіи объ изданіи *Сельскаго Благоустройства* А. И. Кошелевъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее:

«У насъ, у большей части изъ насъ, есть предразсудки или противъ, или въ пользу этого дѣла; но мнѣній опредѣлительныхъ, убѣжденій твердыхъ—мало, крайне мало. А почему? Очень просто: потому что объ этомъ предметѣ у насъ еще не было *общаго сужденія*. Теперь необходимо вознаградить упущенное время. Теперь каждый изъ насъ обязанъ спѣшно пріобрѣтать всѣ нужныя свѣдѣнія, соображать ихъ и придумывать средства къ разрѣшенію предлежащей намъ задачи. Сверхъ того,—и это еще важнѣе перваго,—мы должны свои мнѣнія высказывать, чужія выслушивать и, такимъ образомъ, уяснять и вырабатывать *общее мнѣніе*. Да не думаетъ, не говоритъ никто: «это не мое дѣло; какъ положатъ, такъ тому и быть!» Общее дѣло совершается лишь общими усиліями, и всякій долженъ принять въ немъ дѣйственное участіе. Отстранять же себя отъ него—значитъ признаваться въ лѣнивомъ и безсмысленномъ эгоизмѣ. Повторимъ не разъ уже сказанное правило, давно принятое обществами, ранѣе насъ выступившими на историческое поприще: *общее дѣло всего народа есть частное дѣло каждаго изъ его членовъ*. Примитесь же дружно за пред-

лежащее намъ дѣло; люди разныхъ мнѣній, соединитесь во имя великой задачи, выдвинутой государственною жизнью нашего отечества и благовременно сознанною мудростью и благодушіемъ нашего Царя! Имъ поданъ высокій примѣръ: Онъ призвалъ насъ всѣхъ къ дѣлу,—пусть и каждый изъ насъ словомъ и дѣломъ призываетъ всѣхъ и каждаго къ разъясненію и утвержденію собственныхъ своихъ мнѣній объ основной задачѣ нашего времени» [1]).

К. Д. Кавелинъ сошелся съ А. И. Кошелевымъ на вопросѣ объ освобожденіи крестьянъ и отзывался съ большимъ сочувствіемъ о проектѣ этого освобожденія, написанномъ Кошелевымъ. Поэтому при началѣ изданія *Сельскаго Благоустройства* Кошелевъ обратился къ Кавелину съ предложеніемъ сотрудничать въ этомъ журналѣ. Кавелинъ, вполнѣ раздѣляя призывъ А. И. Кошелева къ трудамъ на общее дѣло освобожденія крестьянъ людей разныхъ мнѣній и убѣжденій, тѣмъ не менѣе отвѣчалъ ему отказомъ, для объясненія котораго необходимо войти въ нѣкоторыя подробности.

Въ 3-й и 4-й книгахъ *Русской Бесѣды* 1856 г. появилась статья В. В. Григорьева [2]): *Т. Н. Грановскій до его профессорства въ Москвѣ.* В. В. Григорьевъ, извѣстный оріенталистъ, былъ товарищемъ Грановскаго по Петербургскому университету и въ вышеуказанной статьѣ, передавая свои воспоминанія о немъ, охарактеризовалъ Грановскаго, не задолго передъ тѣмъ умершаго († 4 окт. 1855 г.), далеко не въ столь симпатичныхъ чертахъ, въ какихъ рисовался образъ Грановскаго въ душѣ его ближайшихъ друзей и почитателей, въ числѣ которыхъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ былъ Кавелинъ. Григорьевъ представилъ Грановскаго даровитымъ дилетантомъ-историкомъ и человѣкомъ съ эпикурейскими наклонностями. Кромѣ того онъ заявлялъ, что въ университетѣ Грановскій не отличался ни большими свѣдѣніями, ни прилежаніемъ, и что самъ онъ, Григорьевъ, въ этомъ отношеніи стоялъ неизмѣримо выше Грановскаго.

Статья Григорьева, повидимому, была возраженіемъ со стороны славянофиловъ на тѣ восторженные некрологи Грановскаго, которые вслѣдъ за его кончиной появились въ московскихъ и петербургскихъ періодическихъ изданіяхъ изъ-подъ пера его почитателей: статьей Григорьева славянофилы очевидно желали умалить значеніе главы московскихъ западниковъ 40-хъ годовъ. Кавелинъ, подъ первымъ впечатлѣніемъ негодованія на статью Григорьева, написалъ рѣзкую памфлетическую статью, подъ заглавіемъ *Слуга*, современный физіологическій очеркъ [3]). Не называя въ немъ Григорьева по имени и не упоминая о его статьѣ, онъ выставляетъ его человѣкомъ не только находившимся подъ вліяніемъ Грановскаго, но заискивавшимъ

---

[1]) На второй книжкѣ 1859 г. *Сельское Благоустройство* должно было прекратиться, вслѣдствіе цензурныхъ затрудненій.

[2]) В. В. Григорьевъ, профессоръ исторіи Востока въ Петербургскомъ университетѣ и начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати (1874—1880 г.), род. 1814 г., † 19 дек. 1881 г.

[3]) Помѣщена въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1857 г., кн. 6-я (мартъ, 2-я), стр. 277—282.—Сочиненія Кавелина, т. IV, стр. 348—354.

въ немъ. Намеки на отношенія Григорьева къ Грановскому были въ то время непонятны массѣ публики, но вполнѣ ясны для литераторовъ, тѣмъ болѣе, что въ той книжкѣ *Русскаго Вѣстника*, гдѣ былъ помѣщенъ *Слуга* Кавелина, находилась другая статья, прямо направленная на воспоминанія Григорьева о Грановскомъ, подъ названіемъ *Біографъ-оріенталистъ*, принадлежавшая перу Н. Ф. Павлова. Славянофилы отвѣчали *Русскому Вѣстнику* въ *Молвѣ*, газетѣ, выходившей при *Русской Бесѣдѣ*, и полемика по поводу Грановскаго способствовала еще большему раздраженію той другой стороны.

28 декабря 1857 г. состоялся въ Москвѣ обѣдъ литераторовъ, на которомъ произносились рѣчи по поводу улучшенія быта крѣпостныхъ крестьянъ, оффиціально заявленнаго императоромъ Александромъ II въ рескриптахъ генералъ-губернаторамъ виленскому и петербургскому. Кромѣ того обѣдъ этотъ имѣлъ задачей примирить, при столь торжественномъ случаѣ, давнишнія распри и недоразумѣнія между славянофилами и западниками. К. Д. Кавелинъ пріѣхалъ для этого обѣда нарочно изъ Петербурга и произнесъ вдохновенную рѣчь, надѣлавшую въ то время очень много шума. М. Н. Катковъ, описывая этотъ обѣдъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* и приводя рѣчь Кавелина, называетъ его «дорогимъ гостемъ, по праву принадлежащимъ Москвѣ», и сочувственно останавливается «на благородномъ жарѣ Кавелина, съ которымъ онъ предался мысли о примиреніи на этомъ обѣдѣ враждовавшихъ литературныхъ партій» [4]). Славянофилы отказались отъ участія на обѣдѣ. Вотъ что писалъ объ этомъ А. И. Кошелевъ А. Н. Попову изъ Москвы 30 декабря 1857 г.:

«Вѣроятно вы уже знаете, что въ Москвѣ вздумали давать обѣдъ въ честь рескриптовъ. Сперва мы было согласились въ немъ участвовать, потому что намъ говорили, что дворянство и оффиціальныя лица принимаютъ въ немъ участіе, но, узнавши, что *никого* изъ оффиціальныхъ лицъ и изъ дворянства московскаго не будетъ, мы, разумѣется, отказались. Въ такую важную минуту должно не раздражать и безъ того взволнованныя страсти, не съ кулебякою во рту и не съ бокаломъ шампанскаго должно начинать дѣло, а съ молитвою, съ полнымъ чувствомъ великаго дѣла намъ предлежащаго, съ любовью и миромъ должно приступать къ дѣлу. Вотъ почему мы отказались отъ обѣда. Господамъ учредителямъ хотѣлось *поговорить*, а намъ предстоитъ *дѣйствовать*. Съ болтовней дѣла не сдѣлаешь» [5]).

Помѣщеніемъ статьи Григорьева о Грановскомъ въ *Русской Бесѣдѣ* и отказомъ славянофиловъ принять участіе въ обѣдѣ 28 декабря 1857 г. мотивируетъ Кавелинъ свой отказъ принять участіе въ *Сельскомъ Благоустройствѣ*. Вотъ что писалъ онъ А. И. Кошелеву 2 марта 1858 г.

---

[4]) См. подробности объ этомъ обѣдѣ въ моемъ предисловіи къ монографіямъ Кавелина по крестьянскому вопросу въ *Русской Старинѣ* 1887 г., февраль, стр. 445—446.

[5]) *Русскій Архивъ* 1886 г., № 3, стр. 360.

Милостивый государь
Александръ Ивановичъ!

Искренно благодарю васъ за удовольствіе, которое вы мнѣ доставили присылкою объявленія о *Сельскомъ Благоустройствѣ*. Ваше имя и вашъ образъ мыслей о великомъ вопросѣ освобожденія, такъ торжественно заявленный самымъ широкимъ и справедливымъ его поставленіемъ, придаютъ предпринимаемому вами изданію особый интересъ и значеніе, которому не могутъ не порадоваться отъ всего сердца всѣ желающіе добра Россіи. Я съ своей стороны принадлежу къ радующимся не менѣе, если не болѣе всѣхъ прочихъ.

Что касается до моего сотрудничества въ этомъ изданіи, то въ этомъ отношеніи произошло между нами какое-то недоразумѣніе. Быть сотрудникомъ отдѣла въ журналѣ, который оскорбилъ меня въ самыхъ дорогихъ моихъ привязанностяхъ, который недостойною статьею оскорбилъ память человѣка, признаваемаго мною за образецъ и за знамя,—это для меня совершенная невозможность, и вы, конечно, оцѣните всю справедливость этой невозможности. Какъ помѣщикъ, какъ человѣкъ, смотрящій очень сходно съ вами на дѣло освобожденія, я прошу у васъ позволенія помѣстить въ *Сельскомъ Благоустройствѣ* ту или другую замѣтку, поправку, возраженіе. Но сотрудничества я ни въ какомъ случаѣ принять не могу.

Глубоко сочувствую мысли о соединеніи и дружномъ дѣйствованіи. Вы знаете, что это не слова съ моей стороны. Еще въ 1846 году я говорилъ объ этомъ не однажды съ А. С. Хомяковымъ. Къ сожалѣнію, долгія попытки на этомъ пути дали очень бѣдные результаты. Статья Григорьева о Грановскомъ и недавній отказъ вашъ и вашихъ соединиться съ нами въ общемъ русскомъ праздникѣ — развѣ это залогъ соединенія и дружнаго дѣйствованія? Пока такъ или иначе не вызовутся признаки искренняго, чистосердечнаго примиренія въ образѣ мыслей, до тѣхъ поръ я остаюсь въ своемъ лагерѣ, почитателемъ, другомъ и послѣдователемъ Грановскаго, его воззрѣній и симпатій. Частныя несогласія съ моими единомышленниками, частныя сочувствія съ вами и вашими въ томъ или другомъ вопросѣ не измѣняютъ общаго положенія въ моихъ отношеніяхъ къ той и другой сторонѣ. Полагаю, что вы отказали бы мнѣ въ уваженіи, еслибъ я думалъ или поступалъ иначе.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть вашимъ, милостивый государь, покорнѣйшимъ слугою

К. Кавелинъ.

Послѣ этого письма Кавелинъ не имѣлъ никакихъ сношеній съ Кошелевымъ до назначенія послѣдняго на службу въ Царство Польское. Переписку же съ нимъ возобновилъ лишь въ 1881 г., по слѣдующему поводу. По смерти Ю. Ѳ. Самарина, котораго высоко цѣнилъ Кавелинъ, среди друзей его, при ревностномъ участіи Кавелина, возникла мысль объ основаніи при Московскомъ университетѣ, путемъ частной подписки, преміи имени Ю. Ѳ. Самарина за сочиненія, касающіяся крестьянскаго и земскаго дѣла въ Россіи. Проектъ правилъ о Самаринской преміи, составленный при участіи Кавелина, былъ высочайше утвержденъ 16-го мая 1877 года. 1-го февраля 1881 года совѣтъ Московскаго университета избралъ въ члены учрежденной при юридическомъ факультетѣ коммиссіи для присужденія Самаринскихъ премій К. Д. Кавелина и А. И. Кошелева. Бывшій въ то время ректоромъ Московскаго университета Н. С. Тихонравовъ въ письмѣ къ К. Д. Кавелину отъ 8-го марта 1880 г., между прочимъ, говоритъ слѣдующее: «Симъ избраніемъ совѣтъ Московскаго университета желалъ съ одной стороны засвидѣтельствовать чувства глубокаго уваженія къ ученымъ заслугамъ вашимъ, съ другой — почтить въ лицѣ вашемъ участниковъ учрежденія преміи Ю. Ѳ. Самарина, живущихъ въ Петербургѣ».

Вопросу о присужденіи Самаринскихъ премій посвящены три письма А. И. Кошелева къ К. Д. Кавелину. Изъ нихъ помѣщаемъ самое послѣднее (первыя два касаются подробностей, не имѣющихъ общаго интереса).

Москва, 20 апрѣля 1883 г.

Премного вамъ благодаренъ, искренно и глубоко уважаемый Константинъ Дмитріевичъ, за ваше письмо отъ 16-го.

О книгѣ Кейсслера было говорено въ нашемъ засѣданіи; но какъ никто ее не отстаивалъ, и какъ она написана по-нѣмецки, то мы на ней и не остановились. Мнѣ она совершенно неизвѣстна и не помню въ *Вѣстникѣ Европы* вашей рецензіи [6]). Куплю и прочту эту книгу, и постараюсь отыскать вашу статью. Въ условіяхъ по присужденіи преміи не сказано, что сочиненіе непремѣнно должно быть написано по-русски. Это почти само собою разумѣется. Иначе какъ бы не пришлось присудить премію англичанину Мак. Уалэсу, который и о земскомъ и о крестьянскомъ дѣлѣ болѣе, полнѣе и

---

[6]) Кейсслеръ, авторъ книги: *Zur Geschichte und Kritik des bauerlichen Gemeinde-Besitz in Russland,* первый томъ которой вышелъ въ 1877 г. и вызвалъ сочувственную рецензію Кавелина въ *Вѣстникѣ Европы* 1878 г., май, стр. 200—233.

лучше написалъ, чѣмъ кто-либо изъ русскихъ. Впрочемъ, прочту непремѣнно сочиненіе Кейсслера, и тогда мы еще потолкуемъ.

Знаете: ваши надежды на наше скорое возрожденіе меня теперь еще болѣе удивляютъ, чѣмъ въ январѣ. Особенно поражаютъ ваши слова: «мнѣ это стало еще болѣе видно съ тѣхъ поръ, что попалъ въ президенты вольно-экономическаго общества и что вошелъ въ сношенія съ разными лицами внутри Россіи». Мы живемъ внутри Россіи, видаемся съ пріѣзжими изъ разныхъ и многихъ губерній; принимаемъ участіе въ уѣздномъ и губернскомъ земскихъ собраніяхъ; и признаться, ничего отраднаго, оживляющаго не видимъ. Еслибъ это говорилъ только 76-лѣтній старикъ, то это ничего бы не значило; но съ особенною силой, обдуманностью и грустью это выражаютъ люди 40 и 50 лѣтъ. Положеніе крестьянъ и въ экономическомъ, и въ нравственномъ, и въ общественномъ отношеніи крайне грустно и тяжко; и оно не улучшается, а видимо ухудшается. Крестьянское самоуправленіе исчезаетъ и превращается въ распорядокъ исправника и урядниковъ. Крестьянская нравственность явно слабѣетъ и замѣняется гнуснымъ утилитаризмомъ и даже мошенническими продѣлками и грабежами. А потребность въ религіозности удовлетворяется самыми нелѣпыми расколами; церковь же наша—чистая казенщина, ремесло для духовенства и наружный обрядъ для населенія. Положеніе землевладѣльцевъ не лучше,—они бѣгутъ на какую-нибудь службу, ибо въ деревнѣ жить и не безопасно, и скучно, и тяжело. Въ городахъ, пожалуй, немного поснснѣе: и не такъ скучно, есть и болѣе возможности жить на чужой счетъ. Частная жизнь скучна и одна неудовлетворительна, общественная и земская—почти невозможны, а литературно-публицистическая совершенно невозможна. Наша нынѣшняя земская дѣятельность отталкиваетъ отъ себя хоть кого: ни крѣпостники, ни либералы не имѣютъ большинства въ собраніяхъ, а его составляютъ случайно присоединяющіеся къ тѣмъ или другимъ искатели или обладатели земскихъ хотя и не теплыхъ, но нѣсколько согрѣвающихъ мѣстъ. Все это ужасно, но еще грустнѣе, еще болѣе приводящее въ отчаяніе то, что въ молодежи не замѣтно ничего ее объединяющаго, ее сильно оживляющаго и къ чему-либо устремляющаго. Знаете: молодежь живетъ нашею или еще болѣе глупою жизнью, чѣмъ мы.

Въ васъ зародилась какая-то надежда, вы что-то отраднѣе и живительнѣе видите; ради Бога, подѣлитесь съ нами. Озарите насъ хоть искрою надежды. Вѣчно будемъ за васъ Бога молить.

Не подумайте, что личныя мои обстоятельства омрачаютъ мой

взглядъ на дѣла міра сего. Нѣтъ! И въ семейномъ, и въ финансовомъ, и въ общественномъ, и даже въ земскомъ отношеніи—я долженъ бы не печалиться, а радоваться.

Слѣдовательно мой *я* не при чемъ въ настроеніи моихъ воззрѣній.

Если соблаговолите мнѣ отвѣтить, то поспѣшите, ибо 2 мая я ѣду за границу съ женою, которую отправляють на воды; да и мнѣ совѣтуютъ попить и покупаться въ Эмсѣ. Замѣтьте, не въ Маріенбадѣ и не въ Виши, изгоняющихъ желчь.

Извините, что заболтался, но вы задѣли за самое во мнѣ живое.

Вамъ преданный *А. Кошелевъ* *).

---

*) Въ отвѣтѣ *славянофила* Кошелева *западнику* Кавелину краски, конечно, очень сгущены. Мы печатаемъ это письмо какъ любопытный историческій документъ.

Ред.

ПЕНСІОНЕРЫ.

(Разсказъ).

I.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Андреевичъ Вырыпаевъ, старикъ лѣтъ шестидесяти пяти, больной и хилый, жилъ въ губернскомъ городѣ не только скромно, но даже и въ нѣкоторой нуждѣ. Нужда эта происходила отъ того, что, вышедши въ отставку и получивши за выслугу лѣтъ полную пенсію, онъ, по старческому легкомыслію (что случается даже и со стариками) поручился за какого-то пріятеля, который по дружбѣ и «нагрѣлъ» его на довольно приличную сумму. Вотъ за этотъ-то «нагрѣвъ» у его превосходительства ежемѣсячно и вычитали изъ пенсіи извѣстную узаконенную долю. Но его превосходительство на судьбу не ропталъ потому, во-первыхъ, что не былъ пріученъ къ тому съ дѣтства, а, во-вторыхъ, и потому, что вообще былъ человѣкъ покладистый и не требовательный. Онъ былъ холостъ, одинокъ, фортуной не избалованъ,—воспитывался въ ежовыхъ рукавицахъ судьбы-матушки и до крайности смирный. Жилъ онъ въ гостиницѣ, въ очень маленькомъ номерочкѣ, чуть ли не подъ крышей, и въ той же гостиницѣ столовался, за что и платилъ ежемѣсячно по пятидесяти рублей.

Иванъ Андреевичъ происходилъ изъ духовнаго званія и былъ сыномъ дьячка села Вырыпаева, почему и носилъ фамилію Вырыпаевъ. Когда-то онъ жилъ въ бурсѣ, воспитывался въ духовной семинаріи, кончилъ курсъ по первому разряду, а затѣмъ, не имѣя призванія къ отправленію пастырскихъ обязанностей, вышелъ изъ духовнаго званія и поступилъ на службу въ какую-то палату. На службѣ его особенно не баловали, по головкѣ не гладили, къ наградамъ и орденамъ ни за что, ни про что не представляли и пле-

вать выше носа не дозволяли. По служебной лѣстницѣ подвигался онъ медленно, черезъ ступеньки не перескакивалъ и, въ концѣ-концовъ, дотянувъ до дѣйствительнаго статскаго совѣтника, т.-е. сдѣлавшись превосходительнымъ, вышелъ въ отставку.

Достаточно было взглянуть на Вырыпаева, чтобы тотчасъ же догадаться, что это былъ чиновникъ стараго закала. Онъ тщательно выбривалъ лицо, считая усы и бороду либерализмомъ, зачесывалъ напередъ височки и даже никакъ не могъ разстаться съ тупеемъ, который прибадривалъ кверху. Лѣтомъ, отправляясь къ обѣдни, онъ надѣвалъ старомодный цилиндръ и шинель съ бархатнымъ воротникомъ и капюшономъ, а зимой закутывался въ порыжѣвшую енотку и обматывалъ шею шарфомъ. Это былъ богомольный и религіозный старикъ, не пропускавшій ни единаго праздника и ни единаго воскреснаго дня, чтобы не побывать у обѣдни. Становился онъ всегда позади праваго клироса, подтягивалъ дрябленькимъ баскомъ дьячкамъ и въ полголоса повторялъ возгласы священника и ектеніи дьякона. Онъ предпочиталъ приходскую церковь, гдѣ меньше было давки и гдѣ отсутствовалъ аристократическій элементъ, и въ которой всѣ знали его, начиная со священника и кончая церковнымъ сторожемъ. Священникъ одѣлялъ его просфорами, а сторожъ каждый разъ, по окончаніи обѣдни, поздравлялъ его съ праздникомъ и величалъ вашимъ превосходительствомъ. Его величали точно такъ же и всѣ нищіе, обычно торчавшіе на церковной паперти и которыхъ онъ постоянно одѣлялъ милостыней. На этотъ случай онъ, получая свою пенсію, просилъ казначея давать ему три рубля новенькими мѣдными копѣечками, каковыя и назывались нищими генеральскими золотыми.

Итакъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Вырыпаевъ доживалъ свой вѣкъ тихохонько, смирнехонько, какъ и всѣ дѣйствительные статскіе совѣтники его лѣтъ, какъ вдругъ съ нимъ случилось нѣчто такое, чтò случается далеко не со всѣми ему подобными. Вотъ этотъ-то именно случай я и собираюсь передать вамъ.

Было часовъ девять утра. Въ номерочкѣ Вырыпаева кипѣлъ на столѣ самоваръ и было приготовлено все нужное для чая, но самъ Вырыпаевъ не выходилъ еще изъ своей спальной. Горничная, хорошенькая и шустрая дѣвушка лѣтъ двадцати, но растрепанная и не пріодѣтая, торопливо убирала комнату.

— Что-то заспался сегодня,—бормотала она, поглядывая на дверь.—Хорошо бы убрать до него... А то опять ворчать зачнетъ.

Но не успѣла она проговорить этого, какъ дверь отворилась и въ комнату вошелъ Вырыпаевъ. Онъ только что проснулся... На

немъ былъ какой-то засаленный халатъ и какія-то туфли, шлепавшія по полу.

— Что, не убрала еще, мамуличка,—проворчалъ онъ, подходя къ чайному столу.—Однако, ты того... копаешься, сударынька.

— Поневолѣ не уберешь, коли на двадцать номеровъ одна горничная,— оправдывалась она, продолжая мести комнату. — Тутъ звонятъ, тамъ звонятъ... Не разорваться, поди.

— Вотъ этимъ-то и нехороши ваши номера.

— За то насчетъ остального, сударь...

— Какой я сударь!—крикнулъ онъ, топнувъ ногой.—Не сударь я, а ваше превосходительство... Вотъ кто я.

— Тьфу, опять забыла... За то,—продолжала она,—насчетъ остального прочаго спокойны. Ништо на квартирѣ жимши полусоткой-то обойдетесь? Какже... По нонѣшнимъ временамъ одной прислугѣ сколько отдать надо... А въ номерахъ-то у вашего превосходительства все готово. И самоварчикъ, и обѣдъ, и ужинъ... И сапожки вамъ почистятъ, и комнатки уберутъ, и въ лавочку сбѣгаютъ, и газету...

— А гдѣ газета?

— А энто что? на комодѣ-то,—отвѣтила горничная, указывая щеткой на газету, лежавшую на коммодѣ.

— Ну, вотъ, такъ и есть... Сколько разъ говорилъ: класть газету рядомъ съ самоваромъ, — проговорилъ Вырыпаевъ, взявъ газету и заваривая чай.—Здѣсь она на глазахъ, а тамъ чортъ ее увидитъ... И прочитать-то забудешь.

— Виновата, сударь.

— Опять?

— Тьфу.

— Любовники въ головѣ-то.

— Что ужъ это, ваше превосходительство. Поди, я невѣста.

— Ну?—вскрикнулъ Вырыпаевъ, добродушно улыбаясь.

— Ей-Богу-съ.

— Давно ли, родимушка?

— Со вчерашняго числа-съ.

— Не врешь?

— Сохрани Господи. Хошь сами спросите... Вы и жениха-то знаете.

— Кто такой?

— Колидорный изъ главнаго колидора, Иванъ Максимычъ.

— Это усастый-то?

— Ну да, молодцоватый.

— Поздравляю, поздравляю.
— Благодарю васъ, ваше превосходительство.
— А человѣкъ-то онъ хорошій?—спросилъ Вырыпаевъ, принимась за чай.
— Надо бы лучше, да нельзя!—вскрикнула горничная восторженно.—Даже совсѣмъ на лакея не похожъ, словно баринъ. А главное дѣло—деньжонки водятся.
— Богатый, значитъ?
— Богатый не богатый, а со средствіями. Извѣстно, главный колидоръ не съ нашимъ сравнять. Тамъ номера дорогіе и хорошіе господа останавливаются, не то, что здѣсь. Намедни,—продолжала она, все болѣе и болѣе восторгаясь,—анженеръ одинъ налетѣлъ... такъ не повѣрите... Каждый день Ивану Максимычу то рублевку, то трюшницу... А когда собираться началъ, пятишницу подарилъ. На, говоритъ, тебѣ, Иванъ, за твою усердную службу.
— Барышенъ, небось, доставлялъ...
— Ну, а вотъ мое-то дѣло плохое.
— Почему?
— Все-таки, слѣдовало бы къ свадьбѣ платьице хорошенькое сшить, дипломатецъ, бѣльишко кое-какое справить... А гдѣ взять-то? Колидоришко нищенскій... Актеришки больше, да живописцы, а ужъ отъ такихъ жильцовъ, какъ отъ кошки лепешки, аль отъ собаки блиновъ! А мое дѣло — сиротское... Ни отца, ни матери... Помочь не кому...
— Молись Богу, чтобъ я двѣсти тысячъ выигралъ.
— Дождешься... Нѣтъ, ужъ вы, коли милость ваша будетъ, хошь бы на платьице рубликовъ десять подарили... И ручки, и ножки расцѣловала бы.
— И далъ бы, да нѣтъ ихъ.
— То-то, вѣдь, и горе-то наше... Сунешь руку-то въ карманъ, хвать—дыра въ горсти.
Въ это самое время кто-то постучалъ въ дверь.
— Никакъ стучитъ кто-то?—спросилъ Вырыпаевъ.
— Ктой-то стукнулъ.
Стукъ повторился и Вырыпаевъ крикнулъ:
— Войдите.
Вошелъ докторъ Богданъ Богданычъ Крафтъ.
— Вашему превосходительству,—проговорилъ онъ.
— А... Богданъ Богданычъ. Здравствуйте, голубушка.
— Ну, что, какъ дѣла? — спросилъ докторъ, взявъ стулъ и подсаживаясь къ Вырыпаеву.

— Скверно, мамуличка.

— Что такъ?

— Желудокъ плохо дѣйствуетъ.

— А микстуру принимали?

— Толку нѣтъ. Ужъ я теперь соленые груздочки ѣсть началъ... баба одна посовѣтовала... Ну, получше стало.

— А сердце какъ?

— По-старому.

— Дайте-ка пульсъ.

Докторъ принялся щупать пульсъ, а Вырыпаевъ тѣмъ временемъ жаловался на потерю памяти.

— Совсѣмъ, родимушка, ослабла, — говорилъ онъ. — Вчера, напримѣръ, пріятель одинъ завернулъ... Сидимъ, разговариваемъ, а я смотрю на него и никакъ не могу припомнить его фамилію... Вотъ потѣха-то, ей-ей. Пріятель смѣтилъ это. «Вы что это, спрашиваетъ, такъ пристально смотрите на меня, ваше превосходительство?» Такъ и такъ, говорю, ваше превосходительство, — а онъ тоже изъ дѣйствительныхъ,—не могу припомнить вашей фамиліи. «Это, говоритъ, случается съ нашимъ братомъ. Я, говоритъ, и самъ забылъ вашу фамилію». А немного погодя припомнили... Вѣдь, вы, говорю, Косолаповъ. «А вы — Вырыпаевъ»... Такъ расхохотались даже.

— А у васъ что-то въ животѣ бурчитъ.

— Это груздочки дѣйствуютъ,— пояснилъ Вырыпаевъ. — Я, вечоръ, цѣлую тарелку съѣлъ... да съ какимъ аппетитомъ-то.

— Знаете ли, что̀ бы я вамъ посовѣтовалъ? — перебилъ докторъ.

— Что, мамуличка?

— Дачу бы нанять... Въ лѣсу гдѣ - нибудь, на берегу рѣки. Теперь самое дачное время... Купались бы, рыбку удили бы...

— Господи,—вскрикнулъ Вырыпаевъ, всплеснувъ руками.— Да я объ этомъ только и мечтаю... Вѣдь, я коренной рыболовъ. Когда я жилъ во Владимірѣ на Клязьмѣ...

— Дача вамъ необходима, — перебилъ его докторъ, не разъ уже слышавшій про Клязьму.—Больше воздуху, больше моціону...

II.

— Вотъ, вотъ, и я то же самое говорилъ ему, — вскрикнулъ вдругъ влетѣвшій въ комнату Верхолетовъ.—Тоть-въ-точь то же самое. Моціону, какъ можно больше моціону.

Увидавъ Верхолетова, Вырыпаевъ отъ радости вскочилъ съ мѣста и принялся цѣловать и обнимать его.

— Голубушка,—кричалъ онъ.—Вотъ не ожидалъ-то.

— Постой,— перебилъ тотъ, отталкивая пріятеля и бросивъ снятое съ себя пальто на руки горничной. — Какъ можно больше моціону... ружье себѣ купи, собаку...

— Я рыболовъ, мамочка.

— А я говорю, ружье купи.

— Да я никогда не стрѣлялъ.

— Стрѣляй, ходи по оврагамъ, по кручамъ, по лѣсу шатайся, купайся, плавай...

— Не умѣю я.

— Пузыри купи... А главное — дачу, дачу и дачу... Непремѣнно дачу... А у меня, кстати, есть одна на примѣтѣ... Прелестная дача... Въ лѣсу, на берегу рѣки, купальня подъ носомъ и воздухъ такой, какого и въ раю не нюхали... И за все за это только триста рублей.

Вырыпаевъ даже со смѣху покатился.

— А у меня и трехсотъ копѣекъ нѣтъ.

— У меня займи.

Но вдругъ, взглянувъ на доктора, вскрикнулъ:

— Батюшка, Богданъ Богданычъ, отецъ родной... Вотъ не замѣтилъ-то. Вотъ странность-то.

И, протянувъ ему обѣ руки, прибавилъ:

— Слышу, бормочетъ кто-то, а взглянуть-то и не догадался. Здравствуйте, какъ поживаете?

Но, увидавъ на столѣ самоваръ, подбѣжалъ къ столу.

— А, самоваръ... Отлично, отлично...

И, обратясь къ горничной, прибавилъ:

— Эй, ты, какъ тебя? Тащи сюда стаканъ, блюдечко, да калачъ горячій. Я привыкъ съ калачомъ.

Горничная побѣжала, а Верхолетовъ подсѣлъ къ столу и принялся распоряжаться, какъ дома.

— Вамъ, Богданъ Богданычъ, чайку не угодно ли?

Но тотъ поблагодарилъ и отказался. Вырыпаевъ словно обрадовался, что онъ освободился отъ хлопотъ, и поспѣшно направился къ двери своей спальной комнаты.

— Ну, голубчики,—проговорилъ онъ,—распоряжайтесь, какъ вамъ заблагоразсудится, а меня извините... Я сію минуту, сію минуту...

— Ступай, ступай... И безъ тебя справимся.

Верхолетовъ былъ другъ и пріятель Вырыпаева, когда-то вмѣстѣ учились, вмѣстѣ поступали на службу и вмѣстѣ же служили. Только Верхолетовъ, послѣ наступившихъ реформъ, счелъ болѣе выгоднымъ службу оставить и приняться за адвокатуру. Онъ былъ почти одних лѣтъ съ Вырыпаевымъ, но гораздо свѣжѣе и молодцоватѣе. Это былъ очень живой и энергичный человѣкъ, съ густыми волосами, которые слегка подкрашивалъ, съ румянымъ и свѣжимъ лицомъ и быстрымъ взглядомъ. Онъ любилъ пофрантить, щегольнуть... любилъ поѣсть, выпить и даже попріударить за женщинами. Онъ посѣщалъ театры, клубы, маскарады, игралъ въ картишки и вообще любилъ пожить въ свое удовольствіе. Адвокатъ онъ былъ неутомимый и отличался способностью находить себѣ кліентовъ. У него всегда были дѣла. Онъ имѣлъ обширное знакомство среди богатаго купечества, бражничалъ съ этимъ купечествомъ, кумился съ нимъ, обдѣлывалъ всевозможныя дѣла и дѣлишки и пользовался въ этой средѣ не только расположеніемъ, но даже считался какъ бы своимъ человѣкомъ.

Этотъ-то самый Верхолетовъ, какъ только Вырыпаевъ вышелъ изъ комнаты, оглянулся кругомъ и, убѣдившись, что въ комнатѣ кромѣ его и доктора не было никого, спросилъ, понизивъ голосъ:

— Скажите, Богданъ Богданычъ, какъ вы находите этого франта?

— Кого?

— Вырыпаева. Что съ нимъ такое?

— Астма,— отвѣтилъ докторъ.

— Отлично.

— И порокъ сердца.

— Превосходно. Ну-съ, а долго онъ можетъ прожить?

— Не думаю.

— Чудесно... А средствъ никакихъ, чтобы помочь?

— Напротивъ,— вскрикнулъ докторъ.— Очень много, и даже превосходныхъ, но... всѣ онѣ на практикѣ оказываются негодными.

— Значитъ, капутъ?

— Всенепремѣнно.

— Скоро?

— Годъ, два...

— Не больше?

— Никоимъ образомъ.

— Безподобно...

Онъ хотѣлъ еще спросить о чемъ-то, но какъ разъ въ эту минуту дверь пріотворилась и въ нее просунулась чья-то кудрявая голова.

— Его превосходительство у себя будуть-съ?—спросила она.

— Ты что?—крикнулъ Верхолетовъ.

Это былъ молодецъ изъ лавки.

— Да вотъ,—проговорилъ онъ,—хозяинъ по счету деньги получить приказалъ съ его превосходительства...

— Сколько?

— Тридцать рублей-съ...

— Хорошо, ступай.

— Хозяинъ такъ приказалъ,—заговорилъ молодецъ,—коли, значитъ, дома ихъ не будетъ, али, значитъ, къ примѣру, денегъ не отдадутъ, такъ чтобы прямо, значитъ, къ мировому...

— Значитъ и ступай къ мировому.

— Они, можетъ, отдадутъ...

— Кто? Иванъ Андреичъ-то?—вскрикнула вдругъ горничная, воротившаяся съ калачомъ и стаканомъ.—Нѣтъ, нѣтъ, и не думай,—денегъ нѣтъ. Онъ и намъ второй мѣсяцъ ни гроша...

— Намъ, намъ,—передразнилъ ее Верхолетовъ, вырывая у нея изъ рукъ калачъ и стаканъ.—Кому это намъ? Ужъ не тебѣ ли?

— Знамо, хозяину.

— Такъ и говори, а то—намъ. Ты прежде наживи такой домикъ-то, тогда и говори. Ну, ступай, убирайся...

И онъ принялся за чай.

— Что-жъ, и мнѣ уходить, значитъ?—спросилъ молодецъ, когда горничная вышла.

— Конечно. Слышалъ, что денегъ нѣтъ.

— Такъ я, значитъ, къ мировому...

— Ступай, онъ тебѣ изъ своихъ заплатитъ.

Молодецъ что-то проворчалъ и вышелъ, а докторъ обратился къ Верхолетову.

— Я удивляюсь его превосходительству,—проговорилъ онъ.—Такую солидную пенсію получаетъ, такъ скромно живетъ и всегда безъ денегъ.

— Дуракъ, оттого и безъ денегъ.

— Даже мнѣ и то задолжалъ...

— За визиты не заплатилъ?

— За десять визитовъ...

— А вы къ мировому... Чего на него смотрѣть-то. Вѣдь, вы, надо думать, изъ-за того только и учились, чтобы потомъ деньгу получать?

— Конечно.

— Такъ вы вотъ что сдѣлайте... Мнѣ поручите... Я съ него живой рукой взыщу... Минуты не дамъ.

— Ахъ, пожалуйста. Самому какъ-то совѣстно...

— А нашему брату плевое дѣло.

— Я буду вамъ очень благодаренъ.

— Такъ и сдѣлаемъ. Я заѣду къ вамъ, вы подпишите мнѣ довѣренность, и я тотчасъ же къ мировому.

И, перемѣнивъ тонъ, прибавилъ:

— Вотъ вы удивляетесь, что у этого франта денегъ нѣтъ... Очень просто. По глупости. Вѣдь, онъ все на старый манеръ... Какъ при царѣ Горохѣ жили, такъ онъ и теперь живетъ... Даже не слѣдитъ за вѣкомъ. А, вѣдь, вѣкъ-то все впередъ идетъ... Ну, можно ли, скажите Бога ради, въ наше время, за кого бы то ни было ручаться? Вѣдь, вы не поручитесь за меня?

— Ни за что.

— Точно также и я за васъ... Вѣдь, такъ?

— Такъ, такъ.

— А онъ, дуракъ, взялъ, да и поручился за кого-то. Теперь и приходится платить. Вѣдь, вотъ она куда, пенсія-то, уходитъ.

И Верхолетовъ принялся за чай.

— Однако,— проговорилъ докторъ, посматривая на часы,— его превосходительство замѣшкался что-то.

— А вамъ онъ нуженъ?

— Нѣтъ, проститься хотѣлъ.

— А не нуженъ, и шутъ съ нимъ. Все равно, денегъ не отдастъ.

— Главное дѣло,— проговорилъ докторъ, поднимаясь съ мѣста,— некогда... Трухачевъ зачѣмъ-то просилъ заѣхать...

Верхолетовъ расхохотался.

— Я знаю зачѣмъ,— проговорилъ онъ.

— Что онъ, боленъ?

— Вчера у племянницы вечеринка музыкальная была, такъ вотъ съ музыки-то голова трещитъ. У меня тоже,—прибавилъ онъ, показывая на голову и потомъ отчаянно махнувъ рукой.

— Выпивка была?—спросилъ докторъ, разсмѣявшись.

— Маленькая.

— Какъ же это такъ?—спросилъ докторъ.—Самъ проектъ пишетъ объ уничтоженіи пьянства, а между тѣмъ...

— Это онъ про народъ пишетъ, а господамъ можно.

— Однако, прощайте,— заторопился докторъ.— Онъ просилъ пораньше...

— Ступайте, ступайте.

И, распростившись съ Верхолетовымъ, докторъ направился было къ двери, но, что-то вспомнивъ, остановился.

— Такъ вы завернете ко мнѣ?—спросилъ онъ.

— Непремѣнно, непремѣнно.

— Пожалуйста. Вѣдь, это, въ самомъ дѣлѣ, ни на что не похоже. Даже лѣчить никакой нѣтъ охоты.

И докторъ вышелъ.

III.

«Да, — соображалъ Верхолетовъ, оставшись одинъ, — лучше этого жениха подыскать трудно... Удовлетворяетъ, такъ сказать, всѣмъ нашимъ требованіямъ. Точно нарочно сдѣланъ на такой случай. Какъ по заказу. И ваше превосходительство, и старъ, и слабъ, и даже въ скоромъ будущемъ отправится къ праотцамъ. На немъ и остановимся».

— Ну, вотъ и я, мамуличка,—проговорилъ Вырыпаевъ, выходя, наконецъ, изъ спальной и понюхивая табакъ.— А гдѣ же докторъ?

— Некогда ему, уѣхалъ.

— Какъ я радъ тебя видѣть, родимушка. Такъ радъ, что представить не можешь. Ты совсѣмъ забылъ меня.

— Некогда, братецъ, некогда.

— Аблокатствуешь все? Дѣла одолѣли?

— Ужъ именно, что одолѣли.

— Ахъ, милашка, ахъ, прелесть моя...

— И къ тебѣ-то по дѣлу завернулъ.

— Ну?—удивился Вырыпаевъ.

— И даже по очень важному.

— По какому это, красавица?

— Хочу, братецъ, озолотить тебя.

Вырыпаевъ захохоталъ.

— Не шутя говорю.

— Ну, ну, золоти, золоти...

— Хочу,— продолжалъ Верхолетовъ, кончая свой чай и обнимая друга,—чтобы ты жилъ настоящимъ превосходительствомъ, въ приличной квартирѣ, съ приличной обстановкой, а не какимъ-то жуликомъ, который ни въ лавочку не платитъ, ни за квартиру, ни доктору, и живетъ, чортъ знаетъ, на какомъ-то чердакѣ. Помилуй,— вскрикнулъ онъ, всплеснувъ руками,—вѣдь, это мерзость, срамо-

та... Ты, заслуженный человѣкъ, кавалеръ разныхъ орденовъ, и вдругъ въ такой конурѣ, въ которой ни свѣта, ни воздуха... Вѣдь, это свинство... Теперь въ тюрьмахъ даже заботятся о комфортѣ, гдѣ не генералы живутъ, а просто мошенники, а ты...

— Постой, мамуличка, постой,—перебилъ Вырыпаевъ, наливая себѣ чаю.—Во-первыхъ, я къ этому номеру привыкъ, а во-вторыхъ, по одёжкѣ протягивай ножки.

И думая, что онъ сказалъ великую истину, даже прищелкнулъ языкомъ и поднялъ кверху палецъ. Но Верхолетовъ обругалъ его дуракомъ и съ досады плюнулъ.

— Да, вѣдь, это все старыя, истрепавшіяся пословицы,—вскрикнулъ онъ,—рухлядь, которую порядочные люди давнымъ-давно повыкидали на чердакъ. Помни, братецъ, — продолжалъ онъ,— что мы наканунѣ двадцатаго вѣка, когда, взамѣнъ разныхъ глупыхъ пословицъ, одиннадцатую заповѣдь придумали. А ты про какую-то «одёжку» вспомнилъ...

— Какая же это одиннадцатая заповѣдь?

— Не зѣвай, вотъ какая. Знаешь ли, чтò бы я на твоемъ мѣстѣ сдѣлалъ? — спросилъ онъ, скрестивъ на груди руки и устремивъ на Вырыпаева вопрошающій взглядъ.

— Что, милашка?

— Женился бы.

— Кто же тебѣ мѣшаетъ?

— Чинъ! Будь я въ твоихъ чинахъ, не задумался бы.

— А про лѣта забылъ?

— Теперь лѣта—плевое дѣло.

— Вотъ-те разъ!

— Мнѣ,—заговорилъ Верхолетовъ,—пятьдесятъ девять, а ты на шесть лѣтъ старше меня. Вотъ и считай, сколько тебѣ... Шестьдесятъ пять?

— Самый жениховскій возрастъ,— подшутилъ Вырыпаевъ.

— Именно жениховскій, такъ какъ по закону разрѣшается вступать въ бракъ до восьмидесяти лѣтъ. У тебя еще цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ впереди.

— Подождать, значитъ, можно.

— Нѣтъ, постой. Вѣдь, я безъ шутокъ говорю. Хорошія деньги возьмешь.

— Пошелъ ты...

— Да ты постой, выслушай. Купца Трухачева знаешь?

— Слыхалъ. Богатей, говорятъ.

— Еще бы,—вскрикнулъ Верхолетовъ.—Ну, такъ вотъ... У Трухачева племянница есть...

— А говорятъ, такъ себѣ,—перебилъ его Вырыпаевъ,—танцовщица...

— Точно танцовщица не можетъ быть племянницей,—вскрикнулъ Верхолетовъ.

— Въ церкви и ее встрѣчалъ.

— Ты-то ее встрѣчалъ только, а она-то тебя примѣтила...

— И озарникъ ты только, мамуличка,—подхватилъ Вырыпаевъ, грозя пальцемъ.

— Постой, не перебивай. Ну, такъ вотъ, у Трухачева есть племянница, или танцовщица, это все равно, которую онъ очень любитъ... Самъ онъ человѣкъ вдовый... дѣтей переженилъ, повыдалъ замужъ, честь-честью раздѣлилъ... А вотъ эта, племянница-то, и остается у него какъ бѣльмо на глазу... Дѣвушка она прелестная.

— Хорошенькая, прелесть какая,—вскрикнулъ Вырыпаевъ.

— На фортепьянахъ играетъ...

— Слышалъ, слышалъ, когда мимо дома проходилъ, такъ остановился даже...

— И вотъ Трухачеву пожелалось дать ей имя... Во-первыхъ, надо тебѣ сказать, она мѣщанка, а во-вторыхъ, пристроить. Вотъ на ней-то я и хочу тебя женить.

— Вотъ это отлично!—вскрикнулъ Вырыпаевъ, расхохотавшись.—Да ты съ ума спятилъ, мамуличка?

— Нисколько.

— Какой же я мужъ?

— Да отъ тебя никто и не требуетъ, чтобы ты былъ мужемъ. Намъ требуется только, чтобы ты далъ ей свое имя, т.-е. повѣнчался бы, получилъ денежки и баста.

— А потомъ?—спросилъ Вырыпаевъ.

— А потомъ она выйдетъ замужъ и сдѣлаетъ, конечно, отличную партію.

— Это жена-то моя? Да какъ же она замужъ-то выйдетъ?

— Ахъ, Боже мой,—вскрикнулъ Верхолетовъ.—Не вѣкъ же ты будешь жить. Ну, годъ проживешь, два... Ну, что-жъ такое, потерпитъ. Не велика важность.

— Ты думаешь, что я больше двухъ лѣтъ не проживу?

— Съ астмой, да съ порокомъ сердца?

— Больше,—крикнулъ Вырыпаевъ, вскочивъ съ мѣста.—Больше!

— Никогда!

— А я говорю, больше. Пять, десять, двадцать.

— Пари!

— Идетъ!

— Насколько?

— На сто тысячъ. Нѣтъ, мало. На двѣсти, на триста, чортъ возьми,—горячился Вырыпаевъ.—Я зналъ одного—полтораста лѣтъ прожилъ. При спокойной и довольной жизни,—продолжалъ онъ,—и я полтораста проживу.

— А гдѣ это у тебя спокойная и довольная жизнь? Ужъ не на этомъ ли чердакѣ?

— Другую квартиру найму.

— На какія это деньги?

— Ходить буду, купаться, плавать. Ружье куплю, дьяволъ тебя возьми!

— Да прежде чѣмъ ты ружье-то купишь,—горячился Верхолетовъ,—тебя по судамъ затаскаютъ.

— Какъ? Кто?

— Въ острогѣ сгноятъ.

— Меня?... Кто это посмѣетъ?

— Кредиторы! Вотъ кто! И докторъ, и хозяинъ, и лавочникъ. Вѣдь, они всѣ къ мировому подали.

— Лжешь!

— Какъ?—вскрикнулъ Верхолетовъ.—Я лгу? Я?

— Ты.

— Я?

И, выведенный изъ терпѣнія, Верхолетовъ подбѣжалъ къ звонку и принялся звонить.

— Вотъ я тебѣ покажу, какъ я лгу. Я покажу. А ты думалъ, что коли ты дѣйствительный статскій совѣтникъ, такъ тебя въ острогъ нельзя посадить? Какъ еще посадимъ-то! За милую душу.

И, увидавъ вошедшую горничную, подбѣжалъ къ ней.

— При тебѣ молодецъ изъ лавки приходилъ?—спросилъ онъ.

— При мнѣ-съ.

— Зачѣмъ?

— За деньгами-съ.

— А отсюда куда пошелъ?

— Къ мировому, сказывалъ.

— А хозяинъ собирается къ мировому?

— Хотѣлъ.

— Насчетъ чего?

— Насчетъ того же самаго! Вѣдь, третій мѣсяцъ не платятъ.

И, удовлетворившись этимъ отвѣтомъ, Верхолетовъ повернулъ горничную за плечо и вытолкалъ вонъ.

— Убѣдился?—спросилъ онъ, подойдя къ Вырыпаеву.

— Да, вѣдь, я заплачу, — проговорилъ тотъ, видимо сконфуженный неожиданнымъ сообщеніемъ о мировомъ. — Получу пенсію и расплачусь.

— Да у тебя и пенсіи-то не хватитъ, — подхватилъ Верхолетовъ. — А вотъ кабы ты женился, а... тогда дѣло другое! Тогда, батюшка мой, ты со всѣми долгами расплатился бы и зажилъ бы бариномъ! Вотъ, тогда-то ты могъ бы и квартиру нанять приличную, и дачу... и купаться, и удить. Вотъ при такой жизни, я понимаю, пожалуй, и подольше прожилъ бы. А при настоящей... мигнуть не успѣешь, какъ подохнешь.

— Ну... А много ли дадутъ, мамуличка?— спросилъ Вырыпаевъ ласково.

— Ты какъ, безъ торга желаешь?

— Конечно. Что мы, торгаши что ли?

— Тысячу монетъ дадутъ.

— Мало, голубушка.

— Мало?

— Конечно. Самъ посуди,— продолжалъ онъ.— Вѣдь, мнѣ по одному моему поручительству придется три тысячи заплатить, а затѣмъ мелкіе долги. Ты вотъ, касаточка моя, только трехъ кредиторовъ переименовалъ, а, вѣдь, ихъ больше, много больше. Прачкѣ долженъ—это разъ, портному—это два.

— Сколько же?—перебилъ его Верхолетовъ.

— Тысченокъ десять слѣдовало бы.

— Десять?... Да ты въ своемъ умѣ?

— Вѣдь, я тоже, родимушка, не какой-нибудь... а ваше превосходительство. Конечно, и статскихъ совѣтниковъ величаютъ иногда превосходительствомъ, такъ, вѣдь, это контрафакція, а, вѣдь, я настоящій. Ты читалъ, что ли, мой формуляръ-то? Нѣтъ? Такъ почитай-ка, сейчасъ я покажу тебѣ.

И онъ бросился къ комоду, выдвинулъ ящикъ и принялся перебирать лежавшія въ немъ бумаги.

— Не надо, не надо,—протестовалъ Верхолетовъ, махая рукой.

— Нѣтъ, погоди, мамуличка. Ты меня за живое затронулъ. Я докажу тебѣ, каковъ я человѣкъ. Вѣдь, я не князекъ, не графчикъ, а сынъ сельскаго дьячка.

— Знаю, вѣдь, и я изъ такихъ же. Въ одномъ селѣ родились-то.

— Съ канцелярскихъ служителей началъ,—продолжалъ Вырыпаевъ, даже и не слушая земляка.—Мнѣ эти чины не дешево достались. Они у меня вотъ гдѣ сидятъ,—прибавилъ онъ,—ударивъ себя по хребту.

Но, не найдя формуляра въ комодѣ, побѣжалъ въ спальную.

— Должно, тамъ,—бормоталъ онъ,—въ ночномъ столикѣ.

— Да говорятъ тебѣ, не надо,—продолжалъ Верхолетовъ, но видя, что пріятель, все-таки, убѣжалъ, принялся ходить по комнатѣ.

IV.

«Строго говоря,—разсуждалъ онъ,—можно и накинуть. Вѣдь, такого жениха, дѣйствительно, не скоро найдешь. Онъ еще цѣны себѣ не знаетъ. На дняхъ и дешевый было подвернулся... всего три тысячи запросилъ... пенсіонеръ тоже, генералъ... да тому и трехъ копѣекъ дать нельзя. Въ плечахъ—косая сажень, никогда не хворалъ, купается до заморозковъ и одной рукой десять пудовъ поднимаетъ. И жди, когда такой умретъ.

— Нашелъ, нашелъ! — раздался голосъ Вырыпаева и, вслѣдъ за тѣмъ, онъ выбѣжалъ изъ спальной, помахивая формуляромъ.— Вотъ онъ, мамуличка, вотъ, почитай-ка. Тутъ все значится, красавица,—прибавилъ онъ, показывая формуляръ.—Какія когда награды получалъ, съ какихъ поръ на службу поступилъ. А вотъ и ордена.

— Даже Льва и Солнца имѣешь. Развѣ? — спросилъ Верхолетовъ.

— А какъ же? И звѣзду и ленту.

— Это хорошо. На свадьбу надѣнь.

— Это я за встрѣчу персидскаго шаха.

— Все это отлично, голубчикъ,— замѣтилъ Верхолетовъ, возвращая формуляръ. — Все это дѣлаетъ тебѣ честь, а мнѣ удовольствіе, но... вѣдь, невѣстѣ твои заслуги не требуются и ей отъ нихъ ни тепло, ни холодно. Вотъ ежели бы ты сожительствовалъ съ ней.

— Нѣтъ, нѣтъ, сожительствовать съ ней я не согласенъ.

— Ну, вотъ... Зачѣмъ же ей твои ордена?

— Все - таки, орнаменты. На печати можно вырѣзать... наконецъ, на каретѣ гербъ нарисовать. Это, вѣдь, тоже что - нибудь да значитъ. Такую карету городовой не вотъ тотчасъ отъ подъѣзда прогонитъ. Пожалуй, и околодочный призадумается. Потомъ, обрати вниманіе на мое поведеніе. Въ карты я не играю, водки не пью. Не скандалю, не буяню, не дебоширю.

— Это для нея безразлично.

— Какъ такъ? Вотъ тебѣ разъ! Вѣдь, она, все-таки, фамилію мою будетъ носить. Развѣ пріятно носить фамилію какого-нибудь негодяя или пьяницы? А, скажутъ, генеральша Вырыпаева... жена извѣстнаго пьяницы, который недавно въ кутузкѣ сидѣлъ? Не думаю, чтобъ это было ей особенно пріятно.

— Намъ только одинъ титулъ требуется.

— Одно при другомъ, родимушка.

— Все остальное ерунда. Печати вышли изъ употребленія, гербы городовыми не разсматриваются, а безпутства мужей, даже и при совмѣстномъ сожительствѣ, нашихъ женъ не смущаетъ. Однако, къ дѣлу,—прибавилъ Верхолетовъ, посмотрѣвъ на часы.— Мнѣ еще въ окружный судъ забѣжать надо. Ну, сколько же?

— Десять, мамочка.

— Такихъ денегъ не дадутъ.

И онъ взялъ свою шляпу.

— Да. Чуть не забылъ,—вскрикнулъ Вырыпаевъ.—Вѣдь, я пенсіонеръ.

— Что-жъ изъ этого?

— Умру,—пенсію получать будетъ.

— У нея и своихъ денегъ много. Ну, сколько же?

— А какая твоя цѣна будетъ?

— Я сказалъ.

— Ну, нѣтъ. Это и разговаривать нечего.

— Ну, изволь, двѣ.

— Да понимаешь ли, родимушка, что три тысячи за одно поручительство отдать придется.

— Изволь, даю три.

— А доктору-то? А въ лавочку?

— Три.

— Ни дачку не на что нанять... ни удочекъ купить... Я, когда жилъ во Владимірѣ на Клязьмѣ...

— Три—и больше ни гроша.

— Десять.

Верхолетовъ разсердился даже.

— Съ тобой, я вижу, каши не сваришь,—проговорилъ онъ и, надѣвъ шляпу, направился было къ двери, но Вырыпаевъ остановилъ его и, стащивъ шляпу, спряталъ за спину.

— Отдай шляпу.

— Десять.

— Ну, четыре хочешь?

— Голубушка, накинь хоть сколько-нибудь. Вѣдь, не своими деньгами расплачиваться будешь. Не скупись. Вѣдь, я не чужой тебѣ, свои люди, изъ одного села. Въ бурсѣ вмѣстѣ были. Вѣдь, когда-то въ козонки игрывали...

— А яблоки-то какъ у попа воровали? Помнишь?—вскрикнулъ Верхолетовъ, увлеченный воспоминаніями дѣтства.

— Что тамъ яблоки... Нѣтъ, какъ по засидкамъ-то бѣгали?

И оба расхохотались.

— Парашку-то, помнишь?—спросилъ Верхолетовъ.

— А Устюшку-то?—вскрикнулъ Вырыпаевъ, заливаясь тонкимъ смѣхомъ.—Помнишь, какъ она мимо поповскаго поселка шла...

— И въ фартукѣ требуху несла?—подхватилъ Верхолетовъ.

— Въ огородъ-то ты ее затащилъ, стручки шелушить.

— А въ огородѣ-то—отецъ.

— И началъ онъ тебя за вихры таскать,—подхватилъ Вырыпаевъ, помирая со смѣху.

— Будетъ, будетъ, перестань! Ой, не могу,—ой, колики!—кричалъ Верхолетовъ, ухватившись за бока.—Эхъ, счастливое, братецъ, времячко было. Не воротишь его.

И потомъ, нѣсколько отдохнувъ, прибавилъ.

— Ну, растрогалъ ты меня воспоминаніями. Бери пять и шабашъ.

— Идетъ,—вскрикнулъ Вырыпаевъ.

— Такъ по рукамъ?

И они ударили по рукамъ.

— А когда деньги?—спохватился Вырыпаевъ.

— Конечно, передъ церквой.

— А задаточку, не дашь?

— Сколько?

— Рублей пятьсотъ.

— Изволь, дружище.

И Верхолетовъ, отсчитавъ пятьсотъ рублей, отдалъ ихъ Вырыпаеву.

— А теперь,—прибавилъ онъ,—надѣвай фракъ и ѣдемъ.

— Куда?

— Предложеніе дѣлать.

— Какъ? Сейчасъ?

— Сейчасъ.

— Ну, ладно, ладно, поѣдемъ.

И онъ убѣжалъ въ спальную.

— Чортъ знаетъ. Расчувствовался. Однако, надо предупредить Трухачева, что женихъ нашелся и что мы сію минуту явимся... пусть приготовится.

И, позвонивъ горничную, усѣлся за письменный столъ и принялся писать записку. Вошла горничная.

— Звонить изволи?—спросила она.

— Знаешь, гдѣ домъ Трухачева?—спросилъ Верхолетовъ, заклеивая письмо и передавая его горничной.

— Еще бы не знать такого богатея.

— Ну, такъ вотъ... пошли разсыльнаго, чтобы онъ передалъ ему изъ рукъ въ руки вотъ это письмо, да чтобы скорѣе бѣжалъ. А вотъ это,—прибавилъ онъ, сунувъ ей въ руку какую-то мелкую монету, отдашь ему на чай. Ну, маршъ, живо!

Горничная вышла, а взамѣнъ ея, показался Вырыпаевъ. Онъ успѣлъ уже надѣть фрачныя панталоны и бѣлый жилетъ.

— Вотъ что забылъ, мамуличка,—заговорилъ онъ, повязывая на шею какой-то орденъ.—Расходы твои.

— Какіе еще?

— Мало ли ихъ предстоитъ? Карета, полиція, попу... Можетъ балъ затѣитъ... Это все на его счетъ.

— Ладно, ладно.

— И чтобы жена ко мнѣ не приставала.

— Да одѣвайся же скорѣе!

— Бѣгу, бѣгу, родимушка.

А когда Вырыпаевъ, немного погодя, явился во фракѣ, съ цилиндромъ въ рукахъ и бѣлыхъ перчаткахъ, Верхолетовъ вскрикнулъ:

— А гдѣ же звѣзда?

— Въ залогѣ, милашка, у жида.

— Такъ ѣдемъ и выкупимъ,—вскрикнулъ Верхолетовъ, надѣвая шляпу.—Развѣ можно безъ звѣзды? Товаръ лицомъ показываютъ.

И они вышли изъ комнаты.

V.

Трухачевъ былъ происхожденія не знатнаго. Отецъ его былъ зауряднымъ мѣщаниномъ и служилъ при откупахъ сперва цѣловальникомъ, а потомъ, за усердную и вѣрную службу, былъ произведенъ въ какіе-то кабацкіе ревизоры. Но въ должности этой онъ прослужилъ не долго и вскорѣ умеръ, оставивъ въ наслѣдіе

своему единственному сыну, во-первыхъ, любовь къ кабацкому дѣлу и, во-вторыхъ, небольшія деньжонки, которыя завѣщалъ—на пустяки не тратить, а распоряжаться ими умненько. Но все это было очень давно. Трухачевъ успѣлъ разбогатѣть, купить участокъ земли подъ самымъ городомъ, построить паровую крупчатку, пріобрѣсти въ городѣ каменныя палаты, бросить кабацкое дѣло и зажить лордомъ. Теперь ему было лѣтъ пятьдесятъ съ хвостикомъ, но, несмотря на столь почтенныя лѣта, онъ сохранилъ еще достаточно бодрости и свѣжести. Покончивъ съ кабацкимъ дѣломъ и переселившись изъ деревни въ городъ, онъ тотчасъ же сбросилъ съ себя поддевку, сапоги съ бураками... остригся, обрился и, оставшись при однихъ роскошныхъ бакенбардахъ, преобразился въ джентльмена. Онъ надѣлъ на носъ золотое пенснэ, разукрасилъ пальцы перстнями и кольцами и говорилъ не иначе, какъ самыми отборными фразами, пересыпая таковыя иностранными словами. Онъ даже втюрился по уши въ какую-то танцовщицу, хотѣлъ было жениться на ней, но, найдя это почему-то неприличнымъ, раздумалъ, началъ благодѣтельствовать ей приватнымъ образомъ и назвалъ ее своею племянницей. Онъ нанялъ ей хорошенькую квартиру съ садикомъ, изящно меблировалъ ее, подарилъ ей піанино, пару лошадей, необходимые экипажи и сбрую, нанялъ приличную прислугу, и Людмила Петровна (такъ звали племянницу) зажила своимъ собственнымъ хозяйствомъ. У нея составился свой кружокъ знакомства, завелись пріятели и пріятельницы, и время проходило незамѣтно. Трухачевъ усердно посѣщалъ ее, иногда привозилъ съ собою своихъ пріятелей, въ томъ числѣ и Верхолетова, играли въ карты, ужинали, а затѣмъ разъѣзжались по домамъ. Такъ прошло года два и Трухачевъ не могъ нарадоваться, глядя на свою племянницу. Онъ былъ въ восторгѣ отъ нея.

Объ участи этой Людмилы Петровны и хлопоталъ въ настоящее время Трухачевъ. Матеріально онъ ее обезпечилъ, купивъ ей доходный участокъ земли, то же подъ городомъ и по сосѣдству съ своимъ, но ему хотѣлось дать ей имя, которое предоставило бы ей, на случай его смерти, солидное положеніе въ обществѣ. Добивалась этого и сама Людмила Петровна. Требовалось подыскать такого мужа, который, во-первыхъ, и самъ обладалъ бы именемъ, а вторыхъ, женившись, забылъ бы и думать о женѣ. Сперва предполагали заручиться на этотъ предметъ какимъ-нибудь татарскимъ или армянскимъ князькомъ, заплатить ему приличный гонораръ, повѣнчать и прогнать, но, во-первыхъ, такого князька, по розыску, не оказалось, а во-вторыхъ, на такихъ князьковъ Людмила

Петровна, почему-то, плохо надѣялась. Хорошо, какъ давши ей имя онъ оставитъ ее въ покоѣ, а ну какъ, вмѣсто свободы, пожелаетъ воспользоваться своими правами, или, хуже того, начнетъ то и дѣло приставать на счетъ денегъ. Наконецъ, Людмила Петровна увидала какъ-то въ церкви Вырыпаева. Онъ ей сразу пришелся по душѣ. Она собрала о немъ кое-какія справки, раза два видѣла его даже во снѣ и порѣшила, что съ такимъ мужемъ она будетъ какъ у Христа за пазухой.

Однако Трухачевъ, помимо заботъ о дарованіи Людмилѣ Петровнѣ имени, былъ очень занятъ и другимъ, не менѣе серьезнымъ вопросомъ. Будучи губернскимъ земскимъ гласнымъ отъ крупныхъ землевладѣльцевъ, онъ готовилъ къ предстоящему собранію обширный и обстоятельный докладъ о совершенномъ уничтоженіи въ Россіи винокуренія и виноторговли, какъ самыхъ главнѣйшихъ причинъ всѣхъ народныхъ бѣдствій, какъ нравственныхъ, такъ и финансовыхъ. Онъ такъ былъ поглощенъ разработкой этого колоссальнаго проекта, долженствовавшаго измѣнить типъ русскаго мужика, его благосостоянія и домашней обстановки, что просиживалъ надъ этимъ проектомъ дни и ночи и даже нанялъ себѣ въ помощники какого-то финансиста, котораго и назвалъ своимъ личнымъ секретаремъ.

Однако возвратимся къ прерванному разсказу.

VI.

Въ описываемое утро у Людмилы Петровны, у которой наканунѣ, какъ намъ извѣстно, былъ маленькій музыкальный вечеръ, съ участіемъ нѣкоторыхъ оперныхъ пѣвицъ и пѣвцовъ и музыкантовъ театральнаго оркестра, проснулась позднѣе обыкновеннаго и только въ исходѣ двѣнадцатаго часа принялась за свой кофе.

— Однако, барышня, вы сегодня долгонько-таки пропочивали,—замѣтила прислуживавшая ей горничная.—Двѣнадцатый часъ.

— Еще бы, послѣ вчерашней вечеринки-то,—замѣтила Людмила Петровна.—Совсѣмъ на разсвѣтѣ стали разъѣзжаться. Поневолѣ проспишь.

— Ахъ, ужъ и весело только было!—вскрикнула горничная, всплеснувъ руками.

— Да?

— Страсть какъ весело, барышня! Ужъ очень хорошо этотъ баритонъ пѣлъ... забываю все его фамилію.

— Понизовскій?

— Да, да, Понизовскій. Ужъ такъ-то хорошо, такъ-то хорошо.

— Тебѣ понравилось?

— Еще бы не понравиться. Ужъ очень господинъ-то веселый.

— Сумасшедшій.

— А потомъ и ужинъ отличный былъ... Всѣмъ гостямъ ужасно какъ по вкусу пришелся, особенно стерлядь разварная... Хошь бы что-нибудь осталось, все подчистили... Да и въ бутылкахъ-то,—прибавила она смѣясь,—сухо, словно не было ничего.

— А дядя, кажется, проигралъ вчера?

— Должно, рубликовъ пятьсотъ роздали.

— Не знаешь, кто выигралъ?

— Да этотъ самый баритонъ-то... тьфу, опять забыла... рублей триста, первая скрипка рублей сто, а остальные Верхолетовъ подобралъ. Ну, этому-то,—прибавила она махнувъ рукой,—пожалуй, и не слѣдовало бы, и безъ того всѣхъ обираетъ, а баритону да скрипкѣ на пользу... Народъ небогатый.

— А ты, кажется, охотница до всѣхъ этихъ театральныхъ?

— Охотница, барышня, охотница. Ужъ очень народъ-то веселый. Да и привыкла, барышня. Цѣлыхъ три года при васъ горничной была, когда вы еще въ театрѣ служили... На репетиціи съ вами ѣздила, на представленія... Все время за кулисами... Только все-таки лучше нашихъ балетныхъ нѣтъ.

— Это почему?

— Деликатности въ тѣхъ больше.

— Ты любишь сцену?

— Господи!—вскрикнула она,—да какъ же не любить-то? Ништо можно сравнять, какъ здѣсь, къ примѣру.

— Глупая.

— Конечно, кто говоритъ, и здѣсь хорошо... Ну, а все-таки.

— Что все-таки?

— На сценѣ много лучше,—замѣтила она, вздохнувъ глубоко.—Да, вѣдь, и вы, барышня, поди скучаете по сценѣ. Какъ можно... Особливо вамъ. Васъ, барышня, публика очень любила. И вызывала васъ, и букеты подносила.

— Да, вѣдь, и теперь, подносятъ,—перебила ее Людмила Петровна, показывая на вазы съ букетами.—Видишь, сколько наставлено.

— Да ништо это то же, что тамъ? Здѣсь принесутъ вамъ букетъ, понюхаете вы его, меня позвоните и прикажете въ вазу поставить. А, вѣдь, тамъ-то... Господи... Да нѣтъ, нѣтъ... Тамъ и музыка... Тысячи глазъ любуются вами... хлопаютъ, шумятъ,

кричатъ, ногами топаютъ... браво, браво... Нѣтъ, мое дѣло сторона... Что же я такое?—горничная, за кулисами торчала... И то какъ начнутъ, бывало, вызывать-то васъ, такъ индо дрожь по тѣлу-то... А вамъ-то поди каково? Вылетите, бывало, на сцену, словно бабочка, улыбаетесь, присѣдаете, ручку къ сердцу... А изъ оркестра-то вотъ какой букетище, да не этимъ чета,—прибавила она, указывая на букеты,—а съ лентами, съ кружевами... Да нѣтъ, нѣтъ, развѣ это то, что здѣсь?

— Какая ты глупая, однако.

— Глупая, барышня, глупая. Только, по-моему глупому разуму, я бы, кажись, умерла на сценѣ.

И, потомъ, вдругъ, что-то вспомнивъ,—прибавила:

— Ахъ, да... И забыла. Недавно баритонъ заходилъ, забываю все фамилію.

— Понизовскій.

— Только вы еще почивали.

— Зачѣмъ же онъ приходилъ?

— Не знаю, барышня. Только онъ приказалъ передать вамъ, что они опять зайдутъ. Нужно, чтой-то.

— Надоѣлъ онъ мнѣ хуже Богъ знаетъ чего,—замѣтила Людмила Петровна. И, передавая горничной чашку, прибавила:

— Есть еще?

— Есть, есть.

— Такъ дай еще... Только послаще, пожалуйста, и покрѣпче.

— Слушаю-съ.

Въ это самое время входная дверь съ шумомъ распахнулась и въ комнату влетѣлъ Верхолетовъ.

— Это что, кофе?—спросилъ онъ, сбрасывая съ себя шляпу.

— Да. Не хотите ли?—спросила его Людмила Петровна.

— Хочу, хочу. Какъ не хотѣть!

И, обратясь къ горничной, спросилъ:

— Вчера, кажется, сухарики оставались?

— Остались.

— Такъ вотъ съ ними и подай.

Горничная вышла.

— Фу!... Усталъ, какъ собака!—вскрикнулъ Верхолетовъ, стаскивая перчатки. Да еще эта вечеринка ваша. Лишнее съѣлъ, лишнее выпилъ... Ну-съ,—прибавилъ онъ, подлетѣвъ къ Людмилѣ Петровнѣ и протягивая руку.—А теперь лапочку-съ.

И, поцѣловавъ руку хозяйки, продолжалъ:

— Какое у васъ вчера кло-де-вужо было!... Ахъ, какое кло-де-вужо!... Восторгъ! У кого брали?

— Почемъ я знаю, дядю спросите.

— И финь-шампань тоже. Ахъ, какое финь-шампань! А, вѣдь, проигралъ вчера лордъ-то нашъ,—добавилъ онъ.

— Какое мнѣ дѣло.

— Ну, конечно, конечно. У лорда денегъ много.

— Онъ, кажется, напился вчера. Это я знаю.

Верхолетовъ расхохотался даже.

— И охота такъ много пить.

— За то мы конфетъ не ѣдимъ.

И, быстро перемѣнивъ тонъ, прибавилъ:

— Но... съ нимъ скоро прошло, такъ что, когда я его привезъ домой,—вѣтромъ, что ли, его обдуло,—онъ былъ какъ стеклушко и даже принялся за свой проектъ о пьянствѣ. А все-таки,—продолжалй Верхолетовъ,—я люблю этого Трухачева. Помилуйте, мужикъ, кабатчикъ... Давно ли въ поддевкахъ ходилъ и за стойкой стоялъ?... И вдругъ, теперь, вонъ изъ кожи лѣзетъ, чтобы запретили и винодѣліе, и виноторговлю. Вѣдь, это, такъ сказать, олицетвореніе кабатчика новѣйшаго покроя... Вѣдь, это типъ, сударыня...

— А себя вы ни къ какимъ типамъ не причисляете?—спросила Людмила Петровна, не безъ ироніи кинувъ глазкомъ на Верхолетова.

Тотъ опять расхохотался.

— Лапочку, лапочку за это... Люблю откровенность. Лапочку!

И, любуясь протянутой ему ручкой, продолжалъ:

— Уууу, прелесть-то какая... Ноготочки-то, пальчики-то, кожица-то какая.

И, досыта нацѣловавшись, прибавилъ:

— Кстати, домъ этотъ покупаетъ вамъ.

— Кто?

— Конечно, лордъ! Поручилъ мнѣ купчую совершить.

— Да?

— Да, да... Только, пожалуйста не проговоритесь. Онъ и меня просилъ не сообщать вамъ объ этомъ. Сюрприз готовитъ вамъ, свадебный подарокъ.

— Свадебный подарокъ?

— Батюшки,—вскрикнулъ Верхолетовъ, ударивъ себя по лбу.— А про главное-то и забылъ.—Вѣдь, жениха-то я вамъ нашелъ.

Людмила Петровна даже руками всплеснула.

— Астма, порокъ сердца и въ субботу сто лѣтъ,—продолжалъ онъ.—Того самаго, котораго вы въ церкви встрѣчаете. Сейчасъ явится предложеніе дѣлать.

— Сейчасъ?

— У лорда онъ теперь... Но они уже переговорили объ условіяхъ, о днѣ свадьбы и сейчасъ оба сюда... Меня нарочно прислали предупредить васъ.

Людмила Петровна даже съ мѣста вскочила.

— А вы ни полслова.

— Ахъ, Боже мой...

— Вѣдь, съ этого начать надо было, а вы...

И, увидавъ вошедшую съ кофеемъ горничную, суетливо заговорила:

— Одѣваться мнѣ скорѣе... Новое шелковое платье...

— Которое къ Пасхѣ шили, барышня?

— Ну, да, да, конечно. Или нѣтъ, нѣтъ... Оно слишкомъ элегантно... Сѣренькое, сарпинковое... Только, ради Господа, поскорѣе. Ставь подносъ... пусть его пьетъ обѣ чашки, а мы пойдемъ скорѣе... Это удивительно. Человѣка предупредить просили... Человѣкъ видитъ, что я въ утреннемъ туалетѣ, и хоть бы слово.

— Не безпокойтесь, двадцать разъ поспѣете, — проговорилъ Верхолетовъ, подсаживаясь къ кофею. Точно какъ вы не знаете своего лорда.

— Прошу такъ не выражаться,—вспыхнула Людмила Петровна.—Его зовутъ Леонидъ Григорьичъ. Такъ и называйте.

— Да коли онъ не похожъ на Леонида.

— Вы сегодня несносны.

Верхолетовъ расхохотался, а Людмила Петровна и горничная вышли въ другую комнату.

— Удивительный народъ эти бабы,—разсуждалъ онъ, оставшись одинъ и уписывая за обѣ щеки кофе съ сухарями. — Только бы расфрантиться, а того и не подозрѣваютъ, что женихъ ничего и не разглядитъ даже.

Но, увидавъ вошедшаго опернаго баритона Понизовскаго, вскочилъ съ мѣста и, протянувъ ему обѣ руки, радостно вскрикнулъ:

— Голубчикъ, Петръ Альфонсычъ... Васъ ли я вижу?

— А, господинъ Верхолетовъ,—проговорилъ Понизовскій, положивъ на столъ цилиндръ и протягивая Верхолетову руку.

— Нѣтъ, нѣтъ! Поцѣловать васъ позвольте, поцѣловать!

И Верхолетовъ обнялъ и поцѣловалъ Понизовскаго.

— За что-про что?—удивлялся тотъ.

— Ахъ, какъ вы вчера пѣли, голубчикъ, — продолжалъ Верхолетовъ.—Ахъ, какъ пѣли! Въ особенности изъ *Демона:* «На воздушномъ океанѣ». Боже милосердый, какъ это у васъ вышло... Да, вчера вы были въ ударѣ.

— За то сегодня въ угарѣ,—перебилъ его Понизовскій.

— Признаться, и я хватилъ этого угарцу.

— Усугубили немножко. Это нехорошо, особливо нашему брату.

И вдругъ, перемѣнивъ тонъ, спросилъ:

— А гдѣ Людмила Петровна?

— Расфранчиваться пошла. А вамъ надо ее видѣть?

— Проститься хотѣлось бы.

— Какъ? Уѣзжаете развѣ?

— Да. Сосьетѐ у насъ составилось. Собираемся въ артистическое турне... Нынче это въ модѣ.

— Куда же думаете направиться?

— По Волгѣ, конечно. Прежде, — прибавилъ онъ шутливо,— разбойничьи шайки разъѣзжали, да «Внизъ по матушкѣ» распѣвали,—ну, а теперь мы, артисты, завладѣли ею... Начнемъ съ Ярославля, и ежели только не свернемъ на Каму, то поплывемъ до Астрахани.

Въ это самое время дверь спальной пріотворилась и въ нее просунулась изящно причесанная головка Людмилы Петровны.

— Услыхала вашъ голосъ,—проговорила она,— и не вытерпѣла, чтобы не перекинуться съ вами нѣсколькими словами.

Понизовскій направился было къ двери, но Людмила Петровна поспѣшила остановить его.

— Нельзя, нельзя,— заговорила она торопливо. — Я еще не одѣта.

— Дайте же хоть ручку-то поцѣловать, — вскрикнулъ Понизовскій.

— Да понимаете ли вы, что я въ одномъ корсетѣ.

— И прекрасно. Просуньте свою ручку, и я ее поцѣлую.

— Будто это такъ необходимо?

— Болѣе, чѣмъ необходимо. Не бойтесь. Я дядюшкѣ не скажу.

— Ну, ну.

И она протянула руку. Понизовскій подскочилъ къ двери, поймалъ руку и принялся осыпать ее поцѣлуями вплоть до локтя.

— Будетъ, будетъ. Слишкомъ далеко цѣлуете.

А Верхолетовъ въ это время хохоталъ, апплодировалъ и кричалъ:

— Браво, браво... И мнѣ, и мнѣ.

И онъ тоже бросился было къ двери, но Людмила Петровна успѣла выдернуть руку, снова притворила дверь и, просунувъ только одну головку, начала требовать, чтобы всѣ отошли подальше отъ двери.

— Отойдите, отойдите,—говорила она.—Не то я запру дверь и перестану съ вами разговаривать.

— Ну, ладно, ладно,—проговорилъ Понизовскій, отходя отъ двери.

— А мнѣ такъ и не удалось,—вскрикнулъ Верхолетовъ.

— Вы сейчасъ про сосьетѐ разговаривали... Составилось? — спросила Людмила Петровна.

— Еще какое. Роскошь, восторгъ. Теноръ — Альбановъ, басъ—Никодимовъ...

— А сопрано?

— Отгадайте.

— Шоршеръ?

— Подымайте выше.

— Кто же? Граціанова?

— Выше.

— Да кто же, наконецъ?

— Арбенева-съ... Вотъ кто-съ.

— Неужели?

— Нда-съ, вотъ мы какъ-съ.

— Арбенева?—подхватилъ Верхолетовъ.—Знаю, въ Харьковѣ слышалъ.

— Каковъ голосокъ-то?

— А глазищи-то? А бюстъ?... Въ Харьковѣ,—продолжалъ Верхолетовъ,—съ ума всѣ сходили.

— Гм... Да развѣ одинъ Харьковъ? А Кіевъ, а Одесса?... Да что тамъ. Москва вся... Да-съ, вотъ мы какъ. Теперь, — продолжалъ Понизовскій,—только держись обывательскій карманъ. Не хуже Стеньки разгромимъ Волгу-матушку.

— Когда же вы ѣдете?—спросила Людмила Петровна.

— Сборнымъ пунктомъ будетъ у насъ Москва, куда я на-дняхъ и отправляюсь.

— Счастливый,—вскрикнула Людмила Петровна восторженно.

— Завидно, сударыня?—подшутилъ Понизовскій.

— Еще бы!

— Заговорила артистическая жилка, — подхватилъ Верхолетовъ.

— Такъ поѣдемте съ нами, только и всего.

— Вы съ ума сошли.

— Напротивъ, даже васъ уму-разуму учу,—заговорилъ Понизовскій.—Положимъ, вы не пѣвица, а танцовщица, но, вѣдь, рѣдкая опера обходится безъ балета. Вѣдь, я помню, какъ вы въ Москвѣ-то вытанцовывали...

— Восхитительно,—подхватилъ Верхолетовъ.

— Махнемте-ка, барышня...

Но Людмила Петровна замахала обѣими обнаженными ручками и, приказавъ Понизовскому замолчать и не раздражать ее, захлопнула дверь. Онъ расхохотался даже, но тотчасъ же подбѣжалъ къ двери, постучался и проговорилъ:

— Постойте-ка, красавица. Вѣдь, я проститься пришелъ съ вами. Но вы такъ занялись туалетомъ, что вамъ не до меня. Я зайду въ другой разъ и надѣюсь, что вы примите меня по-товарищески и по-товарищески пожмете мнѣ на прощанье руку. Такъ, что ли?

— Заходите, заходите,—раздался за дверью голосъ Людмилы Петровны.—А пока до свиданія.

— А, вѣдь, растревожили вы барышню-то,—заговорилъ Верхолетовъ, когда Понизовскій отошелъ отъ двери.

— Артистическая жилка, батенька, — замѣтилъ тотъ, взявъ со стола цилиндръ.— Всѣ мы такіе-то, всѣ по одной выкройкѣ... Говорятъ, корысть насъ гложетъ... Вздоръ-съ. Гложетъ насъ, только не корысть, а что-то другое, хуже корысти, но безъ чего мы, все-таки, жить не можемъ, какъ рыба безъ воды, какъ человѣкъ безъ воздуха. Пѣвецъ ли онъ, актеръ ли, музыкантъ ли, писатель ли... А ежели онъ въ душѣ артистъ, такъ онъ не угомонится до гробовой доски. Умирать будетъ, а жилка-то эта,—прибавилъ онъ, указывая па сердце,— будетъ трепетать въ немъ, какъ выброшенная на берегъ рыбка, и замретъ тогда только, когда замретъ самъ артистъ. Однако, прощайте,—прибавилъ Понизовскій.—Отправлюсь багажъ отправлять. До свиданія.

И, надѣвъ цилиндръ, онъ вышелъ.

— Насилу-то убрался,—проговорилъ Верхолетовъ, проводивъ баритона до двери.—Такъ и думалъ, что помѣшаетъ.

И, подбѣжавъ къ двери спальной, спросилъ:

— Скоро, сударыня?

— Сейчасъ, сейчасъ.

— То-то, какъ бы не пожаловали.

Но, услыхавъ шумъ подъѣхавшаго экипажа, подбѣжалъ къ окну.

— Такъ и есть, они.

И, опять подбѣжавъ къ двери, провозгласилъ:

— Пріѣхали.

— Сейчасъ и я готова.

— Ну-съ, а чтобы вамъ не мѣшать, пройдусь по вашему хорошенькому садику.—И, проговоривъ это, онъ взялъ цилиндръ и вышелъ въ балконную дверь.

И. Саловъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

КАМО ГРЯДЕШИ? *)

(QUO VADIS).

Романъ изъ временъ Нерона.

Генрика Сенкевича.

III.

Петроній и Виниций совершали свой путь въ молчаніи. Только приближаясь къ своему дому Петроній спросилъ:

— Ты думалъ о томъ, что я сказалъ тебѣ?

— Да,—отвѣтилъ Виниций.

— Повѣришь ли ты, что теперь и для меня это дѣло первой важности. Я долженъ освободить ее вопреки цезарю и Тигеллину. Это—игра, въ которую я хочу выиграть, хотя бы цѣною собственной шкуры. Нынѣшній день еще болѣе укрѣпилъ меня въ моемъ намѣреніи.

— Да заплатитъ тебѣ Христосъ!

— Увидишь.

Они остановились у двери дома Петронія и вышли изъ носилокъ. Въ это время къ нимъ приблизилась какая-то темная фигура и спросила:

— Кто изъ васъ благородный Виниций?

— Я,—отвѣтилъ трибунъ,—что тебѣ нужно?

— Я Назарій, сынъ Миріамъ. Я пришелъ изъ темницы и принесъ тебѣ вѣсть о Лигіи.

Виниций положилъ ему руку на плечо и при свѣтѣ факеловъ заглянулъ ему въ глаза, не смѣя вымолвить ни одного слова. Назарій понялъ вопросъ, что замиралъ на устахъ Виниция и отвѣтилъ:

— Она жива до сихъ поръ. Господинъ, меня прислалъ къ тебѣ Урсъ сказать, что она въ горячкѣ, молится и повторяетъ твое имя.

---

*) *Русская Мысль* 1896 г., кн. I.

Виницій сказалъ:

— Слава Христу. Онъ можетъ и возвратить ее мнѣ.

Потомъ онъ взялъ Назарія и повелъ его въ библіотеку, куда скоро пришелъ и Петроній, чтобы слышать ихъ разговоръ.

— Болѣзнь спасла ее отъ позора, потому что палачи боятся болѣзни,—говорилъ мальчикъ.—Урсъ и врачъ Главкъ наблюдаютъ за ней день и ночь.

— Стражъ остался тотъ же самый?

— Да, господинъ, и она лежитъ въ его комнатѣ. Узники, которые были въ нижнемъ помѣщеніи, всѣ умерли отъ горячки или задохлись отъ дурного воздуха.

— Кто ты таковъ?—спросилъ Петроній.

— Благородный Виницій знаетъ меня. Я сынъ вдовы, у которой жила Лигія.

— И христіанинъ?

Мальчикъ вопросительно посмотрѣлъ на Виниція, но видя, что онъ молится, поднялъ голову и отвѣтилъ:

— Да.

— Какимъ образомъ ты свободно можешь входить въ тюрьму?

— Я нанялся выносить тѣла умершихъ, а сдѣлалъ это нарочно, чтобъ приходить съ помощью къ моимъ братьямъ и доставлять имъ вѣсти изъ города.

Петроній внимательнѣй началъ смотрѣть на красивое лицо мальчика, на его голубые глаза и густые черные волосы, а потомъ спросилъ:

— Изъ какой ты страны?

— Я галилеянинъ, господинъ.

— Ты хотѣлъ бы, чтобъ Лигія была свободна?

Мальчикъ поднялъ глаза кверху:

— Да, хотя бы мнѣ самому пришлось умереть послѣ этого.

Тогда Виницій пересталъ молиться и сказалъ:

— Скажи стражамъ, чтобъ они положили ее въ гробъ, какъ мертвую. Выбери помощниковъ, которые вынесутъ ее вмѣстѣ съ тобою. Около Смердящихъ Ямъ [1]) вы найдете носилки и людей, которымъ и отдадите гробъ. Стражамъ обѣщай отъ моего имени, что я дамъ имъ столько золота, сколько каждый можетъ унести въ своемъ плащѣ.

Когда онъ говорилъ, лицо его утратило свойственное ему мерт-

---

[1]) Puticuli—кладбище на Эсквилинскомъ холмѣ, гдѣ хоронили бѣдныхъ и рабовъ.

венное выраженіе,—въ немъ проснулся солдатъ, которому надежда возвратила прежнюю энергію.

Назарій вспыхнулъ отъ радости и воскликнулъ:

— Да исцѣлитъ ее Христосъ, она будетъ свободна.

— Ты думаешь, что стража согласится?—спросилъ Петроній.

— Стража, господинъ? Если только будутъ знать, что ихъ за это не постигаетъ наказаніе и мученіе.

— Да!—сказалъ Виницій.—Стража раньше соглашалась даже на ея бѣгство, тѣмъ болѣе позволитъ вынести какъ мертвую.

— Правда, есть человѣкъ, который прижигаетъ тѣла раскаленнымъ желѣзомъ, чтобъ узнать, мертвыя ли они, — сказалъ Назарій. — Но онъ беретъ нѣсколько сестерцій за то, чтобъ не прикасаться къ лицамъ умершихъ. За одинъ «aureus» онъ прикоснется къ гробу, а не къ тѣлу.

— Скажи ему, что онъ получитъ цѣлую капсу золота, — проговорилъ Петроній.— Но сумѣешь ли ты подобрать вѣрныхъ помощниковъ?

— Я сумѣю подобрать такихъ, которые за деньги продали бы своихъ женъ и дѣтей.

— Гдѣ ты найдешь ихъ?

— Въ самой темницѣ или въ городѣ. Стража, если ее подкупить, впуститъ кого угодно.

— Въ такомъ случаѣ ты проведешь меня, какъ наемника,— сказалъ Виницій.

Петроній энергически воспротивился этому. Преторіанцы могли бы узнать Виниція, какъ онъ ни переодѣнься, и тогда все могло бы пропасть. «Ни въ темницѣ, ни возлѣ Смердящихъ Ямъ!— повторялъ онъ.—Нужно, чтобы всѣ—и цезарь, и Тигеллинъ—были убѣждены, что она умерла, иначе въ ту же минуту пошлютъ за вами погоню. Подозрѣнія могутъ утихнуть лишь въ томъ случаѣ, когда ее вывезутъ въ Альбанскія горы или въ Сицилію, а мы останемся въ Римѣ. Лишь только черезъ недѣлю или черезъ двѣ ты захвораешь и призовешь врача цезаря, который прикажетъ тебѣ выѣхать въ горы. Тогда вы соединитесь, а потомъ...»

Онъ задумался на минуту, махнулъ рукою и сказалъ:

— А потомъ можетъ быть настанетъ мое время.

— Да смилуется надъ нею Христосъ,—сказалъ Виницій.—Ты говоришь о Сициліи, но Лигія больна и можетъ умереть.

— Пока мы ее помѣстимъ ближе. Ее излѣчитъ свѣжій воздухъ, только бы вырвать ее изъ темницы. Нѣтъ ли у тебя въ горахъ какого-нибудь кліента, которому ты могъ бы довѣриться?

— Да, есть! — поспѣшно отвѣтилъ Виницій. — Около Коріолъ[2]), въ горахъ, живетъ одинъ человѣкъ, который носилъ меня на рукахъ, когда я былъ еще ребенкомъ и который до сихъ поръ любитъ меня.

Петроній подалъ ему таблички.

— Напиши, чтобъ онъ пріѣхалъ сюда завтра. Я тотчасъ же пошлю гонца.

Онъ позвалъ начальника атрія и далъ ему надлежащій приказъ. Нѣсколько минутъ спустя конный невольникъ отправился въ Коріолы.

— Хотѣлъ бы я, — сказалъ Виницій, — чтобъ ее сопровождалъ Урсъ. Я былъ бы покоенъ.

— Господинъ, — сказалъ Назарій, — это человѣкъ неимовѣрной силы, который выломаетъ рѣшетку и пойдетъ за Лигіей. Въ томъ отдѣленіи, гдѣ они заключены, высоко надъ землею прорѣзано окно, которое снаружи никѣмъ не охраняется. Я принесу Урсу веревку, а остальное онъ сдѣлаетъ самъ.

— Клянусь Геркулесомъ, — сказалъ Петроній, — пусть онъ выбирается, какъ ему будетъ угодно, но не вмѣстѣ съ ней, и не черезъ два-три дня послѣ нея, потому что за нимъ будутъ слѣдить и откроютъ убѣжище Лигіи. Не дѣлайте этого, если не хотите погубить себя и ее. Я запрещаю вамъ говорить ему о Коріолахъ, иначе не стану помогать вамъ.

Виницій согласился съ нимъ. Назарій сталъ прощаться и обѣщалъ прійти завтра на разсвѣтѣ.

Со стражей онъ надѣялся столковаться еще въ эту ночь, но передъ тѣмъ хотѣлъ зайти къ матери, которая все время безпокоилась о немъ. Помощника онъ рѣшилъ искать не въ городѣ, а подкупить одного изъ тѣхъ, которые вмѣстѣ съ нимъ выносили трупы изъ темницы.

Но на порогѣ онъ остановился, отвелъ Виниція въ сторону и сказалъ ему:

— Господинъ, я о нашемъ намѣреніи не скажу никому, даже матери, но апостолъ Петръ обѣщалъ зайти изъ амфитеатра, и ему я открою все.

— Въ этомъ домѣ ты можешь говорить громко, — отвѣтилъ Виницій. — Петръ апостолъ былъ въ амфитеатрѣ съ людьми Петронія. Наконецъ я самъ пойду съ тобой.

---

[2]) Вѣроятно, разумѣется городъ Corioli, находившійся въ Лаціумѣ и принадлежавшій племени Вольсковъ; но упоминаніе его здѣсь странно, потому что онъ былъ взятъ и разрушенъ Римлянами еще въ 493 г. до Р. X.

Онъ приказалъ принести себѣ невольничій плащъ и вышелъ вмѣстѣ съ Назаріемъ.

Петроній глубоко вздохнулъ.

— Прежде я желалъ,—подумалъ онъ,—чтобъ она умерла отъ горячки, потому что для Виниція это было бы менѣе страшно, но теперь я готовъ пожертвовать Эскулапу золотой треножникъ за ея выздоровленіе... А, Агенобарбъ! Ты хочешь устроить себѣ зрѣлище изъ горя любящаго человѣка! Ты, Августа, сначала завидовала красотѣ дѣвушки, а теперь готова была бы пожрать ее живьемъ изъ-за того, что погибъ твой Руфъ... Ты, Тигеллинъ, хочешь погубить ее на зло мнѣ!... Посмотримъ. Я говорю вамъ, что глаза ваши не увидятъ ее на аренѣ,—или она умретъ своею смертью, или я вырву ее какъ добычу изъ собачьей пасти...И такъ вырву, что вы не будете объ этомъ знать, а потомъ, какъ ни посмотрю на васъ, такъ буду думать: вотъ глупцы, которыхъ одурачилъ Кай Петроній.

И, довольный собою, онъ перешелъ въ триклиній, гдѣ, вмѣстѣ съ Эвникой, возлегъ за ужинъ. Въ это время лекторъ читалъ имъ идилліи Өеокрита. Вѣтеръ нагналъ тучи со стороны Соракта[*]; на дворѣ разыгралась гроза и нарушила тишину ясной лѣтней ночи. Отъ времени до времени громовые удары эхомъ перекатывались отъ одного изъ семи холмовъ къ другому, а Петроній и Эвника слушали поэта, который звучнымъ дорическимъ нарѣчіемъ воспѣвалъ пастушескую любовь, и готовились предаться сладкому отдыху.

Въ это время возвратился Виниції. Петроній узналъ объ этомъ и вышелъ къ нему.

— Ну, что? — спросилъ онъ.—Не придумали чего-нибудь новаго? Назарій пошелъ уже въ темницу?

— Да,—отвѣтилъ молодой человѣкъ, расправляя мокрые волосы.—Назарій пошелъ уговариваться со стражею, а я видѣлъ Петра,—онъ приказалъ мнѣ молиться и вѣрить.

— Это хорошо. Если все пойдетъ удачно, ее можно будетъ вынести завтра ночью.

— Мой кліентъ со своими людьми долженъ быть на разсвѣтѣ.

— Дорога не долгая. Теперь отдохни.

Но Виниції палъ на колѣна въ своемъ кубикулѣ и началъ молиться.

На разсвѣтѣ изъ Коріолъ прибылъ кліентъ Виниція, Нигеръ, и,

---

[*]) Soracte—гора въ Этруріи, недалеко отъ Рима, теперь Monte di S. Silvestro.

согласно приказу, привелъ съ собою муловъ, носилки и четырехъ вѣрныхъ невольниковъ британцевъ, которыхъ изъ предосторожности оставилъ на постояломъ дворѣ въ Субурѣ.

Виницій не спалъ всю ночь и вышелъ навстрѣчу Нигеру. Тотъ взволновался при видѣ своего молодого господина и, цѣлуя его руки, заговорилъ:

— Господинъ, ты боленъ или огорченія высосали изъ тебя кровь? Я едва могъ узнать тебя съ перваго взгляда.

Виницій провелъ его во внутреннюю колоннаду, называемую ксистъ [1]), и тамъ посвятилъ его въ свою тайну. Нигеръ слушалъ съ сосредоточеннымъ вниманіемъ, и на его здоровомъ, загорѣломъ лицѣ отразилось волненіе, которое онъ даже не старался подавить.

— Такъ она христіанка?—воскликнулъ онъ и пытливо посмотрѣлъ въ лицо Виниція. Молодой трибунъ понялъ, что означаетъ этотъ взглядъ и сказалъ:

— И я христіанинъ.

На глазахъ Нигера навернулись слезы. Онъ съ минуту молчалъ, потомъ поднялъ руки кверху и сказалъ:

— О, слава Тебѣ, Христосъ, что Ты снялъ пелену съ самыхъ дорогихъ мнѣ очей.

Онъ обхватилъ руками голову Виниція, заплакалъ отъ счастья и началъ цѣловать его въ лобъ.

Минуту спустя пришелъ Петроній и привелъ съ собой Назарія.

— Добрыя вѣсти,—сказалъ онъ еще издали.

Дѣйствительно, вѣсти были добрыя. Врачъ Главкъ ручался за жизнь Лигіи, хотя она была больна такою же горячкою, отъ которой въ Туліанѣ и другихъ темницахъ ежедневно умирали сотни людей. Что касается стражи и того человѣка, который прижигалъ мертвыхъ желѣзомъ, то съ ними сговориться было легко. Будущій помощникъ Назарія, Аттисъ, тоже изъявилъ свое согласіе.

— Въ гробу мы сдѣлаемъ отверстія, такъ, чтобы больная могла дышать, —сказалъ Назарій. —Вся опасность въ томъ, чтобъ она не застонала, когда мы будемъ проходить мимо преторіанцевъ, но она очень слаба и съ утра лежитъ съ закрытыми глазами. Наконецъ, Главкъ дастъ ей усыпительное питье,—я принесъ ему изъ города разныхъ лѣкарствъ. Крышка гроба не будетъ при-

---

[1]) Не можемъ сказать, какую внутреннюю колоннаду авторъ разумѣетъ подъ словомъ „ксистъ“. У греховъ, дѣйствительно, словомъ xystus или xystum называлась крытая колоннада въ гимназіи, предназначавшаяся для упражненія атлетовъ зимой; у римлянъ же такъ называлось мѣсто въ саду подъ открытымъ небомъ (нѣчто въ родѣ аллеи), обсаженное деревьями и цвѣтами.

бита. Вы легко поднимете ее и перенесете больную въ носилки, а мы положимъ въ гробъ длинный мѣшокъ съ пескомъ,—нужно, чтобъ онъ былъ у васъ наготовѣ.

Виницій слушалъ, блѣдный какъ полотно, но слушалъ съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ, что, казалось, заранѣе отгадывалъ, что скажетъ Назарій.

— А другія тѣла не будутъ выносить изъ темницы? — спросилъ Петроній.

— Нынѣшнюю ночь умерло около двадцати человѣкъ, а до вечера еще умретъ нѣсколько,— отвѣтилъ мальчикъ,— мы должны будемъ идти со всею процессіей, но станемъ нарочно медлить, чтобъ остаться позади. На первомъ поворотѣ мой товарищъ нарочно захромаетъ, и мы сильно отстанемъ. Вы ждите насъ возлѣ маленькаго храма Либитины. Еслибъ Богъ послалъ темную ночь!

— Богъ пошлетъ!—сказалъ Нигеръ.—Вчера вечеръ былъ ясный, а потомъ нашла гроза. Сегодня небо опять ясное, но пàрить начало уже съ утра. Теперь каждую ночь будутъ дожди и грозы.

— Вы пойдете безъ огней? — спросилъ Виницій.

— Факелы понесутъ только впереди. На всякій случай, вы будьте возлѣ храма Либитины какъ только смеркнется, хотя обыкновенно мы выносимъ мертвыхъ около полуночи.

Всѣ замолчали, слышалось только учащенное дыханіе Виниція. Петроній обратился къ нему.

— Вчера я говорилъ, что намъ обоимъ лучше было бы остаться дома, но теперь я вижу, что и самъ не усижу... Наконецъ, еслибъ дѣло шло о бѣгствѣ, то нужно было бы соблюдать больше осторожности, но разъ ее вынесутъ, какъ мертвую, то, кажется, подозрѣніе не можетъ зародиться ни въ чьей головѣ.

— Да, да!—подтвердилъ Виницій,—я долженъ быть тамъ. Я самъ выну ее изъ гроба...

— А когда она будетъ въ моемъ домѣ, я ручаюсь за нее,— сказалъ Нигеръ.

На этомъ разговоръ кончился. Нигеръ отправился на постоялый дворъ, къ своимъ людямъ. Назарій спряталъ подъ тунику мѣшокъ съ золотомъ и возвратился въ темницу. Для Виниція начался день, полный безпокойства, тревоги и лихорадочнаго ожиданія.

— Дѣло должно удасться, потому что оно хорошо задумано́,— говорилъ ему Петроній,—лучше невозможно было составить планъ. Ты долженъ притворяться убитымъ и ходить въ темной тогѣ. Пусть тебя всѣ видятъ... Обдумано все такъ, что ошибки быть не можетъ... А впрочемъ... Ты увѣренъ въ своемъ кліентѣ?

— Онъ христіанинъ,—сказалъ Виниційй.

Петроній съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него, потомъ пожалъ плечами и заговорилъ какъ будто самъ съ собою:

— Клянусь Поллуксомъ! Какъ, однако, это распространяется!... И въ какой мощной рукѣ оно держитъ человѣческія души... Подъ такой грозой люди сразу отреклись бы отъ всѣхъ боговъ,—римскихъ, греческихъ и египетскихъ. Какъ это странно!... Еслибъ я вѣрилъ, что на свѣтѣ что-нибудь еще зависитъ отъ нашихъ боговъ, то теперь обѣщалъ бы каждому по шести бѣлыхъ быковъ, а Юпитеру Капитолійскому — двѣнадцать. Но и ты не щади обѣщаній своему Христу...

— Я уже отдалъ Ему свою душу,— отвѣтилъ Виниций.

И они разстались. Петроній возвратился въ кубикулъ, Виниций пошелъ издали посмотрѣть на темницу, а оттуда направился къ скату Ватиканскаго холма, къ хижинѣ фоссора, гдѣ онъ былъ окрещенъ апостоломъ. Ему казалось, что въ этой хижинѣ Христосъ услышитъ его скорѣе и, войдя въ хижину и припавъ къ землѣ, онъ напрягъ всѣ силы своей наболѣвшей души въ молитвѣ о милосердіи и погрузился въ нее такъ, что забылъ, гдѣ онъ и что съ нимъ.

Въ полдень его пробудилъ звукъ трубъ, доходящій со стороны цирка Нерона. Виниций вышелъ изъ хижины и оглядывался кругомъ глазами человѣка, еще не успѣвшаго стряхнуть съ себя сонное опьяненіе. На улицѣ царили жаръ и тишина, отъ времени до времени прерываемая только безумно громкимъ стрекотаніемъ кузнечиковъ. Воздухъ сдѣлался душнымъ; небо надъ городомъ было еще голубое, но въ сторонѣ Сабинскихъ горъ, у края горизонта, видимо собирались темныя тучи. Виниций возвратился домой. Въ атріи его ожидалъ Петроній.

— Я былъ на Палатинѣ,— сказалъ онъ,— нарочно показался туда и даже сѣлъ играть въ кости. У Апиція вечеромъ пиръ; я сказалъ, что мы придемъ, но только послѣ полуночи, потому что передъ этимъ я долженъ выспаться. Чѣмъ бы ни кончилось наше дѣло, хорошо, еслибъ пошелъ и ты.

— Отъ Нигера и отъ Назарія не было никакихъ извѣстій? — спросилъ Виниций.

— Нѣтъ. Мы увидимъ ихъ только въ полночь. Ты замѣчаешь, что собирается гроза?

— Да.

— Завтра въ циркѣ будутъ любоваться распятыми христіанами... Можетъ быть, дождь помѣшаетъ.

Онъ подошелъ къ Виницію, притронулся къ его плечу и сказалъ:

— Но ты не увидишь ее на крестѣ,—увидишь въ Коріолахъ. Клянусь Касторомъ! Минуту, въ которую мы освободимъ ее, я не отдалъ бы за всѣ геммы въ Римѣ. Вечеръ ужъ близокъ.

Вечеръ приближался, мракъ началъ спускаться на городъ раньше, чѣмъ обыкновенно,—настолько тучи окутали весь горизонтъ. Съ наступленіемъ ночи пошелъ сильный дождь, который испарялся на каменьяхъ, раскаленнымъ дневнымъ жаромъ, и наполнялъ густымъ туманомъ улицы города.

— Поспѣшимъ,—сказалъ, наконецъ, Виницій.—Можетъ быть, по милости дождя мертвыхъ раньше начнутъ выносить изъ темницы.

— Да, пора! — сказалъ Петроній.

Надѣвъ галльскіе плащи съ капюшонами, они чрезъ садовую калитку вышли на улицу. Петроній вооружился короткимъ римскимъ кинжаломъ, который всегда бралъ съ собою во время ночныхъ похожденій.

Городъ былъ пустъ. Отъ времени до времени молніи раздирали тучи, освѣщая яркимъ блескомъ свѣжія стѣны только-что построенныхъ или строящихся домовъ и мокрыя плиты, которыми были вымощены улицы. Послѣ долгаго пути Виницій и Петроній увидали холмъ, на которомъ стоялъ храмъ Либитины, а у подножія холма группу изъ нѣсколькихъ человѣкъ и муловъ.

— Нигеръ! — тихо окликнулъ Виницій.

— Я здѣсь, господинъ! — послышался голосъ изъ-за мглистой занавѣси.

— Все готово?

— Да, дорогой. Какъ только стемнѣло, мы были уже на мѣстѣ. Но спрячься подъ стѣну, а то промокнешь насквозь. Что за гроза! Я думаю, будетъ градъ.

Опасенія Нигера оправдались,—вскорѣ началъ сыпать градъ, сначала мелкій, потомъ все болѣе крупный и частый. Въ воздухѣ тотчасъ же похолоднѣло.

— Если насъ кто-нибудь и увидитъ, то ни въ чемъ не заподозритъ,—шепнулъ Нигеръ,—мы покажемся людьми, которые хотятъ переждать грозу. Но я боюсь, какъ бы мертвыхъ не оставили въ темницѣ до завтра.

Градъ пересталъ идти, но дождь поливалъ все сильнѣе. По временамъ срывался вѣтеръ и приносилъ со стороны Смердящихъ Ямъ невыносимое зловоніе разложившихся тѣлъ, которыхъ закапывали неглубоко и небрежно.

Вдругъ Нигеръ сказалъ:

— Я вижу сквозь дождь какіе-то огоньки... одинъ, два, три... Это факелы!

И онъ обратился къ своимъ людямъ:

— Смотрите, чтобъ мулы не фыркали.

— Идутъ!—сказалъ Петроній.

Огни становились все яснѣе. Черезъ минуту можно было даже видѣть, какъ колеблется отъ дуновенія вѣтра пламя факеловъ.

Нигеръ перекрестился и началъ молиться. Печальная процессія приблизилась, и, наконецъ, поравнявшись съ храмомъ Либитины, остановилась. Петроній, Виницій и Нигеръ молча прижались къ холму, не понимая, что это значитъ. Но носильщики остановились только для того, чтобъ обвязать себѣ носъ и губы и предохранить себя отъ удушливаго смрада, который возлѣ самыхъ «puticuli» былъ совершенно невыносимъ, потомъ подняли гроба и пошли дальше.

Только одинъ гробъ остановился напротивъ храма.

Виницій подскочилъ къ нему, а за нимъ Петроній, Нигеръ и два невольника британца съ носилками.

Но прежде, чѣмъ они добѣжали, изъ мрака послышался полный боли голосъ Назарія:

— Господинъ, ее вмѣстѣ съ Урсомъ перевели въ Эсквилинскую темницу. Мы несемъ другое тѣло, а ее взяли раньше полуночи...

Петроній, возвратившись домой, былъ угрюмъ, какъ гроза, и не пытался даже утѣшать Виниція. Онъ понималъ, что объ освобожденіи Лигіи изъ Эсквилинскаго подземелья нечего и мечтать. Онъ догадывался, что ее вѣроятно для того перевели изъ Туліана, чтобъ она не умерла отъ горячки и не избѣжала амфитеатра, но это и служило доказательствомъ, что за нею наблюдаютъ и стерегутъ ее бдительнѣй, чѣмъ другихъ. Петронію до глубины души было жаль и Лигію, и Виниція, но кромѣ того его волновала мысль, что въ первый разъ въ жизни ему что-то не удалось и что въ первый разъ онъ остался побѣжденнымъ въ борьбѣ.

— Фортуна, кажется, покидаетъ меня,—говорилъ онъ самому себѣ,—но боги ошибаются, если думаютъ, что я примирюсь съ такою жизнью, какъ напримѣръ...

Онъ посмотрѣлъ на Виниція, который также глядѣлъ на него широко раскрытыми глазами.

— Что съ тобою? у тебя горячка?—спросилъ Петроній.

А Виницій отвѣтилъ какимъ-то страннымъ, изломаннымъ и медленнымъ голосомъ, какой бываетъ у больного ребенка:

— Я вѣрю, что Онъ можетъ возвратить ее мнѣ.

Надъ городомъ стихали послѣдніе раскаты грозы.

ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ.

I.

Трехдневный дождь — явленіе рѣдкое въ Римѣ въ лѣтнюю пору,—градъ, падающій вопреки правиламъ, установленнымъ природою, не только днемъ и вечеромъ, но и ночью, все это прервало теченіе зрѣлищъ. Народъ начиналъ тревожиться. Предсказывали неурожай винограда, а когда ударъ молніи расплавилъ на Капитоліи бронзовую статую Цереры, въ храмѣ Юпитера Сальватора были назначены жертвоприношенія. Жрецы Цереры распустили слухъ, что гнѣвъ боговъ обрушился на городъ за то, что христіанъ черезчуръ долго терпѣли, и толпа настаивала, чтобъ вновь приступили къ зрѣлищамъ, несмотря на погоду. Радость охватила весь Римъ, когда, послѣ трехдневной остановки, «ludi» начались снова.

А тѣмъ временемъ возстановилась и хорошая погода. Амфитеатръ съ разсвѣта началъ наполняться народомъ, цезарь также прибылъ рано, вмѣстѣ съ весталками и своимъ дворомъ. Зрѣлище должно было начаться борьбою христіанъ между собой. Ихъ нарочно нарядили гладіаторами и дали имъ всякое оружіе,—наступательное и оборонительное, какое употреблялось борцами. Но толпу ждало разочарованіе. Христіане побросали на земь сѣти, вилы, копья и мечи, начали обниматься и поощрять другъ друга хранить мужество передъ лицомъ мукъ и смерти. При видѣ этого зрители страшно обидѣлись и вознегодовали. Одни обвиняли христіанъ въ трусости и малодушіи, другіе утверждали, что они нарочно не хотятъ биться изъ ненависти къ римскому народу, для того, чтобъ лишить его радости, которую онъ всегда испытываетъ при видѣ мужества. Наконецъ, по приказу цезаря, выпустили настоящихъ гладіаторовъ, которые въ одну минуту перебили колѣнопреклоненныхъ, безоружныхъ христіанъ.

Трупы убрали, арену привели въ порядокъ, и зрѣлище обратилось въ рядъ миѳологическихъ картинъ, сочиненныхъ самимъ цезаремъ. Прежде всего толпа увидала Геркулеса, сгорающаго на кострѣ на горѣ Этѣ. Виницій вздрогнулъ при мысли, что для роли Геркулеса могутъ назначить Урса, но очередь вѣрнаго слуги Ли-

гіи, вѣроятно, еще не наступила, потому что на кострѣ сгорѣлъ какой-то другой христіанинъ, совершенно неизвѣстный Виницію. За то въ слѣдующей картинѣ Хилонъ, котораго цезарь не хотѣлъ уволить отъ зрѣлищъ, увидалъ нѣчто знакомое. Представлялась смерть Дедала[1]) и Икара. Въ роли Дедала выступалъ Эврицій, тотъ самый старецъ, который когда-то объяснилъ Хилону значеніе знака рыбы, а въ роли Икара—его сынъ—Квартъ. Ихъ обоихъ, при помощи особой машины, подняли кверху и сбросили съ огромной высоты на арену. Молодой Квартъ упалъ такъ близко отъ цезарскаго подіума, что обрызгалъ кровью не только наружныя украшенія, но и обитый пурпуромъ бортъ. Хилонъ не видалъ паденія,—онъ закрылъ глаза и услышалъ только глухой стукъ, но когда увидалъ кровь возлѣ себя, то чуть вторично не упалъ въ обморокъ. Картины быстро смѣнялись одна другою. Мученія дѣвушекъ, которыхъ передъ смертью опозоривали гладіаторы, наряженные звѣрями, приводили въ восторгъ толпу. Затѣмъ предстали жрицы Кибелы и Цереры, Данаиды, Дирка и Пасифая[2]),—наконецъ, вывели совсѣмъ уже малолѣтнихъ дѣвочекъ,—имъ предстояла участь быть разорванными дикими лошадьми. Народъ осыпалъ рукоплесканіями новыя измышленія цезаря, а онъ, гордый и счастливый, ни на минуту не отнималъ отъ своего глаза полированнаго изумруда, наблюдая, какъ желѣзо раздираетъ бѣлое тѣло, какъ судорожно содрогаются умирающіе люди. Однако, показывались картины, связанныя и съ исторіей римскаго народа. Послѣ дѣвочекъ появился Муцій Сцевола, съ рукою, привязанною къ желѣзному треножнику, наполненному горящими угольями. Смрадъ паленаго мяса наполнилъ весь амфитеатръ, но мученикъ, какъ настоящій Сцевола, стоялъ, не проронивъ ни стона, съ глазами поднятыми кверху, и шепталъ молитвы почернѣвшими губами. Его добили и вытащили въ споларій; наступилъ обычный полуденный перерывъ. Цезарь вмѣстѣ съ весталками и августіанами покинулъ амфитеатръ и направился къ нарочно разбитой громадной пурпуровой палаткѣ, гдѣ для него и

---

[1]) Дедалъ, который, по сказаніямъ, сумѣлъ долетѣть изъ Крита въ Сицилію, въ римскихъ амфитеатрахъ погибалъ точно также, какъ и Икаръ.

[2]) Данаиды—дочери царя Даная, убившія своихъ мужей и за то осужденныя въ аду вѣчно лить воду въ дырявую бочку. Дирка—жена ѳиванскаго царя Лика, который вступилъ съ нею въ бракъ, отвергнувъ свою первую жену Антіопу. Дирка, боясь, какъ бы онъ не примирился съ Антіопой, выпросила у него позволеніе держать Антіопу въ заключеніи. Но сыновья Антіопы убили Лика, а Дирку привязали къ хвосту дикаго быка, который долго таскалъ ее. Наконецъ, боги сжалились надъ ней и превратили ее въ источникъ, получившій ея имя. Пасифая—жена критскаго царя Миноса, мать чудовища Минотавра, извѣстная своею безумной страстью къ прекрасному быку.

его гостей былъ готовъ роскошный «prandium». Толпа послѣдовала его примѣру и живописными группами расположилась вокругъ пурпурной палатки, чтобы дать отдыхъ затекшимъ членамъ и воспользоваться щедрымъ угощеніемъ, которое по распоряженію цезаря всюду разносили придворные невольники. Только самые любопытные изъ зрителей сошли на арену и, дотрогиваясь пальцами до слипшагося отъ крови песка, тономъ знатоковъ и любителей толковали о томъ, что было и что будетъ представлено. Но наконецъ ушли и они, чтобы не опоздать на праздникъ,—остались люди, которыхъ удерживало не любопытство, а сочувствіе къ будущимъ жертвамъ.

Прислужники сравняли арену и начали рыть въ ней ямки одна возлѣ другой, рядами, отъ одной стѣны амфитеатра до другой, такъ что послѣдній рядъ былъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ цезарскаго подіума. Снаружи долеталъ говоръ, крикъ и рукоплесканія, а внутри съ лихорадочною поспѣшностью подготовлялись какія-то новыя муки. Вдругъ куникулы открылись, и изо всѣхъ дверей показались полчища христіанъ, обнаженныхъ, несущихъ кресты на плечахъ. Весь амфитеатръ наполнился ими. Бѣжали и старцы, согбенные подъ тяжестью деревянныхъ обрубковъ, и мужчины въ цвѣтѣ лѣтъ, и женщины съ распущенными волосами, которыми онѣ старались прикрыть свою наготу, подростки-мальчики и совсѣмъ маленькія дѣти. Кресты, а также и жертвы по большей части были украшены цвѣтами. Цирковая прислуга ударами палокъ принуждала несчастныхъ устанавливать кресты въ соотвѣтственныя ямы и становиться рядомъ съ ними. Такимъ образомъ должны были погибнуть тѣ, которыхъ въ первый день игрищъ не успѣли выгнать на растерзаніе дикимъ животнымъ. Черные невольники хватали христіанъ, клали на крестъ навзничь и прибивали ихъ руки къ поперечинѣ, спѣша, торопливо, чтобы народъ, возвратившись въ циркъ, нашелъ бы уже всѣ кресты на мѣстѣ. Весь амфитеатръ огласился стукомъ молотковъ. Этотъ стукъ эхомъ разошелся по всѣмъ рядамъ, донесся до площади, окружающей амфитеатръ, и до палатки, въ которой цезарь угощалъ своихъ друзей и весталокъ. Въ палаткѣ пили вино, шутили надъ Хилономъ, августіане шептали какія-то странныя слова жрицамъ Весты, а на аренѣ кипѣла работа,—гвозди все глубже впивались въ ноги и руки христіанъ, лопаты все больше засыпали ямы, въ которыя были вставлены кресты.

Между жертвами, очередь которыхъ должна была скоро наступить, находился и Криспъ. Львамъ не хватило времени растерзать его, и на его долю выпалъ крестъ, а онъ, всегда готовый къ смер-

ти, утѣшалъ себя мыслью, что часъ его пробилъ. Теперь онъ казался совсѣмъ другимъ, чѣмъ прежде. Его сухое тѣло было совершенно обнажено, только бедра его окружала гирлянда изъ плюща, а на головѣ былъ вѣнокъ изъ розъ. Но въ глазахъ его горѣла все та же непреоборимая энергія, изъ-подъ вѣнка выглядывало все то же суровое и фанатическое лицо. И сердце его не измѣнилось,—какъ прежде, въ куникулѣ, такъ и теперь онъ громилъ своихъ собратій, вмѣсто того, чтобъ утѣшать ихъ.

— Благодарите Избавителя,—говорилъ Криспъ,—что Онъ дозволяетъ вамъ умереть такою же смертью, какою умеръ Онъ самъ. Можетъ быть за это будетъ отпущена часть вашихъ винъ, но вы все-таки трепещите, ибо справедливость требуетъ возмездія и не можетъ быть одинаковой награды для злыхъ и добрыхъ.

Словамъ его вторилъ стукъ молотковъ, которыми прибивали къ крестамъ руки и ноги жертвъ. На аренѣ выростало все больше и больше крестовъ, а Криспъ, обращаясь къ тѣмъ, кто еще не былъ пригвожденъ, продолжалъ:

— Я вижу разверзтое небо, но вижу и разверзтую бездну... Я самъ не знаю, какой отчетъ дамъ Господу въ моей жизни, хотя я вѣрилъ въ Него и ненавидѣлъ зло, и не смерти я боюсь, а воскресенія, не муки, а суда, ибо наступаетъ день гнѣва...

Въ это время изъ ближайшихъ рядовъ амфитеатра раздался какой-то голосъ, спокойный и торжественный:

— Не день гнѣва, а день милосердія, день избавленія и счастья,—я говорю вамъ, что Христосъ успокоитъ васъ, утѣшитъ и посадитъ одесную. Уповайте,—небо открыто передъ вами.

При этихъ словахъ глаза всѣхъ людей обратились къ амфитеатру; даже тѣ, которые уже были пригвождены къ крестамъ, подняли свои блѣдныя, измученныя лица и начали смотрѣть въ сторону говорящаго.

Онъ приблизился къ самой перегородкѣ, отдѣляющей его отъ арены, и осѣнилъ христіанъ знаменіемъ креста.

Криспъ протянулъ къ нему руки, какъ будто хотѣлъ разгромить его, но увидѣлъ его лицо, и колѣни его согнулись, а губы прошептали:

— Апостолъ Павелъ!

Къ великому изумленію цирковыхъ прислужниковъ, всѣ христіане, еще остающіеся на свободѣ, также преклонили колѣни, а Павелъ Тарсянинъ обратился къ Криспу и сказалъ:

— Криспъ, не угрожай имъ, ибо еще сегодня они будутъ съ тобой въ раю. Ты думаешь, что они будутъ осуждены,—но кто же

осудитъ ихъ? Богъ, который отдалъ за нихъ Своего Сына? Христосъ, Который такъ же умеръ для ихъ спасенія, какъ они умираютъ ради Его имени? И какъ можетъ осудить Тотъ, Который любитъ? Кто будетъ жаловаться на судьбы Божіи? Кто скажетъ про эту кровь: проклятая?...

— Господинъ, я ненавижу зло, — отвѣтилъ старый священникъ.

— Христосъ заповѣдалъ больше любить людей, чѣмъ ненавидѣть зло, ибо ученіе Его любовь, а не ненависть.

— Я согрѣшилъ въ минуту смерти,—отвѣтилъ Криспъ и началъ бить себя въ грудь.

Въ это время начальникъ амфитеатра приблизился къ апостолу и спросилъ:

— Кто ты, что говоришь съ осужденными?

— Римскій гражданинъ,—спокойно отвѣтилъ Павелъ и, обратившись къ Криспу, добавилъ:

— Вѣрь, что сей день — день милосердія, и почій въ мирѣ, слуга Божій.

Въ это время къ Криспу подошли два негра, чтобы возложить его на крестъ, но онъ еще разъ оглянулся вокругъ и крикнулъ:

— Братья мои, молитесь за меня!

И лицо его утратило привычную суровость, окаменѣлыя черты приняли выраженіе спокойствія и кротости. Онъ самъ раскинулъ руки вдоль поперечинъ креста, чтобъ облегчить трудъ негровъ и, смотря прямо въ небо, началъ горячо молиться. Казалось, онъ ничего не чувствуетъ; когда гвозди углублялись въ его руки, ни малѣйшей дрожи не пробѣжало по его тѣлу, на лицѣ не появилось ни малѣйшаго выраженія боли. Онъ молился, когда его прибивали ко кресту, молился, когда его крестъ подняли, поставили въ яму и начали утаптывать землю. И только когда толпа со смѣхомъ и криками начала наполнять амфитеатръ, брови старца слегка нахмурились, словно онъ гнѣвался на язычниковъ, что они нарушаютъ тишину и сладкое спокойствіе его смерти.

Кресты всѣ были подняты,— на аренѣ словно выросъ лѣсъ съ людьми, пригвожденными къ деревьямъ. На поперечины крестовъ и на головы мучениковъ падали лучи солнца, а на аренѣ образовались густыя тѣни, которыя сплетались причудливой рѣшеткой, сквозь которую проглядывалъ желтый песокъ. Для толпы вся прелесть этого зрѣлища состояла въ наблюденіи за медленной смертью. Никогда до сихъ поръ еще не было такого количества крестовъ. Арена такъ была переполнена ими, что прислужники съ трудомъ

могли пробираться между ними. По краямъ висѣли преимущественно женщины,—Криспа, какъ вѣроучителя, водрузили почти противъ цезарскаго подіума, на огромномъ крестѣ, обвитомъ у основанія зеленью. Изъ жертвъ пока еще никто не умеръ, но распятые раньше впали въ обморокъ. Никто не стоналъ и не просилъ помилованія. Одни висѣли съ головами, склонившимися на плечо, или поникшими на грудь, какъ будто объятые сномъ; другіе смотрѣли на небо и тихо шевелили губами. Въ этомъ страшномъ лѣсу крестовъ, въ этихъ распростертыхъ тѣлахъ, въ этомъ молчаніи жертвъ было что-то страшное. Народъ, который послѣ обѣда входилъ въ циркъ съ веселыми криками, сытый и удовлетворенный, теперь умолкъ, не зная, на какомъ тѣлѣ остановить взоръ и что думать. Нагота напряженныхъ женскихъ тѣлъ перестала возбуждать его страсти. Никто не бился объ закладъ, кто изъ распятыхъ раньше умретъ, а это бывало всегда, когда на аренѣ появлялось меньшее число осужденныхъ. Казалось, что цезарь также скучаетъ, лицо у него было сонное, и онъ такъ лѣниво оправлялъ свое ожерелье.

Въ это время Криспъ, глаза котораго до сихъ поръ были закрыты, какъ у умирающаго, вдругъ приподнялъ рѣсницы и началъ смотрѣть на цезаря.

Лицо его сново приняло такое неумолимое выраженіе, взглядъ загорѣлся такимъ огнемъ, что августіане начали перешептываться другъ съ другомъ, наконецъ, и самъ цезарь обратилъ на него вниманіе и приставилъ изумрудъ къ своему глазу.

Наступила полнѣйшая тишина. Глаза всѣхъ зрителей были устремлены на Криспа, который пробовалъ пошевелить правою рукою, какъ будто хотѣлъ оторвать ее отъ дерева.

Спустя минуту грудь его напряглась, ребра выступили наружу, и онъ крикнулъ:

— Матереубійца, горе тебѣ!

Августіане, услыхавъ смертельное оскорбленіе, брошенное владыкѣ міра въ присутствіи многотысячной толпы, не смѣли дышать. Хилонъ совершенно замеръ. Цезарь вздрогнулъ и выпустилъ изъ рукъ изумрудъ.

Но и онъ также затаилъ дыханіе. Голосъ Криспа все сильнѣй и сильнѣй разносился по всему амфитеатру:

— Горе тебѣ, убійца жены и брата, горе тебѣ, антихристъ! Бездна разверзается подъ тобою, смерть протягиваетъ тебѣ руки и гробъ ожидаетъ тебя. Горе тебѣ, живой трупъ, ибо ты умрешь въ страхѣ и будешь осужденъ на вѣки!

И, не имѣя возможности оторвать руки отъ поперечины креста,

распростертый, страшный, еще при жизни похожій на скелетъ, неумолимый, какъ предопредѣленіе, Криспъ потрясалъ бѣлою бородою надъ подіумомъ Нерона, а отъ его движеній на песокъ сыпались лепестки розъ изъ вѣнка, которымъ была украшена его голова.

— Горе тебѣ, убійца! Исчерпана твоя мѣра, и часъ твой приближается!

Онъ напрягся еще разъ; казалось, что вотъ, вотъ онъ оторветъ руку отъ креста и грозно простретъ ее надъ цезаремъ; но вдругъ его исхудалыя руки вытянулись еще больше, тѣло осунулось книзу, голова опала на грудь, и Криспъ умеръ.

Среди лѣса распятыхъ тѣ, что были слабѣе, тоже начали засыпать вѣчнымъ сномъ.

II.

— Господинъ,—говорилъ Хилонъ,—теперь море, какъ масло, и волны точно заснули. Поѣдемъ въ Ахайю. Тамъ тебя ждетъ слава Аполлона, тамъ тебя ждутъ вѣнки, тріумфы, тамъ люди обоготворятъ тебя, а боги примутъ, какъ равнаго себѣ гостя, а здѣсь, господинъ...

И онъ замолчалъ, его нижняя губа начала такъ сильно трястись, что его слова перешли въ непонятный шепотъ.

— Поѣдемъ послѣ окончанія игрищъ,—отвѣтилъ Неронъ.—Я знаю, что ужъ и такъ иные называютъ христіанъ «innoxia corpora» [1]). Еслибъ я уѣхалъ, это начали бы повторять всѣ. Чего ты боишься, червивый грибъ?

Цезарь пытливо посмотрѣлъ на Хилона, какъ будто ожидая отъ него какихъ-нибудь объясненій,—онъ только притворялся спокойнымъ. На послѣднемъ представленіи онъ самъ испугался словъ Криспа и, возвратившись домой, не могъ заснуть, отчасти отъ бѣшенства и стыда, отчасти отъ страха. Суевѣрный Вестинъ, который молча слушалъ ихъ бесѣду, осмотрѣлся кругомъ и сказалъ таинственнымъ голосомъ:

— Господинъ, послушайся этого старца. Въ христіанахъ есть что-то странное. Ихъ божество посылаетъ имъ легкую смерть, но оно можетъ отмстить за нихъ.

На это Неронъ стремительно отвѣтилъ:

— Не я устраивалъ игрища. Это Тигеллинъ.

— Да, это я!—отвѣтилъ Тигеллинъ, который услышалъ от-

---

[1]) „Невинныя тѣла“.

вѣтъ цезаря.—Это я, и я смѣюсь надъ всѣми христіанскими богами. Господинъ, Вестинъ—это пузырь, надутый предразсудками, а доблестный грекъ готовъ умереть отъ страха при видѣ насѣдки, защищающей своихъ циплятъ.

— Это хорошо,—сказалъ Неронъ,—но съ этого дня прикажи у христіанъ отрѣзывать языки или затыкать чѣмъ-нибудь ротъ.

— Божественный, ротъ заткнетъ имъ огонь.

— Горе мнѣ!—простоналъ Хилонъ.

Цезарь, ободренный дерзкой самоувѣренностью Тигеллина, разсмѣялся и сказалъ, показывая пальцемъ на стараго грека:

— Смотрите, каковъ потомокъ Ахилла.

Дѣйствительно, Хилонъ казался страшнымъ. Остатки его волосъ совершенно посѣдѣли, на лицѣ застыло выраженіе какой-то безмѣрной тревоги и угнетенія. По временамъ онъ казался одурманеннымъ чѣмъ то, часто не отвѣчалъ на вопросъ или вспыхивалъ гнѣвомъ и становился настолько дерзкимъ, что августіане предпочитали не затрогивать его.

Такое настроеніе нашло на него и теперь.

— Дѣлайте со мной, что хотите, а на игрища я больше не пойду,—отчаянно крикнулъ онъ и прищелкнулъ пальцами. Неронъ съ минуту посмотрѣлъ на него, обратился къ Тигеллину и сказалъ:

— Ты озаботишься, чтобы въ садахъ этотъ стоикъ былъ около меня. Я хочу видѣть, какое впечатлѣніе произведутъ на него наши факелы.

Хилонъ испугался угрозы, которая слышалась въ голосѣ цезаря.

— Господинъ,—сказалъ онъ,—я ничего не вижу ночью.

— Ночь будетъ ясна, какъ день,—сказалъ цезарь со страшной улыбкой и началъ разговаривать съ другими августіанами о конныхъ ристалищахъ, которыя онъ намѣревался устроить при концѣ празднествъ.

Къ Хилону подошелъ Петроній, ударилъ его по плечу и сказалъ:

— Что, не говорилъ я тебѣ? Не выдержишь.

Хилонъ отвѣтилъ:

— Мнѣ хочется напиться.

И онъ протянулъ дрожащую руку къ кратеру съ виномъ, но не могъ донести его до губъ. Вестинъ, видя это, взялъ сосудъ, придвинулъ его ближе и съ заинтересованнымъ и испуганнымъ лицомъ спросилъ:

— Тебя преслѣдуютъ Фуріи, да?

Старикъ съ минуту смотрѣлъ на Вестина, какъ будто не понимая его вопроса, и только моргалъ глазами. Вестинъ повторилъ:

— Тебя преслѣдуютъ Фуріи?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Хилонъ,—но передо мною разстилается ночь.

— Какъ, ночь? Да сжалятся надъ тобою боги. Какъ, ночь?

— Ночь ужасная, непроглядная, въ которой что-то движется и идетъ ко мнѣ на встрѣчу. Но я не знаю, что̀ это, и боюсь.

— Я всегда былъ увѣренъ, что они колдуны. Снится тебѣ что-нибудь?

— Нѣтъ, потому что я не сплю. Я не думалъ, что ихъ такъ покараютъ.

— А тебѣ жаль ихъ?

— Для чего вы проливаете столько крови? Ты слышалъ, что тотъ старикъ говорилъ съ креста? Горе намъ!

— Слышалъ,—тихо отвѣчалъ Вестинъ.—Но, вѣдь, они поджигатели.

— Неправда!

— И враги человѣческаго рода.

— Неправда!

— Они отравляютъ воду.

— Неправда!

— Они убиваютъ дѣтей.

— Неправда!

— Какъ же это?—съ удивленіемъ спросилъ Вестинъ.—Ты же самъ говорилъ это и предалъ ихъ въ руки Тигеллина!

— Вотъ ночь и окружила меня, и смерть идетъ ко мнѣ. Иногда мнѣ кажется, что я уже умеръ и вы также.

— Нѣтъ! Умираютъ они, а мы живы. Но скажи мнѣ, что они видятъ, когда умираютъ?

— Христа.

— Это ихъ богъ? А что, это могущественный богъ?

Но Хилонъ также отвѣтилъ вопросомъ.

— Что это за факелы будутъ горѣть въ садахъ? Ты слышалъ, что говорилъ цезарь?

— Слышалъ и знаю. Они называются sarmentitii и semaxii[2]). Ихъ одѣнутъ въ скорбныя туники, пропитанныя смолой, привяжутъ къ столбамъ и подожгутъ. Только какъ бы ихъ богъ не на-

[2]) Sarmentitii происходитъ отъ sarmentum „хворостъ“, semaxii отъ semis „половина“ и axis „ось“. Тертулліанъ говоритъ, что христіанъ называли такъ потому, что ad stipitem dimidii axis revincti sarmentorum ambitu exurimur „привязанные къ столбу, находящемуся на срединѣ оси, мы сожигаемся, обложенные хворостомъ“.

слалъ на городъ какихъ-нибудь новыхъ несчастій. Semaxii!—это страшная казнь.

— Я предпочитаю это, тутъ не будетъ крови,—отвѣтилъ Хилонъ.—Прикажи невольнику приставить мнѣ кратеръ къ губамъ. Я хочу пить и проливаю вино,—рука моя дрожитъ отъ старости.

Другіе августіане въ это время тоже разговаривали о христіанахъ. Старикъ Домицій Аферъ издѣвался надъ ними.

— Ихъ такое множество, — говорилъ онъ, — что могла бы вспыхнуть междоусобная война. Помните, были опасенія, не захотятъ ли они защищаться. А они умираютъ, какъ овцы.

— Пусть бы попробовали!—сказалъ Тигеллинъ.

На это отозвался Петроній.

— Вы ошибаетесь. Они защищаются.

— Какимъ образомъ?

— Терпѣніемъ.

— Это новый способъ.

— Несомнѣнно. Но можете ли вы сказать, что они умираютъ, какъ обыкновенные преступники? Нѣтъ! Они умираютъ такъ, какъ будто преступниками были тѣ, которые приговариваютъ ихъ къ смерти, то есть мы и весь римскій народъ.

— Что за вздоръ!—воскликнулъ Тигеллинъ.

— Hic Abdera [8]),—отвѣтилъ Петроній.

Но другіе августіане, пораженные мѣткостью его замѣчанія, съ изумленіемъ начали переглядываться другъ съ другомъ и повторять:

— Правда! Въ ихъ смерти кроется что-то странное и особенное.

— Я говорю вамъ, что они видятъ свое божество,— крикнулъ издали Вестинъ.

Нѣсколько августіанъ обратились къ Хилону:

— Эй, старикъ, ты хорошо ихъ знаешь, скажи намъ, что они видятъ?

Грекъ выплюнулъ вино на тунику и отвѣтилъ:

— Воскресеніе!

И онъ затрясся такъ, что сидящіе рядомъ съ нимъ разразились громкимъ хохотомъ.

III.

Виницій нѣсколько ночей провелъ внѣ дома. Петронію приходило въ голову, что онъ можетъ быть составилъ какой-нибудь но-

---

8) Hic Abdera—буквально: „здѣсь Абдера“. Абдера—городъ во Ѳракіи, жители котораго, подобно нашимъ пошехонцамъ, считались очень глупыми. Такимъ образомъ, поговорка эта означаетъ: „Вотъ дуракъ-то!“

вый планъ и пытается освободить Лигію изъ Эсквилинской темницы, но не хотѣлъ разспрашивать ни о чемъ, чтобы не разрушить замысловъ своего друга. Изящный скептикъ сдѣлался до нѣкоторой степени суевѣрнымъ или вѣрнѣе съ того дня, когда ему неудалось вырвать Лигію изъ Мамертинскаго подземелья, пересталъ вѣрить въ свою звѣзду.

Наконецъ, онъ и теперь не вѣрилъ въ хорошій исходъ попытокъ Виниція. Эсквилинская темница, наскоро устроенная изъ погребовъ зданій, разрушенныхъ при пожарѣ, правда, не была такъ страшна, какъ старый Туліанъ, но за то ее оберегали во сто разъ больше. Петроній хорошо понималъ, что Лигію перевели туда только для того, чтобъ она не умерла и не избѣжала амфитеатра. Ему легко было догадаться, что поэтому-то ее и будутъ оберегать, какъ зѣницу ока.

— Очевидно,—говорилъ онъ себѣ,—цезарь и Тигеллинъ предназначаютъ ее для какого-нибудь особенно ужаснаго зрѣлища, и Виницій прежде самъ погибнетъ, чѣмъ сумѣетъ освободить ее.

Виницій и самъ потерялъ надежду освободить Лигію. Теперь сдѣлать это могъ только Христосъ. Молодой трибунъ заботился лишь только о томъ, чтобы видѣться съ нею въ темницѣ.

Съ нѣкотораго времени ему не давала покоя мысль: вѣдь, проникъ же Назарій въ Мамертинскую темницу какъ рабочій, который долженъ выносить трупы. И Виницій рѣшилъ испробовать этотъ способъ.

Подкупленный за огромную сумму надзиратель «смердящихъ ямъ», наконецъ, принялъ его въ число своихъ рабочихъ, которые каждую ночь должны были являться за трупами въ темницы. Опасность, что Виницій будетъ узнанъ, представлялась ничтожной. Отъ этой опасности его охраняли: ночь, невольничья одежда и плохое освѣщеніе темницы. Наконецъ, кому бы могло придти въ голову, что патрицій, внукъ и сынъ консула, могъ бы очутиться среди работниковъ могильщика, осужденныхъ вдыхать испаренія темницы и «смердящихъ ямъ», и взялся бы за работу, къ которой людей принуждало только рабство или крайняя нужда.

Когда подошелъ желанный вечеръ, Виницій съ радостью перевязалъ свои бедра, обмоталъ голову тряпкой, напитанной терпентиномъ, и съ бьющимся сердцемъ отправился вмѣстѣ съ другими рабочими на Эсквилинъ.

Преторіанская стража не ставила имъ никакихъ затрудненій, всѣ рабочіе были снабжены соотвѣтственными «тессерами», которыя центуріонъ осматривалъ при свѣтѣ лампъ. Черезъ минуту большія желѣзныя двери отворились, и рабочіе вошли.

Виницій увидалъ передъ собою обширный сводчатый погребъ, который соединялся съ рядомъ такихъ же погребовъ. Слабые ночники освѣщали группы людей. Одни изъ нихъ лежали около стѣнъ погруженные въ сонъ или можетъ быть уже умершіе, другіе окружали большіе сосуды съ водой и жадно пили, какъ люди, томимые горячкой. Дѣти спали, прижавшись къ своимъ матерямъ. Вокругъ слышались то стоны и громкое ускоренное дыханіе больныхъ, то плачъ, то молитвенный шепотъ, то тихая пѣсня, то проклятіе тюремщикамъ. Въ подземельи царили тѣснота и трупный запахъ. Въ темныхъ углахъ сновали темныя фигуры, а ближе при слабыхъ огонькахъ лица блѣдныя, испуганныя, истощенныя голодомъ съ глазами угасшими или свѣтящимися лихорадочнымъ блескомъ, съ посинѣвшими губами, съ потомъ, струящимся по лбу. Въ углахъ громко бредили больные, одни просили воды, другіе, чтобъ ихъ вели на смерть. И, все-таки, эта темница была менѣе страшна, чѣмъ старый Туліанъ. У Виниція подкосились ноги и захватило дыханіе. Когда онъ подумалъ, что среди этого горя и ужаса находится Лигія, волосы дымомъ стали на его головѣ, въ груди замеръ крикъ отчаянія, амфитеатръ, клыки дикихъ звѣрей, кресты,—все это не могло сравниться съ этимъ страшнымъ подземельемъ, въ которомъ умоляющіе людскіе голоса изо всѣхъ угловъ повторяли:

— Ведите насъ на смерть.

Виницій впился ногтями въ ладонь, онъ чувствовалъ, что слабѣетъ и что сознаніе покидаетъ его. Все, что онъ пережилъ до тѣхъ поръ, вся его любовь и горе смѣнились въ немъ одною жаждой смерти.

Въ это время рядомъ съ нимъ раздался голосъ надзирателя «смердящихъ ямъ»:

— Сколько у васъ сегодня труповъ?

— Около дюжины,— отвѣтилъ тюремщикъ,— но къ утру будетъ больше, тамъ у стѣны нѣкоторые уже начинаютъ хрипѣть.

И онъ началъ жаловаться на женщинъ, что онѣ скрываютъ умершихъ дѣтей, чтобы какъ можно дольше удержать ихъ при себѣ и не отдавать въ «смердящія ямы». Трупы узнавать можно было только по запаху, отчего воздухъ, и такъ страшный, портился еще болѣе. «Я предпочиталъ бы, — говорилъ тюремщикъ, — быть невольникомъ въ сельскомъ эргастулѣ, чѣмъ стеречь этихъ гніющихъ при жизни собакъ». Надзиратель «ямъ» утѣшалъ его и утверждалъ, что и его служба не легче. За это время къ Виницію опять возвратилось сознаніе дѣйствительности, и онъ началъ осматривать подземелье, а въ это время его преслѣдовала мысль, что онъ

можетъ и не увидать Лигію. Погреба соединялись между собою наскоро прорытыми проходами, а рабочіе могильщика входили только въ тѣ, изъ которыхъ нужно было забирать тѣла умершихъ. Виниція охватилъ страхъ, что всѣ его труды могутъ ни къ чему не привести его.

Къ счастью, его патронъ пришелъ къ нему съ помощью.

— Тѣла нужно выносить сейчасъ, трупы еще болѣе распространяютъ заразу. Иначе вы умрете всѣ, и вы, и узники.

— На всѣ погреба насъ всего только десять человѣкъ,—отвѣтилъ тюремщикъ,—нужно же намъ спать когда-нибудь.

— Тогда я оставлю четырехъ моихъ людей, которые ночью будутъ ходить по погребамъ.

— Трупы нужно подвергать осмотру, — вышло приказаніе, чтобъ умершимъ перерѣзывать горло и ужъ потомъ отправлять въ ямы.

Надзиратель имъ назначилъ четырехъ людей, въ томъ числѣ и Виниція, а съ остальными отправился накладывать трупы на носилки.

Виницій вздохнулъ свободнѣе. Онъ былъ увѣренъ, что теперь найдетъ Лигію.

Прежде всего онъ началъ тщательно осматривать первое подземелье, заглянулъ во всѣ темные углы, куда почти не доходилъ свѣтъ ночниковъ, но Лигіи нигдѣ не могъ найти. Въ другомъ и третьемъ погребѣ его поиски были также тщетны.

Часъ былъ уже поздній, трупы уже всѣ вынесли. Тюремщики, улегшись въ коридорахъ, соединяющихъ погреба, заснули, дѣти, утомленныя плачемъ, замолкли, въ подземельяхъ раздавалось только громкое дыханіе больныхъ и лишь кое-гдѣ слышался шепотъ молитвы. Виницій вошелъ въ четвертый погребъ, значительно меньшихъ размѣровъ, поднялъ кверху ночникъ и началъ осматриваться.

Онъ вздрогнулъ: ему показалось, что у рѣшетки, вдѣланной въ стѣну, онъ увидалъ огромную фигуру Урса.

И, задувъ ночникъ, онъ приблизился къ рѣшеткѣ и спросилъ:

— Урсъ, это ты?

Гигантъ повернулъ къ нему голову.

— Кто ты?

— Ты не узнаешь меня?—спросилъ молодой человѣкъ.

— Ты погасилъ ночникъ, какъ же я узнаю тебя?

Въ эту минуту Виницій увидалъ Лигію, которая лежала на плащѣ возлѣ стѣны, и безъ словъ опустился рядомъ съ ней на колѣна. Урсъ узналъ его и сказалъ:

— Слава Христу! Но не буди ее, господинъ.

Виницій сквозь слезы смотрѣлъ на Лигію. Несмотря на полумракъ, онъ могъ различить ея лицо, которое показалось ему блѣднымъ, какъ алебастръ, и похудѣвшія руки. Его охватила любовь, похожая на нестерпимую боль, до глубины потрясающая душу и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ полная жалости и обоготворенія, что онъ упалъ лицемъ на землю и началъ прижимать къ губамъ край плаща, на которомъ покоилось самое дорогое для него существо.

Урсъ долго молча смотрѣлъ на него и наконецъ дернулъ его за тунику.

— Господинъ,—спросилъ онъ,—какъ ты пробрался сюда? Затѣмъ ли ты пришелъ, чтобы спасти ее?

Виницій поднялся и еще съ минуту боролся съ волненіемъ.

— Укажи мнѣ способъ!—сказалъ онъ.

— Господинъ, я думалъ, что ты найдешь его. Мнѣ только одинъ приходилъ въ голову.

Онъ обратилъ глаза къ задѣланному рѣшеткой отверстію и потомъ, какъ бы оправдываясь передъ собою, добавилъ:

— Да... Но тамъ солдаты.

— Сотня преторіанцевъ,—отвѣтилъ Виницій.

— Не пройдешь!

— Нѣтъ!

Лигіецъ потеръ лобъ рукою и во второй разъ спросилъ:

— Какъ ты пробрался сюда?

— У меня тессера отъ надзирателя «Смердящихъ ямъ».

И Виницій вдругъ оборвался, какъ будто въ головѣ его мелькнула какая-то мысль.

— Клянусь муками Избавителя!—быстро заговорилъ онъ.— Я останусь здѣсь, а она пусть возьметъ мою тессеру, накинетъ плащъ, окутаетъ голову тряпкой и выйдетъ. Въ числѣ невольниковъ могильщика много подростковъ,—преторіанцы не узнаютъ ее, а если она доберется до дома Петронія, то тотъ спасетъ ее.

Но лигіецъ поникъ головой на грудь и отвѣтилъ:

— Она не согласилась бы на это, потому что любитъ тебя. Къ тому же она больна и сама не можетъ подняться.

Черезъ минуту онъ добавилъ:

— Господинъ, если ты и благородный Петроній не могли освободить ее изъ темницы, то кто же можетъ спасти ее?

— Одинъ Христосъ!

Они оба умолкли. Лигіецъ въ простотѣ своей думалъ: «Онъ могъ бы спасти всѣхъ, но коль скоро не дѣлаетъ этого, то видно

наступилъ часъ мукъ и смерти». И онъ примирился съ этимъ, только ему до глубины души было жаль этого ребенка, который выросъ на его рукахъ и котораго онъ любилъ больше своей жизни.

Виницій снова опустился на колѣна возлѣ Лигіи. Сквозь рѣшетчатое отверстіе въ подземелье вкрадывались лучи луны и освѣщали его свѣтлѣй, чѣмъ тотъ ночникъ, который еще горѣлъ надъ дверями.

Въ эту минуту Лигія открыла глаза и, опустивъ горячія руки на руку Виниція, сказала:

— Я вижу тебя, и знала, что ты придешь.

Виницій прильнулъ къ ея рукамъ и началъ прижимать ихъ ко лбу и къ сердцу, потомъ немного приподнялъ Лигію и прислонилъ ее къ своей груди.

— Я пришелъ, дорогая,—сказалъ онъ.—Христосъ да спасетъ и да охраняетъ тебя.

Дальше онъ не могъ говорить, сердце его заныло отъ боли и любви, а свою боль онъ не хотѣлъ открывать передъ Лигіей.

— Я больна, Маркъ, отвѣтила Лигія,—и на аренѣ ли или здѣсь въ темницѣ должна умереть... но я молилась, чтобы передъ смертью могла увидать тебя,—и ты пришелъ: Христосъ услышалъ меня.

Виницій не могъ еще выговорить ни одного слова и только прижималъ ее къ груди, а она продолжала:

— Я видѣла тебя въ окно изъ Туліана и знала, что ты хотѣлъ прійти. А теперь Избавитель далъ мнѣ минуту сознанія, чтобы мы могли проститься. Маркъ, я иду къ Нему, но люблю тебя и всегда буду любить.

Виницій пересилилъ себя, подавилъ свою боль и началъ говорить голосомъ, которому старался придать спокойствіе:

— Нѣтъ, дорогая. Ты не умрешь. Апостолъ приказалъ мнѣ вѣрить и обѣщалъ молиться за тебя, а онъ зналъ Христа; Христосъ любитъ его и ни въ чемъ ему не откажетъ... Еслибъ ты должна была умереть, Петръ не повелѣлъ бы мнѣ надѣяться, а онъ сказалъ мнѣ: «надѣйся!» Нѣтъ, Лигія! Христосъ сжалится надо мной... Онъ не хочетъ твоей смерти, Онъ не допуститъ ея... Клянусь тебѣ Избавителемъ, что Петръ молится за тебя...

Наступила тишина. Единственный ночникъ, висящій надъ дверью, погасъ, но за то свѣтъ луны лился широкимъ потокомъ сквозь рѣшетчатое отверстіе. Гдѣ-то въ противоположномъ углу застоналъ ребенокъ, но тотчасъ же умолкъ. Извнѣ доносились

голоса преторіанцевъ, которые, послѣ обычнаго обхода, играли въ «scripta duodecim» [1]).

— О, Маркъ,— отвѣтила Лигія,— Самъ Христосъ взывалъ къ Своему Отцу: «да минетъ Меня чаша сія»,—но долженъ былъ испить чашу. Самъ Христосъ умеръ на крестѣ, а теперь за Него гибнутъ тысячи людей,—почему же Онъ долженъ пощадить одну меня? Кто я такая, Маркъ? Я слышала, какъ Петръ говорилъ, что и онъ умретъ въ мученіяхъ, а что я въ сравненіи съ нимъ? Когда къ намъ пришли преторіанцы, я боялась смерти и муки, но теперь уже не боюсь. Посмотри, какъ страшна эта темница,— а я иду на небо. Подумай, что здѣсь цезарь, а тамъ Избавитель, добрый и милостивый. И смерти тамъ нѣтъ. Ты любишь меня,—подумай же, какъ я буду счастлива. О, Маркъ, дорогой, подумай, что ты самъ придешь туда ко мнѣ.

Она остановилась, чтобъ перевести дыханіе, потомъ поднесла къ своимъ губамъ его руку.

— Маркъ...

— Что, дорогая?

— Не плачь обо мнѣ и помни, что ты придешь ко мнѣ туда. Я не долго жила, но Богъ отдалъ мнѣ твою душу. Вотъ я и хочу сказать Христу, что хотя я умерла, хотя ты смотрѣлъ на мою смерть, хотя я оставила тебя въ скорби, но ты не роптал и всегда любилъ Его. А ты будешь любить Его и терпѣливо перенесешь мою смерть?... Вѣдь, Онъ соединитъ насъ, а я люблю тебя и хочу быть съ тобою вмѣстѣ...

Тутъ дыханіе снова измѣнило ей и едва слышнымъ голосомъ она закончила:

— Обѣщай мнѣ, Маркъ!...

Виницій обнялъ ее дрожащими руками и отвѣтилъ:

— Клянусь твоею святою головой! Обѣщаю!...

Лицо Лигіи просвѣтлѣло подъ грустнымъ лучомъ луны. Еще разъ она поднесла къ губамъ его руку и шепнула:

— Я твоя жена!...

IV.

Въ теченіе трехъ дней, вѣрнѣе, въ теченіе трехъ ночей, ничто не нарушало покоя Виниція и Лигіи. Когда обычныя занятія были

[1]) Scripta duodecim—„двѣнадцать линій“. Намъ неизвѣстно, въ чемъ состояла эта игра; но, повидимому, она была нѣсколько похожа на нашу игру въ шашки: играли разноцвѣтными камешками на доскѣ, раздѣленной 12 перекрещивающимися линіями на 25 клѣтокъ.

окончены, когда мертвые были отдѣлены отъ живыхъ, тяжко больные отъ здоровыхъ, когда утомленные тюремщики ложились спать въ корридорахъ, Виницій приходилъ въ подземелье Лигіи и оставался тамъ до тѣхъ поръ, пока разсвѣтъ не начиналъ заглядывать сквозь рѣшетчатое окно. Она склоняла голову къ нему на грудь, и они тихо разговаривали о любви и о смерти. Оба они невольно, въ мысляхъ и бесѣдахъ, даже въ желаніяхъ и надеждахъ все больше отдалялись отъ жизни и теряли сознаніе о ней. Оба они были словно люди, которые отплыли на кораблѣ отъ материка, потеряли изъ виду берегъ и мало-по-малу погружаются въ безконечность. Оба они постепенно преобразовывались въ какихъ-то грустныхъ духовъ, любящихъ другъ друга, любящихъ Христа и готовыхъ улетѣть куда-то. Только по временамъ по его сердцу, словно вихрь, пролетало ощущеніе боли, или, какъ молнія, сверкала надежда, порожденная любовью и вѣрою въ Распятаго Бога,—но съ каждымъ днемъ и онъ все болѣе и болѣе отрывался отъ земли и отдавался смерти. Утромъ, когда онъ выходилъ изъ темницы, онъ смотрѣлъ на свѣтъ, на городъ, на знакомыхъ, на жизнь, словно сквозь сонъ. Все казалось ему чуждымъ, отдаленнымъ, ничтожнымъ и скоропреходящимъ. Его перестала поражать даже свирѣпость мученій, которыя онъ видѣлъ,—сквозь нихъ можно пройти въ забытьи, съ глазами устремленными на что-то другое. А ему и Лигіи начинало казаться, что ихъ уже охватываетъ вѣчность. Они бесѣдовали о любви, о томъ, какъ они будутъ любить другъ друга и жить вмѣстѣ, но уже по ту сторону могилы, и если когда-нибудь ихъ мысль обращалась къ вещамъ земнымъ, то только какъ мысль людей, которые готовятся въ дальнюю дорогу и разговариваютъ о дорожныхъ приготовленіяхъ. Наконецъ, ихъ окружала такая тишина, которая окружаетъ двѣ колонны, стоящія среди развалинъ и забвенія. Имъ нужно было только то, чтобы Христосъ не разъединилъ ихъ, а когда каждая минута все болѣе и болѣе утверждала въ нихъ эту увѣренность, они возлюбили Его какъ цѣпь, которая должна соединить ихъ, какъ безконечное счастье и безконечный покой. Еще на землѣ они чувствовали, какъ съ нихъ спадаетъ прахъ земли. Ихъ души стали чисты, какъ слеза. Подъ угрозой смерти, среди невзгодъ и страданій, въ смрадной темницѣ, имъ стало показываться небо,—Лигія брала его за руку, какъ будто она была уже спасенною и святою, и вела къ вѣчному источнику счастья—къ жизни.

Петроній приходилъ въ недоумѣніе, когда видѣлъ на лицѣ Виниція все большее спокойствіе и ясность, какихъ не замѣчалъ раньше. По временамъ въ его головѣ возрождалось даже предполо-

женіе, что Виниций нашелъ какое-нибудь средство спасти Лигію, и ему было горько, что онъ не посвящаетъ его въ свою тайну.

Наконецъ, онъ не могъ выдержать и сказалъ Виницію:

— Теперь ты кажешься другимъ,— не скрывай отъ меня тайны, потому что я хочу и могу помочь тебѣ,— ты придумалъ что-нибудь?

— Придумалъ,— отвѣтилъ Виницій,— но ты уже не можешь помочь мнѣ. Послѣ ея смерти я объявлю, что я христіанинъ, и пойду за нею.

— Значитъ, у тебя нѣтъ надежды?

— О, нѣтъ. Христосъ отдастъ ее мнѣ и не разлучитъ съ нею никогда.

Петроній началъ ходить по атрію съ выраженіемъ разочарованія и неудовольствія, потомъ сказалъ:

— Для этого не нужно вашего Христа; ту же самую услугу могъ бы тебѣ оказать нашъ Танатосъ [1]).

Виницій грустно улыбнулся и отвѣтилъ:

— Нѣтъ, другъ, но ты не хочешь это понять.

— Не хочу и не могу,—сказалъ Петроній.—Для разговоровъ теперь нѣтъ времени,—ты помнишь, что я говорилъ, когда намъ не удалось вырвать ее изъ Туліана? Я потерялъ всякую надежду, а ты сказалъ, когда мы пришли домой: «Я вѣрю, что Христосъ можетъ возвратить ее мнѣ». Ну, пусть онъ и возвратитъ ее тебѣ. Когда я брошу драгоцѣнную чашу въ море, то ее не возвратитъ мнѣ ни одинъ изъ нашихъ боговъ; но если и вашъ не лучше, то я не знаю, за что его почитать больше, чѣмъ прежнихъ.

— Онъ возвратитъ ее мнѣ,—отвѣтилъ Виницій.

Петроній пожалъ плечами.

— А ты знаешь,—спросилъ онъ,—что христіане завтра должны освѣщать сады цезаря?

— Завтра?—переспросилъ Виницій.

И предъ лицомъ близкой, страшной дѣйствительности его сердце содрогнулось отъ боли и ужаса. Онъ подумалъ, что можетъ быть это послѣдняя ночь, которую онъ можетъ провести съ Лигіей, и, простившись съ Петроніемъ, поспѣшно отправился къ надзирателю «puticuli» за своею тессерой.

Но тамъ его ожидало разочарованіе; надзиратель не далъ ему пропускного знака.

— Прости, господинъ,—сказалъ онъ.—Я сдѣлалъ для тебя,

---

1) Thanatos—богъ смерти.

что могъ, но не хочу подвергать свою жизнь опасности. Сегодня ночью христіанъ поведутъ въ сады цезаря. Въ темницѣ будетъ множество солдатъ и чиновниковъ. Еслибъ тебя узнали, то и я погибъ бы и мои дѣти.

Виниційй понялъ, что всѣ его просьбы напрасны. Ему блеснула надежда, что солдаты, которые видѣли его раньше, можетъ быть, пропустятъ его и безъ знака, и съ наступленіемъ ночи, одѣвшись, какъ и прежде, въ сермяжную тунику и обвязавъ тряпкой голову, онъ направился къ дверямъ темницы.

Но въ этотъ день пропускные знаки провѣрялись еще съ большею придирчивостью, чѣмъ обыкновенно,—но этого мало: сотникъ Сцевинъ, человѣкъ строгій и всею душой преданный цезарю солдатъ, узналъ Виниція.

Но видимо въ его закованной въ желѣзо груди тлѣлась еще искра жалости къ человѣческому горю, и онъ, вмѣсто того, чтобъ ударить копьемъ о щитъ въ знакъ тревоги, отвелъ Виниція въ сторону и сказалъ ему:

— Господинъ, возвращайся домой. Я узналъ тебя, но буду молчать,—я не хочу губить тебя. Впустить тебя я не могу. Возвращайся домой и да пошлютъ тебѣ боги упокоеніе.

— Впустить меня ты не можешь,—отвѣтилъ Виниційй,—но позволь мнѣ остаться здѣсь и видѣть тѣхъ, кого будутъ выводить.

— Мнѣ не приказывали препятствовать этому,—сказалъ сотникъ.

Виниційй сталъ у дверей и ждалъ, пока начнутъ выводить осужденныхъ. Наконецъ, около полуночи двери темницы широко распахнули, и въ нихъ показались цѣлые ряды узниковъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, окруженныхъ вооруженными отрядами преторіанцевъ. Ночь была ясная, такъ что можно было различить не только фигуры, но даже и лица несчастныхъ. Они шли парами, длинною, печальною цѣпью, среди тишины, нарушаемой только лязгомъ оружія солдатъ. Христіанъ вывели столько, что казалось, что всѣ подвалы останутся пустыми.

Въ концѣ шествія Виниційй ясно увидалъ врача Главка, но ни Лигіи, ни Урса среди осужденныхъ не было.

V.

Еще не смерклось, когда первыя волны народа начали наполнять сады цезаря. Толпа, въ праздничныхъ нарядахъ, украшенная вѣнками, разохоченная, поющая, отчасти и пьяная, шла смотрѣть

на новое, великолѣпное зрѣлище. Крики «Semaxii! Sarmentitii!»— раздавались на via Testa, на мосту Эмилія, на Тріумфальной дорогѣ, вплоть до Ватиканскаго холма. И прежде въ Римѣ сжигали людей на столбахъ, но до сихъ поръ народъ не видалъ такого количества осужденныхъ. Цезарь и Тигеллинъ, желая покончить съ христіанами и, вмѣстѣ съ тѣмъ, положить конецъ заразѣ, которая изъ темницъ все болѣе распространялась по городу, приказали очистить всѣ подземелья, такъ что въ нихъ осталось нѣсколько десятковъ людей, предназначенныхъ для конца игрищъ, и толпа, войдя въ садовыя ворота, онѣмѣла отъ изумленія. Всѣ аллеи,— главныя, боковыя, прорѣзывающія густую чащу, окружающія луга, пруды, сажалки были наполнены осмоленными столбами, къ которымъ привязывали христіанъ. Съ болѣе высокихъ мѣстъ, гдѣ деревья не закрывали вида, открывались цѣлые ряды столбовъ и тѣлъ, украшенныхъ плющемъ, цвѣтами и миртовыми листьями. Столбы эти тянулись вглубь по холмамъ и низинамъ такъ далеко, что когда ближайшіе казались мачтами, дальнѣйшіе представлялись разноцвѣтными копьями, воткнутыми въ землю. Количество осужденныхъ превзошло даже ожиданіе самой толпы. Можно было подумать, что кто-то привязалъ къ столбамъ цѣлый народъ для утѣхи Рима и цезаря. Кучки зрителей останавливались передъ отдѣльными мачтами, по мѣрѣ того, какъ ихъ заинтересовывали фигура, возрастъ или полъ жертвы, осматривали ихъ лица, вѣнки, гирлянды плюща, потомъ шли дальше и дальше, обмѣниваясь недоумѣвающими вопросами: «Могло ли набраться такое количество виновныхъ? Могли ли поджечь Римъ дѣти, едва способныя ходить безъ посторонней помощи?» И недоумѣніе мало-по-малу переходило въ тревогу.

Тѣмъ временемъ спустился мракъ, и на небѣ зажглись первыя звѣзды. Возлѣ каждаго осужденнаго стоялъ невольникъ съ горящимъ факеломъ въ рукахъ, а когда голосъ трубъ огласилъ всѣ части садовъ, всѣ невольники приложили факелы къ основанію столбовъ.

Скрытая подъ цвѣтами и политая смолой солома мгновенно занялась яснымъ огнемъ, который, усиливаясь съ каждой минутой, расплеталъ гирлянды плюща, взбирался кверху и охватывалъ ноги жертвъ. Толпа смолкла, но сады огласились громкимъ стономъ и болѣзненными криками. Въ числѣ христіанъ были и такіе, которые, поднявъ голову къ звѣздному небу, начали воспѣвать Христа. Толпа слушала, но самыя твердыя сердца вздрогнули отъ ужаса, когда съ меньшихъ мачтъ послышались раздирающіе дѣтскіе

голоса: «Мама, мама!» Даже пьяные зрители вздрогнули при видѣ этихъ головокъ и невинныхъ лицъ, искаженныхъ болью или задыхающихся въ дыму, который начиналъ душить ихъ. А огонь все взбирался кверху и охватывалъ все новыя гирлянды розъ и плюща. Освѣтились аллеи главныя и боковыя, освѣтились группы деревьевъ и луга, и цвѣтистые газоны, загорѣлась вода въ сажалкахъ и прудахъ, покраснѣли дрожащіе листья на деревьяхъ,—сдѣлалось свѣтло, какъ днемъ. Смрадъ горѣлаго тѣла наполнилъ сады, но въ ту же минуту невольники начали сыпать въ кадильницы, стоящія между столбами, мирру и алоэ. Въ толпѣ тамъ и здѣсь послышались крики,—неизвѣстно, сочувствія ли, или упоенія и радости,—и, усиливаясь съ каждой минутой вмѣстѣ съ огнемъ, который охватывалъ столбы, взбирался къ груди жертвъ, палящимъ дыханіемъ скручивалъ волосы на ихъ головѣ, набрасывалъ покрывало дыма на ихъ почернѣлыя лица, и стремился все выше и выше, какъ бы торжествуя побѣду и тріумфъ той силы, которая повелѣла раздуть его.

При началѣ зрѣлищъ среди народа показался цезарь на великолѣпной цирковой квадригѣ, одѣтый въ нарядъ возницы и въ цвѣта партіи зеленыхъ, къ которой принадлежали онъ и его дворъ. За нимъ слѣдовали другія колесницы съ придворными въ роскошныхъ одеждахъ, сенаторами, жрецами и нагими вакханками съ вѣнками на головахъ и съ сосудами вина въ рукахъ, по большей части пьяными и издающими дикіе крики. Вокругъ нихъ музыканты, наряженные фавнами и сатирами, играли на цитрахъ, формингахъ, пищалкахъ и рогахъ. На другихъ колесницахъ ѣхали матроны и дѣвушки, одинаково пьяныя и наполовину обнаженныя. Скороходы потрясали тирсами, украшенными лентами, били въ бубны и разсыпали цвѣты. Вся блестящая процессія съ криками «эвоэ!» подвигалась по самой широкой аллеѣ среди дыма и живыхъ факеловъ. Цезарь, съ Тигеллиномъ и Хилономъ, страхомъ котораго онъ искренно забавлялся, самъ управлялъ лошадьми. Лошади шли медленнымъ шагомъ, а цезарь смотрѣлъ на горящія тѣла и, вмѣстѣ съ тѣмъ, прислушивался къ крику толпы. Стоя на высокой золотой квадригѣ, окруженный волною народа, которая склонялась къ его стопамъ, при блескѣ огня, въ золотомъ вѣнкѣ цирковаго побѣдителя, онъ цѣлою головой превышалъ своихъ придворныхъ, толпу и казался гигантомъ. Его уродливыя руки, держащія возжи, казалось, благословляли народъ, его лицо и полураскрытые глаза свѣтились улыбкой, онъ сіялъ надъ людьми, какъ солнце, какъ божество, страшное, но великолѣпное и могучее. По временамъ онъ

останавливался, чтобы внимательнѣе осмотрѣть какую-нибудь жертву, и ѣхалъ дальше, ведя за собою безумную, расходившуюся свиту. Онъ то раскланивался съ народомъ, то, перегнувшись назадъ, натягивалъ золотистыя возжи и разговаривалъ съ Тигеллиномъ. Наконецъ, достигнувъ большого фонтана, стоящаго на перекресткѣ двухъ главныхъ аллей, онъ вышелъ изъ квадриги и, сдѣлавъ знакъ рукой своимъ спутникамъ, вмѣшался въ толпу.

Его привѣтствовали крикомъ и рукоплесканіями. Вакханки, нимфы, сенаторы, августіане, жрецы, фавны, сатиры и солдаты окружали его бѣшенымъ кругомъ, а онъ съ Тигеллиномъ по одну сторону, съ Хилономъ по другую, обходилъ фонтанъ, возлѣ котораго горѣло нѣсколько факеловъ, останавливаясь передъ каждымъ, дѣлая замѣчанія относительно жертвъ или смѣясь надъ старымъ грекомъ, на лицѣ котораго рисовалось безбрежное отчаяніе.

Наконецъ, они остановились передъ высокой мачтой, убранной миртомъ и обвитой повиликой. Красные языки огня доходили уже до колѣнъ жертвы, но лица ея не было видно, сырыя вѣтви заслоняли его своимъ дымомъ. Черезъ минуту легкое дуновеніе ночного вѣтра разогнало дымъ и открыло голову старца съ сѣдою, спадающею на грудь, бородою.

При видѣ его Хилонъ вдругъ свернулся въ клубокъ, какъ раненый гадъ, а изъ его устъ вырвался крикъ, болѣе похожій на карканье, чѣмъ на человѣческій голосъ:

— Главкъ! Главкъ!

Дѣйствительно, съ горящаго столба на него смотрѣлъ врачъ Главкъ.

Онъ былъ еще живъ. Его страдальческое лицо наклонилось внизъ, какъ будто онъ въ послѣдній разъ хотѣлъ посмотрѣть на своего палача, который измѣнилъ ему, лишилъ его жены и дѣтей, наслалъ на него убійцъ, а когда все это было прощено во имя Христа, еще разъ предалъ его въ руки мучителей. Никогда человѣкъ такъ страшно не поступалъ съ другимъ человѣкомъ. И вотъ теперь жертва горѣла на осмоленномъ столбѣ, а палачъ стоялъ у ея ногъ. Глаза Главка не отрывались отъ лица грека. По временамъ ихъ заволакивалъ дымъ, но послѣ каждаго дуновенія вѣтра Хилонъ видѣлъ вновь устремленный на него взоръ. Онъ всталъ и хотѣлъ бѣжать, но ноги его стали, точно свинцовыя, и какая-то невидимая рука съ не человѣческой силой удерживала его передъ этимъ столбомъ. И Хилонъ окаменѣлъ. Онъ только чувствовалъ, что что-то въ немъ переполняется, что-то рвется, что довольно уже ему этихъ мученій и крови, что конецъ его жизни приходитъ и что все окру-

жающее исчезаетъ изъ его глазъ,—и цезарь, и придворные, и толпа, что вокругъ него разстилается какая-то бездонная, страшная и черная пустыня, а въ ней виднѣются только глаза мученика, которые призываютъ его на судъ. А Главкъ, все ниже наклоняя голову, не переставалъ смотрѣть на него. Присутствующіе угадали, что между этими людьми что-то происходитъ, но смѣхъ застылъ на ихъ губахъ, потому что лицо Хилона было страшно, его исказила такая тревога и такая боль, какъ будто эти огненные языки жгли его собственное тѣло. Вдругъ онъ заметался и, протянувъ руки кверху, завопилъ страшнымъ, раздирающимъ голосомъ:

— Главкъ, во имя Христа, прости!

Вокругъ все смолкло, дрожь пробѣжала по тѣлу царедворцевъ цезаря, и глаза всѣхъ невольно устремились кверху.

Голова мученика слегка шевельнулась, потомъ съ вершины мачты послышался похожій на стонъ голосъ:

— Прощаю.

Хилонъ упалъ и, воя, какъ дикій звѣрь, набралъ въ обѣ руки земли и посыпалъ себѣ голову. Въ это время пламя вспыхнуло сильнѣй, охватило грудь и лицо Главка, расплело миртовый вѣнокъ на его головѣ. Весь столбъ загорѣлся яркимъ огнемъ.

Но Хилонъ поднялся черезъ минуту съ лицомъ до такой степени измѣнившимся, что августіанамъ показалось, будто они видятъ другого человѣка. Глаза его горѣли непривычнымъ блескомъ, морщинистый лобъ свѣтился вдохновеніемъ; немощный нѣсколько минутъ тому назадъ, грекъ теперь казался какимъ-то жрецомъ, который, подъ наитіемъ божества, хочетъ открыть никому невѣдомую тайну.

— Что съ нимъ, съ ума онъ сошелъ?—раздалось нѣсколько голосовъ.

Хилонъ обратился къ толпѣ и, поднявъ правую руку, заговорилъ или, вѣрнѣе, началъ кричать такъ громко, что даже стоящіе вдали могли разслышать его слова:

— Народъ римскій! Клянусь моею смертью, что въ огнѣ гибнутъ невинные, а поджигатель—вотъ онъ!

И онъ указалъ пальцемъ на Нерона.

Наступила минута молчанія. Придворные оцѣпенѣли. Хилонъ все стоялъ съ вытянутою, дрожащею рукою и пальцемъ указывалъ на цезаря. И вдругъ началось самое дикое замѣшательство. Народъ, какъ волна, поднятая внезапно сорвавшимся вихремъ, бросился къ старику, чтобъ поближе увидать его. Въ разныхъ мѣстахъ послышались крики: «Держи!» «Горе намъ!» Раздались свистки и воскли-

цанія: «Агенобарбъ, матереубійца, поджигатель!» Безпорядокъ увеличивался съ каждою минутой. Вакханки неистово вопили и начали прятаться въ колесницы. Вдругъ нѣсколько обгорѣлыхъ столбовъ обрушились, разсыпая вокругъ себя искры и увеличивая тревогу. Слѣпая, сплоченная толпа народа подхватила Хилона и унесла его въ глубину сада.

Столбы въ другихъ мѣстахъ тоже начали перегорать и падать, наполняя аллею дымомъ и смрадомъ жженаго тѣла. Огни погасали, въ садахъ потемнѣло. Обезпокоенная, угрюмая и встревоженная толпа тѣснилась къ выходу. Вѣсть о случившемся переходила изъ устъ въ уста, измѣнялась и принимала большіе размѣры. Одни разсказывали, что цезарь упалъ въ обморокъ, другіе, что онъ самъ признался, что приказалъ поджечь Римъ, третьи, что онъ тяжко захворалъ, а были и такіе, которые утверждали, что его мертваго увезли на колесницѣ. Тамъ и здѣсь раздавались голоса, сочувственные христіанамъ. «Не они сожгли Римъ, за что же столько крови, мученій и несправедливостей? Развѣ боги не будутъ мстить за невинныхъ, и какія «piacula» [1]) могутъ умилостивить ихъ? Слова «innoxia corpora», повторялись все чаще. Женщины громко жалѣли дѣтей... сколько ихъ погибло подъ когтями дикихъ звѣрей, на крестахъ, сколько сгорѣло на этихъ проклятыхъ столбахъ! Наконецъ, сожалѣніе смѣнилось проклятіями цезарю и Тигеллину. Но были и такіе, которые вдругъ останавливались и задавали себѣ или другимъ вопросы: «Что это за божество, которое даетъ своимъ поклонникамъ силу такъ твердо переносить мученія и встрѣчать смерть?» И они въ задумчивости возвращались домой.

А Хилонъ все еще блуждалъ по садамъ, не зная, куда ему идти. Теперь онъ снова почувствовалъ себя безсильнымъ и немощнымъ старикомъ. Онъ то натыкался на обгорѣлыя тѣла, задѣвалъ за головни, которые сыпали во слѣдъ ему снопами искръ, то садился и оглядывался вокругъ безсознательными глазами. Сады почти совсѣмъ потемнѣли; между деревьями просвѣчивалъ только блѣдный мѣсяцъ, освѣщая невѣрнымъ свѣтомъ аллеи, почернѣвшіе столбы и безформенные остатки жертвъ. Но старому греку показалось, что на мѣсяцѣ онъ видитъ теперь лицо Главка, глаза умершаго мученика все еще неустанно смотрятъ на него,—и прятался отъ свѣта. Наконецъ, онъ вышелъ изъ тѣни, и невольно, какъ будто увлекаемый какою-то неизвѣстной силой, направился къ фонтану, туда, гдѣ Главкъ испустилъ свое послѣднее дыханіе.

---

[1]) „Умилостивительныя жертвы“.

Въ это время какая-то рука прикоснулась къ его плечу.

Старикъ обернулся, увидалъ передъ собою незнакомую фигуру и испуганно вскрикнулъ:

— Кто тамъ? Кто ты?

— Апостолъ, Павелъ Тарсянинъ.

— Я проклятъ!... Чего ты хочешь?

А апостолъ отвѣтилъ:

— Я хочу спасти тебя.

Хилонъ прислонился къ дереву.

Ноги подгибались подъ нимъ, руки повисли вдоль тѣла.

— Для меня нѣтъ спасенія!—глухо сказалъ онъ.

— Ты слышалъ, что Богъ простилъ разбойника, раскаявшагося на крестѣ?—спросилъ Павелъ.

— А ты знаешь, что сдѣлалъ я?

— Я видѣлъ сокрушеніе твое и слышалъ, какъ ты свидѣтельствовалъ правдѣ.

— О, Господь!...

— И если слуга Христовъ простилъ тебя въ минуту муки и смерти, какъ же Христосъ можетъ не простить тебя?

Хилонъ, какъ безумный, обхватилъ руками голову.

— Прощеніе!... для меня!... прощеніе!

— Нашъ Богъ—Богъ милосердія,—отвѣтилъ апостолъ.

— Для меня?—повторилъ Хилонъ.

И онъ застоналъ, какъ человѣкъ, у котораго не хватило силъ справиться съ своими муками и скорбью.

Павелъ сказалъ:

— Обопрись на меня и пойдемъ.

И они пошли къ скрещивающимся аллеямъ, руководствуясь плескомъ фонтана, который, среди ночной тишины, казалось, плакалъ надъ тѣлами мучениковъ.

— Нашъ Богъ—Богъ милосердія, — повторилъ апостолъ. — Еслибъ ты сталъ у моря и бросалъ въ него камни, неужели ты могъ бы наполнить ими глубину морскую? А я говорю тебѣ, что милосердіе Христово—аки море, и что грѣхи и преступленія людей потонутъ въ немъ, какъ камень въ безднѣ. И я говорю тебѣ, что милосердіе Его—аки небо, которое покрываетъ горы, суши и моря, ибо оно распростерто надо всѣмъ и нѣтъ ему ни границы, ни конца. Ты страдалъ у столба Главка, и Христосъ видѣлъ твои страданія. Ты сказалъ, несмотря на то, что тебя можетъ встрѣтить завтра: «вотъ кто поджигатель!»—и Христосъ запомнилъ твои слова. Твоя злость и ложь прошли, а въ сердцѣ твоемъ осталась толь-

ко великая жалость... Иди за мною и слушай, что я скажу тебѣ: Я также ненавидѣлъ Его и преслѣдовалъ его избранниковъ. Я также не вѣрилъ въ Него и не хотѣлъ Его, пока Онъ не предсталъ передо мною и не позвалъ меня. И съ того дня Онъ—любовь моя. А теперь Онъ навѣстилъ тебя угрызеніемъ, тревогой и скорбью, чтобъ призвать тебя къ Себѣ. Ты ненавидѣлъ Его, а Онъ любилъ тебя,—ты предавалъ на казнь вѣрующихъ въ Него, а Онъ хочетъ простить и избавить тебя.

Грудь несчастнаго человѣка задрожала отъ неудержимаго рыданія, отъ котораго разрывалась его душа, а Павелъ все болѣе и болѣе овладѣвалъ имъ и велъ, какъ солдатъ ведетъ плѣнника. Черезъ минуту онъ снова началъ говорить:

— Иди за мной, и я доведу тебя до Него. За чѣмъ другимъ я пришелъ бы къ тебѣ? Онъ повелѣлъ собирать души людей во имя любви, и я исполняю Его службу. Ты думаешь, что ты проклятъ, а я говорю тебѣ: увѣруй въ Него, и тебя ждетъ избавленіе. Ты думаешь, что ты ненавистенъ Ему, а я говорю, что Онъ любитъ тебя. Посмотри на меня! Когда я не зналъ Его, тогда у меня не было ничего кромѣ злобы, которая обитала въ моемъ сердцѣ, а теперь Его любовь замѣняетъ мнѣ отца и мать, богатство и царскую власть. Въ Немъ одномъ наше убѣжище, Онъ одинъ взвѣситъ твою скорбь, воззритъ на твою немощь, сниметъ съ тебя тревогу и вознесетъ тебя до Себя.

Онъ подвелъ его къ фонтану, который серебрился издали при мѣсячномъ свѣтѣ. Вокругъ было тихо и пусто, невольники убрали уже обгорѣлые столбы и тѣла мучениковъ.

Хилонъ со стономъ опустился на колѣна и, закрывъ лицо руками, оставался безъ движенія. Павелъ поднялъ лицо къ звѣздамъ и началъ молиться.

— Господь! воззри на сего страдальца, на его скорбь, на слезы и мученія! Господь милосердный, который пролилъ свою кровь за наши грѣхи,—ради Твоей муки, ради смерти и воскресенія отпусти ему!

Онъ умолкъ, но еще долго смотрѣлъ на звѣзды и молился.

Вдругъ изъ подъ его ногъ послышался голосъ, похожій на стонъ:

— Христосъ!... Христосъ!... Отпусти мнѣ!...

Тогда Павелъ приблизился къ фонтану, захватилъ въ руку воды и обратился къ колѣнопреклоненному старику:

— Хилонъ! Крещу тебя: Во имя Отца и Сына и Духа! Аминь

Хилонъ поднялъ голову и остался безъ движенія. Луна яркимъ

свѣтомъ освѣщала его побѣлѣвшіе волосы и также бѣлое неподвижное, словно мертвое или изсѣченное изъ камня лицо. Минуты протекали за минутами; изъ огромныхъ птичниковъ, находящихся въ садахъ Домиціи, начинали доноситься голоса пѣтуховъ, а Хилонъ все еще стоялъ на колѣнахъ, похожій на надгробный памятникъ.

Наконецъ, онъ очнулся, всталъ и, обратившись къ апостолу, спросилъ:

— Что я долженъ дѣлать передъ смертью, господинъ?

Павелъ, который весь углубился въ созерцаніе того неизмѣримаго могущества, которому не могли сопротивляться даже такія души, какъ душа грека, также опомнился и отвѣтилъ:

— Вѣрь и дай свидѣтельство правдѣ.

Они вышли вмѣстѣ. У воротъ сада апостолъ еще разъ благословилъ старика, и они разстались, — этого требовалъ самъ Хилонъ. Онъ предвидѣлъ, что послѣ того, что произошло, цезарь и Тигеллинъ будутъ преслѣдовать его.

Онъ не ошибался. Свой домъ онъ нашелъ окруженнымъ преторіанцами, которые схватили его и, подъ предводительствомъ Сцевина, повели на Палатинъ.

Цезарь ушелъ отдыхать, но Тигеллинъ бодрствовалъ и, увидавъ несчастнаго грека, обратилъ къ нему свое спокойное, но зловѣщее лицо.

— Ты совершилъ преступленіе, оскорбилъ величество, — сказалъ онъ, — и кара не минетъ тебя. Если завтра утромъ въ амфитеатрѣ ты заявишь, что былъ пьянъ и сошелъ съ ума, что виновниками пожара были христіане, твое наказаніе ограничится палочными ударами и изгнаніемъ.

— Не могу, господинъ! — тихо отвѣчалъ Хилонъ.

Тигеллинъ подошелъ къ нему медленнымъ шагомъ и голосомъ такимъ же тихимъ и страшнымъ спросилъ:

— Какъ не можешь, греческая собака? Развѣ ты не былъ пьянъ и развѣ ты не знаешь, что тебя ожидаетъ? Посмотри туда!

И онъ указалъ на уголъ атрія, въ мрачной глубинѣ котораго около деревянной скамейки стояло четверо неподвижныхъ ѳракійскихъ невольниковъ съ веревками и щипцами въ рукахъ.

А Хилонъ отвѣтилъ:

— Не могу, господинъ!

Тигеллиномъ начало овладѣвать бѣшенство, но онъ еще вздерживался.

— Ты видѣлъ,—спросилъ онъ,—какъ умираютъ христіане, и ты такъ же хочешь умереть?

Старикъ поднялъ кверху свое блѣдное лицо: съ минуту его губы беззвучно двигались, потомъ онъ сказалъ:

— И я вѣрю въ Христа!

Тигеллинъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Песъ, да ты окончательно сошелъ съ ума!

И вдругъ бѣшенство, скопившееся въ его груди, прорвалось наружу. Подскочивъ къ Хилону, онъ схватилъ его обѣими руками за бороду, повалилъ на земь и началъ топтать, повторяя пѣнящимися устами:

— Ты откажешься отъ своихъ словъ! Откажешься...

— Не могу,—отвѣчалъ Хилонъ.

— Тогда возьмите его!

Услыхавъ это приказаніе, ѳракійцы схватили старика, привязали его къ скамьѣ и начали щипцами сжимать его исхудалыя бедра, но Хилонъ въ то время, когда его привязывали, съ покорностью цѣловалъ ихъ руки, а потомъ закрылъ глаза. Казалось, онъ умеръ.

Однако, онъ былъ живъ, потому что когда Тигеллинъ наклонился надъ нимъ и еще разъ спросилъ: «Откажешься отъ своихъ словъ?»—побѣлѣвшія губы Хилона слегка пошевельнулись, и изъ нихъ вылетѣлъ едва слышный шепотъ:

— Не мо...гу!...

Тигеллинъ приказалъ прекратить мученія и принялся ходить по атрію, съ лицомъ, искаженнымъ гнѣвомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, смущеннымъ. Наконецъ, ему пришла новая мысль, потому что онъ обратился къ ѳракійцамъ и сказалъ:

— Вырвать у него языкъ!

V.

Драму Aureolus [1]) обыкновенно давали въ театрахъ или амфитеатрахъ, устроенныхъ такъ, что они могли открываться и образовывать какъ бы двѣ отдѣльныя сцены.

Но послѣ зрѣлища въ садахъ цезаря старымъ способомъ пренебрегли, — всѣ старанія были направлены къ тому, чтобы какъ возможно большее число зрителей могло смотрѣть на смерть прибитаго къ столбу невольника, котораго, по смыслу драмы, раздиралъ

---

1) „Золотой“ (монета).

медвѣдь. Въ театрѣ роль медвѣдя игралъ зашитый въ шкуру медвѣдя человѣкъ, но на этотъ разъ представленіе должно быть «настоящимъ». То было новое изобрѣтеніе Тигеллина. Цезарь сначала заявилъ, что не придетъ, но, по настоянію своего фаворита, измѣнилъ свое рѣшеніе. Тигеллинъ объяснилъ ему, что послѣ того, что случилось, онъ обязанъ показаться народу, и вмѣстѣ съ тѣмъ поручился, что распятый невольникъ не оскорбитъ его такъ, какъ оскорбилъ Криспъ.

Народъ былъ уже пресыщенъ кровопролитіемъ,—ему обѣщали новые лотерейные билеты и подарки, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вечернее пиршество, такъ какъ представленіе должно было происходить ночью въ ярко освѣщенномъ амфитеатрѣ.

Съ наступленіемъ сумерокъ амфитеатръ былъ уже биткомъ набитъ; августіане, съ Тигеллиномъ во главѣ, прибыли всѣ не столько ради самаго зрѣлища, сколько для того, чтобъ выразить свои вѣрноподданическія чувства цезарю и поговорить о Хилонѣ, о которомъ говорилъ весь Римъ.

Разсказывали, что цезарь, возвратившись изъ садовъ, впалъ въ бѣшенство и не могъ заснуть, что имъ овладѣлъ страхъ, что ему представлялись страшныя видѣнія, вслѣдствіе чего онъ собирался на другой же день выѣхать въ Ахайю. Другіе, однакожъ, спорили противъ этого и утверждали, что теперь онъ будетъ еще болѣе безжалостнымъ къ христіанамъ. Не было недостатка и въ трусахъ, которые предвидѣли, что обвиненіе, которое Хилонъ бросилъ въ лицо цезаря передъ толпой, будетъ имѣть самое дурное послѣдствіе. Наконецъ, были и такіе, что во имя человѣчества умоляли Тигеллина, чтобъ онъ прекратилъ дальнѣйшія преслѣдованія.

— Посмотрите, куда вы идете,— говорилъ Баркъ Соранъ.— Вы хотѣли удовлетворить месть народа и внушить ему убѣжденіе, что кара падаетъ на виновныхъ, а слѣдствіе вышло какъ разъ противоположное.

— Правда!—прибавилъ Антистій Веръ,—всѣ теперь шепчутъ, что они невинны. Если это доказываетъ предусмотрительность, то Хилонъ былъ правъ, когда говорилъ, что вашимъ мозгомъ не наполнишь скорлупы жолудя.

Тигеллинъ обратился къ нимъ и сказалъ:

— Люди шепчутъ также, что твоя дочь Сервилія, Баркъ Соранъ, и твоя жена, Антистій, скрыли своихъ невольниковъ христіанъ отъ правосудія цезаря.

— Это неправда!—съ испугомъ воскликнулъ Баркъ.

— Мою жену хотятъ погубить ваши разводки, которыя зави-

дуютъ ея добродѣтели,—съ такимъ же безпокойствомъ прибавилъ Антистій Веръ.

Другіе августіане разговаривали о Хилонѣ.

— Что съ нимъ случилось?—спрашивалъ Эпрій Марцеллъ,—онъ самъ предавалъ ихъ въ руки Тигеллина, изъ нищаго сдѣлался богачомъ, могъ бы спокойно дожить свой вѣкъ, пользоваться чудеснымъ погребомъ, послѣ его смерти надъ нимъ воздвигли бы памятникъ, а оказалось, что нѣтъ! Сразу потерялъ все, — именно, должно быть, сошелъ съ ума.

— Не съ ума сошелъ, а сдѣлался христіаниномъ,—сказалъ Тигеллинъ.

— Не можетъ быть!—отозвался Вителій.

— А я развѣ не говорилъ вамъ,—вставилъ Вестинъ.—Мучайте христіанъ, но, вѣрьте мнѣ, не вступайте въ борьбу съ ихъ божествомъ. Тутъ шутить нельзя!... Смотрите, что дѣлается! Я не поджигалъ Римъ, но еслибъ цезарь дозволилъ, то я тотчасъ принесъ бы гекатомбу ихъ божеству. И всѣ должны сдѣлать тоже самое, потому что, повторяю, съ ними шутить нельзя. Помните, я говорилъ вамъ это.

— А я говорилъ, другое—сказалъ Петроній.—Тигеллинъ смѣялся, когда я утверждалъ, что они защищаются, а теперь я скажу больше: они побѣждаютъ.

— Какъ? Какимъ образомъ?—спросили нѣсколько голосовъ.

— Клянусь Поллуксомъ!... Если такой человѣкъ, какъ Хилонъ, не сумѣлъ устоять противъ нихъ,—то кто же устоитъ! Если вы думаете, что послѣ каждаго зрѣлища число христіанъ не увеличивается, то вамъ бы, съ вашимъ знаніемъ Рима, лучше было бы снизойти до уровня мѣдниковъ или цирульниковъ,—тогда вы лучше будете знать, что думаетъ народъ и что дѣлается въ городѣ.

— Онъ говоритъ чистую правду, клянусь святымъ пеплумомъ[2]) Діаны!—крикнулъ Вестинъ.

Баркъ обратился къ Петронію:

— Къ чему ты ведешь свою рѣчь?

— Я кончу тѣмъ, съ чего вы начали: довольно крови!

Разговоръ августіанъ прервало появленіе цезаря, который занялъ свое мѣсто рядомъ съ Пиѳагоромъ. Началось представленіе «Ауреола», на которое, впрочемъ, не много обращали вниманія, потому что всѣ были заняты Хилономъ. Народъ, привыкшій къ мукамъ и крови, скучалъ, свисталъ, вслухъ бранилъ цезаря и его

---

[2]) Peplum—одежда.

придворныхъ и настаивалъ, чтобъ поспѣшили со сценой съ медвѣдемъ. Еслибы не надежда увидать осужденнаго и получить подарки, то само зрѣлище не удержало бы зрителей.

Наконецъ подошла минута, ожидаемая съ такимъ нетерпѣніемъ. Цирковые прислужники принесли деревянный крестъ, низкій, для того, чтобъ медвѣдь, вставъ на заднія лапы, могъ добраться до груди мученика, а потомъ привели, или, вѣрнѣе, притащили Хилона, потому что онъ самъ не могъ идти со своими раздробленными костями. Его положили и прибили къ кресту такъ быстро, что августіане даже не могли разсмотрѣть его и только лишь тогда, когда крестъ утвердили въ заранѣе приготовленную яму,—глаза всѣхъ присутствующихъ обратились къ нему. Но не многіе могли въ этомъ нагомъ старикѣ узнать прежняго Хилона. Послѣ перенесенныхъ имъ мученій онъ ослабѣлъ такъ, что въ лицѣ его не осталось ни капли крови, и только на бѣлой бородѣ виднѣлся кровавый слѣдъ, который оставила кровь, послѣ того, какъ вырвали его языкъ. Сквозь прозрачную кожу можно было почти разсмотрѣть кости. Онъ казался гораздо болѣе старымъ, почти дряхлымъ. Но за то его глаза когда-то были вѣчно тревожные и полные злобы, а теперь его лицо было такъ кротко и ясно, какъ бываетъ у людей, спящихъ спокойнымъ сномъ или у мертвыхъ. Кто знаетъ, можетъ быть вѣру въ него вселяла мысль о распятомъ разбойникѣ, котораго простилъ Христосъ, а можетъ быть онъ говорилъ въ глубинѣ души милосердному Богу: «Господь, я кусалъ, какъ ядовитый червь, но я всю жизнь былъ нищимъ, умиралъ отъ голода, люди топтали меня, били, издѣвались надо мною. Господь, я былъ бѣденъ и очень несчастливъ, а теперь меня предали мукамъ и пригвоздили ко кресту,—Ты же, Милосердый, не отвергнешь меня въ минуту смерти». И спокойствіе видимо осѣнило его сокрушенное сердце. Въ толпѣ никто не смѣялся,—въ распятомъ было что-то такое тихое, казался онъ такимъ старымъ, безоружнымъ, слабымъ, своею покорностью такъ призывалъ снисхожденіе, что всякій зритель невольно задавалъ себѣ вопросъ: какъ можно мучить и пригвождать къ кресту людей, которые и такъ умираютъ? Толпа молчала. Среди августіанъ Вестинъ, наклоняясь направо и налѣво, шепталъ испуганнымъ голосомъ: «Смотрите, какъ они умираютъ!» Другіе ждали медвѣдя и въ глубинѣ души желали, чтобъ зрѣлище окончилось какъ можно скорѣй.

Наконецъ медвѣдь ввалился на арену и, покачивая низко склоненною головой, изъ-подо лба осматривался вокругъ, какъ будто думалъ о чемъ-нибудь или искалъ чего-нибудь. Наконецъ онъ за-

мѣтилъ крестъ, а на крестѣ какое-то тѣло, всталъ на заднія лапы, потомъ снова опустился на переднія, сѣлъ у креста и началъ ворчать, какъ будто въ его звѣриномъ сердцѣ проснулась жалость къ этому остатку человѣка.

Прислужники цирка криками поощряли медвѣдя, но толпа молчала. Тѣмъ временемъ Хилонъ медленно поднялъ голову и обвелъ глазами зрителей. И вдругъ лицо его расцвѣло улыбкой, лобъ засіялъ, точно подъ лучомъ свѣта, глаза устремились кверху, и двѣ крупныя слезы медленно потекли по его лицу.

И онъ умеръ.

И вдругъ какой-то громкій мужской голосъ раздался изъ-подъ самаго веларія:

— Вѣчный покой мученикамъ!

Въ амфитеатрѣ царило глухое молчаніе...

В. Л.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Изъ смутныхъ дней.

(Изъ Маріи Конопницкой).

Огромная бездна въ началѣ вѣковъ раздѣлила
На жертвъ и тиранновъ собратьевъ-людей:
Безбрежна она, какъ просторъ неоглядныхъ морей,
Страшна, какъ отверстая рана, темна, какъ могила!
Кровавое мщенье работой мечей и костровъ
Напрасно стремилось наполнить ее до краевъ;
Вѣка пролетѣли, а дна ея все не измѣрить!
Любовь ужъ прощать устаетъ и надежда крылатая вѣрить...
Волною бурливой людская горячая кровь
Струится въ нее непрерывно... летятъ преступленья...
Порокъ, добродѣтель, измѣна, любовь,
И скрежетъ проклятій, и слезы мученья...
Все тщетно, все гибнетъ въ пучинѣ безъ дна,
И пропасть все такъ же темна и страшна.
Сердца исполиновъ, умовъ безкорыстнѣйшихъ силы,
Движенья народовъ, народовъ могилы —
Все въ ней исчезаетъ, какъ въ морѣ потокъ:
Отъ берега берегъ все такъ же далекъ!
Боецъ въ нее лозунгъ бросаетъ мятежный,
Безстрастный мыслитель — законъ неизбѣжный,
Бѣднякъ — свою скорбь и кровавый свой потъ,
Герой — свою славу, труды свои — геній,
Исторія — право и смѣну явленій,
Самъ Богъ, возмутясь, свои громы беретъ
И мечетъ въ ту бездну... Она все зіяетъ,
И землю, и солнце безъ словъ упрекаетъ!
О, ужасъ! О, горе!...
Погибнетъ ли трудъ?

Иль всѣмъ этимъ зернамъ безъ счета и мѣры
Плода не имѣть? О, когда же взрастутъ
Желанные всходы надежды и вѣры,
Что̀ братскую пищу народамъ дадутъ?
    Спѣши, о, спѣши, золотое Свѣтило!
Надъ безднами горя людского и зла
Зачѣмъ ты всегда такъ лѣниво всходило?
Взойди же, блистая и славой, и силой,—
Тобой, вѣдь, однимъ, побѣждается мгла!

П. Я.

ТРАГИЧЕСКАЯ ИДИЛЛІЯ *).

Космополитическіе нравы.

Романъ Поля Бурже.

IV.

Сила характера влюбленныхъ.

Записка, встревожившая Пьера до крайней степени, была написана баронессой Эли де-Карлсбергъ, разумѣется, подъ диктовку Луизы Бріонъ. Это былъ первый приступъ къ осуществленію плана, придуманнаго вѣрною подругой для скорѣйшаго уничтоженія чувства, послѣдствія котораго представлялись ей ужасающими. Она предвидѣла жестокія страданія, возможность драмы, неизбѣжность катастрофы. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, послѣдовавшихъ за нежданною и страстною исповѣдью баронессы де-Карлсбергъ, мадамъ Бріонъ раздумывала о необходимости разлучить тотчасъ же Эли и Пьера, которыхъ неудержимо влекли другъ къ другу инстинктивные порывы,—въ противномъ случаѣ молодой человѣкъ не замедлитъ распознать чувство, внушаемое имъ любимой женщинѣ. Всей наивности его и душевной чистоты едва достаточно было, чтобъ объяснить, какъ до сихъ поръ онъ не угадалъ истины. Но что же будетъ, когда онъ узнаетъ правду? Какъ ни была наивна и безупречна сама Луиза Бріонъ, на этотъ вопросъ она давала совершенно правильный отвѣтъ. Стóитъ только Хотфейлю и Эли обмѣняться двумя словами признанія, и баронесса уже ни передъ чѣмъ не остановится. Въ своей исповѣди она слишкомъ ясно раскрыла необузданную смѣлость своего характера, неодолимую потребность подчинять жизнь влеченію своихъ страстей. Эли сдѣлается любовницей молодого человѣка. Хотя разговоръ прошедшею ночью рас-

---

*) *Русская Мысль*, кн. I.

крылъ передъ Луизой проступки, уже совершенные ея старою монастырскою подругой, но ни мысль, ни сердце мадамъ Бріонъ не успѣли еще освоиться съ реальностью факта. Одно воспоминаніе о бывшей связи охватывало ее трепетомъ ужаса, почти отвращенія. Всю ночь она продумала, изыскивая средства довести дѣло до единственнаго событія, которое, по ея мнѣнію, могло спасти Эли,—такимъ событіемъ она считала добровольный отъѣздъ Хотфейля.

Первою ея мыслью было обратиться прямо къ молодому человѣку. Его нравственный образъ, очерченный наканунѣ баронессой, его симпатичное лицо, честный взглядъ, наивный порывъ влюбленнаго, побудившій его купить золотой портсигаръ, — все обличало въ немъ необыкновенно нѣжную натуру. Мадамъ Бріонъ порѣшила было, просто и смѣло, послать ему письмо безъ подписи, въ немъ указать на эту самую покупку, которую могли видѣть и видѣли, вѣроятно, посторонніе люди такъ же точно, какъ она видѣла. Что если, по этому поводу, попытаться убѣдить его немедленно уѣхать ради спокойствія баронессы де-Карлсбергъ?... Во время долгой и лихорадочной безсонницы мадамъ Бріонъ принималась нѣсколько разъ за такое письмо, тщетно подыскивая удовлетворительныя выраженія. Очень мудрено было придать письму такую форму, чтобъ оно не означало: «Уѣзжайте потому, что она любитъ васъ!»... Затѣмъ, уже утромъ, самъ по себѣ очень обыкновенный случай, въ которомъ набожность Луизы усмотрѣла нѣчто провиденціальное, далъ ей нежданный поводъ обратиться съ своими убѣжденіями не къ молодому человѣку и не письменно, а къ самой мадамъ де-Карлсбергъ и тотчасъ же. Пробѣгая еще въ постели разсѣяннымъ взглядомъ одну изъ газетъ Ривьеры,—листокъ международнаго снобизма, оповѣщающій другъ о другѣ всѣхъ праздношатающихся высшаго полета, — мадамъ Бріонъ въ столбцѣ «сообщеній о прибывшихъ», подъ рубрикой: *Пріѣхали въ Каиръ,* встрѣтила имена г. Оливье Дю-Прата, секретаря посольства, и его жены. Луиза поспѣшила встать, чтобы показать Эли это совершенно незначительное извѣстіе, заключавшее въ себѣ, однако, страшную угрозу для обѣихъ пріятельницъ.

— Если онъ въ Каирѣ,—говорила мадамъ Бріонъ баронессѣ,— то это значитъ, что его путешествіе по Нилу кончено и что онъ думаетъ вернуться. Обратный путь идетъ, разумѣется на Александрію и Марсель... а отъ Марселя до Каннъ такъ близко, что Дю-Пратъ захочетъ, навѣрное, повидаться съ Хотфейлемъ.

— Это правда, — отвѣтила Эли, прочитавши своими глазами имя Оливье Дю-Прата, вызвавшее у нея страшное біеніе сердца.

— Да, правда,—повторила баронесса,—они увидятся.

— Не права ли я была вчера? — продолжала Луиза Бріонъ.— Пойми, въ какомъ оказалась бы ты положеніи, если бы не достало у тебя силы характера устоять до сихъ поръ передъ своими чувствами. Сообрази, каково будетъ тебѣ завтра, если не покончишь ты съ этимъ навсегда.

И, увлекаемая пламенною дружбой, она продолжала съ необыкновеннымъ краснорѣчіемъ развивать цѣлый планъ дальнѣйшихъ дѣйствій, только что пришедшій ей въ голову и показавшійся ей самымъ разумнымъ и основательнымъ.

— Надо воспользоваться представляющимся тебѣ случаемъ,— говорила мадамъ Бріонъ,—болѣе удобнаго ты никогда не дождешься. Тебѣ слѣдуетъ позвать молодого человѣка и самой поговорить съ нимъ о его вчерашней покупкѣ... Скажи ему, что и другіе это видѣли, дай понять, насколько удивила тебя эта выходка, объясни ему, что ухаживанія его замѣчены... И ради твоего спокойствія, ради твоей репутаціи заставь его уѣхать. Немножко твердости въ теченіе четверти часа, и все будетъ покончено... Если онъ таковъ, какимъ ты его описывала,—деликатный, благородный и гордый,— то онъ исполнитъ твое желаніе... О, повѣрь мнѣ, доказать, что ты любишь его по-настоящему, ты можешь только однимъ: спаси его отъ драмы, не далекой и возможной, а очень близкой и неизбѣжной.

Эли слушала, не возражая. Въ конецъ истомленная ночнымъ разговоромъ и вызванными имъ волненіями, она безсильна была передъ внушеніями нѣжной подруги, взывавшей, ради борьбы съ недозволенною любовью, къ самой этой любви. Въ очень сложныхъ чувствахъ таятся инстинктивныя и могучія желанія принимать самыя крайнія рѣшенія. Когда такія чувства не находятъ себѣ удовлетворенія въ полномъ счастьи, они ищутъ въ полномъ несчастьи своего рода наслажденій. Захватывая всю нашу душу, они неудержимо влекутъ ее къ двумъ противоположнымъ полюсамъ—къ величайшимъ восторгамъ или къ отчаянію, никогда не останавливаясь на среднихъ выходахъ. Луиза Бріонъ видѣла ясно, что, при данной стадіи развитія страсти, оказывалось неизбѣжнымъ, чтобы баронесса сдѣлалась любовницей молодого человѣка или же чтобъ она между собой и имъ поставила неодолимую преграду разлуки до любовной связи, — развязку тайныхъ романовъ множества честныхъ женщинъ и легкомысленныхъ!...Да, сколько женщинъ такимъ точно образомъ, въ порывѣ самоотреченія, сами вырывали пропасти, разлучавшія ихъ отъ существъ, обожаемыхъ втайнѣ и не узнавшихъ никогда ни о такомъ обожаніи, ни о такомъ самоотреченіи.

Однимъ, безупречнымъ, даетъ энергію раскаяніе въ собственной слабости; другимъ, виновнымъ,—сознаніе того же, что съ удручающею ясностью сознавала баронесса де-Карлсбергъ, что не въ ихъ власти уничтожить прошлое. И онѣ предпочитаютъ восторженное мученичество жертвы страшной горечи счастья, отравленнаго всѣми ужасами ревности неизгладимаго прошлаго. А затѣмъ еще одно вліяніе окончательно подѣйствовало на непокорный умъ молодой женщины. Чуждая какихъ бы то ни было религіозныхъ убѣжденій, она не придавала, подобно своей набожной пріятельницѣ, провиденціальнаго характера столь заурядному случаю, какъ появленіе въ данный моментъ извѣстнаго имени въ газетномъ сообщеніи. Но, въ силу самого невѣрія своего, она отдавалась безсознательному фатализму, этому послѣднему суевѣрію невѣрующихъ. Увидавши напечатанными эти пять слоговъ: «Оливье Дю-Пратъ», нѣсколько часовъ спустя послѣ разговора ночью, она испытывала ощущеніе предчувствія, болѣе гнетущаго, чѣмъ дѣйствительная опасность, для такихъ натуръ, какъ ея, рѣшительныхъ, ни передъ чѣмъ не задумывающихся.

— Да, ты была права,—отвѣтила она разбитымъ тономъ безповоротно осужденной жертвы,—я увижусь съ нимъ, переговорю, и все покончено будетъ навсегда.

Она вернулась въ Канны послѣ полудня въ тотъ же день, съ такимъ рѣшеніемъ, искренно принятымъ отъ всего сердца. Съ ней пріѣхала мадамъ Бріонъ, не хотѣвшая покинуть ее до окончательнаго принесенія необходимой жертвы. Тутъ-то баронесса Эли, только что вернувшись, написала и послала записку, чтеніе которой довело до крайней степени волненіе Хотфейля. Молодая женщина была, конечно, увѣрена въ себѣ, не сомнѣвалась въ непоколебимости принятаго рѣшенія. Но еслибъ она заглянула въ самую глубь себя самой, то крошечный фактикъ доказалъ бы ей, какъ неустойчива была ея рѣшимость и до какой степени властвовала надъ ней, подчиняла ее себѣ любовь. Едва окончивши письмо къ тому, кого она хотѣла удалить навсегда, тѣмъ же перомъ и тѣми же чернилами баронесса написала двѣ записки двумъ женщинамъ, для которыхъ она была не только довѣреннымъ лицомъ, но отчасти и сообщницей въ ихъ сердечныхъ дѣлахъ,—она написала миссъ Флорансѣ Маршъ и маркизѣ Андріанѣ Бонакорси, приглашая ихъ къ завтраку на слѣдующій день. Ничего въ этомъ не было особеннаго, но, поступая такъ, Эли повиновалась затаенному инстинкту женщины, любящей и страдающей, влекущему ее сблизиться съ женщинами, которыя

тоже любятъ и съ которыми она могла бы говорить о ихъ чувствахъ, счастье которыхъ могло бы пригрѣть ее и которыя пожалѣли бы о ея несчастьи, еслибъ она открылась имъ, — поняли бы все, что она сказала бы имъ. Въ обычное время, какъ она говорила наканунѣ, нерѣшительность сантиментальной и трусливой итальянки надоѣдала Эли, а въ любви американки къ лаборанту эрцгерцога было слишкомъ много разумной положительности, непонятной отъ природы пылкой Эли. Но молодая вдова и молодая дѣвушка были обѣ влюблены, и этого было достаточно для того, чтобы въ часъ мучительной пытки ей отрадно было, почти необходимо, видѣть ихъ около себя. Она никакъ не предполагала, что это вполнѣ простое и естественное приглашеніе подастъ поводъ къ рѣзкой сценѣ съ мужемъ, которая вызоветъ, въ свою очередь, борьбу между супругами, — глухую и безпощадную борьбу, заключительный эпизодъ которой повліяетъ трагически на исходъ разгорающейся страсти, которою она рѣшилась пожертвовать.

Пріѣхавши въ Канны около трехъ часовъ, баронесса не видала эрцгерцога въ теченіе всего дня. Она знала, что мужъ заперся въ лабораторіи съ Марселемъ Вердье. Это нисколько не удивило молодую женщину такъ же точно, какъ и появленіе его къ обѣду въ сопровожденіи адъютанта, графа фонъ-Лаубахъ, профессіональнаго шпіона его высочества. Супругъ не поинтересовался узнать ни о ея здоровьѣ, ни о томъ, какъ провела она эти десять дней. Принцъ былъ однимъ изъ самыхъ смѣлыхъ и ловкихъ кавалеристовъ страны, могущей похвалиться удивительными ѣздоками, и въ маніакѣ естествоиспытателѣ легко было узнать стараго служаку по его фигурѣ, оставшейся стройною, несмотря на подходящій къ концу шестой десятокъ лѣтъ, по командирскому тону, сохранившему свои малѣйшія вибраціи, по воинственному лицу, отмѣченному шрамомъ отъ сабельнаго удара, полученнаго при Садовой, по длиннымъ сѣдымъ усамъ на багровыхъ щекахъ. Но чего нельзя было забыть, разъ встрѣтивши этого страннаго человѣка, это его глазъ, очень голубыхъ, очень свѣтлыхъ, съ выраженіемъ почти дикой тревоги, подъ бѣлокурыми, рыжеватыми бровями, густыми необычайно. Эрцгерцогъ имѣлъ оригинальность носить всегда, даже при вечернемъ костюмѣ, толстыя зашнуровывающіяся ботинки, дававшія ему возможность прямо изъ-за стола отправляться пѣшкомъ, то съ адъютантомъ, то съ Вердье, на безконечныя ночныя прогулки. Иногда онъ продолжалъ ихъ до трехъ часовъ утра, не находя иного средства доставить хотя немного сна своимъ больнымъ нервамъ. Крайняя нервность ясно сказывалась въ его рукахъ, очень нѣж-

ныхъ, но изожженныхъ кислотами, почернѣвшихъ отъ металлическихъ опилокъ, изуродованныхъ постоянною возней съ лабораторными аппаратами, и въ его пальцахъ, судорожно подергивавшихся непрерывными и безпорядочными движеніями. По всѣмъ его движеніямъ, впрочемъ, легко было угадать основную, преобладающую черту его характера, нравственную немощность, для опредѣленія которой не существуетъ точнаго выраженія,—неспособность удерживать надолго какое-либо ощущеніе или какое-либо устойчивое желаніе.

Въ этомъ и заключалась тайна тяжелаго стѣсненія, которое этотъ во многихъ отношеніяхъ выдающійся человѣкъ нагонялъ на всѣхъ присутствующихъ и отъ котораго самъ же страдалъ прежде всѣхъ. Въ рукахъ этого диковинно-раздражительнаго господина всякое дѣло должно было кончаться неудачей,—это чувствовалось,—а неодолимая и безтолковая нравственная сумятица не давала ему возможности сладиться ни съ какою средой, ни съ какими обстоятельствами, ни съ какими потребностями. Его выдающаяся натура неспособна была ни съ чѣмъ примириться. Быть можетъ, причина душевной неуравновѣшенности заключалась въ мысли,—превратившейся у него въ idée-fixe,—что одно время онъ очень близокъ былъ къ трону и навсегда отстраненъ отъ него, что онъ видѣлъ, какъ совершались самыя непоправимыя ошибки въ политикѣ и на войнѣ, что ясны были онѣ ему въ тотъ моментъ, когда ихъ дѣлали, и что онъ не могъ помѣшать этому. Такъ въ самомъ началѣ войны 1866 года онъ составилъ планъ кампаніи, которая могла измѣнить карту Европы, а вмѣсто того ему пришлось рисковать жизнью при исполненіи такихъ распоряженій, негодность которыхъ онъ отлично видѣлъ. И каждый разъ въ годовщину знаменитой битвы, во время которой онъ былъ раненъ, эрцгерцогъ становился буквально сумасшедшимъ на двое сутокъ.

Почти то же дѣлалось съ нимъ, когда при немъ произносилось имя какого-нибудь воинствующаго революціонера. Эрцгерцогъ не могъ простить себѣ слабости, заставлявшей его сохранять всѣ выгоды и преимущества, соединенныя съ его титуломъ, тогда какъ склонность къ абстрактнымъ теоріямъ и досада принца-неудачника довели его до сочувствія самымъ худшимъ увлеченіямъ анархистовъ. Обладая обширнѣйшими знаніями, страстный читальщикъ и мастеръ поговорить, онъ какъ будто вымещалъ на другихъ собственную безалаберность злою ѣдкостью отзывовъ, никого не щадившихъ. Только научныя изысканія и ихъ неопровержимая точность давали нѣкоторый отдыхъ, своего рода устойчивость, его

безпорядочному уму. Съ того времени, какъ ссоры съ женою привели къ негласному, прикрытому приличіями и вынужденному разводу, онъ съ еще большимъ усердіемъ отдался научнымъ работамъ. Удалившись въ Канны, гдѣ его удерживалъ упорный ларингитъ, онъ такъ много занимался, что изъ любителя превратился въ настоящаго спеціалиста, и рядъ серьезныхъ открытій въ дѣлѣ электричества далъ ему извѣстность въ ученомъ мірѣ. Недруги распускали слухи, что онъ просто опубликовываетъ отъ своего имени работы Марселя Вердье, бывшаго ученика Нормальной школы, занимающагося уже нѣсколько лѣтъ въ его лабораторіи. Надо отдать, однако, справедливость эрцгерцогу, эта клевета,—повторенная Корансецомъ Хотфейлю,—нисколько не умалила восторженнаго и ревниваго расположенія своенравнаго принца къ его помощнику. Такова послѣдняя черта этого характера,—неровнаго, нерѣшительнаго и, вслѣдствіе того глубоко, страстно склоннаго ко всякаго рода несправедливостямъ,—что всѣ чувства его обусловливались только пристрастіями. Въ его отношеніяхъ къ женѣ отразилась вся исторія его жизни: всю ее онъ растратилъ на безпорядочныя симпатіи и столь же безтолковыя антипатіи къ однимъ и тѣмъ же людямъ, и единственно лишь по милости своей неспособности контролировать собственное расположеніе духа. Вотъ эта-то неспособность и сдѣлала изъ богато-одареннаго человѣка личность тираническую, возбуждающую страхъ и недоброжелательство, глубоко несчастную, и, превратила его по выраженію Корансеца, зло насмѣшливому, но вполнѣ вѣрному,—«въ большого неудачника *Готскаго Альманаха*».

Баронесса де-Карслбергъ въ достаточной мѣрѣ испытала на себѣ этотъ характеръ для того, чтобъ отлично узнать своего мужа, и такъ много натерпѣлась отъ него, что и сама относилась къ нему съ величайшею несправедливостью. Самодурство принадлежитъ къ такимъ недостаткамъ, которые женщины наименѣе охотно прощаютъ мужчинамъ. А жена эрцгерцога была слишкомъ умной женщиной, чтобы не распознать тотчасъ же по безпокойному лицу оборвавшагося Цезаря приближенія грозы, какъ то дѣлаютъ моряки по виду неба и моря. Когда вечеромъ, въ день возвращенія въ Канны, баронесса сѣла за столъ противъ своего супруга, то безъ труда угадала, что обѣдъ не пройдетъ безъ какихъ-нибудь дикихъ словъ, въ которыхъ эрцгерцогъ привыкъ изливать всю желчь своего дурного расположенія духа. По первому взгляду молодая женщина поняла, что опять онъ за что-то злится на нее. Но за что именно? Не ...ли онъ успѣлъ узнать отъ Лаубаха,—этого преда-

теля съ хитрымъ профилемъ и лисьими манерами,—о томъ, какъ она вела себя наканунѣ во время игры? Не готовится ли онъ, принцъ-демократъ, подъ вліяніемъ обычнаго ему извращеннаго высокомѣрія, дать ей почувствовать, что ея цыганскія манеры непристойны въ ихъ санѣ? Раздраженъ ли онъ тѣмъ,—отъ него и это статься могло,—что она пробыла въ Монте-Карло цѣлую недѣлю, не давая о себѣ ни малѣйшей вѣсточки, кромѣ телеграммы метръ-д'отелю о своемъ возвращеніи? Что ей было, впрочемъ, за дѣло до причинъ злости, къ которой она относилась съ полнымъ презрѣніемъ. Слишкомъ тяжело и горько было у нея на сердцѣ отъ принятаго ею рѣшенія, такъ невыносимо тяжело, что новымъ непріятностямъ она могла противупоставить только своего рода душевную анестезію, слѣдующую за нравственною агоніей. А потому въ продолженіе всего обѣда она не возразила ни однимъ словомъ на ожесточенныя выходки эрцгерцога, обращавшагося къ госпожѣ Бріонъ и всячески позорившаго Монте-Карло и свѣтскихъ женщинъ, французовъ Ривьеры и иностранную колонію, богатыхъ людей и все общество. Ливрейные слуги беззвучно скользили вокругъ обѣденнаго стола; ихъ короткія штаны, шелковые чулки, напудренные парики придавали словамъ хозяина роскошнѣйшаго дома необыкновенную иронію контраста. Адъютантъ, ловко переплетая подобострастную вѣжливость съ ехидствомъ, отвѣчалъ на рѣзкости эрцгерцога какъ разъ тѣми словами, которыя еще сильнѣе его взвинчивали, и мадамъ Бріонъ все больше и больше краснѣла, сносила дерзость сарказмовъ въ томъ убѣжденіи, что дѣлаетъ это ради Эли, совершенно невозмутимой и едва слушавшей тирады въ такомъ вкусѣ:

— Общество распознается по его удовольствіямъ, а это-то мнѣ и нравится на здѣшнемъ берегу. Тутъ видишь во всей ихъ красѣ глупость и мерзость плутократовъ. А ихъ жены? Онѣ ведутъ себя, какъ непотребныя женщины, а сами они—какъ негодяи... Всѣ налоги, всѣ законы, армія чиновниковъ и армія солдатъ, весь этотъ соціальный аппаратъ, работающій на богатыхъ, къ чему приводитъ? Къ покровительству золоченому распутству, гнуснѣйшій образчикъ котораго мы видимъ на этомъ прелестномъ побережьѣ... Я надивиться не могу наивности соціалистовъ, толкующихъ передъ аристократіей такого сорта о какихъ-то реформахъ!... Гангрену выжигаютъ, вырѣзываютъ—безъ дальнихъ околичностей. У нынѣшнихъ же революціонеровъ есть одинъ огромный недостатокъ: уваженіе. Къ счастью, слабость и глупость правящихъ классовъ проявляются во всемъ съ такою великолѣпною наглостью, что на-

родъ начинаетъ уже видѣть это, и когда милліоны рабочихъ, которые кормятъ эту кучку паразитовъ, сдѣлаютъ одинъ жестъ,—всего одинъ жестъ,—а, ха! потѣшимся мы, потѣшимся!... Либерализмъ, парламентаризмъ, оппортюнизмъ и всѣ остальныя глупости, кончающіяся на *измъ*, уже невозможны. А черезъ десять лѣтъ во всей Европѣ не будетъ мѣста ничему, кромѣ реакціи à la Филиппъ II или Коммуны... Излишнимъ считаю говорить, что я за Коммуну. При помощи науки, впрочемъ, легко поставить все вверхъ дномъ... Возьмите всѣхъ дѣтей пролетаріевъ, сдѣлайте изъ нихъ электро-техниковъ и химиковъ, и при слѣдующемъ же поколѣніи—готово.

Отчитывая деклараціи этого рода, эрцгерцогъ оглядывался кругомъ съ такою угрожающею физіономіей, что никому въ голову не приходило разсмѣяться надъ его парадоксами, настолько же забавными, насколько они были нелѣпы среди пышной обстановки великосвѣтской жизни. Свирѣпый бредъ демагогическаго цезаризма слишкомъ замѣтно сверкалъ въ его жестокихъ глазахъ, смотрѣвшихъ на людей прямо лишь для того, чтобы наносить оскорбленія. Всѣми чувствовалось присутствіе тирана, но тирана, которому воли не даютъ, на котораго надѣли намордникъ и которому нѣтъ возможности развернуться. И, тѣмъ не менѣе, передъ нимъ дрожали. Въ большинствѣ случаевъ, когда онъ выпалитъ всѣ свои зловѣщія фразы и никто на нихъ не отзовется, обѣдъ продолжался при неловкомъ и стѣснительномъ молчаніи. Заштатный Неронъ наслаждался нѣсколько минутъ тѣмъ ужасомъ, который ему удалось нагнать на присутствующихъ. А потомъ бывало иногда, что, изливши свою желчь, онъ вдругъ пожелаетъ нравиться и пустить въ ходъ все привлекательное, чѣмъ одарила его природа. Тогда наиболѣе враждебно настроенныхъ поражали его блестящія способности, полное отсутствіе предразсудковъ и громадная эрудиція въ области новѣйшихъ изобрѣтеній. Въ этотъ же вечеръ его томила, повидимому, какая-то особенная тревога, такъ какъ онъ не унимался до той минуты, когда, по окончаніи обѣда и уже въ гостиной, фраза, сказанная баронессой госпожѣ Бріонъ, обнаружила настоящую причину его страшной раздражительности.

— Объ этомъ мы спросимъ у Флосси Маршъ. Завтра она у насъ завтракаетъ,—сказала баронесса.

— Могу я просить васъ на пять минутъ разговора? — рѣзко спросилъ принцъ свою жену.

И, не обращая вниманія на свидѣтелей этой семейной сцены, онъ отвелъ баронессу въ сторону.

— Вы пригласили миссъ Маршъ на завтрашнее утро? — продолжалъ онъ.

— Совершенно вѣрно,—отвѣтила баронесса.— Ваше высочество недовольны этимъ?

— У себя вы хозяйка,—возразилъ эрцгерцогъ,—но прошу не удивляться, если я не позволю Вердье приходить къ завтраку... Не прерывайте меня... Я уже давно замѣчаю, что вы покровительствуете затѣѣ этой дѣвицы, желающей женить на себѣ молодого человѣка. А я этого брака не желаю, и брака этого не будетъ.

— Мнѣ не извѣстны желанія миссъ Маршъ, — сказала баронесса, и ея блѣдныя щеки вспыхнули яркимъ румянцемъ отъ словъ мужа.—Я приглашаю ее потому, что дружна съ нею и мнѣ пріятно видать ее. Что же касается г. Вердье, то, мнѣ кажется, онъ достигъ такихъ лѣтъ, когда самъ можетъ рѣшить, слѣдуетъ ему или не слѣдуетъ жениться, не спрашивая ничьего приказанія. А затѣмъ, если онъ желаетъ говорить съ миссъ Маршъ, то въ моемъ посредничествѣ не нуждается, и если ему вздумалось обѣдать вмѣстѣ съ нею сегодня вечеромъ...

— А, онъ сегодня обѣдаетъ съ нею?—прервалъ жену эрцгерцогъ, выходя изъ себя. — Вы знаете это? Отвѣчайте, говорите правду!

— Ваше высочество, можете возложить шпіонство на кого-нибудь, помимо меня!—гордо проговорила молодая женщина и бросила на фонъ-Лаубаха вызывающій взглядъ, полный презрѣнія.

— Сударыня, ваша иронія неумѣстна,—воскликнулъ эрцгерцогъ,—я не терплю этого. Я считаю нужнымъ поручить вамъ передать нѣчто дѣвицѣ, съ которою вы дружны. Если же вамъ не угодно будетъ исполнить мое порученіе, то я лично передамъ ей это... Вы скажете этой интриганткѣ, что я насквозь вижу всѣ ея продѣлки. Я знаю,—понимаете вы это?—я знаю, что молодого человѣка она не любитъ. Я знаю, что она не болѣе, какъ орудіе въ рукахъ своего дядюшки. До этого аферныхъ дѣлъ мастера дошло, что мы сдѣлали одно открытіе, Вердье и я, тамъ у меня,—онъ протянулъ руку по направленію къ своей лабораторіи.—Наше изобрѣтеніе произведетъ цѣлый переворотъ въ дѣлѣ электрическихъ желѣзныхъ дорогъ, а завладѣть имъ можно, только заполучивши изобрѣтателя. Меня вотъ нельзя ни купить, ни женить. Вердье тоже нельзя купить, но онъ молодъ, онъ наивенъ, и мистеръ Маршъ пустилъ въ ходъ свою племянницу. Я утверждаю, что онъ сдѣлалъ васъ участницей своей игры и что вы работаете для него... Такъ вотъ же я вамъ что скажу: возитесь вы съ Маршами, съ дядюшкой

и съ племянницей, какъ вамъ угодно, катайтесь вы съ ними въ Монте-Карло и во всякія другія мѣста. Если вамъ нравится красоваться среди растакуэровъ обоихъ полушарій, это ваше дѣло. Вы свободны... Но не смѣйте путаться въ эту интригу, не то поплатитесь, и очень дорого. Я сумѣю найти мѣсто, куда нанести вамъ ударъ... Съ милліонами своего дяди пусть ваша дѣвица покупаетъ себѣ имя и титулъ, какъ всѣ онѣ дѣлаютъ! Не мало на свѣтѣ англійскихъ маркизовъ, французскихъ герцоговъ и римскихъ князей, готовыхъ расторговаться своими гербами, предками и собственными персонами. Ихъ аристократизмъ такъ же мерзокъ и позоренъ, какъ золото. И торгуйся они между собой, такъ и быть должно. А подбираться къ этому талантливому человѣку, къ моему другу, къ моему ученику... Нѣтъ, шалишь, лапки прочь! Не допущу, чтобъ отвратительный янки сдѣлалъ изъ такого-то ума машинку для загребанія долларовъ. Никогда этого не будетъ, никогда, никогда! Вотъ что я прошу васъ сказать этой дѣвицѣ... и безъ возраженій! Мосьё де-Лаубахъ...

— Ваше высочество?...

Адъютантъ едва успѣлъ поклониться дамамъ, — такъ стремительно вышелъ изъ комнаты эрцгерцогъ съ видомъ человѣка, совершенно утратившаго самообладаніе и готоваго отъ словъ перейти къ дѣйствіямъ, начать драться, если хотя минуту останется еще въ присутствіи тѣхъ, кого ненавидитъ.

— Такъ вотъ въ чемъ секретъ его бѣснованій,— сказала мадамъ Бріонъ, когда баронесса передала ей грубыя рѣчи принца.— Очень это несправедливо, но все же лучше, что такъ вышло. Я ужасно струсила того, что онъ узналъ, какъ ты играла вчера и, въ особенности, какъ неосторожно поступилъ, ты знаешь, кто... Ты извѣстишь миссъ Флорансу, чтобъ она не пріѣзжала?

— И не подумаю!—отвѣтила баронесса, пожимая плечами, съ выраженіемъ непреодолимаго отвращенія на прекрасномъ лицѣ.— Было время, когда всѣ эти грязныя выходки наводили на меня ужасъ, было время, когда онѣ возмущали меня. Теперь же я обращаю на это грубое животное и на его злость столько же вниманія, какъ вотъ на что...

Говоря это, она закурила русскую папиросу съ длиннымъ мундштукомъ и выпустила изо рта колечко голубоватаго дыма, которое понеслось, расширяясь, удлинняясь и тая въ теплой и ароматной атмосферѣ маленькой гостиной. Свѣтлая, уютная комната служила двумъ пріятельницамъ восхитительною рамкой, составленною изъ блѣдной матеріи, покрывавшей стѣны, изъ старинныхъ картинъ,

дорогой мебели, теряющейся въ глубинѣ зелени теплицы, видимой сквозь стеклянную дверь, и изъ цвѣтовъ, прелестныхъ живыхъ цвѣтовъ юга, точно сотканныхъ и взлелѣянныхъ лучами солнца. Большія и маленькія лампы, прикрытыя легкими абажурами, распространяли въ этомъ пріютѣ роскоши мягкій свѣтъ, сливавшійся съ веселымъ и яркимъ пламенемъ камина. Обездоленные судьбой стали бы меньше завидовать изяществу обстановки, окружающей существованіе людей непомѣрнаго избытка, еслибъ бѣдняки подозрѣвали всѣ тайныя страданія, которымъ всего чаще служитъ декораціей подобное великолѣпіе! Эли де-Карлсбергъ опустилась на кушетку и заговорила:

— Что мнѣ за дѣло до всѣхъ этихъ пустяковъ, когда у меня на сердцѣ жестокое горе, извѣстное тебѣ? Я увижу Флосси Маршъ завтра и въ слѣдующіе дни, и если эрцгерцогу угодно злиться, пусть себѣ и бѣснуется. Онъ грозитъ найти мѣсто, куда мнѣ нанести ударъ. Одно только и есть такое, и ударъ-то я сама себѣ нанесу. Это все равно, что угрожать дуэлью человѣку, рѣшившемуся на самоубійство.

— И ты думаешь, что онъ правъ, приписывая Маршу такіе гадкіе разсчеты?—спросила мадамъ Бріонъ, чтобъ остановить припадокъ гнѣвнаго протеста, глухо клокотавшаго въ тонѣ голоса, въ выраженіи глазъ, во всѣхъ движеніяхъ баронессы.

— Очень возможно,—отвѣтила Эли.—Маршъ—американецъ, а для этихъ людей чувство—такой же фактъ, какъ и всякій другой случай, и эксплуатировать его слѣдуетъ съ наибольшею пользой для себя. Но допустивши, что онъ спекулируетъ на любви Флосси къ ученому и изобрѣтателю, подобная спекуляція дяди ничуть не доказываетъ неискренности чувства племянницы... Бѣдная Флосси!—продолжала баронесса, и въ ея голосѣ опять звучали отголоски внутреннихъ терзаній.—Я надѣюсь, что она не дастъ разлучить себя съ любимымъ человѣкомъ,—слишкомъ тяжело ей будетъ... И если нужно помочь ей, то я помогу...

Сколько душевной тревоги обличали еще эти два восклицанія! Какъ чувствовалась еще въ нихъ сила колебаній, несмотря на сообща принятое разумное рѣшеніе! Любящая подруга пришла въ ужасъ. Мысль, занимавшая ее прошедшею ночью, потомъ отвергнутая, какъ слишкомъ трудно исполнимая, — мысль прямо обратиться къ великодушію молодого человѣка вновь овладѣла Луизой Бріонъ. На этотъ разъ она уже не стала откладывать и на слѣдующее утро посыльный съ желѣзно-дорожной станціи доставилъ въ Отель Пальмъ слѣдующее письмо, которое Пьеръ Хотфейль полу-

чилъ и прочелъ, только что проведя долгіе часы тревожной и мучительной ночи безъ сна:

«Милостивый государь! Вполнѣ разсчитывая на вашу деликатность, я надѣюсь, что вы не станете доискиваться, кто я и что побуждаетъ меня писать вамъ эти строки. Онѣ написаны лицомъ, знающимъ васъ и глубоко уважающимъ, но вамъ совершенно неизвѣстнымъ. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что вы поймете это обращеніе къ вашей порядочности. Одного слова будетъ достаточно, чтобъ объяснить вамъ, насколько собственная ваша честь обязываетъ васъ перестать компрометировать,—совершенно невольно, въ этомъ увѣрены,—спокойствіе и доброе имя одной особы, которая не свободна и высокое положеніе которой дѣлаетъ ее предметомъ зависти очень многихъ. *Третьяго дня въ игорномъ домѣ въ Монте-Карло видѣли, какъ вы купили вещь, проданную этою особой торговцу*. Если бы то былъ единичный фактъ, это не имѣло бы особенно опаснаго значенія. Но вы сами признаете, конечно, что поступки ваши за послѣднія недѣли не могли укрыться отъ недоброжелательныхъ пересудовъ. Особа, о которой идетъ рѣчь, не свободна. Она многое перенесла въ своей семейной жизни. Малѣйшее подозрѣніе со стороны того, кому она обязана своимъ высокимъ положеніемъ, можетъ вызвать тяжелую для нея катастрофу. Быть-можетъ сама она никогда не скажетъ вамъ, насколько ей непріятенъ былъ вашъ поступокъ, о которомъ *ей сообщили*. Будьте же истинно честнымъ человѣкомъ, не пытайтесь вторгнуться въ существованіе, которому вы можете только повредить. Не компрометируйте женщину, имѣющую тѣмъ большее право на исключительное ваше уваженіе, что она относилась къ вамъ съ большимъ довѣріемъ. Найдите же силы сдѣлать то, что̀ одно только можетъ предупредить клеветы, если онѣ еще не зародились, что̀ можетъ ихъ уничтожить, если онѣ уже существуютъ. Придетъ день, когда вы сами съ наслажденіемъ скажете себѣ, что вы исполнили свой долгъ и чудному созданію доказали вашу преданность тѣмъ, чѣмъ дозволительно доказать это: уваженіемъ къ ея спокойствію и къ ея чести».

Въ знаменитомъ романѣ Даніеля де-Фоэ, поразительно передающемъ глубочайшія волненія человѣка, есть удивительная страница, гдѣ изображенъ ужасъ, который порождаютъ въ насъ нѣкоторыя открытія, абсолютно и трагически нежданныя. Это страница, гдѣ описывается, какъ вздрогнулъ всѣмъ существомъ своимъ прославленный Пустынникъ, увидавши на пескѣ необитаемаго острова свѣжій отпечатокъ босой ноги человѣка. Такая же точно конвуль-

сивная дрожь охватила Пьера Хотфейля при чтеніи письма, содержавшаго неотразимое, ошеломляющее доказательство, что поступокъ его въ Монте-Карло былъ замѣченъ. Кѣмъ?... Но какое значеніе могло имѣть имя свидѣтеля, разъ объ этомъ сообщено баронессѣ де-Карлсбергъ? Предчувствіе не обмануло молодого человѣка: она звала его затѣмъ, чтобы выразить свое недовольство, быть можетъ, удалить его навсегда. Увѣренность, что предметомъ разговора будетъ то, именно, за что онъ укорялъ себя теперь, какъ за преступленіе, удручала его настолько невыносимо, что имъ овладѣла мысль не ходить на это свиданіе, никогда не видѣться съ оскорбленною имъ женщиной, бѣжать, какъ можно, скорѣе и навсегда. Онъ пробѣжалъ еще разъ письмо и проговорилъ:—«Это правда, мнѣ ничего другого не остается, какъ уѣхать!»—Энергически и машинально въ то же время,—точно отъ строкъ, написанныхъ на листкѣ голубоватой бумаги, исходила сила гипнотическаго внушенія,—Пьеръ позвонилъ, потребовалъ росписаніе поѣздовъ, приказалъ подать счетъ и принести свой чемоданъ. Если бы «экспрессъ» въ Италію отходилъ изъ Каннъ не передъ вечеромъ, а около одиннадцати часовъ утра, очень возможно, что бѣдняга въ припадкѣ полу-помѣшательства пустился бы въ поспѣшное бѣгство, которое, нѣсколькими часами позднѣе, должно было представляться ему настолько же безумнымъ, насколько оно казалось ему необходимымъ въ эту минуту.

Но, чтобъ уѣхать съ поѣздомъ, надо было ждать, а когда миновалъ первый кризисъ, Хотфейль сообразилъ, что онъ не долженъ, не можетъ убѣжать, какъ преступникъ, не объяснившись съ любимою женщиной. Онъ не думалъ оправдываться: въ его собственныхъ глазахъ, ему не было оправданій. И, все-таки, онъ не хотѣлъ, чтобы мадамъ де-Карлсбергъ осудила его, не выслушавши. Что же, однако, онъ скажетъ ей? Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, остававшихся до свиданія съ баронессой, сколько рѣчей насочинялъ онъ, не подозрѣвая даже, что могучая сила, привлекавшая его къ этой женщинѣ, не имѣетъ ничего общаго съ задуманными имъ объясненіями. Онъ стремился неудержимо *къ ощущенію присутствія* любимой женщины,—неизбѣжно уничтожающаго все въ любящемъ сердцѣ, начиная съ наиболѣе основательнаго озлобленія и кончая наиболѣе сильною робостью.

Когда молодой человѣкъ вошелъ въ гостиную виллы Гельмгольцъ, избытокъ волненія довелъ его до того состоянія сомнамбулизма на-яву, когда душа и тѣло повинуются извѣстному импуль-

су, едва сознавая, что съ ними дѣлается. Такое состояніе весьма похоже на испытываемое рѣшительнымъ человѣкомъ въ минуты величайшихъ опасностей. Два основныхъ инстинкта человѣческой натуры,—инстинктъ самосохраненія и инстинктъ любви,— совершенно одинаково проявляются при всѣхъ особенно важныхъ обстоятельствахъ. И это служитъ еще однимъ доказательствомъ того, что заложены они въ насъ безличною силой, внѣшнею и стоящею выше узкаго круга нашей разумной воли. Въ подобныя минуты наши чувства одновременно оказываются до крайности изощренными и парализованными,—изощренными на малѣйшія подробности, стоящія въ связи съ нашимъ внутреннимъ влеченіемъ, парализованными по отношенію ко всему остальному.—Когда Хотфейль вспоминаетъ теперь объ этихъ рѣшительныхъ минутахъ своей жизни, онъ не можетъ сообразить, какою дорогой онъ шелъ отъ гостиницы до виллы, кого изъ знакомыхъ онъ встрѣтилъ на пути. Онъ очнулся отъ этого сна на-яву лишь въ тотъ моментъ, когда очутился въ первой изъ двухъ гостиныхъ,—въ большой, пустой въ эту минуту. Къ запаху цвѣтовъ, наполнявшихъ вазы, примѣшивался ароматъ любимыхъ духовъ мадамъ де-Карлсбергъ: тонкой смѣси амбры, шипра и русскаго одеколона. Едва успѣлъ Пьеръ вдохнуть ароматъ, напоминавшій о присутствіи Эли, какъ отворилась дверь слѣдующей комнаты. Оттуда доносились голоса, изъ которыхъ молодой человѣкъ отличилъ только одинъ, проникшій до глубины его сердца такъ же точно, какъ ароматъ духовъ. Еще нѣсколько шаговъ, и Хотфейль стоялъ передъ самою баронессой де-Карлсбергъ, разговаривавшей съ Луизой Бріонъ, маркизой Бонакорси и съ хорошенькою виконтессой де-Шези. Нѣсколько поодаль у растворенной стеклянной двери теплицы стояла Флосси Маршъ и говорила съ молодымъ человѣкомъ, высокимъ блондиномъ, очень плохо одѣтымъ, очень дурнымъ собою, но съ яснымъ лицомъ ученаго подъ безпорядочно лежащими волосами, съ умными и вдумчивыми глазами, съ молодою улыбкой. То былъ Марсель Вердье, котораго дѣвушка извѣстила запиской, смѣло, по-американски. Эрцгерцогъ помѣшалъ ему придти къ завтраку, и теперь онъ урвался на десять минутъ изъ лабораторіи, чтобы повидаться съ Флорансой.

Баронесса была тоже на ногахъ. Она ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, чтобы преодолѣть нервозность, достигшую высшей степени съ появленіемъ того, кого поджидала Эли. Но могъ ли онъ заподозрить это? Въ состояніи ли былъ угадать, по классическому костюму изъ синей саржи, сдѣланному для гулянья, причину, вы-

гнавшую ее изъ дому этимъ самымъ утромъ? Баронесса прошла до его отеля совершенно такъ же, какъ самъ Хотфейль часто доходилъ до виллы Гельмгольцъ, чтобы взглянуть на дверь, на рядъ оконъ и уйти обратно съ порывисто бьющимся сердцемъ. И, наконецъ, въ силахъ ли онъ былъ увидать въ нѣжныхъ голубыхъ глазахъ мадамъ Бонакорси сочувствіе, въ кроткихъ темныхъ глазахъ мадамъ Бріонъ—тревогу, которыя для влюбленнаго, способнаго наблюдать, послужили бы основаніемъ надѣяться? Хотфейль видѣлъ ясно одно: безпокойство, свѣтившееся въ глазахъ баронессы де-Карлсбергъ, которое онъ счелъ тотчасъ же за признакъ неутишимаго гнѣва. И этого было достаточно для того, чтобъ онъ едва собрался съ силами проговорить нѣсколько фразъ обиходной вѣжливости, садясь рядомъ съ романтическою итальянкой, подозвавшею его къ себѣ изъ жалости къ его слишкомъ замѣтному волненію.

Въ то же время беззаботно веселая мадамъ де-Шези, хорошенькая блондинка съ голубыми глазами, настолько же яркими и живыми, насколько глубоки были глаза Андріаны Бонакорси, привѣтливо улыбнулась новому собесѣднику. Улыбка вызвала маленькія ямочки на ея свѣжемъ полномъ личикѣ, очень бѣленькомъ подъ мѣховою шапочкой. Ея тонкая талія была обхвачена жакеткой на такомъ же мѣху, ея нѣжныя руки играли маленькою муфтой, изящныя ножки въ лаковыхъ ботинкахъ довершали ея сходство съ прелестными фигурками для этажерокъ. Совершенно право свѣтское общество въ своей снисходительности къ такимъ моднымъ куколкамъ! Одного ихъ присутствія достаточно для того, чтобы развеселить, облегкомыслить, если можно такъ выразиться, подобно имъ самимъ, самыя неловкія положенія и самыя затруднительныя объясненія. Въ виду того, что знала мадамъ Бріонъ, что думала маркиза Бонакорси, что чувствовали баронесса Эли и Пьеръ Хотфейль, появленіе молодого человѣка сдѣлало бы начало разговора крайне тяжелымъ, если бы вѣтренная парижанка не продолжала щебетать, какъ забавная птичка.

— А, вы? Я съ вами прекращу знакомство! — заговорила она съ Хотфейлемъ.—Вотъ ровно десять дней, — продолжала она, обращаясь къ мадамъ де-Карлсбергъ,—съ тѣхъ поръ, какъ я обѣдала у васъ рядомъ съ нимъ наканунѣ вашего отъѣзда... да, не десять, а восемь дней, онъ исчезалъ куда-то. И я не писала его сестрѣ, которая его мнѣ поручила. Вѣдь, такъ, вѣрно, что Мари поручила васъ мнѣ, а не разнымъ тамъ дѣвицамъ Монте-Карло и Ниццы?...

— Да я цѣлую недѣлю не выѣзжалъ изъ Каннъ, — отвѣтилъ Пьеръ, невольно краснѣя.

Маленькая фраза, сказанная мадамъ де-Шези, слишкомъ ясно подчеркивала совпаденіе его изчезновенія со временемъ отсутствія баронессы де-Карлсбергъ.

— А что вы дѣлали не дальше, какъ вчера, за столомъ trente-et-quarante?—насмѣшливо спросила молодая женщина. — А старшая-то сестра ничего этого не знаетъ, воображаетъ, что братецъ поправляетъ свое здоровье на солнышкѣ!

— Не мучайте его,—вступилась мадамъ Бонакорси, — мы же привезли его обратно.

— Вернемтесь лучше къ вашему приключенію. Вы не кончили своего разсказа...—проговорила хозяйка дома.

Невинныя приставанія мадамъ де Шези не нравились ей потому, что усиливали смущеніе Хотфейля. Съ той минуты, какъ онъ былъ здѣсь, вживѣ и въ-явѣ, въ маленькомъ салонѣ баронессы, она тоже испытывала воздѣйствіе присутствія любимаго человѣка, разслабляющее самую твердую волю. Никогда лицо молодого человѣка не казалось ей болѣе гордымъ и болѣе яснымъ, его взглядъ—болѣе привлекательнымъ, его губы—болѣе нѣжными, его движенія — болѣе граціозными, все существо его — болѣе достойнымъ любви. Во всемъ она видѣла соединеніе уваженія и страсти, обожанія и робости, всесильной надъ женщинами, пострадавшими отъ грубости мужчинъ и мечтающими найти любовь безъ вспышекъ чувственнаго ненавистничества, страстную нѣжность безъ ревности, сладость счастья безъ насильничества. Эли готова была крикнуть Ивоннѣ де-Шези:—«Замолчите! Развѣ не видите вы, что причиняете ему страданія?» Но она хорошо знала, что у этой вертушки нѣтъ въ сердцѣ ни атома злости! Была Ивонна истою парижанкой нашихъ дней, чувствительною и очень невинною, но самаго дурного тона, играющею въ скандалъ изъ ребячества и глубоко честною въ душѣ,—одною изъ тѣхъ неосторожныхъ, которыя расплачиваются иногда своимъ счастьемъ и своею честью за наивное желаніе удивить и позабавиться. И мадамъ де-Шези пустилась вновь въ свое повѣствованіе, всю себя выкладывая въ анекдотѣ, прерванномъ появленіемъ Хотфейля.

— Да, конецъ моего приключенія... Я уже говорила вамъ, что этотъ господинъ принялъ меня за одну изъ такихъ вонъ дѣвицъ... Знаете, въ Ниццѣ молоденькая женщина, обѣдающая въ полномъ одиночествѣ за маленькимъ столикомъ въ небольшой комнатѣ London-Hause... Ну, онъ и началъ стараться обратить на себя вниманіе: то прикашливаетъ, «хумъ! хумъ!»—такъ, что я хотѣла уже предложить ему буль-де-гоммъ, то выкрикиваетъ: «Garçon!»—безъ ма-

лѣйшей надобности, чтобы заставить меня обернуться. Я и обертывалась, не очень, однако, какъ разъ настолько, чтобъ онъ взглянулъ на меня, пока я не расхохоталась. А расхохотаться мнѣ очень хотѣлось! Наконецъ, я расплачиваюсь, встаю, ухожу. Онъ расплачивается, встаетъ и уходитъ. Я не знала, куда дѣваться до поѣзда... Господинъ идетъ за мной,—ну, и пусть себѣ идетъ. Скажите, думая о тѣхъ дѣвицахъ, вы никогда не задавали себѣ вопроса: «Что имъ говорятъ, когда пристаютъ къ нимъ?»

— Такія вещи, которыя, я думаю, очень напугали бы меня, еслибъ я услыхала,—отозвалась мадамъ Бонакорси.

— А меня теперь уже не напугаютъ,—продолжала мадамъ де-Шези,—потому что это настолько же глупо, какъ то, что эти господа говорятъ намъ. Да вотъ, слушайте... Я останавливаюсь у окна цвѣточнаго магазина. Онъ останавливается рядомъ со мною слѣва. Я осматриваю букеты, и онъ смотритъ на букеты. Опять слышу «хумъ! хумъ!»—ясно, собирается говорить. «Какія прекрасныя розы, сударыня!»—начинаетъ онъ.—«Да, мосьё, прекрасныя розы». «Любите вы цвѣты, сударыня?» Я уже открыла ротъ отвѣтить: «Да, мосьё, я люблю цвѣты»... какъ вдругъ справа раздается голосъ: «Какъ, Ивонна, вы здѣсь!»—и я оказываюсь носъ съ носомъ съ великою герцогиней Каролиной-Луизой, и въ ту же минуту вижу, что мой провожатый дѣлается цвѣта тѣхъ розъ, которыми мы любовались вмѣстѣ, а затѣмъ онъ кланяется ея высочеству. А она съ своимъ нѣмецкимъ акцентомъ объявляетъ: «Восхищена, моя милая! Позвольте представить вамъ графа Вильгельма фонъ-Іегенъ, одного изъ милѣйшихъ моихъ соотечественниковъ». Картина!

Хорошенькая и смѣшливая Ивонна едва закончила разсказъ о своей продѣлкѣ, съ тѣмъ удовольствіемъ, часто замѣчаемымъ и всегда необъяснимымъ, какое нѣкоторыя свѣтскія женщины находятъ въ соприкосновеніи съ полусвѣтомъ, когда появленіе новаго лица сразу оборвало смѣхъ или осужденія на устахъ милыхъ женщинъ, слушавшихъ забавное повѣствованіе. Вошелъ не кто иной, какъ эрцгерцогъ Генрихъ-Францискъ, весь багровый, какъ всегда, въ толстыхъ ботинкахъ, въ темной парѣ, обличавшей своими пятнами и истрепанностью службу въ лабораторіи. Согласно заявленію наканунѣ, эрцгерцогъ не пустилъ Вердье завтракать у баронессы и самъ не пришелъ къ столу. Учитель и ученикъ поѣли, какъ это не разъ случалось между двумя опытами, стоя въ рабочихъ фартукахъ у одной изъ лабораторныхъ печей. Потомъ принцъ удалился, сказавши, что хочетъ отдохнуть. Возможно, что онъ на самомъ

дѣлѣ пожелалъ отдохнуть, и ничего невѣроятнаго нѣтъ въ томъ, что онъ просто задумалъ испытать своего лаборанта, чтобъ удостовѣриться въ степени его близости къ миссъ Маршъ. Онъ, разумѣется, не назвалъ Марселю Вердье никого изъ приглашенныхъ баронессой къ завтраку, а Вердье съ своей стороны ни слова не сказалъ объ этомъ эрцгерцогу. Потому-то когда эрцгерцогъ вошелъ въ гостиную и увидалъ американку, разговаривающею особнякомъ и фамильярно съ молодымъ человѣкомъ, его лицо исказилось настоящимъ бѣшенствомъ. Его глаза такъ и горѣли, когда онъ окинулъ взоромъ сначала эту группу, потомъ другую. Еслибъ въ данную минуту въ его рукахъ была власть, онъ всѣхъ бы заковалъ въ кандалы: жену, несомнѣнную виновницу этой измѣны; мадамъ Бріонъ и маркизу Бонакорси за то, что ихъ любитъ мадамъ де-Карлсбергъ; мадамъ де-Шези и Хотфейля за то, что они тутъ присутствуютъ благорасположенными свидѣтелями такой бесѣды съ глазу на глазъ! Своимъ повелительнымъ и едва сдерживаемымъ голосомъ эрцгерцогъ крикнулъ черезъ всю комнату:

— Мосьё Вердье!

Вердье повернулся къ вошедшему. Изумленіе передъ нежданнымъ появленіемъ принца, униженіе, причиненное такимъ окрикомъ въ присутствіи любимой женщины, злость на тяжелую, слишкомъ долго переносимую, зависимость, вся сложность охватившаго молодого человѣка волненія отразилась въ тонѣ, которымъ онъ отвѣтилъ:

— Monseigneur?

— Вы нужны мнѣ въ лабораторіи,—продолжалъ эрцгерцогъ,—не угодно ли пожаловать, и сію же минуту.

Въ свою очередь, бѣшенство сверкнуло въ глазахъ лаборанта. Въ теченіе нѣсколькихъ секундъ свидѣтели этой отвратительной сцены видѣли на лицѣ выдающагося человѣка, съ которымъ обращаются такъ недостойно, отраженіе трагической борьбы между гордостью и благодарностью. Эрцгерцогъ проявлялъ особенную доброту по отношенію къ семейству молодого человѣка, оказывалъ ему денежную помощь, отплачивать за которую въ особенности тяжело, когда благодѣтель злоупотребляетъ правомъ на признательность. Вердье не спускалъ глазъ съ эрцгерцога. Такъ смотритъ на хозяина безвинно побитая собака: за горло ли она его схватитъ, или подчинится ему? Молодой человѣкъ достаточно хорошо зналъ принца для того, чтобъ оказать ему сопротивленіе въ такую минуту. Онъ не захотѣлъ доводить до крайности раздраженіе этого неистоваго безумца изъ опасенія какой-нибудь наглой и оскорби-

тельной выходки противъ Флорансы Маршъ. Быть можетъ, онъ сообразилъ также, что положеніе наемника и обязаннаго допускает лишь одинъ способъ проявленія собственнаго достоинства: безусловною корректностью выставить въ настоящемъ освѣщеніи невозможную грубость хозяина. Послѣ нѣсколькихъ секундъ тягостнаго колебанія, Вердье отвѣтилъ:

— Иду, Monseigneur.

И, взявши руку миссъ Маршъ, онъ въ первый разъ поднесъ е къ своимъ губамъ съ словами:

— Прошу извинить, что такъ покидаю васъ, но надѣюсь въ самомъ скоромъ времени явиться къ вамъ. Mesdames, monsieur...

И онъ вышелъ слѣдомъ за своимъ свирѣпымъ патрономъ, который скрылся такъ же быстро, какъ появился, увидавши, что Вердье подноситъ къ губамъ руку миссъ Маршъ...

Молчаніе царило въ гостиной между всѣми присутствующими, продолжавшими стоять,—такое молчаніе, какое наступаетъ въ обществѣ послѣ сцены, совершенно несоотвѣтствующей простымъ законамъ приличія, и которую свидѣтели ея не могутъ позволит себѣ обсуждать вслухъ. Ни мадамъ Бріонъ, ни мадамъ Бонакорси, ни мадамъ де-Шези не смѣли взглянуть на баронессу де-Карлсбергъ, которая на вызывающіе взоры эрцгерцога отвѣчала такими же вызывающими взорами и теперь дрожала отъ гнѣва под тяжестью срама, испытаннаго ею, по милости дикаго поведенія супруга, при ея гостяхъ. Флоранса Маршъ, нагнувшись надъ столомъ, дѣлала видъ, будто разыскиваетъ перчатки, носовой платокъ, флаконъ съ солями, чтобы скрыть выраженіе своего лица. Что же касается Хотфейля, то закулисныя тайны этого общества онъ зналъ лишь по искусно разсчитаннымъ откровенностямъ Корансеца. Пьеру совершенно неизвѣстны были взаимныя отношенія Марселя Вердье и американки, и онъ не былъ бы настоящимъ влюбленнымъ, еслибъ не связалъ наглостей эрцгерцога съ неотступно угнетавшею собственною идеей. Онъ не сомнѣвался въ томъ, что шпіонство сдѣлало свое, и эрцгерцогъ узналъ о его покупкѣ. Въ какой мѣрѣ повліяло это на дурное расположеніе духа супруга баронессы де-Карлсберъ, онъ не сумѣлъ бы объяснить. Съ той минуты, какъ онъ встрѣтилъ злобный взглядъ принца, ему представлялось достовѣрнымъ одно, что присутствіе его ненавистно этому человѣку. А отъ чего же могла явиться эта ненависть, какъ не отъ доноса, увы! — вполнѣ справедливаго? Сможетъ ли онъ вымолить прощеніе любимой женщины въ томъ, что сталъ виновникомъ но-

выхъ огорченій для нея среди столькихъ непріятностей? Тѣмъ временемъ молчаніе было прервано виконтессой де-Шези, посмотрѣвшею на часы и поцѣловавшею баронессу съ словами:

— Я боюсь опоздать къ поѣзду. Сегодня вечеромъ я еще обѣдаю въ Монте-Карло. Но послѣ масленицы конецъ тратамъ: «Rien ne va plus». До свиданія, милая, дорогая Эли.

— Мы тоже удаляемся, — сказала мадамъ Бонакорси, взявши подъ руку миссъ Маршъ,—попытаюсь утѣшить немного эту большую дѣвочку.

— Да я вполнѣ утѣшилась,—отвѣтила Флоранса.

И необыкновенно твердымъ тономъ она добавила:

— Всегда дѣлается такъ, какъ мы хотимъ, если мы хотимъ по-настоящему. Мы, вѣдь, пѣшкомъ пойдемъ? — спросила она маркизу.

— Въ такомъ случаѣ, идите черезъ садъ, я провожу васъ, чтобы подышать немного воздухомъ,—отозвалась мадамъ Бріонъ, въ свою очередь цѣлуя Эли и говоря ей громко:—Милая, черезъ четверть часа я опять буду съ тобой.

И очень тихо она прибавила:

— Не теряй бодрости.

Дверь теплицы, черезъ которую онѣ прошли въ садъ, затворилась. Эли де-Карлсбергъ и Пьеръ Хотфейль остались одни. Оба долго раздумывали надъ тѣмъ, что предстоитъ имъ сказать другъ другу; оба сошлись на это свиданіе съ твердо принятыми рѣшеніями, совершенно тождественными, такъ какъ Эли хотѣла просить Пьера, чтобъ онъ уѣхалъ, а Пьеръ это-то, именно, и хотѣлъ предложить баронессѣ. Но въ эту минуту оба они были страшно взволнованы только-что происшедшею передъ ними неожиданною сценой. Молодая женщина въ особенности была потрясена до сокровеннѣйшей глубины ея сильной и неукротимой натуры: въ ея сердцѣ опять поднялись всѣ дикіе и мятежные инстинкты, усыпленные на время любовью. Рана, нанесенная ея гордости, успокоившаяся, почти закрывшаяся подъ вліяніемъ нѣжности, опять раскрылась и болѣла. И, наконецъ, Эли вновь почувствовала всю жестокую несправедливость судьбы, отдававшей ее, постоянно и несмотря ни на что, связанную по рукамъ и ногамъ, во власть ужаснаго принца, злого генія ея молодости. Что же касается Хотфейля, то всѣ мрачные слухи, доходившіе до него съ разныхъ сторонъ, про тиранства и ревность эрцгерцога, превратились вдругъ въ реальные факты передъ его глазами. Ему невыносимою казалась одна мысль

о томъ, что супруги могутъ очутиться лицомъ къ лицу,—мужъ угрожающимъ, жена оскорбляемою! Теперь онъ во-очію видѣлъ такую картину въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, проведенныхъ эрцгерцогомъ въ гостиной баронессы. И этого достаточно было для того, что Пьеръ сталъ совершенно другимъ человѣкомъ во время этого разговора. Характеры, подобные его характеру, безусловно чистые и нѣжные, бываютъ неувѣренными вслѣдствіе избытка деликатности, нерѣшительными изъ уваженія къ впечатлительности другихъ людей, и потому представляются они слабыми, почти ребяческими. Но, очутившись передъ извѣстнымъ, точно опредѣленнымъ, положеніемъ и въ виду сознаннаго долга, они какъ бы перерождаются сразу, проявляютъ непоколебимую энергію. Для нихъ довольно мысли, что они могутъ быть полезны тѣмъ, кого любятъ, чтобы почерпнуть въ искренности своего расположенія такія силы, которыхъ, повидимому, у нихъ не существовало. Пьеру казалось, что онъ не въ состояніи будетъ взглянуть въ глаза баронессѣ, когда увидитъ въ нихъ, что *ей извѣстенъ его поступокъ*. И вотъ онъ самъ готовъ признаться въ немъ, въ этомъ поступкѣ, просто, спокойно, изъ неодолимой потребности искупить свою вину, если въ какой-либо мѣрѣ она была причиной непріятности, только что испытанной любимою женщиной и надрывавшей ему сердце.

— Мосьё,—начала баронесса Эли послѣ молчанія, предшествовавшаго объясненію и казавшагося болѣе тягостнымъ, чѣмъ самое объясненіе,—я писала вамъ, что намъ необходимо поговорить объ одномъ довольно серьезномъ дѣлѣ. Но я хочу, прежде всего, чтобы вы были убѣждены въ одномъ: если въ теченіе нашей бесѣды мнѣ придется сказать нѣсколько словъ, которыя вамъ непріятно будетъ выслушать, то, повѣрьте, мнѣ самой это тяжело очень...

И она повторила:

— Очень тяжело!

— О, вы боитесь огорчить меня, — отвѣтилъ онъ, — когда имѣете право быть до крайности строгою!... Я, съ своей стороны, хочу, чтобы вы знали вотъ что: ваши упреки, каковы бы ни были они, никогда не сравняются съ тѣми укорами, которые я дѣлалъ самъ себѣ, которые продолжаю себѣ дѣлать!... Да,— продолжалъ онъ тономъ страстнаго раскаянія,—послѣ того, что я видѣлъ сейчасъ, что я понялъ, могу ли я простить себѣ, что оказался виновникомъ непріятности для васъ, хотя бы самой легкой?... Я все знаю. Анонимное письмо, полученное мною вслѣдъ за вашимъ письмомъ, открыло мнѣ все, — третьяго дня видѣли мой посту-

покъ, покупку мною вещи, которую вы продали. Одинъ изъ присутствующихъ сообщилъ вамъ объ этомъ, я знаю, и что вы объ этомъ думаете, я угадываю. Я не прошу васъ простить мнѣ мою неловкость. Я долженъ былъ тогда же сообразить ея значеніе... Но не до того было, чтобъ обдумывать. Я видѣлъ, какъ торговецъ взялъ вещицу, которую я постоянно видалъ въ вашихъ рукахъ... Мысль, что эта вещь, ваша вещь, попадетъ завтра же въ одну изъ лавокъ этой ужасной мѣстности, очутится потомъ у одной изъ отвратительныхъ женщинъ, какихъ я видѣлъ тамъ у игорныхъ столовъ,— да, эта мысль оказалась сильнѣе благоразумія, сильнѣе сознанія моей обязанности быть сдержаннымъ по отношенію къ вамъ... Видите, я не пытаюсь оправдываться. Но умоляю васъ вѣрить мнѣ, когда я утверждаю, когда клянусь вамъ, что и этотъ легкомысленный поступокъ, неприличный, вызванъ, все-таки, уваженіемъ къ вамъ...

— Я никогда не сомнѣвалась въ вашихъ чувствахъ,—сказала баронесса де-Карлсбергъ.

Ее растрогала наивность этихъ просьбъ. Молодая женщина живо почувствовала вылившіяся въ нихъ юность и нѣжность сердца, представлявшія такой контрастъ съ грубыми выходками, которыя дозволилъ себѣ эрцгерцогъ четверть часа назадъ на этомъ самомъ мѣстѣ! Вмѣстѣ съ тѣмъ, Эли тотчасъ же угадала руку Луизы Бріонъ, и это новое скрытое доказательство дружбы тоже тронуло ее, заставило вернуть разговоръ на тотъ путь, съ котораго благоразумная подруга умоляла ее не сходить. Несмѣлость и неловкость ея попытки обличали глаза, расширенные смущеніемъ, колебанія груди, сдавленной вздохомъ, голосъ, вторившій трепету сердца!

— Нѣтъ,— продолжала она,— никогда я въ нихъ не сомнѣвалась. Но вамъ самимъ извѣстно злословіе свѣта, и ясно, что поступокъ вашъ замѣченъ, такъ какъ вамъ о немъ писали...

— Вторично не напишутъ,—прервалъ ее молодой человѣкъ.— О злословіи, о жестокости свѣта я зналъ и безъ этого письма... А теперь еще лучше я узналъ, что мнѣ остается сдѣлать,— добавилъ онъ съ меланхолическою твердостью прощающагося и силящагося скрыть слезы,—что я обязанъ сдѣлать. Мою неловкость въ Монте-Карло и всѣ другія мои неловкости я, къ счастью, имѣю возможность исправить, и я пришелъ просто сказать вамъ: «Я хочу уѣхать»... Уѣхать,— повторилъ онъ,— покинуть Канны, и, если позволите надѣяться, что вы мнѣ вернете ваше доброе расположеніе, я уѣду не счастливымъ, конечно, но по крайней мѣрѣ, съ меньшею тоскою въ сердцѣ...

— Уѣдете? — повторила Эли.

И еще разъ сказала:

— Вы хотите уѣхать?...

Она взглянула прямо въ глаза молодому человѣку, увидала его милое лицо, его грустный взглядъ, своею нѣжностью ласкавшій въ ней что-то невѣдомое, его изящныя губы, трепетавшія еще отъ только-что сказанныхъ словъ. Мысль, что она навсегда лишится его присутствія, предстала вдругъ передъ Эли съ отчетливостью, физически невыносимою, и одновременно съ тѣмъ выяснилась несомнѣнность счастья, если оба они отдадутся страстному инстинкту, увлекавшему ихъ другъ къ другу. Сила характера подалась, какъ прорванная плотина, подъ напоромъ желанія, захватившаго молодую женщину съ неодолимою силой. Не сознавая того, что она вслухъ высказываетъ свои чувства, баронесса говорила:

— Нѣтъ, вы не уѣдете, вы не можете уѣхать... Я слишкомъ одинока, слишкомъ покинута, невыносимо несчастна!... Нѣтъ вокругъ меня ничего правдиваго, ничего, ничего... И я лишусь васъ!...

Она порывисто встала, чѣмъ заставила подняться и Хотфейля, и, приблизившись къ нему, пристально смотря ему въ глаза, обворожительная красотою видѣнія, съ дивно сіяющимъ лицомъ, преобразившимся отъ прилива всей души къ расширеннымъ зрачкамъ и трепетнымъ губамъ, Эли взяла обѣ его руки и сказала, точно желая этимъ пожатіемъ и этими словами неразрывно связать, слить, отождествить одно съ другимъ все наиболѣе глубокое ихъ обоихъ существъ:

— Нѣтъ, вы не покинете меня. Мы не разстанемся потому, что вы меня любите, и потому, что я люблю васъ...

V.

Въ морѣ.

Двѣ недѣли прошло съ того дня, когда баронесса де-Карлсбергъ, несмотря на свои обѣщанія и рѣшенія, несмотря на угрызенія совѣсти и увѣренность въ близкой катастрофѣ,—первая призналась въ любви Пьеру Хотфейлю. Наступило число, назначенное для ухода *Женни* въ море. Оба они, Эли и Пьеръ, стояли рядомъ на палубѣ яхты, увозившей также маркизу Бонакорси, на пути къ ея фантастическому замужеству, миссъ Маршъ, ея сообщницу, и, наконецъ, хорошенькую мадамъ де-Шези и ея мужа, предназначенныхъ занимать «командора». Таково было шуточное прозвище, данное племянницею дядѣ и вполнѣ основательно, такъ какъ Ри-

чардъ Карлейль Маршъ не покидалъ капитанскаго мостика, откуда онъ распоряжался движеніями корабля съ мастерствомъ профессіональнаго моряка. Для владыки Маріонвиля ѣхать въ экипажѣ и не править самому, плыть на яхтѣ и не командовать самому—было все равно, что не имѣть ни экипажа, ни яхты. Онъ говорилъ, безъ малѣйшаго, впрочемъ, хвастовства:

— Если я разорюсь завтра, то у меня найдется двадцать способовъ опять нажить состояніе и, прежде всего, заработать необходимое на прожитокъ: я механикъ, я кучеръ, я плотникъ, я лоцманъ, я капитанъ дальняго плаванія.

Послѣполуденными часами, когда яхта направлялась къ Генуѣ, этотъ мастеръ на всѣ руки изъ Огіо исправлялъ послѣднее изъ двадцати ремеслъ, которыя, по его словамъ, онъ зналъ въ совершенствѣ. Онъ стоялъ па своемъ командирскомъ посту въ фуражкѣ съ золотыми галунами, съ биноклемъ въ рукѣ, и вниманіе его было всецѣло отдано управленію кораблемъ, будто во всю жизнь свою онъ имѣлъ только одну заботу—отдавать приказанія экипажу матросовъ. Въ немъ до высшей степени была развита черта, общая всѣмъ большимъ работникамъ: онъ всегда и весь принадлежалъ дѣлу настоящей минуты. И въ данное время это синее море, тихое и глубокое, необъятная лазурная гладь, едва подернутая рябью, была для него только ареною гонки, просторомъ для состязанія ради состязанія, истинно-національнаго удовольствія англо-саксонцевъ. Въ пяти стахъ метрахъ отъ *Женни*, впереди ея, вправо, очерчивались снасти другой яхты, окрашенной въ черный цвѣтъ, сидящей ниже въ водѣ и болѣе узкой корпусомъ, бѣжавшей на всѣхъ парахъ. То была *Далила*, яхта лорда Герберта Боуна. Еще дальше и тоже впереди, только въ лѣвой сторонѣ, шла въ томъ же направленіи третья яхта, бѣлая, какъ *Женни*, но болѣе широкая. Это *Альбатросъ*, любимая игрушка одного изъ русскихъ магнатовъ, загостившихся въ Каннахъ. Американецъ умышленно далъ двумъ яхтамъ уйти на много впередъ съ тѣмъ, чтобъ обогнать ихъ въ пути, что было отлично понято ихъ экипажами. И тотчасъ началась гонка, точно на пари, между русскимъ княземъ, англійскимъ вельможей и американскимъ милліонеромъ,—тремя одинаково увлеченными фанатиками спорта, равно кичившимися своими судами, какъ молодые люди хвастаются своими лошадьми или любовницами. Въ глазахъ Дики Марша весь пейзажъ представлялъ собою не болѣе какъ воображаемую геометрическую фигуру: движущійся треугольникъ, углы котораго обозначались тремя яхтами. Онъ буквально не видалъ чудной кар-

тины, открывавшейся передъ нимъ: напрасно фіолетовый Эстерель развертывалъ длинную волнистую линію своихъ горъ, темныя трещины овраговъ и изгибы мысовъ; напрасно гавань Каннъ протягивала свой молъ, надъ которымъ уступами возвышался старый городъ съ церковью, въ прозрачной атмосферѣ, дававшей возможность пересчитать всѣ окна и ставни, всѣ деревья надъ стѣнами. Напрасно холмъ Трассы выдвигался въ глубинѣ, щеголяя культурой, а по заливу тянулся рядъ виллъ, раздѣленныхъ садами, и острова, подобно двумъ темнымъ зеленѣющимъ оазисамъ, означали исходную точку изгиба другой бухты, заканчивающейся у одинокой вершины Антибъ, гдѣ деревья, какъ и на островахъ,—купы зонточныхъ сосенъ, наклоненныхъ въ одну сторону,—неизмѣнно напоминали о порывахъ мистраля, стихшаго въ этотъ день. Ни до чего не было дѣла Дики Маршу, для котораго прелестная погода славнаго утра была лишь однимъ изъ условій въ предстоящей игрѣ. Ни одинъ барашекъ пѣны не пробѣгалъ по широкой глади расплавленнаго сапфира, уносившаго *Женни* съ звучнымъ рокотомъ взбороженной воды. Ни одинъ *cirrus*, ни одно изъ тѣхъ облачковъ, что̀ моряки называютъ «кошачьими хвостами», не бѣлѣлъ на великолѣпномъ сводѣ неба, гдѣ солнце любовно и радостно плыло въ безконечно чистомъ ѳеирѣ! Казалось, будто небо, море и берега согласились оправдать предсказанія хироманта Корансеца относительно перехода корабля, похищавшаго для него секретную невѣсту. И Андріана Бонакорси напоминала Флосси Маршъ объ этомъ предсказаніи въ то время, какъ обѣ онѣ, одинаково одѣтыя въ туалеты изъ бѣлой фланели съ узенькими красными и черными полосками,—цвѣта флага *Женни*,—опершись на бортъ, разговаривали, не спуская глазъ съ *Далилы*, оказывавшейся все ближе и ближе.

— Помнишь залу въ Монте-Карло?—говорила итальянка.— Какъ онъ узналъ хорошую погоду по своей рукѣ и по нашимъ рукамъ... Поразительно это, не правда ли?

— Ты признаешь, стало быть, что напрасны были всѣ твои страхи?—отвѣтила миссъ Маршъ.—Если вѣрно узналъ онъ одно, то должно сбыться и остальное. Мы проведемъ чудную ночь въ открытомъ морѣ, а завтра раннимъ утромъ пойдемъ къ Генуѣ.

— Не говори такъ увѣренно,—возразила Андріана, выставляя два пальца рожками, чтобы спастись отъ «дурного глаза»,—бѣду накличешь.

— Какую еще бѣду?—спросила дѣвушка.—При такомъ солнцѣ, на такомъ морѣ, съ этою яхтой и въ такой компаніи...

— Почемъ я знаю!... Вдругъ вздумаетъ лордъ Гербертъ Боунъ тягаться до конца и перегоняться съ нами до Генуи?

— Перегоняться съ нами до конца на *Далилѣ*, а мы на *Женни*? Объ этомъ и думать нечего!—сказала американка.—Смотри, какъ мы уже догоняемъ его... Берегись, однако: Шези и его жена идутъ въ эту сторону... Ну, какъ, Ивонна, васъ не пугаетъ, что мы идемъ такъ скоро?—обратилась она къ хорошенькой виконтессѣ, тоненькой, бѣленькой и розовой, въ платьѣ изъ бѣлой саржи съ большими отворотами и флагами корабля, вышитыми на этихъ отворотахъ.

— О!—воскликнула мадамъ де-Шези, смѣясь, оборачивая лицо къ носу яхты и вдыхая воздухъ полною грудью.—Этотъ воздухъ, при такой скорости, опьяняетъ меня, какъ шампанское!

— Видите вашего брата, маркиза?—спросилъ Шези, показывая мадамъ Бонакорси на одного изъ стоящихъ на палубѣ *Далилы*.—Онъ рядомъ съ принцемъ. Едва ли они довольны... А его таксы! Смотрите, они бѣгаютъ, точно настоящія крысы... Я вотъ сейчасъ раздразню Альвиза.

И, сложивши руки на подобіе рупора, онъ крикнулъ слѣдующія слова, нисколько не подозрѣвая ихъ ироніи:

— Э! Наварего! Не будетъ ли порученій въ Геную?

— Онъ не слышитъ, или притворяется, что не слышитъ,—сказала мадамъ де-Шези.—А вотъ такъ онъ пойметъ... Принцъ сюда не смотритъ? Нѣтъ.

И, шаловливо, своими маленькими ручками она устроила самый задорный изъ «носовъ», когда-либо показанныхъ хорошенькою женщиной группѣ лицъ, въ которой находится королевское высочество.

— Ай! принцъ увидалъ,—продолжала она, заливаясь смѣхомъ.—Не бѣда, онъ такой добрый малый! А если ему угодно гнѣваться... такъ вотъ!...—и она легонько похлопала себя концами пальцевъ по глазу.

Въ ту минуту, когда шаловливая парижанка забавлялась столь непочтительными ребячествами, обѣ яхты были уже на одной линіи. Съ четверть часа онѣ шли такъ, не отставая одна отъ другой, быстро разсѣкая воду и лишь едва вздрагивая отъ дыханія могучихъ стальныхъ легкихъ, выкидывая изъ трубъ громадные клубы чернаго дыма. А позади нихъ широкими слѣдами разбѣгались по синей глади моря изумрудныя борозды, окаймленныя серебристою пѣной, на которой покачивалась и подпрыгивала маленькая лодка на парусѣ и на веслахъ, управляемая молодыми людьми, забавляв-

шихся перескакиваніемъ черезъ ярко-зеленыя гребни. Неподвижность пола на палубѣ *Женни* представляла собою нѣчто по-истинѣ волшебное. Не замѣтно было даже колебанія воды въ вазахъ изъ венеціанскаго стекла, стоявшихъ на переносномъ столѣ недалеко отъ группы трехъ женщинъ. Розы въ этихъ вазахъ, огромныя розы, пурпурныя и шафранныя, медленно роняли лепестки. Баронесса де-Карлсбергъ сидѣла около нихъ, обвѣваемая ихъ ароматомъ. Она сняла перчатку съ одной руки и пальцами ласкала пышно распустившіеся цвѣты. Молодая женщина веселымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ мечтательнымъ взглядомъ окидывала по очереди *Далилу* и ясный небосклонъ, своихъ спутниковъ и безбрежное море, потомъ—Хотфейля, стоявшаго рядомъ съ супругами Шези и безпрестанно оборачивавшагося въ сторону баронессы. Движеніе воздуха отъ быстроты хода обрисовывало стройное тѣло молодого человѣка въ жакеткѣ изъ синей саржи и въ бѣлыхъ фланелевыхъ панталонахъ. Тотъ же вѣтерокъ слегка трепеталъ на мягкой матеріи красной блузы, обхватывавшей станъ баронессы Эли, и широкіе концы ея галстука изъ черной шелковой кисеи, подобранной въ тонъ ея черной юбки съ бѣлыми полосами. У нихъ обоихъ, у молодого человѣка и у молодой женщины, вспыхивало въ глубинѣ зрачковъ лихорадочное опьяненіе жизнью, гармонирующее съ блескомъ восхитительнаго дня. Какъ улыбка Пьера, нѣжная и радостная улыбка влюбленнаго, знающаго, что его любятъ, не походила на печальную усмѣшку, которую вызывали шутки Корансеца на углахъ его губъ двѣ недѣли назадъ! И она, Эли, съ чуть замѣтнымъ румянцемъ на щекахъ, обыкновенно очень блѣдныхъ, съ полуоткрытымъ ртомъ, вдыхающимъ здоровыя испаренія моря и тонкій ароматъ цвѣтовъ, съ прояснившимся лицомъ,—какъ мало была она похожа на Эли виллы Бріонъ, проклинавшую безстрастную красоту природы, при яркомъ мерцаніи звѣздъ дивною южною ночью!... Теперь, когда она сидѣла въ нѣсколькихъ шагахъ отъ любимаго человѣка, насколько милою казалась ей природа,—милою, какъ ароматъ цвѣтовъ, лепестки которыхъ мяли ея пальцы, ласковою, какъ этотъ легкій вѣтерокъ, чарующею, какъ лазурная безконечность неба и моря!... Сколько снисходительности чувствовала она въ самой себѣ къ маленькимъ недостаткамъ, которые она рѣзко осуждала тою ночью въ людяхъ своего круга! Вѣчная нерѣшительность Андріаны Бонакорси, положительность Флосси Маршъ, дурной тонъ Ивонны де-Шези вызывали у нея уже только добродушную улыбку. Она не раздражалась даже, вопреки своимъ привычкамъ, наивною и потѣшною важностью,

которую напускалъ на себя Шези во время этого плаванія. Въ синей фуражкѣ съ прямымъ козырькомъ, чопорный и натянутый въ роли титулованнаго приглашеннаго и покровителя, маленькій человѣкъ объяснялъ причины превосходства *Женни* надъ *Далилой* и *Альбатросомъ*, сыпалъ техническими выраженіями, подслушанными имъ у Марша, и отдавалъ приказанія относительно чая.

— Дики сойдетъ, какъ только мы обгонимъ вторую яхту,— сообщалъ онъ и, подозвавши одного матроса, распорядился:— Джонъ, скажите метръ-д'отелю, чтобы чай былъ готовъ черезъ пятнадцать минутъ...

Потомъ онъ обратился къ мадамъ де-Карлсбергъ:

— Вамъ неудобно здѣсь, баронесса... Я уже говорилъ и твердилъ Маршу, что надо перемѣнить кресла... Иногда онъ прямо-таки не понимаетъ. Возьмите хоть эти ковры, настоящіе бухарскіе, великолѣпіе... Онъ купилъ ихъ шесть штукъ въ Каирѣ, и они сгнили бы у него въ кладовой, еслибъ я ихъ не разыскалъ и не приказалъ разостлать здѣсь, вмѣсто безобразій, какихъ-то марокскихъ дерюгъ, которыя онъ разложилъ! Вы помните ихъ?... А эти растенія на палубѣ... Не правда ли, что такъ красивѣе? О, Боже мой! Еслибъ онъ не былъ *teetotaler* *), я подумалъ бы, что сегодня утромъ онъ выпилъ лишнюю порцію. Посмотрите, насколько близко онъ гонитъ мимо *Альбатроса*... Вѣдь, это ужасъ! Онъ отправитъ насъ ко дну... Нѣтъ... Ну, мастерски правитъ! Князь смотритъ на насъ. Слѣдовало бы извиниться... Monseigneur, ваша свѣтлость...

И онъ поклонился князю, настоящему богатырю съ широкимъ умнымъ лицомъ добродушнаго мужика. Князь самъ апплодировалъ побѣдѣ *Женни* и, когда обѣ яхты шли бортъ съ бортомъ, крикнулъ здоровеннымъ голосомъ:

— До будущаго года! Мнѣ строятъ новую, которая васъ побьетъ!...

— Знаете, я порядочно-таки испугался,—говорилъ Шези Маршу, когда тотъ сошелъ на палубу.— Мы прошли такъ близко отъ *Альбатроса*, что изъ-за самаго пустяка могло случиться несчастье.

— Я увѣренъ въ своемъ суднѣ,—отвѣтилъ Маршъ просто.— Но съ Боуномъ я бы этого не сдѣлалъ. Вы видѣли, на какомъ разстояніи я держался отъ него. Онъ бы мнѣ яхту пополамъ разрѣзалъ... Когда англичане видятъ, что ихъ побиваютъ, самолюбіе у

*) *Teetotaler* — членъ общества трезвости.

нихъ разыгрывается до бѣшенства, и тогда они уже способны на все на свѣтѣ.

— Какъ разъ то же самое англичане говорятъ про американцевъ,— весело возразила Ивонна де-Шези.

Хорошенькая парижанка была, вѣроятно, единственною особой, которой хозяинъ *Женни* дозволялъ подобныя шутки. Корансецъ сказалъ правду: когда говорила смѣшливая виконтесса, передъ глазами Марша былъ образъ его родной дочери. И онъ нисколько не оскорбился этою эпиграммой на его родину, хотя обыкновенно былъ наивно впечатлителенъ ко всему, въ чемъ проглядывало какое-либо сомнѣніе въ томъ, что Америка не есть величайшая страна въ мірѣ: «*the greatest in the world*».

— Вы опять начинаете нападать на моихъ бѣдныхъ соотечественниковъ. Это черная неблагодарность. Всѣ, кого я знаю, влюблены въ васъ...

— Командоръ,— отвѣтила молодая женщина,—не пускайтесь въ мадригалы. Совсѣмъ не вашъ жанръ такія сладости. Ведите меня лучше пить чай... Онъ, вѣдь, поданъ, Гонтранъ?...

— Они просто поразительны!—проговорила миссъ Маршъ въ полголоса, когда ея дядя и супруги Шези отошли нѣсколько шаговъ по направленію къ лѣстницѣ, ведущей въ салонъ.—Распоряжаются, какъ дома...

— Не мѣшай имъ,— сказала мадамъ Бонакорси.— Въ Генуѣ они будутъ намъ полезны тѣмъ, что займутъ страшнаго дядюшку!...

— Куда ни шло, еслибъ она была одна,— возразила Флоранса,— она забавна и сердце у нея хорошее. Но и онъ, вѣдь, тутъ. Ты знаешь, я дочь великой республики и выносить не могу этихъ дворянчиковъ, находящихъ возможность быть нахальными, когда занимаютъ мѣста паразитовъ и лакеевъ... И сердитъ меня всего больше то, что онъ импонируетъ на дядю!

— Шези просто мужъ очень хорошенькой и очень милой женщины,—отозвалась мадамъ де-Карлсбергъ.—Такимъ мужьямъ все позволяютъ, ради ихъ женъ, и становятся они балованными дѣтками. А балованное дитя тридцати лѣтъ всегда не особенно пріятно. Что же касается этого, то онъ, увѣряю васъ, добрый малый и очень безвредный... Вы сходите внизъ? Я останусь на палубѣ... Вы будете добры, пришлете намъ сюда чаю? Я говорю: намъ, потому что васъ оставляю занимать меня,— продолжала она, обращаясь къ Хотфейлю.—Я хорошо знаю нашего Шези: гонка кончена, и онъ до тѣхъ поръ не успокоится, пока не проведетъ васъ

по всей яхтѣ, точно настоящій хозяинъ. Къ счастью, вы подъ моимъ покровительствомъ... Садитесь сюда...

Говоря это, она перчаткой указала молодому человѣку на кресло около себя, и она удерживала его съ нѣжною и повелительною граціей, въ которую любящая женщина, вынужденная сдерживаться при свидѣтеляхъ, умѣетъ вложить всю трепетную страстность ласкъ, невозможныхъ въ присутствіи посторонних людей. Влюбленные одного сорта съ Хотфейлемъ повинуются подобнымъ приказаніямъ съ такимъ взволнованнымъ, почти благоговѣйнымъ видомъ, который смѣшитъ мужчинъ и растрогиваетъ женщинъ. Онѣ хорошо знаютъ, что подобное умиленіе въ пустякахъ есть вѣрнѣйшій признакъ искренняго обожанія. А потому ни миссъ Маршъ, ни маркизѣ Бонакорси не пришло на умъ улыбнуться надъ Хотфейлемъ. Удаляясь съ инстинктивнымъ чувствомъ сообщничества, съ которымъ самыя честныя женщины относятся къ чужимъ романамъ, онѣ говорили:

— Правъ Корансецъ, какъ онъ любитъ ее!...

— Да, онъ очень счастливъ теперь... Что-то завтра будетъ?

А, завтра! Объ этомъ опасномъ и таинственномъ завтра,—неизбѣжно приносящемъ расплату за нашу виновность сегодня,—молодой человѣкъ нисколько не думалъ въ то время, какъ *Женни* продолжала нестись все такъ же спокойно и быстро по бархату моря, совершенно пустыннаго. *Далила* и *Альбатросъ* уже исчезали въ голубой дали, скрывавшей и берега. Еще нѣсколько торопливыхъ вздоховъ машины и нѣсколько ударовъ винта, и вокругъ бѣгущаго корабля ничего уже не было, кромѣ зыбкой глади водъ и неподвижнаго неба съ яркимъ солнцемъ, склоняющимся къ закату. Предвечерніе часы зимой въ Провансѣ необычайно дивны до тѣхъ поръ, пока сразу ночной холодъ не охватитъ всей атмосферы и мракъ не скроетъ всего пейзажа. Теперь, когда другіе гости яхты сошли въ столовую, влюбленнымъ казалось, будто они совсѣмъ одни во всемъ мірѣ на этой плавучей террасѣ среди кустарниковъ и аромата цвѣтовъ. Одинъ изъ корабельныхъ слугъ, проворный и молчаливый, безшумно поставилъ передъ ними маленькій столикъ для чая, съ сложнымъ серебрянымъ приборомъ, отмѣченнымъ фантастическимъ гербомъ, придуманнымъ Маршемъ и красовавшимся на чашкахъ и тарелкахъ, и представлявшимъ собою мостовую арку надъ болотомъ,—*Arch on March*. Эта игра словъ, во вкусѣ той, что создала названіе яхты, сверкала выпуклыми буквами подъ гербомъ. Мостъ разъясненнаго такимъ образомъ герба былъ золотой, песокъ изображалъ болото, все это выдавалось на

серебряномъ полѣ. Американецъ мало стѣснялся геральдическими законами и переводилъ эти эмблемы на цвѣта: *черный, красный* и *бѣлый,* составившіе флагъ его корабля. По мысли владѣльца, гербъ долженъ былъ обозначать, что желѣзная дорога, знаменитая смѣлостью своихъ мостовыхъ сооруженій, спасла его отъ нищеты, представленной въ образѣ болота!... Наивный символизмъ, и много лучше подходилъ онъ къ мечтамъ двухъ влюбленныхъ, перебрасывавшихъ въ эту минуту фантастическій мостъ надъ всею житейскою грязью! Сама уютность ихъ маленькой импровизованной трапезы придавала этимъ мимолетнымъ мгновеніямъ особенную прелесть, иллюзію тихаго счастья, жизни душа въ душу и въ нѣгѣ непрерывной близости. Такое именно впечатлѣніе молодой человѣкъ выразилъ вслухъ послѣ того, какъ нѣкоторое время они наслаждались своимъ уединеніемъ, молча.

— Какъ этотъ часъ хорошъ! — заговорилъ Пьеръ. — Такъ хорошъ, что и мечтать о немъ я никогда не могъ!... Представьте себѣ только: еслибъ этотъ корабль былъ нашъ и мы могли бы плыть вотъ такъ много-много дней вдвоемъ, вы да я... уѣхать въ Италію, которую я хотѣлъ бы видѣть съ вами одной, уплыть въ Грецію, откуда вы взяли вашу красоту. О, какъ вы хороши, какъ я люблю васъ!... Боже, Боже! Если бы часъ этотъ длился безконечно!...

— Дитя! Всѣ часы имѣютъ свой конецъ, — отвѣтила Эли, закрывая наполовину свои темные глаза, вспыхнувшіе страстью отъ восторженной рѣчи молодого человѣка.

Потомъ, какъ бы подъ вліяніемъ реакціи противъ трепета сердца, почти болѣзненнаго отъ избытка волненія, она съ граціей, съ настоящею прелестью молоденькой дѣвушки, продолжала:

— Моя старая гувернантка нѣмка говорила всегда, указывая на птицъ въ нашемъ паркѣ, въ Саллашѣ: «Надо на нихъ быть похожею и довольствоваться, какъ онѣ, крошками»... И правда, въ жизни намъ достаются только крошки... Но я дала себѣ клятву не допускать васъ, насъ не допускать впадать въ *ужасную тоску.*

Она подчеркнула эти два слова, напоминавшія фразу, нѣсколько разъ повторенную между ними въ минуту разставанія и уже занявшую свое мѣсто въ ихъ сантиментальномъ діалектѣ. И, покачавши головой, баронесса Эли обратилась къ столу наливать чай.

— Давайте лучше тихохонько пить чай и будемъ столь же *gemüthlich*, какъ добрые буржуа моей родины...

Говоря это, она подала налитую чашку Хотфейлю. Молодой человѣкъ взялъ ее неторопливо, чтобы продолжить прикосновеніе

своихъ пальцевъ къ нѣжной и гибкой рукѣ, услуживавшей ему съ наслажденіемъ, покорностью и баловствомъ, въ высшей степени пріятными женщинамъ, любящимъ по-настоящему. Эта простая ласка заставила ихъ обмѣняться взглядами, въ которыхъ двѣ души встрѣчаются другъ съ другомъ, сливаются, отождествляются магнетизмомъ желаній. Они умолкли снова, охраняя и глубже усвоивая этимъ молчаніемъ впечатлѣнія сжигавшей обоихъ лихорадки, при гигатскомъ трепетѣ дремлющихъ водъ, охватывавшихъ ихъ своимъ тихимъ рокотомъ. Чтобы понятно было, какую напряженность ощущеній вызывала эта простая ласка въ молодомъ человѣкѣ и въ молодой женщинѣ, надо добавить, что они еще не были любовникомъ и любовницей въ реальномъ смыслѣ этихъ словъ. Если бы наивная Луиза Бріонъ, тотчасъ же уѣхавшая изъ Каннъ, чтобы не присутствовать при неизбѣжномъ, по ея мнѣнію, паденіи дорогой и слишкомъ безразсудной подруги, могла подозрѣвать истинное и необыкновенно странное положеніе дѣла, она быть-можетъ попыталась бы продолжать борьбу. Въ продолженіе пятнадцати дней, прошедшихъ съ минуты внезапнаго признанія баронессы де-Карлсбергъ, влюбленные много разъ говорили и повторяли, что любятъ другъ друга, обмѣнивались захватывающими духъ поцѣлуями, письмами, такими же безумными, какъ поцѣлуи, и вполнѣ другъ другу не отдавались. Только въ книгахъ не бываетъ остановочныхъ этаповъ между моментомъ, когда влюбленные обмѣняются словомъ «люблю», и полнымъ обладаніемъ. Въ дѣйствительности же бываетъ совсѣмъ иначе. Всѣ кокетливыя женщины хорошо это знаютъ, а также и влюбленные мужчины, сердца которыхъ не развращены ни самомнѣніемъ, ни безпутствомъ и для которыхъ высшія наслажденія любви представляются невозможными при нѣсколько грубыхъ условіяхъ. Такая врожденная деликатность въ Хотфейлѣ усиливалась еще робостью, свойственною людямъ романтическимъ и скромнымъ, которые, подобно ему, доживаютъ до тридцати лѣтъ, не имѣя о чувственности иного понятія, кромѣ полученнаго при холодныхъ и рѣдкихъ встрѣчахъ съ продажною любовью, за которыми слѣдовали тотчасъ же отвращеніе и раскаяніе. Этого рода стыдливые люди, желавшіе, но не успѣвшіе сохранить себя вполнѣ цѣломудренными для истинной любви, становятся жертвами томительнѣйшихъ волненій, парализующихъ ихъ, когда приходитъ пора настоящей любви. Неодолимый инстинктъ природы заставляетъ ихъ въ присутствіи женщины, любимой благоговѣйно и идеально, мечтать о ласкахъ, подобныхъ тѣмъ, какія испытали они отъ недостойныхъ созданій, и такая ассоціація образовъ является жесто-

кимъ оскорбленіемъ ихъ любви, ея страшною профанаціей. За эти двѣ недѣли все болѣе и болѣе тревожнаго сближенія Пьеръ не осмѣлился просить болѣе интимнаго свиданія у этой женщины, отдавшейся ему безъ борьбы, высказавши ему то, что она говорила съ возвышенною искренностью страсти. Чтобъ избѣжать въ Каннахъ наблюдательности общества, живущаго на виду болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, пришлось бы видаться въ номерахъ гостиницъ въ Ниццѣ и въ Монте-Карло, одна мысль о чемъ возбуждала въ немъ отвращеніе. А послѣ такихъ свиданій будетъ ли она привязана къ нему болѣе крѣпкими узами, чѣмъ то сдѣлалъ первый поцѣлуй въ минуту перваго признанія? Когда Эли сказала ему: «Мы любимъ другъ друга»,—рука съ рукой съ нимъ и очи въ очи,—онъ наклонился къ ней, чуть не теряя сознанія, думая, что умретъ отъ счастья, и ихъ губы встрѣтились, слились въ поцѣлуѣ!... И въ данную минуту, на опустѣвшей палубѣ яхты, Пьеръ, глядя на баронессу, дрожалъ всѣмъ существомъ своимъ отъ одной улыбки этихъ губъ: онъ опять чувствовалъ на своихъ губахъ ихъ чудное и жгучее прикосновеніе. Видя ее такою стройною и юною, обаятельною и трепещущею всею нервностью породистаго существа, онъ вспоминалъ, какими объятіями онъ прижималъ ее къ себѣ два дня спустя послѣ перваго признанія... Подъ предлогомъ разговора она увела его до бельведера или, вѣрнѣе, до площадки, огороженной двумя рядами мраморныхъ колоннъ, откуда видны были море и острова. По серединѣ квадратное пространство незамощенной земли,—своего рода *patio* *),—было засажено гигантскими камеліями, растущими на полной свободѣ. Весь грунтъ былъ устланъ, засыпанъ цѣлымъ слоемъ осыпавшихся съ вѣтвей, цвѣточныхъ лепестковъ, красныхъ, розовыхъ, бѣлыхъ, яркихъ и блестящихъ, какъ осколки фарфора. Другіе цвѣты, красные, розовые, бѣлые, сверкали въ темной, точно лакированной зелени листвы. Тамъ онъ во второй разъ сжималъ ее въ своихъ объятіяхъ еще крѣпче, и еще крѣпче и дольше въ далекомъ уголкѣ прелестной виллы *Эленъ-Рокъ,* въ Антибахъ... Тамъ онъ ждалъ Эли въ одинъ изъ рѣдкихъ моментовъ, когда ей можно было урваться изъ-подъ гнета обязанностей, налагаемыхъ на нее ея положеніемъ въ обществѣ. И она явилась, очаровательная и дивная, на дорожкѣ, окаймленной голубыми цинераріями, желтыми анютиными глазками и фіолетовыми анемонами. Вблизи цвѣтущія розы наполняли воздухъ такимъ же ароматомъ, какъ теперь, и, сидя рядомъ съ Эли на сѣдомъ верескѣ, подъ чер-

*) *Patio* (испан.)—внутренній дворикъ.

ными соснами съ красными стволами, сбѣгавшими внизъ къ маленькому водоему прозрачной воды, Пьеръ склонилъ голову къ сердцу милой подруги... И въ настоящую минуту, при взглядѣ на ея молодой станъ, ему казалось, будто онъ слышитъ еще біеніе ея сердца и своею щекой касается идеальныхъ формъ ея груди. Всѣ эти воспоминанія и другія еще, столь же близкія и волнующія, присоединялись къ его теперешнему волненію, и отъ того оно доходило до напряженности, почти несоразмѣрной съ его силами. Громадная внутренняя волна подхватывала его и уносила къ тому часу, — очень близкому, онъ чувствовалъ это, — когда Эли вся сполна будетъ принадлежать ему. Кто изъ мужчинъ, любившихъ и уважавшихъ любимую женщину, не припомнитъ съ восторженнымъ умиленіемъ, доходящимъ до боли въ сердцѣ, подобныхъ минутъ и невыразимо сладостнаго чувства увѣренности *впередъ*, болѣе опьяняющей, болѣе захватывающей, чѣмъ благодарность *потомъ?* Но немногимъ доводилось, какъ Пьеру Хотфейлю, упиваться этимъ дивнымъ ощущеніемъ лицомъ къ лицу съ природой, блестящей и безконечной, при живительномъ дыханіи моря и неба. Не много и такихъ, для кого единственное и незабвенное созданіе, первая истинная любовница, кромѣ всѣхъ прелестей, имѣла еще особую привлекательность *чужеземки*, существа таинственнаго и обворожительнаго, какъ цвѣтокъ невиданный, какъ музыка неслыханная! Полное отсутствіе сходства между Эли и другими женщинами, съ которыми сближался Пьеръ, окончательно усыпляло въ молодомъ человѣкѣ наивные укоры совѣсти за его прошлое и заставляло его забывать то, что въ настоящемъ было преступнымъ, что могло омрачить восторги чудныхъ минутъ: онъ забывалъ, что Эли замужемъ. Она уже принадлежала первому мужчинѣ и, пока онъ живъ, не вправѣ была отдаться другому. Пьеръ не достаточно былъ религіозенъ для того, чтобъ уважать въ бракѣ мистическій характеръ таинства. И, тѣмъ не менѣе, въ душѣ молодого человѣка прочно залегли вліяніе его воспитанія и добрыя привычки хорошей семьи, въ особенности же слишкомъ сильно развито въ немъ было чувство чести для того, чтобы не представлялась ему отвратительною вся унизительность и гадость супружеской измѣны. Но Эли позаботилась о томъ, чтобъ онъ не видалъ болѣе эрцгерцога, и ей не трудно было это сдѣлать. Со времени безобразной сцены въ гостиной баронессы принцъ почти не показывался въ комнатахъ жены, завтракалъ и обѣдалъ вдвоемъ съ Вердье и не въ обычное время. Невидимый мужъ представлялся въ воображеніи Хотфейля не иначе, какъ въ образѣ деспота и мучителя. Его жена была не женою, а жертвой,

и до крайности напряженная жалость заглушила въ молодомъ человѣкѣ всѣ напоминанія совѣсти тѣмъ успѣшнѣе, что за эти двѣ недѣли онъ постоянно видѣлъ любимую женщину раздраженною недостойнымъ шпіонствомъ зловѣщаго барона фонъ-Лаубахъ, адъютанта съ предательскими ухватками.

Надо полагать, что доброволецъ-шпіонъ жестоко надоѣлъ Эли своимъ гнуснымъ выслѣживаніемъ, если воспоминаніе о немъ пришло на умъ и выразилось въ словахъ молодой женщины въ такое время, когда она забывала, хотѣла забыть, все, кромѣ чарующаго неба, убаюкивающаго моря, корабля, скользящаго между этимъ небомъ и этимъ моремъ, и любимаго человѣка, не спускавшаго съ нея восхищенныхъ взоровъ.

— Помните,—говорила баронесса,—нашу тревогу четыре дня назадъ, когда задулъ сильный вѣтеръ и мы подумали, что яхта не выйдетъ въ море?... Мы оба, не сговариваясь, пришли на Круазету смотрѣть бурю... Я готова была упасть на колѣни передъ вами и благодарить, когда встрѣтила васъ съ миссъ Маршъ... А вы вообразили, будто я сержусь на васъ, вообразили потому, что я быстро прошла мимо и почти ни слова вамъ не сказала... Я же просто увидала противнаго Яго-Лаубаха... А, какъ хорошо здѣсь,—продолжала она,—какъ хорошо, когда знаешь, что всѣ спутники добрые друзья, неспособные на предательство! Маршъ, его племянница, Андріана—олицетворенія честности... Супруги Шези очень легкомысленны и пусты, но неспособны сдѣлать гадость... Близость предателя, когда его не боишься даже, портитъ самыя дорогія минуты. И еслибъ испорчена была настоящая минута, мнѣ было бы это очень горько...

— О, какъ я васъ понимаю! — отвѣтилъ Хотфейль, окидывая ее нѣжнымъ взглядомъ, взглядомъ влюбленнаго, сознающаго полную тождественность своихъ чувствъ съ чувствами обожаемой женщины.—И какъ мы сходимся въ этомъ! Присутствіе негоднаго человѣка физически противно мнѣ. Въ тотъ вечеръ, когда я встрѣтилъ у васъ Наварего, про котораго Корансецъ мнѣ такъ много разсказывалъ, одинъ видъ этого негодяя отравилъ мнѣ цѣлый вечеръ. А, вѣдь, со мною было письмо, которое вы писали мнѣ наканунѣ, помните, то письмо, что заканчивается такъ: «Любите меня *болѣе, чѣмъ слишкомъ, и этого будетъ, все-таки, мало*».

Они улыбнулись другъ другу, и онъ продолжалъ:

— Очень странно, что не всѣ чувствуютъ одинаково въ такихъ случаяхъ. Нѣкоторые люди, даже превосходные люди, чуть не радуются, когда встрѣчаютъ человѣческую подлость. У меня есть

такой другъ, Оливье Дю-Пратъ, про котораго я говорилъ вамъ и котораго вы встрѣчали въ Римѣ. Никогда я не видалъ его болѣе довольнымъ, какъ въ то время, когда какая-нибудь гадость бывала доказана и вполнѣ раскрыта. И какъ мнѣ тяжело было видѣть его въ подобномъ настроеніи! А человѣкъ онъ въ высшей степени хорошій, добрѣйшей души, изъ ряда выдающагося ума. Чѣмъ вы это объясните?

Имя Оливье, произнесенное тутъ и тѣмъ самымъ голосомъ, который до глубины волновалъ сердце Эли,—таковъ былъ отвѣтъ на страстный вздохъ влюбленной женщины, на ея пламенное желаніе, чтобы переживаемыя ею дивныя минуты не были испорчены. Едва сорвалась съ губъ Пьера эта простая фраза, какъ очарованіе стало разсѣиваться. Эли почувствовала въ сердцѣ такую острую боль, что закричать можно было. Романъ любви былъ еще только въ первой стадіи развитія, а уже начинало сбываться то, что предсказывала Луиза Бріонъ, ея дальновидная подруга. Любящая женщина была обречена на страшныя мученія вынужденныхъ молчать, какъ бы ни было имъ больно, и отказывать себѣ, подъ угрозою величайшими опасностями, въ облегченіи своихъ страданій исповѣдью! Уже сколько разъ въ подобныя минуты такое же внезапное напоминаніе вызывало между нею и Пьеромъ призракъ ея прежней связи! Случилось Пьеру нечаянно какъ-то и мимоходомъ упомянуть имя своего лучшаго друга, а баронесса сочла благоразумнымъ сказать, что она встрѣчалась съ нимъ въ Римѣ, и Хотфейль сталъ вспоминать о немъ въ разговорахъ съ нею. Онъ и предполагать не могъ, что каждое его слово острымъ ножомъ врѣзывается въ сердце бѣдной женщины. Убѣждаясь въ глубокой привязанности Хотфейля къ Дю-Прату, въ ихъ взаимной крѣпкой дружбѣ, могла ли она не сознавать постоянной опасности, нависшей надъ ея новымъ счастьемъ? И каждый разъ, какъ теперь, невообразимый ужасъ сжималъ ея сердце,—точно вся кровь сразу выливалась изъ ея жилъ черезъ невидимую и громадную рану. Да въ сущности, для того, чтобы такой же точно страхъ охватилъ ея несчастное сердце, не было надобности въ упоминаніи за бесѣдою влюбленныхъ этого опаснаго имени. Достаточно было молодому человѣку высказать въ интимномъ разговорѣ, совершенно наивно, свое мнѣніе о какомъ-либо изъ любовныхъ приключеній, передаваемыхъ хроникою побережья,—и Эли настаивала тогда на томъ, чтобъ онъ продолжалъ говорить, точно хотѣла она точнѣе измѣрить строгость его непримиримой морали. Молодая женщина страдала бы жестоко, еслибъ онъ чувствовалъ иначе: тогда онъ не былъ бы такимъ, каковъ онъ есть,

тогда не было бы въ немъ благородства и чистоты убѣжденій, нетронутыхъ жизнью. И невообразимо жестоко страдала Эли отъ того, что онъ чувствуетъ такъ и, слѣдовательно, самъ того не подозрѣвая, сурово обвиняетъ ее за ея прошлое! Да, она дрожа, отъ страха, настаивала, чтобъ онъ до самой глубины раскрылъ всю свою мысль, и съ смертельнымъ ужасомъ видѣла, что основа ея заключается въ положеніи, весьма естественномъ для нетронутой юной души: если все простительно любви, то ничего нельзя простить капризу, и нельзя назвать честною женщину, которая любила двоихъ. Когда Хотфейль высказывалъ, такимъ образомъ, свою абсолютную и наивную вѣру въ единство истинной любви, передъ смущеннымъ сознаніемъ Эли, неотвратимо и безпощадно, проносился образъ Оливье. Гдѣ бы ни была она съ Пьеромъ,—въ тихомъ ли *patio*, засыпанномъ лепестками цвѣтовъ камелій, подъ развѣсистыми ли соснами виллы *Эленъ-Рокъ*, или въ Напулѣ на широкомъ лугу, по которому снуютъ взадъ и впередъ игроки въ *гольфъ*,—вся дивная природа Юга тускнѣла и исчезала: пальмы и розы, апельсинные сады и голубое небо, и сверкающее море, и тотъ, кого она любила. Жестокіе глаза и злая улыбка прежняго любовника мелькали въ мучительной полугаллюцинаціи. Эли чудилось, будто она слышитъ голосъ Дю-Прата, говорящаго съ Пьеромъ. Тогда вдругъ замирало въ ней все, что давало ей счастье. Вѣки судорожно вздрагивали, губы раскрывались, чтобы вдохнуть больше воздуха, точно остріе какое впивалось ей въ грудь и терзало ее, а ея мучитель спрашивалъ ее: «Что съ вами?» Его боязливая заботливость трогала ее и утѣшала, и Эли отвѣчала, какъ теперь, маленькою ложью, которую не прощаетъ истинная любовь. Полная искренность, абсолютная правдивость такъ же необходимы, почти физически, для сердца, отдавшагося глубокому чувству, какъ необходимо утоленіе голода и жажды для живого организма. Обманъ былъ самый невинный! И, тѣмъ не менѣе, Эли снова почувствовала укоры совѣсти, когда пришлось ей объяснять причину своего внезапнаго недомоганія.

— Я вздрогнула отъ холода,—говорила она.—Вечеръ такъ быстро наступаетъ! Температура вдругъ понизилась.

Въ то время, какъ молодой человѣкъ помогалъ ей закутаться въ плащъ, она сказала тономъ, несоотвѣтствующимъ романтическому смыслу фразъ:

— Посмотрите, какъ измѣнилось море отъ того, что солнце заходитъ. Потемнѣло оно, стало почти чернымъ... и небо темнѣетъ. Точно вся природа тоже почувствовала вдругъ холодъ. Все это очень еще красиво, но красотою, въ которой чувствуется приближеніе мрака.

На самомъ дѣлѣ, подъ вліяніемъ атмосферическихъ измѣненій, въ Провансѣ болѣе быстрыхъ, чѣмъ гдѣ-либо, яркій и почти знойный день угасъ сразу, и вечеръ наступилъ въ нѣсколько минутъ. *Женни* продолжала быстро двигаться по морю, такому же спокойному и гладкому, только мачты ея и реи, и труба кидали на воду непомѣрно длинныя тѣни. Солнце спустилось почти къ самому горизонту и уже не давало лучей, достаточно теплыхъ, чтобы разгонять чуть замѣтный, но леденящій туманъ, уже подергивающій своею сыростью мѣдь и лакированное дерево яхты. Синева недвижнаго моря сгущалась почти до черныхъ тоновъ, а лазурь безоблачнаго неба исчезала и тускнѣла. Такъ прошло нѣсколько минутъ. Дискъ солнца коснулся горизонта, и небо, и солнце вспыхнули гигантскимъ пожаромъ. Берега давно скрылись изъ вида, и передъ глазами пассажировъ яхты, вышедшихъ опять на палубу, были только вода и небо, небо и вода, двѣ необъятности, безформенныя и безцвѣтныя, пустынныя и чистыя, какъ въ первый день творенія, и лишь свѣтъ заливалъ ихъ волшебною игрой сверкающихъ красокъ,—то нѣжно-розовыхъ, легкихъ и прозрачныхъ, какъ на цвѣтахъ шиповника, то захватывающихъ волнами пурпура, подобными потокамъ алой крови,—вдали играющихъ въ удивительныхъ переливахъ изумрудно-зеленыхъ и аметистово-фіолетовыхъ, еще дальше—горящихъ колоссальными золотистыми столбами! И этотъ свѣтъ уходилъ въ выси неба, дрожалъ на глади моря, уносился въ безконечныя пространства до тѣхъ поръ, пока солнце не скрылось за горизонтомъ и, съ тѣмъ вмѣстѣ, не погасла свѣтовая феерія, оставляя опять море синимъ, почти чернымъ, и небо—тоже чернымъ съ яркою оранжевою каймой надъ водой. И эта свѣтящаяся полоса постепенно суживалась, блѣднѣла и совсѣмъ пропала. Въ глубинахъ неба загарались первыя звѣзды, яхта освѣтилась огнями, а ея все болѣе и болѣе темнѣющая масса скользила все такъ же быстро, унося въ сгущающемся сумракѣ ночи сердце женщины, въ которомъ цѣлый день отражалась божественная ясность свѣтлыхъ часовъ, потомъ все великолѣпіе блестящаго заката и, наконецъ, вся меланхоличность быстро гаснущихъ сумерокъ.

Эли ничуть не была суевѣрна и, все-таки, она вздрогнула всѣмъ тѣломъ передъ этимъ внезапнымъ вторженіемъ зловѣщаго ночного мрака, сразу уничтожившаго весь блескъ пейзажа,—то былъ ужасающе вѣрный символъ ея душевнаго состоянія въ эту минуту: все ясное ликованіе раскрывшагося передъ нею неба сразу померкло, сгибло при нежданномъ напоминаніи о ея прошломъ! Такая аналогія сдѣлала ей почти невыносимымъ видъ солнечнаго заката, этой

трагической борьбы, заранѣе проигранной, которая отчаянно велась между благороднымъ свѣтомъ дня и мракомъ ночи. Къ счастью, великолѣпіе зрѣлища было такъ поразительно, что даже легковѣсныя души ея свѣтскихъ спутниковъ почувствовали его торжественность. Никто не промолвилъ ни слова въ теченіе тѣхъ нѣсколькихъ минутъ, пока длились этотъ апоѳеозъ и эта агонія свѣта на западной сторонѣ небосклона. Теперь, когда опять начиналась болтовня, Эли хотѣла бы уйти, бѣжать куда-нибудь далеко, бѣжать даже отъ Хотфейля, близость котораго страшила ее. Она боялась припадка слезъ и рыданій, которыхъ ничѣмъ уже не могла бы объяснить. Баронесса сказала молодому человѣку:

— Вы должны идти занимать другихъ.

И она стала ходить по палубѣ отъ кормы къ носу и отъ носа къ кормѣ въ сопровожденіи одного Дики Марша. Американецъ имѣлъ обыкновеніе дѣлать и на кораблѣ опредѣленный моціонъ. Онъ смотрѣлъ на часы и ходилъ взадъ и впередъ отъ одного пункта до другого, разстояніе между которыми было заранѣе вымѣрено, и продѣлывалъ это до тѣхъ поръ, пока не исполнены въ точности правила его ежедневной гигіены.

— Въ Маріонвилѣ,—говаривалъ онъ часто,—дѣлать это очень удобно: тамъ «гнѣзда» домовъ, *the blocks*, всѣ одинаковой длины, ровно полмили. Перешелъ восемь кварталовъ и знаешь, что сдѣлалъ четыре мили. Ваше *constitutional walk* *) кончена.

Обыкновенно, занятый исполненіемъ столь серьезной обязанности, почтенный янки не говорилъ ни слова. Подобно большинству крупныхъ дѣльцовъ великой республики, реалистъ Маршъ былъ отчаяннымъ фантазеромъ, занятымъ постоянно созданіемъ или измѣненіемъ какой-нибудь комбинаціи, способной возвести его въ санъ всесвѣтнаго архи-милліонера. Такова была его манера отдыхать, и мечты о несмѣтныхъ долларахъ дѣлали его нѣмымъ, какъ курильщикъ опіума. Эли, хорошо знавшая эту странность Марша, разсчитывала, что, прогуливаясь съ властителемъ Маріонвиля, ей не придется обмѣняться съ нимъ и десяткомъ словъ. Она думала, что чисто-механическое движеніе успокоитъ ея нервы. Такъ они ходили минутъ десять, не говоря ни слова. Потомъ Маршъ, казавшійся занятымъ чѣмъ-то болѣе обыкновеннаго, вдругъ спросилъ баронессу де-Карлсбергъ:

— Шези говоритъ съ вами когда-нибудь о своихъ дѣлахъ?

— Иногда,—отвѣтила молодая женщина,—говоритъ, какъ со

*) Установленная прогулка.

всѣми. Вы знаете, что онъ имѣетъ претензію считать себя величайшимъ биржевымъ дѣльцомъ и любитъ разсказывать объ этомъ.

— Говорилъ онъ вамъ,—продолжалъ Маршъ,—что онъ съ головой залѣзъ въ спекуляцію на металлы, въ надеждѣ утроить свой капиталъ?

— Весьма правдоподобно... Я его не слушала.

— А вотъ я такъ слушалъ, — сказалъ американецъ, — и не дальше, какъ сейчасъ внизу, послѣ чаю, и вы видите, что я не могу успокоиться послѣ этого разговора. Растревожить меня, однако, совсѣмъ не легко. Въ этотъ самый часъ, — продолжалъ онъ, глядя на хорошенькую мадамъ де-Шези, говорившую съ Хотфейлемъ,—милая виконтесса Ивонна, навѣрное, разорена, что называется—до-тла разорена, окончательно и безповоротно...

— Да быть не можетъ!... Шези во всемъ держится совѣтовъ Бріона, а я всегда слыхала, что Бріонъ первый финансистъ нашего времени.

— Пхэ!—возразилъ Дики Маршъ.—Мелко плаваетъ!... У насъ въ *Wall Street*'ѣ его скушали бы въ одинъ пріемъ... Ну, а по эту сторону водъ онъ смыслитъ дѣло довольно хорошо. И вотъ потому-то именно, что господинъ Бріонъ смыслитъ и что онъ совѣтуетъ Шези, этотъ молодецъ и будетъ ощипанъ, какъ куренокъ... Я не буду надоѣдать вамъ разъясненіями сущности дѣла. Но я убѣжденъ,—понимаете, убѣжденъ, какъ въ томъ, что вотъ это море,—что въ данную минуту происходитъ *крахъ* знаменитаго синдиката серебряныхъ рудниковъ. Вы, конечно, знаете, что таковой существуетъ... Всѣ *balls* на этомъ полопаются... Да, вы не понимаете: мы такъ называемъ играющихъ на повышеніе, лѣзущихъ впередъ, точно быки... Ударъ нанесенъ изъ Нью-Йорка и изъ Лондона. У Шези всего состоянія менѣе трехсотъ тысячъ долларовъ. Онъ самъ сказалъ мнѣ про свое положеніе на биржѣ. Такъ у него отберутъ милліонъ двѣсти тысячъ франковъ... Если это не сдѣлано въ настоящую минуту, когда я говорю съ вами, то сдѣлается къ концу мѣсяца...

— И вы сказали ему все это?

— Зачѣмъ? — продолжалъ американецъ.— Этимъ я испортилъ бы ему все путешествіе. Къ тому же, время не уйдетъ еще и въ Генуѣ, откуда онъ можетъ телеграфировать своему маклеру... Но вы, баронесса, поможете мнѣ оказать имъ истинную услугу. Вы угадываете, разумѣется, что если Бріонъ совѣтуетъ Шези быть съ *balls*, то самъ-то онъ *bear*... Еще разъ прошу извинить, вамъ и это непонятно: мы называемъ понижателей «медвѣдями». Медвѣдь

раскачивается и ломаетъ, онъ неповоротливъ, тяжелъ, неуклюж
задушитъ кого угодно... Начинаете понимать? Что Бріонъ подвсди
Шези и орудуетъ такъ, чтобъ отобрать у него милліонъ, это впо
нѣ основательно. На то и существуетъ биржа. Если человѣкъ н
столько глупъ, что спрашиваетъ совѣтовъ у противника, то пр
тивникъ поступаетъ совершенно правильно, когда «вздуетъ» его
отберетъ у него всѣ деньги. И всякій разъ, когда финансистъ д
етъ совѣты свѣтскому человѣку, повторяется та же исторія. Это в
порядкѣ вещей, классическое правило. *All right!*... Только у Бріон
есть и еще кое-что на умѣ. Можете вы себѣ представить мадамъ д
Шези съ десятью тысячами годового дохода?... Ясенъ планъ?...

— Отъ него и такая гадость станется, — проговорила Эли с
отвращеніемъ.—Но чѣмъ же я-то въ состояніи вамъ помочь пом
шать этому негодяю предложить бѣдной женщинѣ сдѣлаться ег
любовницей за деньги? Вѣдь, вы это хотѣли сказать... если на
поставить точку...

— Совершенно вѣрно,— отвѣтилъ американецъ.—Такъ вотъ
мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы сказали ей, не сегодня, не завтра,
когда ударъ обрушится на нее и она потеряетъ голову: «Вамъ ну
женъ человѣкъ, который выручилъ бы васъ изъ бѣды? Обратитес
къ Дики Маршу изъ Маріонвиля»... Я бы самъ сказалъ ей это, н
она подумаетъ, пожалуй, что я влюбленъ въ нее, какъ Бріонъ,
предлагаю ей деньги съ такою же цѣлью!... Француженки доволь
но умны, и есть, однако, нѣчто, чего онѣ никогда не поймутъ,
именно: что не всѣ одного съ ними мнѣнія о томъ, что бѣдняжк
виконтесса Ивонна называетъ въ шутку «маленькимъ грѣшкомъ».
Въ этомъ виноваты мужчины этой страны, прогнившей до мозга ко
стей, какъ и вся Европа, впрочемъ. Если вы поговорите съ не
объ этомъ, то между мною и ею будетъ третье лицо, и этого будет
достаточно для доказательства ей, что мотивъ у меня совершенн
иной. А какой мотивъ, мнѣ нѣтъ надобности объяснять вамъ, знаю-
щей, какъ она похожа на *нее*.

Онъ замолчалъ. Про сходство, до безумія растрогивавшее Мар-
ша, Ивонны де-Шези съ его умершею дочерью онъ говорилъ очен
немногимъ, въ ихъ числѣ была баронесса де-Карлсбергъ, и не могл
она, слѣдовательно, ошибиться относительно тайнаго побужденія,
вызывавшаго столь странное участіе американца и еще бол
странное его предложеніе. Въ милліонерѣ и неутомимомъ дѣльц
изъ Маріонвиля, одаренномъ колоссальнымъ воображеніемъ, был
необычайная склонность къ романтизму, почти къ фантасмагоріи
во вкусѣ Монте-Карло. А потому баронесса не усомнилась въ ег

искренности, и сама она такъ была романтична, что нисколько не удивилась. Мысль, что хорошенькое и милое личико, живо напоминающее любимое его дитя, будетъ опозорено мерзкимъ сладострастіемъ какого-нибудь Бріона или другого содержателя разорившихся «монденокъ», приводила въ ужасъ Дики Марша. Чтобы не допустить такого святотатства, онъ, какъ истый янки, пускалъ въ ходъ самое простое и самое практическое средство. Не удивило Эли также и нравственное противорѣчіе въ странномъ и смѣломъ американцѣ: какъ спекулянтъ, онъ находилъ совершенно естественными гадости Бріона въ денежныхъ дѣлахъ, въ качествѣ англо-саксонца онъ до глубины души возмущался при одной мысли объ адюльтерѣ. Нѣтъ, не изумленіе охватило мадамъ де-Карлсбергъ передъ столь неожиданною откровенностью Марша. Какъ ни была взволнована и нервна Эли, она, все-таки, почувствовала новый приливъ гнетущей печали. Въ то время, какъ, разговаривая такимъ образомъ, она ходила съ Маршемъ по палубѣ яхты, до нея доносился веселый смѣхъ Ивонны, говорившей съ Хотфейлемъ. И для этой молоденькой женщины день прошелъ восхитительно. А несчастье уже надвигалось на нее изъ того неизвѣданнаго мрака, гдѣ готовится наша судьба! Впечатлѣніе, произведенное этимъ на баронессу де-Карлсбергъ, было настолько сильно, что, поддавшись непреодолимому влеченію, она, какъ только отошла отъ Марша, направилась къ молодой женщинѣ и нѣжно поцѣловала ее, что вызвало со стороны все еще смѣявшейся Ивонны, слѣдующее замѣчаніе:

— Вотъ это мило... Но вы такъ добры ко мнѣ лишь съ тѣхъ поръ, какъ удостоили меня замѣтить!... А сдѣлалось это не скоро, за упрекъ не сочтите...

— Что вы хотите сказать этимъ?—спросила баронесса.

— Сказать хочу... что вы не подозрѣвали даже маленькой искорки чего-нибудь хорошаго въ сумасбродной Ивоннѣ! Сестра Пьера знаетъ это отлично съ древнѣйшихъ временъ...

У хорошенькой вертушки, когда она говорила это, были необыкновенно ясные глаза, въ которыхъ, несмотря на очень дурныя привычки, свѣтилась такая душевная прямота, такая чистота нравственная, что у Эли еще разъ сжалось сердце. Ночь наступила, и колоколъ прозвонилъ въ первый разъ къ обѣду. Три огня, бѣлый, красный и зеленый, сверкали блескомъ драгоцѣнныхъ камней на обоихъ бортахъ судна и на фокъ-мачтѣ. Эли почувствовала, какъ чья-то рука проскользнула подъ ея руку, — рука Андріаны Бонакорси, говорившей:

— Надо идти одѣваться, и такъ не хочется уходить...Такъ бы и промечтала здѣсь всю ночь...

— Да, правда, —отвѣтила баронесса и подумала:—«Хоть эта, по крайней мѣрѣ, счастлива по-настоящему»,—потомъ добавила:— Сегодняшнимъ обѣдомъ вы прощаетесь со вдовьею жизнью, надо явиться красавицей... Вы какъ будто встревожены?

— Думаю о братѣ,—сказала итальянка,— и мысль эта тяготитъ меня, какъ укоръ совѣсти. Думаю я и о Корансецѣ: онъ на годъ моложе меня, теперь это ничего не значитъ, а черезъ десять лѣтъ... Мнѣ страшно того, что ждетъ меня въ будущемъ...

«И она тоже, и она чувствуетъ угрозы судьбы, — повторяла про себя Эли, четверть часа спустя, въ то время, какъ горничная кончала причесывать ее въ почетной комнатѣ, рядомъ съ помѣщеніемъ, гдѣ покоилась статуя умершей дѣвушки.—До чего все это грустно! Никому нѣтъ пощады: несмотря на богатство и дѣятельность Марша, его гложитъ тоска и онъ не находитъ утѣшенія. Шези забавляются, какъ дѣти, подъ нависшею надъ ними страшною бѣдой. Андріана готовится выйти замужъ, а сама терзается угрызеніями совѣсти и всякими страхами. Флоранса не увѣрена въ томъ, что сдѣлается женой любимаго человѣка. Вотъ настоящая изнанка нашей прелестной прогулки по морю, вотъ истинное настроеніе людей, которымъ всѣ завидуютъ!... А Хотфейль и я, мы любимъ другъ друга, когда между нами стоитъ призракъ, котораго онъ не видитъ, а я слишкомъ хорошо вижу!... И завтра, послѣ завтра, черезъ нѣсколько недѣль, это будетъ уже не призракъ, а живой человѣкъ, который насъ увидитъ, я его увижу, и онъ заговоритъ, съ нимъ будетъ говорить!»...

Молодая женщина впадала все въ болѣе и болѣе меланхолическое настроеніе, когда садилась за обѣденный столъ, убранный множествомъ дорогихъ цвѣтовъ, любимою принадлежностью американской роскоши. Превосходныя орхидеи покрывали скатерть ковромъ самыхъ нѣжныхъ колеровъ, точно осѣвшій рой необычайно пестрыхъ насѣкомыхъ съ неподвижными крыльями. Другія орхидеи обвивали гирляндами канделябры и электрическую люстру, привѣшанную къ лакированному потолку. Среди такого обилія цвѣтовъ фантастическихъ формъ сверкалъ цѣлый рядъ серебряныхъ вещей чеканной работы временъ Людовика XIV, исторической личности, наиболѣе чтимой, послѣ Наполеона, демократомъ изъ Огіо: въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, Маршъ оказывался представителемъ одного изъ удивительныхъ противорѣчій своихъ соотечественниковъ. Обстановка столовой, мастерская ра-

сторопность слугъ, превосходство кушаній и винъ, роскошь женскихъ туалетовъ придавали обѣду характеръ высшей утонченности въ то время, какъ море, видное въ открытые иллюминаторы, сверкало, точно зеркало, подъ ласковымъ свѣтомъ только что взошедшей луны. Маршъ приказалъ замедлить ходъ, и шумъ винта доносился ослабленнымъ, чуть слышнымъ. По-истинѣ, такъ хорошо всѣмъ было, что каждый, несмотря на тайныя причины грусти или тревоги, поддавался очарованію этой феерін, и первымъ изъ всѣхъ—самъ хозяинъ яхты. Онъ посадилъ баронессу де-Карлсбергъ противъ себя, между Шези и Хотфейлемъ, чтобы самому сидѣть рядомъ съ мадамъ де-Шези. Онъ говорилъ съ нею, смотрѣлъ на нее дружескимъ взглядомъ, веселымъ и нѣжнымъ, въ которомъ свѣтились снисхожденіе и доброжелательство, и глубокая мечтательность. Маршъ рѣшилъ спасти молодую женщину отъ опасности, про которую неожиданно узналъ изъ финансовыхъ откровенностей Шези, и въ его душѣ сложилось такое настроеніе, будто опять онъ можетъ сдѣлать что-то для умершей, чье изваяніе покоилось въ слѣдующей комнатѣ, и это утишало все еще мучительную боль его отеческаго сердца. Онъ смѣялся тѣмъ пустякамъ, которыя болтала Ивонна, прелестная въ розовомъ туалетѣ, немного возбужденная шампанскимъ, свѣтлая струя котораго искрилась въ ея стаканѣ,—свѣтлая, одного оттѣнка съ ея волосами,—и еще болѣе оживленная сознаніемъ, что она нравится, сознаніемъ, наиболѣе опасно опьяняющимъ женщинъ. Миссъ Маршъ, сидѣвшая между нею и Шези, вся въ голубомъ, слушала сосѣда, говорившаго объ охотѣ,—единственномъ предметѣ, въ которомъ онъ былъ достаточно компетентенъ. Слушала она съ полнымъ вниманіемъ американки, не упускающей случая чему-либо научиться. Андріана Бонакорси молчала, но, какъ бы согрѣтые всею окружающею атмосферой, ея нѣжные голубые глаза улыбались думамъ, роившимся въ ея бѣлокурой головкѣ великолѣпной венеціанки. Она забывала все мрачное, чѣмъ могъ ей угрожать характеръ брата, и будущія невѣрности своего красавца жениха, и въ мечтахъ своихъ видѣла только глубокій ласкающій взглядъ, страстныя губы, изящныя движенія молодого человѣка, къ которому она уносилась тихо и спокойно, для того, чтобы черезъ нѣсколько часовъ стать его женой и имѣть право любить его, не страшась укоровъ совѣсти!

Могла ли баронесса Эли не поддаться заразительному забвенію, какъ бы разлитому въ этомъ воздухѣ? Съ нею опять былъ ея обожаемый, обворожительный другъ, былъ такъ близко отъ нея! Онъ смотрѣлъ на нее своими юными глазами, и въ нихъ она ви-

дѣла безграничное уваженіе, смѣшанное съ страстною любовью, удивительную робость, смѣшанную съ пламенными желаніями! Онъ говорилъ съ нею, говорилъ ей слова, которыя всѣ могли слышать, но такимъ голосомъ, какимъ говорилъ только съ нею, въ которомъ слышался трепетъ. Въ началѣ она отвѣчала ему, потомъ кончила тѣмъ, что смолкла. Изъ глубины существа ея поднималась волна страсти и все уничтожала, все заливала. Что значили всѣ страхи передъ будущимъ, всѣ раскаянія въ прошедшемъ, когда съ нею Пьеръ, и она видитъ, она чувствуетъ, какъ бьется его сердце, какъ дышетъ его грудь, какъ онъ живетъ любовью къ ней?...

Въ началѣ обѣда ихъ колѣни встрѣтились, но оба тотчасъ же отодвинули ихъ, устыдившись фамильярности, обусловливаемой не хорошимъ чувствомъ. Но въ двухъ существахъ, которыя любятъ другъ друга, таится сила, болѣе могучая, чѣмъ какой бы ни былъ стыдъ, настоящій или ложный, — сила, вынуждающая ихъ сближаться, обнимать другъ друга, расточать другъ другу ласки, столь вульгарныя, когда онѣ подготовлены и разсчитаны, и столь романтичныя, чарующія, когда онѣ искренны и одухотворены чувствомъ, незнающимъ границъ. Прошли минуты, и ноги ихъ очутились опять рядомъ подъ столомъ. Оба они взглянули другъ на друга, и у обоихъ не хватило духу отстраниться. Прошли еще минуты, и Хотфейль въ одной изъ фразъ сдѣлалъ имъ однимъ понятный намекъ на одну изъ ихъ нѣжныхъ прогулокъ въ Каннѣ. Эли почувствовала неодолимое желаніе отвѣтить ему лаской, и безсознательно, инстинктивно, высвободила ногу изъ маленькаго башмачка, тронула, сжала ею ногу молодого человѣка. И опять они взглянули другъ на друга. Онъ поблѣднѣлъ отъ этого прикосновенія... Какъ часто потомъ представлялась она такою въ его воспоминаніяхъ, и онъ все прощалъ ей, всѣ причиненныя ему ужасныя страданія, за красоту, которою она сіяла въ этотъ мигъ, за ея божественную красоту! Нѣгой подернулись ея глаза. Губы раскрылись и вдыхали воздухъ, точно она готова была лишиться чувствъ. Восхитительная обнаженная шея, безъ ожерелья, смѣло выдѣлялась изъ вырѣза чернаго платья, придававшаго особенную яркость матовой бѣлизнѣ ея тѣла, казавшагося нѣжнымъ, какъ лепестки цвѣтка. Въ темныхъ волосахъ, просто причесанныхъ, сверкалъ только одинъ камень, — рубинъ, красный и теплый, точно капля крови!

Да, Пьеръ часто вспоминалъ ее такою, какою видѣлъ ее за столомъ и позднѣе на палубѣ въ полусумракѣ звѣздной ночи, задумчиво облокотившеюся на бортъ, смотрящею на тихое море, и вслушивающеюся къ трепету и вздохамъ слегка вспѣненой воды —

смотрящею на небо, гдѣ холоднымъ блескомъ дрожали милліоны далекихъ свѣтилъ,— смотрящею на него потомъ и шепчущею ему:—«Я люблю тебя! О, какъ я люблю тебя».—Никакими обѣщаніями они не обмѣнялись. Онъ не просилъ ее отдаться ему, и, тѣмъ не менѣе,—такъ же вѣрно, какъ-то, что надъ ними звѣздный пологъ ночи, что подъ ними сладко дремлющее море,—онъ зналъ, что часъ насталъ, и это море, залитое луннымъ свѣтомъ, и это небо, горящее звѣздами, и ночь съ едва замѣтною бризой, были мистическими, торжественными свидѣтелями ихъ таинственной помолвки!... А за тѣмъ, еще позднѣе, когда всѣ уже спали на яхтѣ, и онъ проскользнулъ въ комнату Эли,—какія минуты, незабываемыя до смерти, пережилъ онъ, когда Эли обхватила его своими объятіями и прижала къ своему сердцу, не отпуская его до утра! Слабо пущенная лампа, прикрытая мягкимъ кружевомъ, едва освѣщала тотъ уголъ, гдѣ они покоились близко другъ къ другу,—какъ разъ настолько близко, чтобы опьяненный любовникъ могъ видѣть рядомъ съ своею головой, на той же подушкѣ, голову своей любовницы и ея глаза, ея чудные глаза, свѣтящіеся нѣгой и восторгомъ, среди темныхъ колецъ разсыпавшихся волосъ.—Оба молчали, какъ бы изнемогая подъ тяжестью слишкомъ сильныхъ волненій. И въ тиши волшебной ночи они слышали только свои же вздохи любви, мѣшающіеся съ мѣрнымъ и монотоннымъ дыханіемъ машины, съ ритмическими всплесками моря о борта корабля,—моря ласковаго, моря добраго, ихъ сообщника, укачивающаго, убаюкивающаго ихъ первые восторги счастья своею спокойною волной, подъ дивно-чистымъ небомъ,—въ ожиданіи страшной бури.

VI.

Il matrimonio segreto.

Было четыре часа утра, когда Пьеръ Хотфейль очутился въ своей каютѣ и ощущалъ онъ не ту печаль, слѣдующую за наслажденіями, о которой говоритъ извѣстная пословица, а охватило его настроеніе почти торжественное, — радостное и умиленное воодушевленіе, вызванное очарованною благодарностью за полное счастье, что для женщины служитъ вѣрнѣйшимъ доказательствомъ истинной любви. Онъ пытался уснуть и не могъ. Трепетъ блаженства отгонялъ дремоту, точно Пьеръ всѣмъ существомъ своимъ боялся утратить во снѣ сознаніе дѣйствительности, столь полно осуществившей его мечты, столь восхитительной и чудной, что передъ нею умъ его терялся. Когда стекла иллюминатора забѣлѣли первыми

лучами разсвѣта, Хотфейль всталъ и вышелъ на палубу. Дики Маршъ былъ уже тамъ и всматривался въ небо и море со вниманіемъ стараго моряка.

— Вы удивили меня,—сказалъ онъ молодому человѣку.— Много французовъ каталъ я на своей яхтѣ и вижу васъ перваго, поднявшимся въ такой ранній часъ, самый пріятный на морѣ... Вдохните эту бризу. Десять часовъ можно проработать безъ устали, сдѣлавши въ легкихъ такой запасъ кислорода... Меня небо немного безпокоитъ,—продолжалъ онъ.—Мы слишкомъ далеко ушли. До Генуи мы не доберемся ранѣе восьми часовъ и насъ успѣетъ хорошо покачать. Я рѣшительно не понимаю *яхтменовъ*, угощающихъ своихъ друзей прелестями морской болѣзни!.. Мы могли дойти до Генуи въ четыре часа времени, но я разсчелъ, что лучше дать вамъ поспать вдали отъ портового шума. Барометръ стоялъ очень высоко, и я рѣдко видалъ, чтобъ онъ падалъ такъ быстро...

На самомъ дѣлѣ небо, удивительно ясное въ теченіе цѣлаго дня и прошедшей ночи, начинало заволакиваться густыми клубами сѣрыхъ облаковъ, похожихъ на скалы. Изъ-за горизонта тянулись ряды другихъ такихъ же облаковъ, гнавшихся другъ за другомъ. Сквозь ихъ сгущающуюся сѣрую дымку едва просвѣчивало блѣдное солнце. Море не было уже такимъ неподвижнымъ и гладкимъ. Вода принимала свинцовый оттѣнокъ, теряла свою прозрачность, имѣла видъ тяжелый и угрожающій. Вѣтеръ крѣпчалъ и скоро понесся могучимъ дуновеніемъ надъ внезапно пробужденною гладью моря. Сперва пробѣжала по немъ громадная рябь, потомъ всколыхнулись на немъ тысячи все болѣе и болѣе углубляющихся складокъ, а за ними побѣжали безчисленныя короткія и прямыя волны, вскидывая гребнями бѣлые клочья пѣны.

— Вы хорошо переносите море? — спросилъ Маршъ Хотфейля.—Я, впрочемъ, ошибся: насъ покачаетъ не болѣе, какъ минутъ сорокъ, пятьдесятъ. Вѣтеръ попутный, и мы скоро будетъ подъ прикрытіемъ берега. Смотрите, вонъ маякъ Порто-Фино. Какъ обогнемъ мысъ, намъ уже нечего будетъ бояться.

Все море было покрыто кипящею массой пѣны, по которой яхта бѣжала безъ килевой качки, а лишь наклоняясь вправо и влѣво, какъ пловецъ, разсѣкающій волны. Впереди выдавалась полоса земли съ бѣлымъ маякомъ на оконечности, рядомъ съ развалинами монастыря. Блѣдная зелень оливокъ, среди которой пестрѣли виллы, покрывала мохнатою шапкой вершину мыса со скалистымъ основаніемъ, изрѣзаннымъ множествомъ мелкихъ западинъ. То былъ мысъ Порто-Фино, прославленный заключеніемъ въ плѣну

Франциска I послѣ Павіи. Яхта обогнула мысъ такъ близко отъ камней, что Хотфейль во все время этого маневра слышалъ удары волнъ о скалы. За мысомъ вода была опять неподвижна по всей линіи лигурійскаго побережья, тянущагося отъ Кіаппы и Камольи, черезъ Рекко, Нерви и Квинто до Генуи. На холмахъ, громоздящихся другъ на друга и составляющихъ начало предгорій Аппениновъ, зеленѣли фиги и каштаны, виднѣлись высокіе раскрашенные дома селеній и у самой воды пролегала узкая полоса земли. Вмѣстѣ взятое, это представляло видъ немного дикій и веселый въ то же время, что̀ на дѣльца и влюбленнаго произвело совершенно разныя впечатлѣнія, такъ какъ первый изъ нихъ проговорилъ презрительно:

— Они не сумѣли даже построить желѣзную дорогу въ два пути по этому берегу. Слишкомъ это мудреное дѣло для здѣшнихъ людей... На моей линіи въ Маріонвилѣ четыре пути, а тамъ пришлось не такіе тоннели дѣлать!...

— А здѣсь и это лишнее,— сказалъ Хотфейль, указывая на локомотивъ, медленно двигавшійся вдоль берега.— На что нужны новыя выдумки въ старыхъ краяхъ?... Какъ можете вы среди такой природы, на этой *ривьерѣ*, какъ тамъ, на своихъ берегахъ, думать о существованіи, полномъ борьбы и тяжелыхъ усилій? Нашъ Провансъ и Италія — оазисы среди вашихъ фабрикъ и заводовъ, такъ пощадите ихъ. Оставьте хоть какой нибудь уголокъ влюбленнымъ и поэтамъ, всѣмъ, желающимъ наслаждаться сладкими и безобидными волненіями и мечтающимъ объ уединеніи вдвоемъ на лонѣ природы... А, какъ хорошо это утро!...

И цѣлый день должна была остаться неизмѣнною экзальтація, по милости которой молодой человѣкъ отвѣчалъ лирическими фразами на дѣловыя соображенія американца, не чувствуя даже комизма такого контраста. Воодушевленіе Пьера еще болѣе усилилось, когда пассажиры *Женни* одинъ за другимъ вышли на палубу, и онъ опять увидалъ мадамъ де-Карлсбергъ немного поблѣднѣвшею, немного утомленною. Въ ея глазахъ свѣтилась нѣжность, смѣшанная съ тревогой, придающей особенную трогательность взгляду женщины на другой день послѣ того, какъ она сдѣлалась любовницей обожаемаго человѣка. Какъ смущена она въ ожиданіи встрѣчи съ нимъ, той минуты, когда по выраженію лица возлюбленнаго она узнаетъ участь своего счастья! То, что произошло, не было ли самымъ безповоротнымъ доказательствомъ ея любви, котораго наиболѣе желаетъ, наиболѣе добивается грубость мужчины и къ которому онъ относится съ наименьшимъ уваженіемъ? Что, если она уже не нужна ему въ то время, какъ для нея эта первая

и величайшая жертва есть лишь начало блаженства, первый шагъ въ таинственный міръ раздѣляемой страсти? Если онъ уважать ее перестанетъ за то, что въ жертву ему она принесла свой женскій стыдъ, за тѣ восторги, которые она испытала въ его объятіяхъ? Если на лицѣ его она прочтетъ самодовольное торжество мужчины, добившагося побѣды, когда она приближается къ нему съ неизъяснимою радостью въ сердцѣ и во взорахъ, съ восторженною покорностью въ голосѣ? И какая радость, какое новое наслажденіе для нея, когда она, какъ Эли де-Карлсбергъ, съ перваго взгляда убѣдится, что всѣ струны души возлюбленнаго звучатъ въ унисонъ съ ея душевнымъ настроеніемъ, что онъ такъ же деликатенъ, такъ же нѣженъ, такъ же влюбленъ, какъ наканунѣ! Эта тождественность волненій была для прелестной женщины такъ глубоко сладостна, такъ восхитительна, что Эли готова была упасть на колѣни передъ Пьеромъ, выразить ему свое обожаніе за то, что въ немъ она нашла осуществленіе всѣхъ своихъ желаній! И, сидя рядомъ съ нимъ, какъ наканунѣ, глядя на заливъ и на Геную «Великолѣпную», поднимающуюся изъ волнъ, Эли говорила:

— Такой же ты, какъ я?... Ты боялся и жаждалъ увидать меня, какъ я боялась и какъ мнѣ необходимо было тебя увидать? Не находилъ на тебя страхъ, какъ на меня, что насъ ждетъ скорая расплата за наше счастье? Не томила тебя боязнь катастрофы?... Когда я проснулась и увидала сумрачное небо и потемнѣвшее море, я вздрогнула отъ предчувствія какой-то бѣды, подумала, что все кончено и пересталъ ты быть моимъ повелителемъ Хорошей Погоды...—это нѣжное прозвище она дала ему на томъ основаніи, что, по ея увѣренію, небо становилось яснымъ всякій разъ, когда она назначала молодому человѣку свиданіе на прогулкѣ, и она продолжала ласково, любовно, увлекательно:—И какое счастье, послѣ всѣхъ этихъ страховъ, видѣть тебя такимъ же, какимъ ты покинулъ меня вчера... нѣтъ, не вчера, а сегодня утромъ!...

При напоминаніи о томъ, что они разстались всего лишь нѣсколько часовъ назадъ, въ улыбкѣ Эли было столько нѣги, граціи и сладострастія, что молодой человѣкъ взялъ край мантильи, которую она на себя накинула, и поднесъ его къ губамъ, рискуя, что замѣтить это могутъ супруги Шези и Дики Маршъ, приближавшіеся къ нимъ. На его счастье, американецъ и оба его собесѣдника не спускали глазъ съ чуднаго города, открывавшагося все съ большею ясностью. Въ полукругѣ горъ, за двумя гаванями и за цѣлымъ лѣсомъ мачтъ, громоздились безчисленныя массы домовъ, несоразмѣрно высокихъ, тѣснящихся другъ къ другу. Узкія ули-

цы, почти коридоры, прорѣзывали эти массы, пересѣкаясь подъ прямыми углами, а дома были окрашены когда-то яркими цвѣтами, теперь смытыми дождями и вылинявшими отъ солнца. И все-таки они давали понятіе о роскоши и прихотяхъ города, гдѣ террасы дворцовъ щеголяли рѣдкими растеніями и статуями. А по берегу на необозримое пространство тянулись виллы, то соединенныя въ селенія, въ цѣлыя предмѣстья, то раскиданныя по-одиночкѣ среди зелени садовъ. Дворцы, виллы, предмѣстья — всѣ ихъ Маршъ узнавалъ, глядя въ бинокль, который передавалъ потомъ Ивоннѣ и ея мужу, всѣ ихъ американецъ называлъ своимъ спутникамъ:

— Вотъ Санъ-Пьеръ д'Арена,— говорилъ онъ,— Корнильяно, Сестри, а тамъ вправо: Санъ-Франческо д'Альбара, Кварто, Квинто, Санъ-Маріо Лигуре, вилла Граполло, вилла Серра, вилла Кроче...

— О, командоръ, да у васъ оказывается въ распоряженіи еще одно ремесло на случай голода!—смѣялась мадамъ де-Шези.— Вы можете сдѣлаться морскимъ чичероне...

— А дѣло-то въ томъ,—отвѣтилъ Маршъ,—что если я вижу какую-либо мѣстность и не могу опредѣлить ее и назвать, то для меня это совершенно равносильно тому, какъ еслибъ я ничего не видалъ.

— Ну, мы съ вами не похожи другъ на друга!—воскликнулъ Шези.—Я во всю жизнь мою не могъ разобрать ни одной географической карты, и это ни чуть не помѣшало мнѣ путешествовать очень весело. Повѣрьте мнѣ, милѣйшій мой Дикъ, мы болѣе правы, чѣмъ вы: для такого дѣла на морѣ есть моряки, на сухомъ пути есть кучера.

Въ то время, какъ на передней части палубы произносились слова любви и слышались характерныя фразы, Флоранса Маршъ была у кормы озабочена тѣмъ, чтобы подбодрить какъ-нибудь Андріану Бонакорси. Будущая виконтеса де-Корансецъ стояла спиной къ Генуѣ и упорно смотрѣла на пѣнистый слѣдъ яхты.

— Теперь я убѣждена,—говорила маркиза,—что Генуя принесетъ мнѣ несчастье: *Genova prende e non rende,* какъ говорятъ у насъ.

— И возьметъ она у тебя имя Бонакорси, и не отдастъ его тебѣ, вотъ и все,—отвѣтила Флоранса,—и оправдается ваша пословица! У насъ въ Штатахъ есть другая пословица, которую часто повторялъ президентъ Линкольнъ. Хорошо ты сдѣлаешь, если порѣшишь разъ навсегда ея держаться, ты тѣмъ избавишься отъ своихъ терзаній. Пословица не очень изящна, въ особенности когда дѣло идетъ о замужствѣ, за то она выразительна: «*Don't trouble*

how to cross a mud-creek, befor you get there. Не растревоживайте себя тѣмъ, какъ перейти грязную лужу, прежде, чѣмъ подойдете къ ней».

— Но если лордъ Гербертъ измѣнилъ свой маршрутъ и *Далила* въ гавани съ моимъ братомъ? Если Шези захотятъ непремѣнно отправиться съ нами? Если въ послѣднюю минуту старый князь Фрегозо откажетъ въ капеллѣ, которую обѣщалъ?

— И если вдругъ Корансецъ скажетъ «нѣтъ» передъ алтаремъ?—прервала ее Флоранса.—И вдругъ сдѣлается землетрясеніе, и всѣ мы провалимся? Перестань, пожалуйста; *Далила* преспокойно бросила якорь на рейдѣ Кальви или въ Бастіи. Шези и дядя должны осмотрѣть пять или шесть яхтъ американскихъ и англійскихъ, и было бы безуміемъ предполагать, что они пожертвуютъ такимъ удовольствіемъ тому, что будто бы намѣрены дѣлать мы, то-есть ходить по музеямъ и церквамъ. Старый князь обѣщалъ капеллу донъ-Фортунато, съ какой же стати онъ вздумаетъ отказывать... тѣмъ болѣе, что они вмѣстѣ сидѣли въ тюрьмѣ въ 1859 г.? А у васъ, итальянцевъ, свято все, что имѣетъ какое-либо отношеніе къ *Risorgimento* *), ты это лучше меня знаешь. Я одного боюсь,—продолжала дѣвушка, весело смѣясь,—что этотъ князь Фрегозо продалъ лучшія картины своей галлереи и свои великолѣпнѣйшіе мраморы кому нибудь изъ моихъ соотечественниковъ. Эти корсары все грабятъ. И ихъ оправданіе въ томъ, что у нихъ есть не только деньги, но есть вкусъ и знанія. Повѣришь ли, что въ Маріонвилѣ въ школѣ учительница археологіи преподавала намъ исторію греческаго искусства до Фидія по фотографическимъ снимкамъ съ коллекціи Фрегозо?

— Ну, что!—говорила Флоранса Маршъ своей пріятельницѣ, два часа спустя.—Не права ли я была? Встрѣтила ты гдѣ-нибудь *mud-creek*?

Прибытіе въ Геную произошло такъ, какъ было предположено. Супруги Шези и Дики Маршъ направились къ флотиліи любительскихъ яхтъ, стоявшихъ близъ мола. Телеграмма Наварего, адресованная имъ сестрѣ и доставленная на *Женни,* сообщила о прибытіи *Далилы* въ корсиканскія воды. Наемное ландо увозило влюбленную маркизу, въ обществѣ Флорансы, баронессы де-Карлсбергъ и Пьера Хотфейля къ генуэзскому дворцу, гдѣ ихъ ждалъ Корансецъ. Экипажъ подвигался впередъ, взбираясь по узкимъ улицамъ, про-

*) *Risorgimento*—воскресеніе, въ данномъ случаѣ возстановленіе независимости Италіи.

ѣзжая мимо раскрашенныхъ фасадовъ мраморныхъ домовъ, колоннады которыхъ свидѣтельствовали вездѣ въ этомъ городѣ о богатствѣ коммерсантовъ, полувельможъ, полупиратовъ. Въ улицахъ, или, вѣрнѣе, въ коридорахъ, спускающихся къ порту, суетливо двигались толпы народа проворнаго, крикливаго, жестикулирующаго. Несмотря на очень холодный вѣтеръ, три женщины пожелали ѣхать въ открытомъ экипажѣ, чтобы любоваться толпой, пестротой нарядовъ, грандіозностью зданій. Когда миссъ Маршъ проговорила свою ободряющую фразу, маркиза улыбнулась, все еще тревожно, но съ счастливымъ выраженіемъ лица и отвѣтила:

— Правда, мнѣ уже не страшно, и я начинаю вѣрить, что вижу все это не во снѣ. Но еслибъ мнѣ сказали, что я съ вами троими буду ѣхать черезъ *Piazza delle Fontane Morose*, ѣхать за тѣмъ, за чѣмъ я ѣду... А, Боже Іисусе! Вѣдь, это Корансецъ! О, какъ онъ неостороженъ!...

Корансецъ, на самомъ дѣлѣ, стоялъ на углу знаменитой площади и старинной *Via Nuova*, нынѣ *Via Garibaldi*, улицы, гдѣ ученикъ Микель-Анжело, Галеасъ Алесси, выстроилъ одинъ за другимъ дворцы Камбіазо, Серра, Спинола, Доріа, Бриньоле-Сале и Фрегозо, образцовыя произведенія грандіозной архитектуры, въ достаточной мѣрѣ оправдывающей названіе «Великолѣпной», которое даютъ Генуѣ ея кичливые граждане! Хотя и вправду со стороны Корансеца было нѣкоторою неосторожностью показываться на улицахъ, гдѣ его могъ встрѣтить кто-нибудь изъ знакомыхъ путешественниковъ-французовъ, провансалецъ, все-таки, не выдержалъ. Онъ затѣялъ настолько серьезную игру, что нервность разъ въ жизни осилила разсудокъ въ южанинѣ, очень осмотрительномъ обыкновенно и способнымъ выжидать терпѣливо, по извѣстной пословицѣ, точно нарочно для него придуманной генуэзцами: «У кого терпѣнья хватитъ, тотъ по сантиму за штуку жирныхъ дроздовъ купитъ!» Онъ узналъ черезъ посыльнаго, что *Женни* вошла въ гавань, и вышелъ изъ палаццо, своего надежнаго убѣжища, чтобы скорѣе удостовѣриться въ прибытіи невѣсты. Когда онъ узналъ въ ландо роскошные свѣтлые волосы мадамъ Бонакорси, волна горячей крови пробѣжала по его жиламъ, и, весело, совсѣмъ по-юношески, не выжидая остановки экипажа, онъ вскочилъ на подножку. Быстро поцѣловавши руку невѣсты, поздоровавшись съ баронессой де-Карлсбергъ и миссъ Флорансой, наскоро поблагодаривши Хотфейля, онъ принялся разсказывать, съ своею неизмѣнною живостью, о томъ, какъ провелъ двѣ недѣли изгнанія.

— Мы успѣли сдѣлаться большими друзьями, донъ-Фортунато

Лагумина и я,—говорилъ Корансецъ.—Вы увидите, какой это милѣйшій и добрѣйшій человѣкъ! Не правда ли, маркиза?... Я уже для него—*figlio mio*!... Васъ онъ обожаетъ, Андріана, написалъ вамъ эпиталаму въ пятьдесятъ восемь строфъ!... И, все-таки, церковный бракъ безъ гражданскаго очень ему не легко совершить! Что бы сказалъ на это графъ Камиллъ Кавуръ, чьи портретъ и трость онъ хранитъ такъ благоговѣйно?... Его Кавуръ и его маркиза! А! Съ одной стороны маркиза, съ другой—Кавуръ!... Онъ предпочелъ маркизу, и это я понимаю! Но онъ не посмѣетъ взглянуть ни на трость, ни на портретъ до тѣхъ поръ, пока мы не исполнимъ всѣхъ постановленій итальянскаго закона. Я поклялся ему, что все это сдѣлается черезъ нѣсколько дней, и затѣмъ его успокоилъ князь Паоло. Вотъ это типъ!... Вы увидите его музей и въ музеѣ увидите то, что ему всего дороже!... Мы пріѣхали.

Ландо остановилось передъ высокою дверью дворца съ мраморнымъ перистилемъ, такимъ же, какъ у сосѣднихъ палаццо, раскрашеннымъ, какъ они же, яркими цвѣтами. На балюстрадѣ балкона перваго этажа красовался скульптурный гербъ съ тремя звѣздами рода Фрегозо, очень славнаго встарину по всему Средиземному морю, когда корабли Генуэзской республики тягались изъ-за владычества на морѣ съ пизанцами, венеціанцами, каталонцами, турцами и французами. Швейцаръ въ длинной ливреѣ съ гербовыми пуговицами, но покрытой пятнами, держа въ рукѣ громадную трость съ серебряною шишкой, провелъ гостей подъ своды сѣней, изъ которыхъ шла вверхъ широчайшая лѣстница. Въ глубинѣ зеленѣлъ внутренній садъ, засаженный апельсинными деревьями. Спѣлые плоды блестѣли золотомъ въ темной листвѣ, за которою былъ виденъ искусственный гротъ, уставленный гигантскими божествами. Нѣсколько саркофаговъ украшали этотъ входъ, гдѣ чувствовались великолѣпіе и обветшалость, столь обычная стариннымъ жилищамъ Италіи. По истертымъ ступенямъ монументальной лѣстницы сколько прошло поколѣній съ тѣхъ поръ, какъ геніальный декораторъ расписывалъ бѣлою краской по желтому фону впадины плафона! Сколько посѣтителей перебывало здѣсь изъ далекихъ колоній, съ которыми вела торговлю славная республика!... Но сомнѣнія не могло быть въ томъ, что въ теченіе трехъ вѣковъ не появлялось здѣсь такой компаніи, какъ теперь, составившейся изъ знатной венеціанской дамы, прибывшей изъ Каннъ на яхтѣ американца, чтобъ обвѣнчаться съ разорившимся провансальскимъ дворянчикомъ, и изъ молоденькой американки и австріачки, морганатической эрцгерцогини

ни, пріѣхавшей въ сопровожденіи любовника, француза самаго простого и самаго провинціальнаго происхожденія.

— Ты согласишься, вѣроятно, что моя свадьба не изъ очень заурядныхъ!—сказалъ Корансецъ Хотфейлю, слѣдя взглядомъ за тремя женщинами, шедшими впереди немного отставшихъ пріятелей.

Не видались они съ того утра, когда вмѣстѣ были съ визитомъ на яхтѣ американца. Хитрый провансалецъ за нѣсколько минутъ ихъ новой встрѣчи въ рукопожатіи и во взглядѣ Пьера почувствовалъ нѣкоторую его неловкость. На яхтѣ влюбленнаго ни чуть не смущало присутствіе миссъ Маршъ и маркизы, хотя онъ не сомнѣвался въ томъ, что имъ извѣстна его любовь; онъ угадывалъ, что онѣ относятся съ уваженіемъ къ его чувству. А проницательный взглядъ Корансеца вызвалъ въ Хотфейлѣ сразу непріятное ощущеніе. «Готово»,—подумалъ провансалецъ и подъ вліяніемъ легкомысленнаго инстинкта сообщничества, самъ счастливый, остался доволенъ счастьемъ пріятеля, самъ радостный, порадовался его радости. Добродушіемъ и лаской онъ постарался разогнать тѣнь недовѣрія со стороны Хотфейля, которое онъ смѣтилъ тотчасъ же своимъ безошибочнымъ тактомъ.

— Да, — говорилъ онъ, — эта лѣстница немного покрасивѣе лѣстницы меріи... и въ высшей степени пріятно идти по ней съ такимъ свидѣтелемъ, какъ ты! Я не знаю, что ждетъ насъ въ жизни, и не особенно расточителенъ на изъявленія дружбы, но помни, что ты можешь потребовать отъ меня, что̀ тебѣ вздумается послѣ того доказательства расположенія, которое ты мнѣ даешь. Да, да, милый мой... Я отлично тебя знаю! Очень многое должно было шокировать тебя во всей этой экспедиціи. И ты ни передъ чѣмъ не остановился ради стараго твоего друга, хотя онъ и не Оливье Дю-Пратъ... Не правда ли, что моя невѣста восхитительно хороша сегодня?—продолжалъ онъ.—Но, тш... тш... Вотъ старый князь самолично и съ нимъ донъ Фортунато... Смотри и слушай, сто̀итъ того...

На верхней площадкѣ лѣстницы, у двери высокой стеклянной галлереи, стояли два старика, и обоихъ ихъ можно было принять за двѣ фигуры, сошедшія съ одной изъ картинъ, на которыхъ Лонги удивительно легкою и вѣрною кистью воспроизводилъ типы старой Италіи. Одинъ изъ нихъ былъ аббатъ Легумина, тщедушный, маленькій, съ тонкими ногами скелета въ висящихъ на нихъ чулкахъ и штаникахъ; на его полугорбатомъ туловищѣ былъ надѣтъ длинный редингогъ клирика. Старикъ теръ руки одна о другую, не

переставая, изъ робости, и кивалъ головой, а лицо его было такъ тонко, такъ выразительно умно, что за этимъ выраженіемъ незамѣтнымъ становилось безобразіе чрезмѣрно длиннаго носа и ввалившагося беззубаго рта. Другой былъ князь Паоло Фрегозо, извѣстнѣйшій изъ потомковъ славнаго рода, подвиги котораго вписаны въ золотую книгу войнъ съ чужеземцами и въ бронзовую книгу генуэзскихъ междуусобицъ. Своимъ именемъ Паоло, наслѣдственнымъ въ семьѣ, князь былъ обязанъ легендарному воспоминанію о знаменитомъ кардиналѣ Фрегозо, который, будучи изгнанъ изъ города, долго свирѣпствовалъ на морѣ въ качествѣ пирата. Послѣдній изъ правнуковъ этого страннаго героя былъ настоящимъ великаномъ съ широкими плечами, съ черными и жгучими глазами; но его ноги и руки были изуродованы подагрой. Весь скрюченный, опираясь на палку съ каучуковымъ наконечникомъ, бѣдно одѣтый въ заношенную жакетку, князь Паоло имѣлъ, все-таки, видъ несомнѣннаго потомка дожей. Онъ говорилъ громкимъ груднымъ голосомъ, свидѣтельствовавшимъ о большой силѣ, сохранившейся до глубокой старости. Ему было семьдесятъ девять лѣтъ.

— Mesdames,— говорилъ онъ,—прошу извинить въ томъ, что не могъ сойти съ этой дьявольской лѣстницы и встрѣтить васъ, какъ то обязанъ былъ сдѣлать, и прошу еще не вѣрить эпиграммѣ, пущенной нашими врагами тосканцами: «Въ Генуѣ воздухъ безъ птицъ, море безъ рыбы, горы безъ лѣса, люди безъ уваженія»... Нашихъ птицъ вы видите,—онъ указалъ въ окно на чаекъ, носившихся надъ портомъ.— Если вы сдѣлаете мнѣ честь позавтракать со мною, надѣюсь доказать вамъ, что наши руже не уступаютъ ливорнскимъ. И, если позволите, мы сейчасъ же перейдемъ въ другую галлерею, гдѣ есть каминъ, а въ каминѣ есть дрова изъ лѣса при моей виллѣ, находящейся за Римскими воротами. При такомъ холодномъ вѣтрѣ намъ нуженъ огонь, нужно много огня въ этихъ большихъ залахъ, гдѣ наши отцы обходились однимъ *scaldino* *)... Первый знакъ уваженія—забота о здоровьѣ гостей! Баронесса, маркиза, миссъ Маршъ... — онъ раскланялся съ каждою изъ трехъ дамъ очень любезно и церемонно, хотя не зналъ ни одной изъ нихъ.— Аббатъ покажетъ вамъ дорогу, а я поплетусь слѣдомъ, какъ несчастный *gancio di mare*... Это уродливое и жалкое живот-ное французы называютъ крабомъ, messieurs,— обратился онъ въ заключеніе къ Корансецу и Хотфейлю, пропуская ихъ впередъ и медленно двигаясь за ними на искалѣченныхъ ногахъ до салона немного меньшихъ размѣровъ, чѣмъ галлерея.

*) *Scaldino* — жаровня, грѣлка.

Тамъ слабо вспыхивала и немилосердно дымила вязанка сырого хвороста въ дурно устроенномъ каминѣ. Но мозаика изъ дорогихъ мраморовъ покрывала полъ и весь потолокъ былъ расписанъ фресками, изображающими прибытіе Ганимеда на пиршество боговъ. Живопись была мастерская и изящная, краски сохранились свѣжими и блестящими, по красотѣ фигуръ, по необыкновенной причудливости пейзажа и архитектуры зданій, по языческой граціозности рисунка легко было узнать работу непосредственныхъ учениковъ Рафаэля. На стѣнахъ было повѣшено нѣсколько портретовъ, обличавшихъ съ перваго взгляда аристократическую манеру Ванъ-Дика. Подъ ними на полу стоялъ рядъ античныхъ статуй. Табуреты въ формѣ X, безъ спинокъ, когда-то золоченые, довершали убранство залы и ея сходство съ музеемъ, что вызвало восклицанія трехъ посѣтительницъ:

— О, какая прелесть! Сколько диковинъ!

— Смотри на князя, какъ онъ презрительно относится къ ихъ энтузіазму,— шепталъ Корансецъ Пьеру.— Рекомендую тебѣ послѣдить внимательно за этою комедіей. Я покидаю тебя и направляюсь къ невѣстѣ... Не пропускай ни словечка... останешься доволенъ.

— Вы находите это прекраснымъ, mesdames!—говорилъ князь баронессѣ Эли и миссъ Маршъ, стоя рядомъ съ ними, въ то время, какъ мадамъ Бонакорси и Корансецъ отошли въ сторону.—Да, плафонъ не дуренъ, въ своемъ родѣ. Его расписывалъ Жанъ д'Ундино... Фрегозо того времени, кардиналъ Паоло, завѣщавшій мнѣ свое имя триста лѣтъ назадъ, занимался морскими разбоями,— до полученія кардинальской шляпы, разумѣется,— и позавидовалъ фрескамъ Пьерино дель-Вага, дворца Доріа. Онъ выписалъ другого ученика Рафаэля, помогавшаго учителю въ его работахъ въ Ватиканѣ... Тутъ всѣ боги имѣютъ свою исторію. Вотъ этотъ Вакхъ— самъ кардиналъ, а Аполлонъ безъ намека на одежду, съ одною лирой въ рукѣ,— его викарій!... Не смущайтесь, донъ-Фортунато... А, онъ уже ушелъ готовиться къ мессѣ: meno male... Эти Ванъ-Дики, въ своемъ родѣ, тоже не дурны, и у нихъ есть своя исторія. Обратите вниманіе на эту даму, на эту красавицу съ тонкою и таинственною улыбкой. Въ рукѣ у нея красная гвоздика, ярко выдѣляющаяся на зеленомъ платьѣ... Теперь взгляните на этого молодого человѣка съ такою же улыбкой, въ костюмѣ изъ такой же зеленой матеріи, съ такимъ же цвѣткомъ въ рукѣ... Они приказали сдѣлать такіе портреты въ одинаковыхъ костюмахъ, потому что любили другъ друга. Молодой человѣкъ былъ Фрегозо, дама носила

фамилію Альфани, донна Марія Альфани... Происходило это въ отсутствіе мужа, бывшаго въ плѣну у алжирцевъ. Оба они думали, что онъ не вернется.... «*Chi non muori, si rivede*»,—говаривалъ кардиналъ,—«кто не умеръ, тѣ увидятся»... Мужъ вернулся и убилъ обоихъ. Семья спрятала ихъ портреты. Здѣсь я ихъ повѣсилъ...

На обоихъ портретахъ, вслѣдствіе долгаго пребыванія въ изгнаніи,—въ темной кладовой, краски сохраняли всю свою свѣжесть. Лица на нихъ смотрѣли на посѣтителей съ тѣми загадочными улыбками, о которыхъ говорилъ старый коллекціонеръ. Сладострастная и грѣховная прелесть была разлита въ глазахъ донны Маріи Альфани, въ пурпурѣ ея губъ, въ блѣдности щекъ, въ прическѣ темныхъ волосъ. Нѣжное лицо, подвижное и лукавое, было полно опасной, чарующей привлекательности. Страстная гордость счастливаго и дерзкаго любовника сверкала въ чертахъ молодого человѣка. Одинаковость цвѣта костюма, колера цвѣтовъ, которые были въ рукахъ у той и другой фигуры, одинаковость ихъ позъ, а также «письма» художника, казалось, и послѣ смерти продолжали ихъ преступную связь. То былъ какъ бы вызовъ мстителю, который могъ ихъ убить, но которому не удалось разлучить ихъ, такъ какъ они были опять вмѣстѣ, рядомъ на одной стѣнѣ, смѣло заявляли о своей близости, увѣковѣченной искусствомъ... Эли и Пьеръ невольно обмѣнялись взглядами живыхъ любовниковъ, встрѣчающихъ напоминаніе о давно исчезнувшихъ любовникахъ и необычайно живо чувствующихъ, по этому прикосновенію къ давно минувшему, непрочность собственнаго счастья. Впечатлѣніе это еще сильнѣе сказалось въ Эли отъ угрожающей пословицы кардинала-пирата: *chi non muore, si rivede,* заставившей молодую женщину опять вздрогнуть, какъ вздрогнула она на палубѣ яхты въ самую лучшую минуту наиболѣе пріятнаго для нея часа. Но отъ этого впечатлѣнія и отъ грусти, имъ навѣянной, нельзя было не очнуться, какъ отъ дурного сновидѣнія, услыхавши отвѣтъ миссъ Маршъ на объясненія генуэзскаго князя.

— Мой дядя дорого заплатилъ бы за эти два портрета,—сказала американка.—Знаете, онъ очень любитъ увозить съ собой всякіе пустяки такого рода, когда возвращается изъ Стараго Свѣта! Онъ называетъ ихъ своими *скальпами*... Но вы, вѣроятно, дорожите ими, князь? Это такія превосходныя произведенія искусства!

— Дорожу ими потому, что это фамильныя вещи,—сказалъ Фрегозо.—Но не профанируйте великаго слова «искусство»,—продолжалъ онъ торжественно.—Здѣсь и тамъ,—онъ указалъ на

потолокъ и на картины,— есть все, что вамъ угодно: блестящая декорація, интересныя исторіи, любопытные анекдоты, вѣрное изображеніе нравовъ, поучительная психологія... Но это не искусство... Искусства никогда и нигдѣ не существовало, кромѣ Греціи, запомните это, мадемуазель... да еще разъ въ новое время — у Данта Алигіери...

— Слѣдовательно, вы предпочитаете эти статуи вашимъ картинамъ? — спросила баронесса де-Карлсбергъ, забавляясь тономъ стараго князя.

— Эти статуи? — воскликнулъ хозяинъ дома, обводя глазами бѣлыя изваянія, разставленныя вдоль стѣнъ, и на лицѣ его отразилось глубочайшее презрѣніе.—Люди, покупавшіе ихъ, не имѣли ни малѣйшаго представленія о томъ, что такое греческое искусство. Смыслили они въ этомъ ровно столько же, сколько невѣжды, набивавшіе посредственностями Трибуну или Ватиканъ...

— Какъ?—удивилась мадамъ де-Карлсбергъ.—Вѣдь, въ Трибунѣ есть Венера Медичейская, а въ Ватиканѣ—Аполлонъ и Аріадна!

— Венера Медичейская!—выходилъ уже изъ себя Фрегозо.—Не говорите вы при мнѣ о Венерѣ Медичейской! Вотъ,—и онъ своимъ старческимъ изуродованнымъ подагрой пальцемъ указалъ на одну изъ статуй, — вотъ, узнаете вы вашу Венеру? Это та же тщедушная и жеманная фигура, тотъ же жестъ руки, тотъ же маленькій Амуръ у ея ногъ верхомъ на играющемъ дельфинѣ, и эта Венера, какъ и та, просто плохая копія, во вкусѣ римской эпохи, съ великаго произведенія Праксителя... Не поставите же вы у себя одну изъ репродукцій *Ночи,* какими биткомъ набиты лавки тосканскихъ мраморщиковъ... Все это копіи, повторяю вамъ, и съ копій копіи, и дѣлали ихъ ремесленники! Вотъ чѣмъ вы восхищаетесь во Флоренціи, въ Римѣ, въ Неаполѣ... Всѣ императоры и патриціи римскіе, изукрашавшіе свои виллы репродукціями съ образцовыхъ произведеній Греціи, были варвары, и оставили они вамъ въ наслѣдство только пародію на то, чѣмъ была Греція, настоящая Греція, которую видѣлъ Павзаній!... Эта Венера... да, вѣдь, это купающаяся дѣвчонка, прикрывающаяся изъ жеманства, изъ кокетства... Безстыдница она! Нѣтъ въ ней ничего общаго съ Анадіоменой, съ Афродитой, олицетворявшей собою всю силу міровой любви и храмъ которой былъ недоступенъ для мужчинъ... Нѣтъ въ ней ничего общаго съ богиней, которую называли Апострофія, предохранительница, къ которой обращались съ мольбами о ниспосланіи силы противустоять недозволительнымъ желаніямъ, о дарованіи смѣлости спасти Амура отъ униженій чувственности...

А вашъ Аполлонъ? Вотъ его тезка... Не правда ли, что онъ похожъ, какъ двѣ капли воды, на Бельведерскаго, которымъ восторгался Винкельманъ?... Это опять-таки римская копія съ мрамора Скопаса... Такой академическій красавчикъ не напоминаетъ даже грознаго бога Иліады, какимъ и теперь мы видимъ его на фронтонѣ Олимпіи. Тамъ это—воплощеніе свѣта, ужасающаго, убійственнаго, трагическаго... Въ немъ чувствуется близость Востока и Египта, всепожирающее могущество солнца, знойное дыханіе пустыни... А это что? Красивый молодчикъ, созданный на то, чтобъ услаждать досуги знатной дамы-развратницы въ потаенной комнатѣ, въ *venerio*, что сотнями показываютъ въ домахъ Помпеи... И нѣтъ ни одной оригинальной черты въ этихъ мраморахъ, нѣтъ ничего, обличающаго руку художника, а за рукою—глазъ, за глазомъ душу, за душою выдающагося человѣка—его отчизну, духъ народа, все то, что дѣлаетъ искусство великимъ и святымъ, божественнымъ цвѣткомъ въ жизни человѣчества!

Старикъ говорилъ съ необыкновеннымъ воодушевленіемъ. Порывъ благородной страсти преобразилъ его одряхлѣвшее лицо. И вдругъ опять надъ всѣмъ взялъ верхъ таившійся въ немъ забавный и добродушный чудакъ: его длинныя губы сложились въ потѣшную гримасу, искривленный палецъ грозилъ одной изъ статуй, въ которой легко было узнать Діану по ея колчану и на желтоватомъ лицѣ которой бѣлыя пятна обличали реставрацію. Старикъ говорилъ комически-грозно:

— И эти негодницы не въ полной сохранности даже! Все копіи, да еще подправленныя. Взгляните хоть вотъ на эту... Вѣдь, этой дряни слѣдовало бы отшибить такой носъ! А, хорошо!—добавилъ онъ, когда слуга настежъ отворилъ двойную дверь въ концѣ галлереи.—Доброму коню шпоры не нужны: донъ Фортунато уже готовъ.

И, подходя къ Андріанѣ Бонакорси, онъ сказалъ:

— Удостоитъ ли меня маркиза чести вести ее къ алтарю? Мои лѣта даютъ мнѣ право взять на себя роль отца, если же двигаюсь я тихо, вы ужъ простите,—бремя лѣтъ самое тяжелое изъ всѣхъ, какія приходится носить человѣку... И не волнуйтесь такъ,—тихо говорилъ добродушный старикъ, почувствовавши, какъ дрожитъ рука Андріаны,—я внимательно присматривался къ вашему Корансецу въ теченіе нѣсколькихъ дней: у него отличное и благородное сердце.

— Какъ же теперь,—обратился Корансецъ къ баронессѣ де-Карлсбергъ, предлагая ей руку, въ то время, какъ Флоранса Маршъ

взяла руку Хотфейля,—вы все еще будете насмѣхаться надъ хиромантіей и надъ моею линіей удачи? На моей свадьбѣ присутствуетъ баронесса Эли, и въ свадебномъ кортежѣ я иду съ нею подъ руку! Это ли не удача? И не удача развѣ, что во время скучной церемоніи развлекалъ баронессу такой оригиналъ, какъ нашъ хозяинъ?

— Ничего скучнаго я не вижу,—отвѣтила баронесса, смѣясь,—но, несомнѣнно, очень большая удача, что вы женитесь на Андріанѣ: она такъ хороша сегодня и такъ любитъ васъ!... Правда тоже, что князь не похожъ ни на кого. Отрадно видѣть такой пылкій энтузіазмъ въ человѣкѣ его лѣтъ. Когда итальянцы увлекаются какою-нибудь идеей, они любятъ ее, какъ влюбленные въ женщину, страстно, до обожанія. Благодаря такому обожанію, они воскресили свою отчизну.

— Вы этого не можете понять,—говорила тѣмъ временемъ миссъ Маршъ Хотфейлю,—вы уроженецъ старой страны, а для меня, жительницы города, которому немного больше лѣтъ, чѣмъ мнѣ самой, огромное наслажденіе осматривать такіе дворцы, какъ этотъ, гдѣ все говоритъ о далекомъ прошломъ.

— Увы, мадемуазель,—отвѣчалъ Хотфейль,—есть нѣчто болѣе тяжелое, чѣмъ жизнь въ совершенно новой странѣ, это жизнь въ такомъ краю, который хочетъ сдѣлаться во что бы то ни стало новымъ, когда онъ полонъ святыми памятниками прошлаго, своего славнаго прошлаго... которые безпощадно уничтожаются. И такимъ-то недугомъ Франція одержима уже сто лѣтъ.

— И такъ же точно безумствуетъ Италія въ послѣднія двадцать пять лѣтъ,—говорила американка.—А мы тутъ затѣмъ,—продолжала она весело,—чтобы все купить и все спасти... А, смотрите, что за чудная капелла!... И знаете, я готова пари держать, что эти фрески очутятся въ Маріонвилѣ или въ Чикаго...

И она указывала Пьеру на расписанныя стѣны домовой церкви, въ которую они вошли. Небольшая капелла, гдѣ, вѣроятно, въ былые годы служилъ кардиналъ-пиратъ, была изукрашена снизу до вершины свода обширною символическою композиціей работы одного изъ неизвѣстныхъ мастеровъ, встрѣчающихся на каждомъ шагу въ Италіи и которые были бы славны во всякой другой странѣ. Художникъ подъ вліяніемъ фресковъ Лоренцо Лотто въ одной изъ капеллъ Бергамо изобразилъ надъ алтаремъ Христа съ распростертыми руками. Отъ пальцевъ Спасителя исходили виноградныя лозы, разраставшіяся и тянувшіяся до самаго свода, покрытыя гроздіями. Лозы изгибались въ кольца, составлявшія съ каждой

стороны по пяти рамъ для изображеній святыхъ. Надъ головой Христа надпись: «*Ego sum vitis, vos palmites...*» *Я лоза винограда, вы ея вѣтви*,—пояснила смыслъ этой художественной фантазіи. По стѣнамъ и между колоннами были воспроизведены эпизоды изъ жизни святого Лоренцо, патрона генуэзскаго собора:—Децій убиваетъ императора Филиппа въ его палаткѣ;—юный сынъ убитаго императора передаетъ сокровища своего отца Сиксту для раздачи нищимъ;—Сикста ведутъ на казнь, за нимъ слѣдуетъ Лоренцо съ криками: «Куда идешь ты, отецъ, безъ твоего сына? Куда идешь ты, священникъ, безъ твоего дьякона?»—Лоренцо, въ свою очередь, получаетъ сокровища и отдаетъ ихъ на храненіе бѣдной вдовѣ;—Лоренцо въ тюрьмѣ обращаетъ въ христіанство караульнаго офицера;—Лоренцо въ садахъ Саллюстія, окруженный нищими, слѣпыми и хромыми, говоритъ Децію: «Вотъ сокровища церкви!»—Лоренцо въ огнѣ на раскаленномъ ложѣ... Живописность костюмовъ, причудливость архитектуры, роскошь пейзажа, широта письма и теплота тоновъ обличали вліяніе венеціанцевъ; но время успѣло ослабить, смягчить излишнюю яркость красокъ, ихъ чрезмѣрно горячіе тоны. Оно придало картинамъ легкость колорита старинныхъ ковровъ, дополнявшихъ обстановку бракосочетанія, совершавшагося въ старинной капеллѣ стараго дворца, у стараго генуэзскаго князя, старымъ священникомъ, противникомъ галликанства. Ультра-современный Корансецъ, на колѣняхъ рядомъ съ наслѣдницею дожей, передъ благославляющимъ ихъ дономъ Фортунато, среди великолѣпія XVI вѣка,—то былъ одинъ изъ парадоксовъ, возможныхъ только въ дѣйствительности и совершенно невѣроятныхъ! Такъ же невѣроятна была наивность искренняго почитателя графа Кавура, почтеннаго аббата, говорившаго жениху и невѣстѣ передъ вѣнчаніемъ маленькую рѣчь на французскомъ языкѣ, изъ особенной любезности къ иностранцу, за котораго выходила замужъ дорогая его сердцу маркиза.

— Благородная дама, благородный господинъ, я скажу вамъ всего лишь нѣсколько словъ... Птица безгласная не принесетъ доброй вѣсти... Вы, благородная дама, передъ Господомъ Богомъ сдѣлаетесь супругою этого благороднаго господина. Вы, благородный господинъ, передъ Господомъ Богомъ сдѣлаетесь супругомъ этой благородной дамы. Мнѣ кажется, что, благословляя союзъ знатнаго имени венеціанскаго и знатнаго имени французскаго, я лишній разъ призываю благословеніе Всемогущаго на союзъ двухъ странъ, долженствующихъ быть въ неизмѣнномъ сердечномъ единеніи: на союзъ нашей возлюбленной Италіи, благородная дама, и вашей прекрас-

ной Франціи, благородный господинъ... Италія подобна этому образу, написанному на стѣнѣ капеллы геніальнымъ художникомъ. Изъ Италіи, какъ изобильно-носящей лозы, исходятъ двѣ молодыя вѣтви латинскаго племени: гордая Испанія и блестящая Франція. Однимъ могучимъ сокомъ питаются эти три націи. Да будутъ же онѣ соединены когда-нибудь, какъ мать съ двумя дочерями, какъ соединены онѣ уже родствомъ языковъ, общностью религіи, какъ вы соединены будете, благородная дама и благородный господинъ, узами любви, никогда и ничѣмъ неразрушимыми. Да будетъ такъ!

— Слышалъ?—говорилъ Корансецъ, часъ спустя, Хотфейлю.

Богослуженіе было кончено, торжественное «да» произнесено обѣими сторонами, и завтракъ, за которымъ фигурировали руже, не уступающія ливорнскимъ, заключился тостами, смѣхомъ и чтеніемъ эпиталамы, усердно высиженной дономъ Фортунато. Вся компанія пила кофе въ галлереѣ. Корансецъ и Хотфейль разговаривали стоя у окна, около Діаны съ реставрированнымъ носомъ.

— Слышалъ, онъ обожаетъ меня, этотъ добрякъ аббатъ... Даже слишкомъ обожаетъ и возвеличиваетъ: я, правда, дворянскаго рода, но не такого ужъ знатнаго, какъ онъ говоритъ!... Соглашаясь обвѣнчать насъ тайно, онъ доказалъ Андріанѣ свою безграничную преданность. Онъ уменъ необыкновенно, давно уже оцѣнилъ по достоинству Наварего и предвидѣлъ для Андріаны огромныя бѣды въ будущемъ, если она не вырвется изъ своего рабства. Онъ тонкій дипломатъ, такъ какъ убѣдилъ своего стараго товарища по *carcero duro* *) предоставить въ наше распоряженіе его маленькую капеллу. И вотъ умъ, дипломатія, преданность— ничто не устояло въ итальянской душѣ передъ гордостью правомъ старшинства. Въ качествѣ друга графа Кавура, аббатъ долгомъ счелъ дать намъ почувствовать, что мы младшіе въ великой латинской семьѣ... Но въ данномъ случаѣ младшіе оказались ловчѣе старшихъ! И я простилъ дону Фортунато его высокомѣріе, какъ только представилъ себѣ, какую рожу сдѣлаетъ мой шуринъ, съ своимъ итальянскимъ старшинствомъ, когда ему предъявятъ бумажку, на которой ты сейчасъ подписалъ свое имя рядомъ съ именемъ князя... А если хочешь убѣдиться въ удачѣ Корансеца, то посмотри...

Онъ указалъ въ окно Пьеру Хотфейлю на небо, покрытое темными тучами, и на улицу, гдѣ бушевалъ вѣтеръ и прохожіе кутались въ плащи.

---

*) *Carcero duro*—тяжелое заключеніе въ тюрьмѣ.

— Не понимаешь?—продолжалъ Корансецъ.—Въ такую погоду вы не можете вернуться моремъ. Наши дамы будутъ вынуждены ночевать въ отелѣ... Не находишь ли ты, что восхитительно въ день своего законнаго брака имѣть тайное свиданіе съ женой, точно украдкой.

Пускаясь въ откровенности болѣе игриваго, чѣмъ матримоніальнаго характера, провансалецъ смотрѣлъ на пріятеля съ улыбкою полу-сообщничества. Этою улыбкой онъ говорилъ Хотфейлю: «И для тебя готовится ночь любви».—Пьеръ вспыхнулъ, какъ можетъ покраснѣть только молоденькая женщина на другой день брака отъ слишкомъ вольной шутки безцеремоннаго родственника. Къ счастью, новая виконтесса прервала ихъ разговоръ, подошедши къ нимъ подъ руку съ баронессой де-Карлсбергъ. Живою иллюстраціей къ сластолюбивымъ словамъ Корансеца являлись эти двѣ молодыя красавицы, нѣжныя и изящныя, безумно влюбленныя и приближающіяся къ двумъ молодымъ красавцамъ. Духъ язычества, до сихъ поръ вѣющій надъ Италіей, захватываетъ еще такъ глубоко и сильно, что трепетъ стыдливости, испытанный Пьеромъ, стихъ тотчасъ же подъ взглядомъ темныхъ глазъ его любовницы, блестѣвшихъ такою же нѣжностью, какою свѣтились голубые глаза венеціанки, устремленные на мужа.

— Вы за нами, вести насъ къ князю?—сказалъ Корансецъ.—Узнаю его,—не успокоится до тѣхъ поръ, пока не покажетъ своихъ сокровищъ.

— Правда, онъ зоветъ васъ,—отвѣтила Андріана.—Но за вами мы пришли для самихъ себя... Не слѣдовало бы мужу покидать жену черезъ часъ послѣ свадьбы, немножко рано.

— Да, это немного рано,—повторила Эли, и скрытое значеніе этихъ словъ, обращенныхъ, въ сущности, къ Хотфейлю, было сладко ему, какъ поцѣлуй.

— Исполнимъ желаніе князя... и принцессы,—проговорилъ онъ, осмѣливаясь поднести къ губамъ руку любимой женщины, какъ бы изъ шутливой любезности,—и пойдемте осматривать сокровища. Ты, вѣдь, знаешь ихъ?—спросилъ онъ пріятеля.

— Еще бы не знать!—отвѣтилъ южанинъ.—Я не успѣлъ пробыть здѣсь и получаса, какъ мнѣ показали всѣ диковины... Знаете,—онъ указалъ на Фрегозо, выходившаго изъ галлереи въ сопровожденіи миссъ Маршъ и дона Фортунато, причемъ провансалецъ похлопалъ себя по лбу:—у нашего хозяина одна пружинка соскочила... Сами увидите.

Вся «свадьба»,—говоря буржуазнымъ языкомъ южанина, ко-

торому аббатъ Легумина пожаловалъ «знатное имя, французское»,— слѣдомъ за Фрегозо направилась вверхъ по узкой лѣстницѣ, ведущей въ жилыя комнаты собирателя древностей. Онъ шелъ впереди всѣхъ, не желая никому уступить право быть вожакомъ. Какъ во всѣхъ итальянскихъ палатахъ, жилыя комнаты были настолько же малы, насколько пріемныя залы огромны и великолѣпны. И старый князь лично помѣщался въ четырехъ узкихъ комнатахъ, скудная меблировка которыхъ свидѣтельствовала о стоической неприхотливости хозяина, опьяненнаго химерами, равнодушнаго къ жизненнымъ удобствамъ, какъ и къ почестямъ. По стѣнамъ было размѣщено нѣсколько обломковъ, составлявшихъ истинный музей,—не болѣе двадцати или двадцати пяти рѣдкостей. На первый взглядъ, эта коллекція Фрегозо, знаменитая въ Европѣ и въ Америкѣ, могла показаться состоящею изъ безобразнаго хлама, самой грубой подделки, что на всѣхъ, не свѣдущихъ въ археологіи, должно было производить такое же впечатлѣніе, какое вынесъ отсюда Корансецъ. Весь отдавшись изученію античнаго искусства, Фрегозо кончилъ тѣмъ, что придавалъ цѣну только мраморамъ временъ, предшествовавшихъ Фидію, священнымъ остаткамъ VI вѣка, по которымъ познается первобытная и героическая Греція,—та Греція, что̀ остановила вторженіе Азіи единственною силой Духа, силою превосходства высшей расы, очутившейся лицомъ къ лицу съ низшими расами и ихъ безчисленными ордами. Сдѣлавшись самымъ страстнымъ археологомъ, бывшій когда-то самымъ дѣятельнымъ заговорщикомъ, генуэзскій князь жилъ теперь окруженный богами и героями далекой и недостаточно извѣстной Эллады... Едва послѣдній изъ гостей переступилъ порогъ первой комнаты, служившей князю курильною, какъ старый подагрикъ сразу помолодѣлъ, точно какимъ-то чудомъ. Его станъ выпрямился, ноги не такъ тяжело волочились по полу. Его «демонъ», какъ сказали бы милые его сердцу аѳиняне, завладѣлъ имъ, и старикъ пустился въ объясненіе своихъ рѣдкостей съ такимъ воодушевленіемъ, надъ которымъ уже нельзя было смѣяться. Отъ его пламенныхъ словъ оживалъ изуродованный мраморъ. Старикъ *видѣлъ* его такимъ, какимъ онъ былъ двѣ тысячи четыреста лѣтъ назадъ, и впечатлѣніе на присутствующихъ было такъ неотразимо сильно, что видѣли то же самое наиболѣе скептическіе изъ слушателей.

— Вотъ,—говорилъ онъ,—древнѣйшіе изъ скульптурныхъ изображеній. Это три статуи Геры, три Юноны, въ ихъ первобытныхъ формахъ: деревянные идолы воспроизведены въ камнѣ еще колеблющимся рѣзцомъ...

— Это *ксоанонъ*,—сказала миссъ Маршъ.

— А, вамъ извѣстенъ *ксоанонъ!*—воскликнулъ Фрегозо и съ этого мгновенья обращался уже только къ американкѣ.—Въ такомъ случаѣ, вы сумѣете понять красоту этихъ трехъ экземпляровъ. Равныхъ имъ нѣтъ нигдѣ... Ни делосскій, ни самосскій, ни съ Акрополя не стоятъ этихъ... Вглядитесь въ нихъ, вы видите самое зарожденіе жизни... На этой тѣло еще облечено въ покровъ, и въ какой покровъ!... Грубый, какъ сукно, похожее на войлокъ. И, однако, тѣло уже дышетъ: вотъ груди, бедра, икры... Потомъ одежда становится мягкой, какъ нѣжная ткань изъ тонкой шерсти, превращается въ длинную сорочку съ разрѣзомъ, не стѣсняющую движеній. Статуя оживаетъ, она идетъ... Полюбуйтесь полнотой этого торса подъ пеплумомъ, этою туникой, ниспадающею съ одной стороны вертикальными складками и расходящеюся вѣеромъ, съ другой,—этою позой богини, стоящей на правой ногѣ и выставившей лѣвую впередъ... Вотъ она двинется, она живая... О, Красота!... А эти Аполлоны!...

Онъ показывалъ, не имѣя уже силъ говорить отъ избытка восторга, три торса изъ побурѣвшаго камня безъ головъ, безъ рукъ, съ обломанными выше колѣнъ ногами.

— Не одного ли они типа съ найденными въ Орхоменѣ, въ Өерѣ и въ Тенеѣ?—спросила миссъ Маршъ.

— Именно! — крикнулъ князь, не помня себя отъ радости.— Это погребальныя изображенія, статуи умершихъ въ образѣ Аполлона... И находятся еще варвары, осмѣливающіеся увѣрять, будто греки заимствовали свое искусство отъ Египта и Месопотаміи! Да развѣ же египтянинъ, азіатъ имѣли какое - нибудь представленіе о такомъ изгибѣ, о подобной формѣ торса? Они умѣли дѣлать только сидячія фигуры, гіеротическихъ идоловъ, прилѣпленныхъ къ стѣнѣ... А эти бедра! Гомеръ разсказываетъ о прыжкахъ Ахилла въ пятьдесятъ пядей. Я тщательно изучалъ этотъ вопросъ: таковъ максимумъ прыжка тигра, и сказанное Гомеромъ кажется намъ невѣроятнымъ. Такъ вотъ вамъ ноги для подобныхъ прыжковъ, вотъ такіе мускулы нужны для этого. Все искусство въ этомъ: красота тѣла, способнаго дать красоту движеніямъ... *I moti divini*, говорилъ Леонардо. Отдайте эту энергію на службу городу, а самый городъ изобразите въ божествахъ, въ *его* божествахъ, передъ вами будетъ Греція...

— А у васъ есть Венеція, есть Флоренція, Сіенна, Генуя, вся Италія!—прервалъ его донъ Фортунато.

— Италія —слабая ученица Греціи,—проговорилъ торжествен ю

Фрегозо,—въ ней есть проблески великой Красоты, но нѣтъ самой великой Красоты!

Потомъ онъ сказалъ таинственно:

— Теперь надо закрыть ставни и спустить занавѣсы. Донъ Фортунато, не поможете ли?

Когда такимъ образомъ въ комнатѣ стало темно, старикъ подалъ аббату зажженную свѣчу, сдѣлалъ ему знакъ слѣдовать за собой и, подойдя къ мраморной головѣ, лежавшей на тумбѣ, проговорилъ вздрагивающимъ отъ волненія голосомъ:

— Ніобея Фидія!

Глазамъ трехъ женщинъ и двухъ молодыхъ людей представился, при слабомъ свѣтѣ свѣчи, совершенно безформенный обломокъ мрамора. Носъ былъ разбитъ, уничтоженъ, отъ глазъ едва слѣды остались. Значительной части прически не существовало. Случайно уцѣлѣли только нижняя губа и подбородокъ. На этотъ-то остатокъ рта и подбородка и направилъ свѣтъ донъ Фортунато, привыкшій къ ребяческимъ затѣямъ археолога.

— Какъ дивно живо и поразительно горестно выраженіе этого рта!—воскликнулъ Фрегозо.— И сколько могучей силы въ этомъ подбородкѣ!... Какъ ясно видны непоколебимость воли, гордость, вся энергія царицы, дерзнувшей оскорбить Латону!... А губы-то! Слышите вопль, вырывающійся изъ нихъ? Видете щеку?... По тому, что уцѣлѣло, можно представить ее себѣ. А носъ! Какую благородную форму сумѣлъ придать ему художникъ!... Смотрите!

Онъ взялъ въ руки голову, повернулъ ее подъ извѣстнымъ угломъ, вынулъ носовой платокъ и накинулъ его на тѣ части лба и прически, которыя были совершенно уничтожены.

— Вотъ она, вотъ линія носа!... Я вижу ее, я вижу слезы, текутъ онѣ, вотъ, вотъ...— онъ повернулъ голову другою стороной.—Вижу я ихъ... Ну, довольно!—закончилъ онъ, помолчавши немного и вздыхая.— Надо вернуться къ жизни, откроемъ ставни и занавѣски...

Когда дневной свѣтъ снова упалъ на безобразный обломокъ, Фрегозо вздохнулъ еще разъ, потомъ отыскалъ глазами другую головку, нѣсколько менѣе разрушенную, взялъ ее и съ поклономъ подалъ миссъ Маршъ, техническія познанія и вниманіе которой такъ пріятно затронули его манію.

— Мадемуазель,—сказалъ князь,—вы заслуживаете сдѣлаться собственницей фрагмента статуи, украшавшей Акрополь. Позвольте мнѣ предложить вамъ эту голову, найденную при послѣднихъ раскопкахъ... Обратите вниманіе на улыбку.

И голова, приподнятая руками старика, улыбалась на самомъ дѣлѣ волнующею улыбкой, чувственною и загадочною.

— Это эгинская улыбка, не такъ ли?—спросила американка.

— Такъ называютъ ее археологи,—отвѣтилъ князь,—по мраморамъ знаменитаго фронтона. Для меня же это — улыбка елисейская, выраженіе восторга, который неизмѣнно долженъ оживлять губы тѣхъ, кто вкушаетъ вѣчное блаженство, и тѣхъ избранниковъ, которымъ боги и богини ниспосылаютъ ее при жизни... Припомните стихъ Эсхила о Еленѣ. Въ немъ сполна опредѣленіе такой улыбки: *Душа ясная, какъ гладь морей*...

Около трехъ часовъ дня, послѣ фантастическаго вѣнчанія и еще болѣе фантастическаго посѣщенія музея, три дамы и Хотфейль очутились опять въ ландо, увозившемъ ихъ къ гавани, и всѣ четверо съ недоумѣніемъ смотрѣли другъ на друга, какъ бы удивленные тѣмъ, что опять ѣдутъ они по улицамъ полнымъ народа, между домами, въ нижнихъ этажахъ которыхъ открыты лавки, передъ стѣнами, залѣпленными афишами, среди шумной суеты современнаго города. Приблизительно такое же впечатлѣніе испытываешь, выйдя изъ театра, послѣ деннаго представленія, и попавши на тротуаръ при свѣтѣ солнца. Двухчасовое пребываніе въ театральной залѣ подъ блескомъ газа дѣлаетъ почти болѣзненнымъ слишкомъ быстрый переходъ къ обычной жизни. Андріана первая выразила вслухъ это ошеломляющее ощущеніе:

— Еслибъ не было у меня эпиталамы милѣйшаго дона Фортунато,—проговорила она, показывая маленькую брошюру, бывшую у нея въ рукѣ,—я подумала бы, что все это я видѣла во снѣ... Аббатъ передалъ ее мнѣ съ большими церемоніями и заявилъ, что его поэма отпечатана всего въ четырехъ экземплярахъ у типографа, печатавшаго прокламаціи Монина, нашего послѣдняго дожа. Одинъ экземпляръ назначался Корансецу, другой князю, третій самому аббату и вотъ этотъ мнѣ. Да, я рѣшительно подумала бы, что видѣла сонъ...

— И я тоже,— отозвалась Флоранса Маршъ,— еслибъ не такъ тяжела была эта мраморная головка,—и она приподняла странный подарокъ, которымъ почтилъ ее археологъ.— Боже мой, какъ бы хотѣлось мнѣ посмотрѣть этотъ музей безъ князя! Мнѣ начинаетъ казаться, что онъ всѣхъ насъ гипнотизировалъ и что безъ него мы ничего бы не увидали... Да, вотъ, хотя бы улыбка этой головки, мы сейчасъ ее видѣли, когда намъ показывалъ ее Фрегозо. Теперь и слѣда ея я не нахожу. А вы?

— И я тоже... И я... И я...—воскликнули Эли де Карлсбергъ, Андріана и Хотфейль.

— Я видѣлъ,—продолжалъ Пьеръ,—что на самомъ дѣлѣ плачетъ Ніобея, у которой нѣтъ ни глазъ, ни щекъ.

— А я видѣла,—сказала баронесса де Карлсбергъ,—какъ бѣжитъ Аполлонъ, у котораго нѣтъ и признака ногъ.

— Передо мной,— заявила Андріана,—дышала Юнона, у которой нѣтъ груди.

— Корансецъ предупреждалъ меня,—сказалъ Хотфейль,—что безъ Фрегозо его музей не что иное, какъ простой ворохъ камней, когда же старикъ его показываетъ, это — Олимпъ.

— Онъ вѣрующій и влюбленный,—отвѣтила баронесса Эли,— и въ эти нѣсколько часовъ, проведенныхъ съ нимъ, я узнала о Греціи много больше, чѣмъ за всѣ мои прогулки по Ватикану, по Капитолію и по Уффици. Мнѣ не жаль даже, что я не успѣла показать вамъ Красный Дворецъ *),—добавила она, обращаясь къ Хотфейлю,— и его Ванъ-Диковъ... Они очаровательны.

— Успѣете завтра,—сказала миссъ Маршъ.—Дядя отправится сегодня, я его знаю, а васъ всѣхъ оставитъ въ городѣ: *Женни* будетъ страшно качать въ морѣ, и дядя не можетъ допустить, чтобы кто-нибудь страдалъ на его яхтѣ. Посмотрите, какъ вода плещетъ даже въ портѣ... На морѣ это буря.

Ландо остановалось на набережной у того мѣста, гдѣ шлюпка съ яхты ждала пассажировъ. Небольшія волны разбивались о камни и пробѣгали по всему порту мелкою зыбью, слишкомъ слабою для того, чтобы раскачать крупные пароходы, стоящіе на якоряхъ, но порядочно покачивавшія суда для прогулокъ и для рыбной ловли. И какая разница была между этою сѣрою зыбью, замѣтной даже въ гавани, защищенной двумя молами, и неподвижнымъ сапфиромъ вчерашняго дня въ тотъ же часъ, на открытомъ рейдѣ Каннъ! Какая разница между небомъ, задернутымъ тучами, и вчерашнею лазурью, между пронзительностью сѣвернаго вѣтра и ароматнымъ дыханіемъ прошедшаго вечера!... Но никто этого не замѣчалъ, ни Флосси Маршъ, довольная тѣмъ, что увозитъ съ собою архаическій *скальпъ*, ни Андріана, счастливая перспективой ночи, которую ей предстояло провести въ городѣ съ мужемъ, которому она назначила свиданіе, точно любовнику. И Корансецъ не ошибся: пикантность тайнаго свиданія съ законнымъ супругомъ, послѣ романтическаго брака, доводила до безумнаго восхищенія влюбленную женщину,

*) Palazzo-Rosso.

въ первый разъ забывшую про своего страшнаго братца. Хотфейль и его любовница отдавались тоже сладкимъ мечтамъ о долгихъ часахъ ночи, которую они проведутъ вмѣстѣ. И молодой человѣкъ, оставшись позади другихъ съ Эли де-Карлсбергъ, весело и нѣжно говорилъ ей, пока они шли къ лодкѣ:

— Я начинаю вѣрить, что нашъ милый Корансецъ правъ, говоря о своей линіи удачи. Онъ, кажется, и другихъ заражаетъ удачами...

Въ ту минуту, какъ Эли отвѣчала улыбкой любви и обѣщаній, одинъ изъ матросовъ, стоявшій на набережной около шлюпки, подалъ миссъ Маршъ большой портфель. Это была почта, только что полученная имъ въ городѣ. Американка принялась разбирать пятнадцать или двадцать писемъ.

— Вотъ депеша вамъ, Хотфейль,—сказала она.

— Убѣжденъ, что вѣсти хорошія,—продолжалъ шутить Пьеръ.

Онъ разорвалъ желтую бумагу. Лицо его освѣтилось радостною улыбкой, и онъ подалъ телеграмму баронессѣ де-Карлсбергъ со словами:

— Какъ я сказалъ, такъ и есть!

Въ телеграммѣ значилось:

«*Покидаю Каиръ сегодня, прибуду Канны воскресенье, не позднѣе понедѣльника. Извѣщу депешей. Радъ тебя повидать.*— Оливье Дю-Пратъ».

М. Р.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КОРОВА.

(Разсказъ).

Горе любитъ заставать насъ врасплохъ. Такъ случилось и съ супругами Ступицыными. Цѣлыхъ пять дней провеселились они, переходя отъ однихъ добрыхъ знакомыхъ къ другимъ, въ одномъ изъ подмосковныхъ городковъ, куда собственно поѣхали навѣстить старушку-тетушку,—измучились, конечно, страшно,—и вотъ едва, наконецъ, добрались до своей уютной дачки и очутились передъ давно и страстно желаемыми постелями, какъ вдругъ ворвалась къ нимъ мамка и грубо, чисто по-мужицки, объявила, что съ ихъ первенцомъ, съ ихъ единственнымъ Кокошей что-то очень нехорошо.

Madame Ступицына, или какъ звали ее въ свѣтѣ, Катишь, такъ сразу вся и подсѣклась.

— Ахъ, ахъ!—залепетала она, всплескивая голыми, украшенными звенящими браслетами, руками. — Такъ я это и знала!... Такъ и предчувствовала! И какъ это, Господи, кажется, ни на минуту нельзя оставить домъ, чтобы не случилось несчастья?...

Monsieur Ступицынъ, какъ и слѣдуетъ мужчинѣ, отнесся къ непріятному извѣстію болѣе хладнокровно, а потому и болѣе основательно.

«Какъ это, прежде всего, не во-время»,—подумалъ онъ и, довольно рѣзкимъ жестомъ остановивъ жену, дѣловито обратился къ кормилицѣ:

— То-есть, что именно съ ребенкомъ? Чѣмъ вы находите его положеніе опаснымъ?

Мамка, на которой, какъ говорится, лица не было, отвѣчала, что ничего этого она не знаетъ, а что помираетъ младенецъ, да и все тутъ, и что такъ, дескать, и докторъ опредѣляетъ.

— Умираетъ?— воскликнула, хватаясь за сердце и прижима-

ясь къ стѣнкѣ, Катишь. — Умираетъ?!... Но развѣ это можетъ быть?

— И вы призывали доктора, и онъ дѣйствительно такъ сказалъ?—переспросилъ Ступицынъ.

— Ахъ ты, Господи! да, вѣдь, объясняютъ же вамъ... — закричала мамка и, прижавъ къ лицу передникъ, побѣжала изъ комнаты.

Супруги остались одни. Катишь, какъ прижалась въ своей пышной прическѣ и щегольскомъ корсетѣ, такъ и замерла.

— Пожалуйста, прежде всего, не распускайся ты,—говорилъ ей супругъ, стоя передъ ней и наблюдая, какъ она все ближе и ближе притискивалась бедромъ къ столику съ дорогою японскою вазой и почему-то не рѣшаясь указать ей на эту опасность. Въ сущности, по-своему онъ тоже растерялся не мало.

«Что же теперь, прежде всего, слѣдуетъ дѣлать, къ чему приступить?»—думалъ онъ, такъ и бросивъ на произволъ судьбы вазочку и переводя глаза на свои щегольскіе, слегка загрязненные въ дорогѣ, ногти. Отвѣта не находилось, и онъ невольно злился и на свою неумѣлость, и на безтактную мамку, и на нервность жены и главное—на самое, все это вызвавшее, происшествіе.

Секунды летѣли. Въ окно мягко ударила своею душистою кистью, разбуженная утреннимъ вѣтеркомъ, сирень. Гдѣ-то пропѣлъ пѣтухъ, за нимъ другой, третій.

— Борисъ, Борисъ!...—жалобно, совсѣмъ какъ-то по-дѣтски, застонала Катишь.—Что же?.. Какъ же теперь, а? Борисъ!...

Онъ вздрогнулъ, повелъ богатырскими плечами и, не отвѣчая, сѣлъ.

— Борисъ, скажи же... Я ничего не понимаю, — продолжала Катишь.—Какъ?... Что такое?... Откуда?... И... и, просто, съ какой это стати, наконецъ... Вѣдь, главное—такъ совершенно вдругъ, вдругъ... Былъ все такой розовенькій, веселенькій... Всѣ любовались... Конечно, я всегда говорила, что мамка не надежна. Да, и я бы давно отказала ей, но, ты самъ знаешь, ее рекомендовалъ самъ Пискаревъ. Кому же, кажется, и довѣряться, какъ не такой знаменитости... Нельзя же, наконецъ, не признавать никакихъ авто[illegible]тетовъ. Хотя нельзя же совершенно игнорировать и материнс[illegible] инстинктъ... А я всѣмъ говорила, но вы не хотѣли слушать... [illegible]кто не хотѣлъ... Напримѣръ, эта ея черствость, эта неблагод[illegible]ность... Я подарила ей эти чудныя янтарныя бусы... Мнѣ са[illegible] бы пригодились, но я, ради своего крошки, конечно, не пожал[illegible]

А она... И, кромѣ того, я вполнѣ убѣждена, что у нея есть любовники... Вы меня не слушали...

Языкъ ея развязался и болталъ самъ собой. Въ сущности, растерявшаяся женщина этою болтовней самое себя убаюкивала, опьяняла. Она слишкомъ испугалась, чтобы быть въ состояніи не только идти на бой съ причиной своего страха, но даже, чтобы, просто, вникнуть въ него. О, гдѣ тутъ вникать, когда Катишь, какъ и большинство подобныхъ ей, такъ называемыхъ, нервныхъ женщинъ, привыкли бояться, прежде всего, именно своего, своего личнаго страха.

— Какъ? такой ужасъ!... О, не говорите!—и онѣ сразу же зажмуриваютъ глаза, закрываютъ уши и стараются бѣжать, бѣжать, куда бы то ни было, но только дальше, дальше.

Итакъ въ повидимому совершенно безсмысленной болтовнѣ Катишь былъ вполнѣ опредѣленный смыслъ: слова вызывали образы, а ими, въ свою очередь, вызывались цѣлыя массы разнородныхъ ощущеньицъ, которыя, какъ вода разбавляетъ вино, разбавляли и глушили основное чувство. Къ тому же, какъ бы то ни было, но, какъ будто, и дѣло какое-то дѣялось, по крайней мѣрѣ, истинное бездѣйствіе не было ощутительно, и совѣсть молчала.

Мужъ все это понималъ. Зналъ онъ прекрасно и то, что что̀ бы тамъ, въ концѣ-концовъ, ни случилось съ ребенкомъ, но лично ему, прежде всего, предстоитъ цѣлая бездна хлопотъ по отношенію къ мамашѣ. На этомъ-то предвкушеніи, пока-что, и сосредоточивались всѣ его чувства. Злость его между тѣмъ, несмотря на его борьбу, все увеличивалась.

«И главное,—все думалось ему,—ужъ если нужно было случиться, то зачѣмъ именно теперь, когда и голова отъ усталости совершенно не работаетъ и спать, спать хочется до упаду».

Онъ, понурившись, скрестивъ на груди руки и вытянувъ свои длинныя ноги, сидѣлъ и упорно молчалъ. А жена шныряла мимо него по діагонали комнаты и трещала, какъ заведенная машина. Поворачивалась она, всякій разъ, почти у самыхъ его ногъ, причемъ отъ взмаха ея юбокъ въ лицо его дуло. Это особенно раздражало его. Но онъ крѣпился и молчалъ, такъ какъ предвидѣлъ, что разъ выразивъ свое неудовольствіе, ему уже трудно будетъ сдерживаться и дальше, а при встрѣчѣ отпора со стороны жены, слово за словомъ, между ними при общей ихъ возбужденности можетъ вспыхнуть такое супружеское объясненіе, какое при данныхъ обстоятельствахъ должно быть вещью совершенно невозможной.

«И это мать, мать,—думалъ онъ, искоса поглядывая на бѣ-

гающую Катишь.—Тамъ, говорятъ, умираетъ ея ребенокъ, а она... И, вѣдь, воображаетъ, что серьезно потрясена!... Эхъ, психопатка, психопатка!... Да и что тебѣ ребенокъ?... Случай далъ, случай беретъ назадъ. Не все ли равно? Желала ты, что ли, его, молила у Бога? Молила!»...

Ему припомнились ея отчаянье, ея проклятія при первомъ подозрѣніи въ зачатіи этого ребенка.

«Да,— продолжалъ онъ резонировать,— встрѣча была добрая, нечего сказать. Откуда же теперь это сожалѣніе? Нѣтъ, ужъ какая ты мать. Можетъ быть, и впрямь, ему лучше убраться вȯ-время».

Онъ дошелъ до послѣдняго въ переносѣ на жену и какъ бы въ осужденіе ей, но самъ въ глубинѣ души только-только еще не признавался, что ему лично исчезновеніе ребенка прямо-таки было бы желательнымъ.

«А! — внезапно оборвалъ онъ теченіе своей мысли. — Чтȯ бы тамъ ни было, такъ или иначе, но только бы поскорѣе все это кончалось».

— Катишь, — заговорилъ онъ, насколько могъ, ласковѣе,— все, что ты говоришь, это конечно вполнѣ справедливо. Но уже второй часъ... Ты такъ разстроена. Мнѣ кажется, тебѣ прежде всего слѣдуетъ прилечь отдохнуть, чтобы возстановить силы, а затѣмъ...

Но она не дала ему кончить.

— Какъ лечь?... Мнѣ лечь спать, когда тамъ... мой Кокоша... О, нѣтъ, ни за что... Я туда, я сейчасъ же туда, и сама, все, все сама... никого, никого не допущу! — она побѣжала и сейчасъ же остановилась.— Страшно, страшно,— зашептала она. — Что онъ? Каковъ онъ?! Но надо идти... надо, надо...

Она понукала себя и не двигалась. Источникъ страха, котораго она боялась, былъ, вѣдь, тамъ, въ этой дѣтской. Ея малютка смутно представлялся ей какимъ-то неузнаваемымъ страшилищемъ. Умирающихъ она вообще никогда еще не видѣла, но боялась ихъ «ужасно, ужасно». О, она бы, просто, убѣжала изъ дому. А сознаніе говорило, что необходимо быть въ дѣтской.

— Право, ложись себѣ,—сказалъ супругъ,—повѣрь, все, что возможно, сдѣлается и безъ тебя.

Она не отвѣчала. Внутренне она всѣми силами искала какого-нибудь прямого препятствія къ своему отправленію къ сыну или, по крайней мѣрѣ, задержки, хоть минутной задержки.

— Ахъ, да, что же это я, — нашла она эту задержку, — надо же хоть переодѣться.

И она тутъ же, даже не скрывшись за перегородку, стала совершать это переодѣваніе, торопясь изо всѣхъ силъ, торопясь и, въ то же время, медля.

Мужъ совершенно машинально поднялъ на нее глаза, взглянулъ, и что-то злобно подсказало ему, что слѣдуетъ отвернуться. И онъ злобно пересѣлъ къ окну и злобно же сталъ смотрѣть на свѣжую, окропленную росой, зелень.

На кладбищенскихъ крестахъ часто встрѣчается многознаменательная надпись: «Господи, да будетъ воля Твоя!»

Умеръ дорогой, безмѣрно любимый человѣкъ. Его другъ, братъ, мать долгое время не могутъ свыкнуться съ мыслью, что онъ утерянъ для нихъ на вѣки. Скорбь терзаетъ ихъ, сосетъ, душитъ; отчаянію ихъ нѣтъ предѣла. Но фактъ совершился,—ничто не можетъ воскресить усопшаго. Онъ мертвъ, и съ нимъ надо разстаться,—надо, надо: такъ требуетъ Высшая сила. Требуетъ: Господи, да будетъ же воля Твоя! Дойдетъ до этого сознанія человѣкъ, произнесетъ, склоняясь во прахъ, это неизбѣжное слово, и тихо отлетаетъ отъ него отчаяніе, и примиряется онъ съ неутѣшнымъ горемъ своимъ.

Такъ было и съ Катишь. Какъ ни страшенъ былъ ея страхъ, но отъ него нельзя было убѣжать, отбаяриться, нельзя было сдѣлать не существующимъ. Пришла она къ этому сознанію,—и вотъ, повиснувъ на рукѣ супруга, блѣдная, съ опущенною головой, съ полузакрытыми глазами, едва переступая ножками, но вошла-таки въ комнатку своего Кокоши. Все тихо. Комната полуосвѣщена. Узоры половика едва различаются и кажутся какими-то таинственными загадочными буквами. Шаговъ ихъ не слышно. Остановились...

— Дайте же свѣту,—говоритъ шепотомъ мужъ.

Чиркнула спичка, огонь разгорается. По простынкѣ свѣшивающейся черезъ край кроватки протягивается длинная, тонкая тѣнь. Тихо шелеститъ раздвигаемый кисейный пологъ. Катишь вся замираетъ, холодѣетъ. Ей нужно поднять голову, нагнуться и тогда она увидитъ. А глаза сами собой зажмуриваются. Такъ вотъ и кажется, что если она только увидитъ, увидитъ, то тутъ же и умретъ. Ей дурно, положительно дурно, даже тошнитъ.

— Борисъ,—шепчетъ она болѣзненно и судорожно вцѣпляется въ руку мужа.—Борисъ!... Боже мой, Боже!...

Она закрываетъ глаза, и вдругъ ее охватываетъ отъ этой внезапной тьмы такой ужасъ, что она сразу открываетъ снова глаза и сразу же устремляетъ ихъ во внутренность постели. Она смотритъ,

смотритъ, и ее начинаетъ охватывать какое-то радостное недоумѣніе. Ни тѣни никакого ужаса. Кокоша передъ ней, какъ Кокоша! Спитъ себѣ, утопая въ подушкѣ, какъ и обыкновенно. Та же скуластенькая мордашка, тотъ же беззубый полуоткрытый ротикъ, тѣ же выбившіеся изъ-подъ кружевного чепчика и прилипшіе къ головенкѣ мягкіе, какъ пухъ, волосенки. Вонъ и рученка та же самая, точно ниткой перевязанная около кисти. Вонъ даже эти смѣшные, слегка загрязненные ноготки.

Мать наклоняется ниже, всматривается. Развѣ только осунулся немного, да эта красноватая сыпка съ личика пропала. А въ общемъ опять какъ будто выросъ.

И этого-то она такъ боялась? Но говорятъ, что онъ боленъ, при смерти? Но какіе же признаки? Смерть такъ страшна, уродлива, а тутъ... да нѣтъ: Кокоша какъ Кокоша.

Она отрывается отъ кроватки, недоумѣвающе смотритъ вокругъ. Да, въ обстановкѣ, дѣйствительно, что-то есть страшноватое. Кормилица, въ какомъ-то старомъ, измятомъ сарафанишкѣ, стоитъ, застывъ въ излюбленной бабьей позѣ,—уронивъ голову на подпертую одна другою руку,—и Богъ ее вѣдаетъ, что съ ней: задумалась ли, окаменѣла ли въ ожиданіи какого-то страшнаго удара или, просто, задремала себѣ, стоя, какъ лошадь. У освѣщеннаго кіота, лицомъ къ нему, зачѣмъ-то стоитъ кухарка, въ рукахъ ея тонкая восковая свѣчка, она что-то шепчетъ.

Да, это все въ самомъ дѣлѣ страшно, ужасно страшно, а онъ... И снова Катишь обращаетъ глаза на своего ребенка, и снова, кажется ей, что онъ вполнѣ нормаленъ.

— Кокоша—хочется ей назвать его, но она не смѣетъ.

— Мамка,—тихо обращается она къ кормилицѣ.

Та поднимаетъ свое заплаканное, съ отвисшею нижнею губой, лицо.—Ась?

— Я, право, не вижу ничего особеннаго... А? Мамка, можетъ быть, прошло?

— Это чего же?—недоумѣваетъ кормилица.

— Да съ Кокошечкой? а?... Ты посмотри.

Лицо кормилицы передергивается презрительною и, вмѣстѣ ь тѣмъ, злою улыбкой.

— Да нешто не видите,—говоритъ она,—дышетъ-то какъ: е продыхнетъ... А хрипота опять... Душитъ, душитъ его, андел -ка... А жаръ-то, руки не приложишь.

Катишь прислушивается къ дыханію ребенка.—Да, какъ бу о есть и хрипота, и грудка, какъ будто, вздымается слишкомъ -

ровно и часто,—но кто же ихъ, этихъ малютокъ, разберетъ,—можетъ быть у нихъ это такъ и слѣдуетъ. Тоже и жаръ... всѣ они всегда такіе тепленькіе.

Вдругъ съ ребенкомъ начался припадокъ. Болѣзнь проявилась слишкомъ ясно. Катишь заметалась, всплеснула руками, стала умоляюще смотрѣть на мамку, на мужа, наконецъ зажмурилась.

— Лѣкарства, лѣкарства... Ты бы ему лѣкарства какого-нибудь...—въ то же время залепетала она.

Мамка склонилась къ больному. Тотъ захрипѣлъ трудно, захлебываясь. Катишь бросилась къ кроваткѣ, увидѣла закатившіеся бѣлки, широко открытый, подергивающійся ротикъ, и вдругъ судорожно вцѣпилась въ край мягкой кроватки, качнула ее разъ, другой, третій и, пронзительно завизжавъ, стала опрокидываться назадъ. Еще бы мгновеніе и все это: и обезумѣвшая мать, и хорошенькая игрушка-кроватка, и умиравшій въ ней ребенокъ полетѣли бы на полъ. Но мамка и мужъ отстранили бѣду.

— Ко-ко-ко-ко...—совсѣмъ какъ-то не то по-куриному, не то по-звѣриному продолжала кричать молодая женщина, всѣмъ тѣломъ прижимаясь къ подхватившему ее на руки и уносившему отъ этихъ ужасовъ мужу.

Несчастную раздѣли, уложили въ постель, голову смочили водой съ одеколономъ, дали лавровишневыхъ капель. Она металась и твердила все одно и тоже: нѣтъ, нѣтъ, я не переживу, не переживу... я сама, сама умру раньше его. Ахъ, сердце, грудь!... Доктора!... Ради Бога, спасите!... спасите... Мой мальчикъ, мой Коко... Коко... эти бѣлки, бѣлки... Докторъ... Борисъ!.. Дуняша!

Молодой, угрюмаго вида врачъ, тотъ самый, который былъ уже у Кокоши, къ новой паціенткѣ относился далеко безъ должнаго вниманія.

— Ну, что, что вамъ?... Пустяки, лежите себѣ смирно,—сухо отвѣчалъ онъ на ея умоляющіе вопли и, шепнувъ два-три слова сидѣвшему около постели мужу, поспѣшно уходилъ въ дѣтскую.

— И какой это докторъ... Это варваръ какой-то... Онъ нарочно, нарочно всѣхъ насъ отравитъ,—напутствовала его больная.

— Перестань, перестань... молчи,—говорилъ ей мужъ. Докторъ и на него производилъ впечатлѣніе непріятное: прежде всего ему было передъ нимъ какъ-то стыдно—и за эти женины истерики и за все, вообще, что теперь происходило въ его квартирѣ. Нетерпѣніе и досада все еще не оставляли его. Онъ, то вцѣпясь обѣими руками въ свои густые, коротко остриженные волосы и упорно впившись глазами въ полъ, сидѣлъ подлѣ жены; то вста-

валъ, тихою, задерживаемою походкой выходилъ въ дѣтскую и, остановившись подлѣ кроватки, тупо смотрѣлъ въ такъ мало знакомое ему и теперь искаженное страданіемъ ребячье личико.

— Какъ это глупо, какъ глупо,—думалось ему.—Зачѣмъ-то появился на свѣтъ, зачѣмъ-то умираетъ... Какая безсмысленность, какая злая и глупая насмѣшка!—И въ то же время на днѣ души его, вопреки его волѣ, все шипѣло и шипѣло какое-то глухое, мертвое, самому ему непонятное и ненавистное чувство:—Я-то, я-то причемъ же? Я чѣмъ виноватъ?

Съ пріѣзда Ступицыныхъ домой прошло уже болѣе четырехъ часовъ. На дворѣ сіяло великолѣпное утро. Надъ окномъ спальни весело болтали скворцы. Катишь выбилась изъ послѣднихъ силъ и стала забываться. Но такъ какъ ей было страшно заснуть въ такомъ тяжеломъ настроеніи, то она полегоньку стала освобождаться отъ него. Мысль сказала ей, что надо надѣяться до послѣдняго, что ошибаются и не такіе врачи, какъ этотъ мужиченокъ, что «никто, какъ Богъ» и т. д.—и сердце ея стало разнѣживаться. Явилась и надежда, и вѣра. Несомнѣнно, что бодрость и задорно-веселый свистъ скворцовъ также не мало содѣйствовали ея душевному успокоенію.

Она разнѣжилась и, смежая глазки, шептала по-дѣтски:

— Нѣтъ, нѣтъ, все это пройдетъ... Это не можетъ случиться... Я не докторъ, но за то я мать... О, я увѣрена, что, вотъ, проснемся мы завтра, и Кокоша будетъ совсѣмъ, или почти совсѣмъ, здоровъ... Да, а тамъ и совершенно поправится... И опять будетъ прыгать на рукахъ у мамки... знаете, когда она его подбрасываетъ?... О, какой онъ потѣшный при этомъ!... Хохочетъ, а самъ—разъ—такъ и взлетаетъ... Только ноженки мелькаютъ, да открывается эта его розовенькая, пухленькая... Ахъ, какая она у него душка—нѣжная, атласная... прелесть... И Катишь уснула.

Четверть часа спустя заснулъ и обладатель этой розовенькой и пухлой прелести. Не такъ сладко и покойно, какъ его несчастная мать, но за то надолго...

Ступицыну о послѣднемъ сообщилъ самъ докторъ, столкнувшись съ нимъ въ коридорѣ. Такой быстрой развязки тотъ уже никакъ не ожидалъ.

— Скончался?—переспросилъ онъ и поймалъ себя на томъ, что едва не прибавилъ: какъ, совсѣмъ?

Оба прошли въ кабинетъ.

— Вы, такъ сказать, констатируете смерть?—дѣловито спросилъ Ступицынъ.

— Констатирую. И если угодно, могу и на бумагѣ.

— А это нужно?

— Да нѣтъ, похоронятъ и такъ. Честь имѣю кланяться.

Ступицынъ медлилъ пожать протянутую руку. Онъ соображалъ, не нужно ли ему еще какихъ-нибудь свѣдѣній.

— Да, вспомнилъ: чѣмъ же, собственно, былъ боленъ ребенокъ?

Врачъ опредѣлилъ.

— И такой быстрый исходъ?

— Много ли имъ нужно. Впрочемъ, и запущена была болѣзнь очень сильно.

— Да?... Это всегда такъ бываетъ, когда мать не кормитъ. Pardon!...—Ступицынъ отвернулся и сталъ искать въ бумажникѣ десятирублевую. Та не давалась.

Докторъ забарабанилъ пальцами о спинку кресла.

— А съ мамками одно наказаніе,—тянулъ Ступицынъ,—одно наказ... Итакъ, до свиданія!

— Самый безпардонный народецъ! Прощайте-съ,—громко сказалъ врачъ и, ощутивъ въ рукѣ бумажку, прибавилъ еще громче:—премного обязанъ.

— Нахалъ,—мысленно послалъ ему вслѣдъ Ступицынъ.

«Итакъ, съ этимъ счеты сведены,—сталъ онъ думать, оставшись одинъ,—съ этимъ покончено, теперь остается та... Слезы, истерики, доктора... Брр!...»

Его передернуло. «Ахъ какъ бы все это поскорѣе, поскорѣе!—Онъ замахалъ руками, какъ бы что-то смахивая, стирая, и заходилъ по комнатѣ. Минуты черезъ двѣ онъ посмотрѣлъ на часы.—Половина пятаго? Вполнѣ успѣетъ».

Онъ сѣлъ къ письменному столу, разодралъ на двѣ части почтовый листокъ, набросалъ на каждой по нѣскольку строкъ и позвонилъ.

— Двѣ телеграммы,—сказалъ онъ явившейся Дуняшѣ,—послать немедля.—Лягу я здѣсь, не раздѣваясь. Разбудить въ половинѣ девятаго. Тамъ ужъ вы присмотрите.

— Будьте покойны.

Ступицынъ снова принялся писать.

— Да,—продолжалъ онъ въ то же время.—А теперь позовите мнѣ дворника.

— Дворника-съ?

— Да, да, пусть войдетъ сюда.

«Такъ,—думалось ему вслѣдъ за этимъ,—Горлевъ какъ нель-

зя лучше отвлечетъ ее отъ ея горя, но чтобы отвлеченіе это не заходило уже черезчуръ, то же, въ свою очередь, для отвлеченія, будетъ имѣться и Nadine. Превосходная идея!»

Скрипнула дверь. На порогѣ появилась рослая, военной выправки, фигура дворника.

Ступицынъ дописалъ, уложилъ написанное въ конвертъ и началъ:

— Вотъ что, любезный: малый ты, я знаю, разсудительный, и потому я рѣшаюсь поручить тебѣ слѣдующее дѣльце.

— Рады стараться.

— Вотъ это письмецо отнеси ты мнѣ къ священнику ближайшей церкви.

— Къ приходскому, значитъ?

— Ну, да, хоть къ приходскому. Пусть передадутъ ему, только что встанетъ. Въ письмѣ все объяснено, но, на всякій случай, передай тамъ и на словахъ.

— Это ужъ дьячку, видно?

— Ну, дьячку, пономарю, или еще тамъ какому-нибудь чорту. Однимъ словомъ, чтобы можно было похоронить какъ можно раньше, и не позже одиннадцати ни въ какомъ случаѣ. Понялъ?

— Такъ точно. Развѣ на счетъ могилки затруднятся.

— Скажи, что заплатятъ, не поскупятся, молъ. Потому, молъ, совершенно необходимо. Да скажи еще, что если это только возможно, чтобы ни съ чѣмъ не являлись на домъ.

— Это они могутъ.

— Да? Ну, и прекрасно. А теперь, вотъ, на счетъ гроба. Есть тутъ какой нибудь гробовщикъ?

— Плохенькій есть.

— Превосходно. Такъ выбери ты у него гробикъ, такъ, чтобы для Кокоши годился. Знаешь, вѣдь, его ростъ?

— Какъ не знать, царство имъ небесное, четвертей онъ трехъ будетъ.

— Ну, вотъ. Гробикъ бери, не скупясь, приличный. Однако, ужъ не очень.—Ступицынъ судорожно зѣвнулъ и хрустнулъ пальцами.—Ну, все кажется?

Оба помолчали.

— Да, все. Ну, ступай себѣ. Исполнишь все хорошо,—ты знаешь меня.

— Ради стараться!

Молодчина повернулся на каблукахъ и вышелъ.

«Въ сущности, все это очень просто,—подумалъ Ступицынъ.—

Да, а теперь спать, спать, спать!»—И онъ даже весь затрясся отъ превкушенія этого блаженства.

Часа черезъ три Дуняша разбудила его и шепотомъ объявила, что все исполнено по его приказанію: гробикъ принесенъ, и священникъ ожидаетъ его къ десяти часамъ.

— Хорошо, — сказалъ онъ, почесываясь обѣими руками и капризно хмурясь.—Ну, а тамъ—ничего?

— Слава Богу-съ. Умыться сюда прикажете подать?

— Сюда. Да кофе поскорѣе.

Онъ еще далеко не выспался. Чувствовалась непріятная нервная дрожь.

«Похороны,—смутно думалось ему,—похороны. Нечего сказать, интересное занятіе. Ничего я этого никогда не зналъ — и вдругъ. И ерунда, ерунда-то все, главное, какая! Съ какой-то стати забеременѣла. Эти всякіе капризы, ревность; потомъ роды со всѣми ихъ прелестями; потомъ этотъ кричащій на весь домъ кусокъ мяса. И все это, въ концѣ-концовъ, для того, чтобы произвести эту нелѣпую операцію, эти похороны. Нѣтъ, madame, только попробуйте еще, — да я прямо сбѣгу. Grand merci, — ну, васъ совсѣмъ и съ вашими прелестями! Безъ васъ найдется, сколько угодно, была бы охота.

Вошла съ умывальникомъ Дуняша. Онъ засучилъ рукава, взялъ мыло и, смотря на свои волосатыя руки, склонился надъ тазомъ. Вода брызнула, полилась. Острымъ холодкомъ охватило его руки, вспотѣвшее лицо, слегка чесавшуюся голову. И вотъ, сна какъ не бывало. Бодрость такъ и разлилась по всѣмъ членамъ.

Утираясь затѣмъ расшитымъ полотенцемъ, баринъ искоса, сверху внизъ, посмотрѣлъ на бюстъ горничной, теперь, вопреки обыкновенію, не стянутый корсетомъ.

«М-м...—говорилъ онъ про себя,—премилая лѣпка и, притомъ, кто бы подумалъ, совершенно дѣвической формы».

— Кофе поскорѣе давайте,—строго сказалъ онъ вслухъ.

Войдя въ дѣтскую, онъ съ полминуты посмотрѣлъ въ блѣдное восковое лицо покойника.

«Моя плоть, моя кровь, — подумалось ему. — Да, а, все-таки, надо хоронить».

Мамка освѣдомилась, не прикажетъ ли онъ разбудить барыню. Онъ отвѣчалъ отрицательно и, выйдя на балконъ, всею грудью сталъ вдыхать свѣжій ароматный воздухъ. Вскорѣ съ подносомъ въ рукахъ явилась туда и Дуняша.

— Ну-съ, Дуняша, — началъ онъ, отвѣдавъ кофе и найдя его

вкуснымъ,—я на это время оставлю домъ на васъ. Барыня пускай спитъ. Понимаете?—Отрѣзалъ горячаго калача и сталъ намазывать его масломъ.—Если она проснется и будетъ спрашивать, скажите, что ребенку гораздо лучше, а я... я,—ну, хотя бы ушелъ по совершенно неотложному дѣлу и скоро вернусь. Ну-съ,—онъ аппетитно пожевалъ, проглотилъ и прихлебнулъ кофе.—И скажите вы ей, что докторъ нашелъ ее очень нехорошей и велитъ ей лежать въ постели. Понимаете?

Калачъ опять прервалъ его рѣчь.

Дуняша слушала внимательно, слегка кивая головой. Мысль внушенія барынѣ ея мнимой болѣзни, очевидно, ей очень понравилась.

— Если барыня станетъ просить принести ребенка къ ней, сказать, что спитъ и докторъ, главное, все докторъ, запретилъ его тревожить. Затѣмъ, что же еще затѣмъ?...

И, разумѣется, баринъ принялся за новый кусокъ калача.

— А если гости пріѣдутъ?—подсказала горничная.

— Да, если гости пріѣдутъ. Ну, шепните имъ потихоньку... и... ну, тамъ глядя по обстоятельствамъ. Главное, не отлучайтесь отъ нея.

— Слушаю-съ. Кофе еще прикажете?

Ступицынъ посмотрѣлъ на часы.

— Да, пожалуй.

. . . .

Зазвонили часы.

— Однако, пора,—спохватился Ступицынъ.—Да, пора, пора!

Онъ слегка ошарилъ, похлопалъ себя, удостовѣряясь, не забылъ ли что-нибудь изъ необходимыхъ ему вещей, и всталъ. Предстоящая церемонія опять сразу такъ и дохнула на него пустотою какого-то темнаго и унылаго погреба.

«Какъ это все производится, что надо будетъ дѣлать ему? Вѣдь, онъ, главное, отецъ, отецъ!»

Онъ постоялъ, побилъ себя по бокамъ, засунутыми въ карманы визитки руками, и снова подумалъ:

«Нѣтъ, самоё бы, вотъ, мамашу заставить».

Прошло еще секунды три.

«Ну, однако, время. Все равно не отвертишься. Да въ сущности и не все ли равно!»

Онъ зашелъ въ кабинетъ, досталъ цилиндръ, черныя перчатки и, натягивая ихъ на руки, снова позвонилъ. Вошедшая Дуняша еще разъ подтвердила, что все готово.

— Ну, и я готовъ, — сказалъ баринъ и вѣскою, солидною походкой направился въ дѣтскую, гдѣ, какъ онъ сразу замѣтилъ, собралась не только вся ихъ прислуга, но были и еще какія-то темныя фигуры.

— Ну, Малаша, поѣдемте,—сказалъ онъ кормилицѣ.

— Поѣдемте, баринъ, — отозвалась та, завязывая концы своего бѣлаго платка, и не трогалась съ мѣста.

— Ну-съ, такъ что же? Берите его... и... и... Чего же медлить?

— Батюшка,—слезливо заговорила кухарка,—такъ, вѣдь, чай проститься надо. Извольте-ка. Съ васъ, съ родителя, начинать слѣдуетъ.

«Ну, вотъ,—подумалъ Ступицынъ,—я зналъ, что тутъ цѣлая масса всякихъ обрядностей. Проститься? Какъ же это, именно?»

Онъ подошелъ къ столу, склонился надъ гробикомъ, помахалъ пальцами около груди, коснулся усами холоднаго лобика и быстро, съ шляпой на отлетѣ, отошелъ къ двери. Темныя фигуры зашевелились и что-то шепча стали опускаться на колѣна.

«Имъ-то какое дѣло?» — подумалъ Ступицынъ. Хотѣлось ему крикнуть на нихъ, выгнать вонъ, но было неловко.

А темныя фигуры, точно нарочно, испытывали его. Но вотъ надъ золотымъ ящичкомъ склонилась послѣдняя. Да, вотъ, и она отошла въ сторону.

— Ну, готово?—тихо спросилъ Ступицынъ.

— Что же... теперь ничего,—зашептали голоса,—простились съ анделомъ Божіемъ, можно и выносить.

Но никто не двигался.

— Малаша, въ чемъ же дѣло, въ такомъ случаѣ?—опять заговорилъ Ступицынъ.—Берите.

— Вамъ, вамъ, батюшка, надо вынести. Отецъ, вѣдь, родитель.

Новая неожиданность. Дѣлать нечего. Ступицынъ снова подошелъ къ столу, приловчился, охватилъ гробикъ и, не выпуская изъ лѣвой руки своего цилиндра, поднялъ его и понесъ къ двери. Вокругъ закрестились и стали кланяться. Мамка слегка завыла.

«Ахъ, еще Катишь услышитъ»,—испугался Ступицынъ и невольно ускорилъ шагъ. Но у двери онъ принужденъ былъ остановиться. Пролетъ былъ узокъ. Онъ повернулъ свою ношу такъ, этакъ. Нѣтъ, главное, шляпа мѣшаетъ.

«Не выронить бы еще»,—мелькнуло у него въ головѣ. И вотъ въ смущеніи, самъ не отдавая себѣ отчета, что и какъ дѣлаетъ, онъ въ два движенія, сначала освободился отъ шляпы, которая очутилась у него на головѣ, а затѣмъ быстро перемахнулъ легкій

ящикъ подъ правую руку, и, придерживая его лѣвой,—такъ, при общемъ ужасѣ, подъ мышкой съ тѣломъ усопшаго сына и съ цилиндромъ на головѣ, быстро прошагалъ черезъ коридоръ и сѣни вплоть до стоявшаго у крыльца извозчика. Здѣсь гробъ у него кто-то отнялъ. Онъ сѣлъ въ пролетку. Рядомъ помѣстилась кормилица. Гробикъ очутился у него на колѣняхъ.

— Въ церковь,—приказалъ онъ извозчику, и когда тотъ тронулся и поплелся шагомъ, то въ первое мгновеніе едва не закричалъ: да пошелъ же!

Катишь уже нѣсколько разъ начинала просыпаться, но смутно чувствуя свою обычную «адскую» мигрень, которой, по собственному признанію, боялась больше всего на свѣтѣ, снова забывалась. Наконецъ, несмотря на всѣ усилія, спать больше стало невозможнымъ. Она проснулась, но боясь растревожить «больную голову», продолжала лежать, не шевелясь и не открывая глазъ, и въ то же время осторожно-осторожно провѣряла собственное ощущеніе. Вскорѣ ей стало совершенно яснымъ, что голова ея хоть и болитъ, но совсѣмъ уже не такъ адски. Тогда она рѣшилась окончательно проснуться и первымъ дѣломъ, конечно, вспомнила о ночномъ ужасѣ.

— Борисъ! Кто-нибудь... ради Бога,—слабо застонала она.

Никто не отзывался. Ей стало страшно.

— Кто-нибудь,—опять позвала она, но уже во всю силу голоса, вся изгибаясь и запрокидывая голову.—Дуняша!

Горничная вбѣжала.

— Гдѣ вы тамъ запропастились. Что съ Кокошей?

Горничная ловко и проворно передала первый пунктъ лжи, которой ее научилъ баринъ. Лицо бѣдной матери прояснилось.

— Такъ онъ здоровъ, мой мальчикъ,—усиленно мигая и слабо улыбаясь заговорила она и, вѣроятно, вслѣдствіе избытка радости и умиленія продолжала, уже сюсюкая и картавя.

— Здолёвъ мой клёска, здолёвъ мой лозанчикъ. Плютишка этакій, какъ нанугалъ свою бѣдную мамасю. О, дайте же, дайте мнѣ его, моего мучителя!

Дуняша передала вторую половину басни заботливаго супруга. Сильно хотѣлось ей прибавить уже отъ себя, что докторъ велѣлъ еще побольше молчать барынѣ, да смѣлости не хватило.

— Больна? Я больна?—удивленно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, испуганно переспросила Катишь.—И докторъ велѣлъ лежать? Но, я не знаю, я кромѣ головной боли, кажется, ничего не чувствую.—Она потрогала себѣ лобъ. — Вотъ, и жару какъ будто нѣтъ... Вчера,

правда, мнѣ было очень, очень нехорошо. Но теперь... слабость, конечно, страшная, но... Дай мнѣ зеркало.

Растерянная, припухшая отъ сна и вчерашнихъ слезъ мордашка, конечно, не могла понравиться ея обладательницѣ.

— Да, — продолжала она плачущимъ голосомъ, — нехороша я... очень, очень нехороша. Да и еще бы, при моихъ нервахъ и такое потрясеніе. О, Боже мой, Боже мой! Вотъ что значитъ имѣть дѣтей... А что же баринъ?... Можетъ быть, онъ за новымъ докторомъ... можетъ быть, хотятъ консиліумъ, а? Ничего не знаешь?... Но что же со мной?... И какъ это мучить человѣка въ такой неизвѣстности. Вдругъ эти модныя почки, напримѣръ...

Она снова взялась за зеркало и стала вертѣть передъ нимъ своимъ краснымъ и мясистымъ, какъ свекла, языкомъ.

— Нѣтъ, и языкъ какъ будто ничего, а?... Дуняша, какъ ты находишь?

— Какъ вамъ сказать: не особенный.

— Да? А ну-ка, дай термометръ... Въ шкапу, на второй полкѣ... Поскорѣе.

— Извольте-съ. Вотъ и часы. А я пойду чаю вамъ принесу.

Дуняша вышла.

Барыня вставила себѣ подъ мышечку градусникъ, прилегла этимъ плечикомъ поплотнѣе къ подушкамъ, по самый носъ прикрылась одѣяльцемъ и, косясь, стала смотрѣть на затикавшіе на столѣ часики.

«И за что, за что только, Господи! — мысленно плакалась она.—Не одно, такъ другое!... И вѣдь такъ съ самаго начала замужства. Ожидались одни наслажденія, упоеніе своею молодостью. И вдругъ такой страшный обманъ. Обманъ во всемъ, рѣшительно во всемъ!...

Катишь осторожно отвернула одѣяло и стала подглядывать, до какого дѣленія поднялась ртуть термометра.

— Какъ? Подходитъ къ 39? Горячка, тифъ, дифтеритъ, оспа, скарлатина!

Она застонала и стала подпрыгивать на постели.

Вошедшая съ чаемъ Дуняша сдѣлала видъ, что такъ и остолбенѣла.

— Умираю... доктора!...—хрипѣла барыня.—Вотъ, вотъ!... Теперь, навѣрное, около сорока. Посмотри, и если ужъ очень много, то не говори... О, я боюсь, боюсь.

Дуняша осторожно приняла градусникъ, прищурилась, приглядѣлась и ласковымъ, успокоивающимъ тономъ сказала:

— Только тридцать шесть съ чѣмъ-то.

— Какъ тридцать шесть? Я смотрѣла, было тридцать девять.

— Изволили ошибиться. Посмотрите-съ.

Барыня привскочила на постели и притянула къ себѣ руку горничной.

— Тридцать шесть и пять... Да! Но ты встряхнула.

— Помилуйте. Да я и не умѣю этого.

Катишь опять вся расцвѣла.

— Ошиблась, ошиблась,—лепетала она,—и, вѣдь, такъ я и видѣла, что на этомъ дѣленіи, а показалось тридцать девять. Ахъ, и всегда я такъ. Но, вѣдь, это нормально, даже ниже нормальнаго. Или, можетъ быть, это отливъ... Да нѣтъ, отлива во всякомъ случаѣ не можетъ быть.

— Кушайте-ка чай, да усните себѣ опять.

Катишь оперлась на локоть и по полуложечкѣ стала глотать чай. Дуняша съ подносикомъ въ рукѣ отошла и въ ожиданіи дальнѣйшаго скромно потупилась, затѣмъ осторожно вышла въ смежную со спальней гостиную и, расправивъ на себѣ платьице, прилегла на диванѣ, изрѣдка, чтобы не уснуть, то тамъ, то здѣсь пощипывая себя. Катишь же, допивъ свою порціонную чашечку (чай, какъ слабонервной, былъ ей вреденъ), достала со столика новую книгу Prevost и попробовала углубиться въ нее.

Впрочемъ, чтеніе пошло плохо. Молодою женщиной все больше и больше начинало овладѣвать нетерпѣніе. Бояться, тревожиться она просто, наконецъ, устала. Теперь ей прежде всего хотѣлось знать, знать, что съ ней такое.

Прошло четверть, полчаса. Лежать становилось нестерпимо скучно. Дуняша своими «не знаю-съ» да «потерпите-съ» раздражила ее до того, что она накричала па нее и прогнала дѣлать свое дѣло. Мужа она просто ненавидѣла.

«Какъ, — негодовала она, — самъ же говоритъ, что я больна, и вмѣсто помощи, вмѣсто ухода, взялъ и ушелъ, провалился... И, вѣдь, главное, долженъ же онъ знать, что я и заболѣла-то, очевидно, отъ тревоги, отъ опасенія за его же собственнаго ребенка, и вотъ какая награда!»

Катишь въ эти минуты казалось, что ребенокъ, въ сущности, гораздо больше его, чѣмъ ея. И такая неблагодарность!

Вскорѣ она, совсѣмъ какъ-то внезапно, почувствовала голодъ. Вспомнился еще, къ несчастію, привезенный вчера отъ тетушки паштетъ. Чудный паштетъ!... А вотъ она и не знаетъ: можетъ быть ей нужно держать діэту.

«Да, — перебирала она, — можетъ, нужно, а можетъ быть и не нужно... А паштета именно теперь бы я и поѣла... А вотъ ничего и не извѣстно... Жди и жди, да лежи себѣ, «какъ колода».

Послѣднее выраженіе она позаимствовала отъ одной своей знакомой, только что вышедшей замужъ, дамы. Дамочка употребила его, примѣняя къ себѣ, и въ очень смѣшномъ и пикантномъ смыслѣ. Катишь какъ-то невольно вспомнила этотъ разсказъ, а за нимъ, также совершенно невольно, и нѣсколько другихъ такихъ же пикантныхъ исторьицъ, до которыхъ была великою охотницей еще въ дѣвичествѣ. Стали наплывать мечты. Вскорѣ бѣдная мнимобольная потянулась и, слегка содрагаясь, откинулась на подушки. Словно изъ тумана выглянуло на нее красивое лицо Горлева, того самаго Горлева, которому мужъ ея нынче ночью послалъ телеграмму. Впрочемъ, не надолго. Да и гдѣ тутъ мечтать, когда такъ хочется кушать, когда такъ адски хочется этого дивнаго паштета...

«Варваръ, варваръ, — опять и опять бранила она мужа,— хоть бы принялъ въ соображеніе, что я лишена возможности видѣть моего больного, мной же спасеннаго отъ смерти, Кокошку. Впрочемъ, гдѣ имъ, мужчинамъ!»

Раздраженіе все обострялось и обострялось. Испытывать долгое время одно и то же чувство Катишь рѣшительно не могла. Таковъ былъ ея темпераментъ, такова была вся ея «природа».

— А вотъ возьму встану,—заговорилъ въ ней внезапный капризъ,—одѣнусь, посмотрю Кокошку, а потомъ и паштета наѣмся. Да, что они, въ самомъ дѣлѣ, мудрятъ! Возьму и наѣмся. На зло вотъ, на зло!

И ей ужасно захотѣлось сдѣлать это школьничество. Оно манило ее своими, какъ казалось ей, оригинальностью и дерзкою смѣлостью.

«И какъ это я всегда все такъ мило придумываю», — похвалилась она сама передъ собой, и ей стало необычайно весело.

Быстро сбросила она съ себя одѣяло, взмахнула ногами, юркнула ими въ туфли и хотѣла было, по привычкѣ, позвонить Дунятѣ, но раздумала и, вставъ, сама не зная зачѣмъ, пошла за перегородку: такъ, свѣту побольше захотѣлось. Заглянула въ окно: ухъ, какъ тамъ хорошо! Пріотворила дверь: все тихо, покойно. Обернулась — ей улыбается она же сама, сама же Катишь, вся точно сквозная, тонкая, граціозная и шаловливая, какъ котенокъ. О, не даромъ она никогда не разставалась съ этимъ милымъ зеркальнымъ шкафомъ!

Смотря на свое изображеніе и невольно любуясь имъ, она шагъ

за шагомъ стала подходить все ближе и ближе, наконецъ подошла вплотную, стукнула головой въ стекло и, сказавъ: «бацъ», снова отступила и съ миной уже болѣе серьезной принялась себя разсматривать.

— Что ни говори,—думалось ей,—а я одна изъ самыхъ хорошенькихъ женщинъ нашего общества. Да, а то, что со мной было вчера, доказываетъ, что я, къ тому же, и примѣрная мать. А это ужъ положительная рѣдкость.

«Да,— продолжала она свои размышленія, повертываясь къ зеркалу бокомъ и сцарапывая съ плечика подсохшій прыщикъ,— разъ Богъ даетъ намъ дѣтей, то мы обязаны ихъ любить и заботиться о нихъ. Непремѣнно!»

На лицѣ ея появилось выраженіе строгой солидности.

«Да, материнскія обязанности прежде всего. И что они тамъ ни толкуй, а мнѣ необходимо сейчасъ же пойти и посмотрѣть моего сына».

Она наскоро накинула капотъ и легкою и твердою походкой, какъ истая мать, пошла въ дѣтскую.

Но что же это? Кроватка пуста и мамки нѣтъ. Никто не откликается. Не вынесла ли его кормилица гулять? Но нѣтъ, не такая же она дура... Такъ что же? гдѣ же?

По своему обыкновенію, она сразу же совершенно растерялась. Грудь сдавило, въ глазахъ завертѣлся какой-то калейдоскопъ. Она крикнула, еще, еще. Ни звука...

Она почувствовала, какъ затряслись ея ноги. Если бы здѣсь былъ кто-нибудь, на чью поддержку она могла разсчитывать хоть въ самой незначительной мѣрѣ, несчастная грянулась бы всѣмъ тѣломъ. Но она была одна, одна, и даже скудная и жесткая мебель этой комнаты была отъ нея такъ ужасно далеко. Дѣлать нечего. Она пересилила себя и, какъ подстрѣленная птица, то и дѣло, по милости спадавшихъ съ ея голыхъ ногъ туфель, спотыкаясь, подпрыгивая и чуть не падая, пробѣжала всѣ комнаты, выскочила на балконъ, оттуда проковыляла садомъ на дворъ и черезъ черное крыльцо ворвалась въ кухню.

Сидѣвшія за самоваромъ кухарка и Дуняша такъ и вскочили.

— Гдѣ Кокоша? гдѣ мой Кокоша?—едва выговорила барыня.

Ловкая камеристка нашлась было и тутъ.

— Къ доктору его повезли. Сейчасъ и вернуться должны. Вы зачѣмъ встали?

— Лжешь, лжешь!—провизжала несчастная, топая ногами.—

Лжете вы всѣ... Зачѣмъ его къ доктору?... Говорите, говорите мнѣ сію минуту, куда вы дѣвали моего ребенка? Ну, ну, говорите же.

— Да Богомъ же вамъ клянусь...—снова было начала Дуняша.

— Богомъ! Никакого въ васъ Бога нѣтъ... Ни въ комъ, никогда и никакого!... Говорите, отвѣчайте... Уморили, уморили моего мальчика, уморили? Добились своего... Мѣшалъ вамъ, крошка, мѣшалъ! Да?... Сознавайтесь! Вѣдь, я все равно догадалась, все равно поняла... Мѣшалъ, мѣшалъ, мѣшалъ?!...

Изступленное лицо ея дергалось, голосъ то визжалъ, то кричалъ, руки то сжимались въ кулаки, то разжимались и, подергивая обтянувшимися, точно внезапно исхудавшими пальцами, обращались въ какія-то цѣпкія, когтистыя птичьи лапы.

Обѣ женщины невольно сторонились. Катишь заносилась все выше и выше. Она неистовствовала и какъ бы упивалась этимъ охватившимъ ее безуміемъ. Да, какъ это ни дико, но это было такъ: втайнѣ она знала, что она дѣлаетъ, а также и то, что теперь она имѣетъ право отводить душу чѣмъ бы то ни было. Безотчетная злоба охватывала ее все сильнѣе и сильнѣе. Острая боль отчаянія, материнскаго отчаянія, внезапно взорвала злобу, и вотъ эта злоба заклокотала съ такою силой, что подчинила себѣ все ея существо. Она чувствовала личную обиду, личную боль, и ей хотѣлось отмстить, отплатить...

Бѣшеные вопли ея доходили до крайнихъ предѣловъ. Голосъ начинало перехватывать. Опытная Дуняша уже ожидала, что вотъ-вотъ—и барыня рухнетъ.

— Онъ умеръ, умеръ, я знаю это, знаю, знаю!—теперь уже едва вытягивала Катишь.—Но гдѣ же, гдѣ онъ? Зачѣмъ украли? Что съ нимъ дѣлаютъ? Что, что?... Что?...

Дуняша подскочила къ барынѣ и, дѣйствительно, та зашаталась и повалилась на ея грудь.

— Дуняша, умоляю... заклинаю...—голосъ уже едва звучалъ, жалобно и дѣтски-безпомощно.

Кухарка, наконецъ, не выдержала.

— Барыня,—сказала она,—да будетъ ужъ вамъ. Ей-Богу, будетъ. Грѣхъ, грѣхъ вамъ такъ-то.

— Гдѣ, гдѣ онъ?... Милыя, только скажите!

— Да хоронить баринъ повезъ,—грубо отвѣчала кухарка.

— Хоронить?... Хорон... моего Коко... моего Ко-ко... Ха, ха, ха!... Моего Ко-ко... Ха, ха, ха... Ко-ко... Ха, ха... Ко-ко!...

Дуняша схватила барыню подъ мышки и почти волокомъ потащила ее въ спальню.

— Бѣги за докторомъ,—шепнула она кухаркѣ.

«Ха, ха... Ко-ко...»—такъ и раскатывалось по всей веселенькой, душистой квартиркѣ.

— И кто ихъ только портитъ, провалиться имъ пропадомъ!— брезгливо проворчала кухарка и вмѣсто того, чтобы бѣжать за докторомъ, съ ожесточеніемъ набросилась на остывшій чай.

Припадокъ продолжался не долго. Бѣдняжка билась, корчилась, пыталась исцарапать себѣ лицо, рвать волосы, но затѣмъ стала затихать, затихать и—совсѣмъ затихла. Свѣжій человѣкъ могъ бы подумать, не скончалась ли она. Но вотъ глаза ея снова открылись, рука скользнула по лбу, потрогала смоченное полотенце.

«Улетѣлъ мой ангелъ, улетѣлъ мой херувимчикъ!» — нѣжно, томно, почти музыкально зашептала больная.

Вмѣстѣ съ ощущаемой ею теперь физическою разбитостью, въ душѣ ея стало разливаться также какая-то усталость, какая-то истома,—какой-то тихій, мирный осадокъ пережитыхъ страданій.

«Улетѣлъ мой ангельчикъ, улетѣлъ!»—опять и опять шепчетъ она и сама, какъ бы вчужѣ, прислушивается къ этимъ граціознымъ звукамъ. Точно бѣлое, кудрявое облачко заклубилось передъ ея глазами. Въ срединѣ его летало золотое пятнышко; это пробивается солнце, солнце, а вмѣстѣ съ нимъ и этотъ тихій, грустный голосъ, и что-то еще былое, печальное, но хорошее, хорошее... Облачко все клубится, клубится, словно нарочно затмеваетъ солнце; но нѣтъ, пятно дѣлается все ярче, ярче, теплѣе, горячѣе, а вмѣстѣ съ нимъ и это что-то другое также все подходитъ и подходитъ.

«Улетѣлъ мой ангелочекъ, улетѣлъ». О, какъ прекрасенъ этотъ печально-восторженный голосъ!

И вдругъ Катишь совершенно ясно припоминается когда-то видѣнная ею Стрепетова въ роли Катерины въ *Грозѣ*, и въ тотъ, именно, моментъ, когда она въ пятомъ дѣйствіи произноситъ монологъ о мирѣ и крестѣ могилки.

Изъ монолога Катишь, конечно, не помнитъ ни слова, но общее его настроеніе отражается въ ней вполнѣ опредѣленно.

«Покинулъ свою бѣдную маму, не захотѣлъ дать ей вдоволь налюбоваться на себя», продолжала она свою импровизацію, не замѣчая того, что теперь уже прямо копируетъ, или, вѣрнѣе, пародируетъ знаменитую актрису.

И живое умиленіе, и томная грусть обнимали ее все нѣжнѣе и нѣжнѣе.

«Богу, Богу такъ угодно! — вдобавокъ ко всему шевельнулось въ ней, наконецъ, и религіозное чувство.—Его святая воля. Онъ далъ, Онъ и взялъ. Грѣшно возставать противъ Его предначертанія. Молись, молись, мой крошка, за свою бѣдную маму... бѣдную, бѣдную!...»

Она смежила глазки, принакрыла ихъ надушеннымъ ажурнымъ платочкомъ и стала погружаться въ дремоту.

Измученная Дуняша, примостившись кое-какъ на низенькомъ креслѣ, также стала поклевывать носомъ.

Вдругъ въ глубинѣ квартиры какъ будто раздался мужской голосъ.

«Да!... И, вѣдь, это онъ, Горлевъ!»

— Дуняша, кто тамъ?—не вѣря своимъ ушамъ, страдальческимъ тономъ спросила Катишь.

«Слава Тебѣ Господи,—подумала въ то же время та:—теперь конецъ всѣмъ мукамъ».

— Это, должно, г. Горлевъ,—отвѣчала она шепотомъ,—баринъ имъ ночью телеграмму послали.

— Да?...—Катишь остановилась на этомъ, но мысленно прибавила: «Какой же онъ милый».

— Баринъ и Надеждѣ Антоновнѣ телеграфировали,—особенно какъ-то дѣтски-наивно прибавила горничная.

«А вотъ за это—дуракъ!»—конечно, только подумала барыня и послала Дуняшу узнать, кто именно въ гостиной.

Увы, тамъ были оба вѣрные друга.

Холодная вода и пудра быстро привели заплаканное лицо въ необходимый порядокъ. Слѣды слезъ, конечно, остались, но они такъ гармонировали съ общею печалью, разлитой по всей фигуркѣ осиротѣвшей молодой матери, что отсутствіе ихъ послужило бы прямымъ ущербомъ общему стилю. Костюмъ, по соображенію Катишь, ради поддержанія этого же стиля, долженъ былъ на ней быть какъ можно скромнѣе, а главное—небрежнѣе. Она надѣла на себя довольно свободный, съ широчайшими, а потому необыкновенно «благородными» рукавами, корсажъ изъ какой-то весьма скромной, хотя и дорогой матеріи, а на голову, по внезапно пришедшей фантазіи, накинула черную испанскую косынку, которая, во-первыхъ, должна была прекрасно оттѣнять блѣдное лицо, а во-вторыхъ, намекать на трауръ ея сердца. Надушилась она, Богъ ее знаетъ чѣмъ

именно, по запахла она тоже какъ-то необыкновенно граціозно-печально.

— Ну, зови,—сказала она Дуняшѣ по окончаніи всей этой работы, укладываясь на кушеткѣ и прикрывая подоломъ платья свои по привычкѣ выставившіяся было ножки.

Зазвенѣли шпоры, зашелестѣлъ шелкъ платья.

Катишь сразу до того отчетливо прониклась сознаніемъ, что эти люди идутъ къ ней для того, чтобъ утѣшать, утѣшать ее въ такомъ ужасномъ горѣ, что ей нестерпимо захотѣлось плакать.

Утѣшители вошли и на секунду остановились на порогѣ. Полное, изрядно поношенное, глазастое и бровястое лицо утѣшительницы выразило при этомъ нѣкоторую растерянность. Очевидно, она не знала заранѣе, какъ собственно слѣдуетъ ей приступить къ своей миссіи. Что же касается до лица утѣшителя, браваго, облитаго своими кавалерійскими доспѣхами, офицера, то онъ, какъ и всегда, выражало только собственную красоту.

Катишь слегка приподнялась отъ подушки и слабо, словно прося о пощадѣ, протянула имъ обѣ ручки. Многоопытная «Nadine» теперь уже твердо знала свою роль. Быстро подошла она къ несчастной подругѣ, крѣпко обняла ее своими мясистыми руками и, какъ ребенокъ, цѣлуя въ лобъ и въ волосы, тихо зашептала: «O, ma chère petite».

Катишь такъ и замерла. Эта пантомима длилась до тѣхъ поръ, пока у Катишь не начала нагрѣваться отъ лежанія на горячей груди пріятельницы ея нѣжная щечка, а у той не заныла, отъ согнутаго положенія, спина. Едва онѣ расцѣпились, какъ мѣсто Nadine занялъ m-er Горлевъ. Онъ значительно звякнулъ шпорами, гибко перевѣсился и осторожно, точно боясь повредить, принялъ въ свою мощную длань протянутую ему рученку, дважды коснулся ее своими кровяными губами.

— Merci, merci,—слегка грессируя, залепетала Катишь.—O, вы истинные друзья! Съ первымъ же поѣздомъ, въ такую рань. Ахъ, истинная дружба всегда узнается въ несчастіи. И какъ это вы, Валерьянъ Антоновичъ, бросили свою службу?

Горлевъ опять щелкнулъ шпорами и опять наклонился, чтобы поцѣловать ручку.

— Служба моя,—сказалъ онъ,—не уйдетъ. Это пустяки. И не ради такихъ случаевъ приходится иногда манкировать!—по привычкѣ онъ хотѣлъ захохотать, но удержался и сдѣлалъ вид ь, то слегка поперхнулся.—Позвольте сказать,—спѣшилъ онъ оправиться,—что я глубоко тронутъ, что вы и Борисъ Николае ъ

въ такія тяжелыя для васъ минуты вспомнили обо мнѣ... Повѣрьте, что я такое... что я цѣню это всѣмъ сердцемъ.

Катишь, слабо, едва блеснувъ зубками, улыбнулась. Nadine отошла къ окну, пошире отворила его (ей всегда бывало жарко) и, порывисто подмахивая вѣеромъ подъ вырѣзъ на груди, стала смотрѣть на любимые ей больше всѣхъ цвѣтовъ пунцовые піоны. Ей до смерти хотѣлось говорить и уже начинало становиться скучно.

— Ваше горе,—продолжалъ между тѣмъ утѣшитель,—конечно, такъ сказать, велико до необъятности, и никакой дружбой не разсѣять его... Потерять ребенка и притомъ такого прекраснаго ребенка, какъ вашъ Кокоша (онъ только что освѣдомился у Nadine объ имени покойнаго). Это, по-истинѣ, ужасно.

Мать закрыла глаза и слегка застонала.

Nadine передернула ногами и, пересиливая себя, сказала томно:

— Finissez... не напоминайте ей! Вамъ, наоборотъ, надо отвлекать, отвлекать ее... Смотрите, она уже опять плачетъ.

Она встала, погладила Катишь по головкѣ и сказала:

— Courage, courage mon enfant, съ кѣмъ не бываетъ горя!— и, подправляя подъ себя пуфъ, вдругъ вся задвигалась, вся затрепетала и, широко открывая ротъ, быстро-быстро затараторила:—Ахъ, Катишь, тебѣ, конечно, не до этого, но, все-таки, ты не можешь не знать... Представь, нашъ старый неугомонный Додо опять наставилъ рожки своей плакучей ивѣ... Каково это тебѣ покажется? И, главное, съ кѣмъ и при какихъ обстоятельствахъ.

И Nadine съ неподражаемымъ мастерствомъ стала передавать подробности этой только-что пущенной свѣтской сплетни.

Катишь старалась дѣлать видъ, что слушаетъ только изъ снисхожденія. Но Nadine знала ее еще въ дѣвицахъ. Кстати, она себя, какъ нарочно, чувствовала въ необыкновенномъ ударѣ. И вотъ анекдотъ за анекдотомъ, воспоминаніе за воспоминаніемъ, одинъ другого пикантнѣе, одно другихъ скандальнѣе, но все это, въ чемъ и состоитъ главное искусство, въ предѣлахъ наружнаго приличія, такъ и посыпались. Порою бѣдной Катишь чуть не до крови приходилось прикусывать свои губки. Офицеръ, вытянувъ свои обтянутыя ноги, умильно поглядывалъ на ея блѣдное личико и думалъ какую-то свою думу. Курить ему хотѣлось до смерти, но изъ уваженія къ трауру дома, онъ не рѣшался признаться въ этомъ желаніи. Наконецъ, хозяйка сама объ этомъ вспомнила.

По комнатѣ, стремясь къ окну, заходилъ синій дымокъ. На столѣ появились чашки съ кофе, корзинка съ печеньемъ, графинчикъ

съ коньякомъ. Воинъ началъ оживляться и, пользуясь минутами, сталъ и самъ разсказывать весьма интересныя исторійцы. Въ общемъ, бесѣда все болѣе и болѣе начинала принимать самый непринужденный, самый восхитительный характеръ.

Вскорѣ подоспѣлъ и Ступицынъ. Запоздалъ онъ вслѣдствіе того, что по какому-то недоразумѣнію, или кознямъ священника, ему пришлось выстоять цѣлую обѣдню. Понятно, что сваливъ, наконецъ, съ себя свой тяжкій крестъ, онъ чувствовалъ себя необыкновенно легко и свободно. Когда же онъ нашелъ и свою Катишь въ такомъ бодромъ настроеніи, то окончательно расцвѣлъ душой. Нѣжно расцѣловалъ онъ ручки жены, называя ее умницей и паіідѣвочкой, и горячо благодарилъ ея утѣшителей.

Ступицына привыкли считать душой общества. Нечего и говорить, слѣдовательно, что съ его приходомъ маленькое общество оживилось еще болѣе.

Вышли, по требованію запотѣвшей Nadine, въ садъ. Погода, оказалась чудной. Хотѣли идти гулять, но Катишь оказалась для этого слишкомъ слаба. Тогда поднялся вопросъ о прогулкѣ въ экипажахъ. Катишь отнѣкивалась и отъ этого, ссылаясь на то, что у нея нѣтъ ни одной, хоть сколько-нибудь похожей на траурную, шляпки.

— Такъ поѣдемъ въ городъ, какъ всегда, быстро рѣшила Nadine,—и сейчасъ же и пріобрѣтемъ ее!...

На этомъ согласились и поѣхали. На дорогѣ всѣ почувствовали, что уже давно насталъ адмиральскій часъ и рѣшили вслѣдъ за визитомъ къ модисткѣ заѣхать куда-нибудь позавтракать.

У модистки, слушая ея сочувственныя рѣчи, Катишь немного всплакнула, это впрочемъ, не помѣшало ей найти себя въ траурной шляпкѣ очень и очень недурненькой.

Завтракъ въ Эрмитажѣ прошелъ очень мило. Изъ Эрмитажа заѣхали отдохнуть на городскую квартиру Ступицыныхъ. Горлевъ, какъ-то совсѣмъ экспромтомъ, сѣлъ за рояль и спѣлъ нѣсколько модныхъ романсовъ. Катишь, замѣтя, что супругъ ея что-то ужъ слишкомъ любезничаетъ съ Nadine, а та что-то ужъ слишкомъ часто показываетъ ему свои бѣлые зубы, въ пику первому, подсѣла къ пѣвцу и нѣжно смотрѣла на него, а по окончаніи пѣнія, свела его въ свой будуаръ и стала показывать новыя ноты. Горлевъ былъ съ ней такъ нѣженъ, такъ деликатенъ, что она невольно чувствовала къ нему все большую и большую симпатію.

Пришелъ часъ обѣда. Подумали и рѣшили ѣхать поближе къ дачамъ,—въ Мавританію. Тамъ встрѣтились знакомые, и всѣ ва-

стѣ заняли отдѣльный кабинетъ. Кавалеры, наперерывъ другъ передъ другомъ, угощали Катишь винами, увѣряя ее, что ей необходимо подкрѣпиться.

Въ концѣ обѣда, какъ бы случайно, въ бокалахъ запѣнилось шампанское, Катишь, вспомнила свое горе, сначала отказывалась отъ него, но, страстно любя его, въ концѣ-концовъ не устояла. Въ общемъ всѣ выпили весьма добропорядочно. Веселье било ключомъ. Особенно Горлевъ разошелся. Сидѣлъ онъ подлѣ Катишь, и вотъ какъ-то, въ минуту, когда она отпивала крошечными глоточками изъ крошечной же рюмочки ликеръ, онъ какъ бы случайно, тихо наступилъ на ея узенькій носокъ. Она очень удивилась и, не желая допускать мысли, что ея нѣжный кавалеръ сдѣлалъ это умышленно, даже не дрогнула ножкой. Черезъ минуту пожатіе повторилось. Катишь нахмурила бровки, встала изъ-за стола и перешла на диванъ, гдѣ вскорѣ же почувствовала, что вѣроятно, вслѣдствіе выпитаго вина, у нея и сердце стучитъ усиленнѣе и голова немного кружится. Чудный день смѣнился не менѣе чуднымъ вечеромъ. Изъ сосѣдней «Фантазіи» стали доноситься звуки музыки. Кавалеры, въ тактъ покачивая своими раскраснѣвшимися физіономіями, стали сначала подпѣвать, а затѣмъ и подмигивать другъ другу.

— Что же,—сказала Nadine,—возьмемъ ложу и послушаемъ оперетку,—грѣхъ, кажется, небольшой. Кстати нашей бѣдной Катишь положительно необходимо хоть какое-нибудь развлеченіе.

Катишь начала было протестовать, но ее такъ и закидали всевозможными «убѣжденіями». Она была слишкомъ слаба, чтобы выдержать этотъ натискъ. Стали собираться. Катишь предложила свою руку Горлеву, она и здѣсь оказалась не въ силахъ проявить свою самостоятельность.

— Простите,—шепталъ онъ,—вино ударило мнѣ въ голову. Я поступилъ безумно. Но я ли виноватъ, что безумно люблю васъ.

— Молчите, вы съ ума сошли,—пугаясь чего-то, шептала она и искала и не находила предлога, чтобы оставить его руку.

Оперетка оказалась крайне скучной. Настроеніе компаніи стало расхолаживаться.

Мужчинамъ опять захотѣлось вина, и вотъ, подъ предлогомъ того, что въ театрѣ сыро и холодно, стали поговаривать объ ужинѣ, о поѣздкѣ, въ Яръ...

Катишь сильно утомилась, глазки ея такъ и слипались, но мысль о домѣ положительно пугала ее: такимъ казался онъ ей теперь сумрачнымъ, тоскливымъ и страшнымъ.

И вотъ компанія опять въ трактирномъ cabinet particulier.

Опять сверкаетъ посуда, звенятъ стаканы, рюмки. Катишь, скорѣе, впрочемъ, въ подражаніе другимъ, опять что-то жуетъ, глотаетъ. Красивое лицо Горлева опять подлѣ нея. Вотъ, и ножку ея опять трогаютъ... О, до того ли ей, она такъ устала, такъ измучена!...

За стѣной загремѣли цыгане. Сумбуръ все увеличивается. Груди дѣлается тѣсно. Не знаетъ Катишь, что ей дѣлать: упасть ли лицомъ въ эти бархатныя подушки и разрыдаться, или вскочить— и, гикая и ухая, закружиться въ бѣшенной пляскѣ.

Но Nadine внезапно объявляетъ, что она болѣе не въ силахъ, и вскакиваетъ, чтобы ѣхать домой. Загремѣли стулья, всѣ поднимаются.

Катишь видитъ, какъ ея супругъ что-то шепнулъ натягивающей перчатки Nadine и какъ та дружелюбно кивнула ему головой.

— Дитя мое,—обращается Nadine къ ней,—до вашей дачи далеко и притомъ тамъ вамъ можетъ взгрустнуться, а моя хибарка въ двухъ шагахъ,—переночуемъ же всѣ четверо вмѣстѣ.

Катишь отъ души цѣлуетъ эту милую Nadine.

И вотъ, наконецъ, Катишь въ постели. Комнатка, будуаръ Nadine, настоящая бонбоньерка. Здѣсь все такъ мило, уютно, такъ далеко отъ всякихъ ужасовъ. За окнами, сквозь сторы которыхъ прорѣзываются блѣдные дневные лучи, гомозятся и чирикаютъ воробьи. Слышны отдаленные переклики пѣтуховъ. Все, все это такъ мило, такъ располагаетъ ко сну. Катишь, въ честь, такъ сказать, своего покойнаго Кокоши, осѣняетъ себя непривычною рукою крестомъ, свертывается подъ шелковымъ одѣяломъ калачикомъ, закрываетъ глазки.

«Я люблю васъ безумно, безумно», шепчетъ надъ нею милый, ласковый голосъ.

Она прижимается къ подушкамъ и открываетъ губки, чтобы принять поцѣлуй осѣняющаго ее сновидѣнія. И вдругъ громкій, дикій ревъ заставляетъ всю ее содрогнуться. Она не вѣритъ своимъ ушамъ, приподнимаетъ голову. Ревъ повторяется.

«Корова, должно быть,—соображаетъ она.—Но какъ сердито, зло! И какъ громко. Опять!...»

Она зажимаетъ уши. А ревъ упорный, настойчивый, угрожающій продолжаетъ раздаваться все чаще и чаще. Низкіе боевые и короткіе звуки слѣдуютъ другъ за другомъ почти безпрерывно.

«Что, она съ ума, что ли, сошла?»—уже пугается Катишь.

Ревъ раздается ближе. Въ интервалахъ его слышится сильное свистящее придыханіе. Слышно, какъ сумасшедшая корова бьетъ

ногами о землю, взрываетъ ее. Вотъ стукнула обо что-то, вѣроятно, рогами,—еще и еще. И все реветъ, реветъ, торопливо, комкая звукъ собственнаго голоса, точно задыхаясь.

Но, вѣдь, это ужасно!—тоскуетъ Катишь.—А, слава Богу!...

За окномъ послышался грубый женскій голосъ:

— Куда ты... пошла на мѣсто... ишь ей неймется... Но-о-о ты,—неутѣшная!...

Послышалось какое-то неуклюжее шлепанье, и скоро мычанье повторилось уже вдали.

«Загнали»!—успокоилась Катишь и опять закрыла глаза.

Но только-только начала она забываться, какъ опять раздалось мычаніе и опять уже значительно ближе.

«Да что же это за мученье?»—простонала Катишь и закрылась съ головой. Но напрасно,—несносный ревъ раздавался совершенно ясно. Корова мычала, точно заведенная: все въ одну и ту же ноту, черезъ одни и тѣ же промежутки, съ какой-то упорной, неуклонной настойчивостью. Но ревъ этотъ былъ теперь уже не яростнымъ, а скорбнымъ. Животное точно стонало, точно въ этихъ жалобныхъ вопляхъ изливало свое безъисходное горе, свое полное отчаяніе.

Катишь приходила въ совершенное неистовство. О снѣ нечего было и думать. На бѣду еще въ смежной комнатѣ вмѣстѣ съ ея мужемъ спалъ Горлевъ, такъ что и призвать на помощь ей было нельзя никого.

«О, проклятая, такъ и вонзается въ самую душу!...»

На дворѣ опять заговорилъ давешній женскій голосъ.

Катишь вскочила, набросила на себя одѣяло и, подбѣжавъ къ окну, отвернула стору. На дворѣ у колодезнагоососа возились двѣ женщины. Катишь пріоткрыла окно.

— Милыя,—заговорила она,—что это у васъ за корова?... Нельзя ли ее какъ-нибудь унять?

— Разбудила нешто?—отозвалась одна изъ бабъ.—Бѣда да и только. Сами ума не приложимъ. Реветъ денно-нощно.

— Голодна, можетъ быть? Вы бы овса ей...

— Не жретъ. Званія ничего не жретъ. Съ тѣла даже, сдохлая, спала.

— Такъ что же съ ней?

— А телка отъ нея отняли.

— Теленочка?—И что же, вы его зарѣзали?

— Нѣту. А всегда отымается, чтобъ молока больше оставалось. Такое ужъ, значитъ, заведенье. Ну, другія потоскуютъ, по-

тоскуютъ, да и бросятъ. А эта, Богъ ее возьми, какъ есть безу-тѣшная.

Катишь невольно вспомнила про своего теленочка, и что-то кольнуло ее въ сердце.

— А когда же вы его отняли?—спросила она.

— Когда? Дай Богъ память! — припоминала баба.—Да вотъ ужъ никакъ семой день пошелъ.

— Зачѣмъ,—перебила ее товарка, ужъ за недѣлю перевалило.—Да не тужи, барынька, сейчасъ ее въ поле прогонимъ. Вонъ никакъ и пастухъ заигралъ.

Женщины снова схватились за рычагъ насоса. Корова все выла. Катишь вернулась на свою постель. Какъ это ни странно, но теперь она чувствовала къ этой коровѣ какъ бы какую-то запоздалую ревность.

Громко прозвучала пастушечья труба, и затѣмъ все смолкло.

А Катишь все не ложилась.

— Семой день, другая недѣля,—все вертѣлись передъ ней выраженія этихъ скотницъ,—и не жретъ ничего. А она, Катишь, сколько разъ она жрала сегодня, и сегодня, сегодня же. Но что же это въ самомъ дѣлѣ?... Какъ же это... если, вотъ, даже простая корова?...

Катишь почувствовала, что она не успокоится до тѣхъ поръ, пока не найдетъ себѣ какого-нибудь оправданія. Она легла и стала думать. Скоро, впрочемъ, ее началъ одолѣвать сонъ.

— Да, очень просто,—несмотря на послѣднее, все-таки, додумалась она,—дѣло въ томъ, что я, прежде всего не корова. Да, не грубое животное, а разумный интеллигентный человѣкъ, да притомъ еще нервная и впечатлительная женщина. У нея одни низменные инстинкты, а у меня... О, чего, чего только нѣту у меня! Какое же можетъ быть сравненіе между мною—и этой несчастной коровой? Ха-ха! Это просто смѣшно!

Катишь презрительно пожала плечиками и стала засыпать.

Е. Гославскій.

Необходимость отмѣны тѣлесныхъ наказаній *).

I.

Въ эпоху окончательной подготовки уничтоженія крѣпостного права предсѣдатель редакціонныхъ коммиссій, Я. И. Ростовцевъ (въ 1859 г.), писалъ: «Нѣкоторые говорятъ, что русскій мужикъ любитъ розгу: точно ли это справедливо? Если же онъ къ ней и привыкъ, то не надобно ли его отъ нея отучать? Со смягченіемъ нравовъ и мѣры исправительныя должны смягчаться; если же мѣры эти смягчаться не будутъ, не будутъ смягчаться и нравы **). Въ 1858 году Ростовцевъ писалъ императору Александру II: «О наказаніяхъ тѣлесныхъ не слѣдуетъ поминать,—это будетъ *пятно* для освобожденія» ***). Къ сожалѣнію, Ростовцевъ умеръ ранѣе, чѣмъ была окончена выработка положенія объ освобожденіи крестьянъ, а преемникъ его, В. Н. Панинъ, не сочувствовавшій и самому освобожденію, былъ противъ отмѣны тѣлесныхъ наказаній.

Нѣкоторые дворянскіе комитеты иначе смотрѣли на этотъ вопросъ. Въ мнѣніи большинства московскаго комитета наложеніе тѣлеснаго наказанія по приговорамъ расправы предложено было отмѣнить «въ видахъ смягченія грубости нравовъ, развитія между поселянами уваженія къ собственной личности»; меньшинство этого комитета также считало неполезнымъ тѣлесное наказаніе и находя, что оно «служитъ орудіемъ самаго возмутительнаго произвола», полагало, что это наказаніе можетъ быть уничтожено во всѣхъ его видахъ безъ всякаго вреда для общества. Всѣ три проекта владимірскаго комитета освобождали крестьянъ отъ тѣлеснаго наказанія, оставляя его лишь рѣшеніямъ уголовныхъ судовъ, и то потому только, что вла-

*) Совѣтъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго общества возложилъ на меня составленіе проекта ходатайства объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. Результаты изученія этого вопроса я считаю своевременнымъ предложить вниманію читателей, такъ какъ онъ поставленъ на очередь во многихъ земскихъ собраніяхъ, обществахъ врачей и проч., а также поднятъ и однимъ изъ представителей высшей мѣстной администраціи.

**) *Семеновъ*: „Освобожденіе крестьянъ", т. I, стр. 97.

***) *Матер. для ист. упразд. кр. права*, т. I, стр. 390.

димірскій комитетъ не имѣлъ права и повода входить въ разсужденія объ общихъ уголовныхъ законахъ.

Редакціонныя коммиссіи *большинствомъ одного голоса* высказались за сохраненіе тѣлеснаго наказанія розгами. Если большинство редакціонныхъ коммиссій рѣшилось предоставить волостнымъ судамъ право присуждать виновныхъ, кромѣ денежныхъ взысканій, общественныхъ работъ и заключенія подъ стражу, и къ наказанію розгами до 20 ударовъ, то произошло это не вслѣдствіе убѣжденія въ полезности и необходимости этого наказанія, а оттого, что вопросъ этотъ, по мнѣнію членовъ коммиссій, былъ связанъ съ принятою тогдашнимъ законодательствомъ общею системой уголовныхъ и исправительныхъ наказаній *), среди которыхъ, послѣ уничтоженія наказанія кнутомъ при императорѣ Николаѣ, существовали еще плети, шпицрутены и клейменіе преступниковъ. Тѣмъ не менѣе, редакціонная коммиссія высказала убѣжденіе, что пересмотръ этого вопроса окажется совершенно необходимымъ, когда съ уничтоженіемъ крѣпостного права обнаружатся ожидаемыя отъ того благодѣтельныя въ нравственномъ и вещественномъ отношеніяхъ послѣдствія и когда вмѣстѣ съ тѣмъ изысканы будутъ правительствомъ средства къ замѣнѣ существующей системы тѣлесныхъ наказаній другими, *болѣе правильными*. Но редакціонныя коммиссіи полагали, что слѣдуетъ изъять отъ тѣлесныхъ наказаній сельскихъ должностныхъ лицъ, крестьянъ, получившихъ значительную степень образованія, а также женщинъ **). Однако, Панинъ настоялъ на томъ, чтобы на женщинъ распространено было тѣлесное наказаніе ***). Такимъ образомъ, Положеніемъ 19 февраля волостнымъ судамъ предоставлено было, въ числѣ другихъ наказаній, приговаривать крестьянъ,—за исключеніемъ стариковъ болѣе 60 лѣтъ, выборныхъ должностныхъ лицъ и получившихъ извѣстную степень образованія въ уѣздныхъ училищахъ, земледѣльческихъ училищахъ и болѣе высокихъ учебныхъ заведеніяхъ,—къ тѣлесному наказанію до 20 ударовъ ****).

Когда въ 1859 году былъ поднятъ вопросъ объ отмѣнѣ публичнаго наказанія женщинъ по судебнымъ приговорамъ, то генералъ-губернаторы

---

*) Н. А. Милютинъ въ засѣданіи 3 августа 1860 г. сказалъ: „Наша аргументація касательно невозможности отмѣны тѣлеснаго наказанія выходила изъ того, что оно состоитъ, по Уложенію, въ соразмѣрности съ другими наказаніями для лицъ другихъ податныхъ сословій, не изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія. Мы это оттолкнули, такъ сказать, отъ себя. Мы считали, что занимаемся спеціально крестьянскимъ дѣломъ. *Я думаю, противъ отмѣны тѣлесныхъ наказаній вообще никто между нами возражать не будетъ*; но мы пришли къ заключенію, что Уложеніе о наказаніяхъ простому крестьянину будетъ непонятно и, не предполагая измѣнять кодекса существующихъ постановленій, изложили ихъ въ нашемъ положеніи" (*Семеновъ*, т. III, ч. II, стр. 191).

**) *Скребицкій*: „Крест. дѣло въ царствов. имп. Александра II", т. I, стр. 538, 561—563, 580.

***) *Семеновъ*: „Освобожденіе крестьянъ", т. III, ч. II, стр. 129—130, 190—191.

****) 2-е П. С. З., № 36657, ст. 102, п. 2.

петербургскій и новороссійскій высказали мнѣніе, что справедливо было бы совсѣмъ отмѣнить тѣлесное наказаніе даже и для мужчинъ, но введеніе мѣры они предлагали пріостановить: первый—впредь до устройства у насъ исправительныхъ заведеній по системѣ одиночнаго заключенія, содержащіеся въ которыхъ были бы постоянно занимаемы работою, а послѣдній—до того времени, когда съ прекращеніемъ крѣпостного права народъ получитъ свободу и возможность образовать себя. Когда переписка эта была представлена императору Александру II, то онъ, 6 іюня 1861 г., повелѣлъ управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и главноуправляющему II отдѣленіемъ собственной Его Величества канцеляріи представить въ скорѣйшемъ времени соображенія относительно смягченія и *уничтоженія* у насъ *тѣлесныхъ наказаній вообще* *).

Въ 1861 г. кн. Н. Орловъ подалъ императору Александру II записку объ уничтоженіи тѣлесныхъ наказаній, которую государь повелѣлъ обсудить въ особомъ комитетѣ при II отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи. Результатомъ работъ этого комитета было изданіе указа 17 апрѣля 1863 г., которымъ былъ нанесенъ серьезный ударъ господству тѣлесныхъ наказаній. Этимъ указомъ жестокія тѣлесныя наказанія (для лицъ гражданскаго вѣдомства — плети) были вовсе отмѣнены; воспрещено было также наложеніе клеймъ и штемпельныхъ знаковъ и, наконецъ, лица женскаго пола совершенно изъяты отъ тѣлесныхъ наказаній. Кромѣ того, этотъ указъ ослабилъ силу наказанія розгами: имъ было, во-первыхъ, предписано опредѣленное за проступки, означенные въ 573—576 ст. Уложенія о наказаніяхъ (по уклоненію отъ воинской повинности) наказаніе розгами замѣнять впредь заключеніемъ въ тюрьмѣ или кратковременнымъ арестомъ, а затѣмъ замѣну тюрьмы, смирительнаго или рабочаго дома, кратковременнаго ареста или обращенія въ общественныя работы наказаніемъ розгами указъ допускалъ только *въ виду явной невозможности опредѣлить одну изъ вышеупомянутыхъ мѣръ* **). Приказомъ 17 апрѣля по военному вѣдомству было отмѣненно прогнаніе сквозь строй и наказаніе шпицрутенами, и какъ придаточное наказаніе къ другимъ, и какъ самостоятельное наказаніе, причемъ въ послѣднемъ случаѣ, *впредь до устройства въ военномъ вѣдомствѣ мѣстъ заключенія и исправительныхъ учрежденій*, прогнаніе сквозь строй предписано было замѣнять наказаніемъ розгами (не свыше 200 ударовъ). Всѣ безсрочно-служащіе нижніе чины и вновь поступающіе

*) *Бикитокъ:* „Матеріалы для исторіи отмѣны тѣлесныхъ наказаній въ Россіи". *Юридическій Вѣстникъ* 1892 г., №№ 7—8, стр. 409.

**) Указъ 17 апрѣля, кромѣ того, расширилъ кругъ лицъ, изъятыхъ вообще отъ всякихъ тѣлесныхъ наказаній, именно сверхъ лицъ, избавленныхъ отъ нихъ Уложеніемъ 1857 г., указъ распространяетъ изъятіе: 1) на церковно-служителей христіанскихъ исповѣданій и ихъ дѣтей; 2) на всѣхъ духовныхъ лицъ нехристіанскихъ исповѣданій и дѣтей ихъ; 3) на учителей народныхъ школъ; 4) на получившихъ аттестаты въ успѣшномъ окончаніи ученія въ уѣздныхъ училищахъ, а также въ земледѣльческихъ или равныхъ съ ними и въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и 5) на лицъ крестьянскаго сословія, занимающихъ общественныя должности по выборамъ.

были освобождены отъ тѣлеснаго наказанія безъ судебнаго приговора до тѣхъ поръ, пока не попадутъ въ разрядъ штрафованныхъ по приговору суда. Тѣ же правила, съ уничтоженіемъ сверхъ того и специальнаго наказанія кошками, были примѣнены и къ морскому вѣдомству *). Въ этихъ приказахъ указъ 17 апрѣля былъ мотивированъ желаніемъ государя «явить новый примѣръ отеческой заботливости о благосостояніи арміи и флота и въ видахъ *возвышенія нравственнаго духа нижнихъ чиновъ*» **).

Такимъ образомъ, указъ 17 апрѣля 1863 г., составляющій громадный шагъ впередъ въ дѣлѣ постепенной отмѣны тѣлесныхъ наказаній, весьма ограничилъ примѣненіе розги по суду, но не изгналъ ея вовсе. Между тѣмъ, въ комитетѣ при II отдѣленіи собств. Е. В. канцеляріи, обсуждавшемъ вопросъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ, раздавались голоса и за окончательное изгнаніе розги. Такъ ген.-адъютантъ кн. Н. А. Орловъ въ своей запискѣ говоритъ: «Уничтоженіе исправительныхъ наказаній розгами встрѣтитъ болѣе затрудненій, чѣмъ отмѣна плетей и наложеніе клеймъ. Многіе скажутъ, что русскій народъ не можетъ обойтись безъ розогъ, съ коими сроднился вѣками. Подобнымъ розголюбамъ можно бы отвѣтить, что тѣлесныя наказанія принесены на Русь татарами и узаконены бюрократіей. Мнѣ кажется, что можно бы замѣнить розги денежными пенями... Розги... унижаютъ достоинство человѣка и подавляютъ въ немъ чувство чести» ***). Управляющій III отдѣленіемъ собств. Е. В. канцеляріи кн. Долгоруковъ высказалъ мнѣніе, что и по дѣламъ о преступленіяхъ, не влекущихъ за собою ссылку въ каторжную работу, на поселеніе или отдачу въ арестанскія роты, слѣдовало бы вовсе отмѣнить наказаніе розгами, такъ какъ при допущеніи этого наказанія только тогда, когда нѣтъ для преступника мѣста въ исправительныхъ заведеніяхъ, не будетъ равномѣрности въ наказаніяхъ за одинаковыя преступленія и могутъ происходить злоупотребленія власти. Кн. Долгоруковъ выразилъ желаніе, чтобы постановлено было непремѣнно устроить или нанять къ опредѣленному сроку помѣщенія для исправительныхъ заведеній, хотя бы самыя простыя съ тѣмъ, чтобы по наступленіи этого срока во всей Имперіи одновременно было прекращено наказаніе розгами. Правило это слѣдовало бы, по мнѣнію кн. Долгорукова, «распространить и на полиціи, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые начальствовавшіе полицейскою частью собственнымъ опытомъ убѣдились въ возможности, при полицейскомъ управленіи, *обходиться рѣшительно безъ всякихъ тѣлесныхъ наказаній*; они свидѣтельствуютъ, что содержаніе подъ арестомъ, даже кратковременнымъ, дѣйствуетъ на простой народъ сильнѣе розогъ и что при этомъ способѣ взысканій уменьшается самое число пре-

---

*) *Журн. Мин. Юстиціи* 1863 г., т. XVI, стр. 5—7, 9—11, или 2-е П. С. З., № 39504.

**) *Журн. Мин. Юстиціи* 1863 г., т. XVI, стр. 9—11.

***) *Сводъ мнѣній и замѣчаній по вопросу объ отмѣнѣ наказаній тѣлесныхъ*, стр. 6. *Записка Орлова* напечатана также въ *Русской Старинѣ* 1881 г., т. XXXI, стр. 95—102, и въ статьѣ *Бинштока*, стр. 409—413.

ступленій и проступковъ». Кн. Орловъ полагалъ, что достаточно было бы назначить двухлѣтній срокъ для совершенной отмѣны тѣлесныхъ наказаній. Генералъ-адмиралъ великій князь Константинъ Николаевичъ началъ свое мнѣніе такъ: «всѣ образованные люди понимаютъ, что тѣлесное наказаніе есть зло, имѣющее всегда весьма вредныя послѣдствія» для народа, «оставшееся отъ временъ грубаго невѣжества, и зло такое, отъ котораго законодательство должно поспѣшно освобождаться, насколько представляется малѣйшая возможность». Далѣе онъ говоритъ: «необходимо стремиться къ полной отмѣнѣ всякаго рода тѣлесныхъ наказаній въ ближайшемъ будущемъ». Указывая на мѣры, могущія смягчить жестокость тѣлесныхъ наказаній и уменьшить число случаевъ, когда виновные должны имъ подвергаться, великій князь спѣшитъ прибавить: «необходимо имѣть въ виду, что это мѣры только переходныя и временныя, а что цѣль, къ которой должны идти постоянно и неуклонно военныя и гражданскія власти, состоитъ въ изысканіи средствъ къ возможно скорѣйшей полной отмѣнѣ всякаго рода тѣлесныхъ наказаній и къ устраненію произвола при наложеніи наказаній вообще». Великій князь настаивалъ также на необходимости немедленно отыскать мѣры къ отвращенію произвола полиціи въ наложеніи тѣлесныхъ наказаній. Онъ находилъ, что вопросъ объ опредѣленіи тѣлесныхъ наказаній безъ суда по произволу полицейскихъ чиновниковъ имѣетъ въ государственномъ отношеніи несравненно еще большую важность, чѣмъ о наказаніяхъ этого рода по приговорамъ суда. Вопросъ этотъ «имѣетъ особенную важность потому уже, что при тѣлесныхъ наказаніяхъ по суду есть по крайней мѣрѣ гарантія, что подвергаются наказаніямъ дѣйствительно виновные; но если и при семъ зло, проистекающее въ народѣ отъ тѣлесныхъ наказаній, заставляетъ желать о наивозможномъ ограниченіи случаевъ употребленія онаго, тѣмъ болѣе должны въ настоящее время вызвать вниманіе высшаго правительства тѣ случаи тѣлесныхъ наказаній, въ коихъ нѣтъ никакого ручательства за справедливое наложеніе ихъ и кои, между тѣмъ, несравненно многочисленнѣе, чѣмъ тѣлесныя наказанія по суду. Наши полицейскіе чиновники привыкли такъ легко смотрѣть на побои простого народа, а высшія мѣстныя власти смотрятъ по большей части съ такою легкостью на дѣйствія въ семъ отношеніи полицейскаго чиновника, что каждый изъ полицейскихъ чиновниковъ считаетъ себя вправѣ употреблять розги и побои, когда ему вздумается. Если все это могло быть по необходимости терпимо до нѣкоторой степени при существованіи надъ половиною сельскаго населенія личнаго крѣпостного права, то теперь», по мнѣнію великаго князя, «подобная полицейская расправа съ простымъ народомъ ни въ какомъ случаѣ не должна быть допускаема». Весь комитетъ также признавалъ необходимость отнять у полиціи право собственною властью назначать тѣлесныя наказанія. Въ общемъ заключеніи своемъ комитетъ высказалъ убѣжденіе, что реформу уголовнаго законодательства нельзя считать окончательно совершенною, пока розга будетъ еще являться средствомъ исправлять заблуждающагося и учить народъ

уваженію къ предписаніямъ закона *). Но, какъ мы видѣли, указъ 17 апрѣля 1863 г., бывшій результатомъ работъ этого комитета, сохранилъ еще розги, хотя и весьма ограничилъ область ихъ примѣненія.

Въ 1864 г. вопросъ о розгахъ былъ вновь затронутъ при обсужденіи въ государственномъ совѣтѣ Судебныхъ Уставовъ. Нѣкоторые члены государственнаго совѣта предлагали внести въ уставъ о наказаніяхъ правило, по которому мировымъ судьямъ предоставлялось бы право назначать за мелкіе проступки розги до 30 ударовъ тамъ, гдѣ нѣтъ достаточнаго помѣщенія въ домахъ заключенія. Но огромное большинство членовъ государственнаго совѣта (въ томъ числѣ и гр. В. Н. Панинъ) высказались противъ розогъ. Указавъ на то, что въ волостномъ судѣ розги были сохранены только по нежеланію быстро колебать вновь введенное Положеніе о крестьянахъ, государственный совѣтъ высказалъ убѣжденіе, что «тѣлесныя наказанія не могутъ не быть признаны *положительно вредными*, препятствуя смягченію нравовъ народа и не дозволяя развиваться въ немъ чувству чести и нравственнаго долга, которое служитъ еще болѣе вѣрною оградой общества отъ преступленій, чѣмъ самая строгость уголовнаго преслѣдованія» **).

Дальнѣйшія мѣры смягченія и ограниченія тѣлесныхъ наказаній состояли въ слѣдующемъ:

Въ 1871 г. послѣдовали смягченія въ уставѣ о ссыльныхъ, изъ котораго были исключены шпицрутены ***).

Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта 22 мая 1880 г. уничтоженъ, такъ называемый, обрядъ публичной казни, соблюдавшійся при исполненіи приговоровъ надъ лицами, лишенными всѣхъ правъ состоянія, и отмѣнена публичность тѣлеснаго наказанія ссыльно-каторжныхъ и ссыльно-поселенцевъ ****).

Законами 1884 и 1885 гг. *****) упразднено право замѣнять лишеніе свободы наказаніемъ розгами (отъ 3 до 100 ударовъ), которое послѣ судебной реформы 1864 г. сохранено было лишь за общими судебными мѣстами, не распространяясь на мировыя учрежденія.

По закону 9 іюля 1889 г. хотя за волостнымъ судомъ въ Прибалтійскомъ краѣ и оставлено право присуждать крестьянъ къ тѣлесному наказанію, но каждый изъ осужденныхъ можетъ *требовать* замѣны этого наказанія другимъ, не заключающимъ въ себѣ ничего позорнаго.

По закону 12 іюля 1889 г. о земскихъ начальникахъ и новомъ устройствѣ волостного суда, приговоръ волостного суда о тѣлесномъ наказаніи можетъ быть исполненъ не иначе, какъ съ особаго разрѣшенія земскаго

---

*) *Сводъ мнѣній и замѣчаній по вопросу объ отмѣнѣ наказаній тѣлесныхъ*, стр. 20, 40, 74, 75, 97—99; статья *Бинштока*, стр. 423—424, 428, 432, 442, 443.

**) *Джаншіевъ*: „Изъ эпохи великихъ реформъ“, изд. 5-е, стр. 202.

***) *Фойницкій*: „Ученіе о наказаніи“, стр. 161—162.

****) Продолженіе *Св. Зак.* 1886 г., уставъ о ссыльныхъ, статья 849-я.

*****) 3-е П. С. З. № 2172 и 3316.

начальника, который имѣетъ право замѣнить сѣченіе штрафомъ или арестомъ. Притомъ тѣлесное наказаніе допускается этимъ закономъ (Врем. Прав. о волостномъ судѣ, ст. 36—38) лишь «въ особо *важныхъ* случаяхъ» и «если судъ признаетъ *необходимымъ* подвергнуть виновнаго именно сему наказанію».

Наконецъ, Высочайше утвержденнымъ 29 марта 1893 г. мнѣніемъ государственнаго совѣта окончательно отмѣнено тѣлесное наказаніе для ссыльныхъ женщинъ. Женщины, присужденныя къ ссылкѣ въ каторжныя работы или на поселеніе, какъ во время препровожденія ихъ къ мѣстамъ заключенія, такъ и въ мѣстахъ ссылки, не подлежатъ теперь ни тѣлеснымъ наказаніямъ плетьми, лозами или розгами, ни приковыванію къ телѣжкѣ.— Тѣлесныя наказанія были замѣнены для нихъ содержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ въ особомъ отдѣленіи тюрьмы, съ прекращеніемъ всякаго сообщенія съ другими заключенными на срокъ не свыше 50 дней (для малолѣтнихъ, не достигшихъ 14-лѣтняго возраста, не свыше 10 дней), а въ нѣкоторыхъ случаяхъ наложеніемъ ножныхъ оковъ на срокъ не свыше одного года.

Посмотримъ, къ кому еще могутъ примѣняться тѣлесныя наказанія.

По Уложенію наказаніе розгами отъ 30 до 40 ударовъ назначено для бродягъ за ложное показаніе о своемъ званіи (ст. 952) и отъ 5 до 10 ударовъ для малолѣтнихъ ремесленниковъ (ст. 1377), а также наказаніе хлыстомъ до 5 ударовъ для корабельныхъ служителей или водоходцевъ (ст. 1261) *). Наказаніе розгами назначается на основаніи Положенія 19 февраля 1861 г. волостнымъ судомъ (до 20 ударовъ), по воинскому и дисциплинарному Уставамъ для нижнихъ чиновъ, состоящихъ въ разрядѣ штрафованныхъ, отъ 15 до 300 ударовъ, по Уставу о содержащихся подъ стражей розгами до 100 ударовъ, наконецъ, по Уставу о ссыльныхъ наказаніе плетьми до 100 ударовъ, приковываніе къ телѣжкѣ отъ одного года до 3-хъ мѣсяцевъ и наказаніе розгами.

По Воинскому Уставу 1875 г. въ мѣстностяхъ, гдѣ не устроено еще военныхъ тюремъ, одиночное заключеніе въ военной тюрьмѣ должно быть замѣняемо для нижнихъ чиновъ, состоящихъ въ разрядѣ штрафованныхъ, наказаніемъ розгами отъ 50 до 200 ударовъ, причемъ число ихъ соразмѣряется со степенью одиночнаго заключенія, которой подлежалъ бы осужденный. По тому же Воинскому Уставу на военно-служащихъ могутъ быть налагаемы по суду наказанія, назначенныя въ дисциплинарномъ Уставѣ, а слѣдовательно для лицъ, не избавленныхъ отъ тѣлесныхъ наказаній и состоящихъ въ разрядѣ штрафованныхъ и наказанія розгами. Кромѣ того, нижніе чины, содержащіеся въ дисциплинарныхъ батальонахъ или ротахъ, за нѣкоторыя преступленія приговариваются къ продолженію срока пребыванія въ нихъ и, сверхъ того, къ содержанію въ карцерѣ отъ $1^1/_2$ до 4 мѣсяцевъ, но отъ усмотрѣнія суда зависитъ содержаніе въ отдѣльныхъ

---

*) Въ новомъ проектѣ Уголовнаго Уложенія тѣлесное наказаніе вовсе не упоминается. Приложеніе къ № 9 *Жур. Мин. Юст.*, сентябрь 1895 г.

карцерахъ замѣнить для состоящихъ въ разрядѣ штрафованныхъ розгами отъ 100 до 300 ударовъ (ст. 280—281) *). По дисциплинарному Уставу, состоящіе въ разрядѣ штрафованныхъ могутъ быть подвергаемы наказанію розгами, причемъ наказаніе до 15 ударовъ можетъ быть налагаемо ротнымъ командиромъ, до 25 ударовъ—батальоннымъ командиромъ и до 50—полковымъ (Дисципл. Уставъ, изд. 1888 г., ст. 25, 28 и 29) **).

По уставу о содержащихся подъ стражей, содержащіеся при полиціи и въ тюрьмахъ по обвиненіямъ въ тяжкихъ преступленіяхъ могутъ быть заковываемы въ кандалы въ предупрежденіе побѣговъ. Въ особенности же должны быть заковываемы въ кандалы всѣ осужденные къ ссылкѣ въ каторжныя работы. Не могутъ быть заключаемы въ оковы: 1) малолѣтніе обоего пола и 2) всѣ лица, изъятыя по закону отъ тѣлесныхъ наказаній. Содержащіеся въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ, гдѣ содержатся лица мужского пола, не изъятыя отъ тѣлесныхъ наказаній, могутъ быть за маловажные проступки подвергаемы наказанію розгами до 30 ударовъ, а съ утвержденія губернатора до 100 ударовъ, бритью половины головы и заковыванію на время въ кандалы (ibid. стр. 324, 325).

По уставу о ссыльныхъ преступники, осужденные въ каторжныя работы и къ ссылкѣ на поселеніе за новыя преступленія, подвергаются наказаніямъ до 100 ударовъ плетьми, а каторжные и прикованію къ телѣжкѣ на время отъ одного года до трехъ лѣтъ (Св. Зак., изд. 1890 г., т. XIV, стр. 437). За маловажныя же преступленія и проступки, по усмотрѣнію мѣстныхъ начальствъ, каторжные—плетьми не свыше 20 и розгами не свыше 100 ударовъ и ссыльно-поселенцы розгами не свыше 100 ударовъ (ст. 441, 443). Бродяги, непомнящіе родства, подвергаются наказанію плетьми отъ 20 до 80 ударовъ (ст. 452).

Такова область, удѣленная тѣлеснымъ наказаніямъ по закону. Но бываютъ случаи тѣлеснаго наказанія и по административному усмотрѣнію. Такъ, напримѣръ, въ 1887 г., по приказанію нижегородскаго губернатора Баранова во время ярмарки, на основаніи будто бы Положенія объ усиленной охранѣ, были наказаны розгами одинъ унтеръ-офицеръ и одинъ крестьянинъ за возбужденіе толпы къ избіенію евреевъ, а между тѣмъ правила объ усиленной охранѣ вовсе не уполномочиваютъ администрацію на примѣненіе тѣлесныхъ наказаній. Тѣлесныя наказанія пускались въ ходъ и въ городахъ, и въ деревняхъ по усмиренію анти-холерныхъ и анти-еврейскихъ безпорядковъ. Не дѣйствительную юридическую санкцію такихъ экзекуцій по административному усмотрѣнію, а лишь намекъ на нее находятъ только въ п. 2 ст. 340 Уложенія о наказаніяхъ, гдѣ сказано: «не почитается

*) *Сводъ военныхъ постановленій* 1869 г. Изд. 2-е, 1879 г., кн. XXII, ст. 7-я, 280—281 и прилож. къ ст. 59.

**) О военныхъ, изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній, *Сутугинъ*: „Исторія тѣлесныхъ наказаній въ Россіи“, 1887 г., стр. 141—143. Перечень лицъ гражданскаго вѣдомства, изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній, см. приложеніе къ ст. 30 Уложенія о наказаніяхъ. Изд. 1885 г.

превышеніемъ власти, когда чиновникъ или иное должностное лицо въ какихъ-либо чрезвычайныхъ обстоятельствахъ возьметъ на свою отвѣтственность принятіе также чрезвычайной, болѣе или менѣе рѣшительной мѣры, и потомъ докажетъ, что оная въ видахъ государственной пользы была необходима или по настоятельности дѣла онъ не могъ, безъ видимой опасности или вреда для службы, отложить принятіе сей мѣры до высшаго на то разрѣшенія». Но, по справедливому замѣчанію одного изъ нашихъ публицистовъ: «статья 340 имѣетъ въ виду наличность *чрезвычайныхъ условій еще длящихся, еще не устраненныхъ*; какъ только они миновали, нѣтъ больше надобности въ *чрезвычайныхъ мѣрахъ*,—а слѣдовательно нѣтъ больше для нихъ и основанія. Тѣлесныя наказанія, по самому своему свойству, всегда *слѣдуютъ* за безпорядкомъ, а потому не могутъ способствовать его *прекращенію* и, слѣдовательно, никогда не могутъ быть подведены подъ дѣйствіе статьи 340» *). Что и правительство не считаетъ тѣлеснаго наказанія мѣрою законной и цѣлесообразной относительно лицъ, не лишенныхъ правъ состоянія, даже и во время явнаго неповиновенія установленнымъ властямъ, бунта или возмущенія, видно, напримѣръ, изъ инструкціи для горныхъ исправниковъ частныхъ золотыхъ промысловъ, утвержденной министромъ внутреннихъ дѣлъ 10 мая 1874 г. **). Въ § 22 этой инструкціи сказано: «Въ случаѣ возникновенія между рабочими на частныхъ золотыхъ промыслахъ явнаго неповиновенія установленнымъ властямъ цѣлыми массами, а равно въ случаѣ бунта или возмущенія, горный исправникъ можетъ призывать на помощь военныя команды, руководствуясь высочайше утвержденными 18 іюня 1872 г. правилами о разграниченіи правъ и обязанностей военныхъ и гражданскихъ властей. Но при этомъ строго воспрещается употреблять въ отношеніи зачинщиковъ неповиновенія, если они не изъ поселенцевъ, тѣлесное наказаніе, а слѣдуетъ таковыхъ, по подробномъ и возможно скоромъ изслѣдованіи дѣла, отправлять, по принадлежности, къ суду».

II.

Нѣкоторые защитники тѣлесныхъ наказаній указываютъ на то, что народъ будто бы любитъ розгу. Къ сожалѣнію, въ послѣдніе годы не было произведено изслѣдованія по вопросу объ отношеніи народа къ тѣлеснымъ наказаніямъ, но для выясненія того, какъ относились къ нимъ крестьяне четверть вѣка тому назадъ, значительный матеріалъ представляютъ *Труды коммиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ*, члены которой въ 1872 г.

---

*) *Вѣстникъ Европы* 1887 г. № 10, *Внутреннее Обозрѣніе*, стр. 840 — 843. О тѣлесныхъ наказаніяхъ во время холерныхъ безпорядковъ см. *Вѣстникъ Европы* 1892 г., № 9, стр. 422—425.

**) Распубликовано въ № 47 *Собранія Узаконеній и распоряженій правительства* за 1874 г.; перепечатано въ книгѣ Розанова *Сводъ дѣйствующихъ узаконеній о частной золотопромышленности въ Россіи*.

посѣтили губерніи Новгородскую, Вологодскую, Ярославскую, Костромскую, Владимірскую, Нижегородскую, Самарскую, Саратовскую, Тамбовскую, Рязанскую, Харьковскую, Полтавскую, Екатеринославскую, Кіевскую и Московскую. Въ числѣ вопросовъ, предлагавшихся крестьянамъ при изслѣдованіи волостныхъ судовъ, находимъ слѣдующій: «Часто ли примѣняется наказаніе розгами; какъ смотрятъ крестьяне на цѣлесообразность этого наказанія?» Разсматривая отвѣты на этотъ вопросъ, нужно помнить, что изслѣдованіе производилось всего одиннадцать лѣтъ послѣ уничтоженія крѣпостного права, девять лѣтъ послѣ изданія указа 1863 г., отмѣнившаго наиболѣе тяжкія наказанія по суду, и восемь лѣтъ послѣ учрежденія земства, когда, слѣдовательно, оно еще очень мало успѣло поработать для распространенія народнаго образованія. Принявъ все это во вниманіе, имѣя въ виду тѣ неблагопріятныя умственныя, нравственныя и экономическія условія, среди которыхъ находится народъ, можно было бы ожидать, что мы не встрѣтимъ вовсе протестовъ противъ розги, особенно если имѣть въ виду, что высказываться по этому вопросу приходилось представителямъ старшаго поколѣнія, которое могло свыкнуться съ этимъ орудіемъ наказанія, и притомъ они выражали свое мнѣніе въ присутствіи мирового посредника. Оказывается, однако, что членамъ коммиссіи пришлось выслушать не мало отзывовъ противъ тѣлеснаго наказанія. Мы приведемъ ихъ, такъ какъ они покажутъ, что къ мнѣнію о «любви» крестьянъ къ розгѣ слѣдуетъ относиться далеко не съ полнымъ довѣріемъ.

Въ одной волости Романовскаго уѣзда, Ярославской губ., волостной судъ приговаривалъ больше къ розгамъ, но крестьяне предпочитали арестъ. Въ одномъ мѣстѣ въ Юрьевецкомъ уѣздѣ, Костромской губ., старшина, писарь, трое судей и одиннадцать человѣкъ заявили: «у насъ въ волости можно жить и безъ розогъ... у насъ и арестъ идетъ за порокъ, и его совѣстятся». Въ одной волости Тамбовскаго уѣзда были спрошены: старшина, писарь, трое судей и двѣнадцать человѣкъ крестьянъ; нѣкоторые изъ спрашиваемыхъ заявили, что «безъ розогъ можно бы совсѣмъ обойтись», другіе же возразили, что «розги необходимы, потому что иные ареста совсѣмъ не боятся»; подобное же мнѣніе было высказано и въ другой волости этого уѣзда. Въ одной волости Елатомскаго уѣзда, Тамбовской губ., заявили рѣшительно: «можно совсѣмъ обойтись безъ розогъ; самое лучшее, совсѣмъ отмѣнить тѣлесное наказаніе для крестьянъ». Въ другой волости того же уѣзда мнѣнія по вопросу о тѣлесныхъ наказаніяхъ раздѣлились: одни полагали, что трудно обойтись вовсе безъ розогъ, другіе же, напротивъ, утверждали, что слѣдуетъ совершенно отмѣнить тѣлесное наказаніе: «лучше насъ совсѣмъ отъ побоевъ отвести,—говорили крестьяне,—побоями можно человѣка погубить; пора совсѣмъ отъ розогъ освободить». Въ третьей волости того же уѣзда тоже раздѣлились мнѣнія за и противъ розогъ. Въ одной волости Моршанскаго уѣзда крестьяне не знали, можно ли совсѣмъ отмѣнить ихъ: «дѣла этого не обдумали», но, въ дѣйствительности, у нихъ мало примѣнялось это наказаніе. Въ одной волости Бугурусланскаго уѣзда,

Самарской губ., судьи боялись приговаривать къ тѣлесному наказанію (и потому рѣдко примѣняли его), такъ какъ «иной изъ злобы домъ подожжетъ или до смерти изобьетъ»; значитъ, тѣлесныя наказанія вызывали самый рѣзкій протестъ. Въ одной волости Аткарскаго уѣзда, Саратовской губ., крестьяне водили вора по селу, привязавъ ему украденную вещь: такого рода наказаніе они считали «самымъ полезнымъ и гораздо болѣе дѣйствительнымъ, чѣмъ розги». Въ одной волости Миргородскаго уѣзда, Полтавской губ., сказали: «розогъ вообще совсѣмъ ужъ не надо»; въ другой волости того же уѣзда заявили, что безъ розогъ можно бы обойтись: «на мѣсто бою пусть бы имъ лучше работу давать». Въ третьей волости того же уѣзда сказали: «можно совсѣмъ безъ розогъ обойтись: кто дурной человѣкъ, тотъ и розги не боится и его розгой не исправишь». Въ одной волости Хорольскаго уѣзда, Полтавской губ., высказали мнѣніе, что тѣлесное наказаніе «можно бы совсѣмъ отмѣнить: худого человѣка розгой не исправишь, а хорошаго, пожалуй, испортишь». Въ одной волости Звенигородскаго уѣзда, Кіевской губ., считали денежный штрафъ «самымъ памятнымъ и безобиднымъ» наказаніемъ: оно дѣйствительно и «конфуза» такого не производитъ. Въ другой волости того же уѣзда утверждали, что «въ большинствѣ случаевъ денежный штрафъ оказывается лучшею мѣрой наказанія»: розги «на многихъ только конфузъ производятъ, а дѣйствія полезнаго не имѣютъ, пожалуй еще пуще озлобляютъ. Штрафъ—дѣло другое: конфузу мало, за то дѣйствія больше, поэтому какъ заплатитъ деньги за свою вину или глупость, такъ долго это будетъ съ досадою помнить». Въ одной волости Уманьскаго уѣзда, Кіевской губ., высказали подобное же мнѣніе: «штрафъ гораздо вѣрнѣе другихъ наказаній, потому что всякому больно, какъ заставятъ платить, а прочія наказанія на иного дѣйствуютъ, а другому ни по чемъ». Въ одной волости Верхнеднѣпровскаго уѣзда, Екатеринославской губ., крестьяне заявили, что самымъ полезнымъ и дѣйствительнымъ наказаніемъ они считаютъ штрафъ, а розги признаютъ совершенно безполезными. «Хорошо бы это наказаніе совершенно уничтожить, чтобы розогъ и въ заводѣ не было». Въ другой волости того же уѣзда всѣ спрошенные (старшина, волостной писарь, 5 старостъ, 4 судей и 19 домохозяевъ) заявили, что считаютъ розги безполезными и что ихъ слѣдуетъ совсѣмъ уничтожить: «много биты были при помѣщикахъ, а пользы мало было, только худоба отъ битья, и бичемъ человѣка не выправишь». Самымъ полезнымъ наказаніемъ считали здѣсь штрафъ. Въ третьей волости того же уѣзда, по мнѣнію крестьянъ, «наказаніе розгами слѣдуетъ совершенно отмѣнить». Въ четвертой крестьяне считали самымъ удобнымъ и полезнымъ наказаніемъ денежный штрафъ *).

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ розги рѣдко примѣнялись волостнымъ судомъ или совсѣмъ не примѣнялись. Въ Ярославской губ. въ восьми волостяхъ

---

*) *Труды*, т. III, стр. 188, 330; т. I, стр. 8, 12, 124, 130, 134, 95; т. VI, стр. 222, 473; т. IV, стр. 464, 488; т. V, стр. 471, 522, 283, 289, 318, 429, 435, 442, 417.

заявили о томъ, что рѣдко присуждаютъ къ розгамъ. Въ одной волости Мологскаго уѣзда той же губерніи крестьяне сказали: «розги у насъ почти совсѣмъ не примѣняются, но онѣ всего страшнѣе. У насъ одного къ розгамъ присудили, а онъ 50 руб. предлагалъ, чтобъ отъ нихъ избавиться». Въ одной волости Ростовскаго уѣзда заявили, что изъ числа наказаній, которымъ можетъ подвергать волостной судъ, «самымъ строгимъ и тяжкимъ считается наказаніе розгами, а потому волостной судъ приговариваетъ къ розгамъ только въ весьма рѣдкихъ и крайнихъ случаяхъ». Рѣдко приговаривали къ тѣлеснымъ наказаніямъ даже въ Борисоглѣбской волости, Ростовскаго уѣзда, гдѣ было 2.623 души временно-обязанныхъ крестьянъ гр. В. Н. Панина, который, какъ мы видѣли, былъ горячимъ защитникомъ во время освобожденія крестьянъ тѣлесныхъ наказаній по приговору волостныхъ судовъ. Въ одной волости Ростовскаго уѣзда волостной судъ приговаривалъ къ розгамъ весьма рѣдко: «въ теченіе послѣднихъ лѣтъ только по пяти уголовнымъ дѣламъ виновные были приговорены къ тѣлесному наказанію». Въ другой волости того же уѣзда волостной судъ приговаривалъ къ розгамъ «весьма рѣдко, и то только за самые важные проступки и людей негодныхъ». Въ одной волости Костромского уѣзда съ 1871 г. никого не наказывали розгами; въ одной волости Нерехтскаго уѣзда, той же губерніи, розгами наказывали очень рѣдко; въ Юрьевецкомъ уѣздѣ въ одномъ мѣстѣ сказали: «у насъ всего только разъ за мать высѣкли». Въ одной волости Кинешемскаго уѣзда той же губерніи розгами наказывали рѣдко, въ годъ раза три: «только для того, чтобы пострашать и постыдить при народѣ». Въ Шуйскомъ уѣздѣ, Владимірской губ., въ одной волости розги были «самымъ осрамительнымъ, хотя сравнительно рѣдкимъ наказаніемъ»; въ другой—розгами наказывали рѣдко, «и то больше по жалобамъ родителей на дѣтей и по заявленіямъ старшины о неисправности въ платежѣ податей»; въ третьей—розги также примѣнялись рѣдко. Въ Тамбовской губ. въ одной волости Елатомскаго уѣзда года два уже совершенно не наказывали розгами, а *въ 25 волостяхъ* той же губерніи это наказаніе примѣнялось рѣдко, очень или крайне рѣдко. Рѣдко присуждали къ розгамъ въ одной волости Новоузенскаго и въ двухъ Бугурусланскаго уѣздовъ, Самарской губ. Въ Самарскомъ уѣздѣ въ окружномъ приказѣ менонитовъ (въ колоніи Александерталь) заявили, что «розгами наказываютъ только татаръ и русскихъ работниковъ, находящихся въ услуженіи колонистовъ». Въ одной волости Аткарскаго уѣзда, Саратовской губ., къ розгамъ присуждали весьма рѣдко, въ другой въ продолженіе 10 лѣтъ было наказано розгами всего 10 человѣкъ (изъ нихъ 6—за кражу и 4—за драку); въ третьей рѣдко наказывали розгами на волостномъ судѣ, «и то въ прежніе годы»; крестьяне запомнили только 5 случаевъ тѣлеснаго наказанія на волостномъ судѣ *). Въ четвертой съ открытія волости, т.-е.

*) Однако, здѣсь весьма часто наказывали розгами на сельскомъ сходѣ за маловажные проступки, чтобы „поучить“ виноватаго, не доводя дѣла до волостного

съ 1868 г., розгами были наказаны всего двое за кражу, причемъ рѣшеніе это было приведено въ исполненіе на перекресткѣ двухъ дорогъ въ самомъ селѣ,—слѣдовательно, наказаніе имѣло характеръ преимущественно посрамительный. Въ одной волости Балашовскаго уѣзда, Саратовской губ., сказали, что прежде сѣкли чаще. Очень рѣдко примѣнялись розги и въ 7 волостяхъ Харьковской губ. Въ Полтавской губ. въ 3 волостяхъ розги вовсе не примѣнялись по приговорамъ волостныхъ судовъ, а въ 13 волостяхъ примѣнялись рѣдко или даже крайне рѣдко: такъ, напримѣръ, въ Миргородской волости за цѣлый годъ былъ только одинъ случай, въ нѣкоторыхъ другихъ почти совсѣмъ не приговаривали къ тѣлесному наказанію: при тогдашнихъ судьяхъ этого не случалось. Въ Кіевской губ. въ 10 волостяхъ розги совсѣмъ не примѣнялись; только въ двухъ изъ нихъ сдѣлали оговорку, что сѣкутъ иногда дѣтей по желанію родителей. Въ одной изъ этихъ волостей розгами никого не наказывали потому, что по дошедшимъ къ нимъ слухамъ наказаніе это отмѣнено; въ нѣкоторыхъ волостяхъ розгами не сѣкли 3—4 года. Въ одной волости Каневскаго уѣзда въ теченіе 10 лѣтъ, съ 1862 по 1871 г., къ наказанію розгами было присуждено 44 мужчины и 3 женщины (послѣднія вопреки закону), но въ 1872 г. никого не присуждали. Въ 14 волостяхъ Кіевской губ. розги употреблялись рѣдко или очень рѣдко. Въ одной волости Черкасскаго уѣзда съ 1862 г. были приговорены къ тѣлесному наказанію 51 мужчина и 1 женщина. Въ Екатеринославской губ. въ 9 волостяхъ тѣлесное наказаніе вовсе не примѣнялось: въ одной изъ нихъ заявили, что въ народѣ это наказаніе вышло изъ употребленія. Въ одной волости Верхнеднѣпровскаго уѣзда этой губ. съ 1862 г. былъ только одинъ случай наказанія розгами, а именно въ 1866 г., за кражу пшеницы, въ другой—съ открытія волости было только три случая наказанія розгами, въ третьей—съ 1866 г. было только 5 приговоровъ къ этому наказанію. Въ той же Екатеринославской губ. въ одной волости Александровскаго уѣзда волостной судъ никогда не приговаривалъ къ тѣлесному наказанію, а присуждалъ почти исключительно къ денежному штрафу въ пользу мірскихъ суммъ. Въ одной волости Павлоградскаго уѣзда былъ только одинъ случай наказанія розгами за послѣдніе четыре года. Въ 12 волостяхъ Екатеринославской губ. розги примѣнялись рѣдко, очень рѣдко или «въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ». Въ одной волости Екатеринославскаго уѣзда заявили, что розги у нихъ не въ обычаѣ, «даже недоимщиковъ не сѣкутъ. Въ Хортицкой волости, Екатеринославскаго уѣзда (колонія менонитовъ), къ розгамъ приговаривали только русскихъ работниковъ.

Такимъ образомъ, въ началѣ 70-хъ годовъ уже во многихъ мѣстахъ волостные суды вовсе не примѣняли или примѣняли весьма рѣдко тѣлесное наказаніе; тѣмъ не менѣе, это наказаніе было очень распростра-

---

суда; это было уже противозаконно, такъ какъ Положеніе 19 февраля давало право приговаривать къ тѣлесному наказанію только волостному суду, а не сельскому сходу.

нено, и нельзя удивляться, что къ нему прибѣгало поколѣніе, воспитанное въ традиціяхъ крѣпостного права. Уже изъ приведенныхъ фактовъ видно, что сильнѣе другихъ мѣстностей отвращеніе къ тѣлеснымъ наказаніямъ проявилось въ Полтавской, Харьковской, Кіевской и Екатеринославской губерніяхъ. Извѣстный изслѣдователь обычнаго права, Оршанскій, пришелъ на этомъ основаніи къ выводу, что «рѣшительный протестъ противъ тѣлесныхъ наказаній является преимущественно со стороны малорусскаго населенія, что можно объяснить двумя причинами. Во-первыхъ, матеріальное благосостояніе крестьянъ на югѣ и юго-западѣ гораздо выше, чѣмъ въ другихъ частяхъ имперіи...; во-вторыхъ, южноруссъ несомнѣнно одаренъ *отъ природы* болѣе развитымъ сознаніемъ личнаго достоинства и вообще по моральному развитію стоитъ гораздо выше, чѣмъ крестьянинъ великорусскій» *). Со вторымъ изъ этихъ замѣчаній едва ли можно согласиться, по крайней мѣрѣ въ той формѣ, какъ оно высказано авторомъ. Во-первыхъ, нежеланіе примѣнять тѣлесное наказаніе проявилось не только въ такихъ губерніяхъ съ исключительно малорусскимъ населеніемъ, какъ Полтавская и Кіевская, но и въ Екатеринославской, гдѣ весьма много великороссовъ; наконецъ, въ значительной степени оно обнаружилось и въ Ярославской губ. Отвращеніе малороссовъ къ тѣлесному наказанію, кромѣ большаго благосостоянія крестьянъ на югѣ Россіи, можетъ объясняться гораздо болѣе позднимъ утвержденіемъ у нихъ крѣпостного права (окончательное закрѣпощеніе малороссійскихъ крестьянъ произошло, какъ извѣстно, лишь въ 1783 г.). Дѣло, слѣдовательно, объясняется не какими-то чуть не прирожденными національными свойствами южно-русскаго населенія, а условіями недавней исторіи Малороссіи и причинами экономическими. Большею зажиточностью объясняется и указанное отрицательное отношеніе къ розгѣ ярославскихъ крестьянъ во многихъ мѣстахъ: вслѣдствіе распространенія у нихъ отхожихъ промысловъ, ярославскіе крестьяне и зажиточнѣе, и умственно развитѣе, и въ этомъ послѣднемъ отношеніи несомнѣнно превосходятъ малороссовъ. Какъ мы увидимъ еще и ниже, розга не пользовалась особенною любовью и въ губерніяхъ Костромской, Владимірской и Тамбовской.

Мы привели уже не мало данныхъ, свидѣтельствующихъ, что крестьянское населеніе со времени уничтоженія крѣпостного права вовсе не осталось въ дѣлѣ наказаній повсемѣстно вѣрнымъ традиціямъ печальнаго прошлаго, предшествовавшаго освобожденію. Но было бы, конечно, совершенною нелѣпостью ожидать, что розга могла исчезнуть изъ крестьянскаго обихода, какъ по мановенію волшебнаго жезла: этому препятствовали и причины экономическія, вызывавшія примѣненіе тѣлесныхъ наказаній при взысканіи недоимокъ, и малое распространеніе грамотности во второй половинѣ 60-хъ и началѣ 70-хъ годовъ. Насколько еще велико было въ это

*) *Оршанскій:* „Изслѣдованіе по русскому праву обычному и брачному". Спб., 1879 г., стр. 142.

время примѣненіе розги, мы ясно увидимъ, если разберемъ тѣ показанія волостныхъ судей и крестьянъ, въ которыхъ сравнивается примѣненіе въ одной и той же волости различныхъ наказаній (розогъ, денежнаго штрафа, ареста и общественныхъ работъ) и указывается, какое изъ этихъ наказаній *всего чаще* назначается.

Въ *Вологодскомъ* уѣздѣ по волостямъ даны были отвѣты, что самое употребительное наказаніе—розги; денежные штрафы употребляются рѣже *«по бѣдности населенія»*. Въ Новгородской губ. въ волостяхъ Новгородскаго и Череповецкаго уѣздовъ самымъ употребительнымъ наказаніемъ были розги; но тутъ же находимъ и объясненіе этого печальнаго явленія: сѣкли всего чаще за неплатежъ податей. Напротивъ, въ Кирилловскомъ уѣздѣ, той же губерніи, чаще всего примѣнялись арестъ и денежный штрафъ. Розги существовали, конечно, и здѣсь, но, повидимому, преимущественно для выколачиванія недоимокъ; по крайней мѣрѣ, мы находимъ относительно той же мѣстности слѣдующее свѣдѣніе: «за неплатежъ податей, при пьянствѣ, волостнымъ судомъ полагаются всегда розги», но здѣсь онѣ и въ этомъ отношеніи не считались панацеей: бывали случаи, что «виновныхъ въ томъ» волостной старшина своею властью подвергалъ аресту при волостномъ правленіи. Въ Московской губ. въ 33 волостяхъ заявили, что чаще всѣхъ другихъ наказаній примѣняются розги. И здѣсь это явленіе коренилось въ экономическихъ условіяхъ данной мѣстности, какъ видно изъ того, что въ 28 волостяхъ сѣкли недоимщиковъ и только въ 2 волостные суды не примѣняли въ этомъ случаѣ тѣлесныхъ наказаній. Между тѣмъ, какъ въ Московской губ. въ 33 волостяхъ чаще всего приговаривали къ розгамъ, только въ 4 преимущественно практиковался арестъ *), а въ одной чаще всего денежный штрафъ; въ трехъ волостяхъ за первый проступокъ назначался штрафъ, а потомъ розги **). Къ сожалѣнію, далеко не во всѣхъ волостяхъ различныхъ губерній мы находимъ категорическій отвѣтъ на вопросъ о томъ, какое наказаніе примѣняется всего чаще, но, все-таки, сравненіе между существовавшими наказаніями довольно поучительно. Такъ, напримѣръ, въ *Ярославской* губ. въ 6 волостяхъ чаще всего примѣнялся арестъ, въ трехъ—штрафъ и арестъ, въ одной—арестъ и общественныя работы, въ одной—чаще всего штрафъ, и кромѣ этихъ волостей еще въ одной—розги примѣнялись рѣдко. Такимъ образомъ изъ тѣхъ волостей, относительно которыхъ намъ извѣстно, какія наказанія примѣняются чаще, въ 11 преобладаютъ *не* тѣлесныя наказанія, напротивъ, «всего чаще» розги примѣнялись лишь въ пяти волостяхъ. Если и въ этой губерніи, все-таки, было распространено тѣлесное наказаніе, то это объ-

*) Въ одной изъ этихъ волостей „прежде много наказывали розгами, теперь больше арестомъ“, слѣдовательно, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, замѣчается смягченіе нравовъ.

**) Въ одной волости Дмитровскаго уѣзда, Московской губ., старшина заявилъ, что „ему приходилось иногда въ крайнихъ случаяхъ своею властью наказывать розгами неплательщиковъ при явномъ ихъ упорствѣ“.

ясняется значительнымъ количествомъ недоимщиковъ, о сѣченіи которыхъ по приговорамъ волостныхъ судовъ сдѣлано заявленіе въ 19 волостяхъ *). Въ *Костромской* губ. мы имѣемъ мало данныхъ о болѣе или менѣе частомъ примѣненіи различныхъ наказаній, но мы знаемъ, что въ трехъ волостяхъ чаще всего присуждали къ аресту, кромѣ того, въ двухъ—розги примѣнялись рѣдко и, наконецъ, въ одной—съ 1871 г. совсѣмъ не наказывали розгами, слѣдовательно нетѣлесныя наказанія преобладали въ 6 волостяхъ, а «чаще всего розги» назначались лишь въ двухъ волостяхъ. Относительно тѣлеснаго наказанія недоимщиковъ въ этой губерніи мы находимъ заявленія въ 5 волостяхъ. Во *Владимірской* губ. сравненіе случаевъ примѣненія различныхъ наказаній (тамъ, гдѣ на это есть указанія) еще неблагопріятнѣе для розогъ: въ 8 волостяхъ чаще всего примѣняется арестъ и только въ одной—наиболѣе употребительны розги: о наказаніи недоимщиковъ упоминается въ 5 волостяхъ **). Въ *Тамбовской* губ. также преобладали не тѣлесныя наказанія. Правда, о томъ, что розги примѣнялись всего чаще, сдѣланы были заявленія въ 26 волостяхъ, а штрафъ и арестъ преобладали въ 16 волостяхъ, но за то кромѣ этихъ еще въ 20 волостяхъ заявили, что розги примѣняются рѣдко. Большая зажиточность населенія этой губерніи выражалась въ томъ, что въ очень многихъ мѣ-

*) Только въ одной волости мы находимъ извѣстіе, что дѣлъ о неплатежѣ податей въ волостномъ судѣ не бываетъ. Въ другой сказали, что неплательщиковъ податей хотя и наказываютъ по приговору суда, но рѣдко: „Бѣдность большая, у иного и описать нечего. Не наказывать за неплатежъ податей нельзя, когда за то съ самого начальства взыскивается". „Лучше помирать, чѣмъ жить на этой должности",— объяснилъ старшина. Въ одной волости Угличскаго уѣзда, по заявленію старшины, неплательщиковъ наказывалъ онъ самъ; „да не всегда и взыщешь: часто только раздѣнешь и постращаешь, и того довольно".

**) Впрочемъ, относительно Владимірской губ. изъ другихъ источниковъ мы имѣемъ точныя данныя о количествѣ наказанныхъ розгами по приговору волостныхъ судовъ, а также и о числѣ другихъ наказаній. Изъ этихъ данныхъ видно, что тѣлесное наказаніе *не было преобладающимъ* лишь въ годы, непосредственно предшествующіе изслѣдованію коммиссіи о преобразованіи волостныхъ судовъ—въ 1869 и 1870 гг. (относительно 1871 г. неизвѣстно число подвергнутыхъ аресту), а также въ 1875, 1879 и 1880 гг. (въ 1874 г. число подвергнутыхъ аресту и общественнымъ работамъ почти равнялось числу тѣлесно-наказанныхъ). Всего во Владимірской губ. въ періодъ времени съ 1863 по 1880 гг. было наказано розгами: въ 1863 г. — 397 чел., въ 1864 г.—836 ч., въ 1865 г.—742 ч., въ 1866 г.—625 ч., въ 1867 г. — 614 чел., въ 1868 г.—824 ч., въ 1869 г.—923 ч., въ 1870 г.—892 ч., въ 1871 г. — 626 чел., въ 1872 г.—1,580 ч., въ 1873 г.—1,650 ч., въ 1874 г.—1,166 ч., въ 1875 г.—1,114 ч., въ 1876 г.—917 ч., въ 1877 г.—963 ч., въ 1878 г.—946 ч., въ 1879 г.—724 чел., въ 1880 г.—638 чел. Въ ряду этихъ цифръ поражаетъ рѣзкое увеличеніе числа наказанныхъ тѣлесно въ 1872 и 1873 гг., послѣ котораго начинается медленное, но постоянное уменьшеніе количества высѣченныхъ. Ужъ не было ли вызвано это увеличеніе распросами о розгахъ членами коммиссіи о преобразованіи волостныхъ судовъ? Не были ли эти разспросы поняты такъ, что, по мнѣнію начальства, мало дерутъ? Приведенныя цифры заимствованы изъ труда г. *Смирнова*: „Статистическіе матеріалы о Владимірской губ." (*Владимірскій Земскій Сборникъ* 1882 г., № 9, стр. 172—180).

стахъ (въ 21 волости) волостные суды не приговаривали недоимщиковъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ (въ одной волости заявили, что недоимокъ не бываетъ, въ другой—уже 5 лѣтъ не наказывали тѣлесно за неплатежъ податей), но, все-таки, въ 20 волостяхъ неплательщиковъ приговаривали къ розгамъ. Въ *Самарской* губ., по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мы имѣемъ свѣдѣнія о сравнительно болѣе частомъ примѣненіи того или другого наказанія, чаще присуждали къ розгамъ, а именно «всего чаще» примѣнялись розги въ 16 волостяхъ, арестъ—въ 4 волостяхъ. Что и здѣсь важную роль играли причины экономическія, видно изъ того, что въ одной волости прямо сказали: «бѣднаго больше къ розгамъ присуждаемъ», а въ 12 волостяхъ волостные суды приговаривали недоимщиковъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ *). Въ *Саратовской* губ. также, насколько извѣстно, чаще примѣнялись розги: по крайней мѣрѣ, въ 15 волостяхъ заявили, что чаще всего волостной судъ присуждаетъ къ розгамъ и только въ 6 волостяхъ—чаще всего штрафъ и арестъ и, кромѣ того, въ 2 волостяхъ розги примѣнялись рѣдко. Наказанія недоимщиковъ по приговорамъ волостныхъ судовъ, очевидно, благодаря большой зажиточности сельскаго населенія, были не часты: въ 8 волостяхъ тѣлесное наказаніе въ этомъ случаѣ не примѣнялось **), о сѣченіи же недоимщиковъ заявили въ 7 волостяхъ ***). Въ *Харьковской* губ. преобладали не тѣлесныя наказанія: въ 11 волостяхъ всего чаще примѣняли штрафъ и арестъ и, кромѣ того, въ 3 волостяхъ рѣдко приговаривали къ розгамъ; напротивъ, чаще всего розги примѣнялись только въ одной волости ****). Въ *Полтавской* губ. розги были совсѣмъ не въ авантажѣ: въ 18 волостяхъ чаще всего примѣнялись штрафъ и арестъ, въ 2 штрафъ и общественныя работы и кромѣ того въ 5 волостяхъ къ розгамъ приговаривали рѣдко; напротивъ упомянуто о наиболѣе частомъ примѣненіи розогъ всего въ трехъ волостяхъ. О томъ, что неплательщиковъ не сѣкутъ, заявили въ 12 волостяхъ, а въ двухъ показали, что ихъ вовсе не бываетъ; о сѣченіи недоимщиковъ по суду, и то рѣдкомъ, упомянуто въ 7 волостяхъ (въ одной же «съ ними расправляется старшина»). Въ *Кіевской* губ. розги были еще менѣе употребительны и са-

*) Впрочемъ, въ 3 изъ нихъ—рѣдко, въ одной—въ 1871 г. было 44 случая, а въ слѣдующемъ году ни одного.

**) Въ томъ числѣ иногда сказано, что тѣлесное наказаніе при взысканіи недоимокъ вывелось въ послѣдніе годы, а прежде примѣнялось довольно часто.

***) Впрочемъ, въ двухъ случаяхъ есть упоминанія о сѣченіи недоимщиковъ помимо волостнаго суда: такъ въ одной волости Балашовскаго уѣзда „неплательщиковъ не судятъ, а учатъ ихъ сами старики,—постегаютъ или въ заработки богачамъ отдаютъ"; въ другой волости того же уѣзда—это „дѣло особыхъ добросовѣстныхъ, которые съ ними расправляются". Отъ саратовскаго податного инспектора мы слышали, что въ настоящее время въ уѣздахъ, ближайшихъ къ Саратову, тѣлесныя наказанія примѣняются волостными судами крайнѣ рѣдко.

****) О тѣлесномъ наказаніи неплательщиковъ упомянуто въ 5 волостяхъ Харьковской губ. (и кромѣ того, въ одной волости ихъ наказывали сельскіе старосты), а въ трехъ волостяхъ заявили о томъ, что неплательщиковъ по суду не наказывали

нымъ распространеннымъ наказаніемъ былъ денежный штрафъ; о наиболѣе частомъ примѣненіи штрафа и ареста было заявлено въ 31 волости; напротивъ, розги примѣнялись чаще всего лишь въ 2 волостяхъ. О томъ, что недоимщиковъ не сѣкутъ, было заявлено въ 18 волостяхъ Кіевской губ., о сѣченіи же ихъ—только въ 8 волостяхъ *). Въ *Екатеринославской* губ. самымъ распространеннымъ наказаніемъ былъ также денежный штрафъ: чаще всего штрафъ и арестъ примѣнялись въ 23 волостяхъ, а розги только въ одной. Что касается недоимщиковъ, то въ 7 волостяхъ къ нимъ не примѣнялось тѣлесное наказаніе, въ 5 было заявлено, что неплательщиковъ не бываетъ, примѣнялось же къ нимъ наказаніе розгами, и то рѣдко, лишь въ 2 волостяхъ.

Изучая такимъ образомъ дѣйствительное примѣненіе тѣлесныхъ наказаній волостными судами, мы видимъ, что говорить о любви народа къ розгѣ не приходится. Изъ 12 губерній, о которыхъ было собрано значительное количество данныхъ, уже въ началѣ 70-хъ годовъ тѣлесное наказаніе, какъ оказывается при сравненіи его съ другими карами, *не было преобладающимъ* въ 8 губерніяхъ, а именно: Ярославской, Костромской, Владимірской, Тамбовской, Харьковской, Полтавской, Кіевской и Екатеринославской, причемъ въ 4 послѣднихъ розги примѣнялись весьма нечасто. Если тѣлесное наказаніе преобладало въ губерніяхъ Новгородской (впрочемъ, изъ трехъ, посѣщенныхъ коммиссіею уѣздахъ, лишь въ двухъ), Московской, Самарской и Саратовской, т.-е. въ 4 губерніяхъ, то это объясняется въ нѣкоторыхъ изъ нихъ бѣдностью населенія и вообще широкимъ примѣненіемъ тѣлеснаго наказанія при взысканіи недоимокъ (въ Новгородской губ. это объясняется, какъ увидимъ ниже, неправильнымъ примѣненіемъ въ данномъ случаѣ сельскаго судебнаго устава для государственныхъ крестьянъ). Такимъ образомъ при болѣе совершенной податной системѣ, при болѣе равномѣрномъ распредѣленіи бремени налоговъ, наконецъ, при бо́льшемъ распредѣленіи грамотности, примѣненіе розги самими крестьянами, быть можетъ, значительно ослабѣло бы и безъ особыхъ правительственныхъ мѣръ; но заставлять крестьянъ долѣе страдать вслѣдствіе несовершенства нашей финансовой системы и недостаточной заботы со стороны государства о народномъ образованіи было бы вопіющею несправедливостью.

Какъ вредно отзываются на благосостояніи крестьянъ, практикующіеся у насъ, пріемы взысканія податей, прекрасно понимаютъ и лица, занимающія высокое положеніе въ финансовой администраціи. Г. Тернеръ, въ своей статьѣ *Крестьянскіе платежи и способы ихъ взысканія*, говоритъ: «Въ нашей бытовой жизни существуетъ, кромѣ нѣкоторыхъ другихъ, еще одно темное пятно, которое рѣзко отдѣляетъ насъ отъ другихъ образованныхъ странъ... Нигдѣ въ образованномъ мірѣ тѣлесныя наказанія не допуска-

*) Въ одной волости Васильковскаго уѣзда съ неплательщиками „расправляются“ (безъ суда) „волостной и сельскіе начальники, стращая ихъ, сажая въ холодную, а худыхъ и посѣкая“.

ются, какъ средство побужденія плательщиковъ къ исправному взносу слѣдующихъ съ нихъ податныхъ поступленій» *). Другое лицо, занимающее еще болѣе высокое положеніе въ нашей администраціи, въ своей книгѣ *Неурожай и народное бѣдствіе* (1892 г.) также обращаетъ вниманіе на настоящій порядокъ взысканія податей, который получилъ характерное названіе *выколачиванія ихъ*: при немъ «администраціи приходится прибѣгать къ экзекуціоннымъ мѣрамъ» и «путемъ личныхъ взысканій съ недоимщика до тѣлеснаго наказанія включительно» побуждать крестьянина «заложить свою корову, свою послѣднюю лошадь» (стр. 156, 166).

Слѣдуетъ напомнить, что сенатъ въ своихъ рѣшеніяхъ многократно указывалъ на неправильность примѣненія тѣлесныхъ наказаній при взысканіи недоимокъ. Дѣло въ томъ, что «принятіе мѣръ къ присужденію и взысканію недоимокъ» составляетъ обязанность не волостного суда, а сельскаго схода, который не имѣетъ права по закону примѣнять при этомъ тѣлесное наказаніе **). Однако, тутъ вызывалось недоразумѣніе примѣчаніемъ первымъ къ 102 ст. Общаго Положенія о крестьянахъ, гдѣ сказано: «До изданія общаго сельскаго судебнаго устава, волостные суды, а также волостные старшины и сельскіе старосты, при опредѣленіи, на точномъ основаніи статей 64, 86, 102, мѣры наказаній за маловажные преступленія и проступки примѣняются къ правиламъ по сему предмету установленнымъ въ уставѣ сельскомъ судебномъ для государственныхъ крестьянъ (уставъ казенныхъ селеній, ст. 440—556)»; а статьею 498 этого сельскаго устава допускалось тѣлесное наказаніе тѣхъ, кто, вслѣдствіе лѣности и безпутной жизни, окажется несостоятельнымъ къ платежу податей. Новгородское губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе даже разослало при особомъ циркулярѣ печатные экземпляры сельскаго устава по волостнымъ правленіямъ. Вслѣдствіе этого въ практикѣ волостныхъ судовъ Новгородской губ. и образовался цѣлый рядъ дѣлъ о «неплатежѣ податей при пьянствѣ и нерачительности въ хозяйствѣ», который занималъ въ началѣ 70-хъ годовъ видное мѣсто въ книгахъ волостныхъ судовъ этой губерніи. Дѣла этого рода начинались по заявленіямъ сельскихъ старостъ и, не подвергаясь на волостномъ судѣ никакому разбирательству, безъ всякой провѣрки обвиненія, однообразно рѣшались постановленіемъ о наказаніи *виновныхъ* розгами до 20 ударовъ ***). Этимъ объясняется, почему тѣлесное наказаніе было сильно распространено въ Новгородской губ. въ началѣ

*) *Вѣстникъ Европы* 1895 г., № 10, стр. 441.

**) Общее положеніе о крестьянахъ ст. 51 п. 15 и ст. 188. Срав. „Сборникъ рѣшеній перваго департамента правительствующаго сената по крестьянскимъ дѣламъ 1862—1879 гг.". Изд. 3-е. *Данилова*. 1888 г., стр. 101, и „Положеніе о сельскомъ состояніи". Изд. *Данилова*. Часть I, изд. 3-е, 1891 г., стр. 62.

***) *М. И. Зарудный*: „Законы и жизнь. Итоги изслѣдованія крестьянскихъ судовъ". Спб., 1874 г., стр. 176—177, 131, 133. Напротивъ, костромское губернское присутствіе предписало кинешемскому съѣзду мировыхъ посредниковъ отъ 21 апрѣля 1870 г., что розги не могутъ примѣняться къ недоимщикамъ. Ibid., стр. 177—178.

70-хъ годовъ. Наконецъ, сенатъ рѣшеніями 1876, 1877 и другихъ годовъ разъяснилъ, что волостные суды примѣняются къ сельскому судебному уставу при назначеніи *мѣры* наказанія, самыя же наказанія, которыя вправѣ налагать волостные суды, точно опредѣлены въ Положеніи (ст. 101 и 102 и 1-е примѣчаніе къ ней Общаго Положенія) и что соблюденіе сельскаго устава въ точности необязательно для волостныхъ судовъ *).

Волостные старшины и судьи въ своихъ показаніяхъ членамъ коммиссіи о преобразованіи волостныхъ судовъ дѣлали иногда оговорку, что наказываютъ не за недоимки, а за пьянство и дурное поведеніе, приводящее къ ихъ накопленію; но въ большинствѣ случаевъ прямо и откровенно говорится о наказаніи недоимщиковъ, неплательщиковъ, безотносительно къ ихъ поведенію.

И въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ волостные суды совершенно противозаконно примѣняютъ тѣлесное наказаніе относительно недоимщиковъ. Такъ, по свѣдѣніямъ, доставленнымъ податными инспекторами за 1887—93 гг., въ Нижегородской губ. по отношенію къ недоимщикамъ «волостной старшина, а иногда сельскіе старосты принимаютъ указанныя въ законѣ мѣры (обыкновенно арестъ) *или предаютъ недоимщиковъ волостному суду*, который въ нѣкоторыхъ волостяхъ Горбатовскаго уѣзда нерѣдко приговариваетъ ихъ къ тѣлесному наказанію. Въ Ярославск. губ., въ Даниловскомъ у., сельскіе старосты въ крайнихъ случаяхъ привлекаютъ недоимщиковъ къ волостному суду, который приговариваетъ ихъ къ тѣлесному наказанію; эти приговоры представляются на усмотрѣніе земскаго начальника». Въ Могилевской губ., въ Мстиславскомъ у., «иногда отдаютъ неплательщика на волостной судъ, который наказываетъ недоимщиковъ розгами («за пьянство»). Въ Ливенскомъ у., Орловской губ., «иногда примѣняется и тѣлесное наказаніе» (въ 1891 г. въ одной волости были наказаны розгами 12 чел., а въ другой—присуждены къ нимъ 15 чел., но уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе отмѣнило этотъ приговоръ **).

Мы видѣли, что право наказывать недоимщиковъ присвоивали себѣ иногда и волостныя, и сельскія власти. Такіе случаи бываютъ и въ новѣйшее время. Такъ, въ 1890 г. въ одной газетѣ былъ напечатанъ слѣдующій «приказъ» волостного старшины одной волости Ефремовскаго у., Тульской губ., данный сельскому старостѣ: «Предписываю старостѣ: завтра собери сходъ и объяви крестьянамъ, чтобъ они всѣ обязательно къ субботѣ уплатили числящіяся повинности по всѣмъ сборамъ, и если по провѣркѣ мною кто-либо не уплатитъ повинностей, то тотъ будетъ наказанъ въ присутствіи схода розгами» ***). Указанія на подобныя же противозаконныя дѣйствія мы находимъ и въ свѣдѣніяхъ, сообщенныхъ податными

---

*) *Даниловъ:* „Положеніе о сельскомъ состояніи". Ч. I, изд. 3-е, 1891 г., стр. 112.

**) *Матеріалы для пересмотра узаконеній о взиманіи окладныхъ сборовъ. Существующій порядокъ взиманія окладныхъ сборовъ съ крестьянъ. По свѣдѣніямъ, доставленнымъ окладными инспекторами за 1887—93 г.* 1895 г., вып. II, стр. 23, 45, 49, 92.

***) *Вѣстникъ Европы* 1890 г., № 11, стр. 388.

инспекторами. Такъ, въ Астраханскомъ у. сельскія общества прибѣгаютъ къ тѣлесному наказанію неисправныхъ плательщиковъ *).

Данныя, приведенныя нами на основаніи *Трудовъ коммиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ*, достаточно убѣждаютъ въ томъ, что крестьяне вовсе не желаютъ какъ можно чаще примѣнять тѣлесныя наказанія, несмотря даже на то, что въ *теоріи* большинство опрошенныхъ лицъ,— впрочемъ, опрошенныхъ обыкновенно въ присутствіи начальства,— не рѣшалось вовсе отрицать ихъ необходимости. Для насъ особенно важно не теоретическое обсужденіе этого вопроса представителями волостной администраціи и суда, а фактическое примѣненіе тѣлеснаго наказанія. Мы видѣли, что это наказаніе занимало въ 1872 г. далеко не первое мѣсто въ приговорахъ волостныхъ судовъ. Во многихъ мѣстахъ крестьяне, дававшіе свои показанія по этому вопросу, высказывали мнѣніе, что розги наиболѣе посрамительное наказаніе **). Волостными судами практиковались прежде и нѣкоторыя другія посрамительныя наказанія, наприм., водили вора по селу съ привязанною украденною вещью, повязывали голову платкомъ дѣвушкѣ, изобличенной въ недостаточно скромной жизни, но уже въ началѣ 70-хъ годовъ почти вездѣ это вывелось. На исчезновеніе такихъ каръ мы имѣемъ указанія въ губерніяхъ: Тамбовской (*Труды*, т. I, стр. 313, 326), Самарской (VI, 82), Саратовской (VI, 619), Харьковской (IV, 143), въ Полтавской губ. (IV, 237, 266, 305), въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Кіевской (хотя кое-гдѣ въ этой губерніи онѣ еще существовали).

Во многихъ уѣздахъ волостныя власти уже не допускали подобныхъ посрамленій, опасаясь жалобъ тѣхъ, къ которымъ вздумали было ихъ примѣнять, наприм. въ Кіевской (V, 161), Полтавской губ. (IV, 305). Можно было надѣяться, что, подобно этому, и самое тяжкое «посрамительное наказаніе»—розги исчезнутъ при все большемъ распространеніи въ деревняхъ свѣта грамотности. Одинъ изъ земскихъ начальниковъ Смоленской губ. свидѣтельствуетъ, на основаніи изученія дѣлопроизводства старыхъ волостныхъ судовъ, что розги «все больше и больше стали выходить изъ употребленія» ***). Изученіе дѣлъ волостныхъ судовъ Сквирскаго у., Кіевской губ., со времени ихъ основанія до 1866 г., также привело къ выводу о постепенномъ уменьшеніи примѣненія тѣлесныхъ наказаній. «Въ первые годы по освобожденіи,—говоритъ П. Дашкевичъ,—розга является самымъ излюбленнымъ наказаніемъ: ее не только вначалѣ примѣняютъ иногда и сверхъ мѣры, но даже распространяютъ ее еще на изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія женщинъ, которыхъ за всякіе пустяки продолжаютъ сѣчь еще по 1876 годъ. Розгу въ начальные годы къ мужчинамъ примѣняютъ не только за уголовные проступки, но и по гражданскимъ дѣламъ и вообще по вся-

*) *Существующій порядокъ взиманія окладныхъ сборовъ съ крестьянъ*. 1894 г., вып. I, стр. 77.

**) „Розги срамнѣе", наприм. см. *Труды*, т. III, стр. 145; ср. т. VI, стр. 41, 53; „самое срамное наказаніе"—*Труды*, т. VI, стр. 368; т. IV, стр. 211.

***) *Черновъ*: „Набросокъ соображеній. Изъ волостной юстиціи". 1895 г., стр. 10.

кому пустячному поводу, такъ что въ первыя 5 лѣтъ на 838 уголовныхъ дѣлъ примѣнена розга по 618 дѣламъ (74%), во второе пятилѣтіе на 840 дѣлъ по 517 дѣламъ (61%) и въ третье—на 1,478 дѣлъ по 416 дѣламъ (28%). Такое щедрое расточеніе розги судами въ начальные годы объясняется, по справедливому мнѣнію г. Дашкевича, рабскими привычками, пріобрѣтенными при крѣпостномъ правѣ. «Лишь постепенно, по мѣрѣ того, какъ у бывшихъ недавно рабовъ начало пробуждаться на свободѣ сознаніе человѣческаго достоинства, какъ подросло новое нерабское поколѣніе, розга начала все упадать и упадать» *). Мы видѣли, впрочемъ, изъ матеріаловъ, напечатанныхъ въ *Трудахъ коммиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ*, что и къ 1872 г. въ Кіевской губ. примѣненіе тѣлесныхъ наказаній было вообще сравнительно слабѣе и по крайней мѣрѣ въ трехъ волостяхъ Сквирскаго у. чаще всѣхъ другихъ наказаній примѣнялся денежный штрафъ.

Приведенные факты показываютъ, что самъ народъ постепенно ограничивалъ примѣненіе розги. Но путь этотъ слишкомъ медленный и продолженіе существованія тѣлесныхъ наказаній крайне вредно вліяло на народные нравы. Это понимали многія лица, занимавшія въ провинціи извѣстное служебное положеніе, къ которымъ обратилась коммиссія, изслѣдовавшая волостные суды, и потому уже тогда не было недостатка въ мнѣніяхъ о необходимости отмѣнить тѣлесное наказаніе. Одинъ изъ мировыхъ посредниковъ Рѣжицкаго у., Витебской губ., предлагаетъ «отмѣнить или ограничить тѣлесное наказаніе». Предсѣдатель богородской земской управы Московской губ. предложилъ дозволить замѣнять тѣлесное наказаніе штрафомъ по желанію обвиненнаго. Мировой посредникъ Подольскаго у., Московской губ., полагалъ, что право подвергать тѣлесному наказанію «ни въ какомъ случаѣ не должно оставаться за волостными судами». По словамъ судебнаго слѣдователя Серпуховского у., «настало время отмѣнить тѣлесное наказаніе». Одинъ изъ мировыхъ посредниковъ Ветлужскаго у. доказываетъ, что нѣтъ никакой необходимости въ сохраненіи наказанія розгами по приговорамъ волостныхъ судовъ. По его словамъ, «тѣлесное наказаніе въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ, въ большинствѣ случаевъ утратило видъ серьезнаго наказанія, а въ меньшинствѣ служитъ печальнымъ средствомъ подавленія нравственнаго достоинства человѣка, чувства чести, того деликатнаго чувства, которое служитъ залогомъ и опорой нравственнаго развитія народа... Для грубаго человѣка, въ которомъ не проснулись еще лучшіе инстинкты человѣческой природы, тѣлесное наказаніе имѣетъ смыслъ только въ извѣстной степени физическаго истязанія; но при установленной закономъ нормѣ (20 ударовъ) все это обращается въ отвратительную комедію. Въ этихъ случаяхъ тѣлесное наказаніе... утратило свое значеніе. Тамъ же, гдѣ какія-нибудь случайныя жизненныя условія выдвинули крестьянина изъ этого мрака, пробудили въ немъ человѣческую жизнь, вызвали

---

*) *П. Дашкевичъ:* „Волостной судъ и кассаціонная инстанція" — *Юрид. Вѣстн.* 1892 г., № 12, стр. 584.

въ его душѣ голосъ чести и сознаніе нравственнаго достоинства, тамъ тѣлесное наказаніе влечетъ за собою деморализацію. Въ этихъ случаяхъ тѣлесное наказаніе вредно». Одинъ изъ мировыхъ посредниковъ Липовецкаго у. и одинъ изъ посредниковъ Черкасскаго у., Кіевской губ., наконецъ, два мировыхъ посредника Бузулукскаго у., Самарской губ., также высказались за отмѣну тѣлеснаго наказанія *).

Если бы всѣ земскіе начальники были проникнуты такими взглядами, то тѣлесное наказаніе по приговору волостныхъ судовъ не существовало бы въ тѣхъ мѣстностяхъ Россіи, гдѣ введены эти должности: было уже упомянуто, что, по закону 12 іюля 1889 г. о земскихъ начальникахъ и связанныхъ съ установленіемъ этой должности правилахъ преобразованія волостныхъ судовъ, приговоръ этого суда о тѣлесномъ наказаніи не можетъ быть приведенъ въ исполненіе иначе, какъ съ разрѣшенія земскаго начальника, который имѣетъ право замѣнять тѣлесное наказаніе денежнымъ взысканіемъ до 30 руб. независимо отъ ареста или строгимъ арестомъ на время до 15 дней (ст. 29 и 41 временныхъ правилъ). Но, увы, разсчитывать на то, что земскіе начальники или даже большинство ихъ сумѣютъ понять настоятельность полной отмѣны тѣлесныхъ наказаній, не приходится, когда ознакомишься съ фактами, проникшими въ печать, объ ихъ дѣятельности. Правда, въ ихъ средѣ находится такой благородный общественный дѣятель, какъ земскій начальникъ 3-го участка Гжатскаго уѣзда, А. М. Черновъ, который самымъ убѣдительнымъ образомъ доказываетъ необходимость для земскихъ начальниковъ совершенно отказаться отъ разрѣшенія тѣлесныхъ наказаній **). Правда, очень недавно пять земскихъ начальниковъ Старооскольскаго у. предложили земскому собранію ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, но это — рѣдкія исключенія. Приведемъ нѣкоторые примѣры того, какъ плохо многіе земскіе начальники понимаютъ свои обязанности, какъ они нарушаютъ законъ и какую большую склонность чувствуютъ къ тѣлесному наказанію.

Въ одномъ уѣздѣ крестьянинъ за то, что довелъ себя до высылки на родину по этапу, былъ приговоренъ волостнымъ судомъ къ наказанію 20-ю ударами розогъ. Обвиняемый подалъ жалобу въ уѣздный съѣздъ, и тотъ, по настоянію предсѣдателя и земскихъ начальниковъ, большинствомъ голосовъ призналъ это рѣшеніе не подлежащимъ отмѣнѣ, «такъ какъ весьма *желательно,* чтобы волостные старшины предавали волостному суду крестьянъ *не за одни предусмотрѣнные закономъ проступки,* но и за дѣянія, въ которыхъ усматривается дурная жизнь, неуваженіе къ нравственности, къ семьѣ, къ отеческой власти и т. д.» ***).

---

*) *Труды коммиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ. Отзывы различныхъ мѣстъ и лицъ.* Спб., 1873 г., стр. 116, къ стр. 124, 156, 222, 415, 416, 433, 544, 545, 580.

**) См. его прекрасную брошюру: *Набросокъ соображеній. Изъ волостной юстиціи.* Гжатскъ, 1895 г.

***) *Гражданинъ* 1890 г., № 279; *Вѣстникъ Европы* 1890 г., № 11, стр. 381—

Въ томъ же году въ одномъ изъ уѣздовъ Черниговской губ. земскій начальникъ по подозрѣнію въ кражѣ одиннадцати-лѣтняго мальчика при соучастіи его домашнихъ предписалъ волостному суду разобрать это дѣло безъ вызова обвинителя, а виновнаго подвергнуть наказанію. Волостной судъ, въ виду несовершеннолѣтія обвиняемаго, нашелъ «болѣе цѣлесообразнымъ» примѣнить тѣлесное наказаніе къ взрослому старшему брату, но приговоръ этотъ былъ отмѣненъ уѣзднымъ съѣздомъ *).

Излишнее усердіе земскихъ начальниковъ въ примѣненіи тѣлесныхъ наказаній очень скоро обратило на себя вниманіе администраціи. Въ 1892 г. нижегородскій губернаторъ Барановъ разослалъ слѣдующій циркуляръ земскимъ начальникамъ: «До моего свѣдѣнія дошло, что нѣкоторые изъ земскихъ начальниковъ приступили къ собиранію свѣдѣній о неприведенныхъ въ исполненіе приговорахъ дореформенныхъ волостныхъ судовъ, громогласно заявляя, что всѣ приговоры о тѣлесныхъ наказаніяхъ и прочихъ карахъ ими, земскими начальниками, будутъ приведены въ исполненіе. Считаю нужнымъ обратить вниманіе земскихъ начальниковъ на то, что одна изъ причинъ, вызвавшихъ самую реформу, была неудовлетворительность волостныхъ судовъ... Способъ огульнаго исполненія приговоровъ старыхъ волостныхъ судовъ... очень вреденъ какъ для успѣха самого дѣла, такъ и для упроченія довѣрія населенія къ своему новому начальству. Поэтому покорнѣйше прошу земскихъ начальниковъ Нижегородской губерніи смотрѣть на приговоры бывшихъ волостныхъ судовъ какъ на матеріалъ, которымъ слѣдуетъ пользоваться съ крайнею осмотрительностью, не упуская изъ виду статьи 29-й высочайше утвержденныхъ 12 іюля 1889 г. правилъ о волостномъ судѣ, дающей земскому начальнику право замѣнять опредѣленное волостнымъ судомъ тѣлесное наказаніе другою карательною мѣрой» **). Быть можетъ, подъ вліяніемъ этого циркуляра, а также и вслѣдствіе постепеннаго увеличенія отвращенія къ розгѣ, которое было замѣчено и въ другихъ мѣстахъ, волостные суды Нижегородской губ., какъ видно изъ данныхъ, имѣющихся въ распоряженіи нижегородскаго губернскаго присутствія, стали постановлять все менѣе приговоровъ о тѣлесномъ наказаніи. Въ 1890 (съ перваго сентября) и въ 1891 гг. было постановлено 1,899 такихъ приговоровъ, въ 1892 г.—979, въ 1893 г.—553 и въ 1894 г.—540. Изъ этого числа тѣлесное наказаніе отмѣнено рѣшеніями уѣздныхъ съѣздовъ и замѣнено другими наказаніями по распоряженію земскихъ начальниковъ: въ 1890—1891 гг. по 618 приговорамъ, въ 1892 г. по 283, въ 1893 г. по 203 и въ 1894 г. по 226 приговорамъ. Затѣмъ приведено приговоровъ въ исполненіе: въ 1890—1891 гг. 873, въ 1892 г. 403, въ 1893 г. 208 и въ 1894 г. 154. Остальные приговоры за эти годы, оставаясь неиспол-

---

384. О томъ, что новгородскій уѣздный съѣздъ отмѣняетъ мало приговоровъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ, см. ст. *Путилова* въ *Журналѣ Юридическ. Общества* 1895 г., сентябрь, стр. 74—75.

*) *Вѣстникъ Европы* 1890 г., № 11, стр. 386—388.

**) Ibid., стр. 392.

ненными, еще не вступили въ законную силу и пока неизвѣстно, всѣ ли они будутъ утверждены *).

И въ послѣдніе годы земскіе начальники продолжаютъ охотно примѣнять тѣлесное наказаніе. Въ 1891 г. московскій уѣздный съѣздъ по представленію земскаго начальника отмѣнилъ приговоръ волостного суда, которымъ 9 крестьянъ были присуждены къ выговору, и постановилъ подвергнуть ихъ тѣлесному наказанію, хотя для отмѣны приговора не было серьезныхъ причинъ и хотя, что еще важнѣе, съѣздъ не имѣлъ законныхъ основаній присуждать крестьянъ къ тѣлесному наказанію, если они не были приговорены къ нему волостнымъ судомъ **). Въ Курской губ. въ 1890 г. волостной судъ приговорилъ крестьянина къ 20 ударамъ розогъ, и земскій начальникъ распорядился немедленно привести приговоръ въ исполненіе, не дожидаясь истеченія законнаго срока. Кассаціонная жалоба обвиняемаго была оставлена уѣзднымъ съѣздомъ безъ послѣдствій, и губернское присутствіе сдѣлало только замѣчаніе земскому начальнику ***). Въ Старицкомъ уѣздѣ, Тверской губ., одинъ учитель грамоты, возбудившій гнѣвъ волостного старшины раскрытіемъ его злоупотребленій, былъ приговоренъ волостнымъ судомъ, подъ давленіемъ старшины, къ наказанію 5-ю ударами розогъ за самоуправство. Два раза дѣло доходило до уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія и, наконецъ, рѣшеніе суда было утверждено губернскимъ присутствіемъ. Тогда приговоренный обратился съ прошеніемъ къ губернатору, по предложенію котораго дѣло было разсмотрѣно въ губернскомъ присутствіи, причемъ выяснились полная невиновность учителя грамотности и злоупотребленія старшины. Не имѣя права отмѣнить постановленіе волостного суда, губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе передало дѣло въ сенатъ ****).

Въ 1891 г. министерство внутреннихъ дѣлъ,—очевидно, также вслѣдствіе излишняго усердія земскихъ начальниковъ,—нашло необходимымъ разъяснить, что «къ приговорамъ волостныхъ судовъ о тѣлесномъ наказаніи земскіе начальники должны относиться вообще съ большою осторожностью, наблюдать, чтобъ они не являлись слѣдствіемъ пристрастнаго отношенія къ виновному», и т. д. Исполнителями такихъ приговоровъ не должны быть молодые люди, на которыхъ «подобная операція производитъ развращающее впечатлѣніе. Необходимо строго наблюдать, чтобъ исполненіе означенныхъ приговоровъ не являлось потѣхой или зрѣлищемъ для праздной толпы, а особенно малолѣтнихъ. Возможно близкое вниканіе во всѣ дѣла и нужды деревни, а также частное вліятельное нравственное воздѣйствіе земскихъ начальниковъ *можетъ совершенно устранить надобность въ крайнихъ мѣрахъ»* *****).

*) *Новое Время* 18 ноября 1895 г., № 7085.

**) *Московскія Вѣдомости* 1891 г., № 10; *Вѣстникъ Европы* 1891 г., № 2, стр. 862—866.

***) *Русскія Вѣдомости* 1891 г., № 3.

****) *Недѣля* 1891 г., № 2; *Вѣстникъ Европы* 1891 г., № 2, стр. 869—870.

*****) *Вѣстникъ Европы* 1891 г., № 9, стр. 378. Циркуляромъ министерства внут-

Но и такія разъясненія не дѣйствовали. Въ томъ же году въ тамбо скомъ съѣздѣ земскихъ начальниковъ нѣкоторые изъ нихъ требовали пр веденія въ исполненіе всѣхъ старыхъ приговоровъ волостныхъ судов крича: «сѣчь, сѣчь!» По свидѣтельству *Московскихъ Вѣдомостей*, нѣкот рые земскіе начальники и передъ крестьянами кричатъ: «запорю!» *).

Въ 1893 г. непремѣнный членъ смоленскаго губернскаго присутстві обревизовавъ дѣлопроизводство земскихъ начальниковъ, пришелъ къ закл ченію, что они *недостаточно пользуются правомъ замѣны тѣлесны наказаній*, широкое, безъ надлежащей осмотрительности, примѣненіе кот рыхъ можетъ понизить нравственный уровень населенія и призналъ п лезнымъ предложить земскимъ начальникамъ къ обязательному исполнені чтобы каждое разрѣшеніе на примѣненіе тѣлеснаго наказанія было изл гаемо въ формѣ вполнѣ мотивированнаго постановленія и всѣ подобны постановленія были соединены въ особый нарядъ для удобства ревизі Губернское присутствіе согласилось съ мнѣніемъ своего непремѣннаго чле и разослало земскимъ начальникамъ соотвѣтствующее предписаніе **).

Подъ вліяніемъ указаннаго направленія въ дѣятельности земскихъ на чальниковъ могутъ ослабѣть и тѣ стремленія волостныхъ судовъ къ огра ниченію и даже совершенному уничтоженію тѣлесныхъ наказаній, которы сказались еще до 1872 г. ***). Кромѣ земскихъ начальниковъ, давленіе в этомъ отношеніи производятъ и другія мѣстныя административныя власт особенно въ дѣлѣ «высѣканія недоимокъ» ****). Своего апогея администра-

---

ренныхъ дѣлъ 1891 г. земскому начальнику предоставлено право отмѣнять розги и замѣнять ихъ другимъ наказаніемъ даже по судебнымъ приговорамъ, состоявшимся въ его районѣ *раньше* введенія Положенія о земскихъ начальникахъ и, притомъ, когда бы ни состоялось это рѣшеніе. *Черновъ*, стр. 92.

*) *Вѣстникъ Европы* 1891 г., № 11, стр. 358—359.

**) *Московскія Вѣдомости* 1895 г., № 221; *Вѣстникъ Европы* 1895 г., № 10, стр. 813—815. Ревизія смоленскаго губернатора показала, что земскіе начальни 5-го участка Гжатскаго уѣзда и 4-го участка Красинскаго уѣзда *никогда* не допу скаютъ замѣны тѣлеснаго наказанія другою карательною мѣрой, разрѣшая тѣлесно наказаніе даже безъ наведенія справокъ о лѣтахъ, прежней судимости, семейнокъ положеніи и вообще нравственныхъ качествахъ осужденнаго, и одинъ изъ нихъ прямо заявляетъ, что дѣйствуетъ такимъ образомъ *по принципу*. *Вѣстникъ Европы* 1884 г., № 9, стр. 357.

***) Изъ данныхъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ въ Тверской губ. въ 1892 г. видно, что чѣмъ чаще въ томъ или другомъ участкѣ земскій начальникъ допускаетъ тѣлес ное наказаніе, тѣмъ паче оно назначается и волостными судами. *Вѣстникъ Европ* 1893 г., № 11, стр. 371—372.

****) Срав. *Обнинскій*: „Въ области суевѣрій и предразсудковъ". *Юридическій Вѣстникъ* 1890 г., кн. 11, стр. 374. Случаи присужденія волостными судами недоим щиковъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ см. въ статьѣ *Обнинскаго*: „Опрощенное судо говореніе" (*Журналъ гражданскаго и уголовнаго права* 1892 г., № 2, стр. 40—41). О томъ, какъ становой возилъ съ собой членовъ волостного суда, чтобъ они поста новляли приговоры о тѣлесныхъ наказаніяхъ недоимщиковъ, см. Г. И. Успенскаго *Власть земли*, гл. VII. По донесеніямъ податныхъ инспекторовъ, „полиція подверга етъ недоимщиковъ тѣлесному наказанію по приговору волостныхъ судовъ (уѣзды Вя-

тивный произволъ въ этомъ отношеніи достигъ въ дѣлѣ инсарскаго (Пензенской губ.) исправника Иванова и его сообщниковъ (урядника и полицейскаго разсыльнаго), разсматривавшемся недавно саратовскою судебною палатой и окончившемся обвинительнымъ приговоромъ. Подъ предлогомъ обыска недоимщиковъ ихъ уводили въ отдѣльную комнату и тамъ жестоко били по шеѣ и животу; училъ этому самъ исправникъ, совѣтуя не бить ихъ по груди и ребрамъ, такъ какъ это опасно,—опасно не для избиваемаго, а для избивателей (легче открыть слѣды избіенія). Продолжалось это до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ недоимщиковъ не умеръ отъ нанесенныхъ ему побоевъ *). Изъ приведеннаго выше разсказа о преслѣдованіи волостнымъ старшиной учителя грамотности, раскрывшаго злоупотребленія старшины, видно, что розги служатъ орудіемъ мести въ рукахъ старшинъ изъ міроѣдовъ противъ крестьянъ, получившихъ нѣкоторое образованіе и мѣшающихъ имъ обдѣлывать темныя дѣла. Подобные факты раскрываются и въ болѣе новое время **).

В. Семевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

скій и Яранскій). Въ Яранскомъ уѣздѣ, до реформы волостныхъ судовъ, становые пристава при своихъ разъѣздахъ по уѣздамъ не рѣдко брали съ собой волостныхъ судей, которые на мѣстѣ приговаривали къ наказанію, что немедленно и приводилось въ исполненіе" (*Существующій порядокъ взиманія окладныхъ сборовъ съ крестьянъ. По свѣдѣніямъ, доставленнымъ податными инспекторами за 1887—1893 г.* Вып. I, 1894 г., стр. 28, ср. стр. 34).

*) *Вѣстникъ Европы* 1895 г., № 11, стр. 460.

**) *Русскія Вѣдомости* 1895 г., № 183.

Какъ и что читаетъ народъ въ Восточной Сибири *)

Наличность при школахъ библіотекъ оказываетъ свое вліяніе на поддержаніе и развитіе любви къ чтенію и наоборотъ. Это съ несомнѣнностью доказывается фактами изъ жизни многихъ обслѣдованныхъ селеній. Такъ, въ с. Усть-Балеѣ (Иркутск. окр.) въ періодъ изслѣдованія не было библіотеки при церковно-приходской школѣ, между тѣмъ какъ старшіе ученики, такъ и грамотные, не рѣдко обращались къ учителю съ просьбой «почитать». Этотъ спросъ на книгу привелъ къ тому, что одинъ *неграмотный*, но догадливый ссыльно-поселенецъ накупилъ болѣе сотни дешевенькихъ книжекъ, покупая ихъ *оптомъ* отъ 40 коп. до 1 руб. за десятокъ. Ими онъ сталъ снабжать грамотныхъ въ селеніи, взимая съ нихъ плату за чтеніе отъ 1 до 3 к. съ книжки, и нашелъ это дѣло, при имѣющемся спросѣ на чтеніе, операціей для себя выгодной. Учитель Агинской церковно-приходской школы (Канск. окр.) показалъ, что взрослое населеніе не беретъ книгъ въ школѣ потому, что ихъ недостаетъ даже для внѣкласснаго чтенія однихъ лишь учащихся. Почти то же наблюдено было и относительно Даурской (мин. нар. просв.) школы (Минусинскаго окр.), гдѣ «удовлетворить желанію крестьянъ брать книги для чтенія изъ училища невозможно, такъ какъ книгъ при училищѣ нѣтъ, и библіотеку только предполагаютъ устроить». Въ с. Бирюльскомъ (Качугск. вол. Иркутск. губ.) «крестьяне болѣе всего любятъ читать книги духовнаго содержанія и нѣкоторые покупаютъ книги у книгоношъ, за неимѣніемъ же при школѣ библіотеки, населеніе книгами изъ школы совсѣмъ не пользуется». Тоже явленіе замѣчается въ с. Курбатовскомъ (Балахт. вол., Ачинск. окр.): «крестьянамъ нравятся басни, стихи, разсказы и повѣсти изъ простонародной крестьянской жизни, но доставать ихъ приходится покупкой, такъ какъ книгъ для чтенія въ школѣ не имѣется». Крестьяне с. Знаменскаго (Илгинск. вол., Верхоянск. окр.) «обращались въ школу за книгами, да ихъ нѣтъ въ ней»; то же и въ с. Бѣлоусовѣ (Верхоянск. вол.): «въ школѣ книгъ для взрослыхъ не имѣется и потому изъ нея не берутъ»; въ с. Тугутуѣ (Иркутск. окр.) «кон-

*) *Русская Мысль*, кн. I.

чившіе курсъ въ школѣ хотя и заглядываютъ въ школу, но рѣдко; брать для чтенія почти нечего». Въ с. Куйтунѣ (Нижнеудинск. окр.) «окончившіе курсъ въ школѣ поддерживаютъ связь со школой тѣмъ, что пользуются книгами для чтенія, но, къ сожалѣнію, библіотека настолько бѣдна, что выборъ становится очень затруднителенъ, такъ какъ почти всѣ книги прочтены уже ими во время ихъ обученія въ школѣ»; въ с. Шелаболинѣ (Минусинск. окр.), кончившіе курсъ берутъ книжки въ школѣ обыкновенно только тогда, «когда узнаютъ, что появились новенькія». Съ другой стороны, можно намѣтить цѣлый рядъ селеній, гдѣ, какъ въ с. Бирюльскомъ (Качугск. вол., Верхол. окр.) «вышедшіе изъ школы занимаются обыкновенно тѣмъ же земледѣліемъ, пріобрѣтенныя же въ школѣ познанія поддерживаютъ *единственно* чтеніемъ книгъ, которыя берутъ изъ школьной библіотеки».

Такимъ образомъ приведенные факты врядъ ли могутъ оставить сомнѣнія *въ важности существованія при сельскихъ школахъ* достаточно полныхъ *библіотекъ*, изъ которыхъ *взрослое* деревенское населеніе *могло бы пользоваться книгами для чтенія.*

Но отсутствіе такихъ школьныхъ библіотекъ, или недостатокъ въ нихъ книгъ для чтенія, при наличности у народа извѣстной охоты къ чтенію, должны, повидимому, съ одной стороны, *суживать* возможность удовлетворенія этой потребности, съ другой—*вызывать* въ читающей части крестьянства стремленіе удовлетворять эту потребность инымъ путемъ: полученіемъ книгъ для чтенія за плату отъ частныхъ лицъ, какъ это мы видѣли въ с. Усть-Балеѣ, или же пріобрѣтеніемъ книгъ въ собственность путемъ ихъ *покупки.*

Если распредѣлить имѣющія школы 61 селеніе, относительно которыхъ имѣются точныя свѣдѣнія по этому вопросу, на группы, сообразно тому: имѣются при школахъ библіотеки, или нѣтъ, то окажется, что въ 15 изъ нихъ нѣтъ школьныхъ библіотекъ. Распредѣливъ ихъ на эти группы, посмотримъ, какой у той и другой изъ нихъ процентъ селеній, гдѣ читающее мѣстное населеніе удовлетворяетъ свою потребность въ чтенію путемъ покупки книгъ:

Селенія, гдѣ школьныя библіотеки.	Общее число селеній.	% селеній, гдѣ читающее населеніе покупаетъ книги.
Имѣются	64	26
Не имѣются.	15	87

Изъ приведеннаго сопоставленія видно, что % селеній, жители которыхъ покупаютъ книги, гораздо больше въ той группѣ селеній, гдѣ нѣтъ школьныхъ библіотекъ, и гдѣ, слѣдовательно, имѣется больше надобности въ пріобрѣтеніи книгъ со стороны (и наоборотъ). Отсюда можно думать, что покупки книгъ до извѣстной степени являются тою мѣрою, при посредствѣ которой читающая часть сельскаго населенія пытается устранить существующій недостатокъ школьныхъ библіотекъ. Не слѣдуетъ, однако, думать,

что въ данномъ случаѣ одно вполнѣ замѣняетъ другое. При всей мизерности и неполнотѣ училищныхъ библіотекъ, не можетъ, все-таки, быть сомнѣнія въ томъ, что покупка книгъ крестьянами (производится обыкновенно на гроши), въ общемъ, далеко не восполняетъ даже и того, что могли бы дать хотя бы эти мизерныя школьныя библіотеки. Читатель можетъ убѣдиться въ этомъ ниже, когда рѣчь пойдетъ о томъ, *что, у кого и гдѣ* покупаютъ крестьяне для удовлетворенія потребности въ чтеніи. Необходимо теперь же оговориться, что наблюденный фактъ относительно большей распространенности покупки книгъ въ селеніяхъ, не имѣющихъ школьныхъ библіотекъ, ничего еще не говоритъ о *количествѣ* и *качествѣ* этой покупки въ предѣлахъ каждаго изъ этихъ (61) селеній; для выясненія этихъ вопросовъ у насъ нѣтъ прямыхъ данныхъ.

Кромѣ непосредственнаго вліянія школьныхъ библіотекъ, а также и самихъ школъ на развитіе охоты къ чтенію, распространеніе среди взрослаго сельскаго населенія потребности въ чтеніи и любви къ книгѣ въ немалой мѣрѣ зависитъ еще отъ *оканчивающихъ курсъ* въ сельскихъ школахъ и даже отъ *самихъ учащихся*. Доказательствомъ тому могутъ служить факты, наблюденные въ обслѣдованныхъ селеніяхъ. Начать съ того, что, наприм., въ с. Больше-Уринскомъ (Казанск. окр.) сами, кончившіе курсъ въ школѣ, книгъ для чтенія не берутъ, а читаютъ тѣ, которыя взяты ихъ братьями и сестрами, учащимися въ школѣ. Въ с. Нахвальскомъ (Красноярск. окр.) книги берутъ изъ школьной библіотеки сами окончившіе курсъ и читаютъ ихъ старшимъ; въ с. Ирбейскомъ (Канск. окр.) окончившіе курсъ идутъ еще дальше: они не только берутъ себѣ книги для чтенія изъ школы и почитываютъ ихъ старшимъ, но и «заботятся *о распространеніи обученія* грамотѣ, убѣждая родителей объ отдачѣ въ школу ихъ младшихъ сестеръ и братьевъ». Въ с. Ользоновскомъ (Ользоновскаго инородческаго вѣдомства Верхоянск. окр.) «взрослые хотя и пользуются иногда книгами изъ училища, но сами за ними не приходятъ, а читаютъ тѣ книги, которыя берутъ учащіеся въ школѣ ихъ дѣти на домъ». Наряду съ этимъ въ с. Мало-Улуйскомъ (Назар. вол., Ачинск. окр.) хотя любовь къ чтенію у крестьянъ «не развивается», но они *«съ удовольствіемъ* слушаютъ то, что грамотеи разсказываютъ имъ изъ прочитаннаго», а въ с. Курагинѣ (Минус. окр.), гдѣ при школѣ есть библіотека и учащіяся дѣти вообще охотно берутъ книжки для чтенія, крестьяне, не читающіе сами, охотно слушаютъ разсказы дѣтей изъ прочитаннаго ими и послѣднія въ свою очередь охотно разсказываютъ имъ прочитанное. Изъ свѣдѣній, доставленныхъ объ Александровскомъ училищѣ (Иркутск. окр.) видно, что хотя «за незначительный періодъ своего существованія школа не могла еще оказать зрѣлаго замѣтнаго вліянія на нравы населенія, но нѣкоторое стремленіе къ книжкѣ и грамотѣ можно, кажется, видѣть въ тѣхъ, сравнительно нерѣдкихъ, случаяхъ, когда въ зимніе вечера семья съ учащимся грамотеемъ заставляетъ читать его *почти по складамъ* какую-нибудь «занятную книжку» и *цѣлыми часами* со вниманіемъ слушаетъ» Въ свѣдѣніяхъ относительно

Анцырской школы (Канскаго окр.) категорически говорится, что «любовь къ чтенію, какъ приходилось видѣть и слышать, развивается въ населеніи черезъ учениковъ, которыхъ не грамотные родители *неотвязно* заставляютъ читать вечерами книжки, выданныя имъ изъ школьной библіотеки для чтенія». Въ с. Мальтинскомъ (Иркутск. окр.), точно также, хотя взрослыми крестьянами (за исключеніемъ двухъ) и не берутся для чтенія книги изъ школы, «но крестьяне *требуютъ*, чтобъ ихъ дѣти, учащіяся въ школѣ, приносили для чтенія книги изъ школы (предпочтительно сказки и разсказы)». Въ с. Клетковскомъ (Балаганск. окр.) сами крестьяне книгъ не берутъ, но когда дѣти приносятъ изъ школы, то читаютъ съ удовольствіемъ, особенно нравятся *Двѣнадцатый годъ* и *Робинзонъ*. Въ с. Вознесенскомъ (Красноярск. окр.) «взрослыхъ грамотныхъ среди мѣстнаго населенія мало, и многіе изъ нихъ ничего не читаютъ, считая чтеніе ребячьимъ дѣломъ; однако, многіе семьи, въ которыхъ нѣтъ взрослыхъ грамотныхъ, но есть дѣти, учащіяся въ школѣ, съ удовольствіемъ слушаютъ чтеніе приносимыхъ ими изъ школы книгъ, нерѣдко оставляя для этого неспѣшныя работы».

Выше было уже сказано, что во многихъ селеніяхъ, не имѣющихъ библіотекъ при школахъ, потребность въ чтеніи до извѣстной степени удовлетворяется крестьянами путемъ пріобрѣтенія книгъ въ собственность. Посмотримъ же теперь, что говорится по этому вопросу въ записяхъ объ этихъ селеніяхъ, чтобъ узнать, *откуда и какъ* населеніе пріобрѣтаетъ себѣ книги. Вотъ наиболѣе характерные образцы этихъ записей: Село Бирюльское (Качугск. в., Верхоленск. окр.): «Крестьяне предпочитаютъ чтеніе духовныхъ книгъ. Нѣкоторые имѣютъ свои евангелія, псалтыри, житія святыхъ и т. п. Всѣ подобныя книги покупаютъ у книгоношъ». С. Олонки (Балаганск. окр.): «За книгами для чтенія, кромѣ учениковъ, обращаются въ школу и взрослые; послѣднимъ болѣе всего нравятся книги богословскаго содержанія. Крестьяне покупаютъ книги въ г. Иркутскѣ *) и, чаще, у прохожихъ торгашей: евангелія, псалтыри, календари, сказки. Очень, и даже больше всего, нравятся сказки и разсказы Толстого, но они не покупаются крестьянами благодаря тому, что «въ городѣ они *не знаютъ, гдѣ ихъ купить*, а въ деревню торгаши *не носятъ* такихъ изданій, вслѣдствіе чего приходится покупать преимущественно изданія Манухина, Леухина и т. п.». Такимъ образомъ характеръ покупокъ обусловливается не желаніемъ покупателей, а вкусами продавцовъ. Въ с. Тайтурѣ (Мальт. в., Ирк. окр.): «Книги покупаются у разносчиковъ: сказки, историческія повѣсти и т. п.». Въ с. Ользоновскомъ (Верхоленскаго окр.): «инородцы если и покупаютъ, то только евангелія, потому что ихъ можно купить дешево у проходящихъ арестантовъ, у которыхъ иныхъ книгъ и не случается». Въ с. Биликтуѣ (Иркутскаго округа): «Крестьяне берутъ изъ школьной библіотеки изданія «Посредника» и «комитетовъ грамотности», читаютъ книги преимущественно беллетристическаго содержанія. Покупаютъ книги въ го-

*) Приблизительно за 90 верстъ.

родѣ Иркутскѣ *), на базарѣ и у книгоношъ, преимущественно книги лубочнаго изданія, впрочемъ, въ послѣднее время стали покупать и книжки изданія «Посредника». Въ свѣдѣніяхъ, доставленныхъ относительно инородческаго Нукутскаго училища (Балаганскаго вѣдомства и округа), сказано, между прочимъ, что «бывшіе ученики школы, живущіе поближе къ ней, обращаются за книгами въ школу, живущіе же вдали отъ школы читаютъ книги лубочной литературы, пріобрѣтая-ихъ въ мѣстной лавочкѣ и притомъ за цѣну, превышающую ихъ дѣйствительную стоимость». Изъ Аскизской школы инородцы, за отдаленностью, книгъ почти не берутъ. Изъ инородческой же Идинской школы (Балаганскаго окр.) сообщено было, что мѣстные грамотеи, окончившіе курсъ въ школѣ, берутъ книги изъ школьной библіотеки преимущественно по рекомендаціи учителя и большею частью естественноисторическаго, географическаго, историческаго и беллетристическаго содержанія; изъ беллетристики читаются дешевыя изданія произведеній Толстого, Тургенева, Гоголя и т. п. Покупаются же ими частью букварии, сочиненія Толстого, Тургенева и проч., а частью — и очень нерѣдко — безъ всякаго разбора, потому что покупка обыкновенно поручается ѣдущимъ въ городъ **) родственникамъ, которые, по безграмотности, покупаютъ что подъ руку попадется». Въ с. Тальянахъ (Осинск. в., Балаган. окр.) «читаютъ книги преимущественно мѣстные торговые люди и крестьяне изъ солдатъ; берутъ читать Лермонтова, Толстого, житія святыхъ, покупаютъ же (у здѣшнихъ купцовъ) для ребятъ разныя сказки о Бовѣ, Иванѣ царевичѣ и т. п. (а въ церкви—евангелія), потому что сюда *другихъ книгъ не привозятъ на продажу*». Въ с. Тасѣевѣ (Канск. окр.)—«въ тѣхъ домахъ, гдѣ есть грамотныя дѣти, можно встрѣтить евангелія, сказки и повѣсти; книги этого рода крестьяне покупаютъ у разносчиковъ».

Такимъ образомъ, крестьяне часто читаютъ (или хотятъ читать) не то, что покупаютъ, потому что выборъ покупаемыхъ книгъ обусловливается не ихъ вкусами, а посторонними обстоятельствами. Источниками для пріобрѣтенія книгъ являются городскіе базары, книгоноши и мѣстные деревенскіе торговцы. Выборъ для покупки лубочныхъ изданій далеко не всегда зависитъ отъ желанія деревенскихъ покупателей; часто вкусы покупателей и продавцовъ не совпадаютъ, и если деревня покупаетъ неправящіяся ей книги, то только потому, что больше купить нечего и негдѣ. Слѣдовательно, основываясь на томъ, что книгоноши несутъ въ деревню преимущественно лубочныя изданія, *нельзя еще* утверждать, что деревенскій житель предпочитаетъ ихъ всѣмъ остальнымъ: часто онъ вынужденъ покупать только то, что ему даютъ, потому что иначе долженъ бы остаться безъ ничего.

Такимъ образомъ, *характеръ* читаемыхъ народомъ книгъ въ немалой мѣрѣ зависитъ, повидимому, отъ того, *изъ какого источника* онъ получа-

*) За 49 верстъ.

**) Приблизительно верстъ за 100 и болѣе.

етъ ихъ. А такъ какъ извѣстный подборъ постоянно читаемыхъ книгъ, по всей вѣроятности, не можетъ не оказать вліянія на выработку предпочтительнаго вкуса къ тѣмъ или инымъ книгамъ, то можно думать, что извѣстная у насъ въ Европейской Россіи распространенность въ деревнѣ чтенія лубочныхъ изданій отчасти обусловлена выработкой извѣстнаго къ нимъ вкуса, благодаря именно преобладанію въ деревнѣ этихъ изданій передъ другими. Иначе говоря, при прочихъ равныхъ условіяхъ и самый *вкусъ* къ чтенію книгъ того или иного сорта зависитъ въ извѣстной мѣрѣ отъ свойствъ и особенностей того источника, изъ котораго онѣ получаются населеніемъ для чтенія.

Что касается вопроса о томъ, какія изъ школъ *наиболѣе* вліяютъ на *пробужденіе вообще любви къ чтенію*, то объ этомъ можно отчасти судить по нижеслѣдующему сопоставленію:

	Абсол. число селеній.	°/₀°/₀ селеній, въ которыхъ: взросл. берутъ книги изъ школы.	нѣтъ охоты къ чтенію.	охота къ чтенію не увеличивается.
Селенія съ церк.-прих. школами	20	40	29	43
Селенія со школами министерст. нар. просв. . . .	41	49	16	27

Преимущество, очевидно, находится на сторонѣ селеній со школами министерства народнаго просвѣщенія.

Выше мы видѣли, что развитіе грамотности повышается съ приближеніемъ мѣстности къ городамъ и проѣзжимъ трактамъ. Естественно поэтому ожидать, что съ приближеніемъ къ нимъ повышается и развитіе охоты къ чтенію:

	Общее число селеній.	°/₀°/₀ селеній, въ которыхъ: взросл. не берутъ книгъ для чтенія.	охота къ чтенію совсѣмъ не развита.	народъ покупаетъ книги.
I. Селенія притрактовыя *)	36	27	16	73
II. Селенія стоящія въ сторонѣ отъ почтовыхъ трактовъ *)	25	80	31	25

Такъ оно и выходитъ изъ цифръ приведенной таблицы. При этомъ не безъинтересно то обстоятельство, что въ притрактовыхъ мѣстностяхъ свѣтскія книги читаются предпочтительно передъ духовными:

Группы селеній.	Общее число селен.**)	°/₀°/₀ селеній, въ которыхъ: предпочитается чтеніе: духовное.	свѣтское.	имѣются среди народа собственныя книги: преимущ. дух.	преим. свѣтск.
I	36	39	61	27	73
II	25	83	17	62	38

*) Имѣются оффиціальныя школы.

**) Выключая тѣ, въ которыхъ *не предпочитается* ни свѣтское, ни духовное чтеніе и гдѣ не замѣчается предпочтительнаго распространенія ни свѣтскихъ, ни духовныхъ книгъ.

Что это не зависитъ отъ преобладанія въ той или иной группѣ церковно-приходскихъ школъ передъ министерскими, или наоборотъ, это видно изъ того, что процентъ селеній съ церковно-приходскими школами въ той и другой группѣ приблизительно одинаковъ.

Интересно, кромѣ того, что съ приближеніемъ къ трактамъ чтеніе духовныхъ книгъ даже въ селеніяхъ, имѣющихъ церковно-приходскія школы, въ значительной мѣрѣ теряетъ преобладающее значеніе. Если группу притрактовыхъ селеній (I) разбить по селеніямъ: а) съ церковно-приходскими школами и б) со школами «министерскими», то вышеприведенныя цифры сгруппируются такимъ образомъ:

	Общее число селеній.	%% селеній, гдѣ предпочитается чтеніе: духовное.	светское.
Группа а	10	50	50
Группа б	26	35	65

Въ показаніяхъ учителей нѣкоторыхъ селеній есть кое-какія свѣдѣнія мѣстами безразличнаго, мѣстами предпочтительнаго чтенія крестьянами книгъ по тѣмъ или другимъ отдѣламъ.

Въ с. Анциферовскомъ (Енисейскаго округа) среди населенія распространены какъ духовныя, такъ и свѣтскія книги; первыя болѣе нравятся пожилымъ людямъ, вторыя — молодымъ *). Книгъ по исторіи, географіи, сельскому хозяйству и естественнымъ наукамъ почти совсѣмъ не встрѣчается, чаще попадаются повѣсти, сказки, разсказы, романы, стихотворенія. Читается *все, что только попадется подъ руку,— выбирать неоткуда*. Въ с. Подсосномъ (Назар. вол., Ачинскаго округа) «крестьянинъ радъ читать *все, что попадется* подъ руку; спросишь иного, что онъ желаетъ взять почитать, и получишь отвѣтъ: «что дадите: мнѣ лишь бы позабавиться на досугѣ,—скучно, знаете ли». «Любовь къ чтенію увеличивается». Выше мы уже видѣли, что въ Устьбалеѣ крестьянъ снабжаетъ книгами *неграмотный* поселенецъ, вкусами котораго и удовлетворяются сельскіе грамотеи, платящіе ему мзду за право чтенія книгъ. Учитель Колачинскаго сельскаго училища (Енисейскаго округа) сообщаетъ, что «мѣстные крестьяне читать любятъ, но *некому руководить* народнымъ чтеніемъ, такъ какъ одному учителю, безъ помощника при классныхъ занятіяхъ, совсѣмъ не хватитъ на это времени»; при этомъ онъ же сообщаетъ, что крестьяне читаютъ все, что случится и что придется, что «книги серьезнаго содержанія, каковы сочиненія по естествознанію, географіи и т. п. недоступны ихъ пониманію и потому крестьяне охотнѣе читаютъ то, что прямо относится къ ихъ жизни». Въ с. Ермаковскомъ (Минусинск. окр.) населеніе читаетъ «житія святыхъ, путешествія, приключенія, сказки, фантастическія повѣсти. Пожилые люди болѣе уважаютъ духовныя книги, молодымъ болѣе нравятся свѣтскія. Вообще читаютъ всѣ книги, какія только есть въ библіотекѣ и какія попадаются подъ руку, но предпочитаютъ книги

*) Тоже и въ нѣкоторыхъ другихъ селеніяхъ.

легкаго чтенія, написанныя *простымъ слогомъ,* а также любятъ книги изъ простонародной жизни». Изъ села Тунгузскаго (Маклак. вол., Енис. окр.) сообщаютъ, что «такъ какъ въ школьной библіотекѣ мало серьезныхъ книгъ, а помимо училища пріобрѣтать трудно, то и развито легкое чтеніе, преимущественно сказокъ и разсказовъ, отличающихся изобиліемъ фантастическаго». По свѣдѣніямъ изъ школы при Николаевскомъ желѣзодѣлательномъ заводѣ (Нижнеудинск. окр. Ирк. губ.), «масса мастеровыхъ читаетъ *житія святыхъ и жестокіе романы Ахматовой и «тайны» всяческихъ родовъ;* въ видѣ исключенія можно указать на мастеровыхъ, читающихъ Щедрина». По даннымъ, сообщеннымъ изъ Идинской инородческой школы, видно, что чтеніемъ занимается только молодежь, старики же и пожилые люди совсѣмъ ничего не читаютъ. Въ с. Ачинскомъ (Канск. окр.) «среди населенія преимущественно распространены книги религіозно-нравственнаго содержанія. Грамотные берутъ ихъ изъ церковной библіотеки; изъ нихъ нравятся больше всего житія святыхъ, какъ на русскомъ, такъ и на славянскомъ языкахъ, и путешествія по святымъ мѣстамъ. Свѣтскія книги, а также газеты, читаются исключительно торгующими людьми». Въ с. Усть-Ордѣ (Кудинскаго инородческаго вѣдомства, Ирк. окр.) среди православныхъ распространены книги духовно-нравственнаго содержанія, народныя сказки, разсказы изъ военнаго быта, большею частью изданій тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, а у шаманствующихъ инородцевъ (которые побогаче) романы, даже журналы, какъ, наприм., *Вѣстникъ Европы,* что объясняется совѣтами учителей домашнихъ школъ покупать тѣ или другія книги,— совѣтами, часто обусловливаемыми желаніемъ самихъ учителей имѣть эти книги для собственнаго прочтенія». Въ с. Манзурскомъ (Верхоленск. окр.) крестьяне читаютъ и духовныя, и свѣтскія книги, изъ свѣтскихъ преимущественно встрѣчаются сказки. «Только у крестьянъ, получившихъ образованіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ г. Иркутска, имѣются сочиненія болѣе или менѣе извѣстныхъ частью русскихъ, частью иностранныхъ писателей и поэтовъ, но такихъ крестьянъ здѣсь насчитывается всего пять человѣкъ». Въ с. Петровскомъ (Тутурской вол., Верхоленск. окр.) читаются почти исключительно сказки, вродѣ Еруслана и т. п. произведеній лубочной литературы. У крестьянъ с. Уяна (Нижнеудинск. окр.) «кромѣ книгъ московской лубочной литературы другихъ не имѣется. Въ то же время крестьяне этого села охотно слушаютъ и читаютъ сочиненія Толстого, Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Кольцова, Никитина, Тургенева, Гоголя и т. п., отзывы о произведеніяхъ этихъ писателей даютъ самыя отрадные, восторженные; крестьяне находятъ, что лубочная литература не имѣетъ ничего общаго съ произведеніями названныхъ писателей». Кстати сказать, по поводу этой же лубочной литературы въ свѣдѣніяхъ, доставленныхъ изъ Нукутскаго инородческаго училища говорится, между прочимъ, что хотя съ ростомъ числа грамотныхъ и увеличеніемъ охоты къ чтенію въ народѣ уменьшается число предразсудковъ и въ нѣкоторомъ отношеніи смягчается отношеніе къ женщинѣ, однако этому, не-

сомнѣнно, препятствуетъ распространеніе въ народѣ (чрезъ мѣстныхъ торговцевъ) дешевой лубочной литературы.

Что же касается того, чѣмъ именно интересуется деревня изъ печатаемаго въ періодическихъ изданіяхъ, то объ этомъ въ собранныхъ свѣдѣніяхъ имѣются, между прочимъ, слѣдующія указанія.

Крестьянъ с. Курагина интересуетъ въ *Сельскомъ Вѣстникѣ* отдѣлъ судебный («правильное рѣшеніе судебныхъ дѣлъ»), «отдѣлъ лѣчебника, гдѣ даются указанія, какъ беречься, чтобы не захворать, и какъ надобно лѣчиться отъ распространенія среди населенія болѣзней (горячки, лихорадки). Двухъ крестьянъ с. Сухобузила (Красноярск. окр.), выписывавшихъ *Сына Отечества* и *Лучъ* *) и принадлежащихъ къ сельской интеллигенціи, интересуетъ, по ихъ словамъ, «политика». Въ с. Курбатовѣ (Балахт. вол., Ачинск. окр.), гдѣ сельское общество выписываетъ *Вѣстникъ Краснаго Креста*, а нѣкоторые зажиточные крестьяне — *Родину, Ниву, Царь-Колоколъ,* ихъ интерерують въ этихъ изданіяхъ «разсказы, извѣстія, разныя событія». Въ с. Петровскомъ (Тутурск. вол., Верхоленск. окр.) трое зажиточныхъ торгующихъ крестьянъ (изъ которыхъ двое, будучи уже взрослыми и грамотными, поступали въ школу на цѣлый годъ) выписываютъ (и даютъ читать другимъ): *Свѣтъ, Лучъ, Родину, Сынъ Отечества* и *Русскую Старину;* въ этихъ изданіяхъ читающіе «интересуются политическимъ отдѣломъ, отдѣломъ театра и музыки и торговыми телеграммами». Въ с. Бирюльскомъ (Качугск. вол., Верхоленск. окр.), гдѣ нѣкоторыми зажиточными крестьянами выписываются *Лучъ, Сельскій Вѣстникъ* и *Родина,* интересуются въ нихъ «статьями легкаго содержанія и политикой». Въ с. Даурскомъ (Балахт. вол., Ачинск. окр.) только одинъ крестьянинъ выписываетъ *Родину* и пользуется имъ лично съ своимъ семейстомъ; онъ предпочитаетъ этотъ журналъ другимъ потому, что «въ немъ помѣщаются разсказы болѣе подходящіе къ жизни и болѣе понятные». Въ с. Назаровскомъ (Ачинск. окр.), гдѣ нѣсколькими лицами выписывается, между прочимъ, *Сибирскій Вѣстникъ,* ихъ болѣе всего интересуютъ въ газетѣ «статьи и очерки по мѣстнымъ вопросамъ». Въ с. Хоготовскомъ (Верхоленск. окр.) нѣкоторые богатые торгующіе инородцы выписываютъ мѣстную газету *Восточное Обозрѣніе,* а другіе — иллюстрированные еженедѣльные журналы съ картинками и преміями, въ которыхъ они и интересуются картинками, а не содержаніемъ.

Вообще въ газетахъ крестьяне интересуются болѣе всего «извѣстіями», «разными событіями», отдѣломъ «хроники»,—въ особенности въ мѣстныхъ газетахъ,—т.-е. свѣдѣніями о происшествіяхъ въ знакомомъ городѣ, и затѣмъ «разсказами». Изъ газетъ, какъ видно изъ вышеизложеннаго, крестьяне предпочитаютъ мѣстныя.

Чтобы лучше уяснить, что болѣе всего читаетъ народъ изъ числа

---

*) Позволяемъ себѣ напомнить, что рѣчь вездѣ идетъ именно о томъ времени, когда происходило помянутое изслѣдованіе.

свѣтскихъ и изъ числа духовныхъ книгъ, разобьемъ сначала читаемыя книги по болѣе крупнымъ отдѣламъ. Если свѣтскія, читаемыя въ деревнѣ, книги разбить на три отдѣла: а) книги научнаго содержанія, б) путешествія и описанія разныхъ странъ и народовъ и в) *легкое беллетристическое чтеніе,* то окажется, что (въ селеніяхъ, гдѣ читаются свѣтскія книги) послѣдній отдѣлъ читается *въ наибольшемъ числѣ селеній:* въ 54 изъ 56 (96%). Книги научнаго содержанія читаются въ 30% селеній, а книги второго изъ названныхъ отдѣловъ (путешествія и описанія) въ 23% этихъ селеній. Что касается духовныхъ книгъ, то если разбить ихъ на два наиболѣе крупныхъ отдѣла, отнеся къ одному отдѣлу житія святыхъ, путешествія по святымъ мѣстамъ и разсказы «духовнаго» содержанія, а ко второму отдѣлу—все остальное, то относительное число селеній даетъ для перваго отдѣла 53%, а для второго—39% общаго числа (51) селеній, читающихъ духовныя книги (и затѣмъ остается еще 38% общаго числа тѣхъ же, читающихъ духовныя книги, селеній, о которыхъ нѣтъ точныхъ указаній для дѣленія читаемыхъ книгъ на тотъ или другой изъ названныхъ отдѣловъ). Такимъ образомъ и въ области духовнаго чтенія, какъ и въ области чтенія свѣтскаго (беллетристика—96%, да, кромѣ того, большая часть книгъ по отдѣлу разныхъ «описаній» и путешествій, которую тоже надо отнести къ легкому чтенію)—первое мѣсто принадлежитъ болѣе *легкому* чтенію «житій», путешествій (по святымъ мѣстамъ) и описаній, а уже второе—чтенію такихъ книгъ, какъ псалтыри, молитвенники, проповѣди, часословы, евангеліе (изъ нихъ наиболѣе распространено чтеніе псалтырей и евангелія).

Такъ какъ отдѣлъ свѣтскихъ книгъ очень разнообразенъ по своему составу, то необходимо остановиться на немъ съ нѣсколько большею подробностью, чтобы разсмотрѣть внимательнѣе составъ читаемыхъ книгъ въ предѣлахъ каждаго изъ трехъ, составляющихъ его, крупныхъ отдѣловъ (на которые мы его разбили).

Остановимся сначала на самомъ распространенномъ отдѣлѣ—на отдѣлѣ легкаго чтенія. Для болѣе подробнаго его разсмотрѣнія выдѣлимъ только тѣ селенія, гдѣ читаются книги этого рода, и, распредѣливъ послѣднія по соотвѣтствующимъ видамъ легкаго чтенія, вычислимъ, въ какомъ (по числу селеній) отношеніи другъ къ другу стоитъ чтеніе этихъ книгъ по тому или иному изъ этихъ видовъ. Такимъ образомъ, на сто селеній, въ которыхъ жители читаютъ книги легкаго, беллетристическаго содержанія, приходится читающихъ: стихотворенія—10,5(%), басни—4,2, *сказки—19,* романы—2, *повѣсти и разсказы—62,3,* біографіи и разсказы изъ жизни русскихъ героевъ—2. Изъ числа разсказовъ одни отдаютъ предпочтеніе разсказамъ своего, крестьянскаго, «простонароднаго» быта, другіе—разсказамъ историческаго содержанія, третьи—военнаго; есть и такіе, которые предпочитаютъ разсказы съ *возможно большею* примѣсью *чудеснаго, фантастическаго;* процентъ послѣднихъ (считая тутъ же и любящихъ читать сказки) *свыше 25.*

Не останавливаясь пока на объясненіи столь замѣтной любви къ преобладанію фантастическаго элемента, перейдемъ къ разсмотрѣнію отдѣла книгъ научнаго содержанія и посмотримъ, изъ чего онъ слагается.

Если взять опять только тѣ селенія, въ которыхъ (между прочимъ) завѣдомо читаются книги научнаго содержанія (не включая сюда чтенія толстыхъ журналовъ) и вычислить, въ какомъ отношеніи (по числу селеній) стоитъ другъ къ другу чтеніе книгъ по той или другой наукѣ, то получается, что на сто селеній, читающихъ научныя книги, приходится читающихъ:

	По естественн. наукамъ.	По исторіи.	По географіи Россіи и др. странъ.	По физической географіи.	По сельск. хозяйству.	Вообще книги „серьезныя“, „дающія полезныя свѣдѣнія“ *).
%%:	16	21	10,5	5,5	26	21

Если принять во вниманіе, что книги по сельскому хозяйству принадлежатъ къ числу «дающихъ полезныя свѣдѣнія» **), или «могущія дать знанія, примѣнительныя къ нашей крестьянской жизни», то процентъ селеній, гдѣ кое-кто изъ сельскаго населенія читаетъ «серьезныя» книги съ утилитарными цѣлями, возростетъ до 47. Но это — процентъ къ общему числу только тѣхъ селеній, гдѣ читаются «серьезныя» книги; въ общемъ же числѣ *всѣхъ* читающихъ селеній процентъ этотъ оказывается совсѣмъ не такою крупною величиной, такъ какъ выражается цифрою 14. Столь малый процентъ селеній, населеніе которыхъ читаетъ книги, могущія дать имъ полезныя свѣдѣнія, даетъ основаніе думать, что гораздо бóльшая распространенность чтенія остальныхъ книгъ (не дающихъ «примѣнительныхъ къ крестьянской жизни, полезныхъ свѣдѣній») является въ значительной мѣрѣ уже не слѣдствіемъ желанія почерпнуть изъ такой книги *полезныя, нужныя для жизни,* свѣдѣнія, а слѣдствіемъ инстинктивнаго стремленія къ саморазвитію, къ расширенію *умственнаго кругозора,*— слѣдствіемъ потребности (даваемой книгою) въ духовной пищѣ,— желанія удовлетворить возникающую жажду знаній. Въ этомъ же, несомнѣнно, заключаются и причины распространенности чтенія путешествій, описаній, а также разсказовъ изъ жизни другихъ странъ, другихъ сословій, народовъ и городовъ; а *безъ* этого нельзя было бы объяснить и возникшей, наприм., мѣстами охоты къ чтенію книгъ по естествознанію, по физической географіи, отъ которыхъ, при малѣйшей доступности пониманію, ни *непосредственной* пользы, ни пріятнаго, легкаго развлеченія, даваемаго, наприм., повѣстями и сказками, получить невозможно. Такимъ образомъ, хотя крестьянинъ и говоритъ не рѣдко, что онъ проситъ для чтенія книгу только будто бы для того, чтобы «позабавиться на досугѣ», т.-е. только для одного развлеченія, но уже въ самомъ характерѣ этого развлеченія кроется, часто

*) Безъ точнаго указанія въ доставленныхъ свѣдѣніяхъ, какія именно.

**) См. только что приведенную табличку.

не подозрѣваемое имъ самимъ, стремленіе къ расширенію своего кругозора, интересъ къ окружающей жизни, потребность знаній.

Что касается незначительности процента селеній, гдѣ читаются книги, могущія дать «полезныя, примѣнимыя къ жизни свѣдѣнія», то малая распространенность такого чтенія не можетъ быть объяснена *недостаткомъ потребности* въ пріобрѣтеніи такого рода свѣдѣній. Этому, прежде всего, слишкомъ противорѣчитъ безусловно практическое настроеніе деревенскаго жителя (а сибиряка въ особенности), который не рѣдко потому и отрицаетъ книжное чтеніе, что не видитъ въ немъ пользы для себя, потому часто и предпочитаетъ духовное чтеніе свѣтскому, называя остальное «дребеденью», что отъ чтенія духовныхъ книгъ надѣется найти хоть «пользу для души». Но бѣда въ томъ, что онъ чаще всего даже и не знаетъ, что такого рода свѣдѣнія можно найти въ книгахъ. Мы видѣли уже, что охота къ чтенію и даже вкусы и желанія деревенскихъ грамотеевъ мѣстами далеко не соотвѣтствуютъ ни наличному запасу книгъ, имѣющемуся у нихъ подъ рукою, ни характеру тѣхъ изданій, которыя фактически доступны для покупки деревенскимъ жителямъ, вслѣдствіе чего крестьяне не рѣдко покупаютъ совсѣмъ не то, чего желаютъ сами. Вообще кругъ читаемыхъ сельскимъ населеніемъ книгъ весьма ограниченъ, и ограниченъ, прежде всего, условіями, отъ него независящими, благодаря чему деревенскій житель *даже и не знаетъ* о существованіи книгъ иного рода, чѣмъ книги того сорта, какія онъ видитъ постоянно передъ глазами.

Причина его незнанія (того, что вообще полезнаго можно найти въ книгахъ) заключается также и въ томъ, что, при данныхъ условіяхъ, наиболѣе доступной для него формой изложенія является, какъ мы видѣли, форма повѣствовательная (беллетристика), которая ему и болѣе нравится, которой онъ и отдаетъ предпочтеніе при каждой своей книжной покупкѣ. Это предпочтеніе *легкаго* чтенія, «*простого* слога», «*понятныхъ* разсказовъ изъ простонародной жизни», наряду съ распространенностью лубочныхъ изданій, представляющія слѣдствія не только недостающаго умственнаго развитія, но и самаго недостатка въ выборѣ читаемыхъ книгъ, само собою уже до извѣстной степени закрываетъ доступъ въ народъ книгамъ болѣе серьезнаго содержанія. Незнаніе того, что, кромѣ «разныхъ сказокъ», есть и болѣе серьезныя книги, вырабатываетъ даже въ болѣе старыхъ людяхъ убѣжденіе, что чтеніе свѣтскихъ книгъ—одна пустая забава, потому что въ нихъ «ничего путнаго никогда не пишется».

Наконецъ, всѣмъ, кто достаточно знакомъ съ нашею «народною» литературой, не можетъ не быть извѣстно, что среди нея слишкомъ, дѣйствительно, мало такихъ книгъ, которыя давали бы народу полезныя, готовыя, примѣнимыя къ условіямъ его жизни, свѣдѣнія и что, при общей бѣдности нашей народной литературы, кругъ допускаемыхъ въ народѣ изданій ограниченъ еще недопущеніемъ многихъ книгъ въ сельско-училищныя библіотеки.

То, что намъ теперь извѣстно относительно обслѣдованныхъ селеній,

убѣждаетъ въ томъ, что въ населеніи ихъ дѣйствительно есть охота къ чтенію, доходящая мѣстами даже до затратъ на покупку книгъ изъ собственнаго кармана. Разница въ степени требовательности и во вкусахъ населенія по отношенію къ чтенію зависитъ, какъ было уже отчасти видно изъ предыдущаго изложенія, отъ многихъ условій. Мѣстами, наприм., молодежь читаетъ только свѣтскія книги, а старые люди — только духовныя; молодежь—сказки, басни, стихи, разсказы, а старые, зрѣлые люди—предпочитаютъ, главнымъ образомъ, «серьезное» чтеніе (въ томъ числѣ, наприм., календари), все остальное считая за «дребедень». Понятно при этомъ, что, въ зависимости отъ того, принадлежитъ ли большая часть мѣстныхъ грамотѣевъ къ людямъ молодымъ, или же къ людямъ зрѣлаго возраста, въ данной мѣстности будетъ преобладать вкусъ къ тому или другому чтенію *). Торгующіе изъ крестьянъ имѣютъ свои вкусы къ чтенію, земледѣльцы—нѣсколько иные, и т. д. Такимъ образомъ, разница во вкусахъ зависитъ, кромѣ другихъ, уже указанныхъ, условій, отъ самого состава сельскаго населенія.

Возвращаясь къ вопросу о распространенности чтенія лубочныхъ изданій, отличающихся въ большинствѣ крайнею фантастичностью, мы встрѣчаемся, вмѣстѣ съ тѣмъ, и съ вопросомъ о причинахъ замѣченнаго предпочтенія разсказовъ и повѣстей съ фантастическою подкладкой: «фантастическихъ», историческихъ» разсказовъ, сказокъ, разсказовъ «про войну», «про русскихъ героевъ», а изъ духовныхъ книгъ—житій святыхъ, т.-е. по формѣ своей опять-таки сказки, опять-таки того, что содержитъ въ себѣ что-либо особенное отъ обычныхъ условій деревенской жизни, непонятное, чудесное и даже страшное, волнующее, забирающее за живое. Не есть ли эта любовь къ фантастическому, съ одной стороны, слѣдствіе вліянія распространенной въ деревнѣ лубочной литературы съ ея необыкновенными фантазіями, и съ другой — слѣдствіе инстинктивнаго стремленія, хотя на время, оторваться отъ обычныхъ условій сѣрой будничной жизни? А наряду съ этимъ и самое распространеніе лубочной литературы не представляетъ ли собою до нѣкоторой степени слѣдствія того же стремленія найти въ ея фантастическихъ произведеніяхъ, говоря словами Достоевскаго, разсказы о той «дѣйствительности», которая «хотя и невозможна, но совершенно противоположна скучной и тягостной обыденной дѣйствительности простолюдина?»

Все только что сказанное приводитъ неизбѣжнымъ образомъ къ необходимости обратить серьезное вниманіе, съ одной стороны, на бѣдность нашей народной литературы, съ другой — на вопросъ о *путяхъ распространенія* книгъ въ народѣ. Изъ предыдущаго видно, что хорошія изданія (наприм., «Посредника», комитетовъ грамотности) плохо проникаютъ въ народъ, благодаря тому, что въ обычныхъ мѣстахъ пріобрѣтенія крестья-

*) Надо замѣтить однако, что, съ другой стороны, мѣстами бываетъ и такъ, что вкусы тѣхъ и другихъ, въ общемъ, сходятся между собой.

нами книгъ ихъ не имѣется въ продажѣ, что и книгоноши, и городскіе торговцы, главными покупщиками которыхъ являются крестьяне, предпочитаютъ изданія Никольскаго рынка, замѣна которыхъ лучшими, пока, при всемъ стараніи «благотворительныхъ издательскихъ фирмъ», какъ выразился о нихъ одинъ изъ доставлявшихъ отзывы учителей, повидимому, идетъ довольно медленно. При всемъ этомъ школа оказывается, все-таки, важнымъ источникомъ распространенія книгъ и, къ тому же, наиболѣе порядочныхъ. Отсюда, принимая во вниманіе и дѣлаемыя крестьянами денежныя затраты на книги, а также и факты существованія крестьянскихъ библіотекъ,—является мысль о возможности и высокой полезности устройства народныхъ библіотекъ, хотя бы даже съ нѣкоторыми небольшими на нихъ затратами со стороны мѣстнаго читающаго, наиболѣе зажиточнаго населенія. Въ с. Братскомъ (Нижнеудинскаго округа), одновременно съ школьною библіотекой, существуетъ же, наприм., особая библіотека при волостномъ правленіи, приблизительно въ 500 экземпляровъ, основанная болѣе уже 20 лѣтъ назадъ на средства мѣстныхъ жертвователей деньгами и натурой, изъ которой могутъ брать книги всѣ безъ различія жители села. Такія библіотечки, кромѣ школъ, можно было бы, наприм., устраивать не только при волостныхъ, но даже и при сельскихъ правленіяхъ; но такъ какъ есть деревни, гдѣ, по безграмотности ихъ населенія, въ нихъ не найдется читателей, то, параллельно этому, и даже во многихъ мѣстахъ, прежде устройства такихъ библіотечекъ, надобно, конечно, принять всевозможныя мѣры къ увеличенію числа школъ въ народѣ.

Таковы вопросы, невольно напрашивающіеся при разсмотрѣніи данныхъ, собранныхъ по интересующему насъ предмету.

Сказаннымъ исчерпываются и тѣ «выводы», которые, повидимому, можно было сдѣлать изъ этого матеріала. По поводу этихъ выводовъ необходимо, однако, сдѣлать нѣкоторую оговорку. Читатель уже замѣтилъ, конечно, что въ предыдущемъ изложеніи большею частью шла рѣчь о селеніяхъ, имѣющихъ оффиціальныя (церковно-приходскія и министерскія) школы. Между тѣмъ, училища эти (особенно министерскія), какъ извѣстно, устраиваются преимущественно въ наиболѣе населенныхъ деревенскихъ центрахъ, весьма часто—и наиболѣе промышленныхъ и торговыхъ, въ то же время стоящихъ часто не въ сторонѣ и въ глуши, а гдѣ-либо на почтовыхъ, или имѣющихъ торговопромышленное значеніе трактахъ, по которымъ происходитъ болѣе или менѣе оживленное движеніе населенія. Эти обстоятельства представляютъ важное значеніе при оцѣнкѣ значенія собранныхъ данныхъ и вытекающихъ изъ нихъ заключеній, такъ какъ такого рода селенія должны быть причислены къ числу наиболѣе цивилизованныхъ, стоящихъ, по умственному развитію своего населенія, на нѣсколько высшемъ уровнѣ сравнительно съ обыкновенною *среднею* деревней, которая, слѣдовательно, должна, повидимому, читать и рѣже, и меньше, чѣмъ большая часть деревень того типа, съ которымъ мы имѣли дѣло въ предыдущемъ изложеніи

Читатель знаетъ, кромѣ того, что большая часть использованнаго ма-

теріала относится только къ меньшей части селеній названныхъ губерній; хотя, тѣмъ не менѣе, матеріалъ этотъ имѣетъ, все-таки, дѣло съ наблюденіями, произведенными болѣе чѣмъ въ 70 крупныхъ селеніяхъ, разбросанныхъ въ предѣлахъ девяти уѣздовъ двухъ смежныхъ губерній. Однако, отсутствіе необходимыхъ данныхъ по остальнымъ селеніямъ этихъ губерній исключаетъ для автора право придавать вытекающимъ изъ этого матеріала заключеніямъ значеніе безспорныхъ, окончательныхъ выводовъ.

Но, при полномъ почти отсутствіи иныхъ данныхъ о положеніи этого вопроса въ Сибири, драгоцѣнно и то, что имѣется, тѣмъ болѣе, что до всесторонняго его изученія хотя бы только въ большей части не обслѣдованныхъ въ этомъ отношеніи селеній, навѣрное, пройдетъ еще слишкомъ много времени. Раціональнѣе поэтому, за неимѣніемъ лучшаго, воспользоваться хотя бы и менѣе полными данными, чтобы получить отъ нихъ хотя какія-нибудь практическія,—и прямо отъ жизни,—указанія относительно того, что надо сдѣлать въ смыслѣ увеличенія у крестьянъ охоты къ чтенію и въ отношеніи полезнаго и всесторонняго удовлетворенія этой охоты, чѣмъ, при отсутствіи всякихъ данныхъ, дѣйствовать въ немалой мѣрѣ ощупью и наугадъ.

Л. Личковъ.

По поводу предстоящей реформы нашего судоустройства *).

§ 4.

I. Во вступительной рѣчи, произнесенной въ засѣданіи (18 декабря 1885 г.) общаго собранія старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ палатъ, авторитетный голосъ министра юстиціи, подтверждая необходимость предполагаемаго коммиссіей объединенія судебной части, указалъ на тотъ поразительный фактъ, что «въ одной только Европейской Россіи оказывается 12 различныхъ типовъ судебнаго устройства», которые, при графическомъ изображеніи на особой картѣ, составленной статистическимъ отдѣленіемъ I департамента министерства юстиціи, «образовываютъ 18 различныхъ въ судебномъ отношеніи территорій»; при меньшемъ разнообразіи этихъ типовъ въ Азіатской Россіи, оно доходитъ тамъ «до 9 различныхъ группъ судебныхъ установленій» (см. *Труды* высоч. учрежд. ком. 1895 г., т. I, II—протоколы). Министръ указалъ и на то, что схемы судебнаго устройства, выработанныя каждымъ изъ пяти отдѣловъ коммиссіи, отнюдь «не представляютъ собою законченнаго, вполнѣ выработаннаго проекта предполагаемыхъ измѣненій въ судебной части». Такого проекта «нѣтъ ни въ коммиссіи, ни въ министерствѣ», а имѣется лишь «рядъ различныхъ по исходнымъ точкамъ зрѣнія мыслей и предположеній о возможности такъ или иначе устроить судебную часть на началахъ ея объединенія». Въ заключеніе, Н. В. Муравьевъ намѣтилъ для обсужденія 14 пунктовъ, формулирующихъ общія цѣли и задачи необходимой реформы (ibidem). Въ числѣ ихъ указаны: 1) *объединеніе* различныхъ судебныхъ установленій *въ общемъ типѣ, который былъ бы пригоденъ*, съ нѣкоторыми частными видоизмѣненіями, *для всѣхъ мѣстностей Имперіи;* 2) *приближеніе суда къ населенію, при устройствѣ мѣстной юстиціи въ качествѣ первой ступени* и исходной точки всей организаціи; 3) *достиженіе* возможно *большей простоты* въ судоустройствѣ (и судопроизводствѣ); 4) *выдѣленіе судебнаго вѣдомства изъ учрежденія земскихъ начальниковъ* и *«оставле-*

---

*) *Русская Мысль*, кн. I.

ніе за ними той судебной власти, которая необходима для немедленнаго охраненія порядка и безопасности и для огражденія правъ частныхъ лицъ въ повседневной, бытовой и хозяйственной жизни сельскихъ мѣстностей, съ передачею остальныхъ дѣлъ въ вѣдѣніе мѣстныхъ чисто-судебныхъ органовъ» (ibidem, стр. 33 и 34). Наконецъ, признавая «центральное значеніе» для реформы вопроса объ устройствѣ уѣздной или мѣстной юстиціи, министръ юстиціи высказалъ, что желательное преобразованіе «должно начаться съ объединенія существующихъ нынѣ двухъ главныхъ типовъ уѣздной юстиціи—чисто судебнаго (выборные мировые судьи въ столицахъ и нѣкоторыхъ большихъ городахъ и мировые судьи отъ правительства на окраинахъ) и судебно-административнаго». Для достиженія этой цѣли необходимы какъ *болѣе или менѣе одинаковое устройство судебной части въ обѣихъ группахъ*, такъ и *выдѣленіе судебныхъ чиновъ и ихъ функцій изъ смѣшанныхъ коллегій,* безъ котораго «едва ли возможно будетъ поставить органы уѣздной юстиціи въ надлежащую связь съ цѣлымъ строемъ собственно судебныхъ учрежденій». Необходимо также установить «правильныя соотношенія между судебными органами въ каждой мѣстности, такъ какъ въ настоящее время уѣздная юстиція обоихъ видовъ *не объединена съ общими судебными учрежденіями* ни въ порядкѣ юстиціи, ни въ административномъ отношеніи». Но, при всей своей важности, вопросъ «объ оставленіи неприкосновенною или объ ограниченіи теперешней судебной компетенціи административныхъ учрежденій касается не столько устройства и положенія мѣстной судебной власти, *сколько объема и предѣловъ ея приложенія или дѣятельности»* (ibidem, стр. 35—36). Въ виду сказаннаго, *совѣщаніе,* какъ извѣстно, *не касалось вовсе вопроса о судебной власти земскихъ начальниковъ.*

Достоинства цѣлесообразной судебной организаціи должны выражаться въ возможно-полномъ и правильномъ сочетаніи нѣсколькихъ условій: 1) *единство типа,* который, распространяясь по всей странѣ, пресѣкаетъ затрудненія и сомнѣнія при отысканіи суда; 2) *близость суда къ населенію,* т.-е. возможно большее число судовъ въ данномъ районѣ, съ наиболѣе широкою подвѣдомственностью; 3) *независимость суда* отъ мѣстныхъ вліяній и *отъ администраціи,* т.-е. полное отдѣленіе его отъ послѣдней, съ присвоеніемъ ему исключительно судебныхъ функцій и съ поставленіемъ судей въ условія *несмѣняемости;* 4) *способность суда,* т.-е. нравственный и образовательный цензъ судей; 5) въ связи съ послѣдними двумя условіями находится и *авторитетность* суда въ глазахъ населенія, мѣстной администраціи и правительства; 6) авторитету суда содѣйствуютъ еще: a) высокое служебное положеніе лицъ, профессіонально отправляющихъ правосудіе, b) хорошее матеріальное обезпеченіе судей, справедливое само по себѣ и необходимое для охраненія ихъ независимости; 7) возможная *дешевизна суда,* т.-е. *наименьшее обремененіе государственнаго бюджета* расходами по судебной организаціи насколько, конечно, дешевое судоустройство достижимо безъ ущерба для интересовъ правосудія и населенія,

такъ какъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что судъ, хотя и дешевый, но плохой—оказывается, въ концѣ-концовъ, дорогимъ, судъ же болѣе дорогой, но доброкачественный—косвенно, но всегда окупается для населенія и государства; и никакая серьезная реформа въ судоустройствѣ, при современныхъ условіяхъ и требованіяхъ, предъявляемыхъ къ нему обществомъ и государственными интересами, не можетъ обойтись безъ увеличенія бюджета министерства юстиціи; наконецъ, 8) *инстанціонная система*, построенная надъ судами первой степени, близкими къ населенію, должна быть создана на началахъ *наименьшаго числа наиболѣе близкихъ* къ судамъ I степени *инстанцій, прочной связи* между *судами* и *іерархическаго ихъ подчиненія, съ устройствомъ правильнаго и постояннаго надзора и контроля высшихъ судовъ надъ низшими*, окончательно объединенными верховнымъ (кассаціоннымъ) судомъ.

Наиполнѣйшее сочетаніе этихъ условій даетъ наибольшее приближеніе къ идеалу хорошаго суда; выпаденіе даже одного изъ нихъ уменьшаетъ доброкачественность его и можетъ быть допущено (и то лишь по отношенію къ нѣкоторымъ изъ этихъ условій) только при исключительныхъ обстоятельствахъ.

II. Какой же *типъ* мѣстнаго суда можно рекомендовать въ качествѣ I инстанціи? Въ § III мы приходили къ заключенію, что *было бы полезно* для правосудія *передать всю имѣющуюся у земскихъ начальниковъ судебную власть въ руки чисто судебныхъ должностныхъ лицъ;* а при этомъ условіи теряетъ свой raison d'être вся судебная сторона организаціи, созданной закономъ 12 іюля 1889 г., т.-е. судебныя отдѣленія уѣзднаго съѣзда и губернскаго присутствія. Но если такъ, то не проще ли замѣнить судъ земскаго начальника мировыми учрежденіями, т.-е. возстановить, съ нѣкоторыми исправленіями, порядокъ, существовавшій у насъ 25 лѣтъ и исчезнувшій (и то не вполнѣ) лишь съ 1889 г.? Мы лично всегда были сторонниками выборнаго мирового института; разсуждая sine ira et studio, можно признать, что, *въ цѣломъ, этотъ институтъ оправдалъ себя* и сослужилъ добрую службу русскому обществу. Будучи призванъ, по словамъ Д. Н. Замятина, творить судъ по дѣламъ именно тѣхъ лицъ, которыя нуждались въ судѣ скоромъ и правомъ, мировой судъ долженъ былъ стать «краеугольнымъ камнемъ суда гласнаго, скораго, праваго и милостиваго», пріучить массу населенія къ законности и къ сознанію равенства гражданъ передъ судомъ и закономъ. Несомнѣнно также, что мировая юстиція, встрѣченная при ея введеніи большимъ сочувствіемъ правительственныхъ сферъ и высшей мѣстной администраціи, вполнѣ оправдала въ лицѣ мировыхъ судей перваго избранія, возлагавшіяся на нее надежды. Безспорный авторитетъ А. Ф. Кони, ознакомившагося съ мировою юстиціей почти всей Россіи въ качествѣ оберъ-прокурора уголовнаго кассаціоннаго департамента сената, имѣвшаго надзоръ за мировыми учрежденіями, подтверждаетъ сказанное. Признавая промахи мировыхъ судей и ихъ съѣздовъ, но приписывая имъ значеніе явленій единичныхъ, нашъ извѣстный юристъ и практикъ гово-

рить (см. рѣчь его въ годичномъ собраніи Петерб. юрид. общества), что камеры мировыхъ судей сдѣлались не только мѣстомъ отправленія доступнаго народу правосудія, но и *школою порядочности и уваженія къ человѣческому достоинству*. Были отдѣльныя злоупотребленія, доходившія и до суда, были и осудительные приговоры послѣднихъ надъ мировыми судьями; въ нѣкоторыхъ уѣздахъ и городахъ, которымъ какъ-то особенно не посчастливилось, мировыя учрежденія шли, вообще, плохо; но во многихъ другихъ, гдѣ они шли одно время неудовлетворительно, удавалось, путемъ избранія новыхъ судей, улучшить мѣстную юстицію весьма замѣтно. Мы не отрицаемъ также, что съ конца 70-хъ и особенно въ 80-хъ годахъ уровень мировыхъ судей и качество ихъ дѣятельности, вообще говоря, понизилось. Но не будемъ же упускать изъ виду, что мировые судьи—плоть отъ плоти и кровь отъ крови общества, переживавшаго извѣстныя болѣзненныя явленія, изъ котораго выходили всѣ наши общественные и судебные дѣятели. Необходимо признать, что въ разсматриваемое время уровень адвокатуры, магистратуры стоячей и сидячей *тоже понизился*, и было бы вопіющею несправедливостью винить въ этомъ пониженіи уровня однихъ мировыхъ судей. И тѣмъ не менѣе, мировой институтъ, жившій съ 80-хъ годовъ подъ постояннымъ страхомъ упраздненія, подъ градомъ нападокъ и явнымъ недовѣріемъ къ нему правящихъ сферъ, т.-е. при условіяхъ неблагопріятныхъ, все же отправлялъ свои судебныя обязанности настолько удовлетворительно, что можно было бы, не упраздняя его, ограничиться одними его исправленіями, указанными опытомъ. Возможно было измѣнить систему выборовъ въ мировые судьи, продолжить сроки службы (съ 3 на 5, даже на 6 лѣтъ), отдать предпочтеніе образовательному цензу передъ имущественнымъ, т.-е. понизить послѣдній для кандидатовъ съ высокимъ образованіемъ; слѣдовало, далѣе, связать мировыя учрежденія съ общими болѣе тѣсно и близко, подчинивъ ихъ контролю судебной палаты, усилить надзоръ, устроивъ частыя и систематическія ревизіи. Наконецъ, было вполнѣ возможно и необходимо упростить судопроизводство, освободивъ его отъ формализма, сложности и волокиты, столь неумѣстныхъ по самой идеѣ мирового суда и искусственно насажденныхъ на почву мирового института. Во всякомъ случаѣ есть *доля правды* во мнѣніи, высказанномъ и на совѣщаніи старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ палатъ, приписывавшемъ гибель мирового института отсутствію близкаго и дѣятельнаго за нимъ надзора и системѣ выборовъ на слишкомъ краткіе сроки службы. Тѣмъ не менѣе, и безъ всѣхъ указанныхъ измѣненій и поправокъ, мировыя учрежденія все же удовлетворяли своей цѣли. Это доказывается статистическими данными о числѣ рѣшеній и приговоровъ мировыхъ съѣздовъ, *отмѣнявшихся* сенатомъ въ кассаціонномъ порядкѣ, сравнительно съ количествомъ самыхъ рѣшеній и приговоровъ, какъ подлежавшихъ, вообще, обжалованію, такъ и обжалованныхъ на самомъ дѣлѣ сенату; это подтверждается и довольно благопріятнымъ для мировыхъ учрежденій процентнымъ отношеніемъ между количествомъ отмѣненныхъ сенатомъ приговоровъ и рѣшеній судеб-

ныхъ палатъ и мировыхъ съѣздовъ, организованныхъ на началахъ избранія судей. Извѣстно также, что оффиціальный органъ (*Правительственный Вѣстникъ*), вскорѣ послѣ введенія закона 12 іюля 1889 г., далъ лестный отзывъ о дѣятельности упраздненнаго института, подкрѣпленный богатою оффиціальною статистикою послѣднихъ годовъ его существованія. Итоги, тщательно и осторожно подведенные (см. *Джаншiевъ*: ibidem, стр. 320—323 выноска), вынудили *Правительственный Вѣстникъ* къ заявленію, что дѣятельность мировыхъ учрежденій была «весьма удовлетворительною, какъ въ смыслѣ правильности постановленныхъ мировыми судьями рѣшеній, такъ и въ отношеніи быстроты производства». И можно было лишь пожалѣть о томъ, что мировой институтъ былъ упраздненъ вскорѣ послѣ того, какъ онъ началъ ощущать на себѣ благотворное вліяніе знаменитаго указа общаго собранія кассаціонныхъ департаментовъ (отъ 6 іюня 1886 г.). Въ немъ сенатъ, обративъ вниманіе на нѣкоторую медлительность и иные непорядки, допускавшіеся въ мировыхъ учрежденіяхъ, преподалъ имъ для обязательнаго руководства цѣлый рядъ правилъ, которыя весьма «подтянули» мировыхъ судей. Будучи хорошо знакомы съ дѣятельностью мирового института во многихъ уѣздахъ и принимавъ личное въ немъ участіе, мы тоже пришли къ положительному заключенію о томъ, что указъ 1886 г. сдѣлалъ многое и могъ бы сдѣлать еще больше для упорядоченія юстиціи, особенно для ускоренія разбирательства. Дальнѣйшимъ доказательствомъ добропорядочности упраздненнаго института и его жизнеспособности можетъ также служить и тотъ знаменательный фактъ, что за 25 лѣтъ его существованія въ 36 земскихъ губерніяхъ, при массѣ участковыхъ и почетныхъ судей (болѣе 2 тысячъ), и при нѣсколькихъ сотняхъ мировыхъ съѣздовъ было очень мало случаевъ злоупотребленій, возбуждающихъ общее вниманіе; равнымъ образомъ не раздавалось въ обществѣ громкихъ и всеобщихъ противъ учрежденія жалобъ, снабженныхъ опредѣленными обвиненіями. Фактъ тѣмъ болѣе поразительный, что жизнь новыхъ судебно-административныхъ учрежденій, едва только введенныхъ въ первые годы въ немногихъ губерніяхъ, сейчасъ же ознаменовалась появленіемъ со всѣхъ сторонъ и изъ многихъ источниковъ немалаго числа жалобъ и порицаній по случаю несомнѣнно констатированныхъ злоупотребленій, нерѣдко поистинѣ вопіющихъ; правда, послѣднія приключались чаще въ области администраціи, но бывали и по дѣламъ судебнымъ (см. вышецитир. ст. Обнинскаго и Дружинина). А между тѣмъ порицанію мировой юстиціи и всевозможнымъ нападкамъ на нее были открыты полный просторъ, «гостепріимный пріютъ и слухъ отверстый» у многихъ вліятельныхъ: ничто не было скрыто, малѣйшій промахъ—все попадало въ печать и доходило куда слѣдуетъ.

III. Тѣмъ не менѣе, будетъ весьма затруднительно осуществить единый типъ мѣстнаго судьи, подъ именемъ *участковаго* (или мирового), посредствомъ возвращенія къ порядку избранія судей въ земскихъ собраніяхъ. Для приближенія суда къ населенію необходимо сосредоточить на мѣстѣ, т.-е. у участковыхъ судей, возможно большее число дѣлъ. Къ нимъ долж-

ны будутъ отойти довольно сложныя и значительныя по цѣнѣ иска гражданскія дѣла, а равно и уголовныя правонарушенія, обложенныя довольно серьезными наказаніями, превышающими кары, которыя примѣнялись мировыми учрежденіями. Но такое расширеніе подвѣдомственности единоличныхъ судей порождаетъ требованіе высокаго спеціальнаго (юридическаго) ихъ образованія. Даже въ лучшую пору своего существованія мировыя учрежденія претерпѣвали въ нѣкоторыхъ уѣздахъ замѣтный недостатокъ въ кандидатахъ не только съ юридическимъ, но вообще и съ высшимъ образованіемъ. Иногда не хватало даже лицъ съ среднимъ образованіемъ, что объяснялось какъ стремленіемъ персонала съ выдающимся образованіемъ въ крупные городскіе центры, такъ и необходимостью сочетать съ образованіемъ и довольно значительный имущественный цензъ, т.-е. два условія рѣдко совмѣщавшіяся у уѣздныхъ обывателей. Для увеличенія числа кандидатовъ на избраніе въ участковые судьи пришлось бы отмѣнить условіе имущественнаго ценза или свести его къ самымъ скромнымъ размѣрамъ. Но въ обоихъ случаяхъ избиратели все же не нашли бы достаточнаго числа кандидатовъ изъ числа лицъ, *имѣющихъ связь съ данною мѣстностью*, которые, откликнувшись на призывъ избирательнаго собранія, согласились бы переселиться въ захолустье, сдѣлавшееся для нихъ совершенно чуждымъ. Не можетъ привлечь, потерявшихъ связь съ мѣстностью, и перспектива новой баллотировки въ должность, хотя бы даже сроки служенія по избранію и были увеличены (съ 3 до 5—6 лѣтъ). Допустимъ даже, что законодатель порѣшитъ обратить выборную судейскую службу въ пожизненную. Но еще составители судебныхъ уставовъ указывали на то, что пожизненное избраніе судей «подрываетъ выборное право въ самомъ его корнѣ», такъ какъ оно имѣетъ значеніе «только при томъ условіи, чтобы избранныя лица оставались на мѣстахъ, доколѣ пользуются довѣріемъ общества», чтобы выборы производились на срочное время, по прошествіи котораго избиратели «могли бы устранить лица, неоправдавшія ихъ довѣрія и выбрать себѣ другихъ представителей» (Суд. уст., изд. госуд. канц., часть 3, стр. XX). При избраніи же на сроки могутъ пойти на должность, какъ это показалъ опытъ, лишь мѣстные обыватели, которые, если бы даже имъ и не пришлось удержаться на должностяхъ, возвращаются, потерпѣвъ фіаско на выборахъ, въ то «первобытное состояніе и положеніе», въ которомъ они жили и коимъ довольствовались до избранія. Человѣкъ же, выбывшій изъ уѣзда и потерявшій съ нимъ связь, ищущій лучшаго въ крупныхъ центрахъ, можетъ быть заинтересованъ возвращеніемъ въ него только при условіи твердости и обезпеченности своего въ немъ положенія отъ всякихъ случайностей, т.-е. при гарантіи *пожизненнаго* его избранія, а не краткосрочнаго, хотя бы даже на 5—6 лѣтъ. И при этомъ даже условіи все же нѣтъ достаточныхъ основаній къ увѣренности въ томъ, что согласятся вернуться въ уѣздъ именно лучшіе изъ числа тѣхъ, которымъ пришлось порвать съ нимъ связь. Пойдутъ охотнѣе, за неимѣніемъ лучшаго, «неудачники» столицъ и крупныхъ центровъ.

Остается, слѣдовательно, одинъ выходъ—кликнуть кличъ къ широчайшему кругу кандидатовъ, т.-е. ко всѣмъ лицамъ съ юридическимъ образованіемъ, гдѣ бы они ни находились, не обращая вниманія на то—имѣли ли они и продолжаютъ ли имѣть какія-нибудь связи съ уѣздомъ или съ городомъ. Число такихъ кандидатовъ будетъ, конечно, очень значительно; но въ такомъ случаѣ возникаетъ вопросъ—гдѣ и въ чемъ лежатъ гарантіи доброкачественности избранія такихъ стороннихъ лицъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ уѣзду и неизвѣстныхъ, въ качествѣ совершенно посторонннхъ, большинству избирателей? Придется избирать въ судьи по рекомендаціи одного или немногихъ гласныхъ, безъ строгой провѣрки кандидатуры лица, находящагося за тридевять земель, т.-е. подчинить избраніе разнымъ случайностямъ. Если же не отступать при этомъ отъ системы срочности выборовъ, то опять же нѣтъ ручательства въ томъ, что кандидаты проявятся со стороны въ достаточномъ числѣ, доброкачественные и имѣющіе намѣреніе пристроиться на мѣстѣ прочно, а не на время, до наступленія болѣе благопріятныхъ условій.

Въ виду изложеннаго, мы не можемъ вполнѣ согласиться съ мнѣніемъ одного изъ членовъ совѣщанія (*Труды*, т. I, стр. 39—40), который полагалъ, что участковые судьи, имѣющіе жить въ селахъ и деревняхъ, *могутъ подпасть вредному вліянію условій жизни въ глухихъ мѣстностяхъ*, которыя приведутъ къ нежелательнымъ послѣдствіямъ—стремленію скорѣе оставить мѣсто службы и къ возможности, при неосуществленіи этого стремленія, опуститься въ умственномъ и нравственномъ отношеніи. Для предупрежденія этихъ послѣдствій членъ совѣщанія предлагалъ «*назначать* участковыхъ судей *изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ съ* опредѣленнымъ *имущественнымъ цензомъ, съ юридическимъ образованіемъ* и достаточно *практически подготовленныхъ* на службѣ по судебному вѣдомству». Требованіе имущественнаго ценза мотивировалось тѣмъ, что «возможность остаться въ своей усадьбѣ, среди привычнаго общества и знакомой мѣстности привязывала бы участковаго судью къ его дѣлу и противодѣйствовала бы и другимъ пагубнымъ вліяніямъ провинціальной жизни». Нужно ли распространяться о томъ, что органъ, *назначающій* судьей, найдетъ въ уѣздахъ лишь очень немногихъ лицъ, обладающихъ *всѣми* указанными условіями.

Конечно, при системѣ пожизненнаго назначенія, желающихъ занять должность участковаго судьи найдется больше, чѣмъ при системѣ избранія на срокъ; тѣмъ не менѣе ихъ будетъ въ большинствѣ мѣстностей значительно меньше противъ необходимаго числа кандидатовъ на судейскія должности, чему *косвеннымъ* доказательствомъ служитъ и полная неудача первоначальнаго постановленія закона 12 іюля 1889 г., тоже предполагавшаго назначить земскихъ начальниковъ *по преимуществу* изъ числа лицъ, удовлетворявшихъ вышеисчисленнымъ условіямъ: такихъ лицъ могли найти лишь въ немногихъ мѣстахъ и въ самомъ незначительномъ количествѣ. Это явленіе объясняется, впрочемъ, и другою причиною—непривлекатель-

ностью, во многихъ отношеніяхъ, должности земскаго начальника въ глазахъ не малаго числа просвѣщенныхъ юристовъ.

Въ приведенномъ мнѣніи члена совѣщанія намъ представляется вѣрнымъ одно положеніе, которымъ и слѣдовало бы воспользоваться законодателю. Система назначенія въ участковые судьи министромъ юстиціи изъ числа лицъ, обладающихъ юридическимъ образованіемъ и пріобрѣтшихъ нѣкоторый опытъ прослуженіемъ извѣстнаго числа лѣтъ (не менѣе 3—4) въ званіи кандидатовъ на судебныя должности, большое число которыхъ всегда будетъ въ распоряженіи министерства (подъ условіемъ преобразованія кандидатуры на судебныя должности и обезпеченія кандидатовъ содержаніемъ) могла бы быть дополнена постановленіемъ, рекомендующимъ назначать на должность судьи *преимущественно мѣстныхъ обывателей, изъ лицъ, имѣющихъ въ уѣздѣ или въ городѣ хотя бы небольшое недвижимое имущество* (усадьбу, дачу и т. п.) и *удовлетворяющихъ всѣмъ другимъ условіямъ*. Такое постановленіе закона обезпечило бы тамъ, гдѣ найдутся такія лица, участіе въ судѣ персонала, знакомаго съ мѣстными условіями, что было бы весьма полезно для другихъ судей, назначенныхъ со стороны и чуждыхъ бытовымъ и обычнымъ особенностямъ даннаго района.

IV. Характеристическою *особенностью* проектируемаго *участковаго судьи представляется* намѣченное въ схемахъ пяти отдѣловъ коммиссіи и *одобренное большинствомъ* совѣщанія *соединеніе въ его лицѣ функцій судьи и судебнаго слѣдователя.* Такое соединеніе, совершенно чуждое судебнымъ уставамъ первой редакціи, было введено позднѣе въ Закавказскомъ краѣ (ст. 444, 446, 449—451 учрежд. и ст. 1259—1262 уст. угол. суд.), гдѣ мировые судьи и ихъ помощники должны были совмѣщать въ себѣ единовременно функціи судейскія и слѣдовательскія: въ мировыхъ отдѣлахъ, на которые раздѣляются округи окружнаго суда, образовывались, въ случаѣ обширности этихъ отдѣловъ особые участки, завѣдываемые, на правахъ мировыхъ судей, ихъ помощниками.

Тѣмъ не менѣе, начало соединенія указанныхъ функцій съ самаго начала не могло быть вполнѣ выдержано. Это видно изъ ст. 449 учрежд., согласно которой «для производства слѣдствій по наиболѣе важнымъ дѣламъ» введены отдѣльные судебные слѣдователи (по 2 въ каждомъ изъ 5 окружныхъ судовъ Закавказья). Опытъ вскорѣ же привелъ къ торжеству обратнаго начала—разъединенія функцій слѣдователя и судьи. Уже черезъ годъ по введеніи судебной реформы въ Закавказьѣ старшій предсѣдатель тифлисской палаты указалъ въ своемъ докладѣ великому князю намѣстнику на неудобства соединенія; было проектировано образованіе особыхъ слѣдственныхъ участковъ, на что, впрочемъ, не воспослѣдовало согласія министра юстиціи графа Палена (*Труды*, т. I, стр. 38—39). Тогда намѣстникъ собственною властью (циркуляръ 1870 г.) ввелъ тамъ порядокъ и нынѣ дѣйствующій: образованы особые слѣдственные участки съ возложеніемъ въ нихъ производства слѣдственныхъ дѣйствій на помощни-

ковъ мировыхъ судей, а за ихъ недостаткомъ—на кандидатовъ на судебныя должности. Завѣдывающіе особенными слѣдственными участками получили право приступать къ производству предварительныхъ слѣдствій непосредственно; къ нимъ же направляются всѣ свѣдѣнія о происшествіяхъ криминальнаго характера, подвѣдомственныхъ окружному суду, а равно и произведенныя по нимъ дознанія. Мировые судьи потеряли власть наблюденія за производствомъ слѣдствій въ этихъ отдѣльныхъ участкахъ, которая передана прокурору и его товарищу. Право наблюденія за слѣдствіемъ осталось у мировыхъ судей лишь по отношенію къ тѣмъ мѣстностямъ, въ которыхъ, въ виду отсутствія особыхъ слѣдственныхъ участковъ, предварительное слѣдствіе производится помощникомъ мирового судьи или кандидатомъ на судебныя должности, но и то лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда при слѣдственныхъ дѣйствіяхъ не присутствуютъ ни самъ прокуроръ, ни его товарищъ. Такимъ образомъ и *въ Закавказьѣ обязанности слѣдователя и судьи фактически почти всюду раздѣлены* и число территоріальныхъ единицъ, гдѣ существуетъ соединеніе ихъ въ одномъ лицѣ, «очень невелико» (*Труды*, т. I, стр. 38). А такъ какъ дѣлопроизводство мировыхъ судей въ Закавказьѣ чрезвычайно обширно, и они очень обремены занятіями, то мировые судьи лишены возможности самолично наблюдать за производствомъ предварительныхъ слѣдствій, почему фактически—помощники ихъ оказываются совершенно самостоятельными слѣдователями. Тѣмъ не менѣе *большинство членовъ совѣщанія высказалось за* проектированное *соединеніе слѣдовательскихъ и судебныхъ функцій* въ лицѣ участковаго судьи, *меньшинство же безусловно противъ него*, среди же большинства, признавшаго неудачу, постигшую опытъ соединенія въ Закавказьѣ, высказано было мнѣніе, что такое фіаско не можетъ дать достаточныхъ основаній къ отрицательному рѣшенію вопроса о совмѣстимости указанныхъ функцій, такъ какъ оно вызвано причинами устранимыми, именно—обширностью участковъ въ Закавказьѣ и крайнею неудовлетворительностью въ немъ путей сообщенія. Поэтому, совмѣщеніе «можно признать желательнымъ» *Труды*, стр. 39) подъ условіями: 1) *незначительности территоріи участка* (радіусъ отъ центра—30 верстъ), 2) *достаточнаго матеріальнаго обезпеченія участковыхъ судей-слѣдователей*. Замѣтимъ также, что схемы отдѣловъ, а равно и всѣ голоса, сочувствующіе началу соединенія, исходили еще изъ положенія громадной практической важности, именно—*значительнаго ограниченія подслѣдственности*, т.-е. *уменьшенія числа дѣлъ, требующихъ производство предварительнаго слѣдствія*, которое весьма облегчитъ слѣдователей-судей. Впрочемъ, *предположено* все *же сохранить* самостоятельную *должность слѣдователя для особо важныхъ дѣлъ*. При указанныхъ условіяхъ большинство не ожидаетъ отъ проектированнаго соединенія никакого вреда для правосудія, *пользу же его усматриваетъ въ возможности получить не только экономію въ личныхъ силахъ и въ денежныхъ расходахъ*, потребныхъ для проведенія всѣхъ предположеній реформы, *но и осуществить главную цѣль* послѣд-

ней—*приблизить судебную власть къ населенію.* Наконецъ, принципіальную возможность и практическую полезность соединенія подкрѣпляли ссылками на Пруссію (Германію?) и Австрію, гдѣ такое совмѣщеніе «дало прекрасные результаты» (*Труды,* стр. 41).

Совершенно иначе разсуждало меньшинство, *соображенія котораго находили опору и въ нѣкоторыхъ указаніяхъ сторонниковъ соединенія;* среди послѣднихъ многіе не скрывали слабыхъ сторонъ совмѣщенія и связанныхъ съ ними серьезныхъ трудностей (*Труды,* стр. 38, 41—42). Приводились, вообще, слѣдующія возраженія: 1) *Внѣшнія и внутреннія условія дѣятельности судьи и слѣдователя совершенно неодинаковы.* Первый долженъ быть на мѣстѣ въ камерѣ, второй — въ экипажѣ; въ судьѣ особенно цѣнятъ объективность, безпристрастіе и юридическія познанія, отъ слѣдователя же требуются подвижность, энергія и быстрота дѣйствій (*Труды,* стр. 38). 2) Слѣдователи фактически вынуждены нерѣдко принимать участіе въ розыскѣ, а такая дѣятельность «несовмѣстна съ судейскимъ званіемъ», почему проектированное соединеніе возможно лишь при фактическомъ отдѣленіи собственно слѣдственной части отъ производства дознаній и розыска (ibidem, стр. 40). 3) «*Спеціализація» функцій слѣдователя и судьи необходима,* такъ какъ безъ нея будетъ «крайне затруднительно найти лицъ, которыя бы обладали достаточными познаніями какъ по гражданской, такъ и по уголовной части» (ibidem, стр. 44). 4) Одно изъ наиболѣе вѣскихъ возраженій практическаго свойства указывало на то, что *судья долженъ свободно располагать своимъ служебнымъ временемъ,* между тѣмъ съ *обязанностями слѣдователя необходимо соединены разъѣзды;* послѣдніе же неизбѣжно воспрепятствуютъ правильному назначенію судебныхъ дѣлъ къ слушанію и успѣшному ихъ разрѣшенію. Придется, во всякомъ случаѣ, назначить участковому судьѣ помощника, или же устроить такъ, чтобы въ распоряженіи его всегда находился кандидатъ на судебныя должности, который могъ бы принимать, въ отсутствіе судьи, прошенія и исполнять его порученія по производству слѣдствій (ibidem, стр. 45). Въ противномъ случаѣ, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, мало населенныхъ, но обширныхъ по пространству (наприм., въ Вятской губерніи), участковому судьѣ пришлось бы, совершая слѣдственные разъѣзды по громадному участку, нерѣдко отсутствовать изъ своей судейской камеры по цѣлымъ недѣлямъ (ibidem, стр. 42). Кромѣ того, въ такихъ уѣздахъ надо было бы образовать значительное число участковъ, но, въ такомъ случаѣ у каждаго судьи было бы слишкомъ небольшое количество чисто-судебныхъ дѣлъ (ibidem, стр. 41). Наконецъ, 5) указывали и на то, что способнѣйшіе изъ молодыхъ юристовъ, вынужденныхъ жить въ деревенскихъ захолустьяхъ, будутъ вообще уклоняться отъ должностей участковыхъ судей, а попавъ на эти должности, постараются поскорѣе выйти изъ связанныхъ съ ними тягостныхъ условій жизни, которыя ухудшаются еще въ большей степени потому, что судьѣ придется быть вмѣстѣ съ тѣмъ и слѣдователемъ. Но въ такомъ случаѣ мѣстная юстиція, приблизившись къ населенію, понизится въ качественномъ отношеніи (*Труды,* стр. 42—43).

Взвѣшивая всѣ pro и contra, мы приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ. Опасности качественнаго пониженія мѣстной юстиціи можно до нѣкоторой степени противодѣйствовать предъявленіемъ требованія юридическаго образованія, хорошимъ окладомъ содержанія и обязаніемъ для дальнѣйшаго движенія по судебному вѣдомству прослужить не менѣе опредѣленнаго числа лѣтъ въ должности участковаго судьи. Можно также ожидать, что министерство юстиціи будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи большой списокъ кандидатовъ на должности участковыхъ судей, такъ какъ послѣднихъ потребуется нѣсколько тысячъ, а въ такомъ случаѣ вполнѣ возможно ожидать какъ увеличенія поступленія студентовъ на юридическіе факультеты, такъ и уменьшенія прилива оканчивающихъ курсъ юристовъ въ другія вѣдомства (наприм., въ министерство финансовъ), куда они поступаютъ въ настоящее время весьма охотно, въ виду незначительнаго числа мѣстъ по судебному вѣдомству и трудности въ полученіи хорошо оплачиваемыхъ въ немъ должностей. Мы признаемъ также, что съ сокращеніемъ подслѣдственности уменьшатся и затрудненія, проистекающія изъ совмѣстнаго отправленія судейскихъ и слѣдовательскихъ обязанностей. Если въ уѣздѣ въ настоящее время приходится среднимъ числомъ отъ 20 до 24 слѣдственныхъ дѣлъ въ мѣсяцъ, то при 5 судьяхъ новаго типа на долю каждаго изъ нихъ достанется отъ 4 до 5 дѣлъ ежемѣсячно; при учрежденіи же въ уѣздѣ для дѣлъ особо важныхъ должности слѣдственнаго судьи и при сокращеніи подслѣдственности каждому изъ участковыхъ судей придется не болѣе 2—3 слѣдственныхъ дѣлъ и, притомъ, не особенно сложныхъ и трудныхъ (см. *Труды*, стр. 40—41). Внѣ всякаго сомнѣнія, что роль судьи-слѣдователя облегчится также уменьшеніемъ участковъ судей новаго типа. Но, признавая все это, мы, тѣмъ не менѣе, рѣшительно высказываемся противъ предполагаемаго совмѣщенія, находя, что всѣ остальныя вышеизложенныя весьма существенныя соображенія, приводимыя противниками соединенія, рѣшительно ничѣмъ не опровергнуты. Опытъ Закавказья (а также Степного и Туркестанскаго края), чтò бы ни говорили и какъ бы ни смягчали его итоги, осуществленію предположеннаго плана весьма неблагопріятенъ. Чины судебнаго вѣдомства, знакомые съ положеніемъ дѣлъ въ Закавказьѣ, весьма энергично высказываются, насколько намъ извѣстно, противъ такого соединенія, которое можетъ быть лишь вредно для судейской части и для полноты слѣдствій; знающіе положеніе дѣлъ утверждаютъ даже, что тамъ нѣтъ «ни хорошаго судьи, ни полезнаго слѣдователя» (см. *Судебную Газету* № 46, интересную замѣтку г. Сабинина). Да иначе и быть не можетъ, такъ какъ проектируемое *совмѣщеніе погрѣшаетъ принципіально*. Оно мыслимо лишь въ томъ случаѣ, если бы въ нашемъ уголовномъ процессѣ восторжествовала состязательная его форма, если бы послѣдняя проникла и въ предварительное слѣдствіе. Когда судья-слѣдователь не производитъ самъ розыскныхъ дѣйствій, которыя ведутся хорошею полиціей подъ руководствомъ обвинителя, тогда онъ можетъ быть безпристрастнымъ судьею, рѣшающимъ споръ между обвинителемъ и обви-

вяемымъ посредствомъ судебнаго опредѣленія, въ которомъ такой судья-слѣдователь установляетъ вѣроятность обвиненія и даетъ дальнѣйшій ходъ дѣлу (см. мое изслѣдованіе: *Наше предварительное слѣдствіе, его недостатки и реформы*. Москва, 1895 г.). Въ такой же роли выступаютъ англійскіе полицейскіе и мировые судьи въ той начальной стадіи процесса, которая приблизительно соотвѣтствуетъ нашему предварительному слѣдствію. При такихъ условіяхъ и задачахъ дѣятельности судья-слѣдователь принципіально совпадаетъ съ судьею рѣшителемъ дѣлъ по существу, поэтому въ функціяхъ и обязанностяхъ того и другого нѣтъ ни противорѣчій, ни столкновенія. Но тамъ, гдѣ предварительное слѣдствіе проникнуто инквизиціоннымъ характеромъ, гдѣ слѣдователь несетъ на себѣ и розыскныя функціи, тамъ, гдѣ не хотятъ и слышать ни о какихъ уступкахъ состязательному началу въ предварительныхъ слѣдствіяхъ, жалуясь на дурную полицію, какъ органъ розыска,—тамъ, очевидно, судья и слѣдователь были и будутъ агентами самостоятельными, съ различными, а потому и раздѣльными функціями, требующими разныхъ, часто даже противоположныхъ качествъ и способностей. Найти лицъ, обладающихъ въ достаточной степени всѣмъ тѣмъ, что нужно для слѣдователя и судьи, будетъ невозможно: ихъ обрѣтутъ лишь по исключенію, отдѣльными единицами, а сотни молодыхъ людей, которые займутъ должности участковыхъ судей, явятся средними людьми, а не богато одаренными, и, слѣдовательно, окажутся не на мѣстѣ. Нехотя придется большинству соединить обѣ обязанности и отправлять неудовлетворительно, даже дурно, одну изъ нихъ, чаще—слѣдовательскую, для которой нужно особое призваніе и своеобразныя способности, встрѣчающіяся далеко не часто и въ настоящее время, когда слѣдователи не несутъ другихъ обязанностей. И если теперь слѣдователи несутъ свои обязанности не всегда потому, что сами избрали ихъ, то со введеніемъ реформы судьи новаго типа зачастую будутъ отправлять свои слѣдовательскія функціи безъ всякой охоты и призванія. А если въ нихъ и окажется любовь, и призваніе къ слѣдственной части, «слѣдовательская жилка», то своеобразные пріемы и привычки, вырабатывающіеся у хорошаго или опытнаго слѣдователя, они внесутъ въ чисто-судейскія свои функціи; появятся нѣкоторыя односторонность и предвзятость взглядовъ и сужденій, нѣкоторыя презумпціи, вполнѣ терпимыя, а иногда и полезныя у слѣдователя инквизиціоннаго типа, но совершенно неумѣстныя у судьи. Такимъ образомъ, пострадаютъ или слѣдственная часть, или судебная, а вѣрнѣе и чаще—и та, и другая. Интересно, что защитники совмѣщенія сами признаютъ необходимость имѣть въ уѣздахъ особаго слѣдователя для важнѣйшихъ дѣлъ; но, въ такомъ случаѣ и исходя изъ безусловно вѣрнаго положенія о необходимости сокращенія подслѣдственности, отчего не сдѣлать еще одного маленькаго шага—не признать принципіальной правильности дѣйствующаго порядка, т.-е. отдѣленія слѣдователя отъ судьи? При этомъ потребуется кругомъ два слѣдователя на уѣздъ, а такъ какъ при оставленіи за участковыми судьями однихъ судейскихъ

обязанностей можно будетъ уменьшить (хотя бы на 1) и самое число ихъ въ уѣздѣ, то и увеличеніе числа слѣдователей съ 1 на 2 —не прибавитъ и расхода на содержаніе судебной части. Приближеніе суда къ населенію, всеконечно, необходимая существенная сторона доброй судебной организаціи. Но оно не единственное ея условіе; близость суда (и слѣдственной власти) къ населенію не можетъ искупаться указанными существенными недостатками проектируемаго соединенія, которое повлечетъ за собою крупныя практическія неудобства. Что бы ни говорили, а остается совершенно неопровергнутою возможность такихъ явленій: участковый судья созвалъ на данный день тяжущихся обвинителей и обвиняемыхъ, вызвано имъ же много свидѣтелей; понаѣхали эти люди изъ-за 10—20 верстъ, явились въ камеру, но не тутъ-то было: судья уѣхалъ экстренно на осмотръ, обыскъ, на слѣдственныя дѣйствія по преступленію, заявленному послѣ назначенія дѣлъ къ слушанію и когда уже нѣтъ возможности послать контръ-повѣстки.

Очевидно, что такіе сюрпризы принципіально не могутъ быть терпимы законодателемъ, такъ какъ *такой судъ будетъ* близкій къ населенію, *но не скорый и подверженный всякимъ случайностямъ*, предотвратить которыя только и возможно будетъ или введеніемъ крошечныхъ участковъ, или же, еще лучше, назначеніемъ къ судьѣ помощника или кандидата на судебныя должности. Но въ *обоихъ случаяхъ расходы на реформу чрезвычайно увеличатся;* избѣгнуть же ихъ съ пользою для дѣла можно простымъ увеличеніемъ (на 1 должность) числа судебныхъ слѣдователей. Можно также опасаться нѣкотораго вмѣшательства въ рѣшеніе судебныхъ дѣлъ со стороны прокурорскаго надзора, который, контролируя слѣдовательскую дѣятельность участковыхъ судей, можетъ внушить опасенія въ томъ, что будетъ оказывать вліяніе и даже давленіе на судью, фактически подчиненнаго прокурорскому надзору въ качествѣ слѣдователя (см. *Судебную Газету*, № 46). И напрасно ссылаются на опытъ Германіи и Австріи. Замѣчательно, что когда рѣчь заходитъ о перенесеніи къ намъ удачныхъ нововведеній уставовъ германскаго и австрійскаго (наприм., о допущеніи защиты на предварительномъ слѣдствіи), представляющихъ изъ себя дѣйствительный прогрессъ въ уголовномъ процессѣ и доказывающихъ свою полезность на опытѣ, то не хотятъ и слышать о такихъ нововведеніяхъ. Обыкновенно раздаются такія возраженія: «неудобно у насъ,—въ Германіи и Австріи другія условія, тамъ меньшія разстоянія, лучшія пути сообщенія, адвокатура тоже лучше русской» и т. д. Но тутъ же иногда рекомендуется заимствованіе порядковъ и постановленій, далеко не составляющихъ лучшихъ и полезнѣйшихъ странъ германскаго и австрійскаго процессовъ и дѣйствительно неприложимыхъ къ условіямъ нашей жизни. Сказанное мы относимъ именно къ допущенному обоими уставами совмѣщенію обязанностей слѣдователя и судьи. Австрійскій уставъ (§ 9, п. 2) возлагаетъ на участковаго (единоличнаго) судью (Bezirksgericht) обязанность оказывать содѣйствіе при дознаніи (Vorerhebung) и предварительномъ слѣдствіи (Voruntersuchung), но изъ ст. 84, 88, 89 австрійскаго устава явствуетъ,

что участіе участковаго судьи ограничивается больше стадіей дознанія (розыска—Vorerhebung), а не предварительнаго слѣдствія, что роль его по закону довольно ограничена (§ 84 и 89). Такъ, слѣдственныя дѣйствія, которыми уничтожаются видимые слѣды преступленія и которыя не подлежатъ повторенію, могутъ быть предприняты участковымъ судьею *лишь въ случаѣ крайности или если грозитъ опасность;* если же дѣло терпитъ отлагательство, то участковый судья долженъ сообщить прокурору о необходимости производства дѣйствій означеннаго хода и лишь принять мѣры къ охраненію слѣдовъ преступленія, пока эти дѣйствія не будутъ приняты судебнымъ слѣдователемъ или пока послѣдній не поручитъ производство ихъ участковому судьѣ. Предварительно же слѣдствіе (Voruntersuchung) производится особымъ судебнымъ слѣдователемъ, изъ числа членовъ судовъ первой степени (наши окружные суды). *Они могутъ лишь возлагать на участковыхъ судей производство отдѣльныхъ слѣдственныхъ дѣйствій*; особыя *совѣщательныя камеры* (отдѣленія судовъ I степени) *могутъ,* правда, *поручать участковымъ судьямъ производство даже всего предварительнаго слѣдствія* по отдѣльнымъ дѣламъ (§ 12, ч. 2), но *такое право* камеры *серьезно ограничено*: передача слѣдствія участковому судьѣ можетъ произойти лишь по выслушаніи заключенія обвинителя и *теряетъ силу* при несогласіи на то обвинителя или обвиняемаго. Такимъ образомъ, роль австрійскаго участковаго судьи распространяется больше на производство дознаній, которыя, по предположеніямъ III отдѣла коммиссіи, должны выдѣлиться у насъ по возможности изъ предварительнаго слѣдствія съ подчиненіемъ ихъ всецѣло прокурорскому надзору; въ области же предварительнаго слѣдствія эта роль въ австрійскомъ уставѣ очень ограничена отдѣльными слѣдственными дѣйствіями (по порученію слѣдователя), а для производства всего слѣдствія—постановленіемъ совѣщательной камеры и согласіемъ сторонъ. Германскій уставъ тоже предоставляетъ Amtsrichter'у (участковому единоличному судьѣ) право производства дѣйствій, образующихъ такъ называемое Vorbereitungsverfahren (нѣчто вродѣ дознанія), если послѣднія (какъ, наприм., обыскъ, выемки вещественныхъ доказательствъ, почтовой и телеграфной корреспонденціи, мѣры пресѣченія противъ обвиняемаго) принадлежатъ къ такимъ дѣйствіямъ, которыя выходятъ изъ предѣловъ власти органовъ, производящихъ дознаніе, но, именуясь «судебными слѣдственными дѣйствіями» (richterliche Untersuchungshandlung), допускаются во время дознанія по распоряженію участковаго судьи или съ его утвержденія (§ 160 и 161—163, 166 герм. уст.). Во всякомъ случаѣ, участіе участковаго судьи въ дознаніи здѣсь шире, нежели въ австрійскомъ уставѣ. Для предварительнаго же слѣдствія имѣются органы—судебные слѣдователи, состоящіе при ландгерихтѣ (наши окружные суды) и назначаемые министромъ юстиціи на 1 годъ (§ 60 учрежд. герм. суд. уст.). Далѣе, германскій уставъ тоже разрѣшаетъ возлагать, *по опредѣленію ландгерихта,* производство предварительныхъ слѣдствій по отдѣльнымъ дѣламъ на участковыхъ судей, не *иначе,* однако, *какъ по пред-*

ложенію прокурора; а сами судебные слѣдователи могутъ тоже возложить на участковаго судью производство *отдѣльныхъ слѣдственныхъ дѣйствій.* Но *оба эти правила существенно ограничены:* на участковаго судью эти порученія ландгерихта и судебнаго слѣдователя могутъ быть возложены только въ томъ случаѣ, когда участковый судья пребываетъ не въ томъ же мѣстѣ, гдѣ состоитъ на службѣ слѣдователь. Такимъ образомъ, законодатель допускаетъ участіе участковаго судьи въ предварительномъ слѣдствіи лишь по крайней необходимости въ виду отдаленности слѣдователя отъ мѣста совершенія преступленія, почему участковому судьѣ не можетъ быть дано такого порученія въ случаѣ, если его мѣстопребываніе совпадаетъ съ мѣстомъ пребыванія слѣдователя.

Итакъ, *оба устава,* особенно германскій, *лишь терпятъ совмѣщеніе обязанностей слѣдователя и судьи.* Германскій же уставъ имѣетъ явную тенденцію по возможности ограничить это участіе судьи въ предварительномъ слѣдствіи. Ни одной минуты не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что *участковые судьи Австріи и Германіи вѣдаютъ единолично лишь ничтожнѣйшія гражданскія и уголовныя дѣла* (см. § 23 учрежд. герм. суд. уст. и § 9 п. 1 австр. уст. угол. суд.), *тогда какъ юрисдикцію нашихъ участковыхъ судей предполагается значительно расширить сравнительно съ подвѣдомственностью мировыхъ судей и даже уѣздныхъ членовъ окружнаго суда,* почему наши участковые судьи будутъ весьма обременены занятіями судебными. Наконецъ, судейскіе участки въ Австріи и Германіи очень невелики, пути сообщенія превосходны; наши же участки всегда будутъ больше по объему (иногда даже громадны, наприм., въ Вятской и Самарской губерніяхъ) и очень нерѣдко обладать дурными путями сообщенія. Слѣдовательно, то, *что терпимо* въ *Австріи и Германіи,* далеко не *можетъ быть рекомендовано для Россіи,* не говоря уже о томъ, что между самыми способами рѣшенія спорнаго вопроса тамъ и у насъ имѣется большое различіе: въ Австріи и Германіи на участковыхъ судей лишь возлагаются, *между прочимъ,* обязанности слѣдователя, они—прежде всего судьи, en passant отправляющіе функціи слѣдовательскія; у насъ же изъ нихъ хотятъ сдѣлать и судей, и слѣдователей на *началахъ равенства въ отправленіи* тѣхъ и другихъ обязанностей.

Мы полагаемъ, что если уже рѣшаться возложить на участковыхъ судей слѣдовательскія обязанности, то надлежитъ и далѣе идти по стопамъ Австріи и Германіи, т.-е. допустить и у насъ то, что смягчаетъ слабую сторону совмѣщенія въ Австріи и Германіи, а именно: *должно предоставить только слѣдователю и суду право поручать участковымъ судьямъ производство слѣдствій по отдѣльнымъ дѣламъ и отдѣльныхъ слѣдственныхъ дѣйствій.* Мы увѣрены, впрочемъ, что сама жизнь вскорѣ же возьметъ свое, т.-е. практика фактически вытѣснитъ у насъ участковыхъ судей-слѣдователей и замѣнитъ ихъ обыкновенными слѣдователями.

В. Даневскій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Беллетристъ-народникъ.

(Собраніе сочиненій П. Засодимскаго).

I.

Слово «народникъ» въ настоящемъ смыслѣ его, а не въ смыслѣ преклоненія передъ народною мудростью, прикрывающаго проповѣдь византійско-монгольскихъ началъ, говоритъ о вѣрномъ и широкомъ пониманіи писателя цѣлей своего дѣла и духа времени. Конецъ XIX вѣка сдаетъ XX миссію поднять народныя массы до безбѣдной жизни, просвѣтленной знаніемъ, пасынка цивилизаціи сдѣлать равноправнымъ братомъ тѣхъ, для кого она была любящей и заботливой матерью. Народническая струя всегда сильно била въ нашей литературѣ, гораздо сильнѣе, чѣмъ въ западно-европейскихъ литературахъ, и это несмотря на сравнительную бѣдность нашей. Хотя примѣръ демократическаго духа въ народномъ творчествѣ былъ поданъ намъ съ Запада, но литературное народничество пустило на русской почвѣ болѣе глубокіе корни и разрослось гуще, чѣмъ на иныхъ почвахъ. Даже ювеналы коленкоровыхъ манишекъ, поднимающіе плачъ о томъ, что мужикъ завладѣлъ у насъ изящною литературой и въ салоны вноситъ свой запахъ полушубка и онучъ,—и тѣ, забывая, что отъ «мужицкой рѣчи развращается эстетическій вкусъ и пропадаетъ чутье красоты», считаютъ необходимымъ въ своихъ романахъ и повѣстяхъ изображать мужика, благоговѣющаго передъ благодѣтельною опекой и нравственной, и умственной и прочей, старшихъ братій. Если эти авторы сочли нужнымъ выставить своего мужика, какъ коррективъ реальному мужику народниковъ-беллетристовъ, то это какъ нельзя громче и краснорѣчивѣе свидѣтельствуетъ о томъ, что сама жизнь выдвигаетъ «мужика» на сцену литературы, что съ тѣмъ или инымъ направленіемъ его жизни кровно связано и настоящее, и будущее всего русскаго общества.

Не въ одномъ изображеніи мужика сказывается народничество, но и въ положительныхъ и отрицательныхъ герояхъ изъ интеллигенціи. Вторые, глубоко презирая мужика, сосутъ изъ него послѣдніе соки, какъ пауки, и, ради своихъ интересовъ, рады вѣчно держать его на положеніи пасынка и-

вилизаціи; первые смыслъ своей жизни видятъ въ просвѣтительной работѣ на того же мужика. Героини беллетристики нашей, когда сами не идутъ на ту же работу, лучшимъ удѣломъ своимъ считаютъ дѣлить жизнь такихъ работниковъ, беречь ихъ ото всего, что отвлекало бы силы ихъ отъ этой работы; иныя считаютъ себя эгоистками и носятъ въ душѣ томительный разладъ за то, что взяли себѣ личное счастье вмѣсто подвижничества ради мужика. Эта черта вѣрно подмѣчена въ разсказѣ *Утренничка* начинающей писательницы г-жи О. Руновой, помѣщенномъ въ 10 и 11 книжкахъ *Недѣли*.

Эта идея народничества вызвала не мало тенденціозныхъ произведеній, но не мало и такихъ, которыхъ напрасно обвиняли въ тенденціозности за неполноту и блѣдность образовъ, забывая, что иными и не могутъ быть изображенія типа еще не вполнѣ сложившагося, не окрѣпшаго до той степени, на какой онъ можетъ давать опредѣленную окраску времени. Беллетристамъ приходится по немногимъ, сравнительно, чертамъ угадывать другія, а эти другія могутъ быть наиболѣе глубокія; имъ приходится на иныя стороны потрясающаго трагизма набрасывать покрывало намековъ, недомолвокъ, предоставляя читателю читать между строкъ, и это вовсе не по той причинѣ, по какой Апеллесъ набросилъ покрывало на лицо отца, оплакивающаго смерть сына. Есть черты второстепенной важности, отъ опущенія которыхъ пострадаетъ яркость и рельефность образа, но смыслъ его будетъ все же вполнѣ понятенъ; но есть и такія, опущеніе которыхъ вредитъ вѣрному пониманію характера героя. Перечитайте Рудина въ томъ видѣ, въ какомъ онъ впервые появился передъ читателями,—онъ не болѣе какъ человѣкъ слова; онъ сталъ вполнѣ ясенъ только тогда, когда они позже прочли о томъ, какъ онъ сложилъ голову.

Для беллетриста, какъ и для всѣхъ художниковъ, нужна «натура», какъ говорятъ живописцы. Это—точка отправленія для творчества. Оно не есть рабская копія натуры, не изображеніе А. В. С. и т. д. Роль «натуры»—указать тѣ рамки, переступивъ которыя, творчество не создаетъ реальнаго образа. Въ «натурѣ» фантазія художника отбираетъ общія черты, свойственныя цѣлому типу той «натуры», которая у него передъ глазами, опуская индивидуальныя, присущія собственно личности натурщика, какъ случайныя и не существенныя для образа—типа и потому несущественныя и для жизненности творимаго образа. Чѣмъ болѣе разныхъ представителей какого-либо типа видитъ писатель, тѣмъ многостороннѣе будетъ и отборъ типическихъ чертъ, тѣмъ полнѣе и глубже создаваемый образъ отразитъ жизнь. Чѣмъ менѣе встрѣтитъ онъ «натуры», тѣмъ блѣднѣе и несовершеннѣе выйдетъ образъ, потому что тѣмъ болѣе риска занести въ процессъ творчества индивидуальную черту за типичную. Отъ этого рокового исхода не уйдетъ и величайшій талантъ.

Зачѣмъ же, можно спросить, авторы въ такомъ случаѣ даютъ начатки не окрѣпшихъ типовъ? Затѣмъ, что искусство—не рабская копія жизни, оно плодъ творческой дѣятельности,—затѣмъ, что и цѣлое общество, какъ

и душа писателя, живетъ не однимъ настоящимъ днемъ, но и будущимъ; затѣмъ, что и самый настоящій день заключаетъ въ себѣ нѣчто большее, чѣмъ опредѣленную мѣру времени; въ немъ и вымирающіе отбросы пережитаго, въ немъ и чуть намѣчающіеся задатки будущаго, выраженные въ тѣхъ идеалахъ, какіе живутъ въ обществѣ. Не одни только факты пережитаго и переживаемаго имѣютъ права гражданства въ мірѣ творчества; будущее, насколько оно намѣчается въ настоящемъ, доступно не одной мечтѣ, но мысли и чувству, и можетъ дать содержаніе творческой фантазіи. Тѣ типы, которые носятъ въ себѣ зародыши будущаго, которымъ суждено развиваться и жить, когда будутъ вымирать враждебные имъ типы, имѣютъ, несмотря на всю свою неполноту и незрѣлость, права на жизнь въ литературныхъ произведеніяхъ; иначе картина общественной жизни была бы неполна безъ этихъ не созрѣвшихъ типовъ. И писатели, хорошо понимая всю трудность браться за нихъ, весь рискъ не удовлетворить критику, будутъ всегда браться за созданіе такихъ типовъ.

Прослѣдивъ исторію любой литературы, мы увидимъ, что ни одно художественное изображеніе типа не появлялось сразу вродѣ Минервы, вышедшей изъ головы Юпитера, въ той степени яркости, полноты и совершенства, которыя имя героя обращаютъ въ нарицательное слово для типа. Всегда такому произведенію предшествовали другія, въ которыхъ частично отражался типъ, смотря по моментамъ роста его. Эти отраженія несозрѣвшаго типа забываются, ихъ знаютъ только по исторіи литературы. Но такія произведенія были нужны, безъ нихъ не явились бы и крупныя съ героями, имя которыхъ несетъ въ себѣ названіе цѣлой стороны общественнаго развитія; безъ этихъ попытокъ дать образъ несозрѣвшаго типа не было бы и крупныхъ произведеній, дающихъ образы вполнѣ созрѣвшаго типа. Понятно, что первыя попытки не могли служить образцомъ для образовъ созрѣвшаго типа; попытки эти были одною изъ ступеней, по которымъ искусство шло отъ слабаго къ сильному, отъ неполнаго къ полному.

Наше общество переживаетъ ту стадію развитія, когда беллетристамъ, желающимъ дать положительные типы, приходится подмѣчать только зачаточные черты. Сознаніе бѣдности и несовершенства жизни мучительно, изображать эту бѣдность и несовершенство мучительно,—это незримыя слезы со зримымъ смѣхомъ, это стоны скорби вмѣстѣ съ крикомъ негодованія. Душѣ писателя надо отдохнуть на свѣтломъ, радостномъ, и онъ ищетъ исключительныя черты богатства и совершенства жизни. Благодѣтельный откупщикъ и образцовый помѣщикъ Гоголя не были плодомъ только одной фантазіи его; онъ подмѣтилъ случайную черту и обобщилъ ее въ своего героя, спасителя русскаго міра, проложивъ путь Соломин , Штольцу, Тушину и прочимъ героямъ того же рода, которые не бросают перчатку всему строю русской жизни, не мечтаютъ «вправить сорвавші-ся съ петель міръ», но въ своемъ тѣсномъ міркѣ справляютъ свое скромное дѣло. Въ нихъ было и отрицаніе бѣдности, и несовершенства жизн , они не шли на совѣтъ нечестивыхъ. И, несмотря на это, въ нихъ чуял

узость, неудовлетворявшая читателя, какая-то фальшь; и въ томъ были виноваты авторы, которые, въ силу своихъ взглядовъ на общественныя задачи, во что бы то ни стало хотѣли въ честныхъ, хорошихъ людяхъ, мнящихъ своимъ ведеркомъ унять течь въ кораблѣ, представить богатырей, поднимающихъ на плечи тягу земли. Соломины, Тушины и К° были все-таки въ тайникахъ души своей отрицателями, и ни одинъ изъ героевъ, въ которыхъ авторъ выражаетъ положительный типъ, не можетъ не носить въ душѣ отрицанія. Это утвержденіе покажется парадоксомъ, но оно—аксіома, скрѣпленная словами Милля о недовольномъ Сократѣ и довольной свиньѣ. Но русская жизнь вырабатываетъ характеры иного склада, неудовлетворяющіеся отрицаніемъ подъ сурдиной, ни работой Соломинныхъ и К°, хотя они и берутся за нее, признавая ея дѣльность. Въ этихъ характерахъ отрицаніе совѣта нечестивыхъ глубже и страстнѣе; въ нихъ больше тревожныхъ силъ, жаждущихъ борьбы и подвиговъ. Въ нихъ сильно бьется жилка проповѣдника и они, какъ Некрасовъ, «проповѣдуютъ любовь враждебнымъ словомъ отрицанья». Каждому обществу въ большей или меньшей мѣрѣ присущъ этотъ типъ, воодушевленный тѣмъ духомъ противорѣчія, который велъ Фауста впередъ. То общество, въ которомъ нѣтъ такого тревожнаго фермента, мертво.

Попытки создать изображеніе такихъ характеровъ не прекращались въ нашей литературѣ, начиная съ 60 гг., и, несмотря на всю неполноту ихъ и блѣдность героевъ, были симпатичны той части русскаго общества, по сердцу которой пришлась муза скорби и печали, проповѣдывавшая любовь враждебнымъ словомъ отрицанья. Отзывчивый читатель шелъ навстрѣчу писателямъ; его чувство пополняло пробѣлы въ образахъ.

Хотя избитая эстетическая аксіома гласитъ, что художественное произведеніе должно быть понятно каждому, но не было произведенія, которое не вызывало бы самыхъ противорѣчивыхъ отзывовъ критики, если только содержаніе его не выходило изъ міра чисто-личныхъ страстей и фактовъ; разъ оно затрогивало идеалы противоположныхъ символовъ вѣры, то разнорѣчіе въ оцѣнкѣ было неизбѣжно. Попытки изобразить несложившійся типъ не вѣчны, и это не потому, что художникъ «измѣняетъ вѣчнымъ задачамъ искусства, снисходя до служенія минуты», а вслѣдствіе условій, о которыхъ говорено выше. «Минута» длится цѣлыя десятилѣтія, и въ злобѣ этой минуты отразилась и злоба вѣковъ. Вотъ еще сильный поводъ для писателя браться за образы зачатковъ типа; и вотъ почему и слабыя попытки вродѣ романовъ Омулевскаго и Слѣпцова производили, при появленіи своемъ, сильное впечатлѣніе, несмотря на всѣ филиппики эстетиковъ.

Надо впрочемъ оговориться: чисто-эстетическая критика у насъ едва ли была—даже и въ лагерѣ блаженной памяти «стрижей», выставившихъ ее девизомъ на своемъ знамени. Это названіе совершенно незаслуженно присвоила себѣ наша такъ называемая консервативная критика, въ сущности тоскующая по крѣпостному праву и превозносящая тенденціозныя произведенія съ героями, мнящими воскресить его, въ формѣ па-

тримоніальныхъ началъ, и каррикатурящими англійское лордство. Такъ называемая публицистическая критика, которую скорѣе слѣдовало бы назвать органической, потому что она разсматриваетъ произведенія искусства какъ продуктъ общественнаго организма, не могла не замѣтить первыя попытки набросить складывающійся типъ и укоряла авторовъ за тотъ фактъ, что блѣдность и неполнота образовъ заставляла читателя очень много читать между строкъ; укоры ея были на-половину искренни, на-половину подкладкой ихъ была пословица: кошку бьютъ, невѣсткѣ навѣтку даютъ. Такъ было лѣтъ тридцать тому назадъ съ самаго возникновенія нашей публицистической критики. Надо замѣтить еще, что за изображеніе положительнаго типа (не Соломина, Тушина и К°) не брались наши первокласные таланты, которые, по складу своей мысли, могли видѣть только Волоховыхъ, Губаревыхъ, Маркеловыхъ и т. п. Эта сторона русской жизни ждетъ еще своего художника-писателя; но пока онъ явится, цѣнны попытки нашихъ беллетристовъ изобразить эту сторону: онѣ уясняютъ общественное сознаніе. Всѣ эти общія соображенія надо имѣть въ виду при оцѣнкѣ произведеній г. Засодимскаго.

II.

Не помню, кто сказалъ, что у книгъ есть своя судьба, т.-е. что, независимо отъ достоинствъ или недостатковъ ихъ случайность играетъ свою роль въ успѣхѣ или неуспѣхѣ. Для наиболѣе крупныхъ силъ случайность сводится къ минимуму. Чѣмъ выше общественное сознаніе, тѣмъ меньшую роль играютъ всевозможныя случайности, — это труизмъ. У насъ, къ сожалѣнію, случайность, т.-е. чисто-личное начало въ оцѣнкѣ литературныхъ произведеній, играетъ гораздо бо́льшую роль, чѣмъ бы то было желательно для достоинства нашей критики и оцѣнки писателей. Вотъ почему у насъ случаются такіе факты, что произведенія писателей, не замѣченныя критикой, или замѣченныя только бѣглою рецензіей, имѣютъ успѣхъ въ публикѣ—и не той, которая зачитывается *Тайнами мадридскаго* и иныхъ дворовъ или похожденіями Рокамболя. Такъ прошли мало замѣченные критикой при первомъ появленіи ихъ романы и повѣсти А. К. Шеллера, выдержавшіе по нѣсколько отдѣльныхъ изданій и только въ полномъ послѣднемъ изданіи вызвавшіе статьи, говорившія о серьезномъ вниманіи критики къ автору. Та же участь отчасти постигла и г. Засодимскаго, сочиненія котораго печатались въ *Отечественныхъ Запискахъ*, *Дѣлѣ* и другихъ журналахъ и отчасти появлялись въ отдѣльныхъ изданіяхъ.

Г. Засодимскій самъ издалъ свои произведенія. Это — новшество, хотя онъ не первый изъ беллетристовъ нашихъ издаетъ самъ свои произведенія. До него г. Муравлинъ издавалъ свои романы и повѣсти, иные даже не прошедшіе черезъ журналы, т.-е. еще смѣлѣе, чѣмъ г. Засодимскій, обратился прямо, безъ посредниковъ, къ публикѣ—и не раскаялся. Помнится, это прямое обращеніе къ публикѣ было одобрено критикой. Изда-

тели бываютъ разные, и авторъ, безъ ихъ посредства являющійся передъ публикой, сохраняетъ болѣе независимости. Издатели, издающіе не ради барышей, а ради идеи, крайне рѣдки; страхъ риска дѣлаетъ иныхъ строгими цензорами. Состояніе нашего книжнаго рынка очень неопредѣленно, и опытные издатели часто сравниваютъ свое дѣло съ лотереей, и это помимо всякихъ независящихъ условій. Публика можетъ только выиграть, если писатели будутъ слѣдовать примѣру г. Засодимскаго. Второе новшество—г. Засодимскій самъ написалъ предисловіе къ своимъ сочиненіямъ, подъ рискомъ вызвать упрекъ въ «самомнѣніи, гордости, высокомѣріи и т. п. грѣхахъ». Слова его: «полагаю, что меня не обвинятъ» и пр., говорятъ о томъ, что онъ сознавалъ этотъ рискъ. Но если вглядѣться глубже, то нѣтъ этихъ грѣховъ. Оцѣнки силы, яркости, степени своего таланта, интереса его героевъ, ихъ вѣрности и жизненности, ни опредѣленія мѣста, занимаемаго его произведеніями въ ряду другихъ, г. Засодимскій не дѣлаетъ; а то, что онъ не имѣетъ преувеличеннаго понятія о своей писательской личности, явственно изъ многихъ мѣстъ его произведеній, гдѣ онъ прямо говоритъ, что изображеніе его даетъ лишь слабое понятіе о дѣйствительности, о силѣ и духовной красотѣ героевъ его. Такого признанія не сдѣлаетъ ни одинъ авторъ съ высокой мѣрой своего таланта. Его предисловіе собственно есть авторская исповѣдь его взглядовъ па писательство, какъ на дѣло жизни, и цѣлей, воодушевлявшихъ его трудъ. «Еслибъ я не былъ убѣжденъ въ томъ, что моя литературная дѣятельность приноситъ пользу, то я никогда не написалъ бы того, что̀ написано,—говоритъ онъ.—Я писалъ потому, что всегда былъ убѣжденъ въ томъ, что я по мѣрѣ моихъ силъ исполняю извѣстную часть общей работы, забрасываю въ душу читателя добрыя чувства и мысли, любовь къ ближнему и отвращеніе ко злу, сострадание къ несчастію...» Далѣе онъ говоритъ: «Я убѣжденъ, что не воду толку, не зря разбрасываю въ мірѣ печатную бумагу, но дѣлаю свое дѣло въ пространствѣ, отведенномъ мнѣ моимъ талантомъ и условіями мѣста и времени. Еслибъ хоть на мигъ это убѣжденіе во мнѣ поколебалось, то я пересталъ бы жить». Эти слова г. Засодимскаго о томъ, что безъ такого убѣжденія жизнь не имѣла бы для него цѣны,—не фраза, въ нихъ чуется проникающая искренность. Великъ или малъ талантъ писателя, но каждый писатель, если только онъ настоящій работникъ на нивѣ слова, долженъ всѣмъ существомъ своимъ сознавать сказанное г. Засодимскимъ. Если писатель не сознаетъ того, что трудомъ своимъ дѣлаетъ дѣло, то къ чему же онъ пишетъ? Ради извѣстности, тѣша тщеславіе, спускаясь отъ роли глашатая истинъ вѣковыхъ до погони за популярностью и поблажки инстинктамъ и прихотямъ толпы? Или ради прокормленія себя и семьи поставляетъ онъ печатные листы, разсчитывая выгнать побольше листовъ и соображая лишь одно: какой товаръ идетъ ходче въ данную минуту на рынкѣ печати,—словомъ, падая до роли торгаша. Или онъ пишетъ лишь ради самоуслажденія процессомъ творчества, переходящимъ на низшей сту-

пени въ графоманію? Ни одинъ честный писатель не можетъ отнестись къ дѣлу своему иначе, какъ относится г. Засодимскій.

А какъ же,—пожалуй, возразятъ,—Л. Н. Толстой приноситъ всенародное покаяніе за такія произведенія, какъ *Дѣтство и отрочество* и др.? Но, вѣдь, онъ приносилъ въ томъ періодѣ, когда онъ выбрасывалъ за бортъ и науку, и искусство, и цивилизацію; это было отрицаніемъ всему тому, что, не принося пользы народнымъ массамъ, служитъ только немногимъ избраннымъ. Тогда религіозное настроеніе Л. Н. Толстого довело его до побужденій Омара. И въ покаяніи его, конечно, выразилось не сомнѣніе въ своей исполинской силѣ, а въ томъ пути, на какомъ онъ проявлялъ ее. Эти мотивы ясно выражены въ Левинѣ. Писательства Л. Н. Толстой не бросилъ, а принялся вмѣсто романовъ и повѣстей писать религіозно-философскія статьи и разсказы въ духѣ мистическаго народничества. Въ послѣдніе годы онъ опять вернулся на путь прежняго творчества, писалъ драмы, повѣсти, и теперь отъ него ждутъ новаго произведенія.

Щедринъ съ горькой ироніей говорилъ: читатель почитываетъ, писатель пописываетъ. Жалобы Имярека на оброшенность русскаго общества сжимаютъ сердце. Такая сила, какъ Щедринъ,—и такія жалобы! А г. Засодимскій не жалуется и вѣритъ, что приноситъ пользу,—это ли не гордость? Но, разобравъ пообстоятельнѣе дѣло, увидимъ, что съ его стороны нѣтъ гордости, какъ нѣтъ со стороны Щедрина того униженія, которое паче гордости. Съ одной стороны, Щедринъ, по самому складу своего таланта, не могъ не жаловаться. Прежде всего, онъ былъ сатирикъ, художникъ въ немъ явился позже. Сатирикъ преимущественно, если не исключительно, видитъ бѣдность и несовершенство жизни; онъ не былъ бы сатирикомъ, если бы темныя стороны не стояли постоянно передъ глазами его, заслоняя и тотъ слабый свѣтъ, который и во тьмѣ свѣтится; если бы жизнь была въ дѣйствительности вполнѣ такою, какою ее изображаютъ сатирики, то общество переживало бы свою агонію. Тотъ, чья рука не дрогнула написать *Глуповцевъ*, не могъ не сказать въ горькую минуту и этихъ горькихъ словъ о роли писателя среди глуповцевъ. Но, понятно, что слова, вырывающіяся въ минуту раздраженія, нельзя считать исповѣданіемъ вѣры автора. Съ другой стороны, Щедринъ требовалъ отъ читателя большаго, чѣмъ платоническое сочувствіе. Смотря на оброшенность русскаго писателя, Щедринъ сѣтовалъ на нашего читателя за то, что писатель не найдетъ въ немъ той опоры, какую писатель другихъ странъ находитъ въ своемъ читателѣ. Тамъ писатель находитъ опору и въ народныхъ массахъ, а не въ однихъ только интеллигентныхъ классахъ. Конечно, сравнивая нашего читателя съ такимъ читателемъ, Щедринъ имѣлъ полное право жаловаться. Но эти жалобы не были невѣріемъ въ свое дѣло, и когда его спрашивали: «Зачѣмъ же вы тогда пишете?»—то онъ отдѣлывался шуткой: «А чортъ меня знаетъ зачѣмъ». Еслибъ Щедринъ не вѣрилъ въ свое дѣло, то не напомнилъ бы въ послѣднемъ своемъ произведеніи о забытой совѣсти. Эта вѣра писателя въ свое дѣло—совсѣмъ не то, что самообожаніе.

Писатель можетъ цѣнить себя лишь какъ голосъ въ хорѣ и сознавать, что онъ нуженъ на своемъ мѣстѣ въ ряду товарищей и дѣлаетъ свое дѣло.

Не маниловскій оптимизмъ подсказалъ г. Засодимскому строки о посѣвѣ добрыхъ чувствъ и мыслей, но вѣра въ жизнь, въ торжество свѣта надъ мракомъ, безъ которой нельзя жить, а можно или прозябать растительною жизнью, или прожигать жизнь, или хныкать, взывая къ нирванѣ. Даже у писателей девиза: искусство для искусства—есть убѣжденіе, что искусство несетъ въ жизнь красоту, а красота—дѣло хорошее.

Вліяніе на чувство и мысль неуловимо; нельзя вести ему счетъ ни по какой системѣ бухгалтеріи; но оно есть. Каждый изъ насъ, если внимательно прослѣдитъ путь развитія своей мысли и чувства, признаетъ, что, бывало, дѣльное и прочувствованное слово даже не авторитетнаго лица, слышанное въ подходящую минуту, давало толчокъ впередъ, выясняло темное, ободряло. Вліяніе писателя, конечно, сильнѣе этихъ случайныхъ, отрывочныхъ вліяній. Въ русской жизни вліяніе писателя тѣмъ сильнѣе, что писательство у насъ—единственная трибуна и единственный, принявъ во вниманіе условія времени и пространства, способъ свободнаго вліянія на общество. О томъ, что сдѣлано имъ на этой почвѣ, писателю свидѣтельствуютъ получаемыя отъ читателей письма, на которыя ссылается г. Засодимскій. У насъ эти письма—гораздо болѣе вѣское доказательство, чѣмъ на западѣ Европы. Надо принять въ соображеніе нашу косность, нашу непривычку высказываться. Притомъ, насколько можно дѣлать выводъ изъ того, что извѣстно о получаемыхъ писателями письмахъ, читатели, интересующіеся фабулой и героями съ чисто-эстетической стороны, вообще такихъ писемъ не пишутъ; ихъ пишутъ только читатели, «взыскующіе града»; они ищутъ въ фабулѣ уроковъ о правдѣ, въ герояхъ—указаній тому, чему вѣрить, куда идти, что дѣлать. Въ письмахъ читателей—утѣшеніе и опора писателей въ тяжелыя минуты сомнѣнія не въ томъ дѣлѣ, которому служатъ, но въ собственныхъ силахъ; эти письма говорятъ ему о томъ, что онъ нуженъ на своемъ мѣстѣ.

Г. Засодимскій, именно потому, что онъ смотритъ на писателя какъ на сѣятеля добрыхъ мыслей и чувствъ, долженъ былъ получать отъ читателей болѣе писемъ, чѣмъ иные писатели, обладающіе большею яркостью таланта, большимъ умѣньемъ вести занимательную интригу и разрисовывать болѣе эффектно героевъ, но не помышляющіе о правѣ читателя требовать отъ писателя благихъ уроковъ.

Изъ предисловія ясно, что г. Засодимскій не принадлежитъ къ школѣ чистаго самодовлѣющаго искусства. Онъ ставитъ на знамени своемъ девизъ пользы,—пользы свѣта, вносимаго во тьму, пользы очеловѣченія грубыхъ инстинктовъ, пользы давать образы униженныхъ и оскорбленныхъ и ими будить совѣсть общества, говоря ему: смотри, что ты творишь, или допускаешь, умывая руки въ содѣянномъ злѣ. И, несмотря на этотъ девизъ, его нельзя назвать писателемъ тенденціознымъ, въ смыслѣ поставщика разговоровъ въ царствѣ мертвыхъ и картонныхъ фигуръ съ дидактическими

ярлыками на лбу. Онъ отправляется отъ жизни и, передавая плоды «ума холодныхъ наблюденій и сердца горестныхъ замѣтъ», подчеркиваетъ тѣ выводы, которые подсказываетъ жизнь. Герои его не вызовутъ насмѣшливаго вопроса: съ кого они портреты пишутъ, гдѣ разговоры эти слышатъ? «Тенденціозность» его обнаруживается не въ пріурочиваніи жизни по мѣркѣ его теорій, а въ манерѣ говорить отъ своего лица и вставлять разсужденія, замедляющія ходъ разсказа; иной разъ сказанное имъ само по себѣ ясно изъ словъ и психологическаго анализа героевъ его; иной разъ сказанное было бы лучше выразить образно, а не разсужденіемъ. Эта субъективная манера писателя отзывается чѣмъ-то устарѣлымъ; но надо помнить, что разработка образовъ для писателей направленія г. Засодимскаго не всегда удобна, и потому автору приходится выступать изъ-за дѣйствующихъ лицъ, выражая вызываемыя ими чувства, играть роль хора древнихъ трагедій.

III.

Г. Засодимскій выбралъ благую часть, если можно употребить слово выборъ для обозначенія того, что является совершенно непосредственно, въ силу присущихъ автору свойствъ. Яркость колорита не далась ему, окраска образовъ его переходитъ иногда въ сѣрые тоны гравюры или рисунка карандашомъ; но и въ этихъ сѣрыхъ тонахъ видна жизненная правда. Въ талантѣ г. Засодимскаго есть сходство съ талантомъ г. Шеллера. Уступая второму въ плодовитости и искусствѣ занимательно вести интригу, первый глубже черпаетъ изъ жизни и больше захватываетъ. У г. Шеллера на первомъ планѣ контрастъ жизни чиновныхъ и нечиновныхъ баръ съ жизнью мѣщанъ и разночинцевъ. Послѣдніе, въ лицѣ своихъ героевъ, несутъ обновляющее начало труда, энергіи и независимости. У г. Засодимскаго мы встрѣчаемъ тотъ же контрастъ, но жизни баръ отведено менѣе мѣста и очень много—народу. Сходство въ томъ, что у обоихъ писателей всего сильнѣе выдается тотъ элементъ творчества, который можно назвать воспитательнымъ, т.-е. что оба глубоко проникнуты важностью ставить передъ читателемъ «проклятые» вопросы, выдвинутые общественною жизнью. Въ этомъ ихъ сила и вліяніе. Брандесъ говоритъ, что мертва та литература, которая не признаетъ вопросовъ этихъ.

Изъ романовъ и повѣстей г. Засодимскаго читатель вынесетъ тяжелое впечатлѣніе: неурядица русской жизни, борьба сытыхъ и голодныхъ, которая ведется повсюду и въ нашемъ укладѣ общественномъ принимаетъ такія вопіющія, безобразныя формы; задавленные ростки здоровыхъ силъ, гибнущее геройство, торжествующее насиліе; неурядица и въ душѣ простого русскаго человѣка, ищущаго правды и свѣта, и въ душѣ интеллигентнаго, сознающаго путь правды и свое безсиліе идти этимъ путемъ. Авторъ говоритъ, что его не разъ упрекали за то, что онъ преимущественно обращаетъ вниманіе на темныя стороны жизни, но въ этомъ онъ неизмѣнно

вѣренъ общему характеру нашей литературы, которая какъ только смѣнила дѣтскій лепетъ, повторявшій и псевдо-классицизмъ Франціи, и сантиментальное прекраснодушіе романтизма Германіи, на языкъ взрослаго, давала картины бѣдности и несовершенства жизни. Начиная съ Гоголя, каждый писатель, если только онъ мыслилъ и страдалъ, а не пѣлъ, какъ поетъ птица, если онъ въ душевныхъ мукахъ принималъ впечатлѣніе жизни, отвѣтитъ на этотъ упрекъ то же самое, что и г. Засодимскій: «Едва ли, по всей справедливости, можно упрекать меня за то, что впечатлѣнія, получаемыя мною отъ наблюдаемой дѣйствительности, въ громадномъ большинствѣ окрашиваются въ темные тоны. Едва ли справедливо обвинять меня за то, что мои физическія и умственныя очи рѣшительно не видятъ ничего свѣтлаго и радостнаго тамъ, гдѣ это видятъ другіе. Я сознательно не ищу ничего темнаго въ жизни; напротивъ, я бываю очень радъ, когда мнѣ удается отдохнуть душой на какомъ-нибудь свѣтломъ и отрадномъ явленіи. Но если такія явленія рѣдко встрѣчаются въ жизни, я въ томъ виноватъ не болѣе, чѣмъ вы, мой читатель»... Далѣе онъ говоритъ о томъ, какъ онъ бываетъ безконечно счастливъ, когда ему удается въ самой темной душѣ найти искру Божію. Онъ ищетъ и тамъ эту Божью искру, потому что въ ней зародышъ силъ, несущихъ свѣтъ во тьму. Только одна эта искра и свѣтитъ среди мрака; и если въ иныхъ сердцахъ она гаснетъ, затоптанная враждебными силами, за то другіе немногіе умѣютъ пронести ее всю жизнь, прокладывая путь той порѣ, когда искры объединятся и разгорятся въ свѣточъ, все болѣе и болѣе яркій, передъ которымъ разступится и, наконецъ, исчезнетъ тьма.

Въ первой повѣсти *Грѣшница* читатель видитъ вѣчно старую и новую исторію обманутой дѣвушки. Героиня — простая, чистая душа съ живою потребностью правды. Не понимая ясно смысла фразъ своего Сережи, она чуетъ ложь не въ одномъ только неисполненіи обѣщанія жениться, но и во всемъ образѣ его жизни, въ лѣни, мотовствѣ послѣ призывовъ къ трудовой жизни. *Темныя силы* — хроника мѣщанской семьи, живущей какъ жили отцы и дѣды; люди женятся, проклиная «дурь молодости»; сбывая лишній ротъ изъ дома, выдаютъ дочь, которая знаетъ, что ей не уйти отъ горькой доли съ постылымъ мужемъ, и потомъ плачутся надъ ея судьбой. Всѣмъ владѣетъ какой-то неумолимый злобный рокъ. Дѣти обречены на раннюю каторгу учениковъ у хозяевъ мастеровыхъ. На мрачномъ фонѣ свѣтитъ милый дѣтскій образъ маленькаго Андрюши, единственной радости отца. «Дюша», какъ онъ зоветъ себя, изъ тѣхъ чуткихъ, сердечныхъ дѣтскихъ натуръ, о которыхъ въ мірѣ темныхъ силъ говорятъ, что они не жильцы на бѣломъ свѣтѣ, потому что ангелы нужны Богу. Въ *Старомъ домѣ* авторъ показываетъ то же торжество темныхъ силъ въ средѣ мелкаго чиновничества; жильцы стараго дома, каждый и каждая на свой ладъ, олицетвореніе пошлости и тупоумія, засасывающихъ свѣжія силы. Не велика сила Василья Кремнева, но она могла бы окрѣпнуть и вырости не въ «старомъ домѣ». Кончивъ гимназію, Кремневъ поступаетъ въ универси-

теть, ему претитъ канцелярщина, ему мечтается о такомъ дѣлѣ, «результаты котораго были бы видны и распространялись на многихъ». Онъ говоритъ: «Хочу знать то, что я стану дѣлать и для чего». Мать гонитъ его на службу; забота о его будущности на-половину искренняя, на-половину маска для обычной дамско-чиновничьей привычки быть у кого-нибудь на содержаніи: мужа, отца, сына или кого изъ родныхъ. И Кремневъ уступилъ, испугавшись борьбы съ нуждой, впрочемъ, не особенно страшной, потому что державшая квартиры со столомъ тетка давала ему пріютъ. «Старый домъ» пересилилъ добрые молодые порывы въ лицѣ своего авторитета—стараго чиновника, дослужившагося до чиновъ изъ канцеляристовъ, и въ лицѣ чьей-то содержанки и кутящей компаніи. Героиня *Семьи Подошвиныхъ* пара Кремневу. Она выросла среди семьи, связанной только общимъ кровомъ; психологическая связь—привычка вмѣстѣ трапезовать и еще знать, что всѣ члены — кровная родня; не навѣстить въ болѣзни, не повыть на похоронахъ — люди осудятъ. Татьяна, какъ натура болѣе воспріимчивая и способная, не могла удовлетвориться животною жизнью Подошвиныхъ. Воспитанная въ пріютѣ и выучившись акушерству, она, подъ вліяніемъ кружка молодежи, ѣдетъ въ провинцію служить народу; тамъ обычное разочарованіе,—она мечтала своимъ ведеркомъ вычерпать море бѣдъ. Двумъ поможешь, а двѣсти мучаются, — разсуждаетъ она, и приходитъ къ выводу, что не стоитъ работать и для двухъ. Для другого дѣла не хватило силы,— заговорила жажда молодого счастья. Надорвавшись надъ работой, чтобы свить гнѣздо, гдѣ бы зажила съ любимымъ человѣкомъ, она не вынесла тифа отъ истощенія силъ.

Искра Божія сильнѣе горитъ въ неудачникѣ Степанѣ Огоньковѣ. Сынъ дьячка, семинаристъ, выключенный за чтеніе цензурныхъ книгъ, на которое начальство наложило свой остракизмъ, онъ пьетъ горькую чашу бѣдности, горечь которой еще обострена тѣмъ, что его тянетъ учиться, а у матери вдовы на рукахъ внуки. Степанъ—натура любящая, онъ проповѣдуетъ любовь и съ глубокимъ чувствомъ декламируетъ: «Зачѣмъ враждой суровой другъ другу жизнь намъ омрачать», а дома онъ слышитъ жалобы матери на то, что сборы стали скудны отъ обнищанія народа; а вражда и своекорыстіе портятъ его школьное дѣло, а кулаки дѣлаютъ свое все наглѣе и наглѣе. Захмѣлѣвъ съ непривычки отъ рюмки водки, онъ въ кабакѣ произноситъ обличительную рѣчь, въ которой вылилось все намучившее его. Несчастная любовь тоже на свою долю расшатываетъ его душевный строй и всему исходъ — помѣшательство и самоубійство. Мысль ясна: одною любовью не прожить среди торжествующаго зла.

IV.

Г. Засодимскій не могъ избѣжать обычной участи русскихъ писателей положительные типы его неудачны и слабы. О причинахъ этого было уже говорено выше. Положительные типы его не Соломины и не Тушины, ихъ

цѣли крупнѣе. Въ настоящее время «ко двору ли намъ», по народной поговоркѣ, приходятся герои эти, т-е. могутъ ли они дать свою окраску времени—это вопросъ другой; но тридцатипятилѣтіе, пережитое со дня освобожденія крестьянъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что жизнь наша, не переставая, вырабатываетъ такихъ героевъ. Таковы землемѣръ Верюгинъ изъ романа *По градамъ и весямъ,* Сѣверцовъ изъ повѣсти *Три дороги.* У обоихъ то общее сходство, которое неизмѣнно явится въ психологически-сродныхъ натурахъ при единствѣ цѣли, потому что выборъ цѣли, какими бы противоположными путями ни пришли къ нему, предполагаетъ душевное сходство; оно явится при разныхъ характерахъ, темпераментахъ, неравномъ умственномъ уровнѣ и розни паспортныхъ примѣтъ. У Верюгина «глаза хорошіе, сильные; онъ некрасивъ, но выраженіе лица придаетъ высшую красоту, которая зависитъ не отъ правильности линій, но отъ душевнаго огня, который согрѣваетъ и освѣщаетъ самое, повидимому, простое и обыкновенное лицо». А вотъ портретъ Григорія Сѣверцова: «Глаза смотрятъ самоувѣренно и твердо, крѣпко сжатыя губы, чуть видныя морщинки между бровями, отрывистая рѣчь, лицо некрасивое, но умное, выразительное... лицо человѣка упрямаго, сосредоточеннаго, рѣшившагося разъ навсегда идти по извѣстной линіи, пока линія эта не оборвется подъ нимъ. Разъ увидя такія лица, не забудешь. Памятныя лица. Всматриваясь пристально въ этихъ людей, вы подмѣчали или, вѣрнѣе, чувствовали въ ихъ глубоко сосредоточенномъ взглядѣ что-то трагическое, какъ бы предсказаніе ихъ будущей участи, словно на эти лица уже падала тѣнь грядущихъ событій, непреложныхъ, неминуемыхъ, какъ и наступленіе дня и ночи». Характеристика глубоко-вѣрная. «Какъ топоромъ вырубленные эти образы навсегда остаются въ воспоминаніи, живые, дышащіе, играющіе всѣми красками жизни и кажутся чуть-чуть только не говорящими съ вами», такъ говоритъ авторъ о силѣ впечатлѣнія, производимаго этими лицами.

Психологическое сходство обоихъ героевъ тоже велико. Верюгинъ въ гимназіи мечталъ быть то спартанцемъ, то предводителемъ голи перекатной въ родѣ Гёца Берлихингена, Сѣверцовъ—носить вериги и ѣхать миссіонеромъ,—та же жажда подвига подъ разными формами. Отрочество — пора героическихъ мечтаній, и не одни юноши съ задатками типа обреченныхъ мечтаютъ о такихъ подвигахъ. Адъ вымощенъ и такими мечтаніями, ничуть не мѣшающими мечтателямъ превращаться въ благополучныхъ россіянъ. Для немногихъ мечтанія становятся пророчествомъ. Въ мечтаніяхъ, конечно, много призрачнаго. Преданій героизма въ родѣ тѣхъ, какими гордится французская буржуазія, нѣтъ ни у Сѣверцова, ни у Верюгина. Юное воображеніе черпаетъ примѣры изъ исторіи; до школы Сѣверцовъ, росшій въ бѣдной мѣщанской средѣ, могъ слышать только о ношеніи веригъ, какъ о дѣлѣ святомъ, поднимающемъ надъ сѣрою канителью жизни. Еще сходство: оба строгаго образа жизни, чуть не аскеты, и это вѣрная черта. Гёте говоритъ, что для того, чтобы сдѣлать что-нибудь, надо умѣть ограничить себя. Шекспировъ Юлій Цезарь

по поводу Кассія высказываетъ мнѣніе, что жизнерадостные весельчаки не опасны, какъ опасны эти суровые, задумывающіеся люди. Верюгину въ гимназіи путь указалъ учитель бесѣдами о долгѣ служить народу; мать его, рѣдкая женщина, вмѣсто бабьихъ слезъ и увѣщаній, благословила его словами: если хочешь нести крестъ—неси. Сѣверцову указали путь товарищескіе кружки — одно положительное, что онъ вынесъ изъ университетской жизни, — а не профессора, отъ которыхъ онъ слышалъ уроки жизни въ родѣ «проповѣди о тюрьмахъ самаго новѣйшаго фасона».

Сѣверцовъ очень скоро исчезаетъ со сцены и вслѣдъ за нимъ m-lle Blanche, т.-е. его подруга дѣтства Надя, бросившая свой блестящій омутъ для того, чтобы дѣлить его участь.

Въ Верюгинѣ, при голубиной чистотѣ, болѣе змѣиной мудрости. Онъ не теряетъ изъ вида свою цѣль даже когда, повидимому, мечетъ бисеръ передъ m-me Маркушиной, влюбленной въ него сорокапятилѣтней дамой, носящей розовые пояса и пылкой сердцемъ. Не подозрѣвая мотива, побуждающаго даму вести съ нимъ рѣчи о «вопросахъ», онъ подбиваетъ ее устроить школу. Олимпіада Михайловна, простая старуха ключница въ барской усадьбѣ, по-матерински пригрѣвающая его, завѣщаетъ ему свой капиталъ на его добрыя дѣла. Вездѣ, гдѣ нужно поддержать молодыя силы, указать путь, Верюгинъ на-лицо. Помѣщичьей дочкѣ, ищущей практическаго дѣла и оттого занимающейся сельскимъ хозяйствомъ, онъ указываетъ путь на медицинскіе курсы; гимназиста ободряетъ пробивать себѣ путь къ знанію въ университетѣ. Оба обманываютъ его надежды. Есть у него еще ученица Мина Судиславская, племянница m-me Маркушиной, блѣдная, болѣзненная, молчаливая, снѣдаемая тоской, повидимому, безпредметной: то была тоска силъ, просившихъ выхода. На указанія путей, открытыхъ женщинѣ, Мина отвѣчаетъ: «Сопливымъ ребятишкамъ носъ утирать—для какихъ подвиговъ ихъ ростить?»... «Одною женщиной-врачомъ больше или меньше—все равно». Ей нужно было большее, чѣмъ добросовѣстно вытягиваемая лямка труженичества. Чтеніе не указало ей того, что ей было нужно, и она со злобой говоритъ: собрать бы книги всѣ, да сжечь. Можно, пожалуй, коли есть охота, улыбнуться надъ такою, повидимому, скалозубовскою выходкой молоденькой дѣвушки; но когда вспомнишь, что лѣтъ двадцать тому назадъ въ кружкахъ молодежи шли горячія пренія о томъ, учиться ли, или прямо съ гимназической скамьи идти въ народъ, оттого, что университетъ, высшее образованіе закрываетъ дѣло народнаго учителя, то, право, не до смѣха. Авторъ упоминаетъ о томъ, что Мина—дочь русской и поляка—любила и уважала только отца, пострадавшаго въ сѣверныхъ палестинахъ; но полупольское происхожденіе ея вполнѣ безразлично для уясненія ея душевнаго склада. Не выясненныя и не направленныя стремленія молодости, ощущеніе духоты, доходящее до мучительной боли,—все это удѣлъ женщинъ, выходящихъ изъ вѣковыхъ шаблоновъ. Еще въ 50-хъ гг. Хвощинская замѣтила много сожженныхъ мукой женскихъ лицъ, и то же въ концѣ 70-хъ гг. Натура Мины изъ тѣхъ, кото-

рыя мятежно просятъ бури, и это вовсе не потому, что подъ ними струя живой лазури, а надъ ними золотой лучъ солнца. Съ какой точки зрѣнія ни судить такія натуры, нельзя отрицать того факта, что выросли онѣ на нашей почвѣ, и эти «сожженныя мукой лица» создаются, начиная съ золотой поры первыхъ впечатлѣній и первыхъ уроковъ. Въ этой жаждѣ бури, несмотря на внѣшнее сходство съ упоеніемъ «края мрачной бездны и дуновенія чумы», которое такъ поэтически ощущали герои Боккачіо на пирахъ среди гибнущихъ сограждань, глубокая непримиримая внутренняя рознь.

Но крайности сходятся: пресыщеніе отъ наслажденій, грубость которыхъ прикрыта красивою формой, и чувство неудовлетворенности оттого, что среда просящему духовнаго хлѣба даетъ камень. Это чувство духовнаго голода олицетворено въ одномъ снѣ Верюгина: мертвецы тѣснятъ его, со всѣхъ сторонъ тянутся костлявыя руки, и онъ одинъ стоитъ живой. Этихъ мертвецовъ онъ видѣлъ по градамъ и вѣсямъ: здѣсь и игуменъ монастыря, кулачествующій для пользы своей братіи и повторяющій подвиги матери Митрофаніи, кромѣ прямой уголовщины; здѣсь и земцы-фразеры, алчные до общественнаго пирога, и женщины-врачи въ родѣ Сашеньки, ликующія отъ 300 р. заработка въ мѣсяцъ,—живые «мертвецы съ неподвижнымъ тупымъ взглядомъ и самодовольною улыбкой, застывшею на ихъ поблѣднѣвшихъ устахъ».

Верюгинъ занимается по дорогѣ дѣломъ Соломина и Тушина, но въ немъ не видитъ единственнаго спасенія, потому что и это трезвое, спокойное дѣло калѣчится всевозможными независящими отъ Соломиныхъ и Тушиныхъ условіями; онъ кончаетъ трагически, какъ приходится догадываться читателю. Въ послѣднихъ произведеніяхъ г. Засодимскаго мы не видимъ героевъ въ родѣ Верюгина и Сѣверцова. «Пѣсня спѣта», «спасайся кто можетъ» — эти двѣ варіаціи на одну и ту же тему гибнущей души средняго человѣка. Герои не того закала, которые, наперекоръ всему развращающему и губящему, сохраняютъ живую душу. Имъ нужна опора въ средѣ; съ поднятіемъ ея уровня они поднимаются, съ пониженіемъ—падаютъ. Въ то время, когда Пестеревъ бился литературнымъ трудомъ, видны черты мелкой натуры: раздражительность, уныніе, срываніе сердца на женѣ—вѣчно бодрой и веселой Оленькѣ; получивъ наслѣдство, онъ превращается въ благополучнаго россіянина, единственная ложка дегтя—это злая жена; о міровыхъ болѣстяхъ онъ забылъ думать,—«побаловались и будетъ». Волжинъ кончаетъ самоубійствомъ, чтобы не спиться въ кутящей компаніи; его не спасаетъ даже любовь милой дѣвушки. Въ обычной запискѣ самоубійцъ онъ проситъ никого не винить въ его смерти; никто въ отдѣльности и не виноватъ, но всѣ мы столько же виноваты, сколько и онъ самъ,—вотъ что говоритъ авторъ: «Спасайся кто можетъ».

Въ очеркѣ *Веретьевъ* та же безсодержательность жизни, въ которой нѣтъ чувства общей связи, нѣтъ скрѣпляющаго общаго дѣла, нѣтъ поднимающаго личность сознанія гражданина. Свирскій, богатырь тѣломъ и

слабый духомъ, пьянствуетъ, разсуждая: для кого я буду беречь себя, кому я нуженъ. Его разгулъ, какъ и прожиганіе жизни Волжина, не разгулъ романтиковъ: у тѣхъ была самоувѣренность, доведенная до нахальства; тѣ утверждали, что разгулъ—признакъ широкой натуры, не укладывающейся въ рамки филистерства, протестъ противъ тупости и коснѣнія. Герои г. Засодимскаго по-просту заливаютъ виномъ скуку, сознавая свое свинство. Свирскій разсуждаетъ, что вмѣсто вина займись онъ хозяйствомъ, оно все равно пойдетъ изъ кулька въ рогожу; добродушный лѣнтяй неспособенъ къ роли хозяина, преумножающаго свои десятины чужимъ горбомъ: въ чиновники онъ не хочетъ, въ ученые не годится,—что же ему остается кромѣ пьянства? Веретьевъ сознаетъ все это глубже и шире, чѣмъ Свирскій, и въ водкѣ не ищетъ исхода. Онъ спокойный и сильный человѣкъ, съ ровною рѣчью и громкимъ задушевнымъ смѣхомъ, такъ рисуетъ его авторъ; повидимому, проклятые вопросы не мѣшаютъ его пищеваренію. Ради физическаго труда, а не «толстовщины», онъ работаетъ въ полѣ. «Въ деревенскомъ затишьѣ, событія въ родѣ новыхъ назначеній, волнующія Петербургъ и Москву и заставляющія отчаяваться въ судьбахъ отечества горожанъ, видны въ уменьшительное стекло», и потому не мѣшаютъ ему спокойно спать. И однако этимъ спокойнымъ человѣкомъ овладѣваетъ злобный порывъ «наплевать на все», т.-е. на его образцовое хозяйство; онъ не удовлетворяется пріумноженіемъ десятинъ, ни болѣе высокою цѣлью поднимать отечественное земледѣліе. Другъ его, писатель Синицынъ, уговариваетъ служить дѣлу. «Ну, отдамъ состояніе, а самъ-то я себя куда пристрою?»—возражаетъ Веретьевъ. Онъ такъ объясняетъ приступы періодически одолѣвающей его хандры: «Мы (т.-е. поколѣніе 80 гг., потому что очеркъ написанъ въ 89 г.) сильнѣе отцовъ нашихъ чувствуемъ неправду жизни. Между отцами» (т.-е. шестидесятниками) и дѣтьми есть разница. Они не вполнѣ сознавали тѣ истины, какія проповѣдывали, и потому ихъ рѣчи были звонкими, не прочувствованными словами. Они повторяли слова эти съ жаромъ, потому что слова эти нравились имъ,—повторяли до той поры, пока была охота, или было безопасно ихъ повторять, безъ особенной боли отказываясь отъ этихъ словъ и принимаясь за другія. Мы же сознаемъ, что говоримъ, высказываемую истину признаемъ за истину, только мы не можемъ перевести въ дѣло, въ жизнь, не можемъ дать ей плоть и кровь». Такое обвиненіе отцовъ могло бы быть справедливо лишь въ томъ случаѣ, когда они были бы поголовно пустозвонными фразёрами. Что же такое какъ не фраза—непрочувствованное слово, которое говоришь только пока оно нравится, или пока безопасно говорить его? Не въ томъ рознь между отцами и дѣтьми, въ чемъ видитъ ее герой г. Засодимскаго. Отцы муками душевными вырабатывали свою истину, вырывая старое міровоззрѣніе, какъ бы ни было оно утѣшительно для нихъ, какими бы цѣпкими корнями ни держалось оно въ ихъ душевномъ складѣ; они выстрадали свою принятую истину. Отцы переплывали съ одного берега на другой. Осиливъ волны и достигнувъ желаннаго берега,

каждый пловецъ испытываетъ радостное чувство. У отцовъ было нравственное удовлетвореніе—истина, добытая цѣною усилій и душевной борьбы, они проповѣдывали ее, отстаивая отъ темныхъ силъ и сознавая, что они были стадіей въ умственномъ ростѣ общества.

Иное слово есть дѣло, говорилъ Герценъ, оцѣнивая Рудина, и эту оцѣнку скорѣе еще можно примѣнить къ отцамъ Веретьевыхъ. Есть слова, которыя бываютъ дѣломъ во всякой странѣ и во всякое время. И въ Англіи и въ Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, иное слово, идущее въ разрѣзъ съ общественными предразсудками, становится подвигомъ и требуетъ нравственнаго мужества, самаго рѣдкаго и труднаго. Въ гуманный XIX вѣкъ мракобѣсіе не будетъ клещами вырывать клочья живого мяса, или на раскаленныхъ рѣшеткахъ поджаривать свои жертвы; но за то сумѣетъ отравить жизнь такими психологическими пытками, выносить которыя нужно хроническое геройство. Г. Засодимскій въ своихъ произведеніяхъ далъ нѣсколько картинъ такихъ пытокъ. Надо замѣтить еще, что отцы были взрощены въ системѣ или безсистемности воспитанія «стараго берега»; имъ приходилось совлекать съ себя ветхаго человѣка, созданнаго крѣпостничествомъ всѣхъ видовъ. Они прошли сквозь мучительный разладъ привычекъ стараго берега съ идеалами новаго. И если не весь ветхій человѣкъ былъ совлеченъ и идеалы новаго не воплощены въ жизни, то все-таки отцы сдѣлали свое дѣло; они искали, боролись и нашли истину. Дѣти, поднятые на ихъ плечахъ, эту истину получили готовой, прямымъ путемъ наслѣдства; и потому они не могли знать то отрадное, разрѣшающее всѣ муки поисковъ чувство, съ какимъ говорится это слово: я нашелъ.

IV.

Добрая и лучшая половина произведеній г. Засодимскаго—это разсказы и повѣсти изъ народной жизни. Много было работниковъ на этой нивѣ, но все еще есть на ней много не сжатыхъ полосъ. Гл. Успенскій съ его анализомъ власти земли и «просіянія ума», г. Златовратскій со своими патріархами—хранителями устоевъ—много поработали: одинъ давая болѣе отрицательные образы, другой—положительные, и изрѣдка мѣняясь ролями; Николай Успенскій и Левитовъ знакомили съ городскою голытьбой, болѣе или менѣе выродившимися личностями изъ народа; Рѣшетниковъ въ *Подлиповцахъ* показалъ дикарей въ ихъ первомъ столкновеніи съ городомъ. Г. Наумовъ, къ сожалѣнію замолкшій, взялъ ту сторону народной жизни, въ которой выразился протестъ; любимые герои его—борцы за правду, за обиженную братію. Всѣ эти писатели болѣе или менѣе реалисты, они не отступали и передъ самыми мрачными картинами тьмы умственной и нравственной народа, но никогда не доходили до тѣхъ образовъ, внушающихъ одно омерзѣніе, какіе Зола даетъ въ своемъ романѣ *Земля*. Рядомъ съ самыми потрясающими фактами зла и животности, мы видимъ образы, несущіе на-

дежду. Единственный порядочный и добрый человѣкъ въ романѣ Зола уходитъ отъ земли. Герои нашихъ народныхъ писателей силу свою черпаютъ въ землѣ.

Хотя многое уже сдѣлано нашими беллетристами для выясненія народной жизни, но остается сдѣлать еще очень многое. Складывается такъ много сулящій въ будущемъ типъ того мужика, которымъ сгладится рознь между силою, подчиненной власти земли и силою, несущей мысль, знаніе и общественные идеалы. Число писателей изъ народа растетъ; являются въ народѣ строгіе судьи попытокъ старшей братіи учить младшую одними поучительными «тонкими» книжками и отмѣрить народному уму предѣлъ, перейти который онъ не долженъ дерзать. Въ *Новомъ Словѣ* г. Рубакинъ описалъ свою встрѣчу съ рабочимъ, читавшимъ почти все, что читаетъ и понимаетъ образованный человѣкъ. Лѣтъ 30—20 тому назадъ мы не встрѣчали такихъ образцовъ пробужденія мысли въ народѣ; это уже далеко оставило за собой «просіяніе ума» Михайла Иваныча, героя Гл. Успенскаго. Когда въ подымающемся приливѣ выше кульминаціонныя точки, то выше и среднія, и низшія. Сознаніе народное растетъ, и эти слова не голословное утвержденіе. Люди помнящіе 50 гг. и крымскую войну и хорошо знавшіе, насколько можно было знать въ то время народъ, скажутъ, что тогда мужикъ гораздо меньше интересовался войной этой, чѣмъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ восточной, хотя конечно далеко не такъ, какъ раздували интересъ его *Свѣтъ* и т. п. органы. Надо замѣтить, что школа сдѣлала въ этомъ отношеніи очень мало, грамотность распространялась слабо. Болѣе всего сдѣлала сама жизнь. Во время крымской войны помѣщики стѣной стояли, заслоняя отъ крестьянъ общественную жизнь. Всѣ надежды, желанія и помыслы народа сосредоточивались въ одной жаждѣ освобожденія. Стѣна рухнула, и народъ сталъ лицомъ къ лицу съ иною формой крѣпостничества, кулацкой, юридически скрѣпленной, отбиравшей скарбъ, скотъ и самую крышу. Мысли народной былъ данъ толчокъ, и она, въ лицѣ наиболѣе богато-одаренныхъ личностей, заработала надъ общественнымъ укладомъ. Надо замѣтить еще, что крѣпостными, бытомъ которыхъ преимущественно занималась литература наша, не исчерпывалась народная масса; крупный процентъ ея составляли государственныя крестьяне. Было извѣстно не мало случаевъ, что государственные крестьяне во время эмансипаціи подавали прошенія объ освобожденіи ихъ отъ крѣпостной зависимости чиновникамъ. Послѣ медового мѣсяца либеральныхъ мировыхъ посредниковъ, народъ лицомъ къ лицу столкнулся съ чиновничествомъ. Работа мысли шла подъ тяжелыми впечатлѣніями и грубыми толчками дѣйствительности. Оскудѣвавшая деревня выбрасывала все болѣе и болѣе лишнихъ ртовъ и рукъ въ городъ, на фабрики и заводы. Оттуда возвращаются въ деревню не однѣ только покалѣченныя и надорванныя силы,—приходятъ и головы понабравшіяся ума-разума; приносятся не одни чудовищные нелѣпые разсказы, но и вѣрныя вѣсти и наблюденія бывалаго человѣка. Все это даетъ пищу народной мысли и работаетъ она не

попрежнему. Порядокъ жизни на всей Россіи все болѣе и болѣе становится излюбленною темой толковъ; даже въ самыхъ глухихъ углахъ, если вы расположены по-просту побесѣдовать съ крестьянами, васъ встрѣтятъ вопросами о порядкахъ чужихъ странъ, о томъ, какъ тамъ живетъ народъ. Нива богатая для писателя-народника. Болѣе четверти вѣка работалъ на ней г. Засодимскій и за нимъ заслуга — основательное изученіе изображаемой жизни и вѣрность передачи того, что онъ зачерпнулъ въ глубинахъ ея. Рѣчь дѣйствующихъ лицъ настоящая народная, а не подделка подъ нее, пестрящая случайно подслушанными эффектными словами и присловіями. Пишетъ не между прочимъ забредшій и въ деревню фотографъ, который сумѣетъ ловко наставить свой аппаратъ на самыя эффектныя картины и группы; пишетъ человѣкъ не только много видѣвшій и добросовѣстно изучившій видѣнное, но много думавшій о народной жизни и глубоко прочувствовавшій ее съ ея тьмою и мерцающими среди нея искрами свѣта, съ ея великимъ горемъ и скудными радостями. Въ романѣ *Кто во что горазд*ъ на сценѣ крестьянство поры, непосредственно послѣдовавшей за освобожденіемъ. Главные герои изъ дворовыхъ, братья Куземкины, надрываются надъ своимъ клочкомъ земли, но не идутъ работать на кулаковъ. Здѣсь роль рока, губящаго работника съ семьей—пара гнилыхъ кольевъ въ изгороди; сломалась она, телушка увязла въ болотѣ и пастухъ безъ хлѣба. Смѣлая жажда скорой наживы гонитъ молодого парня ограбить церковь; примѣръ кулацкой наживы развращаетъ. Мать его отстаиваетъ до послѣдней минуты свою хату, которую сносятъ за долги міроѣду. Надо прочесть полукомическую, полутрагическую сцену, когда сѣвшая наверхъ крыши Устинья Морева спускалась съ каждымъ звеномъ родной избы до земли и потомъ подчинилась року. Братья Куземкины не подчиняются. Они видятъ дальше своей избы и своей деревни. Одинъ изъ нихъ не съ пьяна толкуетъ въ кабакѣ о вредѣ пьянства и ущерба для казны отъ обнищанія народа. «Тебя не спросятъ», издѣвается надъ нимъ кабатчикъ. Онъ съ достоинствомъ отвѣчаетъ: «И насъ спрошать никому не зазорно, у насъ на плечахъ голова, а не кочерыжка».

«Хроника села Смурина» рисуетъ другую пору народной жизни; преданія крѣпостничества не такъ свѣжи; земство уже въ разгарѣ своей дѣятельности, и на этомъ фонѣ изображается борьба ходока для освобожденія деревни отъ кулацкой кабалы. Герой Кряжевъ даромъ потратилъ свои силы на устройство ссудо-сберегательнаго товарищества, кассы. Всѣ эти насажденія на почвѣ Смурина отцвѣли, не успѣвши расцвѣсть, и зацвѣли-то благодаря случайности—доброй барынѣ и либеральному земцу; отцвѣли потому, что барыня уѣхала, а земецъ далъ обойти себя хитроумному кулаку. Кряжевъ весь въ своемъ общемъ дѣлѣ, ради него онъ запускаетъ хозяйство и не женится оттого, что женатому трудно служить одному міру. Онъ практикъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, практикъ и въ мелочахъ сельскаго обихода; но въ то же время въ душѣ его много нетронутой поэзіи; иначе и быть не можетъ,—родникъ ея всегда бьетъ въ душѣ народныхъ ходоковъ.

Исходъ поэтической струѣ Кряжевъ, не во гнѣвъ будь сказано эстетикамъ, находитъ въ гармоникѣ, смѣнившей архаическую балалайку. У нашего сѣвернаго мужика нѣтъ другого инструмента; но это не мѣшаетъ Кряжеву за своей музыкой чувствовать то же, что чувствовалъ бы артистъ. «Онъ вмѣстѣ съ тихими дрожащими звуками разстилался надъ землей, носился надъ гладкими полями, надъ этими тихими лѣсами, по вершинамъ которыхъ пробѣгалъ вѣтеръ. Онъ носился надъ этимъ бѣднымъ ноющимъ міромъ, горевалъ вмѣстѣ съ нимъ, вмѣстѣ съ нимъ стоналъ и плакалъ его слезами. Его душа, казалось, хотѣла вылить разомъ въ одномъ страшномъ потрясающемъ звукѣ всю горечь, всѣ накопившіяся слезы этого міра». Вотъ что говоритъ авторъ о музыкѣ Кряжева, раскрывая душу человѣка взявшаго на себя крестъ своего міра, и картина заполняется замѣчаніемъ: «Въ Закручьѣ, заслышавъ эти звуки, говорили: ишь бѣсы его тѣшатъ». На Кряжевѣ стоитъ остановить вниманіе читателя, потому что это одна изъ первыхъ попытокъ беллетристики нашей дать образъ ходока народнаго не только протестанта и обличителя,—такихъ было не мало,—но изъ тѣхъ, которые хотятъ созидать и творить. Жаль только, что мѣстами впечатлѣніе портятъ разсужденія, умѣстныя въ статьѣ, но не въ романѣ, наприм., когда возвращавшійся послѣ освобожденія отъ суда Кряжевъ наткнулся на тѣло Евгеніи, умершей на жнитвѣ отъ солнечнаго удара, авторъ, описавъ душевное потрясеніе его, прибавилъ: «Нервы Кряжева были покрѣпче нашихъ, читатель. Смѣемъ завѣрить, что онъ такъ же любитъ и мечтаетъ, какъ и мы, только не было въ его любви тѣхъ призрачныхъ оттѣнковъ, которые мы придаемъ этимъ чувствамъ». Притомъ надо еще сказать, что крѣпость народныхъ нервовъ вообще преувеличиваютъ: среди крестьянокъ масса истеричекъ, среди ребятъ часты случаи, что семи-восьмилѣтній ребенокъ съ «испугу перестанетъ говорить и станетъ трястись и дергаться» — крестьянское объясненіе пляски св. Витта; отъ крестьянъ всѣхъ возрастовъ наслышишься не мало вполнѣ добросовѣстныхъ разсказовъ о томъ, какъ лѣшій, водяной или покойникъ у «худого мѣста», т.-е. того, гдѣ произошло убійство, заманивали, чтобы погубить; здѣсь на почвѣ суевѣрія являются галлюцинаціи, а онѣ не говорятъ о здоровьи нервовъ. Только нѣкогда мужику и бабѣ носиться со своими нервами.

Андрей Прохоровъ, герой разсказа *Пропалъ человѣкъ*, ходокъ изъ стариковъ; онъ олицетвореніе спокойнаго, тихаго упорства, которое ничѣмъ не сломишь и не запугаешь. Наружность его внушаетъ довѣріе съ перваго взгляда: «никто не задумался бы довѣрить ему самую дорогую вещь, или самую опасную и завѣтную тайну». У него «младенчески честная душа всепрощающее добродушіе, лицо дышавшее кротостью и спокойствіемъ». Онъ стоитъ передъ начальствомъ молча, съ «слегка наклоненною головой какъ ее подставляютъ подъ вѣтеръ». И какъ ни накричатъ на него, какими бѣдами ни грозятъ, а онъ, спокойно выслушавъ, опять за свое. Сторожъ присутственнаго мѣста говоритъ о немъ: «помретъ, а отъ своего не отступитъ». Его настойчивое заступничество за міръ вызываетъ вопросъ

о двухъ ли онъ головахъ, и, какъ Кряжевъ, онъ отвѣтитъ: «объ одной, но и той не пожалѣю для міра». Эти слова врѣзаны въ сердце ходоковъ за міръ; это все то же: «погибни наши имена», т.-е. та же самая нравственная стихія. Андрей Прохоровъ человѣкъ закона, его мучаетъ беззаконіе, и когда староста напоминаетъ ему о законѣ, онъ съ горечью возражаетъ: не вамъ бы говорить, да и не намъ слышать о немъ. Когда неправды родного и дорогого ему міра переполнили чашу его терпѣнія, Андрей Прохоровъ ушелъ въ свою Ѳиваиду. Бабы, случайно набредшія въ лѣсу на его хижину, разнесли молву о праведникѣ. Народъ пошелъ за совѣтомъ, за утѣшеніемъ; кто изъ любопытства, кто повинуясь вѣчно живой въ душѣ человѣка потребности—видѣть праведника, удовлетворить жажду идеала. Исходъ подвижничества героя обычный—становой прослышалъ о святомъ, сельскій попъ, котораго обидѣли «приношенія» крестьянъ, благословилъ станового на истребленіе ереси въ зародышѣ, и хижина сожжена, а «святой» пропалъ такъ, что его уже не нашли.

Андрей Прохоровъ ходокъ за міръ изъ поколѣнія отцовъ и ищетъ помощи не отъ міра сего. «Если бы знать,—думалось ему,—такое вѣщее слово, съ помощью котораго можно бы было просвѣтить людей поголовно, сдѣлать людей добрѣе, раскрыть имъ глаза, чтобъ они могли видѣть, и соединить всѣ силы въ одномъ дѣлѣ». «Еслибъ онъ зналъ, — говоритъ авторъ,— то, конечно, сказалъ бы такое слово, а послѣ будь съ нимъ что будетъ,—ему все равно». Кряжевъ ходокъ изъ міра дѣтей. Онъ съ глубокимъ убѣжденіемъ держится и за общественную лавочку, и за ссудную кассу—и разочаровывается. Надо прочесть сколько труда, лишеній, обидъ непереносныхъ вынесъ Дмитрій Кряжевъ, добиваясь того, что въ другихъ странахъ устраивается такъ просто и легко. Уходя изъ родной стороны, онъ злобно съ горькой ироніей ругаетъ себя: «дуракъ, развѣ въ корытѣ можно море переплыть».

Митюха Косматый изъ разсказа *Волчица* третій ходокъ, какъ и первые два, имѣетъ свою физіономію. Онъ натура далеко не дюжинная, какъ и тѣ, но онъ всецѣло не уйдетъ въ дѣло ходока, личная страсть заглушитъ общественную. Оставшись сиротой, двѣнадцатилѣтній парнишка сумѣлъ выростить брата и сестру,—случай рѣдкій, но бывалый,—и безсмѣннымъ батракомъ работаетъ у брата. По характеру Митюха ругатель за неправду, въ мірѣ чиновничества его прозвали бы безпокойнымъ человѣковъ, сельскій міръ зоветъ его непокладнымъ; но, ругая міръ за глупость и неправду, онъ вѣрный слуга міру и онъ авторитетъ для міра. Онъ и распутаетъ запутанные счеты, и съ начальствомъ поговоритъ толково и смѣло, и когда міръ обиженъ, то онъ «забываетъ свои обиды и кидается на большихъ своихъ враговъ—мірскихъ враговъ». Митюха вполнѣ самородокъ, развитіемъ его не занимались никакіе интеллигентные земцы или барыни: онъ даже безграмотенъ. У него сила природнаго ума, онъ рѣчистъ и рѣчи его толковыя, приправленныя бранью и поговорками. Школой его была сама жизнь, т.-е. общественныя сходки и неумолимые факты безправія слабаго передъ сильнымъ. Митюха кончаетъ убійствомъ изъ ревности, и къ этому его привелъ

не одинъ только психозъ оскорбленной страсти, въ немъ оскорблена вѣра въ любимую женщину. Есть еще дѣйствующее лицо, Аггушка, олицетвореніе дикой озлобленности, какъ протеста противъ разгула не менѣе дикой, но торжествующей и гнетущей силы кулачества. «Съ волками живу, а потому и самъ волкъ»,—говоритъ Аггушка Кряжеву. Когда рухнули всѣ планы Кряжева, Аггушка пускаетъ краснаго пѣтуха.

Всѣ они,—и ходоки за міръ, и Аггушка,—созданы преимущественно присущею народу потребностью обновленія внѣшнихъ условій, очеловѣчиваньемъ жизни міра. Въ романѣ *Грѣхъ* г. Засодимскій показалъ внутреннее обновленіе. Сельскими кулаками и мѣстными властями—опорой ихъ и грозой мужика—не исчерпывается вся жизнь его, за этой стороной остается его семейный міръ—его отношенія къ своему брату односельчанину и его внутренній міръ—идеалы добра и правды, думы о Богѣ, жизни и смерти. Старый Чабанъ, суровый и исправный хозяинъ, желѣзною рукой правитъ домомъ и землей, онъ радъ самъ надорваться и надорвать семьянъ надъ работой. Это муравей, глубоко презирающій стрекозу. Сноха, добрая и тихая баба, смягчаетъ его сердце къ безпутному затю, это вліяніе хорошей души толкуется какъ снохачество. Грѣхъ Чабана не въ этомъ; онъ, когда всѣ тонули, ударилъ ногой въ грудь цѣплявшуюся за него беременную сноху. Мученія совѣсти побуждаютъ его каяться передъ міромъ, который, испугавшись волокиты по судамъ, отсылаетъ его къ начальству. И становой и мировой находятъ, что дѣло имъ не подсудно, и отсылаютъ его къ попу, который эпитиміей и совѣтомъ пожертвовать на причтъ, не снимаетъ бремени грѣха съ души. Бремя грѣха снялъ «портняжка» Прокопій своимъ ученіемъ о нестяжаніи. Сила Прокопія въ томъ, что онъ вѣритъ тому, чему учитъ: «Большой грѣхъ только о житейскомъ думать. Нужно и о душѣ помышлять. Вѣдь, не для одного же корма мы на свѣтѣ живемъ». Покаявшійся Чабанъ помогаетъ односельчанамъ въ нуждѣ, и ростовщики заправилы міра поговариваютъ о томъ, чтобы хозяиномъ поставить его сына, который съ матерью плачется на расточительность отца. Но это не смущаетъ стараго Чабана, онъ «живетъ хорошо, пока живется, и смотритъ прямо въ лицо смерти».

Чабанъ—представитель той массы, которая проситъ хлѣба ученія какъ жить въ правдѣ; Ѳедоръ Базмянокъ—представитель другой стороны—неудовлетворенной пытливости ума. Онъ хочетъ знать и точкой отправленія для мысли его вопросы въ родѣ: правда ли, что осина дрожитъ оттого, что Іуда на ней повѣсился; правда ли, что на свѣтѣ есть люди, которые все знаютъ? Душа народа не уляжется въ рамки крестьянскаго хозяйства и заработка ради насущнаго хлѣба. Съ какимъ жаднымъ вниманіемъ и интересомъ слушаютъ свадебные гости бесѣды и споры съ Чабаномъ «портняжки», доказывающаго первому все неразуміе и грѣховность его жадности. Раздаются восклицанія: «мала птичка да коготокъ востеръ», всѣ присутствующіе сознаютъ, что «у портного такая сила, какой у нихъ нѣтъ». Эта потребность правды въ среднемъ человѣкѣ не поднимается выше потребности хоть изрѣдка

передохнуть отъ вѣчной заботы объ одномъ кормѣ не въ кабакѣ, а въ «умственныхъ и душевныхъ разговорахъ, съ выдающимися умомъ, какъ Прокопій; выводы его божественной правды сходятся съ выводами науки. «Грѣхъ великій чужимъ горбомъ работать, съ этого грѣха и пошла неправда по землѣ», учитъ народный мудрецъ, и то же самое говоритъ наука о долѣ не дополученной трудомъ. Перечитайте въ томъ же романѣ разговоръ кулака съ обличающимъ его учителемъ, прозваннымъ въ насмѣшку Полихрономъ премудрымъ, и тамъ та же народная мудрость, но отношеніе слушателя не то: кулакъ сначала ради забавы слушаетъ обличенія мудреца, онъ олицетвореніе той толпы, которая къ святынѣ относится по поговоркѣ: годится—молиться, годится—горшки покрывать.

Еще нравственный авторитетъ—Иванъ Бѣлый, ходокъ за міръ. Когда становой погрозилъ вырвать бороду Ивану Бѣлому, крестьяне такъ «сердито смотрѣли, что становой давай Богъ ноги; тихонько задворками съ подвязаннымъ колокольчикомъ подкатила тройка къ волостному правленію, и становой заднимъ ходомъ на утекъ». Фактъ, повидимому, противорѣчащій пассивному отношенію крестьянъ, когда становой жегъ хижину Андрея Прохорова. Но только съ высоты птичьяго полета толпа кажется окрашенной однимъ унылымъ темно-сѣрымъ тономъ; спустившись въ ряды ея и вглядываясь въ нее съ тѣмъ пониманіемъ, которое дается любовью, можно различить и отдѣльныя группы, и отдѣльныя личности. Въ деревняхъ на разстояніи какого-нибудь десятка верстъ, а то и менѣе, найдутся общества, рѣзко отличающіяся характеромъ: въ одной деревнѣ хорошіе хозяева, гордые, какъ о нихъ отзываются сосѣди, которые ославились пьянствомъ и вороватостью; въ одной деревнѣ школы грамотности процвѣтаютъ, въ другой—ихъ не насадить, хотя бы съ крестьянъ и не брали гроша; въ одной—крестьяне трепещутъ передъ урядникомъ, въ другой — не испугаются и исправника. Г. Засодимскій такъ же противорѣчитъ себѣ, изображая различныя настроенія крестьянъ, какъ противорѣчилъ бы живописецъ, изображая то чуть видную рябь мелководья, то прибой волнъ глубины.

Одною матеріальною пользою далеко не объяснить вліянія Бѣлаго. Нужна нравственная сила, совѣтъ и утѣшеніе въ бѣдѣ, поученіе, снимающее съ совѣсти гнетъ, нужно слово, въ которомъ темный человѣкъ увидитъ свой совѣтъ. У Гл. Успенскаго есть парень совершенно неспособный разсказать что-нибудь о вѣрѣ одного раскольничьяго общежитія; онъ можетъ только разсказать о хорошихъ полушубкахъ, чистомъ хлѣбѣ вволю и хорошихъ сапогахъ. Повидимому, ему дѣла нѣтъ до душевной стороны, до вѣры, собравшей въ общежитіе; но вотъ онъ слышитъ, что «святитель», на мощахъ котораго все построено, оказался обманомъ. Парень потрясенъ, придавленъ слышаннымъ и, опомнясь немного, восклицаетъ: «коли святитель да обманъ, тогда всѣ разбѣжимся». Парень не умѣлъ выяснить свою вѣру, но все же онъ доказательство того, какъ народъ дорожитъ ею и своими авторитетами. Коли святитель—обманъ, то хорошіе сапоги и полушубки и хорошая ѣда не удержатъ.

V.

Какой общій выводъ должна сдѣлать критика изъ произведеній г. Засодимскаго? За городъ онъ или за деревню? Изъ произведеній его ясно, что онъ не за городъ пиджаковъ, не за городъ чиновъ, вершащій по своему усмотрѣнію судьбы крестьянскаго міра, онъ за городъ, несущій знаніе въ деревенскую тьму невѣжества и суевѣрія. Оптимистъ или пессимистъ г. Засодимскій? Картинъ бѣдности и несовершенства жизни у него несравненно больше, чѣмъ картинъ ея богатства и красоты. Невѣжество и забитость народной массы, вырожденіе въ интеллигентныхъ слояхъ, разгулявшійся во-всю произволъ сильнаго — и среди этого мрака мелькаютъ немногими свѣтлыми точками попытки избранниковъ свѣтлаго духа очеловѣчить свою среду; гибель этихъ силъ и торжество рыцарей мракобѣсія, что можетъ быть мрачнѣе и безотраднѣе? И тѣмъ не менѣе авторъ не пессимистъ. Пессимизмъ приводитъ къ выводу, что жить не стóитъ въ наихудшемъ изъ міровъ, и одна нирвана—разумный и желанный исходъ, потому что смерть—конецъ всего и не зачѣмъ бороться, стремиться, дѣйствовать, мучиться лишніе годы. Это кодексъ всѣхъ пессимистовъ. Но и Волжинъ, герой изъ *Спасайся кто можетъ*, покончилъ съ собой не оттого, что жизнь пустая и глупая шутка, а оттого, что сознавалъ себя безсильнымъ вырваться изъ омута пьяной компаніи, неспособнымъ ни къ какому дѣлу и, слѣдовательно, недостойнымъ жить. Въ основѣ его самоубійства лежитъ, невысказанная и смутно сознаваемая въ приступахъ мучительной тоски, мысль о засохшей смоковницѣ. Нѣтъ, авторъ не пессимистъ.

Оптимистъ ли г. Засодимскій? Онъ указываетъ на искры свѣта, которыя тьма не объястъ. «Божественная искра, — говоритъ Сѣверцовъ, — на зло всѣмъ демонамъ тлѣетъ и горитъ надъ міромъ не зловѣщимъ свѣтомъ погребальнаго факела, но голубымъ сіяніемъ виѳлеемской звѣзды; напрасно хлопочутъ легіоны темныхъ силъ потушить эту прометееву искру; свѣжій благодатный вѣтерокъ раздуваетъ ее, и искра горитъ». Не маниловскій оптимизмъ подсказалъ эти строки: на всю тьму нѣсколько искръ! Если благодатный вѣтерокъ раздуваетъ искру эту, то это не значитъ, что она разгорѣлась въ свѣточъ, разогнавшій тьму. Оптимистъ не представилъ бы внесеніе свѣта во тьму, какъ крестъ, на который мать благословляетъ сына; да, наконецъ, оптимистъ и не видѣлъ бы ужасающей гнетущей тьмы, а сказалъ бы, что мы живемъ въ наилучшемъ изъ міровъ, и что если есть кое-какія темныя стороны, то онѣ неизбѣжны,—и на солнцѣ есть пятна. Г. Засодимскій трезво смотритъ на жизнь; изъ произведеній его вынесешь чувство грусти, которое неразрывно съ трезвымъ взглядомъ и умѣряется только когда поднимешь глаза на «голубое сіяніе виѳлеемской звѣзды». Авторъ не говоритъ намъ, что жить не стоитъ, онъ указываетъ на то, для чего стóитъ и должно жить.

Всѣ положительные герои г. Засодимскаго отъ крупныхъ силъ съ задатками героизма до мелкихъ, которыя въ «смутныхъ стремленіяхъ ищутъ

правый путь», живутъ для идеи добра, общественнаго блага; во всѣхъ сильны альтруистическіе инстинкты, которые аллегорически выражены въ садоводствѣ капитана Батурина. Авторъ говоритъ: «штабсъ-капитанъ, казалось, каждой былинкѣ, каждому цвѣточку хотѣлъ дать ходъ, дать ростъ, дать имъ возможность жить наилучше такъ, какъ они того хотятъ... Эту почтенную черту изъ жизни и дѣятельности штабсъ-капитана Батурина я съ удовольствіемъ запошу на страницы своего разсказа. Если бы гг. въ крупныхъ дѣлахъ и *всѣхъ стезяхъ* нашей жизни всѣ мы послѣдовали примѣру штабсъ-капитана Батурина, то тѣмъ самымъ создали бы новые небеса и новую землю, и были бы такъ богаты, такъ довольны и такъ счастливы, какъ мы даже представить себѣ не можемъ среди одолѣвающихъ насъ скорбей, напастей и нищеты нравственной». Не оптимистическое благодушіе подсказало эту аллегорію. Дать ходъ и ростъ каждой былинкѣ, дать ей возможность жить такъ, какъ она хочетъ, значитъ вырывать плевела, заглушающія ее, истреблять поѣдающую ее тлю всякаго рода, безъ этого невозможно никакое садоводство. Здѣсь ясна любовь съ ея оборотной стороной—ненавистью ко всему губящему то, что намъ дорого. Дать каждой былинкѣ жить такъ, какъ она того хочетъ, это извѣстная заповѣдь: de chacun selon ses facultés, à chacun selon ses besoins *), исключающая потребности и способности плевелъ и тли. Въ число способностей не включена способность захватывать себѣ долю другого и не давать другимъ свободно дышать, дѣйствовать и жить; потребности, подлежащія удовлетворенію—не хищническія потребности кулаковъ и самодуровъ. И не рецептъ чудодѣйственный, мгновенно обновляющій жизнь, даетъ авторъ, призывая всѣхъ насъ слѣдовать примѣру штабсъ-капитана Батурина; этотъ призывъ дышетъ горькой ироніей. Развѣ *всѣ мы* проникнемся этимъ ученіемъ? Г. Засодимскій это хорошо понимаетъ, не то не показалъ бы печальную участь проповѣдниковъ любви,—одной ли любви, какъ Степанъ Огоньковъ, кончающій помѣшательствомъ, любви ли, вырывающей плевела, мѣшающія расти былинкамъ, какъ его Верюгинъ и Сѣверцовъ, оборотная сторона которой ненависть? Чтобы бороться съ врагами своего міра, какъ боролся Матюха Косматый съ врагами своего общества, надо крѣпко любить своихъ.

Идеалы лучшихъ временъ могутъ быть внесены въ практику жизни двумя путями: внѣшнимъ, т.-е. лучшими законами, общественными учрежденіями, отмѣной всего, стѣсняющаго здоровое развитіе человѣка, и внутреннимъ—совершенствованіемъ его личности, въ смыслѣ вытравленія въ самомъ себѣ всего недостойнаго, дикаго, злого,—всего, въ чемъ общественное зло найдетъ себѣ опору. Л. Н. Толстой и послѣдователи его выбрали послѣдній путь. Ученіе это явилось коррективомъ проповѣди о всемогуществѣ среды, говорившей личности: вся сила внѣ тебя и ты рабъ ея. Г. Засодимскій стоитъ на вѣрной точкѣ зрѣнія. Въ *Грѣхѣ* въ его обращеніи къ штабсъ-капитану Батурину, какъ примѣру для всѣхъ насъ, вполнѣ ясно высказывается ученіе

*) Отъ каждаго по его способностямъ, каждому по его потребностямъ.

о внутреннемъ обновленіи человѣка. Народная мудрость наша учитъ тоже этому обновленію, безъ котораго нѣтъ правды, когда и законы святы, но исполнители лихіе супостаты. Самые святые законы появляются лишь тогда, когда общественное сознаніе громко вопіетъ противъ не святыхъ, и вопіетъ оно просвѣтленное ученіемъ сильныхъ и лучшихъ личностей. До этого просвѣтленія общество умываетъ руки, когда эти личности падаютъ подъ ударами. Но, съ другой стороны, святые законы воспитываютъ. Общество — союзъ личностей, а личности бываютъ разныя; въ немъ и піонеры временъ грядущихъ, тѣ, которыхъ матери благословляютъ нести крестъ; въ немъ и масса съ ея желаніемъ лучшаго и пассивностью сдѣлать къ нему шагъ; въ немъ и великое множество личностей, для которыхъ святые законы—могущественная узда, не святые — орудіе творить зло. Законы воспитываютъ: это—азбучная истина, и г. Засодимскій въ своихъ положительныхъ герояхъ показалъ зачатки того типа, который, развившись, возьметъ у жизни святые законы. Герои другихъ характеровъ неудовлетворены оттого, что нѣтъ «такого дѣла, результаты котораго были видны и распространялись на многихъ», т.-е. такого дѣла, въ какомъ чувство гражданина нашло бы свое удовлетвореніе. Писатель, который говоритъ это, просвѣтляетъ сознаніе общества и дѣлаетъ свое дѣло—глашатая истины и добра.

М. Цебрикова.

Іудея и Римъ *).

(Картины античнаго міра, по Э. Ренану).

V.

Римское владычество.

Политическое состояніе міра было глубоко безотрадное. Вся власть надъ нимъ сосредоточивалась въ Римѣ и въ его легіонахъ. И тамъ происходили позорнѣйшія и унизительнѣйшія сцены. Римская аристократія, покорившая міръ и, въ сущности, державшая въ своихъ рукахъ власть при цезаряхъ, предавалась такой ужасающей сатурналіи преступленій, какой міръ еще не видывалъ до того времени. Юлій Цезарь и Августъ, захватывая верховную власть, отлично понимали, какъ низко пали римляне въ смыслѣ политическомъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Римъ завоевалъ безчисленныя провинціи, совершенно непригодной становилась древняя конституція, основанная на привиллегіяхъ патриціанскихъ родовъ. Но Августъ, установивши принципатъ, не завершилъ своего дѣла, предоставивши будущность на произволъ всякихъ случайностей. Безъ твердо-опредѣленнаго порядка наслѣдованія, безъ точнаго закона объ усыновленіяхъ, безъ закона объ избраніи, безъ конституціонныхъ ограниченій, цезаризмъ являлъ собою подобіе громаднаго груза, наваленнаго на палубу корабля, не имѣющаго балласта, и неизбѣжными становились страшныя потрясенія. Въ теченіе столѣтія три раза,—при Калигулѣ, при Неронѣ и при Домиціанѣ,—безграничная власть попадала въ руки людей отвратительныхъ или безумныхъ. Если рядъ первыхъ властителей дополнить именами Тиверія и Клавдія, то понятнымъ станетъ, почему Римъ превратился въ гигантское гнѣздо разврата и жестокости. Добавить необходимо, что, главнымъ образомъ, все зло шло съ Востока, отъ низменныхъ льстецовъ, отъ негоднѣйшихъ людей, являвшихся изъ Египта и Сиріи, пользовавшихся угнетеніемъ истинныхъ римлянъ и дѣлавшихся всесильными при извергахъ, правившихъ міромъ. Такія позорящія имперію низости, какъ апоѳеозы императоровъ, обоготвореніе ихъ при жизни, были за-

---

*) *Русская Мысль*, кн. I.

несены съ Востока, въ особенности изъ Египта, гдѣ упадокъ нравственный дошелъ до крайней степени.

Тѣмъ не менѣе, древній духъ римлянъ не угасъ. Возвышенныя традиціи благородной гордости свято охранялись въ нѣкоторыхъ семьяхъ, достигшихъ власти при Нервѣ, придавшихъ блескъ вѣку Антониновъ и прославленныхъ Тацитомъ. Отвратительная разнузданность, всплывавшая на поверхность, не въ состояніи была загрязнить глубоко заложенныхъ основъ чести и стойкой добродѣтели хорошаго римскаго общества. Не была еще утрачена древняя простота римлянъ; многимъ женщинамъ, по справедливости, даются въ надгробныхъ надписяхъ наименованія *castissimae, univirae;* очень многимъ изъ нихъ почти незнакомы были роскошь и щегольство нарядами; воспитаніе дѣтей велось серьезно и тщательно. Превосходнѣйшіе государственные люди, выдвинувшіеся при Троянѣ, не сразу создаются. Они состояли на службѣ и въ предшествовавшія царствованія, но не имѣли почти никакого значенія, будучи затерты въ задніе ряды отпущенниками и ничтожными любимцами императора. Философія была въ тѣсномъ союзѣ съ лучшими семействами Рима и, заодно съ ними, оказывала энергичное сопротивленіе. Школой стоиковъ выработались выдающіеся характеры Кремуція Корда, Тразеи, Аррія, Гельвидія Приска, Агенея Корнута, Музонія Руфа. Извѣстная суровость и нѣкоторыя крайности этой школы явились слѣдствіемъ ужасающей жестокости императоровъ. Люди добра были неотступно заняты мыслью о томъ, чтобы закалить себя въ ожиданіи казни и приготовиться къ смерти. Сенека философъ, Плиній старшій, Папирій Фабіанъ были истинными оплотами науки и философіи. И подобныхъ людей было не мало, но слишкомъ часто не оставалось имъ иного исхода, какъ умереть. Порой брали верхъ негодные элементы общества, и тогда наступало время полной разнузданности и жестокости, превращавшихъ Римъ въ настоящій адъ.

Самовластіе цезарей, давившее Римъ столь тяжелымъ и неровнымъ гнетомъ, въ значительно меньшей степени давало себя чувствовать въ провинціяхъ. При всѣхъ своихъ недостаткахъ римская администрація была все же много лучше правительствъ мелкихъ царьковъ и республикъ, ею уничтоженныхъ. И сама имперія не дошла еще до чрезмѣрныхъ крайностей централизаціи, оставляя до временъ Домиціана, большую свободу самоуправленія провинціямъ и городамъ. Въ Палестинѣ, въ Сиріи, въ Малой Азіи, въ Арменіи и Фракіи существовали почти независимыя государства подъ протекторатомъ Рима. Ихъ полунезависимость начинаетъ дѣлаться опасной лишь съ правленія Калигулы и потому только, что въ отношеніяхъ къ нимъ была оставлена глубоко разумная политика Августа. Вольные города, а таковыхъ было много, сохраняли свои законы, право ихъ издавать и всѣ учрежденія автономныхъ государствъ. До III вѣка всѣ муниципальные декреты начинались формулой: «Сенатъ и народъ опредѣлили»... Въ этихъ маленькихъ республикахъ былъ очень силенъ духъ гражданской свободы, и онѣ утратили только право объявлять другъ другу войны, пагуб-

ное право, превращавшее весь міръ въ арену кровавыхъ схватокъ. Не уничтожая, почти не умаляя ничьей свободы, Римъ оказалъ истинное благодѣяніе народамъ, водворивши повсюду «римскій миръ», *Pax romanum*.

Вообще, несмотря на грабительство правителей и насилія, неразлучныя съ неограниченнымъ владычествомъ, подвластные цезарямъ народы, во многихъ отношеніяхъ, никогда еще не испытывали такого благополучія. Администрація, распоряжавшаяся изъ столь удаленнаго центра, представляла собою такія преимущества, что даже алчность преторовъ послѣднихъ временъ республики была не въ силахъ сдѣлать ее ненавистной. Къ тому же, *lex Julia* въ значительной мѣрѣ ослабилъ злоупотребленія и лихоимство. Безумства и жестокости императоровъ, за исключеніемъ Нерона, обрушивались только на римскую аристократію и на кругъ лицъ, приближенныхъ къ государямъ. Никогда еще человѣкъ, сторонившійся отъ политики, не видалъ такого спокойствія. Древнія республики, гдѣ каждый былъ вынужденъ принимать участіе въ раздорахъ партій, были крайне неудобны для тихой и мирной жизни. Въ нихъ не было конца тревогамъ, преслѣдованіямъ и проскрипціямъ. Теперь же наступили времена, особенно благопріятныя для широкаго прозелитизма, стоящаго выше раздоровъ небольшихъ городовъ и соперничества династій. Никакого парадокса въ томъ не будетъ, если мы скажемъ, что съ утратой народами независимости значительно возросла ихъ свобода. Съ одной стороны, сдѣлалась возможной свобода торговли и промышленности, о которой понятія не имѣли греческія республики. Съ другой стороны, свобода мысли много выиграла отъ владычества римлянъ. Въ древнихъ республикахъ не существовало этой свободы. Не только преступленія философскаго характера, каковы отрицанія Бога и Провидѣнія, но и ничтожные проступки противъ мѣстнаго культа, проповѣдь чужеземныхъ религій, мелкія нарушенія законоположеній о «таинствахъ» не рѣдко влекли за собою смертные приговоры. Боги, осмѣянные на сценѣ Аристофаномъ, порою мстили жестоко. Они убили Сократа, отъ нихъ едва спасся Алкивіадъ. Анаксагоръ, Протагоръ, Өеодоръ атеистъ, Діагоръ изъ Мелоса, Продикъ изъ Кеоса, Стилпонъ, Аристотель, Теофрастъ, Аспазія, Еврипидъ подвергались большимъ или меньшимъ преслѣдованіямъ. Атталы и Птоломеи первые предоставили надлежащій просторъ философской мысли. Римская имперія послѣдовала ихъ примѣрамъ. При императорахъ не разъ гибли философы, но исключительно лишь за то, что они занимались политикой. Въ сборникахъ римскихъ законовъ до временъ Константина нельзя найти ни одного постановленія, направленнаго противъ свободы мысли, примѣра не было преслѣдованія мыслителя или ученаго. Широкая религіозная пропаганда не встрѣчала никакихъ стѣсненій и преградъ со стороны римлянъ вплоть до жестокихъ гоненій на христіанъ. Причины этихъ гоненій мы попытаемся выяснить ниже.

Театры вызывали рѣзкое неодобреніе всѣхъ честныхъ людей и были однимъ изъ первыхъ поводовъ, возбуждавшихъ антипатію іудеевъ и іудей-

ствующихъ всѣхъ оттѣнковъ противъ языческой цивилизація того времени. Гигантскіе амфитеатры представлялись имъ громадными ямами, въ которыхъ кишатъ всевозможные пороки и мерзости. Не рѣдко случалось, что одновременно съ аплодисментами первыхъ рядовъ слышались выраженія ужаса и отвращенія на верхнихъ ступеняхъ. Въ провинціяхъ съ трудомъ вводились бои гладіаторовъ. Эллинскія страны не желали допускать у себя кровавыя зрѣлища и предпочитали имъ древне-греческія игры. Что же касается христіанъ, то и театръ, и стадій, и гимназія, то-есть мѣста сборищъ и потѣхъ, составлявшія существенную принадлежность греческаго и римскаго города, представлялись имъ одинаково омерзительными, и это, въ свою очередь, повело къ послѣдствіямъ величайшей важности. Античная цивилизація обусловливала собою жизнь почти исключительно публичную; всѣ дѣла обсуждались на площади передъ собраніемъ гражданъ, въ полную противоположность тому, какъ дѣлается въ наше время, когда вся жизнь замкнута въ стѣнахъ домовъ. Подъ римскимъ владычествомъ театръ замѣнилъ собою *агору* и *форумъ*. И анаѳема, изрекаемая театру, падала, такъ сказать, на все общество. Страшная пропасть легла, такимъ образомъ, между Церковью съ одной стороны и публичными зрѣлищами—съ другой.

Законы и административныя распоряженія первыхъ временъ имперіи представляли собою настоящій хаосъ. Возможности не было разобраться въ безпрерывныхъ столкновеніяхъ между деспотизмомъ, провинціальными и муниципальными вольностями, произволомъ мѣстныхъ правителей и притязаніями независимыхъ общинъ. Но всѣ конфликты этого рода служили только на пользу религіозной свободѣ. Стройное единство администраціи, установившееся со времени Траяна, неизмѣримо болѣе тяжелымъ гнетомъ легло на христіанство, чѣмъ не знавшее регламентаціи, лишенное организованной полиціи, полное всякихъ несправедливостей правленіе временъ первыхъ цезарей.

Умственное развитіе высшихъ классовъ, блестящее во многихъ отношеніяхъ, хотя уже клонившееся къ упадку, не доходило до народныхъ массъ. Положеніе обездоленныхъ не было бы столь прискорбнымъ, если бы народъ находилъ утѣшеніе въ религіи. Но религія во всѣхъ частяхъ имперіи пала очень низко. Римъ, весьма разумно, оставилъ неприкосновенными древніе культы, устранивши изъ нихъ все то, что было въ нихъ безчеловѣчнаго, вызывающаго или оскорбительнаго для иновѣрныхъ. Римъ придалъ имъ своего рода оттѣнокъ оффиціальности, который сдѣлалъ ихъ похожими другъ на друга и, хорошо ли, худо ли, соединилъ между собою. Но эти древніе культы имѣли одну общую черту: это—невозможность создать какое-либо теологическое ученіе, дойти до практической морали, до возвышающей нравственно проповѣди, сколько-нибудь плодотворной для народа. Отъ языческихъ храмовъ вѣяло холодомъ, въ нихъ не зачѣмъ было идти, въ нихъ нечему было научиться, ничуть они не были похожи на синагоги лучшихъ временъ и на церкви,—мѣста общенія вѣрующихъ, пріюты для бѣдствующихъ, пристанища для удрученныхъ. Римскіе пат-

ціи упорно пытались установить различіе между «религіей», т.-е. ихъ собственнымъ культомъ, и «суевѣріями», т.-е. иноземными культами. Въ сущности же, всѣ языческіе культы жили исключительно суевѣріями, которыя въ видѣ остатковъ далекой старины отчасти уцѣлѣли до нашихъ дней, не искорененныя даже христіанствомъ. А затѣмъ идолопоклонство язычниковъ, охраняемое только неустойчивымъ преданіемъ народнымъ и своекорыстными жрецами, легко переходило въ обоготвореніе императоровъ даже при жизни. Внѣ іудейства не нашлось ни одного жреца, осмѣлившагося противустать такимъ позорящимъ человѣчество безумствамъ.

Повсюду съ возрастающею силой назрѣвала потребность въ монотеизмѣ, въ религіи, которая въ основы нравственности положила бы законъ, данный Богомъ. Въ Индіи и Персіи запросы эти нашли удовлетвореніе въ буддизмѣ и зороастризмѣ. Орфизмъ и таинства пытались достичь того же въ греческихъ земляхъ, но продержались не долго. Образованные классы относились съ полнымъ невѣріемъ къ оффиціальной религіи. Государственные люди усердно поддерживали ее и втихомолку остроумно потѣшались надъ нею. Многими открыто проводилась безнравственная система, основанная на томъ, что религіозныя басни пригодны только для народа и для него должны быть охраняемы. Совершенно безполезная предосторожность, такъ какъ и вѣра народа была окончательно расшатана. Съ переходомъ власти къ Тиверію замѣтною дѣлается религіозная реакція. Римляне какъ будто испугались явнаго невѣрія временъ Юлія Цезаря и Августа и разыгрываютъ прелюдію къ злосчастной попыткѣ Юліана «влить новое вино въ мѣхи старые», по соображеніямъ государственнымъ возстановляютъ всѣ устарѣвшія суевѣрія. Но люди, охваченные религіозною жаждой, обращаются къ культамъ, занесеннымъ съ Востока, увлекаются Изидой и Сераписомъ больше, чѣмъ когда-либо. Такимъ настроеніемъ общества дѣятельно пользуются всякаго рода обманщики, чудодѣи, магики, какъ то всегда бываетъ среди общества, въ которомъ утратила свою силу господствующая религія.

Вообще, середина перваго вѣка представляетъ собою печальную эпоху древней исторіи. Греческое и римское общество переживало время упадка, декадентства. Жизнь какъ бы утратила свой смыслъ и цѣну, число самоубійствъ возростало. Ни одинъ вѣкъ не видалъ такой борьбы между зломъ и добромъ. Зло—это страшный деспотизмъ, отдававшій міръ въ руки чудовищъ и безумцевъ, это—полный упадокъ нравственности, слѣдствіе занесенныхъ въ Римъ пороковъ Востока, это—отсутствіе возвышенной религіи и серьезнаго общественнаго обученія. Добро—это, съ одной стороны, философія, выступавшая съ открытою грудью противъ тиранновъ, не преклонявшаяся передъ чудовищами, подвергавшаяся гоненіямъ три или четыре раза въ теченіе полстолѣтія (при Неронѣ, при Веспасіанѣ, при Домиціанѣ), съ другой стороны, это—усилія народнаго духа, его стремленія къ лучшей религіи, къ монотеизму, къ братству, къ реабилитаціи бѣднаго и униженнаго. Обѣ протестующія стороны далеко не были согласны между собой. Философскія группы и христіанскія

общины не знали другъ друга и настолько не сознавали тождества своихъ усилій, что кружокъ философовъ, достигши власти съ провозглашеніемъ Нервы императоромъ, оказался далеко не благосклоннымъ къ христіанамъ.

Имперія, относившаяся враждебно къ религіямъ, занесеннымъ съ Востока, не предпринимала противъ нихъ систематически послѣдовательныхъ мѣръ. Принципъ государственной религіи поддерживался довольно слабо. Во времена республики подвергались запрещеніямъ культы Сабація, Изиды, Сераписа. Но это ни къ чему не приводило,— народъ продолжалъ неудержимо увлекаться ими. Когда декретомъ 535 г. съ основанія Рима было повелѣно разрушить храмъ Изиды и Сераписа, то не могли найти ни одного рабочаго для приведенія въ исполненіе такого распоряженія, и консулъ оказался вынужденнымъ собственноручно выламывать дверь топоромъ. Ясно было, что римскій культъ перестàлъ удовлетворять толпу. Не лишено основанія мнѣніе, что Юлій Цезарь возстановилъ культъ Изиды и Сераписа въ угоду римской черни. Онъ, впрочемъ, и вообще держался полной вѣротерпимости. Августъ проявилъ бòльшую привязанность къ національной религіи и глубокую антипатію къ восточнымъ культамъ, запретилъ даже отправленіе египетскихъ обрядовъ въ Италіи, но предоставлялъ всѣмъ вѣрамъ, особливо іудейству, неограниченную свободу въ ихъ собственныхъ странахъ. Тиверій впервые опредѣленно установилъ принципъ государственной религіи и принялъ серьезныя мѣры противъ распространенія іудейства и культовъ Востока. Калигула отмѣнилъ эдикты Тиверія, но, подъ вліяніемъ безумія, въ его дѣйствіяхъ не было никакой послѣдовательности. Клавдій слѣдовалъ, повидимому, политикѣ Августа: въ Римѣ онъ охранялъ латинскій культъ, сдерживалъ иновѣрную пропаганду, сурово относился къ іудейству и жестоко преслѣдовалъ религіозныя сообщества. Въ Палестинѣ же, наоборотъ, іудеи пользовались его благосклонностью. Что касается Нерона, то его мало интересовала религія, и страшныя жестокости надъ христіанами были актами звѣрства, а не послѣдствіями политическихъ соображеній. Обращавшіеся въ иноземныя вѣры подвергались гоненіямъ своихъ семей, а не государственной власти, и случалось это только въ римскомъ обществѣ высшаго класса, гдѣ строго хранились старыя традиціи. Въ провинціяхъ религіозная свобода ничѣмъ не была стѣснена, подъ единственнымъ условіемъ не оскорблять культовъ другихъ странъ. Тѣми же правами пользовались провинціалы и въ Римѣ, лишь бы не производили публичныхъ скандаловъ. Въ первый вѣкъ правительство не мирилось только съ двумя религіями—съ друидизмомъ и іудействомъ, представлявшимися оплотами національностей. Всѣ были убѣждены въ томъ, что въ основѣ іудейства лежитъ презрѣніе къ гражданскимъ законамъ и равнодушіе къ процвѣтанію государства. Когда іудейство не выходило изъ сферы личнаго вѣроисповѣданія, его оставляли въ покоѣ. Единственно, чего не терпѣла Римская имперія въ дѣлѣ религіи, это—теократіи. Основнымъ принципомъ имперіи было чисто-гражданское государство, не допускавшее возможности,

чтобы какая-либо религія оказывала свое воздѣйствіе на общественныя и политическія дѣла. Въ особенности же правительство не терпѣло никакихъ ассоціацій и сообществъ,— этихъ маленькихъ государствъ въ государствѣ. Это—пунктъ очень большой важности, такъ какъ имъ-то, главнымъ образомъ, и обусловливались всѣ гоненія.

Въ Римѣ власти издавна относились крайне недоброжелательно ко всякаго рода ассоціаціямъ, которыя весьма были по душѣ беднѣйшей части населенія. Законы противъ ассоціацій впервые были изданы во времена республики (въ 186 г. до Р. Х.), по поводу вакханалій. Низшіе классы, по весьма естественнымъ побужденіямъ, выказывали большую склонность къ сообществамъ, особливо религіознаго характера, тогда какъ этого рода братства очень не нравились патриціямъ, крѣпко державшимъ всю власть въ своихъ рукахъ и не допускавшимъ никакихъ иныхъ общественныхъ группъ, кромѣ семьи (рода) и государства. Противъ ассоціацій были направлены тщательно выработанныя постановленія, которыми требовались предварительное разрѣшеніе подлежащей власти и ограниченіе числа членовъ, и запрещалось имѣть постояннаго *magister sacrorum* и общественную кассу, набираемую подпиской. Такія же стѣсненія многократно повторялись при императорахъ, и въ арсеналѣ законовъ накопилось достаточно статей для всякаго рода преслѣдованій. Отъ усмотрѣнія правительства зависѣло пользоваться или не пользоваться не отмѣненными законоположеніями. Постоянною заботой даже такихъ мудрыхъ правителей, какъ Юлій Цезарь и Августъ, было не допускать образованія новыхъ сообществъ и уничтожать уже существующія. Одинъ изъ декретовъ временъ Августа, повидимому, направленъ къ точному опредѣленію и большому ограниченію права ассоціацій и собраній. Дозволялись только похоронныя братства съ тѣмъ, чтобы собранія ихъ происходили не болѣе одного раза въ мѣсяцъ, чтобъ они занимались исключительно погребеніемъ своихъ умершихъ членовъ и ни подъ какимъ видомъ не расширяли своей дѣятельности. Правительство упорно преслѣдовало задачу неисполнимую. Чрезмѣрно увлеченное идеей всепоглощающаго государства, оно хотѣло изолировать личность, уничтожить всякія нравственныя связи между людьми, подавить естественное стремленіе бѣдняковъ жаться другъ къ другу, создать себѣ маленькій пріютъ, гдѣ всѣмъ было бы тепло.

Несмотря на всѣ усилія властей, такія сообщества получили огромное развитіе. У знатныхъ и богатыхъ были заботы о семьѣ, объ удовлетвореніи своего честолюбія, о поддержаніи родовыхъ традицій; у бѣдныхъ и приниженныхъ ничего не было, кромѣ ихъ *collegium'a*,—какъ назывались сообщества. Всѣ дошедшія до насъ свѣдѣнія показываютъ, что такія *коллегіи* состояли изъ рабовъ, ветерановъ и мелкаго рабочаго люда. Тамъ было полное равенство между свободными людьми, отпущенниками и находящимися въ рабствѣ. Собранія происходили въ принадлежащемъ общинѣ домѣ, *schola collegii*, въ *тетрастилѣ* (портикѣ) котораго былъ обыкновенно выставленъ регламентъ коллегіи рядомъ съ алтаремъ божества, при-

знаннаго ея покровителемъ; трапезы устраивались въ особой столовой (*triclinium*), въ опредѣленные праздничные дни, наступленіе которыхъ всѣми ожидалось съ нетерпѣніемъ. На эти скромныя пиршества каждый шелъ съ своимъ приношеніемъ, одинъ изъ братчиковъ,—въ большинствѣ случаевъ по очереди,—доставлялъ посуду, хлѣбъ, вино, сардинъ, горячую воду. Рабъ, получившій вольную, считалъ своею обязанностью принести своимъ «коллегамъ» амфору хорошаго вина. Такія общины, если онѣ успѣвали добиться надлежащаго разрѣшенія, пользовались въ Римѣ всѣми правами гражданской личности. Но полученіе разрѣшенія было сопряжено съ большими затрудненіями, если предполагалось имѣть общинную кассу и дѣло шло не объ однихъ только похоронахъ сочленовъ. Законами предусмотрѣно, что подобныя сообщества могутъ получить религіозный характеръ, и въ такомъ случаѣ собраніямъ придается значеніе тяжкихъ преступленій, приравненныхъ къ «оскорбленію величества» и влекущихъ за собою соотвѣтствующія кары, по меньшей мѣрѣ, для тѣхъ лицъ, по чьему почину состоялось собраніе. Клавдій дошелъ до того, что приказалъ закрыть кабаки, въ которыхъ собирались братчики, и мелкіе трактиры, гдѣ бѣдняки могли за дешевую цѣну получать горячую воду и вареную говядину.

VI.

Пожаръ Рима.

Около 60 г. по Р. Х., во время пребыванія апостола Павла въ Римѣ, обозначилось съ достаточною опредѣленностью для властей и народа различіе между евреями стараго закона и христіанами, выдѣлившимися въ особливыя общины и положившими основаніе самостоятельной церкви, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе разроставшейся численно. При дворѣ и въ городѣ стали уже очень серьезно говорить о многочисленности послѣдователей «новаго ученія». Консерваторы начали съ тревогой относиться къ успѣхамъ апостольской проповѣди среди низшихъ классовъ населенія. Что же касается языческой, враждебно настроенной черни, то она не замедлила приписать христіанамъ всевозможныя злодѣянія и мерзости, заподозрить ихъ въ самыхъ тяжкихъ преступленіяхъ, обвинить въ стремленіи взбунтовать рабовъ, ниспровергнуть власть императоровъ. Какое бы ни было совершено преступленіе, самыя ничтожныя указанія вели къ аресту христіанина и преданію его пыткѣ. Христіане, уклонявшіеся отъ участія въ языческихъ обрядахъ, подвергались жестокимъ оскорбленіямъ. Наступала эра открытыхъ гоненій, продлившаяся съ короткими перерывами до Константина. Въ первыя тридцать лѣтъ, протекшія со времени проповѣди Христа, одни евреи были гонителями Его послѣдователей, римляне являлись защитниками христіанъ. Теперь же сами римляне дѣлались ихъ ярыми преслѣдователями. Изъ столицы ненависть къ христіанамъ распространилась въ провинціяхъ и послужила основаніемъ для величайшихъ несправедливостей, къ которымъ примѣшивалось отвратительное глумленіе. Евреи поль-

зовались большимъ вліяніемъ при дворѣ, въ особенности, черезъ Поппею, и, несомнѣнно, пускали въ ходъ всякія интриги для того, чтобы ухудшить положеніе христіанъ.

Десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Неронъ былъ провозглашенъ императоромъ (54—64 гг. по Р. Х.), и міръ былъ свидѣтелемъ поразительнѣйшихъ неистовствъ, когда-либо отмѣченныхъ исторіей. Условія времени были таковы, что безграничная власть находилась въ рукахъ одного человѣка, наслѣдника, сдѣлавшагося легендарнымъ, имени Цезаря. Иной порядокъ вещей оказывался невозможнымъ, и съ нимъ уже успѣли сжиться провинціи и Римъ, какъ бы не сознавая той огромной опасности, которою онъ грозилъ всей имперіи. Когда мутился разумъ цезаря, когда кружилась его голова, затуманенная неимовѣрною властью, тогда уже не было границъ безумствамъ, все оказывалось отданнымъ на произволъ чудовища. Избавиться отъ него не было никакой возможности: его гвардія, набранная изъ германцевъ, и его дворъ, состоявшій изъ рабовъ и отпущенниковъ, знали, что съ его паденіемъ они всего лишатся, и готовы были защищать его до послѣдней крайности. Опасность эта уже дала себя почувствовать при Калигулѣ. При Неронѣ она проявилась во всемъ своемъ ужасѣ и во всемъ безобразіи, грандіозномъ и потѣшномъ въ одно и то же время.

Неронъ получилъ блестящее литературное образованіе, и безуміе его носило, по преимуществу, литературный характеръ. Фантазіи всѣхъ вѣковъ, всѣ поэмы и всѣ легенды: Вакхъ и Сарданапалъ, Нинъ и Пріамъ, Троя и Вавилонъ, Гомеръ и современное Нерону декадентство—перепутались, смѣшались въ невообразимый хаосъ въ несчастной головѣ крайне посредственнаго, но глубоко убѣжденнаго, поэта и артиста, которому слѣпой случай предоставилъ всѣ средства осуществлять самыя нелѣпыя мечты. Въ немъ не было мрачной жестокости Домиціана, онъ не любилъ злодѣйствъ ради злодѣйствъ, не былъ онъ и такимъ сумасбродомъ, какъ Калигула. Онъ былъ вполнѣ искреннимъ романтикомъ, оперныиъ императоромъ, меломаномъ, трепетавшимъ передъ зрителями и заставлявшимъ дрожать отъ страха зрителей. Управленіе государствомъ есть дѣло исключительно и строго-практическое, и романтизмъ тутъ въ высшей степени неумѣстенъ. При воспитаніи принца, романтизмъ оказывается всегда пагубнымъ, и Сенека въ этомъ отношеніи, своимъ плохимъ литературнымъ вкусомъ, принесъ ученику своему много болѣе вреда, чѣмъ принесъ ему пользы своею прекрасною философіей. Наставникъ сына Агриппины былъ человѣкъ огромнаго ума, блестящаго таланта и весьма почтенный, несмотря на всѣ лежащія на его памяти пятна,—но все дѣло портили декламація и литературное тщеславіе, неспособность чувствовать и разсуждать безъ риторическихъ фразъ. Настойчивыми упражненіями ученика въ выраженіи того, чего тотъ не думалъ, въ сочиненіи заранѣе блестящихъ словечекъ, онъ сдѣлалъ изъ него отчаяннаго притворщика-актера и рьянаго ритора, говорившаго гуманныя рѣчи, когда онъ бывалъ убѣжденъ въ томъ, что его слушаютъ.

Въ первые годы все это представлялось въ Неронѣ только забавнымъ

и довольно безобиднымъ,—обезьяна сторожилась и принимала позы, которымъ ее обучили. Жестокость проявилась въ немъ только послѣ смерти Агриппины и очень быстро овладѣла имъ всецѣло. Бурръ *) умеръ, погибла и Октавія **), Сенека былъ удаленъ и ждалъ смерти, Тигеллинъ сдѣлался ближайшимъ человѣкомъ къ императору, началась сплошная сатурналія. Неронъ прямо заявляетъ, что ничего нѣтъ выше искусства, что добродѣтель — притворство и ложь, что истинно достоенъ уваженія лишь тотъ, кто прямо и открыто признается въ своемъ полномъ безстыдствѣ, что настоящій великій человѣкъ лишь тотъ, кто способенъ всѣмъ злоупотреблять, все уничтожить, все расточить. Въ глазахъ Нерона добродѣтельный человѣкъ—лицемѣръ и злоумышленникъ, опасная личность и, главнымъ образомъ, соперникъ. Въ рукахъ комедіанта очутилось право жизни и смерти надъ всею его аудиторіей, дилетантъ могъ отдать на истязанія всякаго, кто осмѣливался не приходить въ восторгъ отъ его стиховъ. Маніакъ, опьянѣвшій отъ тщеславія, свирѣпый шутъ, добивающійся апплодисментовъ, какъ уличный скоморохъ,—вотъ кто былъ властелиномъ міра.

Казалось, наступила пора какого-то общаго неистовства. Императора окружила толпа негодяевъ, прозванныхъ «всадниками Августа», или просто «августиніанами», восторгавшихся безумствами цезаря, придумывавшихъ для него дикія потѣхи ночныхъ бродягъ. На Римъ обрушился безконечный рядъ низменныхъ забавъ, пошлостей, острословія дурного тона, безсмысленнаго «арго», входившаго въ моду. Калигулой уже былъ созданъ типъ императора-гистріона, потѣшавшаго публику. Неронъ открыто взялъ его за образецъ и не довольствовался уже тѣмъ, что правилъ колесницей въ циркѣ, но принялся распѣвать на сценахъ, разъѣзжать по провинціямъ въ качествѣ странствующаго пѣвца, устраивать себѣ нелѣпые тріумфы, забирать всѣ вѣнки на играхъ Греціи, играть въ театрахъ до невозможности отвратительныя роли. Апплодисменты пятидесяти тысячъ зрителей, тѣснившихся въ колоссальномъ циркѣ и вопящихъ отъ восторга, оказывались настолько опьяняющими, что сами государи проникались завистью къ наѣздникамъ, пѣвцамъ, актерамъ. Ни одинъ изъ императоровъ съ головою сколько-нибудь неуравновѣшенною не смогъ противустоять искушенію пожать свою долю лавровъ на этихъ грубыхъ игрищахъ. Калигула проводилъ цѣлые дни въ театрѣ за вздорными забавами,—позднѣе Коммодъ и Каракалла сдѣлаютъ попытки превзойти Нерона въ его безумствахъ. Правительство было, наконецъ, поставлено въ необходимость издавать законы, запрещавшіе сенаторамъ и всадникамъ появляться на аренѣ, принимать участіе въ состязаніяхъ гладіаторовъ, въ бояхъ со звѣрями.

Вся жизнь сосредоточилась въ циркѣ,—казалось, будто остальной міръ созданъ только для потѣхи Рима. Непрерывною чередой слѣдовали другъ

*) *Бурръ* (*Afranius Burrhus*) — первый воспитатель Нерона, потомъ префектъ преторіанцевъ, умеръ въ 62 г., современники обвиняли въ его смерти Нерона.

**) *Октавія*—дочь императора Клавдія, жена Нерона, который развелся съ нею, отправилъ ее въ заточеніе на о. Пандатерію и приказалъ тамъ умертвить въ 62 г.

за другомъ изобрѣтенія новыхъ забавъ, все болѣе и болѣе необычайныхъ, придуманныхъ и устроенныхъ антрепренеромъ-императоромъ. Народъ переходилъ отъ зрѣлища къ зрѣлищу, съ нетерпѣніемъ ждалъ обѣщанныхъ новинокъ и, въ концѣ концовъ, вправду привязался къ государю, превратившему такимъ образомъ жизнь города въ безконечную вакханалію. Популярность Нерона, пріобрѣтенная этими позорными средствами, не можетъ подлежать сомнѣнію. Главною причиной всѣхъ ненормальностей было крайнее паденіе вкуса и чрезмѣрное значеніе, которое получило декламаторское искусство, вздувавшее все до необычайныхъ, чудовищныхъ размѣровъ. Огромное сходило за великое, эстетика утратила свой истинный смыслъ: колоссальное смѣнило собою прекрасное, матеріалистическое, театральное и ложно-патетическое принималось за художественное. Чувства притупились, и расшевелить ихъ могло только что-нибудь до крайности грубое. Народъ, буквально, ошалѣлъ отъ зрѣлищъ,—не отъ серьезныхъ и трогающихъ душу трагедій, а отъ представленій, захватывающихъ дикими эффектами, отъ фантасмагорій. Въ огромномъ ходу были омерзительныя «живыя картины». Недостаточнымъ казалось удовольствіе читать произведенія поэтовъ, явилась потребность видѣть миѳы олицетворенными на сценѣ, съ точными воспроизведеніями всего, что въ нихъ было жестокаго или безстыднаго.

Въ общемъ увлеченіи всѣмъ грандіознымъ, или, вѣрнѣе, огромнымъ, Неронъ мечталъ о сказочныхъ дворцахъ, о городахъ, подобныхъ Вавилону, Ѳивамъ и Мемфису. Императорское жилище на Палатинѣ (старинный домъ Тиверія) было довольно скромно и имѣло видъ обыкновеннаго частнаго дома. Калигула значительно расширилъ его. Неронъ нашелъ его все-таки слишкомъ тѣснымъ и насмѣхался надъ своими предшественниками, довольствовавшимися такимъ ничтожествомъ. Онъ наскоро приказалъ построить для себя резиденцію, неуступавшую размѣрами дворцамъ Китая и Ассиріи. Этотъ домъ, который онъ называлъ «временнымъ», съ своими портиками, парками, гдѣ паслись цѣлыя стада, съ своими рощами, садами, виноградниками, озерами, окруженными перспективами фантастическихъ построекъ, занималъ громадное пространство отъ Палатина до садовъ Мецената, расположенныхъ на Эсквилинскихъ высотахъ. То была настоящая феерія. И Неронъ хотѣлъ закончить такъ свою затѣю, чтобы жилище его можно было назвать «золотымъ домомъ». Ничѣмъ нельзя было такъ угодить императору, какъ разговорами о фантастическихъ предпріятіяхъ, способныхъ увѣковѣчить память о немъ. Римъ въ особенности занималъ его. Неронъ упорно мечталъ о томъ, чтобы перестроить всю столицу заново и чтобы называлась она *Неронолъ* (*Neropolis*).

За послѣднее столѣтіе Римъ сдѣлался однимъ изъ чудесъ свѣта, разросся до размѣровъ древнихъ столицъ Азіи. Постройки въ немъ были великолѣпныя, прочныя и солидныя, но улицы казались некрасивыми людямъ, увлеченнымъ тогдашними модами, гонявшимися, исключительно, за бьющими въ глаза эффектами. Неронъ стоялъ во главѣ такого направле-

нія и мечталъ о городѣ, распланированномъ и построенномъ на заказъ со всѣми вычурами, долженствующими повергать въ изумленіе провинціаловъ и иностранцевъ. Молодой безумецъ впадалъ въ опьяненіе отъ своихъ болѣзненныхъ фантазій. Онъ страстно желалъ увидать что-нибудь совершенно необычайное, поразительно величественное, достойное такого художника, какимъ онъ считалъ себя; онъ жаждалъ такого событія, которымъ на вѣки ознаменовалось бы его царствованіе.

— «До меня,—говорилъ онъ,—никто понятія не имѣлъ о размѣрахъ того, что дозволительно государю» *)! Весь этотъ бредъ разстроеннаго воображенія на самомъ дѣлѣ осуществился въ потрясающемъ событіи, нѣкоторыя подробности котораго такъ и остались невыясненными.

19 іюля 64 г. вспыхнулъ страшный пожаръ, превратившій почти весь Римъ въ развалины. Начался онъ близъ Капенскихъ воротъ въ той части Большого цирка, которая прилегаетъ къ Палатинскому и Целійскому холмамъ. Въ этомъ кварталѣ было много лавокъ, наполненныхъ горючими матеріалами, и огонь распространился необыкновенно быстро. Оттуда онъ обошелъ Палатинъ, охватилъ Велабръ, Форумъ, Карины, поднялся на холмы, сильно повредилъ Палатинъ и, опустившись опять въ нижнія части города, въ теченіе шести дней и семи ночей уничтожалъ тѣсно застроенные кварталы, пересѣченные узкими и грязными улицами. У подножія Эсквилина успѣли сломать множество домовъ и тѣмъ на нѣкоторое время сдержали огонь, но онъ скоро вспыхнулъ съ новою силой, и пожаръ длился еще три дня. Число погибшихъ людей было значительно. Изъ четырнадцати округовъ, составлявшихъ городъ, три были совершенно уничтожены, въ семи остались только обгорѣвшія стѣны. Такого ужасающаго бѣдствія еще никто не видывалъ.

Когда начался пожаръ, Неронъ былъ въ Антіи. Онъ вернулся въ городъ, когда огонь приближался къ его «временному» дому. Спасти что-либо не было возможности. Погибли императорскіе дома на Палатинѣ и жилище Нерона со всѣми принадлежащими къ нему постройками. Неронъ, повидимому, не особенно хлопоталъ о спасеніи своей резиденціи, весь отдавшись восторгамъ передъ дивно ужасающимъ зрѣлищемъ. Впослѣдствіи сложился разсказъ, будто онъ, стоя на башнѣ **), смотрѣлъ на пожаръ и тамъ, съ лирой въ рукахъ, одѣтый по-театральному, пѣлъ о гибели Иліона. Это, по всей вѣроятности, легенда, сочиненная во вкусѣ того времени и съ постепенно нараставшими преувеличеніями. Въ основѣ легенды лежитъ тотъ фактъ, что Неронъ дѣйствительно написалъ поэму, носящую заглавіе *Troica*, и читалъ ее публично въ слѣдующемъ за пожаромъ году. Люди, знавшіе, подобно Тациту, что при началѣ пожара Неронъ находился въ Антіи, передаютъ для приданія правдоподобія своему разсказу, будто гибель Трои онъ воспѣвалъ «на своей домашней сценѣ».

*) Светоній: *Неронъ*, 37.

**) Башня, которую теперь показываютъ и которая носитъ названіе *Torre di Nerone*, въ то время не существовала. Это средне-вѣковое сооруженіе.

Общее мнѣніе сходилось, несомнѣнно, на томъ, что городъ былъ подожженъ по приказанію Нерона, или,—по меньшей мѣрѣ,—что уже почти прекратившійся пожаръ возобновленъ поджогами по его желанію. Увѣряли, будто въ поджигательствахъ были узнаны люди, принадлежавшіе его дому, будто люди эти притворялись пьяными, будто вновь разгорался пожаръ сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Ходили разсказы о томъ, что во время пожара солдаты и сторожа запрещали тушить огонь такъ смѣло и съ такими угрозами, какъ то могли дѣлать только люди, исполняющіе приказанія высшихъ властей. Большія каменныя строенія, сосѣднія съ жилищемъ императора въ той мѣстности, которую хотѣлъ захватить себѣ Неронъ, были разрушены, какъ во время осады. Подозрѣнія подтвердились тѣмъ, что послѣ пожара Неронъ, подъ предлогомъ расчистки развалинъ на свой счетъ, дабы облегчить расходы собственниковъ, распорядился совсѣмъ снести все разрушенное, причемъ запрещено было кому бы то ни было къ нимъ приближаться. А затѣмъ, что еще хуже, онъ и на самомъ дѣлѣ выстроилъ свой «золотой домъ» на мѣстѣ прежней временной резиденціи, увеличенномъ пространствомъ, очищеннымъ послѣ пожара.

Есть основанія думать, что клеветы въ этомъ не было. Правда, когда дѣло идетъ о Неронѣ, можетъ нерѣдко казаться неправдоподобною. Нельзя придавать значенія возраженію, что при той власти, которою пользовался императоръ, онъ имѣлъ возможность пріобрѣсти желательныя ему земли иными средствами, помимо пожаровъ. Власть императоровъ, совершенно безграничная во многихъ отношеніяхъ, сплошь и рядомъ наталкивалась на непреодолимыя преграды, которыя ей ставили обычая и суевѣрія народа, строго охранявшаго историческіе памятники, имѣвшіе для него религіозное значеніе. Въ Римѣ было множество алтарей, храмовъ, святыхъ мѣстъ, зданій, уничтожить которые или снести нельзя было никакими законами объ отчужденіи земель. Юлій Цезарь и другіе императоры принуждены были передъ такими препятствіями отказаться отъ своихъ плановъ работъ на общественную пользу и въ особенности отъ проекта исправленія береговъ рѣки Тибра. И на самомъ дѣлѣ Нерону, для осуществленія его затѣй, не оставалось никакого иного средства, кромѣ пожара. Положеніе дѣлъ было почти такое же, какое мы видимъ и теперь въ мусульманскихъ городахъ, перестройкѣ которыхъ препятствуютъ мечети и вакуфы *). Но у мусульманъ пожары ничуть не помогаютъ дѣлу, такъ какъ священнымъ и неотчуждаемымъ считается тамъ участокъ вакуфной земли. Въ Римѣ же неприкосновенными и священными почитались зданія, а не земли, на которыхъ они выстроены, и пожаръ оказался въ этомъ смыслѣ вполнѣ цѣлесообразнымъ средствомъ. Новый Римъ съ широкими и прямыми улицами отстроился довольно быстро по плану императора и отчасти съ его денежною помощью погорѣльцамъ.

---

*) *Вакуфы*—земли, принадлежащія мечетямъ, школамъ, пріютамъ и всякимъ богоугоднымъ и благотворительнымъ учрежденіямъ.

Всѣ сколько-нибудь честные обыватели города были возмущены до глубины души. Въ пожарѣ погибли драгоцѣннѣйшія древности Рима, дома славныхъ полководцевъ, украшенные предметами военной добычи, напоминавшими о тріумфахъ, всевозможные священные предметы, трофеи, наиболѣе чтимые храмы, всѣ принадлежности стариннаго культа римлянъ. Сколько ни старался Неронъ большою щедростью облегчить причиненное имъ общественное бѣдствіе, какъ ни усердно настаивали его приверженцы на томъ, что, въ концѣ-концовъ, все сводилось къ очисткѣ и оздоровленію города и что новый городъ будетъ много лучше прежняго,—ни одинъ истинный римлянинъ не хотѣлъ этому вѣрить. Тѣ, кому родной городъ представляется не грудою только камней, сложенныхъ въ стѣны, горько негодовали, неутѣшно оплакивали дорогіе сердцу памятники и соединенныя съ ними легенды отчизны. Никакими сооруженіями, никакимъ великолѣпіемъ нельзя было ни возстановить, ни замѣнить здѣсь храма, построеннаго Эвандромъ, тамъ храма, воздвигнутаго Сервіемъ Тулліемъ, священной ограды Юпитера Статора, дворца Нумы,—пенатовъ Рима, чудныхъ произведеній греческаго искусства... И самъ Неронъ началъ сознавать, что зашелъ слишкомъ далеко.

VII.

Христіанскіе мученики.

Неронъ, чтобы разсѣять лежавшія на немъ и слишкомъ громко высказываемыя подозрѣнія въ поджогѣ Рима, порѣшилъ свалить всю вину въ томъ на кого-нибудь, кто возбуждалъ бы ненависть народа въ большей мѣрѣ, чѣмъ онъ, и выборъ его палъ на христіанъ. Всѣмъ извѣстное ихъ отвращеніе передъ храмами, статуями и чтимыми римлянами зданіями придавало нѣкоторое правдоподобіе обвиненію ихъ въ пожарѣ, уничтожившемъ ненавистныя имъ капища. Язычество въ Римѣ держалось еще очень крѣпко и въ городѣ не трудно было распознать тѣхъ людей, которые гнушались національнымъ культомъ, что̀ въ глазахъ населенія казалось равносильнымъ оскорбленію ихъ отчизны. Надо припомнить, что нѣкоторые ревнители іудейства доходили до того, что отказывались брать въ руки монеты съ изображеніемъ лицъ и животныхъ, другіе ни за что не хотѣли проходить въ ворота, надъ которыми были поставлены статуи. Подобные случаи вызывали насмѣшки и недоброжелательство народа. Вслѣдствіе отчужденности евреевъ, противъ нихъ нерѣдко возникали обвиненія въ разныхъ преступленіяхъ и, между прочимъ, въ поджогахъ. То же самое и въ равной мѣрѣ было примѣнимо къ христіанамъ и находило извѣстную поддержку въ томъ, что во время пожара христіане, вѣроятно, не проявляли ни уваженія къ языческимъ святынямъ, ни сожалѣнія о ихъ гибели. Весьма возможно, что нѣкоторые изъ нихъ не скрывали даже своей радости по поводу уничтоженія идоловъ и ихъ капищъ. Нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что у кого-нибудь изъ нихъ вырывались слова, подобныя сказан-

нымъ много времени спустя Тертуліаномъ: «Если бы мы захотѣли мстить, то достаточно было бы одной ночи и нѣсколькихъ факеловъ» *).

Трудно предположить, что мысль обвинить христіанъ въ пожарѣ Рима сама собою пришла въ голову Нерона. Неронъ слышалъ, конечно, о ихъ существованіи, но въ личныхъ сношеніяхъ ни съ кѣмъ изъ нихъ не былъ. Всего вѣроятнѣе, что подозрѣнія съ различныхъ сторонъ уже сложились въ городѣ, доходили до свѣдѣнія императора, и онъ могъ ими воспользоваться даже и безъ посторонняго внушенія. Нѣсколько страннымъ представляется то обстоятельство, что римляне обыкновенно смѣшивали христіанъ съ евреями, въ данномъ же случаѣ различіе между ними было опредѣлено съ большою точностью. До этого времени даже въ правительственныхъ сферахъ христіанство продолжало считаться одною изъ іудейскихъ «сектъ». Мы не имѣемъ, однако, прямыхъ основаній приписать интригамъ евреевъ страшныя казни, постигшія христіанъ послѣ пожара 19 іюля, хотя евреи, несомнѣнно, имѣли большія связи при дворѣ и могли воспользоваться своимъ вліяніемъ на Поппею, если не вполнѣ обращенную въ іудейство, то все-таки державшуюся нѣкоторыхъ еврейскихъ обычаевъ. Въ Римѣ были даже актеры и актрисы изъ евреевъ, имѣвшіе доступъ къ императору. Между ними извѣстенъ нѣкто Алитиръ, еврей-мимъ, любимецъ Нерона и Поппеи, который ввелъ Іосифа Флавія къ императрицѣ. О значеніи, котораго успѣли достигнуть евреи въ высшемъ римскомъ обществѣ того времени, упоминаетъ Марціалъ, Персій и Ювеналъ. Климентъ Римскій или авторъ (несомнѣнно римлянинъ) приписываемыхъ ему посланій **), въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ дѣлаетъ намеки на избіеніе христіанъ по приказанію Нерона,—говоритъ объ этомъ въ неопредѣленныхъ, но весьма характерныхъ выраженіяхъ. Постигшія ихъ бѣдствія онъ считаетъ «вызванными завистью», въ данномъ же случаѣ «зависть» могла вытекать только изъ внутреннихъ раздоровъ, изъ соперничества въ средѣ общинъ, очень близкихъ другъ другу.

Дѣло началось съ того, что было схвачено и посажено въ тюрьму нѣсколько человѣкъ, подозрѣваемыхъ въ принадлежности къ «новой сектѣ». Они исповѣдывали свою вѣру, что̀ уже само по себѣ считалось признаніемъ въ преступленіяхъ, приписываемыхъ христіанамъ. За первыми арестами послѣдовало множество другихъ. Недопустимо, чтобы истинные христіане выдали своихъ братій, но могли быть найдены именные списки и иныя указанія. Въ обществѣ удивлены были и серьезно встревожены огромнымъ числомъ послѣдователей непонятнаго римлянамъ ученія. Разумные люди находили крайне слабыми доказательства по обвиненію въ поджогахъ. «Но,—говорили они,—несомнѣнно ихъ преступленіе въ томъ, что они ненавидятъ родъ людской». Хотя и убѣжденные въ томъ, что пожаръ былъ дѣломъ

*) Тертуліанъ: *Apologeticus*, 37.
**) Первое *Посланіе къ коринѳянамъ*, гл. 3, 5 и 6.

Нерона, многіе серьезные римляне видѣли въ захватѣ такого множества христіанъ удобное средство избавиться отъ зловреднаго, по ихъ понятіямъ, ученія. Такого мнѣнія держится Тацитъ, а Светоній прямо ставитъ въ заслугу Нерону его страшныя мѣры противъ «новаго и вредоноснаго суевѣрія».

Послѣдовавшія затѣмъ казни были ужасны. Никогда еще не видано было ничего подобнаго. Почти всѣ осужденные христіане принадлежали къ низшимъ классамъ, и кары, постигавшія несчастныхъ, обвиненныхъ въ оскорбленіи величества или въ богохульствѣ, состояли въ томъ, что ихъ отдавали на растерзаніе звѣрямъ или сжигали живыми въ амфитеатрѣ, послѣ жестокихъ истязаній. Отвратительнѣйшею чертой римскихъ нравовъ было то, что превращались въ публичныя зрѣлища мученія, и убійства дѣлались общественною потѣхой, вызывавшею хохотъ, рукоплесканія и восторги народныхъ массъ. Осужденныхъ со всего міра отправляли въ Римъ для снабженія цирка «живымъ товаромъ», ради забавы народа.

Изобрѣтательность мучителей, разнузданность ихъ дикой фантазіи, дошла до потрясающей виртуозности. Римъ насчитываетъ въ своихъ хроникахъ не много такихъ необычайныхъ дней, какъ тѣ «праздники» Нерона, которые на вѣки запечатлѣны кровью христіанскихъ мучениковъ. Передъ десятками тысячъ зрителей, обреченные на смерть были выпущены на арену покрытыми звѣриными шкурами и растерзаны стаями собакъ. Иные были распяты; другіе, завернутые въ ткани, пропитанныя масломъ и смолою, были привязаны къ жердямъ, и съ наступленіемъ сумерокъ эти живыя факелы зажжены, чтобы освѣщать ночныя скачки. Для такого зрѣлища Неронъ предоставилъ свои великолѣпные сады за Тибромъ, которые занимали мѣстность, гдѣ расположены теперь Борго, площадь и храмъ св. Петра. При свѣтѣ этихъ ужасныхъ факеловъ Неронъ въ костюмѣ наѣздника принималъ личное участіе въ скачкахъ, правилъ колесницей, добиваясь рукоплесканій толпы.

Женщины и дѣвушки не были пощажены во время этихъ отвратительныхъ потѣхъ, и толпы зрителей ликовали при видѣ того неимовѣрнаго опозориванія, которому ихъ подвергали. При Неронѣ вошло въ обычай заставлять осужденныхъ разыгрывать на аренѣ амфитеатра роли миѳологическихъ личностей, кончавшіяся смертью тѣхъ, кто ихъ изображалъ. Передъ зрителями появлялись—то Геркулесъ, старающійся сорвать съ себя горящую тунику, пропитанную смолой, то Орѳей, растерзанный медвѣдемъ, то Дедалъ, низвергнуый съ неба и съѣденный дикими звѣрями, то Пазифая, отданная во власть влюбленнаго въ нее быка. Въ заключеніе рабъ, наряженный Меркуріемъ, дотрогивался раскаленною желѣзною тростью до каждаго трупа, и, если замѣчались признаки жизни, другіе замаскированные рабы добивали жертву.

Мучители выводили на кровавый позоръ самыхъ уважаемыхъ христіанскихъ женщинъ: однѣ изъ нихъ изображали Данаидъ, другія бывали подвергаемы участи Диркеи. Трудно сказать съ достовѣрностью, что собственно

въ карѣ Данаидъ могло послужить сюжетомъ для кроваваго зрѣлища. Относительно же Диркеи не можетъ быть сомнѣнія. Всѣмъ знакома колоссальная группа, извѣстная подъ названіемъ *Фарнезскаго быка*, находящаяся въ Неаполитанскомъ музеѣ. Амфіонъ и Цетъ привязываютъ Диркею къ рогамъ разъяреннаго быка, который долженъ волочить ее по камнямъ и терновникамъ Киеерона. Это весьма посредственное произведеніе скульптуры было привезено въ Римъ при Августѣ и вызывало общіе восторги. На этотъ разъ имъ не преминули воспользоваться, какъ готовымъ образцомъ для «живыхъ картинъ». Жадными взорами любовалась развращенная толпа на обнаженныя тѣла женщинъ, которыхъ привязывали волосами къ рогамъ освирѣпѣвшихъ быковъ, и съ звѣрскимъ наслажденіемъ слѣдила за тѣмъ, какъ ихъ терзаютъ копыта и рога животныхъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что Неронъ присутствовалъ при такихъ зрѣлищахъ. Онъ былъ близорукъ и имѣлъ обыкновеніе, являясь въ циркъ, приставлять къ глазу большой вогнутый изумрудъ, замѣнявшій ему лорнетъ. Сидя въ первомъ ряду, въ своей ложѣ (*podium*), окруженный весталками и сенаторами, Неронъ, въ качествѣ знатока, какимъ считалъ себя, дѣлалъ свои замѣчанія относительно пластичности позъ и формъ обнаженныхъ тѣлъ, обреченныхъ на растерзаніе дикимъ звѣрямъ, и въ качествѣ артиста-развратника наслаждался, любуясь движеніями женщинъ, стыдливо пытавшихся укрыть свою наготу отъ взоровъ толпы и забывавшихъ при этомъ объ ожидавшихъ ихъ мученіяхъ.

Такъ началась эра мученичества, длившаяся двѣсти пятьдесятъ лѣтъ и приведшая къ полному торжеству христіанства.

М. Ремезовъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Нѣсколько словъ по поводу статьи г. Оболенскаго: «Новый расколъ въ нашей интеллигенціи» *).

(Письмо въ редакцію).

М. г., г. редакторъ!

Вы были такъ любезны, что предоставили мнѣ мѣсто въ вашемъ журналѣ для бѣглаго и сжатаго изложенія мыслей и недоумѣній, вызванныхъ во мнѣ чтеніемъ статьи г. Оболенскаго. Въ своемъ отвѣтѣ я остановлюсь на важнѣйшихъ пунктахъ этой статьи, всѣ частности оставивъ въ сторонѣ, и буду имѣть въ виду не исключительно то, что г. Оболенскій нашелъ нужнымъ сказать по поводу моей книжки, а все самое важное *по существу*. Итакъ, къ дѣлу!

Прежде всего—замѣчаніе, котораго никакъ нельзя опустить. Г. Оболенскій, повидимому, полагаетъ, что имъ по вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи высказанъ какой-то третій взглядъ, не совпадающій ни со взглядами народниковъ, ни съ мнѣніемъ ихъ критиковъ. Но ничего новаго я во взглядѣ г. Оболенскаго, при всемъ стараніи, усмотрѣть не могъ. Это только варіація на очень старую тему. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ писатели, отнесенные мною въ *Критическихъ замѣткахъ* къ западнической фракціи народничества, вслѣдъ за своимъ «основоположникомъ», постоянно имѣли въ виду то *теоретическое переживаніе* европейской экономической эволюціи, о которомъ говоритъ г. Оболенскій. Вся вѣра въ соціальное призваніе русской интеллигенціи, которая мыслилась и мыслится независимой отъ общественныхъ классовъ, вытекала именно изъ этого убѣжденія въ возможности «теоретическаго переживанія». Не лучше обстоитъ дѣло и съ частными возраженіями г. Оболенскаго,—въ нихъ я ничего новаго и оригинальнаго не нашелъ. Я думаю, что г. Оболенскій, внимательно осмотрѣвшись въ русской публицистической и экономической литературѣ, могъ бы цѣликомъ собрать изъ нея, винтикъ за винтикомъ, колесо за колесикомъ, весь механизмъ своего возраженія противъ Бельтова и меня.

---

*) *Русская Мысль* 1895 г., кн. VIII и IX.

Возражая критикамъ народничества, г. Оболенскій впадаетъ въ очень обычную ошибку. Онъ критикуетъ частные взгляды своихъ противниковъ съ точки зрѣнія не ихъ принциповъ, а своихъ. Если матеріалистическое пониманіе исторіи есть несостоятельная гипотеза, то нужно показать, въ чемъ ошибка этого построенія. Но нельзя же критиковать частные выводы изъ гипотезы, опираясь, въ свою очередь, на выводы изъ противоположной гипотезы, которая является, по меньшей мѣрѣ, столь же недоказанной. Г. Оболенскій совершенно вѣрно указываетъ, что Бельтовъ не имѣлъ въ виду возраженія относительно возможности «теоретическаго переживанія (кн. VIII, стр. 36). Не имѣлъ въ виду этого возраженія и я. И по очень простой причинѣ. Указанная возможность не только не укладывается въ рамки матеріалистическаго пониманія исторіи, но даже, болѣе того, *съ нашей точки зрѣнія,* эта возможность прямо невозможна. Если общественное развитіе въ конечномъ счетѣ опредѣляется развитіемъ производительныхъ силъ и производственныхъ отношеній, то и теоретическое мышленіе,— въ томъ смыслѣ, въ которомъ понимаетъ его г. Оболенскій,— берется изъ того же источника. Стало-быть... Но выводъ ясенъ самъ собой и его нечего намъ договаривать. Въ аргументаціи г. Оболенскаго по этому пункту спутаны самыя разнообразныя вещи. «Теоретическое переживаніе» объемлетъ у него и заимствованія техники, и пересадку учрежденій, и усвоеніе теоретическихъ знаній («просвѣщенія»). Но, съ нашей точки зрѣнія, между этими явленіями существуютъ крупнѣйшія различія. Техническія заимствованія,—если они дѣйствительно происходятъ,—дѣйствуютъ непосредственно на развитіе производительныхъ силъ и на производственныя отношенія. Таковы ли заимствованія, связанныя съ развитіемъ торговыхъ сношеній? Но судьба заимствованныхъ учрежденій и судьба «просвѣщенія», идущаго извнѣ, опредѣляется той экономической обстановкой, въ которую они переносятся. Большая разница также между заимствованіемъ теоретическихъ свѣдѣній и усвоеніемъ извѣстнаго рода соціальныхъ идеаловъ. Г. Оболенскій ставитъ какъ бы знакъ равенства между продиктованнымъ матеріальною потребностью государства заимствованіемъ европейскаго просвѣщенія при Петрѣ I и усвоеніемъ соціальныхъ идеаловъ, выросшихъ на совершенно опредѣленной экономической почвѣ и отрѣшенно отъ нея могущихъ существовать лишь въ головахъ немногихъ идеологовъ. Знанія могутъ быть «импортированы», хотя степень ихъ распространенія также зависитъ отъ чисто-экономическихъ условій, но сознаніе цѣлыхъ общественныхъ классовъ не есть нѣчто такое, что можно было бы, независимо отъ экономическихъ условій, перевозить изъ одной страны въ другую. Только измѣнившіяся производственныя отношенія могутъ производить коренныя измѣненія въ сознаніи участвующихъ въ производствѣ общественныхъ классовъ. Неясность мысли г. Оболенскаго достигаетъ своей высшей точки тамъ, гдѣ онъ противъ экономическаго матеріализма выдвигаетъ слѣдующее разсужденіе: «Сами авторы, т.-е. гг. Бельтовъ и Струве, какъ и ихъ мнимые (?) противники, народники-идеалисты, возникли вовсе не изъ клас-

совъ, обездоленныхъ капитализмомъ. Обращаясь къ исторіи, мы видимъ то же самое: крупнѣйшіе поборники экономическаго прогресса въ пользу класса «производителей»,—какъ Луи-Бланъ, Марксъ, Лассаль,—принадлежали не къ этому классу, а жили и воспитались въ атмосферѣ и условіяхъ высшихъ классовъ. Стало-быть, не экономическія условія создали ихъ психологическую эволюцію». И т. д., и т. д. «Въ виду такихъ фактовъ,—заключаетъ г. Оболенскій,—которые по меньшей мѣрѣ слѣдовало бы объяснить, прежде чѣмъ утверждать, что личность является лишь «производной» своей соціальной группы, я полагаю, что это положеніе авторовъ строится не научнымъ методомъ, а тѣмъ самымъ «субъективнымъ методомъ, надъ которымъ они трунятъ у г. Михайловскаго».

Г. Оболенскій, къ сожалѣнію, не понялъ того, что говорится въ моей книжкѣ о личности. Противъ обычныхъ фразъ о томъ, что только личности реальны и потому въ нихъ слѣдуетъ видѣть творцовъ общественныхъ явленій, я выдвинулъ соображеніе, что «личность, какъ конкретная индивидуальность, есть производная всѣхъ ранѣе жившихъ и современныхъ ей личностей, т.-е. соціальной группы». Изъ этого общаго положенія отнюдь не вытекаетъ тотъ выводъ, который приписываетъ мнѣ г. Оболенскій, что, наприм., человѣкъ, родившійся дворяниномъ, можетъ преслѣдовать только дворянскіе интересы. Высказанное мною положеніе говоритъ только о томъ, что «личность... является формальнымъ понятіемъ, содержаніе котораго дается изслѣдованіемъ соціальной группы», подъ которой мною разумѣется не отдѣльный классъ, а *вся соціальная среда*. Конечно, психическое содержаніе огромнаго большинства личностей опредѣляется ихъ принадлежностью къ тому или другому общественному классу. Но всегда находятся отдѣльныя личности, дѣйствующія въ интересахъ не того класса, къ которому онѣ принадлежатъ по своему рожденію и воспитанію, именно потому, что въ отдѣльной личности могутъ перекрещиваться самыя разнообразныя соціальныя воздѣйствія, и отъ индивидуальной комбинаціи и количественнаго соотношенія этихъ воздѣйствій зависитъ конечный результатъ, т.-е. психическое содержаніе личности. Это нѣсколько сложнѣе того, что мнѣ навязываетъ г. Оболенскій.

Въ приведенномъ выше разсужденіи г. Оболенскаго совершенно уже невѣрно, что «не экономическія условія создали психологическую (психическую?) эволюцію» такихъ людей, какъ Луи-Бланъ, Марксъ, Лассаль. Конечно, ихъ «психологическая эволюція» отразила на себѣ эволюцію соціально экономическихъ условій, въ которыхъ они жили. И что съ нашей точки зрѣнія самое главное—дѣятельность указанныхъ лицъ имѣла крупное историческое значеніе только потому, что ихъ личная «психологическая эволюція» совпадала съ «психологическою эволюціей» цѣлыхъ общественныхъ классовъ, уже непосредственно вытекающею изъ экономическихъ условій этихъ классовъ. Г. Оболенскій найдетъ, пожалуй, что, провод такое различіе между представителями интеллигенціи и массой, мы впа даемъ въ аристократизмъ и становимся на почву противопоставленія г

роевъ и толпы. Но, съ нашей точки зрѣнія, различіе между идеологіей отдѣльныхъ лицъ, интеллигентовъ, и идеологіей цѣлыхъ общественныхъ классовъ дѣйствительно существуетъ. Пусть г. Оболенскій упрекаетъ насъ въ аристократизмѣ, но мы убѣждены, что историческую силу представляютъ только идейныя движенія массъ, выростающія на почвѣ производительныхъ отношеній, въ которыя поставлены массы. На нашъ взглядъ, теоретическое переживаніе капитализма мозгами г. Оболенскаго и нашими безсильно и безплодно внѣ взаимодѣйствія съ практическимъ переживаніемъ капитализма съ народными массами—вотъ единственная привилегія, признаваемая нами за «героями».

Что въ своихъ разсужденіяхъ о «теоретическомъ переживаніи» г. Оболенскій разумѣетъ подъ «психологическою эволюціей?» Повидимому, сознаніе вреда капитализма. Но развѣ такого сознанія въ отдѣльныхъ личностяхъ или даже въ цѣлой массѣ достаточно для устраненія капитализма? Г. Оболенскій опять-таки забываетъ основныя начала того воззрѣнія, противъ котораго онъ возражаетъ. Устраненіе капитализма, съ точки зрѣнія матеріалистическаго пониманія исторіи, возможно только на извѣстной ступени развитія производительныхъ силъ и производственныхъ отношеній. И затѣмъ распространеніе дѣятельнаго сознанія вреда капитализма въ массахъ тоже возможно только на извѣстной ступени экономическаго развитія. А сознаніе вреда капитализма или его теоретическое переживаніе отдѣльными личностями или даже всею интеллигенціей, съ нашей точки зрѣнія, не можетъ остановить процесса экономическаго развитія. И напрасно г. Оболенскій видитъ въ этомъ отношеніи какое-то различіе между Россіею и Западною Европой. Его утвержденіе: «когда въ Западной Европѣ появились идеи, подобныя идеямъ нашихъ народниковъ-идеалистовъ, капитализмъ тамъ еще не былъ извѣстенъ *по опыту* въ своихъ послѣдствіяхъ»,—вѣрно только въ томъ смыслѣ, о которомъ г. Оболенскій самъ и не подозрѣваетъ. У капитализма есть «послѣдствія» отрицательныя и положительныя. Западно-европейскіе народники, тѣ, наприм., которыхъ цитируетъ Бельтовъ, имѣли передъ собой почти исключительно опытъ отрицательныхъ послѣдствій капитализма въ Англіи и у себя дома. Положительныя послѣдствія тогда еще не обнаружились. Первый, кто указалъ въ капитализмѣ и пролетаріатѣ зерно будущаго, былъ Фр. Энгельсъ, авторъ книги *Положеніе рабочаго класса въ Англіи*. Эта книга произвела на родинѣ автора огромное впечатлѣніе, но именно какъ изображеніе «ужасовъ» капитализма. Рецензенты Энгельса—начиная отъ соціалистическихъ и кончая крайне консервативными изданіями—въ одинъ голосъ указывали на печальный примѣръ Англіи и предостерегали отъ шествія по тому же пути. А въ чемъ же смыслъ литературной дѣятельности Сисмонди, какъ не въ указаніи «печальныхъ послѣдствій» капитализма? Пусть г. Оболенскій прочтетъ также книгу извѣстнаго французскаго демократа Ледрю-Роллэна *De la décadence de l'Angleterre* (2 тома. Парижъ, 1850) для того, чтобъ убѣдиться, что интеллигенціи западно-европейскаго континента отрица-

тельныя послѣдствія капитализма были «хорошо извѣстны». Они были одинаково «хорошо извѣстны» и реакціонерамъ, и демократамъ. И все-таки изъ этого хорошаго знакомства вышло столь же мало, какъ изъ всѣхъ проповѣдей и предостереженій нашихъ народниковъ.

Г. Оболенскій въ своей полемикѣ противъ «экономическихъ матеріалистовъ» вообще и въ частности противъ меня, для убѣжденія публики, прибѣгаетъ къ своего рода «жупелу». Оказывается, что г. Струве «крѣпко держится за идеалистическій или (?) діалектическій законъ развитія» и что г. Струве «безусловно вѣритъ въ необходимость переживанія для каждой націи всѣхъ стадій, какія пройдены другими, и у него этотъ оттѣнокъ доходитъ до метафизическаго фатализма, причемъ онъ даже не считаетъ нужнымъ его доказывать, а просто выписываетъ положенія и цитаты изъ своихъ нѣмецкихъ авторитетовъ». Указаніе г. Оболенскаго на мою догматичность и несамостоятельность основано на недоразумѣніи: г. Оболенскій изъ-за моей *методы изложенія* просмотрѣлъ то обстоятельство, что я въ своихъ «Замѣткахъ» гораздо меньше Бельтова слѣдую за Марксомъ и Энгельсомъ. Быть можетъ, это слабая сторона «Замѣтокъ», это—другой вопросъ, но она никакъ не можетъ ускользнуть отъ внимательнаго читателя моей книги, тѣмъ болѣе, что я самъ еще вдобавокъ подчеркнулъ ее въ предисловіи. Но г. Оболенскій вообще весьма неточенъ и, если можно такъ выразиться, не обстоятеленъ, когда онъ цитируетъ или излагаетъ чужіе взгляды. На стр. 38—39 августовской книжки мнѣ приписываются (и приводятся въ ковычкахъ), между прочимъ такія слова: «есть люди генія и люди толпы, массы. Только первые суть личности, вторые же безличны». Но такихъ словъ въ моей книжкѣ ни на указанной г. Оболенскимъ стр. 31, ни на какой другой нѣтъ.

Что же касается до «діалектическаго закона развитія», «безусловной необходимости переживанія всѣхъ стадій», «метафизическаго фатализма», и т. д., то я право затрудняюсь объяснить, «откуда мнѣ сіе». Въ моей книжкѣ о діалектическомъ законѣ развитія и о тріадѣ *нѣтъ ни слова*; точно также г. Оболенскій не можетъ указать въ ней ни одного мѣста, которое давало бы поводъ упрекать меня въ метафизическомъ фатализмѣ. Конечно, столь же мало повинны въ такомъ фатализмѣ и мои нѣмецкіе «учителя», изъ которыхъ я, будто бы, только выписываю тексты. Но вообще ужъ «много разъ твердили міру», что «экономическіе матеріалисты» никогда въ своихъ доказательствахъ не прибѣгали къ діалектическому закону развитія. Прямо курьезно звучитъ этотъ упрекъ въ устахъ г. Оболенскаго, который самъ буквально повторяетъ единственнаго автора, доказывавшаго возможность и необходимость сохраненія общины при помощи формально-діалектическаго разсужденія. Этотъ авторъ дѣйствительно вѣрилъ въ возможность формально-діалектическимъ способомъ рѣшить любой вопросъ конкретной дѣйствительности (ср. Бельтовъ, стр. 83—84). Но г. Оболенскій, нарядившись въ доспѣхи автора *Критики философ*-

скихъ предубѣжденій, въ то же время настолько не проникся духомъ этого писателя, что выставляетъ его «діалектическимъ матеріалистомъ».

Знаменитый публицистъ 60-хъ годовъ, правда, твердо усвоилъ себѣ нѣкоторыя начала нѣмецкой идеалистической философіи XIX в.; поэтому эпитетъ «діалектическій» можетъ быть признанъ за нимъ. Онъ былъ также матеріалистомъ, а именно послѣдователемъ Фейербаха. Онъ былъ, такимъ образомъ, діалектикомъ и матеріалистомъ, но онъ не былъ діалектическимъ матеріалистомъ въ смыслѣ Маркса и Энгельса. Г. Оболенскій видитъ точку зрѣнія діалектическаго матеріализма въ слѣдующихъ словахъ: «нравственное и гражданское развитіе личности невозможно безъ нѣкоторой экономической самостоятельности. Только она заставляетъ человѣка уважать себя, свои потребности». Но есть ли въ этой сентенціи даже намекъ на матеріалистическое пониманіе исторіи? Вѣдь, она просто общее мѣсто въ соціально-политической литературѣ той эпохи, къ которой принадлежалъ авторъ *Критики философскихъ предубѣжденій*. У того же автора можно найти гораздо болѣе глубокія и — при всемъ моемъ уваженіи къ памяти славнаго русскаго писателя, скажу прямо—*менѣе банальныя* сужденія объ отношеніи между экономіей и другими сторонами общественнаго быта. Но, конечно, всѣ эти сужденія не позволяютъ намъ, не впадая въ полную неопредѣленность мыслей и словъ, называть автора *Примѣчаній* къ Миллю діалектическимъ или экономическимъ матеріалистомъ. Болѣе того, весь умственный складъ этого писателя былъ прямою противоположностью историко-экономическаго матеріализма. Авторъ *Критики философскихъ предубѣжденій* былъ, можно сказать, эстетически-законченный типъ раціоналиста. Раціонализмъ въ значительной мѣрѣ мѣшалъ ему быть теоретикомъ, но сослужилъ ему громадную службу, какъ публицисту *своего времени*. Но что общаго между раціонализмомъ и историко-экономическимъ матеріализмомъ? Всякому свое! Называть автора *Очерковъ гоголевскаго періода* «экономическимъ матеріалистомъ» нѣтъ никакого основанія.

По мнѣнію г. Оболенскаго, названный писатель въ своей защитѣ общины шелъ строго-научнымъ путемъ: онъ изолировалъ общину отъ другихъ условій, добавивъ въ скобкахъ: «при остальныхъ равныхъ условіяхъ» и т. д., и т. д. Но на мой взглядъ авторъ *Критики философскихъ предубѣжденій* шелъ совершенно не научнымъ путемъ. Вопросъ исторической эволюціи, вопросъ общественной динамики онъ рѣшалъ при помощи абстрактно-дедуктивнаго метода. Общину онъ изолировалъ отъ той исторической обстановки, въ которой она выросла и существуетъ. Онъ не вдавался въ историческій анализъ происхожденія общины; онъ бралъ даже не реальную общину, а тѣ черты общиннаго землевладѣнія, которыя ему, съ точки зрѣнія его идеаловъ, представлялись симпатичными и разумными. Г. Оболенскій повторяетъ черезъ 35 лѣтъ всѣ эти ошибки. Блестящая аргументація автора *Критики философскихъ предубѣжденій*, направленная противъ современныхъ ему русскихъ манчестерцевъ, представляется г. Оболенскому трафаретомъ, примѣненіе котораго въ его рукахъ дастъ столь же

блестящее опроверженіе «экономическихъ матеріалистовъ». Запасшись неопровержимою, на его взглядъ, аргументаціей, г. Оболенскій не замѣчаетъ, что и условія настоящаго спора, и предметъ его совсѣмъ не тѣ. Поэтому ему приходится незамѣтно для самого себя и потому, я увѣренъ вполнѣ, bona fide, приписывать своимъ противникамъ взгляды, которыхъ они не высказывали. Такъ онъ увѣряетъ, что я въ Россіи «причиной паденія личности» считаю общину и кустарные промыслы. Откуда г. Оболенскій взялъ это—вотъ загадка, которую, на основаніи знакомства съ моею книгой, разрѣшить невозможно. Но она тотчасъ разрѣшается, если припомнить, какой полемическій трафаретъ въ рукахъ у г. Оболенскаго. «Экономисты отсталой школы» приписывали отсталость сельскаго хозяйства въ Россіи общинѣ, и ихъ противникъ былъ совершенно правъ, доказывая вздорность этого взгляда. «Экономическіе матеріалисты» сомнѣваются насчетъ общины и въ то же время низкій уровень личности въ Россіи ставятъ въ зависимость отъ ея экономической и политической отсталости, съ которою они связываютъ и самое существованіе общины.

Это—довольно сложный строй идей, критикуя который, г. Оболенскій—вдобавокъ еще не экономистъ—рисковалъ спутаться. А между тѣмъ аргументація знаменитаго публициста 60-хъ годовъ соблазнительна своею стройностью и простотой! Увлекшись этою аргументаціей, г. Оболенскій забылъ вдуматься въ мнѣнія своихъ противниковъ и... все пошло какъ по маслу. Противники г. Оболенскаго, какъ, во время оно, «экономисты отсталой школы», изобличены въ томъ, что они разсуждаютъ по формулѣ: post hoc, ergo propter hoc,—словомъ, въ нелогичности и ненаучности. Громъ побѣды раздавайся! *)

Но... Я могъ бы предложить г. Оболенскому и нашимъ читателямъ очень длинное «но». Однако, буду умѣренъ. Насчетъ общины (и кустарныхъ промысловъ) у меня есть свои взгляды, не столь простые, какъ у г. Оболенскаго, но они также отнюдь не сводятся къ формулѣ: община есть причина паденія личности. Для меня исторія общины тѣсно связана

*) 1) Г. Оболенскій, въ пылу увлеченія побѣдой, очень ужъ хватаетъ черезъ край. Доказавъ, что я разсуждаю ненаучно и нелогично, онъ заявляетъ, что я придерживаюсь „ультрасубъективнаго метода“. Но развѣ всякое ненаучное и нелогичное разсужденіе основывается на „субъективномъ методѣ“? Утверждать—это значитъ мыслить по способу, тоже, насколько мнѣ извѣстно, предусмотрѣнному въ элементарныхъ учебникахъ логики. Кстати, г. Оболенскій совсѣмъ не понимаетъ, въ чемъ состоитъ такъ назыв. „субъективный методъ“ г. Михайловскаго. Онъ думаетъ, что этотъ методъ сводится къ „увлеченію предвзятою гипотезой“ (августъ, стр. 45). Передъ подобнымъ незнакомствомъ съ сочиненіями и идеями г. Михайловскаго приходится просто развести руками. 2) Не могу не отвѣтить, однако, на одно заявленіе г. Оболенскаго: „если я не ошибаюсь, самъ Марксъ признавалъ, что нашъ сельскій „міръ“ является, какъ и связанная съ нимъ (развѣ община и міръ не одно и то же? П. С.) община, не менѣе сильнымъ основаніемъ обобществленія, чѣмъ работа на фабрикѣ“. Смѣю увѣрить г. Оболенскаго, что онъ жестоко ошибается, о чемъ зри подлежащее мѣсто въ одномъ изъ предисловій Маркса къ его *Манифесту*, а также Энгельса *Internationales aus dem Volksstaate* (Берлинъ, 1894 г.).

съ исторіей *закрѣпощенія* крестьянства государствомъ и землевладѣльцами. Такимъ образомъ, на мой взглядъ, община относится къ паденію личности скорѣе какъ результатъ, чѣмъ какъ причина. Если г. Оболенскому этотъ взглядъ на русскую общину новъ, то пусть онъ обратится къ литературѣ вопроса. А я покуда помолчу.

Г. Оболенскій твердо знаетъ, что разсуждать по формулѣ post hoc, ergo propter hoc не годится. Вмѣсто этой формулы онъ рекомендуетъ методъ «умственной изоляціи», наприм. экономическихъ порядковъ и политическихъ учрежденій. Но я думаю, что сія «послѣдняя лесть горше первой». Она выступаетъ въ quasi-научномъ одѣяніи и способна надѣлать много вреда. Самыя вздорныя иллюзіи, самые утопическіе планы можно обосновать при помощи метода «умственной изоляціи». «Умственное изолированіе» тѣмъ и отличается отъ экспериментальнаго, что ему нельзя поставить никакихъ объективныхъ границъ. Можно—при извѣстной спутанности понятій—съ большимъ успѣхомъ изолировать политику отъ экономіи, настоящее отъ прошлаго и т. д., и т. д. Идя по этому пути, прямикомъ попадешь въ «утопію», которая отъ прочихъ утопій будетъ отличаться своею убійственною quasi-научною скучностью.

Г. Оболенскій по исторіи западно-европейской общественности стремится показать, что правовыя формы западной Европы «не продуктъ капитализма, а, наоборотъ, предшествовали ему». Онъ не рѣшается оспаривать, что эти формы выросли на почвѣ извѣстныхъ экономическихъ условій, но онъ настаиваетъ: не на почвѣ капитализма. Утверждать, что всѣ западно-европейскія политическія учрежденія—продуктъ капитализма никто изъ насъ не станетъ. Но ни историческая справка г. Оболенскаго, ни дальнѣйшіе комментаріи его къ этой справкѣ (августъ, стр. 44—45) ничего не выясняютъ и не доказываютъ. И вотъ почему. Во-первыхъ, и западно-европейскія учрежденія и западно-европейскій капитализмъ имѣютъ свою длинную исторію, внимательное изученіе которой убѣдительно показываетъ связь экономическихъ формъ и юридическихъ порядковъ. Современный государственный строй Англіи такъ же отличается отъ государственнаго строя Англіи XVII в., какъ современные англійскіе экономическіе порядки, отъ англійскаго хозяйственнаго строя XVII в. Вѣдь, дѣло тутъ не въ отдѣльныхъ институтахъ, не въ томъ, когда, въ какомъ году изданъ тотъ или другой законъ, а въ общемъ ходѣ развитія политическихъ учрежденій. Чѣмъ объясняется демократизація англійскаго государственнаго устройства въ XIX в.? Саморазвитіемъ политической идеи или борьбой классовъ на почвѣ извѣстныхъ производственныхъ отношеній? Вообще «современная демократія» не отдѣлима отъ современныхъ хозяйственныхъ формъ. Но г. Оболенскій «знаетъ» что «въ древней Греціи и Римѣ были однородныя» (съ современными) «правовыя формы» (стр. 43). Неужели г. Оболенскій это, въ самомъ дѣлѣ, «знаетъ»?

Но я, впрочемъ, нахожу кое-что, чего г. Оболенскій не «знаетъ», а я знаю. «Еще вопросъ, говоритъ мой оппонентъ (августъ, стр. 45), насколь-

ко обобществленіе *) (рабочаго класса) могло бы возникнуть на современной экономической почвѣ Западной Европы, если бы не существовало такъ и соотвѣтствующей юридической почвы, дающей возможность сойтись, столковаться о своихъ нуждахъ и т. д.». Но позвольте, г. Оболенскій, о чемъ вы говорите? Не о коалиціонной ли свободѣ рабочихъ? Не хотите ли вы и ее «умственно изолировать» отъ развитія капитализма? Въ такомъ случаѣ отчего не подвергнуть умственной изоляціи за одно и фабричное законодательство и многое другое? Напомнимъ читателю, что коалиціонная свобода рабочихъ (а вмѣстѣ съ тѣмъ и ненаказуемость стачекъ) есть прямое порожденіе развивающагося капитализма и существуетъ она въ Англіи съ 1824 г., во Франціи съ 1864 г., въ большей части Германіи съ 1869 г. (но только для промышленныхъ рабочихъ, коалиціи же сельскихъ рабочихъ въ Германіи до сихъ поръ запрещены, почему г. Оболенскій?). Отмѣтимъ при этомъ, что въ Англіи первые шаги капитализма характеризуются грубымъ подавленіемъ всякой самодѣятельности рабочихъ (общій законъ 1800 г., вѣнчающій собою цѣлый рядъ сепаратныхъ законовъ XVIII в.), а во Франціи даже революціонное законодательство запретило безусловно всякіе профессіональные союзы (законъ 1791 г.). И только внутренняя логика развивающихся капиталистическихъ отношеній заставила признать за трудящимся населеніемъ право союзовъ.

Критикуя мои взгляды на раздѣленіе труда, г. Оболенскій видитъ только одну сторону дѣла и закрываетъ глаза на другую, не менѣе существенную. Онъ подхватываетъ цитируемыя мною слова Зиммеля (Ueber soziale Differenzierung, 63—64) о томъ, что раздѣленіе труда можетъ проявлять дѣйствіе, понижающее мышленіе и волю, и побиваетъ меня слѣдующимъ разсужденіемъ **): «Итакъ, оказывается по г. Струве, что, напримѣръ, писецъ какой-нибудь канцеляріи, переписывающій изъ года въ годъ «отношенія» и «предписанія», или рабочій западно-европейской фабрики, вертящій десятки лѣтъ одну и ту же ручку колеса, или кочегаръ, десятки лѣтъ бросающій въ печь каменный уголь, хотя и представляетъ *пониженіе въ волѣ и мышленіи* (курсивъ г. Оболенскаго), но за то въ области чувствованій окажутся болѣе высокими и разносторонними, чѣмъ крестьянинъ-общинникъ, переходящій отъ плуга къ топору, отъ огорода къ пчельнику, ухаживающій за своими домашними животными и птицей и, въ то же время, участвующій въ своихъ сельскихъ и волостныхъ сходахъ, въ хозяйствѣ и дѣлахъ всей общины. Но, вѣдь, это—такое невѣроятное (?) поло-

---

*) Кстати г. Оболенскій путаетъ термины Маркса. Марксъ сколько мнѣ помнится, нигдѣ не говоритъ объ „обобществленіи рабочаго класса". У Маркса всюду фигурируетъ „обобществленіе труда" (Vergesellschaftung der Arbeit), вовсе не означающее у него того объединенія рабочихъ, о которомъ говоритъ г. Оболенскій. Конечно, изъ „обобществленія труда" вытекаетъ и объединеніе рабочихъ.

**) На стр. 40 (августъ) г. Оболенскій приводитъ въ ковычкахъ цѣлое мѣсто и моей книжки, которое отнюдь не представляетъ собой точной цитаты. Я считаю подобное неточное цитированіе чужихъ словъ въ ковычкахъ неправильнымъ пріемо

женіе, которое, по меньшей мѣрѣ, нельзя же считать за аксіому, не требующую доказательствъ, какъ это дѣлаетъ г. Струве» (стр. 40). На это я долженъ возразить, что г. Оболенскій очень ужъ упрощаетъ весьма сложный вопросъ. Въ моей же книжкѣ г. Оболенскій могъ найти не только соображеніе Зиммеля, которое г. Оболенскому представляется, повидимому, какою-то нелѣпостью *), но и одно мое собственное **), которое я, по существу дѣла, считаю не менѣе важнымъ. «Занятія специализируются, но, вѣдь, специализація не ведетъ къ полному ихъ обособленію; между специальностями существуетъ всегда связь, хотя бы та, что одна должна пользоваться услугами другой. Содержаніе жизни не только дробится, но оно умножается именно въ силу раздѣленія труда... Отдѣльныя личности, въ большей или меньшей степени, становятся участниками этого болѣе разнообразнаго, богатаго содержанія» (*Крит. замѣтки*, стр. 38). Дѣло въ томъ, что г. Оболенскій имѣетъ въ виду только одно мануфактурное раздѣленіе труда (т.-е. раздѣленіе труда внутри мастерской). Но мануфактурное раздѣленіе труда есть только одна сторона дѣйствительности. Другая же сторона сводится къ общественному раздѣленію труда. Благодаря общественному раздѣленію труда и тѣмъ производственнымъ отношеніямъ, которыя имъ характеризуются, содержаніе жизни умножается, и повышается личность.

Разсужденія г. Оболенскаго напомнили мнѣ то, что Марксъ еще въ 1847 г. писалъ насчетъ взглядовъ Прудона на раздѣленіе труда: «Раздѣленіе труда по г. Прудону есть вѣчный законъ, простая и абстрактная категорія. Такимъ образомъ, абстракція, идея, голое слово представляются ему достаточными для того, чтобъ объяснить раздѣленіе труда въ различныя эпохи исторіи. Надо, прежде всего, изучить должнымъ образомъ смыслъ слова «дѣлить», и тогда уже больше не окажется нужнымъ изслѣдовать тѣ многоразличныя вліянія, которыя въ каждую эпоху придавали раздѣленію труда опредѣленный характеръ. Въ самомъ дѣлѣ, вещи очень ужъ упрощаются, если ихъ объяснять категоріями г. Прудона. Размѣръ рынка, его физіономія придавали раздѣленію труда въ различныя эпохи опредѣленную физіономію и извѣстный характеръ, которые очень трудно вывести изъ голаго слова «дѣлить», изъ идеи, изъ категоріи «раздѣленія». Между тѣмъ, для г. Оболенскаго раздѣленіе труда — явленіе чрезвычайно сложное, пережившее и переживающее въ исторіи многообразныя измѣненія—исчерпывается представленіями, которыя заимствуются изъ школьныхъ примѣровъ Адама Смита. Различны между собой не только раздѣленіе труда внутри мастерской и— внутри всего общества,—отдѣльные виды раздѣленія труда перваго типа

*) Происходитъ это потому, что г. Оболенскій понимаетъ слова Зиммеля въ томъ смыслѣ, что раздѣленіе труда низводитъ мышленіе и волю до самаго низшаго уровня. Но подобное утвержденіе требуетъ еще весьма серьезной повѣрки. Мнѣ оно въ той общей и абсолютной формѣ, въ которой его выставляетъ г. Оболенскій, представляется прямо невѣрнымъ.

**) Впрочемъ, и Зиммель выдвигаетъ въ другихъ мѣстахъ эту же точку зрѣнія.

представляютъ крупныя различія. Марксъ, опираясь на свидѣтельство Андрея Юре (Uré), прозваннаго имъ Пиндаромъ фабрики, отмѣчаетъ, что современная крупная промышленность, выросшая на почвѣ раздѣленія труда, порождавшаго «профессіональный идіотизмъ», создаетъ потребность въ универсальности и стремленіе къ всестороннему развитію индивидуума (о раздѣленіи труда у Маркса см. въ особ. *Misère de la philosophie*, нѣм. перев., 122—144, и *Das Kapital*, I (3 изд.), 335—519). Такимъ образомъ, въ нѣдрахъ самой капиталистической промышленности возникаетъ непримиримое противорѣчіе. Это противорѣчіе выражается также и въ томъ общеизвѣстномъ фактѣ, что капиталистическая промышленность по мѣрѣ своего развитія нуждается въ повышеніи физическихъ и интеллектуальныхъ способностей рабочаго. Она сама, такимъ образомъ, создаетъ того рабочаго, который начинаетъ съ ней борьбу, подобно тому какъ «фабричное законодательство, — по словамъ Маркса, — есть столь же необходимое порожденіе крупной промышленности, какъ хлопчато-бумажная пряжа, сельфакидоры и электрическій телеграфъ». Слова г. Оболенскаго: «при вліяніи одного лишь раздѣленія труда европейскій рабочій былъ бы теперь чѣмъ-то въ родѣ вьючнаго животнаго. Этого нѣтъ,—слѣдовательно, его спасло отъ этого, его подняло другое условіе»,—обнаруживаютъ изумительное и возможное *въ настоящее время* только для не экономиста непониманіе условій развитія капитализма. Г. Оболенскій переноситъ на капитализмъ представленія, заимствованныя и выросшія на почвѣ крѣпостныхъ порядковъ, тогда какъ капитализмъ исторически начинается съ отрицанія этихъ порядковъ. Общеизвѣстная также вещь, что рабочій всего болѣе приниженъ, деградированъ, всего ближе къ «вьючному животному» въ наиболѣе технически и экономически отсталыхъ отрасляхъ промышленности. «Ужасы капитализма» на зарѣ его развитія возникаютъ, какъ общее правило, вслѣдствіе того, что здѣсь хищническая погоня за прибавочной стоимостью наталкивается на человѣческій матеріалъ, выросшій въ другой исторической обстановкѣ и совершенно не приготовленный къ борьбѣ съ новою силой. Необходима капиталистическая «выучка», чтобы массы перестали быть послушнымъ объектомъ капиталистической эксплуатаціи. «Вьючныя же животныя» непригодны даже для того, чтобы быть пассивнымъ объектомъ такой эксплуатаціи.

Но, оставаясь даже на почвѣ элементарныхъ представленій г. Оболенскаго о раздѣленіи труда и его значеніи и только *вдумавшись* въ выводы, вытекающіе изъ этихъ представленій, слѣдовало бы придти къ совсѣмъ другимъ результатамъ. «Рабочій, вертящій десятки лѣтъ одну и ту же ручку колеса», производитъ, конечно, очень однообразную и отупляющую работу, но вся жизненная и именно *экономическая* обстановка, окружающая его: отношеніе его къ предпринимателю, къ властямъ, къ товарищамъ по работѣ— необходимо толкаетъ его впередъ, ставитъ передъ нимъ такія задачи, которыя совершенно недоступны даже идиллическому крестьянину г. Оболенскаго,—о живомъ представителѣ этого общественнаго класса и говорить нечего. И, конечно, эти новыя задачи, возникающія въ мозгу «европейца»,

порожденіе именно раздѣленія труда, общественной дифференціаціи. Эта дифференціація связана не только съ подчиненіемъ однѣхъ общественныхъ группъ другимъ, но и съ обостреніемъ антагонизма между ними, который все болѣе и болѣе проникаетъ въ субъективное сознаніе и все сильнѣе опредѣляетъ поведеніе и цѣлыхъ классовъ, и отдѣльныхъ ихъ представителей.

Съ этими возраженіями г. Оболенскаго я покончу слѣдущей литературною справкой. Отрицательная оцѣнка значенія капитализма въ развитіи западно-европейской общественности была задолго до г. Оболенскаго съ гораздо большею силой сдѣлана въ нашей литературѣ г. Михайловскимъ. Въ своемъ письмѣ въ редакцію *Отечественныхъ Записокъ* (за подписью «Посторонній», 1883 г. іюль, здѣсь впервые передаются извѣстныя слова Зибера, который еще не названъ, о вываркѣ въ фабричномъ котлѣ, что̀ и даетъ намъ право говорить о г. Михайловскомъ, какъ объ авторѣ этой статьи), г. Михайловскій упрекаетъ г. В. В. въ крайнемъ марксизмѣ (sic!) и говоритъ: «въ сущности «общественная форма труда», при господствѣ капитализма, сводится къ тому, что нѣсколько сотъ или тысячъ рабочихъ точатъ, вертятъ, накладываютъ, подкладываютъ, тянутъ, бьютъ и совершаютъ еще множество другихъ операцій въ одномъ помѣщеніи. Общій же характеръ этого режима прекрасно выражается поговоркой: «каждый за себя, а ужъ Богъ за всѣхъ». При чемъ тутъ «общественная форма труда?» Правда, мы видимъ иногда (sic!) на Западѣ такую солидарность между рабочими, какую мудрено встрѣтить у насъ, но это объясняется отнюдь не непосредственно условіями труда въ фабричномъ котлѣ, а развитіемъ «просвѣщенія и политической жизни» (стр. 109). «Если капитализмъ и имѣетъ какую-нибудь общественно-историческую задачу или миссію, такъ развѣ только отрицательную» (стр. 110). Жаль, что г. Оболенскій недостаточно обстоятельно знакомъ съ литературною дѣятельностью г. Михайловскаго, иначе онъ могъ бы обновить свою статью ссылками на этого популярнаго и авторитетнаго писателя.

Отрицательный взглядъ на роль капитализма въ Западной Европѣ сопровождается у г. Оболенскаго идеализаціей русскихъ хозяйственно-бытовыхъ формъ — общины, кустарныхъ промысловъ и артели. Умиленіе, съ которымъ г. Оболенскій говоритъ о «крестьянинѣ-общинникѣ, переходящемъ отъ плуга къ топору, отъ огорода къ пчельнику, ухаживающемъ за своими домашними животными и птицей, и, въ то же время, участвующемъ въ своихъ сельскихъ и волостныхъ сходахъ, въ хозяйствѣ и дѣлахъ всей общины»—это умиленіе навело меня на слѣдующія размышленія.

Нашему народничеству принадлежитъ одна безспорная и не малая заслуга. Оно собрало огромный матеріалъ для познанія народнаго быта. Въ этомъ матеріалѣ далеко не послѣднее мѣсто по цѣнности должно быть отведено художественнымъ синтетическимъ изображеніямъ нашихъ народниковъ-беллетристовъ и, прежде всего, трудамъ Глѣба Успенскаго. Сладкіе разговоры объ идилличности крестьянской жизни должны бы были разъ

навсегда стать невозможными послѣ потрясающихъ своимъ реализмомъ вещей Успенскаго. Успенскаго его художественное чутье сдѣлало матеріалистомъ. Прочтите *Крестьянинъ и крестьянскій трудъ* и въ особенности очеркъ *Не суйся!* и вы, быть можетъ, поймете многое въ *критикѣ* народничества. Разсужденія г. Оболенскаго о крестьянскомъ бытѣ, объ общинѣ и «юридическихъ условіяхъ», въ которыхъ яко бы вся суть, огромный шагъ назадъ въ пониманіи дѣла въ сравненіи съ тѣмъ, что говоритъ Успенскій. Глѣбу Успенскому нечего доказывать, что «юридическія условія» не существуютъ раздѣльно отъ экономіи, что они съ ней составляютъ одно цѣлое, выражаютъ одинъ и тотъ же жизненный фактъ. Онъ какъ художникъ понимаетъ безплодность «умственной изоляціи». «Построенное на такомъ прочномъ, а главное—невыдуманномъ основаніи, какъ велѣнія самой природы, міросозерцаніе Ивана Ермолаевича, создавшее на основаніи этихъ велѣній стройную систему семейныхъ отношеній, послѣдовательно, безъ выдумокъ и хитросплетеній, проводитъ ихъ и въ отношеніяхъ общественныхъ... Эти же сельско-хозяйственные идеалы и въ юридическихъ отношеніяхъ... Объясненія высшаго государственнаго порядка также безъ всяго затрудненія получаются изъ опыта, пріобрѣтаются крестьяниномъ въ области *только* сельско-хозяйственнаго труда и идеаловъ... Словомъ, съ точки зрѣнія Ивана Ермолаевича, какъ и вообще «хорошаго» земледѣльца-крестьянина, кажущееся мнѣ влаченіемъ по браздамъ, безплодное, тяжкое существованіе — оказывается явленіемъ вполнѣ объяснимымъ, а главное—вовсе не влаченіемъ, а существованіемъ, основаннымъ на извѣстныхъ, притомъ непоколебимыхъ законахъ,—существованіемъ, въ которомъ осмысленъ каждый шагъ, каждый поступокъ, опредѣлена каждая вещь, опредѣленъ и объяснимъ вполнѣ каждый поступокъ. Войдя въ этотъ міръ и вполнѣ проникнувшись сознаніемъ законности и правомѣрности всего существующаго въ немъ, посторонній деревнѣ, хотя бы и озабоченный ею, человѣкъ долженъ невольно оставить свою фанаберію, и если онъ не сумѣетъ думать такъ, какъ думаетъ Иванъ Ермолаевичъ, и, притомъ, не убѣдится такъ же, какъ убѣжденъ Иванъ Ермолаевичъ, что иначе думать при такихъ и такихъ-то условіяхъ невозможно, то рѣшительно долженъ оставить втунѣ всѣ свои теоріи, выработанныя на почвѣ совершенно иной» (*Сочиненія,* т. II, изд. 2-е, стр. 553—554).

Относительно «фанаберіи» и «теорій» мы совершенно согласны съ Гл. Успенскимъ. Но онъ самъ же говоритъ намъ, что «стройность сельско-хозяйственныхъ идеаловъ безпощадно разрушается такъ называемою цивилизаціей» (стр. 556), и вотъ мы связываемъ судьбу «фанаберій» и «теорій» съ гибелью стройныхъ сельско-хозяйственныхъ идеаловъ. Мы беремъ всѣ тѣ фактическія черты, которыя даетъ намъ Успенскій, но, свободныя отъ его романтическаго преклоненія передъ «сельско-хозяйственными идеалами», мы получаемъ совсѣмъ другіе выводы. А г. Оболенскій, твердо вѣруя въ единственно спасительный пріемъ «умственной изоляціи», слѣпъ къ художественно

синтезу Успенскаго. Если онъ не видитъ этихъ яркихъ красокъ, гдѣ же намъ, нашимъ теоретическимъ соображеніямъ убѣдить его?!

Развиваемая г. Оболенскимъ чисто-экономическая программа одолѣнія капитализма артельно-общинными хозяйствами при помощи государственнаго кредита свидѣтельствуетъ о томъ, что г. Оболенскій... не тронутъ вреднымъ скептицизмомъ разныхъ экономическихъ маловѣровъ, вродѣ Маркса и Родбертуса. Основаніе артельно-общинныхъ хозяйствъ въ сочетаніи съ теоретическимъ переживаніемъ капитализма, по мнѣнію г. Оболенскаго, даетъ возможность избѣгнуть капиталистической стадіи. Теоретическія предпосылки этого плана не новы: на Западѣ онѣ давно подвергнуты критикѣ и не устояли передъ ней. Критика подорвала тѣ предположенія, на которыхъ основанъ планъ вытѣсненія капитализма производительными товариществами. Она показала, что при системѣ свободной конкурренціи, *во-первыхъ*, неминуемымъ является капиталистическое вырожденіе производительныхъ товариществъ; *во-вторыхъ*, сомнительна жизнеспособность даже этихъ выродившихся товариществъ сравнительно съ единоличными предпріятіями, и—last not least—критика указала на существенныя опасности, связанныя для трудящагося населенія съ основаніемъ производительныхъ товариществъ подъ командой и контролемъ современнаго государства. Это послѣднее указаніе выдвигаетъ существенное разногласіе между нами и нашими противниками. Послѣднимъ, прежде чѣмъ возражать противъ нихъ разными проектами и программами, не мѣшало бы опровергнуть нашъ взглядъ на природу государства вообще, современнаго въ частности. Единственный авторъ, направившій значительную часть своихъ полемическихъ усилій на этотъ пунктъ *), сдѣлалъ это столь неудачно, что мы можемъ съ полнымъ правомъ занести эту попытку *въ нашъ* активъ.

Позвольте мнѣ, г. редакторъ, закончить мое письмо слѣдующими двумя замѣчаніями.

Подъ характеристикой народнической экономической программы, какъ консервативной по своему существу, я подписываюсь обѣими руками. Замѣчу только, что задолго до г. Оболенскаго, еще въ 70-хъ годахъ, въ томъ же смыслѣ высказался г. Михайловскій **). Если эта программа до сихъ поръ не осуществлялась и вообще неосуществима ***), то это только показываетъ, что есть консервативныя программы, которыя не въ силахъ осуществить даже самое консервативное правительство. Таковы тѣ программы, которыя идутъ въ разрѣзъ съ естественною тенденціей развитія производительныхъ силъ и производственныхъ отношеній. Для себя лично я на титулъ консерватора ни въ какихъ смыслахъ не заявлялъ и не заявляю претензій.

---

*) *И. Гофштеттеръ*: „Доктринеры капитализма". Спб., 1895 г.

**) *Сочиненія*, т. II (2-е изд.), стр. 102—103.

***) Выполнимы только отдѣльные пункты этой программы, осуществленіе которыхъ дастъ результаты діаметрально противоположные ожидаемымъ.

Обращенный къ намъ г. Оболенскимъ упрекъ въ квіетизмѣ, я думаю, въ статьѣ *этого* автора представляетъ изъ себя плодъ недоразумѣнія. Въ нашемъ діалектическомъ міровоззрѣніи понятіе покоя (quies), въ банальномъ его смыслѣ, не находитъ себѣ мѣста, такъ какъ и равновѣсіе есть результатъ борьбы силъ, дѣйствующихъ въ противоположныхъ направленіяхъ. «Экономическій матеріализмъ,— говоритъ г. Оболенскій (кн. IX, стр. 13),— внесетъ во многія души новый квіетизмъ, увѣривъ, что шествіе капитализма есть «законъ», его же не прейдеши; а много ли найдется такихъ, которые не успокоятся на этомъ». Не успокоятся всѣ тѣ, для кого капитализмъ уже пришелъ и царитъ; не успокоятся всѣ тѣ, кому въ самой жизни капитализмъ не даетъ покоя. Если же мы съ г. Оболенскимъ успокоимся, то это или плохое свидѣтельство о нашемъ «теоретическомъ разумѣ», показывающее, что мы не можемъ извѣстнаго рода мыслей додумать до конца, или же доказательство того, что нашъ «практическій разумъ» находится подъ вліяніемъ интересовъ тѣхъ классовъ, которые не могутъ не успокоиться на капитализмѣ.

А, впрочемъ, гдѣ г. Оболенскій видѣлъ успокоившихся «экономическихъ матеріалистовъ»?

Петръ Струве.

Двѣ выставки по народному образованію въ Москвѣ.

1. Отдѣлъ московскаго комитета грамотности на 4-й всероссійской сельско-хозяйственной выставкѣ (1—20 декабря 1895 г.).

Мы не знаемъ, задумывался ли, входя на выставку, простой обыватель надъ вопросомъ, какую связь имѣетъ отдѣлъ народнаго образованія съ сельскимъ хозяйствомъ, экспонаты котораго занимали собой почти всю площадь манежа, и если задумывался, то какъ рѣшалъ этотъ вопросъ; несомнѣнно одно, что въ умѣ каждаго посѣтителя выставки долженъ былъ закрѣпиться самый фактъ этой связи. Разнообразные плоды сельско-хозяйственнаго производства, образцы почвъ, орудія обработки ихъ и т. д. и на-ряду съ этимъ—всевозможныя книги и изданія для народа, замысловатыя діаграммы и картограммы, огромныя таблицы цифръ, предметы школьнаго обихода, учебныя пособія, ученическія тетрадки, волшебные фонари и картины къ нимъ, наконецъ, принадлежности народнаго театра вмѣстѣ съ незатѣйливымъ экспонатомъ, изображавшимъ устройство сцены для такого театра и т. д.

Хотя и не подлежитъ сомнѣнію, что въ дѣлѣ народнаго образованія мы двигаемся впередъ, но движеніе это производится въ общемъ такимъ черепашьимъ шагомъ, что было бы заблужденіемъ искать на выставкѣ опредѣленныхъ результатовъ этого движенія. На нашей родинѣ наблюдается и въ дѣлѣ народнаго образованія такое явленіе, какого, вѣроятно, не найдешь во всемъ божьемъ мірѣ. У насъ, какъ извѣстно, все отличается особой, «русской» самобытностью; самобытно и явленіе, о которомъ мы говоримъ. Драгоцѣнная частная иниціатива, благотворный общественный починъ встрѣчаютъ на своемъ пути цѣлый рядъ искусственныхъ препонъ и всяческихъ препятствій. Въ виду такого чисто-самобытнаго явленія, наша выставка народнаго образованія представляетъ собой огромный интересъ съ той точки зрѣнія, что показываетъ во-очію, какихъ результатовъ можетъ достигнуть *частная* инициатива, *несмотря* на всевозможныя препятствія, возникающія на ея пути. Въ этомъ отношеніи назидательную картину представляли экспонаты, прежде всего, самого московскаго комитета грамотности.

Въ самомъ дѣлѣ, передъ зрителемъ здѣсь находились плоды усидчивыхъ и добросовѣстныхъ трудовъ по разнообразнымъ, въ высшей степени сложнымъ и чрезвычайно важнымъ вопросамъ народнаго образованія, тщательная разработка которыхъ, выразившаяся въ цѣломъ рядѣ картограммъ, діаграммъ и таблицъ, относящихся къ вопросу о всеобщемъ обученіи, школьному дѣлу, расходамъ на него, народнымъ чтеніямъ, библіотекамъ, читальнямъ и т. д., имѣютъ несомнѣнное практическое значеніе. А, между тѣмъ, всѣ эти работы принадлежатъ частнымъ лицамъ, состоящимъ членами комитета, и сдѣланы не за плату, не по заказу, а совершенно добровольно и безкорыстно, изъ горячаго желанія принести пользу дѣлу народнаго образованія, внести и свою лепту въ общее дѣло. Даже статистическія свѣдѣнія о числѣ церковно-приходскихъ школъ и учащихся въ нихъ, въ таблицахъ и діаграммахъ (съ 1861 г. по 1891 г., по губерніямъ и епархіямъ), составлены тѣми же членами комитета, которые, по словамъ «охранительныхъ» обозрѣвателей выставки (см. *Московскія Вѣдомости*), будто бы, обнаружили на ней свое бездѣльничанье.

Какъ мы уже сказали, экспонаты московскаго комитета грамотности представляли изъ себя, прежде всего, богатѣйшій цифровый матеріалъ почти по всѣмъ наиболѣе существеннымъ вопросамъ образованія и исчерпать этотъ матеріалъ въ небольшомъ отчетѣ представляется совершенно невозможнымъ. Мы приведемъ здѣсь, поэтому, лишь нѣкоторыя наиболѣе интересныя данныя. Такъ, по вопросу о *расходахъ* на начальное образованіе министерства народнаго просвѣщенія изъ особой діаграммы мы узнаемъ, что въ 1864 году они простирались всего до 1.200,000 рублей. Черезъ десять лѣтъ, т.-е. въ 1874 г., расходы этого министерства повысились до 2.900,000 руб., еще черезъ десять лѣтъ (въ 1884 г.) предыдущая сумма доросла до 4.800,000 руб., а въ 1894 году—до 5.100,000 руб., причемъ въ 1895 году расходы простирались до 5.300,000 р. Отсюда видно, что въ промежутокъ между первымъ и вторымъ десятилѣтіями министерскіе расходы на начальное образованіе возросли на 1.700,000 руб., во второе десятилѣтіе — на 1.900,000 руб. и затѣмъ въ третье десятилѣтіе, т.-е. съ 1884 по 1894 г., они увеличились на ничтожную сумму всего въ 300,000 р. Ничтожность этой суммы видна уже изъ того, что, вѣроятно, подъ вліяніемъ проникшаго и въ высшія сферы сознанія важности народнаго образованія увеличеніе ассигновки съ 1894 г. на 1895 г., т.-е. за одинъ только годъ, дошло до 200,000 р. Такимъ образомъ, десятилѣтіе 1884—1894 гг., въ смыслѣ развитія казеннаго образовательнаго бюджета, отличалось отъ всѣхъ предыдущихъ самымъ невыгоднымъ образомъ для успѣховъ русска[го] начальнаго образованія.

Интересно сравнить эти данныя съ *земскими расходами* на народн[ое] образованіе, о которыхъ трактуетъ таблица «смѣтныхъ назначеній земст[въ] на народное образованіе» (по пятилѣтіямъ, съ 1871 г. по 1890 г.). Здѣ[сь] мы наблюдаемъ почти повсемѣстное и неуклонное увеличеніе расходовъ[,] которое лучше всего видно изъ нижеслѣдующихъ четырехъ строчекъ, [въ]

которыхъ дано % отношеніе смѣтныхъ назначеній ко всей смѣтѣ, по 34 губерніямъ:

За	1871—1875 гг.	10,19
»	1876—1880 »	13,71
»	1881—1885 »	15,51
»	1886—1890 »	15,90

Изъ всѣхъ губерній на первомъ мѣстѣ по размѣрамъ расходовъ стоитъ *Пермская губернія*, бюджетъ которой въ 1 пятилѣтіе равнялся 232,778 р. (или 13,17% всей смѣты), за 2-е—410,132 р. (или 15,70%), за 3-е—138,366 р. (или 22,78%) и за 4-е пятилѣтіе—655,435 р. (или 21.09%). Второе мѣсто занимаетъ *Вятская губернія*, ассигновки которой представляются въ такомъ видѣ:

1871— 5 гг.	268,826 р.	18,44%
1876—80 »	399,768 »	22,20 »
1881— 5 »	442,825 »	21,58 »
1886—90 »	438,462 »	22,76 »

Послѣднія мѣста занимаютъ губерніи *Симбирская*, въ которой бюджетъ за послѣднее пятилѣтіе равнялся всего 85,475 р. или 11,13% всей смѣты и *Тульская* съ бюджетомъ за то же пятилѣтіе въ 98,381 р. или 11,73% всей смѣты. Въ процентномъ отношеніи ко всей смѣтѣ послѣднее мѣсто занимаетъ *Бессарабская губ.*, ассигновавшая всего 8,94 въ послѣднее пятилѣтіе. Что касается до столичныхъ губерній, то онѣ значительно отстали отъ Пермской и Вятской, какъ по размѣрамъ расходовъ, такъ и по процентному отношенію къ своимъ смѣтамъ, что видно изъ слѣдующихъ данныхъ:

Расходы *Московской губ.* представляются въ слѣдующемъ видѣ:

За 1-е пятилѣтіе	122,534 р.	или	14,70%
» 2-е »	202,595 »	»	14,53 »
» 3-е »	310,638 »	»	18,98 »
» 4-е »	370,915 »	»	20,76 »

По *Петербургской губ.* за тѣ же періоды:

50,690	8,58%
90,948	12,95 »
106,383	13,06 »
145,845	16,19 »

Но если земскіе столичные бюджеты отстали отъ провинціальныхъ, то *городскіе расходы* тѣхъ же губерній, по размѣрамъ суммъ, ассигнуемыхъ на образованіе, стоятъ на первомъ мѣстѣ, хотя того же нельзя сказать о процентномъ отношеніи этихъ суммъ къ суммамъ всѣхъ городскихъ расходовъ. Передъ нами обстоятельная таблица, озаглавленная: «Расходы городовъ на народное образованіе. Средній годовой расходъ по пятилѣтіямъ». Изъ нея видно, что расходы городовъ по губерніямъ были слѣдующіе (беремъ 1-е пятилѣтіе 1871—1875 гг., послѣднее 1885—1890 и средніе выводы за 1891—1892 гг.):

С.-Петербургская губ. . .	59,407	497,380	707,452
Московская » . .	73,332	502,292	582,449
Лифляндская » . .	75,735	307,041	267,352
Саратовская » . .	35,342	206,934	235,300
Херсонская » . .	42,298	133,721	150,986
. . . .			
Кіевская » . .	22,590	116,077	129,430
Таврическая » . .	17,342	99,652	120,370
Тверская » . .	38,220	60,537	61,355
Послѣднія мѣста занимаютъ:			
Волынская губ.	324	2,818	5,261
Ковенская »	490	2,094	1,745

Въ % отношеніи къ смѣтамъ порядокъ губерній измѣняется такимъ образомъ:

	1885—90 гг.	1891—92 гг.
Тамбовская. . . .	15,33	19,77
Саратовская. . .	14,80	13,80
Оренбургская. . .	14,56	12,82
Владимірская. . .	14,53	11,59
Тверская	10,78	10,53
Херсонская . . .	9,31	8,10
С.-Петербургская .	6,34	7,00
Московская . . .	6,19	5,57
Минимальные % даютъ снова:		
Волынская . . .	0,70	1,49
Ковенская. . . .	0,80	0,57

Первая изъ этихъ двухъ таблицъ городскихъ расходовъ на народное образованіе показываетъ равнымъ образомъ, что города, подобно земствамъ, постепенно увеличиваютъ свои расходы на образованіе.

На выставкѣ находилась также интересная таблица, относящаяся къ избранному нами вопросу и озаглавленная: «Источники содержанія начальныхъ училищъ по отчетамъ министерства народнаго просвѣщенія съ 1879 г. по 1890 г.». Источники эти слѣдующіе: государственное казначейство, городскія думы, сельскія общества и попечительства, земство, частныя общества и лица, войсковыя суммы, изъ спеціальныхъ средствъ, отъ разныхъ вѣдомствъ, свѣчной и коробочный сборъ, разные источники. Не приводя интересныхъ цифръ, заключающихся въ таблицѣ, замѣтимъ лишь, что во всѣ годы земскіе источники превышали всѣ другіе, затѣмъ второе мѣсто по размѣрамъ занимали сельскія общества и попечительства, 3-е—городскія думы, 4-е—государственное казначейство, 5-е—частныя общества и лица и т. д. Въ 1890 году общій итогъ по всѣмъ указаннымъ источникамъ простирался до 14.638,999 рублей.

Съ такою же тщательностью обработаны и «свѣдѣнія о сельскихъ земскихъ училищахъ по 97 губерніямъ, на основаніи матеріаловъ, полученныхъ коммиссіей по всеобщему обученію». Эти свѣдѣнія заклю-

чены въ огромную таблицу, съ указаніемъ числа училищъ, числа учащихъ (мужчинъ и женщинъ), процентныхъ отношеній между ними, числа учащихся (мужского и женскаго пола), среднихъ чиселъ учащихся на 1 училище и на 1 учащаго и т. д. Далѣе передъ нами діаграмма: «Движеніе числа состоящихъ въ вѣдѣніи православнаго духовенства начальныхъ училищъ и учащихся въ нихъ, по отчетамъ оберъ-прокурора св. синода». «Движеніе» это очень характерно: Въ 1861 году число этого рода училищъ достигало (не надо, конечно, забывать, что это—*по отчетамъ*) до 18,587 съ 320,350 учениками; въ 1866 году число училищъ достигаетъ высшаго предѣла: 19,436 съ 383,180 учащимися; затѣмъ оно начинаетъ падать и уже въ 1867 году училищъ было 17,189, а въ 1880 году—только 4,340 со 108,990 учащимися; далѣе слѣдуетъ постепенное повышеніе и съ 4,570 училищъ въ 1882 г. цифра эта подымается въ слѣдующемъ году сразу до 6,065 и въ 1891 г. дорастаетъ уже до 9,832 учил. съ 369,489 учащихся. Вмѣстѣ со школами грамоты цифра училищъ, находящихся въ вѣдѣніи православнаго духовенства, въ томъ же 1891 году доходитъ до 21,026 съ 621,182 учениками. Какія бы это были утѣшительныя цифры, если бы подобная армія учениковъ (если только эта *дѣйствительная* цифра) не служила матеріаломъ для канцелярской отписки или для нападеній на земскія училища и на школы министерства народнаго просвѣщенія.

Интересна затѣмъ діаграмма и таблица свѣдѣній о жалованьи учащихъ въ земскихъ начальныхъ училищахъ за 1894—95 учебный годъ (по губерніямъ, въ рубляхъ), составленная коммиссіей о положеніи учащихъ по полученнымъ ею 3,826 отвѣтамъ отъ учителей и учительницъ. Свѣдѣнія эти подвергаются особой разработкѣ впервые и, судя по количеству данныхъ, очевидно, не очень далеки отъ истиннаго положенія дѣлъ. Передъ нами свѣдѣнія о 33-хъ губерніяхъ, причемъ оказывается, что оклады *учителей* выше всего въ *Таврической губ.:* въ среднемъ 408 рублей въ годъ (при minimum'ѣ въ 300 руб. и maximum'ѣ въ 620 руб.; отвѣтовъ 56); второе мѣсто занимаетъ *Пермская губ.*, въ которой средній окладъ учителей равняется 367 рублямъ (minimum—240, maximum—510, отвѣтовъ—42), третье мѣсто принадлежитъ *Херсонской губ.*, съ среднимъ окладомъ въ 345 руб. (minimum—225 р., maximum—450 р., отвѣтовъ—34); слѣдующее четвертое мѣсто занимаетъ *С.Петербургская губ.* съ среднимъ окладомъ въ 336 руб., при minimum'ѣ—200 руб. и maximum'ѣ—820 руб. и 30—отвѣтахъ. Затѣмъ среднія въ 322 р. и 320 р. имѣютъ еще губерніи *Саратовская* и *Самарская*. *Московская* же дала при наибольшемъ количествѣ отвѣтовъ (240) и при minimum'ѣ въ 200 руб. и maximum'ѣ въ 475 руб. въ среднемъ только 299 р. Остальныя губерніи въ среднемъ оплачиваютъ трудъ учителей ниже этой послѣдней суммы, доходя даже до 199 р.—въ *Калужской* и до 185 руб.—въ *Тульской*. Среднее жалованье учителей по всѣмъ 33 губерніямъ равняется всего 270 рублямъ. Жалованье учительницъ, отъ которыхъ получено всего 1,522 отвѣта, еще ниже: оно для всѣхъ губерній равняется въ среднемъ 252 рублямъ, при minimum'ѣ въ *девяносто*

пять р. (въ Вологодской губ.) и maximum'ѣ въ 543 р. (въ Таврической). Какъ ухитряются существовать эти просвѣтительницы народа на 95 руб. въ годъ—понять, конечно, трудно. Во многихъ губерніяхъ есть еще помощники учителей и помощницы; судя по 53 отвѣтамъ изъ 21 губерніи, жалованье первыхъ отъ 53 р. (въ Рязанской г.) до 360 р. (въ Московской г.), въ среднемъ выводѣ даетъ ничтожную сумму въ 176 р., а вторыхъ—отъ 90 до 300 руб., въ среднемъ 169 р. (при 216 отвѣтахъ изъ 28 губ.). Итакъ, таблица даетъ среднее жалованье учителя въ 270 р., а учительницы—въ 252 р., но нельзя сомнѣваться, что еслибы вышеупомянутая коммиссія получила отвѣтовъ вдвое больше, чѣмъ 3,826, то среднія цифры эти только понизились бы и съ еще большею очевидностью показали бы, что огромное большинство учителей и учительницъ, не говоря уже про то, что вынуждены жить болѣе чѣмъ скромно въ отношеніи матеріальной обстановки, въ то же время лишены почти возможности удовлетворять свои умственныя и нравственныя потребности и, кромѣ того, находятся въ полномъ безоружіи по отношенію къ такому вопросу, какъ образованіе своихъ собственныхъ дѣтей. Всѣ эти выводы, къ которымъ невольно приходишь, разсматривая таблицу, не только крайне печальны, но и въ высшей степени серьезны по своему значенію для успѣховъ прежде всего того дѣла, которому эти труженики посвятили свои силы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, тѣ же выводы намѣчаютъ собою и рядъ вопросовъ жизненнаго значенія, надъ разработкой которыхъ предстоитъ потрудиться коммиссіи о положеніи учащихъ. Нельзя не пожелать, поэтому, полнаго успѣха въ работахъ коммиссіи, избравшей своею задачей столь существенные и важные интересы народнаго образованія.

Передъ нами еще одна работа, принадлежащая члену комитета грамотности П. М. Шестакову, выставившему интересную діаграмму, представляющую результаты изслѣдованія фабричной грамотности на одной изъ московскихъ крупныхъ фабрикъ (Э. Циндель). Настоящая работа обращаетъ на себя особенное вниманіе, какъ по тщательности и детальности исполненія, такъ и потому, что является у насъ, сколько извѣстно, первою попыткой изслѣдованія образовательнаго уровня русскихъ фабричныхъ рабочихъ, число которыхъ въ общемъ итогѣ простирается въ настоящее время до весьма значительныхъ размѣровъ. Отсутствіе подобныхъ изслѣдованій до сего времени тѣмъ удивительнѣе, что они представляютъ многія практическія удобства, облегчающія этотъ немаловажный трудъ и состоящія прежде всего въ томъ, что на фабрикахъ пребываетъ въ теченіе значительнаго промежутка времени постоянный составъ большихъ группъ рабочихъ, легко доступныхъ для опроса. Съ другой стороны, и изученіи образовательнаго уровня этого рода рабочихъ, казалось бы, должны быть въ высшей степени заинтересованы и сами владѣльцы фабрикъ для интересовъ которыхъ совершенно не безразлично относительное количество безграмотныхъ и грамотныхъ рабочихъ на ихъ фабрикахъ. Если, напримѣръ, оказывается, что работа грамотныхъ и нѣсколько образованныхъ рабочихъ продуктивнѣе, чѣмъ безграмотныхъ, то уже одного эт

факта достаточно, чтобы, не дожидаясь принудительныхъ законовъ, позаботиться, въ собственныхъ интересахъ, объ устройствѣ фабричныхъ школъ. Но современное промышленное русское сословіе, къ сожалѣнію, въ пріемахъ эксплоатаціи рабочихъ силъ нисколько не отстаетъ отъ невѣжественнаго русскаго земледѣльческаго сословія, истощающаго почву неумѣлою ея эксплоатаціей. Подобно послѣднему, наши фабриканты неразсчетливо и невѣжественно выпахиваютъ рабочія силы, не просвѣщая ихъ и не давая имъ должнаго отдыха отъ работы.

Но обратимся къ интересному и вполнѣ заслуживающему подражанія изслѣдованію П. М. Шестакова.

Изъ 2,016 человѣкъ рабочихъ фабрики (1,622 человѣка мужчинъ и 394 ч. женщинъ) было имъ лично опрошено 1,574 ч. мужчинъ и 388 женщинъ, всего 1,962 человѣка, причемъ грамотнымъ онъ считаетъ всякаго умѣющаго читать. Изъ этого числа оказалось грамотныхъ: среди мужчинъ 1,112 человѣкъ или 70,6%, а среди женщинъ только 31 или 8,0%; всего 1,143 человѣка или 58,2% всего числа опрошенныхъ. *По профессіямъ* 1,574 рабочихъ мужчинъ распредѣляются на 21 категорію, причемъ 100% грамотныхъ дала «контора» и рисовальня (по 10-ти человѣкъ въ каждой), 92% грамотныхъ дали «раклисты» *) (23 изъ 25-ти), 90,9%—«прессовальня» (30 изъ 32-хъ); далѣе беремъ только болѣе многолюдныя профессіи: изъ 106 человѣкъ «граверной» грамотныхъ оказалось 91 человѣкъ или 85,8%, изъ 122-хъ слесарей грамотныхъ—96 чел. или 78,0%, 114 плотниковъ и столяровъ дали 84 чел. или 73,0% грамотныхъ, 180 чел. работающихъ въ «отбѣльной» дали 124 чел. грамотныхъ или 67,3%, изъ 102 чел. «красильни» грамотныхъ—57 чел. или 53,3%, изъ 144 рабочихъ въ «набивной» грамотныхъ 105 чел. или 52,2% и среди 110 чел. чернорабочихъ грамотныхъ 59 чел. или 50,4%, послѣднее мѣсто заняла «лабораторія», въ которой изъ 85 чел.—грамотныхъ 42 чел. или 49,4%. *По мѣсту родины* опрошенные рабочіе явились изъ 18-ти губерній и 95 уѣздовъ, причемъ грамотныхъ болѣе всего дали 11-ть уѣздовъ Рязанской губ.: изъ 676 м. и 207 ж.—412 и 13 гр.; второе мѣсто заняла Московская губ. съ 14-ю уѣздами, давшая грамотныхъ 272 мужчинъ (изъ 300) и 2 женщ. (изъ 28-ми); на третьемъ мѣстѣ находятся 12 уѣздовъ Тульской губ., выставившихъ 196 гр. мужч. (изъ 290) и 10 женщ. (изъ 109); далѣе идутъ Смоленская (10 уѣздовъ), Калужская (11 уѣздовъ) и т. д. *По сословіямъ* главный контингентъ рабочихъ принадлежитъ къ крестьянамъ (1,214 муж. и 371 жен.), изъ числа которыхъ грамотныхъ 829 мужч. или 66,91% и 30 жен. или 8,06%; нижнихъ чиновъ работаетъ на фабрикѣ всего 251 чел. съ 183 грамотными или 72,5% и мѣщанъ—96 мужч. (изъ нихъ грамотныхъ 87 или 90,63%) и 7 жен. (грамотна одна, или 14,29%). *По источникамъ грамотности* 768 чел. получили ее въ школѣ и 375 чел.—внѣ школы. *По типамъ школъ* на первомъ мѣстѣ стоятъ, какъ и слѣдовало ожидать, земскія училища, дав-

*) Такъ называются наблюдатели за правильностью работы печатныхъ (набивныхъ) машинъ.

шія 277 чел. или 24,4%, на второмъ—фабричныя школы 182 чел. или 15,8%, затѣмъ церковно-приходскія—156 чел. или 13,6%, уѣздныя училища и городскія по полож. 1872 года, а также военныя дали по 72 чел., техническія только 2 чел. и пріюты—4 чел. *По возрасту* наибольшее количество грамотныхъ имѣетъ 15—20 лѣтъ (335 мужч. и 14 жен.), 20—25 лѣтъ (208 м. и 7 ж.), 25—30 л. (208 м. и 8 ж.), 30—35 лѣтъ (133 м.) и т. д. Правильно понижаясь съ величиною возраста, число грамотныхъ доходитъ въ возрастѣ отъ 55—60 л. до 10 мужч. и отъ 60 и выше—грамотныхъ всего 3 изъ 8-ми чел. Переходя къ наиболѣе интересному вопросу о *зависимости заработной платы отъ грамотности*, находимъ слѣдующія данныя: въ среднемъ, грамотный рабочій зарабатываетъ 62,3 к. въ день, а неграмотный—57 к. въ день или 5,3 к. (9,3%) въ пользу грамотности. Въ частности, по возрастамъ, разность дневнаго заработка въ пользу грамотности выше всего у рабочихъ имѣющихъ отъ 45 до 50 лѣтъ—36,1, затѣмъ отъ 55 до 60 л.—31,3, отъ 30 до 35 л.—29,9, отъ 35 до 40 л.—23,7, 40—45 л.—19,2, 20—30 л.—13,9, 20—25 л.—5,4, 50—55 л.—5,3 и отъ 15 до 20 л.—2,4. Такимъ образомъ, во всѣхъ возрастахъ и на всѣхъ ступеняхъ опытности замѣчается разница заработной платы въ пользу грамотныхъ рабочихъ. Интересное исключеніе составляетъ только группа рабочихъ, имѣющая 60 лѣтъ и выше; здѣсь грамотные получаютъ *менѣе* неграмотныхъ (63,8 и 88,8) на 25 к.

Уже изъ приведенныхъ нами данныхъ можно составить приблизительное понятіе о богатствѣ и огромномъ значеніи данныхъ по народному образованію, представленныхъ на выставкѣ отъ московскаго комитета грамотности. Съ такою же добросовѣстностью разработаны были въ многочисленныхъ таблицахъ, картограммахъ, діаграммахъ и многія другія свѣдѣнія, касающіяся дѣла образованія въ Россіи. Особенно интересны и цѣнны многочисленныя работы, относящіяся къ очередному теперь вопросу о всеобщемъ обученіи и выставленныя коммиссіей по всеобщему обученію. Не можемъ пройти молчаніемъ также и крайне назидательной *таблицы педагогическихъ курсовъ и съѣздовъ въ земскихъ губерніяхъ съ 1864 по 1895 г.*, фигурировавшей на выставкѣ. Изъ этой таблицы видно, что за весь болѣе чѣмъ тридцатилѣтній періодъ съѣздовъ было 302, распредѣляющихся по губерніямъ въ слѣдующемъ порядкѣ: въ Полтавской губерніи ихъ было 38, Казанской—28, Новгородской—22, С.-Петербургской—20, Воронежской и Московской—по 18, Пермской и Тверской—по 15, Псковской—14, Херсонской—13, Вологодской—11; число съѣздовъ по остальнымъ спускается ниже десятка и достигаетъ до единицы въ губерніяхъ: Владимірской, Калужской, Пензенской и Тамбовской. Въ одной же губерніи—*Саратовско*[й] за все время не состоялось *ни одного съѣзда*. По годамъ, наибольшее к[о]личество съѣздовъ падаетъ на семидесятые годы, а именно: въ 1872 год[у] ихъ было 29, въ 1871 г.—25, въ 1873 г.—23, въ 1874 г.—18; затѣмъ [въ] 1882 г.—18, въ 1883 г.—16, въ 1870, 1877 и 1878 гг.—по 15, в[ъ] 1884 г.—14, въ 1869 г.—13, въ 1879 г.—11, въ 1880 г.—8, въ 1885 г.-

6, въ 1891 г. — 6, въ 1886, 1888 и 1892 гг.—по 4, въ 1868, 1887 и 1893 гг.—по 3, въ 1867, 1889 и 1890 гг.—по 2, въ 1866 и 1894 гг.—по 1. *Въ 1895 году не состоялось ни одного съѣзда.* Изъ разсмотрѣнія приведенныхъ данныхъ приходимъ къ выводу, что если въ прежніе годы число съѣздовъ и курсовъ учителей въ земскихъ губерніяхъ вполнѣ соотвѣтствовало значительному подъему въ русскомъ обществѣ интереса къ народному образованію, то ничтожное ихъ количество или полное отсутствіе во второй половинѣ восьмидесятыхъ и первой половинѣ девяностыхъ годовъ являются уже *вопреки* всеобщему оживленію вниманія къ дѣлу народнаго образованія, настоятельность котораго проникла за послѣдніе годы почти во всѣ слои русскаго общества, не исключая и главной его массы—крестьянской.

Чтобы покончить съ экспонатами московскаго комитета грамотности, мы должны хотя бы только упомянуть о замѣчательныхъ коллекціяхъ лубочныхъ изданій и картинъ для народа, причемъ первыя были расгруппированы по содержанію (пѣсенники, сказки, исторія, повѣсти, книги божественнаго содержанія), а цѣнность вторыхъ видна уже изъ того, что коллекція старинныхъ экземпляровъ картинъ была взята изъ знаменитаго собранія покойнаго знатока и собирателя русскихъ гравюръ Ровинскаго и дополнена образцами лубочныхъ картинъ нашего времени; о любопытной коллекціи трудовъ по изученію вопроса объ отношеніи народа къ чтенію и о трудахъ по изученію народной литературы; о коллекціи изданій комитета грамотности и его трудовъ и рефератовъ его членовъ; о коллекціи справочныхъ пособій для составленія народныхъ и школьныхъ библіотекъ и на-ряду съ этими послѣдними—о картѣ народныхъ библіотекъ и читаленъ по даннымъ 1894—1895 г., составленной Н. В. Тулуповымъ (членомъ комитета); о замѣчательной работѣ члена комитета Ѳ. Ѳ. Ольденбурга, касающейся вопроса о всеобщемъ обученіи (награжденной золотою медалью); о графическомъ изображеніи распредѣленія посланныхъ (комитетомъ) библіотекъ по губерніямъ, съ указаніемъ количества ихъ по годамъ и данныхъ о стоимости библіотекъ и количества книгъ общаго и въ среднемъ на каждую библіотеку. Цифры послѣдней діаграммы настолько интересны, что мы приведемъ ихъ здѣсь. Оказывается, что наибольшее количество библіотекъ было послано въ Тверскую губернію—17 и Тульскую—37, въ Сибирь было послано 41 библіотека; наименьшее количество (по одной биб.) было послано въ землю Уральскаго казачьяго войска, землю войска Донского, Терскую область и Бакинскую губернію. Затѣмъ, разсылка библіотекъ по годамъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

		Стоимостью.	Въ среднемъ.	При общемъ количествѣ книгъ.
въ 1890 г.	19 библ.	въ 369 р. 50 к.	19 р. 45 к.	въ 1,829 экз.
» 1891 »	32 »	» 574 » — »	18 » 55 »	» 2,615 »
» 1892 »	41 »	» 509 » 50 »	12 » 42 »	» 2,467 »
» 1893 »	158 »	» 2,822 » — »	17 » 86 »	» 14,540 »
» 1894 »	185 »	» 4,195 » 50 »	22 » 67 »	» 25,607 »
» 1895 » (по 11 окт.)	138 »	» 2,367 » — »	— » — »	» 11,888 »

Среднее количество книгъ на 1 библіотеку было: въ 1890 г.—96 кн., въ 1891 г. — 82 кн., въ 1892 г. — 60 кн., въ 1893 г. — 92 кн., въ 1894 г. — 139 кн.

По роду назначенія было послано библіотекъ: 8—въ городск. школы, 8—въ больницы и тюрьмы, 14—частнымъ лицамъ, 17—воскреснымъ школамъ, 30 — на переселенческіе пункты Сибири, 70 — въ городскія библіотеки-читальни, 426—въ сельскія школы разныхъ типовъ; всего разослано московскимъ комитетомъ 573 библіотеки.

Всѣ данныя, касающіяся народной литературы, библіотекъ и читаленъ были выставлены, въ видѣ результатовъ дѣятельности библіотечной коммиссіи московскаго комитета грамотности, дѣятельность котораго на пользу народнаго образованія заслуживаетъ самой горячей благодарности со стороны всѣхъ людей, искренно любящихъ свое отечество.

Нашъ отчетъ о выставкѣ успѣлъ уже настолько выйти изъ положенныхъ ему предѣловъ, что намъ остается теперь, съ величайшимъ сожалѣніемъ, коснуться лишь вскользь такихъ замѣчательныхъ экспонатовъ, какіе были представлены, напримѣръ, московскимъ губернскимъ земствомъ. Выставка этого земства буквально щеголяла превосходно исполненными картами, таблицами, діаграммами, картограммами, образцами школьной обстановки, моделями выдающихся школъ со всей ихъ обстановкой въ миніатюрѣ и т. д. Чтобы снять съ себя возможность обвиненія въ пристрастіи, приведемъ здѣсь мотивы присужденія этому земству *почетнаго диплома* со стороны московскаго комитета грамотности: «*Во-первыхъ, за постоянныя и успѣшныя заботы и цѣлесообразныя затраты земства на народное образованіе; во-вторыхъ, за превосходныя картограммы и діаграммы, вполнѣ наглядно изображающія развитіе и современное состояніе школьнаго дѣла; въ-третьихъ, за неоднократныя образцовыя изслѣдованія положенія народнаго образованія въ губерніи, и, наконецъ, за вполнѣ подготовленный и обработанный во всѣхъ подробностяхъ планъ всеобщаго обученія въ губерніи*».

Обращали на себя всеобщее вниманіе также экспонаты харьковскаго общества распространенія въ народѣ грамотности и харьковской частной женской воскресной школы, оба награжденные также почетными дипломами. Интересная разработка данныхъ по вопросамъ о грамотности новобранцевъ, объ ассигновкахъ земства на народное образованіе съ 1866 по 1895 г., о вліяніи экономическаго благосостоянія крестьянъ на ихъ грамотность и общія данныя о народномъ образованіи и грамотности представлена была статистическимъ отдѣленіемъ александрійской уѣздной земской управы, Херсонской губ., а также рязанскимъ губернскимъ земствомъ и многими другими земствами и представителями мѣстныхъ интересовъ народнаго образованія. Отмѣчалось лишь отсутствіе на выставкѣ экспонатовъ такого крупнаго по своей полезной, плодотворной и долголѣтней дѣятельности учрежденія, какъ с.-петербургскій комитетъ грамотности, которому, конечно, было бы что выставить.

Въ заключеніе, нельзя не отнестись съ полнѣйшимъ сочувствіемъ къ мысли о передачѣ большинства экспонатовъ этой выставки въ задуманный музей. Мы слышали, что предполагается пожертвовать съ этою цѣлью означенные экспонаты городу Москвѣ, но съ тѣмъ, чтобы весь этотъ матеріалъ послужилъ основаніемъ для будущаго городского педагогическаго музея; намъ передавали также, что московскій городской голова К. В. Рукавишниковъ отнесся къ предложенію сочувственно и что предполагалось возможнымъ отвести подъ музей часть зданія городской школы, строящейся на Никольской улицѣ. Осуществится ли на самомъ дѣлѣ это полезное и даже необходимое учрежденіе, потребность въ которомъ сознается уже давно, пока неизвѣстно.

2. Выставка при 2-мъ съѣздѣ русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію (28 декабря 1895 г.— 15 января 1896 г.).

Подавляющее число экспонатовъ настоящей выставки относилось, само собой разумѣется, къ разнообразнымъ вопросамъ собственно профессіональнаго и техническаго образованія и потому большинство залъ Верхнихъ торговыхъ рядовъ было занято работами учениць и учениковъ этого рода училищъ, начиная съ низшихъ профессіональныхъ женскихъ и кончая высшими техническими. Но въ виду неизбѣжной связи общаго народнаго образованія съ успѣхами техническаго образованія, еще разъ констатированной и въ постановленіяхъ 2-го съѣзда русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію, выставка этого съѣзда должна была, естественно, удѣлить мѣсто и вопросамъ общаго образованія. Такимъ образомъ, часть экспонатовъ, бывшихъ на описанной нами выше выставкѣ московскаго комитета грамотности была перенесена и на настоящую.

Мы встрѣтились здѣсь еще разъ и съ блестящимъ отдѣломъ воскресныхъ школъ, причемъ обращали на себя вниманіе главнымъ образомъ экспонаты изъ Харькова, гдѣ это важное дѣло, дѣйствительно, поставлено на образцовую ногу, и со многими работами московскаго комитета грамотности. Общій интересъ имѣлъ на этой выставкѣ отдѣлъ школьной гигіены, устроенный подъ руководствомъ профессора Эрисмана. Въ этомъ отдѣлѣ нашли себѣ мѣсто многіе назидательные экспонаты, касающіеся постановки дѣтскихъ игръ на воздухѣ, образцовыхъ школьныхъ помѣщеній и столовъ, школьнаго освѣщенія, обученія прямому письму, состава школьнаго воздуха, различныхъ измѣрительныхъ приборовъ и проч. Уже одно перечисленіе этихъ экспонатовъ показываетъ, какъ широко поставленъ и какъ многосторонне освѣщенъ былъ здѣсь вопросъ о школьной гигіенѣ въ широкомъ смыслѣ этого слова. Здѣсь же выставлена была и таблица свѣдѣній объ устройствѣ лѣтнихъ колоній для московскихъ городскихъ начальныхъ училищъ. Симпатичное это дѣло возникло въ Москвѣ по почину одной изъ попечительницъ московской городской женской школы

еще въ 1887 г.; озабоченная состояніемъ здоровья нѣкоторыхъ учениць, вынужденныхъ проводить лѣто въ отвратительныхъ гигіеническихъ условіяхъ Москвы, эта попечительница рѣшила отправить въ свое имѣніе 15 дѣвочекъ на 2 лѣтнихъ мѣсяца, подъ надзоромъ одной изъ учительниць той же школы. Опытъ удался и съ будущаго года (1888) была уже устроена первая платная лѣтняя колонія, въ которую было отправлено 19 дѣвочекъ изъ 9-ти школъ. Свѣдѣнія таблицы и начинаются съ этого года. Постепенное дальнѣйшее развитіе этого дѣла представляется въ такомъ видѣ: въ 1888 году была устроена 1 колонія на 19 дѣвочекъ во Владимірской губерніи, въ 1889 г.—1 колонія на 14 дѣв. въ Московской губ., въ 1890 г.—3 колоніи въ той же губерніи на 68 дѣвоч. и 23 мальчика, въ 1891 г.—5 колоній (въ Московской г. 2, Смоленской—1, Орловской—1 и Рязанской — 1) на 107 дѣв. и 55 мальч., въ 1892 г.—6 колоній (3 въ Московской г. и по одной въ Смоленской, Орловской и Ярославской) на 121 дѣв. и 67 мальч., въ 1893 г.—8 колоній (4 въ Московской губ., 2 въ Орловской и 2 въ Ярославской) на 98 дѣв. и 71 мал., въ 1894 г.—10 колоній (6 въ Московской губ.,—2 въ Ярославской и по одной въ Орловской и Смоленской) на 102 дѣв. и 81 мальч. и, наконецъ, въ 1895 г.—13 колоній (5 въ Московской губ., по 2 въ Ярославской, Орловской и Владимірской, и по одной въ Смоленской и Рязанской) на 116 дѣвоч. и 94 мальчика. Всего за 8 лѣтъ было устроено 47 колоній на 645 дѣвочекъ и 391 мальчика. Что касается расходовъ, то они выразились въ слѣдующихъ цифрахъ:

						Общая стоимость.	Въ среднемъ на 1 реб.
Въ 1888 г.	было	истрач.	на обзавед.	70	р.	221 р.	13
» 1889 »	»	»	»	65	»	335 »	24
» 1890 »	»	»	»	733	»	2,297 »	25
» 1891 »	»	»	»	481	»	3,074 »	19
» 1892 »	»	»	»	291	»	4,016 »	21
» 1893 »	»	»	»	86	»	4,031 »	24
» 1894 »	»	»	»	411	»	4,032 »	22
» 1895 »	»	»	»	405	»	4,198 »	20
		Всего истрачено .	.	2,542	р.	22,204 р.	21

Изъ краткаго отчета объ этихъ колоніяхъ мы узнаемъ, что число училищъ, отправлявшихъ дѣтей, постепенно возростало, и въ 1895 году въ отправкѣ участвовало 37 женскихъ и 30 мужскихъ училищъ (56 городскихъ и 11 частныхъ и благотворительныхъ) и 4 городскихъ попечительства. Большинство дѣтей отправлялись въ колоніи за счетъ училищъ (изъ суммъ сбора за право ученія). За 8 лѣтъ такихъ дѣтей было послано 727 человѣкъ, изъ которыхъ 63 съ доплатой отъ родителей. Кромѣ того 232 ребенка (изъ нихъ 36 съ доплатой родителей) были посланы на пожертвованія частныхъ лицъ; на средства же исключительно родителей было послано за всѣ 8 лѣтъ 78 дѣтей. Къ счастію, благое это дѣло встрѣчаетъ себѣ и д-

держку и въ правленіяхъ желѣзныхъ дорогъ, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ дѣлали большія скидки, а иныя перевозили и безплатно. За послѣдніе 2 года, въ видѣ исключенія, дѣти перевозятся въ колоніи и обратно, по ходатайству московскаго городского головы, безплатно. Такова сила частной инициативы во всякомъ благомъ начинаніи и нельзя сомнѣваться въ томъ, что при дружномъ содѣйствіи частныхъ лицъ и оффиціальныхъ представителей школъ необходимыя заботы о дѣтскомъ здоровьѣ наиболѣе необезпеченнаго класса столичнаго населенія получатъ въ недалекомъ будущемъ широкое и плодотворное развитіе. Съ своей стороны желаемъ имъ этого отъ души. Интересно, что въ Москвѣ въ то же время существуетъ оффиціальное «Общество школьныхъ вакаціонныхъ колоній» (для бѣдныхъ учениковъ и учениц средних учебныхъ заведеній), уставъ котораго утвержденъ еще въ 1886 году 23 сентября, но о дѣятельности этого общества рѣшительно ничего неизвѣстно.

В. А—въ.

Очерки провинціальной жизни.

Въ знаменательномъ предложеніи министерства земледѣлія губернскимъ земскимъ собраніямъ высказаться о мѣрахъ къ улучшенію сельско-хозяйственнаго промысла было, между прочимъ, заявлено, что дѣятельность министерства будетъ тѣмъ болѣе плодотворна, чѣмъ бóльшую оно получитъ возможность опираться на иниціативу и содѣйствіе мѣстныхъ силъ. Отвѣты земства щедро вознаградили министерство за его довѣріе къ общественнымъ силамъ. Губернскія земскія собранія отнеслись къ предложенію министерства со вниманіемъ, соотвѣтствующимъ важности дѣла. Они не сочли возможнымъ обсудить предложенную имъ программу въ короткій срокъ очередной сессіи. Всѣ губернскія земства рѣшили передать министерскую программу на предварительное разсмотрѣніе уѣздныхъ собраній и затѣмъ созвать экстренныя губернскія собранія для выполненія возложеннаго на нихъ министерствомъ важнаго порученія. Въ настоящее время уже опубликовано значительное число земскихъ отвѣтовъ. Чтобы дать понятіе о государственномъ значеніи большинства этихъ отвѣтовъ, достаточно сказать, что они представляютъ собою обширную систематическую программу народной экономической политики, которая, если будетъ осуществлена, чревата крупными результатами на благо страны. Вмѣстѣ съ тѣмъ, отвѣты представляютъ большое сходство во взглядахъ, свидѣтельствующее о томъ, что нужды земледѣлія и необходимыя для поднятія его мѣры успѣли уже достаточно выясниться въ средѣ земскихъ людей.

При разсмотрѣніи мѣропріятій, необходимо вызываемыхъ сельско-хозяйственными нуждами, большинство земствъ распредѣлили ихъ въ три группы: первая группа обнимаетъ мѣры, которыя могутъ быть осуществлены исключительно государственною властью; вторая группа представляетъ мѣры, к- торыя успѣшно могутъ быть проведены въ жизнь самимъ земствомъ, ес и ему даны будутъ нужныя для этого денежныя средства; и третья груп а заключаетъ мѣры, исполнимыя земствомъ на собственныя средства. Знак- мясь съ содержаніемъ этой классификаціи, мы видимъ, что главная раб а здѣсь земства заключается въ выясненіи програмы государственной эко - мической политики и въ ходатайствахъ о проведеніи ея въ жизнь. И

потому, что самые могучіе пути къ улучшенію условій земледѣлія и народнаго хозяйства или находятся внѣ компетенціи земства, какъ, наприм., реформа податной системы, пересмотръ тарифа, продажа крестьянамъ казенныхъ земель и облегченіе условій арендованія ихъ, организація переселеній, или если и подлежатъ компетенціи земства, какъ, наприм., устройство сельско-хозяйственныхъ школъ, организація сельскаго кредита, то для осуществленія этихъ нуждъ въ надлежащихъ размѣрахъ требуются такія денежныя средства, какими не обладаетъ земство. Вотъ почему та группа мѣропріятій, которыя могутъ быть исполнены земствомъ на собственныя средства, представляется тощей. Сюда отнесены нѣкоторыя мѣры по улучшенію сельско-хозяйственной культуры, какъ-то: устройство складомъ земледѣльческихъ машинъ и орудій, распространеніе улучшенныхъ сѣмянъ, устройство опытныхъ полей. Нѣкоторыя же уѣздныя земства заявили, что у нихъ и на эти мѣропріятія не имѣется денежныхъ средствъ.

Съ живѣйшимъ сочувствіемъ отнеслись земскія собранія къ той мысли министра, что какова бы ни была организація мѣстныхъ учрежденій министерства, центръ тяжести въ дѣлѣ завѣдыванія мѣстными хозяйственными нуждами останется за земствомъ. Земство стремится работать для улучшенія земледѣльческаго промысла и поднятія матеріальнаго благосостоянія населенія, оно обладаетъ для этого достаточными личными силами, но не имѣетъ достаточныхъ денежныхъ средствъ. Чего, кажется, очевиднѣе, какъ то, что въ странѣ, гдѣ сто милліоновъ населенія занимается земледѣліемъ, необходимо имѣть земледѣльческія школы? Да, онѣ у насъ есть; но ихъ всего нѣсколько десятковъ, тогда какъ слѣдовало бы быть нѣсколько сотенъ и даже тысячъ. Земства отлично понимаютъ громадную важность учрежденія земледѣльческихъ школъ, какъ лучшаго средства для распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній, для борьбы съ хозяйственною косностью, для возбужденія творческой мысли народа. Но у земства не имѣется средствъ и на это элементарное дѣло. Лишь кое-гдѣ земству достало денегъ открыть одну, другую школу. Оно напрягаетъ всѣ усилія, чтобы доставить населенію хотя бы первоначальную грамоту и, все-таки, до сихъ поръ не было въ состояніи открыть двери школы всѣмъ стучащимся въ нее. Итакъ, для улучшенія дѣлъ въ земледѣльческомъ промыслѣ, для правильнаго хода развитія народнаго хозяйства можно разсчитывать на личныя силы земства, на его работу, на его посредничество между государственною властью и населеніемъ, но не на земскіе финансы въ ихъ современномъ состояніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ существуетъ обширная и едва ли не самая важная область народно-хозяйственныхъ мѣропріятій, стоящая внѣ компетенціи земства. Здѣсь земство можетъ только заявлять правительству о настоятельно требуемыхъ жизнью экономическихъ реформахъ, что оно и сдѣлало въ своихъ отвѣтахъ министерству земледѣлія.

Большинствомъ земствъ на первый планъ выдвинута реформа дѣйствующей финансовой системы. Чтобы поднять сельско-хозяйственный промыселъ, чтобы сдѣлать землю болѣе производительной, необходимо дать населенію

возможность вкладывать изъ своего дохода побольше въ земледѣльческій промыселъ, на поддержаніе скотоводства и повышеніе качества почвы путемъ удобренія и улучшенія культуры. Въ ряду мѣръ, направленныхъ къ этой цѣли, одной изъ главныхъ служитъ измѣненіе существующей податной системы въ направленіи большей равномѣрности въ распредѣленіи платежнаго бремени и облегченіи, тѣмъ самымъ, земли отъ непосильной тяжести различныхъ налоговъ. Необходимо поэтому понизить крестьянскіе платежи, измѣнить сроки взысканія податей, опредѣлить въ законодательномъ порядкѣ виды имущества, существенно необходимыя въ крестьянскомъ хозяйствѣ и не подлежащія описи и продажѣ на пополненіе податей и, затѣмъ, въ виду громадной задолженности сельскаго населенія, разсрочить недоимки. Реформа дѣйствующей податной системы многими земствами справедливо считается не только чрезвычайно важнымъ, но и *кореннымъ* условіемъ для поднятія земледѣлія. Налоги должны быть приведены въ соотвѣтствіе съ доходностью земли и платежною силой населенія. Для измѣненія же существующихъ разорительныхъ способовъ взысканія податей нѣкоторыми земствами предлагается передать сборъ податей въ вѣдѣніе министерства финансовъ и образовать уѣздныя податныя коммиссіи, въ составъ которыхъ вошли бы выбранные земствомъ представители.

Столь же настоятельную и неотложную нужду видятъ земства въ возможномъ облегченіи крестьянскаго малоземелья. Малоземелье заставляетъ обращать подъ пашню чрезмѣрно большое количество земли и порождаетъ тѣмъ уменьшеніе скотоводства, истощеніе земли, пониженіе урожаевъ, народную бѣдность. Оно вызываетъ цѣлый рядъ болѣзненныхъ стремленій къ выходу изъ этого положенія путемъ безпорядочныхъ рабочихъ скитаній и не менѣе безпорядочныхъ переселеній на отдаленныя окраины Россіи.

Поучительная иллюстрація того, насколько сократились крестьянскіе надѣлы, приведена въ докладѣ херсонскому губернскому земскому собранію. Еще не такъ давно Херсонская губернія считалась одной изъ многоземельныхъ. Нормальный надѣлъ здѣсь, при освобожденіи крестьянъ, былъ отъ 3 до 5½ десятинъ у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ и до 8—12 у государственныхъ крестьянъ. Теперь во многихъ мѣстахъ губерніи онъ сократился до ¾ десятины на наличную душу; у получившихъ же дарственный надѣлъ земли осталось на душу столько, что можно на ней построить лишь избу. Не обезпеченные своею землей, крестьяне въ погонѣ за добываніемъ насущнаго хлѣба страшно поднимаютъ съемочныя цѣны на землю въ надеждѣ на хорошій урожай. Но и хорошій урожай не окупаетъ затратъ; крестьянинъ не въ состояніи оплатить принятыхъ на себя обязательствъ и попадаетъ въ безвыходное положеніе. Для устраненія такого состоянія дѣлъ земства указываютъ слѣдующія средства. Надѣленіе крестьянъ изъ малоземельныхъ сельскихъ обществъ свободными отъ лѣсовъ казенными участками земли, иначе сказать—организацію переселеній на государственныя земли. Въ этихъ случаяхъ, когда невозможно разселеніе крестьянъ въ предѣлахъ того же уѣзда или губерніи, необходимо организовать пере-

леніе крестьянъ въ обильныя государственными землями губерніи Европейской Россіи и упорядочить сильно растущее изъ года въ годъ переселенческое движеніе за Уралъ. При этомъ предлагается, чтобы въ уѣздныхъ управахъ сосредоточивались всѣ необходимыя свѣдѣнія о переселеніяхъ, чтобы губернскому земству предоставлено было входить съ представленіями о мѣстностяхъ, которыя нуждаются въ переселеніяхъ. Для той же цѣли необходимо расширеніе дѣятельности крестьянскаго банка, чтобы доставить возможность пріобрѣтать, при его посредствѣ, землю не болѣе зажиточнымъ крестьянамъ, какъ это практиковалось до сихъ поръ, а наиболѣе нуждающимся. Для этого нужно, чтобы при выдачѣ ссудъ изъ банка не требовались доплаты; вмѣстѣ съ тѣмъ полезно и справедливо уменьшить взимаемый по ссудамъ изъ крестьянскаго банка процентъ до размѣровъ его въ дворянскомъ банкѣ. Большую поддержку крестьянскому малоземелью оказало бы также облегченіе условій арендованія крестьянами казенныхъ земель и дополнительное надѣленіе безлѣсныхъ волостей лѣсными нарѣзками изъ сосѣднихъ казенныхъ дачъ.

Далѣе земства указываютъ на давнишнюю и чрезвычайно важную потребность въ устройствѣ мелкаго сельскаго кредита, причемъ они предлагаютъ взять на себя посредничество между государственнымъ банкомъ и нуждающимся въ кредитѣ населеніемъ. Несмотря на расширеніе министерствомъ финансовъ за послѣднее время мелкихъ кредитныхъ операцій, кредитъ, все-таки, остается недоступнымъ еще значительной части крестьянства, и она отдана, поэтому, въ руки ростовщиковъ. Выходомъ изъ этого положенія могло бы быть учрежденіе волостныхъ ссудныхъ кассъ. Средства для организаціи сельскаго кредита земство получило отъ государственнаго банка и явилось бы отвѣтственнымъ распорядителемъ всѣхъ операцій, внося ежегодно въ смѣту сумму, необходимую для уплаты процентовъ государственному банку. Рядомъ съ общимъ мелкимъ кредитомъ земство организовало бы также особый кредитъ для помощи безлошаднымъ.

Экономическій прогрессъ страны,—говорится въ отвѣтахъ министерству земледѣлія,—возможенъ только при равномѣрномъ развитіи какъ сельскохозяйственной промышленности, такъ и всѣхъ возможныхъ по мѣстнымъ условіямъ видовъ кустарнаго производства и ремесленнаго труда. Для этого необходимо распространеніе техническаго образованія, ремесленныхъ школъ и содѣйствіе кустарному производству. На возможно широкую помощь со стороны экономической политики государства кустарной промышленности земства обращаютъ особенное вниманіе министерства. Вмѣстѣ съ тѣмъ они разъясняютъ необходимость, въ интересахъ развитія земледѣлія и кустарной промышленности, пересмотра тарифа вообще и возможно скорѣйшаго пониженія таможенныхъ пошлинъ на земледѣльческіе орудія и матеріалы, служащіе для ихъ постройки. Высокія пошлины современнаго тарифа служатъ однимъ изъ существенныхъ препятствій къ улучшенію способовъ обработки земли и поднятія доходности земледѣлія.

Экономическій прогрессъ страны тѣсно связанъ съ распространеніемъ

просвѣщенія въ массахъ, а потому естественно всѣ земства рѣшительно настаиваютъ на необходимости поднятія общаго уровня образованія населенія, на введеніи всеобщаго обученія, на устройствѣ возможно достаточнаго числа земледѣльческихъ школъ съ цѣлью распространенія въ населеніи сельско-хозяйственныхъ знаній. Черниговская губернская управа, заключая свое представленіе министерству о мѣрахъ къ улучшенію земледѣльческаго промысла и матеріальнаго благосостоянія населенія, сочла нужнымъ еще разъ подчеркнуть крайнюю важность образованія. «Всѣ экономическія мѣропріятія,— говоритъ управа,— тогда только могутъ разсчитывать на достаточный успѣхъ, когда будутъ приняты широкія и рѣшительныя мѣры къ поднятію общаго уровня образованія массы сельскаго населенія».

Мы указали лишь самые важные и самые общіе пункты земскихъ отвѣтовъ министерству земледѣлія. Отвѣты полны еще многими другими существенными и обстоятельно мотивированными указаніями на современныя нужды сельско-хозяйственнаго промысла. Они говорятъ, напримѣръ, о важности введенія государственнаго страхованія посѣвовъ отъ неурожая, объ облѣсеніи овраговъ и устройствѣ орошенія въ районахъ, страдающихъ частыми засухами, объ уменьшеніи тарифа на провозъ хлѣба, объ устройствѣ зернохранилищъ въ связи съ путями сообщенія, объ открытіи въ различныхъ районахъ Россіи высшихъ агрономическихъ институтовъ и еще о многомъ другомъ. Но достаточно, кажется, указаннаго нами, чтобы признать за земскими отвѣтами широкую, практически обоснованную программу,—программу, настоятельно выдвигаемую всѣми условіями современной жизни нашего отечества.

Изъ содержанія приведенныхъ отвѣтовъ мы видѣли, что земства, исходя изъ мѣстныхъ нуждъ, неизбѣжно должны были въ своихъ ходатайствахъ затронуть и общегосударственные вопросы; иначе говоря, содѣйствіе мѣстнымъ нуждамъ настолько тѣсно связано съ общею политикой государства, что отдѣлить одно отъ другого невозможно. Между тѣмъ, извѣстная часть печати усердно старается истолковать законъ, уполномочивающій земство ходатайствовать передъ правительствомъ о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ въ томъ смыслѣ, что земское собраніе можетъ просить только о чемъ-нибудь такомъ, въ чемъ заинтересована *исключительно* данная мѣстность и что можетъ быть осуществлено властью администраціи. Неправильность такого толкованія закона обстоятельно разъясняется въ декабрьскомъ внутреннемъ обозрѣніи *Вѣстника Европы*. Большая или меньшая *общность* нуждъ,— говоритъ журналъ,— не мѣшаетъ имъ быть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и мѣстными; дѣло, полезное для одной губерніи, можетъ быть полезно и для всѣхъ остальныхъ; не соотвѣтствуютъ закону только такія ходатайства, которыя мотивированы не мѣстными потребностями и основаны на фактахъ, къ данной мѣстности не относящихся. Признавать незаконнымъ всякое ходатайство, клонящееся къ измѣненію или установленію какого-нибудь *общаго* правила, значило бы идти не только въ раз-

рѣзъ со смысломъ обоихъ земскихъ положеній, прежняго и новаго, но и многолѣтнею административною практикой. Правительство неоднократно разсматривало такія земскія ходатайства *по существу*, да иногда и удовлетворяло ихъ.

Извѣстно,—продолжаетъ журналъ,—что первая мысль о необходимости положить конецъ отчужденію крестьянскихъ надѣловъ была подана ходатайствомъ одного изъ губернскихъ земскихъ собраній. Въ новый уставъ крестьянскаго банка включено нѣсколько важныхъ постановленій, польза которыхъ была доказана земскими ходатайствами, да и въ самомъ учрежденіи крестьянскаго банка немаловажную роль сыграло земство. О пониженіи земскаго избирательнаго ценза, давно просили земскія собранія, и въ отвѣтъ на одно изъ такихъ ходатайствъ, представленныхъ еще въ половинѣ семидесятыхъ годовъ, прямо было объявлено, что оно будетъ принято во вниманіе при обсужденіи общаго вопроса о земскомъ цензѣ. Ходатайствами земскихъ собраній былъ вызванъ законъ о конокрадствѣ, состоявшійся въ 1880 г. Гораздо раньше питейной реформы 1885 г. земства просили о прекращеніи раздробительной продажи вина въ селеніяхъ; гораздо ранѣе пересмотра земскаго положенія земства ходатайствовали о недопущеніи гласныхъ къ торгамъ на сдаваемые земствомъ подряды. Весьегонское земство просило о предоставленіи опекунамъ и попечителямъ участвовать въ земскомъ представительствѣ за опекаемыхъ ими собственниковъ на одинаковыхъ основаніяхъ съ представительствомъ отъ женщинъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ (гр. Д. А. Толстой) «затруднился дать ходъ этой просьбѣ только потому, что въ виду министерства не имѣлось подобныхъ ходатайствъ со стороны другихъ земскихъ собраній, да и само весьегонское земство не привело фактическихъ данныхъ, которыя указывали бы на необходимость принятія мѣры, подлежащей, между тѣмъ, осуществленію не иначе, какъ въ законодательномъ порядкѣ, и притомъ въ смыслѣ общей мѣры». Къ этому министръ прибавилъ, что если возникнутъ такія же предположенія по другимъ губерніямъ или уѣздамъ, то ходатайство весьегонскаго земства будетъ принято въ соображеніе. Этотъ отвѣтъ, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ обозрѣнія, весьма характеристиченъ. Онъ показываетъ, во-первыхъ, что за земскими собраніями признавалось право ходатайствовать о принятіи общихъ мѣръ, подлежащихъ осуществленію въ законодательномъ порядкѣ, т.-е. мѣръ, по терминологіи *Московскихъ Вѣдомостей*, общегосударственныхъ; во-вторыхъ, что степень вниманія къ подобнымъ ходатайствамъ обусловливалась, съ одной стороны, достаточностью или недостаточностью фактической ихъ мотивировки, съ другой — числомъ собраній, возбуждающихъ однородное ходатайство. Итакъ, заявленіе одного и того же ходатайства одновременно нѣсколькими или многими земствами не только не считалось злоумышленною стачкой, дерзновенною агитаціей, но разсматривалось, какъ презумпція въ пользу основательности ходатайства. Во что же обращаются,—спрашиваетъ авторъ обозрѣнія,—всѣ слухи, искусственно, но далеко не искусно раздуваемые реакціонною печатью?

Но приведенный фактъ вовсе не исключительный. Вотъ цѣлый рядъ подобныхъ же случаевъ. Таврическое губернское земство ходатайствовало о предоставленіи въ Таврической губ. казенныхъ участковъ земли мѣстнымъ малоземельнымъ и безземельнымъ земледѣльцамъ, съ выборомъ мѣстъ заселенія по соглашенію съ земствомъ. Хотя въ ходатайствѣ и шла рѣчь только о Таврической губ., но удовлетворить его можно было, очевидно, только путемъ общей мѣры. Такъ посмотрѣло на дѣло и правительство, но тѣмъ не менѣе вошло въ разсмотрѣніе вопроса по существу и отклонило ходатайство не какъ выходящее за предѣлы земскихъ функцій, а какъ направленное къ ограниченію свободы дѣйствій администраціи въ распоряженіи государственными имуществами. На ходатайство псковского губернскаго земства о введеніи подоходнаго налога и о присоединеніи части доставляемыхъ имъ средствъ къ рессурсамъ земскихъ учрежденій былъ данъ отвѣтъ, что оно будетъ подвергнуто обсужденію въ учрежденной при министерствѣ финансовъ коммиссіи. Аналогичные отвѣты были получены симбирскимъ губернскимъ земствомъ—на ходатайства объ измѣненіи порядка раскладки земскихъ сборовъ, о введеніи общественныхъ запашекъ и объ усиленіи наказаній за лѣсныя порубки; костромскимъ губернскимъ земствомъ — на ходатайство объ установленіи въ законодательномъ порядкѣ билетной системы продажи строевого лѣса; с.-петербургскимъ, смоленскимъ и рязанскимъ губернскими земствами — на ходатайство объ измѣненіи порядка взысканія земскихъ сборовъ; с.-петербургскимъ — на ходатайство и о привлеченіи казенныхъ фабрикъ и заводовъ къ земскому обложенію; смоленскимъ—на ходатайство объ организаціи государственнаго долгосрочнаго кредита. На ходатайство воронежскаго земства о распространеніи круга дѣйствій одного изъ законовъ, касающихся порядка отправленія воинской повинности, дано было знать, что въ такомъ распространеніи не усмотрѣно надобности (слѣдовательно, ходатайство было разсмотрѣно по существу), но для достиженія, въ извѣстныхъ случаяхъ, цѣли, къ которой стремилось земство, признано возможнымъ представлять эти случаи на высочайшее усмотрѣніе. Ходатайство херсонскаго земства о расширеніи правъ уѣздныхъ земскихъ собраній по опредѣленію содержанія участковымъ мировымъ судьямъ министръ юстиціи призналъ заслуживающимъ «особаго вниманія». Ходатайство смоленскаго губернскаго земства о введеніи въ учительскихъ семинаріяхъ обученія сельскому хозяйству и объ усиленіи преподаванія естественныхъ наукъ въ реальныхъ училищахъ министръ народнаго просвѣщенія обѣщалъ принять во вниманіе при пересмотрѣ положенія объ учительскихъ семинаріяхъ и устава реальныхъ училищъ. Аналогичный отвѣтъ былъ данъ министромъ финансовъ на ходатайство смоленскаго губернскаго земства о поощреніи сельско-хозяйственнаго винокуренія и о возвышеніи таможенныхъ пошлинъ на привозимые изъ-за границы сыръ и масло. Ходатайство с.-петербургскаго губернскаго земства о разрѣшеніи губернскимъ земскимъ собраніемъ издавать обязательныя постановленія—нашло полное удовлетвореніе въ новомъ земскомъ положеніи 1890 года. Въ общемъ, изъ

490 земскихъ ходатайствъ, помѣщенныхъ въ *Ежегодникахъ* за 1884—86 гг., по крайней мѣрѣ, двѣ трети касаются такихъ же вопросовъ.

Вѣстникъ Европы совершенно правъ, утверждая, что земскія ходатайства такъ возмущаютъ реакціонную прессу, въ сущности, только потому, что они идутъ въ разрѣзъ со стремленіями этихъ органовъ печати. Если бы земскія собранія,—говоритъ журналъ,—стали просить о расширеніи дворянскихъ привилегій, о льготахъ для крупнаго и средняго землевладѣнія, объ обостреніи протекціонизма, о новыхъ мѣрахъ строгости противъ сельскихъ и фабричныхъ рабочихъ, объ отмѣнѣ суда присяжныхъ, о распространеніи круга дѣйствій и власти земскихъ начальниковъ—объ увеличеніи числа проступковъ, влекущихъ за собой тѣлесное наказаніе,—*Московскія Вѣдомости* и К° увидѣли бы въ этомъ, безъ сомнѣнія, не что иное, какъ проявленіе высшей мудрости и патріотизма и припомнили бы даже, быть можетъ, старинное изреченіе: vox populi—vox dei. Повторилось бы то же самое, что мы видѣли, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, по отношенію къ дворянскимъ ходатайствамъ; они восхвалялись и рекомендовались вниманію власти, когда предметомъ ихъ было дарованіе дворянамъ «властной руки» въ дѣлахъ мѣстнаго управленія, и провозглашались не законными, чуть не преступными, когда клонились къ измѣненію учебнаго плана гимназій, хотя съ юридической, легальной точки зрѣнія ходатайства обѣихъ категорій рѣшительно ничѣмъ не отличались другъ отъ друга.

Изъ дѣлъ на послѣднихъ губернскихъ земскихъ собраніяхъ, помимо возбужденныхъ земствами важныхъ ходатайствъ, обращаетъ на себя вниманіе постановленіе херсонскаго собранія придти на помощь возникшимъ въ Елисаветградскомъ и Александрійскомъ уѣздахъ земледѣльческихъ артелей, для чего рѣшено предпринять изслѣдованіе этихъ артелей. Съ тою же цѣлью общество вольно-экономическое и общество содѣйствія торговлѣ и промышленности командировали въ означенные уѣзды г. Рогозина, который и посѣтилъ всѣ артели вмѣстѣ съ инспекторомъ государственнаго банка г. Шумковымъ, въ сопровожденіи управляющаго елисаветградскимъ отдѣленіемъ государственнаго банка. Елисаветградскій корреспондентъ *Одесскихъ Новостей*, сообщая объ этой поѣздкѣ, свидѣтельствуетъ, что благопріятное, впечатлѣніе, какое вынесли изъ поѣздки по артелямъ эти изслѣдователи, является особенно цѣннымъ. Такое же впечатлѣніе вынесли какъ членъ херсонской губернской земской управы г. Бошнякъ, посѣтившій аджамскія артели, такъ равно и другіе наблюдатели. Всѣ эти лица единодушно утверждаютъ, что, во-первыхъ, ни одной копѣйки изъ полученныхъ ссудъ не истрачено зря, непроизводительно; во-вторыхъ, у артельщиковъ вполнѣ сознательное отношеніе къ своему положенію и къ новой формѣ хозяйства. Г. Шумковъ пришелъ къ выводу, что артель представляетъ собой форму, наилучше гарантирующую мелкій сельско-хозяйственный кредитъ, и что артели непремѣнно слѣдуетъ поддержать ссудами.

Изъ письма, напечатаннаго г. Левитскимъ въ *Харьковскихъ Вѣдомостяхъ*, видно, что онъ преисполненъ вѣры въ будущность артелей, въ не-

прерывный ходъ ихъ развитія. О возникновеніи въ Херсонской губерніи земледѣльческихъ артелей,—пишетъ г. Левитскій,—теперь уже знаетъ вся Россія. Онѣ вызвали большой интересъ не только въ предѣлахъ нашей родины, но ими интересуются и за границей и, притомъ, выдающіеся люди и умы. Дѣло, конечно, новое, едва начинающееся, требовать сейчасъ же чего-то большого, «грандіознаго» по меньшей мѣрѣ странно и еще тѣмъ болѣе, что артели съ невѣроятными усиліями пробиваются на свѣтъ Божій безъ всякой пока помощи и поддержки. Несмотря, однако, на слишкомъ краткій періодъ существованія артелей, все-таки, для людей безпристрастныхъ уже и теперь начинаютъ обрисовываться положеніе и значеніе земледѣльческой артели въ народномъ хозяйствѣ, да еще въ такомъ ослабѣвшемъ и разстроенномъ, какъ наше. Не говоря уже о народѣ, любовно относящемся къ артели и отмѣтившемъ ее уже прекрасными поговорками (вродѣ «Де робыть артіль, такъ самъ Богъ помогае». «Артіль такъ робыть, якъ макіевъ цвитъ» и т. д.). Почти вся печать, интеллигенція, наука, люди изъ высшаго правительства,—все, что есть живого и мыслящаго, откликнулось и шлетъ сердечныя привѣтствія нашимъ артелямъ, которыя пока хоть и бѣдны средствами, за то богаты на друзей. «Не имѣй сто рублей, а имѣй сто друзей», говоритъ пословица, а теперь мы (съ артелями) можемъ считать своихъ друзей не сотнями, а тысячами, а съ друзьями придутъ къ намъ и тысячи.

Пока артелей мало, всего лишь 12, да и то еще весьма слабыхъ, не окрѣпшихъ матеріально, а 50 артелей уже готовы, организовались, но ждутъ помощи, ибо не съ чѣмъ начать артельнаго хозяйства: все народъ безлошадный, обѣднѣвшій, особенно послѣ тяжелыхъ неурожайныхъ годовъ. Но, пишетъ г. Левитскій, «Богъ не безъ милости, казакъ не безъ доли»,—найдутся добрые люди,—а они уже и есть,—помогутъ пробиться на Божій свѣтъ новому явленію народной жизни.

У артели есть недоброжелатели, — говоритъ въ заключеніи письма г. Левитскій,—но ихъ немного, друзей же у артелей много. А потому напрасны всякія старанія недоброжелателей; они безсильны погубить то, что жизненно, что вызвало такое всеобщее и дружное сочувствіе во всѣхъ сферахъ общества и что имѣетъ почву въ народѣ. Побѣдятъ не клеветники, а артели. Побѣда наша несомнѣнна, ее гарантируетъ намъ сама жизнь, самъ народъ,—а это важнѣе всего.

Того же душевнаго строя человѣкъ, какъ и г. Левитскій, землевладѣлецъ Днѣпровскаго уѣзда, Таврической губерніи, Л. Павленко, все свое имѣніе, состоящее изъ 700 дес. цѣнной земли, 45 т. руб. наличными, со всѣми значительными постройками и инвентаремъ, принесъ въ даръ днѣпровскому уѣздному земству на устройство сельско-хозяйственнаго учебнаго заведенія, съ цѣлью распространенія среди населенія агрономическихъ знаній.

О той же силѣ любви къ народу свидѣтельствуетъ пожертвованіе, сдѣланное земской учительницей Марѳой Павловной Бакуринской. Она отдала

черниговскому уѣздному земству отдѣланный домъ съ землею въ д. Осняхахъ для открытія въ немъ начальнаго училища. Кіевская газета, сообщающая это свѣдѣніе, добавляетъ, что г-жа Бакуринская человѣкъ съ весьма ограниченными средствами и на постройку школы въ родномъ селѣ затратила почти всѣ оставшіяся у нея на рукахъ средства. Это еще очень молодая дѣвушка. Въ памятный голодный годъ 1892 она ѣздила въ Саратовскую губ. кормить голодныхъ и ухаживать за больными. Поѣздка эта стоила ей не малыхъ средствъ, затраченныхъ на устройство народныхъ столовыхъ. Вернувшись домой, М. Н. Бакуринская задумала посильно послужить родному селу. Она построила школу, снабдивъ ее лучшею классною мебелью и надѣливъ землею около $1/2$ десятины; но, не имѣя возможности обезпечить содержаніе школы извѣстнымъ капиталомъ, передала ее земству, какъ наиболѣе надежному и заинтересованному въ народной грамотности учрежденію, о чемъ и сдѣлала заявленіе земскому собранію. Собраніе приняло даръ съ благодарностью, избрало г-жу Бакуринскую попечительницею школы и предоставило ей право рекомендовать на утвержденіе кандидатовъ въ учителя пожертвованной школы.

Изъ Стародубскаго уѣзда, Черниговской губерніи, въ газету *Жизнь и Искусство* сообщаютъ, что въ селѣ Соловѣ года два тому назадъ народилось ремесленное начальное земское училище. Основано училище единственно благодаря инициативѣ, заботамъ и широкой благотворительности земскаго гласнаго—помѣщика села Соловы, Сергѣя Александровича Ширай. Помѣщается училище въ обширномъ домѣ, построенномъ на землѣ и на средства г. Ширай. Сначала училище содержалось исключительно на частныя средства: 500 руб. отпускалъ г. Ширай и 200 руб. купецъ посада Еліонки Г. А. Гусевъ. Въ настоящее время на содержаніе училища выдаетъ стародубское уѣздное земство 1,500 руб. въ годъ, а остальныя, болѣе 1,000 рублей въ годъ, добавляетъ г. Ширай. Въ училище принимаются ученики изъ всѣхъ селеній уѣзда. Въ настоящее время въ немъ находится 40 воспитанниковъ; всѣ они помѣщаются въ отдѣльномъ зданіи, при училищѣ, и имѣютъ безплатно столъ. Въ училищѣ преподаются ремесла: слесарное, кузнечное и токарное. Имѣется въ немъ: 6 горновъ для желѣза, 1 горнъ для мѣди, 10 слесарныхъ станковъ, 1 станокъ сверлильный, 1 токарный и 1 столярный. Въ училищѣ изготовляются разнообразныя издѣлія и преимущественно сельско-хозяйственныя орудія. Однихъ плуговъ въ теченіе года сдѣлано болѣе 150 штукъ. Заказы поступаютъ какъ отъ частныхъ лицъ, такъ и отъ учрежденій; напримѣръ, стародубская уѣздная земская управа сдѣлала заказы плуговъ для учрежденнаго при управѣ склада сельско-хозяйственныхъ орудій; были заказы и изъ Новозыбкова—также отъ уѣздной земской управы. Поступаетъ много заказовъ и отъ крестьянъ—какъ мѣстныхъ, такъ и изъ окрестныхъ селеній, при чемъ крестьяне пріобрѣтаютъ изъ училища, главнымъ образомъ, плуги. До учрежденія училища желѣзный плугъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ составлялъ явленіе рѣдкое, единичное;—въ настоящее время, благодаря училищу, плуги

по селамъ у крестьянъ можно насчитывать уже десятками. Въ истекшемъ году крестьянами пріобрѣтено изъ училища до 80 плуговъ. Такимъ образомъ, Соловское ремесленное училище, изготовляя улучшенныя земледѣльческія орудія, кромѣ основной своей цѣли—учебной, имѣетъ немаловажное значеніе и какъ мастерская, удовлетворяющая мѣстнымъ нуждамъ сельскаго хозяйства. Преподаваніе въ училищѣ идетъ весьма успѣшно; нѣкоторые ученики усвоили уже вполнѣ основательныя познанія, такъ что могутъ исполнять самостоятельно и сложныя работы, почему въ настоящемъ году предполагается выпускъ старшихъ учениковъ съ аттестатами.

Сѣятели добра на землѣ русской дѣйствуютъ какъ единично, такъ и обществами. Изъ симпатичныхъ новинокъ, предпринятыхъ организованными уже обществами, прежде всего укажемъ на возникновеніе при петербургскомъ комитетѣ грамотности особаго отдѣленія, имѣющаго цѣлью самостоятельно содѣйствовать распространенію книгъ между школами Сибири и сибирскимъ населеніемъ. Отдѣленіе это,—какъ сообщаетъ *Сибирскій Листокъ*,—уже пріобрѣло 55 кліентовъ-агентовъ, разбросанныхъ на всемъ пространствѣ Сибири, даже въ отдаленной Якутской области. Основаніемъ склада сибирской подкоммиссіи послужило пожертвованіе 1,000 р. А. И. Сибиряковой. Подкоммиссія разсылаетъ свои книги во всевозможныхъ изданіяхъ безплатно, беря только номинальную стоимость книги съ уступкой отъ 15 до 25%.

Отдѣленіе открыло уже библіотеку при тюменскомъ баракѣ и тюменской тюрьмѣ. Оно положило также основаніе красноярскому книжному складу присылкою книгъ на 200 рублей. Кромѣ того, отдѣленіе приняло на себя обязанность снабжать школьныя учительскія библіотеки старыми прочитанными газетами и журналами, а также и корректурными книгами петербургскихъ издателей: Суворина, Пантелеева и Павленкова, которые уже изъявили на то согласіе.

За то же дѣло взялся и московскій комитетъ грамотности. Библіотечная коммиссія при этомъ комитетѣ внесла въ число своихъ задачъ также помощь сибирскому населенію въ устройствѣ народныхъ библіотекъ, читаленъ и книжныхъ складовъ.

Гуманное отношеніе къ рабочему человѣку проявило полтавское общество сельскаго хозяйства, поднявъ вопросъ объ обезпеченіи средствъ существованія рабочаго или его семьи въ случаяхъ увѣчья, получаемаго имъ при работѣ на сельско-хозяйственныхъ машинахъ и дѣлающаго его неспособнымъ къ труду и къ прокормленію своей семьи. Коммиссія, избранная обществомъ для обсужденія этого вопроса, пришла къ заключенію о необходимости изданія обязательныхъ постановленій для владѣльцевъ сельско-хозяйственныхъ машинъ, требующихъ отъ нихъ введенія возможно лучшихъ приспособленій для огражденія рабочаго отъ несчастныхъ случаевъ. Послѣдніе чаще всего имѣютъ мѣсто при большихъ паровыхъ молотилкахъ, стоимость которыхъ достигаетъ 6,000 рублей, а необходимый аппаратъ для защиты рабочаго стóитъ всего только 250—300 руб. Обще-

ство согласилось съ предложеніемъ коммиссіи и постановило ходатайствовать передъ правительствомъ объ изданіи обязательныхъ правилъ, по которымъ ни одна фабрика не выпускала бы сельско-хозяйственныхъ машинъ безъ приспособленій для защиты рабочихъ отъ увѣчій.

Большіе пробѣлы въ нашемъ законодательствѣ относительно защиты рабочихъ отъ увѣчій имѣетъ результатомъ ежегодное огромное число жертвъ промышленнаго труда. По вычисленію г. Марусина («Фабрично-заводскій бытъ въ Россіи»), число увѣчныхъ и убитыхъ на нашихъ фабрикахъ и заводахъ составляетъ въ среднемъ 1 человѣкъ на 14 чел. рабочихъ, т.-е. болѣе 7%, что даетъ около 100,000 зашибленныхъ и искалѣченныхъ ежегодно. Здѣсь, кромѣ недостаточнаго огражденія рабочихъ отъ опасности, которую представляютъ машины, немаловажную роль играетъ такъ же чрезмѣрная продолжительность у насъ труда. Статистика распредѣленія несчастныхъ случаевъ на заводахъ и фабрикахъ по времени дня показываетъ, что наибольшее число ихъ происходитъ подъ конецъ рабочихъ смѣнъ, такъ какъ наиболѣе утомленный трудомъ и вслѣдствіе этого менѣе осмотрительный рабочій имѣетъ и больше шансовъ подвергнуться несчастному случаю. А потому болѣе продолжительный рабочій день съ краткими промежутками для отдыха увеличиваетъ число несчастій съ рабочими. Изданіе закона, сокращающаго существующую у насъ чрезмѣрную продолжительность рабочаго дня, имѣло бы много благотворныхъ слѣдствій для рабочаго класса и уменьшило бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, число убитыхъ и увѣчныхъ.

Намъ приходилось уже говорить о превосходныхъ результатахъ сокращенія рабочаго дня до 8 часовъ на Добрушской писчебумажной фабрикѣ князя Паскевича. Не прошло и года съ момента введенія болѣе короткаго дня, какъ въ средѣ рабочихъ явился замѣтный подъемъ и физическаго, и нравственнаго здоровья. Кабаки въ районѣ жительства рабочихъ, замѣняясь чайными, стали постепенно закрываться; сформированъ былъ изъ рабочихъ духовой оркестръ; аудиторія, гдѣ устраиваются чтенія, всегда полна слушателями. Такіе же прекрасные результаты, — какъ сообщаетъ *Кіевское Слово*, — дало введеніе 8-часового рабочаго дня на Дитятковской писчебумажной фабрикѣ, въ Кіевской губерніи. При этомъ, по словамъ газеты, отъ сокращенія рабочаго дня выиграли обѣ заинтересованныя стороны — и заводчики, и рабочіе. И это потому, что здѣсь, какъ почти и вездѣ, гдѣ сокращается рабочій день, произошло увеличеніе производительности и улучшеніе качества труда.

Не разъ отмѣчали мы уже энергичную и широко распространенную дѣятельность харьковскаго общества распространенія въ народѣ грамотности. Членами этого общества состоитъ большое число лицъ харьковской интеллигенціи и дѣятельность ея въ дѣлѣ помощи народному просвѣщенію занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. А вотъ, рядомъ съ такой энергичной дѣятельностью мѣстной интеллигенціи, дѣятельность городского управленія въ школьномъ дѣлѣ крайне вялая; въ этомъ отношеніи Харьковъ зани-

маетъ послѣднее мѣсто среди большихъ городовъ Россіи. Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ *Харьковскихъ Вѣдомостей* приведены цифровыя данныя, отчетливо показывающія, насколько малоуспѣшна школьная дѣятельность городского управленія въ этомъ городѣ. Въ то время какъ въ Петербургѣ и Москвѣ 1 учащійся приходится на 72 жителя, въ Одессѣ 1—на 69 жит., въ Саратовѣ 1—на 39 жит., въ Томскѣ 1—на 29 жит., въ Иркутскѣ 1—на 17 жит., въ Харьковѣ 1 учащійся приходится на 156 жителей. Слѣдовательно, первое мѣсто въ отношеніи начальнаго народнаго образованія принадлежитъ сибирскимъ городамъ: Иркутску и Томску; Харьковъ же занимаетъ послѣднее мѣсто. То же самое и по отношенію затратъ на содержаніе начальныхъ училищъ. Въ Саратовѣ расходъ на начальное народное образованіе составлялъ въ 90 году 8,6% всего городского бюджета, въ Иркутскѣ—8,5%, въ Томскѣ—7%, въ Петербургѣ—6,8%, въ Москвѣ—6%, въ Одессѣ—5,2%, въ Харьковѣ—2½%.

Если разсматривать положеніе дѣла начальнаго образованія въ Харьковѣ не сравнительно съ другими городами, а само по себѣ, то для характеристики его можетъ служить одна, но весьма краснорѣчивая цифра. Если считать всѣхъ учащихся въ городскихъ училищахъ, уѣздныхъ, церковно-приходскихъ школахъ, низшихъ классахъ гимназій и реальнаго училища, а также въ частныхъ школахъ, то и тогда число дѣтей школьнаго возраста, не находящихъ себѣ мѣста въ школахъ, выразится цифрою въ 6,000 душъ. Что же касается собственно городскихъ училищъ, то они не вмѣщаютъ и $^1/_{12}$ части всѣхъ дѣтей школьнаго возраста въ Харьковѣ. Благодаря этому ежегодно въ каждой городской школѣ сотнямъ родителей отказываютъ въ пріемѣ ихъ дѣтей въ школу, за недостаткомъ мѣста. Таково положеніе дѣла начальнаго образованія въ этомъ городѣ.

Что же, однако, сдѣлалъ нынѣшній составъ городского управленія для начальнаго образованія? По мнѣнію газеты, онъ сдѣлалъ не менѣе, чѣмъ прежніе составы, но, все-таки, крайне мало. Вотъ активъ нынѣшняго городского управленія въ этомъ отношеніи: построено новое зданіе Журавлевской школы, строится Тургеневская школа, выдана субсидія двумъ церковно-приходскимъ школамъ и увеличено на 900 рублей пособіе обществу грамотности. Сама городская управа открыто признаетъ, что этого «далеко не достаточно». Въ какой мѣрѣ недостаточно, видно изъ словъ управы, что перестроенная Журавлевская и слишкомъ долго строющаяся Тургеневская школа уменьшатъ число дѣтей, не находящихъ себѣ мѣста въ школахъ, только на 140—150 человѣкъ, т.-е. всего лишь на $^1/_{40}$ этого числа.

Но вслѣдъ затѣмъ состоялось вотъ какое, весьма характерное, постановленіе думы: «Представители харьковскаго купечества,—разсказываетъ газета,—устроившаго на свои средства и по собственной иниціативѣ коммерческое училище, обратились въ городскую думу съ ходатайствомъ о дачѣ имъ вспомоществованія въ размѣрѣ 100 тысячъ рублей. Въ принципѣ, конечно, ничего нельзя возражать противъ городской помощи этому

училищу: оно имѣетъ право на общественное содѣйствіе. И еслибъ у нашего города было много средствъ и мало неудовлетворенныхъ нуждъ, то почему не отпустить и коммерческому училищу хотя бы такую крупную сумму, какъ 100 тыс. руб.? Но въ томъ-то и дѣло, что у насъ есть не мало другихъ нуждъ, болѣе настоятельныхъ и удовлетвореніе которыхъ было бы болѣе справедливо. Взять хотя бы ту же область—народнаго образованія. Коммерческое училище—спеціальное и de facto сословное, хотя въ него могутъ поступать воспитанники всѣхъ сословій; обучающіеся въ немъ принадлежатъ по большей части къ классу обезпеченному; на содержаніе училища харьковское купечество могло бы найти и въ своей богатой средѣ, и въ средѣ купечества другихъ губерній, пользующихся услугами училища. Но гдѣ найдетъ средства бѣднякъ, который желалъ бы обучить своего сына грамотѣ, жертвуя для этого тяжелымъ трудомъ заработанные гроши и, тѣмъ не менѣе, не имѣя возможности осуществить свое законнѣйшее желаніе только потому, что въ городскихъ школахъ нѣтъ мѣста? Къ сожалѣнію, этимъ вопросомъ, вѣроятно, не задавались ходатайствовавшіе и разрѣшавшіе ходатайство. Дѣло ограничилось только тѣмъ, что городская управа слегка уменьшила слишкомъ сословный характеръ этого ходатайства и внесла его въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, а именно: она рекомендовала думѣ выдать изъ прибылей городского банка 75 тыс. руб. училищу (въ теченіе 5 лѣтъ, по 15 тыс. руб. ежегодно), а 25 тыс. руб. (по 5 тыс. руб. ежегодно) на устройство народныхъ школъ. Подъ мантіей купеческихъ интересовъ прошла и помощь начальному образованію.

«Ассигнованныя думою 25 тыс. рублей были назначены, какъ сказано, на устройство въ теченіе 5 лѣтъ начальныхъ училищъ, сколько таковыхъ можно устроить на эту сумму. Прошелъ годъ и первые 5 тыс. рублей пропали для той цѣли, для которой они были предназначены: за отказомъ г. Захарьева внести обѣщанное пожертвованіе (3 тыс. руб.) на постройку Тургеневской школы, пришлось употребить ихъ на эту школу, что̀ не имѣлось въ виду. Конечно, городское управленіе въ этомъ нисколько не виновато, но фактъ остается фактомъ: изъ суммы, назначенной думою на новыя школы, часть уже не существуетъ. Стало-быть, даже то незначительное улучшеніе въ дѣлѣ начальнаго образованія, на которое можно было разсчитывать хоть черезъ пять лѣтъ, должно еще уменьшиться»...

Сопоставленіе дѣятельности харьковской городской думы съ работой харьковскаго общества распространенія начальнаго образованія еще лишній разъ свидѣтельствуетъ, что будь измѣнена дѣйствующая система выборовъ въ городскія управленія въ томъ смыслѣ, чтобы было дано значеніе образовательному цензу, и интеллигенція получила бы, тѣмъ самымъ, доступъ къ городскому управленію, то дѣла въ этихъ управленіяхъ пошли бы иначе.

Есть въ Вятской губерніи уѣздъ, именно Глазовскій, гдѣ много «купецкой» земли, почему значительное число гласныхъ въ земствѣ состоитъ изъ богатыхъ купцовъ. И вотъ, по словамъ газеты *Вятскій Край*, такой

составъ земскаго собранія очень сказывается на ходѣ общественныхъ дѣлъ. Въ какомъ уѣздѣ Вятской губерніи всего менѣе школъ?—въ Глазовскомъ; гдѣ меньше грамотныхъ?—тамъ же; гдѣ меньше тратилось и тратится нынѣ на школы?—тамъ же. Остался вѣренъ себѣ крупновладѣльческій элементъ глазовскаго собранія и въ нынѣшнемъ году. Въ то время какъ прочими уѣздными земствами Вятской губерніи рѣшено открыть гдѣ 20 и 25, а гдѣ 30 и даже 40 новыхъ школъ, глазовское земство отдѣлалось лишь ассигновкой 750 руб. на учрежденіе двухъ новыхъ школъ и на преобразованіе третьей изъ школы грамоты въ нормальную земскую, въ остальномъ, по предложенію предсѣдателя собранія, постановило сдать вопросъ о школѣ уѣздной управѣ для разработки къ будущему собранію! Что же,—замѣчаетъ названная газета,—передача вопросовъ въ коммиссію и управу до будущаго года это—самый вѣрный и испытанный способъ погребенія всякихъ вопросовъ и глазовское земство въ этомъ отношеніи уже набило руку.

Земское самоуправленіе правильнѣе всего функціонируетъ въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ господствующій контингентъ гласныхъ состоитъ или изъ однихъ крестьянъ или совмѣстно изъ крестьянъ и дворянъ-землевладѣльцевъ средняго достатка. Именно земства такого состава всего болѣе заботятся о народномъ образованіи, о народномъ здравіи, объ улучшеніи экономическихъ условій населенія. Именно эти земства всего ранѣе поставили вопросъ о всеобщемъ обученіи и ходатайствовали предъ правительствомъ, чтобы въ этомъ великомъ общегосударственномъ дѣлѣ земство не было предоставлено исключительно своимъ скуднымъ финансовымъ силамъ, чтобы къ нему на помощь пришло государство, удѣливъ изъ своего громаднаго бюджета нѣкоторую долю на нужды начальнаго образованія. Именно къ этимъ земствамъ по преимуществу относятся слѣдующія слова директора народныхъ училищъ г. Мартынова: *на Руси народное просвѣщеніе народилось и пустило крѣпко корни въ народное сознаніе, благодаря честнымъ и высокимъ стремленіямъ и заботамъ русскаго земства.*

Когда подумаешь, какъ много сдѣлало земство въ области народнаго просвѣщенія и какъ сильны въ немъ стремленія къ дальнѣйшему развитію и усовершенствованію этого дѣла, то поймешь то брезгливое чувство, съ какимъ относятся многіе къ той, правда, ничтожной части печати, которая не перестаетъ всѣми способами подкапываться подъ земскую школу, а чтобы скрыть свою ненависть къ распространенію образованія въ народѣ, заявляетъ себя сторонникомъ церковно-приходской школы и предлагаетъ ее взамѣнъ земской.

Истинные друзья народнаго просвѣщенія рады всякой новой школѣ, лишь бы только ученіе въ ней было дѣйствительнымъ, а не номинальнымъ. Расположеніе къ свѣтской школѣ просто объясняется тѣмъ, что въ ней ученье у всѣхъ на виду, подвергается достаточному контролю, и результаты его сказались уже наглядно. Земская школа выработала уже цѣлую систему начальнаго образованія, внесла въ него бодрый духъ общественной иниціативы и можетъ служить теперь образцомъ для младшей сестры своей—

церковной школы. Между тѣмъ, до сихъ поръ церковно-приходскія школы ставятъ себѣ слишкомъ исключительныя цѣли, мало обращаютъ вниманія на задачи общеобразовательныя и, сверхъ того, обученіе въ нихъ, по общимъ отзывамъ и оффиціальнымъ донесеніямъ, въ большинствѣ случаевъ идетъ крайне неудовлетворительно.

Земская школа стала твердою ногой въ Европейской Россіи, ей и предстоитъ дальнѣйшее и широкое развитіе. Иначе, какъ будто, стоитъ дѣло по отношенію къ Сибири. Извѣстно, что министерство народнаго просвѣщенія, въ видахъ упорядоченія и объединенія народной школы въ Сибири, выступило съ предложеніемъ о передачѣ въ его вѣдѣніе тѣхъ сибирскихъ школъ, которыя находились до сихъ поръ въ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ и министерства государственныхъ имуществъ. На ряду съ такимъ проектомъ выдвинутъ и другой: духовное вѣдомство предложило, чтобы всѣ сибирскія начальныя училища были переданы ему. Въ такомъ видѣ поставленъ теперь вопросъ о сибирскихъ школахъ. Мы уже говорили, что для правильнаго освѣщенія этого дѣла сибирская печать собрала много фактическаго матеріала, выясняющаго дѣйствительное положеніе церковно-приходскихъ школъ въ Сибири. На основаніи точныхъ данныхъ, газета *Степной Край* указала, что такой первостепенной важности вопросъ нельзя рѣшать путемъ кабинетныхъ размышленій, имѣя въ рукахъ только оффиціальные отчеты объ успѣхахъ, достигнутыхъ духовенствомъ въ дѣлѣ народнаго образованія. Извѣстно, «что очень часто не находили никакихъ школъ тамъ, гдѣ онѣ значились по отчетамъ; что изъ дѣйствительно существующихъ церковно-приходскихъ школъ успѣхами отличались только тѣ, въ которыхъ преподаваніе было поручено свѣтскимъ учителямъ и учительницамъ, и что, наконецъ (даже бывали и такіе случаи), священники брали на время экзаменовъ учениковъ изъ сосѣднихъ министерскихъ школъ, въ которыхъ они, въ то же время состояли законоучителями». У духовныхъ лицъ,—продолжаетъ газета,—для ревностнаго исполненія и своихъ прямыхъ-то обязанностей часто не хватаетъ ни силъ, ни времени; что же сказать, если взвалить на нихъ еще и школьное дѣло? Обязанности священника въ Сибири еще сложнѣе, чѣмъ въ Европейской Россіи, во-первыхъ, потому, что, въ большинствѣ случаевъ, приходы священниковъ представляютъ слишкомъ громадные районы, а во-вторыхъ, сибирское духовенство, свою просвѣтительную дѣятельность, кромѣ православнаго населенія, должно направлять въ среду инородцевъ и раскольниковъ. Другая газета, *Сибирскій Вѣстникъ*, напечатала внушительныя выдержки изъ отчетовъ о состояніи церковно-приходской школы въ тобольской епархіи за 1893—1894 учебный годъ. Въ тобольской епархіи состоитъ 434 прихода, школъ же церковно-приходскихъ имѣлось въ отчетный періодъ 115, да школъ грамоты 128, всего 243 школы. Такимъ образомъ, очень многіе приходы, въ среднемъ около половины, не имѣютъ въ своемъ завѣдываніи никакой школы; принявъ же во вниманіе только церковно-приходскія школы, оказывается, что почти три четверти приходовъ ихъ не имѣютъ.

Если число церковно-приходскихъ школъ, такимъ образомъ, не ве... епархіи, то, быть можетъ, это дѣло находится еще въ фазисѣ ... и быстро развивается за послѣднее время. Дѣйствительно, мы чи... говоритъ газета,—что за отчетный годъ открыто новыхъ 31 школ... моты; но было бы неосмотрительно дѣлать отсюда неблагопріятное ... ченіе о разрастаніи дѣла, такъ какъ изъ того же отчета мы узнаем... за то же время закрыто болѣе сорока школъ: въ предшествующемъ ... номъ году всѣхъ церковныхъ школъ было 288, а въ отчетномъ ... уменьшеніе равняется 45 школамъ. По словамъ *Сибирскаго Вѣст...* подобное массовое закрытіе церковныхъ школъ замѣчается кажд... Такимъ образомъ, если можно говорить о движеніи школьнаго дѣ... тобольской епархіи, то никакъ не о возрастаніи его. При такомъ ... закрытіи училищъ школьному дѣлу недостаетъ одного изъ существен... условій—устойчивости, прочности, и его никакъ нельзя признать ... установившимся, а не то что развивающимся. Насколько можетъ б... вводима въ заблужденіе администрація относительно дѣйствительнаго ... женія церковно-школьнаго дѣла, видно изъ слѣдующаго факта, при... маго *Сибирскимъ Вѣстникомъ*: «Начальникъ области, при посѣщеніи ... ной церковно-приходской школы, поражается успѣхами обучающихся ... ней; на самомъ же дѣлѣ школа была однимъ миѳомъ, и воспитанники ... отличавшіеся бойкими отвѣтами, были выбраны изъ ребятъ, обучавши... по домамъ у поселенцевъ и собраны къ пріѣзду губернатора въ несу... ствующую школу». Въ полученныхъ послѣднихъ нумерахъ сибирскихъ га... зетъ высказывается уже надежда, что сибирскія школы станутъ пред... томъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. И основаніемъ эт... надежды служитъ начатое уже собираніе фактическаго матеріала о состоя... ніи церковно-приходской школы въ Сибири. Сибирская печать выража... увѣренность, что собранный матеріалъ во-очію покажетъ невозможност... устранить въ Сибири свѣтскую школу, замѣнивъ ее церковно-приходской. Предъ нами лежатъ,—сообщаетъ *Сибирскій Вѣстникъ*,—два отвѣта то... скаго епархіальнаго училищнаго совѣта о состояніи церковныхъ школъ епархіи за 1892—93 и за 1893—94 учебные годы. Что же говорятъ эти отвѣты? На первый вопросъ—о числѣ существующихъ церковныхъ школъ и учащихся въ нихъ—вышеозначенные отвѣты вынуждены констатировать, что число учащихся въ церковныхъ школахъ имѣетъ наклонность къ уменьшенію. Напротивъ, въ школахъ гражданскаго вѣдомства Томской губерніи за отчетные годы замѣчается ежегодно солидное увеличеніе числа учащихся при одинаковомъ съ церковнымъ вѣдомствомъ процентѣ вновь открываемыхъ школъ. Этотъ фактъ не можетъ быть объясненъ ничѣмъ другимъ, какъ только большею симпатіей сибирскаго населенія къ лучше поставленной въ учебномъ отношеніи гражданской школѣ. Что касается важнаго вопроса объ отношеніи сибирскихъ раскольниковъ и инородцевъ къ церковной школѣ, то, по даннымъ отчетовъ, можно сказать, что какъ тѣ, такъ и другіе избѣгаютъ церковной школы съ характерной настойч...

востью. Въ Барнаульскомъ округѣ насчитывается 17,388 душъ обоего пола, зарегистрированныхъ консисторіей послѣдователями раскола, и 8 тысячъ иновѣрцевъ. И изъ всего этого населенія въ церковныхъ школахъ округа обучается только 2 мальчика и 1 дѣвочка. То же можно сказать относительно другихъ округовъ. Такимъ образомъ вопросъ о передачѣ всѣхъ сибирскихъ школъ въ духовное вѣдомство аналогиченъ осужденію на безграмотность значительной части сибирскаго населенія—инородцевъ и раскольниковъ. По второму вопросу циркуляра—о личномъ составѣ преподающихъ и степени ихъ подготовки—отчетъ свидѣтельствуетъ, что въ Барнаульскомъ округѣ изъ священниковъ, завѣдывавшихъ церковными школами округа, было только 5 кончившихъ курсъ духовной семинаріи, не считая, конечно, городскихъ священниковъ, 21—не окончившихъ курса духовной семинаріи, а нерѣдко даже и низшей школы—духовнаго училища, 15 священниковъ, неудостоенныхъ даже епархіальною властью завѣдывать и законоучительствовать въ школахъ ихъ приходовъ. Все руководство въ такихъ школахъ, гдѣ священники неспособны вести преподаваніе и завѣдываніе школами, возлагается обыкновенно на діаконовъ и учителей, обладающихъ исключительно низшимъ образованіемъ. Въ Маріинскомъ округѣ только 1 священникъ кончилъ курсъ въ духовной семинаріи, 8 священниковъ не кончили курса средней школы. То же самое наблюдается и въ Томскомъ округѣ, ближайшемъ къ городу, гдѣ находится духовная семинарія; только 3 священника кончили курсъ духовной семинаріи и т. д. Въ нѣкоторыхъ же епархіяхъ, гдѣ или нѣтъ духовной семинаріи, или же она открыта недавно, какъ, напримѣръ, въ Енисейской, число образованнаго духовенства еще менѣе.

Отвѣты на остальные вопросы не имѣютъ такого значенія, чтобы на нихъ останавливаться. Но и того,—заключаетъ *Вѣстникъ*,—что уже сказано, вполнѣ достаточно для выясненія вопроса о правоспособности сибирскаго духовенства руководить всѣмъ народнымъ образованіемъ въ Сибири.

Слѣдуетъ пожелать, чтобъ обращено было серьезное вниманіе и на другую важную нужду населенія, на нужду въ медицинской помощи. Медицинская помощь тоже недоступна сельскому населенію Сибири. Тамъ одинъ врачъ приходится чуть ли не на 100,000 человѣкъ. Помощь эта сосредоточена, главнымъ образомъ, въ лицѣ окружныхъ врачей, причемъ система установлена исключительно разъѣздная. Осужденная уже практикой за Ураломъ,—говоритъ по этому поводу *Сибирскій Вѣстникъ*,—на сибирской почвѣ она является еще болѣе несостоятельной. Долгосрочныя отлучки въ округъ отнимаютъ у избраннаго врачомъ пункта характеръ центра, въ которомъ даже ближайшее населеніе не видитъ своего доктора недѣлями, а въ нѣкоторыхъ и мѣсяцами; отдаленное населеніе по опыту теряетъ увѣренность застать врача дома; пріемы приходящихъ сокращаются до минимума. Не лучше по результатамъ и разъѣзды. Масса болѣзней требуетъ частыхъ посѣщеній и для многихъ больныхъ однократная помощь равняется нулю. Неудивительно поэтому, что въ Сибири сельскій врачъ безъ по-

стояннаго пункта, безъ больницы, болѣе чѣмъ гдѣ-либо является чиновникомъ, регистрирующимъ факты и безсильнымъ передъ ними. Что уже говорить о положеніи медицинскаго дѣла въ селахъ Сибири, когда даже въ Томскѣ, университетскомъ городѣ съ медицинскимъ факультетомъ, состояніе единственной тамъ больницы, больницы приказа общественнаго призрѣнія, поражаетъ свѣжаго человѣка. По словамъ профессора томскаго университета г. Салищева, хирургическое отдѣленіе томской больницы представляетъ собою огромный гигіеническій абсурдъ, немыслимый ни въ какой земской больницѣ самаго глухого уѣзднаго городка Европейской Россіи. Профессоръ не разъ показывалъ больницу пріѣзжавшимъ изъ Европейской Россіи товарищамъ и всегда вызывалъ въ нихъ тяжелое, гнетущее впечатлѣніе. Особаго отдѣленія для заразныхъ больница не имѣетъ, а потому ради уединенія язвенные, гноящіеся, обожженные, обмороженные, піэмики, рожистые, гангренозные—всѣ находятся въ одной палатѣ № 5, выходящей въ общій срединный корридоръ, въ который открываются и прочія хирургическія палаты и который черезъ устроенные съ обоихъ концевъ входы изъ сѣней провѣтривается «чистымъ» воздухомъ съ густѣйшимъ букетомъ отхожихъ мѣстъ самаго первобытнаго устройства. Кромѣ того, въ этомъ же корридорѣ ежедневно по утрамъ толпятся приходящіе больные со всевозможными болѣзнями. Такова больница въ Томскѣ—столичномъ городѣ Сибири. Состояніе больницъ въ другихъ городахъ Сибири еще ужаснѣе.

И. Иванюковъ.

Не въ очередь.

Въ ноябрьской книжкѣ *Міра Божія* за прошлый годъ появилась статья г. Иванова: *Подозрительная слава*. Написана она по поводу *Семьи Поланецкихъ*, но даетъ общую характеристику таланта и міропониманія Сенкевича. Какъ показываетъ самое заглавіе статьи, критикъ относится къ польскому писателю съ неодобреніемъ. Въ виду того, что *Русская Мысль* постоянно старается знакомить читателей съ романами и повѣстями Сенкевича, намъ и въ интересахъ истины, и *pro domo sua* приходится выступить съ нѣсколькими возраженіями противъ статьи г. Иванова. Это облегчается тѣмъ обстоятельствомъ, что съ авторомъ *Подозрительной славы*, сотрудникомъ и *Русской Мысли*,—у насъ нѣтъ, повидимому, разногласій принципіальнаго свойства.

«Русская критика,—говоритъ г. Ивановъ,—по крайней мѣрѣ въ лицѣ талантливѣйшихъ, интеллигентнѣйшихъ и честнѣйшихъ своихъ представителей, всегда придавала и продолжаетъ придавать большое значеніе *смыслу* искусства, его культурному и общественному вліянію на дѣйствительность». Съ этой точки зрѣнія критикъ *Міра Божія* ставитъ Генрика Сенкевича очень низко. «Г. Сенкевичъ,—говоритъ г. Ивановъ,—по своему нравственному міросозерцанію и общей умственной дѣятельности, человѣкъ толпы. Онъ по своимъ идеаламъ не стоитъ выше будничной изображаемой имъ среды».

Когда Пушкинъ въ *Повѣстяхъ Бѣлкина*, съ полнѣйшею симпатіею изображалъ простыхъ и добрыхъ заурядныхъ людей,—неужели онъ, тѣмъ не менѣе, не стоялъ высоко надъ толпою? Неужели г. Ивановъ не замѣчаетъ въ романахъ и разсказахъ Сенкевича—и большого ума, и широкой, разносторонней образованности?

Существованіе *шляхетскихъ чувствъ* у Сенкевича, въ особенности въ его историческихъ романахъ, мы давно уже признавали; но мы утверждаемъ, что многихъ произведеній знаменитаго польскаго писателя чувства эти вовсе не коснулись и что во многихъ изъ своихъ сочиненій онъ обнаружилъ необыкновенно яркій талантъ. Наше мнѣніе не одиноко, но это, разумѣется, не составляетъ аргумента противъ г. Иванова *).

*) Въ ноябрьской книжкѣ *Новаго Слова* напечатана статья г-жи Николаевой: *Поиски спасающаго догмата*. Авторъ указываетъ на *великое жизненное значеніе* во-

Критикъ *Міра Божія* утверждаетъ, что *Безъ догмата*, въ основной части, *рабская копія* съ *Героя нашего времени*. Въ доказательство приводится нѣсколько фразъ, сходныхъ по мысли и по выраженіямъ. Такой пріемъ нѣтъ никакой возможности признать правильнымъ. При помощи подобныхъ *иллюстрацій* можно утверждать, что Чацкій — рабская копія съ Альцеста, что Печоринъ—рабская копія съ Евгенія Онѣгина, и т. д. «Психологическое содержаніе романа *Безъ догмата*, полагаетъ г. Ивановъ, можетъ казаться новостью развѣ только публикѣ, знающей одного г. Сенкевича. Для насъ это перепѣвъ стараго геніальнаго произведенія, и еще хорошо было бы, еслибъ только перепѣвъ. Но г. Сенкевичъ внесъ и нѣчто другое въ психологію своего героя. Это другое столь же неоригинально и заимствовано изъ источника гораздо менѣе совершеннаго».

Подъ послѣднимъ г. Ивановъ разумѣетъ романы Бурже.

Замѣтимъ прежде всего, что и *Героя нашего времени*, въ основной части, съ не меньшимъ основаніемъ можно назвать *перепѣвомъ*, что не мѣшаетъ ему, по утвержденію г. Иванова, быть даже геніальнымъ произведеніемъ. Главная ошибка критика *Міра Божія* состоитъ въ томъ, что онъ судитъ Сенкевича и его произведенія, не обращая ни малѣйшаго вниманія на условія времени, на національныя особенности того общества, въ которомъ живетъ Сенкевичъ. Такой пріемъ нѣсколько напоминаетъ мнѣ *разносъ* Писаревымъ Пушкина.

Польское общество переживаетъ въ настоящее время, насколько я могу судить со стороны и не зная польскаго языка, значительный нравственный кризисъ,—въ особенности *шляхетское* польское общество. По моему мнѣнію, въ романѣ *Безъ догмата*, который блещетъ остроуміемъ и глубокими замѣчаніями, Сенкевичъ превосходно изобразилъ смятенную душу Плошовскаго. Вопреки утвержденію г. Иванова, я думаю, что Сенкевичъ ничего не заимствовалъ и изъ другого источника, о которомъ говоритъ г. Ивановъ: въ обществѣ, какъ польское, глубоко проникнутомъ католицизмомъ, романы Бурже не могутъ быть источникомъ настроенія. Мнѣ, наоборотъ, представляется мастерскимъ изображеніе той психической амальгамы, которую даетъ намъ Сенкевичъ въ славянской душѣ, подъ вліяніемъ утонченнаго скептицизма и глубоко запавшей въ природу именно *католической* вѣры.

Перейду къ другимъ пунктамъ обвиненія. *Бартекъ-побѣдитель*, по мнѣнію критика,—«козелъ отпущенія не демократическихъ, а *обще-польскихъ* (курсивъ г. Иванова) идей автора, т.-е., въ сущности, тѣхъ же *шляхетскихъ*» (курсивъ мой).

просовъ, подымаемыхъ Сенкевичемъ въ романахъ *Безъ догмата* и *Семья Поланецкихъ*, и на *силу и яркость* таланта Сенкевича. Что касается идей, проникающихъ его творчество, то г-жа Николаева ставитъ ихъ не высоко, и по отношенію къ *Семьѣ Поланецкихъ* я не могу не согласиться съ критикомъ *Новаго Слова*. Большая статья *Семья Поланецкихъ* въ чешской *Politik* (15 December 1895) называетъ Сенкевича геніальнымъ писателемъ.

На чемъ же основывается утвержденіе, что общепольскія, т.-е. національныя, идеи *въ сущности*—шляхетскія? Рѣшительно ни на чемъ. *Бартекъ-побѣдитель*, появившійся у насъ въ первый разъ въ *Отечествен. Запискахъ*, производитъ глубокое и гуманное впечатлѣніе,—я охотно сказалъ бы: именно демократическое. Правда, въ разсказѣ чувствуется полякъ-патріотъ; но какой же у Сенкевича можетъ быть патріотизмъ, кромѣ польскаго? Подобный же патріотизмъ, вполнѣ соединимый съ лучшими общечеловѣческими стремленіями и идеями, мы находимъ и въ произведеніяхъ г-жи Ожешковой, которыми такъ справедливо восхищается г. Ивановъ.

Критикъ *Міра Божія* признаетъ, что у Сенкевича есть *наклонность къ чувствительнымъ ощущеніямъ, доходящимъ нерѣдко до мелодрамы* (Марися и Янко-музыкантъ), попадаются у него *блестки юмора (Та третья)* и *человѣчнаго теплаго чувства (Фонарщикъ на маякѣ)*, но это не измѣняетъ общаго суроваго приговора.

Намъ перечисленныя сейчасъ произведенія доставили глубокое нравственно-эстетическое наслажденіе. Создать ихъ могъ только большой художникъ, съ тонкимъ умомъ, съ благороднымъ отзывчивымъ сердцемъ, и нельзя пренебрежительно отбрасывать такія произведенія, когда дѣло идетъ о характеристикѣ писателя вообще. Дешевое изданіе *Янко-музыкантъ*, напечатанное *Русскою Мыслью*, пошло въ народъ, и, по многочисленнымъ отзывамъ, очень нравится дѣтямъ. А за каплю крови, общую съ народомъ, многое прощается...

Приходится мнѣ сдѣлать нѣсколько возраженій и другому «изъ своихъ»,—г. Струве, статья котораго напечатана въ этой книгѣ *Русской Мысли*. Я называю г. Струве нашимъ, несмотря на то, что мы признаемъ теорію экономическаго матеріализма одностороннею, несмотря и на то, что авторъ *Критическихъ замѣтокъ* предлагалъ русскому народу *пойти на выучку къ капитализму*. Эту послѣднюю фразу мы считаемъ неосторожною, но не имѣемъ ни малѣйшаго основанія считать г. Струве сторонникомъ капитализма, какъ таковаго.

Редакція *Русской Мысли* охотно дала мѣсто возраженію г. Струве противъ г. Оболенскаго. Это возраженіе разъясняетъ нѣкоторые пункты въ той теоріи историческаго развитія, которую защищаетъ авторъ, и поможетъ читателю самостоятельно отнестись къ ней. Мнѣ хотѣлось по поводу статьи г. Струве еще разъ подчеркнуть возрастающую роль сознанія и идей въ исторіи. Г. Струве говоритъ, что «устраненіе капитализма, съ точки зрѣнія матеріалистическаго пониманія исторіи, возможно только на извѣстной ступени развитія производительныхъ силъ и производственныхъ отношеній». Съ нашей же точки зрѣнія роковой связи между производственными отношеніями и распредѣленіемъ не существуетъ съ того момента, когда сознаніе цѣлей и средствъ общественной жизни проникаетъ въ культурное общество. Желѣзныя дороги, напримѣръ, по производственнымъ отношеніямъ, дѣйствительно, должны быть въ рукахъ капитализма, крупныхъ акціонерныхъ компаній; но государство какъ въ Германіи, такъ отчасти и у

насъ, можетъ, въ интересахъ справедливости и общенароднаго блага, взять рельсовые пути въ свои руки. Что же касается роста самого сознанія, то его нѣтъ никакой возможности ставить въ исключительную и даже тѣсную связь съ производственными отношеніями. Печатный станокъ разноситъ и укрѣпляетъ это сознаніе при разныхъ производительныхъ отношеніяхъ и при разныхъ препятствіяхъ для распространенія здравыхъ нравственно-общественныхъ идей. Но, разумѣется, и эти отношенія, и эти препятствія задерживаютъ многое изъ того, что должно осуществить въ общественной жизни. Жаль, что г. Струве и его единомышленники мало обращаютъ вниманія именно въ сторону названныхъ препятствій.

Въ настоящее время въ русскомъ обществѣ замѣчается небывалый интересъ къ народному образованію. Интересъ этотъ, по моему мнѣнію, вызванъ въ значительной степени, если не главнымъ образомъ, слѣдующими основаніями. Наши «народники» утверждали, что общинный и артельный духъ необычайно силенъ въ русскомъ народѣ, что у народа надо учиться, такъ называемой, интеллигенціи справедливымъ общественнымъ распорядкамъ и доброму житію вообще. Событія очень быстро опровергли эти утвержденія, капитализмъ у насъ преспокойно ѣлъ курчонка, когда сантиментальный и склонный къ поученіямъ поваръ-народникъ пространно доказывалъ ему, что этотъ котъ-васька—язва, чума и порча здѣшнихъ мѣстъ. Общество наконецъ встрепенулось. Оно признало пагубнымъ заблужденіемъ одностороннюю народническую теорію и съ удивительною энергіей принялось будить народнаго богатыря, вносить свѣтъ знанія и сознанія туда, гдѣ дремали и пропадали духовныя силы русскаго народа. Не измѣненіе *производственныхъ отношеній* вызвало эти усиленныя и благородныя стремленія внести образованіе въ убогую крестьянскую избу, и было бы, по моему мнѣнію, огромною ошибкой не придавать *историческаго* плодотворнаго значенія этой работѣ *интеллигенціи*.

Результаты такой работы уже сказываются. Запросъ на хорошее чтеніе растетъ, мысль нашего народа подымается. Вотъ что пишетъ безпристрастный наблюдатель и, очевидно, вовсе не либералъ, а земскій начальникъ, въ *Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*: «Нѣтъ никакого сомнѣнія, что крестьяне весьма сочувственно отнесутся ко всякой затратѣ на ихъ образованіе, если сумѣть имъ ясно изложить всю пользу предполагаемаго вами дѣла. Мой участокъ не составляетъ какого-либо особенно счастливаго оазиса или исключенія изъ общаго правила, а между тѣмъ въ продолженіе двухъ съ половиною мѣсяцевъ во всѣхъ селахъ (четырехъ) были постановлены приговоры объ открытіи народно-школьныхъ библіотекъ-читаленъ и объ устройствѣ народныхъ чтеній съ волшебнымъ фонаремъ, причемъ не только на пріобрѣтеніе книгъ для библіотеки и фонаря для чтеній, но и на поддержаніе того и другого были ассигнованы приличныя суммы. Насколько сочувствіе народа было искренно и неподдѣльно, доказываютъ ихъ частныя, индивидуальныя жертвы на пріобрѣтеніе книгъ для библіотеки. Въ день постановленія приговора объ открытіи библіотеки, мною, въ нѣкото-

рыхъ селахъ, сдѣлано было предложеніе присутствовавшимъ на сходѣ, не пожелаетъ ли кто что-либо пожертвовать на доброе дѣло. И вотъ сыпались пятачки, гривенники, и даже рубли (нѣсколько крестьянъ пожертвовали по два рубля, а одинъ даже пять рублей), результатомъ чего было въ одномъ селѣ 27 рублей, а въ другомъ 58 рублей, и это за какой-нибудь одинъ часъ! Я едва успѣвалъ записывать имена жертвователей» *).

Удивительный земскій начальникъ *Петербургскихъ Вѣдомостей*,—антиподъ «нормальнаго» земскаго начальника по *Гражданину*, говоритъ далѣе, что онъ не видалъ болѣе внимательной аудиторіи, чѣмъ крестьяне на сходѣ, несмотря на многочисленность толпы (болѣе шестисотъ человѣкъ). «И все это, прибавляетъ онъ, можно получить, не прибѣгая къ замѣчаніямъ, а тѣмъ болѣе угрозамъ или къ примѣненію пресловутой и никому ненужной 61 ст. Полож. о зем. нач.».

Одна ласточка весны не дѣлаетъ.

Такой земскій начальникъ могъ бы быть *такимъ* же мировымъ судьею или членомъ земской управы. Ради столь исключительныхъ людей нѣтъ основанія жертвовать земскимъ началомъ и принципомъ отдѣленія судебной власти отъ административной, потому что для подобныхъ почтенныхъ дѣятелей такое пожертвованіе не нужно, для дѣятелей же иного типа оно служитъ источникомъ систематическихъ злоупотребленій. Учрежденія безъ добрыхъ людей тщетны,—сказалъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ нашихъ государственныхъ людей,—но и люди безъ добрыхъ учрежденій мало добраго произвести могутъ.

Возвращаюсь къ вопросу о народномъ образованіи. Въ № 26 *Русскихъ Вѣдомостей* я прочелъ слѣдующія строки: «Намъ сообщаютъ, что московскій комитетъ грамотности въ нынѣшнемъ году испытываетъ недостатокъ средствъ. Публичныя лекціи, доходъ съ которыхъ шелъ на покупку и разсылку народныхъ изданій, не могли состояться. Между тѣмъ запросы изъ деревень и селъ все возрастаютъ. Сотнями и тысячами поступаютъ въ комитетъ просьбы о присылкѣ книгъ для чтенія и учебниковъ. Всякое пожертвованіе деньгами или книгами будетъ при такихъ условіяхъ по-истинѣ добрымъ дѣломъ, каждый рубль и каждая хорошая книжка примутся съ глубокою благодарностью. Обращаться слѣдуетъ въ Москву, въ комитетъ грамотности (Смоленскій бульваръ, въ зданіи Земледѣльческой школы)».

Перепечатываемъ эти строки въ надеждѣ, что добрые люди, которые прочтутъ ихъ, откликнутся на призывъ.

Въ январѣ нынѣшняго года минуло полвѣка съ появленія *Бѣдныхъ людей* Достоевскаго. Извѣстно, въ какой восторгъ отъ чтенія рукописи пришелъ Некрасовъ, съ какимъ сочувствіемъ встрѣтилъ первое произведеніе молодого писателя геніальный Бѣлинскій. Въ *Воспоминаніяхъ* Анненкова приведенъ отзывъ знаменитаго критика, сказавшаго Анненкову, что *Бѣд-*

*) *Петербургскія Вѣдомости*, 17 января.

ные люди—первая попытка у насъ соціальнаго романа. Въ статьѣ, напечатанной въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1846 г., Бѣлинскій писалъ слѣдующее: «Нельзя не согласиться, что для перваго дебюта *Бѣдные люди* и, непосредственно за ними, *Двойникъ*—произведенія необыкновеннаго размѣра и что такъ еще никто не начиналъ изъ русскихъ писателей *). Конечно, это доказываетъ совсѣмъ не то, чтобъ г. Достоевскій по таланту былъ выше своихъ предшественниковъ (мы далеки отъ подобной нелѣпой мысли), но только то, что онъ имѣлъ передъ ними выгоду явиться послѣ нихъ; однако, со всѣмъ тѣмъ, подобный дебютъ ясно указываетъ на мѣсто, которое со временемъ займетъ г. Достоевскій въ русской литературѣ, и на то, что если бы онъ и не сталъ рядомъ со своими предшественниками, какъ равный съ равными, то долго еще ждать намъ таланта, который бы сталъ къ нимъ ближе его».

Указавъ на гуманную мысль, которая лежитъ въ основѣ *Бѣдныхъ людей*, Бѣлинскій прибавляетъ: «Честь и слава молодому поэту, муза котораго любитъ людей на чердакахъ и въ подвалахъ и говоритъ о нихъ обитателямъ раззолоченныхъ палатъ: вѣдь, это тоже люди, ваши братья!»

«Огромное вліяніе Достоевскаго,—писалъ впослѣдствіи Н. Н. Страховъ, скончавшійся 24 января наступившаго года,—нужно причислить, конечно, къ самымъ отраднымъ явленіямъ, и въ немъ есть одна черта, заслуживающая величайшаго вниманія. Эта черта—отсутствіе злобы въ постановкѣ нашей великой распри между западною и русскою идеею. Эта черта поразила всѣхъ въ пушкинской рѣчи Достоевскаго; но она не характеризуетъ собою и его *Дневникъ*, и его романы. При всей рѣзкости, съ какою онъ писалъ, при всей вспыльчивости его слога и мысли, нельзя было не чувствовать, что онъ стремится найти выходъ и примиреніе для самыхъ крайнихъ заблужденій, противъ которыхъ ратуетъ».

Покойный Страховъ, видя въ Достоевскомъ *примѣръ и поученіе для всѣхъ нашихъ партій*, писалъ въ этой же статьѣ *(Взглядъ на текущую литературу)* такія хорошія слова: «Противъ чего бы мы ни боролись и какъ бы горячо мы ни возставали, намъ нужно не коснѣть въ одной враждѣ и злобѣ, а стремиться къ пониманію своихъ противниковъ и отыскивать ту болѣе высокую сферу, въ которую мы могли бы вывести ихъ изъ ихъ мрака и духовнаго извращенія. Прежде всего и больше всего нужно искать свѣта, потому что,

„Увидя свѣтъ, ужъ никому
Назадъ не хочется во тьму".

Къ сожалѣнію, современные единомышленники Страхова и понятія не имѣютъ о такомъ требованіи. Они *не отыскиваютъ* болѣе высокую сферу, о которой говоритъ Страховъ, а нашли ее, и притомъ весьма просто: стоило имъ только перевернуть душу, какъ въ монетѣ орла на рѣ-

*) Напомню, что Достоевскому было двадцать четыре года, когда появились въ печати *Бѣдные люди*.

шотку, — и противоположное тому, что они горячо защищали, получило, по ихъ мнѣнію, значеніе единой и для всѣхъ обязательной истины...

Николай Николаевичъ Страховъ скончался въ преклонныхъ уже годахъ (онъ родился въ 1828 году) и принадлежалъ, безспорно, къ образованнѣйшимъ русскимъ людямъ. Здѣсь нѣтъ ни возможности, ни надобности давать характеристику этого литературнаго критика, философа и публициста. Никакой самобытной русской философіи онъ не создалъ, но въ его сочиненіяхъ видны и большое знаніе, и большая вдумчивость, и значительная сила мысли. По направленію мы почти по всѣмъ вопросамъ принадлежимъ къ числу противниковъ покойнаго писателя, но это не мѣшаетъ намъ, разумѣется, отдать должную справедливость и его дарованіямъ, и его неустанному труду.

Московскія Вѣдомости и другіе органы того же направленія спѣшатъ сопричислить Страхова къ сонму *своихъ*. Не безполезно поэтому представить имъ двѣ-три справки. Пусть они прочтутъ (или перечтутъ) статью Страхова *Нѣчто о „Русскомъ Вѣстникѣ"*. Тамъ они найдутъ не мало язвительныхъ и мѣткихъ замѣчаній объ этомъ журналѣ, во главѣ котораго стоялъ верховный авторитетъ и для нынѣшнихъ *Московск. Вѣдомостей*— Катковъ. Интересно затѣмъ сопоставить понятія о государствѣ и объ обрусѣніи, которыми характеризуются наши «охранители», со взглядами на эти вопросы Страхова (напримѣръ, въ статьѣ *„День" о преобразованіяхъ въ Польшѣ*). Немного тутъ *Московскія Вѣдомости* найдутъ «своего». Страховъ говорилъ въ этой послѣдней статьѣ, что съ И. С. Аксаковымъ «согласится всякій, кто только повѣритъ, что самая крѣпкая сила въ мірѣ есть сила нравственная, что нѣтъ въ мірѣ прочной побѣды, кромѣ побѣды нравственной, что всякія соображенія государственной пользы поведутъ только ко вреду, если они основываются не на возвышеніи и укрѣпленіи нравственнаго достоинства подданныхъ, а на его извращеніи». Согласны ли *единомышленники* Страхова изъ патентованныхъ *охранителей* съ подобнымъ взглядомъ на нравственныя обязанности государства?

Недурно будетъ, если нынѣшніе руководители *Московск. Вѣдомостей* познакомятся и со статьей Страхова *Споръ объ общемъ образованіи*. Тамъ приведены любопытные примѣры промаховъ и нелѣпостей, которые надѣлали прежнія *Московскія Вѣдомости*, защищая классическую систему общаго образованія.

Я упомянулъ выше о томъ, что Страховъ во многомъ раздѣлялъ взгляды И. С. Аксакова. Какъ быстро мчится время! 27 января нынѣшняго года исполнилось уже десять лѣтъ со дня кончины этого знаменитаго славянофила. По этому поводу я приведу, вмѣсто того, чтобы повторять много разъ сказанное объ Аксаковѣ, конецъ его стихотворенія, написаннаго въ 1850 году:

„Отважныхъ силъ не нужно въ наши дни!
И юности лукавые порывы
Опасны намъ,—затѣмъ, что всѣ они
Такъ хороши, такъ ярки, такъ красивы.

Есть путь иной, гдѣ вѣра не легка:
Сгораетъ въ немъ порыва скорый пламень;
Есть долгій трудъ, есть подвигъ червяка:
Онъ точитъ дубъ!... Долбитъ и капля камень.

—

Невзрачный путь! Тебѣ я вѣренъ былъ!
Лишенъ ты всей отрады упоенья,
И дерзко я на сердце наложилъ
Тяжелый гнетъ упорнаго терпѣнья!...

—

Но слышно мнѣ, порой, въ тиши работъ,
Что бурныхъ силъ не укротило время.
Когда же власть, скажи, твоя пройдетъ,
О молодость, о тягостное бремя?..."

Да, такими публицистами, какъ И. С. Аксаковъ, могутъ гордиться и его сторонники, и его противники,—всѣ люди, для которыхъ истинно дороги интересы русскаго народа и независимой, неподкупной мысли...

В. Гольцевъ.

Клубы для рабочихъ дѣвушекъ въ Лондонѣ.

Въ послѣднее время почти во всѣхъ странахъ замѣчается стремленіе улучшить положеніе бѣдныхъ классовъ, поднять ихъ умственный и нравственный уровень, дать имъ возможность хоть отчасти пользоваться благами цивилизаціи, которыя до нѣкоторой степени составляютъ какъ бы монополію богатыхъ классовъ. Но нигдѣ это стремленіе придти на помощь бѣдному, нуждающемуся люду не достигло такихъ размѣровъ, какъ въ Англіи, нигдѣ не сдѣлано такъ много, чтобы хоть нѣсколько пополнить ту пропасть, которая лежитъ между людьми образованныхъ и достаточныхъ классовъ и темной, невѣжественною массой.

О многомъ, что сдѣлано въ Лондонѣ для народнаго образованія частными людьми, достаточно извѣстно изъ статей проф. Янжула: *Въ поискахъ лучшаго будущаго*. Тамъ такъ подробно разсказано о возникновеніи и развитіи такихъ учрежденій, какъ «Toynbee Hall», «Народный дворецъ», что было бы лишнимъ останавливаться на нихъ еще разъ. Но во время моего довольно короткаго пребыванія въ Лондонѣ мнѣ удалось познакомиться съ болѣе скромными, но тоже очень важными учрежденіями, именно: клубами для рабочихъ дѣвушекъ, и, насколько могу, я постараюсь познакомить русскую публику съ этимъ симпатичнымъ дѣломъ, возникнувшимъ благодаря только частной инициативѣ.

Въ Лондонѣ, какъ и въ большихъ центрахъ другихъ странъ, дѣвушки рабочаго класса очень рано предоставляются самимъ себѣ. Не говоря уже о тѣхъ одинокихъ дѣвушкахъ, которыя приходятъ въ Лондонъ изъ провинціи и деревни «искать счастья», иначе сказать лучшаго заработка, и часто въ огромномъ городѣ не имѣютъ ни родныхъ, ни знакомыхъ, но даже дѣвушки, имѣющія семью, очень рано начинаютъ вести вполнѣ самостоятельную жизнь. «Ея рабочая жизнь, жизнь для добыванія куска хлѣба»,—говоритъ miss Maude Stanley*),—начинается съ четырнадцати, а часто и съ тринадцати лѣтъ. Обыкновенно она съ нетерпѣніемъ ждетъ того времени, когда примется за работу, потому что это большой шагъ въ ея жиз-

*) *Clubs for morking Girsl* by Maude Stanley. London, Macmillan and C°. 1890.

ни. Она перестаетъ быть ребенкомъ, а этого страстно жаждутъ почти вс[ѣ] дѣвушки. Въ бѣдныхъ семьяхъ кромѣ того заработокъ ея необходимъ д[ля] семьи».

Такимъ образомъ, дѣвушка-ребенокъ съ тринадцатилѣтняго возраста заканчиваетъ свое образованіе, вступаетъ въ жизнь, какъ взрослый человѣкъ, и начинаетъ тянуть трудовую лямку. Школьныя познанія очень быстро испаряются изъ ея головы. Она слишкомъ молода для того, чтобы думать о пополненіи своего образованія, да и какъ можно требовать отъ ребенка тринадцати, четырнадцати лѣтъ, чтобъ послѣ цѣлаго дня утомительнаго труда она бы вечеромъ садилась за книгу, не имѣя къ тому же никого, кто направилъ бы ее на этомъ пути, помогъ ей совѣтомъ или указаніемъ. Кромѣ того условія домашней обстановки въ лондонскихъ бѣдныхъ кварталахъ таковы, что даже при желаніи заниматься очень трудно. Семьи изъ восьми и болѣе человѣкъ часто ютится въ трехъ, двухъ и даже одной комнатѣ. При такихъ условіяхъ не только трудно думать о занятіяхъ, но дѣвушка послѣ долгой, часто десяти, одиннадцати часовой работы, не имѣетъ даже возможности отдохнуть. «Наши дѣти,—какъ справедливо замѣчаетъ miss Stanley,—имѣютъ рекреаціи во время своихъ занятій. Уроки перемѣняются съ прогулками, играми, верховой ѣздой и другими развлеченіями. Наша дѣвушка-работница тоже ребенокъ, хотя и добывающій себѣ хлѣбъ,—за неимѣніемъ лучшаго ищетъ себѣ развлеченіе, гдѣ можетъ. Изъ дома она бѣжитъ на улицу, любимое мѣстопребываніе лондонскихъ дѣвушекъ, и иногда цѣлый вечеръ проводитъ внѣ дома, бѣгая со своими товарками изъ улицы въ улицу, останавливаясь передъ блестящими окнами магазиновъ или играя съ мальчиками и парнями въ самыя грубыя игры. Потомъ начинается посѣщеніе кафе-шантановъ, дешевыхъ театровъ или танцовальныхъ вечеринокъ, и, наконецъ, винныхъ лавокъ. Часто за этимъ наступаетъ полное паденіе. А что послужило началомъ катастрофы? Невинное и естественное желаніе развлеченія, желаніе отдохнуть, выпрямить усталые члены послѣ тяжелой работы». Несмотря на тяжелый трудъ дѣвушка часто не бываетъ въ состояніи хоть сколько-нибудь порядочно одѣться, и за каждую новую кофточку или юбку должна платить нѣсколькими полуголодными днями. Надо помнить при этомъ, что потребностей у лондонскихъ дѣвушекъ гораздо больше, чѣмъ у нашихъ. Она непремѣнно должна имѣть и шляпу, и перчатки, иначе ее засмѣютъ ея же товарки, кромѣ того выйти на улицу женщинѣ безъ шляпы, къ какому бы классу она ни принадлежала, считается въ высшей степени неприличнымъ.

Страсть къ нарядамъ, правда, все больше и больше развивается среди лондонскихъ женщинъ рабочаго класса, особенно среди мастерицъ и бѣлошвеекъ *), и уноситъ часто почти весь ихъ заработокъ. Но прежде, чѣмъ

*) Не надо много наблюдательности, чтобы замѣтить, что даже въ нашихъ воскресныхъ школахъ лучше всѣхъ бываютъ одѣты модистки, мастерицы и дѣвочки изъ модныхъ мастерскихъ, потомъ бѣлошвейки. Почти всѣ онѣ носятъ шляпы, имѣютъ зонтики и перчатки, платье на нихъ сидитъ ловко и сшито часто

бросать въ нихъ упрекъ за эту безполезную трату денегъ, надо вглядѣться въ условія ихъ жизни и узнать, гдѣ и какъ прививается къ нимъ эта страсть къ нарядамъ.

«На дѣвочку, которая цѣлыми часами стоитъ съ булавками въ рукахъ около барынь, примѣривающихъ нарядныя платья, никто не обращаетъ вниманія»,—говоритъ ms. Stanley,—она не болѣе какъ машина, одна изъ необходимыхъ принадлежностей комнатной обстановки. Но она слышитъ безконечные разговоры этихъ барынь о нарядахъ, какъ о предметахъ огромной важности, каждый шнурокъ, каждая пуговица имѣетъ въ ихъ глазахъ важное значеніе. Немудрено, если дѣвочка начнетъ думать, что наряды—это главная цѣль жизни, ради которой можно принесть иногда довольно серьезныя жертвы».

Тяжелыя условія жизни, однообразный, плохо оплачиваемый трудъ, постоянная неудовлетворенность самыхъ естественныхъ и невинныхъ желаній или преждевременно старятъ, вызываютъ умственную и душевную вялость, тупую покорность судьбѣ, или же раздражительность, ропотъ противъ несправедливости, часто злобу и ненависть къ болѣе обезпеченнымъ людямъ.

И вотъ, чтобы дать возможность рабочимъ дѣвушкамъ найти отдыхъ и развлеченіе, возможность провести вечеръ въ свѣтлой, хорошо меблированной комнатѣ, гдѣ бы она всегда могла найти людей, готовыхъ придти къ ней на помощь и принять въ ней участіе, были основаны клубы. Съ самаго же начала клубы имѣли такой успѣхъ, что число ихъ стало возра-

---

такимъ вкусомъ, что по первому взгляду трудно бываетъ угадать ихъ общественное положеніе, и посѣтители школъ часто принимаютъ ихъ за учительницъ, а не за учениц.

Я какъ-то вступила въ разговоръ съ двумя ученицами, изъ которыхъ одна была мастерица (портниха), а другая бѣлошвейка. Обѣ онѣ премило одѣвались, и мнѣ хотѣлось узнать, много ли онѣ получаютъ и много ли тратятъ на свои наряды. Оказалось, одна изъ нихъ получала 8 руб. въ мѣсяцъ, другая шесть на хозяйскихъ харчахъ. „И что же остается у васъ что-нибудь отъ этого жалованья?—Не только ничего не остается, а изъ долговъ круглый годъ не выходимъ, отвѣчали онѣ. Семьи у обѣихъ не было, и всѣ полученныя деньги онѣ тратили только на себя.—Куда же дѣваете вы ваши деньги?—Какъ куда?—то платье сшить надо, то шляпу купить, то зонтикъ, перчатки, то пальто, ботинки, да всего не пересчитать.—Вѣдь, вы навѣрно сами себѣ платья шьете?—Я-то сама шью,—говоритъ мастерица,—ну, а она не можетъ.—Какія похуже я тоже сама сошью, ну а получше — боюсь испорчу. Да, вѣдь, и ей самой шить всего не приходится. Зимой другой разъ часовъ до десяти работать приходится и дольше, когда спѣшка, а потомъ много не наработаешь, да и въ комнатѣ тѣсно, другую хорошую вещь, пальто на ватѣ или платье нарядное и положить некуда, вотъ и отдашь. Матеріалъ у татаръ въ долгъ беремъ, они долго терпятъ, а то бы одѣться нельзя было и такъ во всемъ себѣ отказываешь, насилу дышемъ". Я могла бы прочесть имъ цѣлую лекцію о томъ, что деньги надо тратить на болѣе полезныя вещи, что нельзя такъ увлекаться нарядами и т. п., но я промолчала, почувствовавъ, что слова мои будутъ безполезны. Чтобы не увлекаться пустяками, надо имѣть какіе-нибудь болѣе высокіе интересы, а откуда ихъ достать бѣдной дѣвушкѣ, цѣлые дни проводящей за шитьемъ нарядовъ для другихъ.

стать съ каждымъ годомъ и въ настоящее время ихъ множество не толь[ко]
въ Лондонѣ, но и въ провинціяхъ. Къ сожалѣнію, точное число клубов[ъ]
для дѣвушекъ работницъ въ Лондонѣ неизвѣстно, такъ какъ на этотъ сче[тъ]
не существуетъ, повидимому, никакихъ статистическихъ свѣдѣній. По край-
ней мѣрѣ тѣ учредительницы клубовъ, къ которымъ я обращалась съ во-
просомъ, гдѣ достать статистическія свѣдѣнія, отвѣчали мнѣ, что ихъ нѣтъ,
такъ какъ клубы основываются частными лицами и не составляютъ изъ[ъ]
собою какой-нибудь сплоченной организаціи въ видѣ общества *). Един-
ственно, что онѣ могли мнѣ предложить, это—годичные отчеты, которые,
впрочемъ, имѣются не во всѣхъ клубахъ. Такъ основательница одного
очень симпатичнаго клуба при Beaconsfield Building сказала мнѣ, что ни-
когда не пишетъ отчетовъ, потому что содержитъ клубъ исключительно
на свои средства и въ отчетахъ надобности не видитъ.

Мнѣ все же удалось достать отчетъ почти всѣхъ клубовъ, которые я
посѣтила и при составленіи этой небольшой замѣтки, кромѣ нихъ, я буду
пользоваться книгой ms. Maude Stanley, тѣмъ, что видѣла сама и что мнѣ
пришлось слышать отъ учредительницъ. Начну съ внѣшняго описанія клу-
бовъ.

Почти всѣ они занимаютъ очень хорошее помѣщеніе, обставлены съ
большимъ комфортомъ, съ нашей, русской точки зрѣнія даже роскошно.
Вотъ, напримѣръ, описаніе одного изъ нихъ: «Honor club for working girls»,
основанный пять лѣтъ тому назадъ. Дверь съ улицы открывается въ свѣт-
лыя просторныя сѣни или, вѣрнѣе, переднюю, изъ которой ведетъ лѣстница
наверхъ. Клубъ помѣщается въ трехъ этажахъ. Всѣ комнаты высокія, чи-
стыя, свѣтлыя, прекрасно меблированныя, съ гравюрами на стѣнахъ. Внизу
большая комната для гимнастики, рядомъ поменьше служитъ для библіоте-
ки, а также для засѣданій комитетовъ, завѣдующихъ дѣлами клуба. Кромѣ
того, большая комната съ аркой, вся увѣшанная гравюрами съ наиболѣе
извѣстныхъ картинъ различныхъ музеевъ, какъ, наприм., Рафаэля, Леонардо
да-Винчи, Тиціана и пр., служитъ для танцевъ, игръ, вечеринокъ, въ ней
же сервируется угощеніе. Во 2-мъ этажѣ большая комната для болѣе юныхъ
членовъ клуба, гдѣ бы они могли играть и болтать, не мѣшая занятіямъ
товарокъ. И совсѣмъ наверху прелестная, уютная комната, устланная ко-
рами, съ большимъ столомъ посерединѣ, покрытомъ скатертью, съ мягкимъ
диваномъ, удобными креслами, со стѣнами тоже увѣшанными гравюрами.
Комната эта служитъ мѣстомъ отдыха для членовъ клуба, которые пожe-
лали бы «почитать и помечтать» въ тишинѣ, какъ говорится, въ отчетѣ.

Клубъ этотъ, изъ тѣхъ, которые мнѣ пришлось видѣть, самый лучшій
по обстановкѣ и по помѣщенію, такъ что не разъ вызывалъ упреки и[зъ]

---

*) Ms. Stanley въ своей книгѣ упоминаетъ объ *Girls' Club Union*, къ которому
принадлежатъ двадцать восемь клубовъ. Къ сожалѣнію, она не даетъ никакихъ свѣ-
дѣній объ этомъ обществѣ и приводитъ только цифру членовъ, принадлежащихъ къ
ея клубу—250. Вообще число членовъ клубовъ колеблется обыкновенно между 50-ю
и 200-ми.

излишней роскоши даже со стороны англійскаго общества, требованія котораго въ этомъ отношеніи безконечно выше нашихъ. «Но тѣ, кто осуждаетъ насъ, — говорится по этому поводу въ отчетѣ, — не знаютъ, какое важное значеніе имѣетъ для клуба хорошее помѣщеніе. Они не знаютъ, что многіе клубы не имѣли успѣха только благодаря тому, что помѣщеніе было или недостаточно свѣтло, или недостаточно удобно. Наше рѣшеніе имѣть для клуба большое и удобное помѣщеніе основано на опытѣ. И наши расходы съ избыткомъ вознаграждаются тою радостью и тѣмъ довольствомъ, которое чувствуютъ дѣвушки въ этомъ домѣ».

Замѣчаніе это вполнѣ вѣрно, и смѣшно было бы говорить о томъ, какъ много вліяетъ на настроеніе веселое, свѣтлое и удобное помѣщеніе, но все же я должна сказать, что въ томъ же Лондонѣ видѣла два клуба, помѣщеніе которыхъ не отличается такою роскошью, а обстановка сравнительно съ только что приведеннымъ клубомъ очень проста и незатѣйлива, а, между тѣмъ, народу тамъ бываетъ очень много и веселятся они отъ души. Еще большее значеніе, чѣмъ обстановка, имѣетъ отношеніе завѣдующихъ клубомъ къ его посѣтителямъ, та доля любви и интереса, которую они вкладываютъ въ дѣло. Кромѣ того, слишкомъ комфортабельная обстановка не только иногда не привлекаетъ бѣдняковъ, но даже отталкиваетъ ихъ, какъ слишкомъ чуждое и непривычное. Миссъ Тоунби, сестра покойнаго Арнольда Тоунби, говорила мнѣ, что главный контингентъ посѣтителей Toynbee-Hall составляютъ приказчики, клерки и болѣе или менѣе обезпеченные рабочіе, болѣе же бѣдный народъ почти не посѣщаетъ его, такъ какъ находитъ, по ея словамъ, что для него «это слишкомъ хорошо».

Уютная, комфортабельная гостиная, устланная ковромъ, уставленная мягкими креслами и диванами, со столиками, на которыхъ стоятъ вазы или лежатъ альбомы съ видами и гравюрами, стѣсняетъ бѣдняковъ, они чувствуютъ себя такъ, какъ въ гостяхъ у богатыхъ людей, стѣсняются, жмутся, слѣдятъ за каждымъ своимъ движеніемъ. «Сначала еще,—говорилъ мнѣ одинъ изъ резидентовъ Toynbee Hall, подтверждая слова миссъ Тоунби,—ихъ привлекало любопытство, но потомъ мало-по-малу они совсѣмъ прекратили свои посѣщенія». Главнымъ образомъ, они недовольны были запрещеніемъ курить не только въ гостиной, но и на лекціяхъ. Провести вечеръ безъ трубки казалось имъ слишкомъ большимъ лишеніемъ, и вотъ, чтобы привлечь къ себѣ и этотъ классъ людей, пожелавшихъ жертвовать своими привычками ради просвѣщенія, члены Toynbee Hall пошли на уступки и устроили безплатныя лекціи или вечернія бесѣды, на которыхъ разрѣшено курить, такъ называемыя Smoking-Conferences (курительныя конференціи). Собранія эти происходятъ въ простой комнатѣ, гдѣ кромѣ стульевъ и каѳедры для лектора нѣтъ никакой другой мебели. Сначала народу бывало не особенно много, но теперь собранія всегда бываютъ переполнены, и залъ не всегда можетъ вмѣстить желающихъ присутствовать на лекціяхъ. Въ клубахъ отчасти происходитъ тоже, и болѣе бѣдныя дѣвушки мало-по-малу оставляютъ клубъ или переходятъ въ другой, болѣе скромный. Вообще при организаціи

клубовъ надо сообразоваться съ тѣмъ кварталомъ, гдѣ предполагается открыть клубъ, и чѣмъ беднѣе кварталъ, тѣмъ болѣе надо умѣнья, такта и любви къ дѣлу. Лондонскія дѣвушки бѣдныхъ классовъ очень недовѣрчиво относятся сначала къ попыткамъ интеллигентнаго, привиллегированнаго класса облегчить ихъ жизнь. Онѣ сейчасъ же становятся какъ бы въ оборонительное, враждебное отношеніе ко всѣмъ этимъ лэди, думающимъ посягнуть, какъ имъ кажется, на единственное ихъ благо—свободу. Ладить съ ними очень трудно. Мнѣ разсказывали, что одна англійская миссъ, дочь богатаго аристократа, открыла клубъ. Въ первый же вечеръ собралось довольно много дѣвушекъ, имъ было устроено угощеніе, и потомъ лэди, чтобы занять ихъ чѣмъ-нибудь, спросила, не желаютъ ли онѣ послушать чтеніе. «Не хотимъ»,—рѣзко отвѣчаютъ дѣвушки.—«Не хотите ли посмотрѣть гравюры?»—«Не хотимъ».—«Не хотите ли поиграть въ какую-нибудь игру?»—«Не хотимъ», — также хоромъ отвѣчаютъ дѣвушки. Бѣдная лэди была совсѣмъ смущена, но все же не потерялась. Она велѣла подать еще чаю и, предоставивъ большинство своихъ гостей самимъ себѣ, вступила въ разговоръ съ ближними сосѣдками. Мало-по-малу лаской, добротой и тактомъ она покорила эту враждебно-настроенную противъ нея ватагу, и клубъ ея пошелъ хорошо. Но miss Maude Stanley приводитъ въ своей книгѣ нѣсколько случаевъ, когда клубы закрывались, потому что дамы, открывшія ихъ, не могли справиться съ шумною толпой дѣвушекъ. Надо помнить при этомъ, что если модистки и мастерицы въ постоянномъ общеніи съ дамами, кромѣ страсти къ нарядамъ, пріобрѣтаютъ и внѣшнія, болѣе или менѣе приличныя манеры и вѣжливость, дѣвушки другихъ менѣе изящныхъ профессій часто поражаютъ своею грубостью и неряшливостью. «Часто особенно по субботамъ,—говоритъ miss Maude Stanley,—можно видѣть на лондонскихъ улицахъ рабочихъ дѣвушекъ, сцѣпившихся въ отчаянной дракѣ, со свѣсившимися волосами на глаза, съ развѣвающимися платками. Или схватившись за руки вчетверомъ, впятеромъ онѣ мчатся по тротуару, находя особенное удовольствіе оскорблять по пути каждую прилично одѣтую женщину».

О томъ, какъ трудно бываетъ иногда справляться съ шумною ватагой дѣвушекъ, можно судить по отрывку изъ отчета одного провинціальнаго клуба (Іоркширъ).

«Чтобы сдѣлать первый вечеръ болѣе пріятнымъ, мы устроили чай, на который пригласили всѣхъ желающихъ. Приглашеніе было принято, и около семи часовъ вечера комната наполнилась толпою дѣвушекъ, которыя робко и боязливо тѣснились и жались.

«Послѣ чая мы объяснили имъ, для чего пригласили ихъ, и стали набирать членовъ. Послѣ пѣнія, игръ и короткаго гимна на прощанье дѣвушки разошлись, повидимому, довольныя и заинтересованныя, но мы нашли, что когда прошла первая минута стѣсненія, шума было больше, чѣмъ надо. Наружность присутствовавшихъ дѣвушекъ привела насъ въ нѣкоторое смущеніе: далеко не чистые платки, повязанные поверхъ спускающейся на глаза челки, грязныя лица, руки, юбки всѣ въ пятнахъ, смятые передники, ст[illegible]-

танные башмаки, видъ дикарокъ. Мы не осмѣливаемся описывать опытъ первой зимы. Мы мужественно боролись до начала лѣта, когда съ большимъ облегченіемъ закрыли клубъ на три мѣсяца. Кругомъ разсказывали ужасы о нашихъ собраніяхъ, и многіе мудрецы покачивали головами и сомнѣвались въ разумности подобныхъ «звѣриныхъ собраній» *), какъ ихъ называли, и пугали добрыхъ лэди, желавшихъ принять участіе въ этомъ дѣлѣ».

Комитетъ рабочихъ, организовавшій клубъ, нанялъ коттэджъ въ три комнаты одна надъ другой, думая раздѣлить дѣвушекъ такъ, чтобы младшія не мѣшали старшимъ. Но планъ этотъ оказался мало пригоднымъ, такъ какъ требовалось больше народа для присмотра надъ дѣвушками. Въ тѣ вечера, когда присутствовали сами рабочіе, порядка было больше, и можно было что-нибудь сдѣлать. Дѣвушки шили, читали, пѣли, играли въ разныя игры или просто разговаривали между собой. Но нигдѣ пословица: «Римъ былъ выстроенъ не въ одинъ день» не казалась намъ такою справедливой. Особенно памятенъ намъ одинъ бурный вечеръ. Дѣвушки шили, имъ читали вслухъ. Двѣ изъ нихъ, сидѣвшія за отдѣльнымъ столикомъ, съ горѣвшей на немъ лампой, вдругъ поссорились изъ-за наперстка, и одна изъ нихъ въ порывѣ раздраженія опрокинула столъ; всѣ другія сейчасъ же повскакали съ мѣстъ, и началась невообразимая свалка. Несчастная преподавательница схватила лампу, которая погасла у ней въ рукахъ, сошла внизъ за помощью. Дѣвушки тѣмъ временемъ открыли окно и, высунувшись изъ него, обмѣнивались грубыми шутками съ собравшейся подъ окномъ толпой. Возвратившейся съ другой наставницей лэди удалось кое-какъ водворить порядокъ, но когда онѣ сошли внизъ съ усмиренными дѣвушками, въ большую кухню, предназначенную для младшаго возраста, то нашли тамъ еще большій хаосъ. Мальчики висѣли на дверяхъ и на ставняхъ, дѣвочки въ комнатѣ кричали, пѣли и дрались, употребляя вмѣсто орудій книги, грифельныя доски и различныя принадлежности для шитья. Одна изъ лэди вышла за дверь, чтобы поговорить съ мальчиками, тогда одинъ изъ нихъ бросилъ въ комнату свою шляпу, и придерживая дверь ногой, не позволялъ закрыть ее. Никакія увѣщанія не помогали. Они кричали, что хотятъ войти, чтобы поиграть «съ дѣвочками» (with the lasses). Наконецъ, шляпу нашли и выбросили, дверь затворили и заперли на ключъ изъ опасенія, чтобы какая-нибудь дѣвушка не открыла ее. Лэди употребляли всѣ старанія, чтобы водворить спокойствіе, но мальчики снаружи открыли рѣшетку подвала, пробрались въ темный подвалъ и вдругъ вынырнули въ кухню посреди всеобщаго крика и смятенія. Лэди встрѣтили ихъ молча, но сейчасъ же заперли дверь, ведущую въ подвалъ и положили ключъ отъ нея въ карманъ. Мальчики побѣжали къ выходной двери, но она оказалась тоже заперта. Они смутились. «Теперь,—сказала лэди,—мы должны отдать васъ въ руки полиціи, какъ грабителей, врывающихся въ чужой домъ, а вы

*) Bear-Garden.

знаете, какъ строгъ законъ къ ночнымъ ворамъ». Она, конечно, ничего не сдѣлала бы изъ того, что говорила, но эффектъ ея рѣчи былъ поразительный. Мальчики стали просить у нея прощенія, говоря: «мы не имѣли никакого дурного намѣренія, если вы насъ отпустите, мы никогда больше этого не сдѣлаемъ». Дѣвочки тоже стали просить за попавшихъ въ ловушку мальчиковъ. Одинъ изъ нихъ, большой малый, лѣтъ шестнадцати, сталъ горько плакать, утирая глаза сначала кулакомъ, потомъ полами сюртука.

Наконецъ, ихъ отпустили съ полнымъ прощеніемъ, и они скрылись въ темнотѣ. Дѣвочки принялись за чтеніе, и черезъ нѣсколько времени ихъ тоже распустили по домамъ, и усталая лэди отправилась къ себѣ, радуясь, что все же не пришлось обратиться къ вмѣшательству полиціи. Теперь,—говоритъ докладъ,—наступили болѣе мирные дни, и хотя многое есть, что еще остается сдѣлать, но прежнія дикія сцены не повторяются. Дѣвушки полюбили свой клубъ, сами дорожатъ его репутаціей. Теперь уже ихъ нельзя назвать «сборищемъ дикихъ звѣрей». Онѣ учатся шить, штопать, кулинарному искусству и очень цѣнятъ то знаніе и развитіе, которое имъ даетъ клубъ.

Если какая-нибудь новенькая позволитъ себѣ теперь кричать или употреблять грубыя выраженія, онѣ останавливаютъ ее говоря: «тише, вы не на улицѣ».

Здѣсь, по крайней мѣрѣ, организаторамъ не пришлось встрѣтиться съ прямо враждебнымъ отношеніемъ со стороны дѣвушекъ, можетъ быть, потому, что инициатива организаціи клуба исходила отъ комитета рабочихъ, которые и сами иногда присутствовали въ клубѣ. Классовая борьба на Западѣ слишкомъ обострена, бѣдный людъ не вѣритъ въ искреннее желаніе лицъ привиллегированныхъ классовъ придти къ нимъ на помощь и каждую попытку сближенія встрѣчаютъ враждебно, недовѣрчиво; и много надо любви, терпѣнія и такта, что бы пробить этотъ ледъ недовѣрія.

Th. Bentzon (авторъ статей въ *Revue des Deux Mondes* о положеніи женщинъ въ Америкѣ) говоритъ, что, когда, послѣ посѣщенія одного клуба въ Чикаго, устроеннаго на подобіе Toynbee Hall, онѣ вышли на улицу и какой-то проходившій мимо юноша открылъ имъ дверцу кареты и помогъ войти, то спутницы ея замѣтили: «Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ и ему подобные стали бы бросать въ насъ камни». Для того, чтобы побѣдить непріязнь дѣвушекъ, учредители по возможности стараются ознакомиться съ бѣднымъ людомъ того квартала, гдѣ они хотятъ устроить клубъ, особенно съ женскимъ населеніемъ данной мѣстности, гдѣ клубъ предполагается исключительно для дѣвушекъ. Самое лучшее, конечно, если учредители живутъ въ кварталѣ, гдѣ находится клубъ, и могутъ быть въ частомъ общеніи съ бѣднымъ классомъ, имѣть между ними знакомыхъ и друзей. «Значеніе, которое имѣетъ это постоянное пребываніе людей образованныхъ, говорится въ отчетѣ Toynbee Hall'я, среди невѣжественныхъ массъ нельзя измѣрить результатами и описать, а, между тѣмъ, въ этихъ попыткахъ

сблизить два класса и состоитъ вся задача Toynbee Hall. Сравнительно не такъ важно, что въ Toynbee Hall посѣтители могутъ получать высшія знанія, могутъ пользоваться различными развлеченіями и удовольствіями, а важно то, что и эти знанія, и эти удовольствія они получаютъ отъ людей, которыхъ знаютъ, которымъ довѣряютъ, отъ «своихъ сосѣдей».

Такъ и изъ клубовъ лучше идутъ тѣ, гдѣ организаторы позаботились составить себѣ знакомство между рабочими дѣвушками и съ ихъ помощью начать дѣло.

Дѣлами клуба обыкновенно завѣдуютъ два комитета. Первый носитъ названіе совѣта (counsil) и состоитъ изъ дамъ и мужчинъ организаторовъ. Членовъ второго выбираютъ сами дѣвушки въ концѣ перваго года существованія клуба изъ своей среды. Этотъ комитетъ завѣдуетъ дѣлами клуба (книги, записи, библіотека) и устройствомъ вечеринокъ, но не можетъ предпринимать какія-нибудь измѣненія безъ согласія совѣта, члены котораго поочередно каждый вечеръ проводятъ въ клубѣ. Каждый мѣсяцъ комитетъ дѣвушекъ представляетъ отчетъ о дѣлахъ клуба секретарю совѣта. Въ этихъ отчетахъ онѣ могутъ предлагать измѣненія въ организаціи клуба, новыя игры или занятія. Такъ въ клубѣ ms. M. Stanley комитетъ просилъ объ устройствѣ еще одной вечеринки, объ устройствѣ драматическаго спектакля, по ихъ желанію также былъ устроенъ въ клубѣ базаръ, который онѣ наполняли издѣліями собственной работы. Мы думаемъ,—говоритъ ms. Maude Stanley,—что теперь комитетъ дѣвушекъ могъ бы завѣдывать дѣлами клуба вполнѣ самостоятельно. Но такъ какъ члены комитета—рабочія дѣвушки, занятыя до семи, до восьми часовъ вечера, то они не могутъ посвящать столько времени, сколько надо для правильнаго веденія всѣхъ дѣлъ клуба. Помощь интеллигентныхъ лицъ необходима слѣдовательно не потому, чтобы дѣвушки не могли вести дѣла своего клуба сами, а потому, что у нихъ нѣтъ для этого достаточно времени. Чтобы быть членомъ клуба, надо сдѣлать небольшой взносъ—въ размѣрѣ одного, двухъ пенни въ недѣлю.

Для очень бѣдныхъ иногда дѣлается исключеніе, или плату за нихъ вноситъ совѣтъ, но вообще большинство англичанъ—враги даровой помощи и допускаютъ ее въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ, находя, что даровая помощь унижаетъ человѣческое достоинство, а потомъ, что человѣку свойственно дорожить только тѣмъ, для чего онъ чѣмъ-нибудь жертвуетъ, трудомъ или деньгами. Завѣдующій библіотекой въ Toynbee Hall говорилъ мнѣ, что сначала книгами можно было пользоваться безплатно, но стали замѣчать очень небрежное отношеніе къ чтенію. Книгу пробѣгали, а не читали и спѣшили вернуть, чтобы поскорѣе взять другую. Мы рѣшили тогда установить хотя бы небольшую плату — одно пенни за каждую взятую книгу, и отношеніе къ книгамъ тотчасъ же измѣнилось. Книги стали мѣнять рѣже и читать ихъ стали внимательнѣе. «Они привыкли дорожить только тѣмъ, за что платятъ свои деньги,—добавилъ онъ,—и мы всегда замѣчаемъ болѣе небрежное отношеніе къ тому, что имъ предлагается безплатно».

То же самое находятъ и организаторы клубовъ, и потому большинство

изъ нихъ требуютъ аккуратнаго взноса платы. Хотя главная цѣль клубовъ, какъ было сказано, отдыхъ и развлеченіе, но большинство учредителей заботятся также и объ умственномъ развитіи посѣтителей, о пополненіи ихъ знаній. Нѣкоторые клубы ограничиваются только лекціями и бесѣдами, въ другихъ устроены правильные вечерніе классы. Miss Maude Stanley особенно стоитъ за правильныя систематическія занятія. Въ ея клубѣ (Soho Club) занятія начинаются въ сентябрѣ вмѣстѣ съ учебнымъ годомъ и кончаются весною правительственными экзаменами. Экзамены имѣютъ большое значеніе для дѣвушекъ, такъ какъ заставляютъ ихъ серьезно относиться къ ученію, а, кромѣ того, свидѣтельства, выдаваемыя послѣ экзаменовъ, служатъ нагляднымъ доказательствомъ для ихъ родныхъ и знакомыхъ о сдѣланныхъ ими успѣхахъ. Въ Англіи часто приходится слышать возраженія противъ вечернихъ классовъ, основанныя, главнымъ образомъ, на томъ, что вечернія занятія послѣ трудового дня могутъ вредно отозваться на здоровьи учащихся и что все равно правильно вести занятія нельзя въ виду частыхъ манкировокъ учениковъ и ученицъ, поэтому лучше было бы совсѣмъ уничтожить вечерніе классы и обратить все вниманіе на устройство дневныхъ школъ для подростковъ, прошедшихъ курсъ начальной школы.

«Сознавая все преимущество дневныхъ школъ,—говорится въ отчетѣ Toynbee Hall въ отвѣтъ на эти возраженія,—мы не должны забывать, что въ Лондонѣ большинство родителей настолько нуждается въ заработкѣ дѣтей, несмотря на ихъ ранній возрастъ, что трудно надѣяться на успѣшное распространеніе дневныхъ школъ въ настоящее время. Что дѣвочки и мальчики слишкомъ бываютъ утомлены послѣ дневной работы, болѣе чѣмъ правда, и законъ долженъ бы былъ поставить себѣ ближайшею задачей сократить число рабочихъ часовъ по крайней мѣрѣ для подростковъ до восемнадцати-лѣтняго возраста, ограничить ихъ дневной трудъ семью-восемью часами, сдѣлать такимъ образомъ, чтобъ у нихъ всегда была возможность посѣщать вечерніе классы, потому что одна изъ главныхъ причинъ манкировокъ заключается въ томъ, что работа оканчивается слишкомъ поздно, и они не могутъ поспѣть въ школу *).

---

*) Закономъ 2 мая 1878 г. (Factory and Workshop Act.) на фабрикахъ волокнистыхъ производствъ (les industries textiles) рабочій день женщинъ и подростковъ ограниченъ двѣнадцатью часами (отъ 6—7 ч. у. до 6—8 ч. в.) съ двухчасовымъ перерывомъ для отдыха. По субботамъ работаютъ $6^1/_2$ час. Для поступленія на фабрику подростки должны представить свидѣтельство отъ врача объ ихъ пригодности къ работѣ. Дѣти моложе 14 лѣтъ 6 час. въ день, или 10 час. два дня подрядъ. Въ другихъ отрасляхъ промышленности дѣти работаютъ 6 ч., причемъ не могутъ быть приняты на фабрику раньше 10 лѣтъ (по закону 1 января 1893 года не раньше 11). Ночная и воскресная работа запрещена.

Законъ 25 іюня 1886 г. (Shop hours regulation Act) регулируетъ работу дѣтей и подростковъ въ лавкахъ. Продолжительность работы ограничена шестью двѣнадцати-часовыми днями въ недѣлю.

Если необходимость заработка лишаетъ дѣтей возможности посѣщать дневныя школы, то тѣмъ менѣе возможно это для молодыхъ дѣвушекъ, заработокъ которыхъ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ труда превосходитъ мужской, такъ что онѣ часто являются если не единственными, то главными кормилицами семьи. Само собой разумѣется, что многія изъ нихъ лишены возможности посѣщать вечерніе классы, потому что работа ихъ кончается слишкомъ поздно, большинство являются въ классъ утомленныя дневнымъ трудомъ; но было бы по меньшей мѣрѣ странно на основаніи этого закрывать вечерніе классы, вмѣсто того, чтобы по силѣ возможности стремиться къ уменьшенію рабочаго дня, продолжительность котораго и является главнымъ источникомъ утомленія и болѣзней.

Дѣти, посѣщающія дневныя школы послѣ фабричной работы, тоже бываютъ утомлены. Всѣ учителя жалуются, что съ ними трудно заниматься, что они задерживаютъ другихъ дѣтей, и однако никому не приходитъ въ голову требовать, чтобы дѣти, работающія на фабрикахъ, не посѣщали школу. Возникаетъ вопросъ о томъ, чтобъ освободить ихъ отъ фабричной работы, а не отъ школы *). Вечерніе классы въ той или иной формѣ существуютъ во всѣхъ государствахъ и всюду охотно посѣщаются рабочимъ людомъ всѣхъ возрастовъ. Смѣшно было бы говорить о вредномъ дѣйствіи на ихъ здоровье вечернихъ занятій, когда такъ мало сдѣлано для огражденія этого здоровья отъ вреднаго вліянія фабричной работы.

Какъ было сказано выше, вечерніе классы существуютъ почти во всѣхъ клубахъ, и число ихъ посѣтителей возрастаетъ съ каждымъ годомъ, хотя дѣвушки предпочитаютъ все же занятія пѣніемъ, музыкой и рукодѣліемъ, какъ требующими меньшаго умственнаго напряженія, а рукодѣліе имѣетъ къ тому же для нихъ непосредственное практическое значеніе.

Вотъ для примѣра недѣльное росписаніе занятій одного изъ нихъ:

Понедѣльникъ и четвергъ—чтеніе, письмо, ариѳметика, географія, грамматика и французскій языкъ.

Вторникъ—пѣніе по нотамъ.

Среда—гимнастика, рукодѣліе и музыка.

Четвергъ—декламація, вечерніе классы и бухгалтерія.

Въ настоящее время стремленіе рабочаго класса въ Англіи выражается въ слѣдующемъ припѣвѣ:

„Eight hours to work, eight hours to play,
Eight hours to sleep, and eight shillings a clay“.

(Восемь часовъ работы, восемь часовъ развлеченій и восемь шиллинговъ въ день).

Le contrat du travail, étude de droit social et de legislation, comparée par Emile Stocquart. Paris, 1895 г.

*) Интересныя подробности поэтому вопросу сообщаетъ А. В. Зотовъ въ статьѣ *Очерки современнаго положенія рабочихъ въ Англіи*. *Русское Богатство*, 1895 г. № 3 (Фабричная работа замужнихъ женщинъ и дѣтей).

Одно изъ положеній VI международнаго гигіеническаго конгресса въ Вѣнѣ 1887 г. гласитъ: соединеніе классныхъ занятій и фабричной работы врядъ ли можетъ быть допустимо какъ съ педагогической, такъ и промышленной точки зрѣнія.

Пятница—семейный вечеръ съ танцами и пѣніемъ.

Суббота—классъ Библіи.

Уроками шитья и кройки можно пользоваться по желанію во всякое время дня.

Какъ видно изъ этой програмы, занятія въ клубѣ очень разносторонни и не утомляютъ однообразіемъ.

Кромѣ вечернихъ классовъ, въ каждомъ клубѣ устраиваются часто лекціи и бесѣды по самымъ разнообразнымъ предметамъ. Такъ въ этомъ же клубѣ былъ устроенъ рядъ лекцій по физіологіи, ботаникѣ, зоологіи, объ англійской литературѣ, по исторіи, о питаніи и наконецъ курсъ первоначальной медицинской помощи.

Бесѣды ведутся по разнымъ вопросамъ, и дѣвушки очень охотно принимаютъ участіе въ преніяхъ. Дѣлается это такъ. Двѣ ученицы пишутъ на предложенную учителемъ, или ими самими тему, написанное прочитываютъ вслухъ и затѣмъ подъ руководствомъ наставника ведутся пренія. Въ теченіе одного года были предложены, наприм., для обсужденія слѣдующіе вопросы. «Развлеченія рабочаго народа», «Хорошее и дурное вліяніе драмы», «Воспитаніе», «Полное воздержаніе», «Гдѣ лучше жить: въ городѣ или въ деревнѣ?»

Кромѣ того дѣвушки въ сопровожденіи учителей разсматриваютъ различныя достопримѣчательности Лондона, памятники, старинныя зданія, а также британскій музей и національную галлерею. Чтобы нѣсколько познакомить ихъ съ древнею Греціей, ея обычаями и нравами, имъ читался рядъ лекцій о нѣкоторыхъ греческихъ героиняхъ (объ Ифигеніи, Андромедѣ, Альцестѣ, Пенелопѣ, Клитемнестрѣ и проч.). Многія дѣвушки съ такимъ интересомъ относятся къ этимъ лекціямъ, что думы и мысли по поводу ихъ оживляютъ ихъ однообразный дневной трудъ. «Часто,—говорила одна изъ нихъ, складальщица по профессіи,—въ бесѣдѣ о греческихъ героиняхъ мы забываемъ про утомительность нашей работы». Другая, служившая прислугой, занималась декламаціей, чистя въ то же время картофель, и по увѣреніямъ miss Stanley картофель отъ этого ничуть не страдалъ. Какъ уже было сказано, дѣвушки по всѣмъ изучаемымъ ими предметамъ могутъ сдавать экзамены и получать разнаго рода свидѣтельства и степени.

Само собою разумѣется, что эти занятія не обязательны для всѣхъ посѣтителей клуба, и черезчуръ утомленныя дѣвушки могутъ проводить вечера въ полнѣйшемъ отдыхѣ или въ разнаго рода играхъ и забавахъ. Miss Stanley и многіе другіе учредители клубовъ особенно настаиваютъ на необходимости доставлять дѣвушкамъ возможно больше развлеченій. «Нѣкоторые клубы, — говоритъ miss Stanley, — ограничиваются только двумя праздниками въ годъ: ёлка на Рождество и пикникъ лѣтомъ; но,—продолжаетъ она, — если мы вспомнимъ себя въ молодости, то должны будемъ сознаться, что два праздника въ 12 мѣсяцевъ врядъ ли могли бы удовлетворить насъ, а я могу сказать съ увѣренностью, что они не удовлетворятъ

также и рабочую дѣвушку. Если мы, кромѣ рождественской елки и лѣтняго пикника, ничего больше не будемъ давать имъ, то онѣ будутъ искать развлеченія на сторонѣ. А наша задача и состоитъ именно въ томъ, чтобы развлеченія въ клубѣ были для нихъ болѣе привлекательны, чѣмъ развлеченія въ разныхъ другихъ мѣстахъ».

Въ клубѣ miss Stanley дѣвушкамъ всегда стараются доставить возможно больше удовольствій. «Нѣкоторыя дамы, прочитывая наши отчеты, — говоритъ она,—качаютъ головой и говорятъ, въ вашемъ клубѣ дѣвушки, кажется, проводятъ все время въ развлеченіяхъ и забавахъ». «И это говорятъ тѣ самыя дамы,—продолжаетъ она,—которыя чувствовали бы себя глубоко несчастными, еслибъ ихъ лишить ежедневныхъ прогулокъ верхомъ и въ колясках, лоунъ-тенниса, визитовъ, театровъ и разныхъ другихъ развлеченій, наполняющихъ ихъ день. Онѣ говорятъ это, забывая, что рабочая дѣвушка пользуется ничтожными удовольствіями въ клубѣ послѣ цѣлаго дня скучнаго и утомительнаго труда». Упрекъ этотъ къ тому же и несправедливъ, такъ какъ развленія въ этомъ клубѣ смѣняются занятіями, какъ это видно изъ вышеприведеннаго росписанія.

Наиболѣе любимымъ дѣвушками развлеченіемъ служатъ танцы. Почти во всѣхъ клубахъ устраиваются ежемѣсячныя вечеринки, на которыя допускаются знакомые мужчины.

Въ другихъ клубахъ, какъ, наприм., въ клубѣ miss Stanley, разрѣшеніе это дается только разъ въ годъ. Въ остальное время дѣвушки танцуютъ между собой, и мужчины допускаются только въ концерты и драматическія представленія съ извѣстною платой за входъ.

Какъ ни невинно само по себѣ это удовольствіе, но и оно подвергается осужденію среди строгаго англійскаго общества, и miss Stanley считаетъ необходимымъ посвятить защитѣ танцевъ нѣсколько страницъ. Не говоря уже о томъ, что многіе благочестивые англичане считаютъ танцы развлеченіемъ, несогласнымъ съ духомъ христіанства, многіе, становясь на практическую точку зрѣнія, утверждаютъ, что танцы могутъ дурно повліять на нравственность дѣвушекъ, развить въ нихъ легкомысленные вкусы, стремленіе веселиться гдѣ бы то ни было и при какихъ бы то ни было условіяхъ. Въ Лондонѣ, особенно въ восточной части его, Eost-End, гдѣ ютится бѣдный людъ, существуетъ множество танцовальныхъ залъ весьма сомнительной репутаціи, и противники танцевъ въ клубахъ выражаютъ опасеніе, какъ бы въ дѣвушкахъ не пробудилось желаніе посѣщать эти залы (dancing halls). Возраженіе это болѣе чѣмъ наивно. При той свободѣ, которою пользуется каждая молодая дѣвушка изъ рабочаго класса, она очень рано знакомится съ разными концертными и танцовальными залами и въ своихъ странствованіяхъ по лондонскимъ улицамъ нерѣдко заглядываетъ въ нихъ. Задача клубовъ состоитъ именно въ томъ, чтобъ отвлечь ихъ отъ этихъ нездоровыхъ мѣстъ, гдѣ часто можно наткнуться на безобразныя сцены, доставивъ имъ возможность пользоваться любимымъ ими развлеченіемъ въ лучшей и вполнѣ приличной обстановкѣ. Что же касается до грѣховности

танцевъ, то miss Stanley вмѣсто возраженія ссылается на рѣчь епископа бедфордскаго, сказанную имъ по поводу разрѣшенія танцевъ въ People Palace, выдержки изъ которой можетъ быть не безъинтересно будетъ привести.

«Я никогда не встрѣчалъ такихъ любителей танцевъ (such people to dance), какъ въ нашемъ Истъ-Эндѣ. Самъ я никогда не могъ танцовать, но меня удивляетъ, какъ могъ я избѣжать этой всеобщей заразы за время моего долголѣтняго пребыванія въ Истъ-Эндѣ. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы безпристрастные судьи произнесли свой приговоръ о танцахъ, побывавъ сначала на вечеринкахъ въ народномъ дворцѣ и въ клубѣ Викторіи. Если танцы—порожденіе нашей грѣховной плоти, порожденіе того, что принято называть зломъ, если ихъ нельзя назвать невиннымъ удовольствіемъ, то мы, служители Бога, не можемъ ни разрѣшать ихъ, ни тѣмъ болѣе, смотрѣть на нихъ. Но если танцы не воспрещаются христіанамъ, если это—веселое и здоровое удовольствіе, если они не дѣйствуютъ вредно на нравственность, то, въ такомъ случаѣ, это—позволительная форма отдыха для тѣхъ, кому она нравится. Вотъ мнѣнія тѣхъ изъ насъ, кто былъ отвѣтственъ за введеніе танцевъ въ оба учрежденія, представителемъ которыхъ я являюсь. Многіе, недовѣрчиво относившіеся къ этому нововведенію, измѣнили свое мнѣніе послѣ тщательныхъ и безпристрастныхъ наблюденій. Одежда гостей, особенно женщинъ, не боится сравненія съ костюмомъ людей, принадлежащихъ къ такъ называемому обществу. А обращеніе мужчинъ съ женщинами и женщинъ съ мужчинами могло бы служить примѣромъ многимъ извѣстнымъ у насъ подъ именемъ «господъ». Я убѣжденъ, что каждый человѣкъ,—будь онъ духовное лицо, или свѣтское,—который по силѣ возможности вноситъ оживленіе въ общественную жизнь, дѣлаетъ доброе дѣло, потому что онъ ослабляетъ этимъ дурные инстинкты. Богъ знаетъ, что на землѣ достаточно грѣха и горя для того, чтобъ испортить сердце каждаго христіанина. Никто, я думаю, не долженъ стыдиться за то, что старается облегчить трудный путь своихъ товарищей по жизни, или развеселить ихъ сердце, когда оно страдаетъ и томится. Насколько позволяетъ мнѣ мой опытъ, я могу сказать, что никогда не находилъ, чтобы нравственность и религію можно было поддержать суровымъ стѣсненіемъ естественныхъ стремленій нашей природы къ отдыху и развлеченію. Если люди склонны увлекаться опасными и вредными удовольствіями, то дѣло разума и доброты открыть имъ болѣе невинные источники развлеченій. Можно расходиться въ мнѣніяхъ относительно нѣкоторыхъ развлеченій, можно спорить объ ихъ пользѣ и вредѣ, но никто не долженъ сомнѣваться въ необходимости развлеченій вообще и каждый въ особенности долженъ стараться доставлять ихъ тѣмъ бѣднымъ людямъ, на долю которыхъ выпало такъ мало свѣтлыхъ дней и жизнь которыхъ такъ скучна и монотонна.

Во время вечеринокъ устраиваются для разнообразія разнаго рода игры, иногда бываютъ концертныя отдѣленія и драматическія представ-

ленія, тоже очень любимыя дѣвушками. По субботамъ въ клубѣ miss Stanley и во многихъ другихъ устраиваются загородныя прогулки.

Лондонскимъ рабочимъ дѣвушкамъ, какъ и вообще рабочему люду всѣхъ большихъ городовъ, рѣдко удается бывать за городомъ, а тѣмъ болѣе въ деревнѣ. Даже въ московскихъ воскресныхъ школахъ случается видѣть дѣвочекъ и дѣвушекъ, никогда не бывшихъ въ деревнѣ, не имѣющихъ понятія ни о сѣнокосѣ, ни о жатвѣ, ни о какихъ хлѣбахъ. Поэтому, не говоря уже объ удовольствіи, которое доставляютъ эти загородныя прогулки, онѣ приносятъ также и много пользы. Часто учредители клуба устраиваютъ приглашенія для молодыхъ дѣвушекъ въ подгороднія дачи или помѣстья своихъ знакомыхъ, и онѣ проводятъ тамъ цѣлые дни съ утра до поздняго вечера. Эти поѣздки, возможныя только въ праздничные дни, ожидаются дѣвушками съ большимъ нетерпѣніемъ. Miss Stanley говоритъ, что когда она разъ обратилась къ дѣвушкамъ съ вопросомъ, когда онѣ желали бы назначить сборъ на станціи, всѣ хоромъ отвѣчали: «въ семь часовъ утра».

При нѣкоторыхъ клубахъ существуютъ также лѣтнія колоніи, куда отправляютъ на поправку болѣе слабыхъ членовъ клуба, а если позволяетъ мѣсто, то и всѣхъ членовъ поочередно. Подъ лѣтними колоніями не надо разумѣть какое-нибудь одно опредѣленное мѣсто, находящееся въ распоряженіи клуба. Клубы не обладаютъ такими средствами, чтобъ имѣть въ своей собственности лѣтнія мѣстопребыванія для членовъ. Обыкновенно это дѣлается такимъ образомъ. Кто-нибудь изъ учредителей, имѣющій помѣстье, приглашаетъ къ себѣ нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ на болѣе или менѣе продолжительный срокъ, или устраиваетъ ихъ въ имѣніяхъ своихъ знакомыхъ. Miss Stanley говоритъ, что всегда можно найти дамъ землевладѣлицъ, которыя съ удовольствіемъ примутъ къ себѣ на лѣто бѣдныхъ молодыхъ дѣвушекъ, нуждающихся въ отдыхѣ и свѣжемъ деревенскомъ воздухѣ. Нѣкоторыя дамы устраиваютъ въ своимъ помѣстьяхъ постоянныя помѣщенія для молодыхъ дѣвушекъ, женщинъ и дѣтей или отдаютъ въ ихъ распоряженіе имѣющіеся свободные коттэджи. Дорога оплачивается самими дѣвушками, за нѣкоторыми исключеніями, содержаніе же большей части бываетъ даровое, а если берется плата, то самая незначительная. Въ послѣднее время, впрочемъ, стали открываться дешевыя лѣтнія колоніи для бѣднаго городского люда въ деревнѣ и на морскомъ берегу съ платою по 12 шиллинговъ въ недѣлю. Трудно себѣ представить, какъ много радости доставляетъ это лѣтнее пребываніе въ деревнѣ. Большинство попадаетъ туда въ первый разъ, въ первый разъ испытываетъ наслажденіе, которое даетъ деревенская жизнь. Одна женщина, попавшая въ деревню въ первый разъ уже въ преклонныхъ годахъ, говорила: «я никогда не могла и мечтать о такомъ удовольствіи; съ дѣтства я должна была зарабатывать себѣ хлѣбъ, чтобы помогать родителямъ, потомъ, когда вышла замужъ, надо было помогать мужу, потому что его жалованья не доставало на содержаніе дѣтей, на праздники у меня не было времени, едва хватало его на работу». Въ такомъ

положеніи находятся тысячи женщинъ. Время для отдыха у нихъ еще меньше, чѣмъ у мужей, потому что свободное время отъ работы онѣ должны отдавать домашнему хозяйству и заботамъ о дѣтяхъ. Очень можетъ быть, что эта женщина до самой смерти не увидала бы деревни, если бы не заболѣла; ее помѣстили въ госпиталь, а потомъ для полнаго выздоровленія отправили въ деревню.

Остается сказать еще объ одномъ учрежденіи, устроенномъ при нѣкоторыхъ клубахъ, а именно объ общежитіяхъ (homes) для дѣвушекъ, не имѣющихъ семьи. Лондонъ привлекаетъ къ себѣ массу дѣвушекъ изъ провинціи и изъ деревни болѣй высокой заработною платой, а также болѣе высокимъ уровнемъ различныхъ ремеслъ. Швеи, модистки, бурнусницы стремятся попасть въ лондонскія мастерскія, чтобъ усовершенствоваться въ своемъ дѣлѣ. Каждая модистка или портниха, пробывшая хоть годъ въ Лондонѣ, очень цѣнится провинціей, и плата за ея работу увеличивается. Попавъ въ Лондонъ, гдѣ у многихъ изъ нихъ нѣтъ ни родныхъ, ни знакомыхъ, онѣ принуждены останавливаться въ разныхъ дешевыхъ номерахъ сомнительной репутаціи, гдѣ часто становятся жертвами грубаго обмана и насилія. Поднялся вопросъ о томъ, чтобъ устроить какое-нибудь убѣжище, гдѣ молодыя дѣвушки нашли бы временный пріютъ. Такіе пріюты и были устроены въ разныхъ частяхъ города, сначала мистеромъ Стримптономъ, а потомъ разнаго рода обществами (Young Womans Christian Association, Girls Friendly Society). Клубы тоже сознаютъ необходимость имѣть такого рода учрежденія для безпріютныхъ дѣвушекъ, и вездѣ, гдѣ только позволяютъ средства и помѣщеніе, имѣются нѣсколько комнатъ для общежитія, какъ, напримѣръ, въ клубѣ miss Stanley. Обитательницы комнатъ могутъ и не быть членами клуба, только тогда онѣ не пользуются тѣми преимуществами, которыя даетъ клубъ. Точно установленной платы за комнаты не полагается,—каждая дѣвушка платитъ сколько можетъ, отъ одного до пяти шиллинговъ въ недѣлю. За утренній завтракъ берется одно пенни, за обѣдъ—шесть пенни, а не имѣющія могутъ имѣть за одно пенни супъ, хлѣбъ или пуддингъ. Само собой разумѣется, что дѣвушки, не имѣющія ни средствъ, ни занятій, пользуются временно даровымъ содержаніемъ. Главный контингентъ обитателей составляютъ швеи, модистки, бѣлошвейки, но встрѣчаются также женщины другихъ профессій, временно лишенныя занятій. Въ общежитіи miss Stanley жили двѣ актрисы, гувернантка и нѣсколько иностранокъ, пріѣхавшихъ искать лучшей доли. Въ первый годъ основанія въ общежитіи перебывало сто человѣкъ, а съ 1884 г. (годъ основанія общежитія) по 1894 г.—784 человѣка.

Для юношей и мальчиковъ существуютъ такіе же клубы, какъ и для дѣвочекъ, но я остановилась главнымъ образомъ на послѣднихъ, потому что мнѣ ближе удалось познакомиться съ ними. Иногда въ одномъ зданіи устраиваются два клуба, мужской и женскій, одинъ наверху, другой—внизу. Есть даже попытки одного общаго клуба для мужчинъ и женщинъ, но большинство англійскихъ дамъ противъ этого. Такого рода клубъ былъ устроенъ сэромъ

Уайтеромъ при Биконсфильдъ Бильдингѣ (Beaconsfield-Building), огромномъ зданіи съ маленькими квартирами для рабочихъ семей, вмѣщающемъ въ себѣ по крайней мѣрѣ двухтысячное населеніе. Интересна между прочимъ исторія основанія этого клуба. Д-ръ Уайтеръ, возвращаясь какъ-то домой поздно вечеромъ, встрѣтилъ слѣпого старика, который обратился къ нему съ просьбой провести его на знакомую улицу, откуда онъ могъ бы безъ посторонней помощи найти дорогу домой. Докторъ проводилъ его до самаго дома, оказавшагося Beaconsfild-Building. Дорогой они разговорились, старикъ заинтересовалъ доктора, и онъ сталъ навѣщать его, знакомясь въ то же время и съ другими обитателями огромнаго зданія. Тогда ему пришло на мысль устроить для нихъ свой «клубъ», большое, свѣтлое, хорошо устроенное помѣщеніе, гдѣ бы они могли собираться по вечерамъ вмѣсто того, чтобы спасаться отъ неприглядной домашней обстановки и тѣсноты на улицы и въ кабаки. Жена его, очень милая и симпатичная женщина, приняла горячее участіе въ этомъ дѣлѣ, и черезъ нѣсколько времени клубъ былъ открытъ. Одинъ большой залъ для гимнастики, комната для подростковъ-мальчиковъ, комната для дѣвочекъ и, наконецъ, общая комната для мужчинъ и женщинъ. Ни вечернихъ классовъ, ни какихъ-либо систематическихъ курсовъ при клубѣ нѣтъ, такъ какъ докторъ рѣшительно противъ этого, утверждая, что умственныя занятія послѣ цѣлаго дня продолжительнаго труда вредно дѣйствуютъ на здоровье.

Есть только классы рукодѣлія, общія чтенія и бесѣды по поводу прочитаннаго. Не задолго до моего пріѣзда была прочитана, между прочимъ, только что появившаяся тогда въ англійскомъ переводѣ книга Л. Н. Толстого *Царство Божіе въ васъ самихъ*, и м-ръ Уайтеръ говорилъ мнѣ, что эта книга читалась съ большимъ интересомъ и вызывала самыя оживленныя пренія. При клубѣ существуетъ также лѣтняя колонія для дѣтей. Клубъ этотъ существуетъ исключительно на средства д-ра Уайтера и на небольшіе взносы членовъ клуба (одно пенни въ недѣлю съ женщины и два пенни—съ мужчины). «Сближеніе съ рабочимъ классомъ—вотъ наша главная задача», говорилъ мнѣ д-ръ Уайтеръ.

«Мы хотимъ прежде всего»,—говорилъ въ своей рѣчи основатель другого Frideswide Club *), чтобы нашъ клубъ былъ союзомъ дружбы. Чему

*) Съ этимъ именемъ связана очень трогательная легенда. Давно тому назадъ въ Англіи, въ одной деревнѣ, на берегу Темзы, жила прекрасная золотоволосая саксонская дѣвушка Фрэдсъ-Уайтъ. Всю свою жизнь она посвятила служенію народу, потому что она понимала любовь какъ *служеніе*. Однажды богатый и гордый принцъ Мерсіа пріѣхалъ въ деревню, увидѣлъ Фрэдсъ-Уайтъ, влюбился въ нее и сталъ просить ее выйдти за него замужъ. Но она отказала, говоря, что у нея много дѣла въ деревнѣ, и она не можетъ сдѣлаться его женой. Онъ уѣхалъ, но скоро вернулся назадъ съ цѣлымъ войскомъ, чтобы взять ее силой. Но она спряталась въ соломѣ, въ маленькой избушкѣ, на концѣ деревни, и онъ не могъ найти ее и уѣхалъ назадъ безъ нея. А она продолжала свое дѣло—служенія другимъ и исполняла его полная смиренія, кротости и любви. Мало-по-малу присоединились къ ней другія дѣвушки и образовали союзъ сестеръ (Sister hood). Жизнь ихъ была скромная, чистая и по-

бы мы здѣсь ни учились, мы прежде всего должны научиться быть друзьями и въ этой дружбѣ находить радость и счастье». Много еще предстоитъ трудностей на пути къ этому сближенію, и не скоро еще падутъ преграды, раздѣляющія привиллегированный классъ отъ рабочаго, но важно уже то, что въ общество съ каждымъ годомъ сильнѣе и сильнѣе начинаетъ проникать сознаніе о необходимости прійти на помощь къ бѣдному люду, лишенному какъ матеріальныхъ, такъ и духовныхъ благъ, поднять съ помощью образованія ихъ нравственное и умственное міросозерцаніе. Въ Америкѣ, по примѣру Англіи, основаны такіе же клубы. Th. Bentzon въ *Revue des Deux Mondes* описываетъ одинъ изъ такихъ клубовъ въ Чикаго *Hull-Hause*, основанный благодаря инициативѣ и энергіи miss Jane Addams. Въ клубѣ нѣсколько отдѣленій: для взрослыхъ, для подростковъ и для дѣтей. «Сыновья богатыхъ гражданъ Чикаго устраиваютъ клубы для мальчиковъ, принимаютъ участіе въ этихъ недавно еще обездоленныхъ созданіяхъ, которыя теперь шутя могутъ научиться рѣзьбѣ, скульптурѣ по дереву, пріобрѣсти свѣдѣнія по исторіи, по географіи и по различнымъ другимъ предметамъ, пользуясь въ то же время разными играми и развлеченіями.

У нихъ прекрасный гимнастическій залъ, ванны и души, что̀, конечно, способствуетъ значительнымъ образомъ поддержанію нравственнаго и физическаго здоровья посѣтителей клуба. Но одно изъ главныхъ благодѣяній клуба составляетъ кухня. Здѣсь можно получать простой и сытный столъ по самой низкой цѣнѣ, брать кушанья къ себѣ на домъ и пользоваться уроками кулинарнаго искусства.

По вечерамъ въ женскомъ отдѣленіи клуба американскія миссъ принимаютъ участіе въ урокахъ шитья и за работой бесѣдуютъ со своими ученицами, пользуясь каждымъ случаемъ, чтобъ обогатить ихъ познанія. Другія миссъ занимаются въ дѣтскомъ саду съ дѣтьми, которыя собираются каждое утро.

О милостынѣ въ этомъ учрежденіи нѣтъ и рѣчи. Оно облегчаетъ жизнь бѣднякамъ—вотъ вся его задача. Оно старается дать бѣднымъ то, чѣмъ въ такомъ изобиліи пользуются богатые, или вѣрнѣе, благодаря сосѣдству и разнымъ сношеніямъ сгладить разстояніе, отдѣляющее бѣдныхъ отъ богатыхъ.

О вѣроисповѣданіи тутъ никто не спрашиваетъ, здѣсь одна общая

священная добрымъ дѣламъ. Фрэдсъ-Уайтъ умерла; народъ поставилъ на ея могилѣ памятникъ, а нѣкоторое время спустя въ память ея была воздвигнута церковь, которую назвали аббатствомъ св. Фрэдсъ-Уайты. Аббатство это перешло черезъ разныя руки и подверглось цѣлому ряду превращеній и наконецъ вмѣстѣ съ аббатствомъ Оснэй превратилось въ школу для мальчиковъ и молодыхъ людей. Прошло сотни лѣтъ, и теперь маленькая деревня превратилась въ городъ Оксфордъ, а церковь, воздвигнутая въ память Фрэдсъ-Уайты—въ соборъ Спасителя. Но основаніе великаго памятника науки и религіи было положено союзомъ сестеръ, основанныхъ Фрэдсъ-Уайтъ.

всѣмъ религія—христіанское милосердіе, надо всѣмъ царитъ духъ Христа, проявляемый въ дѣлахъ любви.

Въ Парижѣ, гдѣ такъ много сдѣлано для народнаго образованія, гдѣ безплатныя лекціи по самымъ разнообразнымъ предметамъ устраиваются и городомъ, и частными лицами, до послѣдняго времени очень мало обращали вниманія на внѣшкольную жизнь дѣтей и подростковъ, окончившихъ школу. Но теперь вопросъ этотъ все настойчивѣе выдвигается впередъ, и многое уже сдѣлано въ этомъ отношеніи. Особеннаго вниманія заслуживаютъ школьныя попечительства (patronades scolaires), но о нихъ я надѣюсь имѣть случай сообщить въ другой разъ.

А. Погожева.

Картинки современныхъ нравовъ.

I.

Письма «Знатнаго Иностранца» *).

Переводъ съ рукописи.

Письмо первое.

Дорогая Дженни!

Изъ телеграммъ вы уже знаете, что я благополучно прибылъ въ Петербургъ и, пробывъ тамъ три дня, чтобы повидать старыхъ друзей, пріѣхалъ на болѣе или менѣе продолжительное время въ Москву. Вотъ уже недѣля, какъ я въ сердцѣ Россіи, и только сегодня могу приняться за письмо къ вамъ, и то благодаря разстройству желудка, заставившему меня отказаться отъ одного юбилейнаго обѣда и сидѣть цѣлый день дома,—до того я отдался гостепріимству и радушію добрыхъ москвичей, рѣшительно очаровавшихъ меня своею любезностью. Визиты, завтраки, обѣды и ужины, простые и юбилейные (здѣсь, Дженни, что ни день, то празднуютъ чей-

---

*) Лѣтъ около пятнадцати тому назадъ, въ одномъ изъ нашихъ журналовъ помѣщались въ переводѣ нѣкоторыя изъ писемъ „Знатнаго Иностранца", лорда Ро-берри (однофамильца недавняго премьера), который долгое время гостилъ въ Петербургѣ съ цѣлью изученія Россіи и довольно порядочно усвоилъ себѣ русскій языкъ.

После долгаго отсутствія, почтенный лордъ снова пріѣхалъ въ Россію, которая, судя по его прежнимъ письмамъ, крайне его интересуетъ. На этотъ разъ, послѣ недолгаго пребыванія въ Петербургѣ, онъ поселился въ Москвѣ, полагая—и, мнѣ кажется, вполнѣ резонно,—что изучать страну и нравы слѣдуетъ не въ Петербургѣ, а именно въ сердцѣ Россіи.

Благодаря старинной дружбѣ съ лордомъ, я могу предложить вниманію читателей нѣкоторыя изъ его писемъ—частью цѣликомъ, частью въ извлеченіяхъ—въ которыхъ лордъ сообщаетъ свои наблюденія и впечатлѣнія лэди Дженни, своей супругѣ.

Мнѣ кажется, что мнѣнія англичанина, хотя и нѣсколько одностороннія въ своемъ пристрастіи къ нашему отечеству, не лишены нѣкотораго интереса. Во всякомъ случаѣ небезполезно знать, за что хвалятъ насъ благожелательные иностранцы.

Нечего и прибавлять, что неточности и преувеличенія, встрѣчающіяся въ письмахъ благороднаго лорда, будутъ мною указаны въ примѣчаніяхъ. *Переводчикъ.*

нибудь юбилей) и съ рѣчами и безъ рѣчей (что, впрочемъ, случается рѣдко), но обязательно съ обильною выпивкой, новыя знакомства и возобновленіе старыхъ рѣшительно поглощали все мое время и, долженъ признаться, совершенно перевернули мой обычный образъ жизни и, что еще ужаснѣе, заставили меня забыть, что я состою почетнымъ президентомъ общества трезвости въ Лондонѣ.

Надѣюсь, впрочемъ, что впредь этого не будетъ, Дженни, и вашъ мужъ не заставитъ васъ краснѣть при мысли, что онъ здѣсь пьянствуетъ, какъ нереспектабельный джентльменъ.

Итакъ, принимаюсь за описаніе своихъ первыхъ впечатлѣній на чужбинѣ.

Хотя пятнадцать лѣтъ, что прошло съ тѣхъ поръ, какъ я оставилъ эту любопытную и крайне симпатичную мнѣ страну, и не слишкомъ большой промежутокъ времени въ жизни государствъ и народовъ, особенно такихъ устойчивыхъ и скромныхъ въ своихъ желаніяхъ, какъ русскіе, тѣмъ не менѣе, я рѣшительно пораженъ тою разительною перемѣной въ нравахъ, образѣ мыслей, въ интенсивности патріотическаго подъема и во многомъ другомъ, которая произошла за время моего отсутствія.

Изъ дальнѣйшаго описанія моихъ многочисленныхъ встрѣчъ и бесѣдъ съ различными представителями культурныхъ классовъ Петербурга и Москвы, начиная съ почтенныхъ сановниковъ, исключительно занятыхъ государственными дѣлами, и кончая репортерами, приходившими меня интервьировать, какъ знатнаго иностранца, вы, Дженни, увидите, въ какой значительной степени окрѣпло въ послѣднее время самосознаніе русскихъ и какъ усилилась ихъ увѣренность,—пожалуй, и не лишенная нѣкотораго основанія,—въ томъ, что они единственный и, разумѣется, первый по своимъ добродѣтелямъ народъ въ мірѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и газеты, и большая часть русскаго общества теперь окончательно, какъ кажется, убѣждены, что основы ихъ общежитія, являясь залогомъ любви, смиренія и кротости, представляютъ собою поучительный и едва ли не единственный въ Европѣ примѣръ счастливаго сочетанія мощнаго роста и непрерывнаго прогресса съ патріархальной простотой нравовъ, напоминающей библейскія времена,—простотой, благодаря которой русскіе совсѣмъ не знаютъ тѣхъ золъ и бѣдствій, какія испытываютъ другіе народы.

При этомъ русскіе обыкновенно подкрѣпляютъ свою аргументацію по этому поводу весьма любимой здѣсь поговоркой: «Что русскому здорово, то нѣмцу смерть», понимая эту поговорку не только въ буквальномъ смыслѣ, что не лишено справедливости, если принять во вниманіе, что̀ иногда ѣстъ русскій земледѣлецъ, — но и въ аллегорическомъ, что тоже имѣетъ долю истины. Само собой разумѣется, что и то, что для нѣмца здорово, наприм., гороховая колбаса, въ свою очередь русскіе для себя считаютъ смертью.

Въ такомъ категорическомъ смыслѣ высказываются теперь не одни только мужчины, но и многія леди, какъ престарѣлыя, такъ и молодыя, съ которыми я познакомился и которыя удостоиваютъ меня чести говорить со мною лишь исключительно о политикѣ, могу васъ увѣрить, Дженни.

Въ виду этого не хмурьтесь, прошу васъ. Я уже достаточно старъ, а петербургскія и московскія дамы, какъ вамъ не безъизвѣстно изъ моихъ писемъ во время прежняго посѣщенія Россіи, имѣютъ совершенно опредѣленныя мнѣнія на счетъ интересности почтеннаго возраста. Онѣ, сколько я могъ замѣтить, неуклонно держатся того же правила, что и наши леди, а именно, что несравненно любопытнѣе увлечься послѣдовательно—а въ крайнихъ случаяхъ и одновременно—двумя двадцатипятилѣтними молодцами (среди которыхъ восточные люди, наѣздники, акробаты и тенора пользуются у русскихъ дамъ особымъ предпочтеніемъ), чѣмъ однимъ пятидесятилѣтнимъ джентльменомъ, хотя бы онъ былъ и знатнымъ иностранцемъ.

Въ этомъ отношеніи вкусы за пятнадцать лѣтъ не измѣнились нисколько въ извѣстной средѣ. Напротивъ, они еще болѣе развились въ томъ же направленіи, если признать справедливыми разсказы многихъ путешественниковъ о томъ, что крымскіе татары и горцы-проводники на кавказскихъ курортахъ обязаны своимъ благосостояніемъ исключительно московскимъ купчихамъ. Что же касается до теноровъ, то объ ихъ успѣхахъ я не разъ сообщалъ вамъ, Дженни, во время прежняго пребыванія въ Россіи. Замѣчу кстати, что находящійся въ настоящее время въ Москвѣ молодой теноръ де-Марки пользуется такимъ обожаніемъ прекраснаго пола, что будь онъ корыстолюбивъ и болѣе широкъ въ плечахъ, ему крайне легко было бы въ короткое время составить себѣ состояніе и несравненно большее, чѣмъ если бы онъ нашелъ алмазныя копи въ Трансваалѣ или получилъ подрядъ на сибирской желѣзной дорогѣ на какихъ-нибудь льготныхъ условіяхъ.

Возвращаясь къ поразившей меня перемѣнѣ, я долженъ, однако, замѣтить, что увѣренность русскихъ въ своемъ превосходствѣ, нѣсколько поражающая откровенною наивностью своего проявленія, присуща только культурнымъ классамъ. Тѣ джентльмены, которые называются здѣсь мужиками, повидимому, совсѣмъ не интересуются вопросомъ о первенствѣ среди народовъ. Озабоченные изысканіемъ болѣе или менѣе скромнаго пропитанія и своевременнымъ взносомъ причитающихся съ нихъ платежей, они, повидимому, не сознаютъ, а лишь только чувствуютъ—и порою довольно сильно, хотя и молчаливо—свое высокое назначеніе быть, какъ выражаются финансисты, платежною силой страны и главнымъ источникомъ доходовъ государственнаго казначейства и, такимъ образомъ, способствовать могуществу и славѣ отечества. Нечего и прибавлять, что, не читая газетъ,—впрочемъ, и при желаніи они не могли бы, ибо неграмотны,—русскіе мужики, насколько я могъ убѣдиться изъ разговоровъ съ петербургскими извощиками, весьма мало интересуются политикой, если не считать политикой ихъ частаго и не всегда доброжелательнаго разговора о «фараонахъ», именемъ которыхъ петербургскіе извощики почему-то называютъ полисменовъ, хотя, казалось бы, между любезными полисменами и недоступными египетскими царями ничего нѣтъ общаго.

Необыкновенно бодрое, веселое, даже горделивое и откровенное настро-

ніе замѣчается теперь всюду, какъ только вы переѣдете границу и положите въ руку браваго таможеннаго солдата нѣсколько двугривенныхъ на «чай», подъ которымъ русскіе простолюдины и теперь, какъ и прежде, подразумѣваютъ рѣшительно всѣ спиртные напитки. Осмотръ моего чемодана продолжался не долго, тѣмъ болѣе, что я предусмотрительно завернулъ разныя мелкія вещи въ оберточную, а не въ газетную бумагу, которая могла бы подать поводъ къ недоразумѣніямъ и, пожалуй, затруднить и безъ того обремененный работой комитетъ иностранной цензуры, какъ то было однажды, Дженни, когда я имѣлъ неосторожность завернуть ботинки въ старые номера *Times*'а, возбудившіе въ почтенномъ и крайне любезномъ таможенномъ чиновникѣ подозрѣніе, что въ англійской газетѣ непремѣнно должны ругать русскихъ. И напрасно я тогда увѣрялъ добродушнаго джентльмена, что онъ ошибается. Онъ не вѣрилъ и, что было всего удивительнѣе, какъ будто и самъ былъ глубоко убѣжденъ, что нельзя не бранить его отечества и соотечественниковъ.

Въ Вержболовѣ я, конечно, немедленно купилъ нѣсколько петербургскихъ газетъ и одну русскую книгу: *Путешествіе въ Ледовитый океанъ*. Съ особеннымъ любопытствомъ прочитывалъ я русскія газеты въ ожиданіи отхода поѣзда и крайне обрадовался значительной перемѣнѣ ихъ тона. Прежняго унынія, свойственнаго, казалось мнѣ, исключительно русской прессѣ, не было и слѣда. Не было въ нихъ и той, если можно такъ выразиться, меланхолической недосказанности, вселявшей въ русскихъ читателяхъ нѣкоторую грусть,—недосказанности, которая такъ меня поражала прежде. Теперь, напротивъ, все въ русскихъ газетахъ,—исключая одну, другую,—ясно, опредѣленно, точно, весело и даже игриво. Никакихъ недомолвокъ, свидѣтельствующихъ о страхѣ за розничную продажу и, притомъ, полная свобода мнѣній не только объ иностранныхъ чиновникахъ,—и преимущественно нашихъ, англійскихъ,—а и своихъ собственныхъ. По крайней мѣрѣ, я въ первый же день въѣзда въ Россію въ трехъ газетахъ прочиталъ передовыя статьи объ одномъ русскомъ дѣятелѣ, мѣропріятія котораго всѣ три газеты подвергали обсужденію и находили ихъ превосходными. Съ прямотою честныхъ журналистовъ авторы статей отдавали дань благодарности общественному дѣятелю, называя его истинно-русскимъ человѣкомъ (такою кличкой здѣсь, Дженни, называютъ всякаго джентльмена, который знаетъ солдатскую пѣсню: «Наша матушка Россія всему свѣту голова» *), талантливымъ, смѣлымъ и энергичнымъ, который плюетъ на кабинетныя доктрины и лишь считается съ фактами жизни.

Не входя, разумѣется, въ оцѣнку справедливости этихъ комплиментовъ, я привожу ихъ, какъ доказательство несомнѣннаго роста русской печати, въ виду того, что возможность такихъ откровенныхъ одобреній, разумѣется, нераздѣльна и съ возможностью таковой же откровенной кри-

---

*) Это объясненіе „Знатнаго Иностранца“ далеко не вѣрно. Благородный лордъ былъ введенъ въ заблужденіе.

тики. И я убѣдился, что такой взглядъ, обязательный для каждаго честнаго публициста, усвоенъ вполнѣ русскими джентльменами пера. По крайней мѣрѣ, въ тѣхъ же нумерахъ газетъ, гдѣ превозносился сановникъ, предавался жестокому и даже безпощадному осужденію одинъ правительственный агентъ, отданный подъ судъ за превышеніе власти, — преступленіе, болѣе всего распространенное въ послѣднее время среди русскихъ должностныхъ лицъ, какъ говорилъ мнѣ одинъ молодой прокуроръ.

Правда, правительственный агентъ, попавшій на скамью подсудимыхъ, былъ весьма незначительный по своему положенію, вродѣ помощника шерифа, но мнѣ объяснили, что и болѣе значительные агенты могли бы подвергнуться карѣ газетъ, еслибъ попали подъ судъ, что, впрочемъ, случается рѣдко, такъ какъ, по словамъ одного русскаго моего знакомаго, занимающаго видное положеніе,—выборъ значительныхъ агентовъ очень тщательный и между ними крайне рѣдки люди, не отличающіеся высокими интеллектуальными и нравственными качествами. Что же касается до критики мѣропріятій, то и она вполнѣ допускается, если къ тому находится поводъ. Но такъ какъ поводы эти весьма рѣдки, то русскіе журналисты и не находятъ достаточныхъ основаній для легкомысленныхъ сужденій и критикъ, подобно своимъ иностраннымъ собратьямъ.

Во всякомъ случаѣ, чтеніе русскихъ газетъ привело меня къ заключенію, что отношеніе русскихъ общественныхъ дѣятелей къ печати далеко не такое, какимъ было прежде. Прежде они были крайне щекотливы и чувствительны даже и тогда, когда печать оскорбляла обычную въ нихъ скромность самыми почтительными похвалами, я уже не говорю о порицаніяхъ, а теперь многіе русскіе дѣятели охотно бесѣдуютъ съ иностранными журналистами и даже разрѣшаютъ путешествовать въ ихъ обществѣ русскимъ корреспондентамъ, разумѣется, въ томъ только случаѣ, когда корреспонденты вполнѣ благонадежны, т.-е. добросовѣстны и правдивы и не позволятъ себѣ расточать грубой лести по адресу начальствующихъ лицъ, въ надеждѣ достиженія какихъ-либо корыстныхъ видовъ.

Книга *Путешествіе въ Ледовитый океанъ* *), сочиненная однимъ изъ такихъ корреспондентовъ, представляетъ собою крайне пріятное явленіе, какъ правдивое и вполнѣ, повидимому, искреннее описаніе впечатлѣній автора. Но, главнымъ образомъ, она тѣмъ цѣнна и полезна, что знакомитъ русскую публику съ ея выдающимися дѣятелями на разныхъ поприщахъ. Извѣстные только ограниченному кругу имѣющихъ съ ними дѣло лицъ, они совсѣмъ не извѣстны громадному большинству гражданъ, которые часто судятъ о нихъ лишь по слухамъ, не всегда справедливымъ и большею частью даже злонамѣреннымъ.

Благодаря автору книги, всякій желающій имѣть достовѣрныя свѣдѣнія хотя бы о нѣкоторыхъ общественныхъ дѣятеляхъ можетъ легко исполнить свое желаніе, уплативъ за книгу три рубля, и узнать, какъ имѣлъ удо-

*) Книги подъ такимъ названіемъ, насколько намъ извѣстно, нѣтъ.—*Прим. пер.*

вольствіе узнать и я, какъ часто прискорбно ошибаются люди, полагая, что вообще мало на свѣтѣ совершенства.

Я непремѣнно переведу эту книгу для нашихъ соотечественниковъ, а пока лишь замѣчу, Дженни, что джентльмены, описанные корреспондентомъ, по чести говоря, рѣдкіе по своимъ добродѣтелямъ люди и были бы украшеніемъ всякой страны. Признаюсь, я не могъ безъ нѣкотораго волненія читать эти характеристики, напоминающія Плутарховы, всѣхъ тѣхъ чиновниковъ болѣе или менѣе приличнаго положенія, съ которыми путешествовалъ или съ которыми встрѣчался авторъ,—до того эти джентльмены умны, доблестны и благородны, до того они усердны въ исполненіи своего долга и проникнуты лишь однимъ желаніемъ: во что бы ни стало сдѣлать счастливыми жителей тѣхъ провинцій, въ которыхъ эти добродѣтельные джентльмены подвижничествуютъ.

Впослѣдствіи я слышалъ, что корреспондентъ, написавшій названную книгу, получилъ мѣсто коммерческаго агента въ одномъ изъ городовъ Европы съ весьма приличнымъ окладомъ въ 6,000 руб. и, разумѣется, порадовался за странника - корреспондента, нашедшаго, наконецъ, тихое пристанище.

Пока я штудировалъ книгу, двое сидѣвшіе со мною въ купэ джентльмена весело между собою бесѣдовали о Парижѣ, изъ котораго они, повидимому, возвращались; принимая меня, по всей вѣроятности, за иностранца, не знающаго по-русски, они припоминали различныя свои похожденія болѣе или менѣе интимнаго характера, откровеннѣе чѣмъ бы слѣдовало для почтенныхъ людей свыше сорокалѣтняго возраста.

Насладившись воспоминаніями о веселыхъ ужинахъ въ отдѣльныхъ кабинетахъ и обмѣнявшись обѣщаніями не проговориться какъ-нибудь о нихъ передъ своими супругами, они, несмотря на франко-русскій союзъ, принялись бранить французовъ съ тою поспѣшностью къ обобщенію единичныхъ фактовъ, какою вообще отличаются русскіе, не привыкшіе, сколько я замѣтилъ, къ строго-логическимъ выводамъ.

Болѣе всего доставалось французскому парламенту (кстати замѣчу, это учрежденіе возбуждаетъ теперь въ русскихъ чувство глубочайшаго презрѣнія). Не нравилось джентльменамъ и то, что засѣданія парламента не достаточно торжественны: вмѣсто того, чтобы быть, по крайней мѣрѣ, во фракахъ, если нѣтъ форменныхъ мундировъ, всѣ въ пиджакахъ, и что тамъ шумъ, крики... точно въ кабакѣ. Но особенно возмущала ихъ частая смѣна министровъ и, какъ выразились почтенные джентльмены, «разнузданность» печати, позволяющей себѣ говорить все, что угодно, не только о министрахъ, но и о президентѣ республики.

Въ концѣ-концовъ, оба собесѣдника пришли къ заключенію, что Европа окончательно разлагается и что одна только Россія представляетъ собою здоровое, мощное государство, въ которомъ дѣйствительно, а не фиктивно, какъ въ Европѣ, существуетъ равенство, сохранились еще идеалы, народъ помнитъ Бога и чиновники неподкупны, не то что во Франціи, напримѣръ.

Послѣ того разговоръ двухъ джентльменовъ принялъ направленіе, свидѣтельствующее, что они сами чиновники и даже значительные. Оказалось, что оба они ѣздили въ Европу съ цѣлью изученія не то горныхъ, не то желѣзнодорожныхъ вопросовъ, при чемъ, разумѣется, получили на поѣздку приличное вознагражденіе изъ государственнаго казначейства. Нечего и прибавлять, что Парижъ они посѣтили, окончивъ возложенное на нихъ порученіе.

Въ Петербургъ поѣздъ пришелъ, опоздавъ часъ, другой—ужъ я не знаю по какому случаю. Какъ и пятнадцать лѣтъ тому назадъ, когда я въ первый разъ въѣзжалъ въ столицу Русской имперіи, такъ и теперь, я былъ пораженъ, Дженни, обиліемъ ругательствъ, клятвъ и божбы, раздававшихся у дебаркадера въ толпѣ извозчиковъ. Такъ же, какъ и пятнадцать лѣтъ тому назадъ, полисмены время отъ времени и, долженъ прибавить, не особенно на виду у публики, «учили», какъ здѣсь выражаются, болѣе увлекающихся возницъ ударами шашками плашмя, что, конечно, и является однимъ изъ поводовъ не столько злобы (русскіе вообще необыкновенно добродушно переносятъ удары, не влекущіе за собой серьезнаго увѣчья), сколько ироническаго отношенія извозчиковъ къ «фараонамъ». Такъ же, какъ и пятнадцать лѣтъ тому назадъ, карету, въ которой я ѣхалъ въ гостиницу, чуть не опрокинула нагруженная мѣшками съ мукой телѣга, извозчикъ которой, носящій здѣсь весьма подходящее названіе «ломового», какъ бы досадуя, что карета, по счастливой случайности, осталась цѣла, выпустилъ цѣлый фонтанъ виртуозной брани на кучера, который, въ свою очередь, не остался въ долгу.

Однако, довольно. О петербургскихъ впечатлѣніяхъ и встрѣчахъ до слѣдующаго письма. Да хранитъ васъ Богъ.

Вашъ *Джонн.*

P. S. Не безпокойтесь о моемъ легкомъ нездоровьѣ. Надѣюсь, что къ завтрашнему дню буду вполнѣ здоровъ. Если же будетъ хуже, то приглашу доктора, какъ это ни убыточно. Здѣсь, Дженни, визиты докторовъ, и особенно болѣе или менѣе извѣстныхъ, причиняютъ такое же разореніе, какъ пожаръ или наводненіе. Гонораръ, взимаемый ими, и притомъ по назначенной таксѣ (ни пенни меньше), такъ великъ, что многіе больные, послѣ долгаго лѣченія, дѣлаются нищими. Десять, а то и двадцать фунтовъ стерлинговъ обычная плата за визитъ одному изъ самыхъ извѣстныхъ въ Москвѣ врачей. Кромѣ того, если вѣрить многимъ почти невѣроятнымъ разсказамъ объ этомъ врачѣ, необходимо при его посѣщеніи приготовить для него: 1) три фунта самой лучшей зернистой икры; 2) осетровый балыкъ; 3) пять фунтовъ конфетъ и 4) два ананаса, десятокъ дюшессъ и нѣсколько фунтовъ винограда. И только послѣ того, какъ докторъ все это съѣстъ (что едва ли, впрочемъ, возможно даже и для московскаго жителя) *), онъ приступаетъ къ осмотру больного, причемъ паціентъ обязывается безпрекословно слушать грубости, если бы таковыя пожелала сказать медицинская знаменитость.

Письмо второе.

Дорогая Дженни!

За время моего отсутствія Петербургъ сталъ значительно чище, по крайней мѣрѣ, на главныхъ улицахъ, и нѣтъ въ немъ того удручающаго запаха, который охватывалъ прежде путешественника при въѣздѣ въ столицу. Такимъ образомъ, днемъ теперь возможно ѣздить безъ особенной опасности для обонянія (опять-таки на большихъ улицахъ), чего нельзя, впрочемъ, сказать, если придется попасть на улицу поздно ночью, возвращаясь съ журъ-фикса (на эти журъ-фиксы собираются поздно и расходятся поздно) или изъ клуба, гдѣ русскіе сидятъ за картами до ранняго утра. Тогда весь городъ представляетъ собой такой источникъ зловонія, напоминающаго азіатскіе города, что надо только удивляться, Дженни, что смертность, хотя и значительная, не принимаетъ бо̀льшихъ размѣровъ. Вопросъ о канализаціи, поднятый еще во время перваго пребыванія моего въ Петербургѣ, до сихъ поръ остается вопросомъ, и почтенные альдермены города, которые называются здѣсь «гласными», для отличія отъ остальныхъ граждан **), до сихъ поръ не могутъ придти къ соглашенію по этому вопросу, считая канализацію большою роскошью и надѣясь на приспособленность русскаго обонянія, дѣйствительно, Дженни, далеко не разборчиваго.

Справедливость требуетъ замѣтить, что и освѣщеніе города улучшилось: на Невскомъ электричество, и газъ въ остальныхъ улицахъ, и вообще городъ выросъ и украсился многими новыми зданіями, среди которыхъ обращаетъ на себя вниманіе громадное красное зданіе новой пенитенціарной тюрьмы, выстроенной, какъ говорятъ, по послѣднему слову науки и представляющей собой подражаніе лучшимъ тюрьмамъ европейскаго образца какъ по устройству, такъ и по режиму заключенныхъ, изъ чего вы, Дженни, конечно, убѣдитесь, что русскіе, несмотря на охватившее ихъ въ послѣднее время недоброжелательство къ европейскимъ порядкамъ и желаніе быть во всемъ самобытными, все-таки, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, кое-что и заимствуютъ изъ Европы.

Но что меня особенно порадовало, Дженни, это то, что орудія пытки, употреблявшіяся въ среднія вѣка въ Европѣ и извѣстныя здѣсь подъ именемъ дрожекъ и существующія, къ сожалѣнію, еще въ Москвѣ во всей своей первобытной жестокости, въ Петербургѣ, въ значительной мѣрѣ утратили свой ужасающій характеръ, и если оставляютъ еще желать многаго, то во всякомъ случаѣ не угрожаютъ опасностью остраго перетонита, болѣзни, которая въ Москвѣ, напротивъ, замѣчается часто, благодаря тому обстоятельству, что москвичи тотчасъ же послѣ обильныхъ юбилейныхъ

*) Почтенный лордъ, очевидно, получилъ преувеличенныя свѣдѣнія о московскихъ докторахъ вообще и въ особенности о количествѣ закусокъ и фруктовъ. *Прим. пер.*

**) Объясненіе Знатнаго Иностранца названія „гласнаго" невѣрно и доказываетъ незнаніе почтеннымъ лордомъ тонкостей русскаго языка.—*Прим. пер.*

обѣдовъ и ужиновъ возвращаются по домамъ на извозчикахъ, да еще по такимъ мостовымъ, одинъ видъ которыхъ, напоминающій каменоломни, вселялъ во мнѣ ужасъ въ прежнее мое посѣщеніе Москвы, куда я ѣздилъ, чтобы познакомиться съ извѣстнымъ въ свое время журналистомъ сэромъ Катковымъ, нынѣ умершимъ.

Извинившись передъ бойкимъ молодымъ джентльменомъ, отрекомендовавшимся корреспондентомъ нѣсколькихъ петербургскихъ и московскихъ газетъ, который неожиданно, и даже безъ предупреждающаго стука въ двери, влетѣлъ ко мнѣ въ нумеръ, какъ только что я пріѣхалъ въ гостиницу и, свершая туалетъ, находился въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, извинившись, говорю, что не могу принять его и удовлетворить его любознательности, въ виду того, что спѣшу съ визитами, я, конечно, надѣялся, что названный джентльменъ такъ же поспѣшно оставитъ меня, какъ поспѣшно вошелъ. Но надежды мои были преждевременны, и русскій репортеръ, удостоившій меня посѣщеніемъ, оказался несравненно рѣшительнѣе и, позволю себѣ выразиться, безстыжѣе, чѣмъ его собратья, интервьюировавшіе меня во время прежняго моего пребыванія въ Россіи и заработавшіе на мнѣ порядочно-таки денегъ, такъ какъ сочиняли самыя невѣроятныя бесѣды, которые вели будто бы со мной насчетъ политики (тогда было, Дженни, горячее время, какъ разъ послѣ турецкой войны, во время берлинскаго конгресса) и взглядовъ моихъ насчетъ покойнаго Дизи *).

Несмотря на мои извиненія и на мое дезабилье, молодой джентльменъ и не думалъ выходить изъ номера. Съ торопливостью рѣчи и съ тою развязностью, которыми вообще отличаются, какъ я слышалъ, нынѣшніе русскіе журналисты, молодой джентльменъ просилъ меня не стѣсняться и продолжать туалетъ, во время котораго онъ и предложитъ нѣсколько вопросовъ и, такимъ образомъ, нисколько не отниметъ у меня времени. И, не дожидаясь моего согласія на эту комбинацію, онъ стремительно опустился въ кресло, поставивъ свой цилиндръ на полъ и, вынувъ изъ бокового кармана довольно изящнаго фрака (прежніе репортеры, Дженни, сколько мнѣ помнится, не бывали одѣты столь щегольски и вообще не имѣли такого блестящаго вида, какъ этотъ) записную книжку, съ тою же стремительностью и нѣсколько удивившей меня откровенностью, предварительно познакомилъ меня вкратцѣ со своею автобіографіей, полной, Дженни, разнообразныхъ и не всегда благополучныхъ для собственной физіономіи приключеній при исполненіи имъ тяжелыхъ обязанностей репортера. Впрочемъ, говоря объ этомъ, какъ о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ, онъ прибавилъ, что какъ представитель прессы и, притомъ, человѣкъ, имѣющій широкія привычки, онъ готовъ на всякіе подвиги самопожертвованія, лишь бы во-время получить свѣдѣнія, отвѣчающія вкусамъ читателей, и гонораръ. При этомъ онъ съ такою же откровенностью сообщилъ мнѣ, что издатели— большія канальи и редакторы—прожженныя шельмы, не умѣющіе, какъ бы

*) Дизраэли, лорда Биконсфильда.

слѣдовало, оцѣнивать трудъ такихъ сотрудниковъ, какъ онъ, вслѣдствіе чего поневолѣ приходится изыскивать дополнительныя средства. Весь его разсказъ не занялъ и пяти минутъ, до того молодой джентльменъ говорилъ быстро. Объяснивъ мнѣ, что онъ былъ корреспондентомъ въ Абиссиніи, за что имѣетъ орденъ Печати царя Соломона, что онъ друженъ съ Фердинандомъ болгарскимъ и что ему, собственно говоря, Болгарія обязана примиреніемъ съ Россіей, что онъ, еслибъ я пожелалъ, могъ бы познакомить меня со всѣми актрисами кафе-шантановъ (есть недурненькія, милордъ!) молодой джентльменъ огорошилъ меня слѣдующимъ вопросомъ въ то время, когда я, покорившись его назойливости, продолжалъ, для выигрыша времени, свой туалетъ.

— Какъ вы думаете, милордъ, о современной любви?

Признаюсь, Дженни, я ждалъ какихъ-нибудь вопросовъ въ области иностранной политики, но никакъ не ожидалъ вопроса о любви. Вы догадаетесь разумѣется, Дженни, съ какимъ изумленіемъ я взглянулъ на молодого джентльмена.

А онъ между тѣмъ продолжалъ съ самымъ дѣловымъ видомъ:

— Какія нравились вамъ больше женщины, милордъ, брюнетки, блондинки, шатенки, высокія и худыя, или средняго роста и полныя?... Сколько разъ вы въ жизни любили и сколько разъ вы бросали женщинъ? Какая самая долгая и какая самая короткая была ваша любовь? Соблаговолите, если не измѣнитъ вамъ память, припомнить это, милордъ!

— Но къ чему вамъ эти свѣдѣнія?—наконецъ, спросилъ я.

— Какъ къ чему? Для публики.

— Но развѣ это интересно для публики?... Признаться, я полагалъ, что вы удостоили меня посѣщеніемъ для политическаго интервью.

Молодой джентльменъ весело свиснулъ.

— Стара, милордъ, штука. Нынче публика политикой не особенно интересуется, да и, къ тому же, это дѣло другого сотрудника. Онъ каждый день докладываетъ о торжествѣ нашей политики на всемъ земномъ шарѣ!— не безъ гордости говорилъ молодой джентльменъ и, подмигнувъ глазомъ, прибавилъ: — Не правда ли, задали-таки мы вамъ перцу, милордъ? Не бойсь, будете помнить?—прибавилъ онъ весело и при этомъ добродушно разсмѣялся.

Признаюсь, Дженни, это соединеніе наивнаго самохвальства съ значительною дозой добродушной наглости, которое потомъ приходилось встрѣчать довольно часто и не только среди репортеровъ, настолько было забавно и настолько заинтересовало меня, что я немедленно же согласился съ корреспондентомъ насчетъ перца, который намъ задали русскіе, и затѣмъ полюбопытствовалъ узнать, какимъ образомъ названный джентльменъ такъ скоро узналъ, что я пріѣхалъ.

Оказалось, что онъ предусмотрительно объѣзжаетъ гостиницы немедленно послѣ прихода поѣздовъ и узнаетъ о прибытіи болѣе или менѣе знатныхъ пріѣзжихъ, которыхъ и спѣшитъ интервьюировать, если къ тому

представляется малѣйшая возможность. Такимъ образомъ онъ первый, по его словамъ, сообщилъ въ свою газету бесѣды и съ г-жей Отеро (ахъ, милордъ, что это за женщина!) и съ однимъ изъ членовъ абиссинскаго посольства, бывшаго лѣтомъ, и съ г-жей Монбазонъ, и съ другими знаменитостями, какъ иностранными, такъ и отечественными.

— Узнавши,—прибавилъ онъ,—что вы, милордъ, бывшій первый министръ, изволили прибыть въ нашу столицу, я счелъ долгомъ...

— Но вы заблуждаетесь,—перебилъ я своего невольнаго гостя,—я совсѣмъ не тотъ Розбери.

— Не тотъ?—съ видимымъ разочарованіемъ произнесъ корреспондентъ.— Но въ такомъ случаѣ братъ или родственникъ. И пріѣхали съ какой-нибудь дипломатическою миссіей?

— Ни то, ни другое. Я однофамилецъ и пріѣхалъ въ вашу страну, въ которой уже былъ раньше, исключительно съ цѣлью ея изученія.

— Гмм...—протянулъ молодой человѣкъ, поспѣшно однако занося въ записную книжку мои слова.—Нынче многіе знатные иностранцы посѣщаютъ Россію и восхищаются ею. Не правда ли, замѣчательная страна? И все въ ней оригинально?

Я поспѣшилъ согласиться и затѣмъ просилъ разрѣшить мое недоумѣніе: какой интересъ, собственно говоря, могутъ имѣть для русской публики тѣ свѣдѣнія, которыя собираетъ корреспондентъ.

— Огромный, милордъ! — воскликнулъ онъ. — Публика очень любитъ мнѣнія выдающихся людей по такому, можно сказать, захватывающему вопросу, какъ любовь. Ее, какъ у насъ говорится, хлѣбомъ не корми, а подавай что-нибудь въ подобномъ пикантномъ жанрѣ. Мы это отлично знаемъ по розничной продажѣ. Всѣ эти такъ называемые серьезные вопросы, признаться, до смерти надоѣли и не обращаютъ на себя ни малѣйшаго вниманія. Что-нибудь этакое веселое, игривое—это нравится. И, смѣю думать, милордъ, вы не откажете въ свѣдѣніяхъ. Мнѣніе знатнаго иностранца, да еще англичанина, о любви заинтересуетъ нашихъ читателей. Недавно я опрашивалъ по тому же вопросу выдающихся представительницъ разныхъ профессій. Но только наши дамы отнеслись къ дѣлу недостаточно серьезно и, главное, врали не хуже нашего брата, репортера!— прибавилъ улыбаясь, молодой человѣкъ.

— Врали?—переспросилъ я.

— Именно, милордъ. Почти всѣ отвѣчали, что любили одинъ разъ— можете себѣ представить?—и только своихъ супруговъ, какъ вамъ это нравится, милордъ? Ужъ я, можно сказать, выбивался изъ силъ, чтобы выудить хотя бы одинъ лишній разокъ, а то однообразно, знаете ли, выходило, но только одна г-жа Отеро созналась, что любила въ своей жизни три раза, а всѣ остальныя такъ и остались при прежнихъ показаніяхъ. Одинъ разъ и никого кромѣ мужа! Ловко, нечего сказать, соврано! А незамужнія, и въ особенности старыя дѣвы, такъ тѣ, милордъ, категорически заявили, что никогда не любили, любить не желаютъ и ненавидятъ

мужчинъ. Тѣмъ не менѣе опубликованіе и этого бабьяго вранья имѣло большой успѣхъ и принесло мнѣ около двадцати пяти рублей гонорарной платы.

— А какъ относятся мужчины къ вашимъ посѣщеніямъ и удовлетворяютъ ли вашу любознательность?—спросилъ я.

— Не вполнѣ, милордъ, не вполнѣ, особенно женатые люди. Они почти всѣ тоже разъ любили и всегда только своихъ супругъ. Не привыкли еще у насъ, милордъ, откровенно дѣлиться своимъ опытомъ съ публикой... ну и, по всей вѣроятности, даже и выдающіеся наши люди не имѣютъ настолько гражданскаго мужества, чтобы, такъ сказать, ради общественнаго дѣла, подвергнуться болѣе или менѣе серьезнымъ супружескимъ сценамъ. Изо всѣхъ опрошенныхъ женатыхъ выдающихся дѣятелей нашелся лишь одинъ истинный гражданинъ и весьма талантливый писатель, который понялъ общественное значеніе моихъ опросовъ и настолько горячо отнесся къ моему посѣщенію, что угостилъ меня отличнымъ завтракомъ, далъ взаймы двадцать пять рублей и обязательно продиктовалъ мнѣ длинный списокъ особъ, не называя ихъ, разумѣется по имени, а лишь отмѣчая цифрами,—къ которымъ онъ питалъ болѣе или менѣе горячую любовь съ пятнадцатилѣтняго возраста до нынѣшнихъ дней, когда ему стукнуло сорокъ два года. Списокъ представляетъ собою 125 особъ, въ числѣ которыхъ, само собою разумѣется, находятся всѣ цвѣта волосъ, даже и пѣгій, всѣ возрасты, начиная отъ семнадцатилѣтняго и кончая сорокапятилѣтнимъ — два случая—и всѣ образцы сложеній. По словамъ симпатичнаго писателя, всѣ эти 125 особъ были прелестнѣйшія существа и, какъ онъ выразился, «чистыя сердца», память о которыхъ постоянно сохраняется въ его душѣ. Продолжительность любви колеблется между двумя недѣлями и шестью мѣсяцами. Этотъ не особенно, продолжительный срокъ объясняется, впрочемъ тѣмъ, что писатель находился часто въ разъѣздахъ съ цѣлью изученія жизни. Показанія его самыя полныя и интересныя, смѣю думать, произведутъ сильное впечатлѣніе на публику и усилятъ сбытъ его произведеній. Что же касается до вдовыхъ и холостыхъ, то они были, вообще говоря, болѣе откровенны, особенно литераторы, художники, музыканты и адвокаты. За то люди несвободныхъ профессій и въ особенности чиновники даютъ самые неопредѣленные отвѣты, а то и просто отказываются отвѣчать.

— Почему же?

— Не привыкли, знаете ли, ну нельзя имъ ничего печатать безъ разрѣшенія начальства.

— Вы, конечно, опрашиваете болѣе или менѣе видныхъ правительственныхъ агентовъ?

— По мѣрѣ возможности, милордъ,—уклончиво отвѣчалъ корреспондентъ.

— Ну, разумѣется, и министровъ тоже? Они, сколько я заключаю изъ чтенія газетъ, нынѣ несравненно доступнѣе, чѣмъ были прежде, и весьма расположены къ прессѣ и ея представителямъ?

Увы! я не зналъ, Дженни, что, задавая подобный вопросъ, я бужу не

особенно пріятныя воспоминанія въ молодомъ джентльменѣ, который, какъ я узналъ впослѣдствіи, имѣлъ весьма непріятныя недоразумѣнія съ однимъ изъ начальствующихъ лицъ, вслѣдствіе жалобы содержателя какого-то увеселительнаго заведенія на чрезмѣрную требовательность названнаго молодого человѣка, который, въ качествѣ рецензента, не довольствовался даровымъ буфетомъ и опредѣленнымъ жалованьемъ, но настаивалъ на дополнительномъ вознагражденіи и, по примѣру знаменитаго театральнаго критика Сарсе, еще и на интимныхъ свиданіяхъ съ артистками.

Вѣроятно, по этой причинѣ, лицо репортера омрачилось. Онъ вздохнулъ и проговорилъ:

— Къ сожалѣнію, нѣтъ.

— Почему же?

— У нашихъ государственныхъ людей, милордъ, всякая минута на счету и было бы крайне неделикатно, скажу даже: не патріотично —отвлекать ихъ отъ занятій. И кромѣ того многіе изъ нихъ, вслѣдствіе переутомленія, люди весьма нервные и вспыльчивые, особенно съ репортерами. Въ виду этого не только мы, незамѣтные труженики пера, но даже и редакторы, и притомъ самыхъ распространенныхъ газетъ, избѣгаемъ аудіенцій. Развѣ только въ случаяхъ, когда насъ требуютъ.

Быстро затѣмъ обрывая, повидимому, не особенно пріятный разговоръ, молодой джентльменъ выпалилъ, приготовляясь записывать:

— Итакъ, милордъ, ваше мнѣніе насчетъ современной любви? Кому оказываете предпочтеніе: брюнеткамъ, блондинкамъ? Полнымъ или худымъ? Сколько разъ любили?

Но я уже былъ одѣтъ, Дженни, и, по совѣсти говоря, рѣшительно не приготовленъ былъ отвѣчать на вопросъ о современной любви, столь интересущій русскихъ, откровенно заявивъ объ этомъ репортеру.

— Такъ зачѣмъ же вы держали меня столько времени, милордъ?— обиженно и въ то же время не безъ достоинства воскликнулъ молодой джентльменъ.—Зачѣмъ разспрашивали меня, отнимая драгоцѣнное время? Извините, милордъ, но это не совсѣмъ великодушно относительно человѣка, который исключительно живетъ перомъ... Кто меня вознаградитъ за потерянное время?

Молодой человѣкъ былъ отчасти правъ, въ этомъ я, по совѣсти, долженъ былъ сознаться, такъ какъ я дѣйствительно не выгналъ его въ первую же минуту прихода, а разговаривалъ съ нимъ. И потому, рѣшивъ какъ-нибудь уладить это недоразумѣніе, я спросилъ его, сколько онъ надѣялся заработать на моей особѣ?

— Да никакъ не менѣе десяти рублей. Считая по 5 коп. за строчку у меня вышло бы 200 строкъ... Описаніе наружности, вашего туалета положимъ двадцать строкъ, если не всѣ тридцать... Затѣмъ разсказъ о прежнемъ посѣщеніи вашемъ Россіи и о томъ, какое впечатлѣніе она на васъ произвела... Хотя вы объ этомъ, милордъ, и не распространялись, но я распространился бы по крайней мѣрѣ на 50 строкахъ и, наконецъ

отвѣты на мои вопросы. Короче, меньше двухсотъ строкъ редакторъ отъ меня не отдѣлался бы.

Я успокоилъ репортера, деликатно предложивъ ему потерянный имъ гонораръ.

Онъ сказалъ «мерси», и не безъ достоинства спрятавъ въ карманъ бумажку, взялся за цилиндръ и, откланиваясь, проговорилъ:

— А все-таки позвольте, милордъ, что-нибудь написать отъ вашего имени о современной любви.

Я далъ ему согласіе, но только предупредилъ, Дженни, что и я всего лишь разъ любилъ одну брюнетку,—вы догадываетесь какую?

— Позвольте хоть два!—воскликнулъ корреспондентъ.

Признаться, онъ такъ искренно просилъ, что я разрѣшилъ ему сочинить и другую мою любовь къ блондинкѣ, высокой, худощавой, граціозной, изящной и необыкновенно холодной, причемъ любовь эта была безнадежная и до знакомства съ вами, моя дорогая Дженни.

На этомъ мы распростились съ корреспондентомъ, и онъ наконецъ ушелъ, пообѣщавъ однако посѣтить меня еще разъ (хотя я объ этомъ и не заикался) *).

Когда я вышелъ на Невскій, былъ какъ разъ тотъ часъ, когда большая часть клерковъ идетъ въ свои offic'ы, и меня поразило, Дженни, во-первыхъ, то, что они не шли, какъ прежде, тихо, останавливаясь у витринъ и заглядывая подъ дамскія шляпки, а, напротивъ, спѣшили что есть духу. Какъ впослѣдствіи я узналъ, такая необыкновенная прыть происходитъ отъ того, что почти во всѣхъ вѣдомствахъ реформы идутъ за реформами, а коммиссій засѣдаетъ столько, что и сосчитать невозможно,—однимъ словомъ, дѣятельность въ полномъ разгарѣ. Въ виду такой дѣятельности не трудно повѣрить, Дженни, что не только высокія лица работаютъ, какъ свидѣтельствуютъ газеты и для доказательства помѣщаютъ даже фотографіи, — по двадцати часовъ въ сутки, удѣляя отдыху лишь четыре часа, но и самые простые клерки, меньше заинтересованные, собственно говоря, въ быстрѣйшемъ ростѣ страны (если принять въ соображеніе скудость получаемаго ими содержанія и скромность ихъ положенія),— и тѣ, благодаря примѣрамъ свыше, работаютъ хотя и не двадцать часовъ, а все же не менѣе пятнадцати часовъ въ сутки и нерѣдко умираютъ отъ переутомленія.

Другое обстоятельство, едва ли не менѣе, если не болѣе, поразившее меня, Дженни, это то, что почти всѣ клерки или, какъ здѣсь ихъ называютъ, «чиновники», были на улицахъ въ форменныхъ одеждахъ и въ такихъ же фуражкахъ. Это нововведеніе, не лишенное, конечно, пріятнаго зрѣлища для глазъ, дѣлаетъ то, что Петербургъ, и прежде отличавшійся,

*) Нѣкоторыя подробности этого свиданія, описываемаго Знатнымъ Иностранцемъ, наводятъ на предположеніе, что благороднаго лорда посѣтилъ не представитель русской прессы, а какой-нибудь самозванецъ, имѣвшій цѣлью стянуть съ иностранца десять рублей.

благодаря присутствію въ немъ значительнаго количества войскъ, обиліемъ форменныхъ одеждъ, теперь рѣшительно ими изобилуетъ, нѣсколько удивляя меня, какъ англичанина, привыкшаго въ Лондонѣ видѣть въ формѣ лишь коммиссіонеровъ, да разсыльныхъ изъ банка.

Мѣра эта, какъ говорятъ, принята для большаго престижа чиновниковъ. Теперь, по крайней мѣрѣ и на улицѣ, можно различить чиновъ всякаго вѣдомства, не исключая и судебнаго, и при такомъ удобствѣ нѣтъ шансовъ для какихъ бы то ни было «недоразумѣній», всегда возможныхъ для лицъ въ статскомъ платьѣ. Съ другой стороны, какъ объясняли мнѣ люди вполнѣ компетентные, форма до извѣстной степени обязываетъ и самого носящаго ея не предаваться пьянству и никакимъ излишествамъ, особенно въ публичныхъ мѣстахъ.

Если вѣрить сообщеннымъ мнѣ слухамъ, есть предположеніе украсить формой и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, какъ-то: издателей и редакторовъ газетъ и журналовъ, писателей, журналистовъ, художниковъ и музыкантовъ, сельскихъ учителей и учительницъ, акушерокъ и массажистокъ, старшихъ дворниковъ и извозчиковъ *). Одинъ почтенный джентльменъ, когда-то занимавшій значительный постъ, подалъ даже, какъ говорятъ, проектъ о томъ, чтобы всѣхъ гражданъ Имперіи обязать носить форму по образцу имъ приложенному. Проектъ исключалъ, временно впрочемъ, мужиковъ, въ виду недостаточности у нихъ средствъ для покупки форменнаго платья и въ виду того, что и существующая у нихъ форма одежды довольно наглядно отличаетъ ихъ отъ остальныхъ гражданъ. Мысль, положенная въ основу названнаго проекта,—мысль хотя и оригинальная, но нѣсколько, на мой взглядъ, фантастическая,—заключалась въ томъ, чтобы соотвѣтствующею формой опредѣлить тотъ или другой образъ мыслей каждаго жителя.

Нечего и прибавлять вамъ, Дженни, что проектъ этотъ былъ отвергнутъ, какъ вполнѣ несвоевременный и трудно исполнимый, тѣмъ болѣе, что для опредѣленія образа мыслей гражданъ и въ особенности гражданъ, служащихъ въ земскихъ учрежденіяхъ, вообще по выборнымъ должностямъ или занимающихся журналистикой, существуетъ нѣсколько спеціальныхъ органовъ печати, въ числѣ которыхъ, какъ меня увѣряли и какъ я самъ имѣлъ случай убѣдиться, *Московскія Вѣдомости*, *Гражданинъ* и *Русское Обозрѣніе* занимаютъ первенствующее мѣсто.

Ахъ, дорогая Дженни, посѣщеніе многихъ моихъ старыхъ друзей когда-то игравшихъ видную роль на разныхъ поприщахъ, оставило во мнѣ грустное впечатлѣніе. Большая часть изъ нихъ, какъ говорятъ здѣсь, «не у дѣлъ» и, занимая мѣста въ качествѣ мужей совѣта съ болѣе или менѣ приличнымъ содержаніемъ,—мѣста, не требующія усиленныхъ занятій кромѣ часа-другого времени, разъ или два раза въ мѣсяцъ обязательной дремоты (?) въ обществѣ такихъ же престарѣлыхъ коллегъ, въ какомъ-нибудь засѣ

*) Нужно ли замѣчать, что слухи, дошедшіе до Знатнаго Иностранца, несомнѣнно ложные.— *Прим. перев.*

данія,—они томятся въ меланхолическомъ бездѣліи и, какъ водится, слегка фрондируютъ, находя, что многіе новые люди, на обязанности которыхъ лежитъ не легкая задача источать изъ своихъ кабинетовъ счастье и благоденствіе во всѣ концы обширной страны, болѣе будто бы кричатъ о себѣ, чѣмъ дѣйствительно источаютъ благоденствіе, и, отличаясь не столько государственною мудростью, сколько смѣлостью, граничащей съ наглостью, пускаютъ лишь пыль въ глаза. Но такъ какъ и послѣ подобнаго,—конечно, неосновательнаго,—критическаго брюзжанія, у нихъ все-таки остается не мало времени, то бывшіе «аркадскіе принцы» (такъ, Дженни, они сами себя называютъ въ шутку), чтобъ убить время, выдумываютъ себѣ болѣе или менѣе идиллическія занятія. Одни разводятъ чижиковъ и канареекъ, другіе—цвѣты, третьи—вышиваютъ по канвѣ и, наконецъ, болѣе бодрые ѣздятъ въ балетъ и не отказываются отъ удовольствій флирта, распространеннаго, кстати замѣтить, и въ Россіи (особенно въ Москвѣ), и едва ли не въ сильнѣйшей степени, чѣмъ въ Америкѣ и въ Англіи *).

Я посѣтилъ четырехъ такихъ почтенныхъ стариковъ, любезностью и гостепріимствомъ которыхъ пользовался во время прежняго моего пребыванія въ Петербургѣ. Когда-нибудь въ другой разъ я болѣе подробно опишу вамъ бесѣды мои съ названными лицами, а теперь лишь замѣчу, что всѣ четыре старика повторяли почти одно и то же, а именно, что хотя ихъ отечество и несомнѣнно одна изъ величайшихъ странъ въ мірѣ, предназначенная сказать новое слово остальнымъ народамъ, и что хотя русскій народъ дѣйствительно одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ,— тѣмъ не менѣе необходимо, чтобъ и люди, призванные къ руководительству дѣлами, были на высотѣ своего положенія.

По этому поводу я имѣлъ въ тотъ же вечеръ занимательную бесѣду съ однимъ изъ *новыхъ людей*. Это было на «журъ-фиксѣ» у одного моего стараго знакомаго, куда я пріѣхалъ прямо изъ театра, гдѣ видѣлъ пьесу одного изъ самыхъ плодовитыхъ русскихъ беллетристовъ. Журъ-фиксъ былъ въ самомъ разгарѣ; всѣ были оживлены въ ожиданіи ужина. По словамъ милой хозяйки, у нея въ этотъ вечеръ было нѣсколько интересныхъ людей: два писателя, три поэта-декадента и одинъ подающій большіе надежды талантливый и энергичный администраторъ, съ которымъ она меня познакомила, и въ то время, когда баритонъ, къ удовольствію хозяевъ, занялъ вниманіе гостей, я велъ въ кабинетѣ бесѣду съ этимъ выдающимся человѣкомъ, который, какъ мнѣ шепнулъ и хозяинъ, на хорошей дорогѣ и вѣроятно далеко пойдетъ и такъ занятъ, что спитъ всего три часа въ сутки.

Это былъ еще молодой человѣкъ, Дженни, лѣтъ тридцати пяти не болѣе, въ изящномъ смокингѣ, коротко остриженный, съ небольшою бородкой, обрамлявшей нѣсколько истомленное красивое и серьезное лицо съ темны-

---

*) Приходится замѣтить, что почтенный лордъ, кажется, нѣсколько поспѣшно судитъ о флиртѣ въ Москвѣ.—*Прим. перевод.*

ми глазами, глядѣвшими ясно и въ то же время самоувѣренно и даже нѣсколько нагло изъ-подъ густыхъ, пушистыхъ рѣсницъ.

Послѣ нѣсколькихъ незначущихъ любезныхъ фразъ, которыми мы обмѣнялись, молодой джентльменъ, предупрежденный, вѣроятно, хозяевами о моемъ прежнемъ пребываніи въ Россіи, спросилъ:

— Ну, какъ вы, милордъ, нашли нашу страну?... Не правда ли, многое перемѣнилось въ ней за ваше отсутствіе?

— Судя по первымъ впечатлѣніямъ, многое!—отвѣчалъ я.

— Ваши впечатлѣнія не обманули васъ, милордъ... Мы значительно измѣнились и, смѣю сказать, выросли за это время... Вы увидите и, какъ человѣкъ расположенный къ нашему отечеству,—я читалъ ваши письма о Россіи, милордъ,—вставилъ онъ,—убѣдитесь, что это такъ... На насъ въ Европѣ, и особенно въ Англіи, продолжаютъ клеветать, но придетъ время, когда вся эта ложь разсѣется и всѣ поймутъ, что для такого мощнаго русскаго исполина, какъ Россія, никакой чужой законъ не писанъ.

Тутъ будетъ кстати, Дженни, прервать на минуту дальнѣйшее изложеніе бесѣды, чтобы объяснить вамъ, что вышеприведенное выраженіе о неписанномъ законѣ довольно часто употребляется здѣсь «людьми 20 числа», какъ называютъ чиновниковъ въ виду того, что для нихъ двадцатое число, когда они получаютъ жалованье, является въ нѣкоторомъ родѣ священнымъ днемъ, ради котораго многіе изъ нихъ совершаютъ всякіе подвиги. Особенно употребительно выраженіе это, какъ я слышалъ, въ провинціи и означаетъ, по объясненію одного знатока особенностей русскаго языка что русскіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ могутъ обходиться и безъ законовъ, нисколько отъ того не теряя, а даже и выигрывая, такъ какъ законъ часто строгъ, а русскій начальникъ всегда милостивъ *).

Въ отвѣтъ на замѣчаніе молодого человѣка, подающаго надежды, я поспѣшилъ согласиться и замѣтить, что дѣйствительно многія особенности русской жизни не укладываются подъ какую-нибудь европейскую мѣрку.

— То-то и есть. Именно, милордъ, не укладываются, потому-то я и говорю, что для насъ законъ не писанъ. Прежде мы и сами, къ сожалѣнію, увлекались теоріями, втискивая въ тѣ или другія рамки, и часто по европейскому образцу, то, что не слѣдовало. Но теперь, слава Богу, мы прозрѣли и считаемся только съ фактами жизни, и ни съ чѣмъ больше, и не боимся, что скажетъ о насъ Европа, а тѣмъ болѣе, какъ отнесутся, напримѣръ, къ моей дѣятельности,— правда, скромной пока,— газеты или такъ называемое общественное мнѣніе. Мнѣ на нихъ наплевать! — прибавилъ молодой джентльменъ съ нескрываемымъ презрѣніемъ и къ газетамъ, и къ общественному мнѣнію.

— Но развѣ общественное мнѣніе и газеты не имѣютъ, все-таки, нѣкотораго вліянія? — спросилъ я, нѣсколько удивленный такою рѣшительностью сужденій молодого человѣка, подающаго надежды.

---

*) Очевидно, благородный лордъ и послѣ объясненій знатока русскаго языка не вполнѣ уяснилъ себѣ значеніе словъ: „законъ не писанъ“.—*Прим. переводчика.*

— Ни малѣйшаго, милордъ! — проговорилъ, весело смѣясь, мой собесѣдникъ.

— Развѣ?

— Вѣрьте мнѣ, я откровенный человѣкъ, я не стѣсняюсь нисколько говорить то, что думаю, хотя бы васъ, какъ иностранца, да еще англичанина, мои взгляды и удивляли. Меня, напримѣръ, будь я, скажемъ, директоръ департамента, нисколько не интересовало бы то, что скажутъ обо мнѣ современники и потомство. Современники, во-первыхъ, не посмѣютъ говорить громко, а того, что будетъ говорить потомство, я не услышу. Меня интересовало бы только мнѣніе моего непосредственнаго патрона и двадцатое число.

Признаюсь, Дженни, мнѣ даже понравилась эта смѣлая откровенность джентльмена изъ «новыхъ», лицо котораго дышало энергіей, а глаза сверкали блескомъ увѣреннаго въ себѣ и довольнаго собою человѣка, не имѣющаго, повидимому, никакихъ предразсудковъ. И я понялъ, Дженни, что такой джентльменъ дѣйствительно можетъ пойти далеко. Такихъ смѣлыхъ людей, какъ говорятъ, много теперь въ Россіи и, благодаря этому, мнѣ кажется, общій тонъ жизни такой веселый, жизнерадостный и бодрый, такъ какъ въ обществѣ есть увѣренность, что нѣтъ недостатка въ смѣлыхъ и рѣшительныхъ людяхъ.

Онъ продолжалъ бесѣдовать въ столь же откровенномъ направленіи, разсказывалъ, какъ много у него работы, и, между прочимъ, любезно сообщилъ, что недавно изготовилъ три проекта одной реформы.

— Одинъ проектъ самый ретроградный, другой консервативный и третій либеральный! У васъ въ Англіи, милордъ, этого не бываетъ?—прибавилъ онъ и раскатился смѣхомъ, открывая рядъ бѣлыхъ, блестящихъ зубовъ.

— Но къ чему же вы себя затрудняли тремя, столь противоположными, проектами?—спросилъ я въ полнѣйшемъ недоумѣніи.

— Очень просто. Если настоящій патронъ мой останется на мѣстѣ, я подамъ первый, если назначатъ на его мѣсто консерватора, я подамъ второй, а если (все на свѣтѣ случается!) либерала, подамъ третій.

— Но сами-то вы сочувствуете какому?

— Разумѣется, третьему. Не дуракъ же я, слава Богу! — прибавилъ онъ и снова разсмѣялся.

На этомъ бесѣда наша, къ сожалѣнію, прекратилась, такъ какъ вошла хозяйка и, пригласивъ всѣхъ ужинать, увела меня, чтобы посадить рядомъ съ одною русскою писательницей и очень интересною особой, прибавлю я.

Однако, пора и мнѣ прекратить бесѣду съ вами, дорогая Дженни, отложивъ описаніе двухъ весьма забавныхъ декадентовъ и московскихъ впечатлѣній до слѣдующаго письма.

Пожалуйста, не вѣрьте, Дженни, тѣмъ нелѣпостямъ, которыя, вѣроятно, печатаютъ наши газеты и о которыхъ я догадываюсь по иностраннымъ газетамъ, получаемымъ въ гостиницѣ. Вы знаете, Дженни, съ какимъ не-

годованіемъ я опровергалъ и буду опровергать,—чтò бы обо мнѣ ни говорили въ Англіи, — ту чепуху, которую у насъ печатаютъ о русскихъ, точно дѣло идетъ о какихъ-нибудь жителяхъ Фиджи, а не о культурномъ народѣ цивилизованнаго государства.

Я поправился совершенно, не прибѣгая къ помощи врачей, и крайне доволенъ Москвой. Сколько здѣсь интереснаго! Не бойтесь только, что меня примутъ за колдуна, какъ приняли недавно какую-то несчастную женщину за вѣдьму, или изобьютъ въ Охотномъ ряду (такъ называется въ Москвѣ рядъ лавокъ) за то, что я англичанинъ. Ничего подобнаго не можетъ быть. Да хранитъ васъ Богъ.

Вашъ Джони.

Съ подлиннымъ вѣрно:

Н. Станюковичъ.

Спектакли Эрнесто Росси.

I.

Двадцать шестого минувшаго января на сценѣ одного изъ московскихъ театровъ состоялся крайне любопытный спектакль, можно сказать, исключительный въ лѣтописяхъ драматическаго искусства. Интересъ представленія заключался не въ новизнѣ пьесы и не въ исполненіи: шла драма, едва ли не популярнѣйшая во всей драматической литературѣ, главную роль исполнялъ артистъ, котораго вся гастролерная московская публика навѣрное видѣла раньше—и даже неоднократно—именно въ этой роли.

Оригинальность вечера выражалась краткимъ, но въ высшей степени краснорѣчивымъ заявленіемъ афиши: «юбилейный бенефисъ знаменитаго трагика Росси». Это означало: иностранный артистъ, прослужившій полвѣка европейской сценѣ, явился къ русской публикѣ вспомнить вмѣстѣ съ ней далекіе первые шаги своего многотруднаго художественнаго поприща. Подобныя воспоминанія дороги всякому дѣятелю и въ особенности они должны быть близки сердцу артиста, всю жизнь и всѣ силы отдавшаго на глубоко-вдумчивое, подчасъ выстраданное воплощеніе геніальнѣйшихъ поэтическихъ образовъ міровой литературы и безчисленное число разъ увѣнчаннаго за свой великій трудъ и вдохновенный талантъ. Это также своего рода драма, гдѣ есть и своя судьба, и свой герой, и свой пятый актъ: богато-одаренная натура, инстинктивно и неотразимо стремящаяся къ «искусствамъ творческимъ, прекраснымъ», энергія и вѣра человѣка въ свои силы осуществить и развить до высшаго предѣла смутныя внушенія природы, и въ результатѣ пятый актъ—не катастрофы и отчаянія, а свѣтлаго торжества личныхъ усилій надъ труднѣйшими задачами искусства и ничѣмъ незамѣнимое въ нашемъ мірѣ сознаніе честно и доблестно совершеннаго дѣла.

Такой пятый актъ выпадаетъ на долю немногихъ избранниковъ и счастливцевъ, и онъ труднѣе всего тамъ, гдѣ художникъ идетъ къ цѣли путемъ чистой, строгой красоты и серьезной гордой мысли, гдѣ слава не отождествляется съ мимолетными, хотя и оглушительными воплями толпы, гдѣ достоинство результатовъ не измѣряется количествомъ вѣнковъ и рукоплесканій.

А между тѣмъ какъ легко именно артисту сцены закружиться въ потокѣ уличной популярности! Нужно только осудить себя на роль шута и угодника преобладающихъ всегда низкопробныхъ вкусовъ большинства и подавить въ себѣ совѣсть художника. Мы говоримъ это отнюдь не затѣмъ, чтобы повторять всѣмъ извѣстные факты. Мы напоминаемъ ихъ потому, что они неразрывно связаны съ артистическою дѣятельностью г. Росси и безъ нихъ намъ трудно было бы представить всю его нравственную энергію и отвагу при первыхъ шагахъ на пути, столь богатомъ блестящими соблазнами и легкими тріумфами.

Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ г. Росси нашелъ театральные вкусы своего отечества даже на болѣе низкой ступени, чѣмъ они стояли у насъ. Въ Москвѣ геніальная игра Мочалова съ нѣсколькихъ представленій возвела шекспировскаго *Гамлета* чуть ли не въ любопытнѣйшую мѣстную театральную достопримѣчательность. Болѣе отзывчивая и страстная публика нашей столицы могла наравнѣ съ современными французскими романтиками восклицать: «Шекспиръ—богъ театра», и отъ души скучать на механическихъ зрѣлищахъ французскаго классицизма.

Не то въ Италіи.

Здѣсь еще трагическая муза обязательно должна была щеголять въ античномъ костюмѣ, хотя бы и сильно попорченномъ французскою модой, и Алфіери создавалъ славу артистамъ и пріучалъ впечатлительнѣйшихъ въ мірѣ зрителей къ торжественному этикету «правильной» драмы. Незадолго предъ появленіемъ Росси на сцену его учитель, «великій Модена», по отзыву ученика,—потерпѣлъ самое рѣшительное пораженіе въ роли Отелло. О злополучномъ спектаклѣ онъ самъ разсказалъ Росси и настоятельно предостерегалъ его отъ рискованныхъ и неблагодарныхъ опытовъ съ англійскимъ драматургомъ. Модена разъ навсегда отказался отъ надежды играть шекспировскія роли, какъ бы высоко онъ ни цѣнилъ ихъ. Прославленный артистъ дошелъ даже до убѣжденія, что самое имя Шекспиръ трудно выговорить итальянцу. Оставалось «покорно спину гнуть» предъ мертвою схоластическою реторикой и безплодно изнывать о настоящей живой художественной красотѣ.

Къ такому выводу пришелъ сильнѣйшій и знаменитѣйшій старшій современникъ Росси. Онъ говорилъ пылкому восемнадцатилѣтнему юношѣ:

— Публика такъ привыкла къ классическому направленію, священные аристотелевскіе законы глубоко запечатлѣлись въ ея мозгу. Осмѣлься измѣнить одну черточку въ этихъ законахъ—и публика закричитъ караулъ. Кто же неправъ, публика или мы?

— Мы, мы, дорогой учитель! Наше призваніе воспитательно дѣйствовать на публику и указывать ей настоящій путь къ прекрасному и истинному.

Вотъ это восклицаніе молодого Росси: *Noi abbiamo la missione di correggere, educare e indirizzare il publico al bello, al vero* *), осталось прин-

---

*) *Ernesto Rossi*: „Studii drammatici e lettere autobiografiche". Firenze, 1885, p. 8.

ципомъ всей сценической дѣятельности г. Росси... И много ли въ исторіи всѣхъ европейскихъ сценъ найдется именъ, которыя можно было бы подписать подъ такимъ девизомъ!...

Намъ извѣстно много *писателей,* бравшихъ на себя тяжелую задачу бороться съ предразсудками и художественною ограниченностью современниковъ. Но среди этихъ Донъ-Кихотовъ будто рѣдкія звѣзды въ ночи мелькаютъ почетныя воспоминанія объ актерахъ. Чаще всего сценическіе таланты предпочитали всѣмъ доступные торные пути, и европейская литература не знаетъ ни одной школы, ни одного живого направленія, гдѣ бы артисты не становились на сторону коснаго господствующаго вкуса. Съ актерами пришлось вести жестокую войну первымъ авторамъ драмы, позже—первымъ романтикамъ, и подчасъ намъ кажутся едва вѣроятными мытарства даровитѣйшихъ, даже геніальныхъ писателей—въ тускломъ закулисномъ мірѣ изъ-за всякой новой идеи, смѣлаго оригинальнаго мотива.

Г. Росси пошелъ на встрѣчу новизнѣ въ тотъ возрастъ, когда обыкновенно юношу обуреваетъ жажда славы во что бы то ни стало, когда всякій случайный и незаслуженный аплодисментъ способенъ повергнуть въ трепетъ новоявленнаго жреца. Можетъ ли придти мысль о борьбѣ и рискѣ, когда «ламповая лихорадка» сопровождаетъ каждый шагъ новичка, и онъ долженъ чувствовать себя счастливымъ, если его просто «хорошо приняли» и замѣтили? Вѣдь, толпа такъ безжалостна и такъ легко отъ стихійнаго восторга предъ любимцемъ переходитъ къ столь же слѣпой казни надъ неудачникомъ!

Около семи лѣтъ молодой артистъ лелѣетъ мысль сыграть драму Шекспира. У него нѣтъ подъ руками даже удовлетворительнаго перевода, самъ онъ не знаетъ англійскаго языка, но желаніе ростетъ съ годами, отыскивается переводчикъ, побѣждается языкъ обожаемаго поэта и, наконецъ, совершается по-истинѣ событіе: итальянская публика смотритъ *Отелло,* приходитъ въ восхищеніе отъ автора и исполнителя, уноситъ изъ театра глубочайшія душевныя волненія, какія только можетъ вызвать поэтическій геній.

«Шекспира перестали считать варваромъ»,—пишетъ г. Росси, и это было единственно результатомъ труда, настойчивости и чуднаго таланта артиста.

Такъ полвѣка назадъ начались первыя побѣды московскаго гостя и не прекращались съ тѣхъ поръ до послѣднихъ дней. Успѣхи на родинѣ вызвали рѣшимость испытать приговоръ заграничной публики. Когда пришла очередь Россіи, артистъ явился предъ петербургскими и московскими зрителями во всей силѣ многосторонняго созрѣвшаго дарованія и, можетъ быть, никогда еще первый пріемъ, оказанный иностранному актеру, не былъ столь прочнымъ и счастливымъ предзнаменованіемъ. Цвѣты и оваціи сопровождались стихотворными изліяніями поэтовъ и, не въ примѣръ обычному порядку вещей, праздничные привѣтственные стихи правдиво и точно воспроизводили настроеніе всей публики *).

---

*) Напримѣръ, стихотвореніе, сказанное Миллеромъ на обѣдѣ въ честь Россіи 6 мая 1878 г. (*Стихотворенія Ѳ. Б. Миллера* Москва 1881 г., т. VI, стр. 237).

Естественно, артистъ долженъ былъ отозваться на эти, можетъ быть, отчасти наивныя, но несомнѣнно искреннія воззванія. И онъ отозвался. «Память сердца» связала его, повидимому, неразрывными нитями съ такою благодарною и чуткою публикой. О ней, можетъ быть, онъ и не мечталъ, отправляясь изъ своего «прекраснаго далека» на суровый сѣверъ. Оказалось, именно на сѣверѣ легче всего растаиваетъ ледъ будней отъ «южнаго вѣтра», какой вѣялъ на датскаго принца изъ страны искусства.

И для самого артиста въ этихъ вѣяніяхъ, воспринимаемыхъ зрителями съ такою страстью и неутомимымъ восторгомъ, заключался обильный источникъ художественнаго счастья. Онъ не изсякъ въ теченіе почти двадцати лѣтъ, и юбилейный спектакль доказалъ, что волны его не утратили глубины и свѣжести, хотя, можетъ быть, и стали менѣе шумны.

Москва, конечно, видѣла и рискуетъ постоянно увидѣть болѣе трескучія оваціи, чѣмъ на бенефисѣ г. Росси. Но врядъ ли гдѣ чаще оправдывается извѣстная истина о несоотвѣтствіи количества и качества, чѣмъ въ области театральныхъ восторговъ. Сколько можно найти зрителей, поднимающихъ шумъ въ честь того или другого артиста не столько ради его дѣйствительныхъ заслугъ и даже его актерской личности, сколько ради собственнаго спектакля! Зритель увлекается самымъ процессомъ криковъ и гама, «входитъ въ роль» манифестанта совершенно такъ же, какъ актеръ на сценѣ въ свою собственную игру... И этотъ-то не по призванію лицедѣйствующій элементъ преимущественно и потрясаетъ театральныя залы и нерѣдко способенъ привести въ отчаяніе своихъ героевъ, точнѣе— жертвъ.

Можно смѣло утверждать,—такихъ подвижниковъ, мало чѣмъ отличающихся вообще отъ «нарушителей тишины»,—на представленіяхъ г-на Росси не было: слишкомъ неподходящая атмосфера. Каждый аплодисментъ, каждое «браво» являлось вполнѣ сознательнымъ и человѣчески-осмысленнымъ выраженіемъ чувства удовольствія. И вполнѣ естественно. Одновременно съ публикой г-на Росси привѣтствовало университетское литературное общество, дѣятели печати, вмѣсто кредитныхъ и выигрышныхъ билетовъ—артисту дарили бюстъ Шекспира... очевидно, это былъ совмѣстный праздникъ—сцены, литературнаго слова и величайшаго художественнаго генія. Какъ рѣдокъ, почти исключителенъ, подобный союзъ на театральныхъ подмосткахъ!

Г. Росси, глубоко разстроганный, долженъ былъ вспомнить, какъ вспомнили и мы,—благословенныя минуты юношескаго энтузіазма, открывшаго ему путь отважныхъ новшествъ на родной сценѣ. Но этого мало. Видя почти семидесятилѣтняго артиста, увѣнчиваемаго лаврами за безусловно художественный и культурный подвигъ всей своей жизни,—мы получали право съ полной увѣренностью повторять его молодую рѣчь о воспитательномъ и руководящемъ призваніи драматической сцены. А какъ сомнительно это право по нашимъ временамъ и сколько возраженій долженъ бы устранить такой живой примѣръ!... Не одинъ, слѣдовательно, высокій талантъ

итальянскаго артиста, не одни лишь его превосходныя сценическія созданія—поучительны для насъ. Не менѣе краснорѣчиво о красотѣ и истинѣ говоритъ также и нравственная, общечеловѣческая сущность его личныхъ усилій и достигнутыхъ плодовъ. Кто не только даетъ намъ часы благородныхъ наслажденій,—но заставляетъ насъ—вѣрить въ жизненную прочность и естественную законность такихъ наслажденій,—тотъ совершаетъ двойное дѣло—умственнаго просвѣщенія и нравственнаго ободренія. И послѣднее, можетъ быть,—самое трудное и самое почетное, на что можетъ разсчитывать искусство.

Въ бенефисъ г-на Росси былъ поставленъ *Гамлетъ*. Выборъ драмы не объясняется собственно-юбилейными соображеніями: первую роль изъ шекспировскихъ г. Росси игралъ Отелло,—Гамлетъ былъ второю.

Очевидно,—не хронологія, а нѣчто другое заставило артиста праздновать свой юбилей въ траурномъ плащѣ датскаго принца. И это нѣчто не трудно отгадать.

Гамлетъ—исконный любимецъ молодости, идеально-настроенной, мучительно-вдумчивой, глубоко-чувствующей. Онъ несомнѣнно долженъ былъ поглотить мысль будущаго сильнаго артиста. Гамлету г. Росси посвятилъ подробнѣйшій психологическій разборъ,—и еще раньше чаще всего онъ останавливался на этомъ загадачномъ, но неотразимо-влекущемъ образѣ. Столько идей и такой смутный поэтическій романтизмъ, и все это въ одномъ лицѣ! Попробуйте отыскать что-нибудь подобное въ драматической литературѣ! Развѣ только намеки и отрывки. И вотъ Гамлетъ—герой мечтаній молодого Росси о блестящей сценической карьерѣ. Отелло только вступленіе, Гамлетъ—первая рѣшительная глава огромной художественной работы.

Какъ же возможно было сердечнѣе вспомнить о далекихъ стремленіяхъ молодости, какъ не повтореніемъ самой родной въ полномъ смыслѣ путеводной трагической роли! Въ шестьдесятъ восемь лѣтъ трудно воспроизвести во всемъ блескѣ и вдохновеніи былой праздникъ юности, даже лично для себя, еще труднѣе вызвать иллюзію у зрителей; но у «памяти сердца» свои законы и права, и слѣдовать имъ, въ ущербъ «холодному разсудку»,—иной разъ настоящее удовольствіе въ нашемъ прозаическомъ мірѣ.

II.

Начать бесѣду о спектакляхъ г-на Росси съ *Гамлета*, помимо всѣхъ другихъ основаній,—очень удобно въ практическомъ смыслѣ, т.-е. для болѣе точной и полной оцѣнки всѣхъ ролей артиста. Гамлетъ, какъ роль, и здѣсь остался вѣренъ своему обычному назначенію: онъ съ особенной яркостью выдѣляетъ особенности таланта г-на Росси и подчеркиваетъ существенныя недоразумѣнія въ его взглядахъ на драматическую роль вообще.

Прежде всего,—вопросъ о текстѣ. Мы отнюдь не намѣрены преслѣдовать артиста за каждое уклоненіе отъ шекспировской пьесы только потому,

что она шекспировская. И великій англійскій поэтъ былъ весьма и весьма человѣкъ: въ качествѣ актера и антрепренера онъ не могъ не воспользоваться случаемъ бросить камнемъ въ дѣтскую труппу, опасную конкуррентку настоящихъ актерскихъ труппъ. И гдѣ же это! Какъ разъ въ *Гамлетѣ*, кажется,—единственной трагедіи, надъ которой Шекспиръ работалъ съ усиленнымъ вниманіемъ, снизошелъ даже до неоднократныхъ исправленій и передѣлокъ. Конечно,—противъ вычеркиванія подобныхъ совсѣмъ непоэтическихъ отступленій ничего нельзя возразить.

Другое дѣло—текстъ, вытекающій изъ самой сущности драмы или драматическаго характера. Здѣсь давать свободу карандашу въ интересахъ какихъ бы то ни было удобствъ сцены,—значитъ оскорблять автора и вводить въ заблужденіе публику.

Мы упоминали о статьѣ г-на Росси касательно *Гамлета*. Въ статьѣ авторъ приводитъ *англійскіе* стихи: очевидно, у него или не было подъ руками перевода Рускони, или онъ не хотѣлъ имъ пользоваться. Во всякомъ случаѣ, г. Росси знаетъ подлинникъ пьесы. Потомъ онъ открыто возстаетъ противъ уродованій шекспировскихъ драмъ и съ презрѣніемъ говоритъ о Amleto *posticcio* въ передѣлкѣ Дюма и Мэриса *). Самъ онъ хотѣлъ показать итальянской публикѣ настоящаго шекспировскаго Гамлета, и нашелъ его у Рускони.

Что же это за Гамлетъ? Вопросъ очень любопытный и кромѣ того прямо приводящій насъ къ общему смыслу роли у г-на Росси.

Въ статьѣ артистъ удѣляетъ большое вниманіе философской сторонѣ гамлетовскаго характера: *Amleto è un pensatore*,—таковъ выводъ г. Росси, и совершенно правильный, и Гамлетъ мыслитель въ силу личной натуры, а не обстоятельствъ. Это также понимаетъ авторъ **). Ясно, слѣдовательно, и въ трагедіи, и на сценѣ основное значеніе имѣютъ *общія* разсужденія датскаго принца. Такъ на дѣло смотрѣлъ и самъ Шекспиръ. Въ позднѣйшей редакціи трагедіи онъ развилъ монологи Гамлета и прибавилъ не мало идей исключительно отвлеченнаго характера.

Что же оказывается у итальянскаго переводчика?

Онъ пропускаетъ мѣста, *вставленныя нарочно* Шекспиромъ въ окончательный текстъ, напримѣръ, изреченіе: «само по себѣ ничто ни дурно, ни хорошо...»—заявленіе принца о полномъ отсутствіи у него честолюбія. Опущены цѣлые діалоги, безъ которыхъ даже неясенъ былъ бы ходъ пьесы: напримѣръ, итальянскій Гамлетъ не говоритъ своимъ друзьямъ послѣ явленія тѣни о намѣреніи притвориться безумнымъ, умалчиваетъ въ сценѣ съ матерью о поѣздкѣ въ Англію. Спектакль будто разсчитанъ непремѣнно на тѣхъ, кто хорошо знаетъ наизусть всю пьесу. Разсчетъ, несомнѣнно, вѣрный для обычныхъ посѣтителей иностранныхъ гастролей,—но это было бы слишкомъ страннымъ оправданіемъ для артиста и переводчика.

---

*) *Quarant'anni di vita artictica*. Firenze, 1887.

**) *Studii drammatici*, p. 294.

Въ дѣйствительности, никакое оправданіе немыслимо. Сокращенія, произведенныя Русконии и признанныя г-мъ Росси, имѣютъ свою систему и прямо противоположную замыслу автора трагедіи. Артистъ французскіе переводы *Гамлета* называетъ литературными преступленіями (delitti letterari), тонкость критики доводитъ до такихъ предѣловъ, что переводить *Гамлета* признаетъ обязательнымъ въ прозѣ: это «драма философская, преисполнена метафизики». И въ результатѣ именно философія подвергается сокращеніямъ и опускаются такіе, напримѣръ, монологи принца, какъ знаменитая жалоба: зачѣмъ именно ему выпало на долю водворить нравственный порядокъ въ мірѣ?

Чѣмъ объяснить такое вопіющее разногласіе слова и дѣла? Если предположить невѣжество переводчика, г. Росси, изучавшій трагедію въ подлинникѣ, не могъ быть жертвой Русконии. Остается одно объясненіе, вполнѣ примѣнимое и къ игрѣ артиста. Онъ *невольно*, въ силу своего національнаго характера, изъ шекспировскаго *Гамлета* сдѣлалъ итальянскаго, южнаго, т.-е. Гамлета-философа принесъ въ жертву Гамлету-лирику, вообще романтически несчастному юношѣ и рыцарю, трагедія мысли превратилась въ драму чувства, общая принципіальная философія уступила мѣсто меланхолической задумчивости и поэтической грусти.

Въ первой сценѣ на авдіенціи еще трудно догадаться объ этомъ превращеніи. Предъ нами безгранично печальный обездоленный принцъ, преслѣдуемый смутными, но нестерпимо-болѣзненными предчувствіями. Каждый его взглядъ и жестъ говорятъ о полной отчужденности его въ этомъ мірѣ злодѣйствъ и преступныхъ забвеній и удовольствій. Онъ лишь изрѣдка останавливаетъ свой взоръ на королѣ и королевѣ, но взоръ этотъ будто пронизанъ какимъ-то настойчивымъ запросомъ, неотвязнымъ сомнѣніемъ, и мы немного спустя нисколько не удивимся, когда услышимъ восклицаніе принца о предчувствіяхъ его души.

Гамлетъ произноситъ каждое слово раздумчивымъ, проникновеннымъ тономъ, и это сравнительно мелкая черта является поразительнымъ контрастомъ съ окружающей стремительной суетой царедворцевъ, съ легкомысленной болтовней короля - проходимца о предстоящей попойкѣ и съ безсознательно-преступными упреками королевы,—зачѣмъ сынъ ея до сихъ поръ въ траурѣ? Надо было видѣть мимолетную, но краснорѣчивую сцену, когда дворъ и король съ королевой проходятъ мимо Гамлета, оставляя его одного: ихъ величества, восхищенные согласіемъ принца не ѣхать въ Виттембергъ, готовы оказать ему дальнѣйшія ласки,—какимъ простымъ и въ то же время исполненнымъ достоинства прощальнымъ привѣтствіемъ онъ отклоняетъ посягательства далекихъ ему людей на свой нравственный міръ! Въ этихъ мелочахъ сила артиста и ничто не можетъ дать болѣе яркихъ и тонкихъ толкованій къ идеямъ поэта-психолога, чѣмъ подобная игра, гдѣ нѣтъ ни одного небрежнаго *бѣлаго* момента...

Нѣтъ—тамъ, снова мы должны оговориться, гдѣ предъ нами Гамлетъ, мечтатель и поэтъ, и почти сплошной пробѣлъ, гдѣ Гамлетъ-философъ.

Драма въ сильной степени упрощается, и ея романтическая часть, любовь принца къ Офеліи, выдвигается на первый планъ. Артистъ быстро произноситъ монологи, выпуская при томъ наиболѣе характерныя мѣста, но сцену съ Офеліей ведетъ необыкновенно тщательно, дѣлаетъ ее своего рода особой драмой въ пьесѣ. Онъ правъ, подчеркивая искреннее и глубокое чувство принца къ дочери Полонія: такъ часто судьба и въ литературѣ, и въ дѣйствительности геніальную натуру мужчины привязываетъ повидимому безсмысленными, но тѣмъ не менѣе прочными нитями къ женщинѣ, безконечно бѣднѣе одаренной духовно! Но принцъ не даромъ клялся изгладить въ своей памяти всѣ мелкіе будничные интересы, и онъ по своему сдержалъ клятву: міровые вопросы окончательно заполонили его мысль, и образъ Офеліи только по временамъ вырываетъ изъ его сердца вопли смертной тоски. Сцена на тему любви, послѣ монолога *Быть иль не быть* должна послѣднимъ яркимъ свѣтомъ озарить намъ самую сущность гамлетовской трагедіи: показать, какое незначительное мѣсто занимаетъ дѣйствительная жизнь въ мысляхъ принца и какъ *факты* вызываютъ лишь мимолетныя вспышки нервнаго темперамента и безслѣдно тонутъ въ отвлеченныхъ или поэтическихъ «снахъ».

Г. Росси даетъ противоположное впечатлѣніе. Мы, къ сожалѣнію, не знаемъ, путемъ какихъ соображеній артистъ дошелъ до такого энергическаго, страстнаго исполненія центральнаго монолога пьесы? Слова *Essere o non essere* онъ произноситъ почти такъ, какъ любой герой Виктора Гюго обратился бы съ запросомъ къ своему противнику. А, между тѣмъ, громадная разница, какъ даже понимать это безсмертное: *To be or non to be*. Въ послѣднее время его стали по-русски переводить *Жить иль не жить* *); Гамлетъ дальше говоритъ о самоубійствѣ, но врядъ ли такая передача свидѣтельствуетъ о тонкомъ пониманіи гамлетовской натуры. Принцъ, неспособный оцѣнить ни одного *факта* безъ помощи *обобщенія*, несомнѣнно чувствуетъ естественную склонность къ самымъ общимъ идеямъ и спеціально-философскимъ выраженіямъ: послѣднее доказывается множествомъ почти буквальныхъ совпаденій рѣчей Гамлета съ отрывками изъ современныхъ ему сочиненій—Джордано Бруно, отчасти Бэкона и Монтэня.

Если, слѣдовательно, такъ строго надо различать *форму* выраженія въ монологахъ Гамлета, еще обдуманнѣе надлежитъ вырабатывать *манеру и тонъ*. Г. Росси понимаетъ драматическое значеніе монолога и даже подробно разбираетъ, какъ слѣдуетъ произносить нѣкоторыя отдѣльныя слова **), но *общій духъ* рѣчи у артиста не гамлетовскій.

Принцъ могъ явиться на сцену съ подобнымъ разсужденіемъ, будто вырваннымъ изъ длиннаго трактата, или представляющимъ въ конспектѣ весь трактатъ,—только послѣ продолжительныхъ предварительныхъ размышленій о томъ же вопросѣ. Эти размышленія были, очевидно, необыкно-

*) Напримѣръ, у г. Соколовскаго.

**) *Studii drammatici. Amleto*, p. 315.

венно настойчивы, если успѣли,—Богъ вѣсть въ который разъ,—умиротворить нервную страсть принца, его гнѣвъ на свое бездѣйствіе и безволіе. Второй актъ оканчивается заявленіемъ принца: «я раздраженъ и сердцемъ, и умомъ», а въ третьемъ цѣлая метафизическая лекція о смыслѣ бытія. Надо помнить: если для Гамлета искусство «южный» вѣтеръ, мысль—нѣчто еще болѣе убаюкивающее и желанное. Не нервный трепетъ, поэтому, долженъ слышаться намъ въ вопросѣ *Быть или не быть*, не страданія личнаго молодого чувства звучатъ въ *Morire è dormire, dormire...*, а безнадежная тоска идеальнаго, но смущеннаго духа—дѣтища эпохи реформаціи и первыхъ проблесковъ научнаго сомнѣнія,—духа, утратившаго былую спокойную вѣру среднихъ вѣковъ. Недаромъ Виттембергъ—колыбель Лютера, впослѣдствіи профессорское поприще Бруно и школа датскаго принца.

Но если монологъ оказался у артиста не изъ шекспировской трагедіи, сцена съ Офеліей поражала силой сценическаго творчества: столько *юношеской* поэзіи и возвышеннаго *романтическаго* горя вложилъ г. Росси въ самые ѣдкіе вопросы принца къ Офеліи! Дочь Полонія менѣе всего способна понять психологію оскорбляющаго ее Гамлета, и ея страданія вполнѣ искренни. Но намъ было несравненно больше жаль насмѣшника и обидчика, чѣмъ его жертву: дрожь, охватившая Гамлета въ минуту возвращенія подарковъ, свидѣтельствовала о такомъ знобящемъ душевномъ холодѣ одинокаго идеалиста, передъ которымъ и самый монастырь могъ казаться пріютомъ счастья и покоя. И артистъ все это внушилъ намъ тонкими, едва уловимыми оттѣнками игры, голоса, быстраго или пристальнаго взора. Это—глубокій психологическій трактатъ, переведенный на живые образы и яркія, но гармоническія краски.

Способность г. Росси давать изящный рисунокъ, будто составленный изъ нѣсколькихъ художественныхъ миніатюръ, превращала комическія сцены трагедіи въ настоящіе chefs d'oeuvre'ы. Вообще комическій талантъ артиста нисколько не уступаетъ трагическому: доказательство—превосходное исполненіе ролей Кина, Сюлливана. Первую роль г. Росси, къ сожалѣнію, не повторилъ въ нынѣшній свой пріѣздъ въ Москву, хотя она всегда и вездѣ сопровождалась блестящимъ успѣхомъ *). Такъ разсказываетъ онъ самъ, и московская публика можетъ вполнѣ вѣрить: не далѣе, какъ лѣтъ шесть тому назадъ она наградила артиста восторженными оваціями именно за Кина. Теперь была сыграна однородная роль Сюлливана. Въ ней всего одна благодарная, но и очень рискованная сцена шумнаго опьяненія. Герой-актеръ долженъ вызвать отвращеніе у влюбленной въ него барышни; г. Росси достигаетъ этого, ни на одну минуту не переступивъ границы самой сдержанной, истинно-эстетической игры. Достаточно, если публику не могло шокировать превращеніе Лира и Гамлета въ пьянаго актера; этимъ все сказано, и большей похвалы не можетъ быть такту и артистическому чутью исполнителя.

*) *Quarant'anni*, I, 366; II, 292.

Въ *Гамлетѣ* комическихъ положеній довольно много. Полоній и Розенкранцъ съ Гильденштерномъ—неизмѣнныя жертвы гамлетовскаго остроумія и невольнаго сарказма. Г. Росси всѣ сцены съ ними ведетъ, прежде всего, изумительно разнообразно. Артисту весьма легко смѣшать чувства Гамлета относительно всѣхъ трехъ слугъ короля Клавдія, но въ сущности эти чувства неодинаковы: Полоній, въ глазахъ Гамлета, безнадежный, невмѣняемый глупецъ, противъ него сильное и серьезное оружіе безцѣльно, съ него довольно одного въ общемъ добродушнаго глумленья. Не то два пріятеля. Они преднамѣренные и сознательно-упорные шпіоны короля, подлые измѣнники *по разсчету*: на нихъ обращено жало гамлетовской ироніи и, однажды даже принцъ вспыхиваетъ настоящимъ гнѣвомъ—въ сценѣ съ флейтой. У единственнаго исполнителя роли Гамлета, г. Росси, мы видѣли необыкновенно искусную обрисовку настроеній и рѣчей Гамлета съ его врагами. Первая сцена съ Розенкранцемъ и Гильденштерномъ—истинный образецъ искрометной эпиграмматической комедіи, артистъ умѣетъ во-время прервать рѣчь и сдѣлать многозначительную паузу, повергнуть собесѣдниковъ въ смущеніе мгновеннымъ неожиданнымъ взглядомъ и немедленно принять беззаботную, будто шаловливую позу. Настоящую пытку должны были выносить усердные слуги Клавдія при подобной бесѣдѣ съ принцемъ, хотя онъ не сказалъ имъ ни одного рѣзкаго слова, не вонзалъ въ нихъ инквизиторскаго взгляда, не впадалъ въ гнѣвъ нетерпѣливаго слѣдователя: все это мы видѣли у разныхъ Гамлетовъ, и ничего подобнаго у г. Росси. А, между тѣмъ, впечатлѣніе оставалось прямо неизгладимое и въ высшей степени сложное: мы, независимо отъ психологіи сына убитаго отца, узнали еще въ Гамлетѣ даровитаго артиста, удивительно ловкаго лицедѣя. А, вѣдь, это далеко не послѣдняя черта въ исключительной натурѣ царственнаго виттембергскаго студента.

Гамлетъ и самъ считаетъ себя выдающимся артистомъ, и въ сценахъ съ Полоніемъ, несомнѣнно, въ сильнѣшей степени наслаждается своимъ талантомъ. Почему же тогда г. Росси, среди многихъ другихъ пропусковъ перевода Рускони, мирится съ совершенно искаженными заключеніями двухъ интереснѣйшихъ въ драматическомъ смыслѣ сценъ—послѣ явленія тѣни и представленія *Мышеловки*? Можно было почувствовать искреннее негодованіе на исполнителя, столь проницательно угадавшаго въ Гамлетѣ артиста и опустившаго два благодарнѣйшихъ артистическихъ момента въ роли тѣмъ болѣе, что они необходимы *психологически* въ извѣстныхъ положеніяхъ героя.

Послѣ явленія тѣни принцъ въ страшномъ нервномъ возбужденіи; только что открытая тайна возложила на него великій нравственный долгъ, онъ невольно чувствуетъ себя еще болѣе оторваннымъ отъ остального міра, чѣмъ раньше, и его первое усиліе—сохранить про себя тайну Духа. Средство одно — отдѣлаться отъ разспросовъ друзей какими бы то ни было отчаянными выходками, странными отвѣтами. Гамлетъ-артистъ оказывается очень полезнымъ Гамлету-принцу: желанный результатъ достигается, и принц

можетъ требовать клятвы не разглашать лишь вообще о явленіи тѣни Г. Росси всю сцену сводитъ къ этой клятвѣ, опускаетъ не только первый припадокъ артистической игры принца, но даже его поразительнѣйшую въ психологическомъ отношеніи рѣчь о своемъ совершенномъ одиночествѣ («у всѣхъ свои желанья и дѣла, а бѣдный Гамлетъ—онъ пойдетъ молиться»).

То же самое послѣ представленія пьесы: опять мы не видимъ нервнаго взрыва и не слышимъ усиленно-эксцентричныхъ возгласовъ, безъ чего у Гамлета не можетъ обойтись ни одинъ рѣшительный моментъ—вплоть до сцены на могилѣ Офеліи. И эта черта находится въ связи даже съ физической организаціей принца: онъ полонъ, страдаетъ одышкой, а именно такіе люди подвергаются нервнымъ пароксизмамъ, о чемъ и свидѣтельствуетъ мать Гамлета. Какъ же артистъ могъ поступиться столь настоятельными данными трагедіи? Они извѣстны всякому зрителю и, несомнѣнно, вся зала должна была почувствовать неудовлетворенность при сравнительно блѣдныхъ финалахъ двухъ указанныхъ сценъ.

Въ результатѣ, роль Гамлета не можетъ считаться вполнѣ безукоризненнымъ украшеніемъ репертуара г. Росси. Но, можетъ быть, это объясняется гораздо болѣе свойствами самой роли, чѣмъ ошибками и недосмотрами артиста. Неотразимый интересъ ея именно въ ея вѣчной новизнѣ для каждаго новаго исполнителя. Это своего рода неисчерпаемый міръ, гдѣ каждый находитъ свои сокровища и оставляетъ много нетронутыхъ и незамѣченныхъ на долю другихъ. Мы, по крайней мѣрѣ, можемъ засвидѣтельствовать одно обстоятельство, едва ли не самое почетное для прославленнаго артиста. Роли у г. Росси безпрестанно совершенствуются. Пять лѣтъ тому назадъ его Гамлетъ былъ почти Ромео перваго акта трагедіи, т.-е. когда, отвергнутый жестокой Розалиной, бродилъ въ веронской рощѣ и «спорилъ слезами съ плачущей росой, а вздохами съ унылымъ стономъ вѣтра». Теперь принцъ болѣе мыслитель, чѣмъ мечтатель, скорѣе пессимистъ, чѣмъ меланхоликъ, онъ ближе къ Гамлету германской *Sehnsucht*, чѣмъ романской *rêverie*.

Эта неустанная работа артиста надъ старыми ролями особенно замѣтна на роли Макбета. Раньше г. Росси и въ критической статьѣ *), и въ исполненіи слѣдовалъ довольно смутнымъ воззрѣніямъ на этотъ характеръ. По его мнѣнію, основная черта Макбета — воображеніе: оно — причина его дѣятельности и источникъ его страданій. Такое объясненіе, конечно, ничего не объясняетъ. Вѣсь вопросъ для Макбета въ *направленіи* его дѣятельности, ея нравственномъ характерѣ, а здѣсь воображеніе можетъ играть развѣ только второстепенную роль. Оно никоимъ образомъ не подвинуло бы столь доблестнаго военнаго героя на убійство короля, а дальше—нравственныя муки, разумѣется, немыслимо смѣшивать съ игрой фантазіи. Явленіе тѣни убитаго Банко—обычный пріемъ Шекспира изображать недугъ совѣсти; то же самое происходитъ и съ Ричардомъ III.

*) *Quarant'anni*. I, 349.

Теперь артистъ, повидимому, исправилъ свою теорію, по крайней мѣрѣ, на сценѣ передъ нами другой Макбетъ, несравненно болѣе яркій и правдивый, чѣмъ раньше.

III.

Макбетъ честолюбивъ и благороденъ. Достаточно этихъ двухъ силъ, совмѣщенныхъ въ одной мужественной энергической личности, чтобы возникла драма. Весь вопросъ въ побужденіяхъ извнѣ или даже просто ободряющихъ случайностяхъ.

И посмотрите, какой цѣльный могучій образъ благороднаго честолюбца запечатлѣваетъ въ вашей памяти г. Росси первою же сценой съ вѣдьмами и съ Банко! И не только это: мы улавливаемъ еще одну черту, безъ которой немыслимо дальнѣйшее развитіе трагедіи. Макбетъ, какъ истый сынъ войны, герой полусказочной эпохи, великъ доблестями воина, вождя, но бѣденъ культурными способностями. Его мозгъ мыслитъ медленно и трудно, новыя идеи рождаются, комбинируются и переходятъ въ факты съ большими усиліями. Макбетъ исполненъ воли и рѣшительности тамъ, гдѣ онъ предоставленъ врожденнымъ стремленіямъ своей натуры, гдѣ передъ нимъ обычный путь королевскаго вассала и полководца. Но стóитъ его выбить изъ этой колеи, и онъ оказывается на долгое время безпомощнымъ, будто оглушеннымъ. Нужно, чтобы кто-нибудь другой привелъ въ порядокъ его мысли и вернулъ къ самообладанію.

Таково впечатлѣніе пророчествъ вѣдьмъ. Первое изъ этихъ пророчествъ Макбетъ даже не вполнѣ понимаетъ, только со второго онъ начинаетъ, — не то съ испугомъ, не то съ невольнымъ, но жаднымъ любопытствомъ,—прислушиваться къ вѣщимъ рѣчамъ, и, все-таки, Банко приходится первому заговорить съ вѣдьмами: Макбетъ никакъ не можетъ собраться съ мыслями, оріентироваться въ новомъ положеніи...

Это отнюдь не мелочи. Артистъ обнаруживаетъ всю глубину своего психологическаго анализа, всю чудную гармонію внѣшней игры и продуманной идеи именно въ такіе моменты. Они по внѣшности совершенно спокойны, *недраматичны* и поэтому для зауряднаго актера неблагодарны и нелюбопытны, но на самомъ дѣлѣ никакой трагическій вопль и потрясающій эпизодъ не могутъ такъ приковать вашего вниманія къ постепенному воплощенію поэтическаго образа артистомъ, какъ эти полутѣни, полуштрихи, будто случайно брошенные намеки.

И сколько для насъ смысла въ дальнѣйшей бесѣдѣ Макбета съ вѣстниками Дункана, а потомъ съ Банко! Первое пророчество выполняется: Макбетъ — танъ Кавдора!... Вы думаете, героя мгновенно охватитъ чувство счастья и онъ не найдетъ словъ благодарности и восторга? Ничего подобнаго. Передъ нами благороднѣйшій изъ витязей Шотландіи и положительнѣйшій изъ честолюбцевъ, и гнѣвъ звучитъ въ его вопросахъ къ вѣстнику. Гнѣвъ—инстинктивное предчувствіе высокой натуры передъ какой-то за-

двигающейся фатальною и не доброю силой. Начинается страшная, мучительная смута въ простой, почти первобытной душѣ. Мозгъ «подавленъ», «стѣсненъ»,—это выраженія самого Макбета, и они чуются намъ въ позѣ, въ тонѣ рѣчи, въ непривычно-растерянныхъ взглядахъ исполнителя. Трагедія открылась въ самыхъ нѣдрахъ человѣческаго духа, поднялась грозная вьюга неясныхъ вожделѣній, годами дремавшихъ страстей и инстинктовъ. Макбетъ не забываетъ о предсказаніяхъ вѣдьмъ и его спутнику, Банко, и бросаетъ ему нѣсколько отрывистыхъ, явно раздраженныхъ фразъ: это—голосъ возставшаго честолюбія! А этотъ мракъ, окутавшій до сихъ поръ ясное и открытое чело героя, эти полузакрытые, будто чѣмъ-то ослѣпленные глаза, этотъ неловкій, будто сконфуженный жестъ благодарности по адресу вѣстниковъ, — все это далеко еще не заглушенные отзвуки чистой, доблестной души.

Но борьба настала и не уляжется, пока не побѣдитъ та или другая сила. Таковъ законъ подобныхъ героическихъ, изъ благороднѣйшаго металла изваянныхъ натуръ. Гамлетъ можетъ сколько угодно томиться сомнѣніями, находить даже своего рода наслажденіе въ метафизическомъ спортѣ идей,—голова шотландскаго тана не создана для философскихъ и просто умственныхъ задачъ, и онъ во что бы то ни стало стряхнетъ съ себя сѣть докучливыхъ мыслей. Онъ это дѣлаетъ въ той же сценѣ съ вѣстниками, рѣшаетъ все предоставить судьбѣ и въ заключеніе обращается къ лордамъ съ твердою рѣчью, съ рѣшительнымъ, по-прежнему честно-открытымъ лицомъ и величественною осанкой... Онъ искренно вѣритъ, что забылъ навсегда свои «странныя мысли», и покидаетъ сцену, оставляя въ насъ впечатлѣніе великаго, но, умственно-недальновиднаго, почти наивнаго рыцаря... Его ждетъ супруга...

Опять сцена тончайшаго и краснорѣчивѣйшаго содержанія. Обратите вниманіе на эту склоненную голову Макбета, его неловкую, какъ бы затрудненную позу: это—бурныя, стремительныя рѣчи лэди снова подавили мозгъ героя, обрушились на бѣдную, не привычную къ размышленіямъ, голову—жесточайшимъ бременемъ. Макбетъ будто на огнѣ горитъ, внимая страшнымъ рѣчамъ жены, онъ снова безпомощенъ, темные инстинкты неотразимо поднимаются волнами въ его груди на-встрѣчу убѣжденіямъ лэди. Онъ не мечется по сценѣ, но вы чувствуете—имъ переживаются именно такія ощущенія, когда менѣе сдержанные и болѣе слабые рвутъ одежду на себѣ и стремятся заглушить внутреннюю пытку воплями и движеніями... Но станъ постепенно выпрямляется, глаза все чаще останавливаются на искусительницѣ; она дѣйствуетъ именно такъ, что можетъ подчинить Макбета—не доказательствами и соображеніями, а гнѣвомъ и страстью. Съ доказательствами герой не справился бы, по крайней мѣрѣ долго, — не то взрывъ темперамента: здѣсь откликается его собственная натура, и онъ бросается въ раскрытую бездну, все равно, какъ опьяненный шумомъ битвы бросался на строй враговъ.

Менѣе удается у г. Росси монологъ съ кинжаломъ,—выходитъ какъ-то

тягучъ, искусственъ, даже реториченъ. И монологъ дѣйствительно въ высшей степени трудный: изобразить *Макбета* почти въ состоянiи галлюцинацiи — цѣлый психологическiй подвигъ. Но монологъ необходимъ: это— предсмертный бой благородства съ честолюбiемъ, теперь точнѣе—*совѣсти* и глубоко затаеннаго въ душѣ *стыда* передъ женой, только что выслушавшей торжественное обѣщанiе – выполнить дѣло. Намъ кажется, артистъ достигъ бы цѣли, еслибы не старался вкладывать въ рѣчи Макбета столько раздумья, умственныхъ усилiй,—рѣшить какой-то мучительный вопросъ: такъ произноситъ монологи Гамлетъ,—рѣчь кавдорскаго тана, нервна и отрывочна, какой она была и въ сценѣ съ вѣстниками; онъ *излагаетъ* свои ощущенiя, а не ведетъ логическое разсужденiе, минутами онъ будто дожидается, что подскажетъ ему внутреннiй голосъ все еще неугомоннаго благороднаго инстинкта, и онъ насильственно обрываетъ не *мысли*, а свое *положенiе*, бросается въ комнату Дункана, какъ бросаются въ сторону люди, застигнутые неожиданной опасностью.

Сцена послѣ убiйства также производила сравнительно слабое впечатлѣнiе: минутами она казалась утомительной, а между тѣмъ врядъ ли даже у Шекспира можно отыскать болѣе ужасный моментъ, чѣмъ этотъ сомнамбулическiй разсказъ преступника о только что свершенномъ преступленiи. Мы должны помнить,—именно этотъ разсказъ зароняетъ въ сердце леди первую искру пожирающаго пламени раскаянiя, она даже совѣтуетъ мужу замолчать, чтобы не сойти съ ума, и ея обморокъ въ слѣдующей сценѣ можетъ считаться непритворнымъ: такъ, по крайней мѣрѣ, его понимаютъ многiе критики и исполнительницы роли, и, надо думать, вполнѣ справедливо.

Слѣдовательно, самый тонъ, выраженiя рѣчи Макбета должны сильно дѣйствовать на нервы—и его, и его жены: пятый актъ начинается здѣсь же немедленно, въ безгранично-тоскливомъ восклицанiи убiйцы: «Разбуди Дункана этимъ стукомъ! О, еслибы ты сдѣлать это могъ!»...

И онъ не можетъ оторвать глазъ отъ своихъ рукъ, хотя только что вымылъ ихъ. У г. Росси это отмѣчено въ высшей степени искусно и правдиво. Макбетъ въ началѣ сцены съ Мэкдуфомъ и Леноксомъ ловитъ себя на крайне неосторожномъ вниманiи къ своимъ рукамъ, болѣзненно вздрагиваетъ и начинаетъ говорить усиленно-смѣло, съ какою-то напускною отвагой. Все это превосходно, но никакiя детали не вознаградятъ насъ за сѣрый вялый фонъ, на которомъ разсѣяно нѣсколько яркихъ пятенъ: именно значенiе фона имѣетъ сцена Макбета съ женой—для дальнѣйшихъ проблесковъ внутреннихъ страданiй героя.

Они заканчиваются въ третьемъ актѣ. Раньше этотъ актъ былъ крайне безцвѣтенъ въ исполненiи г. Росси, появленiе призрака Банко казалось чуть ли не бутафорскимъ фокусомъ. Теперь всѣ сцены идутъ иначе. Мы, помня прежнее исполненiе, были поражены уже въ самомъ началѣ акта новизной и силой игры артиста. Макбетъ—король, но на его лицѣ нѣтъ ни одного свѣтлаго луча. На его плечахъ порфира, на головѣ корона, но

станъ согбенъ, и чело изрыто морщинами. И какая громадная разница между Макбетомъ перваго акта и настоящимъ, хотя и тогда онъ склонялся и хмурился подъ наплывомъ «странныхъ мыслей!» Тогда онъ могъ снова встать во весь ростъ и мужественно взглянуть въ глаза всему міру, а теперь уже не подняться опозоренному челу, и кто нагибался затѣмъ, чтобы нанести хищническій смертный ударъ, до конца дней не сброситъ *съ своего организма* тайнаго слѣда злодѣйства. Только одно чувство способно вызвать наружу все былое величіе и подавляющую силу натуры—чувство отчаянія. Оно придетъ въ пятомъ актѣ. А пока Макбетъ воровски продолжаетъ истреблять своихъ дѣйствительныхъ и мнимыхъ враговъ. Тѣнь Банко мѣняетъ его настроеніе. Открывается третій и послѣдній моментъ въ душевной драмѣ Макбета: вынужденный убійца, разсчетливый преступникъ, теперь онъ—дерзкій, откровенный тираннъ. Онъ дышетъ злобой на таинственную силу, вызывающую мертвыхъ изъ гробовъ для его казни. Вся врожденная мощь и гордость наполняютъ каждый его нервъ злобой, за которой скрывается безнадежно-отчаянная мысль, что иного пути для душевнаго умиротворенія нѣтъ, кромѣ новой крови. Роли короля и королевы мѣняются: лэди скоро окончательно сломится отъ неутолимой нравственной тоски: у нея съ самаго начала былъ скорѣе подъемъ нервовъ и напряженіе темперамента, чѣмъ обдуманная идея. Макбетъ, наоборотъ, прошелъ несравненно болѣе сложный путь—отъ колебаній къ рѣшительности и отъ рѣшительности къ слѣпому азарту.

Г. Росси ведетъ насъ именно этимъ путемъ. Послѣдній актъ—одно изъ лучшихъ созданій артиста. Здѣсь у исполнителя не мало затрудненій независимо отъ общей трудности роли. И мы помнимъ,—раньше г. Росси не совсѣмъ удавалось преодолѣть ихъ.

Напримѣръ, Макбетъ произноситъ знаменитый монологъ, исполненный пессимизма—не *личнаго*, а *отвлеченнаго*,—о томъ, что жизнь—«глупый факелъ», «пустая тѣнь», «актеръ», «сказка». Свойственны ли подобныя рѣчи шотландскому королю XI вѣка? Не отводилъ ли поэтъ устами героя собственную душу? Утвердительный отвѣтъ очень похожъ на правду, въ виду многочисленныхъ пессимистическихъ размышленій и изліяній въ произведеніяхъ Шекспира, въ произведеніяхъ несомнѣнно личнаго характера, въ родѣ сонетовъ и *Гамлета*.

Но г. Росси иначе рѣшилъ вопросъ. Онъ произнесъ спорную рѣчь такъ, что мы повѣрили ея естественности даже въ устахъ Макбета.

Короля извѣщаютъ о внезапной смерти королевы. Прежде г. Росси изображалъ отчаяніе вдовца,—теперь онъ проникъ въ истинный смыслъ настроеній Макбета въ послѣднемъ актѣ. «Могла бы умереть и позже!»—восклицаетъ король, и не потому, что ему жаль супруги, а потому, что ему нѣтъ времени заниматься вѣстями о ней. Вопросъ идетъ объ его коронѣ и жизни. Здѣсь не до супружескихъ чувствъ,—да они и давно должны были погибнуть вообще съ «молокомъ человѣчности», въ потокахъ злодѣйски-пролитой крови, и Макбетъ нѣсколько минутъ спустя весь свѣтъ бу-

детъ обрекать на гибель съ собой. Единственная дань памяти королевы—нѣсколько раздраженныхъ, невольно вырвавшихся словъ о ничтожности человѣческой жизни. Именно *невольно*: въ этомъ весь секретъ, и онъ создаетъ полную иллюзію. Г. Росси произноситъ философскій монологъ Макбета тѣмъ же тономъ, какимъ Макбетъ негодуетъ на своихъ слугъ. Въ его положеніи одинаково естественно ненавидѣть вѣстниковъ за дурныя вѣсти и жизнь за разочарованія и наступающую роковую развязку. Это и даетъ понять артистъ.

Сцена боя Макбета съ Мэкдуфомъ всегда была превосходна у г. Росси: *искусство* артиста—внѣ конкурса и онъ, можетъ быть, даже слишкомъ заботливо и тщательно отдѣлалъ мельчайшія подробности: Макбетъ могъ не такъ долго выбиваться изъ силъ отъ поединка и злобы, Мэкдуфъ гораздо энергичнѣе нападать на противника,—но нельзя было не залюбоваться общею красотой и жизненностью сцены.

Она достойно увѣнчиваетъ всю роль. Мы могли указать въ ней нѣкоторые пробѣлы и не дорисованныя сцены,—но это не помѣшаетъ московской публикѣ сохранить о Макбетѣ-Росси одно изъ самыхъ яркихъ и цѣльныхъ впечатлѣній. Этотъ благородный, величественный образъ, постепенно принижающійся до темныхъ дѣлъ и смертельно поражаемый больною совѣстью и безысходнымъ отчаяніемъ,—въ исполненіи г. Росси, поистинѣ, блестящее завоеваніе сценической психологіи.

Такіе же благородные и трагическіе образы должны пройти предъ нами въ лицѣ двухъ другихъ героевъ. Одинъ—созданіе Шекспира, другой принадлежитъ автору и произведенію безконечно слабѣйшимъ. Но интересъ въ томъ, что артистъ даже и эту роль сумѣлъ возвысить и украсить своимъ талантомъ и самымъ рискованнымъ вымысламъ автора — сообщить силу правды и истиннаго трагизма.

Мы говоримъ о роли Коррадо, героя изъ драмы, давно заигранной русскими сценами,—*Гражданская смерть*. Въ пьесѣ такъ много героизма, такая бездна идеальныхъ чувствъ и несправедливыхъ, непризнанныхъ страданій, что исполнителю стóитъ лишь на одно мгновеніе потерять самообладаніе и художественный тактъ—и зрители подвергнутся самому жестокому испытанію—перенести исключительное стеченіе обстоятельствъ и сверхъестественную доблесть героя.

Г. Росси спасается самъ и спасаетъ насъ отъ опасности—простымъ, но всегда вѣрнымъ средствомъ: настаиваетъ не на *героизмѣ*, а на *человѣчности*, показываетъ не подвиги и казни, а любовь и жертвы, и заставляетъ насъ принимать живѣйшее участіе въ судьбѣ Коррадо. Первый же разсказъ героя о своихъ приключеніяхъ сдѣлалъ бы честь всему реальному сценическому искусству нашего времени,—и какому реальному! Не въ смыслѣ бездушнаго механизма какихъ-нибудь мейнингенцевъ, или натуральной золаической лубочной правды. Нѣтъ, въ смыслѣ «реальнаго идеализма», гдѣ одинаково много отведено мѣста и житейскому злу, и человѣческому сердцу.

Мы забыли о романтическихъ эпизодахъ біографіи Коррадо и твердо запомнили вѣрнаго мужа и страстно, до самозабвенія любящаго отца. А что же еще на свѣтѣ можетъ быть болѣе реальнаго и болѣе человѣческаго? Видѣвшіе артиста въ этой роли навѣрное не забудутъ даже его грима: намъ приходилось видѣть самую искусную актерскую живопись на русскихъ и заграничныхъ сценахъ, но врядъ ли кому удавалось создать такую идеальную гармонію внѣшняго выраженія и душевныхъ страданій, *лица* и *судьбы*, какъ у г. Росси. Ясно читались годы лишеній, несомнѣнные слѣды неволи и одинокой тоски. Именно такіе глаза и такой цвѣтъ лица должны быть у человѣка, долго лишеннаго свободы и воздуха и всѣ думы свои сосредоточившаго на одной до безумія влекущей мечтѣ. И когда осуществляется эта мечта, Коррадо узнаетъ жену, видитъ дочь,—сколько страха въ его чувствѣ, загорѣвшемся съ новой силою,—страха, столь свойственнаго отвыкшему отъ счастья человѣку! Сколько не высказанной нѣжности въ его бесѣдѣ съ дочерью, которой онъ не смѣетъ объяснить свои права,—и какой поразительный аккордъ изъ самыхъ разнообразныхъ ощущеній—въ этой смѣнѣ любви и горя, надежды и отчаянія, страстной жажды жить и безповоротной рѣшимости умереть!... Да, великая и безусловно самостоятельная сила сценическій талантъ, если онъ способенъ изъ столь первобытнаго и неуклюжаго матеріала воспроизвести такое полное красоты и мысли созданіе.

Вторая упомянутая нами роль, Отелло. Она, повидимому, особенно популярна у итальянскихъ артистовъ, по крайней мѣрѣ, въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ московская публика могла видѣть *трехъ* Отелло, гг. Маджи, Эмануэля и Росси. А кромѣ того, въ ея памяти не изгладился еще Отелло—Сальвини. И это пристрастіе понятно: врядъ ли существуетъ еще другая классическая роль, сливающая такое богатство психологическаго содержанія съ такой стремительной и глубокой силой любовной страсти. Отелло до сихъ поръ остается любопытнѣйшею загадкой, конечно, не столь сложной, какъ Гамлетъ, но во всякомъ случаѣ очень благодарной. Кто онъ, этотъ ревнивый убійца жены,—обыкновенный чувственный тропическій человѣкъ или идеальный рыцарь, отождествившій все святое и чистое съ красотой и непорочностью Дездемоны? Сальвини усвоилъ именно это представленіе объ Отелло, но оно врядъ ли вполнѣ справедливо: убійство во всякомъ случаѣ не идеальный поступокъ, и Яго доводитъ Отелло до бѣшенства, между прочимъ, весьма реальными картинами измѣны Дездемоны. Да и странно было бы мавру, хотя бы и преклоннаго возраста, но сильному и мужественному, изображать изъ себя своего рода Дона-Кихота. Чувственность, несомнѣнно, играетъ свою роль, и Шекспиръ, всюду и всегда неизмѣнный реалистъ, отнюдь этого не скрываетъ. Задача артиста,—не заслонить чувственностью и эгоистическою ревностью человѣчныхъ качествъ Отелло, его безграничной, близкой къ обожанію любви и, особенно, его восторженной вѣры въ Дездемону, какъ единственное счастье всей своей жизни.

Нельзя сказать, чтобъ это удавалось многимъ исполнителямъ. У г. Маджи Отелло—дикарь, вродѣ того, какимъ его игралъ знаменитый Ольриджъ. Даже сравнительно спокойную сцену, напримѣръ, разсказъ передъ сенатомъ, артистъ велъ съ горячей жестикуляціей и какъ бы залпомъ передавалъ всю исторію. Въ сценѣ съ Яго былъ прямо взбѣшенный звѣрь, внезапно запертый въ клѣткѣ... У г. Эмануэля полная противоположность, скорѣе мечтательный и глубоко-несчастный поэтъ какой-нибудь Лауры, чѣмъ грозный мститель. Убійство у него—какое-то рефлективное движеніе, а не сознательный планъ, подсказанный оскорбленнымъ чувствомъ.

Но какъ бы роль ни исполнялась обоими артистами, достоинство ея и въ томъ и другомъ случаѣ—яркость и характерность. Этого отнюдь нельзя сказать про исполненіе г. Росси. Маджи и Эмануэля мы ясно помнимъ до сихъ поръ, а что хотѣлъ изобразить въ Отелло г. Росси, трудно было отвѣтить даже немедленно по выходѣ изъ театра.

Правда, нѣкоторыя сцены были очень хороши, напримѣръ, разсказъ о романѣ съ Дездемоной, но онъ всѣмъ удается. Довольно счастливо были схвачены пріемы мало культурнаго воина, и передъ сенатомъ держащаго себя съ полной свободой и безъ всякихъ манеръ. Мы запомнили краснорѣчивый моментъ, когда Отелло, счастливый, довѣрчивый и спокойный въ своемъ счастьи и довѣріи, бросаетъ страстный отзывъ на предостереженіе Брабанціо на счетъ вѣрности Дездемоны. Невольно чувствуется драма въ будущемъ при малѣйшемъ зломъ посягательствѣ на столь наивную и фанатическую вѣру.

Все это, повторяемъ, свидѣтельствовало объ извѣстномъ замыслѣ артиста, но общей фигуры и *сплоченной* трагедіи не вышло. Можетъ быть, у исполнителя не хватило физическихъ силъ для темперамента и подавляющихъ страданій Отелло, и поэтому онъ даже и не взялъ *Отелло* для юбилейнаго спектакля, хотя этой шекспировскою пьесой началась его славная дѣятельность. Какъ бы то ни было, Отелло ничего не прибавляетъ къ лаврамъ г. Росси, ничего, впрочемъ, и не убавляетъ.

Въ этихъ лаврахъ есть такое украшеніе, ради котораго артистъ смѣло можетъ поступиться какими угодно другими вѣнками. Мы говоримъ о роли короля Лира. Если вообще справедливо, что у каждаго даровитаго артиста есть одно исключительно-прекрасное созданіе, всецѣло пропитанное его нервами и личнымъ творчествомъ, своего рода квинтъ-эссенція его художественной личности,—такимъ созданіемъ у г. Росси слѣдуетъ признать главную роль величественнѣйшей шекспировской трагедіи.

Ив. Ивановъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Русская государственная роспись на 1896 годъ.—Благопріятное состояніе финансовъ не опирается на успѣхи русскаго народнаго хозяйства.—Временныя правила относительно административной ссылки.—Второй съѣздъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію.—По поводу доклада В. А. Гольцева о положеніи учителей.—Потребительныя общества въ Россіи.—† М. О. Микѣшинъ.—† И. Н. Кушнеревъ.

По государственной росписи на 1896 годъ доходы и расходы составляютъ около 1,361½ мил. руб. Обыкновенные доходы исчисляются въ суммѣ до 1,239½ мил., а чрезвычайные и поступающіе изъ свободной наличности государственнаго казначейства — нѣсколько болѣе 121 милліона. Обыкновенные расходы нѣсколько превышаютъ 1,231 милліонъ, а чрезвычайные: на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ и вспомогательныя предпріятія, связанныя съ постройкой сибирской дороги—до 130½ милліоновъ.

Эта роспись, сравнительно съ росписью на 1895 годъ ожидаетъ увеличеніе государственныхъ доходовъ на 106.114,582 р. Увеличеніе ожидается, главнымъ образомъ, вслѣдствіе того, что въ роспись включены обороты по поступившимъ въ казенное управленіе юго-западнымъ желѣзнымъ дорогамъ и вслѣдствіе увеличенія дохода остальныхъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ; это составляетъ сумму въ 52½ мил. Другими статьями, по которымъ ожидается крупное увеличеніе доходовъ, являются: казенная продажа питей—на 20½ мил., таможенный доходъ—до 15 мил., поступленіе по возврату ссудъ—до 7 мил., питейный доходъ—до 6½ мил. По другимъ статьямъ ожидается уже меньшее возрастаніе: отъ сбора торговли и промысловъ—около 3 мил., отъ сахарнаго дохода—3 м., нефтяного—2 мил., спичечнаго—1 м., съ паспортовъ—около 1 м., отъ почтоваго и телеграфно-телефоннаго—по 1 м. Казенные лѣса дадутъ предположительно 3 м. р. больше. Значительное увеличеніе ожидается и отъ чрезвычайныхъ рессурсовъ: вмѣсто 69½ милліоновъ, которые были по росписи на 1895 годъ отчислены изъ свободной наличности государственнаго казначейства, теперь отчисляется до 120 милліоновъ.

Обыкновенные государственные расходы, по сравненію съ 1895 годомъ, увеличиваются на 120 милліоновъ рублей. Въ этой суммѣ первое мѣсто

принадлежитъ министерству путей (больше 43½ милліоновъ), вслѣдствіе того, что въ роспись включены обороты по юго-западнымъ желѣзнымъ дорогамъ, усилилось движеніе по остальнымъ дорогамъ, увеличены кредиты на работы по шоссейнымъ и воднымъ путямъ. Распространеніе казенной продажи питей увеличиваетъ расходы министерства финансовъ на 43 мил. Расходы по военному министерству, поднявшись съ 271 до 288½ мил., увеличились на 17 мил., по министерству внутреннихъ дѣлъ мы имѣемъ увеличеніе около 3½ мил., по министерству земледѣлія и государственныхъ имуществъ—около 1¾ мил., по вѣдомству святѣйшаго синода—около 4 мил., по министерству народнаго просвѣщенія—съ небольшимъ 1 мил. Главною статьей уменьшенія расходовъ служитъ система государственнаго кредита, по которой расходы исчислены, сравнительно съ 1895 годомъ, на 7½ мил. руб. ниже, чрезвычайные расходы, вмѣсто 94¼ мил. опредѣлены цифрою около 130½ мил.; главное увеличеніе расходовъ причитается на сибирскую желѣзную дорогу: по росписи на 1895 годъ было ассигновано около 56 мил., теперь же—до 82¼ милліоновъ.

Когда, 4 года тому назадъ, итогъ государственныхъ расходовъ перешелъ за милліардъ рублей, то эта цифра, временно обратила на себя вниманіе. Теперь уже упрочилась привычка къ свыше милліардному расходу, и огромная цифра въ 1,361 милліонъ не производитъ сильнаго впечатлѣнія. Оцѣнивая роспись по общей суммѣ доходовъ и расходовъ, мы можемъ сказать, что они сведены удовлетворительно. Обыкновенные расходы возросли на крупную сумму, но они будутъ съ избыткомъ покрыты обыкновенными доходами. Чрезвычайные расходы сильно увеличились, но для ихъ покрытія нѣтъ надобности въ новыхъ займахъ; потребности покрываются свободными запасами государственной казны. И самый характеръ чрезвычайныхъ расходовъ таковъ, что нельзя возразить противъ нихъ: они дадутъ тысячи верстъ новыхъ желѣзныхъ дорогъ и тѣмъ окажутъ услугу промышленной жизни Россіи. Въ области расходовъ слѣдуетъ отмѣтить и другой благопріятный фактъ—сокращеніе по системѣ государственныхъ долговъ. Конечно, это сокращеніе есть результатъ замѣны нѣкоторыхъ срочныхъ займовъ рентными, т.-е. передачи большого бремени долга потомству. Но сведеніе счетовъ по поводу этой передачи отдалено отъ насъ столь длиннымъ рядомъ лѣтъ, что, пока, можно забыть о немъ и удовольствоваться благопріятнымъ впечатлѣніемъ, какое производитъ данная минута.

Оцѣнивая государственную роспись, мы уже не разъ имѣли случай говорить, что произнесеніе приговора надъ нею въ цѣломъ или по частямъ съ точки зрѣнія только финансовъ не можетъ дать сколько-нибудь поучительныхъ указаній. Еслибы финансовое хозяйство было самоцѣльно, еслибы за его предѣлами не было задачъ, во имя которыхъ оно и существуетъ, то можно было бы, при оцѣнкѣ государственной росписи, не выходить за ея границы. Но финансы служатъ служебными средствами для матеріальныхъ и обще-культурныхъ потребностей народа, а потому содержаніе го-

сударственной росписи, всѣ перемѣны въ доходахъ и расходахъ должны быть приводимы въ связь съ народнымъ хозяйствомъ, съ успѣхами, которые наблюдаются въ немъ, или съ потерями, которыя оно понесло.

Изъ многихъ воззрѣній, которыя въ литературѣ и практикѣ высказываются относительно причинъ благопріятнаго состоянія финансовъ и успѣховъ въ этой области, слѣдуетъ отмѣтить два основныхъ: 1) что преуспѣяніе финансовъ является результатомъ успѣховъ всего народнаго хозяйства, роста благосостоянія, и 2) что оно можетъ быть слѣдствіемъ такихъ условій, которыя не стоятъ въ прямой связи съ народнымъ хозяйствомъ, и относятъ ихъ къ бытовымъ особенностямъ населенія, или къ союзу политической жизни, или къ особенностямъ финансоваго управленія. Иногда приписываютъ успѣхи всѣмъ этимъ условіямъ, вмѣстѣ взятымъ. Государственная роспись на 1896 годъ, отмѣчая благопріятное состояніе финансовъ отъ 1888 года, говоритъ о возможности такихъ благопріятныхъ результатовъ и о ихъ неизмѣнной правильности въ теченіе ряда лѣтъ только при процвѣтаніи народнаго хозяйства. Вотъ что мы читаемъ: «Странная сама по себѣ мысль, что государственное казначейство можетъ обогащаться въ то время, когда народное хозяйство разоряется, становится еще страннѣе, когда высказывается по поводу финансовыхъ успѣховъ, крупнѣйшихъ изъ числа когда-либо достигнутыхъ не только у насъ, но и гдѣ бы то ни было, и притомъ успѣховъ, обладающихъ столь очевидными признаками регулярности и полной прочности. Такіе успѣхи никогда и нигдѣ еще не достигались при народномъ обѣднѣніи. Финансовое искусство—не магія; еще никто не изобрѣлъ средства чудодѣйственно возбуждать и поддерживать финансовую мощь въ разрушающемся экономическомъ организмѣ. Прочные финансовые успѣхи могутъ проистекать лишь при наличности условій, благопріятныхъ и для народнаго благосостоянія. Это правило, которое должны признать всѣ, независимо отъ личныхъ настроеній; они выше всякаго пессимизма и всякаго оптимизма». Доказательствомъ прочности улучшенія въ русскихъ финансахъ служатъ затраты, которыя въ голодные годы 1891—92 приняло на себя государство: «Такихъ затратъ никогда ни въ одной странѣ не бралъ на себя государственный бюджетъ, и эти жертвы... повели только къ обнаруженію мощи и выносливости финансовыхъ силъ страны». Мы вычитываемъ изъ росписи также характеристику признаковъ, которые доказываютъ возрастающее благосостояніе русскаго народа. Въ прежнее время, говоритъ роспись, зажиточныя села и даже отдѣльные зажиточные крестьянскіе дворы были исключеніемъ. Теперь повсюду образуется зажиточная часть сельскаго населенія; она выдѣляется изъ массы крестьянства въ особую группу. Эта группа возрастаетъ численно и «дѣлаетъ весьма замѣтные успѣхи въ своемъ благосостояніи, располагая значительною долей во вкладахъ сберегательныхъ кассъ, увеличивая потребленіе многихъ мануфактурныхъ и другихъ товаровъ; она представляетъ собою такой слой крестьянства, который сумѣетъ побороть неблагопріятныя условія сельской жизни и располагаетъ всѣми

задатками для дальнѣйшаго развитія». Роспись задаетъ вопросъ о томъ, какими путями развивается благосостояніе жизни, и отвѣчаетъ, что нѣтъ иного пути, кромѣ «капиталистическаго развитія». «Успѣхи производства и накопленія богатствъ, по самому существу дѣла, всегда и вездѣ предшествуютъ успѣхамъ болѣе равномѣрнаго ихъ распредѣленія между всѣми слоями населенія. На новые пути, открываемые для населенія общимъ улучшеніемъ экономическихъ условій, всегда выступаютъ сначала лишь наиболѣе предпріимчивыя хозяйственныя единицы, только люди смѣлаго почина, только удачники, и лишь впослѣдствіи, когда эти пути становятся наѣзженными колеями, по нимъ начинаютъ двигаться робкія, инертныя народныя массы, достигая улучшенія своей жизненной обстановки медленнымъ, томительнымъ процессомъ освобожденія отъ стародавней рутины— этого наслѣдія многихъ и многихъ вѣковъ. И если наша сельская жизнь начинаетъ двигаться по пути капиталистическаго развитія, то это доказываетъ только, что общее улучшеніе экономическихъ условій, благопріятствующее росту народнаго благосостоянія, получило явственное выраженіе свое въ сельскомъ быту».

Этотъ отрывокъ доказываетъ, что министерство финансовъ приводитъ въ тѣсную связь успѣхи государственнаго хозяйства и развитіе народнаго, основываетъ первые на второмъ и признаетъ первые показателями второго. Въ словахъ, приведенныхъ нами, многое вызываетъ возраженія.

Во-первыхъ, дается нѣсколько поспѣшная оцѣнка успѣховъ, обнаружившихся въ русскихъ финансахъ: они называются крупнѣйшими «изъ числа доступныхъ не только у насъ, но и гдѣ бы то ни было». Еслибы прежде, чѣмъ высказать это замѣчаніе, сдѣлать справки относительно данныхъ финансовой жизни другихъ странъ, то убѣдились бы, что успѣхи, достигнутые въ русскихъ финансахъ, должны быть признаны очень скромными. Напомнимъ о Соединенныхъ Штатахъ. Въ теченіе послѣдняго десятилѣтія (1884/5—1894/5) можно указать не одинъ годъ, когда получался избытокъ доходовъ надъ расходами болѣе 100 милл. долларовъ. Таковы были: 1887 г.—103½ милл. долларовъ, 1888 г.—119½ милл. долларовъ, 1889 г.—105 милл. долл., 1890 г.—105 милл. долл. А, вѣдь, 1 долларъ почти равенъ 2 кредитнымъ рублямъ. И такіе крупные избытки доходовъ надъ расходами нашли себѣ выраженіе въ сокращеніи государственныхъ долговъ, въ чемъ и сказались необычайныя жизненныя силы этого удивительнаго народа: въ 1860 г. сумма долга не составляла полныхъ 65 милл. долларовъ, въ 1866 г. долгъ достигъ почти 2¾ милліардовъ, въ 1884 г. онъ понизился до 1,830½ милліоновъ, а въ 1891 г.—до 1,546. Мы не замѣчаемъ, хотя бы, наприм., на движеніи нашихъ государственныхъ долговъ, чего-либо оправдывающаго аттестацію блистательности, которую даютъ нашимъ финансамъ. Сошлемся на Англію. Эта страна такъ богата, бремя податей въ ней такъ незначительно, что она могла бы очень легко изъ года въ годъ давать картину избытковъ доходовъ надъ расходами. А между тѣмъ мы не видимъ этого: финансовые годы заканчиваются или не-

большими дефицитами, или же небольшими избытками, ни разу не превышавшими за послѣднее 15-лѣтіе $3^1/_4$ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. И причина этого вполнѣ понятна: Англія пользуется подоходнымъ налогомъ, какъ подвижною статьей государственныхъ доходовъ, повышаетъ его, когда того требуетъ положеніе дѣлъ, и понижаетъ, когда состояніе финансовъ удовлетворительно: теперь, при окладѣ около $2^1/_2\%$ дохода, этотъ налогъ приноситъ въ казну, среднимъ числомъ, 15 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, а во время крымской войны окладъ налога составлялъ 6,6%, во время войнъ съ Наполеономъ — даже 10%. Подоходный налогъ держится теперь на такомъ низкомъ уровнѣ потому, что расходы государства покрываются доходами и нѣтъ побужденій накоплять запасы. Но еслибы, по какимъ-либо причинамъ, налогъ былъ поднятъ до 5%-наго оклада, то вовсе не превысилъ бы платежной способности англичанъ, и оказался бы избытокъ доходовъ надъ расходами въ 15 милл. фунтовъ, т.-е. до 150 милліоновъ рублей.

Вызываетъ возраженіе и мысль, что голодный годъ причинилъ государству такіе расходы, «которыхъ никогда не принималъ на себя ни одинъ государственный бюджетъ». Это заключеніе должно быть признано во многихъ отношеніяхъ невѣрнымъ. Самъ по себѣ расходъ, вызванный голодомъ 1891—92 годовъ, не великъ: онъ составляетъ только 154 милл. рублей, и притомъ онъ не великъ въ двоякомъ смыслѣ: если мы представимъ себѣ хотя самую незначительную войну, которую пришлось бы вести Россіи (не говоря уже объ участіи въ общеевропейской войнѣ), то расходъ былъ бы въ 2—3—4 раза больше затратъ на борьбу съ голодомъ; этотъ расходъ очень скроменъ и по сравненію съ тѣмъ, что было нужно, дабы воспрепятствовать раззоренію милліоновъ крестьянскихъ хозяйствъ, сохранить имъ скотъ и тѣмъ удержать производительныя силы большинства пострадавшихъ отъ неурожая въ предѣлахъ, которые были до 1891 года. Нѣтъ также основанія выдвигать эту затрату, какъ нѣчто превосходящее жертвы, которыя принималъ на себя какой-либо государственный бюджетъ. Дѣйствительно, ни одному изъ европейскихъ государствъ не приходилось затрачивать такую сумму на борьбу съ голодомъ, такъ какъ, вслѣдствіе болѣе высокаго уровня сельскаго хозяйства и большей зажиточности населенія, тамъ подобные неурожаи и, тѣмъ болѣе, подобныя лишенія для народа уже отошли въ область преданій. Но повсюду государственный бюджетъ выносилъ гораздо большую тяготу, нежели 154 милліона, упавшіе на русскій бюджетъ, и финансы въ очечь короткое время оправлялись отъ такого удара. Напомнимъ, что въ немного лѣтъ Соединенные Штаты оправились отъ потерь, понесенныхъ въ междоусобной войнѣ изъ-за освобожденія негровъ, а эти потери составили не менѣе 5 милліардовъ долларовъ. Напомнимъ о примѣрѣ, который вошелъ въ поговорку,—о томъ, какъ скоро Франція оправилась отъ ударовъ, которые нанесли ей пруссаки. А потому мы и не видимъ основанія громко говорить о томъ, какъ «побѣдо-

носно» прошли наши финансы «чрезъ жестокое испытаніе годины народнаго голода».

Но главное возраженіе вызываетъ картина роста народнаго богатства, относительно которой мы и сдѣлали соотвѣтствующія выписки. Въ росписи говорится, съ чувствомъ особой удовлетворенности, о томъ, что населеніе деревни выдѣлило изъ себя группы состоятельныхъ крестьянъ, которые сумѣютъ побороть всѣ неблагопріятныя условія сельской жизни. Это—результатъ капиталистическаго развитія; но для народа и нѣтъ иного пути къ росту благосостоянія, какъ путь капиталистическаго развитія. Въ этомъ отрывкѣ, гдѣ на 3—4 десяткахъ строкъ дѣлается попытка начертать схему капиталистическаго развитія страны, мы замѣчаемъ весьма серьезныя опущенія.

Разъ признается необходимость капиталистическаго развитія, то должны быть признаны и выводы, которые дѣлаются изъ этой посылки,—что становятся неизбѣжными бо́льшая неравномѣрность въ распредѣленіи богатствъ и сосредоточеніе орудій производства все въ меньшемъ числѣ рукъ. Здѣсь мы находимъ выводъ, который вовсе не соотвѣтствуетъ посылкѣ: за успѣхами производства и накопленія богатствъ дѣлаются успѣхи и «болѣе равномѣрнаго ихъ распредѣленія между всѣми слоями населенія». Насъ утѣшаютъ, что со временемъ, по слѣдамъ болѣе предпріимчивыхъ людей, начнутъ «двигаться робкія, инертныя народныя массы», но, къ сожалѣнію, не разъясняютъ способовъ, посредствомъ которыхъ это большинство населенія, связанное теперь «стародавнею рутиной», будетъ догонять смѣлыхъ людей, удачниковъ, успѣвшихъ всего ранѣе воспользоваться выгодами капиталистическаго производства. Еслибы мы, не имѣя спеціальнаго разъясненія, заключили, что это совершится у насъ такъ же, какъ совершается и въ другихъ странахъ, то нашли бы непримиримое противорѣчіе: данныя, которыми мы располагаемъ относительно Западной Европы, убѣждаютъ, что разстояніе между крупными имуществами и доходами съ одной стороны и мелкими—съ другой все болѣе увеличивается и что мы не видимъ смягченія матеріальныхъ неравенствъ. А намъ обѣщаютъ, что процессъ, который совершается у насъ, будучи вполнѣ сходенъ съ тѣмъ, что наблюдается на Западѣ, приведетъ къ инымъ, даже прямо противоположнымъ результатамъ. Прежде, чѣмъ дѣлать такой выводъ, слѣдуетъ доказать, что и въ другихъ странахъ, которыя уже давно переживаютъ періодъ капиталистическаго производства, оно постепенно ведетъ все къ большему сглаженію имущественныхъ неравенствъ. Но мы находимъ здѣсь и другое положеніе, которое слѣдовало бы разъяснить прежде, чѣмъ будутъ сдѣланы изъ него какіе-нибудь выводы. Капиталистическое производство другихъ странъ уподобляется обнаруживающимся въ нашей промышленности фактамъ въ ихъ нынѣшнемъ состояніи. Однако, на Западѣ крупное частно-капиталистическое производство развивалось медленно, постепенно, пользуясь тѣми благопріятными для него условіями, которыя вырабатывала сама жизнь; оно лишь медленно оттѣсняло назадъ мелкую промышленность. Въ Россіи крупн

производство развивалось быстро, благодаря тѣмъ особеннымъ усиліямъ, которыя дѣлало въ этомъ направленіи государство, дабы насадить крупныя частныя предпріятія, причемъ однѣ мѣры прямо принимались для достиженія этой цѣли, другія вели къ ней косвенно, хотя и принимались изъ различныхъ побужденій. Всѣ льготы, всѣ ссуды, которыя давались крупнымъ частнымъ предпріятіямъ, всѣ заказы, которые государство, въ лицѣ различныхъ вѣдомствъ, распредѣляло между частными фабриками и заводами, служили толчкомъ для расширенія этихъ предпріятій. Таможенный тарифъ долженъ быть признанъ цѣлою системой мѣръ, направленныхъ къ укрѣпленію крупнаго производства, хотя всегда и вездѣ возвышеніе таможенныхъ налоговъ объясняется желаніемъ государства, вообще, охранить туземную промышленность отъ соперничества иностранной. Какъ всегда и вездѣ, русскій таможенный тарифъ имѣлъ на промышленность то вліяніе, что способствовалъ росту крупныхъ промышленныхъ предпріятій и уже потому давилъ мелкое производство. Чѣмъ болѣе поднимается, вслѣдствіе повышенія пошлины, цѣна заграничныхъ товаровъ на внутреннемъ рынкѣ, тѣмъ болѣе выгоднымъ становится расширеніе предпріятій, защищенныхъ таможеннымъ налогомъ; а такъ какъ свободные капиталы страны естественно притягиваются крупною промышленностью, а не мелкимъ производствомъ, то первая легко расширяется и больше давитъ на мелкое производство, нежели при умѣренныхъ таможенныхъ налогахъ. И вотъ мы можемъ наблюдать ростъ нашей фабричной промышленности отъ 1877 г. времени, когда начало увеличиваться таможенное покровительство.

Среди общихъ экономическихъ мѣропріятій, которыя способствовали росту крупной промышленности, слѣдуетъ отмѣтить воздѣйствіе государства на кредитъ. Государственный банкъ, отъ времени своего основанія, былъ устроенъ такимъ образомъ, что служилъ преимущественно крупному производству, оказывалъ гораздо меньшія услуги среднему и ровно ничего не дѣлалъ для мелкаго. Средняя цѣнность векселей, учтенныхъ государственнымъ банкомъ за 30-лѣтіе (1861—90 г.) ясно обнаруживаетъ такую кредитную политику: въ банкѣ, его конторахъ и отдѣленіяхъ средняя цѣнность учтеннаго векселя колебалась между 1,078 и 2,290 рублями. Будучи самымъ крупнымъ кредитнымъ учрежденіемъ, государственный банкъ имѣлъ вліяніе на частные: и послѣдніе, возникая въ довольно бо́льшомъ числѣ въ столицахъ и самыхъ крупныхъ губернскихъ городахъ, воздерживались отъ оборотовъ не только среди крестьянскаго населенія, но и среди мелкихъ городскихъ промышленниковъ и торговцевъ. То же слѣдуетъ сказать и о финансовой политикѣ. Промысловый налогъ ложится на мелкихъ промышленниковъ и торговцевъ въ 2, 3, 5, 10 разъ относительно большимъ бременемъ, нежели на крупныхъ, и уже этимъ облегчаетъ концентрированіе предпріятій изъ большихъ въ исполинскія. Такою же мѣрой должны быть признаны конверсіи нашихъ государственныхъ займовъ, произведенныя отъ 1889 года. На первый взглядъ конверсія, если для нея выбрано благопріятное время, представляется мѣрой, уменьшающей государствен-

ные расходы. Но со вліяніемъ конверсіи на финансы связано и вліяніе на положеніе общественнаго кредита. Понижая уровень процента по государственнымъ займамъ, конверсія, совершенная въ довольно большихъ размѣрахъ, вообще понижаетъ уровень процента въ странѣ и въ сдѣлкахъ между частными хозяйствами. Если бы всѣ слои населенія имѣли легкій доступъ къ кредиту и если бы въ разныхъ мѣстахъ страны, въ большихъ городахъ и деревняхъ, въ бойкихъ центрахъ и захолустьяхъ процентъ стоялъ на одной и той же высотѣ, то конверсія была бы въ равной мѣрѣ выгодна для всѣхъ отраслей промышленности, для крупныхъ и мелкихъ. Однако, въ дѣйствительности, мы находимъ не то. Если въ нашемъ отечествѣ, предъ началомъ конверсій, процентъ по государственнымъ займамъ составлялъ 5 годовыхъ, а коммерческій кредитъ для первоклассныхъ промышленниковъ оплачивался 6% годовыми, то мелкая промышленность городовъ и деревни имѣла самый выгодный кредитъ не менѣе чѣмъ изъ 10% годовыхъ. Конверсія, понижая процентъ, платимый государствомъ, съ 5 годовыхъ на 4, давитъ на уровень и частнаго процента, который понижается для крупныхъ должниковъ до 5% годовыхъ, т.-е. на $^1/_6$, а для мелкихъ — до 9%, т.-е. на $^1/_{10}$, вслѣдствіе чего кредитъ становится для крупныхъ промышленниковъ, сравнительно съ мелкими еще болѣе выгоднымъ, нежели былъ ранѣе. Сошлемся для болѣе яркаго освѣщенія всего сказаннаго хотя бы на развитіе желѣзодѣлательной промышленности въ Екатеринославской губерніи. Постройка заводовъ началась въ 1885 году; работы на старѣйшемъ изъ новыхъ заводовъ—Александровскомъ—начались только съ 1887 года. А въ 1894 году общая производительность 6 новыхъ заводовъ достигла 25,7 милліона пудовъ чугуна. Эти заводы занимаютъ больше 15,000 рабочихъ. И всѣ результаты, полученные за 7—8 лѣтъ, являются слѣдствіемъ государственныхъ мѣропріятій: усиленнаго таможеннаго покровительства и казенныхъ заказовъ для желѣзныхъ дорогъ и другихъ цѣлей. Міръ кустарныхъ промысловъ удостоенъ со стороны государства гораздо меньшаго вниманія. Правда, кустарные промыслы были изучены на небольшія субсидіи изъ государственнаго казначейства и на казенный счетъ было напечатано больше 20 томовъ. Мы узнали многое изъ этихъ изданій. Каждый послѣдующій томъ, каждая дальнѣйшая страница давали однородный матеріалъ; онъ удручаетъ всѣхъ, кто привыкъ думать или хотя чувствовать, что есть извѣстный уровень, ниже котораго человѣкъ не долженъ бы опускаться ни въ производительности своего труда, ни въ матеріальномъ благосостояніи. Каждая страница въ этихъ изданіяхъ повѣствуетъ намъ, что успѣшность труда ничтожна, что почти всѣ промыслы падаютъ, что кустарь, работая по 14—15 часовъ въ сутки добываетъ въ годъ часто не больше 50, 40 даже 20 и 15 рублей. Разъ на казенный счетъ было издано нѣсколько тысячъ страницъ, изображающихъ положеніе дѣла во многихъ губерніяхъ и сотенъ тысячъ кустарей то само собою давался толчокъ государственнымъ мѣропріятіямъ въ этомъ направленіи. Многія изъ такихъ мѣропріятій могли быть неудачны, неп

лесообразны, ожиданія, которыя связывали съ ними, могли не исполниться, но такія мѣропріятія должны были быть на лицо, они должны были образовать цѣлую систему, они должны были вызвать со стороны казны затрату значительныхъ матеріальныхъ средствъ. Однако, вышло иначе. Описанія кустарныхъ промысловъ были сданы въ архивъ и забыты, а многостороннему познанію, пріобрѣтенному изъ этого источника, соотвѣтствовали практическія мѣры,—на 35,000 рублей въ годъ, которые государство стало отпускать съ 1888 года на поддержаніе кустарныхъ промысловъ. Это пожертвованіе государства, при 3 милліонахъ кустарей, составляло по $1^1/_6$ копѣйки въ годъ на кустаря; позднѣе вмѣсто 35,000 руб. въ годъ стали выдавать по 60,000 руб. въ годъ и, наконецъ, ассигновали 80,000 руб., т.-е. 2 и, наконецъ, $2^2/_3$ копѣйки въ годъ на кустаря. До послѣдняго времени государство имѣло въ своемъ распоряженіи отдѣльныхъ лицъ, которымъ поручалось предпринимать что-то относительно кустарей. Но съ 1894 года образовали особое учрежденіе,—кустарный комитетъ, который и обладаетъ извѣстными личными силами. Дѣятельность этого учрежденія можетъ быть двоякою. Или сосредоточить свое вниманіе на отдѣльныхъ промышленныхъ районахъ и создать нѣсколько учрежденій, полезныхъ для этихъ промысловъ, и тѣмъ хотя не проложить для русской промышленности новыхъ путей, какъ часто думаютъ наши оптимисты, но, по крайней мѣрѣ, дать примѣръ, которому съ пользою для себя могутъ слѣдовать въ другихъ кустарнопромышленныхъ округахъ. Или же по мелочамъ поддерживать отдѣльныя кустарныя заведенія и, притомъ, заведенія болѣе выдающіяся въ данномъ округѣ, уже имѣющія наемныхъ рабочихъ и утратившія чистый типъ кустарныхъ единицъ. Первый образъ дѣйствій связанъ съ извѣстнымъ рискомъ; онъ предполагаетъ на сторонѣ исполнителей програмы значительныя дарованія, большую энергію и не заурядную преданность дѣлу. Второй образъ дѣйствія не связанъ ни съ какимъ рискомъ; онъ не требуетъ со стороны чиновъ кустарнаго комитета или его агентовъ разнообразной дѣятельности; но для развитія дѣятельности въ первомъ направленіи нужны и гораздо бóльшія денежныя средства, нежели тѣ крохи, которыя ассигнуются на кустарные промыслы.

Факты, которые мы привели, доказываютъ, что крупное частно-капиталистическое производство во многомъ (именно технически) сходно съ западно-европейскими и американскими, имѣетъ ту особенность, что почти цѣликомъ является искусственнымъ созданіемъ, плодомъ опеки государства. Добавимъ, что сильный голодъ 1891—1892 годовъ облегчилъ рѣзкое выдѣленіе въ деревняхъ того слоя, на который мы находимъ указаніе въ государственной росписи: группы зажиточнаго крестьянства. Эти группы, основывая свое благосостояніе почти исключительно на ростовщичествѣ, для котораго русская деревня представляетъ особенно благопріятную почву, отлично воспользовались народнымъ бѣдствіемъ: скупая за безцѣнокъ скотъ и орудія, присоединяя къ своимъ надѣламъ въ разныхъ формахъ надѣлы ослабѣвшихъ домохозяйствъ, эта группа вышла изъ неурожайныхъ годовъ

освѣженною и укрѣпленною, вполнѣ способною, скажемъ мы уже приведенными словами, «побороть неблагопріятныя» условія сельской жизни.

Но, вѣдь, остается большинство. Мы не упоминали бы объ этомъ большинствѣ, «инертной массѣ», если бы только она не пошла впередъ и, не успѣвъ воспользоваться новинками техники и экономическаго склада, отстала отъ удачниковъ. Тогда можно было бы видѣть въ этомъ естественный процессъ развитія экономической жизни. Но эта масса опустилась внизъ. Точныя свѣдѣнія, собранныя въ губерніяхъ, которыя были постигнуты неурожаемъ, убѣждаютъ насъ, что большинство крестьянскихъ дворовъ обѣднѣло, количество скота уменьшилось, число необработанныхъ надѣловъ увеличилось. И такіе факты могутъ быть наблюдаемы на огромной площади въ 20 губерній, съ населеніемъ не менѣе 50 милліоновъ душъ. Еслибъ это было не такъ, то недоимки, составляющія по нѣкоторымъ губерніямъ двойной и тройной годовой окладъ (Самарская губернія, Казанская, Нижегородская, Московская и другія), не достигали бы такого уровня. Вотъ причины, вслѣдствіе которыхъ нельзя говорить о подъемѣ благосостоянія всего населенія Россіи, взятаго въ цѣломъ: владѣльцы крупныхъ состояній стали за послѣднее десятилѣтіе богаче, изъ массы выдѣлились небольшія группы зажиточныхъ людей, а большинство понизилось въ матеріальномъ благосостояніи.

Высказывая это положеніе, мы добавимъ, что успѣхи государственнаго хозяйства могутъ быть наблюдаемы (и особенно въ нашемъ отечествѣ) въ то время, когда благосостояніе народа не поднимается. Въ противность тому, что было приведено выше, мы утверждаемъ, что финансовое искусство есть магія и что оно обладаетъ свойствомъ хорошо устраивать свои дѣла даже въ томъ случаѣ, когда экономическій бытъ народа не даетъ ничего отраднаго. Оно можетъ достигать этой цѣли, если имѣетъ къ своимъ услугамъ нѣкоторыя благопріятныя условія.

Первымъ благопріятнымъ условіемъ является для финансовой политики возможность отвлекаться отъ требованій, которыя выдвигаются всѣмъ строемъ народнаго хозяйства. Въ странахъ, гдѣ предположенія о новыхъ налогахъ или объ измѣненіяхъ въ существующихъ податяхъ, получаютъ широкую огласку, становятся во всѣхъ подробностяхъ предметомъ критики, каждый проектъ такого рода основывается на близкомъ знакомствѣ съ платежными силами населенія. Онѣ тщательно взвѣшиваются, дабы тѣ, кто вырабатываетъ проектъ, имѣлъ и средства подъ рукой, чтобъ отстоять его. У насъ въ этомъ нѣтъ необходимости: проектъ тѣхъ или другихъ измѣненій въ строѣ финансовъ проникаетъ въ печать только отрывочно.

Вторымъ условіемъ, оказывающимъ могущественную поддержку финансовой политикѣ, служитъ воздержаніе отъ всякихъ новшествъ въ финансахъ, именно тѣхъ новшествъ, которыя въ принципѣ не сходны съ существующею системой податей; при этомъ могутъ быть созидаемы мѣропріятія, которыя являются частичными поправками въ существующемъ финансовомъ строѣ и, не затрогивая привилегированныхъ классовъ, не вызываютъ ие-

довольства тѣхъ, чье недовольство можетъ быть неудобно и даже опасно. Если масса народа отличается выносливостью, безпритязательностью, покорностью судьбѣ, если она безропотно переноситъ всякое новое бремя, которое возложено на нее, то подобный образъ дѣйствій можетъ приводить къ желаннымъ результатамъ.

Есть и третье важное условіе—по возможности не увеличивать государственныхъ расходовъ, хотя бы увеличеніе было полезно и даже необходимо. Нужно хранить избытки доходовъ надъ расходами для покрытія возможныхъ дефицитовъ въ будущемъ и отнюдь не пользоваться избытками для того, чтобъ облегчать бремя податей. Если ко всему указанному присоединяется расторопность чиновъ финансоваго управленія, настойчивость во взысканіи податей, то финансы могутъ давать очень успокоительную картину, хотя бы не было никакихъ основаній говорить о процвѣтаніи народнаго хозяйства или даже только о значительныхъ экономическихъ успѣхахъ страны, взятой въ цѣломъ.

Наши финансы и представляютъ наличность условій, которыя мы перечислили. Помимо возможности для нашихъ финансовъ совершенно отвлекаться, при каждомъ мѣропріятіи, отъ требованій и запросовъ народнаго хозяйства, мы находимъ старательное воздержаніе отъ такихъ перемѣнъ, которыя въ принципѣ шли бы въ разрѣзъ съ господствующими нынѣ началами финансовой жизни. Первая половина 80-хъ годовъ дала финансамъ кое-что новое; размѣры этихъ нововведеній (налогъ на доходъ отъ денежныхъ капиталовъ и отъ промышленныхъ и торговыхъ предпріятій) были невелики, однако, они были принципіально новы. А тѣ измѣненія, которыя дѣлаются для увеличенія государственныхъ доходовъ за послѣдніе годы, отнюдь не заслуживаютъ этого признанія. Доходы увеличивались посредствомъ возвышенія податей на потребленіе или посредствомъ введенія новыхъ. Такая же характеристика должна быть дана и винной монополіи, о которой много говорили за послѣднее время. Въ монополіи признаютъ новое звено цѣпи, рѣзко отличной отъ всѣхъ составныхъ частей системы. На самомъ же дѣлѣ питейная монополія запечатлѣна духомъ, который проникаетъ всю русскую жизнь и не только по идеѣ, но и по формѣ не представляетъ ничего новаго. Въ видѣ винной монополіи населеніе получаетъ вино столь же дорогое, какъ и до монополіи. А по формѣ монополія является осуществленіемъ того принципа, который проходитъ красною нитью всю русскую жизнь: отрицаніе или ограниченіе частной дѣятельности и стремленіе подчинить вѣдѣнію государства еще новую область. Затронувъ вопросъ монополіи, укажемъ также и на степень, въ какой она можетъ быть полезна для населенія. Несомнѣнно, она увеличитъ доходъ казны отъ питейнаго сбора. Но напрасно было бы думать, что рука объ руку съ этимъ будутъ идти и выгоды отъ нея для населенія. Напрасно отыскивать этихъ выгодъ въ томъ вліяніи, которое винная монополія казны, будто бы, можетъ имѣть на пьянство: мы показали на основанія оффиціальныхъ данныхъ (*Русская Мысль* 1895 г., октябрь), что монополія не ослабитъ на-

клонности къ пьянству. Мы утверждаемъ также, что она не уменьшитъ кабалы, въ которой народъ находится у ростовщиковъ. На первый взглядъ кажется, будто бы ростовщическій капиталъ, который прежде былъ помѣщенъ въ торговлѣ питіями, не можетъ эксплуатировать населеніе; но это—напрасная мечта. Устраненный изъ этой отрасли торговли, ростовщическій капиталъ изыщетъ новыя формы эксплуатаціи: онъ останется въ деревнѣ и будетъ исполнять свою миссію въ томъ, что совьетъ новое гнѣздо на ряду съ казенной винной лавкой и будетъ выдавать ссуды подъ закладъ домашняго скарба крестьянъ, идущихъ въ винную лавку, и разовьетъ свои операціи во всѣхъ сферахъ мужицкаго хозяйства. И если этотъ капиталъ, держа въ своихъ рукахъ питейную торговлю, получалъ 30% барыша въ годъ, то онъ получитъ ихъ и теперь, раздвинувъ для этого сферу своихъ оборотовъ. Очень вѣроятно, населеніе деревень будетъ имѣть изъ казенныхъ винныхъ лавокъ нѣсколько лучшее вино, чѣмъ имѣло изъ частныхъ питейныхъ домовъ, но нѣтъ основанія думать, что хотя въ слабой степени уменьшится эксплуатація, которая теперь давитъ его.

Русскія финансы, испытывая перемѣны, совершенно согласныя съ традиціоннымъ характеромъ всего финансоваго строя,—перемѣны, которыя ни въ чемъ не вызываютъ и не могутъ вызывать недовольство вліятельныхъ классовъ,—имѣютъ и то благопріятное условіе, что масса населенія отличается крайнею выносливостью. Налоги высоки—и она уплачиваетъ ихъ, на всѣхъ пунктахъ сокращая свое потребленіе; если недоимки накопляются, когда есть что продать, то полиція продаетъ. Можно признать, что органы исполнительной власти усвоили достаточную степень искусства для взысканія недоимокъ (это доказывается тѣмъ, что найдется въ разныхъ губерніяхъ не мало безнедоимочныхъ уѣздовъ, хотя многія селенія этихъ уѣздовъ крайне бѣдны).

Наши финансы обладаютъ и третьимъ условіемъ: установляется и крѣпнетъ практика, по возможности, держать многіе важные расходы въ прежнихъ границахъ. И это стремленіе поддерживается съ настойчивостью, достойною лучшей участи. Возьмемъ, наприм., министерство народнаго просвѣщенія. Въ 1885 году на него было израсходовано около 20 милліоновъ; теперь на него ассигновано около 25 милліоновъ, на 5 милліоновъ рублей больше. А за эти 11 лѣтъ, независимо отъ прироста населенія на 12 — 15%, обозначились такіе факты: 1) со стороны народа обнаружился въ разныхъ формахъ чрезвычайный спросъ на грамотность и знаніе; 2) обширная область нашей главной промышленности—сельскаго хозяйства—дала множество доказательствъ, что недостатокъ знаній, — и не только спеціальныхъ, но и общаго начальнаго образованія,—служитъ одною изъ главныхъ причинъ отсталости нашего земледѣлія; 3) такъ какъ средства, которыми располагаютъ земства и города, ограничены, то расходы государства на этотъ предметъ должны бы быть особенно значительны. И при всемъ томъ бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія увеличился на небольшую сумму. Возьмемъ другую отрасль управленія — министерство

земледѣлія и государственныхъ имуществъ. За 1884 годъ расходъ на министерство государственныхъ имуществъ достигалъ 23 милліоновъ рублей, а по бюджету на 1896 г. онъ составляетъ 32 милліона. Увеличеніе даетъ за 12 лѣтъ неполныхъ $9^1/_2$ милліоновъ рублей, а между тѣмъ за этотъ періодъ въ названной отрасли управленія могутъ быть отмѣчены факты, которые требовали бы гораздо большаго увеличенія расходовъ: 1) изъ министерства только государственныхъ имуществъ явилась составная и гораздо болѣе сложная вѣтвь управленія, обнимающая не только имущества государства, но и всѣ отрасли сельскаго хозяйства; 2) явились цѣлыя категоріи новыхъ расходовъ (наприм., ссуды на сельско-хозяйственныя улучшенія, начертаны обширные планы осушительныхъ, оросительныхъ, обводнительныхъ работъ и проч.); 3) не только въ обществѣ, но и въ правительствѣ все чаще высказывается убѣжденіе, что сельское хозяйство имѣетъ въ Россіи первенствующее значеніе и что въ интересахъ его должны быть оправданы очень крупные государственные расходы. Правда, мы находимъ на ряду съ этимъ увеличеніе дохода по нѣкоторымъ статьямъ, напримѣръ, на пути сообщенія, но казна видитъ въ этой отрасли одинъ изъ источниковъ дохода, а равно во владѣніи желѣзными дорогами одинъ изъ способовъ легко воздѣйствовать на общественное хозяйство.

Подводя итоги сказанному, мы сдѣлаемъ выводъ, что благопріятная картина русскихъ финансовъ объясняется отнюдь не процвѣтаніемъ народнаго хозяйства Россіи, не его успѣхами, а только особою обстановкой, въ которой находятся русскіе финансы, а также нѣкоторыми особыми пріемами, упрочившимися въ русской финансовой политикѣ.

По всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ министромъ юстиціи, состоялось слѣдующее высочайшее повелѣніе 7 декабря 1895 года. Впредь до пересмотра дѣйствующихъ объ административной высылкѣ узаконеній, предположенія генералъ-губернаторовъ, губернатовъ и градоначальниковъ о воспрещеніи пребыванія въ подвѣдомственныхъ имъ мѣстностяхъ отдѣльнымъ лицамъ, признаваемымъ вредными для общественнаго спокойствія вслѣдствіе порочнаго ихъ поведенія, приводить въ исполненіе не иначе, какъ по предварительномъ каждый разъ разсмотрѣніи и утвержденіи предположенной мѣры порядкомъ, означеннымъ въ статьяхъ 33—35 Положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія. Правила разъясняютъ далѣе, что жалобы на распоряженія административныхъ лицъ относительно высылки не подвергаются разсмотрѣнію внѣ порядка, который установленъ Положеніемъ 14 августа 1881 г. При обсужденіи этихъ жалобъ должны быть принимаемы въ соображеніе послужившія основаніемъ къ принятію этой мѣры данныя о политической неблагонадежности лица, котораго касается эта мѣра, или о той опасности, которую оно представляетъ для общественнаго спокойствія вслѣдствіе своего порочнаго поведенія. Министру внутреннихъ дѣлъ предоставлено безотлагательно подвергнуть пересмотру дѣйствующія постановленія объ административной высылкѣ и

представить проектъ, по сношеніи съ министерствомъ юстиціи, на высочайшее утвержденіе. Съ тѣмъ вмѣстѣ поставленъ на очередь пересмотръ правилъ 3 мая 1882 года, которыя запрещаютъ евреямъ селиться внѣ городовъ и мѣстечекъ въ губерніяхъ ихъ постоянной осѣдлости.

Эти временныя правила могутъ имѣть серьезное значеніе. Положеніе 14 августа 1881 года о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія предоставляетъ генералъ-губернаторамъ, а въ тѣхъ мѣстахъ, которыя имъ не подчинены, губернаторамъ и градоначальникамъ воспрещать отдѣльнымъ лицамъ пребываніе въ мѣстностяхъ, которыя находятся въ состояніи усиленной охраны. Независимо отъ массы лицъ политически неблагонадежныхъ, относительно которыхъ принималась эта мѣра, бывали нерѣдко случаи, что подвергались административной высылкѣ лица, которыми была недовольна администрація не вслѣдствіе ихъ политической неблагонадежности, а вслѣдствіе ихъ порочнаго поведенія. Недавно (*Внутреннее Обозрѣніе* 1895 г., кн. IX), говоря о рѣшеніи сената по дѣлу Келлера, который былъ безъ достаточныхъ основаній высланъ изъ Петербурга градоначальникомъ Грессеромъ, мы напомнили о высочайшемъ указѣ 4 сентября 1881 года, гдѣ говорится, что исключительныя мѣры не должны подвергать «излишнему отягощенію законные интересы вѣрнаго престолу населенія». Нынѣ объявленная временная мѣра направляетъ дѣло нѣсколько иначе. Всѣ предположенія генералъ-губернаторовъ и другихъ начальствующихъ о высылкѣ лица приводятся въ исполненіе только послѣ того, какъ дѣло, представленное министру внутреннихъ дѣлъ, разсмотрѣно особымъ совѣщаніемъ; оно состоитъ изъ 5 лицъ: предсѣдателя — товарища министра внутреннихъ дѣлъ, завѣдующаго полиціей, двухъ членовъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ и двухъ — отъ министерства юстиціи. Этотъ порядокъ установленъ Положеніемъ 14 августа 1881 года, однако, не исполнялся относительно лицъ, высылаемыхъ за ихъ порочное поведеніе. Другое постановленіе даетъ частнымъ лицамъ, права которыхъ нарушаются распоряженіями генералъ-губернаторовъ, губернаторовъ и градоначальниковъ, возможность приносить жалобы или министру внутреннихъ дѣлъ, или сенату. Третій и наиболѣе существенный пунктъ касается пересмотра дѣйствующихъ узаконеній объ административной высылкѣ. Будемъ надѣяться, что эти законы подвергнутся такимъ измѣненіямъ, въ силу которыхъ административная высылка будетъ примѣняться возможно рѣже. Исключительные законы настолько потрясаютъ правильное теченіе жизни, что частое ихъ примѣненіе, уже не говоря о крайней тягости, причиняемой гражданамъ, подрываетъ авторитетъ государства: граждане не могутъ смотрѣть безъ недоумѣнія на то, что государство, располагая огромнымъ числомъ служащихъ ему органовъ и огромнымъ запасомъ матеріальныхъ средствъ, нуждается въ исключительныхъ мѣрахъ даже тамъ, гдѣ рѣчь идетъ не о тяжкихъ преступленіяхъ, вызывающихъ панику, а о незначительныхъ проступкахъ, въ основаніи которыхъ лежитъ легкомысліе, увлеченіе.

Отъ 28 декабря прошлаго по 7 января текущаго года въ Москвѣ работалъ съѣздъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію. Уже первый съѣздъ, собиравшійся въ Петербургѣ 6 лѣтъ тому назадъ, привлекъ много участниковъ. На этотъ разъ число членовъ было еще болѣе значительно, и представленные доклады болѣе разнообразны. На съѣздъ съѣхались люди, занимающіе выдающееся положеніе въ общественной дѣятельности и государственной службѣ, а также скромные представители учебнаго и воспитательнаго дѣла изъ самыхъ отдаленныхъ уголковъ Россіи. Было бы трудно отмѣтить все то, что представляетъ съѣздъ поучительнаго и интереснаго. Укажемъ только, что онъ отнесся одинаково внимательно къ потребностямъ какъ высшаго техническаго образованія, такъ средняго и низшаго, какъ мужского, такъ и женскаго, а равнымъ образомъ затронулъ и тѣ стороны экономической жизни, въ которыхъ обнаруживается вліяніе техническихъ знаній.

Большой интересъ представляетъ докладъ профес. А. И. Стебута «о сельскохозяйственномъ образованіи русской интеллигентной женщины», для которой, по мнѣнію г. Стебута, необходимы школы двухъ классовъ: низшія и высшія. Первыя школы должны быть спеціальными: по молочному хозяйству, садоводству, огородничеству. Вторыя школы должны быть общими по сельскому хозяйству, но могутъ имѣть и спеціальныя отдѣленія. Первыя должны быть устраиваемы въ деревняхъ и имѣть двухлѣтній курсъ; сюда поступаютъ женщины, получившія образованіе не ниже начальной школы. Въ высшія школы, имѣющія 4-лѣтній курсъ, поступаютъ женщины со среднимъ образованіемъ. Школы состоятъ изъ двухъ курсовъ, профессіональнаго и подготовительнаго, причемъ каждый продолжается 2 года. Профессіональный курсъ высшій—проходится въ деревнѣ и состоитъ изъ цѣлаго ряда отраслей знанія, относящихся до сельскаго хозяйства. Подготовительный курсъ проходитъ въ городѣ; на немъ преподаются естественныя науки. Этотъ докладъ, затрогивая одно изъ самыхъ больныхъ у насъ мѣстъ—образованіе женщинъ,—былъ встрѣченъ съ большимъ сочувствіемъ, которое и выразилось въ слѣдующихъ резолюціяхъ: 1) у насъ необходимы мѣры къ доставленію русской интеллигентной женщинѣ возможности получить сельскохозяйственное образованіе, низшее, среднее и высшее; 2) одной изъ такихъ мѣръ являются сельскохозяйственныя школы двухъ типовъ—низшія и высшія; 3) для привлеченія нужныхъ матеріальныхъ средствъ, у насъ необходимо образованіе обществъ поощренія сельскохозяйственному образованію женщины.

Обращаетъ на себя также вниманіе докладъ г. Рубакина объ условіяхъ распространенія естественно-научныхъ знаній въ Россіи. Уровень этихъ знаній у насъ, какъ справедливо замѣтилъ докладчикъ, очень низокъ и въ низшихъ классахъ и даже въ высшихъ. Главными средствами распространенія знаній являются школа и библіотека. Но въ большинствѣ школъ у насъ вовсе не отведено мѣста естествознанію. А библіотеки поразительно бѣдны книгами этого разряда, причемъ въ католоґъ книгъ, одобренныхъ

министерствомъ, внесено очень мало книгъ по естественнымъ наукамъ. Поэтому г. Рубакинъ предложилъ ходатайствовать о расширеніи каталога, а также объ устройствѣ подвижныхъ музеевъ учебныхъ пособій. Сюда же примкнулъ докладъ А. М. Калмыковой о школьныхъ музеяхъ. Г-жа Калмыкова провела ту мысль, что принципъ наглядности обученія людей взрослыхъ получаетъ все большее примѣненіе: ему служатъ всемірныя и національныя, общія и спеціальныя выставки, художественные, научные и промышленные музеи. Въ русской педагогической практикѣ принципъ наглядности примѣняется еще очень мало. А между тѣмъ онъ необходимъ, и было бы всего болѣе цѣлесообразно осуществить его посредствомъ школьныхъ музеевъ.

По вопросу объ экзаменахъ было нѣсколько докладовъ, въ томъ числѣ сообщеніе г. Яновскаго, попечителя кавказскаго учебнаго округа. Система экзаменовъ, по единодушному признанію докладчиковъ, крайне вредна, и почти всѣ, безъ изъятія, высказались за отмѣну переводныхъ испытаній. Г. Быковъ сдѣлалъ докладъ объ обученіи малолѣтнихъ рабочихъ. Законъ объ обученіи былъ изданъ въ 1884 году, однако, почти остается мертвой буквой. Дабы его осуществить, по мнѣнію докладчика, необходимо основаніе достаточнаго числа школъ и измѣненіе закона 1882 года о работѣ малолѣтнихъ; трудъ ихъ долженъ быть сокращенъ до 7 часовъ въ день. Выводы г. Быкова заслуживаютъ полнаго сочувствія: законъ 1884 года объ обученіи малолѣтнихъ рабочихъ остается потому мертвой буквой, что владѣльцы промышленныхъ заведеній не принуждаются къ учрежденію школъ, а только *приглашаются*, а приглашенія въ подобномъ случаѣ совершенно недостаточны.

В. А. Гольцевъ сдѣлалъ докладъ по вопросу очень важному и новому, о положеніи учителей. «Дѣло воспитанія, образованія и широкаго распространенія техническихъ знаній,—сказалъ референтъ,—выдвинуто исторической жизнью на первое мѣсто въ ряду государственныхъ и общественныхъ заботъ». На Западѣ дѣлается въ этомъ направленіи довольно много, а мы чрезвычайно отстали. Дабы учителя свободно исполняли высокія обязанности, къ которымъ они призваны, они должны имѣть достаточное матеріальное обезпеченіе и опредѣленное и прочное служебное положеніе. Вотъ почему вопросы объ отставкѣ и о перемѣщеніи служащаго пріобрѣтаютъ большую важность. У насъ вознагражденіе учителей крайне скудно. И во второмъ отношеніи нужно пожелать очень многаго. Ссылаясь на Пруссію, г. Гольцевъ ставитъ на видъ, что тамъ еще съ 1817 года существуетъ предписаніе, по которому власти никогда не должны дѣлать распоряженіе, противорѣчащее закону, и потому учитель крайне рѣдко испытываетъ коллизію между требованіемъ закона и предписаніемъ начальства. Въ Росс[illegible] положеніе учителей весьма неустойчиво, народное образованіе являет[illegible] почти монополіей государства, и для лица, избравшаго учительскую долж-ность, часто нѣтъ возможности отыскать другое занятіе: а потому необ-ходимы особенно твердыя гарантіи, дабы учителя могли исполнять сво[illegible]

обязанности въ предѣлахъ, указанныхъ закономъ. Достоинство государственной службы и учительскаго званія страдаетъ отъ того, что учителя, въ видѣ административной кары, переводятъ изъ столицы въ захолустье, иногда на низшій окладъ. Къ этимъ невыгодамъ положенія всѣхъ учителей присоединяется для учителей среднихъ учебныхъ заведеній то неудобство, что они получаютъ плату по часамъ, и начальство можетъ совершенно незамѣтно для сторонняго глаза уменьшить число часовъ тому учителю, котораго оно хочетъ наказать, и увеличивать тому, которымъ оно довольно. Прочность положенія особенно необходима для учителя, такъ какъ именно въ дѣлѣ воспитанія и преподаванія узкая регламентація причиняетъ много вреда. Учитель долженъ пользоваться независимостью; онъ долженъ быть обезпеченъ отъ продленія однообразныхъ распоряженій въ іерархическомъ порядкѣ; школа должна быть автономнымъ учрежденіемъ. А потому именно здѣсь нужно охранить подчиненныхъ отъ произвола начальства. Такъ какъ при государственномъ совѣтѣ учреждена особая коммиссія для пересмотра законовъ о гражданской службѣ, то желательно, чтобъ «извѣстный *третій пунктъ* не перешелъ въ приближающійся двадцатый вѣкъ». Вполнѣ присоединяемся къ положеніямъ и пожеланіемъ В. А. Гольцева. Учителя и воспитатели должны занимать въ обществѣ не только независимое, но и выдающееся положеніе, ибо они служатъ тому дѣлу, безъ котораго общественная жизнь груба, сѣра, безпросвѣтна. Закончимъ словами референта. «Давно уже сказано, что справедливость есть основаніе царствъ,— не та справедливость, которая, будто бы, должна осуществляться, хотя бы погибнулъ міръ,—а та, безъ которой міръ, въ человѣческомъ смыслѣ этого слова, и не существовалъ бы вовсе. Позвольте мнѣ поэтому кончить горячимъ желаніемъ, чтобы эта царственная идея, это благотворное начало справедливости, неразлучное съ духомъ свободнаго изслѣдованія, легло въ основаніе нашего педагогическаго строя, въ интересахъ истины и правды, въ интересахъ великаго русскаго народа».

Потребительныя общества имѣютъ важное значеніе въ хозяйственной жизни народа. На Западѣ они распространены повсемѣстно; Англія насчитываетъ ихъ до 1,500 съ 1.000,000 членовъ. Кромѣ хозяйственныхъ цѣлей, эти общества преслѣдуютъ въ широкихъ размѣрахъ цѣли образовательныя и благотворительныя. Каково же положеніе потребительныхъ обществъ у насъ? Первое общество возникло въ Ригѣ въ 1865 году и съ тѣхъ поръ они стали распространяться въ разныхъ мѣстахъ Россіи, хотя и очень медленно. Учредители ихъ, люди зажиточные, не будучи связаны съ ними близкими интересами, относились къ дѣлу вяло, управленіе лавками обходилось дорого и велось небрежно. Но позднѣе, когда потребительныя общества перешли въ среду сельскаго населенія, въ районы фабрикъ и заводовъ, они стали дѣйствовать успѣшнѣе. При низкой заработной платѣ и высокой цѣнѣ предметовъ потребленія, общества были здѣсь очень полезны, такъ какъ значительно удешевляли продукты. Въ дерев-

няхъ потребительныя общества также отвѣчаютъ насущнымъ потребностямъ населенія. При огромныхъ разстояніяхъ наши деревни часто затруднены въ пріобрѣтеніи товаровъ: лавки далеко, а если и есть лавки въ селѣ, то товары дороги и зачастую очень дурного качества. Деревенскій торгашъ, отпуская въ кредитъ товары изъ своей лавки, опутываетъ крестьянъ неоплатнымъ долгомъ и вынуждаетъ ихъ продавать по дешевой цѣнѣ все, что можетъ сбывать крестьянинъ. Вотъ основанія, вызвавшія къ жизни потребительныя общества въ деревняхъ. Но какъ ни важны причины, потребительныя общества не получали надлежащаго распространенія. Главный тому тормазъ—низкій уровень развитія крестьянъ и фабричнаго населенія. Потребительныя общества при фабрикахъ открываются въ большинствѣ случаевъ по почину фабриканта, въ деревняхъ же ихъ устраиваетъ врачъ, учитель или другое лицо образованнаго класса, почему они носятъ характеръ благотворительныхъ учрежденій. Но встрѣчаются общества, устроенныя волостями на общественныя деньги: таково Пашійское общество въ Пермской губ. Въ голодный 1892 годъ волостное общество отчислило небольшую сумму денегъ, стало покупать хлѣбъ и перепродавать его крестьянамъ, а затѣмъ открыло свою лавку. Дѣла пошли успѣшно; въ первый годъ получено чистой прибыли 926 р. 35 коп., на второй годъ—2,231 р. 44 к. Изъ прибыли перваго года ассигновали 342 р. на перестройку мужского училища, 172 р. на аптеку, 100 руб. на ограду у кладбища и 35 р. на читальню. На будущее время предположено устроить на часть прибыли ремесленное училище; въ немъ ощущается большая потребность, такъ какъ населеніе Пашійской волости занято заводскими работами, кустарныхъ промысловъ нѣтъ и приходится выписывать самыя необходимыя для домашняго обихода вещи. Другой интересный опытъ былъ сдѣланъ въ Новгородской губерніи. Помѣщикъ г. Кошко пришелъ на помощь кустарямъ, изготовляющимъ деревянную посуду, и устроилъ на свой счетъ общественную лавку, которая скоро понизила цѣны многихъ товаровъ. Другая выгода для кустарей состояла въ томъ, что они могли приносить въ лавку свои издѣлія и брать подъ нихъ товары и деньги по мелочамъ. По мѣрѣ накопленія, товары посылаются для продажи въ Петербургъ; изъ выручки покрываются долги лавкѣ, а остальное выплачивается кустарямъ. Сначала крестьяне относились къ лавкѣ съ недовѣріемъ; но дѣло пошло хорошо, за первые 8 мѣсяцевъ получена прибыль въ 627 руб., и кустари мало-по-малу завязали съ ней сношенія. Образцомъ успѣшно развивающагося учрежденія служитъ потребительное общество, основанное въ 1878 г. при коломенскомъ машинно-строительномъ заводѣ. Въ 1878 году членовъ было 163, а къ 1893 г.—2,623, паевой капиталъ возросъ съ 20,000 до 62,000 р. Рабочіе коломенскаго завода пользуются прибылью для постройки домовъ на арендованной землѣ у сосѣднихъ крестьянъ; крестьяне же дѣлаютъ пріобрѣтенія для своего хозяйства. Къ 1895 г. число утвержденныхъ уставовъ достигло 358, но большая часть обществъ или совсѣмъ не открывались, или же закрылись послѣ кратковременнаго существованія. Теперь дѣйствуютъ 91 общество; изъ нихъ 85 имѣли въ 1893 г. 1.356,940

руб. паевого капитала, 278,340 р. запаснаго, прибыли—489,197 р.; въ среднемъ на каждое приходится 5,755 руб. Потребительныя общества на фабрикахъ и заводахъ дѣйствуютъ удовлетворительно, а въ деревняхъ они распространяются очень медленно по причинамъ, указаннымъ выше. Но они развиваются слабо вслѣдствіе того, что у нихъ нѣтъ того объединяющаго начала, ни той нравственной связи другъ съ другомъ, которыя характеризуютъ потребительныя общества Западной Европы. Для нихъ нѣтъ ни совѣщательнаго комитета, ни съѣздовъ, которые служили бы имъ руководителями, были бы связующимъ звеномъ между учрежденіями. У насъ нѣтъ также общедоступной литературы, которая могла бы популяризировать въ массѣ потребительныя общества и, возбудить къ нимъ интересъ, содѣйствовать ихъ распространенію. Недавно этотъ пробѣлъ отчасти пополненъ брошюрой г. Озерова: *Что такое общество потребителей, какъ его основать и вести*. Напомнимъ для всѣхъ, кто принимаетъ близко къ сердцу хозяйственное положеніе бѣднѣйшихъ классовъ, что въ пользу потребительныхъ обществъ высказываются даже многіе сторонники крайнихъ экономическихъ партій, относящіеся съ сомнѣніемъ къ тому, чтобы кредитныя и производительныя артели могли серьезно воздѣйствовать на матеріальное положеніе бѣдныхъ людей.

Еще новую утрату понесла семья русскихъ художниковъ: 19 января скончался академикъ скульптуры Михаилъ Осиповичъ Микѣшинъ. Будучи художникомъ-живописцемъ, онъ не занимался скульптурой какъ ремесломъ, а былъ лучшимъ скульптурнымъ компонистомъ. Покойный создалъ много памятниковъ; самый замѣчательный изъ нихъ—памятникъ тысячелѣтія Россіи въ Новгородѣ, доставившій ему имя первокласснаго скульптора-композитора. Михаилъ Осиповичъ былъ извѣстенъ такъ же, какъ талантливый иллюстраторъ; его рисунки разсѣяны въ разныхъ иллюстрированныхъ изданіяхъ и альбомахъ знакомыхъ. Онъ гордился званіемъ русскаго иллюстратора и считалъ необходимымъ улучшать положеніе лицъ, посвятившихъ себя этому дѣлу. Въ этомъ направленіи онъ прочиталъ въ прошломъ году докладъ на съѣздѣ дѣятелей по печатному дѣлу. Съ конца 70-хъ годовъ онъ издавалъ иллюстрированный журналъ *Пчела*. Какъ художникъ, покойный отличался богатой, неисчерпаемой фантазіей. Какъ человѣкъ, онъ былъ неутомимъ и въ сферѣ искусства, и въ общественной дѣятельности, которой посвящалъ себя горячо и безкорыстно.

---

10 февраля скончался основатель типо-литографіи Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°. Иванъ Николаевичъ, о недавно вышедшемъ собраніи сочиненій котораго мы дали отзывъ въ библіографическомъ отдѣлѣ *Русской Мысли*, принадлежалъ къ рѣдкимъ по энергіи и трудолюбію общественнымъ дѣятелямъ. Въ людяхъ, которымъ приходилось работать съ нимъ, онъ оставилъ добрую память. Благодарное воспоминаніе объ И. Н. Кушнеревѣ сохранятъ рабочіе типо-литографіи, всегда бывшіе предметомъ его заботливаго и гуманнаго вниманія.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* напечатанъ переводъ слѣдующей телеграммы Государя Императора къ принцу Фердинанду: «С.-Петербургъ, 25 января 1896 г. Искренно поздравляю ваше высочество съ принятіемъ патріотическаго рѣшенія, о коемъ вы сообщаете Мнѣ въ письмѣ вашемъ отъ 21 сего января. Свиты Моей генералъ-майоръ графъ Голенищевъ-Кутузовъ везетъ вамъ отвѣтъ Мой, и ему поручается присутствовать отъ Моего Имени при обрядѣ присоединенія возлюбленнаго сына вашего къ церкви народа болгарскаго».

Читатели знаютъ изъ газетъ, что графъ Голенищевъ - Кутузовъ уже исполнилъ возложенное на него порученіе. Дипломатическія сношенія Россіи съ Болгаріей возстановлены, принцъ Фердинандъ признанъ княземъ Болгарскимъ, его династія упрочена. Мудрое рѣшеніе Императора Николая II возвращаетъ миръ Болгаріи, ставитъ ее въ нормальное международное положеніе. Рѣшеніе это сразу поправляетъ ошибки русской дипломатіи прежнихъ годовъ и возстанавливаетъ высокій нравственный авторитетъ нашего отечества среди славянъ Балканскаго полуострова. Миролюбивыя заявленія Государя Императора обезпечиваютъ на будущее время безпристрастное и справедливое отношеніе русской дипломатіи къ нуждамъ и стремленіямъ освобожденнаго цѣною русской крови болгарскаго народа.

Русская печать единодушно привѣтствуетъ примиреніе нашего правительства съ княземъ Фердинандомъ и болгарскимъ правительствомъ. Особенный интересъ, конечно, представляютъ выраженія по этому поводу радости и восторга со стороны нашихъ *охранителей*, такъ настойчиво требовавшихъ до 25 января 1896 г. удаленія изъ Болгаріи принца Фердинанда. Съ присущимъ публицистамъ этого направленія патріотическимъ постоянствомъ убѣжденій и твердостью политическихъ принциповъ, охранительный лагерь нашей печати *чистосердечно* проповѣдываетъ теперь противоположное тому, что твердилъ еще на-дняхъ. Исключеніемъ являются *Петербургскія Вѣдомости* новой редакціи. Газета князя Ухтомскаго не одобряетъ рѣшенія князя Фердинанда потому, что имъ, въ угоду государственнымъ даже прямо династическимъ интересамъ, приносится въ жертву религіозно

убѣжденіе. И съ нравственной точки зрѣнія соображенія *Петербургскихъ Вѣдомостей* не лишены основанія. Что присоединеніе къ православію князя Бориса соотвѣтствуетъ и конституціи, и желаніямъ болгарскаго народа,— это не подлежитъ сомнѣнію. Очевидно, также, что согласіе князя Фердинанда на перемѣну религіи его наслѣдника благопріятно для русскихъ интересовъ и не задѣваетъ интересовъ европейскаго международнаго общенія. Но несомнѣнно, что такой образъ дѣйствій подсказанъ князю Фердинанду династическимъ разсчетомъ, а разсчетъ въ вопросахъ религіозной совѣсти не долженъ бы играть никакой роли. Какъ мы упомянули, въ самой болгарской конституціи есть, однако, требованіе, чтобы второй князь Болгарскій былъ православнымъ. Изъ этого случая мы лишній разъ заключаемъ, что не слѣдуетъ смѣшивать задачъ и средствъ государственныхъ съ вопросами религіозными, что въ этихъ послѣднихъ должна господствовать неподкупная личная совѣсть.

Присоединеніемъ къ православію князя Бориса нанесенъ сильный ударъ развивавшемуся на Балканскомъ полуостровѣ вліянію римско-католической церкви. Князь Фердинандъ ѣздилъ въ Римъ просить у папы разрѣшенія на переходъ князя Бориса въ православіе. Само собою разумѣется, что Левъ XIII,—непогрѣшимый первосвященникъ единственно истинной по его убѣжденію церкви, — не могъ дать такого разрѣшенія. Князю Фердинанду клерикальная печать угрожаетъ теперь отлученіемъ, но папская анаѳема къ концу XIX вѣка не имѣетъ того грознаго характера, какимъ она нѣкогда отличалась.

Каждый русскій человѣкъ искренне пожелаетъ Болгаріи вступить теперь на дорогу плодотворнаго внутренняго развитія, укрѣпить тѣ учрежденія, благодѣяніями которыхъ она пользуется, поднять духовное и экономическое благосостояніе народа. Покровительство Императора Николая II является не посягательствомъ на независимость внутренней жизни княжества, а мощнымъ обезпеченіемъ его внѣшней безопасности.

Глубоко поучительный кризисъ переживаетъ теперь Франція. Радикальный кабинетъ Буржуа, какъ знаютъ читатели, приступилъ къ важнымъ финансовымъ преобразованіямъ и къ энергической очисткѣ правящихъ сферъ отъ панамистовъ. Буржуазія, сильно задѣтая стремленіями новаго министерства, вступила съ нимъ въ энергическую борьбу. Кабинету Леона Буржуа пророчили существованіе въ теченіе одного только мѣсяца, много двухъ. Онъ, однако, началъ одерживать въ палатѣ побѣду за побѣдой. Тогда оппозиція перенесла центръ нападенія въ сенатъ, который является оплотомъ высшей буржуазіи. Сенатъ высказался противъ подоходнаго налога, принятаго палатою депутатовъ. Онъ, вопреки министерству, принялъ законопроектъ, запрещающій стачки рабочихъ на государственныхъ желѣзныхъ дорогахъ. Кабинетъ Буржуа спокойно относился ко всѣмъ этимъ постановленіямъ. Произведено было новое нападеніе на правительство за то, что оно смѣстило слѣдователя по дѣламъ панамистовъ, не энергично ведшаго эти дѣла,

Очень можетъ быть, что при этомъ министромъ юстиціи была нарушена какая-нибудь пустая формальность. Сенатъ схватился за новый предлогъ и огромнымъ большинствомъ голосовъ выразилъ осужденіе Рикару и всему кабинету, который солидаренъ съ министромъ юстиціи.

Оппортюнистская и монархическая печать послѣ этого голосованія сената стала рѣзко требовать отставки кабината. Радикалы и прогрессисты, наоборотъ, настаивали на томъ, чтобы кабинетъ оставался у власти. Положеніе выяснилось послѣ запроса въ палатѣ депутатовъ. Министръ юстиціи оправдывалъ свой образъ дѣйствій и доказывалъ, что имъ руководитъ твердое желаніе доставить въ дѣлѣ панамистовъ полное торжество правосудію. По требованію министра-президента былъ поставленъ вопросъ о довѣріи правительству, и оно было вотировано огромнымъ большинствомъ. Но сенатъ рѣшилъ продолжать борьбу. Вопросъ былъ вновь возбужденъ въ верхней палатѣ, которая опять выразила осужденіе Рикару и всему правительству. Положеніе обострилось, и въ тотъ моментъ, когда пишутся эти строки, для правительства изъ него не предвидѣлось выхода: сенатъ, по дѣйствующей французской конституціи, играетъ роль самопроизвольнаго тормаза,—онъ можетъ не принять ни одного закона, вотированнаго палатой депутатовъ, и не дать согласія на роспускъ палаты или созывъ конгресса для пересмотра конституціи. Крайняя лѣвая требуетъ, чтобы Буржуа не уступалъ сенату, но безъ сената почти невозможно управлять, — по крайней мѣрѣ, невозможно провести никакой реформы. Если правительство пойдетъ на уступки и пожертвуетъ, напримѣръ, Рикаромъ, то пойдетъ, вѣроятно, на уступки и сенатъ, противъ котораго разростается общественное негодованіе.

Германскій парламентъ, безъ различія партій, выразилъ одобреніе нынѣшней миролюбивой политикѣ правительства. Нѣкоторые ораторы при этомъ указывали на все возростающія опасности милитаризма, которымъ продолжаетъ тяжело болѣть Германія. Въ засѣданіи бюджетной коммиссіи рейхстага военный министръ заявилъ недавно, что въ теченіе ближайшихъ девяти лѣтъ потребуется 180 милліоновъ марокъ на новыя казармы. Имперскій бюджетъ, слѣдовательно, будетъ обремененъ новымъ расходомъ въ 20 милліоновъ франковъ ежегодно. Увеличивается и бюджетъ морского министерства. *Freisinnige Zeitung* предостерегаетъ еще разъ общественное мнѣніе противъ увлеченія шовинизмомъ и заокеанскими предпріятіями. Она указываетъ на то, что князь Бисмаркъ, въ виду труднаго положенія Германіи между Россіей и Франціей, былъ очень остороженъ въ колоніально политикѣ и старался поддерживать добрыя отношенія съ Великобританіе Вмѣсто того, чтобъ увеличивать флотъ, — говоритъ органъ вольномысл щихъ, — надо бы подумать объ увеличеніи врачей и о другихъ культу ныхъ интересахъ государства. Не удовлетворяются въ Германіи, по нед статку средствъ, даже нѣкоторыя изъ насущнѣйшихъ потребностей наро наго образованія. Газета взываетъ къ союзу всѣхъ разумныхъ люде

чтобы положить преграду шовинизму и не расточать на военныя издержки и на колоніальныя затѣи тѣ средства, которыя необходимы внутри Германіи для народнаго благосостоянія.

Подъ вліяніемъ подобныхъ рѣчей раздраженіе противъ Англіи проходитъ въ Германіи и о вмѣшательствѣ въ южно-африканскія дѣла толкуютъ лишь немногія крайне шовинистскія газеты, да и тѣ уже не съ прежнимъ пыломъ. Международное положеніе Германіи дѣйствительно таково, что непріязненныя отношенія къ Великобританіи были бы весьма невыгодны Гогенцоллернской имперіи. Если Германія выступитъ въ колоніальной политикѣ соперницей Великобританіи, то для послѣдней можетъ оказаться болѣе разсчетливымъ сближеніе съ Россіей и Франціей, и тогда тройственный союзъ значительно умалится. И теперь одна изъ союзницъ попала въ тяжелое положеніе, благодаря маніи государственнаго величія. Война съ абиссинцами до сихъ поръ неблагопріятна для Италіи. Нѣтъ никакихъ кровавыхъ успѣховъ, наоборотъ, за пораженіемъ передового итальянскаго отряда послѣдовало отступленіе гарнизона изъ Макалле. Условія для мирныхъ переговоровъ, поставленныя Менеликомъ, не могли быть приняты, и продолженіе войны сопряжено для итальянскихъ войскъ съ немалыми опасностями. Криспи снова приходится переживать тяжелые дни. Онъ прибѣгнулъ къ своей обычной тактикѣ—отсрочкѣ засѣданій парламента, надѣясь, что подоспѣетъ извѣстіе о какой-нибудь побѣдѣ, но такого извѣстія не приходитъ. Нѣкоторые изъ министровъ, въ особенности министръ финансовъ Саракко, рѣшительно возстаютъ противъ веденія абиссинской войны *на широкую ногу*. Благодаря ихъ требованіямъ, министру-президенту придется созвать палату депутатовъ раньше, чѣмъ бы ему хотѣлось.

Нельзя сказать, чтобы благополучно шли дѣла и у другой союзницы Германіи, у Австро-Венгріи. Возобновленіе соглашенія (Ausgleich) между Цислейтаніей и Транслейтаніей встрѣчаетъ сильныя препятствія. Цислейтанскіе нѣмцы и славяне не хотятъ, чтобы при этомъ соглашеніи 70% выгоды и 30% платежей принадлежали Венгріи. Какъ относятся чехи къ мадьярскимъ притязаніямъ, ясно изъ статьи пражской *Politik: Австрія—колонія Венгріи*. Указанія на крайне невыгодныя,—для Цислейтаніи вообще и для Богеміи въ частности,—условія нынѣ дѣйствующаго соглашенія были сдѣланы и въ богемскомъ ландтагѣ. Слѣдуетъ отмѣтить при этомъ, что нѣмецкіе депутаты ландтага, изъ національной вражды къ чехамъ, готовы, повидимому, поступиться насущными экономическими интересами страны, чтобы заручиться поддержкой правительства въ борьбѣ съ автономистическими стремленіями чешскаго народа.

При такихъ обстоятельствахъ графъ Бадени внесъ въ открывшій свои засѣданія парламентъ законопроектъ объ избирательной реформѣ, такъ давно требуемой общественнымъ мнѣніемъ. У насъ въ настоящее время нѣтъ еще текста законопроекта и мы передадимъ его содержаніе по сообщенію *Русскихъ Вѣдомостей*: «Законопроектъ состоитъ изъ двухъ частей. Первая касается измѣненія дѣйствующихъ законовъ о парламентскихъ выборахъ, а вторая

содержитъ новый законопроектъ. Онъ постановляетъ, что къ нынѣшнимъ 353 депутатамъ палаты депутатовъ прабавляются новыхъ 72 члена, избираемыхъ новою избирательною куріей. Изъ нихъ на Богемію приходится 18, на Галицію—15, на Нижнюю Австрію—9, на Моравію—7, на Штирію—4, на Верхнюю Австрію и Тироль—по 3, на Далмацію, Буковину и Силезію—по 2 и на остальныя 8 провинцій—по одному. Активнымъ избирательнымъ правомъ въ новой куріи пользуется всякій гражданинъ, достигшій 24-лѣтняго возраста, не лишенный права участія въ выборахъ и имѣющій мѣстожительство въ предѣлахъ избирательнаго округа въ теченіе не менѣе полугода. Не пользуются избирательнымъ правомъ лица, состоящія въ услуженіи. Въ составъ новой куріи входятъ и тѣ лица, которыя уже пользуются избирательнымъ правомъ въ которой-либо изъ нынѣ существующихъ курій. Въ куріи сельскихъ избирательныхъ округовъ, которые совпадаютъ съ судебными округами, сохраняются двухстепенные выборы. Въ остальныхъ округахъ новой куріи выборы будутъ прямые. Но въ тѣхъ провинціяхъ, гдѣ по провинціальному закону о выборахъ въ сеймъ введены прямые выборы и въ куріи сельскихъ округовъ, прямые выборы будутъ производиться въ сельскихъ округахъ и при парламентскихъ выборахъ».

Законопроектъ встрѣтилъ въ рейхсратѣ довольно холодный пріемъ. Демократическимъ требованіямъ онъ далеко не удовлетворяетъ и, въ то же время, введеніемъ принципа всеобщей подачи, хотя и въ очень ограниченныхъ размѣрахъ, угрожаетъ сословно-консервативнымъ интересамъ. Число избирателей увеличивается весьма значительно: съ 1.730,000 до 5.330,000. Но новые избиратели будутъ посылать не пропорціонально мало представителей въ парламентъ: только 72 депутата. Правительство, по заявленію графа Бадени, пошло на-встрѣчу новымъ народнымъ потребностямъ, создавая эту курію избирателей; но оно не желаетъ исключительнаго господства всеобщей подачи голосовъ, удерживая два принципа дѣйствующей въ Австріи избирательной системы: представительство интересовъ и самостоятельность отдѣльныхъ областей.

Газеты высказываютъ предположеніе, что законопроектъ будетъ принятъ рейхсратомъ. Онъ во всякомъ случаѣ является серьезнымъ улучшеніемъ избирательнаго права въ Австріи и въ палаты, которыя будутъ избираться по новому закону, войдутъ свѣжіе прогрессивные элементы, вслѣдствіе чего повысится законодательная дѣятельность парламента. Новый порядокъ вещей всего менѣе выгоденъ будетъ для австро-нѣмецкихъ либераловъ-централистовъ, но упорной оппозиціи законопроекту графа Бадени нѣтъ достаточнаго основанія ждать и со стороны этой партіи.

Несомнѣнно, что расширеніе избирательнаго права будетъ содѣйство-вать и росту національнаго самосознанія славянъ и итальянцевъ, населяющихъ Цислейтанію. Несмотря на энергическую и искусную борьбу, котору[ю] ведутъ въ Австріи нѣмцы противъ федеративныхъ стремленій, стремлені[я] эти все усиливаются, а на югѣ государства, въ сосѣдствѣ съ Италіей, п[е]реходятъ въ сепаратизмъ, въ непрекращающіяся попытки соединенія с[ъ]

итальянскимъ отечествомъ. Недавно, въ концѣ января наступившаго года, тирольскій ландтагъ призналъ необходимымъ ввести преподаваніе итальянскаго языка въ мѣстныхъ нѣмецкихъ гимназіяхъ, какъ обязательнаго предмета. Въ мотивахъ предложенія говорилось о томъ, что въ Тиролѣ рядомъ живетъ населеніе принадлежащее къ двумъ великимъ культурнымъ націямъ, что нѣмцамъ въ высшей степени плодотворно знакомство съ сокровищами итальянской литературы, и наоборотъ. Знакомство съ итальянскимъ языкомъ, кромѣ того, полезно нѣмецкому юношеству и для практическихъ цѣлей, для дѣловыхъ сношеній. Вѣнская оффиціозная *Presse* отнеслась сочувственно къ постановленію тирольскаго ландтага и къ мотивамъ этого постановленія. Органы крайнихъ австро-нѣмецкихъ централистовъ недовольны, а берлинская *National-Zeitung* предусмотрительно замѣчаетъ, что приведенное нами постановленіе можетъ возбуждающимъ образомъ подѣйствовать на чеховъ. Газета не упустила случая прибавить, что чешскій языкъ нельзя назвать великимъ культурнымъ языкомъ.

В. Г.

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО.

(Бенефисъ г-жи Ермоловой въ Большомъ театрѣ: *Маріана*, драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ Хосе Эчегарайя, переводъ съ испанскаго С. А. Степановой-Марковой.)

19 января въ Большомъ театрѣ состоялся бенефисъ М. Н. Ермоловой по случаю исполнившагося двадцатипятилѣтія ея службы въ драматической труппѣ московскихъ Императорскихъ театровъ. Съ первыхъ шаговъ своихъ на сценѣ г-жа Ермолова заняла рядомъ съ Г. Н. Ѳедотовой первенствующее мѣсто совсѣмъ молоденькою дѣвушкой. Было это въ то время, когда во главѣ московской труппы стоялъ М. С. Щепкинъ, а вокругъ него группировались такіе артисты, какъ П. М. Садовскій, И. В. Самаринъ, С. В. Шумскій, С. В. Васильевъ, В. И. Живокини. Женскія роли распредѣлялись между г-жами Васильевой, Косицкой, Акимовой, Колосовой, а молодыми еще артистками были г-жи Медвѣдева, Никулина, Ѳедотова... Да, было время, блестящее время нашего Малаго театра, прошло оно и, кажется, никогда не вернется. Откуда брались такіе артисты и артистки, и почему новые дѣятели драматическаго искусства, «смѣнивъ, не замѣнили» ихъ? Съ уходомъ со сцены, одновременно съ уходомъ изъ міра живыхъ, каждаго изъ нашихъ славныхъ «стариковъ», точно исчезалъ и замолкалъ навсегда одинъ изъ важнѣйшихъ инструментовъ давно составленнаго и слаженнаго оркестра. А, между тѣмъ, условія для составленія такого оркестра были тогда, повидимому, много менѣе благопріятны, чѣмъ теперь. «Какъ посмотрѣть, да посравнить вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій»... Вѣдь *Горя отъ ума* играть некому и *Ревизора* некому играть, и большая часть комедій Островскаго идти не можетъ, и, наконецъ, то, что идетъ, и идетъ иногда превосходно, разыгрывается далеко не полнымъ «оркестромъ». Прежде всего въ нашей труппѣ нѣтъ jeune premier, на театральномъ арго—«перваго любовника»; нѣтъ настоящаго «комика»... да мало ли еще на какія амплуа не хватаетъ актеровъ и актрисъ. Не перечисляемъ недостающихъ, дабы не затрогивать самолюбій и потому еще, что все равно этимъ горю не поможешь. Драматическія школы выпустили уже довольно много своихъ учениковъ и ученицъ, не мало ихъ принято на сцену Малаго театра, въ ту же труппу приглашено нѣсколько человѣкъ изъ частныхъ

театровъ, а проблесковъ надежнаго таланта почти совсѣмъ не замѣчается. Нельзя предположить, что природныя сценическія дарованія куда-то попрятались и не имѣютъ возможности выбраться на свѣтъ Божій. Выдвигались же они и доступъ находили на сцены Императорскихъ театровъ въ старые годы, при очень неблагопріятныхъ условіяхъ, когда негдѣ было поучиться и негдѣ было развивать врожденныя способности, такъ какъ частныхъ сценъ было очень мало. За то было у кого поучиться и было чему поучиться, ибо «старики» умѣли не только «преподавать», но и воодушевлять, вдохновлять своимъ примѣромъ, своею любовью и уваженіемъ къ искусству. Мы помнимъ пустенькіе водевили, крошечныя и далеко неважныя комедійки, въ которыхъ не только главныя роли, но и самыя послѣднія разыгрывались первыми артистами,—Садовскимъ, Шумскимъ, Живокини, не считавшими для себя унизительнымъ появляться въ роляхъ, состоящихъ всего изъ нѣсколькихъ фразъ. За то и разыгрывались же такіе водевили и комедійки такъ, какъ теперь уже ничто не разыгрывается. Объ этомъ многое могла бы повѣдать «нынѣшнимъ» Н. М. Медвѣдева. И съ тѣмъ вмѣстѣ каждый проблескъ таланта, даже просто дарованьица, находилъ себѣ оцѣнку и поддержку у «старшихъ», выдвигался впередъ до тѣхъ поръ, пока не находилъ себѣ опредѣленнаго мѣста... Мы какъ-то, года два назадъ, говорили о томъ, что молодымъ артисткамъ и артистамъ даютъ слишкомъ мало возможности проявить свои силы, иначе говоря, не даютъ видныхъ ролей. Такъ оно и было. Съ тѣхъ поръ было сдѣлано не мало попытокъ выпускать молодежь въ отвѣтственныхъ роляхъ. Къ сожалѣнію, результаты далеко не оправдали нашихъ ожиданій, и изъ молодыхъ артистовъ очень немногіе подаютъ кое-какія надежды.

Отъ того ли, на что мы выше указывали, или отъ иныхъ причинъ, но съ ослабленіемъ «оркестра» совпало и замѣтное пониженіе уровня драматическихъ произведеній теперешняго репертуара. Скудость его, которую намъ приходится отмѣчать изъ года въ годъ, до того дошла, что М. Н. Ермолова оказалась вынужденною поставить для своего бенефиса не русскую пьесу, не произведеніе классическаго репертуара, а переводную драму изъ современной испанской жизни. Мы ничего не имѣемъ, конечно, противъ ознакомленія русской публики съ лучшими произведеніями иноземныхъ литературъ настоящаго времени, но не видимъ никакой надобности въ переводахъ и постановкѣ на сцену посредственностей хотя бы и столь мало извѣстной въ Россіи литературы, какъ испанская. Потому она и извѣстна мало, почти совсѣмъ неизвѣстна, что въ ней ничего не появляется сколько-нибудь выдающагося. Авторъ драмы, шедшей въ бенефисъ г-жи Ермоловой и озаглавленной *Маріана*, Хосе Эчегарайя, написалъ нѣсколько драмъ, но, сколько намъ извѣстно, не пользуется большою славой драматурга даже въ самой Испаніи. И это весьма понятно, если судить о его литературныхъ заслугахъ по лучшему его произведенію, которое мы видѣли на сценѣ Малаго театра. Называемъ *Маріану* «лучшимъ» произведеніемъ (хотя другихъ не читали и не видали) въ томъ предположеніи, что г-жа

Степанова-Маркова, переводчица драмы, выбрала для перевода то, что нашла наиболѣе выдающагося изъ сочиненій этого писателя. Мы готовы допустить переводы и неважныхъ въ литературномъ и сценическомъ отношеніи иностранныхъ произведеній, если въ нихъ съ нѣкоторою живостью, правдиво изображаются характерныя особенности жизни и нравовъ чужихъ народовъ. Въ данномъ случаѣ и этого въ наличности не оказывается. Назовите дѣйствующихъ лицъ не испанскими именами, а французскими, нѣмецкими, итальянскими, какими угодно, хотя бы даже русскими, перенесите время дѣйствія изъ «нашихъ дней» за пятьдесятъ или сто лѣтъ назадъ, а мѣстомъ дѣйствія обозначьте, вмѣсто Мадрида, любой большой городъ какой хотите страны, и дѣло отъ этого нисколько не измѣнится,—мелодрама останется мелодрамой, а изображенные въ ней казусы останутся казусами. Что же касается выведенныхъ на сцену лицъ, они вездѣ и всегда окажутся болѣе или менѣе неправдоподобными,—всего же болѣе ни на что не нужными, ибо ни своими характерами, ни своими поступками, ни даже «казусами», вызывающими ихъ дѣянія, ничего не доказывается. Дѣло же вотъ въ чемъ: молодая, очень богатая вдова Маріана (г-жа Ермолова) до девяти или до десяти лѣтъ жила въ домѣ отца, съ которымъ ея мать была несчастлива. Маменька влюбилась въ какого-то дона Альварадо, убѣжала съ нимъ отъ мужа, увезла съ собою дочь и съ этимъ дономъ претерпѣла еще горшія несчастія, которыя и свели ее въ могилу. Дочь вернулась къ отцу. Тотъ выдалъ ее замужъ «заочно» за какого-то бразильца или мексиканца и отправилъ къ мужу въ Америку. Сойдя съ корабля, Маріана попала прямо на похороны своего мужа, убитаго въ дракѣ изъ-за какой-то танцовщицы, и осталась новобрачная дѣвица вдовою. Все это въ нѣсколько пріемовъ разсказываетъ зрителямъ сама Маріана и отчасти донъ Іоахимо (г. Макшеевъ), «покровитель Маріаны, какъ бы ея второй отецъ», по объясненію, напечатанному въ афишѣ. Дѣвица-вдова любитъ Даніэля Монтоя (г. Южинъ), Даніэль Монтой безъ ума влюбленъ въ Маріану. Партія для Маріаны отличная, никакихъ сомнѣній въ искренности любви Даніэля не существуетъ, онъ и богатъ, и красивъ, и уменъ, и Маріана имъ увлечена не менѣе, чѣмъ онъ ею.—Честнымъ бы пиркомъ, да за свадьбу, но никакъ нельзя этого: драмы не было бы... И вотъ начинаетъ вдова сомнѣваться: а ну, какъ этотъ Даніэль окажется такимъ же мужемъ, какимъ былъ ея отецъ, или такимъ любящимъ человѣкомъ, какимъ былъ донъ Альварадо, или такимъ, какимъ былъ незнакомый ей ея супругъ? Очень она съ дѣтства мужчинами напугана. Напрасно увѣряетъ ее донъ Іоахимо, что не всѣ мужчины похожи на тѣхъ, которые ее напугали, напрасно онъ ей себя выставляетъ въ доказательство существованія добропорядочныхъ людей. Такъ же тщетны всѣ страстныя мольбы Даніэля, всѣ убѣжденія его, подкрѣпляемыя клятвами въ томъ, что онъ никогда не перестанетъ ее любить, на вѣкъ останется ея покорнымъ рабомъ. Маріана вѣритъ обоимъ и, все-таки, не перестаетъ мучить Даніэля безпрерывными вспышками своенравія, очень похожими на капризы перебалованной женщины. Вздумалось ей, напримѣръ,

ѣхать въ маскарадъ съ Даніэлемъ. За минуту до отъѣзда молодой человѣкъ получаетъ телеграмму, вызывающую его къ опасно заболѣвшему отцу. Даніэль объясняетъ, что въ маскарадъ ѣхать не можетъ, такъ какъ долженъ тотчасъ же спѣшить къ умирающему старику. Любящая женщина, вмѣсто выраженія сочувствія, насмѣхается надъ тревогой Даніэля и на зло ему отправляется въ маскарадъ съ генераломъ дономъ Пабло (г. Рыбаковъ), къ которому Даніэль ее ревнуетъ, и не безъ основанія, такъ какъ генералъ ухаживаетъ за Маріаной и усердно добивается ея руки, при содѣйствіи своей сестры, вдовы Тринидадъ (г-жа Васильева 2). Донъ Пабло, герой, прославленный военными подвигами, довольно похожъ на полковника Скалозуба, произведеннаго въ чинъ генерала испанской арміи. Онъ только покруче, или «поиспанистѣе», претендента на руку Софьи Павловны, такъ какъ первую свою жену убилъ изъ ревности. Таково первое дѣйствіе, въ которомъ, между прочимъ, выпускается на сцену ради потѣхи публики донъ Кастуло (г. Ленскій), «археологъ и антикварій», какъ значится въ афишѣ, на самомъ же дѣлѣ—просто шутъ, невозможный въ томъ обществѣ, въ которомъ онъ выведенъ авторомъ. На заднемъ планѣ картины фигурируютъ: Клара, жена этого археолога (г-жа Ермолова-Кречетова) и Лучіано, влюбленный въ нее (г. Рыжовъ), лица почти безсловесныя и ни на что ненужныя.

Второй актъ ничего, по существу, не прибавляетъ къ сказанному нами, а потому мы переходимъ прямо къ третьему дѣйствію, разрѣшающемуся сюрпризомъ. Вся компанія собралась къ полоумному археологу осматривать его музей и, въ частности, вновь открытую залу «мексиканскихъ древностей». Въ числѣ антиковъ этой залы выдающееся, чуть не первенствующее, мѣсто занимаетъ «тегуантепекская серьга», найденная при раскопкахъ древнихъ могильниковъ. Серьга эта была бы уникой, рѣдкостью неоцѣнимою, еслибъ не было ей дружки, добытой изъ одного съ нею гроба и оставшейся во владѣніи того лица, которое подарило антикварію этотъ экземпляръ. Въ то время, когда гости дона Кастуло любуются его коллекціями, дѣло сватовства Даніэля и Маріаны налаживается въ наилучшемъ видѣ. Вдова-дѣвица рѣшается, наконецъ, сдѣлаться женою любимаго человѣка, и вотъ сейчасъ объявить объ этомъ всѣмъ присутствующимъ, возвращающимися изъ «мексиканской» залы. Описывая знаменитую серьгу и объясняя ея необыкновенное значеніе, археологъ говоритъ, что рѣдкость подарена ему дономъ Альварадо. Произнесенное, такимъ образомъ, ненавистное Маріанѣ имя человѣка, погубившаго ея мать, возбуждаетъ вновь всѣ тревоги молодой женщины. А ничего не знающій и не подозрѣвающій, счастливый Даніэль Монтоя осчастливливаетъ археолога тѣмъ, что даритъ ему другую, парную, «тегуантепекскую» серьгу, находящуюся въ коллекціи его отца, больного старика Монтоя. На вопросъ, какъ попала къ нему такая диковинка, Даніэль объясняетъ, что его родитель, во время своихъ какихъ-то таинственныхъ странствованій и приключеній, скрывалъ свое настоящее имя и назывался донъ Альварадо. Маріану такъ ошеломило

это открытіе, что она, неукоснительно и не долго думая, объявляетъ себя невѣстой генерала дона Пабло. Четвертое дѣйствіе: въ загородной дачѣ генерала слуги, Филиппъ (г. Ѳедотовъ) и Клавдія (г-жа Музиль), докладываютъ зрителямъ, что между генераломъ и Даніэлемъ была дуэль, сначала на шпагахъ, неудачная для генерала, потомъ на пистолетахъ, окончившаяся опасною раной Даніэля, который, однако, теперь выздоровѣлъ,—что генералъ и Маріанa вѣнчаются въ Мадридѣ и сейчасъ пріѣдутъ въ свой деревенскій домъ,—что изъ Мадрида пріѣзжалъ какой-то газетный репортеръ, осматривалъ домъ и, по разсѣянности, заперъ дверь кабинета, а ключъ положилъ въ карманъ, оставивши въ этой комнатѣ отворенными окно, выходящее въ паркъ. Отрапортовавши такимъ манеромъ все, что слѣдовало, слуги удаляются, и имъ на смѣну приходятъ новобрачные, донъ Пабло и Маріана, въ сопровожденіи потѣшнаго археолога, дона Іоахима и Лучіано. Потоптавшись немного на сценѣ, гости удаляются, супруги остаются одни. Вдова-дѣвица новобрачная жалуется на усталость, на нездоровье и выпроваживаетъ своего генерала почивать въ одиночествѣ. Маріана начинаетъ сознавать, что, выйдя замужъ за почтеннаго героя, она сдѣлала весьма большую и совсѣмъ непоправимую глупость. Изъ двери, запертой репортеромъ, появляется Даніэль и въ страстныхъ монологахъ убѣждаетъ Маріану въ возможности все повернуть по хорошему, вылѣзти въ окно и ускакать отъ генерала въ каретѣ, ожидающій ихъ у воротъ парка. Маріана то поддается искушенію, то вспоминаетъ Альварадо и несчастья матери, то увлекается страстью къ любимому человѣку, то впадаетъ въ отчаяніе и грозитъ позвать генерала, за котораго вышла замужъ ради того, чтобы поставить неодолимую преграду между собою и Даніэлемъ. Наконецъ, уже одѣтая въ плащъ Даніэлемъ, почти насильно уводящимъ ее въ дверь, Маріана зоветъ мужа. Онъ выходитъ съ револьверомъ въ рукѣ, застрѣливаетъ жену и вызываетъ на дуэль Даніэля.

Какъ видитъ читатель, въ этой мелодрамѣ—что ни положеніе, то случайность, и притомъ неправдоподобная случайность, все скроено грубо и сшито бѣлыми нитками. Исторія съ тегуантепекскою серьгой смѣшна и наивна. Незнаніе всѣми людьми одного общества, близко знакомаго между собою, что старикъ Монтоя носилъ имя Альварадо—невѣроятно, если принять во вниманіе, что этого не думаетъ скрывать герой пьесы, его родной сынъ. Скоропостижное рѣшеніе Маріаны выдти замужъ за «дубоваго» генерала, убившаго первую жену, совсѣмъ не вяжется съ характеромъ этой... необыкновенной вдовы, бывшей два раза замужемъ и умершей дѣвицею. На сценѣ весь этотъ испанскій вздоръ прикрывается превосходною игрой г-жи Ермоловой и г. Южина, и только мастерство этихъ артистовъ спасаетъ зрителей отъ удручающей скуки, а пьесу — отъ полнаго провала. Умомъ вы сознаете всю выдуманность и нелѣпость положеній, всю фальшь и мелодраматическую вздутость чувствъ и фразъ героини и героя, но задушевность тона вліяетъ такъ сильно на ваши нервы, что вы съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдите за скуч-

нѣйшимъ повѣствованіемъ Маріаны, разсказывающей своему «покровителю», дону Іоахиму, про свое дѣтство, про свою юность и первое замужество. Слушая г-жу Ермолову, зритель забываетъ абсолютную несодѣянность и ненужность этого разсказа, обращеннаго героиней къ старому другу, «какъ бы ея второму отцу», который, разумѣется, давно и не хуже самой Маріаны знаетъ всѣ эти исторіи и ни чуть не нуждается въ ихъ повтореніи, ради объясненія причудливыхъ продѣлокъ молодой женщины съ влюбленнымъ въ нее героемъ. А продѣлки эти, при иномъ исполненіи, должны были бы производить пренепріятное впечатлѣніе, и сама героиня могла бы показаться довольно противною дамой, отчего не спасаетъ ее, впрочемъ, даже игра г-жи Ермоловой въ тотъ моментъ, когда Маріана изъ-за глупаго каприза издѣвается надъ чувствами любимаго человѣка, получившаго извѣстіе объ опасной болѣзни, грозящей смертью его отцу. Будь на сценѣ другіе исполнители, и сцена объясненія въ любви Даніэлю не вызвала бы ничего, кромѣ дружнаго хохота публики надъ глупѣйшими фразами, которыя вынужденъ отчитывать г. Южинъ и обязана съ увлеченіемъ выслушивать г-жа Ермолова. Но дѣло все въ томъ, что тутъ, какъ при мастерскомъ пѣньи, публика слышитъ прекрасные переливы звуковъ и за ихъ музыкальностью уже не разбираетъ содержанія рѣчей, лишенныхъ всякаго смысла. Такъ же точно г-жа Ермолова и г. Южинъ выносятъ на своихъ плечахъ и спасаютъ финалъ пьесы, по существу своему, несодѣянный до смѣхотворности. И къ этому надо добавить, что только они двое, г-жа Ермолова и г. Южинъ, спасаютъ дѣло, такъ какъ остальные исполнители нисколько не содѣйствуютъ успѣху пьесы. Роль трагическаго генерала совершенно не подходитъ для г. Рыбакова, въ роли «благороднаго отца» г. Макшееву приходится только подавать реплики, что онъ и дѣлаетъ вполнѣ добросовѣстно. Фигура «археолога и антикварія», являющаяся въ самой пьесѣ не совсѣмъ умѣстнымъ «шаржемъ», возведена гримомъ и игрой г. Ленскаго въ еще менѣе умѣстную въ данномъ случаѣ карикатуру, какъ мы уже сказали выше, совершенно неподходящую къ тому обществу и къ той обстановкѣ, въ которой изображенъ этотъ добродушный ученый, увлекающійся древностями.

Бенефисъ г-жи Ермоловой, со всѣми оваціями и подношеніями бенефиціанткѣ, еще разъ доказалъ, какъ горячо любитъ уважаемую артистку московская публика, какъ высоко цѣнитъ ея талантъ и огромныя артистическія заслуги.

Ан.

Въ четвертомъ квартетномъ собраніи второй серіи исполнялись исключительно бетховенскія произведенія. Серенада для скрипки, альта и віолончели D-dur, соч. 8, представляетъ изъ себя рядъ небольшихъ пьесъ, не глубокихъ по музыкальному содержанію, но просто и изящно написанныхъ. Распредѣленіе пьесъ, ихъ послѣдованіе, преимущество поэтичности самаго содержанія надъ его музыкальнымъ достоинствомъ—заставляютъ

предполагать въ цѣломъ произведеніи сюжетъ и даже, пожалуй, романтическаго свойства. Весьма возможно, что произведеніе написано Бетховеномъ въ молодости, на какой-нибудь спеціальный случай изъ его жизни.

Отличительными сторонами серенады являются: во-первыхъ, нѣкоторое преобладаніе танцовальныхъ ритмовъ; кромѣ менуэто, мы находимъ полонезъ, начинается и оканчивается серенада маршами, тождественными по содержанію; затѣмъ очень характерный эпизодъ чередованія Adagio (въ минорѣ) съ Scherzo-Allegro molto (въ мажорѣ),—производящихъ впечатлѣніе просьбы наивнаго влюбленнаго и отвѣта избалованной красавицы. Прелестны также варіаціи по своей легкости и граціозности, съ переходомъ къ заключительному маршу, служащему окончаніемъ произведенія. Необыкновенная легкость концепціи, наивность музыкальнаго содержанія, соотвѣтствующаго любовно-поэтическому признанію юноши, — все это требуетъ тонкаго поэтическаго исполненія, чего, къ сожалѣнію, мы въ нашихъ исполнителяхъ не нашли. Соната для скрипки и ф.-п. C-moll, соч. 30, не представляетъ изъ себя выдающагося бетховенскаго произведенія ни по темамъ, ни по изложенію ихъ; но за то виртуозная сторона (не представляющая особенныхъ трудностей) даетъ возможность исполнителю выказать себя, въ особенности ф.-п. партія; таковы по характеру всѣ части, за исключеніемъ развѣ только Scherzo, довольно просто написаннаго. Исполненіе въ общемъ произвело слабое впечатлѣніе. Квартетъ Es-dur, соч. 127, сложный по построенію, и измѣнчивый по настроеніямъ, является такимъ образомъ продуктомъ творчества, въ которомъ идейность преобладаетъ надъ художественностью. Слѣдствіемъ этого преобладанія идейности объясняется и появленіе темъ и ихъ настойчивое проведеніе въ сочиненіи. Не чѣмъ другимъ объясняется появленіе двухъ-дольной интродукціи въ трехъ-дольной первой части, или двухъ-дольнаго (alla breve) Adagio въ варіаціонномъ Adagio въ двѣнадцать восьмыхъ, или наконецъ двухъ-дольнаго Allegro въ трехъ-дольномъ Scherzando vivace,—до послѣдней части финала, въ которомъ тоже есть ритмически измѣненное дополненіе въ шесть восьмыхъ. Если къ этому прибавить, что сама мелодичность мыслей весьма часто поглощается общимъ содержаніемъ, вслѣдствіе чего трудно бываетъ прослѣдить отдѣльную мысль во всей неприкосновенности,—то понятнымъ будетъ, что квартетъ для обыкновеннаго слушателя покажется очень мудренымъ, пожалуй даже скучнымъ. Квартетъ сыгранъ былъ не дурно.

Пятое и шестое симфоническое собраніе русскаго музыкальнаго общества находились подъ управленіемъ г. Ипполитова-Иванова. Въ пятомъ исполнена была вторая симфонія П. И. Чайковскаго, въ первоначальной редакціи, впослѣдствіи передѣланной П. И. и въ такомъ видѣ напечатанной у Бесселя въ Петербургѣ. Судить о преимуществахъ той или другой редакціи, безъ параллельнаго исполненія обѣихъ, довольно трудно. Скажемъ только, что замѣтно измѣнены первая и послѣдняя части, средніе же Andantino и Scherzo оставлены безъ измѣненія; по крайней мѣрѣ явныхъ слѣдовъ ихъ мы не замѣтили. Въ общемъ же симфонія не производитъ впечатлѣнія цѣльности и гармоническаго единства частей, какъ со-

вокупности, хотя бы и различныхъ по характеру моментовъ, но связанныхъ одною идеей и однимъ общимъ духомъ. Отдѣльныя же части страдаютъ длиннотами, за исключеніемъ развѣ только Andantino marzial; самою же интересною частью по концепціи можно назвать финалъ, написанный на тему малороссійской пѣсни.

Несмотря на все это, симфонія все-таки блещетъ талантливостью автора и своеобразною инструментовкой и оригинальными пріемами въ ней Очень интересною новинкой была арія Оксаны изъ оперы «Ночь передъ Рождествомъ», Н. А. Римскаго-Корсакова,—прекрасно передающей настроеніе дѣвушки, сознающей свою красоту и кокетливо перебирающей ея достоинства. Арія имѣетъ колоратурный характеръ и помимо музыкально-поэтическаго содержанія отличается удивительно подходящей къ общему настроенію инструментовкой. Пѣла арію г-жа Михайлова, обладающая очень симпатичнымъ по звуку сопрано, пѣла съ успѣхомъ, и арія была повторена. Кромѣ того пѣвица исполнила «Колыбельную пѣснь»—Годара и романсъ «Отчего»—Чайковскаго. Г-жа Михайлова поетъ вообще хорошо, хотя пассажи ея и трель не отличаются особенною ясностью и блескомъ, и пѣть ей на бисъ глупыхъ вальсовъ, для показыванія техники, не слѣдуетъ. Сюита для оркестра, г. Ипполитова-Иванова, написанная на сюжетъ Гектора Мало «Простенькая исторія» дѣйствительно представляетъ немудреное явленіе въ области композиторскаго творчества. Заглавія пьесъ (встрѣча, серенада, признаніе и т. д.) очень мало объяснялись музыкальнымъ содержаніемъ ихъ, даже имѣя въ виду условности при изображеніи сюжета звуками. Увертюра къ оперѣ «Бенвенуто Челлини»—Берліоза не имѣетъ особыхъ музыкальныхъ достоинствъ и вся построена на эффектной инструментовкѣ, да развѣ еще на пристрастіи Берліоза къ уменьшеннымъ септъ-акордамъ.

Въ шестомъ симфоническомъ вечерѣ была исполнена симфонія D-moll, соч. 120, Шумана. Симфонія состоитъ изъ четырехъ частей, различныхъ по построеніямъ, но связанныхъ между собою признаками, ведущими къ исполненію частей одна за другою, безъ заключительныхъ остановокъ. Связь первой части со второю выражается посредствомъ музыкальной остановки—ферматѣ на паузѣ, вторая съ третьей—модуляціоннымъ построеніемъ въ видѣ перехода, третья съ четвертою—цѣлою вставкой (langsam) съ мотивомъ перваго Allegro (Lebhaft), представляющимъ изъ себя нѣчто въ родѣ небольшого введенія. Такимъ образомъ симфонія является попыткой Шумана написать произведеніе, основанное на одномъ чувствѣ, но въ различные моменты его существованія. Не знаемъ, вслѣдствіе какихъ причинъ, но опытъ Шуману не удался, всѣ части вышли довольно блѣдными, и какъ симфоническое произведеніе незначительными. Инструментована же симфонія такимъ образомъ, что прямо-таки производитъ впечатлѣніе переложенія съ ф.-п. на оркестръ. Разумѣется, все это имѣетъ только относительное значеніе къ громадному таланту Шумана и его удивительной технической выработкѣ. Если же сравнивать симфонію съ подобными произведеніями другихъ вы-

дающихся композиторовъ, то навѣрное найдется что-нибудь и похуже, только развѣ инструментованное лучше; если же указывать на красивыя частности симфоніи, то ихъ найдется навѣрно не мало. Затѣмъ былъ исполненъ концертъ на ф.-п. съ оркестромъ F-dur, соч. 35, А. Рубинштейна. Виртуозная сторона исполненія въ концертѣ, конечно, преимуществуетъ, но и музыкальныя достоинства въ немъ несомнѣнны, хотя и въ видѣ отдѣльныхъ моментовъ. Партію ф.-п. игралъ г. Игумновъ съ большимъ техническимъ совершенствомъ и виртуознымъ блескомъ и имѣлъ большой успѣхъ.

Въ лирической поэмѣ, соч. 12, г. Глазунова, двѣ темы, незначительныя по содержанію, протащены по модуляціоннымъ стогнамъ и втиснуты въ рамки небольшого, но расплывчатаго рондо. Все это небольшое музыкальное содержаніе распредѣлено для большого оркестра, это и есть лирическая поэма. Конечно, авторъ воленъ облекать всякіе появившіеся въ его головѣ музыкальные образы въ грандіозныя одежды оркестровой инструментовки, но длинное и пышное платье не всегда подходитъ къ маленькой фигуркѣ, бѣдной внутреннимъ содержаніемъ. Концертъ для скрипки г. Конюса написанъ въ «стилѣ нашихъ дней», т. е. по формѣ имѣющей двѣ одинаковыя по содержанію части со вставленной между ними новою частью, съ новымъ содержаніемъ и противоположнаго характера, наприм., Allegro-Adagio-Allegro (съ первымъ содержаніемъ). Концертъ не выдающееся произведеніе, но мило и не трудно написанный, слушается съ удовольствіемъ, а оркестровое сопровожденіе весьма подымаетъ общее впечатлѣніе; концертъ былъ исполненъ авторомъ, недурнымъ скрипачомъ, и исполненіе его имѣло успѣхъ. Увертюра къ оперѣ «Сидъ» Массенэ—эффектное оркестровое произведеніе, но особаго музыкальнаго интереса не представляющее. Какъ дирижеръ обоихъ симфоническихъ вечеровъ, г. Ипполитовъ-Ивановъ, имѣетъ нѣкоторыя симпатичныя стороны, но особеннымъ знатокомъ и мастеромъ дѣла онъ не выказался.

Шестое симфоническое собраніе филармоническаго общества состоялось подъ управленіемъ г. Рафаэля Машковскаго, дирижера оркестрового общества въ Бреславлѣ и при участіи пѣвца г. Анджело Мазини. Изъ оркестровыхъ произведеній исполнены: восьмая симфонія Бетховена, «La jeunesse d'Hercule» симфоническая поэма Сенъ-Санса, «Полетъ Валкирій» Вагнера. Восьмая симфонія, вѣчно юная, веселая, съ юмористическимъ оттѣнкомъ, наглядно убѣждаетъ насъ, что нѣсколько суровый геній Бетховена могъ изображать не только одни драматическіе сюжеты, но и рисовать веселые, самаго безобиднаго характера. Вся симфонія развертываетъ передъ нами какъ бы картину торжества юноши, сердце котораго наполнено звуками и сознающаго, что звуки, извлекаемые прямо изъ сердца, могутъ доставить счастье другимъ людямъ. Дѣйствительно, звуки симфоніи вылились прямо отъ сердца, и нѣтъ такого слушателя, на котораго бы она не произвела чарующаго впечатлѣнія. О достоинствахъ и недостаткахъ симфоніи въ частностяхъ намъ говорить не приходится,—въ ней все геніально хорошо. Програмность музыки обусловливается словами,—безъ объяснитель-

ныхъ словъ поэтическое содержаніе ея будетъ не понятно для слушателя или онъ составитъ ложное понятіе о немъ. Еще болѣе интригуетъ слушателя произведеніе, носящее только одно заглавіе, въ родѣ, наприм., «Молодость Геркулеса». Что собственно изображаетъ звуками эта «молодость»? Мы представляемъ ея сюжетъ таковымъ: молодой Геркулесъ сидитъ на завалинкѣ около своей хижины и бьетъ баклуши (Andante); мимо проходятъ разныя дѣвицы; у Геркулеса является желаніе поиграть съ ними въ горѣлки; дѣвицы не прочь заняться этимъ дѣломъ, но боятся, что онъ переломаетъ имъ кости, и поэтому убѣгаютъ (Allegro); Геркулесъ остается попрежнему одинъ и отъ нечего дѣлать ловитъ мухъ (Andante); появляются новыя дѣвы, но на этотъ разъ Геркулесъ убѣгаетъ съ ними, и произведеніе, послѣ небольшого музыкальнаго нравоученія (распространенная каденція), благополучно оканчивается. Такимъ представляется намъ сюжетъ симфонической поэмы г. Сенъ-Санса. Относительной самой музыки можно сказать, что она подходитъ къ сюжету, а по достоинству представляетъ изъ себя нѣчто среднее между музыкой Берліоза и высокоталантливаго Оффенбаха. Нужно еще замѣтить, что французскіе композиты въ музыкѣ меланхолическаго, нѣжнаго характера всегда являются слащавыми; а въ страстномъ Allegro у нихъ, какъ и у итальянцевъ въ финалахъ ихъ арій, слышится танцовальный ритмъ. Это, впрочемъ, мы объясняемъ общею страстностью романскаго племени. Итакъ, если музыка г. Сенъ-Санса и не лишена достоинствъ, свойственныхъ этому композитору, какъ-то: хорошей инструментовки, нѣкотораго музыкальнаго интереса въ изложеніи; то и выдающихся качествъ она не имѣетъ, а програмность ея требуетъ необходимыхъ объясненій. «Полетъ Валкирій» — музыкальная картина, тоже програмное произведеніе, но приспособленное для сценическаго дѣйствія и при этомъ обстоятельствѣ имѣющее свое значеніе и смыслъ, въ противномъ же случаѣ получается много шуму изъ пустяковъ. Арія изъ оп. «Мефистофель» Бойто, романсъ изъ оп. «Искатели жемчуга» Бизе—были пропѣты г. Мазини. Голосъ его уже не прежней свѣжести, это и понятно, пѣвецъ не молодъ, но все еще это чудный теноръ. Жаль только, что въ музыкальности исполненія онъ остается, попрежнему, новорожденнымъ ребенкомъ, да еще капризнымъ. Изъ произведеній, пропѣтыхъ г. Мазини, публикѣ больше всего понравилась спѣтая на бисъ пѣсенка «La donna e mobile» это и понятно: кто, хоть разъ въ жизни не произносилъ этихъ сладостныхъ словъ и не былъ пѣвцомъ, хотя быть можетъ и невольнымъ, этого очаровательнаго мотива. Г. Машковскій—дирижеръ очень опытный, прекрасно знающій свое дѣло и умѣющій вести оркестръ. Еслибъ не сильное подчеркиванье оттѣнковъ въ симфоніи, да болѣе покойное поведеніе самого дирижера на эстрадѣ, то все было бы превосходно, и удовольствіе отъ исполненія было бы полное.

Либретто оперы въ 3-хъ дѣйствіяхъ Гумпердинка «Пряничный домикъ» (Гензель и Гретель) передаетъ намъ въ сценическомъ дѣйствіи сказку: мать разсердилась на дѣтей, что они не исполнили заданной имъ работы и прогоняетъ ихъ изъ дому съ приказаніемъ набрать ягодъ въ лѣсу

Является отецъ нѣсколько на-веселѣ съ припасами на обѣдъ и послѣ разныхъ хозяйственныхъ соображеній справляется у жены о дѣтяхъ; послѣ супружескихъ объясненій о нецѣлесообразности поступка матери, оба отправляются отыскивать дѣтей,—этимъ заканчивается первое дѣйствіе. Дѣти, между тѣмъ, набравши ягодъ въ лѣсу, сочли за благоразумное съѣсть ихъ, а тутъ наступилъ вечеръ, новыхъ ягодъ набрать нельзя, да они и заплутались въ лѣсу и вотъ остаются они въ немъ ночевать; появляются различные страхи, а также и ангелы, хранители дѣтей и второе дѣйствіе оканчивается. Пробужденныя росой, послѣ разсѣявшагося тумана, дѣти видятъ себя вблизи пряничнаго домика, гдѣ живетъ вѣдьма и приготовляетъ изъ попавшихся къ ней дѣтей пряники, которыя она употребляетъ не только въ пищу, но и на различныя постройки, въ родѣ, напримѣръ, домика и забора; соблазненныя видомъ пряниковъ, дѣти попадаютъ въ руки вѣдьмы, которая, подкармливая ихъ, готовится испечь изъ нихъ вкусные пряники въ находившейся тутъ же огромной печи; дѣти не соглашаются лѣзть въ печку первыми и просятъ вѣдьму показать имъ, какъ нужно это сдѣлать; воспользовавшись удобнымъ моментомъ, они подталкиваютъ ее въ печку и закрываютъ дверцы; такимъ образомъ дѣти, освобожденныя отъ вѣдьмы, освобождаютъ и другихъ дѣтей, превращенныхъ уже въ пряники; домикъ разрушается, появляются отыскивающія своихъ дѣтей, родители; вытаскиваютъ изъ печи и вѣдьму, но уже въ видѣ большаго пряника, и все заканчивается общею радостью,—оканчивается также и третье дѣйствіе оперы. Въ музыкальномъ отношеніи опера является поучительнымъ примѣромъ того, что несмотря на незначительность темъ, всегда не оригинальныхъ, подчасъ тривіальнаго характера, ихъ можно обработать настолько художественно, что, онѣ являются очищенными отъ пошлости сознательнымъ благородствомъ автора, старающагося въ своей работѣ не унижаться до матеріала, а, напротивъ, возвысить его. И дѣйствительно, автору оперы удается это прекрасно, и вся она съ первой страницы до послѣдней представляетъ большой музыкальный интересъ съ этой стороны. Правда, курьезность темъ въ родѣ «du lieber Augustin» нѣсколько шокируетъ слушателя, но интересъ обработки иногда, очень сложной и превосходно инструментованной, невольно заставляетъ прислушиваться къ дальнѣйшему развитію ихъ. Разбирать оперу подробно мы не будемъ, такъ какъ наибольшій интересъ ея сосредоточивается на ея общихъ достоинствахъ. Большаго вниманія опера заслуживаетъ въ смыслѣ сценическаго представленія для дѣтей. Въ этомъ отношеніи намъ не нравится сюжетъ оперы, изображающій родителей въ не привлекательномъ видѣ, да и дѣтей, вооруженныхъ хитростью, способныхъ надуть даже вѣдьму. Впрочемъ, можетъ быть авторомъ преслѣдовались двѣ цѣли, быть поучительнымъ и для родителей, и для дѣтей. Кромѣ Гензель и Гретель, Гумпердинкъ написалъ еще «Семь козликовъ»—тоже сказку въ сценической обработкѣ, съ музыкой; эта пьеса уже исполнялась на одномъ изъ частныхъ театровъ; существуютъ еще такія дѣтскія оперы, напримѣръ, Абта,—«Красная шапочка» Брянскаго,—котъ, козелъ, баранъ, музыкантъ;

Орлова,—лисица и виноградъ, свинья подъ дубомъ, снигирь, и ласточка,—всѣ съ ф.-п. акомпаниментомъ, что, конечно, возможно сдѣлать и съ оркестромъ; такимъ образомъ можно было бы составить цѣлый репертуаръ дѣтскихъ оперъ и давать ихъ во время праздничныхъ каникулъ, и это имѣло бы воспитательное значеніе для дѣтской публики. Исполнена опера во всѣхъ отношеніяхъ хорошо: г-жа Эйхенвальдъ—отличная Гретель, г-жа Збруева—прекрасная Гензель, какъ по гриму, такъ и по исполненію дѣтскихъ ролей; менѣе понравилась намъ роль вѣдьмы, исполненная г-жей Павленковой,—изображавшей скорѣе ехидную гувернантку англійскаго происхожденія, нежели фантастическій, но дѣтски страшный образъ вѣдьмы; также игра, и пѣніе исполнительницы, мало имѣли подходящихъ достоинствъ. Не понравилась намъ и г-жа Штанге (Гертруда), изображавшая кокетливую субретку, а не жену метельщика, и г. Власовъ (Петръ),—имѣющій видъ мастерового на-веселѣ, а не слегка подвыпившаго крестьянина. И по голосу эта партія ему высока, долженъ пѣть ее, все-таки, баритонъ, а не ассо-кантанте. Остальные вообще были всѣ недурны. Оркестръ и хоръ—превосходны, въ особенности оркестръ. Издана опера у Юргенсона въ Москвѣ, издана очень хорошо и носитъ названіе: *Hänsel und Gretel. Ваня и Маша*, сказка въ трехъ картинахъ. Послѣднее болѣе правдиво, не называть же ее оперою, какъ названа она на театральной афишѣ. Русскій текстъ И. Тюменева. На сценѣ театра текстъ г-жи Клѣтновой. Текстъ г. Тюменева болѣе литературенъ, текстъ г-жи Клѣтновой болѣе приспособленъ къ произношенію словъ при пѣніи.

А. Барсовъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ
ЖУРНАЛА
„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Февраль **1896 года.**

Содержаніе. I. **Книги:** Беллетристика.—Критика и публицистика.—Философія и психологія.—Исторія, мемуары.—Географія, этнографія.—Статистика.—Юридическія книги.—Техническія книги.—Сельское хозяйство.—Народныя изданія. II. **Періодическія изданія:** «Русское Богатство», *декабрь.*—«Вѣстникъ Европы», *январь.*—«Сѣверный Вѣстникъ», *январь.*—«Русское Обозрѣніе», *январь.*—«Народное Образованіе», кн. I.—«Дѣтское Чтеніе», *январь.*—«Дѣтскій Отдыхъ», *январь.*—«Всходы», № 1.—«Родникъ», № 1. **III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 января по 1 февраля 1896 года.**

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Семья или сцена?“ Романъ *В. Свѣтлова.* — **„Новые люди“.** Разсказы *З. Н. Гиппіусъ.*—„Сочиненія Шелли“, перев. *К. Д. Бальмонта.*

Семья или сцена? Романъ В. Свѣтлова. С.-Петербургъ, 1896 г. Цѣна 1 р. 25 коп. Въ нашей беллетристикѣ не разъ уже разбирался вопросъ, поставленный въ заголовкѣ романа г. Свѣтлова, то-есть — совмѣстима ли сценическая карьера съ семейною жизнью? Дѣло всегда шло о женщинѣ, объ артисткѣ, и вопросъ рѣшался, насколько мы припомнить можемъ, всегда въ отрицательномъ смыслѣ. Само собою разумѣется, что этотъ вопросъ, какъ и всякій другой, разбираемый въ повѣсти и романѣ, ставился и обсуждался при наличности извѣстныхъ характеровъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ и при жизненныхъ условіяхъ, измышленныхъ авторомъ того или другого произведенія. Такимъ образомъ получалось не рѣшеніе вопроса, вообще и по существу, а накоплялась, такъ сказать. „казуистика„ къ освѣщенію предложеннаго вопроса,—казуистика, не совсѣмъ сходная съ тѣмъ, что намъ представляетъ дѣйствительная жизнь. Въ этомъ отношеніи и прочитанный нами романъ г. Свѣтлова не составляетъ исключенія и не приближаетъ насъ ни къ какимъ общимъ заключеніямъ, такъ какъ авторъ ставитъ свою героиню и своего героя въ особливыя, исключительныя жизненныя условія. Герой романа, докторъ-психіатръ Рогожинъ, знаменитость и „свѣтило науки“, отказался отъ профессорской дѣятельности и съ увлеченіемъ, близкимъ къ фанатизму, занялся устройствомъ и завѣдываніемъ земской психіатрической лѣчебницы въ большомъ приморскомъ городѣ. Рогожинъ поступилъ такъ на томъ основаніи, что, по его мнѣнію, дѣятельность директора дома для умалишенныхъ плодотворнѣе дѣятельности профессора и что такою практическою дѣятельностью онъ принесетъ больше пользы человѣчеству, чѣмъ своимъ преподаваніемъ съ университетской каѳедры. Съ такимъ

взглядомъ на дѣло знаменитаго психіатра можно не соглашаться, но ничего нельзя подѣлать противъ воли романиста, нашедшаго нужнымъ закабалить своего героя въ провинціальномъ городѣ. Въ самыхъ простыхъ и заурядныхъ дѣлахъ можно придумать такія осложненія, что изъ нихъ никакіе герои не выкарабкаются. Только это отнюдь не способствуетъ уясненію какого-либо вопроса и лишь вноситъ лишнюю путаницу въ его обсужденіе. Какъ бы ни было знаменитый психіатръ Рогожинъ страстно любилъ свою лѣчебницу и ни за что въ мірѣ разстаться съ нею не можетъ. На пароходѣ, по пути къ кавказскимъ минеральнымъ водамъ, онъ встрѣтилъ такую же знаменитую, какъ онъ самъ, оперную пѣвицу Танѣеву, взявшую продолжительный отпускъ, ради необходимаго ей отдыха и поправленія здоровья. Зародившіяся дорогой взаимныя симпатіи развились и окрѣпли на водахъ, перешли въ пламенную любовь, и лѣчебный сезонъ закончился бракомъ и поѣздкой молодыхъ за границу, въ Аркашонъ на Бискайскомъ заливѣ, по сосѣдству съ Біарицомъ. Восхитительный „медовый мѣсяцъ" длился для нѣжныхъ супруговъ цѣлыхъ три мѣсяца, пока настоянія врача, помощника Рогожина, завѣдывавшаго лѣчебницей въ отсутствіе директора, и сознаніе Рогожинымъ необходимости вернуться къ своимъ обязанностямъ, къ излюбленному имъ дѣлу, не заставили супруговъ возвратиться къ тихой и трудовой жизни, посвященной уходу за несчастными умалишенными. Любовь молодой женщины къ мужу не только не умалилась, а, напротивъ, возросла, когда жена увидала Рогожина на его дѣлѣ, и самое дѣло настолько заинтересовало бывшую артистку, что она стала имъ увлекаться и, по мѣрѣ силъ своихъ, помогать доктору въ его заботахъ о паціентахъ. Все шло очень хорошо и ладно до того момента, когда Рогожина случайно встрѣтила на улицѣ свою подругу по сценѣ, пѣвицу Неволину. Затаившіяся артистическія страсти снова проснулись въ душѣ молодой женщины, захватили ея душу жаждою проявить свой выдающійся талантъ передъ восторгавшеюся когда-то публикой, жаждою успѣховъ, аплодисментовъ, овацій, вѣнковъ, славы... Немедленному осуществленію пламенно разгорѣвшейся мечты, поступить опять на сцену, помѣшало самое обыкновенное обстоятельство: легкое недомоганіе Рогожиной, оказавшееся, по объясненію мужа-врача, несомнѣннымъ признакомъ, что ей предстоитъ сдѣлаться матерью. По обоюдному согласію супруговъ, рѣшеніе вопроса о томъ, что выберетъ молодая женщина: — семью или сцену, — было отложено до появленія на свѣтъ ребенка. Но ни любовь къ мужу, ни привязанность къ малюткѣ дочери не въ силахъ были одолѣть стремленія Рогожиной къ возобновленію ея артистической карьеры, пѣвица приняла ангажементъ дирекціи столичнаго театра безъ вѣдома мужа и съ тоскою на сердцѣ, послѣ мучительнаго прощанія съ супругомъ и дочерью, уѣхала пожинать сценическіе лавры. Романъ заканчивается тѣмъ, что Танѣева-Рогожина съ прежнимъ блескомъ подвизается на сценѣ и не перестаетъ томительно задумываться надъ вопросами: „Въ чемъ заключается поэзія и проза въ жизни? Гдѣ счастье: въ семьѣ или на сценѣ?—Эти вопросы осаждали ее, и она не умѣла ихъ рѣшить. А два существа, поселившіяся въ ней, продолжали упорную борьбу, результаты которой лежали еще далеко впереди, такъ что предвидѣть ихъ не было возможности"... Таковы заключительныя строки романа.

Мы передали въ самыхъ общихъ чертахъ фабулу романа, пропуская всѣ вводные эпизоды и многія очень интересныя подробности, послѣдовательно рисующія характеры дѣйствующихъ лицъ и развитіе ихъ

взаимныхъ отношенiй. Какъ герой и героиня, такъ и второстепенныя лица, очерчены авторомъ правдиво и живо, хотя мѣстами нѣсколько многословно, въ длинныхъ разговорахъ самихъ дѣйствующихъ лицъ и въ разсужденiяхъ автора. Очень хороши описанiя путешествiя по Волгѣ и Дону, картины Кавказа на минеральныхъ водахъ, восходъ солнца на Бермамутѣ, Аркашонъ и его окрестности... И, къ сожалѣнiю, не можемъ мы сказать того же про описанiе г. Свѣтловымъ жизни на минеральныхъ водахъ. Если повѣрить автору, то „курсовое" общество представится въ видѣ какого-то однотоннаго сброда весьма низкаго сорта, изображенiю котораго посвящено, къ тому же, слишкомъ много страницъ, однообразныхъ, полныхъ повторенiй и скучныхъ, что безъ малѣйшей надобности задерживаетъ развитiе повѣствованiя въ ущербъ цѣльности впечатлѣнiя. Нельзя, конечно, изображать героевъ, ихъ дѣянiя и лицъ, къ нимъ близкихъ, внѣ того общества, въ которомъ они живутъ. Тогда картина выйдетъ неполною, получится такое впечатлѣнiе, будто все происходитъ въ какомъ-то необитаемомъ пространствѣ. Но всѣ фигуры, хотя бы стоящiя и мелькающiя на заднемъ планѣ картины, должны представлять собою такое разнообразiе, какое мы видимъ въ дѣйствительной жизни, а не казаться сѣрыми, равно безформенными и уродливыми образами, какими наполнилъ г. Свѣтловъ фонъ своего романа.

Новые люди. Разсказы З. Н. Гиппiусъ. С.-Петербургъ, 1896 г. Цѣна 1 р. 50 коп. Въ началѣ книжки напечатано слѣдующее посвященiе: „А. Л. Волынскому. Разными путями можно идти къ одной цѣли. Ваша дорога отлична отъ моей, оружiе, которымъ вы боретесь— иное, но мы идемъ въ одну сторону, ведемъ одну войну: и вы, и я окружены врагами: тѣмъ отраднѣе встрѣтиться друзьямъ. Духъ того, что вы пишете, близокъ мнѣ, и я дарю вамъ эту книгу--первыя ступени къ *новой красотѣ*, которая дорога намъ обоимъ. З. Гиппiусъ". Г-жа Гиппiусъ—писательница симпатичная, судя по ея произведенiямъ, очень добрая, гуманная и кроткая,—и, прочитавши ея разсказы, мы рѣшительно удивлены тѣмъ, что она „ведетъ одну войну", въ союзѣ съ г. Волынскимъ, и, вмѣстѣ съ нимъ, „окружена врагами". Но это, впрочемъ, ихъ дѣло, г-жи Гиппiусъ и г. Волынскаго: пусть воюютъ, до насъ это не касается. Нѣсколько иное дѣло — увѣренiе писательницы, будто ея книга есть „ступень къ новой красотѣ". Мы всегда были убѣждены, что нѣтъ ни старой, ни новой „красоты", что есть одна красота, вѣчная. При этомъ убѣжденiи мы и остаемся, и въ книжкѣ *Новые люди* не нашли ни новыхъ,—т.-е. какихъ-либо невѣдомыхъ намъ,—красотъ, ни даже новыхъ людей. Все обстоитъ по старому:—нѣсколько хорошенькихъ разсказовъ (*Смиренiе, Месть, Совѣсть)*, нѣсколько разсказовъ вычурныхъ *(Яблони цвѣтутъ, Миссъ Май, Легенда)*, есть и такiе, что намъ совсѣмъ не нравятся *(Богиня, Ближе къ природѣ)*. Напечатано въ книжкѣ двѣнадцать стихотворенiй; они намъ тоже не нравятся и красотами не блещутъ. Вотъ для примѣра начало стихотворенiя *Цвѣты ночи:*

„О, ночному часу не вѣрьте!
Онъ исполненъ злой красоты.
Въ этотъ часъ люди близки къ смерти,
Только странно живы цвѣты.
Темны, теплы тихiя стѣны,
И давно каминъ безъ огня,
И я жду отъ цвѣтовъ измѣны,
Ненавидятъ цвѣты меня"... и т. д.

Вотъ конецъ другаго стихотворенія, озаглавленнаго *Пѣсня*:

„...Но сердце хочетъ и проситъ чуда,
Чуда!
О, пусть будетъ то, чего не бываетъ,
Никогда не бываетъ,
Мнѣ блѣдное небо чудесъ обѣщаетъ,
Оно обѣщаетъ.
Но плачу безъ слезъ о невѣрномъ обѣтѣ,
О невѣрномъ обѣтѣ.
Мнѣ нужно то, чего нѣтъ на свѣтѣ,
Чего нѣтъ на свѣтѣ!

Да развѣ же это стихи? Это просто изуродованная проза, безсодержательная и менѣе поэтичная, чѣмъ все написанное г-жею Гиппіусъ безъ претензій на стихотворство. Къ сонму враговъ, „окружающихъ“ г-жу Гиппіусъ, купно съ г. Волынскимъ, симпатичная писательница не имѣетъ ни малѣйшаго основанія причислять насъ, а потому позволяемъ себѣ надѣяться, что она такъ же добродушно приметъ нашъ совѣтъ, какъ искренно мы его высказываемъ: не писать короткими строчками, не вести войны,—ни на что это ей не нужно,—не пускаться на поиски „новой красоты“, дабы не попасть въ цѣхъ декадентовъ, гдѣ ей совсѣмъ не мѣсто. Большинство дѣтокъ и подростковъ, изображаемыхъ ею въ разсказахъ, довольно естественны, живы и милы, отношеніе къ нимъ писательницы искренно и любовно, и повѣствованія ея много выиграли бы въ смыслѣ художественности, т.-е. настоящей „красоты“, еслибъ они были проще.

Сочиненія Шелли. Переводъ съ англійскаго К. Д. Бальмонта. Выпускъ IV. Москва, 1896 г. Цѣна 50 коп. Значительную часть этого выпуска занимаетъ поэма *Эпипсихидіонъ*, съ предисловіемъ самого Шелли и съ предисловіемъ переводчика. Какъ самая поэма, такъ и объяснительныя къ ней предисловія знакомы нашимъ читателямъ: они были напечатаны въ *Русской Мысли* за прошедшій годъ. Другую половину книжки занимаетъ прозаическій этюдъ Шелли *Въ защиту поэзіи*, написанный въ 1820 году въ отвѣтъ на статью друга поэта, Пикока, озаглавленную *Четыре вѣка поэзіи*. Статью эту г. Бальмонтъ называетъ „исполненнымъ парадоксовъ памфлетомъ противъ поэзіи и поэтовъ“.—Сущность статьи Пикока состоитъ въ утвержденіи, что поэзія свой вѣкъ отжила и совсѣмъ неумѣстна въ человѣческомъ обществѣ, достигшемъ соціальной зрѣлости. „Дѣлать изъ поэзіи что-то серьезное,—говоритъ Пикокъ,—это такой же абсурдъ, какъ хотѣть засыпать непремѣнно подъ звонъ серебряныхъ колокольчиковъ“. Подобное отношеніе къ поэзіи,—замѣчаетъ г. Бальмонтъ,—всегда имѣло своихъ сторонниковъ, оно имѣетъ ихъ и теперь. Шелли вступился за поэзію и за ея право существовать во всѣ вѣка, пока живетъ само человѣчество. Этюдъ не конченъ, но мысль поэта высказана въ немъ съ достаточною полнотой. Но нѣкоторыя неясности обусловливаютъ собою необходимость самаго напряженнаго вниманія при чтеніи этого произведенія, и необходимость даже перечитать его два и три раза, дополняя его самостоятельною работой мысли, не всегда, быть можетъ, склонной соглашаться съ положеніями автора. Къ такимъ положеніямъ, недостаточно яснымъ и убѣдительнымъ, мы относимъ, между прочимъ, мнѣнія Шелли о трагедіи и, вообще, о сценическихъ произведеніяхъ. Приводить здѣсь эти мнѣнія, могущія вызвать недоумѣнія и разногласія, мы считаемъ неудобнымъ: для разъясненія таковыхъ потребовалась бы статья, невмѣстимая въ рамки *Библіографическаго отдѣла* журнала.

Не можемъ мы, равнымъ образомъ, согласиться со взглядомъ англійскаго поэта на переводы поэтическихъ произведеній съ одного языка на другой. Шелли говоритъ: „Языкъ поэтовъ всегда стремился къ извѣстнаго рода одрообразному и гармоническому повторенію звуковъ, безъ чего онъ не былъ бы поэзіей, и что врядъ ли менѣе необходимо для сообщенія ея вліянія, чѣмъ самыя слова, взятыя внѣ отношенія къ этому особому порядку. Отсюда безплодность *всякаго* перевода; стремиться передать созданія поэта съ одного языка на другой — это то же самое, какъ еслибъ мы бросили въ тигель фіалку съ цѣлью открыть основной принципъ ея красокъ и запаха. Растеніе должно возникнуть вновь изъ собственнаго сѣмени или оно не дастъ цвѣтка, — въ этомъ то и заключается тяжесть проклятія вавилонскаго смѣшенія языковъ". Если суживать границы поэзіи до проявленія ея только въ стихотворной формѣ, какъ то дѣлаетъ Шелли въ данномъ случаѣ, то и тогда съ нимъ нельзя согласиться и нельзя признавать безплоднымъ *всякій* переводъ. Примѣровъ въ подкрѣпленіе нашей мысли мы приводить не будемъ, они слишкомъ извѣстны каждому поэту и огромному большинству читателей. Нельзя, конечно, повторить на русскомъ языкѣ созвучій, данныхъ намъ поэтомъ, писавшимъ на иностранномъ языкѣ, но можно найти равносильныя созвучія для точной передачи мысли и чувствъ, выраженныхъ въ подлинникѣ, и тѣмъ произвести такое же впечатлѣніе, какое получается отъ чтенія подлинника. Правда, достижимо это не всегда, но мы не можемъ признать, какъ то дѣлаетъ Шелли, чтобъ это было всегда недостижимо... Въ книжкѣ г. Бальмонта помѣщены, кромѣ того, переводы двухъ стихотвореній Шелли: *Вопросъ* и *Облако*. Переводъ послѣдняго стихотворенія былъ уже напечатанъ въ первомъ выпускѣ *Сочиненій Шелли*, переведенныхъ г. Бальмонтомъ, но, по признанію самого переводчика, онъ „не передаетъ всѣхъ его образовъ и страдаетъ тѣмъ существеннымъ недостаткомъ, что не воспроизводитъ пѣвущаго ритма подлинника. Это побудило меня, — продолжаетъ г. Бальмонтъ, — перевести его вновь съ соблюденіемъ размѣра подлинника и съ возможно близкимъ воспроизведеніемъ всѣхъ его образовъ". О достоинствахъ переводовъ г. Бальмонта мы уже говорили не разъ.

КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА.

„Сочиненія Н. В. Шелгунова".—„Литературно-критическія характеристики". *М. А. Протопопова.*

Сочиненія Н. В. Шелгунова. Второе изданіе (О. Н. Поповой). Три тома. Спб., 1895 г. Цѣна 3 руб. Можно искренне порадоваться, что сочиненія автора *Очерковъ русской жизни* (эти очерки печатались въ *Русской Мысли)* вышли вторымъ изданіемъ. Покойный Николай Васильевичъ Шелгуновъ честно и неустанно боролся за достоинство человѣческой личности, за необходимость независимаго общественнаго самоопредѣленія. Онъ горячо и постоянно объяснялъ убыточность незнанія, гибельныя послѣдствія милитаризма, великое значеніе правильнаго воспитанія и т. д. Въ *Очеркахъ русской жизни* чутко прислушивался онъ къ запросамъ русскаго общества и умѣлъ пробуждать къ своимъ статьямъ все возраставшій интересъ.

Къ новому изданію (въ первомъ было только два тома) приложены: дополненная статья Н. К. Михайловскаго, три портрета Н. В.

Шелгунова и снимокъ съ памятника на его могилѣ, на Волковомъ кладбищѣ.

Литературно-критическія характеристики. М. А. Протопопова. Изд. „Русскаго Богатства". Спб., 1896 г. Цѣна 2 руб, 20 коп. Многія изъ статей, вошедшихъ въ книгу подъ этимъ заглавіемъ, печатались въ нашемъ журналѣ. Читатели знакомы поэтому съ выдающимися достоинствами М. А. Протопопова, какъ критика-публициста. Изъ статей, которыя появились первоначально не въ *Русской Мысли*, отмѣтимъ, какъ особенно удачныя, статьи о Бѣлинскомъ и о С. Т. Аксаковѣ. Послѣдняя была напечатана въ *Сборникѣ въ пользу голодающихъ*, изданномъ въ 1892 году *Русскою Мыслью*.

ФИЛОСОФІЯ И ПСИХОЛОГІЯ.

„Вопросы Философіи и Психологіи".—„Этюды по философіи наукъ". *А. Лаланда.*

Вопросы Философіи и Психологіи, *январь. 1896 г.* Январьская книжка московскаго Философскаго журнала составлена особенно интересно и разнообразно. Статьи, въ ней напечатанныя, посвящены существеннѣйшимъ вопросомъ философіи и написаны людьми, принадлежащими къ разнымъ и даже противоположнымъ направленіямъ мысли. Г. Джонстонъ даетъ отрывки изъ *Упанишадъ*, стараясь разгадать, что скрыто въ ихъ темной символикѣ. Л. Е. Оболенскій, котораго нельзя не причислить къ противникамъ метафизики, говоритъ объ *Автономіи человѣка въ прогрессѣ и ея стадіяхъ.* Статья не кончена. Авторъ резюмируетъ свои разсужденія о стадіяхъ, предшествующихъ психической или субъективной автономіи въ человѣкѣ, въ двухъ положеніяхъ: первая стадія есть *механическая* или *физическая,* предполагающая способность вещи начинать рядъ перемѣнъ отъ себя, въ зависимости отъ ея собственныхъ свойствъ или законовъ, дѣйствующихъ въ предметѣ; вторая стадія—*психическая, животная,* заключающая способность развивать отъ себя рядъ перемѣнъ *для себя*, т.-е. ради устраненія своихъ страданій и сохраненія или полученія удовольствій и, въ виду тѣхъ же *своихъ* цѣлей, измѣнять окружающую среду.

Не кончена и статья князя С. Н. Трубецкого, посвященная въ высокой степени важному основному вопросу философіи—*Основаніямъ идеализма.* Мы побесѣдуемъ о ней съ читателями по ея окончаніи.

В. С. Соловьевъ далъ статью *Дѣйствительность нравственнаго порядка.* Подъ руководствомъ такого талантливаго писателя прогулки въ метафизическихъ дебряхъ представляютъ удовольствія, въ иныхъ случаяхъ и пользу. Но въ послѣднихъ статьяхъ г. Соловьева все сильнѣе и сильнѣе звучатъ теократическая нота и мистическія откровенія. Въ *Вѣстникѣ Европы* (въ декабрьской книжкѣ) нашъ философъ проникъ въ намѣренія Верховнаго Существа и возобновилъ славянофильское ученіе о свѣтской власти, какъ делегаціи Божества, въ мѣру своихъ силъ ухудшивъ это ученіе. Въ статьѣ о дѣйствительност нравственнаго порядка г. Соловьевъ заводитъ читателя въ дебри сс всѣмъ непроходимыя...

Въ первый разъ въ *Вопросахъ Философіи и Психологіи* появляетс М. М. Ковалевскій. Очень рекомендуемъ его статью: *Развитіе идеі государственной необходимости и общественной правды въ Италіи. Бо шеро и Кампанелла.* Въ Италіи эпохи Возрожденія,—говоритъ г. Кс валевскій,—скрывается зародышъ всего того, что составляетъ природ

европейской гражданственности (принципы свободы, равенства, народнаго суверенитета и т. д.). Критика теократическаго воззрѣнія на государство торжествуетъ побѣду впервые въ Италіи, здѣсь складывается идеалъ свѣтскаго государства, имѣющаго цѣлью благосостояніе народныхъ массъ. Въ Италіи произошло впервые и столкновеніе двухъ доселѣ борющихся принциповъ—идеи государственной необходимости и идеи общественной правды. Передавать содержаніе статьи мы не станемъ: ее слѣдуетъ прочесть каждому, интересующемуся вопросами государственнаго права и развитіемъ политической мысли.

Кромѣ обычныхъ отдѣловъ, въ январьской книжкѣ, въ приложеніи, начато печатаніе: *Записокъ психологической лабораторіи психіатрической клиники Московскаго университета.*

Этюды по философіи наукъ. А. Лаланда. Перев. съ франц. Изд. ред. журнала „Образованіе". Спб., 1896 г. 180 стр. Ц. 75 к. „Главная цѣль книги Лаланда,—сказано въ предисловіи къ русскому переводу,—состоитъ въ проитиводѣйствіи крайне вреднымъ послѣдствіямъ двухъ коренныхъ недостатковъ современной школы: во-первыхъ, односторонняго, неосновательнаго и слишкомъ. кратковременнаго общаго образованія и, во-вторыхъ, слишкомъ ранней спеціализаціи ученія". Книга эта, „по содержанію и изложенію доступная всякому образованному человѣку, можетъ принести большую пользу особенно педагогамъ, указывая на сущность, значеніе и взаимное соотношеніе наукъ, входящихъ по большей части въ составъ учебныхъ курсовъ школъ. Чтеніе ея будетъ вполнѣ доступно и въ высшей степени полезно также и молодымъ людямъ, оканчивающимъ курсъ среднихъ учебныхъ заведеній, и студентамъ, приступающимъ къ высшему образованію". Что потребность въ такого рода объединяющихъ, систематизирующихъ матеріалъ отдѣльныхъ наукъ руководствахъ очень настоятельна, врядъ ли требуетъ доказательствъ. Извѣстно, что курсъ нашихъ общеобразовательныхъ среднихъ учебныхъ заведеній построенъ на началахъ, такъ называемой, „концентраціи": предполагается, что весь соображаемый матеріалъ долженъ быть возможно болѣе *однообразенъ*, возможно болѣе, хотя бы и совершенно искусственно подтянутъ, подогнанъ къ одному - двумъ изъ учебныхъ предметовъ. Такимъ образомъ, создается нѣкоторый „центръ" курса, къ которому стекается большая часть учебнаго матеріала, чтобы затѣмъ отсюда, такъ сказать, одною струей, воздѣйствовать на подвергающагося обученію. Соотвѣтственно такому чисто-искусственному выдвиганію на первый планъ однихъ предметовъ, всѣ другіе урѣзываются, суживаются, едва только терпятся въ школѣ, если вовсе изъ нея не исключаются. Ошибочность такой системы очевидна. Духъ учащагося не есть нѣчто простое, однообразное; поэтому, и для развитія его необходимо вовсе не подтягиваніе всего изучаемаго къ одному, двумъ учебнымъ предметамъ, къ одной, двумъ условнымъ точкамъ зрѣнія,—необходимо, напротивъ, разнообразіе, богатство свѣдѣній,—курсъ долженъ быть гораздо шире, разностороннѣе теперешняго. Одпѣми своими частями онъ будетъ развивать однѣ способности учащагося, другими—другія; отъ этого его развитіе только выиграетъ въ полнотѣ и не будетъ, какъ теперь, отовсюду ограничено нѣкоторыми искусственными стѣнками. Не нужно никакой *концентраціи*, никакого *искусственнаго объединенія*, разъ есть естественный, необходимый „центръ", въ которомъ, какъ фокусѣ должны собраться всѣ воспринимаемыя учащимся познанія; центръ этотъ есть *духъ* самого учащагося, и чтобы диктовать всякаго рода педаго-

гическія и дидактическія предписанія, надо сначала изучить законы этого духа. Но существованіе этого, такъ сказать, внутренняго, субъективнаго „центра“ обученія, конечно, не отрицаетъ важности упорядоченія изучаемаго матеріала; но упорядоченіе это должно состоять не въ искусственной концентраціи, а въ *естественной* координаціи элементовъ знанія,—въ нѣкоторой естественной системѣ расположенія и взаимной зависимости наукъ. Потребность въ такого рода систематизаціи знаній встрѣчаетъ всякаго болѣе или менѣе самостоятельно мыслящаго учащагося при самомъ началѣ его мыслительной работы, удовлетворять такому запросу и должны сочиненія, въ родѣ лежащей передъ нами книжки Лаланда. „Это не систематическій курсъ научной философіи,—говорится въ предисловіи,—а рядъ послѣдовательныхъ, связанныхъ общностью идеи и изложенныхъ въ общедоступной формѣ этюдовъ по вопросамъ, касающимся исторіи, принциповъ, методовъ и взаимныхъ отношеній наукъ. Оригинальную особенность его составляетъ множество цитатъ изъ произведеній корифеевъ науки и лучшихъ новѣйшихъ и современныхъ философовъ, а также многочисленные примѣры изъ исторіи наукъ“. Нѣкоторыя изъ цитатъ, дѣйствительно, выбраны и приведены удачно, но въ отношеніи „идей“ отдѣльныя части книги далеко не равноцѣнны. Наиболѣе полно обработана глава о *Наукахъ математическихъ*, глава *Науки физическія и естественныя*—довольно отрывочна, глава же о *Нравственныхъ наукахъ* и противорѣчива (въ вопросѣ о томъ, есть ли законы духа), и сбивчива (въ ученіи о портативныхъ наукахъ), и довольно пестра и случайна по составу: въ ней зачѣмъ-то фигурируютъ и „сводъ правилъ исторической критики“, и отрывки изъ Монтескьё и Руссо, и отдѣлъ о „качествахъ, необходимыхъ для историка“.

Авторъ ошибается, думая, будто „всякая эмпирическая философія, претендующая на обоснованіе разума опытомъ, побѣждается скептицизмомъ и неизбѣжно отрицаетъ строгость и достовѣрность науки“. Принципъ, что „явленія имѣютъ прочные законы“,—несомнѣнно опытнаго происхожденія, хотя онъ прилагается и къ тому, что еще нашему опыту не подпадало; скептицизмъ же нисколько не страшенъ для науки,—если кто сомнѣвается въ единообразіи явленій, пускай полѣзетъ, напримѣръ, въ пылающую печь: онъ на опытѣ убѣдится въ томъ, что *огонь всегда жжетъ*. Несмотря на значительные недостатки, книга, особенно ея начало, можетъ быть не безъ пользы прочтена лицами, для которыхъ она предназначается.

ИСТОРІЯ, МЕМУАРЫ.

„Р. Саадія Гаонъ“. Біограф. очеркъ. *Германа Генкеля*.—„Исторія культуры“. *Фр. Штрайслера*. Пер. Н. Лейненберга.—„50 лѣтъ артистической дѣятельности Эрнесто Росси“. Сост. *С. И. Лаврентьева*.

Р. Саадія Гаонъ, знаменитый еврейскій ученый X вѣка. Біографическій очеркъ. Германа Генкеля. Спб., 1895 г. Эта книга составлена изъ статей, печатавшихся въ 1893 и 1894 гг. въ журналѣ *Восходъ*; она посвящена памяти одного изъ замѣчательнѣйшихъ представителей средневѣковаго еврейства, Саадіи Альфагоми, со дня рожденія котораго въ 1892 году исполнилось тысячелѣтіе. Книга дѣлится на шесть главъ, изъ которыхъ первыя три содержатъ характеристику ислама, караимства и гаоната и составляютъ какъ бы введе-

ніе къ біографіи Саадіи; въ послѣднихъ трехъ главахъ, послѣ краткаго біографическаго очерка, подробно изложены главныя сочиненія великаго фагомита—лингвистическія и экзегетическія (въ IV гл.), полемическія и догматическія (въ V гл.) и философскія (въ VI гл.). Въ области еврейской литературы авторъ обнаруживаетъ солидную эрудицію, чего, къ сожалѣнію, нельзя сказать о первой главѣ (*Исламъ*), довольно поверхностной и отнюдь не обнаруживающей въ авторѣ близкаго знакомства съ новѣйшею литературой по исторіи ислама. Давно пора было бы оставить представленіе, будто исламъ—не что иное, какъ вѣтвь іудейства; между тѣмъ, на 8 стр. авторъ говоритъ: „Выйдя изъ плодоносной Месопотаміи, прекрасной Сиріи и суровой Палестины съ ея холодною горною природой, жизненная сила іудаизма вновь проявилась въ жгучей, знойной Аравіи. Вдали отъ родной почвы іудаизмъ пустилъ новый ростокъ, вызвалъ новое ученіе, положилъ начало новой юной религіи—исламу. Какъ нѣкогда вѣщими устами пастуха Моисея, такъ и теперь іудаизмъ заговорилъ о себѣ устами пастуха же Магомета“. Книга носитъ спеціальный характеръ, и обыкновенный читатель едва ли составитъ себѣ по ней живое представленіе о личности и значеніи знаменитаго философа. Краткую, но превосходную характеристику послѣдняго можно найти въ статьѣ А. Я. Гаркави въ журналѣ *Восходъ* за 1887 г., № 4.

Исторія культуры. Фр. Штрайслера. Переводъ д-ра Н. Лейненберга („Библіотека для всѣхъ“, изд. Н. Лейненберга, №№ 2—5). Одесса, 1896 г. Любопытное литературное явленіе представляетъ эта *Исторія культуры* на 159 страницахъ, короче воробьинаго носа. Это—почти сплошной наборъ цитатъ изъ Гельвальда, Моргана и др., преимущественно же изъ Энгельса и Липперта; выписки изъ которыхъ составляютъ болѣе трети всей книжки. Глава о семьѣ почти цѣликомъ (стр. 56—73 сплошь) заимствована изъ переведенной въ прошломъ году на русск. языкъ брошюры Ф. Энгельса *Происхожденіе семьи, частной собственности и государства*, а послѣднія три главы (стр. 106—159), за исключеніемъ краткихъ перерывовъ, въ общемъ стр. въ 7—8, составляютъ сплошную „цитату“ изъ *Исторіи культуры* Липперта; при этомъ переводчикъ не потрудился даже самостоятельно перевести соотвѣтствующія страницы Липперта, а просто списалъ ихъ съ перевода гг. Струве и Острогорскаго. Безцеремонность, по-истинѣ, изумительная. Сама по себѣ книжка составлена недурно и годится для первоначальнаго чтенія. Конечно, это не исторія, а краткій очеркъ культуры, притомъ только первобытной, такъ какъ цѣль автора—„изобразить ходъ развитія человѣка отъ перваго его появленія до достиженія имъ той культурной высоты, на которой существующія записи уже не оставляютъ сомнѣнія относительно культурнаго состоянія“.

50 лѣтъ артистической дѣятельности Эрнесто Росси. Составила по мемуарамъ Э. Росси С. И. Лаврентьева (съ предисловіемъ Э. Росси). С.-Петербургъ. Изданіе А. М. Лесмана, 1896 г. Цѣна 2 рубля. Передъ нами книга, полная очень большого интереса для множества читателей разныхъ классовъ, профессій и возрастовъ, и нѣтъ, по нашему мнѣнію, человѣка, который, внимательно прочитавши эти „воспоминанія“ знаменитаго артиста, не вынесъ бы изъ нихъ серьезнаго поученія. Но есть одинъ классъ читателей, для которыхъ мы считаемъ записки Эрнесто Росси не только исключительно полезною, но и совершенно необходимою книгой, это—всѣ тѣ, кто такъ или иначе принимаетъ участіе въ театральномъ дѣлѣ, начиная

съ актеровъ и распорядителей сцены и кончая драматическими писателями и критиками. Въ своихъ „мемуарахъ" въ томъ видѣ, какъ они переданы русской публикѣ г-жею Лаврентьевой, великій итальянскій трагикъ не оставляетъ безъ вниманія ни одной, самой мелкой подробности постановки на сценѣ и исполненія драматическихъ произведеній или, вѣрнѣе сказать, онъ не признаетъ существованія такихъ „мелочей", которыми можно было бы пренебрегать, когда дѣло идетъ о дорогомъ ему искусствѣ. Искусство, во всѣхъ его видахъ, представляется Эрнесто Росси столь высокимъ и священнымъ, что служащіе какой бы ни было отрасли его обязаны относиться къ избранному ими роду служенія съ полнымъ благоговѣніемъ, отдаваться ему всѣми силами своего ума, неустанно работать надъ развитіемъ своихъ способностей, не останавливаясь ни передъ какими трудностями и препятствіями. Девизомъ своимъ знаменитый трагикъ взялъ съ юныхъ лѣтъ итальянскую пословицу: *Volere è potere* („хотѣть—значитъ мочь"), и остался ей вѣренъ до сего дня, когда на верху своей славы онъ среди насъ, русскихъ, празднуетъ пятидесяти-лѣтній юбилей своего блестящаго служенія драматическому искусству. Эрнесто Росси родился въ Ливорно 27 апрѣля 1830 года. Его родители, люди очень почтенные и зажиточные, старались дать сыну хорошее образованіе, мечтали о томъ, что онъ сдѣлается со временемъ адвокатомъ. Но, подъ вліяніемъ разсказовъ дѣдушки, поклонника Шекспира, и главнымъ образомъ вслѣдствіе природнаго влеченія, въ мальчикѣ очень рано пробудилось неодолимое влеченіе къ театру. Врожденное дарованіе давало знать себя, неудержимо влекло ребенка, потомъ юношу на тотъ путь, гдѣ ждала его слава геніальнаго артиста. Вопреки желаніямъ семьи, наперекоръ волѣ отца, юный Эрнесто поступилъ въ труппу провинціальныхъ актеровъ и дебютировалъ въ городѣ Луккѣ въ 1846 году. Судьба благоволила къ юному артисту, свела его съ очень милымъ и симпатичнымъ директоромъ труппы, добрякомъ Каллу, потомъ—съ Густавомъ Моденой, знаменитымъ артистомъ—„колоссомъ драматическаго искусства", какъ называетъ его Э. Росси. По просьбѣ юноши, Модена, прослушавъ его чтеніе, заставилъ его говорить объ искусствѣ, высказать о немъ свои мнѣнія, потомъ потрепалъ его по щекѣ „и сказалъ... сказалъ то,—передаетъ Росси,—что побудило меня служить искусству до сихъ поръ". Такъ началась славная артистическая карьера шестнадцати-лѣтняго юноши, почти мальчика.

Шекспиръ, такъ любившій Италію, такъ чутко понимавшій ее своимъ геніемъ, посвятившій ей такія дивныя произведенія, какъ *Ромео и Юлія*, *Отелло*, *Шейлокъ*, былъ почти незнакомъ итальянской публикѣ. Эрнесто Росси познакомилъ своихъ соотечественниковъ съ произведеніями великаго англійскаго писателя. Но этого мало, онъ французамъ, испанцамъ, нѣмцамъ, большимъ поклонникамъ и усерднымъ комментаторамъ Шекспира, англичанамъ и американцамъ, голландцамъ и шведамъ, и намъ, русскимъ, раскрылъ такія глубины шекспировскихъ типовъ, какія до него были недоступны публикѣ, критикѣ, и комментаторамъ, и которыя безъ интерпретаціи Эрнесто Росси остались бы и до сихъ поръ не вполнѣ понятными. Геніальный исполнитель безсмертныхъ произведеній не удовольствовался тѣмъ, что въ теченіе полустолѣтія олицетворялъ на европейскихъ (не исключая Греціи, Турціи и Румыніи) и американскихъ сценахъ грандіозные образы шекспировскихъ героевъ,—въ своихъ мемуарахъ, въ лежащей передъ нами книгѣ, онъ далъ необыкновенно живое и жизненное истолкованіе

ихъ, далъ цѣлое руководство къ ихъ пониманію. И въ этомъ мы видимъ огромную заслугу Росси, въ одномъ отношеніи почти равную его славнымъ заслугамъ, какъ артиста-исполнителя, въ другомъ отношеніи—возносящую его выше всѣхъ, когда-либо прославленныхъ актеровъ, какъ истолкователя, увѣковѣчивающаго свои исполненія въ комментаріяхъ, полныхъ глубокаго и блестящаго ума. Какъ бы ни былъ геніаленъ и великъ драматическій артистъ, разъ онъ покидаетъ сцену, съ нимъ вмѣстѣ исчезаетъ и то, что онъ вносилъ на нее. Остается его слава, быть-можетъ очень громкая, но смутная, непонятная для тѣхъ, кто лично не видалъ его, неясная для потомства. Съ артистомъ вмѣстѣ уходитъ со сцены и его геній, пропадаетъ всякое представленіе о томъ, какою силой, чѣмъ и какъ онъ заставлялъ биться сердца зрителей, исторгалъ у нихъ слезы, рыданія и крики восторга. Вотъ это-то увѣковѣчилъ Эрнесто Росси въ своихъ мемуарахъ, разъяснивши намъ, публикѣ, критикѣ и артистамъ, какъ онъ понималъ характеры и положенія Гамлета, Ромео, Отелло, короля Лира, Шейлока, Ивана Грознаго. Съ нѣкоторыми мнѣніями автора можно не соглашаться и тѣмъ паче нельзя актеру, на основаніи высказанныхъ имъ мнѣній, создавать какую бы то ни было роль, какъ нельзя артисту у кого-либо „выучиться“ играть ту или иную роль. Но мы думаемъ, что всякому артисту отъ мала до велика, отъ „выходного“ до прославленнаго „премьера“, необходимо внимательно прочесть мемуары Эрнесто Росси, тщательно въ нихъ вдуматься и очень многое изъ нихъ, по русской поговоркѣ, „зарубить себѣ на носу“. Въ особенности малымъ и большимъ слѣдуетъ всегда помнить твердо все то, что „славный учитель“ говоритъ о различіи между „артистомъ“ и „актеромъ“. Къ этому вопросу величайшій артистъ нашего времени возвращается не разъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Между прочимъ, въ высшей степени характерны и интересны нижеслѣдующія мнѣнія Э. Росси: „Мы живемъ въ такое время, когда еще многіе вѣрятъ въ то, что люди, посвятившіе себя сценѣ, не могутъ жить, какъ другіе,—что ихъ нравы, обычаи, привычки, заимствованные на сценѣ, дѣлаютъ ихъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, людьми безпутными. Надо признаться, что тутъ есть доля правды. Но во всѣхъ искусствахъ, какъ и во всѣхъ классахъ общества, смѣшано превосходное съ посредственнымъ, разумное съ безпорядочнымъ. Драматическое искусство—наиболѣе выставочное, показное. Но вѣдь тутъ не все же порокъ, тутъ есть и добродѣтель, и самопожертвованіе, и милосердіе, и благородство. Надо помнить, что артистъ, по своей профессіи, болѣе другихъ членовъ общества проявляетъ свои чувства, страсти, и что эта практика, если себя не сдерживать, можетъ повлечь за собою гибельныя послѣдствія. Но можно ли вводить это въ общее правило? Все, что было писано, начиная съ Руссо до Мирабо противъ артистовъ вообще и драматическихъ въ особенности, несправедливо, преувеличено и часто совершенно ошибочно. Можно ли согласиться съ Руссо, обвиняющимъ актера въ томъ, что онъ за деньги выступаетъ передъ публикой? Актеръ выставляетъ передъ публикой не себя, а то лицо, которое онъ изображаетъ, а это большая разница! Его задача состоитъ именно въ томъ, чтобы самому стушеваться, выставляя на показъ только своего героя“. Опредѣляя въ предисловіи различіе между *артистомъ* и *актеромъ*, Э. Росси говоритъ: „Артистомъ я назову того, кто къ богатымъ даннымъ природы присоединяетъ обширное умственное образованіе, изученіе исторіи, усовершенствованіе собственнаго языка, близкое знакомство съ литературой,—

того, кто владѣетъ вполнѣ самымъ необходимымъ качествомъ—возможностью воплотиться физически и морально въ образъ того лица, которое онъ изображаетъ на сценѣ... и сдѣлать это преобразованіе настолько совершеннымъ, чтобы явить его вполнѣ живымъ, какимъ его задумалъ представить авторъ..." Кто владѣетъ тѣми же самыми дарами, „за исключеніемъ умѣнья преобразовать свою личность (качество, по моему мнѣнію, пріобрѣтаемое изученіемъ, если это не особенный даръ природы), тотъ не можетъ заслужить имени артиста, онъ можетъ быть хорошимъ, добросовѣстнымъ, симпатичнымъ *актеромъ*". „Онъ можетъ по-своему примѣняться къ собственной личности, навязывая изображаемому лицу собственную индивидуальность, провести роль настолько горячо, чтобы заслужить одобреніе публики, увлечь ее,—но это увлеченіе будетъ минутное, пока длится представленіе, пока исполнитель, съ его природными качествами, находится передъ глазами публики, но онъ никогда не упрочитъ за собой названія истолкователя произведенія автора, названія артиста, онъ останется только актеромъ". Далѣе Эрнесто Росси говоритъ объ отношеніяхъ артиста къ автору и его произведенію, объ изученіи артистомъ драматическаго произведенія, о его „критикѣ", болѣе чуткой, чѣмъ литературная критика, о его правѣ вносить „свое" пониманіе въ воспроизведеніе даннаго лица на сценѣ,—къ этому комментаріемъ служитъ объясненіе Эрнесто Росси исполненія имъ роли Ивана Грознаго (въ концѣ книги). Все предисловіе это представляетъ собою блестящую лекцію о драматическомъ искусствѣ, полную серьезныхъ и глубокихъ поученій для актеровъ и критиковъ. Какъ въ этой „лекціи", такъ и во всей книгѣ, неизмѣнно повторяется завѣтъ великаго маэстро всѣмъ сценическимъ дѣятелямъ: изучай, вдумывайся, твердо усвой себѣ, что ты долженъ сдѣлать, и на сцену выступай тогда только, когда ты, по совѣсти и съ убѣжденіемъ, можешь сказать себѣ: „Я вполнѣ готовъ".

Настаивая на необходимости для актера основательной подготовки къ сценической дѣятельности вообще и къ исполненію каждой роли въ частности, Эрнесто Росси высказываетъ о знаменитой французской „школѣ" такія сужденія: „Ознакомившись съ труппой французскихъ артистовъ въ Италіи, я пришелъ къ убѣжденію, что во французскомъ искусствѣ слишкомъ замѣтна школа, или лучше сказать—академическая рутина. Насколько я нахожу изученіе полезнымъ, настолько всякое злоупотребленіе имъ—вреднымъ. Многіе стоятъ за то, чтобы совсѣмъ исключить школу; я совершенно противъ этого... Безъ школы, безъ дисциплины, драматическая труппа не можетъ удовлетворить публику"... „Для поддержанія необходимой дисциплины нужно, чтобы актеръ, поступая въ труппу, былъ подготовленъ къ правильному исполненію той степени искусства, на которую онъ выступаетъ. Вотъ къ чему обязана подготовить консерваторія, или какъ тамъ назовутъ это училище. Нѣкоторые утверждаютъ, что изученіе мѣшаетъ проявленію генія, забивая и заглушая его. Геніи не родятся, какъ грибы, и если проявится истинный геній, его не задушатъ и не замуштруютъ,—онъ сумѣетъ, во что бы то ни стало, проявить себя". Поддерживая „школу", Э. Росси возстаетъ противъ „академической рутины", предписывающей заученные позы, жесты и переходы голоса изъ одного тона въ другой. „Размѣрять чувства компасомъ такъ же безобразно, какъ и давать имъ полную необузданность. Изъ двухъ золъ я не зналъ бы, на которомъ остановиться". Въ дополненіе къ этимъ мнѣніямъ, въ высшей степени интересны разсказы объ игрѣ Ристори, Рашель, Сарры Бернаръ и др.

Возвращаясь къ тому, какъ надлежитъ поступать истинному *артисту*, мы считаемъ нужнымъ привести еще слѣдующія, по нашему мнѣнію, очень важныя указанія великаго артиста: „Я никогда не позволялъ себѣ распускаться, я держалъ себя въ рукахъ. Я никогда не говорилъ себѣ: Довольно, можешь почивать на лаврахъ!.. Я зналъ не мало актеровъ и актрисъ, которые много обѣщали хорошаго въ будущемъ, но потомъ не оправдали этихъ обѣщаній. А почему? Потому, что переставали учиться: возгордившись первыми побѣдами, они рано хотѣли почивать на лаврахъ, забывая, что искусство не старѣется, а идетъ впередъ. Конечно, случалось, что виноваты бывали не они, вынужденные изо дня въ день работать на сценѣ въ продолженіе 12 мѣсяцевъ: утромъ репетиція, вечеромъ спектакль. Тогда искусство дѣлается уже ремесломъ". Актерамъ необходимъ отдыхъ: „Тѣло устаетъ, умъ притупляется, вся нервная система раздражается. Слухъ становится не такъ воспріимчивъ, звукъ голоса ослабѣваетъ, исчезаетъ естественность, измѣняются интонація, движенія, тѣ характерныя черты, которыми мы дотолѣ владѣли". Въ виду недавно высказывавшихся въ печати очень странныхъ взглядовъ на „вызовы" публикою актеровъ, мы считаемъ умѣстнымъ привести сужденія такого гиганта драматической сцены, каковъ Эрнесто Росси: „Артиста вызываютъ на авансцену,—говоритъ онъ, разсказывая о своихъ гастроляхъ въ Москвѣ,—дамы машутъ платками, мужчины—шляпами, стучатъ, кричатъ. Эти безпрестанные выходы на сцену и уходы съ нея утомляютъ артиста, но веселятъ его сердце. Не вѣрьте тѣмъ артистамъ, которые будутъ говорить вамъ, что они равнодушны къ апплодисментамъ: неправда! Апплодисменты—жизнь артиста".

Полны интереса разсказы Э. Росси о странахъ, которыя онъ посѣщалъ во время своихъ артистическихъ путешествій по Европѣ и Америкѣ, его очень мѣткія характеристики народовъ, которые онъ видалъ и восхищалъ своею игрой, его живые, хотя и на-скоро набросанные портреты лицъ, съ которыми ему доводилось встрѣчаться. Все это обличаетъ въ великомъ артистѣ замѣчательно тонкаго наблюдателя, умѣющаго мастерски передать перомъ все видѣнное имъ за время славной пятидесятилѣтней артистической дѣятельности.

ГЕОГРАФІЯ, ЭТНОГРАФІЯ.

„Извѣстія восточно-сибирскаго отдѣла Императ. русск. географ. общества".—„Туземцы сѣверо-восточнаго Кавказа". *Н. Семенова.* — „Туземцы сѣвернаго Кавказа". *Евг. Максимова и Г. Вертепова.*

Извѣстія восточно-сибирскаго отдѣла Императорскаго русскаго географическаго общества. Т. XXV, №№ 2—3. Т. XXV, №№ 4—5 (послѣдній). Иркутскъ, 1894—1895 г. Оба послѣдніе выпуска *Извѣстій* богаты интересными статьями и матеріалами. И. И. Поповъ въ небольшой статьѣ *Открытія на Орхонѣ и дешифрированіе древнихъ надписей* разсказываетъ исторію одного изъ важнѣйшихъ научныхъ открытій послѣднихъ годовъ въ области средневѣковой этнографіи. Какъ извѣстно, покойный Н. М. Ядринцевъ въ 1889 г. открылъ на Орхонѣ развалины древней тюркской столицы, Каракорума. Трехъязычная надпись, найденная тамъ, оживила интересъ ученыхъ къ неразгаданному до сихъ поръ алфавиту, носившему названіе „руническаго". Датскому археологу Вильгельму Томсену удалось найти ключъ

къ этой азбукѣ, а русскій академикъ Радловъ сдѣлалъ первый переводъ тюркской надписи, заключавшій въ себѣ, какъ оказалось, драгоцѣнныя свѣдѣнія объ исторіи и этнографіи тюрковъ VIII вѣка по Р. Х. Вмѣстѣ съ тѣмъ, тюркская филологія получила въ свое распоряженіе образчикъ языка на триста лѣтъ старше древнѣйшаго до сихъ поръ извѣстнаго памятника тюркскаго языка. Наконецъ, явилась возможность прочитать представлявшія до сихъ поръ загадку такъ называемыя „енисейскія“ надписи, давно замѣченныя на скалахъ и памятникахъ Сибири. Большой интересъ представляетъ также сообщеніе г. Еленева объ изслѣдованіи имъ „Бирюсинскихъ“ пещеръ (на р. Бирюсѣ, впадающей въ Енисей недалеко отъ Красноярска). По заключенію автора бирюсинскія пещеры были обитаемы сравнительно недавно, въ желѣзный періодъ, и во всякомъ случаѣ до появленія русскихъ завоевателей. Найденная въ одной изъ пещеръ китайская монета относится къ XIII—XIV в. Народность пещерныхъ обитателей опредѣлить пока не удалось; за то бытъ ихъ можно возстановить довольно обстоятельно: это былъ народъ болѣе кочевой, чѣмъ осѣдлый, для котораго пещеры могли быть временнымъ жилищемъ. Главнымъ занятіемъ пещерныхъ жителей было скотоводство, звѣроловство и рыболовство. Изъ другихъ статей отмѣтимъ интересную характеристику экономическаго быта верхоянскихъ якутовъ, составленную г. С. Ковaликомъ и чрезвычайно поучительную статью М. Кроля: *Охотничье право и звѣриный промыселъ у забайкальскихъ бурятъ*. Интересна здѣсь попытка—вывести юридическія нормы и ихъ измѣненія изъ условій хозяйственнаго быта, теперь уже отходящаго въ прошлое.

Туземцы сѣверо-восточнаго Кавказа. (Разсказы, очерки, изслѣдованія, замѣтки о чеченцахъ, кумыкахъ и ногайцахъ и образцы поэзіи). Н. Семенова.—Туземцы сѣвернаго Кавказа. Историко-статистическія очерки. Осетины, ингуши, кабардинцы. Евг. Максимова и Г. Вертепова. Владикавказъ, 1894 г. Книга г. Семенова составилась изъ цѣлаго ряда статей автора, печатавшихся преимущественно въ мѣстныхъ изданіяхъ, въ теченіе цѣлой четверти вѣка (1869—1893). Характеръ этихъ статей довольно различный. Около четверти книги занято полубеллетристическими этюдами (день въ аулѣ, чеченцы-археологи и жизнь ногайскаго юрта), написанными съ большимъ талантомъ и наблюдательностью. Эти этюды прочтутся съ интересомъ всякимъ любознательнымъ читателемъ. Необходимо только помнить при чтеніи ихъ замѣчаніе, сдѣланное и самимъ авторомъ въ предисловіи. Чеченцы 80-хъ годовъ—уже не тотъ народъ, какимъ онъ былъ въ 60-хъ годахъ; и наблюденія автора въ 60-хъ годахъ, какъ намъ кажется, нѣсколько отзываются пороховымъ дымомъ, что, конечно, нѣсколько уменьшаетъ цѣнность его наблюденій. Мы склонны думать, что эти исключительныя условія борьбы, при которыхъ авторъ впервые знакомился съ чеченцами, положили свою печать и на его „замѣтку о нравственныхъ и умственныхъ качествахъ чеченцевъ“. Большая часть книги занята образцами народнаго творчества чеченцевъ, кумыковъ и ногайцевъ, ихъ сказками, пѣснями и большой монгольскою поэмой изъ временъ Тохтамыша, составленной авторомъ изъ отрывочныхъ пѣсенъ ногайскихъ бардовъ. Вмѣстѣ съ *Очерками народныхъ обычаевъ кумыковъ Терской области*, представляющими попытку свода кумыкскаго обычнаго права и составленными авторомъ въ бытность его предсѣдателемъ хасавъ-юртовскаго горскаго суда,—упомя-

нутый матеріалъ по народной словесности привлечетъ къ книгѣ г. Семенова вниманіе спеціалистовъ.

Главное значеніе второй книги, заглавіе которой выписано выше, заключается въ разработкѣ статистико экономическихъ данныхъ объ осетинахъ, ингушахъ и кабардинцахъ. Матеріалъ, разработанный гг. Максимовымъ и Вертеповымъ, собранъ терскимъ статистическимъ комитетомъ и изданъ, подъ редакціей перваго изъ нихъ, въ *Статистическихъ таблицахъ населенныхъ мѣстъ Терской области*. О важности и оригинальности этой части *Очерковъ* нѣтъ надобности и говорить.

СТАТИСТИКА.

„Памятная книжка Тульской губ. на 1895 годъ".

Памятная книжка Тульской губ. на 1895 г. Изд. тульскаго губернскаго статистическаго комитета. Тула, 1895 г. Мы съ особою охотой отмѣчаемъ эту „книжку" потому, что въ ней помѣщена весьма цѣнная и законченная статистическая работа—*Тула по переписи 29 ноября 1891 г.* Среди остальныхъ обычныхъ справочно-календарныхъ свѣдѣній и вѣдомостей подобнаго рода изданій, въ *Памятной книжкѣ на 1895 г.* тульскаго статистическаго комитета выдѣляется еще списокъ волостей по всѣмъ уѣздамъ губерніи съ указаніемъ въ каждой волости числа селеній, церквей, школъ, крестьянскихъ и некрестьянскихъ дворовъ, а также десятинъ земли, принадлежащей крестьянамъ. Эти свѣдѣнія несомнѣнно полезны, но едва ли ихъ можно считать точными, какъ и громадное большинство такого рода цифръ, собранныхъ черезъ волостныя правленія. Провѣривъ, наприм., данныя о числѣ школъ по всей губерніи, увидимъ, что, согласно разсматриваемой волостной таблицѣ, ихъ всего 811 (отд. III, стр. 16), тогда какъ вѣдомость о числѣ учебныхъ заведеній (отд. VI, стр. 27) насчитываетъ учебныхъ заведеній *въ уѣздахъ* (безъ городовъ) 926 или на 115 болѣе.

Обратимся къ однодневной переписи Тулы.

Перепись эта произведена по иниціативѣ и на средства мѣстной думы, которая, въ виду предположеннаго устройства водоснабженія Тулы, считала необходимымъ имѣть точныя данныя о числѣ жителей города. Выработка программы переписи и самое выполненіе ея лежало на мѣстномъ губернскомъ статистическомъ комитетѣ, секретаремъ котораго былъ тогда баронъ фонъ-Менгденъ. Комитетъ не ограничился собираніемъ однихъ свѣдѣній о численности населенія, его занятіяхъ, возрастномъ составѣ и пр., но собралъ также данныя о владѣніяхъ, строеніяхъ, квартирахъ и пр. Вообще, повидимому, какъ выработка программы, такъ планъ работы и выполненіе всей переписной операціи были тщательно продуманы. Само мѣстное общество отнеслось съ большимъ сочувствіемъ къ этому дѣлу, выставивъ, несмотря на безвозмездный трудъ, болѣе 30 завѣдывающихъ переписными округами и болѣе 500 счетчиковъ, главнымъ образомъ преподавателей и учащихся въ семинаріи и другихъ мѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ, а также служащихъ въ различныхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ. По свидѣтельству комитета, всѣ завѣдывающіе округами и счетчики исполняли принятыя на себя обязанности добросовѣстно и перепись прошла вполнѣ удовлетворительно.

Самая обработка данныхъ переписи (хотя довольно-таки запоздав-

шая) произведена съ весьма значительною детальностью и тщательностью г. Увадовымъ. Правда, можно было бы пожелать нѣкоторыхъ разъясненій о предварительной подворной описи, возложенной на чиновъ полиціи, насколько точна она оказалась вообще и въ частности—насколько близка цифра населенія и квартиръ всего города, полученная съ ея помощью, съ соотвѣтствующими цифрами, полученными путемъ послѣдующей однодневной переписи. Нельзя не пожалѣть также, что „окончательная“ цифра населенія Тулы, принимаемая г. Уваровымъ, какъ результатъ подсчета переписныхъ данныхъ 1891 года (85,624 лица обоего пола), значительно разнится отъ той же цифры, получившейся при подсчетѣ жителей, распредѣленныхъ по квартирамъ съ разнымъ числомъ комнатъ (77,136 душъ обоего пола); разница въ этомъ случаѣ достигаетъ $8\frac{1}{2}$ тыс. человѣкъ или 10%. Самое объясненіе этого факта утратой „нѣсколькихъ“ квартирныхъ картъ ко времени послѣдней обработки не совсѣмъ понятно, такъ какъ для такого подсчета необходимо было „утратить“ свыше 1,400 квартирныхъ картъ (по 6 человѣкъ на квартиру); притомъ же въ третьемъ мѣстѣ очерка (стр. 67, отд. VII) находимъ новую цифру населенія Тулы—79,658 человѣкъ во всѣхъ 12,925 квартирахъ города. Можно думать, что съ утратой значительнаго числа квартирныхъ картъ, на которыхъ переписывалось и населеніе (личныхъ карточекъ не было), и самое число квартиръ получилось неполное.

Судя по даннымъ переписи, Тула—городъ деревянныхъ и одноэтажныхъ домовъ по преимуществу: тогда какъ въ Петербургѣ жилыхъ деревянныхъ строеній менѣе половины (46%), въ Москвѣ—нѣсколько больше (53%), въ Тулѣ—почти $\frac{9}{10}$ деревянныхъ зданій; въ этомъ отношеніи Тула 1891 года довольно близко подходитъ къ Ригѣ, какой она оказалась по переписи 1879 года; теперь каменныхъ домовъ въ Ригѣ стало значительно больше. Высокихъ домовъ—въ 4 и болѣе этажей—въ Тулѣ вовсе не оказалось, трехэтажныхъ—только 27 домовъ, громадное же большинство въ ней—одноэтажные дома (86%). По сравненію съ Тулой, Москва еще въ 1882 году (послѣдняя перепись) была городомъ довольно крупныхъ домовъ, такъ какъ одноэтажныхъ жилыхъ строеній было тогда въ Москвѣ всего 54 изъ 100; о Петербургѣ и говорить нечего, въ немъ одно-этажныхъ построекъ меньше $\frac{1}{3}$, а строенія въ 4 и 5 этажей составляютъ около $\frac{1}{3}$.

По отношенію къ санитарнымъ условіямъ перепись Тулы выяснила, что въ большинствѣ усадьбъ тамъ имѣются сады (62%), но за то мощеные дворы (14%) и даже помойныя ямы (въ 19% владѣній) встрѣчаются какъ исключенія. Хотя данныя квартирной переписи и выяснили, что комнаты тульскихъ квартиръ достаточно освѣщены, что подвальныя квартиры встрѣчаются рѣже, чѣмъ въ Москвѣ, Петербургѣ и даже Кіевѣ, но за то значительная часть населенія (около $\frac{1}{3}$) очень скучена—больше 5 человѣкъ на комнату, тогда какъ даже въ Москвѣ такая чрезмѣрная тѣснота жилищъ приходится на долю лишь $\frac{1}{7}$, а въ Петербургѣ только $\frac{1}{12}$ всѣхъ жителей. Особыя антисанитарныя условія тульскихъ квартиръ наблюдаются въ расположеніи отхожихъ мѣстъ: они имѣются тамъ только при 37% всѣхъ квартиръ, при 41 квартирѣ изъ 100 они устроены во дворахъ, а остальные 22% жилыхъ помѣщеній отходнаго мѣста вовсе не имѣютъ.

Къ сожалѣнію, во время переписи Тулы не ставилось вопроса о мѣстѣ рожденія лица, такъ что количество пришлаго населенія тамъ опредѣлить нельзя; тѣмъ не менѣе всѣ остальныя данныя переписи,

касающіяся населенія Тулы, свидѣтельствуютъ, что хотя оно и возростаетъ въ значительной степени благодаря иммиграціи въ городъ сельскихъ жителей, но все же оно значительно менѣе подвижно, чѣмъ, наприм., въ Москвѣ.

За 26-лѣтній промежутокъ, протекшій со времени предшествующей переписи, населеніе Тулы возросло на 46% или ежегодный приростъ опредѣляется въ $1^3/_4$%, тогда какъ въ Москвѣ онъ былъ равенъ $2^1/_2$%, т.-е. иммиграція въ Тулу идетъ медленнѣе. Главный составъ населенія Тулы—мѣщане (55%), а затѣмъ уже идутъ крестьяне (28%), но и они въ значительной степени представляютъ собой осѣдлое городское населеніе, такъ какъ живутъ въ Тулѣ съ семьями; о другихъ сословіяхъ (мѣщане, дворяне, купцы и духовенство) и говорить нечего,—они осѣдлое населеніе по преимуществу. Благодаря этому, и возрастный составъ тульскаго населенія значительно болѣе, чѣмъ въ нашихъ столицахъ, приближается къ составу населенія всей страны, постепенно убывающему отъ младшихъ къ старшимъ возрастамъ. Но такъ какъ и въ Тулѣ обычный составъ населенія измѣняется, благодаря приливу въ нее учащихся, солдатъ и рабочихъ, то населеніе имѣетъ нѣсколько большее противъ нормы число жителей въ возрастахъ отъ 10 до 30 лѣтъ.

Тула—городъ православный почти исключительно—97,7% всѣхъ жителей; слѣдуютъ старообрядцы (0,9%) и іудеи (0,8%), католики, протестанты и магометане вмѣстѣ даютъ лишь 0,6% всѣхъ жителей. Со времени переписи 1865 года относительное значеніе православнаго и старообрядческаго населенія не измѣнилось; возросъ только процентъ іудеевъ, главнымъ образомъ на счетъ католическаго вѣроисповѣданія. Грамотнаго населенія въ Тулѣ менѣе даже, чѣмъ въ Москвѣ (39% противъ 45%). Тѣмъ не менѣе, со времени предшествующей переписи, грамотность тулянъ нѣсколько возросла, и среди женщинъ это возростаніе замѣтнѣе, чѣмъ среди мужчинъ. Особенно интересные и отрадные результаты по отношенію къ развитію грамотности даетъ повозрастная табличка грамотныхъ: съ пониженіемъ возраста процентъ грамотнаго населенія быстро возростаетъ, такъ что молодежь отъ 11 до 30 лѣтъ среди мужчинъ грамотны болѣе, чѣмъ наполовину (61%) и даже среди женскаго населенія этихъ возрастовъ грамотныя составляютъ 45%.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Курсъ уголовнаго судопроизводства". *И. Я. Фойницкаго.* — „Отмѣна рѣшеній по просьбѣ третьихъ лицъ, не участвовавшихъ въ дѣлѣ". *Д. С. Флексора.*

Курсъ уголовнаго судопроизводства. И. Я. Фойницкаго. Томъ I. Изданіе второе. 1896 г. Давно ожидаемое второе изданіе извѣстнаго труда проф. Фойницкаго наконецъ вышло въ свѣтъ. Хотя со времени появленія перваго изданія прошло всего 11 лѣтъ, но, какъ говоритъ самъ авторъ (стр. 489, прим. 1), „почти каждый органъ процесса въ этотъ ничтожный промежутокъ времени успѣлъ подвергнуться кореннымъ измѣненіямъ". Въ виду этого автору пришлось значительно переработать многіе отдѣлы *Курса.* Такъ, нѣкоторыя части довольно сильно сокращены, особенно первая и вторая главы введенія, благодаря чему второе изданіе *Курса* значительно меньше перваго по объему. Впрочемъ, встрѣчается и нѣсколько новыхъ отдѣловъ: таковъ,

напримѣръ, отдѣлъ объ административно-судебныхъ установленіяхъ; какъ и слѣдовало ожидать, почтенный авторъ вполнѣ отрицательно отнесся къ закону 1889 года; такъ, указывая на желательныя судебныя реформы, онъ говоритъ, что рѣшеніе вопроса объ органахъ судебно-административныхъ, созданныхъ закономъ 1889 года,—рѣшеніе „единственно удовлетворяющее нужды правосудія и достоинство его", состоитъ въ „возстановленіи юрисдикціи органовъ судебныхъ и совершенномъ упраздненіи судебной власти органовъ административныхъ" (стр. 488).

Намъ не нужно говорить о достоинствахъ *Курса* проф. Фойницкаго, этого безспорно лучшаго руководства по русскому уголовному судопроизводству; мы укажемъ лишь, что появленіе новаго изданія книги проф. Фойницкаго въ настоящее время является особенно цѣннымъ въ виду начавшагося пересмотра нашего процессуальнаго законодательства. Въ этомъ отношеніи авторъ совершенно справедливо говоритъ въ предисловіи, что въ его книгѣ „читатель найдетъ достаточно предостереженій противъ новаторства во что бы ни стало и достаточно данныхъ для установленія началъ предстоящаго пересмотра въ истинномъ духѣ великаго памятника освободительнаго царствованія". Проф. Фойницкій—убѣжденный сторонникъ принциповъ Судебныхъ Уставовъ и при разсмотрѣніи различныхъ сторонъ процесса онъ всегда послѣдовательно остается вѣрнымъ духу Судебныхъ Уставовъ; среди раздающихся въ настоящее время съ разныхъ сторонъ нападковъ на Судебные Уставы особенно дорого встрѣтить подобныя строки: „Святая обязанность каждаго русскаго юриста отнынѣ ясна: состоитъ она въ томъ, чтобъ оберегать начала Судебныхъ Уставовъ въ ихъ первоначальной чистотѣ, ограждать животворящій ихъ духъ, внутренній ихъ смыслъ отъ всякихъ искаженій и передѣлокъ, составляющихъ ясный или прикрытый поворотъ къ старому порядку вещей, и содѣйствовать дальнѣйшему развитію законодательства въ духѣ этихъ началъ" (стр. 50).

Какъ на преимущество второго изданія, можно указать на приложенные къ концу книги предметный и постатейный указатели.

Отмѣна рѣшеній по просьбѣ третьихъ лицъ, не участвовавшихъ въ дѣлѣ. Д. С. Флексора. Спб., 1894 г. Вопросъ разбираемый авторомъ является однимъ изъ весьма спорныхъ и интересныхъ вопросовъ гражданскаго судопроизводства. Вся книга дѣлится на три части: историческую, матеріально-догматическую и процессуально-догматическую. Первая часть не достаточно разработана; признавая, что впервые во Франціи выдѣлялись, какъ особый институтъ (tierce opposition), мѣры судебной защиты, направленныя къ огражденію третьихъ лицъ, авторъ не указываетъ, откуда и какъ этотъ институтъ возникъ и развился; точно также авторъ даетъ крайне незначительныя и отрывочныя указанія по отношенію къ германскому праву, и при этомъ онъ приходитъ къ тому выводу, будто въ германскомъ правѣ нѣтъ института, соотвѣтствующаго „просьбамъ третьихъ лицъ", такъ какъ § 690 С. Р. О. касается лишь лицъ, совершенно непричастныхъ къ дѣлу; но это не вѣрно: и исторія возникновенія исковъ, упоминаемыхъ въ § 690, и практика прямо указываютъ, что § 690 относится и къ третьимъ лицамъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, т.-е. причастнымъ къ дѣлу.

Часть догматическая книги г. Флексора, посвященная разбору постановленій нашего законодательства, относящихся къ разсматриваемому институту, разработана весьма добросовѣстно и подробно. Авторъ

проводить то основное положеніе, что просьбы третьихъ лицъ, не участвовавшихъ въ дѣлѣ, составляютъ не способъ обжалованія рѣшеній, какъ называетъ ихъ наше законодательство, а дополненіе и коррективы института привхожденія въ дѣло третьихъ лицъ, причемъ „просьбы третьихъ лицъ“ будутъ привхожденіемъ въ исполнительной стадіи (стр. 74—79).

Разсматриваемый институтъ, по мнѣнію автора, нисколько не противорѣчитъ основному правилу гражданскаго судопроизводства, выраженному въ нашемъ законодательствѣ въ 895 ст. Уст. гр. суд., по которому сила судебныхъ рѣшеній не распространяется на третьихъ лицъ, такъ какъ если юридическая сила рѣшеній нарушить права третьихъ лицъ не можетъ, то несомнѣнно могутъ повредить имъ фактическія послѣдствія исполненія рѣшенія (стр. 59).

Исходя изъ своего вышеуказаннаго основного положенія, г. Флексоръ находитъ, что третьими лицами, имѣющими право подать просьбу объ отмѣнѣ рѣшеній, могутъ быть всѣ тѣ, для которыхъ было бы доступно привхожденіе во время самаго производства дѣла, а не только лица, имѣющія самостоятельное право въ дѣлѣ, какъ это полагаетъ наше законодательство (стр. 99). Далѣе г. Флексоръ совершенно правильно находитъ, что разъ просьбы третьихъ лицъ суть способы не обжалованія рѣшеній, а привхожденія въ дѣло, то и разсматриваться онѣ должны въ томъ именно судѣ, гдѣ было постановлено самое рѣшеніе (стр. 185—187).

Какъ общій недостатокъ всей книги, можно указать на то, что г. Флексоръ разсматриваетъ взгляды только французскихъ и русскихъ писателей и вовсе не знакомъ съ новѣйшей, весьма значительной нѣмецкой литературой (напримѣръ, *Frommhold*: „Die Widerspruchsklage in der Zwangsvollstreckung in ihrer geschichtlicher Entwickelung“, 1891, и многочисленныя литературныя указанія у него, стр. 2 и сл.).

Въ общемъ книга г. Флексора написана хорошимъ языкомъ, читается легко и съ интересомъ.

ТЕХНИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Полезная библіотека. Электричество въ домашнемъ быту“. Сост. *Н. Довяковскій.*— „Таблицы для подбора поперечныхъ сѣченій и исчисленія вѣса металлическихъ содержаній“. Сост. *Н. А. Бѣлелюбскій и Н. Б. Богуславскій.*— „Прямолинейная тригонометрія“. Сост. *А. Воиновъ.*

Полезная библіотека. Электричество въ домашнемъ быту. (Практическое руководство для любителей). Составилъ Н. Довяковскій. Съ 117 рис. Изданіе П. П. Сойкина. Спб. Ц. 30 к. Эта маленькая, карманная книжка на 194 страницахъ убористой печати даетъ въ толковомъ изложеніи много полезныхъ свѣдѣній по электротехникѣ, главнымъ образомъ, примѣнительно къ домашнему быту. Послѣ общихъ понятій объ электрическомъ токѣ, электрическихъ единицахъ и пр. слѣдуетъ описаніе гальваническихъ элементовъ, динамомашинъ, аккумуляторовъ. Изъ многочисленныхъ примѣненій электричества въ книжкѣ сообщаются свѣдѣнія только объ электрическомъ освѣщеніи (съ разсчетомъ проводовъ), телефоніи, звонкахъ и очень кратко о гальванопластикѣ и металлургіи. Таково содержаніе книжки г. Довяковскаго.

Цѣль автора, какъ гласитъ предисловіе, дать возможность узнать

людямъ съ среднимъ образованіемъ, по возможности въ популярномъ изложеніи, „что такое электрическій токъ, какъ онъ получается и какимъ способомъ можно его примѣнять къ обыденной жизни". Составитель предполагаетъ, что явленія и законы статистическаго и динамическаго электричества уже извѣстны читателю, а потому съ первыхъ же страницъ широко и свободно пользуется формулами и вообще аналитическимъ методомъ, не опасаясь повидимому остаться непонятнымъ. Такой способъ изложенія нельзя, конечно, назвать общедоступнымъ. Да и вообще руководство Довяковскаго нельзя считать ни популярнымъ, ни практическимъ, а тѣмъ болѣе назначать его для любителей. Эту книжку можетъ читать не всякій. Оно написано далеко не популярно и объ этомъ слѣдуетъ, конечно, очень пожалѣть. По своей компактности и по обилію сообщаемыхъ свѣдѣній, книжка Довяковскаго могла бы имѣть широкій кругъ читателей, будь она пообщедоступнѣе написана. Поменьше формулъ и выводовъ, побольше наглядности и опыта и книжка, при своей баснословной дешевизнѣ, могла бы получить огромное распространеніе среди не только электротехниковъ любителей, но и вообще среди образованныхъ русскихъ людей. Книгъ по электричеству очень много, а популярныхъ въ строгомъ смыслѣ слова почти нѣтъ.

Таблицы для подбора поперечныхъ сѣченій и исчисленія вѣса металлическихъ содержаній съ объясненіями въ текстѣ. Н. А. Бѣлелюбскій и Н. Б. Богуславскій. Изданіе 3-е вновь переработанное и дополненное. Ц. 1 р. 50 к. Спб. Такъ какъ при разсчетахъ мостовыхъ и строительныхъ сооруженій нужно бываетъ вычислять площади сѣченій и погонный вѣсъ желѣза, то спеціально составленныя для этого таблицы должны значительно облегчать трудъ составленія проектовъ. Съ 1884 г. т.-е. за 10 лѣтъ книга г. Бѣлелюбскаго выходитъ уже третьимъ изданіемъ. Это показываетъ, что таблицы дѣйствительно удовлетворяютъ своему назначенію.

Въ 3-е изданіе внесено много болѣе или менѣе значительныхъ дополненій. Такъ, напримѣръ, вновь добавлены: исчисленіе вѣса литаго угловаго и листоваго желѣза; моменты инерціи для круглаго и прокатнаго фасоннаго желѣза (тавры, двутавры, швеллеры и зеты) и клепаныхъ балокъ; квадраты и кубы шестнадцатыхъ долей. Текстъ значительно расширенъ, а нѣкоторые отдѣлы совершенно переработаны, (напримѣръ, описаніе сортовъ желѣза).

Въ концѣ книги приведенъ перечень русскихъ металлическихъ заводовъ.

Прямолинейная тригонометрія. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній съ собраніемъ задачъ. Составилъ А. Воиновъ, преподаватель харьковской 3-й гимназіи. Харьковъ. Ц. 70 коп. Учебникъ тригонометріи г. Воинова обладаетъ нѣкоторыми важными достоинствами. Написанъ онъ хотя нѣсколько и лаконическимъ, но достаточно яснымъ языкомъ, опредѣленія научны и строги, каждая статья заканчивается цѣлесообразно подобранными задачами. Въ учебникѣ приведены интересныя историческія свѣдѣнія о тригонометрическихъ числахъ у индусовъ и въ сочиненіи Клавдія Пталомея, извѣстномъ подъ арабскимъ названіемъ Альмагеста. Для того, чтобы облегчить усвоеніе основныхъ тригонометрическихъ понятій, выпущены нѣкоторыя подробности, (напримѣръ, разложеніе въ строку синуса и косинуса), упрощены, или даже замѣнены новыми, многія доказательства теоремъ. Между прочимъ, въ учебникѣ Воинова помѣщены: нѣкоторыя предложенія о тре-

угольникѣ, облегчающія его рѣшеніе, и примѣры уравненій, теряющихъ свои или пріобрѣтающихъ посторонніе корни.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

„Птичій дворъ въ русскихъ хозяйствахъ“. *И. И. Абозина.*

Птицеводство. Птичій дворъ въ русскихъ хозяйствахъ. Сочиніе И. И. Абозина. Изд. Девріена. Спб., 1895 г. Цѣна 5 р. 50 к. Русская литература еще не имѣла такихъ обстоятельныхъ руководствъ по птицеводству, какъ появившаяся теперь книга И. И. Абозина; авторъ много занимался практическимъ птицеводствомъ и завѣдывалъ въ Москвѣ образцовымъ птичникомъ. Въ первой части даны общія основанія кормленія, разведенія птицъ и ухода за ними; вторая часть отведена главнымъ образомъ куринымъ породамъ (27 главъ), а затѣмъ болѣе краткимъ замѣчаніямъ о разведеніи утокъ, гусей, цесарокъ и индѣекъ. Кромѣ 9 хромолитографій и 8 большихъ черныхъ литографій, въ текстѣ помѣщено болѣе 50 рисунковъ. Внѣшность изданія изящная, что несомнѣнно отразилось и на цѣнѣ книги (въ 47 печатн. листовъ).

За восемь мѣсяцевъ 1895 года вывозъ яицъ изъ Россіи достигъ небывалой колоссальной величины: *ежедневно* переправлялось черезъ границу болѣе четырехъ милліоновъ штукъ, такъ что общій вывозъ по 1 сентября превзошелъ 1 милліардъ штукъ, на сумму $14^1/_2$ милліоновъ рублей. При такихъ размѣрахъ отпуска едва ли кто станетъ отрицать крупное коммерческое значеніе современнаго русскаго птицеводства. А между тѣмъ, какъ справедливо указываетъ г. Абозинъ, барыши отъ этого экспорта не достаются не только нашимъ производителямъ, но и нашимъ торговцамъ. Крестьянское птицеводство настоятельно нуждается въ такихъ государственныхъ и общественныхъ мѣропріятіяхъ, которыя позволили бы обратить высокоцѣнный питательный матеріалъ на пользу народнаго продовольствія.

НАРОДНЫЯ ИЗДАНІЯ.

Изданія книжнаго склада А. М. Муриновой.

1) Георгъ Вашингтонъ и основаніе Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. В. Я—ва. Ц. 12 к. 2) Н. В. Гоголь и его произведенія. Ч. Вѣтринскаго. Ц. 8 к. 3) Родныя пѣсни. Сборникъ стихотвореній Н. А. Некрасова, И. Никитина, И. Сурикова и др. Сост. В. Бончъ-Бруевичъ. Ц. 15 к. 4) Несчастные. Ц. 2 к. 5) Бесѣды о землѣ. I книжка. Какой видъ имѣетъ земля и какая сила поддерживаетъ ее въ небесномъ пространствѣ. 7) Списокъ книгъ и картинъ для передвижной книжной лавки. 8) Каталогъ книжнаго склада А. М. Муриновой. Издательская дѣятельность книжнаго склада А. М. Муриновой началась въ іюлѣ 1892 г., когда имъ были изданы прекрасныя книжки В. Г. Короленка *Дѣти подземелья* (нѣсколько сокращенный разсказъ *Въ дурномъ обществѣ*) и Н. Н. Златовратскаго *(Деревенскій король, Горе стараго Кабана, Авраамъ).* Съ того времени издательская дѣятельность почтенной фирмы продолжалась, не ослабѣвая и, въ общемъ, успѣшно. До сего времени издано А. М. Муриновой двадцать книгъ, изъ нихъ лишь 8 по беллетристикѣ. За послѣдніе два года ею обращено исключительное вниманіе на изданіе книгъ научно-популярныхъ, главнымъ образомъ

по исторіи литературы, исторіи и по естествознанію (2). Серьезное стремленіе издавать для народа, прежде всего, научно-популярныя книжки, въ которыхъ чувствуется особенная нужда, которыя требуютъ отъ издателя больше риску, такъ какъ расходятся не всегда хорошо, вслѣдствіе того, что слишкомъ уже мало у насъ писателей, умѣющихъ бесѣдовать съ народомъ о научныхъ матеріяхъ просто и увлекательно,— стремленіе издавать книжки научныя, несомнѣнно, должно быть отнесено къ числу достоинствъ данной издательской фирмы. То же можно сказать и о почтенномъ желаніи ея пополнить именно тѣ отдѣлы популярно-научной литературы, которые особенно бѣдны,— отдѣлы гуманитарныхъ наукъ. Какъ извѣстно изъ отчетовъ народныхъ библіотекъ и читаленъ, книжки историческаго содержанія читаются болѣе, чѣмъ всякія другія научныя книги. Извѣстно также, что отдѣлъ гуманитарныхъ знаній уже много лѣтъ, по какому-то печальному, непростительному недоразумѣнію, пользуется особою привилегіей заподозрѣванія, благодаря чему на рынкѣ существуютъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ лишь такія „научныя“ книжки по исторіи, въ которыхъ, въ сущности, исторіи совсѣмъ и нѣтъ, а есть какія-то тенденціозныя искаженія истины, здраваго смысла и даже искаженія нравственнаго чувства, ничего общаго съ исторіей не имѣющія. Особенно отличаются этимъ изданія с.-петербургской постоянной коммиссіи по устройству народныхъ чтеній, а также и нѣкоторыя другія quasi-интеллигентныя фирмы, преподносящія вмѣсто истины ложь, вмѣсто здраваго смысла — чуть ли не циркуляры земскихъ начальниковъ, въ родѣ г. Протопопова и tutti quanti, вмѣсто нравственности—человѣконенавистничество, покрываемое обыкновенно великимъ и святымъ словомъ „патріотизмъ“. Во всякомъ случаѣ, почти нѣтъ на рынкѣ книжекъ, характеризующихся другого рода качествами, болѣе высокаго свойства. Въ виду тѣхъ трудностей, которыя встрѣчаютъ гг. издатели, желающіе пополнить отдѣлъ научно-популярныхъ книжекъ по гуманитарнымъ знаніямъ, стремленія А. М. Муриновой издавать книжки преимущественно по этому отдѣлу также заслуживаютъ полнаго сочувствія. Нельзя не отмѣтить и здраваго отношенія фирмы къ читателю. Всѣ изданія А. М. Муриновой (кромѣ одного, о которомъ рѣчь будетъ ниже) совершенно чужды того слащаваго сюсюканья, которое сплошь и рядомъ встрѣчается въ народныхъ книжкахъ и считается необходимою приправой для науки, предназначенной „черни непросвѣщенной“. Фирма не ставитъ своею задачей *принижать книгу* къ читателю,—она желаетъ *повышать читателя,* поднимать его до пониманія книги. Къ числу достоинствъ фирмы нужно отнести и умѣлый выборъ матеріала, качество этого послѣдняго въ идейномъ отношеніи. Мы уже имѣли случай давать отчетъ нашимъ читателямъ о недурныхъ книжкахъ Ч. Вѣтринскаго, составившаго цѣлый рядъ біографій русскихъ писателей съ отрывками изъ ихъ произведеній (А. Кольцовъ, И. Никитинъ, Т. Шевченко, И. Тургеневъ, Н. Гоголь) и о книжкѣ А. Быковой о Вильгельмѣ Оранскомъ. Недавно появилась интересная книжка В. Я—ва *Георгъ Вашингтонъ и основаніе Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ,* представляющая наиболѣе полный очеркъ американскаго освободительнаго движенія прошлаго вѣка въ связи съ біографіей Георга Вашингтона. Этотъ сюжетъ трактуется въ народныхъ изданіяхъ не въ первый разъ *), но въ первый еще разъ онъ

*) См. нашъ отзывъ о книжкѣ г-жи Мунтъ-Валуевой, изд. М. Ледерле. *Русск. Мысль* 1895 г.

трактуется съ такою полнотой и такъ серьезно. Авторъ имѣетъ въ виду не столько *личность* Вашингтона, сколько исторію общественнаго движенія. Очеркъ г. Я—ва былъ бы еще лучше, еслибъ авторъ умѣлъ писать болѣе простымъ языкомъ и поменьше бы гнался за изяществомъ выраженій, въ ущербъ ихъ ясности, и не слишкомъ бы загромождалъ изложеніе цѣлою массой подробностей съ весьма запутанными и сложными соотношеніями. Если можно такъ выразиться, манера писать у г. Я—ва представляетъ изъ себя какъ бы многовѣтвистое древо, причемъ онъ рекомендуетъ читателямъ обращать вниманіе то на главный стволъ, то на мелкую вѣточку, то на одну систему вѣтвей, то на другую. Въ результатѣ, мысль читателя скоро утомляется отъ такого скаканья, и охота продолжать чтеніе, какъ мы имѣли случай убѣдиться на практикѣ, быстро пропадаетъ у людей, мало-мальски не подготовленныхъ. Врядъ ли нужно доказывать, что составители научныхъ книгъ для народа прежде всего должны дорожить ихъ распространеніемъ и ихъ доступностью для пониманія того круга читателей, который больше всего въ этихъ знаніяхъ нуждается. Составители должны побольше слѣдить за своимъ перомъ, за своею манерою писать, и *вырабатывать* изъ себя популяризаторовъ, а не только трактовать данный вопросъ и въ народной книжкѣ такъ, какъ Богъ на душу положитъ, какъ они привыкли его трактовать у себя дома. Было бы весьма желательно, чтобы во второмъ изданіи книжки г. Я — ва были сдѣланы нѣкоторыя дополненія, интересныя и поучительныя для характеристики данной эпохи. Наприм., на стр. 14 изъ договора пуританъ (переселенцевъ) выпущено то знаменательное мѣсто, гдѣ пуритане обѣщаютъ другъ передъ другомъ viribus unitis „установить и опредѣлить такіе справедливые законы, конституціи и должности, которые они найдутъ соотвѣтственными и подходящими къ общему благосостоянію колоніи. Также опущенъ совершенно напрасно не менѣе знаменательный споръ Уильямса съ духовенствомъ Новой Англіи о свободѣ совѣсти, уставъ конфедераціи, воззваніе Георга Уайтфильда къ согражданамъ, декларація о независимости. Ничего не сказано о томъ, что Георгъ III приказалъ воздвигнуть въ Вестминстерскомъ аббатствѣ монументъ въ честь шпіона Андре, казненнаго американцами, и написать на немъ, что это дѣлается „въ память человѣка, павшаго за свою ревность къ королю и отечеству“. Ничего не сказано и о томъ, что Вашингтону была предложена королевская корона и что онъ отвѣтилъ на это предложеніе (см. *Нейманъ:* „Исторія Америк. Соед. Штатовъ“, стр. 316—317). Въ виду того интереса, который имѣютъ для характеристики эпохи выпущенныя мѣста, было бы желательно, чтобы во второмъ изданіи (котораго книжка г. Я—ва, безъ сомнѣнія,дождется),они были реставрированы. Книжка г. Ч.Вѣтринскаго *Гоголь и его произведенія* написана по тому же плану, какъ и другія брошюры того же автора. Авторъ даетъ біографію Н. Гоголя и вкратцѣ излагаетъ содержаніе главныхъ его произведеній съ нѣкоторой характеристикой ихъ. Онъ старается показать читателю, что значеніе Гоголя опредѣляется тѣмъ, что „правдивая картина русскихъ нравовъ, нарисованная имъ, заставляла всѣхъ лучшихъ русскихъ людей глубоко задумываться надъ русскою жизнью, заставляла ихъ спрашивать себя: гдѣ же причина ея неустройства, почему такъ пусты и ничтожны люди, считающіе себя самыми лучшими и просвѣщенными въ своей странѣ, что тутъ дѣлать?“ Авторъ справедливо подчеркиваетъ печальное значеніе, которое имѣло заблужденіе Гоголя (*Выбр. мѣста изъ переписки*

съ друзьями), что „если каждый станетъ добросовѣстно исправлять свою должность, то все будетъ хорошо", и что „для общаго блага и счастья достаточно, чтобы каждый думалъ только о собственной душѣ"... Г. Вѣтринскій, отдавая должное Гоголю, какъ сатирику, много сдѣлавшему своими произведеніями для развитія критическаго отношенія къ прежнимъ устоямъ русской жизни, тѣмъ не менѣе не скрываетъ, что авторъ *Переписки съ друзьями* не считалъ настоятельно необходимымъ освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостного ига (стр. 37). Авторъ разсказываетъ и о томъ, какой отпоръ встрѣтили заблужденія Гоголя со стороны лучшихъ русскихъ людей того времени, наприм. хотя бы Бѣлинскаго. Вообще, книжка г. Ч. Вѣтринскаго производитъ хорошее впечатлѣніе. Но особенно пріятно привѣтствовать небольшой сборникъ стихотвореній, *Родныя пѣсни,* составленный г. Бончъ-Бруевичемъ. Въ этой небольшой, изящной книжкѣ читатели найдутъ цѣлый рядъ прекрасныхъ произведеній, не только отличающихся красотою формы, но и богатствомъ и глубиною содержанія, относящемуся къ самымъ разнообразнымъ сторонамъ русской жизни. Въ книжку вошли изъ произведеній Н. Некрасова: отрывокъ изъ *Коробейниковъ, Орина, мать солдатская, Страда, Въ деревнѣ, Забытая деревня, Зеленый шумъ*; изъ Никитина: *Староста, Соха, Пахарь;* изъ Надсона: *Другъ мой, братъ мой* (съ выпускомъ послѣдней строфы); изъ А. Толстого: *Илья-Муромецъ, Ой, кабы Волга матушка;* изъ Н. А. Вроцкаго: *Ой, кабы Волга матушка, Бояринъ Кикинъ;* Я. Полонскаго: *Что мнѣ она...* затѣмъ стихотворенія А. Барыковой, С. Дрожжина, Сурикова, Вас. Немировича-Данченка и др. Столь прекрасно и живо составленныхъ сборниковъ стихотвореній въ нашей народной литературѣ, къ сожалѣнію, очень мало... Что касается до другого изданія А. Муриновой изъ отдѣла беллетристики *(Несчастные),* то оно представляетъ изъ себя сборникъ трехъ очень хорошихъ маленькихъ разсказовъ,—двухъ изъ Мопассана *(Нищій, Старый Васька)* и одного изъ Ант. Чехова *(Ванька).* Эту книжку г-жа Муринова могла бы и не издавать, такъ какъ всѣ вышеуказанныя произведенія уже имѣются въ народныхъ изданіяхъ (*Старый Васька* въ изд. „Посредника", *Ванька*—изд. В. И.). Задачей такихъ издательскихъ фирмъ, какъ А. Муринова, должно стать обогащеніе народной литературы новыми изданіями, а не переизданіемъ того, что уже имѣется на рынкѣ. Нельзя привѣтствовать и книжки г. А. Сельскаго *Бесѣды о землѣ.* Эта книжка представляетъ изъ себя не что иное, какъ очень неудачныя потуги „чистаго господина" (хотя бы и „сельскаго") просвѣщать „чернь непросвѣщенну" по части астрономіи помощью всевозможныхъ вывертовъ и ухищреній и всякихъ сальто-мортале черезъ науку, черезъ здравый смыслъ и даже черезъ самого себя. Чтобъ объяснить читателю шарообразность земли, авторъ выдумываетъ особаго удивительнаго странника, заставляетъ его путешествовать, разговаривать со всякихъ чиновъ людьми и проч. Прочитывая страницу за страницей, читатель, прежде всего, чувствуетъ, что авторъ ради него такъ пыжится, такъ пыжится, что и разсказать невозможно, а при всемъ томъ и подвираетъ, „ради понятности". Наприм., на стр. 39 сообщается, что планеты—это „движущіяся звѣзды" (?), а на стр. 29, что „чѣмъ ближе тѣла другъ къ другу, тѣмъ сильнѣе притяженіе" (ради „понятности" авторъ умалчиваетъ о квадратахъ разстояній). Мы уже имѣли случай неоднократно показывать на примѣрахъ, что всякіе искусственные выверты и „приспособленія" въ народной книжкѣ научной не должны быть терпимы, что они не столь

привлекаютъ читателей къ книгѣ, сколько отбиваютъ, не столько разъясняютъ сущность дѣла, сколько затемняютъ ее. Не должны быть терпимы въ научной книжкѣ для народа и искаженія истины ради понятности,—понятность нужно требовать отъ *автора*, а не вытягивать ее изъ *науки*. На обложкѣ книжки написано, что г. Сельскій намѣренъ продолжать свои труды въ области народной литературы, гдѣ, очевидно, онъ еще большой новичокъ, хотя, повидимому, и можетъ писать легко и удобопонятно. Но если онъ и слѣдующія свои работы намѣренъ писать въ томъ же „приспособительномъ“ духѣ, то пусть уже лучше первое его произведеніе будетъ и послѣднимъ.

Изъ предыдущаго видно, что, за исключеніемъ послѣдней книжки, новыя изданія книжнаго склада А. Муриновой производятъ весьма хорошее впечатлѣніе. Издательница обращаетъ главное вниманіе на тотъ типъ читателей изъ народа, которые уже достигли нѣкотораго навыка въ чтеніи и вообще пошли дальше того, что дала имъ начальная школа, у которыхъ уже появились нѣкоторые умственные запросы, стремленіе къ болѣе серьезнымъ знаніямъ. Нельзя сказать, чтобъ издательская дѣятельность склада была энергичной. Г-жа Муринова дѣйствуетъ осторожно и основательно. Нельзя вообще не отмѣтить весьма симпатичной дѣятельности склада А. Муриновой, поставившаго себѣ цѣлью не только составленіе народныхъ и школьныхъ библіотекъ, но и содѣйствіе торговлѣ дешевыми книгами въ провинціи. Складъ всячески старается помочь возникновенію книжныхъ складовъ и лавокъ и за 3 года успѣлъ пріобрѣсти себѣ значительный кругъ постоянныхъ заказчиковъ (преимущественно земствъ). Нельзя не обратить вниманія и на примѣрный списокъ книгъ для *передвижной книжной лавки*, составленный книжнымъ складомъ А. Муриновой и представляющій полезное пособіе для устроителей книжныхъ складовъ. Въ „списокъ“ введены лишь лучшія изданія разныхъ фирмъ. Съ такимъ же выборомъ составленъ и каталогъ склада.

ПЕРІОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Русское Богатство“, *декабрь*.—„Вѣстникъ Европы“, *январь*.—„Сѣверный Вѣстникъ“, *январь*.—„Русское Обозрѣніе“, *январь*.—„Народное образованіе“, *книга I*.—„Дѣтскій Отдыхъ“, *январь*.—„Всходы“, № 1.—„Родникъ“, № 1.

Г. Волынскій въ своихъ *Литературныхъ замѣткахъ* передаетъ мнѣнія Л. Н. Толстого о нашей современной беллетристикѣ. Конечно, за вѣрность передачи ручается или самъ г. Волынскій, или его корреспондентъ. „Я называю,—говоритъ нашъ маститый художникъ,—декадентами всѣхъ (?) современныхъ писателей, потому что въ ихъ искусствѣ осталась только одна форма—до того технически усовершенствованная, что она сама по себѣ производитъ впечатлѣніе на читателя, заставляя его забывать отсутствіе внутренняго содержанія. У нашихъ современныхъ беллетристовъ, даже не особенно талантливыхъ, способность дѣйствовать на воображеніе читателя развилась въ ущербъ всякому смыслу. Писатели, когда пишутъ, даже не разгорячаются, не разгораются въ процессѣ своей работы и создаютъ эффекты, ничего не имѣя въ душѣ, чтò стоило бы высказать. Ничего нѣтъ въ душѣ—и сочиняютъ, и пишутъ съ полнымъ успѣхомъ... Искусство перестало быть серьезнымъ дѣломъ, какимъ оно было прежде. Потому все, что теперь дѣлается въ искусствѣ, мертвое, а не живое, пригодное и по-

нятное только для извѣстныхъ классовъ общества, которымъ образы современныхъ художниковъ близки, потому что взяты изъ дѣйствительности... Тѣ, которыхъ всѣ называютъ декадентами, откровенно проповѣдуютъ, что все дѣло во внѣшнихъ впечатлѣніяхъ, въ игрѣ эффектовъ, не захватывающихъ сущности духовной жизни. Импрессіонизмъ тутъ откровененъ, тогда какъ у другихъ современныхъ писателей онъ скрытъ подъ такъ называемымъ реализмомъ... Искусство, начавшееся у насъ въ то время (въ пушкинско-гоголевскій періодъ), уже выработало форму, сдѣлало ее доступной для всѣхъ, и теперь разлагается... Попадаются, правда, вещи, въ которыхъ проглядываетъ мысль автора, то, что называется тенденціей. Но тогда эта тенденція торчитъ изъ произведенія, какъ какой-нибудь каркасъ, — проволока, на которую нанизываются, положимъ, цвѣты въ искусственномъ вѣнкѣ... Такая тенденція вовсе не обнаруживаетъ глубокаго духовнаго содержанія, которое необходимо въ настоящемъ искусствѣ".

Какъ видите, великій художникъ очень строгъ въ своемъ приговорѣ надъ своими современными собратьями по искусству. Строгъ и — несправедливъ... Ужъ очень онъ все въ одну кучу сваливаетъ, всѣхъ подъ одну скобку подводитъ... Съ одной стороны декаденты и импрессіоналисты, а съ другой—реалисты... Повидимому, дистанція между ними огромнаго размѣра, а для Л. Толстого—это все едино. Всѣ объ одной только формѣ заботятся, у всѣхъ содержанія нѣтъ, всѣ сущности духовной жизни не захватываютъ. Но, вѣдь, вопросъ въ томъ, въ чемъ именно эта сущность заключается. Въ „вѣчныхъ" ли и вѣчно праздныхъ вопросахъ о бытіи, праздныхъ потому, что метафизическихъ, или въ жизненныхъ и тоже вѣчныхъ, но не праздныхъ вопросахъ объ общественныхъ укладахъ и общественныхъ отношеніяхъ и объ ихъ вліяніи на общественную и личную психическую жизнь, на судьбы личности, какъ существа общественнаго, на ея настроенія и дѣйствія, прогрессивныя и антипрогрессивныя, и т. д., и т. д.? А, вѣдь, пожалуй, въ отсутствіи вопросовъ этого послѣдняго сорта нашихъ современныхъ беллетристовъ,— по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ,— упрекнуть никакъ невозможно. И потому не рано ли о разложеніи нашего искусства вопіять?... А потомъ: съ одной стороны искусство, не живое, лишенное внутренняго содержанія, а съ другой—образы его взяты изъ дѣйствительности и пригодны, и понятны, даже близки для извѣстныхъ классовъ общества! Нѣтъ ли въ этихъ двухъ утвержденіяхъ нѣкотораго внутренняго противорѣчія? Откуда могутъ быть взяты образы искусства, какъ не изъ дѣйствительности? Откуда бралъ свои образы, — замѣтьте: образы, а не содержаніе своего искусства,—Толстой, какъ не изъ дѣйствительности? Не изъ своей же внутренней душевной жизни брать ихъ художнику. Да, вѣдь, и тамъ, въ этой внутренней жизни, въ сущности-то ничего нѣтъ, чего не было бы въ дѣйствительности. Даже тѣ мистическіе туманы, которыми нѣкоторые художники переполняютъ свои произведенія, изъ дѣйствительности же берутъ свое начало... А потомъ—пригодны и понятны только для извѣстныхъ классовъ общества! А образы Пушкина, Гоголя, Тургенева, Толстого были въ большинствѣ случаевъ пригодны и понятны не для извѣстныхъ только классовъ общества, а для всѣхъ, даже для готтентотовъ и бушменовъ?

Тенденція или мысль автора — каркасъ! Несомнѣнно, бываетъ это и теперь, какъ бывало и раньше. Художники и теперь, какъ и всегда, своими образами, какъ художники, часто побиваютъ свои собственныя

тенденціи и мысли, созданныя или воспринятыя ими какъ философами и мыслителями. Когда Акимъ Толстого является проповѣдникомъ возвышенныхъ моральныхъ идей и, въ нѣкоторомъ родѣ, творцомъ новаго лучшаго общественнаго строя, несомнѣнно, что высокохудожественные образы, которыми геніальный художникъ обставилъ Акима, побиваютъ его... И побиваютъ именно потому, что Акимъ не образъ или, вѣрнѣе сказать, только имѣетъ видъ образа, а въ дѣйствительности тенденція автора. Когда беллетристъ-народникъ восхваляетъ „устои", коренящіеся въ самомъ „духѣ мужика", то образы разложенія этихъ самыхъ устоевъ, ярко нарисованные имъ же самимъ, побиваютъ его тенденцію. Такъ что это „торчанье каркаса" и осыпанье съ него художественныхъ цвѣтовъ отнюдь не есть явленіе, свойственное однимъ только современнымъ беллетристамъ; оно явленіе если и не постоянное, то частое. Но каркасомъ въ художественномъ произведеніи можетъ быть не мысль, не идея, тѣмъ менѣе не тенденція, а сама личность художника, его индивидуальность, болѣе или менѣе яркая. И въ этомъ только и вопросъ, когда мы говоримъ объ упадкѣ—дѣйствительномъ или мнимомъ—искусства. Если искусство дѣйствительно падаетъ,—утверждать это мы, однако, не рѣшились бы,—то это значитъ, что личность поблѣднѣла, такъ сказать—вывѣтрилась, что современное общество вступило на такой путь, который ведетъ къ измельчанію индивидуальности и не допускаетъ развитія могучихъ и энергичныхъ личностей.

Какимъ образомъ и почему происходитъ такое побиваніе тенденціи образами и мыслителя художникомъ, очень вѣрно и рельефно объясняетъ не присяжный критикъ, а военный человѣкъ, генералъ Драгомировъ. И объясняетъ онъ это въ примѣненіи именно къ Л. Н. Толстому. „Всякій живописецъ для того, чтобы картина была вѣрна, долженъ рисовать ее съ одной точки,—говоритъ г. Драгомировъ въ своемъ разборѣ *Войны и мира* (фонарь освѣщаетъ только одну сторону улицы, говорили мы въ предыдущемъ обозрѣніи).—Если онъ строго соблюдаетъ отношеніе свѣта и тѣни, изображеніе выходитъ до того художественно, что даетъ возможность дополнять воображеніемъ то, что находится за этой, *одной только*, представленной стороной. Такое изображеніе проявляетъ всю идею, хотя воспроизводитъ только одну ея сторону... Условія вѣрнаго воспроизведенія той же идеи не посредствомъ образовъ, а путемъ умозаключеній, совершенно иныя... Изслѣдовать идею только тогда нужно съ возможно большаго числа сторонъ... Отъ этого и происходитъ, что большинство художниковъ плохіе философы, и наоборотъ". И далѣе г. Драгомировъ говоритъ, что уклоненіе отъ прямой задачи не только производитъ плохія теоретическія разсужденія, но и заставляетъ художника прилаживать къ этимъ разсужденіямъ и самыя изображаемыя имъ лица. Такъ случилось съ Гоголемъ, такъ случилось и съ Толстымъ.

По существу объясненіе г. Драгомирова совершенно вѣрно, хотя оно и не полно. А неполно оно потому, что не включаетъ въ себѣ признанія необходимости и неизбѣжности для художника мышленія, философствованія, хотя бы и плохого. Конечно, хорошее философствованіе лучше плохого, но даже плохое философствованіе лучше отсутствія мысли. И тутъ Толстой глубоко правъ, когда съ горечью заявляетъ: „нечего сказать—и пишутъ съ полнымъ успѣхомъ". Въ самомъ дѣлѣ, невозможно же разрѣзать человѣческую личность на двѣ раздѣльныя половины: одна мыслитъ, а другая изображаетъ, творитъ художественные образы. Не бываетъ этого. Творятъ только то, что

въ душѣ есть, что соотвѣтствуетъ содержанію личности. И если плохо и блѣдно выходитъ, такъ виной этому блѣдность содержанія личности, т.-е. блѣдность или холодность самой личности. Для того, чтобы творить, дѣйствительно надо „горѣть“ священнымъ огнемъ, и не только въ качествѣ художника, а и просто какъ человѣкъ. А плохое мышленіе—это зло, обусловленное до значительной степени блѣдностью самой общественной мысли и ея блужданіями, а иногда и несоотвѣтствіемъ мысли автора съ подлинными, насущными потребностями и запросами самого общества... И эта послѣдняя причина, можетъ быть, самая важная для вопроса объ упадкѣ художественной литературы. Во всякомъ случаѣ, остается несомнѣннымъ, что произведеніе, въ которомъ художественные цвѣты осыпаются съ каркаса, все-таки лучше тѣхъ, въ которыхъ даже и каркаса-то нѣтъ.

Въ большинствѣ случаевъ на этихъ страницахъ намъ приходится имѣть дѣло съ такими беллетристическими произведеніями, присутствіе въ которыхъ каркаса несомнѣнное. И, тѣмъ не менѣе, разница между ними значительная. Въ нѣкоторыхъ каркасъ осыпанъ яркими, хотя и искусственными и легко разсыпающимися художественными цвѣтами, да самъ-то онъ и хрупокъ, и гнилъ, какъ, наприм., у г. Ширкова въ его *Сази*, у другихъ каркасъ тоже не особенно проченъ, но довольно любопытенъ для критическаго изслѣдованія; но ужъ художественныхъ цвѣтовъ на немъ не ищите, какъ, наприм., въ большинствѣ послѣднихъ произведеній г. Боборыкина и въ его послѣднемъ романѣ *Княгиня (Вѣстникъ Европы)*, о которомъ мы будемъ, вѣроятно, говорить въ слѣдующемъ обозрѣніи. У нѣкоторыхъ, наконецъ, какъ у г. Мамина, и каркасъ весьма любопытенъ, и художественными цвѣтами онъ покрытъ въ такомъ изобиліи и столь прочно прикрѣпленными къ каркасу, что можно говорить почти о полномъ сліяніи идеи съ образомъ, т.-е. объ исполненіи высшаго требованія искусства.

Да, почти о полномъ, но все же не о совсѣмъ полномъ, и въ этомъ все горе... Именно то обстоятельство, что сліяніе идеи съ образами, въ которыхъ она воплощается, не полное, что тѣ образы не прикрываютъ собой всю идею во всемъ ея объемѣ, что идея слишкомъ широка для этихъ образовъ, или, наоборотъ, что идея слишкомъ мелка для представленныхъ авторомъ образовъ и потому она не есть идея, а только тенденція, и бываетъ причиной того, что произведеніе, по существу художественное, полное и великодушныхъ идей, и выдержанныхъ художественныхъ образовъ, оставляетъ читателя достаточно холоднымъ, не производитъ на него того захватывающаго впечатлѣнія, которое оно должно производить, какъ художественное. Послѣднее произведеніе г. Мамина *Врагъ (Русское Богатство)* служитъ прекрасной иллюстраціей высказываемаго нами положенія. Передавать содержаніе разсказа мы не будемъ. Несомнѣнно, что онъ принадлежитъ къ числу произведеній тенденціозныхъ. И тенденція разсказа, несомнѣнно, яркая и, столь же несомнѣнно, валикодушная и вѣрная. „Врагомъ“, разрушающимъ идиллію, созданную себѣ въ деревнѣ подъ Петербургомъ порядочной, культурной семьей, является маленькій незаконнорожденный ребенокъ горничной Аниси. Онъ еще во чревѣ своей несчастной матери былъ уже врагомъ порядочной семьи, благодушествующей на лонѣ природы; онъ былъ причиной, вызвавшей проявленіе всѣхъ скрытыхъ противорѣчій, накопившихся въ средѣ членовъ этой семьи; такимъ врагомъ онъ остался до самаго конца, до того даже момента, когда онъ удаленъ въ воспитательный домъ и когда, какъ бы

въ возмездіе, умираетъ ребенокъ господъ... „И тутъ безсмыслицы нѣтъ,—говоритъ устами Сергѣя Иваныча авторъ.—Вотъ эти шпитонцы, которыхъ провезли на вѣрную смерть!... И вы, и я отлично знали, что дѣлается,—и мы не разогнули пальца для этихъ несчастныхъ, и даже не подумали объ этомъ. А сколько дѣтей гніетъ заживо по подваламъ,—что мы для нихъ сдѣлали?... Но есть возмездіе за нашъ эгоизмъ. Этотъ коллективный брошенный ребенокъ мститъ намъ страшными дѣтскими эпидеміями. Страшный врагъ мститъ смертью за смерть; онъ проникаетъ вездѣ, какъ воздухъ. Вы меня выбросили на улицу,—такъ вотъ вамъ и дифтеритъ, и скарлатина, и инфлюэнца... Вы будете плакать, эгоисты, какъ плакала моя коллективная мать!“

Идея великодушная и, притомъ, выраженная или, вѣрнѣе сказать, иллюстрированная яркими, почти скульптурными образами. Вообще въ талантѣ г. Мамина есть одна черта, отличающая его отъ другихъ беллетристовъ. Эта черта—скульптурность изображаемыхъ имъ лицъ. Это огромное достоинство, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и нѣкоторый недостатокъ. Авторъ сразу, на нѣсколькихъ страницахъ, вводитъ читателя въ міръ изображаемыхъ лицъ, и они, эти лица, обрисованы столь рѣзкими и опредѣленными очертаніями, что рисуются предъ вами, какъ очертанія какой-нибудь статуи. Вы ихъ видите передъ собой во всѣхъ ихъ главныхъ контурахъ и съ перваго же взгляда знаете, съ кѣмъ имѣете дѣло. Но за то эти превосходно очерченныя, точно изъ камня высѣченныя статуи такъ же холодны и неподвижны, какъ статуи. Окраска ихъ ярка, но одноцвѣтна; нѣтъ движенія въ ихъ психической жизни и почти нѣтъ анализа,—все ясно и понятно безъ анализа. Для достиженія подобныхъ результатовъ надо обладать огромнымъ изобразительнымъ талантомъ, и г. Маминъ имъ, дѣйствительно, обладаетъ. Но, въ то же время, эта черта таланта, т.-е. скульптурность, является чѣмъ-то не вполнѣ современнымъ, чѣмъ-то классическимъ и почти архаичнымъ. Всѣми этими свойствами отличается и новое произведеніе г. Мамина; въ немъ такъ же, какъ и во многихъ другихъ его произведеніяхъ, нѣтъ внутренняго движенія. Всѣ личности живы, выпуклы и даже монументальны; но вы со всѣми ими знакомитесь сразу, тотчасъ же, какъ авторъ представилъ ихъ вамъ, а не постепенно, не въ теченіе всего разсказа. Съ ними могутъ совершаться разныя внѣшнія событія, и они дѣйствительно совершаются,—авторъ большой мастеръ въ дѣлѣ разсказа о *внѣшнемъ* движеніи своихъ лицъ,—но вы заранѣе знаете всю ихъ *внутреннюю* жизнь при всяческихъ событіяхъ. Можетъ быть, отъ этого произведеніе г. Мамина оставляетъ читателя холоднымъ, несмотря на большой изобразительный талантъ автора, на художественность образовъ, на интересность сюжета, на яркія блестки юмора, на во всемъ проглядывающій большой умъ автора и, наконецъ, на жизненность и плодотворность идеи.

Но намъ думается, что это еще не все. Намъ кажется, что у г. Мамина часто, и въ послѣднемъ разсказѣ, во всякомъ случаѣ, образы не вполнѣ сливаются съ идеей, что они говорятъ о чемъ-то большемъ, чѣмъ та идея, которая должна покрываться этими образами. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ идиллія, въ родѣ описанной авторомъ, разрушается только тѣмъ „врагомъ“, о которомъ онъ повѣствуетъ? Развѣ его образы не говорятъ намъ о чемъ-то болѣе крупномъ и общемъ, чѣмъ этотъ „врагъ“,—объ общемъ строѣ жизни, разрушительно дѣйствующемъ на всѣ такія идилліи? Это и самъ г. Маминъ отлично понимаетъ. Не даромъ же онъ въ одномъ мѣстѣ заставляетъ своего

героя-помѣщика разсуждать о неразрывной связи его фермы съ фабрикой и кабачкомъ, стоящими рядомъ съ его фермой. Чувствуется, что всѣ эти явленія: и ферма честнаго и благодушнаго культурнаго человѣка, и фабрика честнаго нѣмца, и трактиръ какого-то кулака,—явленія одного порядка, порождаемыя однимъ и тѣмъ же строемъ и, хотя въ разной степени, но одинаково живущія соками деревни: соками этого самаго мужика-садовника Егора Спиридоновича, этой самой согрѣшившей дѣвицы Анисьи, даже этого самаго виновника ея ошибки, трактирнаго *шестерки* (лакея). Вотъ, вѣдь, онъ, фонъ-то, какой огромный выходитъ. А ужъ на этомъ фонѣ всякія скульптурныя фигуры появиться могутъ,—отъ той же Анисьи до Шиковой жены включительно. Читатель прекрасно понимаетъ, что авторъ и могъ бы, и сумѣлъ бы выставить на первый планъ именно такую большую идею и что онъ какъ бы намѣренно сузилъ ее и этимъ самымъ изъ идеи превратилъ въ тенденцію и намѣренно подогналъ къ ней свои образы, тѣмъ не менѣе, даже, можетъ быть, вопреки волѣ автора, продолжающіе говорить,—нѣтъ, даже вопіять объ этой идеѣ, большей ея частичнаго проявленія. Образы не сливаются съ тенденціей,—они шире ея, и тенденція торчитъ изъ-подъ нихъ, по картинному выраженію Толстого, какъ каркасъ. И вотъ почему, несмотря ни на что, разсказъ г. Мамина оставляетъ читателя почти холоднымъ, хотя и заставляетъ его глубоко и горько задуматься.

Любопытно сравнить по производимому впечатлѣнію разсказъ г. Мамина съ „сказкой дѣйствительности“ г. Немировича-Данченко *Въ дудкѣ* (*Сѣверн. Вѣстн.*). Говоря о производимомъ впечатлѣніи, мы, конечно, вносимъ въ оцѣнку того или другого произведенія элементъ чисто-субъективный, часто не имѣющій ничего общаго съ объективной эстетической оцѣнкой художественнаго произведенія. Но такой субъективизмъ оцѣнки—дѣло законное и необходимое именно при разсмотрѣніи произведеній искусства, потому что эти произведенія, по самому существу своему, всегда субъективны. А съ другой стороны, такая субъективная оцѣнка не можетъ имѣть той внутренней цѣнности, какую имѣетъ объективная эстетическая оцѣнка. Если г. Маминъ великій мастеръ въ дѣлѣ рисунка, абриса, и его образы имѣютъ въ себѣ нѣчто скульптурное, то г. Немировичъ-Данченко, можно сказать, совсѣмъ не умѣетъ рисовать, его образы страшно неопредѣленны и расплывчаты; они не имѣютъ индивидуальности, т.-е., собственно говоря, у него просто нѣтъ настоящихъ художественныхъ образовъ; онъ колористъ по преимуществу. И, притомъ, красками онъ злоупотребляетъ. Онѣ у него до того ярки и крикливы, что просто рѣжутъ глазъ. При чтеніи его произведеній невольно восклицаешь вмѣстѣ съ кузнецомъ Вакулой: эхъ, сколько тутъ бакану пущено! Дѣйствительно, г. Немировичъ-Данченко ни бакану, ни яри не жалѣетъ. Такъ что съ объективной эстетической точки зрѣнія его произведенія даже и сравниваемы быть не могутъ съ произведеніями г. Мамина. И, тѣмъ не менѣе, иногда первый добивается большихъ результатовъ въ смыслѣ производимаго впечатлѣнія, чѣмъ второй. Возьмите, наприм., его послѣднюю „сказку дѣйствительности“. По сюжету, это—сама простота, хотя разсказана она съ большими претензіями. „Жилъ на свѣтѣ мужикъ Ефремъ,—разсказываетъ авторъ,—вся цѣль существованія котораго была—кормить домну. Такихъ мужиковъ много, а домнъ мало, такъ что когда она, не довольствуясь обычнымъ кормомъ, съѣдаетъ и мужика,—его никто не жалѣетъ. Лишь бы домнѣ не повредило, а однимъ Ефремомъ

болѣе или менѣе—кому какая печаль? Сами мужики Ефремы говорятъ: у насъ, слава тебѣ Господи, народушку много; а писатели трезвеннаго направленія (ну, пожалуй, и не одни писатели, а и государственные люди) подобныя изреченія называютъ мудростью". Ефремъ отъ домны слѣпнуть сталъ и такъ какъ работникъ онъ былъ хорошій, трезвый и смирный, то хозяинъ, Иванъ Ѳомичъ, не захотѣлъ прослыть „свиньей безчувственной" и перевелъ его на другую работу. Тамъ Ефремъ глохнуть началъ; опять хозяинъ, русская душа, не прогналъ, а перевелъ на легкую работу, давъ ему, конечно, и плату легкую. Ефремъ почувствовалъ себя какъ въ раю; но въ этомъ раю скоро нажилъ злую чахотку и тогда... „Подумалъ Иванъ Ѳомичъ: что-жъ даромъ кормить? На даровой кормъ народъ лакомъ. Подлецы, вѣдь! Старика міръ поддержитъ. Его дѣло". Вернулся Ефремъ домой и, когда жена его спросила: „Жить-то чѣмъ?"—онъ пришелъ въ недоумѣніе... „Жить-то? Ишь ты какое слово придумала... Точно, быдто, это и не въ порядкѣ... Жить-то... а вотъ какъ!..." Закашлялся, потянулся и умеръ. Съѣла домна мужика. Не будемъ разсказывать о дальнѣйшей судьбѣ семьи Ефрема, о томъ, какъ міръ, жалѣючи сиротъ, далъ Анисьѣ заброшенную дудку, задавившую и погребшую въ своихъ нѣдрахъ мужика; какъ Анисья маялась въ этой дудкѣ съ двумя малыми ребятами, жалѣя о томъ, что теперь въ крестьянствѣ не голодное время, „потому, будь голодъ, было бы легче. Она съ дѣтьми пошла бы въ кусочки. Тогда бы это не позорило крестьянскую семью. Ну, а теперь—и грѣшно, и стыдно". Не будемъ разсказывать о томъ, что Анисья перевидала и пережила въ этой дудкѣ, какъ она откопала покойника, заваленнаго безжалостной дудкой, какъ у ней богатая руда пошла и какъ міръ, тоже жалѣючи, отобралъ у ней выгодную дудку. Все это черезчуръ тяжело. Въ результатѣ Анисья „изъ всего человѣческаго языка не забыла только одно: подайте, православные, Христа ради! И въ этомъ было все ея право на существованіе... Такъ и рѣшила Ефремова семья роковой вопросъ: какъ жить-то?"

Не становится ли вамъ страшно, читатель? Разумѣется, не потому страшно, что какого-то мужика Ефрема съѣла домна, а его семья рѣшила роковой вопросъ: какъ жить—нищенствомъ. Этимъ васъ не испугаешь,—ужъ очень вы къ этому притерпѣлись. Но страшно то, что теперь, въ виду существованія вотъ такихъ Ефремовъ, среди насъ расплодились такіе удальцы-ташкентцы, которые ликуютъ по поводу роста нашего благосостоянія, которые говорятъ о „прогрессѣ безъ мужика", которые радуются тому, что наше крестьянство дифференцируется и среди него все болѣе и болѣе образуется группа солидныхъ, хозяйственныхъ и зажиточныхъ мужиковъ, которые, молъ, и создадутъ внутренній рынокъ для нашей обрабатывающей промышленности, которые, наконецъ, требуютъ „воспособленій", и опять воспособленій, и снова воспособленій, все для того же обладателя русской души, Ивана Ѳомича, домна котораго съѣла мужика Ефрема. Вотъ это дѣйствительно, страшно. И страшно въ особенности въ виду нашей забывчивости. Давно ли, подумаешь, у насъ недородъ-то былъ, и мужики Ефремы протестовали противъ „воспособленій" по своему—повальной смертью? А мы все это забыли. Правда, кое у кого шевелится мысль; да зачѣмъ же это для развитія обрабатывающей промышленности воспособленіе давать непремѣнно русской душѣ, Ивану Ѳомичу? Не проще ли было бы, если бы эта домна принадлежала тѣмъ же Ефремамъ, которые ее кормятъ,— ну, общинѣ Ефремовъ, что ли, или земству, какъ

органу общественному и государственному? Просто-то оно просто, да не очень. Потому удальцы-ташкентцы сила. Ну, и ждите и повторяйте слова покойника, привидѣвшагося Анисьѣ въ ея дудкѣ: „и такъ вѣка идутъ и копится мука, пока не разольется водопольемъ, да старые заборы не снесетъ. Только не дождаться тебѣ дня этого. Крѣпка еще зима. Ишь ледъ на рѣчкѣ стоитъ. Обозы по немъ идутъ, а онъ и не скрипитъ подъ ними. Надежно заковало Божію землю; нѣту силушки у солнца прожечь ее до самаго сердца". А все же разольется мука и снесетъ старые заборы. Не снесло бы и новые!

Вообще, спасибо г. Немировичу-Данченко за его сказку. Не все же о воспособленіяхъ, да о зажиточныхъ мужикахъ думать; надо иногда и объ Ефремѣ вспомнить.

Продолженіе своей повѣсти: *Карьера Струкова (Сѣвер. Вѣстникъ)* г. Эртель посвящаетъ описанію развитія отношеній между Наташей и Струковымъ, сдѣлавшихся теперь супругами. Уже въ первой части авторъ сдѣлалъ довольно опредѣленный намекъ, что его герои по типу, направленію и даже по темпераменту принадлежатъ къ двумъ различнымъ мірамъ. Струковъ—теоретикъ, баринъ, книжникъ и головастикъ, которому никакъ не удается перекинуть мостикъ отъ Маркса къ русской деревенской дѣятельности. При этомъ онъ „постепеновецъ" и въ теоріи человѣкъ компромиссовъ; для него даже средневѣковыя притязанія и прерогативы лорда Аргайля хороши, потому что въ нихъ „скрывается глубокое чувство законности—благодѣтельный духъ компромисса, при которомъ развитіе гораздо прочнѣе, нежели при насильственномъ истребленіи какихъ бы то ни было столбовъ". Для него то, что казалось Наташѣ „чуть ли не оскверненіемъ", т.-е. пароходы на Волгѣ, промышленность съ настоящимъ европейскимъ пошибомъ и т. п.,—было переходомъ къ капиталистической формѣ труда и, слѣдовательно, къ прогрессу. Ну, а Наташа нѣчто другое: она настоящая дочь разночинца Перелыгина, съ душевнымъ укладомъ, съ мыслями и настроеніями разночинцевъ; она не человѣкъ книги, а человѣкъ подлинной, русской жизни и русскаго горя-гореваньица. Она подчиняется теоретическимъ выкладкамъ Струкова, но внутренно вся ея душевная жизнь горячо протестуетъ противъ нихъ. Что ей до того, что „тамъ въ Европѣ порядокъ, культура, красота и захватывающія перспективы теоретической мысли. Пусть! За то здѣсь, на Волгѣ, свое родное, дразнящая неопредѣленность въ будущемъ, демоническая сила въ минувшемъ и главное—запросы, запросы... безъ уступки и безъ отвѣта". Даже въ природѣ для нея что-то особое; въ ней, въ этой природѣ родной рѣки, что-то звало и манило, какія-то крылья выростали отъ ея простора, слагались широкія и волнующія мечты. Но о чемъ мечты? Куда летѣть на тѣхъ крыльяхъ? Откуда слышенъ призывъ и къ чему? Не было отвѣта". Оба они, и Наташа, и Струковъ, мечтаютъ о томъ, какъ они будутъ работать на „закономѣрный ладъ, безъ всякихъ революцій, постепеннымъ развитіемъ сознанія законности, довольства, безкровными жертвами, культурными силами, осуществленіемъ скромныхъ задачъ",—однимъ словомъ, посредствомъ пресловутыхъ „маленькихъ дѣлъ". Но и тутъ между ними огромное различіе: Наташа „строила планы просто потому, что любила деревню и простыхъ людей и еще больше любила того человѣка, съ которымъ собиралась работать. А Струковъ больше всего любилъ *человѣка*, т.-е. ее, Наташу; деревенскую же дѣятельность опредѣлялъ трезвыми доказательствами". Оба они замѣчали эту разницу, но... „какъ это было незначительно въ

сравненіи съ чувствомъ и какъ быстро проходило отъ одного пожатія руки, отъ пламеннаго поцѣлуя!“ Да, незначительно для любви, для чувства, а не для всей жизни, часть которой—и притомъ небольшую, хотя и вліятельную—часть составляетъ это чувство, не для жизни, которая всѣми своими осложненіями, углами, шероховатостями вторгается въ чувство и переплетается съ нимъ. Въ прошломъ обозрѣніи мы говорили, что любовь даетъ человѣку только то, что она дать можетъ—и это уже столь значительно, что при нашей бѣдности брезговать этимъ нельзя. Но остальное, т.-е. полное и прочное счастіе—дѣло жизни и строя. Такъ и у Наташи съ Струковымъ. Разладъ таится въ самыхъ основахъ ихъ существованія.

Разладъ впервые сказался въ Парижѣ, среди той сутолоки парижской жизни, которая цѣликомъ захватываетъ бездѣльнаго русскаго культурнаго человѣка. Припомните по этому поводу любопытный разсказъ г. Потапенка: *Смертный бой*. Тутъ именно дѣло въ соединеніи двухъ элементовъ: въ захватывающей силѣ интенсивной жизни чужой массы, и въ полномъ бездѣльномъ существованіи среди этой чужой жизни русскаго культурнаго человѣка. И въ особенности это должно сказываться на женщинахъ. У нихъ еще слишкомъ много жизненныхъ, не сломанныхъ и не регулированныхъ силъ, слишкомъ много той силы, которая, какъ у героини очерка Глѣба Успенскаго: *Перестала,* требуетъ для себя „хомута“, того, чтобы женщина хоть „около себя“ десятокъ верстъ въ день сдѣлала. Мужчины—тѣ довольно легко въ хомутъ влѣзаютъ. Ну, а женщины—не то. Культурную русскую женщину не такъ легко въ хомутъ загнать. Она хочетъ во что бы то ни стало *своего*, *душевнаго* дѣла. И слава Богу, что она этого хочетъ.

И вотъ Наташа уже устаетъ отъ влюбленныхъ взглядовъ мужа... и даже отъ его разговоровъ о будущемъ, о преимуществахъ „закономѣрной“ работы. Все это было очень хорошо, и умомъ своимъ Наташа понимала, что она счастлива... но „она чувствовала, что деревенѣетъ съ ногъ до головы, что отъ сдерживаемой зѣвоты у нея ломитъ за ушами“. Ей не разговоры, а дѣло было нужно. И вотъ послѣ интеллигентнаго анекдота о томъ, что деревенская баба молилась святой Аградѣ, Наташа схватила себя за голову и истерически зарыдала, выкрикивая: „заросла, заросла дорожка частымъ ельничкомъ! И вы... еще смѣете. Они хоть въ ограду. Мы ни во что... ни во что... даже въ марсельезу... не вѣримъ“. Струковъ, пожалуй, могъ бы вѣкъ свой прожить въ Европѣ, копаясь съ разъясненіями Маркса; а Наташѣ Россія и ея „маленькія дѣла“ необходимы, какъ воздухъ, какъ вода рыбѣ.

Они въ Россіи, на Волгѣ, начались „маленькія“ дѣла... тѣ самыя маленькія дѣла, которыя по удачному выраженію г. Обнинскаго съ такимъ удобствомъ прекращаются любымъ урядникомъ или кулакомъ. Но и тутъ отношеніе къ маленькимъ дѣламъ у Наташи и у Струкова различное. Онъ за постепенность; онъ восклицаетъ: „лучше въ тысячу разъ лучше, чтобы народъ оставался въ своей дикой безграмотности, чѣмъ сдѣлаться грамотнымъ дикаремъ... въ стилѣ старой Москвы или той новой Франціи, что въ школахъ воюетъ съ Богомъ, внушаетъ звѣриный патріотизмъ, мѣщанское понятіе о морали“. Противорѣчіе неизгладимое и въ жизни роковое.

Какъ бы то ни было, „маленькія дѣла“ начались—и кончились. Съ Наташей вышло то же, что вообще у насъ выходитъ со всѣми дѣлателями „маленькихъ“ дѣлъ. Случилось то, что должно было случиться: Наташу отстранили отъ ея школы. (Замѣтимъ здѣсь кстати,

что г. Эртелю необыкновенно хорошо удалось нарисовать типы двухъ сельскихъ священниковъ, людей совершенно различнаго душевнаго строя.)

А что же Струковъ? Струковъ тоже дѣлалъ „маленькое“ дѣло, дѣло компромисса. Онъ былъ выбранъ мировымъ судьей. Но у него выходило не ладно. Онъ „далеко не нашелъ того, о чемъ они вмѣстѣ съ женой мечтали. Въ глубинѣ души казалось ему, что пропадутъ мечты и что-то оборвется между нимъ и Наташей“. Прежде всего, мучило внутреннее раздвоеніе. Законность, представителемъ которой онъ являлся, и жизнь, которая его окружала, вступали въ коллизію—и внутренняя душевная правда была не на сторонѣ законности. Мировой судъ былъ однимъ изъ тѣхъ компромиссовъ, которыми только и могло двигаться впередъ общежитіе; но то, что казалось благодѣтельнымъ со стороны, было почти нестерпимо при личномъ участіи. Онъ прозрѣлъ. „Тамъ за границей онъ думалъ, что вмѣсто капризной весны, съ зарницами, заморозками и грозой, на родинѣ наступаетъ лѣто—трезвая, сухая работа съ серьезнымъ содержаніемъ, съ дѣловымъ развитіемъ „весеннихъ“ началъ. А теперь въ провинціи сердце его захолохнуло. Незамѣтно совершилось неслыханное паденіе умственныхъ интересовъ, какое-то эпидемическое помраченіе совѣсти; усиливалась постыдная игра словами и понятіями. То, что прежде изъ страха передъ общественнымъ мнѣніемъ могло произноситься и дѣлаться въ уединеніи, теперь съ невѣроятнымъ бахвальствомъ само заявляло себя общественнымъ мнѣніемъ. Подымались мертвыя кости, обростали мясомъ и начинали бормотать кладбищенскія рѣчи, суесловить о святости кровопролитій и ежевыхъ рукавицъ. Повсюду зашевелились гады. Всякій кадыкъ, что семь лѣтъ тому назадъ извивался, якобы пламенѣя въ огнѣ гражданскихъ чувствъ, теперь высокомѣрно поднималъ носъ, объявлялъ себя знатокомъ стезей. И отовсюду точно осенній туманъ подымалась убійственная, вопіющая, дремучая скука. Всего курьезнѣе, что и торжествующимъ, которые лаяли въ публичномъ мѣстѣ на „пресловутые четверть вѣка“, тоже было скучно“. Въ народъ, въ предполагаемую разумную красоту, заключенную, какъ въ скорлупѣ, въ грубой дѣйстительности, Струковъ тоже переставалъ вѣрить. И вотъ онъ началъ „привыкать недоумѣвать, судить о вещахъ благонамѣренно и честно, но, въ виду „независящихъ обстоятельствъ“, скучно и съ обиняками“. Разныя мелкія дѣлишки, одобряемыя въ порядочномъ обществѣ, потому что они хороши и полезны даже по одному заглавію, вносили въ душу Струкова сначала притворное, а потомъ и настоящее равновѣсіе.

А жизнь шла и разлагалась. И съ ней разлагалась и любовь... „То въ лицѣ жены замѣчалъ онъ что-то неуловимое, слѣды какого-то тоскливаго и одинокаго душевнаго процесса, то въ ея словахъ чудилась ему какая-то враждебная холодность; то наступала полоса мелочной раздражительности, пустяковъ, упрековъ, чего-то похожаго на физическое отвращеніе,—и ему становилось скверно и до слезъ дѣлалось жалко самого себя“. Любовь, необходимое и большое чувство, исчезало у Струковыхъ... Любить необходимо и любить нельзя, потому что жизненный строй исключаетъ возможность личной любви... Таковъ по-истинѣ безотрадный выводъ изъ разсказа г. Эртеля. Безотрадный, но правдивый.

Законность и закономѣрность, съ которыми пришлось имѣть дѣло Струкову, вступили въ коллизію съ подлинной русской дѣйствитель-

ностью. Очевидно, что эти, сами по себѣ почтенныя, понятія были окружены тою же дѣйствительностью, какимъ-то густымъ непроницаемымъ туманомъ. Хроникеръ *Вѣстника Европы* (Внутреннее обозрѣніе) и г. Петропавловскій въ своемъ журнальномъ фельетонѣ: „Дѣла и дни" (*Сѣверный Вѣстникъ*) пытаются нѣсколько разсѣять этотъ туманъ. Забытыя слова, о которыхъ хотѣлъ напомнить Салтыковъ,—говоритъ первый—едва начинаютъ выплывать изъ сгустившагося вокругъ нихъ тумана. Достаточно, однако, и слабыхъ проблесковъ свѣта, чтобы возбудить тревогу среди всѣхъ, кому былъ выгоденъ полумракъ. Какой-то стражъ порядка въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* отмѣчаетъ опасное возрожденіе моды на „лакомыя", т.-е. на забытыя слова,—свобода мысли, право и законность. Особенно его смущаютъ два слова: законность и закономѣрность,—„слова безспорно почтенныя", но слишкомъ настойчиво будто бы повторяемыя теперь въ Петербургѣ. Въ этомъ повтореніи онъ видитъ какую-то фальшь. Рѣже всего, замѣчаетъ на это хроникеръ, о законности говорится, наприм. въ Англіи, потому, что господство закона тамъ не встрѣчаетъ отрицанія въ теоріи и противодѣйствія на практикѣ; чаще же всего на ней должна останавливаться мысль тамъ, гдѣ пониманіе законности, хотя и слабое, все же распространеннѣе, чѣмъ ея примѣненіе. Мысль эта и въ скрытомъ состояніи въ такомъ обществѣ настойчива, и формы ея проявленія зависятъ не отъ ея интенсивности, а отъ внѣшнихъ условій. „Стражъ" приходитъ въ негодованіе отъ настойчиваго произношенія этихъ словъ, „точно мы ихъ только что открыли, а раньше не знали ни законности, ни закономѣрности". Въ томъ-то и дѣло, возражаетъ хроникеръ, что мы ихъ знали и знаемъ, да не видимъ ихъ вокругъ себя. Истинный смыслъ теоріи гг. „Бодрствующихъ" ясенъ, продолжаетъ хроникеръ. Закономѣрность стѣснительна и вредна, когда она охраняетъ слабыхъ въ ихъ отношеніяхъ къ сильному, бѣдныхъ въ отношеніяхъ къ богатому, безвластныхъ въ отношеніяхъ къ власти. По мнѣнію этихъ стражей порядка *надъ закономъ* надо поставить власть высшихъ его исполнителей, лишь бы они пользовались ею въ извѣстномъ направленіи и давали чувствовать ея тяжесть *среднему* и *низшему* роду людей, да еще пожалуй,—и даже не пожалуй, а главнымъ образомъ,—тѣмъ изъ привиллегированныхъ, которые инако съ „стражами" мыслятъ. „Бодрствующіе" пугаютъ, что законность и закономѣрность приведетъ Россію къ „системѣ управленія путемъ судебныхъ приговоровъ"... Какъ бы широка ни была компетенція судебной власти,—возражаетъ хроникеръ,—судъ никогда не замѣняетъ администрацію. Даже предоставленіе суду права непосредственно принимать жалобы на администрацію не дѣлаетъ ее зависимой отъ суда, также какъ возможностью отвѣтственности предъ судомъ у частныхъ лицъ не отнимается ихъ самодѣятельность. Особенно опасными г. „Бодрствующему" слова: *законность и закономѣрность*—представляются потому, что они звучатъ въ Петербургѣ (и въ Москвѣ, прибавляетъ хроникеръ). Слышатся непріятныя слова въ Петербургѣ можетъ быть и чаще,—говоритъ хроникеръ,—но провинція о нихъ больше думаетъ, потому что она еще больше столицъ страдаетъ отъ незаконности и незакономѣрности. Неудивительно, что больше всего воспріимчивы къ забытымъ словамъ представители провинціи—земскія собранія. Страхъ, наведенный на г. „Бодрствующаго" забытыми словами, объясняется, въ сущности, вовсе не мѣстами, гдѣ они произносятся, а сознаніемъ, что произносятся-то они не безъ причины и проходятъ не безслѣдно.

Другой хроникеръ *Вѣстника Европы* (Изъ общественной жизни), приведя нѣсколько примѣровъ изъ охранительной печати, замѣчаетъ: „передъ нами развертывается такимъ образомъ слѣдующая картинка будущаго, которое хотѣли бы уготовить для Россіи благодѣтели извѣстнаго сорта: помѣстное дворянство, освобожденное отъ налоговъ, огражденное отъ конкурренціи съ другими сословіями, обезпеченное дешевою рабочею силой; безграмотная или малограмотная народная масса; общество, хранящее глубокое молчаніе или говорящее только въ заранѣе предрѣшенномъ смыслѣ, потому что за всякую другую рѣчь дерзновенный рискуетъ повергнуться погрому или, какъ говорилось встарину, потоку... Утѣшительная перспектива! Къ счастью, кухоннымъ мастерамъ газетно-журнальной реакціи едва ли удастся вкусить приготовляемый ими съ такимъ усердіемъ напитокъ!...“ Почтенный хроникеръ напрасно, по нашему мнѣнію, не прибавилъ къ этой картинѣ еще одну черту: поползновеніе создать посредствомъ воспособленій и покровительствъ капиталистическую промышленность. Кухонные мастера особенно лакомы на это, даже можетъ быть болѣе лакомы, чѣмъ на что либо, кромѣ ихъ ненависти къ закономѣрности и любви къ произволу и потоку инако мыслящихъ.

Еще ближе къ вопросу объ отношеніи между законностью и жизнью подходитъ г. Петропавловскій. Онъ говоритъ, что „патріоты своего отечества“ не только всполошились по поводу якобы приближенія эры законности и закономѣрности, но даже пугаютъ своихъ противниковъ этой самой законностью. (И нашли, подумаешь, чѣмъ пугать!) Законное направленіе, говорятъ охранители, не всегда бываетъ жизненнымъ и „вашей“ жизни придется очень туго при строго законномъ направленіи. Но, вѣдь, порядокъ и законность могутъ означать и нѣчто другое, чѣмъ законное направленіе во что бы то ни стало, говоритъ г. Петропавловскій. Эти два слова взаимно другъ друга ограничиваютъ и дополняютъ. Иллюстрируя свою мысль дѣятельностью суда присяжныхъ, онъ замѣчаетъ: очевидно, что по мнѣнію коммиссіи по пересмотру Судебныхъ Уставовъ порядокъ и законность мыслимы лишь при согласованіи дѣйствующихъ законовъ съ требованіями и условіями культурной жизни и предпочтеніи интересовъ жизни и правды формальнымъ требованіямъ закона. Иначе порядокъ и законность не могутъ быть понимаемы и въ другихъ сферахъ, и областяхъ жизни и не могутъ быть поддерживаемы чисто-примитивными средствами. Организація особой административной юстиціи является существенно необходимой. Административные суды въ культурныхъ государствахъ имѣютъ своею цѣлью обсужденіе дѣйствій и распоряженій разныхъ административныхъ лицъ и учрежденій съ точки зрѣнія ихъ соотвѣтствія съ истиннымъ смысломъ закона. Если административныя лица и учрежденія увѣрены, что ихъ дѣйствія не могутъ подлежать судебному разбирательству по жалобѣ частныхъ лицъ, то законъ легко превращается въ орудіе произвола и давленія. Организація административныхъ судовъ ничѣмъ въ сущности не отличается отъ организаціи судовъ общихъ. Устность, гласность процесса и несмѣняемость судей являются существенно необходимыми для правильнаго функціонированія органовъ административной юстиціи.

Всѣ эти разсужденія, разумѣется, совершенно правильны и помогаютъ разобраться въ запутанномъ вопросѣ о коллизіяхъ между дѣйствительностью и законностью. Они помогаютъ также и болѣе или менѣе вѣрному рѣшенію вопроса, многихъ смущающаго: придется или

не придется жизни туго отъ законнаго направленія. Но дальше, среди довольно, по правдѣ сказать, запутанныхъ и неясныхъ разъясненій г. Петропавловскаго по вопросу о необходимости, помимо законности, еще и развитія общественной совѣсти (да и не является ли сама законность необходимымъ условіемъ такого развитія?), у автора вырываются болѣе, чѣмъ странныя замѣчанія. „Классовая борьба на Западѣ,—говоритъ онъ,—тоже носитъ позорный, эгоистическій характеръ; но сравните эту борьбу съ гуломъ пожеланій, идущихъ съ разныхъ концовъ Россіи. Тамъ вы сразу видите, въ чемъ состоитъ общественный интересъ; а у насъ вы видите только одну безформенную массу позорныхъ стремленій, домогательствъ и притязаній, за которыми не слышно голоса общественной совѣсти и не видно общественнаго интереса. Одни настоятельно требуютъ освобожденія отъ *позорной* обязанности платить налоги на пользу „дорогого" отечества. Купецъ вопитъ противъ законодательства о рабочихъ и возмущается тѣмъ, что правительство вторгается въ предѣлы его *отеческой* власти. Онъ требуетъ, чтобы правительство за счетъ потребителей гарантировало ему прибыль „въ интересахъ обогащенія страны и процвѣтанія россійской коммерціи". Биржевой игрокъ требуетъ, чтобы государственный банкъ выкупалъ его и т. д.

Продожайте подбирать примѣры и вы составите такой букетъ нахальныхъ требованій къ правительству, что у васъ голова закружится. Неудивительно, что мыслящая часть общества отшатнулась въ сторону и живетъ особнякомъ, въ сферѣ своихъ скромныхъ интересовъ.

Строгъ г. Петропавловскій къ русскому обществу,—ахъ, какъ строгъ и несправедливъ... Сравните, говоритъ онъ. Ну, что же, сравнимъ! Вотъ, напримѣръ, во Франціи вносится проектъ подоходнаго налога и съ увѣренностью можно сказать, что если онъ и будетъ принятъ палатой, то будетъ отвергнутъ сенатомъ. А у насъ въ семидесятыхъ годахъ *почти всѣ* земства ходатайствовали о введеніи именно подоходнаго налога.

Можетъ быть, это была только мыслящая часть? Ну, не думаемъ! А ходатайства тѣхъ же земствъ и въ настоящее время, въ эпоху „позорныхъ стремленій" по вопросамъ народнаго образованія, объ увеличеніи крестьянскаго землевладѣнія, о мелкомъ долгосрочномъ кредитѣ для крестьянъ? А ходатайство съѣзда сельскихъ хозяевъ о введеніи всесословной волости? Да и многія другія ходатайства? Что это—все классовыя требованія, позорныя стремленія? А, вѣдь, это не „мыслящая часть" общества, а просто члены и представители самого общества. За позорными стремленіями не слышно голоса общества и не видно общественныхъ интересовъ. Ну, это какъ кому. Слѣпые ничего не видятъ, а глухіе ничего не слышатъ. Давно уже сказано: имѣющій уши—да слышитъ... Букетъ требованій предъявляемыхъ правительству! А тамъ, на Западѣ, не тотъ же букетъ; тамъ юнкера не вносятъ проекта Каница, а заводчики не выставили изъ своей среды Штумма? Формы дѣйствія иныя; но и у насъ, и тамъ классы стремятся проводить свои эгоистическія требованія при посредствѣ государства. И тамъ проявленій общественной совѣсти и общественнаго интереса, пожалуй, сравнительно говоря, поменьше будетъ. Оно и понятно. Тамъ уже достигнуты хоть примитивныя условія и гарантіи культурной жизни; тамъ не приходится ходатайствовать,—ну, хоть бы объ уничтоженіи тѣлеснаго наказанія... Нѣтъ, не по тому адресу направлены упреки г. Петро-

павловскаго, по какому слѣдуетъ. Все и видно, и слышно отлично. И не такъ уже плоха совѣсть нашего общества, какъ онъ полагаетъ.

Да и что это за отдѣленіе такое „мыслящей части“ общества отъ культурнаго общества во всей его совокупности? Вѣдь, это умственный аристократизмъ, нѣкоторое кастовое самочувствіе,—да притомъ наврядъ ли и оправдываемое фактами дѣйствительности. Да выгодно ли такое отдѣленіе для самой мыслящей части? Не выгоднѣе ли признать фактъ, т.-е. то, что своими тридцатилѣтними трудами эта мыслящая часть, несмотря на всѣ трудности ея работы, добилась-таки того, что влила свѣтъ сознанія въ среду, до тѣхъ поръ дѣйствительно мало культурнаго общества, что она внушила ему свои требованія и стремленія, и общество, сдѣлавшись болѣе культурнымъ, сдѣлало эти требованія своими, и потому мыслящая-то часть можетъ идти съ этимъ большимъ цѣлымъ рука объ руку, по крайней мѣрѣ, до извѣстнаго, довольно-таки отдаленнаго предѣла?...

Несомнѣнно, однако, что въ столь часто раздающихся ламентаціяхъ на наше общество есть много вѣрнаго и, главное, сильно наболѣвшаго. Только наболѣло-то не то, о чемъ обыкновенно говорятъ. Дефекты общества не въ слабомъ якобы развитіи его совѣсти, а въ его безсиліи. Общество одолѣваютъ разные безстыдники и озорники, и оно неспособно отмахнуться отъ нихъ. При видѣ разныхъ кунштюковъ, выкидываемыхъ озорниками въ жизни и въ печати, оно несомнѣнно относится къ нимъ съ осужденіемъ, но втихомолку, каждый порознь. По выраженію г. Эртеля, кадыки нахально объявляютъ, что ихъ мнѣніе именно и есть подлинное общественное мнѣніе. А кромѣ того они употребляютъ пріемъ запугиванія общества разными призраками. Трудно съ увѣренностью сказать, вѣритъ или нѣтъ общество въ эти призраки, но оно молчитъ, и его молчаніе озорники всегда могутъ истолковывать, какъ согласіе съ ними.

Однимъ изъ обычныхъ призраковъ, которымъ озорники пугаютъ общество, можно считать призракъ различныхъ сепаратизмовъ, которые якобы со всѣхъ сторонъ угрожаютъ нашему отечеству. Поводы, по которымъ вызываются такіе призраки, бываютъ иногда столь комичны, что еслибъ какой-либо юмористъ намѣренно выдумывалъ ихъ, ему пришлось бы напрягать всю силу своего таланта, чтобъ изобрѣсти что-нибудь равное по комизму. Но, какъ извѣстно, жизнь самый великій изъ юмористовъ. Вотъ, наприм., г. Владиміровъ (*Русское Обозрѣніе*) вызываетъ призракъ польской интриги и польской справы,—по какому бы, вы думали, поводу? По поводу того, что въ Вильнѣ памятникъ Муравьеву будетъ сооружаться не на томъ мѣстѣ, которое облюбовали гг. озорники, а на другомъ, избранномъ комитетомъ, состоящимъ, замѣтьте, изъ высшихъ администраторовъ края подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго генералъ-губернатора. Г. Владиміровъ негодуетъ и на то, что въ комитетѣ нашлись члены, возражавшіе противъ самого памятника, и на то, что одинъ петербургскій чиновникъ сказалъ ему въ *частномъ разговорѣ*: „По моему мнѣнію, съ памятникомъ Муравьеву поторопились. Нужно бы подождать, по меньшей мѣрѣ, сто лѣтъ, по прошествіи которыхъ исторія безошибочно рѣшила бы, заслуживаетъ Муравьевъ памятника или не заслуживаетъ“. Кстати сказать, г. Владиміровъ не постѣснился обозначить иниціалы фамиліи этого неосторожнаго чиновника...Впрочемъ, такимъ „блюстителямъ порядка“ къ этому не привыкать стать... Ну какъ же „патріотамъ своего отечества“ по такому

поводу не закричать: караулъ! и не вызвать призрака польской справы и польской интриги. А мы-то, бѣдное общество, живемъ себѣ въ безопасности и мирѣ и не чувствуемъ, что интрига захватила въ свои сѣти всѣхъ высшихъ администраторовъ края, во главѣ съ самимъ высшимъ представителемъ власти... Вотъ, вѣдь, страхи какіе! Такъ какъ отказъ комитета соорудить памятникъ на мѣстѣ, облюбованномъ виленскими „русскими людьми", мотивированъ намѣреніемъ соорудить на этомъ мѣстѣ памятникъ одному изъ нашихъ государей, то г. Владиміровъ, не стѣсняясь, заявляетъ, что этотъ мотивъ—чистая ложь, потому что о такихъ памятникахъ онъ не слыхалъ, хотя и былъ близокъ къ муравьевскимъ сподвижникамъ... Все это было бы, конечно, только смѣшно, еслибъ не было такъ... скверно!

Другой добровольцъ, какой-то г. Х., открываетъ сепаратизмъ въ другомъ концѣ нашего обширнаго отечества—у армянъ. Онъ довольно храбро заявляетъ, что скоро настанетъ время, когда армянскій вопросъ отодвинетъ на задній планъ вопросъ польскій. И, разумѣется, негодуетъ на все и на всѣхъ, даже на русскую цензуру, которая яко бы попустительствуетъ стремленіямъ армянъ къ сепаратизму. Цензура, по мнѣнію добровольца, не видитъ, что армяне совершаютъ государственное преступленіе, преслѣдуя въ своей поэзіи и беллетристикѣ національныя цѣли,—цѣли пробужденія національнаго сознанія,—и разсказывая въ своихъ газетахъ объ убійствахъ и грабежахъ, совершающихся въ Россіи, т.-е. исполняя свою обязанность дѣятелей печатнаго слова. Однимъ словомъ, армяне оказываются виновными въ томъ, что они—армяне, и ихъ не мѣшало бы предать „потоку и разграбленію". Г. Х. произноситъ, въ концѣ-концовъ, такія безстыжія слова, которыя одни могли бы на вѣки сохранить въ благодарномъ потомствѣ память о „кухонныхъ мастерахъ журнальной реакціи", еслибы всѣ другія ихъ рѣчи были забыты: „вопросъ о турецкихъ звѣрствахъ не можетъ подлежать обсужденію, ибо для этого нѣтъ данныхъ". Если г. Владиміровъ, близкій къ муравьевскимъ сподвижникамъ, не смутился и прямо обвинилъ въ „измѣнѣ" членовъ виленскаго комитета, то и г. Х. не желаетъ отставать отъ него въ такой печальной храбрости. Онъ изслѣдуетъ помыслы католикоса Мрктича I: „Не можемъ,—говоритъ онъ,—умолчать о рѣчи католикоса въ Петербургѣ". И точно не умолчалъ. Католикосъ говорилъ объ Арменіи, и мы, простодушные люди, полагали, что такъ и надо, потому что о чемъ же другомъ ему и говорить? Не о русскихъ же патріотахъ своего отечества"? А оно оказывается вонъ что! Армянская интрига. „Что разумѣлъ его святѣйшество подъ словомъ Арменія"?—допытывается добровольцъ. Эхъ жаль, что нельзя съ пристрастіемъ. А то бы онъ допытался.

Да, одолѣли русское общество озорники, и никакъ оно отъ нихъ отмахаться не можетъ, хоть и надоѣли они ему до смерти.

Мы въ большомъ долгу предъ читателемъ. Давно уже мы должны были побесѣдовать съ нимъ о любопытныхъ статьяхъ г. Мельшина: *Въ мірѣ отверженныхъ (Рус. Богатство)*. Но, къ сожалѣнію, и теперь, въ виду недостатка мѣста мы ограничимся только разсказомъ г. Мельшина о чтеніяхъ его съ арестантами и о впечатлѣніи, произведенномъ на нихъ этими чтеніями. Эти страницы очерка г. Мельшина имѣютъ совершенно самостоятельный интересъ...

Пушкинъ понравился каторжнымъ и былъ понятъ почти весь безъ исключенія. Наибольшимъ тріумфомъ увѣнчались *Борисъ Годуновъ, Ка-*

питанская дочка и *Дубровскій.* Сцена въ корчмѣ вызвала неудержимое веселье и хохотъ. Личность Годунова была понята всѣми, и его имя сдѣлалось въ тюрьмѣ синонимомъ лицемѣрія и политиканства. Большинство отдавалось всегда именно тому настроенію, которое преслѣдовалъ авторъ, и получало тѣ же впечатлѣнія, какія получаютъ всѣ нормальные читатели. *Король Лиръ* и *Отелло* произвели небывалый, невиданный мною фуроръ и поняты были приблизительно такъ, какъ ихъ слѣдуетъ понимать. Впечатлѣніе отъ *Отелло* было потрясающее. Лермонтовъ пользовался въ тюрьмѣ, несомнѣнно, большею популярностью, чѣмъ Пушкинъ. Онъ не только никого не заставлялъ скучать, но нравился даже и мелкими своими лирическими стихотвореніями, чего нельзя сказать про Пушкина. *Демономъ* страшно увлеклись, такъ что готовы были хоть каждый вечеръ его слушать. *Пѣсня о купцѣ Калашниковѣ* смѣло могла поспорить съ *Демономъ.* Пушкина тоже любили, понимали его несомнѣнно даже больше, а предпочитали, все-таки, Лермонтова. Но несомнѣннымъ кумиромъ каторжныхъ, писателемъ, пользовавшимся наибольшею любовью и успѣхомъ, былъ Гоголь. *Вечера на хуторѣ* слушались всегда съ напряженнѣйшимъ вниманіемъ и сопровождались самымъ искреннимъ хохотомъ. Но наибольшій фуроръ произвели *Мертвыя души* и *Тарасъ Бульба.* Впечатлѣніе отъ того и другого произведенія было различное, но почти одинаково громадное. Не подлежитъ сомнѣнію,—говоритъ г. Мельшинъ, — что это истинно-народный писатель, единственный изъ всѣхъ русскихъ писателей, который теперь же можетъ быть понятъ и оцѣненъ массой народа. Чтенія эти, будучи поставлены на правильную почву, также какъ и учебныя занятія, могли бы, по справедливому мнѣнію автора, сыграть огромную роль въ дѣлѣ исправленія арестантовъ, медленно и незамѣтно для нихъ расширяя ихъ умственные горизонты и пересоздавая нравственныя понятія. Наибольшимъ успѣхомъ и наибольшимъ вліяніемъ среди арестантовъ пользовались именно большія вещи, чтеніе которыхъ тянулось изъ вечера въ вечеръ, затягивая вниманіе слушателей въ самыя сокровенныя глубины повседневной жизни и психологіи, не только пробуждая мысль, а и давая ей время настроиться на извѣстный ладъ. Небольшія же повѣсти только раздражали арестантовъ; едва успѣвалъ неразвитой умъ напрячь вниманіе и войти въ извѣстное настроеніе, какъ разсказъ уже оканчивался. Арестантамъ нужны прочныя и глубокія, а не мимолетныя впечатлѣнія. Эти замѣчанія автора цѣнны и сами по себѣ и какъ указаніе въ дѣлѣ организаціи народныхъ деревенскихъ чтеній.

Народное образованіе, ежемѣсячный журналъ. Годъ первый. Книга I. Спб., 1896 г. Журналъ начинается отдѣломъ оффиціальнымъ, въ которомъ сообщаются свѣдѣнія, относящіяся *исключительно къ церковно-приходской школѣ.* И въ объявленіи отъ редакціи, и во всѣхъ статьяхъ проводится та односторонняя мысль, что только церковно-приходская школа заслуживаетъ уваженія, а всѣ прочія, министерскія и земскія — безполезны. Земскія школы провозглашаются редакціей какъ школы „псевдоевропейскія". Вліяніе западноевропейской педагогики на русскую редакція считаетъ тлетворнымъ. По ея мнѣнію, наша народная школа начала падать съ эпохи освобожденія крестьянъ, а до того времени, особенно въ древности, она процвѣтала и находилась въ идеальномъ положеніи и была распространена по всей Россіи. Жаль только, что редакція ничѣмъ не доказываетъ своихъ новыхъ историческихъ идей.

Эпоха реформъ представляется редакцiи въ самомъ мрачномъ свѣтѣ: общество, бродившее въ потемкахъ, совсѣмъ неразвитое, лишенное „какого бы то ни было образованiя" (?!), жадно прислушивалось къ журнальной „сплетнѣ о западно-европейскомъ движенiи идей" и горячо противилось тому, „чтобъ образованiемъ народа завѣдывала церковь и „ретроградное" духовенство, вопреки ученiю Бокля, Дрэпера и другихъ". Редакцiя при этомъ оговаривается, что она и не думаетъ обвинять земство, а только старается быть безпристрастной и справедливой: „*Не будемъ*,—говоритъ она, — *осуждать земство, что оно поддалось теченiю эпохи, и вмѣсто того, чтобы поддержать школы, основанныя духовенствомъ, и дать средства для ихъ развитiя и благоустройства, оно стало забирать ихъ въ свои руки (?) и основывать новыя—свои школы*".

Подъ влiянiемъ западныхъ идей, всѣ, по мнѣнiю автора, боялись тогда попасть въ число „осталыхъ", „консерваторовъ", „ретроградовъ". И вотъ, наконецъ, „явился моральный терроръ либеральнаго доктринерства. Разучились различать правое отъ лѣваго, истину отъ лжи". Однимъ словомъ, если вѣрить редакцiи, была ужасная пора!...

Скажемъ нѣсколько словъ о прилагаемомъ къ журналу „Дневникѣ учителя церковно-приходской школы". По поводу этого дневника намъ вспоминается разсказъ Г. И. Успенскаго съ разговорами богомолокъ и странницъ о томъ, когда бываетъ звонъ, когда трезвонъ и т. п. Авторъ сообщаетъ, почти исключительно, о томъ, какiе стихиры, ирмосы, тропари, кондаки и проч. онъ пѣлъ съ учениками, когда онъ исповѣдывался, когда читалъ „правило", сколько просфоръ выдано было ученикамъ, когда ученики усвоили себѣ дiэзъ, бемоль и т. п. Чтобы не быть голословными, выпишемъ нѣсколько строкъ слово къ слову, и читатели увидятъ, какъ складно, связно, интересно пишетъ г. Мироносицкiй (авторъ „Дневника"): „Въ первый классъ не ходилъ, занятый отводомъ мѣста. Послѣ своихъ уроковъ первоклассники приходили въ наши классы, и здѣсь я сдѣлалъ имъ урокъ пѣнiя.. Во всѣхъ частяхъ училъ „Взбранной Воеводѣ"—къ богородичному стоянiю. Весна идетъ. Сегодня общежитникамъ пекли изъ тѣста жаворонковъ".

Дѣтское чтенiе, *январь.* Разсказъ г. Мамина-Сибиряка *Сочельникъ* пробуждаетъ въ читателяхъ честное сознанiе, что когда веселится и отдается роскоши и нѣгѣ богатый человѣкъ, ему не мѣшаетъ вспомнить о тѣхъ, кто бѣденъ и голоденъ, кому не до веселья и пировъ. Старый и бѣдный деревенскiй священникъ говоритъ своей маленькой дочкѣ о великомъ значенiи свѣтлаго дня, Рождества Христова. Это— великiй день, день освобожденiя и духовнаго спасенiя человѣчества. Въ такой день, по мнѣнiю добраго батюшки, не совсѣмъ подобаетъ устраивать елки. „У богатыхъ дѣтей безъ этого такъ много удовольствiй, игрушекъ и всякихъ забавъ. Зачѣмъ же еще елка? Не хорошо то, что такiя елки возбуждаютъ только зависть въ бѣдныхъ, обездоленныхъ дѣтяхъ. Вотъ давеча я иду мимо дома управляющаго, а около него набралось деревенской дѣтворы цѣлая туча. Такъ и лѣзутъ къ окнамъ. Дома-то и холодно, и темно, и голодно, такъ хоть посмотрѣть на другихъ. Не хорошо, когда въ невинномъ дѣтскомъ сердцѣ появляются первыя сѣмена зависти... ахъ, какъ нехорошо!..."

Прекрасное стихотворенiе г. Лодыженскаго *При огонькѣ* такъ и просится въ число образцовъ для лучшей дѣтской христоматiи. Поэтъ

вводитъ насъ въ убогую деревенскую избушку, гдѣ въ поздній вечеръ сидитъ мальчуганъ и читаетъ книгу. Надъ селомъ царитъ непроглядная ночь, рыдаетъ снѣжная буря, а мальчикъ уносится сладкою мечтой въ туманную даль, въ далекія теплыя страны, гдѣ растутъ стройныя деревья, и цвѣты, гдѣ пѣвучія волны бьются объ угрюмыя скалы. Но недолго упиваться мальчику пылкими мечтами, подсказанными книгой: утромъ его ожидаютъ обычныя заботы и трудъ. И поэтъ выражаетъ благодарность „свѣточу знанья, съ которымъ и бѣдные отдыхъ найдутъ и, вѣрно, бодрѣе свой крестъ понесутъ, исполненный мукъ и страданья“.

Г. Станюковичъ съ присущимъ ему мастерствомъ рисуетъ картину изъ морскихъ нравовъ. Разсказъ его относится ко времени междоусобной войны въ Соединенныхъ Штатахъ. Русскіе матросы спасли погибавшаго на океанѣ маленькаго негра и ласково пріютили его въ своей средѣ. Разсказъ соединяетъ въ себѣ и симпатичность, и юморъ, благодаря которымъ читатели съ нетерпѣніемъ будутъ ожидать его окончанія, обѣщаннаго въ слѣдующей книжкѣ.

Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ подробнѣе остановиться на начатой повѣсти г. Потапенка и другихъ интересныхъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ обширномъ выпускѣ январьской книжки.

Дѣтскій Отдыхъ, *январь*. Повѣсть г. Засодимскаго *Милочка*, судя по началу, обѣщаетъ быть очень интересной. Въ ней главнымъ лицомъ является дѣвочка, изъ помѣщичьей семьи, живущая безвыѣздно въ усадьбѣ и какъ нельзя лучше свыкшаяся съ жизнью на вольной волюшкѣ, на лонѣ природы вмѣстѣ съ своими сверстниками—деревенскими ребятишками. Она держала себя просто, безъ всякаго барства балованныхъ дѣтей, и любила всего болѣе заниматься простыми деревенскими работами.

Разсказъ г. Потапенка *Чеботки съ подковками* привлекаетъ сочувствіе юныхъ читателей къ слабому, дряхлому деревенскому старичку, который чуть было не заблудился на дорогѣ, но былъ во-время спасенъ. Живо очерченъ авторомъ симпатичный образъ благодушнаго, добренькаго старика.

Путешествіе по Туркестану г. Богоявленскаго представляетъ собою разсказъ о явленіяхъ вполнѣ интересныхъ, но изложеніе ихъ у автора очень неинтересное, сухое. То же содержаніе дать въ руки человѣка, владѣющаго перомъ и умѣющаго примѣняться къ интересу дѣтей,—и *Путешествіе* читалось бы съ большимъ удовольствіемъ.

Отголоски представляютъ собою неудачную попытку дать понятіе дѣтямъ о значеніи научной дѣятельности Пастера, Гёксли, Карла Фохта и другихъ умершихъ въ прошломъ году ученыхъ. Могутъ ли дѣти сознать величіе того или другого ученаго, о трудахъ котораго имъ будетъ сказано нѣсколько строкъ? Что дастъ дѣтямъ такая неопредѣленная фраза: „Гёксли былъ горячимъ поклонникомъ естествознанія; *естественныя науки*, — говоритъ онъ, — *составляютъ основаніе нашего благосостоянія*?“ Говоря о Фохтѣ, авторъ слегка упоминаетъ о „новыхъ ученіяхъ“ Дарвина, которыя для дѣтей—terra incognita. Напрасно авторъ думаетъ, что дѣти поймутъ сущность ученія Дарвина на основаніи мимоходомъ брошенной фразы: „Мнѣніе Дарвина, что виды животныхъ постоянно измѣнялись и еще теперь измѣняются, и что отдаленные предки животныхъ были совсѣмъ не похожи на тѣхъ, ко-

торые въ настоящее время населяютъ землю, произвело на Фохта сильное впечатлѣніе".

До какой степени неумѣло пишетъ авторъ *Отголосковъ*, видно и изъ такого примѣра: характеризуя въ нѣсколькихъ строкахъ личность Фохта, авторъ говоритъ: „*Всю жизнь онъ искалъ истину*, не боялся уступать, когда чувствовалъ, что ошибался, и всегда былъ готовъ бороться за то, что считалъ истиннымъ и справедливымъ. *Такимъ образомъ* (?) *мы видимъ* (откуда?), что этотъ выдающійся ученый *всю жизнь свою искалъ только истину*". Какое представленіе составятъ себѣ дѣти о значеніи трудовъ Мих. Петр. Авенаріуса по такой фразѣ: „Авенаріусъ занялся *вопросомъ о теплотѣ*". Въ добавокъ ко всему *Отголоски* написаны скучно, сухо и напоминаютъ собою безцвѣтные некрологи.

Не думаемъ также, чтобы заслуживало одобренія мистическое направленіе, которымъ проникнуты были многія статьи журнала еще въ прошломъ году, особенно *Письма къ Нинѣ* г. Круглова. Правда, этотъ отдѣлъ прекратился, повидимому, въ нынѣшнемъ году. Однако, и новогодняя книжка не обошлась безъ привидѣній (см. разсказъ *Веселый портной*). Вообще, *Дѣтскій Отдыхъ* до сихъ поръ не пріобрѣлъ опредѣленной физіономіи.

Всходы, № 1. По первому выпуску нельзя судить о журналѣ, и мы воздержимся отъ преждевременныхъ сужденій. Отмѣтимъ только, что первая книжка производитъ впечатлѣніе благопріятное. Очень хорошъ и интересенъ разсказъ г. Станюковича: *Пожаръ на кораблѣ*. Не слѣдуя примѣру большинства дѣтскихъ писателей, любящихъ для дѣтей писать только о дѣтяхъ, г. Станюковичъ писалъ такъ, какъ вылилось само изъ души. И разсказъ его такъ живъ, что прочтется и взрослыми съ большимъ удовольствіемъ. При чтеніи его вами овладѣваетъ волненіе, чувство страха за людей, находящихся въ опасности; и это чувство переходитъ въ живую радость, когда вы узнаете о счастливомъ случаѣ, выручившемъ горемычныхъ моряковъ изъ бѣды.

Г-жа Анненская даетъ интересный очеркъ изъ жизни средне-вѣковой Европы, составленный по Фрейтагу. Г. Сѣрошевскій занятно разсказываетъ о ѣздѣ на собакахъ въ Сибири. Г-жа Л. Давыдова сообщаетъ біографію „сапожника-миссіонера" Вильяма Кэри. Жаль, что эта біографія разсказана слишкомъ сжато: дѣтямъ надо передавать яркіе факты и образы, которые могли бы прочно залегать въ ихъ душѣ и чаще вспоминаться,—только тогда и будутъ поучительные образцы жизни нравственно-полезно вліять на ихъ поведеніе.

Въ журналѣ есть отдѣлъ „для младшихъ братьевъ и сестеръ". Тутъ помѣщенъ крошечный разсказъ г-жи Анненской: *Моя первая елка* и два рисунка. Есть отдѣлъ и для родителей. Сюда относятся критическіе отзывы о дѣтскихъ книгахъ.

Родникъ, № 1. Не часто приходится встрѣчать въ дѣтской литературѣ такъ удачно, живо и въ то же время просто написанныя статьи по научнымъ предметамъ, какъ *Ліаны на дачѣ* г. Кирпотенка. Съ живымъ интересомъ читается и біографическая повѣсть г. Авенаріуса: *Жизнь и приключенія Гоголя-студента*. Трогательное впечатлѣніе производитъ поучительная біографія миссіонера Даміана де-Вестера, излагаемая подъ заглавіемъ: *Живая любовь* г. Горбуновымъ-Посадовымъ. Вся жизнь этого необыкновеннаго человѣка состояла изъ добрыхъ дѣлъ,

изъ подвиговъ самоотреченія ради страждущаго человѣчества. На Сандвичевыхъ островахъ въ теченіе 10 лѣтъ онъ обращалъ въ христіанство полудикихъ жителей. Посѣтивъ однажды островъ Молокаи, гдѣ въ грязныхъ, вонючихъ берлогахъ жили несчастные прокаженные, Даміанъ рѣшилъ остаться здѣсь для того, чтобы посвятить всю свою жизнь этимъ отверженнымъ пасынкамъ судьбы. Онъ не боялся рисковать собственною жизнью, получить заразу отъ этихъ больныхъ, жилъ съ ними и сдѣлалъ для нихъ цѣлый рядъ услугъ. Съ живымъ интересомъ будетъ прочтена и переводная повѣсть Альфонса Додэ *Исторія одного ребенка*. Всѣ вышеуказанныя произведенія только начаты въ январьскомъ выпускѣ.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 января 1895 г. по 1 февраля 1896 г.

Акаемовъ, Н. Ѳ. Памятная книжка Варшавской губерніи на 1896 г. Варшава, 1896 г. Ц. 2 р.

Анненковъ, К. Система русскаго гражданскаго права. Т. II. Спб., 1895 г. Ц. 4 р.

Аргамакова, Серафима. Къ вопросамъ этики въ современномъ бракѣ. Полоцкъ, 1895 г. Ц. 60 к.

Бальмонтъ, К. Въ безбрежности. М., 1895 г. Ц. 1 р.

— Сочиненія Шелли. Переводъ съ англійскаго. Вып. 4-й. М., 1896 г. Ц. 50 к.

Бемъ, А. А. и Давыдовъ, М. М. Учебникъ гистологіи человѣка со включеніемъ микроскопической техники. Съ 246 рисунками. Переводъ съ нѣмецкаго В. Львова. М., 1896 г. Ц. 3 р.

Бернацкій, А. А. Кустарно-промышленныя товарищества и артели въ Пермской губерніи, организованныя при содѣйствіи Кустарно-промышленнаго банка Пермскаго губернскаго земства. Пермь, 1895 г.

Бехтеревъ, В. Значеніе органовъ равновѣсія въ образованіи представленій о пространствѣ. Спб., 1896 г.

Библіотека. Книга IX (година II). Пловдивъ. Издание и печать на Хр. Г. Дановъ. 1895 г.

Бородинъ, П. М. Послѣдняя година міра и Церкви Христовой на землѣ.

Властовъ, П. М. Двунадесятые праздники и Воскресеніе Христово.

Волковъ, Л. П. „На Амурѣ“. Стихотвор. Благовѣщенскъ. 1895 г. Ц. 2 р.

Головинъ, К. Мужикъ безъ прогресса или прогрессъ безъ мужика. Спб., 1896 г. Ц. 1 р.

Голубевъ, А. К. Русскіе банки. Спб., 1896 г. Ц. 2 р. въ пер.

Горкевичъ, Л. Гай Саллюстій Криспъ. Выпускъ I. Харьковъ. 1895 г. Цѣна 45 к.

— Гай Саллюстій Криспъ. Вып. II. Ц. 40 к.

Гофманъ, К. Ботаническій атласъ. Вып. I. Спб., 1896 г. Ц. 1 р.

Гофманъ, С. О. Новый лѣсной календарь на 1896 г. Самара, 1895 г.

Гравинкель, К. и Штреккеръ, К. Добавленія къ справочной книгѣ для электротехниковъ. Изданіе К. Л. Риккера. 1896 г. Ц. 50 к.

Данте, Аллигіери. Божественная комедія. Часть I. Перев. Голованова. М., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

d'Alheim, Pierre. Moussorgski. Paris, 1896 г. Ц. 1 р. 40 к.

Дело лист за науку. кньижевност и друштвени живот. Децембар година друга уредник М. Б. Миловановичъ. Београдъ, 1895 г.

Джаншіевъ, Гр. Судъ надъ судомъ присяжныхъ. Изд. 2 ое, допол. М., 1896 г. Ц. 50 к.

Залѣскій, В. Ф. Экономическія явленія въ мірѣ животномъ. Казань, 1896 г. Ц. 25 к.

Записки соединенной комиссіи представителей Нижегородскаго губернскаго земства. Н.-Новгородъ, 1896 г.

Изд. Морозова. Патріархъ Никонъ, возлюбленникъ и содружебникъ царя Алексѣя Михайловича.

Каменскій, П. В. Вопросъ или недоразумѣніе? М., 1895 г. Ц. 1 р.

Келлеръ, К. Жизнь моря. Выпускъ I. Спб., 1896 г. Ц. 60 к.

Ковалевскій, Евграфъ. Народное образованіе въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Спб., 1895 г.

Козубскій, Е. И. Опытъ библіографіи Дагестанской области. Темиръ-Ханъ-Шура, 1895 г.

— Памятная книжка Дагестанской области. Темиръ-Ханъ-Шура, 1895 г.

Кокулинъ, К. Школы и грамотность въ Киренскомъ округѣ, Иркутской губ. Памятная книжка. Издала въ пользу школъ округа Ю. И. Базанова. Иркутскъ, 1895 г.

Колокольцова, В. Г. Къ вопросу о введеніи всеобщаго начальнаго образованія въ Волчанскомъ уѣздѣ, Харьковской губ. Харьковъ, 1895 г.

Контора Кноппъ и ея значеніе. Спб. 1895 г.

Кондратьевъ, И. К. Толковый и справочный библейскій словарекъ.

— Бичъ Божій. Историческій романъ изъ жизни древнихъ славянъ.

— Салтычиха. Историч. романъ.

— Грозный отцовскій завѣтъ. Горный топазъ. Двѣ народныя бывальщины.

— Сѣдая старина Москвы. Историческій обзоръ и указатель ея достопамятностей.

Коровинъ, А. Послѣдствія алкоголизма и общественная борьба съ нимъ. М., 1896 г. Ц. 35 к.

Костадинъ. Цареградская патріархія. Спб., 1896 г.

Крижъ, В. О. Первое домашнее чтеніе сельскаго школьника. Выпускъ II. М., 1896 г. Ц. 30 к.

Круковскій, Адр. Учебникъ грамматики русскаго языка. Спб., 1896 г. Ц. 65 к.

Кузьмичъ. Пьянство, или много пить, добру не быть.

— Кіевскія святыни. Указатель и путеводитель для богомольцевъ.

Куницкій, С. К. Основанія графическихъ способовъ разсчета мостовъ простыхъ системъ. Съ 64 политипажами въ текстѣ. Изд. К. Л. Риккера. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 60 к.

Куно Фишеръ. Артуръ Шопенгауэръ. М., 1896 г. Ц. 3 р.

Куракинъ, Ѳ. А. Архивъ. Книга 5. 1894 г.

Курсинскій, А. Полутѣни. Лирическія стихотвор. за 1894—95 г.

— Изъ Томаса Мура. Мелодіи. Переводъ съ англ. М., 1896 г. Ц. 50 к.

Лагевницкій, В. Ѳ. Необходимость игръ и физическихъ упражненій при воспитаніи молодого поколѣнія.

Лыкошинъ, Нилъ. Автографія Тамерлана. Переводъ съ тюркскаго. Издана Сыръ-Дарьинскимъ статистич. комит. Ташкентъ, 1894 г.

Меркель, А. Элементы общаго ученія о правѣ. Харьковъ, 1896 г. Ц. 40 к.

Москвичъ, Григорій. Кавказъ. Одесса, 1896 г. Ц. 60 к.

Обзоръ Ярославской губерніи. Вып. II. Ярославль, 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Обозрѣніе психіатріи, неврологіи и экспериментальной психологіи подъ редак. Бехтерева. Спб., 1896 г. Ц. 9 р.

Окуловъ, П. И. Общественныя крестьянскія потребительскія лавки. Кіевъ, 1895 г. Ц. 15 к.

Оствальдъ, Вильгельмъ. Несостоятельность научнаго матеріализма. Рига, 1896 г. Ц. 20 к.

Отчетъ совѣта общества любителей изслѣдованія Алтая за 1894 г. Барнаулъ, 1895 г.

Отчетъ общества взаимнаго вспомоществованія учителямъ и учительницамъ Нижегородской губ. Н.-Новгородъ, 1895 г.

Отчетъ русскаго хорового общества за 1894—95 г. М., 1895 г.

Пазухинъ, А. Московскіе коршуны. Романъ.

Памяти Надежды Васильевны Стасовой. Спб., 1896 г. Ц. 50 к.

Penzoldt и Stintzing. Руководство къ частной терапіи и внутреннихъ болѣзней. Вып. 5-й. Изданіе Риккера. Спб., 1895 г.

Покровская, М. И. О дѣтскихъ развлеченіяхъ. Спб., 1896 г. Ц. 50 к.

Положеніе армянъ въ Турціи. Москва, 1896 г. Ц. 1 р.

Преображенскій, Г. Краткая исторія Россійскаго государства. Москва, 1896 г. Ц. 25 к.

Розенбергъ, С. С. Судьбы нашей корпоративной присяжной адвокатуры. Спб., 1896 г.

Россиковъ, К. Н. Состояніе ледниковъ сѣвернаго склона центральнаго Кавказа. Отчетъ за 1893—94 г. Тифлисъ, 1895 г.

Россикова, А. Е. Путешествіе по центральной части горной Чечни. Тифлисъ, 1895 г.

Садовый альбомъ. Приложеніе къ „Вѣстнику Импер. Россійск. Общ. Садов." за 1895 г.

Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Орловск. губ. Т. VIII. Изд. Орловск. губ. земства. 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.

Сборникъ статей по вопросамъ, относящимся къ жизни русскихъ и иностранныхъ городовъ. Вып. II. Москва, 1895 г.

Сборникъ свѣдѣній по культурѣ цѣнныхъ растеній на Кавказѣ. Вып. II. Тифлисъ, 1895 г.

Сводъ свѣдѣній объ умершихъ въ городѣ Москвѣ за 1894 г. Москва, 1895 г.

Святочныя и масляничныя развлеченія. 1894 г. Ц. 10 к.

Сельско-хозяйственный обзоръ по Орлов. губ. за 1895 г. Вып. II. Орелъ, 1895 г. Ц. 1 р.

Сибирскій торгово-промышленный и справочный календарь за 1896 г. Изданіе Ф. П. Романова. Томскъ. Ц. 1 р. 50 к.

Смирновъ, Павелъ. Какъ дѣлають мыло. Спб., 1896 г. Ц. 20 к.

Соколовъ, Сергѣй. Астрономическія изслѣдованія. М., 1896 г. Ц. 1 р.

Собраніе стихотвореній Виктора Гюго въ переводахъ русскихъ писателей. Вып. X. Тифлисъ, 1895 г. Ц. 20 к.

Сорокинъ, В. М. Лекція по вексельному праву. С.-Петербургскихъ коммер. женскихъ курсовъ П. О. Ивашинцовой. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 40 к.

Состояніе начальнаго народнаго образованія въ Петровскомъ уѣздѣ Саратов. губ. въ 1894—1895 уч. годъ. Докладъ инспектора народныхъ училищъ Петровскаго уѣзда Н. Феликсова XXX Петровскому уѣздному очередному собран. сессіи 1895 г. Петровскъ, 1895 г.

Сперанскій, Сергѣй. Организація указанія работы въ Берлинѣ.

Сторожевъ, В. Н. Тверское дворянство XVII в. Выпускъ 4-й. Тверь, 1895 г.

Страусъ, О. Э. Календарь для электротехниковъ. Изд. Риккера. Спб., 1896 г.

Терновскій, С. Г., Протоіерей. Толкованіе темныхъ изреченій въ церковной псалтири.

Тихомировъ, Д. И. Вешніе всходы. 1-я послѣ азбуки книга для чтенія. Ц. 30 коп.

— 2-я книга для чтенія. Ц. 35 к.

— Руководство для учителя. М., 1896 г. Ц. 30 к.

Токмаковъ, И. Историческія свѣдѣнія о чудотворной иконѣ Божіей Матери „Боголюбскія“.

Тома, Феликсъ. Внушеніе и значеніе его въ воспитаніи. Изданіе Д. В. Байкова и К°. М., 1896 г. Ц. 40 к.

Холодовъ, И. А. Мысли и сопоставленія по поводу современнаго понятія о любви.

Чикалевъ, В. Н. Справочникъ для электротехниковъ. Спб., 1896 г. Ц. 3 р.

Шерръ, І. Всеобщая исторія. Вып. VII.

Шперкъ, Ѳедоръ. Книга о духѣ моемъ. Часть I. Спб., 1896 г. Ц. 30 к.

Шумаковъ, Сергѣй. Губныя и земскія грамоты Московскаго государства. М., 1895 г. Ц. 2 р.

Юридическая библіотека № 7. Судебные ораторы въ древнемъ мірѣ. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.

— № 8. Гипнотизмъ въ правѣ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

ОГЛАВЛЕНІЕ
„Библіографическаго отдѣла".

I. Книги.

Стр.

Беллетристика: „Семья или сцена?" Романъ *В. Свѣтлова.*—„Новые люди". Разсказы *З. Н. Гиппіусъ.*—„Сочиненія Шелли". Перев. *К. Д. Бальмонта* . . 49

Критика и публицистика: „Сочиненія Н. В. Шелгунова".—„Литературно-критическія характеристики". *М. А. Протопопова* 53

Философія и психологія: „Вопросы Философіи и Психологіи".—„Этюды по философіи наукъ". *А. Лаланда* 54

Исторія, мемуары: „Р. Саадія Гаонъ". Біографич. очеркъ. *Германа Генкеля.*—„Исторія культуры". *Фр. Штрайслера.* — „50 лѣтъ артистической дѣятельности Э. Росси". Сост. *С. И. Лаврентьева* 56

Географія, этнографія: „Извѣстія восточно-сибирскаго отдѣла Императ. русск. географич. общества".—„Туземцы сѣверо-восточнаго Кавказа". *Н. Семенова.*—„Туземцы сѣвернаго Кавказа". *Евг. Максимова и Г. Вертепова.* . . . 61

Статистика: „Памятная книжка Тульской губ. на 1895 г." 63

Юридическія книги: „Курсъ уголовнаго судопроизводства". *И. Я. Фойницкаго.*—„Отмѣна рѣшеній по просьбѣ третьихъ лицъ, не участвовавшихъ въ дѣлѣ". *Д. С. Флексора* 65

Техническія книги: „Полезная библіотека. Электричество въ домашнемъ быту". Сост. *Н. Довяковскій.* — „Таблицы для подбора поперечныхъ сѣченій и исчисленія вѣса металлическихъ содержаній". Сост. *Н. А. Бѣлелюбскій и Н. Б. Богуславскій.*—„Прямолинейная тригонометрія". Сост. *А. Воиновъ* 67

Сельское хозяйство: „Птичій дворъ въ русскихъ хозяйствахъ". *И. Н. Абозина* 69

Народныя изданія: Изданія книжнаго склада А. М. Мурыновой . . . . —

II. Періодическія изданія.

„Русское Богатство", *декабрь.* — „Вѣстникъ Европы", *январь.*—„Сѣверный Вѣстникъ", *январь.* — „Русское Обозрѣніе", *январь.*— „Народное Образованіе", *книга I.*—„Дѣтское Чтеніе", *январь.* — „Дѣтскій Отдыхъ", *январь.* — „Всходы", № *1.*—„Родникъ", № *1.* 73

III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль" съ 1 января по 1 февраля 1896 г.

Богословскій, В. С., проф. Пятигорскія и съ ними смежныя минеральныя воды. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.

Гольцевъ, В. А. Вопросы дня и жизни. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к.

— Объ искусствѣ. Критическія замѣтки. Цѣна 1 руб.

— Литературные очерки. Цѣна 1 руб. Пересылка за 1 фунтъ по разстоянію.

Чеховъ, Мих. Закромъ. Словарь для сельскихъ хозяевъ. Цѣна 1 руб.

Чеховъ, Ан. Островъ Сахалинъ. (Изъ путевыхъ записокъ). Ц. 2 р.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Хлѣбъ. Романъ. М., 1896 г. Ц. 2 р.

Астыревъ, Н. М. Въ волостныхъ писаряхъ. Ц. 1 р. 50 к. Пересылка по вѣсу и разстоянію.

Народныя изданія редакціи журнала „Русская Мысль".

Что такое подати и для чего ихъ собираютъ? (3-е изданіе). Цѣна 1 коп.

Сенкевичъ, Генрикъ. Янко музыкантъ. Цѣна 1 коп.

— Пойдемъ за нимъ! Переводъ В. Лаврова. М., 1895 г. Ц. 4 коп.

Разсказъ про смутное время на Руси. Цѣна $1^1/_2$ коп.

Немировичъ-Данченко, Вас. И. Счастье Ивана Непомнящаго. Цѣна 5 к.

Короленко, В. Г. Убивецъ. Ц. $1^1/_2$ к.

Библіотека „Русской Мысли".

***Сенкевичъ, Г.** Черезъ степи. Ц. 40 к.

***Ремезовъ, М.** Клеопатра. Ц. 40 к.

***Альбовъ, М.** Юбилей. Цѣна 1 р.

***Баранцевичъ, К.** Побѣда. На сѣверѣ дикомъ. Цѣна 1 р.

Абламскій, Д. Всенощное бдѣніе, вечерня и утреня, и Божественная литургія св. Іоанна Златоустаго, св. Василія Великаго и Преждеосвященныхъ Даровъ св. Григорія Двоеслова. Первый выпускъ круга обычнаго православнаго церковнаго пѣнія, положеннаго на ноты на 8 голоса партитурою для хора, фисгармоніи и фортепіано. Кіевъ, 1888 Ц. 1 руб. 75 коп.

Абровъ, Н. Отъ Марселя до Одессы черезъ Аѳины и Константинополь. М., 1893 г. Ц. 1 р.

***Августинъ, Архимандритъ.** Руководство къ основному богословію. М., 1894 г. Ц. 1 р. 30 к.

Агаповъ, Д. В. Новая тригонометрія. Оренбургъ, 1894 г. Ц. 85 к.

— Подробное рѣшеніе и объясненіе типическихъ задачъ по ариѳметикѣ. Ц. 50 к.

— Искусственные способы рѣшенія уравненій второй степени со многими неизвѣстными. Ц. 60 к.

— Рѣшеніе нѣкоторыхъ геометрическихъ задачъ помощію теоремы Агапова. Ц. 35к.

Аданъ, Юлія. Дурнушка. Романъ. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.

Азбелевъ, И. П. Японія и Корея. Замѣтки изъ кругосвѣтнаго плаванія. Съ 15-ю рис. М., 1895 г. Ц. 75 к.

***Айволи, Э., д-ръ.** Гигіена возмужалости. Одесса., 1893 г. Ц. 40 к.

Александровъ, Д. А. Звонокъ. Юмористическій альманахъ и календарь на 1896 г. М., 1895 г. Ц. 60 к.

*— Что читать и что пѣть? М., 95 г., 9 выпусковъ. Цѣна каждому вып. 60 к.

***Алексакисъ.** Искра любомудрія. М., 1892 г. Цѣна 40 к.

Алексѣевъ, А. А. Воспоминанія актера. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ, его жизнь и сочиненія. Чтеніе для юношества. М., 1877 г. Ц. 75 к.

Альбомъ. Русскіе типы, М. ф. ц. 50 к.; сред. ф. ц. 60 к.; больш. ф. ц. 75 к.

Альбомъ. Русскіе народы, съ текстомъ. 8 в. М. Ц. по 60 к.

Альгренъ. Деньги. Романъ. Пер. со шведскаго. Москва, 1893 г. Ц. 60 к.

Альмедингенъ. Химія. Спб., 1885 г. Ц. 2 р.

— Домашній опредѣлитель поддѣлокъ питательныхъ и др. веществъ. Спб., 1891 г. Ц. 60 к.

— На всякій случай. Научно-популярные совѣты. 2 ч. Спб., 1892 г. Ц. 50 к.

Алябьевъ, В. Связка интимныхъ писемъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Аммонъ, д-ръ. Обязанности матери. Гигіена беременности. Уходъ за маленькимъ ребенкомъ. Золотая книжка. Переводъ съ 32 нѣмецкаго изданія. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Амниторъ, Г., фонъ. За правду и за честь женщины. Противъ Крейцеровой сонаты Л. Н. Толстого. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.

Амфитеатровъ. Психопатъ. Правда и вымыселъ. М., 1893 г. Ц. 1 р.

Анго, А. Физика. М. 1894 г. Ц. 2 р. 50 коп.

Андрэ, М. Ф. Упражненія въ тригонометріи. Сборникъ задачъ съ подробными рѣшеніями. М., 1895 г. Ц. 35 к.

Андерсенъ, Гансъ. Повѣсти и сказки. Новый полный пер. съ датскаго подлинника. 7 в. М., 1894 г. Ц. по 25 к.

Андерсенъ, И. Иллюстрированныя сказки въ 6 томахъ. Спб., 1894 г. 1 р. 60 к. за томъ.

Анне, Ж. П. Практическое руково-

ство къ устройству электрич. освѣщенія. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Анурьевъ, Іоаннъ. Столяръ-самоучка, опытъ, наставленія грамотныхъ поселянъ въ столярномъ ремеслѣ. Ц. 15 к.
— Какъ дѣлаютъ простую мебель. Ц. 45 к.
— Домашній переплетчикъ. Ц. 10 к.
— Вспомогательная книга при возведеніи каменныхъ и деревянныхъ зданій. Вологда, 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ардовъ, Е. И. Эскизы. М., 1893 г. Ц. 1 р.

Арендтсъ и Брандтъ. Атласъ естественной исторіи. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Арнгеймъ. Математическая географія. Изд. 5-е. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.

Арсеньевъ. Изъ жизни и исторіи. Сборникъ разсказовъ для дѣтей. Спб., 1888 г. Ц. 1 р. 50 к. въ переплетѣ.

Бажина. Блуждающіе огоньки. Сборникъ дѣтскихъ разсказовъ, съ 44 картинками. Спб., 1891 г. Ц. 1 р.

Баранцевичъ, К. С. Родныя картинки. М., 1895 г. Ц. 1 р.
— Картинки жизни. 39 разсказовъ Сармата. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Баратынскій, Е. А. Полное собр. соч. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
— Полное собраніе сочиненій. Съ портретомъ автора, біографіей и его письмами. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

Бахтіарова, А. По роднымъ краямъ. Валаамская обитель, съ 3 отдѣльными рисунками. Спб., 1893 г. Ц. 10 к.

Безобразовъ, П. В. Историческія статьи (вып. I). М. 1893 г. Ц. 1 р. 80 к.
— Женихъ двухъ невѣстъ. Историческій романъ. М. 1894 г. Ц. 40 к.
— О правахъ женщины. М. 1895 г. Ц. 50 к.
— Публичныя лекціи о современномъ положеніи женщины (3-е изд.). М. 1893 г. Ц. 20 к.
- О назначеніи женщины (2-е изд.). Ц. 20 к.
— Сборникъ государственныхъ знаній, 8 томовъ. Спб., 1880 г. Ц. 24 р.

Безэ, д-ръ. Построеніе деревянныхъ лѣстницъ. 1890 г. Ц. 1 р.

Бендціулъ, Альбертъ. Къ вопросу о школьныхъ скамьяхъ. Пер. А. Ѳедорова. Москва, 1893 г. Ц. 25 к.

Беръ, Альфредъ. Гигіена сифилиса. Общедоступное изложеніе, какъ предохранить и лечить себя отъ сифилиса. Кіевъ, 1893 г. Ц. 50 к.

Вергергофъ, Г. Руководство для драпировщиковъ, обойщиковъ и декораторовъ. М., 1891 г. Ц. 2 р.

Бернетъ, Френсисъ. Исторія маленькаго лорда. Спб., 1892 г. Ц. въ перепл. 1 р. 50 к.

Бергеръ, Поль. Спутникъ малокровныхъ. Одесса, 1895 г. Ц. 30 к.

Верниксенъ, А. Краткій учебникъ химіи (органической). Спб., 1892 г. Ц. 3 р.

Бессонъ, А. Г. О нефтяномъ отопленіи паровыхъ котловъ. Спб., 1888 г. Ц. 1 р. 20 к.

Библіотека ремесленниковъ и кустарей. Окрашиваніе металловъ. М., 1892 г. Ц. 40 к.
— Золоченіе и серебреніе деревян. издѣлій. М., 1890 г. Ц. 1 р. 80 к.

***Библіотека экономистовъ:** 1) Адамъ Смитъ. 2) Рикардо. 3) Мальтусъ. 4) Милль. 5) Юмъ и Бентамъ. 6) Кенэ. 7) Ж. Б. Сэ и Бастіа. Цѣна каждаго вып. 1 р.

Библіотека-крошка. Миніатюрное изданіе, роскошно-отпечатанное, содержащее въ себѣ отдѣльныя произведенія лучшихъ русскихъ писателей: Пушкина, Лермонтова, Грибоѣдова, фонъ-Визина, Кольцова, Карамзина, Богдановича и мн. др. Кіевъ. Ц. 5, 10, 15 и 20 к. за книжку.

Вильдерлингъ, А. Просвѣтители Россія. Спб., 1894 г. Ц. 3 р.

Бичеръ-Стоу. Хижина дяди Тома. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.

Благовѣщенскій. Винкельманъ и позднія эпохи греческой скульптуры. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Блекслей, Т. Т. Перемѣнные электрическіе токи (Руководство для студентовъ и техниковъ). Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.

Блекки. Самовоспитаніе. Изд. 3-е. Спб., 1891 г. Ц. 75 к.

Блекловъ. За фактами и цифрами. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Блокъ, Морисъ. Матери великихъ людей. Пер. съ франц. Н. М. Дементьевой, М., 1893 г. Ц. 60 к.

Блокъ, Ю. Велосипедъ, его значеніе для здоровья, практическое примѣненіе, уходъ за машиною и пр. Изд. 2-ое. М., 1893 г. Ц. въ переплетѣ 2 р.

Воборыкинъ, П. Д. Трупъ. Разсказъ. Москва, 1893 г. Ц. 20 коп.

Богдановъ, профессоръ. Сельско-хозяйственный словарь. Кіевъ, 1895 г. Ц. 8 р.

Богдановъ, И. Счетоводство и денежная отчетность земскихъ начальниковъ, городскихъ и мировыхъ судей. М., 1895 г. Ц. 70 к.

***Боголюбовъ.** Новыя врачебныя средства. Москва, 1895 г. Ц 75 к.

Бокль. Исторія цивилизаціи въ Англіи. Переводъ Буйницкаго (въ 2-хъ томахъ). Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
— Исторія цивилизаціи въ Англіи въ популярномъ изложеніи Нотовича. Седьмое изданіе. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.

Бородинъ, И. Весна, русская жизнь и природа. Сборникъ для дѣтскаго чтенія. М., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Краткій учебникъ ботаники. (изд. 3-е). Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Боровичъ, Л. А. Практическое руководство къ построенію динамо-машинъ

съ постояннымъ токомъ (Изд. 2-е). Спб., 1894 г. Ц. 3 р.
— Фабричные паровые котлы, устройство ихъ и уходъ за ними. М., 1893 г. Ц. 2 р. 75 коп.
Боттонъ. Электрическіе звонки. Практическое руководство для любителей. Спб., 1890 г. Ц. 1 р.
Брайсъ, Джемсъ. Американская республика. Пер. Невѣдомскаго. Часть I. Ц. 3 р. 50 к. М. 89; часть II. Ц. 3 р. 50 к. М. 90 г.; часть III. Ц. 3 р. 50 к. М. 90 г.
Врассъ, Леонъ. Гуттаперча, ея происхожденіе, добыча и обработка. Перев. съ франц. Бессонъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
Враунъ, М., проф. Какъ заражается человѣкъ паразитами. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.
Врикнеръ. Потемкинъ. Спб., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.
Вриксъ. Гидравлика. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.
Врусиловскій, Е. Одесскіе лиманы и ихъ лечебныя средства 1895 г. Одесса, Ц. 50 к., на зеленовой бум. 60 к.
Врюкке, Эрнестъ. Красота и недостатки человѣческихъ формъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р
Врэмъ, А. Жизнь животныхъ. 75 выпусковъ. Одесса, 1893. г. Ц. 25 к. за вып.
— Жизнь на сѣверѣ и югѣ (Дополненіе къ соч. „Жизнь животн.). Спб., 1891 года. Ц. 2 р.
Врэмъ. Комнатныя пѣвчія птицы. М., 1876 г. Ц. 75 к.
*— Жизнь животныхъ. Популярн. издан. Вып. 19, 20. Ц. вып. 20 к.
Буанъ, Эмиль. Гальванопластика, никелированіе, волоченіе, серебреніе и электрометаллургія. Съ 26 рис. Спб., 1895 г. Ц. 90 к.
Буасье, Гастонъ. Римская религія отъ Августа до Антониновъ. Перев. М. Корсакъ. Ц. 5 р. М., 1878 г.
— Цицеронъ и его друзья. Пер. М. Корсакъ. Ц. 2 р. М., 1880 г.
— Паденіе язычества. Пер. подъ ред. и съ предисл. М. С. Корелина. Ц. 4 р. М., 1892 г.
Бугаевъ, Н. Задачникъ къ ариѳметикѣ цѣлыхъ чиселъ. М., 1876 г. Ц. 25 к.
— Задачникъ къ ариѳметикѣ дробныхъ чиселъ. М., 1877 г. Ц. 30 к.
— Руководство къ ариѳметикѣ. Цѣлыя числа. М., 1895 г. Ц. 40 к.
— Ариѳметика дробныхъ чиселъ. Ц. 50 к.
Вузольтъ, Георгъ. Очеркъ государственныхъ и правовыхъ греческихъ древностей. Харьк., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.
Бутовскій, В. И. Русское искусство и мнѣнія о немъ Е. Віоле-ле-Дюка и Ѳ. И. Буслаева. М., 1879 г. Ц. 1 р.
Бутсъ, Вильямъ. Въ трущобахъ Англіи. Спб., 1891 г. Ц. 1 р.
Бьернстьерне-Бьернсонъ. Новыя вѣянія. Въ 2-хъ ч. Кіевъ, 1893 г. Ц. каждой части 35 к.
— Леонарда (драма). Новая система (драма). Кіевъ, 1894 г. Ц 35 к.
— Новобрачные (комедія). 1865 г. Сигурдъ крестоносецъ (драма). 1872 г. Банкротство (драма). 1874 г. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.
— Повѣсти и разсказы. Кіевъ, 1893 г. Ц. 85 к.
— По Божьему пути. Романъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.
Вѣлецкій, И. Почвовѣдѣніе. Образованіе почвы, ея составъ и свойства. М., 1895 г. Ц. 3 р.
Бэръ, Адольфъ. Исторія всемірной торговли. Пер. Э. Циммермана. М., 1876 г., 3 части, цѣна 7 руб. 50 к.
Бэръ, Поль. Первыя понятія о зоологіи. (3-е изданіе). Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
Бюрстенбиндеръ. Раздѣлка и улучшеніе земель. Руководство для практическихъ хозяевъ. Кіевъ, 1895 г. Ц. 60 к.
В. В. Артель въ кустарномъ промыслѣ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
— Очерки теоретической экономіи. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
— Наши направленія. Спб., 1893 года. Ц. 1 р. 50 к.
— Прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Спб., 1892 г. Цѣна 1 р. 35 к.
— Артельныя начинанія русскаго общества. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
Вагнеръ. Химическая технологія. Спб., 1892 г. Ц. 8 р.
— Какъ пріобрѣтаются болѣзни желудка. Спб., 1893 г. Ц. 40 к.
Вальтеръ-Скоттъ. Иллюстр. романы: 1) Замокъ Кенильвортъ; 2) Легенда о Монтрозѣ; 3) Аббатъ; 4) Антикварій; 5) Астрологъ; 6) Пресвитеріане; 7) Монастырь; 8) Ламермурская невѣста; 9) Черный карликъ; 10) Певериль Пикъ; 11) Пиратъ; 12) Обрученные; 13) Веверлей; 14) Карлъ Смѣлый; 15) Квентинъ Дорвардъ; 16) Перская красавица; 17) Робъ-Рой; 18) Ричардъ Львиное Сердце; 19) Вудстокъ. Спб. 1892 г. Ц. каж. кн. 40 к.
— Квентинъ Дорвардъ. Романъ. М. 1885 г. Ц. 2 р.
Вальтеръ, проф. Море и его жизнь. Переводъ съ нѣм. подъ ред. проф. А. Н. Краснова. Харьковъ, 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.
Ванковъ. Полный карманный техникъ. Спб., 1893 г. Ц. 2 р. 50 к.
— Турбины. Практическое руководство для техниковъ, сельскихъ хозяевъ (съ 46 рис.). Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
Ванъ-Тигемъ. Общая ботаника (морфологія, анатомія и физіологія растеній). Подъ редакціею, съ примѣчаніями и дополненіями Ростовцева, съ предис. Тимирязева. М., 1895 г. Ц. 3 р. 75 к.
Ванклинъ, Альфредъ. Химі.

каменноугольно-газоваго производства. М., 1895 г. Ц. 60 к.

Варіо, Ж. Дѣтскій докторъ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Вармингъ, д-ръ. Систематика растеній. М., 1893 г. Ц. 5 р.

Вахтеровъ, В. П. Всеобщее начальное обученіе. М., 1894 г. Ц. 15 к.

Введенскій, Алексѣй. О характерѣ, составѣ (сжатое изложеніе) и значеніи философіи В. Д. Кудрявцева-Платонова. Серг. Пасадъ, 1893 г. Ц. 60 к.

— П. Е. Астафьевъ, его философскіе и публицистическіе взгляды. Серг. Посадъ, 1893 г. Ц. 25 к.

— О религіозной философіи Виктора Дмитріевича Кудрявцева. Харьковъ, 1893 г. Ц. 40 к.

— Очеркъ современной французской философіи. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р.

— Рѣчь передъ защитой диссертаціи: Вѣра въ Бога, ея происхожденіе и основанія. М., 1891 г. Ц. 30 к.

*— Вѣра въ Бога, ея происхожденіе и основанія. М., 1891 г. Цѣна 3 р.

— Демоніонъ Сократа. Этюдъ по исторіи древней философіи. Серг. Пасадъ, 1893 г. Ц. 40 к.

— Современное состояніе философіи въ Германіи и Франціи. Сергіева Посада. 1894 г. Ц. 3 р.

— Западная дѣйствительность и русскіе идеалы. (Письма изъ-за границы). Съ приложеніемъ характеристики: „Папа Левъ XIII по отзывамъ современниковъ". Серг. Посадъ, 1894 г. Ц. 1 р.

Веберъ, Георгъ. Всеобщая исторія. Т. 1. Переводъ Андреева. Ц. 4 р. М. 90 г. Т. 2. Перев. Андреева. Ц. 5 р. 50 к. М. 91. Т. 3. Перев. Андреева. Ц. 5 р. 50 к. М. 92 г. Т. 4. Пер. Андреева. Ц. 5 р. М. 92. Т. 5. Пер. Андреева. Ц. 4 р. 50 к. М. 93. Т. 6. Пер. Андреева. Ц. 4 р. 50 к. М. 93. Т. 7. Пер. Андреева. Ц. 5 р. М. 94. Т. 9. Пер. Андреева. Ц. 4 р. 50 коп. М. 1888. Т. 10. Пер. Андреева. Ц. 4 руб. М. 1888 г. Т. 11. Пер. Андреева. Ц. 5 руб. 50 коп. М. 1889 г. Т. 12. Пер. Андреева и Невѣдомскаго. Ц. 4 р. 50 к. М. 90. Т. 13. Пер. Циммермана. Ц. 5 р. 50 к. М. 91. Т. 14. Пер. Невѣдомскаго. Ц. 6 р. М. 92 г. Т. 15. Часть 1-я. Пер. Невѣдомскаго. Ц. 5 р. М. 92 г. Т. 15. Часть 2-я. Пер. Невѣдомскаго. Ц. 5 р. М. 93 г., съ портретомъ автора.

Веберъ, К. К. Практическое руководство по производству кирпича, черепицы и проч. лицевого товара съ атласомъ. Спб., 1893 г. Ц. 5 р.

— Двигатели и приводы. Практ. руководство къ постройкѣ вѣтрен. и водян. двигателей съ атласомъ. Спб., 1894 г. Ц. 5 р.

— Канатное и веревочное производство (съ 58 рис. въ текстѣ). Спб., 1895 г. Ц. 75 к.

Вегеле, Францъ. Дантъ Алигьери, его жизнь и сочиненія. Пер. А. Веселовскаго. Ц. 3 р. М., 1881 г.

Вегетаріанская кухня. Наставленіе къ приготовленію болѣе 800 блюдъ, хлѣбовъ и напитковъ для безубойнаго питанія, Изд. 2-е М., 1894 г. Ц. 70 к.

Вейнбергъ, Павелъ. Новые разсказы и сцены. Второе изданіе. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.

Вейсъ, Германъ. Внѣшній бытъ народовъ съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ (съ 1945-ю рис. въ текстѣ). Пер. В. Чаева и И. Васильева. Т. I, часть 1-я. Москва, 1873 г.; часть 2-я, Москва, 1874 г. Т. II, ч. 2-я. Москва, 1876 г. Т. III, ч. 1-я и часть 2-я. Москва, 1879 г. По 4 руб. за каждую часть.

Верещагинъ, В. В. Литераторъ. М., 1894 г. Ц. 1 р.

— Дѣтство и отрочество. Т. I. М. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

— На Сѣверной Двинѣ. Изд. 2-е. Москва, 1896 г. Ц. 1 р.

— Автобіографія нѣсколькихъ незамѣч. русскихъ людей. Изд. 2-е. М., 1896 г. Ц. 1 р.

— Наполеонъ I въ Россіи. Москва, 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Веселовскій, Ал. Этюды и характеристики. М., 1894 г. Ц. 2 р. 75 коп.

— Мизантропъ. Этюдъ о Мольерѣ. М., 1881 г. Ц. 2 р.

— Старинный театръ въ Европѣ. Историческіе очерки. М., 1870 г. Ц. 2 р.

Викторовъ, П. Ученіе о личности, какъ нервно-психическомъ организмѣ. Вып. I. Ц. 1 р. М. 1887 г.

Винкельманъ, I. I. Исторія искусства древности. Ревель, 1890 г. Ц. 3 р.

Виноградовъ. Extemporalia съ рус. яз. на латинскій. Кіевъ, 1892 г. Ц. 60 к.

Виноградовъ, Н. Федонъ. Діалогъ объ идеѣ „безсмертіе" философа классической древности Платона. М., 1892 г. Ц. 60 к.

Виноградовъ, Павелъ. Учебникъ всеобщей исторіи. Часть II. Средніе вѣка. Изд. 2-ое. М., 1894 г. Ц. 90 к.

Виргилій, Маронъ. Энеида, книги 2, 4, 5, 6, 7, 8, 9. Кіевъ, 1887 г. Ц. 40 к.

— Книга 3-я. Кіевъ, 1892 г. Ц. 35 к.

— Книги 10, 11 и 12. Кіевъ, 1888 г. Ц. 1 р. 25 к.

Вирховъ. О питательныхъ веществахъ. Спб., 1891 Ц. 50 к.

Владимірова, А. К. (А. Европеусъ). Сказки, преданія и легенды всѣхъ временъ и народовъ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.

Владиславлевъ, М. Учебникъ логики. Одоб. учен. комит. мин. нар. просв. какъ руководство для гимназій. Изд. 2-е. М., 1895 г. Ц. 60 к.

Водовозовъ, В. И. Книга для первоначальнаго чтенія. Ч. I Ц. 45 к. Ч. II. Ц. 80 к.
— Книга для учителей. Ц. 60 к.
— Русская азбука для дѣтей. Ц. 30 к.
— Руководство къ русск. азбукѣ. Ц. 20 к.
— Дѣтскіе разсказы и стихотворенія съ картинками. Ц. 75 коп.
— Разказы изъ русской исторіи Вып. I. Ц. 40 к. Вып. II. Ц. 60 к.
— Предметы обученія въ народной школѣ (для учителей). Ц. 70 к.
— Словесность въ образцахъ и разборахъ. Ц. 1 р. 25 к.
— Новая русская литература. Ц. 1 р. 25 к.
— Очерки изъ рус. исторіи XVIII в. Ц. 1 р. 50 к.
— Русскія сказки въ стихахъ съ картинками въ переплетѣ. Ц. 1 р. 50 к.
— Переводы въ стихахъ и оригинальныя стихотворенія. Ц. 1 р. 50 к.

Водовозова, Е. Н. Жизнь европейскихъ народовъ. Ч. I. Жители юга (съ 26 рисунк.). Изд. 4-е. Ц. 3 р. 75 к., въ переплетѣ 4 р. 55 к. Ч. II. Жители сѣвера. (съ 24 рис.). Изд. 3-е. Ц. та же. Ч. III. Жители средней Европы. Спб.
— На отдыхъ. Иллюстрирован. разсказы для мал. дѣтей. (40 рис.). Ц. 1 р.; въ папкѣ 1 р. 35 к. Спб.
— Изъ русской жизни и природы. Разсказы для дѣтей (изд. 6-е). Ц. 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р. Спб.
— Умственное и нравственное развитіе дѣтей (Изд. 4-е Спб. Ц. 2 р.
— Одноголосныя дѣтскія пѣсни. (Музыка Рубца). Изд. 5-е. Спб., Ц. 1 р.
— Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Англичане. Ц. 40 к.
— Турки. Спб., Ц. 40 к.

Войнаровскій, П. Устройство въ домахъ электрическаго освѣщенія, телефоновъ, электрическихъ звонковъ и другія примѣненія электричества въ домашнемъ быту. М., 1892 г. Ц. 1 р. 35 к.

Войславъ, С. Развѣдки пластовыхъ мѣсторожденій полезныхъ ископаемыхъ посредствомъ шурфованія. Спб., 1886 г. Ц. 2 р. 40 к.
— Разсчетъ и построеніе частей машинъ и передаточныхъ механизмовъ. Текстъ съ атласомъ въ 76 таблицъ. Спб., 1885 г. Ц. 4 р.
— Уходъ за паровыми котлами. Спб., 1893 г. Ц. 1 р.

Волкенштейнъ, П. Е. Садовый словарь. Спб., 1889 г. Ц. 4 р.

Ворисгоферъ, С. Сказочная страна. Пер. съ нѣмецк. Ц. 2 р. 75 к. въ роскошн. переплетѣ.
— Образовательное путешествіе (изд. 2-е). Спб., 1892 г., съ рисунками въ текстѣ. Ц. 2 р. 25 к.
Черезъ дебри и пустыни. Скитанья молодого бѣглеца. Спб., 1894 г. (2-ое изд.). Ц. 1 р. 50 к.
— Приключеніе контрабандиста. Спб., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Вундтъ, Вильгельмъ. Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ (Пер. съ 2-го нѣмец. изд.). Спб., 1894 г. Ц. 5 р.
— Душа и мозгъ. Одесса. 1895 г. Ц. 20 к.
— Гипнотизмъ и внушеніе. Перевелъ съ нѣмец. Колубовскій. М., 1893 г. Ц. 75 к.

Въ память Лавуазье. Рѣчи проф. Н. Д. Зелинскаго, И. А. Каблукова и проф. И. М. Сѣченова. М., 1894 г. Ц. 50 к., для студ. 30 к.

Гаварре, Ж. Теорія Гаусса, примѣненная къ сферическимъ зеркаламъ и стекламъ. М., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гавкинъ, Н. Я. Карманный словарь иностранныхъ словъ. Изд. 4-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

Гаймъ, Р. Гердеръ, его жизнь и сочиненія. Перев. В. Н. Невѣдомскаго. Т. I. ц. 5 р. и Т. II ц. 5 р. М., 1888 г.
— Романтическая школа въ Германіи. Пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 5 р. М., 1891 г.

Гайсбергъ, С. Ф. Карманная книжка для установщиковъ электрическаго освѣщенія. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.

Гамбурцевъ, В. Архитекторская команда. Очеркъ московскихъ учрежденій по строительному дѣлу. Москва, 1894 г. Ц. 40 коп.

Гано, А Полный курсъ физики (въ 2 ч.). Спб., 1892 г. Ц. 4 р.
— Магнетизмъ и электричество. Спб. 1885 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гарейсъ, Карлъ. Германское торговое право. Краткій учебникъ дѣйствующаго въ Германіи торговаго, вексельнаго и морского права. Съ четвертаго, нѣмецкаго изданія 1892 г., перев. Н. И. Ржондковскій, подъ редакціей проф. Московскаго университета Н. О. Нерсесова. Вып. 1. М., 1893 г. Ц. 2 р. Вып. 2. Торговыя сдѣлки. Ред. прив.-доц. Моск. университета Гусакова. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Гаринъ, Н. Дѣтство Тёмы. Москва, 1894 г. Ц. 60 к.

Гартманъ, Эдуардъ. Сущность мірового процесса или философія безсознательнаго. Пер. А. А. Козлова. Вып. 2-й. Ц. 2 р. 50 к. М., 1875 г.

Гартвигъ. Воздухъ и его жизнь. М., 1875 г. 2 р. 50 к.

Гаспари, Альфредъ. Исторія итальянской литературы. Т. I. Итальянская литература среднихъ вѣковъ. М., 1895 г. Ц. 3 р.

Гегаръ-Альфредъ. Половое влеченіе. Одесса, 1895 г. Ц. 75 к.

Гейнце, Н. Э. Коронованный рыцарь. Ист. ром. Въ 3 ч. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
— Князь тавриды. Историческій романъ. Въ 3 частяхъ. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
— Аракчеевъ. Историческій романъ XIX столѣтія. Въ 2 том. и 6 част Изд. Спб., 1895 г. Ц. за оба тома 2 р.

Гервинусъ. Автобіографія (съ 4 портретами) М., 1895 г. Ц. 1 руб. 50 коп.
Герценштейнъ, М. Кредитъ для земствъ и городовъ. М., 1892 г. Ц. 75 к.
Герценъ, А. Общая физіологія души (2 изд.). 1894 г. Ц. 75 г.
Гердеръ. Нѣмецко-русскій словарь важнѣйшихъ техническихъ терминовъ употребляемыхъ при описаніи и опредѣленія растеній. Спб., 1881 г. Ц. 50 к.
Германъ, Ф. Л., д-ръ. Какъ лѣчились московскіе цари. Медико-историческій очеркъ. Кіевъ, 1895 г. Ц. 45 к.
— Суевѣріе въ медицинѣ. Харьковъ, 1895 г. Ц. 50 к.
Гертвигъ, Оскаръ. Клѣтка и ткани. Основы общей анатоміи и физіологіи. Спб., 1894 г. Ц. 3 р.
Геттнеръ, Г. Исторія всеобщей литературы XVIII в. Т. III, кн. 1. Пер. А. Пыпина и А. Плещеева. Ц. 2 р. М., 1872 г.
Гефель, д-ръ, Противъ разврата. Одесса, 1896 г. Ц. 10 к.
Гиббинсъ, Г. Промышленная исторія Англіи. Культурно-историческая библіотека № 1. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.
— Англійскіе реформаторы. М., 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.
Гиббонъ, Эдуардъ. Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи (съ портретомъ автора). Пер. Невѣдомскаго. Часть I. Ц. 4 р. М. 83 г.; часть II. Ц. 4 р. М. 83 г.; часть III. Ц. 4 р. М. 84 г. часть IV. Ц. 3 р. 50 к. М. 84 г.; часть V. Ц. 3 р. 50 к. М. 85 г.; часть VI. Ц. 3 р. 50 к. М. 85 г.; часть VII. Ц. 3 р. 50 к. М. 86 г.
Гизо. Исторія цивилизаціи во Франціи. Т. III и IV. Пер. М. Корсакъ. Ц. 4 р. М., 1881 г.
Гильти, К. Счастье. Популярные очерки по нравственной философіи. Изд. 2-е Спб., 1894 г. Ц. 50 к.
Гиляровъ, А. Н. Источники о софистахъ. Платонъ какъ историческій свидѣтель. Кіевъ, 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.
***Гиляровскій.** Забытая тетрадь. Цѣна 1 руб.
Гинтервальднеръ. Руководство къ составленію естественно-научныхъ коллекцій. Спб., 1892 г. Ц. 3 р.
Гиршъ Вильямъ, д-ръ. Геніальность и вырожденіе. Пер. со 2 нѣм. изд. Одесса, 1895 г. Ц. 1 р.
Глинскій, А. Г. Руководство къ частной патологіи и терапіи внутреннихъ болѣзней. Т. I. Вып. I. Инфекціонныя болѣзни. Съ двумя таблицами рис. Харьковъ, 1895 г. Ц. 2 р. 25 к.
Глинскій, Б. Біографическій очеркъ о Николаѣ Мих. Ядринцевѣ. М., 1895 г. Ц. 50 к.
Гнейстъ, Рудольфъ. Исторія государствен. учрежд. въ Англіи. Перев. подъ редак. С. А. Венгерова. Ц. 4 р. 50 к. М., 1885 г.
Говсѣева, А. А. Симуляція душевныхъ болѣзней и патологическое притворство. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.
Гоголь, Н. В. Сочиненія въ 5-ти том. Изд. двѣнадцатое. Спб., 1894 г. Ц. 6 руб. Въ переплетѣ. Ц. 8 р. 50 к.
Головачевъ. Десять лѣтъ реформъ. Спб., 1872 г. Ц. 3 р.
— Исторія желѣзно-дорожнаго дѣла. Спб., 1881 г. Ц. 2 р. 50 к.
— Вопросы государственнаго хозяйства. Спб.. 1873 г. Ц. 1 р.
Головачева-Панаева. Русскіе писатели и артисты 1824—1870 гг. Спб., 1890 г. Ц. 1 р. 35 к.
Гольдсмитъ, Оливеръ. Векфильдскій священникъ. М., 1890 г. Ц. 1 р.
Гольцендорфъ, Ф., проф. Общественное мнѣніе. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.
Головъ, Д. Двигатели малой силы для промышленности и сельскаго хозяйства (съ 95 рис. въ текстѣ). Спб., 1894 г. Ц. 2 р.
Гоніондзскій, З. А. Краткій очеркъ добыванія и обработки каучука и гуттаперчи. М., 1895 г. Ц. 40 к.
— Машины и станки для обработки картона. М., 1894 г. Ц. 15 к.,
Горацій Сатиры. Перевод. съ подстрочн. словаремъ. 2-е изд. Кіевъ, 1891 г. Ц. 60 к.
— Оды. Переводъ I-й и II-й книги. Изд. 2-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.
— III и IV книги. Изд. 2-е, сост. Сахаровъ. Кіевъ, 1893 г. Ц. 60 к.
Горбуновъ. Программы мужскихъ гимназій и прогимназій. Изд. 2-е. М., 1893 г. Ц. 55 к.
— Программы городскихъ училищъ. Изд. 4-е. М., 1893 г. Ц. 35 к.
— Программы реальныхъ училищъ. Изд. 2-е. М., 1894 г. Ц. 35 к.
Горкевичъ, Л. Руководство къ переводамъ съ русскаго языка на латинскій Гай Саллюстій Криспъ. Югуртинская война. Борисоглѣбскъ, 1893 г. Ц. 45 к.
Горнъ, Винкель. Исторія скандинавской литературы. Пер. К. Бальмонта. Ц. 2 р. 50 к. М., 1894 г.
Горстманъ, А. О теоріи растворовъ. Спб. 1893 г. Ц. 40 к.
Госпиталье, Э. Электричество въ домашнемъ быту (со многими рисунками). Спб., 1886 г. Ц. 2 р.
— Главнѣйшія приложенія электричества (2 изд.). Спб., 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.
Гофштеттеръ, И. Доктринеры капитализма (по поводу книги г. Струве: „Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи). Спб., 1895 г. Ц. 30 к.

Грабинъ, А. Т. Воздушные замки. Комическій этюдъ. 2-е изд. М., 1895 г. Ц. 40 к.

Гравинкель. Справочная книга для электротехниковъ. Спб., 1893 г. Ц. 4 р. 80 к.

Гранатъ, А., и К°. Настольный энциклопедическій словарь, 8 т. или 103—115 вып. М., 1894 г. Ц. вып. на обыкновенной бумагѣ ц. 30 к., на лучшей бумагѣ ц. 40 к. Тому въ изящ. колен. пер., ц. 5 рублей, безъ переплета п. 4 р. 50 к., на лучшей бумагѣ безъ переплета ц. 5 р. 60 к., въ изящн. колен. пер. 6 р.

Грегуаръ, Л. Исторія Франціи въ XIX вѣкѣ. Пер. подъ редакціей Лучицкаго. Т. I. Ц. 4 р. М., 1893 г. Т. II. Ц. 4 р. М., 1894 г.

Григоровичъ, И. И. Очерки новѣйшей исторіи (6-е изданіе). Спб., 1892 года. Ц. 2 р.

Гримо, Э. Элементарный курсъ органической химіи. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р.

Гриммъ. Книжки I и II въ переплетѣ. М., 1893 г. Ц. 50 к.

— Книжки III и IV въ переплетѣ. М., 1893 г. Ц. 50 к.

— Книжка I млад. возр., безъ пер. М., 1893 г. Ц. 20 к.

— Книжка II млад. в., б. пер. М., 1893 г. Ц. 20 к.

— Книжка III, IV и V-я сред. воз. М., 1893 г. Ц. по 20 к.

Гриммъ, братья. Сказки. 13 вып. М., 1894 г. Ц. по 20 к. вып.

Гриммъ, Д. Очерки по ученію объ обогащеніи. Спб., 1893 г.

Гринъ, Джонъ. Исторія англійскаго народа. Пер. П. Николаева. Т. I. Ц. 3 р. М., 91 г. Т. II. Ц. 2 р. 50 к. М., 92 г. Т. III. Ц. 2 р. 50 к. М., 92. Т. IV. Ц. 2 р. 50 к. М. 1892 г.

Громека М. С. О Л. Н. Толстомъ. Изд. 5-е. М., 1894 г. Ц. 80 к.

Гроссъ, Г. Экономическая система Карла Маркса. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.

Гротъ, Н. Я. Основные моменты въ развитіи новой философіи. Москва, 1894 г. Ц. 60 коп.

— Критика понятія свободы воли въ связи съ понятіемъ причинности. М., 1889 г. Ц. 50 к.

— О душѣ въ связи съ современными ученіями о силѣ. Одесса, 1886 г. Ц. 70 к.

— Устои нравственной жизни и дѣятельности. М., 1895 г. Ц. 30 коп., съ перес. 40 к.

— Значеніе чувства въ познаніи и дѣятельности человѣка. М., 1889 г. Ц. 40 к.

— Нравственные идеалы нашего времени. Фридрихъ Ницше и Левъ Толстой. Изд. 3-е. М., 1894 г. Ц. 80 к.

Гротъ, Я. К. Переписка его съ Плетневымъ. Ц. 3 р.

Грузинцевъ, А. П. Электромагнитная теорія свѣта. Харьковъ, 1893 г. Ц. 2 р. 25 к.

Грэхэмъ. Ж. Ж. Русо. Его жизнь, произведенія и окружающая среда. М., 1890 г. Ц. 1 р.

Губеръ. Механика. Изд. 2-е. Спб.,

Гулишамбаровъ. Нефтяное отопленіе пароходовъ, паровозовъ, котловъ и проч. (3-е исправлен. и дополнен изд. Спб., 1894 г. Ц. 3 р. 1891 г. Ц. 3 р.

Гурляндъ. Римскій юристъ Гай и его сочиненія. Ярославль, 1894 г.

Гурьевъ, Н. А., и В. А. Долгоруковъ. Путеводитель по всей Сибири и средне-азіатскимъ владѣніямъ Россіи. Томскъ, 1895 г. Ц. 1 р.

Густафсонъ, Р. Сказки. Переводъ съ нѣмецк. изданія. Спб., 1885 г. Ц. 1 р. 25 к., въ роск. перепл.—1 р. 75 к.

Густавсонъ. Двадцать лекцій агрономической химіи. Курсъ читанный въ Петровской земледѣльческой академіи. Второе изд. М., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гюббаръ, Гюставъ. Исторія современной литературы въ Испаніи. Переводъ Ю. В. Допельмайеръ. М., 1892 г. Ц. 2 р.

Гюго, Викторъ. Сочиненія въ двухъ томахъ. Спб., 1895 г. Ц. 2 р. 50 к. за оба тома.

— Отважный предводитель негровъ Бюгъ-Жаргаль. Спб., 1893 г. Ц. 60 к.

— Собраніе стихотвореній въ переводахъ русскихъ писателей. Вып. II. Центральная книжная торговля въ Тифлисѣ, 1895 г. Ц. 20 к. за каждый выпускъ.

— Собраніе стихотвореній, въ переводахъ русскихъ писателей. Вып. III. Тифлисъ, 1895 г. Ц. каждаго выпуска 20 к.

— Стихотворенія. Вып. IV. Тифлисъ, 1895 г. Ц. 20 к. за вып.

— Стихотворенія. Вып. V. Тифлисъ, 1895 г. Ц. 20 к. за вып.

Данилевскій, Г. П. Сочиненія въ 9-ти томахъ. (Изд. 7-е). Спб., 1892 г. Ц. 15 руб.

Данилевскій, Александръ. Основное вещество протоплазмы и его видоизмѣненія жизнью. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.

Данилевскій, В. Я., проф. Чувство и жизнь. Харьковъ, 1895 г. Ц. 50 к.

Данилевскій, Н. Я. Дарвинизмъ. Критическое изслѣдованіе. Т. II. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.

Данте, Алигьери. Божественная комедія. Адъ. Съ 68 рис. французскихъ художниковъ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Божественная комедія. Чистилище. Съ 72 рис. франц. худож. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Божественная комедія. Рай. Съ 74 рис. франц. худож. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Дебо, Эмиль. Чудесное въ наукѣ. (Популярная физика). М., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Декандолль, Альфонсъ. Мѣстопроисхожденіе воздѣлываемыхъ растеній. Спб., 1885 г. Ц. 3 р. 60 к.
Деминевъ, В. М. Краткій курсъ электрической телеграфіи по программѣ техническихъ желѣзно-дорожныхъ училищъ, съ отдѣльнымъ атласомъ чертежей. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.
Деппъ, Г. Ф. Бездымное сжиганіе топлива въ топкахъ паровыхъ котловъ. Съ прилож. 254 чертежей въ отдѣльномъ альбомѣ изъ 39 таблицъ. Спб., 1895 г. Ц. 8 р. 50 к.
Дерюжинскій, В. Ф. Habeas Corpus Актъ и его пріостановка по англійскому праву. Юрьевъ, 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.
Демосѳенъ. Олинѳскія рѣчи. Первая рѣчь противъ Филиппа. Изд. 3-е. Кіевъ, 1893 г. Ц. 65 к
— Рѣчи противъ Филип. (2, 3 и 4). Кіевъ, 1889 г. Цѣна 60 к.
Дефоэ. Робинзонъ Крузо, 1 и 2 ч. М., 1888 г. Ц. за обѣ ч. 4 р.
Джабадари, И. С. Смертная казнь въ связи съ правомъ наказанія. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.
Джеромъ, К. Праздныя мысли лѣнтяя. Кіевъ, 1893 г. Ц. 50 к.
Диккенсъ, Чарльзъ. Пол. соб. соч. 6 т. Спб., 1894 г. Ц. каждаго тома 1 р. 50 к.
Длусскій. Стенографія. Спб., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
*— Цвѣтокъ олеандра. Ц. 1 р. 25 к.
Добкевичъ, Б. Конспектъ по уголовному процессу. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
Доброе дѣло. Сборникъ повѣстей и разсказовъ К. Баранцевича, А. Барыковой, Н. Гарина, П. Засодимскаго, В. Короленка, Н. Лѣскова, Д. Мамина-Сибиряка и др. М., 1894 г. Ц. 90 к.
Добротворскій, П. Разсказы, очерки и наброски. Спб., 1888 г. Ц. 1 р.
Додоновъ, А. М. Руководство къ правильной постановкѣ голоса и изученію искусства пѣнія. М., 1891 г. Ч. I. Ц. 50 к. Ч. II, практическая, М., 1895 г. Ц. 1 р. 80 к.
Додэ, Альфонсъ. Сцена и кулисы. М., 1895 г. Ц. 50 к.
Дорнблитъ, О., д-ръ. Гигіена умственнаго труда. Одесса, 1891 г. Ц. 50 коп.
Дриль, Дм. Преступность и преступники (уголовно-психологическіе этюды). Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.
Дройзенъ, И. Г. Исторія эллинизма. Пер. М. Шелгунова. Т. I, ц. 3 р. 50 коп. М., 1891 г.; т. II, ц. 3 руб. М., 1893 г.; т. III, перев. Э. Циммермана. Ц. 4 р. 50 к. М., 1898 г.
Дрейфусъ, Ф. Міровая и соціальная эволюція. М., 96 г. Ц. 1 р. 50 к.
Дрэперъ, Дж. В. Исторія умственнаго развитія Европы, въ 2-хъ томахъ. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Дѣтское Чтеніе. XXV. Юбилейный номеръ. 1869—1894. Редакторъ П. В. Голяховскій. Спб., 1894 г.
Дювернуа, А. Словарь болгарскаго языка въ 9 т. М., 1889 г. Ц. 18 р.
— Объ историческомъ наслоеніи въ славянскомъ словообразованіи. М., 1867 г. Ц. 2 р.
— Станиславъ Зноемскій и Янъ Гусъ. М., 1871 г. Ц. 1 р. 60 к.
— Блаженный Меѳодій, первоучитель славянскій. Рѣчь, произнесенная въ университетѣ на празднествѣ тысячелѣтія дня кончины бл. Меѳодія. М., 1894 г. Ц. 40 к.
— Матеріалы для словар. древне-русскаго языка. М., 1894 г. Ц. 3 р.
Дюмуленъ. Цвѣтная фотографія. Воспроизведеніе красокъ фотографіей. М., 1895 г. Ц. 70 к.
Дюрсенъ, А., д-ръ. Спутникъ гинеколога. Руководство для студентовъ и врачей. Пер. съ 3-го доп. и испр. изд. Спб., 1894 г. Ц. 2 р.
Дю-Прель, Карлъ. Философія мистики или двойственность человѣческаго существа. Перев. съ нѣм. М. С. Аксенова. Спб., 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.
Евневичъ. Гидравлика. Изд. 2-е. Спб., за два тома 6 р.
Европейская библіотека. Генрихъ Ибсенъ. Счастливецъ. Спб. 1894 г. Ц. 40 к.
— Избранныя мысли Сафира. Спб., 1894 г. Ц. 30 к.
— Коппе, Франсуа: „Генріетта". Спб., 1894 г. Ц. 25 к.
— Тэнъ, Ипполитъ: „Бальзакъ". Спб., 1894 г. Ц. 30 к.
— Золя, Эмиль: „Завѣтъ матери". Спб., 1894 г. Ц. 40 к.
Ежегодникъ. Обзоръ книгъ для народнаго чтенія и народныхъ картинъ 1893 г. М., 1895 г. Ц. 50 к.
Ежегодникъ тобольскаго губернскаго музея за 1895 г. Ц. 1 р.
Ежегодникъ. Обзоръ книгъ для народнаго чтенія 1894 г. Изд. Моск. Ком. Грам. М., 1895 г. Ц. 1 р.
Елпатьевскій, С. Я. Очерки Сибири. М., 1893 г. Ц. 1 р.
Ечинацъ, А. Методика новыхъ языковъ и американскій разговорный методъ. Для учителей, родителей и учениковъ. Спб., 1892 г. Ц. 45 к.
Жакье, Э. Сборникъ физическихъ задачъ. М., 1893 г. Ц. 2 р.
Желанскій, А. Скамья и каѳедра. Разсказы изъ гимназической жизни семидесятыхъ годовъ. М., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
Желиховская, В. Кавказскіе разсказы. Спб., 95 г. Ц. 2 р. 50 к.
— Изъ тьмы къ свѣту. Спб., 95 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Въ татарскомъ захолустьѣ. Спб., 95 года. Ц. 1 р. 75 к.
Женэ, Рудольфъ. Шекспиръ, его

жизнь, сочиненія. Переводъ А. Н. Веселовскаго, съ примѣчан. Н. Стороженка. М. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к.

Жиро, П., проф. Общество у животныхъ. Перев. В. Склифосовскаго. Москва, 1896 г. Ц. 1 р.

Жоржъ-Зандъ. Замокъ Вильпрэ. М., 1892 г. Ц. 1 р. 75 к.

***Жукъ, В.** Какъ мать должна кормить ребенка. М., 1896 г. Ц. 50 к.

Жуковъ, Николай. Электрометаллургія и обработка металловъ электрическимъ токомъ. Москва, 1895 г. Ц. 3 р.

Жюль Вернъ. Гекторъ Сервадакъ, путешествіе въ солнечномъ мірѣ. Пер. Самойловичъ. Москва, 1887 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Жэ. Задачи по физикѣ. М., 1892 г. Ц. 2 руб.

Заблудовскій и Таненбаумъ. Другъ кочегара. Спб., 1892 г. Ц. 2 р. 25 к.

Забѣлинъ, И. Кунцево и древній Сѣтунскій станъ. М., 1873 г. Ц. 2 р.

Записки желудка. Переводъ съ 10-го англійскаго изданія. Спб., 1891 г. Ц. 50 к.

Записная книга на 1896 г. Съ цѣлою стр. въ коленкоров. пер. 1 р. 20 к., съ $^1/_2$ стр. вдоль въ коленкоров. пер. 1 р., съ $^1/_2$ стр. поперекъ 75 к., съ $^1/_3$ стр. 80 к. и сокращен. изд. 60 к. Кожаные переплеты 30 к.

Засодимскій, П. В. Задушевные разсказы въ 2-хъ томахъ (изд. 2-е). Спб., 1894 г. Ц. 1 т. 1 р. 50 к., II т. 2 р. въ роскошномъ перепл.

— Бывальщины и сказки. Спб., 95 г. Ц. 2 р. 25 к.

Законы о векселяхъ и упрощенный порядокъ судопроизводства. (Изданіе неоффиц.). М., 1894 г. Ц. 30 коп.

Зеландъ, Н. Здоровье и счастье. М., 1895 г. Ц. 2 р.

Зелинскій, В. Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. Изд. 2-е. М., 1895 г. Ц. 2 р.

— Справочникъ по русскомъ правописанію. Вып. I, изд. 7-е. М., 1893 г. Ц. 50 к.

— Справочникъ по русскому правописанію. Вып. II. М., 1892 г. Ц. 50 к.

— Грамматическій задачникъ для письменныхъ и устныхъ упражненій. Изд. 3-е. М., Ц. 25 к.

— Зрительный диктантъ. Ч. I, изд. 5-е. М., 1893 г. Ц. 50 к.

— Зрительный диктантъ. Ч. II, изд. 3-е. М., 1894 г. Ц. 40 к.

— Справочный словарь буквы Ѣ. Изд. 3-е. М., 1892 г. Ц. 25 к.

— Корнесловъ русскаго языка. М., 1891 г. Ц. 50 к.

— Хрестоматія для объяснительнаго чтенія. М., 1892 г. Ц. 25 к.

— Методическія указанія и образцовые уроки по преподаванію русской элементарной грамматики. М., 1891 г. Ц. 1 р.

— Методическія указанія и примѣрные уроки по объяснительному чтенію. М., 1891 г. Ц. 1 р.

— Обученіе грамотѣ по звуковому способу. М., 1893 г. Ц. 1 р.

— Критическій комментарій къ сочиненію Ѳ. М. Достоевскаго, три части. М., 1894 г. Цѣна по 1 руб.

— Сборникъ критическихъ статей о Н. А Некрасовѣ, три части. М., 1887 г. Цѣна по 1 руб.

— Русская критическая литература о произведеніяхъ А.С. Пушкина, три части. М., 1888 г. по 1 руб.

— Русская критическая литература о произведеніяхъ Л. Н. Толстого, три части. М., 1888 г. по 1 руб.

— Русская критическая литература о произведеніяхъ Н. В. Гоголя, двѣ части. М., 1889 г. Ц. по 1 руб.

— Критическіе разборы романа Тургенева „Отцы и дѣти". М., 1894 г. Ц. 35 к.

— Критическіе разборы романа Достоевскаго „Братья Карамазовы". М., 1894 г. Ц. 50 к.

— Критическіе комментаріи къ соч. А. Н. Островскаго. Ч. I, М., 1894 г., ч. II 1895 г., ч. III 1896 г. Цѣна каждой части 1 руб.

— Комментаріи къ соч. Островскаго. Ч. 3-я. М., 1896 г. Ц. 1 р.

***Землевладѣніе и сельское хозяйство.** Статьи изъ Handwörterbuch der Saatswissenschaften. М., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Землеръ, Генрихъ. Чай, разведеніе его въ Китаѣ, Индіи, Японіи и на Кавказѣ. М., 1890 г. Ц. 75 к.

Земмерфельдъ, Т., д-ръ. Какъ предохранить себя и своихъ дѣтей отъ скарлатины, дифтерита, чахотки, тифа и др. заразныхъ болѣзней. Одес., 1895 г. Ц. 30 коп.

Зиберъ, Н. И. Очерки первобытно-экономической культуры. Ц. 4 р. 50 к. М., 1883 г.

Златовратскій. Новые разсказы. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Золя, Эмиль. Серія романовъ Ругоны-Маккаръ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 21 р.

Зонтагъ. Болѣзни желудка и кишекъ. Одесса, 1895 г. Ц. 30 к.

Зудерманъ, Г. Честь. Комедія въ 4-хъ д. М., 1891 г. Ц. 50 к.

— Родина. Драма въ 4-хъ д. М., 1893 г. Ц. 50 к.

— Свадьба Іоланти и др. разсказы. М., 1895 г. Ц. 40 коп.

Зутнеръ, Берта. Долой оружіе. Спб., 1893 г. Ц. 80 к.

Ибсенъ, Генрикъ. Привидѣнія (Драма въ 3 актахъ), переводъ Бальмонта. М., 1894 г. Ц. 50 к.

— Маленькій Эйольфъ. Драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ. М., 1895 г. Ц. 50 к.

Ивановъ, Ив. Политическая роль французскаго театра въ связи съ философіей XVIII-го вѣка. М. 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.
*— „Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ". Спб., 1896 г. Цѣна 2 р.
Иванюковъ, И. Паденіе крѣпостного права въ Россіи. Спб., 1882 г. Ц. 3 руб.
— Политическая экономія. Изд. 3-е. М., 1891 г. Ц. 3 р.
— Основныя положенія теоріи экономической политики съ Адама Смита до настоящаго времени. Изд. 3-е. М., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.
Игерингъ, Рудольфъ. Борьба за право. Пер. Волкова. М., 1874 г. Ц. 75 к.
Игра футоолъ съ политипажами въ текстѣ. М., 1895 г. Ц. 70 к.
Изъ дневника Аміеля. Пер. съ фр. М. Л. Толстой. Спб., 1894 г. Ц. 35 к.
Изготовленіе рисунковъ для волшебнаго фонаря. М., 1895 г. Ц. 75 к.
Иллюстрированная сказочная библіотека. 30 сказокъ Андерсена, въ переводѣ Порозовской, со множествомъ рисунковъ. Цѣна каждой книжки отъ 5 до 20 коп. 6 сказокъ Гауфа. Ц. та же. Спб., 189⁴/₅ г.
Иллюстрированная пушкинская библіотека (Изд. Павленкова), состоящая изъ 40 книжекъ со многими иллюстрац., цѣною отъ 2 к. и дороже (изд. 2). Спб., 1891 г.
Иллюстрированная Лермонтовская библіотека (изд. Павленкова), состоящая изъ 30 книжекъ, цѣною отъ 2 коп. и дороже. Спб., 1891 г.
Ингремъ, Джонъ. Исторія политической экономіи. Пер. подъ редакціей Янжула. Ц. 1 р. 50 к. М., 1891 г.
Ирусъ, П., д-ръ. Гигіена современнаго общества. Одесса, 1891 г. Ц. 60 к.
***Іерингъ.** Борьба за право. Спб., 1895 г. Цѣна 25 к.
***Іодль, Фр.** Этика и политическая экономія. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.
Кадіа. Электричество. Изд. 3-е. Спб., 1894 г. Ц. 5 р.
Какъ живутъ люди въ Швейцаріи. Изд. Моск. Ком. Грам. М., 1895 г. Ц. 6 к.
Казанскій, А. Ученіе Аристотеля о значеніи опыта при познаніи. Одесса, 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.
Казотъ. Влюбленный дьяволъ. М., 1894 г. Ц. 80 к.
Камаровскій, Л., проф. Война или миръ? Одесса, 1895 г. Ц. 15 к.
Каноликовъ. Руководство къ химическимъ изслѣдованіямъ питательныхъ и вкусовыхъ веществъ. Спб., 1891 г. Ц. 3 р.
Канторовичъ, Я. Литературная собственность. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.
Кантъ, Иммануилъ. Пролегомены ко всякой будущей метафизикѣ. Изд. 2-е. М., 1893 г. Ц. 1 р. 20 к.
Кандезъ, Э. Приключеніе сверчка. Спб., 1889 г. Цѣна въ роскошн. переплетѣ 2 р. 50 к.
Карасевъ. А. Музыкальная хрестоматія. Ч. I. Дѣтскій возрастъ. М. Ц. 40 к. Тоже часть II. Ц. 60 к.
Каринскій, М. Критическій обзоръ послѣдняго періода германской философіи. Спб., 1873 г. Ц. 2 р.
Каронинъ (Петропавловскій). Разсказы. 3 т. М., 1890 г. Ц. каждаго тома 1 р. 50 к.
Каро, Э. Пессимизмъ въ XIX в. Изд. 2-ое. М. 1893 г. Ц. 1 р.,
— Современная критика и причины ея упадка. М. 1883 г. Ц. 30 к.
Карышевъ, Ив. А. Православно-христіанскій взглядъ на основанія, принятыя гр. Л. Н. Толстымъ для своего лжеученія, изложеннаго въ его сочин. „Въ чемъ моя вѣра". М., 1891 г. Ц. 60 к.
— Духовно-нравственный міръ въ человѣкѣ по ученію св. православной вѣры. М., 1891 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Богъ неопровержимъ наукой. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Составъ человѣческаго существа. Жизнь и смерть. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
Каррьеръ, Морицъ. Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеаловъ человѣка. Пер. Е. Корша. Т. I, ц. 3 р. Москва, 1870 г. Т. II, ц. 3 р. 50 к. Москва, 1871 г. Т. III, ц. 5 р. 50 к. Москва, 1874 г. Т. IV, ц. 4 р. Москва, 1874 г.
Карѣевъ, Н., проф. Роль идей, учрежденій и личности въ исторіи. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.
— Историко-философскіе и соціологическіе этюды. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
Кацолино, Пр. Гигіена уха. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.
Квикъ. Реформаторы воспитанія. Перев. и передѣлка З. Перцовой. Москва, 1893 г. Ц. 2 р.
Квитка-Основьяненко. Панъ Халявскій. Миніатюрное изданіе Кіевъ, 1893 г. Ч. 1-я и 2-я. Ц. 50 к.
— Драм. соч. Кіевъ, 1893 г. Ц. 35 к.
— Малороссійскія повѣсти, разсказанныя Грыцкомъ Основьяненкомъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 75 к.
Кенигсбергъ, М. М., д-ръ медиц. Главныя основы анатоміи, физіологіи и гигіены въ научно-популярныхъ бесѣдахъ. Съ предисловіемъ профессора Эрисмана и 38 рисунками въ текстѣ. Оренбургъ, 1893 г. Ц. 2 р.
Кенигъ, Ф., д-ръ. Руководство къ частной хирургіи для врачей и учащихся. Въ 2 томахъ изд. 3-е. Спб., 1894 г. Ц. 10 р.
***Кернъ, Э.** Ива, ея значеніе, разведеніе и употребленіе. (Второе изданіе). Тула, 1896 г.
Кесслеръ. Синтаксисъ латинскаг языка для гимназій. Изд. 6-е. 1888 г. Ц. 1 р. 25 к.

***Кейръ, Ф.** Воображеніе и память. Спб., 1896 г. Ц. 40 к.

Киландъ, Александръ. Ядъ. Фортуна (два романа). М., 1895 г. Ц. 1 р.

Кингсфордъ, Анна, докт. мед. Научныя основанія вегетаріанства. Пер. съ англ. М., 1893 г. Ц. 80 коп.

Кистяковскій, А. Ө. Элементарный учебникъ общаго уголовнаго права. 3-е изданіе. Кіевъ, 1891 г. Ц. 4 р.

Клау, Ө. Ө. Краткій очеркъ химическихъ явленій. Составилъ по программѣ реальн. училищъ. Юрьевъ, 1895 г. Ц. 70 к.

Клемпереръ, д-ръ. Основы клинической діагностики. Изд. 2-е. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.

Кнейппъ, Севастьянъ. Мое водолеченіе. Изд. 3-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.

Кобеко. Цесаревичъ Павелъ Петровичъ. Изд. 3-е. Спб., 1887 г. Ц. 3 р.

Кобелль. Таблицы. Изд. 2-е. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.

Ковалевская, Софія, и Леффлеръ, А. Борьба за счастье. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р.

Ковалевскій, М. Очеркъ происхожденія семьи и собственности. Лекціи, читанныя въ Стокгольмскомъ университетѣ. Спб., 1895 г. Ц. 60 к.

— Происхожденіе современной демократіи. Въ 2-хъ томахъ. М., 1895 г. Цѣна каждаго тома 2 р 50 коп.

***Ковалевскій, Е.** Народное образованіе въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.

Козловъ, А. А. Очерки изъ исторіи философіи. Понятія философіи и исторіи философіи. Философія восточная. Кіевъ, 1887 г. Ц. 1 р.

— Тардъ (G. Tarde) и его теорія общества. Кіевъ, 1887 г. Ц. 1 р.

— Гипнотизмъ и его значеніе для психологіи и метафизики. Кіевъ, 1887 г. Ц. 75 к

— Письма о книгѣ гр. Л. Н. Толстого: „О жизни". М., 1891 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 40 к.

— Свое слово. Философско-литературный сборникъ, издаваемый вмѣсто „Философскаго трехмѣсячника". Кіевъ, 1888 г. № 1. Ц. 2 р. съ пер.; 1889 г. № 2. Ц. 2 р. съ пер.; 1890 г. № 3. Ц. 2 р. съ пер.

Козловскій, С. А. Полныя рѣшенія и объясненія всѣхъ ариѳметическихъ задачъ И. П. Верещагина. Ч. III (съ № 2466—3288 включительно). Минскъ, 1895 г. Ц. 75 к.

— Полныя рѣшенія и объясненія всѣхъ ариѳметическихъ задачъ А. Малинина и К. Буренина. Вып. II. Правило процентовъ (простыхъ и сложныхъ). Съ № 2891—3100 включительно. Борисовъ, 1894 г. Ц. 25 к.

Козлинина, Е. И. Обездоленныя дѣти. Очеркъ изъ судебной практики. М., 1894 г. Ц. 60 к.

Колеръ, І., проф. Шекспиръ съ точки зрѣнія права. (Шейлокъ и Гамлетъ). Пер. съ нѣмецкаго. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Ксломбо, маркиза. Красавица. Разсказъ. Перев. съ итальян. М., 1894 г. Ц. 35 коп.

Коломбъ, Ж. Дѣдушкина внучка. Съ французскаго. Спб, 1894 г. Ц. 2 руб. въ роскошн. переплетѣ.

Колубовскій, Я. Философскій ежегодникъ. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Кольбе. Введеніе къ ученію объ электричествѣ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 20 к.

Коле, Л. Дѣтство и юность великихъ людей. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Корелинъ, М. С. Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія. Вып. 1 и 2. М., 1892 г. Ц. за оба выпуска 6 р.

— Паденіе античнаго міросозерцанія. (Культурный кризисъ въ Римской имперіи). Лекціи, читанныя въ Московскомъ политехническомъ музеѣ въ 1891—1892 год. Спб., 1895 г. Ц. 75 к.

Коренблитъ, А. И. Нѣмецко-русскій техническій словарь. 25 выпусковъ. Ц. каждаго вып. 40 к. М. 1892—1895 гг. (всего будетъ 35—40 выпусковъ).

Корнетъ, Г. Какъ уберечь себя отъ чахотки. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.

Корнигъ, И. Г., д-ръ. Нервный вѣкъ и нервное поколѣніе. Одесса, 1894 г. Ц. 40 к.

Коропчевскій, Д. А. Люди. Этнографическіе очерки. Съ картой Африки. М., 1886 г. Ц. 65 к.

Короленко. Голодный годъ. Изд. 2-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

— Въ дурномъ обществѣ. Москва, 1894 г. Ц. 85 к.

Корсакъ, Марія. Первоначальные уроки русской грамматики. Ц. 60 коп. М., 1878 г.

Коршъ. Всеобщая исторія литературы. Томъ III. Спб., 1888 г. Ц. 5 р.

— Томъ IV. Спб., 1888 г. Ц. 6 р. 50 к.

Корнигъ. Нервный вѣкъ и нервное поколѣніе. Одесса, 1894 г. Ц. 40 к.

— Гигіена цѣломудрія. Одесса, 1894 г. Ц. 50 к.

Корфъ, Н. А. Нашъ другъ, книга для чтенія въ школѣ и дома (16 изд.). Спб., 1894 г. Ц. 75 к.

Костычевъ, П. Общедоступное руководство къ земледѣлію (Изд. 2). Спб., 1894 г. Ц. 75 к.

— Обработка и удобреніе чернозема. Сбп., 1892 г. Ц. 2 р.

— Ученіе объ удобреніи почвъ. (Изд. 2). Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Котельниковъ, М. Г. Справочная книжка по винокуренію для лицъ акцизнаго надзора. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Котельниковъ. Начальныя свѣдѣнія по скотоводству (Изд. 3). Спб., 1893 г. Ц. 40 к.

— Бесѣды по земледѣлію. Вып. I. О почвѣ. 1893 г. Вып. II. Объ удобреніи почвы. 1894 г. Вып. III. Травосѣяніе 1894 г. Вып. IV. О сѣменахъ и посѣвѣ, 1895 г. Вып. V. О воздѣлываніи хлѣбовъ. 1894 г. Вып. VI. Широколиствен. мучнистыя растенія. 1892 г. Вып. VII. О воздѣл. картофеля и корнеплодовъ. 1894 г. Спб. Цѣна кажд. вып. 30 к.

Коченовскій. Краткое руководство къ простому изслѣдованію сельско-хозяйственныхъ матеріаловъ и продуктовъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 80 к.

Краткій курсъ кожныхъ и венерическихъ болѣзней. Составленный примѣнительно къ программѣ испытательной медицинской коммиссіи. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р.

Краффтъ-Эбингъ. О здоровыхъ и больныхъ нервахъ. М., 1885 г. Ц. 75 к.

— Судебная психопатологія (Перевелъ Ал. Черемшанскій). Спб., 1895 г. Ц. 5 р.

— Прогрессивный общій параличъ. Пер. д-ра Вольтера. Харьковъ, 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Крестовскій, В. (псевдонимъ). Альбомъ, группы и портреты. Спб., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.

Крестный календарь на 1896 г. Гатцука. Ц. 15 к.

Кривенко, Н. Бесѣды о рогатомъ скотѣ. М. 1892 г. Ц. 70 к.

Кривенко, С. Н. На распутьи. (Культурные скиты и культурныя одиночки). Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Кривошеинъ, Г. Г., и Саткевичъ, А. А. Военные инженеры. Висячій мостъ со среднимъ шарниромъ статически-опредѣлимая система. Чертежи. Спб., 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.

Криста, М. Конецъ крейцеровой сонаты Льва Толстого. Спб., Ц. 30 к.

Криницкій, Маркъ. Въ туманѣ. Москва, 1895 г. Ц. 40 к.

Крихлеръ, Францъ. Породы собакъ. Описаніе всѣхъ породъ собакъ Дрессировка собакъ. Лѣчебникъ собакъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Кругловъ, А. В. Свои-чужіе. Романъ. Кіевъ, 1893 г. Цѣна 1 р.

— Подъ колесомъ жизни. Повѣсти и разсказы. Кіевъ, 1894 г. Цѣна 1 р.

— Незабудки. Разсказы и стихотворенія для дѣтей. Спб. 1885 г. Ц 1 р. 50 к., въ роскошн. перепл.—2 р.

— Вечерніе досуги. Сборникъ дѣтск. разскав. и стихотвореній, съ 45 рисунк. въ текстѣ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

— Добрымъ дѣтямъ иллюстрированные разсказы въ прозѣ и стихахъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Не герои. Очерки и разсказы (Живыя души, т. I). Изд. 2-е, доп. М., 1895 г. Ц. 1 р.

— На чужомъ полѣ. Очерки и разсказы. (Живыя души, т. II). Изд. 2-е, дополн. Москва, 1895 г. Ц. 1 р.

— Котофей Котофеевичъ. Ц. 1 р. 25 к.

*— Все пріятели. М., 1896 г. Ц. 30 к.

Крыловъ, И. А. Избранныя басни для школъ и народа. М., 1895 г. Ц. 8 к.

Ксенофонтъ. Анабазисъ. Подстрочн. пер. Кремера. Книга I-я, изд. 3-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 40 к.

— Книга II-я, изд. 3-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 40 к.

— Книги III-я, и IV-я, изд. 2-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 60 к.

— Книги V, VI и VII. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р.

Куглеръ, Францъ. Руководство къ исторіи искусства, обработан. Любке. Пер. Е. Корша. Ч. I, съ 320 рисунк. въ текстѣ, ц. 5 р. М. 1869 г.; т. II, ц. 5 р. съ 167 рис. М. 1870 г.

— Руководство къ исторіи живописи со времени Константина Великаго. Перев. И. К. Васильева, съ портрет. автора. Ц. 7 р. М., 1872 г.

Кудрявцевъ, В. Введеніе въ философію. Изд. 2-е. М., 1890 г. Ц. 40 к.

Кудрявцевъ-Платоновъ, сочин. Вып. I, II и III. Ц. каждаго 1 р. 50 к.

Кузьминскій, К. Н. Устройство сцены для любительскихъ спектаклей. М., 1893 г. Ц. 50 к.

Кулагинъ Н. Насѣкомыя, вредныя для сада и огорода въ средней и сѣверной Россіи (Изд. 2-е). Спб., 1894 г. Ц. 50 к.

Кулешовъ, П. Свиноводство. М 1893 г. Ц. 1 р.

— Коневодство. М., 1892 г. Ц. 1 р. 30 к.

— Научныя и практическія основанія подбора племенныхъ животныхъ въ овцеводствѣ. М 1890 г. Ц. 2 р.

Куно-Фишеръ. Лессингъ, какъ преобразователь нѣмецкой литературы. Пер. И. П. Разсадина. Ц. 1 руб. 25 к. М., 1882 г.

— Артуръ Шопенгауэръ. Пер. Грумъ-Гржимайло. М., 1894 г. Цѣна за два выпуска 2 р. 50 к., по выходѣ второго выпуска 3 р.

Курбскій, А. С. Русскій рабочій у сѣверо-американскаго плантатора. Спб., 1875 г. Ц. 2 р.

Курціусъ, Эрнстъ. Т. II, пер. А. Веселовскаго. Ц. 5 р. М., 1883 г. Т. III, пер. М. Корсакъ. Ц. 4 р. М., 1880 г.

Лабрюйеръ, Жанъ. Характеры или нравы этого вѣка (съ предисловіемъ Прево-Парадоля и Сентъ-Бёва). Спб., 1890 г. Ц. 2 р.

Лабулэ, Эдуардъ. Голубыя сказки. Въ роскошномъ переплетѣ съ 150 рисунк. Спб., 1894 г. Ц. 3 р.

Лавелэ, Эмиль. Балканскій полуостровъ. Пер. Н. Е. Васильева. Ц. 6 р. М., 1889 г.

— Основанія политической экономіи. Переводъ съ 4-го французскаго изданія. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Лависъ, Э. Общій очеркъ политической исторіи Европы. М., 1891 г. Ц. 50 к.

*Лаландъ, А. Этюды по философіи наукъ. Спб., 1896 г. Ц. 75 к.
Лампрехтъ, Карлъ. Исторія германскаго народа. Пер. П. Николаева. Т. 1 (части 1 и 2). Ц. 4 р. М., 1894 г.
Ланге, Н. Н. Психологическія изслѣдованія. Законъ перцепціи. Теорія волевого вниманія. Одесса, 1893 г. Ц. 2 р.
Ланге, К. проф. Художественное воспитаніе въ дѣтской. М., 95 г. Ц. 50 к.
Ландцертъ, В. П. Спутникъ по Россіи. Лѣтнее движеніе. М., 1895 г. Ц. 50 к.
Лаоси. „Тао те кингъ". Переводъ съ китайскаго со введеніемъ Д. П. Конисси. М., 1894 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.
Леббокъ, Дж. Красота природы и чудеса міра. Пер. подъ ред. А. М. Павлова, съ 36 полит. Ц. 1 р. 50 к. М., 1893 г.
— Радости жизни. 2-е испр. и доп. изд. Спб., 1895 г. Ц. 90 к.
— Какъ надо жить. Перев. съ англійскаго. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.
Лёбе, В. Молочное хозяйство, молочный скотъ, маслодѣліе и сыровареніе. Спб., 1895 г. Ц. 90 к.
Лебо, Эженъ. Трактатъ о человѣческой физіономіи. М., 1895 г. Ц. 3 р.
Лёвенфельдъ. Л. Половая нейрастенія. Одесса, 1892 г. Ц. 1 р.
Левицкій, В. Н. Временныя правила о волостномъ судѣ, преобразованномъ по закону 12 іюля 1889 года. М., 1894 г. Ц. 1 р.
Левитовъ. Собраніе сочиненій, съ портретомъ автора и статьей о его жизни Ф. Д. Нефедова. Т. I. Ц. 1 р. 50 к. Т. II. Ц. 1 р. 50 к. М., 84.
Ле-Бонъ, Густавъ. Эволюція цивилизацій. Одесса, 1895 г. Ц. 50 к.
Ладвезъ. Фото-сепія и фото-сангвинъ. Руководство для фотографовъ-любителей. М., 1895 г. Ц. 35 к.
Лейбницъ, Г. В. Избранныя философскія сочиненія. Съ портретомъ. М., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Избранныя философскія сочиненія. М., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Избранныя философскія сочиненія. Подъ редакціей В. П. Преображенскаго. Москва, 1890 г. Ц. 2 р.
Лейненбергъ, Н. Берегите дѣтей отъ вина, пива и водки! Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.
Леонтьевъ, Н. І. Указатель пьесъ для любительскихъ спектаклей. М., 1893 г. Ц. 50 к.
Лермонтовъ, М. Ю. Пол. собр. сочиненій. Спб. 1893 г. Ц. 1 р.
Лессингъ, Г. Минна фонъ-Барнгельмъ. Перев. Гомберга. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
— Эмилія Галотти. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.
— Натанъ Мудрый. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
— Молодой ученый. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
— Гамбургская драматургія. Пер. И. П. Рассадина. Ц. 3 р. М., 1883 г.
— Драматич. соч.: Минна фонъ Барнгельмъ, Эмилія Галлотти, Натанъ Мудрый. Спб. 1886 г. Ц. 2 р.
Летурно, Ш. Соціологія основанная на этнографіи. Пер. съ послѣдняго французскаго изданія. Вып. I. Спб., 1895 г. Ц. 60 к.
Лесгафтъ, Ф. Хлѣбопекарное производство (по Бирнбауму) и описаніе производства сухарей и проч. на русскихъ заводахъ. Спб., 1880 г. Ч. I. Ц. 3 р.
Ливій, Титъ. Подстрочный переводъ 30-й книги сдѣл. Румянцевъ и Подгурскій. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.
— Исторія Рима отъ основанія города. Книги I и II. Кіевъ, 1892 г. Ц. по 75 к.
— Римская исторія Кн. XXI, XXII. Изд. 2-е. Кіевъ, 1892 г. Цѣна 60 к.
Лидовъ, А. П., проф. Руководство къ химическому изслѣдованію жировъ и восковъ. Харьковъ, 1894 г. Ц. 3 р.
Липпертъ, Ю. Исторія культуры. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.
Листъ, Ф. Наказаніе и его цѣли. Спб., 1895 г. Ц. 25 к.
Ли, Іонасъ. Осужденный на вѣкъ. Разсказъ, съ норвежск. М., 1894 г. Ц. 40 к.
Лодыгинъ, П. Дѣдушкины разсказы о лошади—кормилицѣ и объ уходѣ за нею въ сельскомъ быту. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.
Лопатинъ, Л. М. Понятіе объ индукціи. М., 1893 г. Ц. 25 к.
— Положительныя задачи философіи. М., 1886 г. Ц. 2 р.
Лотце, Германъ. Микрокозмъ (мысли о естественной и бытовой исторіи человѣка, опытъ антропологіи). Пер. Е. Корша. Часть I. Ц. 2 р. М., 64 г. Часть II. Ц. 2 р. М. 66 г. Часть III. Ц. 2 р. 50 к. М., 67 г.
Луговой, А. Добей его! (Pollice verso). Параллели. Москва, 1893 г. Ц 50 к.
— Сочиненія. 3 тома Спб., 1894 г. Ц. по 2 р.
Лункевичъ, В. Наука о жизни. Общедоступная физіологія человѣка. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
Лучицкій, И., проф. Проповѣдникъ религіозной терпимости въ XVI вѣкѣ. М., 1895 г. Ц. 30 к.
Льюисъ, Георгъ Генри. На берегу моря (зоологическіе этюды). М., 1876 г. Ц. 1 р. 50 к.
Лѣтневъ, П. Невидимый бичъ. Ром. Вмѣсто хлѣба, камень. Ром. Кіевъ, 1894 г. Цѣна въ одномъ томѣ 1 р. 50 к.
— Бархатные когти. Ром. въ 2-хъ ч. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.
— На волоскѣ. Романъ. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.
— Современный недугъ. Ром. въ 3-хъ ч. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.
— Поперекъ дороги. Повѣсть. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.
— На смѣну прошлаго. Ром. Безъ воли.

. Повѣсть. Кіевъ, 1894 г. Цѣна въ одномъ томѣ 1 р.
— Бѣшеная лощина. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Волчья яма. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р.
— Сочиненія. 10 томовъ. Кіевъ, 189 г. Ц. 8 р.
Любимовъ, Н. А. Исторія физики. Ч. I. Періодъ греческой науки. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.
— Философ. Декарта. Спб., 1886 г. Ц. 2 р.
Любке, Вильгельмъ. Исторія пластики съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ. Перев. В. Чаева. М., 1870 г. Ц. 6 руб.
Лялина, М. Путешествія М. Н. Пржевальскаго. Спб., 91 г. Ц. 2 р.
Магаймъ, Профессіональные рабочіе союзы. Ц. 1 р. 25 к.
Магаффи, Дж. Исторія классическаго періода греческой литературы. Пер. А. Веселовской. Т. I (поэзія). Ц. 3 р. М., 1882 г. Т. II (проза). Ц. 3 р. М., 1883 г.
Магнусъ Блаубергъ. Русское виноградное вино и ересь. М., 1894 г. Ц. 2 р.
Маевскій, П. Флора средней Россіи. Иллюстрированное руководство къ опредѣленію растенія. М., 1895 г. Ц. 3 р. 50 к. Изд. 2-е исправлен. и дополнен.
Майеръ, Викторъ. Задачи химіи нашего времени. Спб., 1890 г. Ц. 50 к.
Мазуринъ, К., и Высоцкій, В. Формулы по ариѳметикѣ, алгебрѣ, геометріи, тригонометріи, высшей алгебрѣ, дифференціальному и интегральному исчисленіямъ для рѣшенія задачъ по чистой математикѣ. М., 1887 г. Ц. 50 к.
Макарова, С. Отголоски старины. Историческіе разсказы для дѣтей. М., 1894 г. Ц. въ папкѣ 1 р., въ перепл. 1 р. 30 к.
Македонскій. Права и обязанности подсудимаго предъ военнымъ судомъ. М., 1886 г. Ц. 1 р.
Маклеодъ, Д. Г. Основанія политической экономіи. Спб.. 1865 г. Ц. 2 р. 50 к.
Максимовъ, С. В. Годъ на сѣверѣ. М. 1890 г. Изд. 4-е. Ц. 3 р.
— Куль хлѣба и его похожденія. Четвертое иллюстрированное изданіе. Спб., 1894 г. Ц. р. 50 к.
***Малицкій, П.** Руководство по исторіи русской церкви. Вып. I. М., 1891 г. Ц. 90 к., вып. II. М., 1894 г. Ц. 75 к.
Маминъ-Сибирякъ, Д. Дѣтскія тѣни. М., 1894 г. Ц. 80 к.
— Разсказы и сказки для дѣтей младшаго возраста. М., 1895 г. Ц. 60 к., въ папкѣ 75 к.
— Акъ-Бозатъ. Разсказъ. М., 1895 г. Ц. 30 к.
- Уральскіе разсказы. Т. II. М., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Горное гнѣздо. Романъ. М., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Три конца. (Уральская лѣтопись). Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
— Весеннія грозы. Ром. въ 3-хъ част. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
Мантегацца, П. Физіологія любви. 2-е испр. изд. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
— Физіологія женщины. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Физіономія и выраженіе чувствъ. Пер. съ французск. подъ редакціей и съ предисловіемъ Н. Я. Грота и Е. В. Вербицкаго. Кіевъ, 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.
— Физіологія ненависти. Одесса, 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Искусство быть счастливымъ. Одесса, 1890 г. Ц. 50 к.
— Гигіена красоты. Одесса, 1890 г. Ц. 50 коп.
— Лицемѣрный вѣкъ. Одесса, 1889 г. Ц. 50 к.
— Нервный вѣкъ. Одесса, 1889 г. Ц. 50 к.
Мартыновъ. Anciens monuments des environs de Moscou. М., 1889 г. Ц. 10 р.
Мартъ, Констанъ. Философы и поэты-моралисты во времена Римской имперіи. Переводъ М. Корсакъ. Ц. 2 р. М., 1879 г.
Матеріалы для біографіи Добролюбова, собран. въ 1861—1862 гг. Т I. Ц. 2 р. М., 1890 г.
Маракуевъ, Н. Н. Элементарная алгебра въ 2-хъ ч. М., 1887 г. Ц. 4 р.
— Галилей, его жизнь и ученые труды. М., 1888 г. Ц. 35 к.
Масперо, Ж. Древняя исторія народовъ Востока. Москва, 1895 г. Ц. 3 р.
Массе. Исторія кусочка хлѣба. Спб., 1877 г. Ц. 1 р. 50 к.
Масловичъ, Н. Татьянинъ день 12 января. Харьковъ, 1895 г. Ц. 20 к.
— Житейскіе напѣвы. Спб., 92 г. Цѣна 1 р. 25 к.
Маудсли, Генри. Сонъ и сновидѣнія. Спб., 1895 г. Ц. 30 к.
Мауреръ, Людвигъ. Введеніе въ исторію общиннаго, подворнаго, сельскаго и городского устройства и общественной власти. Пер. В. Корша. Ц. 2 руб. 75 к. М., 1880 г.
Мачтетъ, Григорій. Баба и другіе разсказы. (Силуэты. Т. I.). Изд. 2-ое. М., 1895 г. Ц. 1 р.
— Блудный сынъ. Повѣсть. (Силуэты. Т. I). Изданіе 2-ое. Москва, 1895 г. Ц. 1 р.
— На досугѣ. Новый сборникъ повѣстей и разсказовъ. М., 1896 г. Ц. 1 р.
— Живыя картины. Новый сборникъ повѣстей и разсказовъ. М. 1895 г. Ц. 1 р.
Мейеръ, Аксель, д-ръ. Гигіена бездѣтнаго брака. Одесса, 1891 г. Ц. 50 к.
Между прочимъ. Сбор. разсказовъ. Изд. 2-е М., 1894 г. Ц. 80 к.
Международная библіотека. № 1. Ферд. Брюнетьеръ. Источники пессимизма. 2-е изд. Ц. 15 к. № 2. Кеттлеръ. Что та-

кое женская эмансипація. 2-е изд. Ц. 15 к. № 3. Вундтъ. Связь философіи съ жизнью за послѣднія 100 л. 2-е издан. Ц. 15 к. № 4. Леметръ. Этюды о русскихъ писателяхъ: Достоевскій, Островскій. 2-е изд. Ц. 15 к. № 5. Шенбахъ. Государственный строй С.-Амер. Соедин. Штатовъ. 2-е изд. Ц, 15 к. № 6. Брюнетьеръ. Отличительный характеръ французской литературы. Ц. 15 к. № 7. Шарль Рише. Геніальность и помѣшательство. Ц. 15 к. № 8. фонъ-Шеля. Самоубійство и современная цивилизація. Ц. 15 к. № 9. И. Тэнъ. Шекспиръ. Ц. 15 к. № 10. Рене Думикъ. Литература и вырожденіе. Ц. 15 к. № 11. Луйо Брентано. Причины экономическаго разстройства въ Европѣ. Ц. 15 коп. № 12. Брандесъ. Звѣрь въ человѣкѣ. Ц. 15 к. № 13. Лесли Стефенъ. Этика и борьба за существов. Ц. 15 к. № 14. Отто-Генне-амъ-Ринъ. Законы культуры. Ц. 15 к. № 15. Ф. Штрайслеръ. Происхожденіе семьи Ц. 15 к. № 16—17. А. Фулье. Психологія мужчины и женщины и ея физіологическія основанія. Ц. 25 к. № 18. А. Шопенгауэръ о возростахъ человѣка. Ц. 15 к. № 19. По Лабанду. Государственный строй германской имперіи. Ц. 15 к. № 20. Густавъ Шенбергъ. Новая политическая экономія. Ц. 15 к. № 21. Альфредъ Бинэ. Механизмъ мышленія. Ц. 15 к. № 22. Ф. Паульсенъ. Гамлетъ, какъ трагедія пессимизма. Ц. 15 к. Рюмелинъ. Что такое соціальный законъ № 23. Ц. 15 к. Фердинандъ Лагранжъ. Реформа физическаго воспитанія № 24. Цѣна 20 к. Шарля Ферре. Наслѣдственность болѣзненнаго предрасположенія № 25. Ц. 15 к. Миттермайеръ. Судъ присяжныхъ и его значеніе № 26. Ц. 15 к. № 27. Сила и право. Меркеля. № 28. Основы государственной критики. А. Гапфельта. № 29. Государственный строй Франціи, по Лебону. № 30. Исторія народнаго образованія въ Англіи, Л. Флейшнера. Ц. 15 к. № 31. Нервная система человѣка. Д-ра П. Мёбіуса. Ц. 15 к. № 32. Эмиль Золя. Георга Брандеса. Ц. 15 к. № 33. Спенсеръ, Г. О нравственномъ воспитаніи. Ц. 20 к. № 34. Фулье, А. Характеръ расъ и будущность бѣлой расы. Ц. 15 к. № 35. Летурно, Ш. Прошедшее и будущее литературы. Ц. 20 к. Гижицкій Г. Основы морали. Одесса, 1895 г. Ц. 60 к.

Мёбіусъ, д-ръ. Гигіена, діэта и леченіе нервныхъ людей. Спб., 1894 г. Ц. 75 к.

Мейеръ. Основанія теоретической химіи. Спб., 1894 г. Ц 2 р.

Мекензи, Уоллэсъ. Россія. Т. I и II. Спб., 1880. Ц. 5 р.

Мензбиръ, М. Дарвинизмъ въ біологіи и близкихъ къ ней наукахъ. М., 1886 г. Ц. 75 к.

Мессеръ. Звѣздный атласъ. Изд. 2-е. Спб., 1891 г. Ц. 5 р.

Металлодавильное дѣло (выдавливаніе полыхъ металлическихъ издѣлій) съ 8 табл. М., 1893 г. Ц. 1 р. 35 к.

Микуличъ, В. Зарницы. М., 1895 г. Ц. 65 к.

Миллеръ, В. П. Акваріумъ. Краткое руководство къ уходу за акваріумомъ и его населеніемъ. Спб., 1894 г. Ц. 75 к.

Милль, Джонъ-Стюартъ. Основанія политической экономіи. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Мильтонъ. Потерянный и возвращенный рай. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Милюковъ, П. Н. Государственное хозяйство въ Россіи и реформа Петра Великаго. Спб., 1892 г. Ц. 3 р. 50 к.

— Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Михайловъ-Викторовъ. Собраніе анекдотовъ изъ жизни замѣчательныхъ людей Т. 2. Спб., 1888 г. Ц. 1 р. 50 к.

Михайловскій, Н. К. Литература и жизнь. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.

— Критическіе опыты. Иванъ Грозный въ русской литературѣ. Герой безвременья. Спб.. 1895 г. Ц. 1 р.

Михеевъ, В М. Художники. Очерки и разсказы. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Мольеръ, Собр. соч. въ 3-хъ т. Спб., 1884 г. Ц. 7 р. 50 к.

Молло, М. Правила адвокатской профессіи во Франціи. М., 1894 г. Ц. 80 к.

Момсенъ, Ѳ. Римская исторія. Перев. Невѣдомскаго. Т. I, ц. 6 р. М., 1887 г. Т. II и III, ц. 7 р. М., 1887 г. Т. V, ц. 3 р. 50 к. М., 1885 г.

Мопассанъ, Гюи. Монтъ-Оріоль. Москва, 1894 г. Ц. 70 коп.

— Сочиненія, избранныя Л. Н. Толстымъ. 1 т. М 1893 г. Ц. 1 р. 25 к. Т. 2-й. М., 1894 г. Ц. 1 р.

— На водѣ, сборникъ разсказовъ. Пер. съ фр. Никифорова, съ предисловіемъ Л. Толстого. М., 1894 г. Ц. 60 к.

Морлей, Джонъ. Вольтеръ. Переводъ съ 4-го англ. изд. М., 1889 г. Ц. 2 р.

— Руссо. Перев. съ англ. В. Н. Невѣдомскаго. Ц. 2 р. 50 к. М., 1881 г.

— Дидро и энциклопедисты. Пер. В. Н. Невѣдомскаго. Ц. 2 р. 50 к. М., 1882 г.

Моръ. Краткая этимологія греческаго языка. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

— Книга упражненій по греческому языку. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Мороховецъ, Левъ, проф. Имп. Моск. унив. Физико-химическія основы біологическихъ и врачебныхъ методовъ изслѣдованія съ физіологической техниковой для естествоиспытателей, врачей и студентовъ. М., 1895 г. Ц. 1 р. 30 к.

Москвичъ. Путеводитель по Крыму (4 изд.). 1895 г. Ц. въ коленк. пер. 1 р.

*Моссо, А. Физическое воспитаніе юношества. Спб., 1896 г. Ц. 60 к.
Мостовскій М. Этнографическіе очерки Россіи. М., 1874 г. Ц. 1 р.
Мотлей, Д. Л. Исторія Нидерландской революціи. 3 т. Спб., 1865 г. Ц. 7 р. 50 к.
Мункъ, I., д-ръ мед. Руководство къ кормленію больныхъ, для врачей, студентовъ и завѣдующихъ больницами, пріютами и пр. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 80 к.
Мусселіусъ. В. Русско-латинскій словарь. Спб., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.
Мюссе, А. Ночи. Перев. А. Облеухова. М., 1895 г. Ц. 60 к.
Мятлевъ, И. П. Полное собр. сочиненій. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.
— Полное собраніе сочиненій. Изданіе иллюстрированное. М., 1894 г. Три тома. Ц. 1 р. 20 к.
Мясницкій, Ив. Замоскворѣцкія сказки. Юмористич. разсказы. М., 1895 г. Ц. 1 р.
— „На добрую память" изъ русскихъ писателей. Книга для семейнаго чтенія. М., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к., составл. Никифоровымъ.
МДС. Врачебное искусство и медицинская наука. Одесса, 1894 г. Ц. 25 к.
N. N. Снабженіе горячей водой небольшихъ жилыхъ домовъ. Переводъ съ англійскаго инж. техн. Л. Л. Боровича. М., 1895 г. Ц. 40 к.
Надсонъ, С. Я. Литературные очерки (1883—1886 гг.). Спб., 1887 г. Изд. 2-е Ц. 1 р.
Наединѣ. Сборникъ переводныхъ повѣстей, разсказовъ и стихотвореній Матильды Серао, Альфонса Доде, Бьёрнсонъ-Бьернстерна, Генри Лонгфелло, Гюи де-Мопассана и др. Ц. 70 к.
Народныя русскія сказки и загадки. Собраны сельскими учителями Тульск. губ. въ 1862 и 1863 годахъ. Редакція А. А. Эрленвейна. Изд. 2-е. М., 1892 г. Ц. въ папкѣ 1 р.
Неверъ, Эмилія. Искусство быть красивой. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
Немировичъ-Данченко, В. И. Гроза. Ром. въ 2-хъ ч. Изд. седьмое. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Бѣломорье и Соловки. Изд. 4-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Өедька-рудокопъ. Повѣсть для дѣтей старшаго возраста. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.
— Контрабандисты. Романъ. Кіевъ, 1892 г. Ц. 2 р.
— На краю свѣта. Другъ за друга. Изъ жизни на крайнемъ сѣверѣ. Повѣсть для дѣтей. Въ трехъ частяхъ. Москва, 1893 г. Ц. 1 р., въ переплетѣ 1 р. 30 к.
— Большое сердце. Повѣсть. Москва, 1894 г. Ц. 20 коп.
Немировичъ-Данченко, Влад. Ив. Старый домъ (Мертвая ткань). М., 1895 г. Ц. 1 р.

Нетыкса, М. А. Краткое руководство кузнечнаго дѣла. М., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.
— Крат. руков. слесарнаго дѣла. М., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.
— Техника черченія (о томъ, какъ и чѣмъ чертить). Съ 433 политипаж. въ текстѣ и 4 литогр. табл. М., 1893 г. Ц. 2 р. 75 к.
— Способы воздухонасыщенія комнатныхъ акваріумовъ. М., 1895 г. Ц. 75 к.
Нефедовъ, Ф. Д. Сочиненія. Т. I. Ц. 1 р. 50 к. М., 1894 г.
— Томъ II. М., 1805 г. Ц. 1 р. 50 к.
Нивеллирный планъ города Москвы, съ указаніемъ раздѣленія города на судебно-мировые участки и съ описаніемъ ихъ. М., 1894 г. Ц. 75 к.
Никитинъ, В. Н. Обломки разбитаго корабля. Сцены у мировыхъ судей шестидесятыхъ годовъ. Спб., 1891 г. Ц. 1 р.
*Никитскій, С. Вѣра православной восточной греко-россійской церкви. Книга 1-я: Вѣроученія. Ц. 50 к. Книга 2-я: О нравственности. Ц. 70 к.
Николаевъ, П. Активный прогрессъ и экономическій матеріализмъ. Соціологическій этюдъ. Ц. 1 р. 50 коп. М., 1892 г.
Николаевъ, Н. Стихотворенія. М., 1894 г. Ц. 40 к.
Нимейеръ, Павелъ, д-ръ. Геморрой. Причины болѣзни, способы лѣченія и предупрежденія ея. Пер. В. Бороздича. Казань, 1895 г. Ц. 50 к.
Нордау, Максъ. Вырожденіе. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Въ поискахъ за истиной (парадоксы, изд. 3-е. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.
Нотнагель, Г. д-ръ. Руководство къ фармакологіи, въ 2 частяхъ. Спб., 1895 г. Ц. 4 р.
Новѣйшая исторія Англіи 1865—1895 гг. Краткій очеркъ событій. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.
Новѣйшая исторія Германіи 1866—1895 гг. Краткій очеркъ событій. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.
Нурокъ. Ключъ къ русскимъ упражн. грам. англійскаго языка. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
Ньюкомбъ, С., и Энгельманъ, Р. Астрономія въ общепонятномъ изложеніи. Спб., 1894—1895 гг. Ц. I и III вып. по 1 р. 40 к., подписная цѣна за все соч. (4 вып.) 5 р. 60 к.
Нюренбергъ, А. М. Городовое положеніе (изд. 2-е). Москва, 1893 г. Ц. 80 к.
— Правила о раздробительной торговлѣ крѣпкими напитками (изд. 2). М., 1894 г. Ц. 1 р.
Образовательныя игры, занятія для дѣтей Вл. А. Попова: 1) „Подвижныя животныя". (Для вырѣзыванія, склеиванія и разстановки. Два выпуска. Ц. каждому

выпуску, заключающему въ себѣ по 4 таблицы съ 11-ю экз. животныхъ, 45 коп.—2) „Рисованіе по трафаретамъ": Цвѣты (шесть картонныхъ шаблоновъ различныхъ цвѣтовъ). Животныя (шесть карт. табл. различн. животныхъ). Ц. каждому конверту 35 коп.—3) „Тѣневые портреты русскихъ писателей".(Для вырѣзыванія и отраженія на стѣнѣ). Ц. 40 коп.—4) Складныя картинки, служащія иллюстраціями къ произведеніямъ русскихъ писателей, съ приложеніемъ краткихъ біографій писателей, портретовъ ихъ и самихъ произведеній: а) „Цыгане", А. С. Пушкина; б) „Мазай и зайцы", Н. А. Некрасова; в) „Дѣдушка", И. С. Никитина. Ц. каждой картинкѣ 45 коп.—5) „Ручныя тѣни". Ц. 15 коп.—6) „Затруднительное путешествіе". Ц. 15 к.—7) „Лихіе наѣздники". Ц. 10 к.—8) „Замысловатый квадратъ". Ц. 25 коп. — 9) „Мудреный кругъ". Ц. 25 коп. — 10) „Русская подвижная азбука для школъ". Цѣн. 35 коп.—11) „Русская подвижная азбучка". Ц. 15 к.— 12) „Русская азбука на кубикахъ. (6 алфавитовъ на 35 кубикахъ, въ красивой коробкѣ). Ц. 50 коп.

Обзоръ дѣятельности комитета грамотности, состоящаго при Импер.моск. общ. сельск. хоз. М., 1895 г. Ц. 15 к.

Общедоступный лечебникъ домашнихъ животныхъ при участи Э. К. Брандта составленъ Я. Н. Шмулевичемъ (Изд. 2-е). Спб., 1891 г. Ц. 3 р.

Объ устройствѣ водяныхъ клозетовъ (16 рис. въ текстѣ). М., 1894 г. Ц. 20 к.

Овидій, Назонъ. Избранныя басни изъ „Метаморфозъ". Изд. 2-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к. Пер. 8-й, 11-й, 12-й и 15-й книги „Метоморфозъ".

— Переводъ 1-й и 2-й книги съ прилож. біографіи автора. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.

— Пер. 6-й, 7-й и 13-й книги. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

— Переводъ 3-й, 10-й, 14-й книги. Кіевъ 1894 г. Ц. 40 к.

***Овсянико-Куликовскій.** Языкъ и искусство. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.

Огіевскій, В. Борьба съ вредными лѣсными насѣкомыми въ Баваріи. Спб., 95 г. Ц. 20 к.

Огородниковъ, П. Въ странѣ свободы. Въ 2-хъ т. Спб., 1882 г. Ц. 2 р. 50 к.

Оже, Люсьенъ. Семь чудесъ свѣта. Путешествіе къ семи чудесамъ свѣта съ научною цѣлью. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Ольденбергъ, Германъ. Будда, его жизнь, ученіе и община. Перев. П. Николаева. Ц. 2 р. М., 1891 г.

Оржешко, Элиза. Дикарка. Повѣсть. Пер. съ польскаго. М., 1894 г. Ц. 75 к.

Орловъ, К. В., д-ръ мед. Основы діагностики искусственныхъ и притворныхъ болѣзней у призываемыхъ къ военной службѣ солдатъ. Изд. 2 исправл. и доп. Спб., 1894 г. Ц. 2 руб.

Оровичъ, Я. Женщина въ правѣ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 60 к.

О свободѣ воли. Рефераты и статьи членовъ психол. общ. М., 1889 г. Ц. 2 р.

Освальдъ, Фридрихъ. Лягавая собака. Руководство къ уходу за лягавою собакой. Ея воспитаніе, и дрессировка. Лечебникъ собакъ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Острогорскій, Викторъ. Письма объ эстетическомъ воспитаніи. 1894 г. Ц. 40 к.

— Выразительное чтеніе. Пособіе для учащихъ и учащихся. Изд. 3-е. М., 1894 г. Ц. 50 к.

— Изъ міра великихъ преданій. Разсказы для юношества. Изд. 5-е. М, 1894 г. Ц. 1 р.

— Этюды о русскихъ писателяхъ. IV. Художникъ русской пѣсни А. В. Кольцовъ. Москва, 1893 г. Ц. 50 к.

— Родные поэты. Для чтенія въ классѣ и дома. Изд. 2-е. Москва, 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Хорошіе люди. Сборникъ разсказ. съ 45 рисунк. (изд. 2-е). Спб., 1891 г. Ц. 1 р., въ роскошн. перепл. — 1 руб. 60 к.

— Изъ исторіи моего учительства. Какъ я сдѣлался учителемъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Очеркъ исторіи греческой философіи Целлера. Перев. съ нѣмецкаго М. Некрасова, подъ редакц. М. Каринскаго. Спб., 1886 г. Ц. 2 р.

П., Г. Стихотворенія. М., 1894 г. Ц. 35 к.

Павленковъ, Ф. „Жизнь замѣчательныхъ людей" (Біографическая библіотека). Аввакумъ, Андерсенъ, Аристотель, Бальзакъ, Бахъ, Байронъ, Бентамъ, и Беккаріа, Берне, Бэконъ, Бѣлинскій, Карлъ Бэръ, Беранже, Бетховенъ, Богданъ Хмѣльницкій, Боккачіо, Бомарше, Боткинъ, Джіордано Бруно, Рихардъ Вагнеръ, Леонардо-да-Винчи, Волковъ, Вольтеръ, Воронцовы, Галилей, Гарвей, Гарибальди, Гаррикъ, Гегель, Гейне, Гёте, Гладстонъ, Глинка, Говардъ, Гоголь, Гракхи, Грибоѣдовъ, Григорій VII, А. Гумбольдъ, Гусъ, Гутенбергъ, Гюго, Дагерръ и Ніэпсъ, Даламберъ, Дантъ, Дарвинъ, Даргомыжскій, Дашкова, Демидовы, Державинъ, Дефо, Дженнеръ, Диккенсъ, Добролюбовъ, Достоевскій, Жоржъ-Зандъ, Жуковскій, Ивановъ (художн.), Іоаннъ Грозный, Кальвинъ, Канкринъ, Кантъ, Кантемиръ, Каразинъ, Карамзинъ, Карлейль, Кеплеръ, Кетле, Ковалевская, Колумбъ, Кольцовъ, Конфуцій, Кондорсэ, Контъ, Коперникъ, баронъ Корфъ, Крамской, Кромвель, Крыловъ, Кювье, Лавуазье, Лапласъ, Лейбницъ, Лермонтовъ, Лессепсъ, Лессингъ, Ливингстонъ, Линкольнъ, Линней, Лоба-

чевскій, Лойола, Локкъ, Ломоносовъ, Ляейелль, Маколей, Мейерберъ, Микель-Анджело, Милль, Мильтонъ, Мирабо, Мицкевичъ, Мольеръ, Монтескьё Томасъ Моръ, Моцартъ, Никитинъ, Никонъ, Новиковъ, Ньютонъ, Робертъ Оуэнъ, Паскаль, Песталоцци, Перовъ, Пироговъ, Писемскій, Потемкинъ, Пржевальскій, Прудонъ, Пушкинъ, Рабле, Рафаэль, Рембрандтъ, Ришелье, Ротшильды, Руссо, Сакія-Муни, Салтыковъ, Савонарола, Свифтъ, Сенковскій, Сервантесъ, Скобелевъ, Вальтеръ-Скоттъ, Адамъ Смитъ, С. Соловьевъ, Сперанскій, Стефенсонъ и Фультонъ, Струве, Стэнли, Сѣровъ, Теккерей, Толстой, Торквемада, Тургеневъ, Уаттъ, Ушинскій, Фарадей, Фонвизинъ, Франклинъ, Цвингли. Шевченко, Шиллеръ, Шопенгауэръ, Шопенъ, Шуманъ, Щепкина, Эдисонъ и Морзе, Джорджъ Эліотъ, Юмъ, Ѳедотовъ

Павоне, К., д-ръ. Гигіена нервныхъ страданій у дѣтей. Одесса, 1893 г. Ц. 50 коп.

Пальчикова. Двѣ сказки для дѣтей. Спб., 1893 г. Ц. 50 коп.

Парксъ, Генрихъ. 50 лѣтъ общественной дѣятельности въ Австраліи, въ 2 ч., съ 2 портр. автора, пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 3 р. М., 1894 г.

Паульсенъ, Фр. Введеніе въ философію. Пер. Н. Титовскаго, подъ ред. В. Преображенскаго. М., 1894 годъ. Ц. 3 р.

Паульсонъ. Стенографія. Спб., 1892 г. Ц. за 2 части 1 р.

— Руководство для лицъ, ухаживающихъ за больными. Спб., 1893 г. Ц. 60 к.

Пель. Фальсификація и мѣры борьбы съ ними. Спб., 1889 г. Ц. 60 к.

Пашкевичъ, В. Культура лѣкарствен. растеній. Спб., 1894 г. Ц. 80 к.

Педаевъ, Д. Атмосферное электричество. Харьк., 1895 г. Ц. 60 к.

Пекаторосъ, Г. М. Человѣческія расы. Народы Африки № 1. Серія II. Одесса, 1895 г. Ц. 25 к.

Пелисье, Ж. Французская литература XIX вѣка. М., 1895 г. Ц. 1 р.

— Литературное движеніе въ XIX столѣтіи. Сочиненіе, увѣнчанное французской академіей. М., 1895 г. Ц. 2 р.

Пеллико, Сильвіо. Мои темницы. Переводъ Гариной. М., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Пергаментъ, О. Краткій историческій очеркъ развитія ученія объ электричествѣ. Кіевъ, 1890 г. Ц. 60 к.

Перковскій, П. Описаніе судовыхъ машинъ и котловъ, а также вспомогательныхъ механизмовъ. Спб., 1896 г. Ц. 2 р. 25 к.

***Перси.** Краткое изложеніе рѣзьбы по дереву. М., 1895 г. Ц. 70 к.

Персональный. Учебникъ зоологіи. М., 1893 г. Ц. 85 к.

Песоцкій, Н. А. Древесная шерсть, ея употребленіе и производство (съ чертежами на отдѣльныхъ листахъ). М., 1895 г. Ц. 1 р.

— Систематическое обученіе практическимъ пріемамъ столярнаго ремесла въ 2-хъ частяхъ. Съ отдѣльнымъ атласомъ чертежей. Спб., 1890 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Петерсонъ, О. Семейство Бронтё (Керреръ, Элисъ и Актонъ Белль). Спб., 1895 г. Ц. 1 р. Въ пользу общ. вспомож. кончив. высшіе женск. курсы.

Петровъ, А. Н. Русская военная сила. Т. I и II. Изд. 2-е. М. 1892 г. Ц. за оба тома 6 р.

Петрова, проф., съ продолженіемъ проф. Надлеръ. Лекціи по всемірной исторіи. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р.

Петунниковъ, А. Иллюстрированное руководство къ опредѣленію растеній. М., 1890 г. Ц. 2 р. 50 к.

Пешель, Оскаръ. Исторія эпохи открытій. Пер. Э. Циммермана. Ц. 3 р. М., 1885 г.

Писаревъ, Д. И. Пол. собр. соч., въ 6 т. Спб., 1894 г. Ц. 6 р.

Платонъ. Апологія Сократа. Подстрочн. пер. Изд. 3-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.

— Критонъ. Изд. 2-е. Кіевъ, 1890 г. Ц. 35 коп.

Плутархъ. Александръ Великій. М., 1893 г. Ц. 30 к.

— Юлій Цезарь. М., 1890 г. Ц. 25 к.

— Жизнь и дѣла знаменитыхъ людей древности. Въ 4-хъ т. М., 1893 г. Ц. за всѣ тома 3 р. 50 коп.

По, Эдгаръ. Баллады и фантазіи. Москва, 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

*— Полное собраніе сочиненій. Вып. I. Киш., 1895 г. Ц. 65 к.

Покровскій. К. Путеводитель по небу. М., 1894 г. Ц. 2 р.

Покровскій, Е. А. Дѣтскія игры и гимнастика въ отношеніи воспитанія и здоровья. Ц. 20 к.

— Площадки для дѣтскихъ игръ и физическихъ упражненій. М., 1894 г. Ц. 20 к.

— Русскія дѣтскія подвижныя игры. М., 1892 г. Ц. 75 к.

— Первоначальное физическое воспитаніе дѣтей (Популярное руководство для матерей). М., 1895 г. Ц. 1 руб. 50 коп. (изд. 2-е).

Покорни, д-ръ. Общее землевѣдѣніе. Ч. 3-я (послѣдняя). М., 1891 г. Ц. 2 р.

Политикосъ. Европейскіе монархи. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Полонскій, Я. П. На закатѣ. Стихотворенія. М., 1881 г. Ц. 1 р. 25 к.

Поповъ. Курсъ общаго скотоводства. Казань, 1894 г. Ц. 2 р.

Порошинъ, Ив. Разсказы. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Посновъ, А. Руководство къ правиль-

ной постановкѣ торговли, контроля и счетоводства обществъ потребителей. М., 1896 г. Ц. 1 р.

Потапенко, И. Н. Повѣсти. 8 т. Спб., 1893 г. Ц. каждаго т. 1 р.

— Не герой. Романъ въ 2-хъ частяхъ. М., 1896 г. Ц. 1 р.

— Одинъ. Ром. М., 1896 г. Ц. 2 р.

*— Голодъ. М., 95 г. Ц. 40 к.

Починъ. Сборникъ общества любителей россійской словесности на 1895 годъ. М., 1895 г. Ц. 2 р.

Прейеръ, В. О сохраненіи здоровья и продленіи жизни. Одесса, 1895 г. Ц. 50 к.

Прессъ. Руководство къ борьбѣ съ огнемъ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 75 к.

— Защита жизни и здоровья рабочихъ. Вып. I и II. Спб., 1891 г. Ц. по 2 р.

— Искусственное высушиваніе дерева, съ 25 рис. 2 исправл. и дополн. изд. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.

Прѣльсъ, Р. Эстетика. Подъ редакціей и съ дополнительною статьей В. В. Чуйко. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.

Приготовленіе протравъ для дерева и подделка простыхъ породъ дерева. 2-е доп. М., 1892 г. Ц. 40 к.

Программы домашняго чтенія на 1894—1895 г. Коммиссія по организаціи домашняго чтенія. М., 1894 г. Ц. 25 к.

Проблески. Сборникъ произведеній русскихъ авторовъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Пругавинъ, А. С. Запросы народа и обязанности интеллигенціи въ области просвѣщенія и воспитанія. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.

Прудонъ, П. Искусство, его основанія и общественное назначеніе. Спб., 1866 г. Ц. 1 р. 25 к.

Птицынъ, Владиміръ. Древніе адвокаты и наши присяжные цицероны. Спб., 1894 г. Ц. 50 к.

— Адвокатъ за адвокатуру. Спб., 1895 г. Ц. 30 к.

— Пересмотръ нашихъ судебныхъ законовъ. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.

Путешествія В. В. Юнкера по Африкѣ. Изложен. Петри, съ 114 рисунками. Спб., 1893 г. Ц. 3 р. 50 к.

Путеводитель по желѣзн. дорог. и пароходн. путямъ Россіи. Москва, 1895 г. Ц. 30 к.

Пушкинъ, А. С. Пол. собр. сочиненій. Спб., 2 изд. Ц. 1 р. 50 к.

Пфлюгеръ, Э. Ф. В. Объ искусствѣ продлить человѣческую жизнь. Одесса, 1890 г. Ц. 30 к.

Рабовъ, С., проф. Способы прописыванія лѣкарственныхъ веществъ для врачей и студентовъ. Харьковъ, 1894 г. 1 р. 40 к.

Радда-Бай (Е. П. Блаватская). Изъ пещеръ и дебрей Индіи. Загадочныя племена на „Голубыхъ горахъ". Спб., 18.3 г. Ц. 1 р. 75 к.

Радловъ, Э. Л. „Объ истолкованіи" Аристотеля. Спб., 1891 г. Ц. 50 к.

Раевскій, М. Н. Плодовая школа и плодовой садъ (изд. 4-е). Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Райтъ, Л. Практическое птицеводство. М., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Жизнь первобытныхъ народовъ. Эскимосы и алеуты. М., 1888 г. Ц. 15 к.

Раменскій, Н. Братья-изгои. Ром. въ 3-хъ част. М., 1895 г. Ц. 2 р.

*— Докторъ Сафоновъ. М., 1889 г. Ц. 1 р.

Рашевскій, И., д-ръ. Замѣтки по фармакологіи для фельдшеровъ. 2-ое изд. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.

Регель. Содержаніе и воспитаніе растеній въ комнатахъ. Изд. 2-е. Спб., 1890 г. Ц. 5 р. 50 к.

— Однолѣтнія и двулѣтнія цвѣтущія растенія. Изд. 3-е. Спб., 1885 г. Ц. 3 р. 50 к.

Рейтцъ, В. Лекціи по патологіи и терапіи дѣтскаго возраста. Спб., 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.

Рейхъ. Оптическая гигіена глазъ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р.

Рекламъ, Карлъ. Ключъ къ здоровью. Популярная гигіена. Кіевъ, 1893 г. Ц. 60 к.

Реклю, Э. Современные политическіе дѣятели. Спб., 1876 г. Ц. 2 р.

— Земля. Въ VI выпускахъ. Вып. I—ц. 90 к. Вып. II—ц. 1 р. 30 к. Вып. III—ц. 1 р. 10 к. Вып. IV—ц. 1 р. 10 к. Вып. V—ц. 1 р. Вып. VI—ц. 1 р. 30 к.

Рембольдтъ, д-ръ. Школьная гигіена. Пер. съ нѣм. д-ра И. М. Рахманинова. М., 1890 г. Ц. 1 р. 25 к.

Ренанъ, Эрнестъ. Разореніе Іерусалима. М., 1886 г. Ц. 50 к

— Историческіе и религіозные этюды. Изд. 3. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Рецептура. Составлена для студентовъ-медиковъ. Кіевъ. Ц. 50 к.

Рибо, Т. Современная англійская психологія. Подъ ред. П. Д. Боборыкина. М., 1881 г. Ц. 2 р.

— Память въ ея нормальномъ и болѣзненномъ состояніяхъ. Спб., 1894 г. Ц. 80 к.

— Воля въ ея нормальномъ и болѣзненномъ состояніяхъ. Перев. съ 8 дополн. франц. изд. Спб., 1894 г. Ц. 80 к.

— Изслѣдованіе аффективной памяти. Пер. съ французск. Максимовой. Спб., 1895 г. Ц. 25 к.

Риль, А. Теорія науки и метафизика съ точки зрѣнія философскаго критицизма. Пер. Е. Корша. Ц. 2 р. М., 1888 г.

Рихтеръ, Е. Элементарная геометрія въ объемѣ курса среднихъ учебныхъ заведеній. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 40 к.

Ричардсонъ, Чарльзъ. О выборѣ книгъ. М., 1889 г. Ц. 50 к.

Рише, Шарль. Черезъ сто лѣтъ. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.

Робертъ, Карлъ. Краткое руководство живописи на тканяхъ. Москва, 1895 г. Ц. 70 к.

*— Краткое руководство миніатюры. М., 1895 г. Ц. 70 коп.
Рогова, О. И. Рѣпосчетъ. Спб., 95 года. Ц. 2 р.
— Ласточкино гнѣздо. Спб., 94 г, Цѣна 2 руб.
— Ландышъ. Спб., 95 г. Ц. 1 р. 75 к.
— Сынъ гетмана. Спб., 91 г. Цѣна 2 руб. 25 к.
Розенбахъ. Современный мистицизмъ. Спб., 1891 г. Ц. 60 к.
Розенбергъ-Липинскій. Практическое земледѣліе (изд. 5). Спб., 1893 г. Ц. 3 р.
Романовъ, С. И. Словарь ружейной охоты. М., 1877 г. Ц. 3 р. 50 к.
Ромашкевичъ, П. А. Полный русскій орѳографическій словарь. Составленъ по „русскому правописанію" академика Як. Грота. Изд. третье исправл., Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
Рони, Ж. До потопа. Спб., 1892 г. Ц. 50 к.
Ростовская, М. Ѳ. Звѣздочки. Повѣсти и разсказы для дѣтей. Съ раскрашенными рисун. Изд. третье. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
— Жучка. Разсказъ для дѣтей. Съ литографированными рисунк. Изд. третье. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
— Четыре времени года. Разсказы изъ деревенскаго быта. Съ рисун. Изданіе третье. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
— Сельцо Лебяжье. Повѣсть для дѣтей. Изд. третье, испр. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
— Пони. Приключенія эмскаго осла. Повѣсть для дѣтей Изд. третье. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
Рохау, А. Л. Исторія Франціи. Ч. I и II. Спб., 1866 г. Ц. 3 р. 50 к.
Рубакинъ, Н. А. Этюды о русской читающей публикѣ. Факты, цифры и наблюденія. Спб., 1895 г. Цѣна 1 руб. 50 к.
Рудзкій, Ал. Лѣсная таксація. Пособіе для лѣсничихъ и лѣсопромышленниковъ. (Изд. 2). Спб., 1890 г. Ц. 3 р.
Руководство для метеорологическихъ наблюденій. Харьк., 1894 г. Ц. 30 к.
Руссо, Жанъ-Жакъ. Юлія или Новая Элоиза. М., 1892 г. Ц. 2 р.
Русскій сельскій календарь. Годъ II. М., 1895 г. Ц. 20 к.
Русская библіотека. № 6. Южаковъ, С. Любовь и счастье въ произведеніяхъ А. С. Пушкина. Ц. 20 к. № 7. Карѣевъ, Н., проф. Что такое общее образованіе? Ц. 20 к.
Рѣшетниковъ, Ѳ. М. Собраніе сочиненій, въ 2-хъ т. Спб., 1890 г. Ц. за 2 т. 2 р. 50 к.
Рябининъ. Элеваторы и наше увлеченіе ими. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.
Саади-Ширази. Гюлистанъ, „Цвѣтникъ розъ". Пер. съ персидск. подлин. И. Холмогорова. Ц. 1 р. М., 1882 г.
Сабатье, П. Жизнь Франциска Ассизскаго. Перев. съ франц. М., 1895 г. Ц. 90 к.
Салтыковъ (Щедринъ). Полное соб. соч. 12 т. (Изд. 8-е). Ц. 18 р., а за кажд т. отдѣльно по 1 р. 75 к. Спб., 1894 г.
Саловъ, И. Уютный уголокъ. М., 1894 г. Ц. 80 к.
— Суета мірская. М., 1894 г. Ц. 1 р.
— Съ натуры. Очерки и разсказы. М., Ц. 1 р.
Саллюстій Криспъ. Пособіе къ изученію и чтенію „Заговора Катилины". Сост. Логвиновъ. Кіевъ, 1886 г. Ц. 60 к.
***Сахаровъ, А.** По русской землѣ. Второе изданіе. М., 1896 г. Ц. 1 р. 60 к.
Сборникъ рисунковъ токарныхъ издѣлій. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
Сборникъ рисунковъ мебели и столярныхъ издѣлій. М. Ц. 2 р.
Сборникъ общества любителей россійской словесн. на 1891 г. М., 1891 г. Ц. 4 р.
Свифтъ, Джонатанъ. Путешествія Лемьюэля Гулливера. Ч. I и II. М., 1889 г. Ц. за обѣ части 4 р. 40 к.
Свѣтухинъ, М. И. Къ діагностикѣ болѣзней сердца. Харьковъ, 1895 г. Ц. 1 р.
Святловскій, В. В. Фабричная гигіена (153 рис.). Спб., 1891 г. Ц. 4 р.
Северъ, Риббингъ. Половая гигіена и ея нравственныя послѣдствія. Одесса, 1893 г. Ц. 1 р.
— Бракъ. Совѣты и предостереженія врача. Одесса, 1894 г. Ц. 30 к.
Сёлли, Джемсъ. Геніальность и помѣшательство. Спб., 1895 г. Ц. 15 к.
Семеновъ, С. Т. Крестьянскіе разсказы, съ предисловіемъ Л. Н. Толстого. М., 1894 г. Ц. 60 к.
Серао, Матильда. Прощай, любовь! Романъ. М., 1895 г. Ц. 60 к.
Сервантесъ. Славный рыцарь Донъ-Кихотъ Ламанчкій. Т. I. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
Серебрениковъ, В. Ученіе Локка о прирожденныхъ началахъ знанія и дѣятельности. Спб., 1892 г. Ц. 2 р. 25 к.
Сигеле. Преступная толпа (опытъ коллективной психологіи). Спб., 1893 года. Ц. 80 к.
Сикорскій. Заиканіе. Спб., 1889 г. Ц. 3 р.
Симсонъ, Э. О невыдачѣ собственныхъ подданныхъ. Спб., 1892 г. Ц. 4 р.
Сиповскій, В. Д. Сократъ и его время. Историческій очеркъ. П. Короленко, В. Г. Тѣни. (Фантазія). М., 1894 г. Ц. 35 коп.
Скабичевскій, А. М. Исторія новѣйшей русской литературы. 1848—1892 гг. 2-е изд. Спб., 1893 г. Ц. 2 р.
— Очерки исторіи русской цензуры (1700—1863 г.). Спб., 1892 г. Ц. 2 р.
— Сочиненія: критическіе этюды, публицистическіе очерки, литературныя ха-

рактеристики (въ 2-хъ томахъ). Спб. 1895 г. Ц. 3 р. Изданіе 2-ое.

Скворцовъ. Гигіена. Спб., 1881 г.

Скворцовъ, Ир. П., проф. Основные вопросы лечебной гигіены. Отдѣлъ первый. Леченіе климатическое. Харьковъ, 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Складная карта Европейской Россіи. (Пособіе при изученіи географіи и для самообразованія.) Изданіе Вл. А. Попова. Ц. 60 к.

Сковорода, Г. С. Сочиненія собранныя и редактированныя проф. Д. И. Багалѣевымъ. Харьк., 1894 г. Ц. 4 р.

Сковронская, Марія. Изъ жизни и фантазіи. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Скоровъ, А. Сборникъ узаконеній и распоряженій правительства о крестьянахъ. Т. I (изд. 3-е). Уфа, 1891 г. Ц. 5 р. Т II. М., 1893 г. (изд. 2-е). Ц. 4 р.

— Уставъ горный. Т. I (изд. 3-е). М., 1895 г. Ц. 4 р. Т. II. Уставъ о частной золотопромышленности. М., 1893 г. Ц. 3 р. 50 к.

— Уставъ лечебныхъ заведеній вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ. М., 1894 г. Ц. 70 к.

Скоровъ. Русскіе судебные ораторы въ извѣстныхъ уголовныхъ процессахъ. М., 1895 г. Ц. 1 р. 75 к.

— Формы приговоровъ сельскихъ и волостныхъ сходовъ. М., 1895 г. Ц. 1 р. 60 к.

Скоровъ и Полянскій. Сводъ уставовъ о службѣ гражданской. Т. I. Уставъ о службѣ по опредѣленію отъ правительства. М., 1895 г. 2 тома. Цѣна за оба тома 4 руб.

Сказки русскихъ писателей для дѣтей. Изд. 3-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.

Сказки русскаго народа. 7 в. М., 1894 г. Ц. кажд. выпуска 25 к.

Сказка про лису да про волка. М., 1892 г. Ц. 25 к.

Слезскинскій, А. Бунтъ военныхъ поселянъ въ холеру 1831 г. Новг., 1894 г. Ц. 1 р.

Словарь юридической терминологіи къ источникамъ римскаго права. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.

***Словцовъ, И.** Обозрѣніе Россійской имперіи. М., 1896 г. Ц. 45 к.

Смайльсъ, Самуэль. Путешествіе мальчика вокругъ свѣта. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Характеръ. Воспитаніе и образованіе. Изд. шестое. Спб., 1889 г. Ц. 90 к.

— Саморазвитіе, умственное, нравственное и практическое. Съ дополнительною статьей „Русскіе дѣятели". Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Умъ и энергія. Характеристики изъ жизни великихъ людей. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Долгъ (Нравственныя обязанности человѣка). Изд. второе, исправлен. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Смирновъ. А. Живыя картинки сборникъ разсказовъ. Спб., 1885 года. Ц. 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р.

— Москва—Самаркандъ. (Путевыя впечатлѣнія. М., 1895 г. Ц. 40 к.

Смирнова, А. П. Изъ жизни нашихъ предковъ. Спб., 95 г. Ц. 1 руб. 50 коп.

Снегиревъ. Судебныя драмы. А. Бартеневъ. Убійство Висновской. Г. Шамбижъ. Убійство Гриль. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Соболевскій, А. И. Фонетика церковно-славянскаго языка. М., 1891 г. Ц. 1 р.

— Лекціи по исторіи русскаго языка. Спб., 1891 г. Изд. 2-е. Ц. 2 р.

Соболевскій, Н. И. Собраніе алгебраическихъ задачъ. М., 1892 г. Ц. 40 к.

Соважо, Давидъ. Реализмъ и натурализмъ въ литературѣ и искусствѣ. Пер. А. Серебряковой. М., 1891 г. Ц. 2 р.

Совѣтовъ. Итальянско-русскій словарь. М., 1894 г. Ц. 2 р.

Соколовъ, В. Д. Прошлое и настоящее земли. М., 1890 г. Ц. 50 к.

— Москва-Самаркандъ. (Путевыя впечатлѣнія). М., 1894 г. Ц. 40 к.

Соколовъ, Н. Науки развиваютъ ли умъ или даютъ только знанія. Москва, 1895 г. Ц. 20 к.

Соковнинъ, А. Бить и каяться. Спб., 95 г. Ц. 2 р.

***Сологубъ, Ѳ.** Стихи. Книга 1-я. Спб., 1896 г. Цѣна 50 к.

Сонно. Геометрія теоретическая и практическая. М., 1878 г. Ц. 4 р.

Софоклъ. Эдипъ въ Колонѣ. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.

— Эдипъ-царь. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.

— Филоктетъ. Кіевъ, 1888 г. Ц. 60 к.

— Электра. Кіевъ, 1888 г. Ц. 40 к.

Спенсеръ, Гербертъ. Начала соціологі и обрядовыя учрежденія). Кіевъ, 1880 г. Ц. (1 р. 50 к.

— Основныя начала. Пер. Алексѣева. Кіевъ, 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.

Сперанскій, Сергѣй. Нѣкоторыя изъ учрежденій общественнаго благоустройства въ Западной Европѣ. М., 1895 г. Ц. 75 к.

Спиноза, Бенедиктъ. Этика, съ приложеніемъ портрета. М., 1892 г. Ц. 2 р.

— Трактатъ объ усовершенствованіи разума. Одесса, 1893 г. Ц. 75 к.

Справочная книга для ремесленниковъ. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Среди цвѣтовъ. Разсказы стараго садовника. 2-е изд. Спб., 95 г. Ц. 2 р.

Средина и постоянство. (Свящ. книга последователей Конфуція). М., 96 г. Ц. 25 к.

Ставровскій, Л. Жизнь и солнце. Х., 1892 г. Ц. 1 р.

Станюковичъ. Безшабашный. (Изъ современныхъ нравовъ). Разсказъ. М., 1894 г. Ц. 20 к.

Станюковичъ, К. М. Откровенные. Ром. въ двухъ част. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
Степовичъ, А. Очерки изъ исторіи славянскихъ литературъ. Кіевъ, 1893 г. Ц. 75 к.
Стенинъ, П. А. Востокъ. Историко-географическое и этнографическое обозрѣніе левантскаго міра. Спб., 1892 г. Ц. въ перепл. 6 р.
Стэнли, Г. Какъ я отыскалъ Ливингстона. Спб., 1874 г. Ц. 3 р.
Стернъ, А. В. Бракъ по любви. Повѣсть. Москва, 1893 г. Ц. 50 коп.
— Очнулась. (Изъ дневника Натальи Сергѣевны). Пов. М, 1893 г. Ц. 30 к.
Стокгэмъ, Алиса В., д-ръ медицины. Токологія или наука о дѣторожденіи. Изд. 2-е, съ предисл. гр. Л. Н. Толстого. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р. 25 коп.
Столповская, Анна. Очеркъ исторіи культуры китайскаго народа. Ц. 3 р. М., 1891 г.
Стороженко, Н. И., проф. Поэзія міровой скорби. Одесса, 1895 г. Ц. 15 к.
Страбонъ. Географія (въ 17 кн. въ I томѣ). Пер. съ греч. Ѳ. Г. Мищенко. Ц. 10 р. М., 1874 г.
Страховъ, Н. Міръ какъ цѣлое, черты изъ науки о природѣ. Изданіе 2-е. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.
*— Краткая методика закона Божія. М., 1891 г. Ц. 50 коп.
Строковскій, В. Токарное и слесарное ремесла. М., 1893 г. Ц. 1 р. 30 к.
Струве, Генрихъ. Введеніе въ философію. Варшава, 1890 г. Ц. 3 р.
***Струнниковъ, А.** Вѣра какъ увѣренность по ученію православія. Самара, 1887 г. Ц. 1 р. 75 к.
*— Начатки философіи. М., 1888 г. Ц. 1 р. 60 коп.
Судебныя драмы. Жанъ Делалюнжъ. Ц. 30 к.
— Грекъ Кетоло. Поэтическое сумашествіе. Ц. 30 к.
— Убійство Маріи Аниза и ея дѣтей. Ц. 20 коп.
— Убійство Бефани. Ц. 40 к.
— Шайка Лемэра. Ц. 30 к.
— Сборникъ процессовъ всѣхъ странъ. Ц. 30 к.
— Дуэль Пушкина. Ц. 40 к.
— Ольга Палемъ (Убійство студента Довнара). М., 1895 г. Ц. 1 р.
Сундквистъ, Оскаръ, и Марія Лазарева. Учебникъ новой практической и первой научной методы кройки дамскаго, дѣтскаго и верхняго платья всѣхъ фасоновъ. М., 1892 г. Ц. съ атласомъ 8 р.
Суриковъ, И. З. Стихотворенія. М., 1884 г. Ц. 2 р.
Сѣровъ, А. Н. Критическія статьи. Т. I, II, III, IV. Спб., 1892—1895 гг. Ц. за всѣ 4 т. 6 р.
Сюзевъ, А. Луженіе, цинкованіе и освинцованіе. М., 1894 г. Ц. 60 к.
Тайный порокъ. Выпускъ I и II. М., 1895 г. Ц. 20 к. и 15 коп.
Талдыкинъ, М. Объяснительный текстъ къ атласу чертежей слесарно-токарныхъ работъ, составленному примѣнительно къ программамъ ремесленныхъ училищъ. М., 1892 г. Ц. атласа съ текстомъ 6 р.
Тардъ, Ж. Законы подражанія. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.
Тардъ, Г. Сущность искусства. Спб., 1895 г. Ц. 30 к.
Таренецкій, А., проф. Каѳедра и музей нормальной анатоміи при императ. военно-медицинской (бывшей медико-хирургич. академіи) въ Петербургѣ, за сто лѣтъ. Истор. оч. Спб., 1895 г. Ц. 3 р.
Терешкевичъ. Дядя Чернышъ. М. 1891 г. Ц. 60 к.
***Тжаска, А.** Русская азбука съ прибавленіемъ церк.-слав. азбуки. М., 96 года. Ц. въ папкѣ 30 к.
Тикноръ. Исторія испанской литературы. Пер. Н. И. Стороженко. Т. I. Ц. 3 р. М. 83 г. Т. II. Ц. 3 р. М., 1886 г. Т. III. Ц. 3 р. 50 к. М., 1891 г.
Тимирязевъ, К. Чарльзъ Дарвинъ и его ученіе. Москва, 1894 г. Ц. 1 руб. 50 к.
— Земледѣліе и физіологія растеній. Ч. I. Борьба растенія съ засухой. М., 1893 г. Ц. 50 к. Ч. II. Происхожденіе азота растеній. М., 1893 г. Ц. 50 к.
Тиндаль, Джонъ. Теплота, разсматриваемая какъ родъ движенія. Изд. 2-е М., 1888 г. Ц. 3 р. 75 к.
Тихомировъ, Д. И. Опытъ плана и конспекта элементарныхъ занятій. Методическое пособіе для преподавателя элементарной школы. Изд. 8-е. М., 1889 г. Ц. 55 к.
— Азбука правописанія. Ч. I. Сборникъ для диктовки примѣровъ и статей на главнѣйшіе случаи употребленія буквъ, съ приложеніемъ краткаго орѳографическаго указателя. 17 изд. Ц. 40 к. Ч. II. Сборникъ для диктовки примѣровъ и статей на главнѣйшіе случаи употребленія знаковъ препинанія. 9 изд. Ц. 40 к. М., 1892 г.
— Книга для церковно-славянскаго чтенія. Руководство для преподавателей начальныхъ училищъ. Изд. 3-е. М., 1892 г. Ц. 1 р.
— Азбука церковно-славянская для первоначальныхъ упражненій въ церковно-славянскомъ чтеніи. Изд. 6-е. М., 1892 г. Ц. 6 к.
— Какъ жить по слову Божію? Русскій сборникъ статей и изреченій, содержащихъ въ себѣ нравственное ученіе изъ

книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта. М., 1892 г. Ц. 5 к.
— Школа грамотности. Книга для первоначальнаго обученія русскому и церковно-славянскому чтенію, письму и ариѳметикѣ. Изд. 2-е. М., 1893 г. Ц. 30 к.
— Какъ учить читать, писать и считать на первой ступени обученія. Общедоступное руководство для учащихъ по букварю. Изд. 12-е. М., 1893 г. Ц. 40 к.
— Изъ исторіи родной земли. Очерки и разсказы для школъ и народа. Ч. I. Древняя Россія. Ц. 50 к. Ч. II. Новая Россія. Ц. 40 к. М., 1893 г.
— Методика обученія грамотѣ, объяснительному чтенію, толковому изложенію мыслей, грамматикѣ, правописанію и церковно-славянскому чтенію. Руководство для учителей. Изд. 3-е. М., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Книга для церковно-славянскаго чтенія. Ч. I. Руководство для учениковъ начальныхъ училищъ. Изд. 8-е. Ц. 30 к. Ч. II. Руководство для учениковъ двухклассныхъ и городскихъ училищъ. Изд. 3-е. Ц. 20 к. М., 1894 г.
— Элементарный курсъ грамматики для городскихъ и двухклассныхъ училищъ. Изд. 45-е. М., 1894 г. Ц. 20 к.
— Начатки грамматики. Руководство для начальныхъ сельскихъ училищъ и другихъ элементарныхъ школъ. Изд. 8-е. М., 1894 г. Ц. 15 к.
*— Вешніе всходы. Первая послѣ азбуки книга для класснаго чтенія и бесѣдъ. М., 1896 г. Ц. 30 к.
*— Вешніе всходы. Книга 2-я. М., 1896 г. Ц. 35 коп.
*— Вешніе всходы. Руководство для учителя къ 1-й и 2-й книгѣ. М., 1896 г. Цѣна 30 коп.

Тихомировъ, Д., и Зенгбушъ, И. Начатки географіи. Руководство для народныхъ училищъ и другихъ элементарныхъ школъ. Изд. 5-е. М., 1894 г. Ц. 30 к.

Тихомировъ, Д., и Тихомирова, Е. Букварь для совмѣстнаго обученія письму, русскому и церковно-славянскому чтенію и счету. Для народныхъ школъ. Изд. 60-е. Москва, 1894 г. Ц. 20 коп.

Тодгентеръ, И. Алгебра (съ обширнымъ собраніемъ примѣровъ). Спб., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.

Токарскій, А. А., приватъ-доцентъ моск. унив. Психическія эпидеміи. М., 1893 г. Ц. 25 к.
— Происхожденіе и развитіе нравственныхъ чувствъ. М., 1895 г. Ц. 25 к.
— Гипнотизмъ въ педагогіи. Ц. 20 к.
— Международный конгрессъ по экспериментальному и терапевтическому гипнотизму. М., 1889 г. Ц. 10 к.
— Къ вопросу о вредномъ вліяніи гипнотизированія. Спб., 1889 г. Ц. 50 к.
— Меряченіе и болѣзнь судорожныхъ подергиваній. М., 1893 г. Ц. 1 р.
— Терапевтическое примѣненіе гипнотизма. М., 1890 г. Ц. 60 к.

Токвиль, Алексисъ. Воспоминанія. Пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 2 руб. М., 1893 г.

Толстой, Л. Н. Плоды просвѣщенія. Комедія въ 4-хъ д. Кіевъ, 1892 г. Ц. 15 к.
— „Ходите въ свѣтѣ“ и другія произведенія, вошедшія въ XIV томъ полнаго собранія сочиненій. М., 1895 г. Ц. 60 к.
— Смерть Ивана Ильича. Кіевъ, 1891 г. Ц. 10 к.
— Хозяинъ и работникъ. М., 1895 г. Ц. 20 к.

Торминъ. Опытный маляръ и живописецъ. Руководство къ исполненію всякаго рода малярныхъ работъ. Составленіе различнаго рода лаковъ и красокъ. Бронзировка. Писаніе вывѣсокъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Траутшольдъ, Г. Основы геологіи Ч. II. Палеонтологія. М., 1875 г. Ц. 2 р. 75 к.
— Часть III. Стратиграфія. М., 1877 г.

Трачевскій. Древняя исторія. Изд. 2-е. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.
— Новая исторія. Спб., 1889 г. Ц. 2 р. 50 к.
— Русская исторія, 2-е испр. изд., съ 96 рисунками, 6 картами, 6 планами и 3 раскрашенными картинами. Въ 2 частяхъ. Спб., 1895 г. Ц. 8 р. въ переплетѣ 9 р. 60 к.

Тренделенбургъ, Адольфъ. Логическія изслѣдованія. Пер. Е. Корша. Ч. I, ц. 2 р.; ч. II, ц. 2 р. М., 1868 г.

Трефолевъ, Л. Н. Стихотворенія (64—93 г.). М., 1894 г. Ц. 2 р.

Троицкій, М. Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи. Т. I и II. М., 1883 г. Цѣна за оба тома 6 р.

Трояновскій. Первая помощь у себя дома и на полѣ битвы въ отсутствіи врача. Изд. 2-е. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 30 к.

Трубецкой, Евг., кн. Религіозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ V-мъ вѣкѣ. Ч. I: Міросозерцаніе блаж. Августина. М., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Трубецкой, С., кн. Мнимое язычество или ложное христіанство? Отвѣтъ о. Бутксвичу. М., 1891 г. Ц. 20 к.

Тумскій, К. И. Алюминій и сплавы съ нимъ. М., 1894 г. Ц. 2 р.
— Противузаразныя средства и дезинфекція. М., 1893 г. Ц. 50 к.

Тургеневъ. Стихотворенія. Изд. 2-е. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Турскій, М. Лѣсоводство. М., 1892 г. Ц. 2 р. 80 к.
— Лѣсоводственныя орудія и инструменты. М., 1893 г. Ц. 60 к.
— Сборникъ статей по лѣсоразведенію. М., 1894 г. Ц. 70 к.

Турскій, М., и Яшновъ, Л. Опредѣленіе древесины, вѣтвей и сѣмянъ главнѣйшихъ древесныхъ и кустарныхъ породъ по таблицамъ. 2-е изд. М., 1893 г. Ц. 75 к.
Тьюкъ, Хэкъ. Духъ и тѣло, дѣйствіе психики и воображенія на физическую природу человѣка. Пер. П. Викторова. М., 1888 г. Ц. 2 р. 50 к.
Тэнъ, Г. Титъ Ливій, критическое изслѣдованіе. Пер. А. Иванова и Е. Щепкина. Ц. 1 р. 50 к. М., 1885 г.
Тэнъ, И. Чтеніе объ искусствѣ. Пять курсовъ лекцій. Изд. третье, исправлен. Спб., 1889 г. Ц. 1 р. 75 к.
Тэнъ. Критическіе опыты. Спб., 1869 г. Ц. 1 р. 75 к.
Уильямсъ, Х. Этика пищи или нравственные основы безубойнаго питанія. Перев. съ англійск. Со статьей Л. Н. Толстого „Первая ступень". М. 1893 г. Ц. 2 руб.
*Указатель книгъ для дѣтскаго и народнаго чтенія. М., 1892 г. Ц. 1 р.
*Указатель русскихъ книгъ и брошюръ по богословскимъ наукамъ. М., 1891 г. Вып. I. Ц. 25 коп. Вып. II. Ц. 40 к.
Ульцманнъ, Робертъ, проф. Лекціи по болѣзнямъ мочевыхъ органовъ. Вып. IV и V послѣдній. Пер. подъ ред. док. мед. Н. П. Федченко. Хар., 1893 г. Ц. 1 р.
Урусовъ. Полицейскій урядникъ. М., 1894 г. Ц. 60 к.
Усовъ, С. А. Сочиненія. Томъ I. Статьи зоологическія. М. 1888 г. Ц. 3 р. 50 к.
Успѣнскій, П. П. содержаніе растеній въ комнатахъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. (изд. 3-е).
Уставъ акціонерныхъ земельныхъ банковъ съ разъясненіемъ вопросовъ, возникшихъ на практикѣ при его примѣненіи. Изд. 4-е. Спб. 1894 г. Ц. 2 р.
Ученыя записки Императорскаго Московскаго университета. Отдѣлъ историко-филологическій. Вып. XII. М., 1891 г. Ц. 2 р.
***Файнштейнъ. С.,** Мнемоника. 5-е изд. Одесса, 95 г. Ц. 85 к.
Файфъ, Ч. А. Исторія Европы 19 в. Т. III, пер. подъ ред. Лучицкаго. Ц. 2 р. 50 к. М., 1890 г.
Фалькенбергъ. Исторія новой философіи отъ Николая Кузанскаго (XV в.) до настоящаго времени. Спб., 1894 г. Ц. 3 р.
Фарраръ, Ф. В. Жизнь Іисуса Христа. Пер. съ англійскаго Ѳ. М. Матвѣева. Изд. 2-е, испр и доп. Въ 2-хъ ч. М., 1892 г. Ц. 1 р 50 к.
Фаусеттъ. Популярная политическая экономія. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
Федоровъ, П. А., техн. Иллюстрированный, домашній ремесленникъ. Школа работъ. Столярныхъ. Окрашиваніе дерева. Выпиловочныхъ и мозаики. Токарныхъ. Рѣзныхъ. Кузнечныхъ. Слесарныхъ. Щеточныхъ. Гипсовыхъ и папьемаше. Картонажно-футлярныхъ и переплетныхъ. Съ 406 рисунк. въ текстѣ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
Федоровъ. Зубы и ихъ сохраненіе. Спб., 1889 г. Ц. 60 к.
— Изъ прошлаго и настоящаго. Ц. 1 руб. 25 к.
Федоровичъ, Флоріанъ. Сельскохозяйственная архитектура. Спб., 1893 г. Ц. съ атласомъ 5 р.
Федосѣевъ, П. А. Выборъ, установка и уходъ за фабричными паровыми котлами, машинами и приводами. Съ приложеніемъ новаго закона 30 іюля 1890 г. объ устройствѣ, установкѣ и содержаніи паровыхъ котловъ и о порядкѣ ихъ освидѣтельствованія. М., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
Фейгинъ, Ф., д-ръ мед. Привычные запоры и геморрой, причины ихъ развитія и средства къ исцѣленію. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.
Фельзбергъ, Матильда. Химическая чистка платья и стирка бѣлья. М., 1894 г. Ц. 50 к.
Ферьеръ, Э. Дарвинизмъ (общедоступное изложеніе теоріи Дарвина), изд. 2-е. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.
Ферре. Фотогравированіе безъ фотографіи. М., 1895 г. Ц. 75 к.
*— Легкое и дешевое фотографированіе. М., 1895 г. Ц. 75 к.
Ферри, Энрико. Преступленія и преступники въ наукѣ и жизни. Одесса, 1890 г. Ц. 40 к.
Филипповъ, Сергѣй. Подъ лѣтнимъ небомъ. М., Ц. 1 р.
Финлей, Георгъ. Греція подъ римскимъ владычествомъ. Пер. Софьи Никитенко. Ц. 4 р. М., 1877 г.
Филипповъ, Ал. Исторія сената въ правленіе верховнаго тайнаго совѣта и кабинета. Юрьевъ, 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.
Фиске, Джонъ. Открытіе Америки, съ краткимъ очеркомъ древней Америки и испанскаго завоеванія. Пер. Николаева. Т. I. Ц. 2 р. М., 1892 г. Т. II. Ц. 2 р. М., 1893 г.
Фишеръ, Г. Практическій мыловаръ. Практическое руководство къ фабрикаціи всѣхъ сортовъ мыла по новѣйшимъ усовершенствованнымъ пріемамъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 35 к.
Фламмаріонъ, К. По волнамъ безконечности. Спб., 1893 г. Ц. 80 к.
— Въ небесахъ. 2 изд. Спб., 1892 г. Ц. 75 к.
— Разсказы о небѣ. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.
— Конецъ міра. 1895 г. Ц. 60 к.
— Общедоступная астрономія. Спб., 1894 года. Ц. 80 к.
Флеровъ, А. Грамматика древняго церковно-славянскаго языка сравнительно съ русскимъ. Одесса, 1894 г. Ц. 60 к.

— Грамматика древн. церковнаго язык. Одесса 1894 г. Ц. 50 к.

Фойгтъ, Георгъ. Возрожденіе классической древности или первый вѣкъ гуманизма. Переводъ И. П. Расадина. Т. I. Ц. 3 р. 50 к. М., 1884 г. Т. II. Ц. 3 р. М., 1885 г.

Фонвизинъ, С. Конецъ дневника. Разсказъ. 1894 г. Ц. 30 к.

Фортунатовъ, А. Сельско-хозяйственная статистика Европейской Россіи. М., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Урожаи ржи въ Европейской Россіи. М., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.

Фонъ-Хейденфельдъ. Изъ женской жизни по поводу Крейцеровой сонаты. Пер. съ нѣм. М., 1895 г. Ц. 40 к.

Фонъ-Іерингъ, Рудольфъ. Гражданско-правовые казусы безъ рѣшеній. М., 1883 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Объ основаніи защиты владѣнія. М., 1883 г. Ц. 1 р. 50 к.

Французы и русскіе въ Крыму. Письмо франц. офицера къ своей семьѣ во время восточной войны. Пер. съ фр. Халютина. Минскъ, 1894 г. Ц. 1 р.

Фредерикъ, Л., проф. Практическія упражненія по физіологіи. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.

Фрэпонъ, Г. Акварель. Морскіе виды. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Фрикенъ. Римскіе катакомбы и памятники первоначальнаго христіанскаго искусства. Часть I. Ц. 1 р. М. 72 г. Часть II. Ц. 1 р. 50 к. М. 77 г. Часть III. Ц. 1 р. 50 к. М. 80 г. Часть IV. Ц. 2 р. 50 к. М. 85 г.

Фрикенъ, А. Итальянское искусство въ эпоху возрожденія, ч. I. Ц. 2 руб. М., 1891 г. Итальянское искусство въ эпоху возрожденія, ч. 2-я. М., 1895 г. Ц. 2 р.

Фриманъ, Эдуардъ. Историческая географія Европы. Пер. подъ редакц. профес. И. К. Лучицкаго. Т. I. (текстъ). Т. II (карты). Цѣна 6 р. за оба тома. М., 1892 г.

— Методы изученія исторіи. Пер. П. Николаева. Ц. 2 р. М,. 1893 г.

Фуллье, Альфонсъ. Исторія философіи. Пер. П. Николаева. М., 1894 г. Ц. 8 р.

— Отрывки изъ сочиненій великихъ философовъ. М., 1895 г. Ц. 8 р.

Фулье Альфредъ. Декартъ. Пер. подъ редакціей профес. Грота. М., 1894 г. Ц. 80 коп.

– Страданіе и удовольствіе и о выраженіи душевныхъ волненій. Спб., 1895 г. Ц. 25 к.

Фурнье, А. Леченіе сифилиса. Пер. Говсѣева. Изд. 2-е. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.

Фэйе. Происхожденіе міра. Критика гипотезы Лапласа и собственная теорія автора. Съ добавленіемъ: космогоническія гипотезы К. Вольфа. Пер. со 2 доп. изд. Изд. 2-е. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 35 к.

Фюстель-де-Куланжъ. Древняя гражданская община. Изслѣдованіе о культѣ, правѣ, учрежденіяхъ Греціи и Рима. М., 1895 г. Ц. 2 р.

Хвольсонъ, О. Докторъ физики. Популярныя лекціи объ электричествѣ и магнетизмѣ (2-е изд.). Спб., 1886 г.

Хиггинсонъ, Т. Здравый смыслъ и женскій вопросъ. Москва, 1895 г. Ц. 1 р.

Ходжетсъ, И. Эдрикъ мореплаватель. Спб., 90 г. Ц. 1 р. 20 к.

Христіановичъ, П. Опытъ устройства общеобразовательной школы съ цѣлью большей подготовки учащихся къ жизни. М., 1894 г. Ц. 40 к.

Хрущовъ, П. Введеніе къ изученію теоріи химическихъ равновѣсій. Харьковъ, 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Цвѣтковъ, А. А. Новѣйшіе русскіе писатели (для старшихъ классовъ гимназій и домашняго чтенія), съ 27 портретами. Спб., 1883 г. Ц. 3 р.

— Электрическое освѣщеніе въ примѣненіяхъ къ жизни и военному искусству, (151 рис.). Спб., 1885 г. Ц. 2 р. 50 к.

Цвѣтковъ, Н. Практическій курсъ русскаго правописаніе (согласованъ съ „Руководствомъ Я. Грота“). Ч. I и II. Ц. по 50 коп. Тула, 1895 г.

Цигенъ, Т. Физіологическая психологія. Спб., 1893 г. Ц. 75 к.

Цицеронъ. Рѣчь за царя Дейотара. Кіевъ, 1892 г. Ц. 40 к.

— Рѣчь противъ Верреса (о казняхъ). Ц. 60 к.

— Рѣчь за Архія. поэта 1891 г. Ц. 30 к.

— Рѣчь къ судьямъ за Т. Аннія Милона. 1892 г. Ц. 60 к.

— Первая филиппика противъ Марка-Антонія. Ц. 30 к.

— Вторая филиппика противъ Марка Антонія. Ц. 50 к.

— Рѣчь въ защиту Секста Росція Америйскаго. Ц. 60 к.

— Рѣчи противъ Катилины. Ц. 50 к. Рѣчь за Луція Мурену. Ц. 40 к. Рѣчь за Квинта Лигарія. Ц. 30 к.

— Рѣчь о назначеніи Гнея Помпея полководцемъ. Ц. 50 к.

– Тускуланскія бесѣды. Книга I. О презрѣніи къ смерти. Кіевъ, 1888 г. Ц. 60 к.

— Книги 2 и 3-я. О перенесеніи боли и объ утѣшеніи печали. 1889 г. Ц. 75 к.

— Книга 4-я. Объ остальныхъ душевныхъ волненіяхъ. Книга 5-я. О добродѣтели. 1889 г. Ц. за обѣ книги 75 к.

Частный почииъ въ дѣлѣ народнаго образованія. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Чеховъ, Ант. П. Жена. Разсказъ. М., 1894 г. Ц. 25 к.

— Именины. Разсказъ. М., 1893 г. Ц. 20 коп.

— Палата № 6. Разсказъ. М., 1893 г. Ц. 35 коп.

— Въ сумеркахъ. Изд. 7-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
— Разсказы. Изд. 8-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
— Палата № 6. Изд. 3-е. Спб., 1893 г. Ц. 1 р.
— Каштанка. Изд. 3-е. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.
— Дуэль. Изд. 4-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
Чешихинъ, Евграфъ Вас. Краткая исторія прибалтійскаго края. Изд. 2-е. Рига, 1894 г. Ц. 35 к.
Чешихинъ, Всев. Жуковскій, какъ переводч. Шиллера. Ц. 60 к.
— Стихи. Ц. 1 р.
Чижъ, В., проф. Криминальная антропологія. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.
Чиколевъ, Д. Руководство къ приготовленію и сжиганію фейерверковъ съ описаніемъ устройства электрическаго освѣщенія. М., 1884 г. Ц. 2 р.
Чичеринъ, Б. Н. Положительная философія и единство науки. М., 1892 г. Ц. 3 р.
— Основанія логики и метафизики. М., 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.
— Опыты по исторіи русскаго права. М., 1858 г. Ц. 1 р.
— Нѣсколько современныхъ вопросовъ. М., 1862 г. Ц. 1 р.
— Курсъ государственной науки. Ч. I. Общее государственное право. Москва, 1894 г. Ц. 3 р.
— Собственность и государство. Т. I. М., 1882 г. Ц. 4 р. Т. II. М., 1883 г. Ц. 4 р.
— Очерки Англіи и Франціи. Москва, 1858 г. Ц. 1 р.
Чмыревъ, Н. Кобзарь Т. Г. Шевченка. М., 1874 г. Ц. 1 р.
Чудиновъ, А. Н. Словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка. Спб., 1894 г. Ц. 3 р. 50 к.
Чуевскій, И. А., д-ръ. Конспектъ физіологіи человѣка. Харьковъ, 1895 г. Ц. 1 р. 80 к.
Чукмасовъ, К. А. Практическое руководство по мыловаренію. М. 1893 г. Ц. 40 к.
Шалуны. Юмористическія сцены съ рисунками Буша. М., 1895 г. Ц. 1 р.
Шамуринъ-Макарьевскій, Н. В. Сельское хозяйство. Съ 110 рис. Четвертое дополнен. изд. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 35 к.
Шараповъ. По русскимъ хозяйствамъ. М., 1893 г. Ц. 2 р.
Швейеръ-Лерхенфельдъ, А. Ф. Женщина. Ея жизнь, нравы и обществен. положеніе у всѣхъ народовъ земного шара. Переводъ съ нѣмец. Спб., 1892 г. Ц. въ роскош. переп. съ 200 рисунк. 3 р. 75 к.
Швингаммеръ и Кикъ, Вильгельмъ. Простѣйшая школа кройки для драпировщиковъ и декораторовъ. Съ рисунками на 10-ти отдѣльныхъ листахъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.
Шекспиръ. Драматическія сочиненія, въ пер. Кетчера, въ 9 част. Ц. первыхъ 8 част. по 1 р.; ц. 9 ч. 2 р. М., 1862 г.
Шелли. Сочиненія. Вып. I и II. Спб., 1894 г. (изд. 3-е). Ц. кажд. вып. 50 к.
— Вып. III. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.
Шелгунова, Л. П. „Звѣздочка“. Разсказы для маленькихъ дѣтей. Съ рисунк. Спб., Ц. 1 р. 25 к.
Шелгуновъ, Н. В. Сочиненія въ 2-хъ томахъ. Изд. 2-е. Спб., 1895 г. Цѣна за оба тома 3 р.
Шенланкъ, Бруно. Промысловые синдикаты. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.
Шенрокъ, В. И. Матеріалы для біографіи Гоголя. М., 1895 г. т. I ц. 2 р., т. II ц. 2 р., т. III ц. 3.
Шербюлье, Викторъ. Искусство и природа. Новая теорія изящныхъ искусствъ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
Шерръ, Іоганнъ. Шиллеръ и его время. М., 1875 г. Ц. 2 р. 50 к.
— Всеобщая исторія литературы. Вып. VI. Пер. подъ ред. П. И. Вейнберга. Изд. Байкова. Принимается подписка. Ц. 6 р. безъ дост., съ пер. и дост. 8 р. Вышли 1, 2, 3, 4 и 5 вып.
Шервинскій, М. Образцы архитектурныхъ деталей (15 листовъ образцовъ). Спб., 1891 г. Цѣна 1 р. и атласъ 6 рублей.
Шиллеръ, Ф. Вильгельмъ Телль. Пер. Гомберга. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
— Заговоръ Фіеско въ Генуѣ. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.
— Пѣснь о колоколѣ. Ц. 30 к. М., 1896 г.
Шилтовъ, А., проф. Среди безбожниковъ. (Посмертныя записки врача-философа). Харьковъ, 1895 г. Ц. 40 к.
Шильдбахъ. Дѣтская гимнастика. Изд. 2-е. Спб., 1887 г. Ц. 75 к.
Шимко. Патріаршій казенный приказъ. М., 1894 г. Ц. 1 р.
Шишкинъ, А. Н. Сельско-хозяйственная экономія. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
Шлоссеръ, Ф. К. Исторія XVIII столѣтія и XIX-го до паденія Французской имперіи. 8 томовъ. Спб., 1868 г. Ц. 10 р.
Шмейдлеръ. Желѣзно-дорожное дѣло. Спб., 1880 г. Ц. 1 р. 50 к.
Шмидтъ, Карлъ. Исторія педагогики, изложенная во всемірно-историческомъ развитіи и въ органической связи съ культурною жизнью народовъ. Пер. Э. Циммермана. Т. I, ц. 5 руб. М. 1890 г.; т. III, ц. 5 р. 50 к. М., 1880 г., т. IV, двѣ час., цѣна имъ 7 р. М., 1881 г.
Шмитцъ, Л., д-ръ. Половая жизнь человѣка. Одесса, 1892 г. Ц. 50 к.
Шольцъ, Фридрихъ. Ненормальности дѣтскихъ характеровъ. Пер. съ нѣмецкаго Л. Л. Сюпс новича. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Шопенгауэръ, Артуръ. Лучи свѣта его философіи. Извлечено изъ его соч. Юліусомъ Фрауенштедтомъ. М., 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.

Шперкъ, Ѳ. Система Спинозы. Спб., 1893 г.

Шредеръ, В., д-ръ. Половыя болѣзни. Одесса, 1895 г. Ц. 30 к.

Шредеръ, Р. И. Хмѣль и его разведеніе въ Россіи и заграницей (изд. 4-е). Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Шредеръ, Р. И. Русскій огородъ, питомникъ и плодовой садъ. Спб., 1893 г. Ц. 2 руб. 50 к. (Изданіе 5-е).

Шредеръ. Учебникъ акушерства. Изд. 5-е. Спб., 1896 г. Ц. 5 р.

***Шрейдеръ, Д.** Японія и японцы. Спб., 95 г. Ц. 4 р.

Штаркенбургъ. Горе отъ любви. Одесса, 1894 г. Ц. 50 к.

Штейнъ, Вл. Артуръ Шопенгауэръ, какъ человѣкъ и мыслитель. Спб., 1887 г. Ц. 2 р. 50 к.

— Графъ Джіакомо Леопарди и его теорія infelicità. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Штолль, Г. В. Великіе греческіе писатели. Спб. 1880 г. Ц. 2 р.

— Миѳы классической древности. М., 1880 г. Ц. 2 р. 50 к.

— Герои Греціи въ войнѣ и мирѣ. Спб., 1879 г. Ц. 2 р.

— Великіе римскіе писатели. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.

— Герои Рима въ войнѣ и мирѣ. Спб. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к.

Шулинъ, Фридрихъ. Учебникъ исторіи римскаго права. Въ 2-хъ вып. М., 1893 г. Ц. 3 р. 50 к.

Шумковъ, И. В. Верблюдъ какъ сельско хозяйственное животное въ Россіи. Оренбургъ, 1893 г. Ц. 1 р.

Шутце, Фр. Училищевѣдѣніе. Практическое ученіе о воспитаніи и обученіи для семинарій и учителей народныхъ школъ. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ш., Л. Неизбѣжное зло. Разсказъ. М., 1894 г. Ц. 20 к.

Щепкина, А. В. Родныя мѣста. Чтеніе для дѣтей. Изд. 2-е. М., 1882 г. Ц. 1 р.

Эдвинсонъ, Г. Руководство спайки и луженія. Съ 66 политипажами въ текстѣ. М., 1894 г. Ц. 85 к.

Эдвинсонъ, Д. Какъ дѣлается маленькій электродвигатель. М., 1895 г. 2 изд. Ц. 40 к.

— Какъ сдѣлать маленькую динамо-электрическую машину. М., 1895 г. Второе исправлен. изд. Ц. 50 к.

Эйдамъ, Сохраненіе здоровья. (Общая гигіена въ примѣненіи къ обыденной жизни). Спб., 1891 г. Ц. 40 к.

Экштейнъ, І., проф. Честь въ философіи и въ правѣ. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.

Экштейнъ, Ф. А. Преподаваніе латинскаго и греческаго языковъ. Ревель, 1889 г. Ц. 3 р.

Экштейнъ. Въ карцерѣ. Спб., 1895 г. Ц. 15 к.

Элерсъ, Отто. Популярная политическая экономія. Одесса, 1895 г. Ц. 50 к.

Энгельгардтъ, А. Н. Фосфориты и сидерація. Спб., 1891 г. Ц. 2 р.

Энцлеръ, К. Уходъ за больными въ семьѣ. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.

Эртель, А. И. Двѣ пары. Повѣсть. М., 1894 г. Ц. 60 к.

— Записки степняка. Очерки и разсказы. I и II. Спб., 1883 г. Ц. 3 руб.

Эсмархъ. Первая помощь. Спб., 1890 г. Ц. 80 к.

Эспинасъ, А. Соціальная жизнь животныхъ. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к.

Южаковъ., С. Н. Афганистанъ и сопредѣльныя страны. Политико-историческій очеркъ. Спб., 1885 г. Ц. 1 р. 50 к.

Юровъ, А. Систематическій курсъ логики для среднихъ учебныхъ заведеній. Спб., 1895 г. Ц. 60 к.

Юрьевъ, Мих. Мои письма (4 лек. 1893 г.—15 мая 1894 г.). М., 1895 г. Ц. 50 к.

— Карлъ Пятый и его время. Этюдъ. М., 1894 г. Ц. 2 р.

— Спорные вопросы западно-европейской исторической науки. М., 1894 г. Ц. 1 р 50 к.

Юлій Цезарь. Записки о междоусобной войнѣ. Кіевъ, 1895 г. Ц. 75 к.

Якимовъ, Н. М. Бѣдный Тунгатай. Разсказъ изъ жизни киргизскихъ дѣтей, для дѣтей младшаго возраста. Тифлисъ 1894 г. Ц. 15 к.

Яковлевъ, Е. Французско-русскій карманный словарь. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

Янжулъ, И. И., проф. Изъ психологіи народовъ. Одесса, 1893 г. Ц. 20 к.

*— Вопросъ о государственномъ вмѣшательствѣ въ область промышленности. Спб. 1895 г. Ц. 15 к.

Янъ. Термохимія. Спб., 1893 г. Ц. 2 р.

Ѳедоровъ. Стихотворенія. М., 1894 г. Ц. 1 р.

— Орлеанская дѣва. Пер. Шереметевскій. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.

— Коварство и любовь. Пер. Гомберга. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.

— Разбойники. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.

— Племянникъ-дядя. Пер. Гомберга. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.

Album des chefs d'oeuvre de l'art. 16 вып. Ц. 4 р. 80 к. Отдѣльно каждый выпускъ по 35 коп.

Album universel. Съ видами Италіи, Швейцаріи, Франціи, Германіи, Турціи, Греціи и другихъ странъ. 30 выпусковъ, въ каждомъ по 16 видовъ. Цѣна 39 р. 9 р. 75 к. Каждому отдѣльно 30 к. к.

Bow, R. H. Графическія данныя раціональнаго расчета рѣшетчатыхъ фермъ. М., 1895 г. Ц. 3 р.

Cornelii Nepotis. Vitae excellen

imperatorum cum vita Catonis et Attici. Переводъ. Кіевъ, 1889 г. Ц. 75 к.

C. Julii. Caesaris commentarium de bello Gallico. Liber quintus. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.

— Записки о Гальской войнѣ. Книга 1-я Кіевъ, 1890 г. Ц. 85 к.

— Книги 2, 3, 4, 5, 6 и 7 по 50 к.

Donjean, A. Офортъ. Руководство травленія крѣпкой водкой на мѣди, цинкѣ и стали. М., 1893 г. Ц. 75 к.

Hager'a, H., д-ръ. Руководство къ фармацевтической и медико-химической практикѣ, съ 7 по 25 вып., съ алфавитнымъ указателемъ. Спб., 1895 г. Ц. 25 р.

Häusser. Исторія реформаціи. М., 1882 г. Ц. 5 р.

Herodoti historiarum. Книга первая. Кіевъ, 1893 г. Ц. 75 к.

— Книги 4, и 9. Ц. по 50 к.

— Книги 5, 6, 7 и 8. Ц. по 60 к.

Heitzmann, C., D-r. Анатомическій атласъ съ 625 рѣзанными на деревѣ рисунками. Переводъ съ 7-го нѣмецкаго изданія. За всѣ пять выпусковъ 3 р. Кіевъ, 1895 г.

Iordan, Dr. W. Руководство высшей геод зіи. М., 1881 г. Ц. 8 р.

Joward, Alfred. Домашніе фильтры для очищенія воды, ихъ приготовленіе и уходъ за ними. М., 1894 г. Ц. 75 к.

Jul Parreidt. Зубы и уходъ за ними. Популярная гигіена зубовъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

Kercoff A. G. Cours gradué de langue française. Parties I, II. M., 1880 г. Ц. 1 р. 25 к. III и IV parties. M. 1892 г. Ц. 1 р. 25 коп.

Lehner, S. Клей и замазки. М., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Lenhartz. H., проф. Микроскопическія и химическія изслѣдованія у постели больного. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Marissiaux, L., et. Nomdrah, C. R. Простое устройство электрическихъ часовъ и будильниковъ. Руководство для электротехниковъ любителей. Съ 15 рисунками на отдѣльной таблицѣ. М., 1895 г. Ц. 35 к.

Moscou et ses environs, rues et monuments. Nouveau guide du voyageur. M., 1891 г. Ц. 40 к.

Mörius, Paul, Dr. Гигіена нервныхъ людей. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

Paul Julius Moebius. Общая діагностика нервныхъ болѣзней. Пер. съ нѣмец. подъ ред. Минора. М., 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.

Ribot, Th. О чувственной памяти. Казань, 1895 г. Ц. 40 к.

Roux, D-r и его сотрудниковъ. Матеріалы для изученія дифтеріи. Бактеріологическія и клиническія изслѣдованія. М., 1895 г. Ц. 3 р. 25 к.

Salomonsen, C., проф., и Черевковъ, д-ръ. Руководство къ практической (технической) бактеріологіи. Общая и спеціальная часть для врачей, ветеринаровъ и студентовъ. Съ 81 рис. въ текстѣ. Харьк., 1894 г. Ц. 3 р.

Schrader, W. Гимназіи и реальныя училища воспитаніе и обученіе. Ревель, 1892 г. Ц. 3 р.

Sell, д-ръ. Спиртъ и его добываніе, свойства и примѣси. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.

Schamaus, Hans. Основы патологической анатоміи. М., 1895 г. Ц. 6 р. (199 рис. въ текстѣ).

Tedeschi, V. Пища маленькихъ дѣтей. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.

Tillaux, P. Руководство къ топографической анатоміи въ примѣненіи къ хирургіи. Пер. съ 7 франц. изданія, под. ред. и съ примѣчаніями д-ра С. Таубера, проф. варшавскаго университета. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к. Подписная цѣна за все сочиненіе (6 выпусковъ) 9 р.

Unwin. Основы построенія частей машинъ или изложеніе законовъ и условій, отъ которыхъ зависятъ размѣры и форма частей машинъ. Руководство для инженеровъ, механиковъ, строителей, фабрикантовъ для техническихъ и реальныхъ училищъ. М., 1887 г. Ц. 3 р. 50 к

Weil-Mantou, d-r. Руководство для врачей по страхованію жизни. М., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Иностранныя книги, доставленныя книжнымъ магазиномъ Гросманъ и Кнебель въ Москвѣ.

Французскія дѣтскія книжки.

Французскія азбуки:

L'Abc des tout petits. Couveture en couleurs. Av. 6 grav. color., petit in 8°. *Цѣна 8 коп.*

L'Abc du premier âge. Couverture en couleurs. Av. 24 grav. color., petit in 8°. *Цѣна 30 коп.*

L'Alphabet usuel. Av. 24 grandes gravures en couleurs par Adrien-Marie; in 4°. *Цѣна 65 коп.*

L'Album Alphabet. Av. 27 belles illustrations en couleurs par. E. de Liphart et de nombreuses gravures en noir.; grand in 4°. *Цѣна 1 р. 25 к.*

Альбомы для дѣтей.

Первая серія.

in 4°. Цѣна по 65 коп.

16 стр. напеч. крупнымъ шрифтомъ, на хорошей бумагѣ, 7 картинъ въ краск. Цвѣтная обложка на картонѣ.

Le dormeur éveillé, illustré par Chovin.
Les animaux domestiques, illustr. par Gambard.
Ali-Baba ou les 40 voleurs, ill. par Myrbach.
Au Pays des leurs, illustré par Gambard.

—

Вторая серія.

in 4°. Цѣна по 40 коп.

16 стр. напеч. крупнымъ шрифтомъ, на хорошей бумагѣ, 8 картинъ въ краск. Цвѣтная обложка на картонѣ.
Frère et soeur, ill. par Vogel.
Gargantua. ill. par Myrbach.
Petite Poucette, ill. par Job.
Don Quichotte, ill. par Myrbach.
Robinson Crusoé, ill. par Myrbach.

—

Третья серія.

in 4°. Цѣна по 20 коп.

6 картинъ въ краскахъ и 8 стр. текста. Цвѣтная обложка.
Jean le Chanceux, ill. par Chovin.
La Semaine de Julie, ill. par Martin.
Guignol, ill. par Job.
Jean L'ours, ill. par Massé.
Paul dans la lune, ill. par Job.
L'oiseau bleu, d'apres M-me d'Aulnoy, ill. par Clérice.
Sept d'un coup! D'après Grimm, ill. par Poirson.
Le Baron de Krack, ill. par. Chovin.

—

Четвертая серія.

in 8°. Цѣна по 13-ти коп.

6 картинъ въ краскахъ и 8 стр. текста. Цвѣтная обложка.
Cendrillon, ill. par Grivaz.
Tome Pouce, ill. par Vogel.
Folle journée, ill. par Steinlen.
Barbe bleue, ill. par Vogel.
Pierrot, ill. par Jazet.
L'assaut du moulin, ill. par Tofani.
Le Chat botté, ill. par Myrbach.
Le prince Saphir, ill. par Gumery.
Riquet à la houppe, ill. par Vogel.

—

Пятая серія.

in 4°. Цѣна по 8-ми коп.

6 картинъ въ краскахъ и 8 стр. текста. Цвѣтная обложка.
Monsieur Dumolet, ill. par Vogel.
Mon père m'a donné un mari, ill. par Bouisset.
Saint-Nicolas et Guilleri, ill. par Vogel.
Gribouille, ill. par Steinlen.
Il était une bergère, ill. par Bouisset.
Le Chevalier du Roi, ill. par Vogel.
M. de la Palisse, ill. par Chovin.
Malb'rough, ill. par Clérice.
Cadet Rousselle, ill. par Faria.
La Mère Michel, ill. par Faria.
Le Roi Dagobert, ill. par Chovin.
Abc des tous petits, ill. par Bouisset.
Le Renard et le Corbeau, ill. par Gélibest.
Sur le pont du nord, ill. par Bouisset.

—

Шестая серія.

in 16°. Цѣна по 5-ти коп.

6 гравюръ въ краскахъ и 8 стр. текста. Цвѣтная обложка.
La Fête de Jeanne, ill. par Bouisset.
Le Mariage de Toto, ill. par Bouisset.
La Première Poupée, ill. par Bouisset.
Le Voyage de Lucie, ill. par Godefroy.
Le Jardin de Juliette, ill. par Godefroy.
Le Bain de Minet, ill. par Bouisset.
La Semaine de Noël, ill. par Bouisset.
La petite fermière, ill. par Bouisset.
La petite Ménagère ill. par Bouisset.

—

Седьмая серія.

in 4°. Цѣна по 1 руб.

Содержитъ около 80 иллюстрацій въ краскахъ. Цвѣтная картонная обложка.
Le Voyage de mademoiselle Rosalie, illustré par A. Marie.
Bambins et bambines, ill. par E. Harding.

—

Восьмая серія.

in 4°. Цѣна по 1 руб. 75 коп.

La journée de Bébé. illustrat. par Bouisset. Texte par Arnaud.
Heureux âge, ill. par Harding.
L'Album des enfants sages, illust. par Harding.

—

Книжки для дѣтей отъ 6—8 лѣтъ.

Дѣтская библіотека, форматъ in 16°. *Цѣна каждаго тома безъ перепл., цвѣтная обложка 40 коп., въ перепл. 65 коп.*
Les histoires de tante Rose, par M-me de Bosguérard.
Mémoires de Cigarette, par Théo-Sritt.
Contes aux tout petits, par. P. Andriveau.
Bébés en vacances, par M-me Gameau.
La chatte de M-lle Ilda, par M-me de Paloff.
Petits amis, par M-me de Bosguérard.
Les Bons points de Bébé, par M-me de Sobol.
Mignonnettes, par M-me Noémi Balleyquier.
Scènes enfantines, par M-me Marie de Bosguérard.
Le petit monde, par M-me A. de Wailly.
Moi et mes poupées, par M-me de Bosguérard.
L'histoire d'une troupe de marionnettes, par M A. de Bréville.
Aimé pour son bon coeur, par M-lle Galouil.
La plage de Wimerux, par M-me Balleyguier.

***Les enfants de cigarette,** par Théo-Critt.
***Les bonheurs de bonshenrs de Pauline,** par M-me de Bosguérard.
Le théâtre de Polichinelle, par le papa de Nénette.
***Une partie de plaisir,** par Roger Dombre.
***Les mémoires d'un chèvre,** par M-me la comtesse de T.
Les vacances de Paul, par M-me J. de Sobol.
Обозначенныя * имѣются только въ переплетѣ.

—

Книжки для дѣтей отъ 7—10 лѣтъ.

D'Hervilly, L'age d'or de l'enfance. Histoires morales et amusantes, illustré. Цѣна 4 руб.
Marel, Le petit monde. Enfantillage et poésies, illustré. Цѣна 3 руб.

—

Книги для юношества отъ 10—12 лѣтъ.

Bibliothèque blanche.
Каждый томъ многоч. иллюстр въ текстѣ, въ переплетѣ по 1 руб.
Dickens Ch. L'Embranchement de Mugbiy.
Dumas (A.). La Bouillie de la comtesse Berthe.
Feuillet (Octave). La vie de Polichinelle.
Mayne-Reid. Les Exploits des jeunes Boërs.
Muller (Eugène.). Récits enfantins.
Musset, (P. de). M. le Vent et M-me la Pluie.
Ourliac (E). Le Prince Coqueluche.
Perrault. Les Lunettes,de Grand'Maman.
Sand (George). Gribouille.
Stahl (P.-J). Les Aventures de Tom Pouco.
— Contes de la tante Judith.
Verne (Jules). Un Hivernage dans les glaces.

—

Отъ 10—13 лѣтъ.

Bibliothèque de l'éducation maternelle illustrée.
Каждый томъ безъ перепл. 1 р. 15 к., въ перепл. съ зол. обр. 1 р. 75 к.
Anfossi. Le secret de sir William.
„ Jacques l'abandonné.
Balleygièr. Les Rodimbot.
„ M-lle Trimbalmouche.
Bellaigue. La vengeance d'un hautcoeur.
Bonhomme. Récis de l'oncle Paul.
Bovet. Histoire d'un garçon.
Garnoy. La nuit de Noël.
Dumont. Fables pour les petits.
Jane. Les 28 jours de Suzanne.
Monceau. Mon petit frère.
Paloff. Echos des vacances.
Quantin. Histoire de Germaine.
Sobol. Bouton d'or.
Witt. Les héros modestes.

—

Отъ 12—14 лѣтъ.
Bibliothèque de la famile in 8°, илл.
Каждый томъ въ переплетѣ съ зол. обр. по 3 р.
Rochemont, Au pays des fées, ill. par. Mès
Carnoy. Les légendes de France, ill. par E. Zier.
Graffigny. Contes d'un vieux savant. Ill. par P. Nac.
Cooper. Bas de cuir, arr. par Dubois, ill. en couleurs.
Mille et une nuits de la jeunesse Arr. par Dubois, ill. en couleurs.

—

Нѣмецкія дѣтскія книги.
Крупная печать, хорошая бумага, изящныя иллюстраціи.
Новая изящная коллекція съ раскрашенными картинками по англійскому способу
отъ 25 коп. до 90 коп.
Первая серія, по 25 коп.
Glückliche Reise. — Tromm, Tromm, Dremm.— Puck.— Mein Miezi. — Eichhörnchen auf Reisen. — Fürs Herzblättchen.— Im Freien. — Der Kinderomnibus.—Hucke-Puck.—Ein treuer Hausfreund.— Eisenbahn ABC.

—

Вторая серія, по 30 коп.
Bekanntes und Unbekanntes.—Was Vöglein singt.—Wasich weiss! — Zoologiseher Garten.

—

Третья серія, по 45 коп.
Ein Besuch bei Grossmama.—Der Schneemann. — Unsere Kameraden. — Arche Noahs.—Ringel, Ringel, Rosenkranz.— Puppen-Gesellschaft„—Die wunderliche Kutsche.— Robinson Crusoe.— In der Maienzeit.—Prinzessin Tausendschön.— Guckkasten.—Wer nicht „liebes Kindchen" sein will.—Spielzeug Alphabot.— Garten Frenden.

—

Четвертая серія, по 60 коп.
Feierstündchen.— Von Nah und Forn.— Kleine und grosse Freunde. — Allerlei Gesellschaft.

—

Пятая серія, по 90 коп.
In Pelz und Flaum I (Der Thiere König). In Pelz und Flaum II (Eine Kleine Wohlthäterin —Lustige Reigen.—Lieblings Kurzweil.—Komische Clowns.— Unsere Lieblingsthiere.—Familie Fangemaus.—Musjo Clown.—Ein Ausflug auf's Land.—Rothköpfehen.

—

Нѣмецкія дѣтскія книги по удешевленнымъ цѣнамъ.
Aus der Märchenwelt. Eine Auswahl d. schönsten deutschen Märchen gesammelt von Gebr Grimm, Bechstein und Anderen. Mit 10 bunten Bildern und vi-

elen Textillustrationen вмѣсто 1 р. 25 к. 1 р.

Biller, E. Lieschens kluge Einfälle Hänschens Reise durch die Stube. Mariele und die sieben Puppen. Wie es Fritzchen auf seiner Schwester Hochzeit ging, Mit vielen farbigen Illustrationen v. Kleinmichel. 4 kurze Geschichten in einem Bande gebunden вмѣсто 2 р. 85 к.

Buch der Jugend, das., Bd. VII geb. вмѣсто 4 р. 2 р. 50 к.

Hey, Fabeln für Kinder. In Bildern gezeichnet von Otto Speckter (Original-Ausgabe des weltbekannten, klassischen Kinderbuches) 2 Bände („50 Fabeln" und „Noch 50 Fabeln") cartonirt zusammen вмѣсто 3 р. 60 к. 1 р. 50 к.

Deutsche Jugend. Gediegenste Auswal, von Bildern, Erzählungen, Märchen, Reisegeschichten, Gedichten, Fabeln. вмѣсто 3 р. 60 к. 2 руб.

Jugend deutsche. Illustrirte Jugend un- Familienbibliothek f. Knaben und Mädchen hrsg. v. Lohmeyer, вмѣсто 2 р. 70 к. 1 р. 50 к.

Kletke, Hermann. Die Kinderwelt, in Märchen und Liedern. Mit zahlreichen Holzschnitten nach Original zeichnungen deutscher Künstler Eleg. gebunden, вмѣсто 1 р. 80 к. 1 р.

Krüger. Märchen aus Heimat und Fremde. Mit 50 Original-Illustrationen, darunter 4 Buntdruckbilder, 246 Seiten) in eleganten Einband, вмѣсто 1 р. 50 к. 85 коп

Lottka. Kindertäume Mit zahlreichen prächtigen Illustrationen von Claudius, eleg. geb. вмѣсто 3 р. 1 р. 50 к.

Schanz, 101 neue Fabeln. Mit Beiträgen von Bodenstedt. Lohmeyer.. Sturm etc. Zahlreiche Illustrationen v. Flinzer. eleg. gebunden, вмѣсто 2 р. 50 к. 1 р. 50 к.

Strässle, Franz. Kleine illustrirte Naturgeschichte für die Jugend. sechste vermehrte und vielfach verbesserte Auflage Mit 179 Holzschnitten und 15 Tafeln Abbildungen in Farbendruck. Elegant gebunden, вмѣсто 3 р. 1 р. 50 к.

Sturm, J. Neues Fabelbuch. Mit. Ill. nach Originalzeichnungen von F Flinzer cartonnirt, вмѣсто 1 р. 20 к. 75 к.

—

Нѣмецкія азбуки.

Dietlein, R. Des Kindes erstes Lesebuch. Illustrirte Fibel mit farbigen Bildern. Auf Grundlage des mit dem Auschaunngs unterrichte verbundenen ersten Sprech., Schreib, u. Lese-Unterrichtes bearb. für Schule und Haus. въ папкѣ 60 к.

Eisenbahn A. B. C. mit vielen bunten Bildern. 25 к.

Gurcke, J. Schreib—und Lese Fibel. Mit Holzschnitten von O. Speckter, въ папкѣ 45 к.

Haestors, A. Fibel oder der Schreib-Lese-Untorricht. въ папк. 35 к.

Schlimbach. Fibel, въ папкѣ 35 к.

—

1-ое ДОБАВЛЕНІЕ КЪ КАТАЛОГУ
ПЕРВАГО РУССКАГО ДЕШЕВАГО ИЗДАНІЯ ВЪ ТОМАХЪ
П. ЮРГЕНСОНА, въ москвѣ.

С.-Петербургъ у I. Юргенсона. Варшава у Г. Зенневальда.

Для фортепіано въ 2 руки.

№№ том. р. к.

620. **Альбомъ новѣйшихъ авторовъ фортепіанной игры:** № 1. Jensen, op. 17 № 1. Morgengruss. 2. Raff, op. 94. Impromptu-Valse. 3. Rubinstein, op. 3 № 1. Mélodie. 4. Rubinstein. Trot de cavalerie. 5. Tschaikowsky, op. 2 № 3. Chant sans paroles. 6. Tschaikowsky, op. 37 № 6. Barcarolle. 7. Grieg, op. 38 № 1. Berceuse. 8. Grieg, op. 43 № 1. Papillon. 9. Moszkowski, op. 41. Gondoliera. 10. Sinding. 24 № 4. Charakterstück 1 50

76. **Альбомъ сонатинъ.** № 1. Kuhlau, op. 20 № 1. C-dur. 2. № 2 G-dur. 3. № 3 F-dur. 4. Op. 55 № 1. C-dur. 5. № 2 G-dur. 6. № 3 C-dur. 7. Clementi, op. 36 № 1. C-dur. 8. № 2 G-dur. 9 № 3 C dur. 10 № 4 F-dur. 11. № 5 G-dur. 12. № 6 D-dur. 13. Haydn, Sonatine C-dur. 14. Mozart, Sonatine C-dur. 15. Beethoven, op. 49 № 2 G-dur. 16. Op. 49 № 1 G-moll. 17. Dussek, op. 20 № 1 G-dur . . . . —90

354. **1-й Альбомъ фортепіанныхъ пьесъ:** №1 Рубинштейнъ, А. Фераморсъ: Танцы со свѣчами. 2. Чайковскій, П. Грустная пѣсенка, op. 40 № 2. 3. Behr, F. Par force. Galop, op. 313 № 1. 4. Дюбюкъ, А. Море и сердце, op. 311. 5. Tschaikowsky, P. Humoresque, op. 10 № 2. 6. Simon, A. Berceuse, op. 28. 7. Rubinstein, A. Mélancolie, op. 51 № 1. 8. Tschaikowsky, P. Valse, op. 40 № 9. 9. Behr, F. Chant de Mai, op. 181. 1 —

761. **2-й Альбомъ фортепіанныхъ пьесъ:** № 1. Saint Saëns. Danse macabre. 2. Tschaikowsky, P. Chant sans paroles, op. 40 № 6. 3. Tschaikowsky, P. Rêverie interrompue, op. 40 № 12. 4. Reinecke, Ch. Pastorale. 5. Dvorak, A. Danse slave, op. 40 № 1. 6. Dubuque, A. Die beiden Grenadiere, op. 280 № 4. 7. Дюбюкъ, А. Высоко соколъ летаетъ и Вдоль по Питерской, op. 280 № 5. 8. Bargiel, W. Trois morceaux. op. 41 № 1. 3. 4. 9. Granado, D. El Turia. Valse espagnole. 10. Brambach, C. J. Im Balladenton, op. 21 № 1. 11. Jensen, A. Romance, op. 33 № 3. 12. Scharwenka, X. Mazurka, op. 16 № 2. 13. Wollenhaupt, H. A. Polacca, op. 41 № 8. 1 —

№№ том. р. к.

562. **Ашеръ, I. Ascher J.** 3-й сборникъ. 4 пьесы: № 1. Entraînante. Valse. op. 100. 2. Ave Maria, op. 66. 3. Pourquoi? Mélodie-rêverie, op. 54 № 2. 4. Danse andalouse. Caprice, op. 30 1

207. **Бахъ, I. С. Bach, J. S.** Избранныя сочиненія: № 1. Gigue B-dur. 2. Air. 3. Prélude et fugue D-dur. 4. Sarabande. 5. Sarabande et Gavotte. 6. Gavotte № 1. 2. 7. Prélude et Fugue C-moll. 8. Toccata. 9. Fantaisie A-moll. 10. Fantaisie chromatique et Fugue . . . 1 —

193. **Бейеръ, Ф. Beyer, F.** 13 легкихъ пьесъ и арій изъ оперъ, op. 83. № 1. Guillaume Tell. 2. Sonnambula. 3. Air tyrolien. 4. Norma. 5. Air de Puritani. 6. Romance de Joseph. 7. Le postillon de Moscou. 8. Danse caractéristique. 9. Don-Juan de Mozart. 10. La Dot d'Auvergne de Pugni. 11. Hymne nation. autrichien. 12. Hymne nation. russe. 13. Le carnaval de Venise. —75

571. **Беренсъ, Г. Berens, H.** 50 маленькихъ пьесъ для начинающихъ, op. 70. (Самсонъ) . . . . —50

572. — Школа гаммъ, аккордовъ и украшеній, op. 88 (Самсонъ) . 1 —

№№ том. р. к.

293. **Бернардъ, M. Bernard, M.** 1-й Альбомъ любимыхъ арій изъ итальянскихъ оперъ: № 1. Bellini, Sonnambula. Quintetto. 2. Rossini, Barbier de Séville. Canzonetta. 3. Donizetti, Lucia di Lammermoor. Air final. 4 Donizetti, Lucia di Lammermoor. Septuor. 5. Bellini, Sonnambula. Air final. 6. Bellini, Sonnambula. Cavatina. 7. Bellini, Sonnambula. Duo. 8. Donizetti, Maria di Rohan. Cavatina. 9. Donizetti, L'Elisire d'amore. Air. 10. Donizetti, Don Pasquale. Air favori. 11. Donizetti, Don Pasquale. Notturno. 12. Donizetti, Don Pasquale. Quatuor. 13. Donizetti, Don Pasquale. Sérénade. 14. Donizetti, Linda di Chamounix. Cavatina alla Polacca. 15. Donizetti, Lucrezia Borgia. Trio. 16. Donizetti, Lucrezia Borgia. Ballata. 17. Bellini, Norma. Casta diva. 18. Rossini, Barbier de Séville. Terzetto: Zitto, zitto . . . . 1 —

501. **Бернардъ, M. Bernard, M.** Русскій піанистъ. 1-й сборникъ: № 1. Боже, Царя храни. 2. Ты не повѣришь. 3. Черный цвѣтъ. 4. Тройка. 5. Сарафанчикъ. 6. Не одна во полѣ дороженька. 7. Скажи зачѣмъ. 8. Мы двѣ дѣвицы. 9. Ѣхали ребята. 10. Онъ меня разлюбилъ . . . . 1 —

759. **Бертини, Г. Bertini, H.** 48 этюдовъ, op. 29. . . . . . . — 50

465/67. **Бортнянскій, Д. Bortniansky, D.** 35 концертовъ. Вып. 1. 2. 3 . . . . по 1 —

526. **Веберъ, К. М. Weber, C. M.** Избранныя сочиненія. 6 пьесъ: № 1. Momento capriccioso, op. 12. 2. Perpetuum mobile. Rondo, op. 24. 3. Menuetto capriccioso, op. 39. 4. Rondo brillante, op. 62. 5. Les adieux. Fantaisie, op. 81. 6. Polonaise brillante, op. 72 . . . . . . 1 —

355. **Вильмъ, Н. Wilm, N.** 10 любимыхъ русскихъ романсовъ: № 1. Чаруй меня, Даргомыжскаго. 2. Мнѣ твердили, Воронцова. 3. Сердце игрушка, Гурилева. 4. Прости, Ѳедорова. 5. Мнѣ грустно, Даргомыжскаго. 6. Мнѣ все равно, Ѳедорова, 7. Люблю тебя, Капри. 8. Вьется ласточка, Гурилева. 9. Къ соловью, Монюшки. 10. Тихая звѣздная ночь, Пауфлера . . . . 1 —

68. **Волгинъ, П. И. Wolguine, P.** 9 любимыхъ русскихъ романсовъ: № 1. Не скажу никому, Даргомыжскаго. 2. Какъ сладко съ тобою, Глинки. 3. Мнѣ все равно, Даргомыжскаго. 4. Серенада, Булахова, 5. Что будетъ со мною, Контскаго. 6. Прости, Пауфлера. 7. Мои пѣсни, Бернарда. 8. Прощаніе, Капри. 9. Если встрѣчусь съ тобой, Рубинштейна . . . 1 —

594. **Вольфартъ, Г. Школа для фортепіано,** переведена на русскій языкъ и дополнена упражненіями и пьесами Л. Петровымъ . 1 50

711. **Вурмъ, В. Wurm, W.** Сборникъ всѣхъ русскихъ гвардейскихъ полковыхъ маршей: № 1. Преображенскаго полка. 2. Семеновскаго п. 3. Измайловскаго п. 4. Гатчинскаго п. 5. Московскаго п. 6. Гренадерскаго п. 7. Павловскаго п. 8. Финляндскаго п. 9. Литовскаго п. 10. Кексгольмскаго п. 11. С.-Петербургскаго п. 12. Волынскаго п. 13. Саперпаго баталіона. 14. Образцоваго пѣхотнаго полка. 15. 1-го Стрѣлковаго баталіона. 16. 2-го Стрѣлковаго баталіона. 17. Финскаго стрѣлк. батал. 18. Стрѣлк. батал. Импер. фамиліи. 19. Гвардейскаго экипажа. 20. Лейбъ-гвардіи пѣшей артилл. 21. Кавалергардскаго Его Величества полка. 22. Лейбъ-гвардіи Коннаго полка. 23. Лейбъ-гвардіи Кирасирскаго Его Величества полка. 24. Лейбъ-гвардіи Кирасирск. Ея Велич. п. 25. Лейбъ-гвардіи Конно-гренадерскаго п. 26. Лейбъ-гвард. Уланскаго п. 27. Лейбъ-гвард. Гусарскаго Е. В. полка. 28. Лейбъ-гвард. Казачьяго 1-го дивиз. 29. Лейбъ-гвард. Казачьяго 1-го дивиз. (старый). 30. Лейбъ - гвар. Драгунскаго п. 31. Лейбъ-гв. Уланскаго Его Вел. п. 32. Лейбъ-гвар. Гродненскаго гусарскаго п. 33. Лейбъ-гвардіи конной артиллеріи. 34. Гвардейскій маршъ . 2 —

181. **Геллеръ, С. Heller, St.** 30 прогрессивныхъ этюдовъ, op. 46. 1 25

183.—24 этюда, op. 125 (Кризандеръ). . . . . 1 —

283. **Діабелли, А. Diabelli, A.** 3 Сонатины, op. 157. № 1. D-dur. 2. E-moll. 3. A-dur . . . . — 75

372. **Дюбюкъ, А. Dubuque, A.** Альбомъ для дѣтей. 20 легкихъ пьесъ изъ разн. оперъ и любимыхъ цыганскихъ пѣсенъ . . . . — 50

717. — 35 русскихъ пѣсенъ съ варіаціями: № 1. Вдоль по улицѣ метелица. 2. Не будите молоду. 3. Вотъ мчится тройка. 4. Ужъ какъ палъ туманъ и Ахъ вы сѣни мои, сѣни. 5. Лучина лучинушка и Во полѣ березонька. 6. Молодка, молодка молодая и Какъ у насъ во садочкѣ. 7. Во лѣсахъ-то было во дремучихъ и У воротъ дѣвка стоитъ. 8. Вспомни, вспомни и Мнѣ моркотно молоденькѣ. 9. Скучно матушка и По улицѣ мостовой. 10.

№№ том. р. к.

Не одна-то во полѣ и Вдоль по улицѣ молодчикъ. 11. Ахъ, не кукушка и Противъ краснаго солнышка. 12. Не бѣлы-то снѣги и По мосту, мосту. 13. Ахъ, ты степь Моздокская и Зеленая роща. 14. Ахъ, ты молодость и Все по свѣтлицѣ-бъ я ходила. 15. Среди долины ровныя и Полоса-ль моя полосынька. 16. Внизъ по матушкѣ по Волгѣ и За долами, за горами. 17. Волга рѣченька глубока и Ты поди, моя коровушка, домой. 18. Какъ у нашего широкаго двора и Во лузяхъ, во лузяхъ. 19. Ужъ какъ слава Тебѣ, Боже, на небѣ! слава! 20. Боже, Царя храни! . . 2 —

121. **Дювернуа, И. Duvernoy, I. B.** Школа механизма, ор. 120. —75

122. — То же, съ объясненіями К. Вебера . . . . —75

171 — 12 этюдовъ, ор. 168 . . . . —75

603 — 25 элементарныхъ этюдовъ, ор. 176 . . . . —75

573. **Кесслеръ, I. К. Kessler, I. C.** 25 этюдовъ, ор. 100 . . . 2 —

300. **Кеттереръ, E. Ketterer, E.** 1-й сборникъ любимыхъ сочиненій. 6 пьесъ: № 1. L'Argentine. Fantaisie-Mazurka, op. 21. 2. Chanson créole, op. 56. 3. Chanson à boire, op. 196. 4. Defilé - Marche, op. 220. 5. Oiseaux légers. Mélodie de Gumbert, op. 174. 6. La châtelaine. Valse de salon, op. 90. 1 —

381. — 2-й сборникъ любимыхъ сочиненій. 6 пьесъ: № 1. Gaëtana. Mazurka de salon, op. 101. 2. Valse des roses, op. 156. 3. Si vous n'avez rien à me dire, op. 202. 4. Boute-en-train. Galop de concert, op. 121. 5. Valse des fleurs, op. 116. 6. Flick et Flock. Galop du ballet de Hertel. . . . . 1 —

251. **Кругъ, Д. Krug, D.** Оперныя фантазіи. 1-й сборникъ: № 1. La Traviata, op. 114 № 1. 2. Les Huguenots, op. 114 № 2. 3. Robert le diable, op. 114 № 3. 4. Martha, op. 114 № 4. 5. Le Barbier de Séville, op. 114 № 5. 6. Tannhäuser, op. 114 № 6. 7. Nabuchodonosor, op. 114 № 7. 8. Der Freischütz, op. 114 № 11. 9. Choeur et marche de l'op. Tannhäuser, op. 196 № 4 (Кризандеръ) . . . . —75

288. — Оперныя фантазіи. 2-й сборникъ: № 1. Marche de l'op. Faust, op. 196 № 3. 2. Ernani, op. 63 № 2. 3. La Favorite, op. 63 № 3. 4. Robert le diable, op. 63 № 10. 5. le Prophète, op. 63 № 11. 6. Pardon de Ploermel, op. 63 № 16. 7. Lucrezia Borgia, op. 63 № 18. 8. Don - Juan, op. 63 № 21 (Кризандеръ) . . . . —75

№№ том. р. к.

384. **Кулау, Ф. Kuhlau, Th.** Сонатинъ: Op. 20. № 1. C-dur. 2. G-dur. 3. F-dur. Op. 55. № 1. C-dur. 2. G-dur. 3. C-dur. 4. F-dur. 5. D-dur. 6. C-dur. . . . . —50

269. **Ланге, Г. Lange, G.** 8 любимыхъ пьесъ. 1-й сборникъ: № 1. Barcarolle, op. 61. 2. Eglantine, op. 78 № 3. 3. Am Meer, op. 90 № 8. 4. Chant d'automne, op. 162. 5. Сѣверный романсъ, op. 271. 6. O säh'ich dich auf der Haide, op. 164. 7. Non è ver, op. 171 № 3. 8. Elégie d'Ernst, op. 241 № 2 . . . 1 —

287. — 8 любимыхъ пьесъ. 2-й выпускъ. № 1. Gondolière venitienne, op. 169. 2. Lamentation d'une jeune fille, op. 10. 3. Ich grolle nicht, op. 124 № 1. 4. Habanera de l'op. Carmen, op. 267. 5. На Альпахъ. Edelweiss, op. 31. 6 Сѣверная пѣсня, op. 152. 7. Ich wollt' meine Lieb' ergösse sich, op. 102. 8. Air d'église de Stradella, op. 241 № 3 . . . . 1 —

88. **Лангеръ, Л. Langer, L.** 12 характерныхъ этюдовъ, ор. 18. 1 —

265. **Лемуанъ. Lemoine.** Дѣтскіе этюды, ор. 37 . . . . 1 —

Листъ, Ф. Liszt, F. 56 пѣсенъ Ф. Шуберта.

579. — Томъ I. 12 пѣсенъ. 12 Lieder: № 1. Sei mir gegrüsst. 2. Auf dem Wasser zu singen. 3. Du bist die Ruh. 4. Erlkönig. 5. Meeresstille. 6. Die junge Nonne. 7. Frühlingsglaube. 8. Gretchen am Spinnrade. 9. Ständchen von Shakespeare. 10. Rastlose Liebe. 11. Der Wanderer. 12. Ave Maria 1 50

580. — Томъ II. Лебединая пѣсня. Schwanengesang: № 13. Die Stadt. 14. Das Fischermädchen. 15. Aufenthalt. 16. Am Meer. 17. Abschied. 18. In der Ferne. 19. Ständchen. 20. Ihr Bild. 21. Frühlings Sehnsucht. 22. Liebesbotschaft. 23. Der Atlas. 24. Der Doppelgänger. 25. Die Taubenpost. 26. Kriegers Ahnung . . . . 2 —

581. — Томъ III. Зимнее путешествіе. Winterreise: № 27. Gut Nacht. 28. Die Nebensonnen. 29. Muth. 30. Die Post. 31. Erstarrung. 32. Wasserfluth. 33. Der Lindenbaum. 34. Der Leyermann. 35. Täuschung. 36. Das Wirthshaus. 37. Der stürmische Morgeu. 38. Im Dorf. 39. Lob der Thränen. 40. Die Rose. . . . . . 1 —

582. — Томъ IV. 6 Мелодій. 6 Melodien: № 41. Lebewohl. Adieu. 42. Mädchens-Klage. 43. Sterbeglöcklein. 44. Trockne Blumen. 45. Ungeduld. 46. Die Forelle . . . . . . —75

583. — Томъ V. Прекрасная мельничиха. Müllerlieder: № 47. Das Wan-

№№ том. р. к.

dern. 48. Der Müller und der Bach. 49. Der Jäger. 50. Die böse Farbe. 51. Wohin. 52. Ungeduld . . . . —75

584.—Томъ VI. Духовныя пѣсни. Geistliche Lieder: № 53. Litanei. 54. Himmelsfunken. 55. Die Gestirne. 56. Hyme . . . . —75

885. — Всѣ пѣсни № 1—56 въ одномъ томѣ . . . . 5 —

716. **Неке, В. Näke, W.** 9 фантазій на русскія пѣсни: № 1. Вотъ на пути село большое. 2. Ты душа-ль моя. 3. Я пойду косить. 4. Онъ меня разлюбилъ. 5. Мы двѣ дѣвицы. 6. Ненаглядный ты мой. 7. Звѣздочка ясная. 8. Ея здѣсь нѣтъ. 9. Матушка, голубушка— . 1 50

574. **Равина, Г. Ravina, H.** 8 любимыхъ сочиненій: № 1. Le charme, op. 65. 2. Nocturne, op. 13. 3. Historiette, op. 71. 4. Nuit étoilée, op. 76. 5. Mélodie sentimentale, op. 80. 6. Vilanelle, op. 33. 7. Dernier souvenir, op. 31. 8. Adoremus, op. 72-bis . . . . 1 —

385. **Рубинштейнъ, А. Rubinstein, A.** Петергофъ, op. 75. 12 пьесъ: № 1. Souvenir. 2. Aubade. 3. Marche funèbre. 4. Impromptu. 5. Rêverie. 6. Caprice russe. 7. Pensées. 8. Nocturne. 9. Prélude. 10. Mazurka. 11. Romance. 12. Scherzo. 3 —

865. — Танцы изъ оперы Фераморсъ: № 1. Танецъ баядерокъ I. 2. Танецъ Кашемирскихъ невѣстъ. 3. Танецъ баядерокъ II. 4. Свадебное шествіе . . . . 1 —

534. **Сборникъ знаменитыхъ фортепіанныхъ этюдовъ** для усовершен. механизма. Collection d'études célèbres: № 1. Bertini, H. Op. 177. Vélocité (main droite). 2. Ries, E. Op. 31. Vélocité. 3. Döhler, T. Op. 30. Le trille. 4. Herz, H. Op. 153. Légèreté. 5. Bertini, H. Op. 177. Vélocité (main gauche). 6. Schulhoff, J. Op. 13. Etude pour la main gauche. 7. Pirkhert, E. Thème pour la main gauche seule. 8. Kalkbrenner, F. Op. 143. Jeu du poignet. 9. Kalkbrenner, F. Jeu du poignet, op. 143. № 4. 10. Kalkbrenner, F. Jeu du poignet, op. 143 № 1. 11. Schmitt. A. Deux voix d'inégale valeur dans une main. 12. Field, J. Deux voix d'inégale valeur dans une main. 13. Mayer, Ch. Deux voix d'inégale valeur dans une main. 14. Schmitt, A. L'extention des doigts. 15. Bertini, H. Le style lié. Etude mélodique. 16. Bertini, H. Le style lié. Chant religieux. 17. Ries, F. Op. 31. Le style lié. 18. Ries, F. Op. 31. Les

№№ том. р. к.

différents rhythmes dans deux mains 1 50

575. **Смитъ, С. Smith, S.** 6 любимыхъ пьесъ. 1-й сборникъ: № 1. Chanson russe, op. 31. 2. Sérénade de Gounod, op. 118. 3. Ou voulez-vous aller, de Gounod, op. 126. 4. Bolero, op. 107. 5. Le chant des vagues. 6. Un songe d'une nuit d'été, op. 76. . . . . 1 —

576 — 5 любимыхъ пьесъ. 2-й сборникъ: № 1. La cascade de rubis, op. 22. 2. Souvenir de Spaa, op. 12. 3. Chant des oiseaux, op. 49. 4. Une nuit d'été. Mélodie. 5. Faust. Fantaisie, op. 117 . . . . 1 —

51. **Чайковскій, П. Tschaikowsky, P.** Полное собраніе сочиненій. Т. V: № 1. Valse de salon, op. 51. 2. Polka peu dansante, op. 51. 3. Menuetto Scherzoso, op. 51. 4. Natha-Valse, op. 51. 5. Romance, op. 51. 6. Valse sentimentale, op. 51. 7. Doumka. (Scène rustique russe), op. 59. 8. Impromptu, op. 72 № 1. 9. Berceuse, op. 72 № 2 . . . . 2 —

707. — Т. VI: № 1. Tendres reproches, op. 72 № 3. 2. Danse caractéristique, op. 72 № 4. 3. Méditation, op. 72 № 5. 4. Mazurka pour danser, op. 72 № 6. 5. Polacca de concert, op. 72 № 7. 6. Dialogue, op. 72 № 8. 7. Un poco di Schumann, op. 72 № 9. 8. Scherzo-Fantaisie, op. 72 № 10 . . . . 2 —

708. — Т. VII: № 1. Valse-Bluette, op. 72 № 11. 2. L'espiègle, op. 72 № 12. 3. Echo rustique, op. 72 № 13. 4. Chant élégiaque, op. 72 № 14. 5. Un poco di Chopin, op. 72 № 15. 6. Valse à cinq temps, op. 72 № 16. 7. Passé lointain, op. 72 № 17. 8. Scène dansante, op. 72 № 18. 9. Impromptu-Caprice. 10. Valse-Scherzo . . . . 2 —

356. — Переложеніе романсовъ и арій. 10 пьесъ: № 1. И больно, и сладко, op. 6 № 3. 2. Нѣтъ, только тотъ, op. 6 № 6. 3. Не отходи отъ меня, op. 27 № 3. 4. Зачѣмъ, op. 28 № 3. 5. Осенняя пѣснь, op. 37 № 2. 6. То было раннею весною, op. 38 № 2. 7. Средь шумнаго бала, op. 38 № 3. 8. День ли царитъ, op. 47 № 6. 9. Вчерашняя ночь, op. 60 № 1. 10. Любви всѣ возрасты покорны. Арія изъ оперы Евгеній Онѣгинъ . . . . 1 —

709. — 2-й Сборникъ переложеній романсовъ: № 1. Страшная минута, op. 28 № 6. 2. Серенада Донъ-Жуана, op. 38 № 1. 3. Я ли въ полѣ да не травушка была, op. 47

№№ том. р. к.

№ 7. 4. Ночи безумныя, op. 60 № 6. 5. Растворилъ я окно, op. 63 № 2. 6. Ужъ гасли въ комнатахъ огни, op. 63 № 5. 7. Серенада, op. 63 № 6. 8. Мы сидѣли съ тобой, op. 73 № 1. 9. Ночь, op. 73 № 2. 10. Не долго намъ гулять . . . . 1 —

504. **Черни, К. Czerny, Ch.** Упражненія въ пассажахъ, op. 261—75 (тетр. 1. 2).

Танцы для фортепіано въ 2 руки.

553. **Вальдтейфель, Е. Waldteufel, E.** 1-й альбомъ вальсовъ: № 1. Frühlingskinder-Walzer, op. 148. 2. Mein Traum. Walzer, op. 151. 3. Immer oder nimmer. Walzer, op. 156. 4. Goldregen-Walzer. op. 160. 5. Dolores-Walzer, op. 170. 6. Ich liebe dich. Walzer, op. 177 . . . . 1 —

565 — 2-й альбомъ вальсовъ: № 1. Pomone-Valse, op. 155. 2. Les Patineurs-Valse, op. 183. 3. Les Sourires-Valse, op. 187. 4. Soirée d'été. Valse, op. 188. 5. L'Estudiantina. Valse, op. 191. 6. Douce Souvenance. Valse, op. 194 . . . . . —

401. **Лобри, Ѳ. Lobry. Th.** 6 любимыхъ танцевъ: № 1. Офицеръ-Полька. 2. Птичка-Полька. 3. Береза-Кадриль. 4. Чумакъ-Кадриль. 5. Prosze pani. Mazurka. 6. Зорина-Вальсъ . . . . 1 —

516. **Страусъ, Іог. (сынъ). Strauss, Ioh.** (Sohn). 1-й альбомъ танцевъ: № 1. Martha-Quadrille, op. 46. 2. Quadrille sur des thèmes russes, op. 65. 3. Slaven-Ball. Quadrille, op. 88. 4. Blumenfest. Polka, op. 111. 5. Annen-Polka, op. 117. 6. Aesculap-Polka, op. 130. 7. Pepita-Polka, op. 138. 8. Wiedersehen. Polka, op. 142. 9. L'inconnue. Polka, op. 183. 10. Alexandrine. Polka, op. 195. 11. Wien mein Sinn. Walzer, op. 192. 12. Extravaganten Walzer, op. 205. 13. Mes adieux à St.-Pétersbourg. Valse, op. 213 . . . . 1 —

517. — 2-й альбомъ танцевъ: № 1. Hofball-Quadrille, op. 116. 2. Indra-Quadrille, op. 122. 3. Satanella-Quadrille, op. 123. 4. Strelna Terassen. Quadrille, op. 185. 5. Spiralen-Walzer, op. 209. 6. Boll-Champagner. Polka, op. 210. 7. Довольно-Полька, op. 210. 8. Nachtigall-Polka, op. 215. 9. Promotionen-Walzer, op. 221. 10. Aurora-Ball. Polka, op. 222. 11. Tirailleurs. Polka, op. 224. 12. Kammer-Ball. Polka, op. 230. 13. La parisienne. Polka, op. 234 . . . . . 1 —

№№ том. р. к.

518. **Страусъ, Іос. и Іог.** (отецъ). **Strauss, Jos. и Joh.** (Vater). 1-й альбомъ танцевъ: № 1. Moulinet. Polka, op. 57. 2. Polichinelle Quadrille, op. 21. 3. Sehnsucht. Polka-Mazurka, op. 22. 4. Rose de Mai. Valse, op. 34. 5. Wiener. Kinder. Walzer. op. 61. 6. Lanciers-Quadrille, op. 64. 7. Polka-Mazurka des amoureux, op. 129. 8. Herold-Quadrille, op. 157. 9. Pêlemêle. Polka, op. 161. 10. Fashion-Polka, op. 165. 11. Anna-Quadrille, op. 153. 12. Radetzky-Marsch, op. 228. 13. Louisen-Quadrille, op. 234 . . 1

519. — 2-й альбомъ танцевъ: № 1. Wintermärchen. Walzer, op. 66. 2. Mailust. Polka, op. 182. 3. Verliebte Augen. Polka, op. 185. 4. Flick et Flock. Quadrille, op. 187. 5. La libellule. Polka-Mazurka, op. 204. 6. Etiquette. Polka, op. 208. 7. Arm in Arm. Polka-Mazurka, op. 215. 8. Hommage aux dames. Valse, op. 277. 9. La Périchole. Quadrille, op. 256. 10. Веселый нравъ. Полька, op. 281. 11. Annen-Polka, op. 137. 12. Kathinka-Polka, op. 210. 13. Martha. Quadrille, op. 215. . . . 1 —

Оперы для фортепіано въ 2 руки.

330. **Беллини, В. Bellini, V.** Пуритане 1 50

347. **Верди, Дж. Verdi, G.** Трубадуръ (Нов. изд.) 1 50

— Травіата (Нов. изд.) 1 50

342. **Галеви, Ф. Halevy, F.** Жидовка 1 50

840. **Доницетти, Г. Donizetti, G.** Лукреція Борджіа 1 50

331. — Лючія 1 50

554. **Зуппе, Ф. Suppe, F.** Боккачіо 1 50

— **Леонкавалло, Р. Leoncavallo, R.** Паяцы 1 50

343. **Масканьи, П. Mascagni, P.** Деревенская честь . . . 1 50

341. **Мейерберъ, Дж. Meyerbeer, G.** Африканка 1 50

334. — Гугеноты (Новое изд.) . . 1 50

350. — Іоаннъ Лейденскій 1 50

333. — Робертъ-Дьяволъ (Нов. изд.). 1 50

828. **Оберъ, Д. Auber, D.** Нѣмая изъ Портичи 1 50

336. **Россини, Дж. Rossini, G.** Отелло 1 50

Увертюры въ 2 руки.

55. **Чайковскій, П. Tschaikowsky, P.** 6 увертюръ: № 1. Евгеній Онѣгинъ. 2. Мазепа. 3. Орлеанская дѣва. 4. Пиковая дама. 5. Чародѣйка. 6. Черевички . 1 50

№№ том. р. к.

Для фортепіано въ 4 руки.

210. **Альберти, Г. Alberti, H.** 1-й сборникъ легкихъ оперныхъ фантазій, ор. 23: № 1. La Traviata. 2. Rigoletto. 3. Il Trovatore. 4. Nabuchodonosor. 5. Puritani. 6. Le Barbier de Séville. 7. Stradella. 8. Martha. 9. Norma. 10. Les Huguenots. 11. Lucrezia . . . . 1 —
252. — 2-й сборникъ легкихъ оперныхъ фантазій, ор. 23: № 1. Don Juan. 2. Lucia di Lammermoor. 3. Guillaume Tell. 4. Robert le diable 5. Ernani. 6. Der Freischütz. 7. La fille du régiment. 8. Le pardon de Ploermel. 9. La Sonnambula. 10. Linda di Chamounix. 11. L'Elisire d'amore. 12. Un ballo in maschera. 1 —
221. **Ардити, Л. Arditi, L.** Любимые вальсы: № 1. Il bacio. 2. La stella. 3. L'Estasi . . . . . —60
570. **Беренсъ, Г. Berens, H.** Мелодическія упражненія безъ октавъ, ор. 62 (Самсонъ) . . . . . —75
58. **Бернардъ, М. Bernard, M.** Развлеченіе. 24 маленькія пьесы) (Кризандеръ). 1 50
611. **Вагнеръ, Э. Д. Wagner, E. D.** Ор. 36. Братъ и сестра. Собраніе легкихъ пьесъ и арій изъ оперъ для дѣтей. Тетрадь 1—5 въ одномъ томѣ . . . . . . —75
612. — Тетрадь 6 — 10 въ одномъ томѣ . . . . —75
613. — Тетрадь 11 — 15 въ одномъ томѣ . . . . —75
614. — Тетрадь 16 — 20 въ одномъ томѣ . . . . —75
615. — Тетрадь 21—25 въ одномъ томѣ . . . . —75
276. **Діабелли, А. Diabelli, A.** 28 мелодическихъ упражненій, ор. 149. . . . . 1 —
35. **Тивольскій, Н. Tivolsky, N.** Другъ русскихъ дѣтей. 29 маленькихъ пьесъ: № 1. Боже, Царя храни. 2. Соловей мой, соловей. 3. Братцы, дружно веселую. 4. Изъ подъ дуба, изъ-подъ вязу. 5. Выйду-ль я на рѣченьку. 6. Пожалуйте, сударыня. 7. Не бѣлы то снѣги. 8. Тройка. 9. Черный цвѣтъ. 10. Скучно мнѣ въ чужой сторонѣ. 11. Не будите меня молоду. 12. Мы двѣ цыганки. 13. Пошелъ козелъ въ огородъ. 14. Взвейся выше понесися. 15. Возлѣ рѣчки, возлѣ моста. 16. Я по цѣлымъ часамъ. 17. Гандзя. 18. Я очи зналъ. 19. Во полѣ береза стояла. 20. Дѣвки на лугу гуляли. 21. Что ты жадно глядишь на дорогу. 22. Ужъ какъ звали молодца. 23. Натальюшка, Марьюшки. 24. Скучно, матушка, голова болитъ. 25. Ненаглядный ты мой. 26. Пойду млада по Дунаю. 27. Заинька, поскачи. 28. Не брани меня родная. 29. Стрѣлокъ . . 1 50
586. **Туръ, В. Tours, B.** Альбомъ для юношества . . . . . 1 —
279. **Шубертъ, Ф. и Р. Шуманъ. Schubert, F. & R. Schumann.** 8 переложеній: № 1. Schubert. Erlkönig. 2. Schubert. Die Forelle. 3. Schubert. La sérénade. 4. Schubert. Ungeduld. 5. Schubert. Gretchen am Spinnrade. 6. Schumann. Die beiden Grenadiere. 7. Schumann. Die Lotosblume. 8. Schumann. Ständchen. . . 1 —

Увертюры для фортепіано въ 4 руки.

57. **Чайковскій, П. Tschaikowsky, P.** 3 увертюры: № 1. Черевички. 2. Евгеній Онѣгинъ. 3. Воевода 1 50

Для одной скрипки.

599. **Клейнеке, А. Kleinecke, A.** Альбомъ русскихъ романсовъ: № 1. Шереметевъ, Я васъ любилъ. 2. Во полѣ береза стояла. 3. Пожалуйте, сударыня. 4. Ахъ, у нашихъ у воротъ. 5. По улицѣ мостовой. 6. Возлѣ рѣчки. 7. Лазаревъ, Пѣсня ямщика. 8. Камаринская. 9. Соколовъ, Море и сердце. 10. Соловей мой, соловей . . . . . . —25
608. — Альбомъ танцевъ: № 1. Шраммель, Вѣнскій маршъ. 2. Петеръ, Веселый кузнецъ. Маршъ. 3. Вальдтейфель, Мой сонъ. Вальсъ. 4. Вальдтейфель, Эстудіантина. Вальс. 5. Вальдтейфель, Всегда или никогда. Вальсъ. 6. Ловтіанъ, Венеція. Вальсъ. 7. Вальдтейфель, Лакомка. Полька. 8. Цирeръ, Любовное письмо. Полька. 9. Лобри, Береза. Кадриль. 10. Настоящій англійскій лянсье. 11. Өедоровъ, Анна. Полька-Мазурка. 12. Лихой уланъ. Мазурка. 13. Военная мазурка. 14. Рейнлендеръ, Полька. Вальдтейфель, Галопъ. . . . . . —50
528. **Крейцеръ, Р. Kreutzer, R.** 40 этюдовъ (Новое изданіе пересм. Ф. Давидомъ) . . . 1 50
527. **Роде, Вальо и Крейцеръ.** Скрипичный самоучитель. . . . . 2 —
369. **Сборникъ любимыхъ пьесъ:** № 1. Пробужденіе льва, Контскаго. 2. Серенада. Испанскій вальсъ, Метра. 3. Мандолината, Паладилле. 4. 1-е попурри изъ русскихъ пѣсенъ. 5. 2-е попурри изъ русскихъ

№№ том. р. к.

пѣсенъ. 6. Неразлучные. Вальсъ, Дюкомена . . . . 1 —

367. **Тивольскій, Н. Tivolsky, N.** Бальный курьеръ. 16 любимыхъ танцевъ: № 1. Неразлучные-Вальсъ. 2. Стрѣлокъ-Кадриль. 3. Шалунья-Полька. 4. Кирасиръ-Кадриль. 5. Стрѣлокъ-Полька. 6. Wiener-Galop. 7. Cleo-Valse. 8. Здорово, ребята!—Маршъ. 9. Славянская-Полька. 10. Monstre-Mazurka. 11. Маруся-Полька. 12. Скобелевъ-Маршъ. 13. Всего понемножку. Кадриль. 14. Озерки-Полька. 15. Гусельки-Кадр. 16. Эхо-Вальсъ . . . . . . 1 —

Для двухъ скрипокъ.

598. **Клейнеке, А. Kleinecke, A.** Альбомъ русскихъ романсовъ: № 1. Шереметевъ, Я васъ любилъ. 2. Во полѣ береза стояла. 3. Пожалуйте, сударыня. 4. Ахъ, у нашихъ у воротъ. 5. По улицѣ мостовой. 6. Возлѣ рѣчки. 7. Лазаревъ, Пѣсня ямщика. 8. Камаринская. 9. Соколовъ, Море и сердце. 10. Соловей мой, соловей . . —40

607. — Альбомъ танцевъ: № 1. Шраммель, Вѣнскій маршъ. 2. Петеръ, Веселый кузнецъ. Маршъ. 3. Вальдтейфель, Мой сонъ. Вальсъ. 4. Вальдтейфель, Эстудіантина. Вальс. 5. Вальдтейфель, Всегда или никогда. Вальсъ. 6. Ловтіанъ, Венеція. Вальсъ. 7. Вальдтейфель, Лакомка. Полька. 8. Циреръ, Любовное письмо. Полька. 9. Лобри, Береза. Кадриль. 10. Настоящ. англійск. лансье. 11. Өедоровъ, Анна. Полька-Мазурка. 12. Лихой уланъ. Мазурка. 13. Военная мазурка. 14. Рейнлендеръ, Полька. 15. Вальдтейфель, Галопъ . 1 —

Для одной флейты.

366. **Киндингеръ, А. Kündinger, A.** Сборникъ русскихъ романсовъ и пѣсенъ: № 1. Лучина, лучинушка и Во полѣ береза стояла. 2. Ужъ какъ палъ туманъ и Выйду-ль я на рѣченьку. 3. Взвейся выше, понесися и Не будите меня молоду. 4. Вотъ на пути село большое. 5. Коровушка. 6. Матушка, голубушка. 7. Ѣхали ребята. 8. Онъ меня разлюбилъ. 9. Ты скоро меня позабудешь . . . . 1 —

290. **Куммеръ. Kummer.** Практическая школа. . . . . 1 —

Для гармоніума.

86. **Сборникъ любимыхъ пьесъ:** № 1. Prélude et Mazurka de Chopin. 2. Consolation de Liszt. 3. Nemerowsky, op. 20. Sérénade. 4. Lebeau, Mandolinata de Paladilhe. 5. Соколъ. Вступленіе къ 2 дѣйствію оперы „Дѣти степей“. 6. Ангелъ, дуэтъ А. Рубинштейна. 7. Ты прости, ром. Рубинштейна. 8. Какъ увижу твои ножки, ром. Рубинштейна. 9. Клубится волною, Рубинштейна. 10. Хоръ изъ оперы „Купецъ Калашниковъ“. 11. Дуэтъ изъ оперы „Маккавеи“. 12. Mélodie, op. 3 № 1 de A. Rubinstien. 13. Chant sans paroles, op. 40 № 6 de P. Tschaikowsky . . . . 1 —

Для ручной гармоники.

398. **Романовъ, Ф.** 1-й сборникъ. 81 лучшихъ пьесы. . . . . 1 —

399. — 2-й сборникъ. 54 избранныхъ танца. . . . . 1 —

400. — 3-й сборникъ. 92 избранныхъ русскихъ пѣсенъ . . . . 1 —

Для скрипки съ фортепіано.

315. **Вильгельми, А. Wilhelmj, A.** 6 переложеній: № 1. Larghetto de Mozart. 2. Chant du soir de Schumann. 3. Nocturne de Chopin, op. 9. 4. Nocturne de Chopin, op. 27. 5. Paraphrase de la romance, op. 11 de Chopin. 6. Romance 1 50

70. **Гауптъ. Haupt.** 3 русскія народн. пѣсни: № 1. Не бѣлы снѣги. 2. Не одна во полѣ дороженька. 3. Лучина, лучинушка. . . . 1 —

597. **Клейнеке, А. Kleinecke, A.** Альбомъ русскихъ романсовъ: № 1. Шереметевъ, Я васъ любилъ. 2. Во полѣ береза стояла. 3. Пожалуйте, сударыня. 4. Ахъ, у нашихъ у воротъ. 5. По улицѣ мостовой. 6. Возлѣ рѣчки. 7. Лазаревъ, Пѣсня ямщика. 8. Камаринская. 9. Соколовъ, Море и сердце. 10. Соловей мой, соловей . . . . —75

606. — Альбомъ танцевъ: № 1. Шраммель, Вѣнскій маршъ. 2. Петеръ, Веселый кузнецъ. Маршъ. 3. Вальдтейфель, Мой сонъ. Вальсъ. 4. Вальдтейфель, Эстудіантина. Вальс. 5. Вальдтейфель, Всегда или никогда. Вальсъ. 6. Ловтіанъ, Венеція. Вальсъ. 7. Вальдтейфель, Лакомка. Полька. 8. Циреръ, Любовное письмо. Полька. 9. Лобри, Береза. Кадриль. 10. Настоящ. англійск. лансье. 11. Өедоровъ, Анна. Полька-Мазурка. 12. Лихой уланъ. Мазурка. 13. Военная Мазурка. 14. Рейнлендеръ, Полька. 15. Вальдтейфель, Галопъ. 1 50

№№ том. р. к.

8. **2-й сборникъ любимыхъ пьесъ**: №№ 1. Auer, Moment musical de Schubert. 2. Auer. Mélodie de Rubinstein. op. 3. 3. Hellmesberger, La mélancolie. 4. Swett, Romance de Junkelmann. 5. Swett, Mélodie de Knina. 6. Malkoff, Mazurka, 7. Reber, Berceuse. 8. Swett, Barcarolle de Rubinstein, op. 30 . . . . . . 1 50

29. **Чайковскій, П. Tschaikowsky, P.** 5 переложеній. 2-й сборникъ: №№ 1. Chant sans paroles, op. 2 № 3. 2. Le soir, op. 27 № 4. 3. Romance, op. 5. 4. Barcarolle, op. 37-bis № 6. 5. Rêverie, op. 9 № 9 . . . . 1 —

Для віолончели съ фортепіано.

353. **Вильбоа, К. Villebois. C.** 150 русскихъ народныхъ пѣсенъ. 1 50

90. **Фитценгагенъ, В. Fitzenhagen, G.** 5 переложеній: №№ 1. Sarabande de J. S. Bach. 2. Chant sans paroles de Vieuxtemps, op. 7 № 2. 3. Menuet de Bizet. 4. Chaconne de Durand, op. 62. 5. Berceuse de Arensky 1 50

359. **Чайковскій, П. Tschaikowsky, P.** Сборникъ переложеній: №№ 1. Chant sans paroles, op. 2 № 3. 2. Andante cantabile, op. 11. 3. Barcarolle, op. 37-bis № 6 . . . . 1 —

Для флейты съ фортепіано.

16. **Киндингеръ, A. Kündinger, A.** Сборникъ русскихъ романсовъ и пѣсенъ; №№ 1. Лучина, лучинушка и Во полѣ береза стояла. 2. Ужъ какъ палъ туманъ и Выйду-ль я на рѣченьку. 3. Взвейся выше понесися и Не будите меня молоду. 4. Вотъ на пути село большое. 5. Коровушка. 6. Матушка, голубушка. 7. Ѣхали ребята. 8. Онъ меня разлюбилъ. 9. Ты скоро меня позабудешь 1 50

Тріо для 2 скрипокъ и фортепіано.

596. **Клейнеке, A. Kleinecke, A.** Альбомъ русскихъ романсовъ: №№ 1. Шереметевъ, Я васъ любилъ. 2. Во полѣ береза стояла. 3. Пожалуйте, сударыня. 4. Ахъ, у нашихъ у воротъ. 5. По улицѣ мостовой. 6. Возлѣ рѣчки. 7. Лазаревъ, Пѣсня ямщика. 8. Камаринская. 9. Соколовъ, Море и сердце. 10. Соловей мой, соловей . . . . 1 —

605. — Альбомъ танцевъ: №№ 1. Шраммель, Вѣнскій маршъ. 2. Петеръ, Веселый кузнецъ. Маршъ. 3. Вальдтейфель, Мой сонъ. Вальсъ. 4. Вальдтейфель, Эстудіантина. Вальс. 5. Вальдтейфель, Всегда и никогда. Вальсъ. 6. Ловтіанъ, Венеція. Вальсъ. 7. Вальдтейфель, Лакомка. Полька. 8. Цирeръ, Любовное письмо. Полька. 9. Лобри, Береза. Кадриль. 10. Настоящ. англійск. лансье. 11. Ѳедоровъ, Анна. Полька - Мазурка. 12. Лихой уланъ. Мазурка. 13. Военная Мазурка. 14. Рейнлендеръ, Полька. 15. Вальдтейфель. Галопъ. . . . . 2 —

Для пѣнія.

468. **Альбомъ** любимыхъ русскихъ романсовъ (20 номеровъ), для сопрано: №№ 1. Кушелевъ-Безбор., Я васъ любилъ. 2. Н. А., Отъ чего, скажи. 3. Веллингсъ, Сновидѣніе. 4. Данилевская, Шепотъ цвѣтовъ. 5. Демидовъ, Объятый туманными снами. 6. Длусскій, И ночь, и любовь, и луна. 7. Дмитріевъ, Воспоминаніе. 8. Капри, Люблю тебя. 9. Капри, Нѣтъ, не тебя. 10. Колачевскій, Вырыта заступомъ. 11. Кушелевъ-Безбор., Не горюй, не тоскуй. 12. Малашкинъ, Прошу лишь вниманья. 13. Монюшко, Подъ окномъ. 14. Оппель, Забыли вы. 15. Пащенко, Годъ за годомъ. 16. Санина, Тройка. 17. Столыпинъ, Серенада. 18. Тивольскій, Я по цѣлымъ часамъ. 19. Черлицкій, Виновата ли я? 20. Черлицкій, Ты не моя . . 1 50

469. **Альбомъ** любимыхъ русскихъ романсовъ (20 номеровъ), для меццо-сопрано: №№ 1. Сокольскій, Слышули пѣсенки. 2. Шашина, У вратъ обители. 3. Шиловскій, Разстались мы. 4. Симонъ, Колыбельная пѣсня. 5. Капри, Послѣднее свиданіе. 6 Пауфлеръ, Тихая, звѣздная ночь. 7. Кушелевъ-Безбор., Я васъ любилъ. 8. Колачевскій, Вырыта заступомъ. 9. Арсъ, Невозвратное. Вальсъ. 10. Вилламовъ, Звѣзда души моей. 11. Вилламовъ, Приди ко мнѣ. 12. Всеволожскій, Въ тишинѣ ночной. 13. Дервизъ, Можетъ быть. 14. Дервизъ, Бывало онъ вездѣ. 15. Дервизъ, Грусть тоска. 16. Дмитріевъ, Воспоминаніе. 17. Донауровъ, Если ты любишь. 18. Дюбюкъ, Сердце, сердце, что ты. 19. Капри, Признаніе. 20. Капри, Минувшихъ дней очарованье 1 50

470. **Альбомъ** любимыхъ русскихъ романсовъ (20 номеровъ), для контральто: №№ 1. Данилевская, Шепотъ цвѣтовъ. 2. Дмитріевъ, Воспоминаніе. 3. Донауровъ, Въ ту ночь. 4. Капри, Признаніе. 5. Кап-

№№ том. р. к.

ри, Люблю тебя. 6. Карцевъ, Подъ душистою вѣтвью. 7. Лишинъ, Нельзя повѣрить. 8. Оппель, Забыли вы. 9. Пасхаловъ, Есть рѣчи значенье. 10. Пауфлеръ, Сонъ. 11. Пауфлеръ. Прости. 12. Санинъ, Тройка. 13. Соколовъ, Море и сердце. 14. Соколовъ, Отойди. 15. Тивольскій, Пусть онъ невѣренъ. 16. Тивольскій, Я по цѣлымъ часамъ. 17. Толстой, Приходи. 18. Шашина, Выхожу одинъ я на дорогу. 19. Шашина, Три слова. 20. Шереметевъ, Я васъ любилъ 1 50

410. **Бородинъ, А.** Сборникъ романсовъ: № 1. Спящая княжна (Сказка). 2. Фальшивая нота. 3. Отравой полны мои пѣсни. 4. Море (Баллада), съ русск. и франц. текстами . . . . 1 —

718. **Гурилевъ, А.** 47 избранн. русскихъ народныхъ пѣсенъ . . . 1 50

418. **24 комическихъ куплета.** 1-й сборникъ: № 1. Леонтьевъ, Холостякъ. 2. Нивлянскій, Туманъ. 3. Гуляевъ, Скромный гражданинъ. 4. Нивлянскій, Смирный малый. 5. М. Ш., И коротко и ясно. 6. Нивлянскій, Водливой коровѣ. 7. М. Б., Бѣдняга чудакъ. 8. Нивлянскій, Гусей опасно раздразнить. 9. Р. П., Поминой какъ звали. 10. Нивлянскій, Шила въ мѣшкѣ. 11. Лентовскій, Сѣни новыя мои. 12. Нивлянскій, По дѣломъ. 13. Гуляевъ, Я не хочу. 14. Нивлянскій, Ужъ мы ѣли, ѣли. 15. Грабенъ-Гофманъ, 500.000 чертей. 16. Рыбасовъ, Преобразованія. 17. Нивлянскій, Каково мое положеніе. 18. Оффенбахъ, Куплеты королей. 19. Гуляевъ, Не слѣдуетъ хвалиться. 20. Оффенбахъ, Пѣсенка Фортуніо. 21. Вивьенъ, Земское эхо. 22. Н. П., По добротѣ души своей. 23. Чельскій, Трудно жить на свѣтѣ. 24. Артемьевъ, Что за счеты. 2 —

419. **25 комическихъ куплетовъ.** 2-й сборникъ; № 25. Артемьевъ, Ничего кромѣ денегъ. 26. Артемьевъ, Турецкія дѣла. 27. Артемьевъ, Надо полагать. 28. Артемьевъ, Печальн. исторія. 29. Эрлангеръ, Что такое любовь. 30. Монаховъ, Врать не мѣшай. 31. Нивлянскій. Привычка—вторая натура. 32. Нивлянскій, Осторожно. 33. Нивлянскій, Чтобы время шло скорѣе. 34. Нивлянскій, Трудненько. 35. Нивлянскій, Печальные отголоски. 36. Нивлянскій, Въ чужомъ глазу. 37. Вальдманнъ, Юная рыбачка. 38. Рыбасовъ, О любви вообще. 39. Францъ, Венцель. 40. Балабановъ, Емеля. 41. Францъ, Служанка. 42. Балабановъ, Красотка Лиза. 43. Францъ, Ахъ ты телятина. 44. Балабановъ, Иванъ Кузьмичъ. 45. Францъ, Венгерская пѣсня. 46. Балабановъ, Совсѣмъ напрасно. 47. Францъ, Милый Ванюшенька. 48. Мострасъ, Свѣтопреставленіе. 49. Порошинъ, Мишенька . . . . 2 —

420. **24 комическихъ куплета.** 3-й сборникъ: № 50. Францъ, Стрѣлокъ. 51. Порошинъ, Гусарскій маршъ. 52. Петеръ, Веселый кузнецъ. 53. Шульцъ, Пора. 54. Францъ, Кирасиръ. 55. Ивановъ, Многоточіе. 56. Мушинскій. Графинчикъ. 57. Ивановъ, Чертовщина. 58. Мушинскій, Паулина. 59. Ивановъ, Машинально. 60. Жоржъ, Нана. 61. Ивановъ, Капутъ. 62. Жоржъ, Мой милый Саша. 63. Ивановъ, Первый и второй. 64. Смирновъ, Томъ - Пусъ. 65. Розенбергъ, Въ Афганистанъ. 66. Ивановъ, Ахъ, зачѣмъ я не котъ. 67. Волинъ, Психопаты. 68. 69. Ивановъ, Контрасты. 70. Ивановъ, Контракты. 71. Ивановъ, Любишь смородинку. 72. Ивановъ, Карты. 73. Давыдовъ, Еврей музыкантъ. 74. Траутготъ, Юлій. . . . . 2 —

481. **22 комическихъ куплета.** 4-й сборникъ: № 75. Зиновьевъ, Риччи-Путчи. 76. Зиновьевъ, Все на видъ шико. 77. Зиновьевъ, Каскадная звѣздочка. 78. Келеръ, Еще восьмерка. 79. Ивановъ, Не ждите отъ быка никакого молока. 80. Алексѣевъ, Рѣзвушка, хохотушка. 81. Лерхе, И разъ и два. 82. Ивановъ, Оптическій обманъ. 83. Ивановъ, Житейскіе сюрпризы. 84. Конфетка, Цыг. пѣсня. 85. Зиновьевъ, Малютка. Пѣсенка. 86. Ивановъ, Мины. 87. Михалекъ, Et cetera. 88. Ивановъ, Обратныя риѳмы. 89. Ивановъ, Странности. 90. Ивановъ, Примѣты. 91. Ивановъ. Все дѣло въ чувствѣ. 92. Ивановъ, У всякаго барона фантазія своя. 93. Ивановъ, Уважительная причина. 94. Гуляевъ, Наши предки. 95. Леонтьевъ, Липки. . . . . 2 —

422. **Кюи, Ц.** Сборникъ романсовъ: № 1. Вчера меня ласкало счастье. 2. Ты прелестнѣе вдвое, малютка. 3. Смеркалось. 4. Изъ водъ подымая головку. 5. Разговоръ. 6. Текутъ мои слезы. 7. Тайна. 8. Спи, мой другъ молодой. 9. Такъ и рвется душа . . . . 1 —

431. **Римскій - Корсаковъ.** Сборникъ романсовъ и пѣсенъ: № 1. Щекою къ щекѣ ты моей прильжись. 2. Плѣнившись розой, соловей. 3. Колыбельная пѣсня. 4. Изъ слезъ моихъ много. 5. Гдѣ ты, тамъ мысль моя летаетъ. 6. Ночь. 7. Тай

№№ том. р. к.

слово. 49. Не долго намъ гулять. 50. Вчерашняя ночь. 51. Я тебѣ ничего не скажу. 52. О, если бъ знали вы. 53. Соловей. 54. Простыя слова. 55. Ночи безумныя. 56. Пѣснь цыганки. . . . . 2 —

463. — 4-й сборникъ: № 57. Прости. 58. Ночь. 59. За окномъ въ тѣни мелькаетъ. 61. Намъ звѣзды кроткія сіяли. 62. Я сначала тебя не любила. 63. Растворилъ я окно. 64. Я вамъ не нравлюсь. 65. Ужъ гасли въ комнатахъ огни. 66. Серенада. О, дитя. 67. Серенада. Ты куда летишь. 68. Разочарованіе. 69. Серенада. Въ яркомъ свѣтѣ зари. 70. Пускай зима. 71. Слезы. 72. Рондель . . . . 2 —

464. **Чайковскій, П.** Романсы и пѣсни, для баритона или баса (въ басовомъ ключѣ) № 4. Слеза дрожитъ. 17. Ни отзыва, ни слова. 20. Серенада Донъ-Жуана. 23. О, если бъ ты могла. 24. Любовь мертвеца. 36. Благословляю васъ, лѣса. 41. На нивы желтыя. 60. Подвигъ. 65. Первое свиданіе . . . 2 —

Для двухъ голосовъ.

542. **Мендельсонъ-Бартольди, Ф.** 12 дуэтовъ: № 1. Хотѣлъ бы въ единое слово, ор. 63 № 1. 2. Прощальная пѣсня птички, ор. 63 № 2. 3. Поклонъ, ор. 63 № 3. 4. Осенняя пѣснь, ор. 63 № 4. 5 Народная пѣсня, ор. 63 № 5. 6. Полевые цвѣты, ор. 63 № 6. 7. Воскресное утро, ор. 77 № 1. 8. Поле, ор. 77 № 2. 9. Пѣсня изъ Рюи Блаза, ор. 77 № 3. 10. Народная пѣсня: Какъ быть веселой. 11. Вечерняя пѣсня: Лежу я безсонной ночью. 12. Баркарола: Я къ мачтѣ прислонясь (съ русскимъ и нѣмецкимъ текстами). . . . . 1 —

Многоголосныя.

371. **Самсонова, Н.** Шесть дуэтовъ: № 1. Русалка. 2. Перелетныя птички. 3. Кто она. 4. Я долго стоялъ. 5. Волны катятся. 6. Лодка море разсѣкаетъ . . . . 1 —

386. — Шесть тріо: № 1. Что ты клонишь. 2. На западѣ солнце сіяетъ. 3. Вѣдь прекрасно намъ. 4. Зашумѣла, разыгралась. 5. Зажглась заря. 6. Лети облачко мимолетное . . . . 1 —

494. **Соколовъ, В.** 14 русскихъ пѣсенъ на три мужскихъ голоса. Партитура . . . . —40

Школы для пѣнія.

720. **Воротниковъ, П.** Руководство къ преподаванію хорового пѣнія . . . . 1 —

589. **Пансеронъ, А.** Музыкальная азбука 90 практическихъ упражненій (извлеченіе изъ школы). . . 1 —

ПЕЧАТАЮТСЯ.

621. **Бахъ, І. С., Bach, I. S.** Двухъ и трехголосн. Инвенціи (новое изд.).

622. — Маленькія прелюдіи и фуги.

532. **Бернардъ, М., Bernard, M.,** 2-й Альбомъ любимыхъ арій изъ итальянскихъ оперъ, для форт. въ 2 руки.

502. — Русскій піанистъ. 2-й сборникъ, для форт. въ 2 руки.

540. **Бетховенъ, Л., Beethoven, L.** 11 избранныхъ пѣсенъ для пѣнія.

721. **Дюссекъ, І., Dussek, I.** 6 сонатинъ, ор. 20. для форт. въ 2 руки.

„Жизнь и Искусство".

Кіевская ежедневная, литературная, политическая и художественная газета

съ пояснительными къ тексту рисунками

будетъ издаваться въ 1896 году по прежней программѣ.

Условія подписки:	На 1 годъ.	На 6 м.	На 3 м.	На 1 м.
Съ пересылкой и доставкой. . .	8 р.	5 р. — к.	3 р. — к.	1 р. — к.
Безъ доставки	6 „	3 „ 75 „	2 „ 75 „	— „ 75 „

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ 4 р., къ 1 мая—2 р. и къ 1 іюля—2 р., а для служащихъ въ администр., судебн. обществ. и частн. учр. по 1 р. въ первые восемь мѣсяцевъ. Подписка принимается въ главной конторѣ газеты: Кіевъ, Прорѣзная ул., № 8 А.

Редакторъ-издатель М. Е. Краинскій.

Открыта подписка на 1896 годъ

на издающуюся въ Ташкентѣ

ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

ОКРАИНА.

Единственный частный органъ печати Средней Азіи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ пересылкою на годъ 5 руб., на полгода 3 руб. 50 коп., на три мѣсяца 2 руб. 50 коп.

Подписка принимается въ Ташкентѣ, Сыръ-Дарьинской обл.

Стр.
XVI. НЕ ВЪ ОЧЕРЕДЬ.—**В. А. Гольцева** 147

XVII. КЛУБЫ ДЛЯ РАБОЧИХЪ ДѢВУШЕКЪ ВЪ ЛОНДОНѢ.—**А. В. Погожевой** 155

XVIII. КАРТИНКИ СОВРЕМЕННЫХЪ НРАВОВЪ.—**К. М. Станюковича**. 174

XIX. СПЕКТАКЛИ ЭРНЕСТО РОССИ.—**И. И. Иванова** 197

XX. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Русская государственная роспись на 1896 годъ. — Благопріятное состояніе финансовъ не опирается на успѣхи русскаго народнаго хозяйства.—Временныя правила относительно административной ссылки. — Второй съѣздъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію. — По поводу доклада В. А. Гольцева о положеніи учителей.—Потребительныя общества въ Россіи.—† М. О. Микѣшинъ. † И. Н. Кушнеревъ 214

XXI. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—**В. А. Г.** 234

XXII. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО: Бенефисъ г-жи Ермоловой въ Большомъ театрѣ: *Маріана*, драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ Хосе Эчегарайя, переводъ съ испанскаго С. А. Степановой-Марковой. **Ан.**—Музыкальная хроника. **А. Барсова** 240

XXIII. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. **Книги:** Беллетристика.—Критика и публицистика.—Философія и психологія.—Исторія, мемуары.—Географія, этнографія.—Статистика.—Юридическія книги.—Техническія книги.—Сельское хозяйство.—Народныя изданія. II. **Періодическія изданія:** «Русское Богатство», *декабрь*.—«Вѣстникъ Европы», *январь*.—«Сѣверный Вѣстникъ», *январь*.—«Русское Обозрѣніе», *январь*. — «Народное образованіе», *кн. I*.—«Дѣтское Чтеніе», *январь*.—«Дѣтскій Отдыхъ», *январь*.—«Всходы», *№ 1*.—«Родникъ», *№ 1*. III. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 января по 1 февраля 1896 г.** 49

XXIV. ОБЪЯВЛЕНІЯ 51

При этой книгѣ разсылается всѣмъ безъ исключенія подписчикамъ объявленіе о подпискѣ на 1896 г. журнала «Вопросы Философіи и Психологіи».

„РУССКАЯ МЫСЛЬ".

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Условія подписки на 1896 годъ:

(семнадцатый годъ изданія)

	Годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россіи	12 р.	9 р. — „	6 р.	3 р. —	1 р.
За границу.	14 „	10 р. 50 к.	7 „	3 „ 50 к.	—

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ, къ 1 апрѣля, 1 іюля и 1 октября по 3 руб.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ полнаго годоваго экземпляра. Съ подписокъ въ разсрочку уступокъ имъ не дѣлается.

За перемѣну адреса взимается слѣдующая плата: при переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородніе уплачивается 50 коп. За перемѣну иногородняго адреса на иногородній и иногородняго на городской уплачивается по 25 коп. При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разница подписной цѣны на журналъ.

При перемѣнахъ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ при разсрочкѣ подписной платы необходимо прилагать печатный адресъ бандероли или сообщить его №.

Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позднѣе 10 числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ почтоваго департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала—уголъ Леонтьевскаго пер. и Большой Никитской ул., д. № 2—24.

Въ Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы журнала—при книжномъ магазинѣ Н. Фену и К°, Невскій просп., домъ Армянской церкви.

Въ Кіевѣ: въ книжномъ магазинѣ Л. Идзиковскаго.

Книжный магазинъ журнала «Русская Мысль» В. М. Лаврова принимаетъ подписку на всѣ издающіеся въ Россіи журналы и газеты и высылаетъ всѣ существующія въ продажѣ книги и ноты.

Редакторъ-издатель В. М. ЛАВРОВЪ.

3 2044 011 933 769

WIDENER
BOOK DUE
FEB 1 0 1992